Русь в XIII веке

Древности тёмного времени

«НАУКА»

Rus'
in the 13th Century
Inquiries into the Archaeology of the «Dark Ages»

Editors-in-chief:
N. A. MAKAROV, A. V. CHERNETSOV

Compiled by
V. Yu. KOVAL, I. N. KUZINA

MOSCOW NAUKA 2003

Русь в XIII веке

Древности тёмного времени

Ответственные редакторы:
Н. А. МАКАРОВ, А. В. ЧЕРНЕЦОВ

Составители:
В. Ю. КОВАЛЬ, И. Н. КУЗИНА

МОСКВА «НАУКА» 2003

УДК 94 (47)
ББК 63.4
Р90

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 02-01-16182д

Рецензенты:
доктор исторических наук А.Е. ЛЕОНТЬЕВ,
доктор исторических наук М.В. СЕДОВА

Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов; Ин-т археологии. – М.: Наука, 2003. – 406 с.: ил. – ISBN 5-02-008847-1 (в пер.).

В сборнике представлены статьи, написанные по результатам широких раскопок древнерусских памятников XII–XIV вв., произведенных в последние годы в различных регионах и открывших возможности для существенной переоценки и уточнения сложившихся представлений. Авторы на основе конкретных источниковедческих исследований воссоздают взвешенную, научно обоснованную модель истории русской культуры накануне и после монгольского нашествия. Статьи распределены по трем разделам: Городские центры, Сельские территории, Торговля, ремесло, прикладное искусство.

Для археологов, историков, краеведов.

ТП-2003-1-№ 272

ISBN 5-02-008847-1

© Российская академия наук, 2003
© Издательство "Наука", художественное оформление, 2003

Н.А.Макаров

Русь в XIII веке: характер культурных изменений

XIII век для исследователей русского средневековья не столько отрезок календарного времени, сколько драматическая эпоха финала древнерусской культуры, эпоха пресечения культурных традиций, сложившихся при первых Рюриковичах, упадка и дезинтеграции древнерусской ойкумены. Оценка этого периода как тяжелого кризиса, сменившего "золотой век" домонгольской Руси, и одновременно – как переходной эпохи, подготовившей подъем новых политических центров, столь прочно утвердилась в историографии и в массовом сознании, что любые исторические факты и археологические реалии невольно воспринимаются через ее призму.

Накопление новых археологических материалов, характеризующих состояние различных областей материальной культуры, различных регионов и населенных пунктов Древней Руси в XIII столетии, подталкивает к тому, чтобы заново рассмотреть культурно-историческую ситуацию этого времени и попытаться уяснить общий характер исторического движения на хронологическом срезе второй половины XII – начала XIV в.

Насколько справедливы представления о XIII в. как о периоде радикальных культурных изменений? Как определить основное содержание трансформаций и перемен, произошедших в этот период в экономике, социальном строе и культуре древнерусских земель? В какой мере эти изменения связаны с татаро-монгольским нашествием? Какие иные факторы были двигателями и причинами изменений? Эти вопросы, исключительно важные для понимания узловых моментов национальной истории, обсуждались участниками конференции "Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций?", проходившей в Москве в Институте археологии в ноябре 2000 г. Доклады, сделанные на конференции, стали основой для публикаций, составляющих настоящую книгу. Собранные вместе, они открывают для нас целый ряд ранее неизвестных явлений, меняющих традиционные представления о культурной ситуации этого времени.

Не претендуя на то, чтобы суммировать результаты изысканий о русских древностях XIII в., выскажу некоторые соображения о соотношении преемственности и разрыва в развитии культуры в этот период, об общем характере и причинах трансформаций.

При всем множестве связующих нитей между культурными явлениями "киевского" и "удельного" периодов для археолога очевидны глубокие качественные различия между древнерусской культурой второй половины XII и первой половины XIV в. Абстрагируясь от деталей, отмечу лишь наиболее значимые, по сути своей, общеизвестные изменения. Во-первых, это исчезновение из обихода значительной части повседневных вещей, составлявших материальный мир Древней Руси и являвшихся в глазах ее обитателей определенными индикаторами ее культурного своеобразия и экономического достатка. Во-вторых, это пресечение или угасание ряда ремесел и производств, в том числе тех, продукция которых предназначалась для элиты древнерусского общества и служила для обозначения ее особого статуса. В-третьих, это отказ от целого ряда культурных символов и традиций, важных в контексте общественных отношений и религиозного сознания предшествующей эпохи, – таких, например, как парадный женский убор, знакомый нам по кладам XI – первой половины XIII в., или курганный обряд погребения. Наконец, это формирование нового культурного ландшафта с новой организацией сельского расселения, до неузнаваемости раздвинувшее границы освоенных территорий.

Загипнотизированные самим содержанием грандиозных перемен мы весьма неясно представляем себе характер их течения и хронологию. Приходится признать, что точное датирование многих культурных явлений, происходивших в интервале между второй половиной XII и первой половиной XIV в., представляет известную сложность для современной археологии. Мысль о принципиальной трудности выделения горизонтов и комплексов второй половины XIII в. на древнерусских памятниках (кроме Новгорода и Пскова, где эти горизонты могут быть датированы дендрохронологическим методом) неоднократно звучала на конференции, в том числе в выступлении такого крупного знатока средневековых древностей, как М.В. Седова. По-видимому, во многих случаях перемены имели характер длительных процессов, а не одномоментного обрыва традиций. Ниже мы еще специально вернемся к вопросу о времени исчезновения из обихода некоторых категорий вещей, определяемых обычно как "домонгольские".

Оценка историко-культурных процессов XIII в. в археологии естественно предполагает обзор и анализ материальных свидетельств драматических событий 1237–1240 гг. Картина разорения древнерусских городов монголами стала открываться перед археологами со времен первых любительских раскопок в Киеве и Старой Рязани, однако в полной мере прояснилась

лишь в первые послевоенные десятилетия, после широких исследований городских центров южных и центральных областей Древней Руси и первоначальной систематизации основных категорий русских древностей. Именно в этот период выяснилось, что комплексы последней трети XII – первой половины XIII в. составляют доминирующую группу среди кладов домонгольского периода, а прекращение существования десятков древнерусских городищ должно быть датировано XIII в. Яркими свидетельствами опустошительного разгрома явились погибшие в пожаре постройки с расчищенными в них человеческими останками на усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря и на Житомирской улице в Киеве, комплекс тайника под Десятинной церковью со скелетами погибших в нем людей, братские могилы, открытые в Киеве, слой пожарищ с человеческими скелетами на Райковецком городище и в Изяславле, сгоревшие усадьбы с кладами ювелирных украшений на Старорязанском городище. Некоторые из этих комплексов приобрели хрестоматийную известность.

Г.Ю. Ивакин, специально исследовавший древности монгольского и послемонгольского времени в Киеве, справедливо указал, что интерпретация ряда комплексов как следов бедствий и разрушений 1240 г. покоится на зыбких основаниях (*Івакін*, 1996; *Ивакин*, 2000). Это замечание может быть распространено и на другие древнерусские города. Действительно, не все клады, относящиеся к периоду между 1170 и 1240 гг., непременно связаны с монгольской опасностью (хорошо известны другие военные конфликты, которые могли стать поводом для их сокрытия), не все слои пожарищ на городищах Юга и Центра – свидетельства Батыева погрома, не все нарушенные захоронения на площадках городищ и селищ – останки жертв монгольского нашествия. Прямое отождествление объектов, связь которых с военными действиями не очевидна, а узкая датировка – невозможна, со следами Батыева нашествия способствует формированию необъективных представлений о масштабах трагедии 1237–1240 гг. Тем не менее полевые работы последних десятилетий пополнили список комплексов, которые могут быть с большой вероятностью связаны с трагическими событиями 1237–1240 гг. В их числе, например, открытый в 1985–1986 гг. комплекс разрушенного княжеского двора с застрявшими в кусках свинцовой кровли наконечниками стрел и кладом серебряных украшений и посуды в Чернигове (*Коваленко*, 1997), клады украшений, найденные в 1988 и 1991 гг. в Московском Кремле (*Авдусина, Панова*, 1989; 1993) и в 1992 г. в Старой Рязани (*Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 64–77). Исследованный в Торжке слой пожарища 1238 г. местами имеет полуметровую толщину и содержит человеческие кости и спекшиеся от огня остатки икон (Малыгин, 1984; см. также его статью в настоящем издании). Очевидно, пожар 1238 г. уничтожил и богатую усадьбу в Ветчаном городе Владимира, остатки которой с кладом предметов христианского культа и костяком женщины, погибшей в подполье одной из сгоревших построек, были исследованы раскопками 1993–1998 гг. (*Жарнов*, 1997; 2000).

Признав, с одной стороны, справедливость оценки XIII в. как эпохи глубоких культурных изменений, с другой стороны, присутствие в археологических материалах прямых свидетельств военных разрушений, трудно отказаться от мысли, что именно монгольское вторжение разрушило традиционные культурные формы и оборвало естественные линии развития.

Середина тринадцатого века традиционно рассматривается в отечественной археологии как некая черта, разделяющая не только два периода в социально-политической истории Древней Руси, но и два обособленных пласта в ее материальной культуре. Б.А. Рыбаков одним из первых увидел в военной катастрофе 1237–1240 гг. важнейший фактор трансформации материальной культуры. По его словам, "после монгольского завоевания исчез ряд технических приемов, знакомых Киевской Руси; в археологическом инвентаре исчезло много предметов, обычных для предшествующей эпохи" (*Рыбаков*, 1948. С. 534). Одни исследователи, вслед за Б.А. Рыбаковым, связывали заметный разрыв культурных традиций с упадком городского ремесла, для которого монгольский удар был особенно губительным, и утратой ремесленных навыков и технологий. Для других культурные изменения были обусловлены в большей мере общим ослаблением материального и демографического потенциала русского общества, сильнейшим образом сказавшимся на всех сторонах его жизни. При этом для тех и других представлялось бесспорным, что культурные сдвиги произошли около середины XIII в. и развивались как некий единый процесс, затронувший различные сферы материальной культуры.

И все же, поспешно согласившись с тем, что общие историко-культурные сдвиги той эпохи были обусловлены лишь разрушительным вторжением Батыя, мы рискуем чрезмерно упростить и представить в искаженном виде сложную картину исторической жизни XIII столетия. Риск тем более велик, что хронология многих процессов, затронувших мир материальной культуры, остается неясной. Прежде чем делать окончательное заключение о связи этих явлений, рассмотрим некоторые новые данные о состоянии древнерусского города и деревни в XIII в.

Большинство древнерусских городов вошли в XIII в. как быстро растущие и развивающиеся центры. Известно, что вторая половина XII – первые десятилетия XIII в. стали временем увеличения городской территории и строительства новых оборонительных сооружений в целом ряде крупнейших городов – таких как Киев, Чернигов, Смоленск, Владимир на Клязьме, Старая Рязань, Псков. К этому времени относятся наиболее яркие ремесленные комплексы, открытые раскопками, и выразительные свидетельства высокого материального достатка городской элиты.

Новейшие исследования, результаты которых собраны в настоящем издании, рисуют убедительную картину упадка и стагнации жизни в целом ряде городских центров в середине XIII в. Как показал П.Д. Малыгин, в Торжке на Нижнем городище после 1238 г. в течение полувека не возобновлялись ни фортификации (срубы крепостной стены были заменены

частоколом), ни мощение улиц. Городская территория Владимира на Клязьме, подвергшегося жестокому разгрому зимой 1238 г., вплоть до конца XV в. не распространялась за пределы укреплений домонгольского времени. Археологические изыскания Ю.Э. Жарнова в "Ветчаном городе" Владимира свидетельствуют о запустении во второй половине XIII–XV вв. обширных участков, на которых в конце XII – начале XIII в. располагались богатые городские усадьбы. Определенные симптомы кризиса просматриваются в первые десятилетия XIII в. и в развитии Пскова, оказавшегося в зоне экспансии крестоносцев. По наблюдениям И.К. Лабутиной и М.И. Кулаковой, археологически фиксируются перерыв в заселении и застройке ранее освоенных периферийных участков посада и низкий уровень заготовки строительной древесины в этот период. Строительная деятельность вновь активизируется начиная с 1240-х годов – после стабилизации внешнеполитической обстановки.

Однако не все города, находившиеся в зоне военных действий 1237–1240 гг., запустели и пришли в упадок в середине XIII в. Так, выясняется, что Серенск – представляющий один из наиболее известных примеров городов, разоренных Батыем, был восстановлен вскоре после пожара, более того, в городе возобновилась работа крупной ювелирной мастерской. Следы монгольского разгрома и последующего упадка не выявлены в Городце на Волге. Яркие комплексы второй половины XIII в. открыты в Переяславле Рязанском и Ростиславле Рязанском, находившихся в зоне военных действий 1237–1240 гг.

Для Твери, Москвы, Коломны вторая половина XIII – начало XIV в. – время роста городской территории, экономического потенциала и политического статуса. Подъем новых центров в условиях разгрома и упадка старых образований – известный тезис в исторических сочинениях, характеризующих ситуацию XIII в. Однако серьезные археологические подтверждения его были получены сравнительно недавно. Так, раскопки в Москве показывали, что во второй половине XIII в. территория города значительно расширилась, охватив Занеглименье, Зарядье, участки в районе Богоявленского монастыря и улицы Ильинки. Согласно Т.Д. Пановой, укрепления Москвы были восстановлены и реконструированы сразу же после нашествия 1238 г., хотя функционировавшие на территории Боровицкого холма ремесленные мастерские так и не возобновили своей работы. Коломна, пережившая короткий период упадка, полностью восстановилась к концу XIII в. XIII веком датируются древнейшие культурные напластования, выявленные в Вологде, Великом Устюге, Нижнем Новгороде.

Исключительно важна проясненная недавними исследованиями история двух старых городских центров Северо-Восточной Руси, Ростова и Белоозера, упадок или стагнация которых в XIII–XIV вв. напрямую не связаны с военными катаклизмами 1238 г. По оценкам А.Е. Леонтьева, Ростов являлся в XII в. одним из наиболее значительных древнерусских городов. Площадь его территории в XII–XIII вв. составляла 200 га. Хотя Ростов избежал полного разгрома в 1238 г., в последующий период площадь города перестала расти, а некоторые ранее освоенные участки запустели. Культурный слой XIV в. в Ростове отличается слабой насыщенностью и уступает по мощности отложениям XII–XIII вв. А.Е. Леонтьев связывает упадок Ростова с военно-политической обстановкой начала XIV в., когда город стал жертвой татарских набегов и насилия московских князей, однако столь же правомерно рассматривать саму эту ситуацию как следствие ослабления экономического и военного потенциала города. Упадок Белоозера, являвшегося вплоть до начала XIII в. крупнейшим городским центром на северо-восточных окраинах Руси и оставшегося вне зоны военных действий 1237–1240 гг., завершился, как известно, почти полным запустением Старого города и становлением нового административного центра Белозерского края. Как показывают исследования С.Д. Захарова, сокращение площади, занятой городской застройкой, в Белоозере началось в середине XIII в. – задолго до эпидемии чумы и похода новгородцев, с которыми ранее связывали прекращение жизни в Старом городе, а перемещение административного центра на территорию Белозерского кремля произошло, скорее всего, в первой половине XIV в. (*Захаров,* 2000; 2001). Очевидно, упадок Белоозера, длительное время являвшегося важнейшим форпостом торгово-промысловой колонизации на Севере, обусловлен кризисом промысловой экономики в ряде северных областей и распадом сложившейся в XI–XII вв. сети торгово-промысловых поселений, связанных с добычей и вывозом пушнины. Пример Белоозера показывает, что военные потрясения не могут рассматриваться в качестве единственной возможной причины упадка городов во второй половине XIII – начале XIV в.

Историками еще до конца не осознана глубина изменений, затронувших в XIII в. сельские территории. Как показывают археологические изыскания последних десятилетий, в этот период начинает формироваться новый культурный ландшафт, главными чертами которого стали выход поселений на водоразделы и широкие расчистки лесов на водораздельных участках. В центральных и северных областях России расселение распространяется на территории, которые ранее никогда не были освоены и не использовались как сельскохозяйственные угодья. Одновременно забрасываются или меняют свое местоположение многие поселения, возникшие в X – первой половине XII в. и стабильно существовавшие в течение одного или нескольких столетий. Микрорегионы, освоенные в X – первой половине XIII в., редко забрасывались, но на площадках многих селищ, возникших в этот период, нет культурного слоя второй половины XIII–XIV в. Хотя крупные села продолжали существовать во многих староосвоенных районах, очевидно, именно в это время малодворная деревня становится основным типом сельского поселения. Отмеченное В.Л. Яниным изменение в XIV в. содержания хозяйственных документов на бересте, основной темой которых становится земля, продукты сельского хозяйства и поступления с вотчин (*Янин,* 1981. С. 272–282; 1994. С. 12–15), отражает, вероятно, не

только превращение сельскохозяйственных вотчин в главный источник доходов новгородской элиты, но и общее увеличение доли аграрной составляющей в древнерусской экономике. Примерно в это же время меняется и материальная культура сельских поселений в центральных и северных областях Руси: скудеет ассортимент бытовых вещей, сокращается количество предметов, изготовленных из цветного металла, из обихода исчезает значительная часть привозных вещей и металлических украшений костюма, являвшихся в предшествующую эпоху знаками социального престижа сельского населения. Несколько ранее, а возможно и в это же время, в первой половине XIII в., в большинстве древнерусских областей уходит в прошлое традиция курганных погребений, сложившаяся в IX–X вв. и несущая память о языческом прошлом и об определенном типе общественных отношений. Очевидно, прекращение функционирования старых могильников (как курганных, так и грунтовых) в сельских районах в XIII в. сопровождалось устройством новых кладбищ у приходских церквей, но последние малодоступны для исследования и практически неизвестны археологии.

Разумеется, ритмы изменений на различных территориях были неодинаковы, а характер культурного ландшафта и организация расселения, сложившиеся во второй половине XIII в. в различных древнерусских областях, достаточно разнообразны. Так, новейшие изыскания, в том числе публикуемые в настоящей книге работы Н.А. Кренке и М.И. Гоняного, показывают, что в целом ряде районов начало освоения водораздельных участков, столь важное для преобразования культурного ландшафта, должно быть отнесено к домонгольскому времени. Недавние исследования, проведенные автором в Суздальском Ополье, дают основание полагать, что система крупных сел, покрывавшая эту территорию с XI–XII вв. не трансформировалась в XIII–XIV вв. в сеть малодворных деревень, а само положение многих поселений, возникших в домонгольское время, оставалось неизменным. Пример сохранения традиционной стратегии расселения представляет Устюжский край, в котором наиболее плотно освоенной территорией в XIII–XV вв. продолжала оставаться долина рек Юга и Малой Северной Двины, а новые деревни часто устраивались на низких пойменных останцах и террасах. И все же преобразование локальных групп поселений, изменение местоположения деревень, освоение новых типов урочищ и ландшафтных районов, наконец, переход к более дисперсному расселению – главные явления, характеризующие состояние сельских территорий во второй половине XIII в. Само появление нового термина "деревня", впервые зафиксированного в духовной грамоте Ивана Калиты (*Кочин,* 1965. С. 105) было вызвано к жизни широким распространением нового типа поселения – малодворного земледельческого хозяйства на лесных расчистках.

В какой мере эти процессы были обусловлены монгольским нашествием? Для понимания связи между этими явлениями существенное значение имеют выявленные факты относительно стабильного развития сельских поселений на хронологическом отрезке XIII в. в двух весьма уязвимых по своему географическому положению районах – в Суздальском Ополье и в районе Куликова поля. С.З. Чернов, одним из первых обратившийся к изучению сельских поселений XIII–XIV вв. на северо-востоке Руси, прямо связывает запустение сельских поселений на Воре и Пехорке с разорением 1238 г. Н.А. Кренке полагает, что на сегодняшнем уровне исследований мы не в состоянии оценить степень ущерба, нанесенного татарами сельским поселениям, составлявшим ближайшую округу Москвы, и интерпретирует запустение ряда поселений в XIII в. как следствие формирования новой стратегии расселения, нацеленной на колонизацию водоразделов и водоснабжение поселений из прудов. Разумеется, сельские поселения во многих районах Руси не избежали разорения в 1237–1240 гг. Более того, есть основание считать следствием монгольского удара разрыв в заселении некоторых районов на юго-востоке Руси, например, поречья р. Быстрой Сосны – правого притока Дона (*Тропин,* 1999). Однако сам глобальный характер перемен, затронувших сельские территории, и фиксация изменений как в центральных районах Руси, так и в ряде северных областей, непосредственно не затронутых монгольским нашествием – в Псковской земле, на юго-западе Новгородской земли (Жабенская волость), в Помостье, на Шексне, на Белом и Кубенском озерах, указывают, что они были обусловлены не внешними факторами, а внутренними причинами. Конкретное содержание изменений в сельской экономике и социальной организации сельского населения, развивавшихся вместе с этими трансформациями, остается пока до конца не ясным. Бесспорно, тем не менее, что выявленные подвижки в сельском расселении – крупное историческое явление, коренным образом изменившее облик лесной полосы Восточной Европы.

Изменение сельского ландшафта в XIII в. – безусловно, свидетельство общего поступательного движения: роста сельскохозяйственных угодий, количества сельских поселений и, вероятно, сельского населения. В то же время это отказ от устоявшихся стереотипов выбора осваиваемых территорий, организации хозяйства и устройства поселений – тех элементов хозяйственной практики и культурной традиции, которые были достаточно консервативны в средневековом обществе. Думается, что сельское население могло изменять стратегию расселения и землепользования лишь под давлением серьезных обстоятельств, а распространение инноваций в этих сферах было небезболезненным. В качестве возможных факторов, подталкивавших преобразования, можно рассматривать недостаток пахотных земель в традиционно осваиваемых ландшафтных зонах, потребность увеличения пищевых ресурсов в условиях роста населения, неэффективность традиционных систем землепользования, наконец, экологические проблемы.

К сожалению, в работах, публикуемых в настоящем сборнике, остались почти не затронуты палеоэкологические аспекты средневековой истории. Между тем, они заслуживают самого внимательного

рассмотрения, особенно в связи с распространенным взглядом на период XIII–XIV вв. как на эпоху существенного похолодания и увлажнения (*Борисенков, Пасецкий*, 1983). Экстремальные природные явления XIII в. (1230 г.) нашли яркое описание в летописях. Дендрохронологические исследования отмечают нарастание экстремальных явлений в первом десятилетии XIII в. и целый ряд последующих угнетений роста древесины, связанных с избыточным увлажнением в сочетании с низкими температурами. Наиболее заметны циклы аномалий 1220–1230-х и 1270–1280-х годов (*Колчин, Черных*, 1977. С. 92–93; *Черных*, 1996. С. 83–89). Вполне вероятно, что изменения климатической ситуации оказывали ощутимое влияние на состояние сельского хозяйства, снижая его продуктивность. Некоторые наблюдения указывают на то, что во второй половине XIII–XIV вв. население Древней Руси столкнулось с определенным дефицитом традиционных пищевых ресурсов. Так, исследование рыболовства в Пскове, выполненное Е.В. Салминой, открывает картину значительного расширения во второй половине XIII–XIV в. обловных площадей и перехода к лову мелкой низкосортной рыбы, которая ранее не была объектом промыслового лова (*Салмина*, 1997). Возможно, в этом следует видеть реакцию на недостаток сельскохозяйственных продуктов и невозможность быстрого увеличения валового продукта земледелия в условиях роста населения и общего ухудшения климата.

Некоторые археологи полагают, что запустение сложившейся в XI–XII вв. сети поселений на прибрежных террасах прямо связано с ростом увлажненности и изменением уровня воды в реках и озерах. Представление о том, что приречные поселения и соответствующие им сельскохозяйственные угодья были повсеместно подтоплены в результате катастрофической трансгрессии XIII в. (*Олейников*, 1992; *Дворников*, 1998), – безусловное преувеличение, формирующее упрощенный взгляд на взаимосвязь климатической ситуации и расселения. На Шексне, Малой Северной Двине, Сухоне, в Поонежье зафиксированы многочисленные факты возникновения новых поселений во второй половине XII–XIII в. на низких террасах. Тем не менее, как показывают археологические и палеоботанические исследования на Кубенском озере, избыточная увлажненность первых надпойменных террас и опасность вымерзания посевов на этих участках могла быть одним из факторов, стимулировавших освоение более возвышенных и удаленных от воды участков. Не исключено, что население староосвоенных древнерусских регионов после нескольких столетий их интенсивной эксплуатации столкнулось в XIII в. и с другими экологическими проблемами, которые пока не удается диагностировать методами археологии (истощение почв, недостаток строительной древесины, исчезновение, вследствие перепромысла, определенных видов лесной фауны).

Общая картина изменения материальной культуры в XIII в. складывается из конкретных данных о состоянии отдельных ремесел, распространении отдельных категорий импортов, характере потребления и производства, ассортименте бытовых вещей, находившихся в обиходе. При всей своей фрагментарности и противоречивости эти наблюдения образуют надежную основу для общих суждений о трансформации мира средневековых вещей.

Распространенные представления о том, что около середины XIII в. практически одновременно выходит из употребления целый ряд типов и категорий предметов, известных как яркие индикаторы древнерусской культуры, нуждается сегодня в серьезной корректировке. В докладах участников конференции "Русь в XIII в." указывалось на то, что многие типы и категории вещей, верхняя хронологическая граница бытования которых традиционно ограничивается серединой XIII в., продолжали производиться и использоваться во второй половине XIII – первой половине XIV в. (*Беляев*, 2000; *Ивакин*, 2000). Еще в начале 1960-х годов М.Д. Полубояринова убедительно показала, что время расцвета производства и употребления стеклянных браслетов в Новгороде – 1230–1270-е годы (13 и 14 ярусы Неревского раскопа), а окончательное прекращение их использования относится к середине XIV в. (*Полубояринова*, 1963). Массовый приток стеклянных браслетов в Тверь начался с рубежа XII–XIII вв., а периодом наибольшего распространения их в этом городе стала вторая половина XIII в. (*Дашкова* (*Сафарова*), 1997). Уже давно установлено, что шиферные пряслица употреблялись в Новгороде по меньшей мере до конца XIII в., хотя пик их распространения здесь приходится на середину XII в. (19 ярус Неревского раскопа, 1134–1161 гг.), а уже к началу XIII в. количество пряслиц, ввозившихся в Новгород, заметно сократилось (*Рыбина*, 1978. С. 24–27). Последние исследования древнерусского художественного металла, в частности саккоса митрополита Алексия, показывают, что вплоть до середины XIV в. продолжалось изготовление перегородчатых эмалей, время производства которых ранее жестко ограничивалось домонгольским периодом (*Макарова*, 1995). До начала XIV в. в состав парадного убора горожанок, по крайней мере в Новгороде и Пскове, входили литые колты и створчатые браслеты, изготовлявшиеся в имитационных формах из свинцово-оловянистых сплавов по образцу золотых и серебряных украшений с зернью, сканью и чернью, широко представленных в кладах домонгольского времени. По наблюдениям Г.Ю. Ивакина, гончарное производство в Киеве на протяжении всего XIII в. развивалось без каких-либо разрывов, а керамические комплексы первой и второй половины этого столетия трудно различимы (*Ивакин*, 2000).

Разумеется, новейшие исследования не ставят под сомнение известный тезис о прямом воздействии монгольского нашествия на состояние древнерусского ремесла и торговли. Исчезновение из обихода некоторых категорий ремесленной продукции и ряда импортов действительно должно быть датировано 1240-ми годами и непосредственно связано с монгольским нашествием. Так, составление нового свода находок византийской амфорной тары на территории Древней Руси, предпринятое В.Ю. Ковалем, подтвердило вывод о прекращении ввоза амфор на Русь после 1240 г.

(что не означало, однако, прекращения ввоза их содержимого – вина, в более поздний период ввозившегося в бочках). Согласно Е.К. Кадиевой, керамические материалы второй половины XIII в. из Владимира на Клязьме, в отличие от киевских, характеризуются резким снижением качества посуды, свидетельствующем о разрыве традиции гончарного ремесла. Возобновление ювелирного производства в Серенске после монгольского нашествия, как выяснили И.Е. Зайцева и Т.Г. Сарачева, сопровождалось сменой рецептуры сплавов и источников сырья, поступавшего к ремесленникам. Характеризуя состояние филигранного искусства на Руси до и после монгольского нашествия, Н.В. Жилина указывает на исчезновение во второй половине XIII–XIV в. как ряда технических приемов и стилистических особенностей филиграни, так и самих украшений из драгоценных металлов, составлявших парадный женский убор. Тем не менее смену "пышного стиля" "плоскостным" в металлическом уборе она связывает не только с возможным разгромом ювелирных мастерских, но и с внутренними процессами развития ювелирного искусства.

Хотя потрясения XIII в. не полностью разрушили сложившиеся торговые связи, и, более того, принесли на Русь новые категории привозных вещей (см. статью В.Ю. Коваля о восточной керамике), есть основание полагать, что общая интенсивность торговли в этот период несколько снизилась, а круг людей, являвшихся в своей повседневной жизни потребителями ввозившихся на Русь импортов и продукции квалифицированного городского ремесла, сузился. Выше уже отмечалось обеднение ассортимента бытовых вещей и украшений на сельских поселениях Севера, означавшее в реальной жизни исключение значительной части населения из сферы торговых отношений. Столь же характерно изменение содержания берестяных грамот, относящихся к хозяйственной деятельности. Доминирующая в документах XI–XIII вв. тема денег, денежных расчетов и ростовщических операций в позднейший период отходит на второй план, уступая место землевладельческим проблемам (*Янин,* 1994. С. 12–15; *Рыбина*, 1993).

Чрезвычайно интересны некоторые наблюдения, касающиеся набора топонимов в ранних (XI–XIII вв.) и поздних (XIV – первая половина XV в.) берестяных грамотах. Грамоты ранней группы, наряду с названиями населенных пунктов и территорий в границах Новгородской земли, содержат имена крупных городских центров Южной, Северо-Восточной и Северо-Западной Руси – Киева, Смоленска, Переяславля, Суздаля, Ростова, Кучкова (Москвы), Пскова и т.д. Подобные документы датируются главным образом XII в., ни один из них не выходит за хронологические рамки XIII в. Все топонимы, упоминаемые в грамотах позднейшего времени, локализуются в пределах Новгородской земли (*Рыбина*, 1993). Очевидно, за этими изменениями стоят определенное сужение зоны деловых контактов и торговых поездок, снижение подвижности древнерусской элиты, сжатие того географического мира, который ранее находился в пределах прямой доступности. И не случайно, что именно в этот период прикладное искусство и костюм новгородцев начинает столь ощутимо подпитываться декоративными мотивами финно-угорского Севера (см. статью Л.В. Покровской), ранее малозаметными, но со временем получившими значение одного из индикаторов областной идентичности.

Археология дает все больше свидетельств того, что русское общество еще в первой половине XIII в. вступило в фазу глубоких внутренних трансформаций, затронувших самые различные стороны его жизни. Эти подвижки оказались заслонены от нас бедствиями и потрясениями 1237–1240 гг. Мнение о том, что историческая ситуация XIII в. на Руси должна рассматриваться преимущественно как внутренний кризис, впервые высказано английским историком Джоном Феннелом, яркая книга которого была издана в русском переводе в предкризисном 1989 г. (*Феннел*, 1989). Однако Феннел рассматривал период XIII в. исключительно как кризис власти, как деградацию политической системы Древней Руси. По его мнению, принципиальных изменений в экономике и культуре Древней Руси в этот период не происходило. Сегодня мы можем говорить о внутренних изменениях, о чертах внутреннего кризиса, опираясь на иные источники и имея в виду совершенно иные сферы – расселение, экономику и культуру.

Очевидно, материальные и природные ресурсы, послужившие основой для стремительного подъема Древней Руси в X–XII вв., к XIII в. оказались во многом исчерпаны, а стереотипы хозяйствования и социальные механизмы, ранее обеспечивавшие рост, потеряли свою эффективность. Сокращение объемов дальней торговли, изменение традиционных форм сельского расселения, вынужденный переход значительной части населения к более скромному потреблению – лишь некоторые симптомы этого состояния. Разрушительный монгольский удар, хронологически совпавший с периодом внутренних исторических сдвигов, обострил и ускорил их течение, но не был единственной причиной фиксируемых нами трансформаций.

Известно, что фиксация крупных культурных сдвигов для археологической науки часто оказывалась более органичной и выполнимой задачей, чем реконструкция конкретных пружин и механизмов подвижек. Сегодня археология способна лишь немного приоткрыть завесу над реальным содержанием внутренних процессов, обозначивших, наряду с военными потрясениями, культурный рубеж XIII в. в истории Древней Руси. Перспектива их дальнейшего прояснения связана не столько с механическим накоплением новых археологических материалов, сколько с целенаправленным изучением отдельных групп древностей и культурных явлений переломной эпохи.

Литература

Авдусина Т.Д., Панова Т.Д., 1989. О находке клада на территории Московского Кремля // СА. № 4.

Авдусина Т.Д., Панова Т.Д., 1993. О находке клада 1991 г. в Московском Кремле // РА. № 2.

Беляев Л.А., 2000. XIII век в московском зеркале – начало или продолжение? // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? Тез. докл. междун. науч. конф. М.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М., 1983. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII веков. Л.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Дашкова (Сафарова) И.А., 1997. Стеклянные браслеты древней Твери (вопросы хронологии и происхождения) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 2.

Дворников А.С., 1998. Бежецкий Верх: взаимодействие экосистемы "человек–окружающая среда" в эпоху средневековья // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 4.

Жарнов Ю.Э., 1997. Усадьба первой трети XIII века "Ветчаного города" Владимира-на-Клязьме // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 2.

Жарнов Ю.Э., 2000. Художественное медное литье из раскопок во Владимире-на-Клязьме // РА. № 1. С. 183–193.

Захаров С.Д., 2000. "На Беле озере два городка" // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? М.

Захаров С.Д., 2000. Белоозеро и Белозерск // Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.

Ивакин Г.Ю., 2000. Киев и монгольское нашествие // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? М.

Івакін Г.Ю., 1997. Історичний розвиток Киева XIII – середини XVI ст. Київ, 1996.

Коваленко В.П. Чернигов в середине XIII в. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 2.

Колчин Б.А., Черных Н.Б., 1977. Дендрохронология Восточной Европы. М.

Кочин Г.Е., 1965. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства: Конец XIII – начало XVI в. М.; Л.

Кучкин В.А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.

Макарова Т.И., 1995. Облачение митрополита Алексея и ювелиры Москвы XIV в. // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.

Малыгин П.Д., 1984. Раскопки на Нижнем городище в Торжке // КСИА. Вып. 179.

Олейников О.М., 1992. Климат в районе Верхней Волги в средние века // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 6.

Полубояринова М.Д., 1963. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА. М. № 117.

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.

Рыбина Е.А., 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли. М.

Рыбина Е.А., 1993. О содержании берестяных грамот с географическими названиями // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.

Салмина Е.В., 1997. Рыболовство средневекового Пскова и Псковской земли (VIII–XVI вв.) по данным археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков.

Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли VIII–XV вв. // МИА. № 92.

Тропин Н.А., 1999. Елецкая земля в XII–XIII вв. Елец.

Феннел Д., 1989. Кризис средневековой Руси 1200–1304. М.

Черных Н.Б., 1996. Дендрохронология и археология. М.

Янин В.Л., 1981. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М.

Янин В.Л., 1994. Основные исторические итоги археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения: Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского. Новгород.

А.В. Чернецов

К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа

Наши представления об историческом прошлом России и о ее культурном наследии, многие привычные оценочные характеристики места России во всемирно-историческом процессе сегодня подвергаются пересмотру. В обстановке перемен общественное сознание россиян переживает глубокие трансформации, причем переоценка своего места в мире неизбежно проецируется и на прошлое, далекое и близкое. Важно, чтобы эта переоценка определялась не только текущей политической конъюнктурой или национальными и иными пристрастиями и эмоциями. В этой связи перед академической наукой стоит важная задача способствовать тому, чтобы представления общества о своем прошлом удерживались в рамках разумного, сохраняли необходимое стремление к объективности.

На первый взгляд, в сегодняшней ситуации в нашей стране стремление к объективности в сфере гуманитарных наук может показаться каким-то беспочвенным идеализмом. Действительно, обвал в области идеологии и, соответственно, общепринятых методологических установок создает видимость снятия всяких ограничений по отношению к научным концепциям, отмеченным субъективизмом и тенденциозностью. В то же время академическая наука обладает известным потенциалом самоочищения от подобных явлений. Это возможность предъявления по отношению к любым научным построениям требования представления необходимой и достаточной аргументации, а к этой последней – следования законам формальной логики. По отношению к масштабным историческим построениям очевидна необходимость обращения к методам комплексного источниковедения (*Янин*, 1977), причем привлечение данных и разработок каждой специальной дисциплины предполагает использование соответствующих современных методик. В ряде специальных статей Я.С. Лурье (1977; 1981) подробно рассматриваются вопросы разграничения таких понятий, как факт, гипотеза, догадка и домысел в приложении к историческим разработкам, а также необходимость использования закона достаточного основания.

14–16 ноября 2000 г. в Институте археологии РАН при финансовой поддержке РГНФ была проведена конференция "Русь в XIII в.: континуитет или разрыв традиций?". Ее организаторы стремились привлечь внимание научной общественности к важнейшему хронологическому рубежу, связанному с драматическими событиями монголо-татарского нашествия, событиями, отношение к которым является едва ли ни краеугольным камнем национального самосознания русского народа. В последние годы неоднократно возникали попытки пересмотра традиционной оценки исторического значения монголо-татарского нашествия. От части этих попыток, на первый взгляд, можно отмахнуться – за ними стоят национальные или иные пристрастия, а порой и квазинаучные измышления. Внимание к этой проблематике отражает неудовлетворенность значительной части общества привычной трактовкой основных характеристик российской истории, нередко во многом оправданную.

Российские историки дооктябрьского и советского периодов смотрели на события монгольского завоевания преимущественно с одной стороны – со стороны пострадавших. Такой подход не безупречен с всемирно-исторической точки зрения. Нельзя сказать, что представления об исключительном значении древнерусской культуры или российской государственности прямо навязывались отечественным исследователям, однако бесспорно, что и в академических кругах, и в обществе в целом подобным идеям безусловно оказывались предпочтение и поддержка. Преодоление в сознании научной общественности наследия десятилетий несвободы представляет собой достаточно сложную задачу. При этом позитивные изменения в плане создания возможно более объективной картины могут быть достигнуты лишь с помощью беспристрастного научного подхода.

Говоря о дилетантизме многих "ниспровергателей" традиционных исторических построений, следует отметить, что "еретические" мнения высказывались и довольно многочисленными представителями академической среды. Достаточно упомянуть работы Л.Н. Гумилева и его последователей.

В течение длительного времени монголо-татарское нашествие было для многих археологов-славистов верхним хронологическим рубежом, которым ограничивались их научные интересы. Это во многом способствовало известной фетишизации данного рубежа. По данным, приводимым А.В. Кузой, более 2/3 древнерусских городов были разрушены монголами и 1/3 от этого числа не были затем восстановлены (Археология СССР, 1985. С. 60, 104, 120, 121, табл. 20, 21). Что касается мелких городищ – феодальных замков, погостов и волостных центров – то из них, по данным того же исследователя, лишь 25% продолжили свое существование во второй половине XIII в. Предлагавшиеся исследователем обобщения и стати-

стические данные подкупают своей наглядностью. Они, безусловно, представляли собой в свое время новое слово и значительный вклад в изучение древнерусских городов и крепостей. Вместе с тем, мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что устанавливаемая археологически дата гибели большинства рассмотренных городищ слишком широка для того, чтобы с полным основанием связывать каждое такое событие с монголо-татарским нашествием. По многим из этих памятников уже получены новые данные, нередко вносящие значительные коррективы в их хронологию, а для других такие коррективы могут быть получены в ближайшие годы.

О том, каков был подлинный масштаб монголо-татарского нашествия, прямо свидетельствуют хроникальные записи современников. "Дело стыдно и вельми страшно, и хлеб во уста не идяше от страха" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 481). Показательно, что из всех эпизодов русской истории только монгольское нашествие и ордынское иго нашли свое яркое отражение в народном эпосе.

Все же, насколько крупны масштабы нашествия и последовавшего за ним ига с всемирно-исторической точки зрения? Начнем с временнóй протяженности ига. Около двух с половиной столетий владычества Чингизидов над Русью – это и много и мало; попытаемся сравнить с другими сопоставимыми феноменами. Начнем с того, что потомки Чингис-хана господствовали не только над Русью, но и над другими странами и народами. Многие из них намного раньше успели сбросить с себя иго завоевателей, в частности, Иран и Китай сделали это за сто лет до великих князей московских. Впрочем, рецидивы монгольского нашествия (например, завоевания Тамерлана) имели место в Иране и в соседних странах и позднее. В Индии монгольская по происхождению династия Великих Моголов просуществовала до середины XIX в. Турецкое иго в Болгарии и Сербии продлилось вдвое дольше, чем монголо-татарское на Руси. Мусульманское владычество в большей части Испании продолжалось более 500, а на юге этой страны – более 700 лет.

Как масштабное историческое событие монголо-татарское нашествие не может быть оценено путем прямого сопоставления ситуации непосредственно перед началом военных действий в 1237 г. и сразу после их завершения в 1241 г. Если же оперировать более широкими временными рамками – например, с XII – середины XIII в. по XIV–XV вв., то сравнение свидетельствует о грандиозных переменах, о своего рода "геологическом перевороте". В XIV–XV вв. происходит отторжение значительной части древнерусских земель Великим княжеством Литовским, следствием чего было становление трех восточнославянских народностей – русских, украинцев и белорусов, т.е. происходят коренные перемены этнополитической карты Восточной Европы. Этот период ознаменован так называемым вторым южнославянским влиянием, которое можно рассматривать как частное проявление принципиально новых тенденций развития духовной культуры. К этому же времени радикальные изменения претерпевают поселенческие структуры: ориентированный на естественные источники водоснабжения приречный тип поселения (при котором поселения жмутся к рекам, ручьям и родникам) сменяется водораздельным, причем основным источником водоснабжения становится искусственный колодец. В XIV–XV вв. происходит оттеснение на задний план таких стольных городов предшествующей эпохи, как Владимир, Ростов, Суздаль, более молодыми городами – Москвой, Тверью, Нижним Новгородом. Изменяется тип русского князя. В домонгольскую эпоху он легко перемещается из одного центра в другой, стремясь захватить более престижный престол. Ключевая фраза эпохи – "Леплее ми того смерть... нежели Курьское княженье" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 307). Русские князья XIV–XV вв. главным образом стремятся не потерять наследственный удел. Их подробные завещания заполнены мелочными перечислениями доставшихся по наследству или благоприобретенных деревень и предметов домашней утвари.

Монголо-татарское нашествие наложило свой отпечаток даже на карту ландшафтных зон. Знаменитый проповедник второй половины XIII в., Серапион Владимирский, перечисляя бедствия, обрушившиеся на русскую землю, пишет: "села наши лядиною (молодым лесом) поростоша, и величество наше смерися, красота наша погыбе". Русские путешественники, направлявшиеся в 1389 г. в Царьград по Дону, покинув территорию Рязанщины, в течение более чем недельного плавания были окружены незаселенными просторами. "Бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села; аще бо и быша древле грады красны и нарочиты зело видением места, точью пусто же все и не населено; нигде бо видети человека, точию пустыни велиа, и зверей множество: козии, лоси, волци, лисицы, выдры, медведи, бобры, птицы орлы, гуси, лебеди, жарави и прочая; и бяше все пустыни великиа". Только на девятый день плавания "обретохом татар много зело, якоже лист и якоже песок" и затем "стада же татарскиа видехом толико множество, якоже ум превосходящ: овцы, козы, волы, верблюды, кони" (ПСРЛ. Т. 11. С. 96). Заселенные территории были разделены безлюдной зоной, достигавшей в ширину сотен километров. При этом характерно упоминание здесь "градов красных и нарочитых", оставленных некогда обитавшим в этих местах населением.

Речь идет о существовании своеобразной "зоны страха", разделявшей враждебные этнические группировки, подобной той, о которой писал Юлий Цезарь в "Записках о галльской войне" (кн. IV, гл. 3; кн. VI, гл. 23). "Они (германцы) видят самую большую славу для народа в том, чтобы как можно более обширные земельные территории вокруг его границ оставались незаселенными и невозделанными: это обозначает, по их мнению, что многие племена не смогли противостоять силе этого народа. Так, в одном направлении от границ области свевов пустует, как говорят, территория шириной около 600 тысяч шагов (примерно 900 км!) ⟨...⟩ (Германцы) считают отличительным признаком доблести (данного племени) то обстоятельство, что изгнанные из своих владе-

ний соседи его отступают, и никто не осмеливается поселиться вблизи этого племени; вместе с тем оно может считать себя (благодаря этому) в большей безопасности на будущее время и не бояться внезапных неприятельских вторжений" (Хрестоматия... 1939. С. 8–10).

Выявление границ подобной зоны и, главное, их изменчивости на протяжении столетий – исключительно важная задача, стоящая перед исследователями. Археологические работы в регионе Куликова поля, о которых, в частности, говорилось на конференции в Институте археологии, свидетельствуют о сложности и неоднозначности процессов, протекавших на русско-татарском пограничье.

Продвигаясь к востоку от Волго-Окского междуречья, исторического центра России, русские люди встречали примерно такое же исключительное богатство почти незатронутой хозяйственным освоением природы, как и на южном маршруте. Рассказывая о движении войска Ивана Грозного к Казани, летописец повествует: "А от града Мурома государь шел частым лесом и чистым полем, и таковое многое воиньство всюду яко Богом уготованну пищю обретаху: на поли убо всяким благовонным овощием довляхуся, от животных же лоси яко самозванни на заколение прихождаху, в реках же множество рыб ловяху, от воздуха же множество бесчисленное птиць прилетаху и во всех полцех на землю припадаху, яко сами дающеся в руце человеком на пищу, ими же все бесчисленное воиньство нетрудно довляшеся" (ПСРЛ. Т. 13. С. 499).

Конечно, в этом повествовании есть риторические преувеличения. И все же наличие подобных мотивов в описаниях путешествий в пределы Золотой Орды неслучайно. Здесь уместно вспомнить и знаменитое гоголевское описание девственных степей, экологии которых кочевое скотоводство практически не наносило ущерба (чего не скажешь о земледельческом освоении).

"Зона страха", разделявшая земледельцев и степных кочевников, несомненно, существовала и до монголо-татарского нашествия, во времена господства в степях печенегов и половцев. Однако нашествие и ордынское иго, бесспорно, способствовали расширению этой зоны, замедлению и приостановке земледельческой колонизации лесостепных и степных просторов.

Какие-то из перемен, о которых говорилось выше, были прямым, косвенным или частичным следствием нашествия, какие-то – связаны с процессами внутреннего развития общества, процессами, оформившимися задолго до этой катастрофы и развивавшимися по собственным законам, порой в течение нескольких столетий. Эти изменения, как правило, не синхронны нашествию, а существенно запаздывают по отношению к нему, что отнюдь не означает, что значительная их часть не была прямым или косвенным последствием завоевания. Данный феномен вполне понятен и объясним. Н.И. Костомаров в середине позапрошлого века писал: "Русь, парализованная нашествием и порабощенная, со своим удельным укладом продолжала около века движение на прежний лад, не имея ни сил переменить этот лад, ни освободиться от этого кошмара" (*Костомаров*, 1861. С. 16).

Монголо-татарскому нашествию посвящены многочисленные и зачастую весьма обширные летописные статьи, которые доносят до нас живой отклик современников на трагические события того времени. Хотя благодаря этим и иным данным письменных источников мы хорошо знакомы с общим характером катастрофы, последовательностью и хронологией ее основных эпизодов, мы должны отдавать себе ясный отчет в том, что все эти источники страдают неизбежной неполнотой и не во всех своих деталях достоверны. Напомню характеристику летописных повествований о нашествии, данную таким глубоким знатоком древнерусской книжности, как А.С. Орлов (1937. С. 183):

«Если бы кто-нибудь захотел вести журнал событий этого периода татарщины по летописи, все равно, северной или южной, он не мог бы извлечь из ее повестей никаких существенных подробностей, за исключением редких мелочей. Ни в одной повести не чувствуется наблюдательного современника. Литературные источники, сверх того, затемняли действительность. Все эти псалмы и библейские пророчества, а также плагиат из предшествующих годов летописи, риторические украшения из компилятивного хронографа с Амартолом, "Александрией" и Флавием делают из повестей о татарском нашествии литературное сочинение, состоящее из общих мест и мало говорящее пытливому историку. Надо обладать большим искусством, чтобы из-под этой средневековой корки увидеть жизнь, как она проходила».

Действительно, данные письменных источников не могут дать исчерпывающего представления ни о масштабах события, ни о конкретных механизмах и темпах связанных с ними деструктивных и иных процессов. Между тем, для понимания внутренней сути происходившего необходимо разобраться именно в механике исторического процесса, в том, как конкретно работали те или иные причинно-следственные связи.

Конечно, взятие и разорение Батыем того или иного стольного города было масштабным единовременным событием. Тем не менее, почти все они в дальнейшем продолжают существовать как крупные городские центры. Летописное сообщение о том, что "весь Киев разбежался" "не терпя татарьского насилья" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485) относится к 1300 г., т.е. ко времени, когда после взятия города Батыем прошло около 60 лет. Но и эта кризисная пора в истории города, как показывают, в частности, археологические материалы, на самом деле не означала конца его существования.

Старая Рязань, археологическое изучение которой было возобновлено совместной экспедицией Института археологии РАН, Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника и Российского государственного гуманитарного университета в 1994 г. – один из примеров сложности, неоднозначности процессов, связанных с монголо-татарским нашествием и игом. С одной стороны, Старая Рязань – классический образец древнерусского города, пострадавшего от нашествия. Это единственная столица обширного древнерусского княжества, на месте которой нет современ-

ной городской застройки, крупнейший мертвый город русского средневековья. Земля Старой Рязани сохранила важнейшие свидетельства трагедии – клады драгоценных ювелирных изделий, зарытые в момент опасности и оставшиеся в земле, потому что их владельцы были убиты или угнаны в плен. В составе кладов – вещи, представлявшие для их владельцев огромную ценность – кроме стоимости драгоценных металлов и камней, это еще и стоимость сложной и изысканной работы ювелиров. В 1995 г. исследовался погреб сгоревшей постройки, в котором в 1979 г. были найдены два небольших клада ювелирных изделий (*Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 201, 202). Под остатками сгоревшего перекрытия была выявлена прослойка, содержавшая пережженные человеческие кости (не менее чем от трех погибших), под которой в небольшой яме была обнаружена украшенная позолотой серебряная чаша на поддоне. Обитатели жилища, сгоревшие во время нашествия, в самом буквальном смысле прикрыли своими телами самое ценное, что было в их доме. Еще одна серия свидетельств нашествия – обнаруженные в нескольких местах грандиозные братские могилы, в которых трупы уложены в общих ямах в три–четыре яруса (*Даркевич, Борисевич,* 1995. С. 372–385). Количество вскрытых раскопками погребений измеряется сотнями, но это лишь малая часть того, что могло быть выявлено сплошными раскопками смежных участков.

Вместе с тем, детальное изучение напластований Старой Рязани показывает, что этот город нельзя считать в полном смысле своеобразными "русскими Помпеями", единовременно погибшими в результате катастрофы 1237 г. На городище повсеместно встречаются находки позднейших эпох (см., например: *Даркевич, Пуцко,* 1981). Какая-то часть из них, возможно, связана с расположенным у подножия городища селом, с ярмарками, проводившимися непосредственно на городище, со своеобразным паломничеством к месту национальной трагедии, к разрушенным древним храмам. Но ряд находок невозможно объяснить только этим. В центральной части городища фрагменты сосудов второй половины XIII–XIV вв. составляют около 50% керамического материала. А ведь керамика – не случайная находка, а свидетельство интенсивности обживания данного участка. Характерно не только наличие этой, сравнительно поздней, керамики в верхних, поврежденных пахотой слоях городища. Есть и углубленные в землю части жилищ с непотревоженными напластованиями этого времени. В одном из них найдено подражание монете Тохтамыша (конец XIV в.). Конечно, дело не только в том, сохранялось ли какое-то население в данном месте, но и в том, каким был социальный, культурный и военно-политический статус данного поселения в это время. И в этом плане имеются некоторые свидетельства того, что Старая Рязань и какое-то время после нашествия Батыя сохраняла статус крупного города, важного культурного центра. Об этом говорит, например, найденная здесь медная пластина, украшенная золоченым рисунком поверх черного лака. Такими пластинами украшали парадные двери главных соборов крупнейших русских городов. Эта техника была редкой и очень дорогой; сведения о создании подобных дверей включались в летописи. И вот старорязанская пластина от таких дверей (*Монгайт*, 1955. С. 139, 141) датируется XIV в. На это указал, основываясь на стилистических данных, В.Н. Лазарев (1953. С. 436); особенности начертаний надписи на пластине, по мнению А.А. Медынцевой, любезно согласившейся проконсультировать автора данной статьи, подтверждают ту же дату. Но если эти драгоценные двери могли быть изготовлены для храма Старой Рязани после 1237 г., то значит город какое-то время и после разгрома жил полноценной жизнью. В данном случае археология не противоречит данным письменных источников. В "Повести о нашествии Батыя на Рязань" (часть "Повести о Николе Зарайском") сообщается о восстановлении города после разгрома, в частности о возобновлении богослужения в его храмах. В других письменных источниках есть сведения о погребении в старорязанском храме одного из князей и о нахождении в этом городе в конце XIII или в XIV в. епископской кафедры. Связанная с событиями Батыева нашествия народная песня об Авдотье Рязаночке также рисует картину возрождения города после разгрома. Еще одно любопытное свидетельство политического значения Старой Рязани после взятия ее Батыем – найденная здесь в 1998 г. миниатюрная каменная пластинка с арабской надписью, включающей имя и титул хана Тимура. Очевидно, пластинка являлась своеобразной верительной грамотой, знаком власти влиятельного ордынского военачальника или чиновника. Такая находка ясно показывает, что и после разгрома Старой Рязани она представляла собой важный в военно-политическом отношении пункт и могла представлять интерес для высших должностных лиц Золотой Орды. Все вышесказанное не отменяет того факта, что монголо-татарское нашествие предопределило гибель Старой Рязани, что этот город является наиболее ярким памятником его негативных последствий. И все же существенно, что история города была не так проста и гибель его не так мгновенна, как это могло бы показаться на первый взгляд.

Монголо-татарское нашествие и последовавшее за ним ордынское иго были масштабными историческими феноменами. И как всякий исторический феномен такого ранга они при внимательном рассмотрении оказываются во многом загадочными и противоречивыми. Казалось бы, если речь идет о завоевании и последующем военно-политическом господстве, то о каких загадочности и противоречивости может идти речь?

Но попробуем обратиться к некоторым фактам и сообщениям источников. Мы не знаем точной численности войска Батыя, и, тем более, численного соотношения его войска и русских сил в том или ином сражении. Единственное указание на число участников нашествия в русских письменных источниках ("У Батыя царя было четыреста тысящ окованые рати, а воевал всю Русскую землю от востока и до запада") находится в "Задонщине", позднейшем и исторически недостоверном памятнике (*Адрианова-Перетц*, 1947. С. 204). Для отдельных позднейших русско-

татарских столкновений некоторые цифры известны. В 1410 г. был взят и разграблен Владимир. Разгром был ужасен и сопровождался дикими жестокостями. Победителям досталась богатая добыча: серебряные деньги воины делили между собой мерками. Летопись сообщает нам численность нападавших – 300 воинов, из них 150 татар и 150 "своих" – нижегородцев (ПСРЛ. Т. 11. С. 215, 216). Исключительная эффективность действия столь малочисленного воинства объясняется летописцем чисто российскими обстоятельствами – укрепления были в ремонте, а воевода почему-то в отлучке.

В 1480 г. ордынское иго заканчивается в результате негероического, но решающего "стояния" на реке Угре. Значение события неоспоримо, оно было ясно осознано современниками – в честь него установили церковный праздник. И, тем не менее, традиционное уважение к династии Чингизидов на Руси сохраняется. Об этом говорит посольский обычай, в соответствии с которым крымский хан считался "старше" московского государя (*Юзефович*, 1977). О том же, по-видимому, говорит и странная история с возведением Иваном Грозным на московский престол крещеного татарского царя Симеона Бекбулатовича. Можно было бы счесть все это причудой Ивана IV, однако эту причуду всерьез принимали и Борис Годунов, и Лжедмитрий, требовавшие от бояр присяги в том, что они не переметнутся к Симеону. Уже после падения ордынского ига и в междукняжеских договорах, и в завещании Ивана III звучит опасение: а вдруг иго возобновится? Что тогда делать? Кому платить дань – "ордынский выход"? Ведь Золотая Орда распалась. В этих условиях предполагалась разверстка дани между правопреемниками Золотой Орды. Среди них, естественно, Казань и Астрахань, но есть также и Царевичев городок. Под этим названием скрывается Касимов, где сидел татарский царь или царевич, вассал московского государя. Но какой же это вассал, если он, хотя бы в теории, может претендовать на дань? Обычно именно практика уплаты дани помогает разобраться, кто главный, а кто подчиненный в феодальной иерархии. Но в русской истории даже этот вопрос при ближайшем рассмотрении оказывается затемненным.

Рассмотрим теперь вопрос о формах манифестации верховной власти в эпоху ордынского ига. В 1399 г. перед неудачной для него битвой на реке Ворскле с войсками ордынского хана Темир-Кутлуя великий князь литовский Витовт "возхоте... по всей Орде быти на денгах ординских знамение витовтово". Татарский хан, напротив, полагал, что "подобает... во всем твоем княжении, на твоих денгах литовских моему ординскому знамени быти" (ПСРЛ. Т. 11. С. 173). Казалось бы, принцип манифестации прав и притязаний ясен. Однако на многих золотоордынских монетах мы находим надчеканки рязанских князей середины XIV – начала XV в. Рязанское княжество в это время было среди наиболее лояльных к власти Золотой Орды. И тем не менее не хан утверждает своим "знаменем" монеты рязанских князей, а наоборот.

Еще один парадоксальный пример из области русско-ордынских связей. Если мы имеем завоевателей, более могущественных, и, вероятно, более богатых, с одной стороны, и завоеванных – с другой, то кажется естественным, что представители завоеванных поступают на службу (прежде всего военную) к завоевателям. В отношениях русских княжеств с Золотой Ордой картина обратная: большое число татарских воинов выезжало служить русским князьям. Очевидно, на Руси имелся дефицит воинов-профессионалов при наличии средств на их содержание, а в Орде – некоторое "перепроизводство" боеспособного населения.

Существуют представления о том, что монголо-татарское завоевание способствовало отторжению Руси от западноевропейской цивилизации. Вполне вероятно, что в значительной мере это было так, однако какие-либо "антизападные" директивы ханов неизвестны. Наоборот, наиболее раннее дошедшее до нас распоряжение хана Менгу-Темира русскому князю было призвано обеспечить связи с Западом – "дай путь немецкому гости на свою землю" (ГВНП. С. 57).

Иго монголо-татарских завоевателей было особенно тяжелым из-за того, что для русских они были иноверцами – сначала язычниками, а потом приняли ислам. Соответственно, вся борьба за освобождение от ига воспринималась через вероисповедную призму. Общеизвестна роль церкви в этой борьбе (достаточно вспомнить Сергия Радонежского, благословляющего Дмитрия Донского перед Куликовской битвой). Вместе с тем эпоха ордынского ига – это время наибольшего развития привилегий русской церкви, обеспечивавшихся ханскими ярлыками. Свои же "правоверные" государи сразу же после свержения ига пошли по линии ограничения имущественных и юридических прав русской церкви.

Русь и Орда принадлежали к разным цивилизационным кругам, что во многом определялось вероисповедной принадлежностью. И тем не менее возникало некое транскультурное единство, основанное на политической, хозяйственно-культурной и географической близости. Оно очень ясно осознавалось на бытовом уровне и отразилось, в частности, в том, что на миниатюрах XV–XVI вв. воины – татары (и другие кочевники) и русские изображались неразличимыми (кольчуги и шлемы-шишаки). Традиция подобного изображения восточных кочевников, очевидно, восходит еще к домонгольскому времени. Можно было бы предположить, что это – отражение обобщенных представлений о воине вообще (и действительно, библейские и античные персонажи изображались сходным образом), однако западноевропейские воины в XVI в. подчеркнуто изображались в иных, полусферических шлемах. Так в иконографии отразилось противопоставление русского воинства западному, а отнюдь не восточному, мусульманскому. Отчасти этот феномен объясняется реальной близостью средневекового русского и восточного вооружения. Использование восточного оружия отмечено в Ипатьевской летописи под 1252 г.: "немьцы же дивящеся оружью татарьскому, беша бо кони в личинах и в коярех кожаных, и людье в ярыцех..." (ПСРЛ. Т. 2. С. 814).

Русско-восточные культурные контакты и связи в эпоху ордынского ига – чрезвычайно важная, инте-

ресная и не до конца исследованная проблема (*Чернецов*, 1997). Существенны не только многочисленные проявления этого взаимовлияния, но и причины того, почему ряд культурных достижений восточных соседей (например, технология производства высококачественной поливной керамики) не был воспринят на Руси.

Все странности и парадоксы, о которых говорилось выше, конечно же, имели свои конкретные причины, объяснялись реальностями тех отдаленных событий, реальностями, которые нам сегодня ясны далеко не в полном объеме. Задача ученых задуматься над каждым кажущимся противоречием, попытаться найти им объяснение путем выявления новых материалов и фактов, а также путем систематизации как нового, так и уже известного.

Конференция, проведенная в Институте археологии, была задумана и проведена как чисто археологическая. Это можно оценить и как определенный недостаток (многие аспекты проблемы остались за рамками тематики докладов) и, наоборот, как сильную сторону. Конкретность, эмпиризм, присущие археологическим исследованиям, позволяют собирать и обобщать новые факты, зачастую имеющие прямое отношение к решению важнейших проблем. Это и история развития поселенческих структур, и исторические судьбы конкретных крупных и малых городских центров, и изменения в характере ремесленного производства и ассортименте его продукции, и перемены в сфере культурных и торговых связей и контактов. В отличие от сведений письменных источников археологические данные не могут быть недостоверными. Но главное их преимущество в другом – в их практической неисчерпаемости. На сегодняшний день археологами изучена очень и очень малая часть археологических памятников; площади, вскрытые на крупнейших из них оставляют для наших потомков поле деятельности на несколько столетий, если не тысячелетий.

Литература

Адрианова-Перетц В.П., 1947. Задонщина: Текст и примечания // ТОДРЛ. Л. Т. V.

Археология СССР: Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.

ГВНП. М.; Л., 1949.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Даркевич В.П., Пуцко В.Г., 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. № 3.

Костомаров Н.И., 1861. Лекции по русской истории. СПб. Т. 1.

Лазарев В.Н., 1953. Васильевские врата 1336 г. // Советская археология. М.; Л. Т. 18.

Лурье Я.С., 1977. О гипотезах и догадках в источниковедении // Источниковедение отечественной истории, 1976. М.

Лурье Я.С., 1987. О возможности и необходимости при исследовании летописей // ТОДРЛ. Л. Т. XXXVI.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань. / МИА. М. № 49.

Орлов А.С., 1937. Древнерусская литература XI–XVI вв. М.; Л.

ПСРЛ. М., 1962. Т. 1.

ПСРЛ. М., 1962. Т. 2.

ПСРЛ. М., 1965. Т. 11.

ПСРЛ. М., 1965. Т. 13.

Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. М., 1939. Т. I.

Чернецов А.В., 1997. Связи средневековой Руси с Востоком: некоторые проблемы и перспективы изучения // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М.

Юзефович Л.А., 1977. Русский посольский обычай XVI в. // ВИ. 1977. № 8.

Янин В.Л., 1977. Очерки комплексного источниковедения: средневековый Новгород. М.

А.В. Чернецов, И.Ю. Стрикалов

Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований*

Старая Рязань (рис. 1) как памятник археологии в первую очередь ассоциируется с драматическими событиями монголо-татарского нашествия. Это – уникальный эталонный памятник; единственная столица одной из крупнейших земель-княжений древней Руси, превратившаяся в "мертвый город". Старая Рязань прекратила свое существование как город в результате взятия войсками Батыя в 1237 г. В отличие от других столичных городов средневековой Руси, взятых и разрушенных монголами, Старая Рязань не смогла оправиться после катастрофы и в дальнейшем утратила значение крупного городского центра. По этой причине любые новые данные по археологии и истории этого города имеют прямое отношение к проблематике конференции, к решению вопроса об оценке исторической роли хронологического рубежа середины XIII в.

История возникновения и дальнейшего развития Старой Рязани, как она рисуется в свете археологических данных, во многом не укладывается в рамки традиционных представлений отечественной историографии. Так, обычно полагают, что древнейшие русские города возникали в местах концентрации сельского населения. Возникновение Старой Рязани не соответствует этой модели. Сравнительно мощная крепость возникает как важный военный форпост на еще не освоенной славянами территории и лишь позднее обрастает сетью многочисленных сельских поселений.

Привычные представления о том, что по мере разрастания города его первоначальное ядро (кремль, детинец) сохраняет значение административного и религиозного центра, где были сосредоточены усадьбы верхушки общества, также не соответствует реальной ситуации в Старой Рязани. После возведения грандиозных укреплений Южного городища все жизненные центры города переместились сюда. Все три каменных храма были сооружены на Южном городище (в древнейшей части города, на Северном городище, подобных зданий нет). Наиболее богатые усадьбы, находки кладов драгоценных изделий, дорогих привозных вещей концентрируются на Южном городище. Очевидно, здесь же были расположены и княжеские палаты.

Старая Рязань сравнительно поздно появляется на страницах общерусских летописей – в 1096 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 231). Среди столичных городов крупных древнерусских земель-княжений она появляется, если можно так выразиться, "во втором эшелоне". Естественно, что этот город не был связан с родоплеменными структурами догосударственной поры. Связи с этими структурами у некоторых других известных древнерусских городов существовали. Это Новгород и Смоленск, о которых Начальная летопись сообщает как о центрах племенных союзов словен и кривичей, Киев в земле полян, Искоростень и Овруч – древлян, Полоцк – полочан, Пересечен – уличей. Отразившиеся в ряде научных работ представления о том, что Старая Рязань изначально являлась племенным центром вятичей, в настоящее время обоснованно отвергаются (*Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 26). Действительно, город расположен за пределами территории, где распространены вятичские курганы; в погребениях могильника XI в., оставленного древнейшим населением города, вятичские признаки отсутствуют. Старая Рязань возникает за пределами территории изначального расселения восточнославянских племен; город был основан колонистами преимущественно южнорусского происхождения. Вместе с тем, заселение бассейна Оки славянами осуществлялось и с северо-запада, кривичским населением. Позднее сюда проникают и поселенцы вятичского происхождения (связанные с ними находки присутствуют на Старорязанском городище).

План Старорязанского городища (рис. 1) наглядно отражает историю роста его укрепленной территории. Первоначальное укрепленное поселение дославянского населения на так называемом Северном мысу имеет площадь всего 0,4 га. Ранняя восточнославянская крепость XI в., Северное городище, занимает уже 7,5 га. Для своего времени это не второразрядное укрепление, а достаточно крупная крепость. Древнерусские городища такой площади в предшествующий период (IX–X вв.) рассматриваются как крупнейшие центры стратегического значения. В середине XII в., в то время, когда Старая Рязань превращается в центр обширного княжества, площадь укрепленной территории еще раз многократно увеличивается. Возникают грандиозные укрепления так называемого Южного городища, площадь которого достигает 55–57 га (а общая площадь всего городища – 67,6 га). Для своего времени это городище-супергигант, своего рода средневековый мегаполис. По площади укрепленной территории Старая Рязань находится в од-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-01-18100е), а также Центра "Интеграция" (проект № 51-657/54).

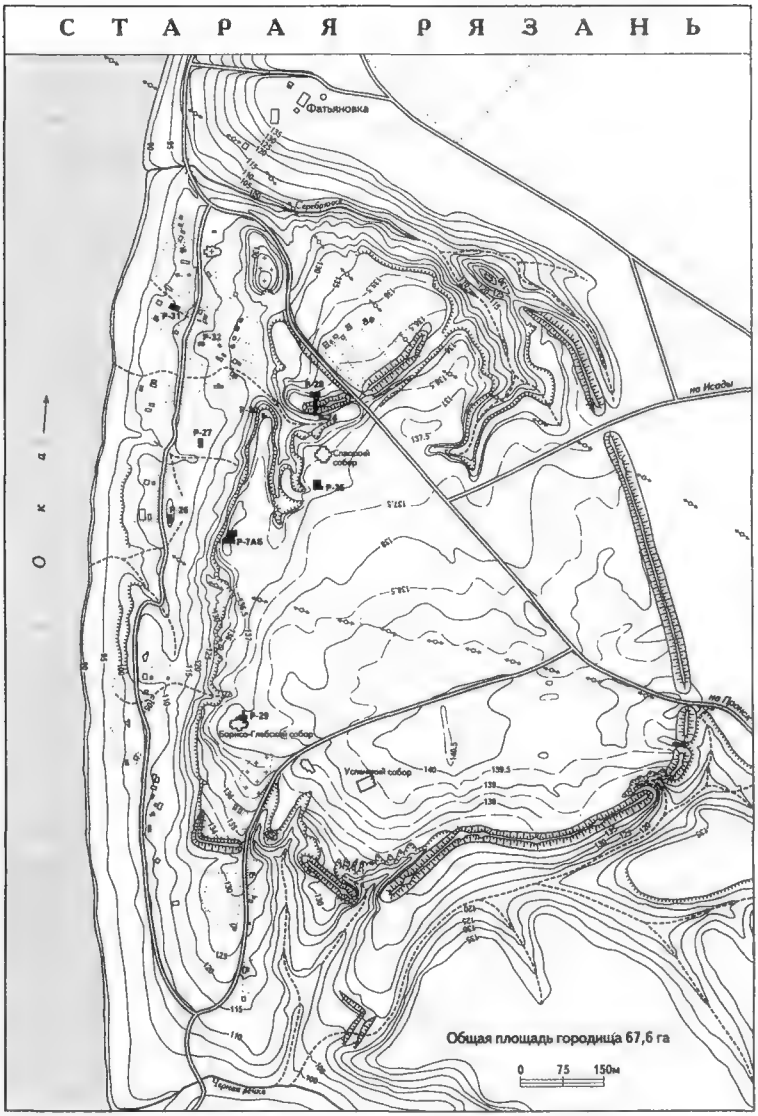


Рис. 1. План Старорязанского городища
Черной заливкой показаны раскопы 1994–2001 гг.

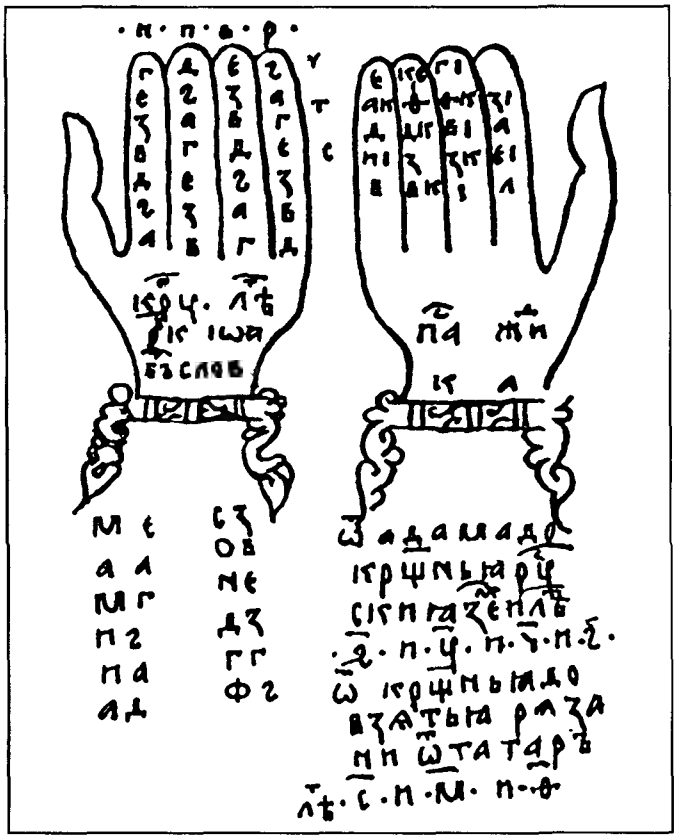


Рис. 2. Таблицы для календарных вычислений и хронологическая запись с упоминанием Старой Рязани из рукописного Служебника XIV в.

ном ряду с такими древнерусскими городами той эпохи, как Киев, Чернигов, Владимир, Новгород и др.

Сходная модель роста средневекового города, при которой каждое новое кольцо укреплений охватывало во много раз более обширную территорию, чем предшествующее, известна и по другим древнерусским городам. Вместе с тем, эта модель не была единственной, известной на Руси. Напомним, что укрепления Довмонтова города не превышают по площади первоначальное ядро средневекового Пскова – Кром, а, наоборот, уступают ему. Китай-город несколько обширнее, чем Московский Кремль, но эта разница гораздо менее значительна, чем та, которую демонстрируют укрепления Старой Рязани. Домонгольский Владимир расширял свою территорию два раза, но каждый раз новые укрепления окружали территорию, близкую по площади его первоначальному ядру. Модель, по которой развивались укрепления Старой Рязани, представлена на этом памятнике чрезвычайно выразительно. Необходимо также иметь в виду исключительную краткость истории развития города. В отличие от многих столиц земель-княжений Старая Рязань не принадлежит к числу древнейших русских городов. Предельно короткий срок существования Старой Рязани в качестве процветающего стольного города длился до монгольского нашествия менее ста лет. Все эти данные вместе взятые придают историческим судьбам города уникальную, неповторимую характерность.

Отмеченные черты своеобразия Старой Рязани, а также ее исключительная, трагическая судьба указывают на то, что этот ключевой памятник средневековой русской археологии ни в коей мере не может рассматриваться как некая типовая модель развития крупного древнерусского города. Подобно другому важнейшему для археологов стольному городу средневековой Руси – Великому Новгороду, Старая Рязань отмечена яркими признаками неповторимой индивидуальности, во многом определившими ее драматическую историю. В этой связи представляется, что основные задачи исследования памятника не в том, чтобы, преодолевая "сопротивление материала", все же втиснуть его историю в прокрустово ложе уже существующих моделей, а в том, чтобы путем проверки и уточнений данных, свидетельствующих о его своеобразии, продвигаться по направлению к их историческому истолкованию и осмыслению.

Нашествие Батыя на Рязань как начальный эпизод трагедии монголо-татарского завоевания прочно запечатлелось в народной памяти (хотя далеко не каждый русский наших дней отдает себе отчет в том, что речь идет не о современном городе Рязань).

Для оценки значимости любого исторического события важная (хотя и не решающая) роль принадлежит свидетельствам современников о том, какое оно производило впечатление в те времена и как тогда оценивался его масштаб. В этом плане показательна хронологическая запись, сделанная в рукописном Служебнике XIV в. (РНБ. F.n. I. № 73. Л. 394) рядом с календарными таблицами для вычисления даты празднования Пасхи (своего рода "вечным календарем") – (рис. 2). Она гласит: "От Адама до крещенья русския земли лет 6496, от крещенья до взятья Рязани от татар лет 249" (*Симонов*. С. 142, 143). Здесь фиксируется событие, которым начинается более чем двухсотлетнее ордынское иго. При этом приход чужеземных "неверных" захватчиков ставится на одну доску с такими событиями, как сотворение мира и принятие христианства.

Старая Рязань относится к археологически наиболее изученным древнерусским городам. Первые раскопки здесь были начаты еще в 1822 г. (*Калайдович*, 1823). Работы XIX – первой трети XX в. носили ограниченный характер, иногда ими руководили дилетанты, в других случаях использовалась далеко не совершенная методика. Подлинно научные раскопки начинаются с 1945–1950 гг., когда их возглавил А.Л. Монгайт (1955). Следующий этап исследований относится к 1966–1979 гг., когда руководство работами на Старой Рязани перешло к В.П. Даркевичу (*Даркевич, Борисевич*, 1995).

Работы Старорязанской археологической экспедиции Института археологии РАН и Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника были возобновлены в 1994 г. под руководством А.В. Чернецова (*Чернецов* и др., 1998; 1999). С 1997 г. в них также принимает участие Российский государственный гуманитарный университет. Новые исследования стали возможны благодаря финансовой поддержке, оказанной Российским фондом фундаментальных исследований, Российским гуманитарным научным фондом, Центром содействия интеграции высшего образования

и фундаментальной науки Министерства образования и Российской академии наук (Центр "Интеграция"), а также Президиумом РАН.

В своих работах экспедиция, естественно, в значительной мере продолжала те направления, которые были определены еще в 1960–1970-х годах. Главное из них – изучение основной части столичного города XII–XIII вв. (так называемого Южного городища) путем вскрытия широких сплошных площадей (*Даркевич*, 1974. С. 19–71). Эта часть города не является древнейшей – ее укрепления были сооружены в середине XII в., когда город становится столичным и его площадь увеличивается во много раз, перекрывая могильник древнейших обитателей города XI в. Сюда, в эту новую часть города, переносятся все жизненные центры Старой Рязани. Здесь теперь концентрируются ее святыни и богатейшие усадьбы. На Южном городище в 1994 и последующие годы изучался участок, разделявший два крупнейших раскопа, исследованных в предшествующий период, – 7 и 11. Раскопки проводились и в других местах этой части городища – в его центральной части и у северо-западного края.

Наряду с этим в 1990-х годах был намечен ряд новых направлений. Так, в древнейшей части средневекового города – на Северном городище – в 1970-х годах проводились значительные работы. Вместе с тем они носили явно второстепенный характер и не были нацелены на получение принципиально новой информации. С 1994 г. было обращено первостепенное внимание на стратиграфию Северного городища. Для ее изучения был предпринят разрез вала этой части городища с целью увязать историю сооружения и ремонтов укреплений с напластованиями площадки городища (рис. 3, 4). Эта первоочередная задача археологического изучения любого укрепленного поселения была впервые решена в 1994–1995 гг., когда был осуществлен разрез вала, и в последующие годы, когда изучались напластования той части средневекового города, которая непосредственно примыкала к этому разрезу. Общая протяженность этого опорного разреза достигает 38 м. В 1994–2000 гг. на Северном городище была вскрыта площадь около 250 кв. м.

Еще одна задача, решение которой удалось успешно поставить на повестку дня, – изучение неукрепленного посада городища – важнейшей части любого крупного древнерусского города. В 70-х годах здесь были предприняты довольно значительные раскопки, которыми, однако, жилые слои средневекового города выявлены практически не были. На исследовавшемся тогда участке были обнаружены братские захоронения жертв монголо-татарского нашествия. На основании этих результатов, и в связи с тем, что эта часть территории древнего города занята современной усадебной застройкой и огородами, возникло представление, что работы здесь мало перспективны. Все же, учитывая большое значение этой части города, экспедиция с 1996 г. обратилась к изучению доступных для исследования участков посада, и в 1997–2001 гг. здесь было вскрыто более 220 кв. м.

В 1970-х годах было начато археологическое обследование ближайшей округи Старой Рязани. В частности, был детально изучен участок берега Оки от Старой Рязани до небольшой княжеской крепости – Нового Ольгова городка протяженностью около 7 км. Начиная с 1996 г. Старорязанская экспедиция приступила к сплошному обследованию гораздо более обширной территории Спасской Луки (приблизительно 10 × 10 км), где было учтено 92 памятника, среди них более 50 выявлены впервые (рис. 5).

В ходе обследования округи Старой Рязани в 1997 г. были проведены небольшие раскопки разрушавшихся оползнями гончарных горнов XIV–XV вв. на Новоольговском селище. Кроме того, экспедицией были возобновлены значительные раскопочные работы на Шатрищенском могильнике раннего железного века и проведены небольшие работы на палеолитической стоянке Шатрище 2.

В 1999 г. были предприняты пробные архитектурно-археологические работы на руинах Борисоглебского собора XII в., сильно поврежденных непрофессиональными раскопками первой половины XIX в. и постройкой нового храма в начале XX в. Поскольку эти работы оказались перспективными, они были продолжены в 2000 и 2001 гг.

Обратимся к полученным результатам и характеристике наиболее интересных находок.

Анализ разреза вала Северного городища и примыкающего к нему участка культурного слоя (рис. 3, 4) позволил придти к ряду важных выводов по истории города. Нижние прослойки вала, как известно, могут позволить решить вопрос о том, что возникло раньше – поселение или укрепления (т.е. имело ли городище свою предысторию в качестве неукрепленного поселения). На это может указывать наличие подстилающей насыпь вала прослойки культурного слоя, подтверждающей, что укрепления возникли на месте уже существовавшего поселения. В случае с валом Северного городища ситуация оказалась достаточно сложной. Культурного слоя в точном смысле слова под насыпью вала не оказалось, однако имеется прослойка предматерика мощностью 5–7 см, перекрытая погребенной почвой и содержащая небольшое количество фрагментов дославянской финно-угорской керамики (типа древностей рязано-окских могильников). Крайняя малочисленность находок препятствует тому, чтобы отнести эту прослойку к поселению. Первоначально возникло предположение, что этот слой связан с сельскохозяйственным использованием данной территории дославянским населением. Находка в 2000 г. на этом участке урнового захоронения той же эпохи позволяет допустить и другую версию – находки керамики могли происходить из разрушенного в позднейшее время могильника. С этим могильником, вероятно, связаны и прослеженные в погребенной почве следы частоколов. Столбовые ямки диаметром до 5 см представляют собой следы прямоугольных оградок со сторонами около 3 м.

Первый строительный горизонт вала включал внутривальные деревянные конструкции – один ряд городен, сооруженных на обожженной погребенной почве. Этот горизонт перекрыт напластованиями городища, датируемыми XI в. Последние, таким образом, археологически моложе времени сооружения вала. В нижней части раскопа в углублении в материке

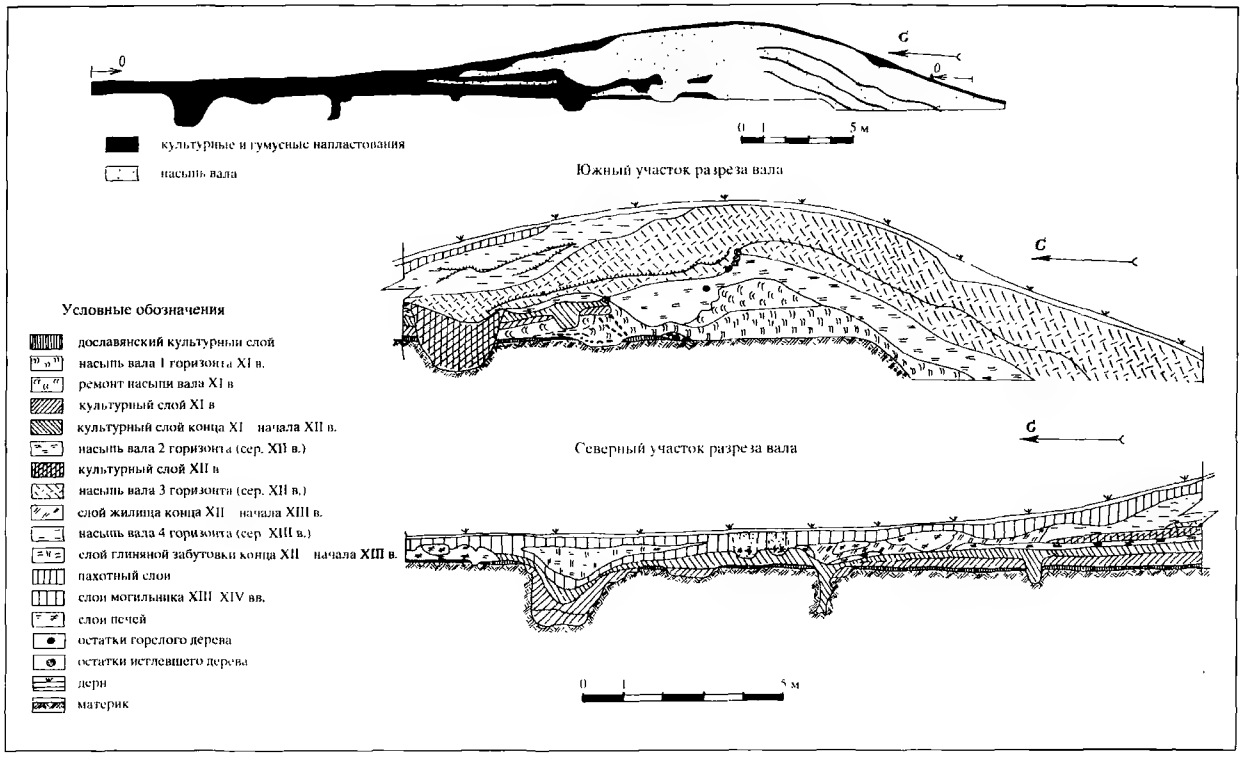


Рис. 3. Разрез вала и культурных напластований площадки Северного городища Старой Рязани

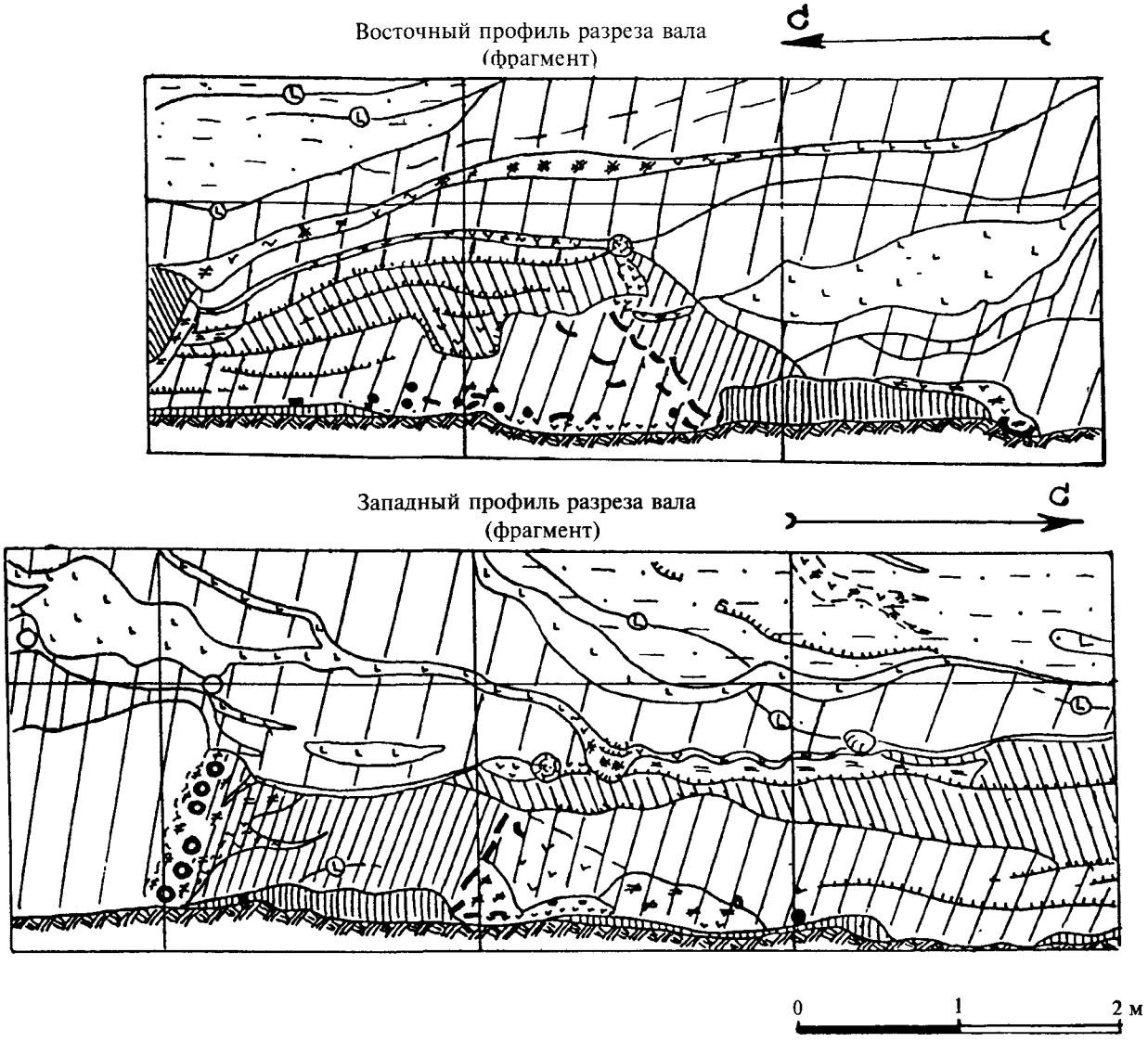
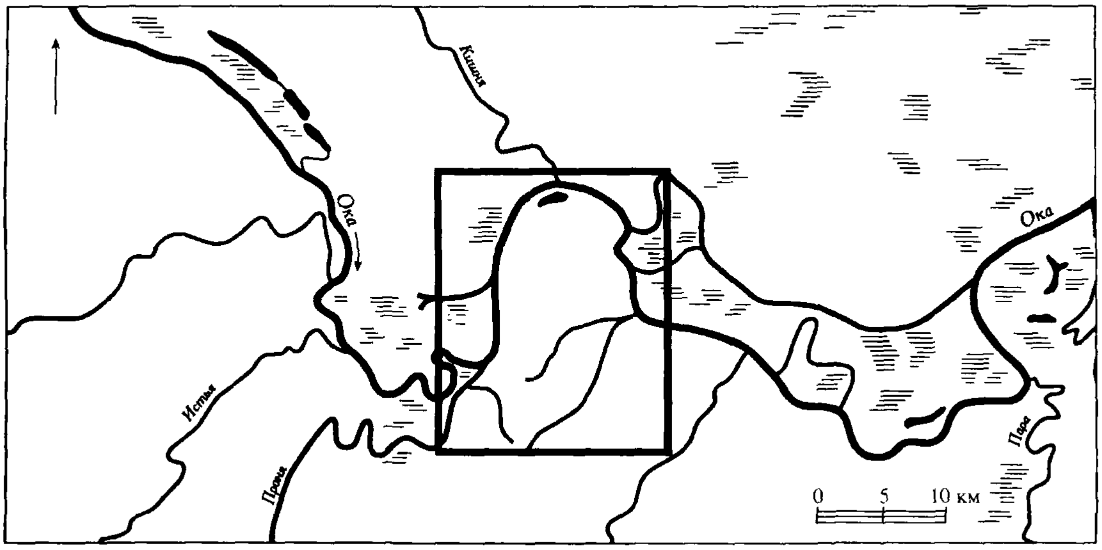
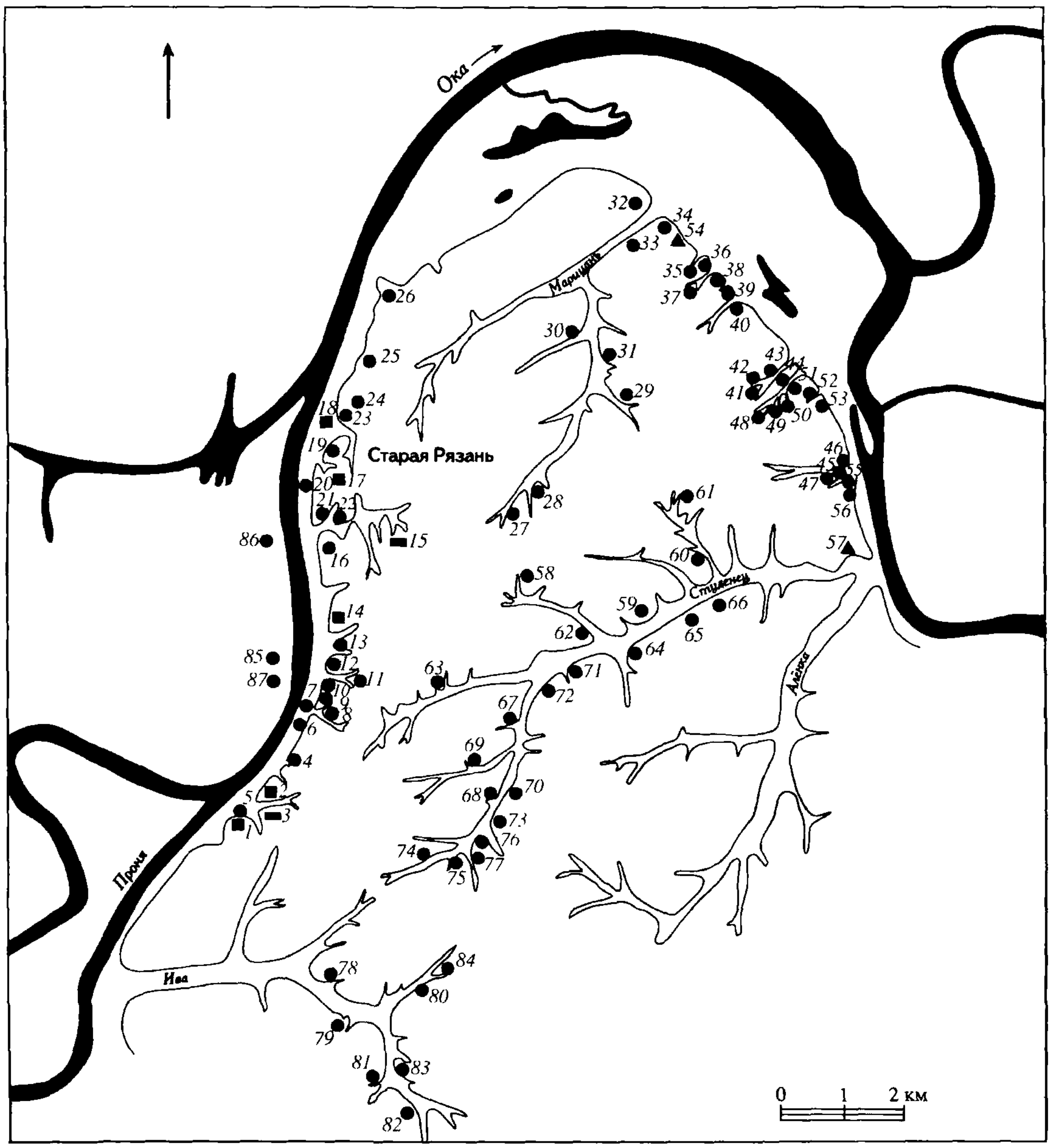


Рис. 4. Напластования вала Северного городища (наиболее ранние строительные горизонты в центральной части разреза)

прослежен тонкий слой, не являющийся сплошным горизонтом, в котором встречена керамика примитивного облика, вылепленная из грубого теста и лишь слегка подправленная на гончарном круге, датируемая X–XI вв., т.е. временем более ранним, чем сооружение вала. Конструкция раннего вала состояла из одного ряда клетей шириной 2 м, забутованных глиной. Внешняя стена была бревенчатой, а внутренняя представляла собой трехрядную изгородь из горизонтальных досок, связанных вертикальными жердями. В процессе строительства бревенчатых клетей оборонительных сооружений этого горизонта была подготовлена углубленная площадка на внутреннем склоне насыпи вала. Клети состояли из двух рядов бревен, расположенных на расстоянии 2,5–3 м друг от друга. Они были заполнены глинистым слоем. Второй,


Кишня
Ока
Ока
Истья
Проня
Пара
0 5 10 км


Ока
Старая Рязань
Марицань
Студенец
Алёнка
Проня
Ива
0 1 2 км

первоначально не засыпанный грунтом, ряд клетей шириной около 3 м расположен в 3 м к северу от первого ряда. Аналогии внутривальным конструкциям раннего строительного горизонта вала Северного городища встречены, например, на Дону, где на городище Титчиха открыты подобные полусрубы, забутованные грунтом (*Москаленко*, 1965. С. 129–138).

Второй строительный горизонт вала, датируемый серединой XII в., перекрывает культурные напластования площадки городища (слой XI в. и вышележащий слой конца XI–XII вв.). Третий строительный горизонт вала, датируемый концом XII в., характеризуется односрубной внутривальной конструкцией. От бревенчатых стен деревянных клетей этого горизонта сохранились 4 венца с южной стороны и один венец с северной. Расстояние между ними – около 4 м. На северном склоне вала была сооружена каменная известняковая вымостка. Следы второго, внутреннего, ряда клетей не обнаружены. Возможно, в связи со строительством в этот же период грандиозных оборонительных сооружений Южного городища, на Северном были использованы упрощенные конструкции. Рассматриваемый горизонт перекрывает напластования XII в. Самый верхний, четвертый, строительный горизонт датируется началом XIII в. Он перекрыт перемешанным, поврежденным пахотой слоем, в котором встречается керамика XII–XIII вв. Эту достаточно сложную стратиграфию в дальнейшем удалось увязать с многочисленными ямами, сооружениями, печами и погребениями, исследованными на раскопе 28, прирезанном к разрезу вала.

В насыпи вала Северного городища были обнаружены фрагменты плинфы, поливных плиток пола, гирька и чашка от весов, удила и стремя, замки, ключи, шиферные пряслица и другие находки. В ямах в культурном слое, перекрытых напластованиями оплывшего вала, были найдены железные ножи, стеклянные браслеты, стеклянные, сердоликовые и янтарные бусы, фрагменты амфор, бутылкообразные подвески финно-угорских шумящих украшений, подвески-амулеты из клыков кабана и медведя, железные клещи. Особо следует упомянуть находку свинцовой вислой печати первой половины XII в. с изображением св. Иакова, принадлежавшей новгородскому посаднику Мирославу Гюрятиничу, а также пломбы дрогичинского типа.

Раскоп 28, прирезанный к разрезу вала с севера, интересен прежде всего тем, что он позволил увязать строительную историю вала Северного городища со стратиграфией напластований культурного слоя площадки городища. Ко времени существования первого строительного горизонта вала (т.е. до середины XII в.) относятся несколько хозяйственных ям прямоугольной формы и остатки двух глинобитных печей. Одна из них располагалась в северной части раскопа и имела квадратную форму со стороной 1,4 м. Печь стояла на деревянном опечке, заполненном глиной. От него сохранились следы угловых столбов. Печь трижды подвергалась ремонту: в ее поде зафиксированы три слоя дополнительной обмазки, отделенные друг от друга тонкими углистыми прослойками. Вторая печь сохранилась хуже. В примыкающей к ней зольной яме собрана значительная коллекция керамики, типичной для XI в. На рубеже XI–XII вв. на исследованном участке Северного городища существовало углубленное жилище. Сохранившаяся яма ориентирована с запада на восток. Ее размеры – 5 на 3 м. Восточная часть ямы представляла собой погреб-ледник, углубленный на 2 м в материк. Еще один комплекс жилища, исследованный на участке, относится к началу XIII в. Это было наземное жилище прямоугольной формы, ориентированное перпендикулярно линии вала. В восточной части постройки обнаружены остатки разрушенной печи. К западу от дома в 0,5 м от его западной стенки прослежены следы двух мощных столбов. Вероятно, здесь располагался какой-то навес, примыкавший к жилищу. Верхний культурный горизонт напластований площадки

Рис. 5. Археологические памятники Спасской луки

1 – Никитино 1 (городище), *2* – Никитино 2 (городище), *3* – Никитино (грунтовый могильник), *4* – Никитино 1 (селище), *5* – Никитино 2 (селище), *6* – Климентовское 1 (селище), *7* – Климентовское 5 (селище), *8* – Климентовское 2 (селище), *9* – Климентовское 3 (селище), *10* – Климентовское 4 (селище), *11* – Чевкино 7 (селище), *12* – Чевкино 1–6 (селища), *13* – Чевкино 8 (селище), *14* – Шатрище (городище), *15* – Шатрище (грунтовый могильник), *16* – Шатрище 1 (селище), *17* – Старая Рязань (городище), *18* – Старая Рязань (Северный мыс) (городище), *19* – Старая Рязань (Северное городище) (поселение), *20* – Старая Рязань (посад) (поселение), *21* – Старая Рязань 1 (стоянка), *22* – Старая Рязань 2 (стоянка), *23* – Старая Рязань (селище), *24* – Фатьяновка, участок А (селище), 25 – Фатьяновка, участок Б (селище), *26* – Фатьяновка, участок В (селище), *27* – Устрань 1 (селище), *28* – Устрань 2 (селище), *29* – Устрань 3 (селище), *30* – Устрань 4 (селище), *31* – Устрань 5 (селище), *32* – Устрань 6 (селище), *33* – Устрань 7 (селище), *34* – Кутуково 1 (селище), *35* – Кутуково 2 (селище), *36* – Кутуково 3 (селище), *37* – Кутуково 4 (селище), *38* – Кутуково 5 (селище), *39* – Кутуково 6 (селище), *40* – Кутуково 7 (селище), *41* – Аргамаково 1 (селище), *42* – Аргамаково 2 (селище), *43* – Аргамаково (селище), *44* – Аргамаково 4 (селище), *45* – Исады (городище), *46* – Исады 1 (селище), *47* – Исады 2 (селище), *48* – Исады 3 (селище), *49* – Исады 4 (селище), *50* – Исады 5 (селище), *51* – Исады 6 (селище), *52* – Исады 7 (селище), *53* – Исады 8 (селище), *54* – Кутуково (местонахождение), *55* – Красный Яр 1 (селище), *56* – Красный Яр 2 (селище), *57* – Красный Яр (местонахождение), *58* – Студенец 1 (селище), *59* – Студенец 3 (селище), *60* – Студенец 5 (селище), *61* – Студенец 7 (селище), *62* – Студенец 8 (селище), *63* – Студенец 9 (селище), *64* – Студенец 10 (селище), *65* – Студенец 11 (селище), *66* – Студенец 12 (селище), *67* – Соболевая 1 (селище), *68* – Соболевая 2 (селище), *69* – Соболевая 3 (селище), *70* – Соболевая 4 (селище), *71* – Соболевая 5 (селище), *72* – Соболевая 6 (селище), *73* – Соболевая 7 (селище), *74* – Разбердеево (селище), *75* – Романовка (селище), *76* – Соболевая 8 (селище), *77* – Соболевая 9 (селище), *78* – Милованово 1 (селище), *79* – Милованово 2 (селище), *80* – Милованово 4 (селище), *81* – Милованово 5 (селище), *82* – Милованово 6 (селище), *83* – Милованово 7 (селище), *84* – Милованово 3 (селище), *85* – Климентовское левобережное 1 (поселение), *86* – Климентовское левобережное 2 (поселение), *87* – Климентовское левобережное 3 (поселение)

Условные обозначения: кружочками отмечены селища, квадратиками – городища, прямоугольниками – могильники

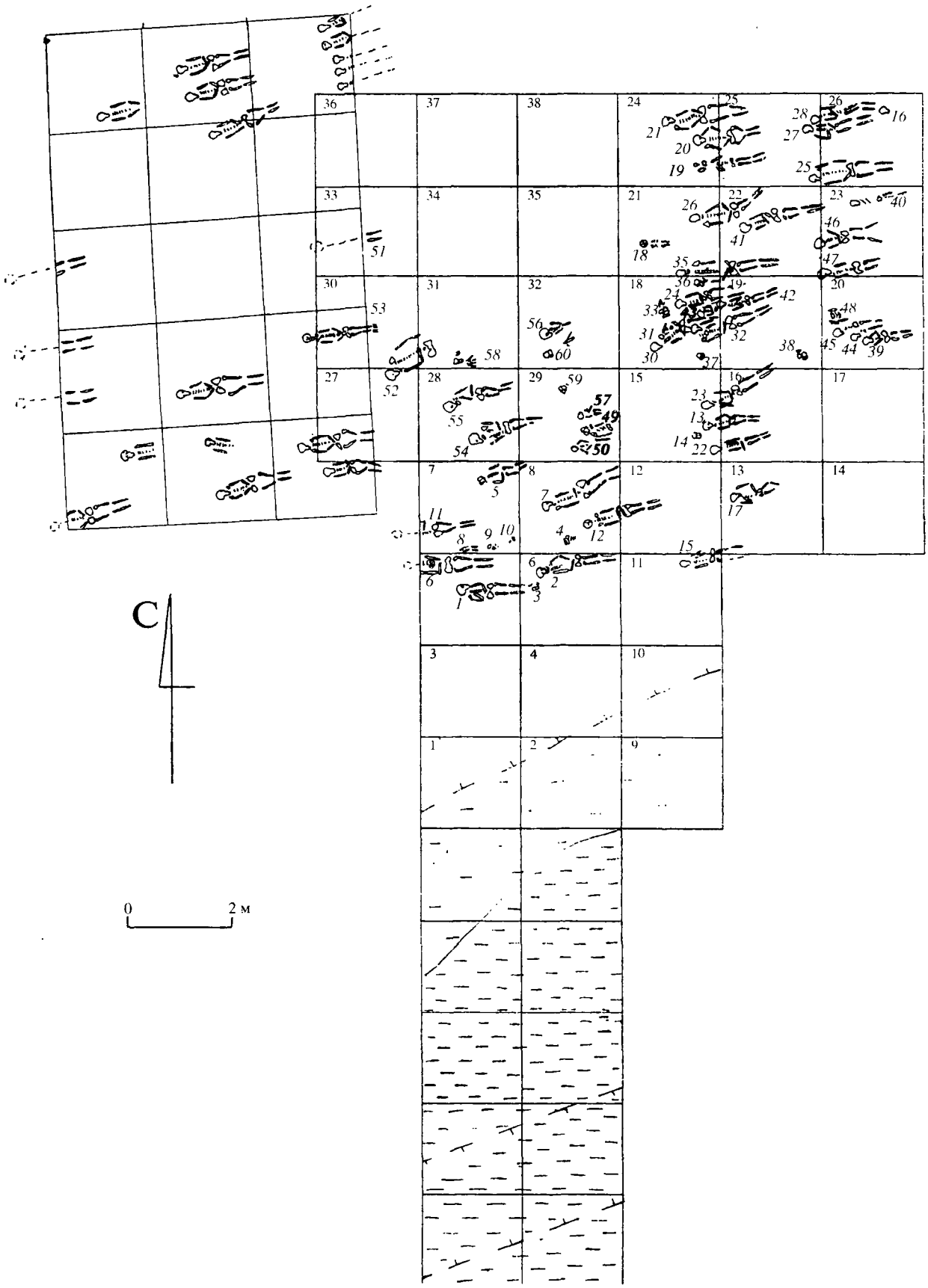


Рис. 6. Средневековое кладбище на площадке Северного городища (раскоп 28)

городища – слой, связанный со средневековым кладбищем (рис. 6)

Хронологические привязки предложенной стратиграфической модели получают необходимое подтверждение благодаря разработанной одним из авторов (И.Ю. Стрикаловым) детальной классификации и хронологии керамики. Этим специальным разработкам посвящена отдельная статья, публикуемая в сборнике (с. 372–381) Любопытно, что наиболее ранняя славянская керамика Старой Рязани обнаружена не на площадке городища, а на территории посада. Это лепная керамика роменско-боршевского типа (IX–X вв.), встреченная в заполнении ям на раскопе 26 (1997 г.). Несмотря на то, что слой, с которым связана эта керамика (рис. 7), не обнаружен, данная находка очень важна, так как она указывает на раннюю дату появления славян в этой части долины Оки. Анализ материалов из шурфов и раскопов на территории посада свидетельствует о том, что постоянное население здесь, как и на древнейшей части городища, появляется в XI в.

Исследования Северного городища в 1998–2000 гг. интересны не только в плане радикального уточнения стратиграфии и хронологии напластований памятника. Здесь собрана значительная коллекция замечательных находок, в том числе – ювелирных изделий из золота и серебра, не уступающих происходящим из знаменитых старорязанских кладов. Весьма важная находка – значительная серия керамических поливных плиток пола. Такие плитки в древней Руси использовались только для мощения полов храмов Между тем храм на Северном городище (в древнейшей части средневекового города) до сих пор не был обнаружен. Несомненно, он должен был существовать в древнейшей крепости, основанной в XI в. Работы ближайших лет, вполне возможно, позволят нам найти остатки этого памятника зодчества. Храм мог быть деревянным, и тогда его выявление представит значительные трудности. Еще одна интересная особенность изученного участка – обилие погребений (60, в том числе 14 детских – рис. 6), что, возможно, также свидетельствует о близости церковного здания. Погребения прорезают напластования XIII в. и, возможно, связаны с последствиями монголо-татарского нашествия. Однако это кладбище отличается от известных до сих пор массовых захоронений жертв нашествия в Старой Рязани, которых погребали в общих могилах в несколько ярусов, чего в данном случае не наблюдается.

Среди находок на Северном городище отметим бронзовую сюльгаму и бронзовую пронизку с колоколовидными привесками. Обе находки могут быть связаны с дославянским финно-угорским населением. Кроме того, на раскопе 28 были обнаружены два золотых изделия (каплевидная подвеска и цепочка), крупная серебряная бусина, украшенная зернью, серебряное трехбусинное кольцо очень тонкой работы, миниатюрный каменный крестик с серебряной накладкой, ювелирная бронзовая матрица для оттискивания изображений птицы, конек-подвеска, пломба дрогичинского типа, миниатюрные бронзовые складные весы и другие находки.

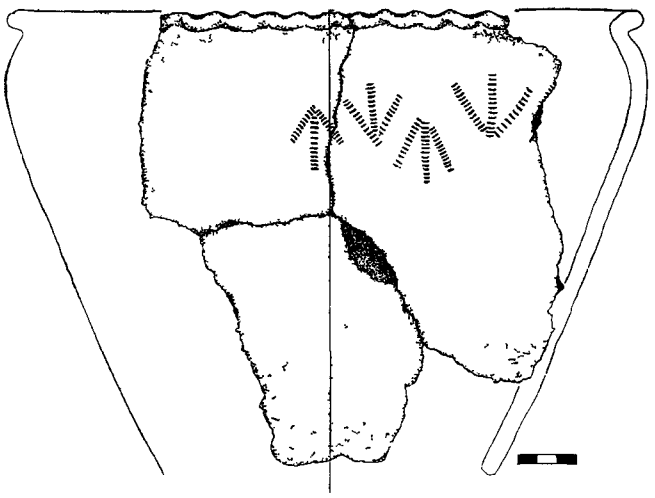


Рис. 7. Сосуд роменско-боршевского типа из раскопок на посаде Старой Рязани (раскоп 26)

Работы на площадке Южного городища показали, что, двигаясь к северу от раскопа 7 (где в 1970-х годах была изучена богатейшая усадьба), новыми раскопками была вскрыта ее периферийная часть, богатая ценными находками (в том числе изделиями из золота и серебра), а затем – значительное пространство, крайне бедное находками. Подобная неоднородность застройки, даже в наиболее густозаселенной прибрежной части площадки Южного городища характерна для топографии Старой Рязани. В южной части раскопа, связанной с богатой усадьбой, была исследована печь XIII–XIV вв., сложенная из плинфы. Напомним, что сходная печь, представляющая собой исключительную редкость в древнерусских материалах, была исследована поблизости в 1960-х годах (*Даркевич*, 1974. С. 22, 23. Рис. 3, 4). Среди находок здесь могут быть отмечены золотая каплевидная подвеска, подобная той, которая была найдена на городище в 1960-х годах (*Даркевич,* 1974. С. 37. Рис. 14, *1*), серебряный шарик, которым завершался лучик колта, серебряная бусина, остатки жемчужных бус, фрагменты стеклянных сосудов, янтарный медальон с растительным орнаментом, бронзовые складные весы, костяная копоушка, украшенная изображениями звериных морд. В погребениях XI в., исследованных на раскопе, обнаружены бронзовые пряжки, бусы и круглый медальон с равноконечным крестом.

На раскопе 25 1995 г. в центральной части Южного городища, неподалеку от руин Спасского собора XII в., были исследованы остатки заглубленных в землю жилищ. Одно из них было частично исследовано раскопками 1979 г. (постройка 1 усадьбы Б), причем в нем были обнаружены два клада ювелирных изделий (*Даркевич, Борисевич,* 1995. С. 201, 202). В исследовавшейся в 1995 г. части того же жилища под остатками сгоревшего перекрытия и пережженными человеческими костями от нескольких особей в яме, выкопанной в подполье, была найдена серебряная чаша на поддоне, украшенная позолотой; внутри чаши, на ее дне орнаментальная розетка (рис. I). Находка, несомненно, связана с драматическими событиями

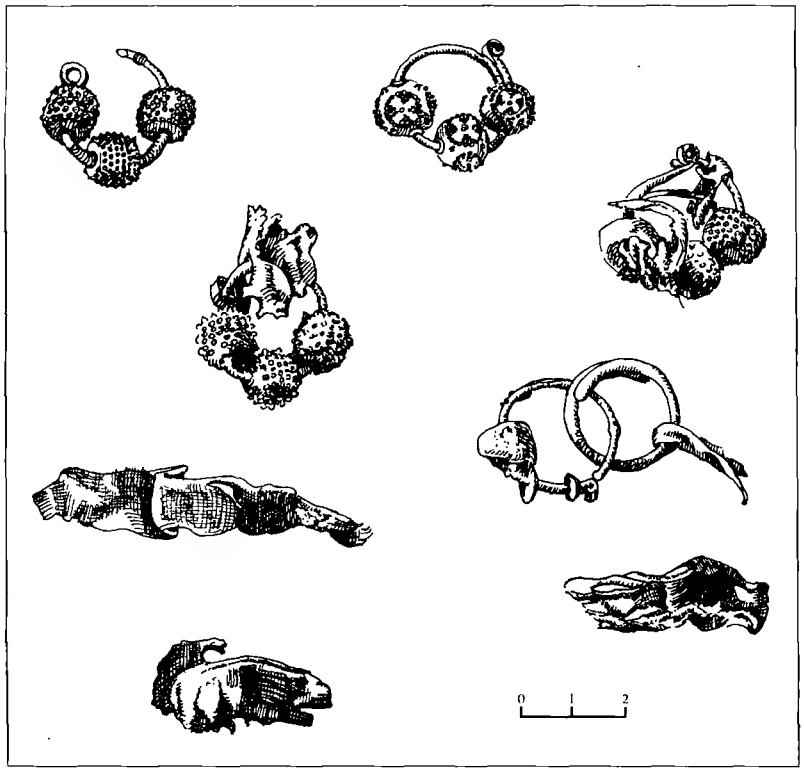


Рис. 8. Детали женского головного убора из погребения XII–XIII вв. вблизи Борисоглебского собора

взятия Старой Рязани войсками Батыя в 1237 г. Другая постройка, имевшая подпольную яму размерами 4,6 × 3,5 м, датируется XIV–XV вв. – в ней обнаружено подражание монете Тохтамыша (определение Г.А. Федорова-Давыдова) и керамика того же времени. Это далеко не единственное свидетельство того, что жизнь на городище продолжалась и после монголо-татарского нашествия. Керамические материалы Южного городища включают почти 50% материалов конца XIII–XIV вв. Слой, датируемый этим временем, на городище практически не прослеживается, однако это может быть объяснено тем, что верхняя часть культурного слоя повреждена пахотой. Среди находок на раскопе отметим каменный наперсный крест XIV–XV вв. с многочисленными надписями и гравированными изображениями крестов (рис. II) и бронзовый энколпион.

Архитектурно-археологические исследования Борисоглебского собора XII в., начатые в 1999 г., дали интересные результаты. Несмотря на непрофессиональные раскопки первой половины XIX в. и позднейшие строительные работы, древние напластования сохранились значительно лучше, чем можно было бы ожидать. Обнаружен ряд интересных находок. Среди них замечательная резная архитектурная деталь из белого камня, близкая образцам владимиро-суздальского происхождения (рис. III), ювелирные украшения из богатого погребения, которые по качеству работы могут быть сопоставлены с находками из прославленных старорязанских кладов (рис. 8).

В ходе работ 2001 г. обнаружена часть центральной апсиды храма и уточнена планировка северного придела храма, который, как оказалось, имел особую апсиду. Ориентировка стен придела не вполне совпадает с ориентировкой стен основного объема храма, что, возможно, отражает более сложную строительную историю памятника, чем это предполагалось ранее. Полную ясность в этот вопрос смогут внести лишь дальнейшие исследования более широкими площадями. Сложенные из плинфы стены придела мес-

тами хорошо сохранились. К северной стене придела примыкал также сложенный из плинфы склеп, в котором были обнаружены два скелета. Судя по местоположению склепа (вблизи алтаря), следует полагать, что он предназначался для высшего духовенства или выдающихся представителей светской знати (скорее всего, князей). Погребения оказались безынвентарными, однако в заполнении могильной ямы было довольно много находок, среди них – уникальный фрагмент орнаментированного серебряного оклада иконы, небольшие медные гвоздики, которыми он мог крепиться, а также крупные обломки хоросов. В результате работ 2001 г. полностью прояснилось соотношение планировки древнего собора и церкви начала XX в.

В 1996–2001 гг. были предприняты значительные работы на посаде городища (шурфы 1–4 1996 г., раскоп 26 1997 г., раскоп 27 1997–2001 гг., шурфы 1, 2 1999 г., раскоп 31 2000–2001 гг., раскоп 32 2001 г.). Здесь были открыты наиболее ранние слои древнерусского времени, которые по массовому керамическому материалу могут быть датированы временем не позднее начала XI в. Керамика из этих слоев имеет очень архаичный облик: она изготовлена без применения гончарного круга или лишь подправлена на нем. Подобная керамика встречена в комплексах некоторых ям раскопа 28 на Северном городище. На посаде же, в раскопе 31, она составляет основу керамической коллекции всего нижнего слоя, а также встречается и на других исследованных участках. Кроме того, на посаде встречены и фрагменты более ранних сосудов, не известных среди находок на городище. Это фрагменты трех сосудов роменского облика из предматерикового слоя раскопа 26 (рис. 7), а также фрагменты сосудов южнорусского производства из нижнего слоя раскопа 31 (сосуды с так называемым манжетовидным венчиком, изготовленные из хорошего тонкого теста, не характерного для местного гончарного производства), которые были распространены в X – начале XI в.

На посаде Старой Рязани ранние слои открыты повсеместно в его северной части на первой надпойменной террасе Оки, которая возвышается на 10–15 м над урезом воды. Выше, на второй террасе встречены материалы не ранее конца XI – начала XII в. (раскоп 32). Исключение составляет шурф 1-96, расположенный на склоне слабовыраженной второй террасы Оки на правом берегу ручья Серебрянки, где в нижних горизонтах найдена керамика более раннего времени.

Таким образом, на основании предварительных данных можно сделать предположение, что первоначально древнерусские поселенцы заселили прибрежную часть, первую надпойменную террасу и лишь спустя некоторое время начали осваивать коренной берег Оки, где позднее было построено городище.

Исследования неукрепленного посада оказались весьма плодотворными и перспективными еще по одной причине. В Старой Рязани, для которой, казалось, повсеместно характерен сухой культурный слой, был открыт участок с влажным культурным слоем, в котором хорошо сохраняются органические

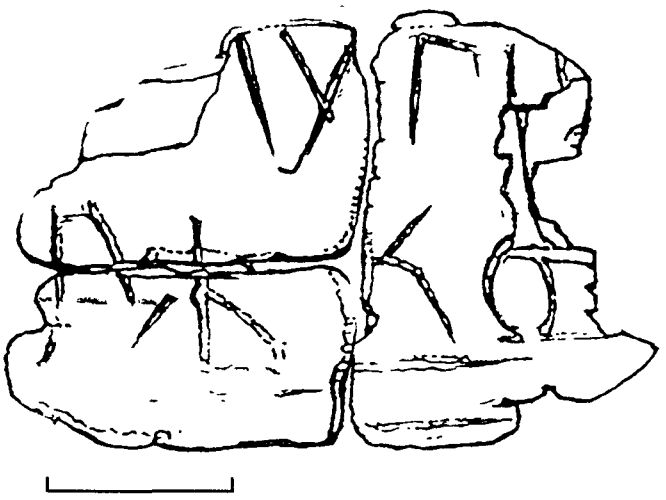


Рис. 9. Берестяная грамота начала XIII в. из раскопок на посаде Старой Рязани (раскоп 27)

вещества. Благодаря этому впервые появилась возможность получить представление о не известных ранее составляющих материальной культуры этого города. Достаточно упомянуть о находке здесь первой в Старой Рязани берестяной грамоты (рис. 9). Она весьма фрагментарна, однако существенно, что такая находка в этом городе есть, так что дальнейшее обнаружение здесь подобных грамот вполне реально. Среди уникальных находок из дерева отметим деревянную стрелу для охоты на пушного зверя, игрушку в виде лошадки, ковш, ложку, крест-тельник, уникальную деревянную бусину. Находки на посаде показывают, что он отнюдь не был местом обитания лишь беднейшей части населения. Об этом говорят находки дорогой привозной иранской керамики XII–XIII вв., стекла, оружия, свинцовой печати первой половины XII в. новгородского князя Всеволода Мстиславича с изображением Благовещения и св. Феодора (подобные печати прикреплялись к официальным документам, связанным с крупными земельными владениями). Среди занятий жившего здесь населения следует отметить сложные ремесла. На это указывают находки многочисленных обломков янтаря и бракованной янтарной бусины, сильно пережженных тиглей сложных форм, сопел, бронзовых изделий-полуфабрикатов. Одна из наиболее ценных находок с территории посада, к сожалению, плохо увязана с его стратиграфией, так как происходит из верхнего перемешанного слоя. Это каменная пластинка с арабской надписью, включающей имя хана (Тимура – рис. IV). Эта вещь, несомненно, связана с эпохой ордынского владычества, и, несомненно, с высокопоставленным лицом, приближенным хана. Находка свидетельствует о том, что и после разгрома 1237 г. город сохранял определенное военно-политическое и экономическое значение и мог представлять интерес для ордынских военачальников или чиновников высокого ранга.

Среди находок на раскопе 31 в северной части посада отметим пару железных стремян, замки, две находки, датируемые XI в. – бронзовую лунницу и золо-

Рис. 10. Медная пластина церковных дверей, украшенная в технике огненного золочения из Старой Рязани (по А.Л. Монгайту)

тостеклянную бусину, а также неолитический кремневый наконечник стрелы, возможно, использовавшийся средневековым населением в качестве амулета.

Традиционно Старая Рязань рассматривается как памятник, который в наиболее яркой форме отразил катастрофические последствия монголо-татарского нашествия, как своего рода "русские Помпеи". Для таких представлений имеются известные основания. Действительно, в то время как Киев, Чернигов, Владимир, Суздаль, Ростов, разрушенные в ходе нашествия, в настоящее время продолжают существовать как города, Старая Рязань пришла в запустение, сохранившись лишь в виде небольшого села. Напомним, что по числу кладов ювелирных изделий, связанных с драматическими событиями монголо-татарского нашествия, Старая Рязань занимает второе место среди древнерусских городов, сразу за "матерью городов русских" – Киевом. Вместе с тем, конкретная картина гибели города, ее темпы и механизмы в деталях неясны. Одна из причин этого – недостаточная изученность памятника (исследовано лишь около 5% укрепленной площади). Соответственно нет полного единообразия мнений исследователей о времени исчезновения Старой Рязани как городского центра.

А.Л. Монгайт (1955. С. 28) был склонен предполагать постепенное угасание города после разгрома; по В.П. Даркевичу, Старая Рязань перестает существовать как город непосредственно в результате нашествия (*Даркевич, Борисевич,* 1995. С. 431). В пользу обеих точек зрения имеются серьезные аргументы. Кратко остановимся на них, а также на новых материалах, выявленных работами 1994–2000 гг.

"Повесть о нашествии Батыя на Рязань", входящая в состав "Повести о Николе Зарайском" и восходящая, по-видимому, к не дошедшему до нас памятнику рязанского летописания, сообщает о восстановлении города после разгрома, в частности, о возобновлении богослужения в его храмах (*Лихачев,* 1949. С. 296, 301, 316, 321, 337, 343, 377, 378, 390, 391). Известная историческая песня об Авдотье Рязаночке также рисует картину возвращения города к жизни (Народные исторические песни, 1962. С. 60). Летописные источники говорят о погребении одного из рязанских князей в 1258 г. в соборе Старой Рязани (ПСРЛ. Т. I. Стб. 475); имеются сведения о нахождении в этом городе в конце XIII–XIV в. епископской кафедры (Повесть о Петре и Февронии, 1979. С. 79–94, 325, 326).

Археологические данные о позднейшем этапе существования памятника трудны для истолкования. Дело в том, что верхний слой городища разрушен пахотой. Позднейшие находки встречаются на памятнике повсеместно, однако непотревоженных напластований XIV–XV вв. выявить не удается. Отметим высокий (около 50%) процент керамики этого времени практически на всей укрепленной части памятника. Временем после монгольского нашествия датируется ряд жилищ на площадке городища, в частности, жилище из раскопок 1995 г. у развалин Спасского собора, в котором было найдено подражание монете Тохтамыша и керамика того же времени.

Статус Старой Рязани и после ее взятия Батыем был, по-видимому, достаточно высок. На это указывает находка здесь створки от золоченых церковных дверей с изображением "Крещения Господня", датируемой В.Н. Лазаревым XIV в. (*Монгайт*, 1955. С. 139, 141. Рис. 106; *Лазарев*, 1953. С. 436) – (рис. 10). Подобные двери украшали порталы важнейших соборов наиболее богатых городов древней Руси.

Находка в Старой Рязани каменной пластинки, несущей арабскую надпись с именем хана (функционально, очевидно, что-то вроде пайцзы – рис. IV), показывает, что в глазах ордынцев Старая Рязань и после ее разгрома войсками Батыя представляла собой важный в военно-политическом отношении пункт.

Приведенные соображения и данные указывают на необходимость дальнейших исследований памятника и его округи с целью составить более конкретное представление о событиях 1237 г., их реальных масштабах и исторических последствиях.

В результате разведочных работ 1996–2000 гг. была составлена подробная археологическая карта Спасской луки (рис. 5). Эта карта предоставляет исследователям характеристику очередного эталонного региона, который можно считать полностью обследованным. Хронология памятников на территории Спасской луки позволяет воссоздать динамику развития поселенческих структур микрорегиона на протяжении ряда столетий (рис. 11). Полученные данные показывают, что Старая Рязань возникает как передовой пограничный форпост на территории, еще не заселенной славянским земледельческим населением. В дальнейшем славяне начинают осваивать эти земли,

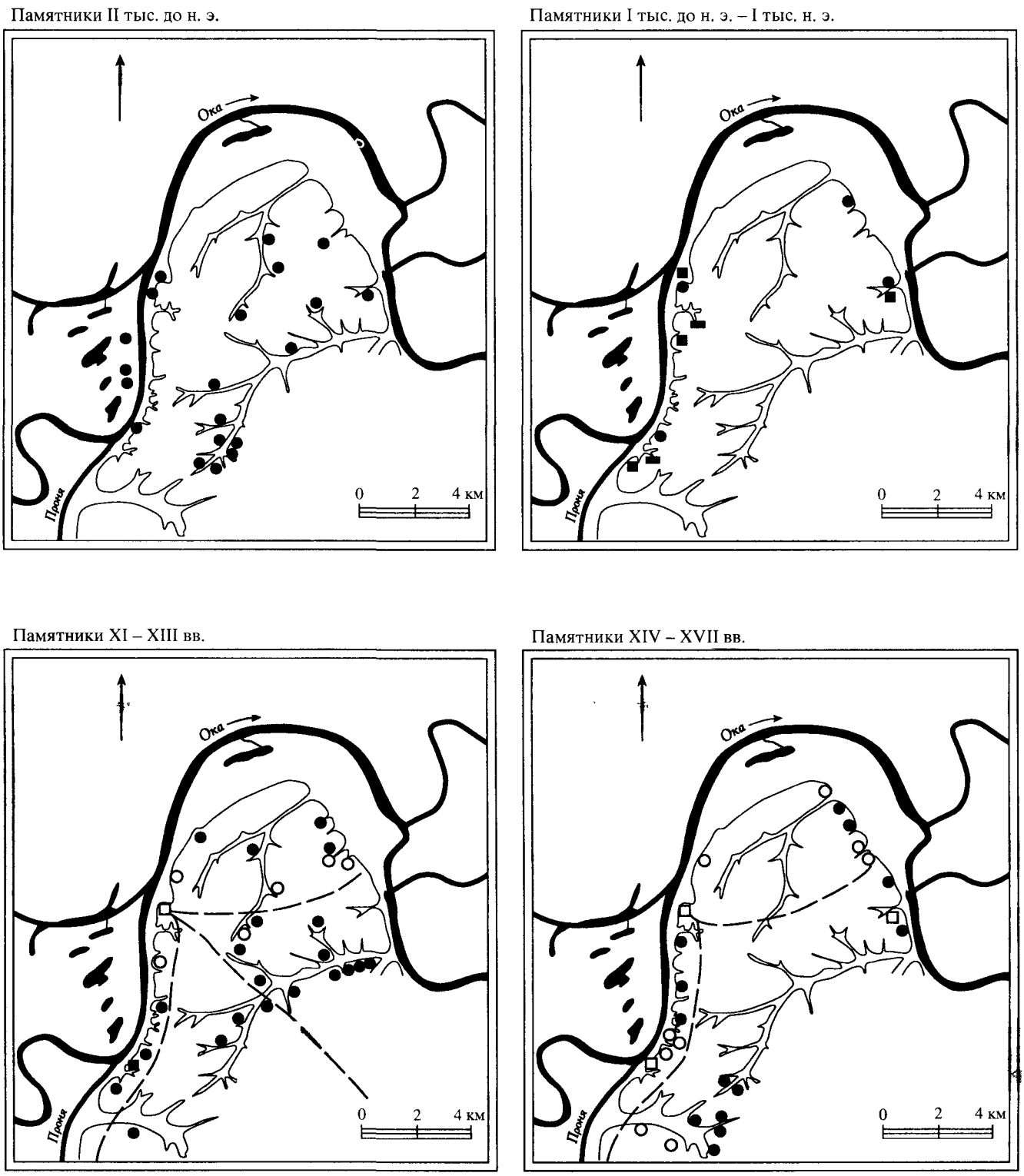


Рис. 11. Динамика развития поселенческих структур микрорегиона Спасской луки

Кружочками отмечены селища, квадратиками – городища, прямоугольниками – могильники. На плане "Памятники XI–XIII вв." без заливки даны памятники, возникшие в конце XI – начале XII в., заливкой – памятники середины XII–XIII вв. На плане "Памятники XIV–XVII вв." без заливки даны памятники XIV–XV вв., заливкой – XVII в.

причем первоначально поселения XI в. расположены на берегах оврагов образуя цепочку, соединяющую Старую Рязань и древнее село Исады (путь, как бы "спрямляющий" излучину Оки). Позднее поселения распространяются шире, причем они непосредственно тяготеют к водным источникам, Оке и мелким ручьям. В XIV–XV вв. картина резко изменяется, и основные поселения переносятся на высокий коренной берег Оки (т.е. складывается современная система расселения). При этом памятники концентрируются в трех участках берега: у Старой Рязани; в 6 км к югу от нее – у Нового Ольгова городка и близ уже упоминавшегося с. Исады.

В южной части Спасской Луки (верхнее и среднее течение р. Ивы) материалы ранее XIV в. отсутствуют, к началу XIII в. этот участок еще не был освоен древнерусскими поселенцами. Вероятно, сельская округа Старой Рязани на водоразделе ограничивалась берегами ручья Студенец. В то же время в нижнем течении Ивы известны курганы древнерусского времени. Вопрос лишь в том, связаны ли они с выходцами из Старой Рязани (такая возможность, учитывая отсутствие курганного обряда в некрополях города, представляется сомнительной) или же устья Ивы достигла другая, встречная, волна переселенцев, шедшая с Прони и участков Окской долины, располагавшихся по отношению к Спасской Луке выше по течению реки. Присутствие курганных могильников XII–XIV вв. в бассейне Прони свидетельствует в пользу второго предположения.

В ходе археологического обследования округи Старой Рязани были проведены охранные раскопки трех гончарных горнов XIV–XV вв. на Новоольговском II селище, разрушаемом оврагом. Все они существовали одновременно и различались по своей конструкции, что свидетельствует о высоком уровне ремесла. Наиболее крупный горн (диаметр обжигательной камеры 2,6 м) состоял, по-видимому, из двух горизонтальных камер. Второй, однокамерный горн (диаметром более 1,5 м) был частично врезан в склон оврага. Горн 3, диаметром 1,2 м имел двухъярусную конструкцию. Среди керамических фрагментов, обнаруженных внутри горнов, встречены весьма своеобразные и редкие формы. Находка гончарных горнов удовлетворительной сохранности представляет собой редкую для археологов удачу. Остатки производственного сооружения были обнаружены также на поселении Красный Яр к югу от исадской группы памятников (яма, заполненная шлаками). Следы развитых производств на сельских поселениях, датируемых периодом упадка Старой Рязани, весьма примечательны и свидетельствуют о принципиально новой хозяйственной структуре микрорегиона, сложившейся в XIV–XV вв.

Помимо работ на славянских памятниках экспедицией проводились также небольшие раскопочные работы на дославянских памятниках микрорегиона.

В 1995 г. отрядом экспедиции под руководством И.Р. Ахмедова (ГИМ) были возобновлены исследования отделенного от Старорязанского городища оврагом Шатрищенского могильника, оставленного финно-угорским населением в IV–VIII вв. (культура рязано-окских могильников). Раскопом, примыкающим к траншее, исследовавшейся Т.А. Кравченко, были исследованы 6 погребений, относящихся к двум хронологическим периодам, датируемым V и VII вв. Погребения были совершены в прямоугольных ямах. В устройстве ям прослеживаются хронологические различия. Ранние погребения ориентированы головой на север, для них характерны более длинные и глубокие ямы. Более поздние погребения ориентированы головой на северо-восток.

Наиболее интересное погребение 3 включало конструкцию рухнувшего перекрытия, поверх которого была положена фибула. Погребальный инвентарь включал гривну из белого металла с замком с двойной петлей и поясной набор. В двух женских погребениях V и VII вв. найдены различные металлические детали костюма и остатки головного убора, включавшего большое количество бронзовых пронизей и блях. Кроме того, на западном склоне мыса было расчищено разрушавшееся погребение мужчины. В сохранившейся части могилы были обнаружены нож, втульчатый топор и копье, датируемые VII в.

В рамках Старорязанской экспедиции А.В. Трусовым в 1997 и 2000 гг. исследовалась также палеолитическая стоянка Шатрище 2. Площадь раскопа на склоне оврага достигает 15 кв. м. Обнаружены кремневый инвентарь, кости шерстистого носорога, северного оленя, крупного оленя (гигантского?) и другие остеологические материалы. Исследовавшийся участок является периферийной частью стоянки. Вблизи стоянки Шатрище 2 в том же году были обнаружены еще два местонахождения каменного века, возраст и культурная принадлежность которых пока еще не определены.

Работы Старорязанской экспедиции ведутся в тесном сотрудничестве со специалистами в области естественнонаучных методов исследования. Изделия из черного металла систематически подвергаются металлографическому анализу, проводятся определения костей животных, а также образцов пыльцы. Ведется работа по созданию компьютерной базы данных археологических находок из Старой Рязани. Начиная с 1998 г. на городище работает группа специалистов по инженерной геологии под руководством к.г.н. Е.И. Романовой. В настоящее время ими разрабатывается вопрос о темпах эрозии склонов городища и рекомендации по охране культурного слоя городища от разрушений.

Работы 1994–2001 гг. в Старой Рязани свидетельствуют о том, что дальнейшие исследования этого важнейшего памятника весьма перспективны и дадут новые важные результаты. Несмотря на то, что памятник относится к числу наиболее изученных и является объектом многочисленных публикаций, в том числе двух фундаментальных монографий, новейшие исследования позволяют пересматривать и уточнять многие положения предшествующих исследователей, получать новые, зачастую исключительно ценные материалы. Это объясняется, в частности, тем, что, несмотря на то, что археологическое изучение памятника было начато еще в 1822 г. (раньше, чем в каком-либо другом древнерусском городе), на грандиозный размах работ 1945–1950 и 1966–1979 гг., на сегодняшний день раскопано не более 5% укрепленной территории Старорязанского городища. С учетом территории неукрепленного посада, где исследования до сих пор носили весьма ограниченный характер, этот процент окажется еще меньше. Текущие задачи экспедиции – не только и не столько наращивание масштабов раскопок, сколько совершенствование методики, расширение круга современных методов анализа получаемых материалов, разработка предложений по обеспечению сохранности уникального археологического комплекса.

Литература

Даркевич В.П., 1974. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Калайдович К.Ф., 1823. Письма к А.Ф. Малиновскому об археологических изысканиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 г. древностей. М.

Лазарев В.Н., 1953. Васильевские врата 1336 г. // Советская археология. М.; Л. Т. 18.

Лихачев Д.С., 1949. Повести о Николе Заразском // ТОДРЛ. М.; Л. Т. VII.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань / МИА. № 49.

Москаленко А.Н., 1965. Городище Титчиха: Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж.

Народные исторические песни / Подгот. текста и примеч. Б.Н. Путилова. М.; Л., 1962.

Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р.П. Дмитриевой. Л., 1979.

ПСРЛ. М, 1962. Т. 1.

Симонов Р.А., 1993. Древнерусская книжность (в свете новейших источников календарно-арифметического характера). М.

Чернецов А.В., Буланкина Е.В., Завьялов В.И., Стрикалов И.Ю., 1998. Новое в изучении Старой Рязани и ее округи // Тр. РИАМЗ. Рязань.

Чернецов А.В., Буланкина Е.В., Завьялов В.И., Стрикалов И.Ю., 1999. Работы Старорязанской экспедиции в 1994–1997 гг. // Древнерусская культура в мировом контексте: Археология и междисциплинарные исследования. М.

А.Е. Леонтьев

От столицы княжества к уездному городу
(Материалы к исторической топографии Ростова X–XIV вв.)

Топография древнерусского Ростова, несмотря на весь интерес к истории старейшего города Северо-Восточной Руси, остается слабо изученной. Причиной тому неполнота и отрывочность всех видов источников: топографических, письменных, архитектурных, археологических.

Современный Ростов, насчитывающий 36 тысяч жителей, является районным центром Ярославской области. Город расположен на северо-западном берегу озера Неро в озерной котловине и занимает первую озерную террасу. Протяженность Ростова вдоль озера составляет около 4,5 км, в напольную сторону – 1,8 км (без пригородов). В принятой Балтийской системе высот он находится в пределах высотных отметок 95–100 м. Повышение поверхности в центре, в пределах городских валов до отметки 105 м объясняется большой мощностью культурного слоя. Ранее через город протекала незначительная речка Пижерма, засыпанная в конце XVIII в. Ее приустьевая долина прослеживается в виде пологого понижения восточнее церкви Бориса и Глеба.

Естественным юго-западным рубежом, далее которого не могла выйти территория города, является устье ныне исчезнувшего ручья Уница, протекавшего вдоль кромки береговой террасы по краю расширения озерной поймы. Эта возвышенная местность называлась "Пески". Здесь находится стоянка эпохи неолита и бронзы, известная по раскопкам Д.Н. Эдинга и Д.А. Крайнова (рис. 1, **1**). Ранее поблизости находился женский Спасо-Песоцкий монастырь, основанный в XIII в., территория которого в XVIII в. отошла к Спас-Яковлевскому монастырю, известному с конца XIV столетия (рис. 1, **2**). В настоящее время этот монастырь занимает пологий выступ озерного берега восточнее "песков".

С северо-восточной стороны на противоположной окраине города стоит Богоявленский Авраамиев монастырь, занимая кромку береговой террасы (рис. 1, **3**). По легенде, монастырь был основан в конце XI в. (*Титов*, 1894). Далее в 500 м к востоку вдоль берега находится ближний пригород – Петровская слобода, названная по имени существовавшего с XIII в. монастыря.

Северная, удаленная от озера сторона города никаких топографических и исторических границ не имеет. Застроенные кварталы регулярной планировки расположены на ровной местности. Планом 1779 г. предусматривалось возведение городского невысокого вала, фиксировавшего городскую черту, но проект не состоялся, и современная застройка местами довольно далеко вышла за некогда установленные пределы. В 2,5 км к северу находится Троице-Варницкая слобода, выросшая у Троицкого Сергиевого монастыря, легендарной родины Сергия Радонежского. В названии слободы сохранилась память о древнем ростовском промысле – добыче (выпаривании) соли, чем жители занимались по крайней мере до конца XVII в.

Градостроительную структуру города определяет построенная в 1632 г. земляная бастионная крепость, окружившая центр города. Современная планировка Ростова восходит к плану регулярной застройки 1771 г. По этому проекту внутри крепости все деревянные строения заменялись каменными, возводившимися по красным линиям новых улиц. С внешней стороны валов было оставлено обширное полукружие свободной от застройки площади, отделившей городской центр, собственно "город", от жилых "обывательских" кварталов. Для остальной территории города было применено сочетание прямоугольной планировки с радиальной и косоугольной. На смену стихийной слободской застройке пришла строгая упорядоченность геометрически правильных кварталов. Прежние улицы и участки интенсивной застройки в большинстве случаев оказались внутри кварталов. В результате постепенного проектного изменения застройки к середине XIX в. Ростов приобрел свой в основном сохраняющийся до настоящего времени облик.

Памятники, которые связывают современный город с древним Ростовом, единичны. Это Успенский собор легендарного тысячелетнего возраста: на одном месте, сменяя друг друга, существовали здания четырех храмов (рис. 1, **4**); церковь Бориса и Глеба XVIII в., стоящая на месте предшественницы, заложенной в 1214 г. (рис. 1, **5**). Возможно, это кремлевская церковь Григория Богослова, наследующая более раннему храму XIII в. Топографическими ориентирами последующего времени являются монастыри XIV–XVI вв. Помимо уже упомянутых, к их числу относится Рождественский женский монастырь (рис. 1, **6**), находящийся в центре города к востоку от Митрополичьего двора (кремля)[1]. Определенные привязки

[1] Современное понятие "Ростовский кремль" – позднейшего происхождения. Еще в начале XX столетия кремлем называлась, как и положено, центральная часть города в пределах земляной крепости (*Иванов*, 1912. С. 36; *Собянин*, 1929. С. 28). Хотя в конце XIX в. в краеведческой литературе появляется разночтение. Кремлем начинает именоваться обнесенный стенами архитектурный ансамбль митрополичьего двора (архиерейского дома) (*Эдинг*, 1913. С. 74; Собянин, 1929. С. 33).

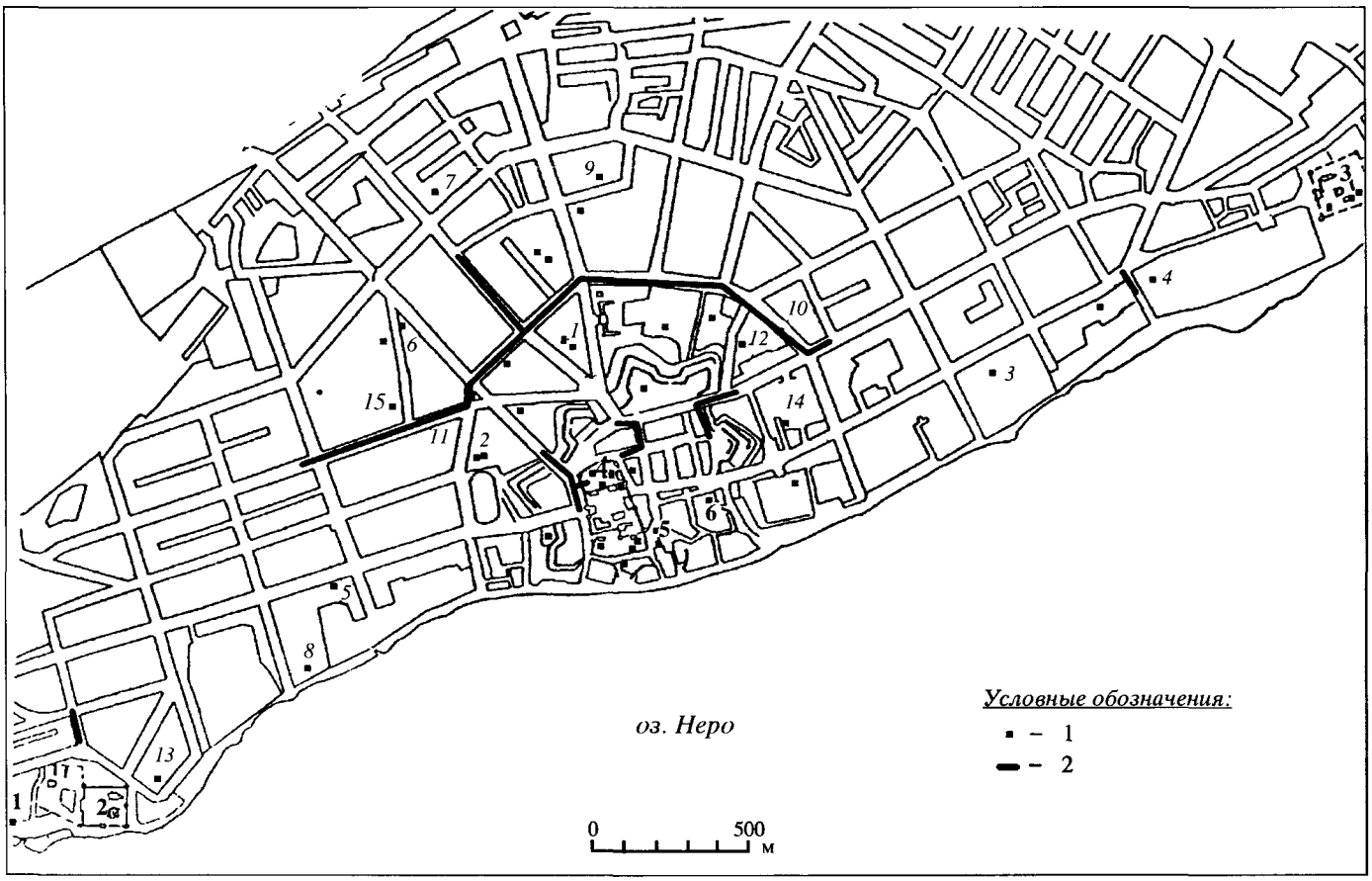


Рис. 1. План исторической части современного г. Ростова

1 – стоянка Уница; **2** – Спасо-Яковлевский монастырь; **3** – Авраамиев Богоявленский монастырь; **4** – Успенский собор; **5** – церковь Бориса и Глеба; **6** – Рождественский монастырь. *1–15* – упоминаемые в тексте шурфы и участки строительных траншей

Условные обозначения: 1– археологические шурфы и раскопы; 2– участки наблюдения за культурным слоем по трассам коммуникаций

к прежней топографии города дают сохранившиеся или уничтоженные церкви XVII–XIX вв., если известно местоположение последних.

Вопросы исторической топографии Ростова затрагивались преимущественно в краеведческой литературе. Авторы обращались к источникам XVII–XVIII вв. – Дозорным и Переписным книгам, а также сохранившимся планам второй половины XVIII – начала XIX в., отразившим дорегулярную планировку города, проект регулярной застройки и поэтапное его претворение (Дозорные и переписные книги... 1880. С. IX–X; Переписные книги Ростова Великого, 1887. С. XVIII–XXI; Ростов: Материалы для истории... 1884; *Титов*, 1891; Окружная межевая книга... 1906; *Иванов*, 1912. С. 35–38). В.А. Собянин впервые обратил внимание на следы городского рва, отмеченные на плане конца XVIII в. в виде цепочки удлиненных прудов и частично прослеживаемые в современности. Ров охватывал центральную часть Ростова, и, очевидно, замыкался озером. Собянину удалось также выделить фрагменты трасс древних улиц, вписавшихся в современную планировку города (*Собянин*, 1926. С. 45–47; 1929. С. 9–19). Позднее наблюдения автора неоднократно повторялись в различных изданиях. Некоторые сюжеты, связанные с соотнесением фрагментов современной и дорегулярной планировки Ростова XVII–XVIII вв. рассмотрел А.Г. Мельник (1991. С. 85-89; 1998. С. 162–165).

Следует отметить, что письменные источники практически не содержат сведений, способных осветить облик средневекового Ростова в X–XIII вв. Тем не менее, некоторые летописные известия ростовского происхождения (*Лимонов*, 1967. С. 146–147; *Муравьева*, 1983. С. 206–225) способны дать косвенную информацию об устройстве и топографических особенностях городской территории. Столь же полезны агиографические произведения. В житиях св. Леонтия, преп. Авраамия, преп. Петра, св. Федора, св. Иакова есть указания на строительство храмов и монастырей, упоминаются местные микротопонимы. Однако в большинстве своем они могли быть написаны не ранее середины XV в. (*Хорошев*, 1986. С. 157, 158), и их свидетельства отнюдь не очевидны.

Не содержат необходимой информации и картографические материалы. Наиболее ранний сохранившийся план Ростова и его окрестностей восходит к концу XVII в. (*Мельник*, 1998. С. 62–165. Рис. 2). Однако он в духе времени представляет собой схематический рисунок с достаточно условным изображением некоторых зданий и монастырей и не дает возможности

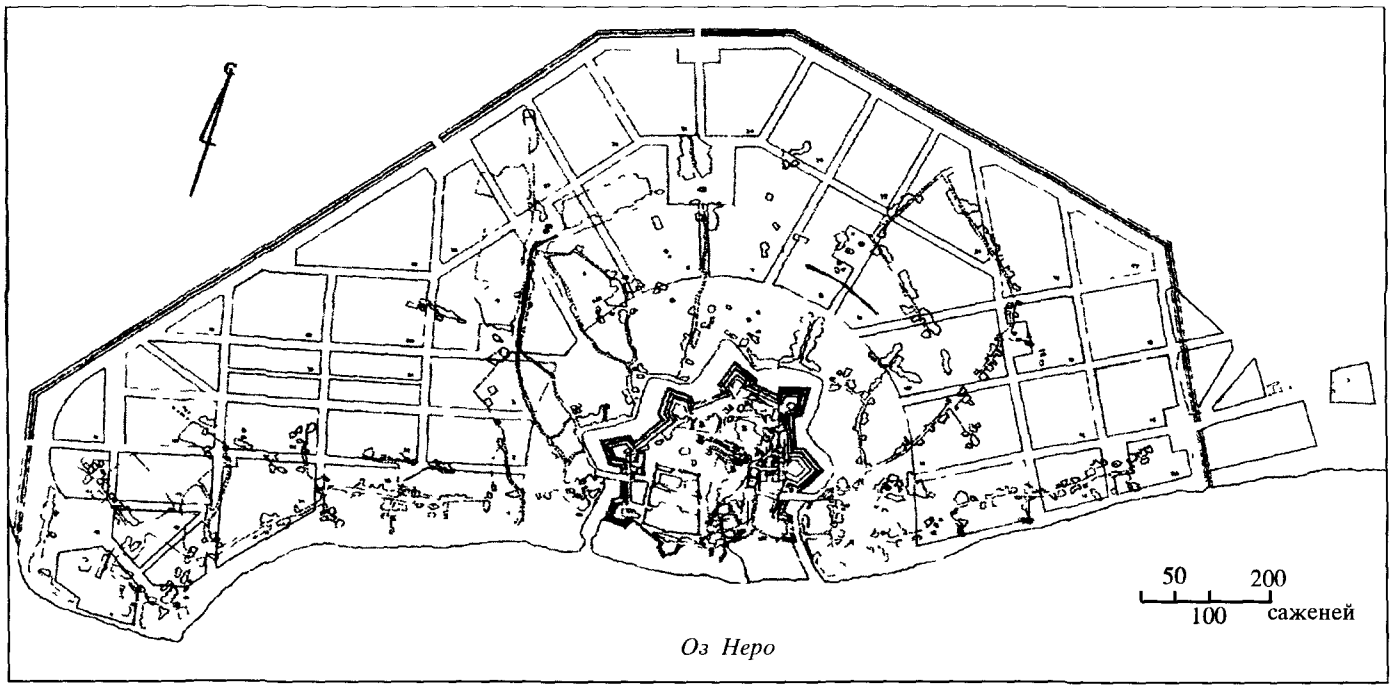


Рис. 2. Проект регулярной планировки Ростова 1771 г. (утвержден в 1779 г.)
Пунктиром обозначена реальная застройка города XVIII в.

судить о планировке и размерах городской территории. Известен план 1756 г., в многочисленных копиях сохранился проект регулярной застройки Ростова 1771 г., утвержденный Екатериной II в 1779 г. (рис. 2) Но все указанные чертежи фиксируют с той или иной степенью полноты дорегулярную планировку Ростова XVII–XVIII вв., идентичность которой планировке древнерусского Ростова далеко не очевидна.

Принципиально новые сведения об истории Ростова были получены в результате археологических исследований. Первые раскопки в городе провел Н.Н. Воронин в 1954–1956 гг. Помимо широко известных наблюдений в Успенском соборе и ряда зондажей у других архитектурных памятников Ростовского кремля, были заложены раскопы в митрополичьем саду, у ц. Бориса и Глеба и прорезан городской вал XVII в. в его прибрежной части (рис. 3, *1, 2, 3*) (*Воронин*, 1955). В результате работ впервые была выяснена стратиграфия и, в общих чертах, хронология культурного слоя города (*Воронин, Раппопорт*, 1963. С. 11). Вслед за В.А. Собяниным, Н.Н. Воронин обратил внимание на следы древнего рва, отнеся время его функционирования к эпохе Ростова Великого (*Воронин, Раппопорт*, 1963. С. 11; *Горюнова*, 1961. С. 201). Раскопки 1954–1956 гг. подтвердили летописные известия о строительстве первого белокаменного собора в 1160–1161 гг., а затем на его место и нового храма в 1214–1232 гг. Были также получены доказательства строительства церкви Бориса и Глеба в XIII в., что позволило, в соответствии с известием летописи, локализовать местонахождение княжеского двора этого времени (*Воронин*, 1961. С. 55–57, 307–308).

В 1968 г. раскопки в Ростове вела сотрудник ИА АН СССР В.И. Матвеева (рис. 3, *8, 9*). Общая площадь всех заложенных шурфов составила около 120 кв. м, однако кроме краткой информации в "Археологических открытиях" (*Матвеева*, 1969. С. 79, 80), об этих раскопках ничего не известно.

С 1983 г. археологические исследования в Ростове ведет Волго-Окская экспедиция Института археологии РАН. Уже первые полученные результаты позволили оценить особенности развития территории города в разные периоды его истории и выявить особенности и хронологию культурного слоя отдельных участков города (*Леонтьев*, 1985а. С. 215; 1985б. С. 105–112). В дальнейшем многолетние наблюдения позволили уточнить отдельные детали планировки и динамику формирования городской территории в разное время (*Леонтьев*, 1995. С. 36–41; *Леонтьев, Самойлович, Черных*, 1996. С. 3–7), впервые обратиться к раннему периоду истории Ростова (*Леонтьев*, 1997. С. 210–217; 1998. С. 135–153). Новые данные о древнерусских архитектурных памятниках были получены благодаря работам Архитектурно-археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1986–1995 гг. под руководством О.М. Иоаннисяна (рис. 3, *16, 19, 20*).

Основным источником для изучения динамики изменения городской территории является культурный слой, его хронология и специфика разновозрастных отложений. В Ростове влажный культурный слой, содержащий органические остатки, в том числе древесину, сохранился только в пределах городской крепости XVII в. Причиной этому служат не только особые условия гидрологического режима грунта, сформировавшегося в замкнутом контуре земляной насыпи. Сказались и последствия строительства самой крепости, когда на насыпку валов была использована земля с обеих сторон по периметру крепости. В результате

внутри валов в широкой полосе протяженностью до 100 м, по данным раскопок, исчезли напластования XIII/XIV–XVI вв., а местами и XII в. С другой стороны, темпы нарастания культурного слоя впрямую отражают интенсивность городской жизни в разных его частях в разные периоды истории. В случае медленного накопления отложений консервирующие свойства влажного грунта не успевают сказаться.

Данные о мощности, стратиграфии и хронологии культурного слоя Ростова получены благодаря раскопкам, а также в результате наблюдения за проводимыми в городе земляными работами при прокладке коммуникаций. Степень изученности отдельных исторических районов города различна. Раскопки велись в основном на территории Митрополичьего двора и прилегающей территории (см. рис. 3). Кроме этого на территории города в разные годы было заложено 28 шурфов, связанных, в большинстве случаев, с обследованием мест нового строительства. Места раскопок и наблюдений указаны на рис. 1.

Точные сведения о мощности культурного слоя в недоступных иногда для археологических работ местах позволяет получить геологическое бурение, которое проводится на стадии изыскательских работ при новом строительстве. Сами по себе данные геологического строения не раскрывают такие основные характеристики слоя, как хронология и сохранность. Но достаточно установить характер отложений в нескольких точках, чтобы представить специфику культурного слоя целого участка. Всего в работе использованы данные бурения свыше 200 геологических скважин.

В истории города можно выделить четыре этапа, не затрагивая историческую современность. Это древнейшая, мерянская эпоха, определяемая временем до третьей четверти X в. Далее, время сложения и существования древнерусского Ростова Великого – конец X в. – начало XIV в. Затем долгий период средины XIV–XVIII вв. Наконец, последний этап, отразивший сложение современного города – конец XVIII – начало XX в. Хронологические рамки отдельных периодов достаточно условны, но их выделение объективно, так как каждый из них имел свойственные только своему времени особенности. Изменения в облике города не только отражали трудноуловимые собственно городские тенденции развития, но и зависели от факторов и фактов общерусской истории. Это и менявшееся со временем политическое и

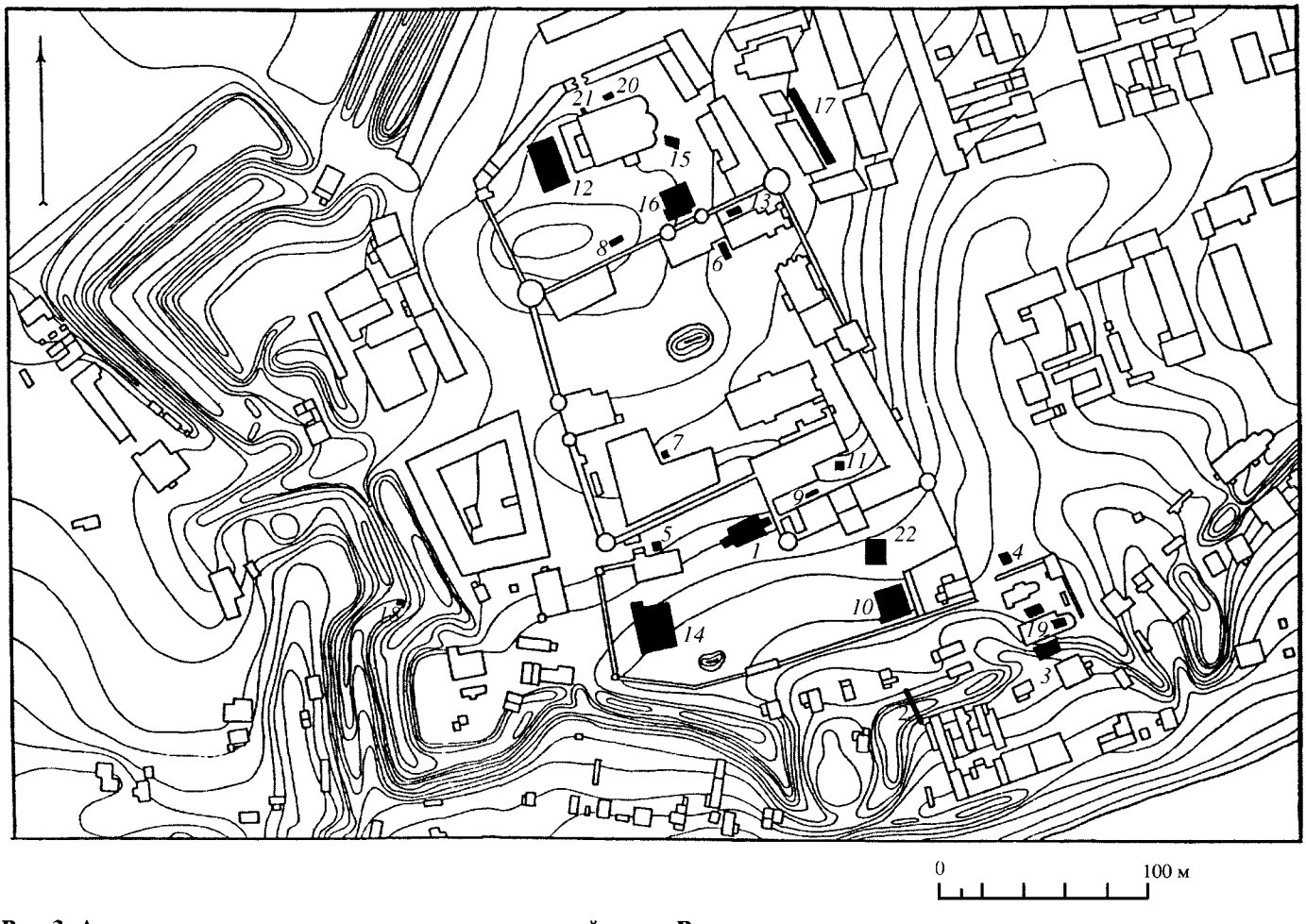


Рис. 3. Археологические исследования в центральной части Ростова

1, 2 – раскопы Н.Н. Воронина 1955 г.; *3–7* – шурфы Н.Н. Воронина 1955–1956 гг.; *8, 9* – шурфы В.И. Матвеевой 1968 г. Раскопы и шурфы Волго-Окской экспедиции: *10* – 1984–1985 гг.; *11* – 1983 г.; *12* – 1986–1987 гг.; *13* – 1988 г.; *14* – 1989–1996 гг.; *15* – 1993 г.; *16* – 1995–1997 гг.; *17* – 1998 г.; *18* – 1987 г.; *21* – 1992 г. Раскопы и шурфы Архитектурно-археологической экспедиции Гос. Эрмитажа: *16* – 1994 г.; *19* – 1986–1995 гг.; *20* – 1994 г.; *22* – раскоп Музея-заповедника "Ростовский кремль" 1995, 1996 гг.

экономическое значение Ростова, и действия отдельных исторических лиц – князей, царей, церковных иерархов. В данной статье речь пойдет о первоначальных этапах истории городской территории.

Мерянский поселок

"Перьвии насельници... в Ростове меря" (ПВЛ. С. 13). Таково единственное известие о первых жителях Ростова, помещенное в летописи под 862 г. Это не свидетельство очевидца, а запись автора начала XII в., может быть, XI в., если существовали предшествующие редакции свода (ПВЛ. С. 313–315, 584, 585). Сравнительно позднее происхождение записей о Ростове и мере в IX – начале X в., равно как и о некоторых других фактах начальной русской истории, вызывает оправданные сомнения исследователей в их объективности (*Кучкин*, 1984. С. 57, 58). Однако летописное указание о ростовской мере получило археологическое подтверждение.

Н.Н. Воронин впервые указал на существование мерянского горизонта в основании культурного слоя города по результатам раскопок 1955 г. (*Воронин*, 1961. С. 22; *Воронин, Раппопорт*, 1963. С. 11). Правильный по существу вывод был, тем не менее, основан на не совсем верной интерпретации стратиграфии культурного слоя. Воронин посчитал мерянской всю толщу отложений, содержавших лепную керамику. Но, как показали дальнейшие исследования, в Северо-Восточной Руси, в отличие от других территорий древнерусского государства, лепная керамика бытовала достаточно долго. В Ростове лепные и генетически связанные с ними раннекруговые сосуды уже не мерянских форм встречаются в слоях вплоть до конца XI в. (*Леонтьев, Самойлович*, 1991. С. 56–66; *Самойлович*, 2001. С. 238–240).

Собственно мерянским является более скромный по мощности предматериковый горизонт, захватывающий верхнюю часть древней почвы. Его археологическими признаками являются характерный состав лепной керамики и разнообразного инвентаря, особенности остеологической коллекции, планировка, вернее, отсутствие таковой в сравнении с застройкой исследованных участков в древнерусское время. Стратиграфически мерянский слой неотделим от собственно городского (*Леонтьев*, 1997. С. 211).

Отложения времени мерянского поселка зафиксированы в раскопе на валу, трех раскопах в митрополичьем саду, шурфах у церкви Спаса на Сенях и между валов к юго-западу от Конюшенного двора (рис. 3, *1, 10, 11, 14, 18*). Во всех случаях в разновременных

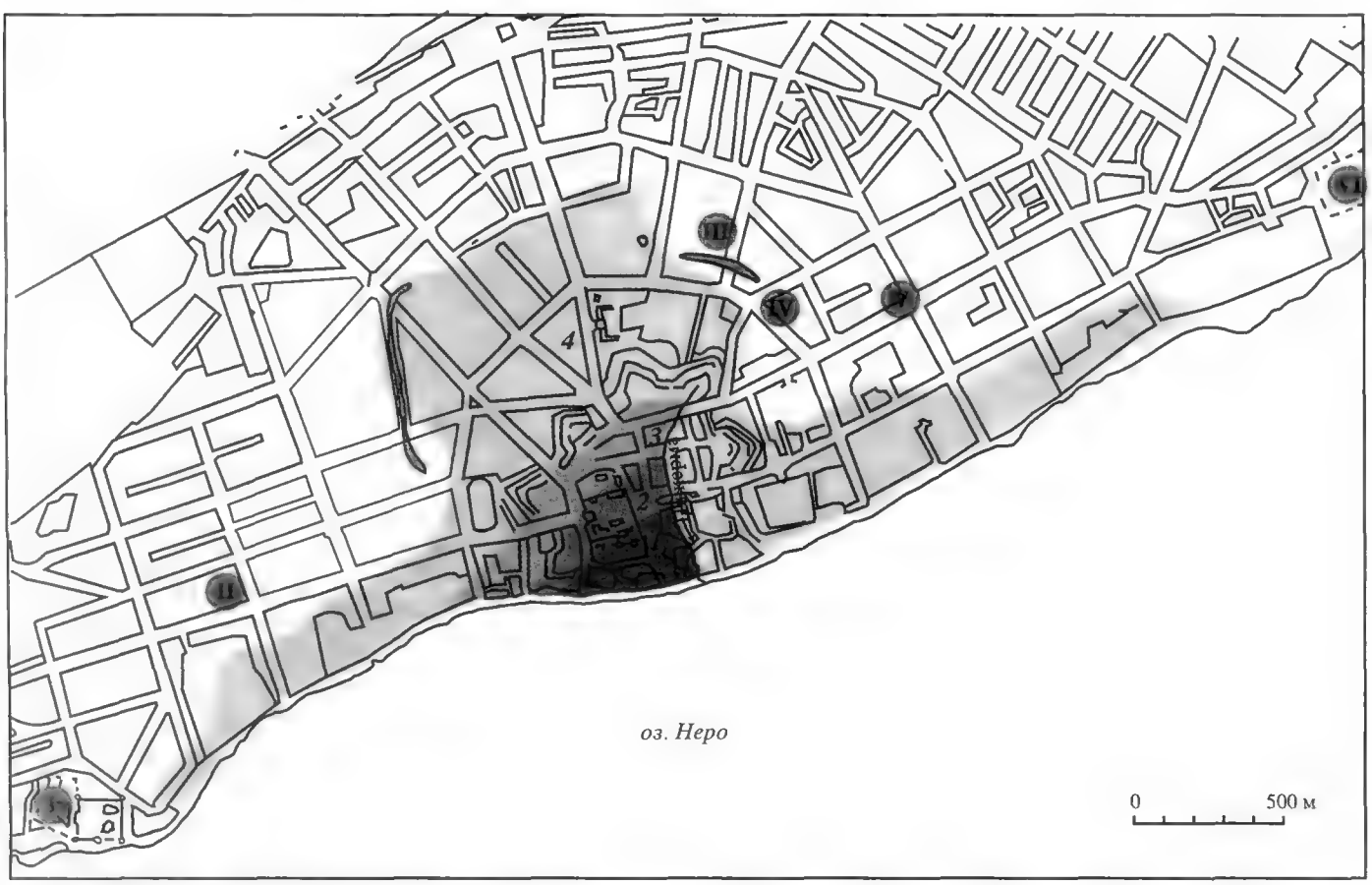


Рис. 4. Развитие территории Ростова в X–XIV вв.

1 – мерянский поселок; **2** – город в конце X в.; **3** – город в середине XI в.; **4** – территория Ростова в XIII – начале XIV вв. Римскими цифрами отмечены монастыри XIII–XVI вв.: I – Спасопесоцкий Княгинин; II– Златоустьевский; III – Сретенский; IV – Андреевский; V – Лазаревский; VI – Богоявленский Авраамиев. На план перенесены западины внешнего рва и р. Пижерма, отмеченные на чертеже 1771 г., а также современные пруды по линии рва (выделены более темным цветом).

раскопках был выявлен нижний темный горизонт культурного слоя, получившего достаточно полную характеристику в раскопах митрополичьего сада (рис. 3, *10, 11, 14*). По менее точным наблюдениям аналогичный слой сохранился на участке близ пересечения ул. Каменный мост и Спортивной к западу от валов, а также в раскопе 1956 г. у церкви Дмитрия Солунского (*Воронин*, 1956. Л. 5) (рис. 3, *4*). Отсутствует этот горизонт в раскопах у Часозвона, Успенского собора и у церкви Воскресения на соборной площади (рис. 3, *12, 13, 16*). Таким образом, по имеющимся данным, территория мерянского поселка простиралась вдоль берега озера к западу от устья р. Пижермы не менее, чем на 350 м, и уходила в северную напольную сторону не менее, чем на 200 м, если вести отсчет от кромки берега (рис. 4, *1*). В пересчете на площадь очерчиваемый участок мог составлять 6–7 га, что сопоставимо с размерами известных мерянских поселений VII–X вв. бассейна оз. Неро (*Леонтьев*, 1996. С. 36–40). Приведенные подсчеты имеют относительную точность. Недостаточно наблюдений для того, чтобы можно было прогнозировать северо-западную границу поселения. Полностью отсутствуют данные по левому, восточному берегу р. Пижермы, хотя отмеченные при геологическом бурении 2000–2001 гг. мощность и стратиграфия слоя на территории Рождественского монастыря (около 3 м, сохранившийся горизонт погребенной почвы, находки характерной лепной керамики) позволяют предполагать наличие там мерянского горизонта культурного слоя.

Данные о планировке мерянского поселка отсутствуют, так как постройки этого периода практически не известны. Н.Н. Воронин отметил остатки сруба, сложенного из тонких бревен (*Воронин*, 1955. Л. 12). В шурфе у церкви Спаса на Сенях был открыт небольшой засыпанный колодец или материковая яма с обложенными жердями стенками. В раскопе у церкви Григория Богослова выявлен участок, связанный с бронзолитейным и кузнечным ремеслом.

При очевидной нехватке данных наиболее приемлемым казалось предположение, что центр мерянского поселения находился поблизости от устья Пижермы. Однако детальное сопоставление материалов раскопов показало, что интенсивность слоя, напротив, растет к западу, при удалении от реки. Таким образом, следует предполагать иное положение центра поселка.

По имеющимся данным, мерянский поселок существовал до середины – третьей четверти X столетия и, очень возможно, сохранял свое специфическое положение позднее, в XI в., уже как часть городской территории (*Леонтьев*, 1998. С. 135–151). Неясным остается вопрос о времени появления мери на территории будущего города. Н.Н. Воронин определял время существования поселка IX–X вв. (*Воронин*, 1961. С. 22). Предложенная дата кажется возможной. Учитывая сравнительно небольшую – до 0,5 м, толщину нижнего горизонта культурного слоя, трудно полагать иную датировку. Среди находок отсутствуют предметы, которые могли бы иметь более ранний период бытования[2]. Таким образом, археологическая датировка слоя близка к летописной (*Самойлович*, 2001. С. 239–240). Но следует заметить, что раскопками затронута лишь окраинная часть раннего поселения, о чем свидетельствует отсутствие комплексов построек. Поэтому окончательные выводы могут последовать только после новых исследований.

Древнерусский Ростов Великий

Признанием статуса города служит летописная запись под 988 г. о передаче Ростова третьему сыну Владимира Святославича – Ярославу (ПВЛ. С. 54). Впоследствии Ростов вновь появляется на страницах летописи только при описании политических событий второй половины XI в.

В культурном слое Ростова собственно городские отложения, отразившие постоянную на протяжении столетий освоенность участков городской территории, в древнейшей части города непосредственно перекрывают мерянский горизонт. Наиболее ранние дендродаты получены за пределами мерянской части города – в раскопе 1988 г. у Часозвона (рис. 3, *13*). Они зафиксировали 953 и 963 гг. (*Леонтьев, Самойлович, Черных*, 1996. С. 3). Однако строительный период, к которому относятся образцы, по данным остальных анализов серии датируется более поздним временем – рубежом X–XI вв. Первая постоянная застройка и связанный с ней строительный горизонт отмечены в раскопе у церкви Григория Богослова (рис. 3, *14*) и датируются 80–90-ми годами X в. (*Самойлович*, 2001. С. 232–238) Слои конца X – начала XI столетия имелись во всех раскопах и шурфах, расположенных ближе к озеру от соборной площади и в некоторых местах к северо-западу от собора. Так, из нижней части культурного слоя на участке дренажной траншеи, не доходя 30 м до подножия вала XVII в., получена дендродата – 1025 г., а на участке, расположенном в 50 м южнее вала и в 90 м от собора – 1038 г., причем образец происходил не из самого раннего горизонта (*Леонтьев, Самойлович, Черных*, 1996. С. 3). Погребенная древняя почва здесь отсутствует, а первоначальный культурный слой сильно насыщен щепой – свидетельство интенсивной строительной деятельности.

Действительно, XI в. – время бурного расширения городской территории. Динамику происходивших изменений уловить сложно. Но, как следует из приведенных данных, уже в начале XI в. освоенная территория по западному берегу р. Пижермы протянулась к северу более, чем на 300 м (рис. 4, *2*), а к середине столетия почти достигла границы, впоследствии очерченной крепостью XVII в. (рис. 4, *3*). Протяженность города в напольную сторону составляла уже около 450 м и примерно столько же к западу от устья Пижермы вдоль берега. Для своего времени очерчи-

[2] Исключение составляет В-образная железная пряжка, датировка которой не может быть позднее VII в. Но она найдена в заполнении ямы XI в. и, строго говоря, датировать ничего не может .

ваемая территория – никак не менее 15 га, была весьма существенной. При этом отсутствуют сопоставимые данные для побережья восточнее устья Пижермы, но, как показывают материалы последующего времени и данные бурения о мощности культурного слоя, эта территория также постепенно осваивалась.

Темпы роста города не снижались и в последующее время. Город рос вдоль озерного берега. В западной его части слой второй половины XI – начала XII в. прослежен в районе ул. Радищева и на участке в 150 м восточнее Спасо-Яковлевского монастыря (рис. 1, *13*). В восточной стороне отложения этого времени отмечены в городском саду и севернее, за современным зданием городской администрации (рис. 1, *14*). За пределами валов с северной стороны в раскопе у гимназии (рис. 1, *1*) к концу XI в. относится нижний пласт культурного слоя, а в раскопе у бывшей Всехсвятской церкви, около стадиона (рис. 1, *2*), в нижнем горизонте культурного слоя вскрыта часть усадьбы с небольшим колодцем и глинобитной печью, вынесенной за пределы постройки (*Леонтьев*, 1986. Л. 24). В шурфе поблизости была обнаружена лепная керамика, возможно, более раннего времени (*Леонтьев*, 1984. Л. 12, 13). Еще шире территория наблюдений, при которых отмечен культурный слой, датируемый в рамках XII–XIII вв. Помимо всех указанных шурфов и раскопов, находки этого времени отмечены на участке у дома 30 по ул. Пролетарской (рис. 1, *3*), в шурфе у церкви Козьмы и Дамиана в Перовском (Козьмодемьянском) переулке (рис. 1, *4*), на углу ул. Фрунзе и Покровской (рис. 1, *5*), при пересечении Малой Заровской и Большой Заровской улиц (рис. 1, *6*) (*Леонтьев*, 1984. Л. 17, 18), а также по трассе ул. Окружной от перекрестка ул. Декабристов (Ивановская) до ул. Некрасова (*Леонтьев*, 1986. Л. 40) и на некоторых участках по ул. Спартаковской и Луначарского (рис. 1, *7–9*). Находки керамики XII–XIII вв. известны на юго-западной окраине города – "Песках". Обломки древнерусских сосудов многочисленны в верхней части грунта на месте Уницкой стоянки.

Вместе с тем, судя по данным бурения, наблюдений за строительными работами и результатам шурфовки (*Леонтьев*, 1984. Л. 16, 17), неосвоенными в древнерусское время оставались некоторые участки к северо-востоку и северо-западу от центра города. В координатах современной планировки это территория от городского вала в секторе улиц Некрасова и Успенской (Бебеля) (рис. 1, *10*), а также за ул. Окружной между ул. Октябрьской и Декабристов (рис. 1, *11*). В целом границы города XII–XIII вв. (рис. 4, *4*) сравнимы с известным по сохранившимся планам абрисом Ростова XVII–XVIII столетий, но о совпадении элементов планировки судить невозможно из-за отсутствия сравнительных материалов. Благодаря археологическим исследованиям и возможной ретроспекции при использовании более поздних исторических источников, в той или иной мере восстановимы лишь отдельные детали древней планировки.

Городские укрепления. В отличие от большинства древнерусских городов Ростов лишен естественных оборонительных рубежей. Причины появления города на низком озерном берегу объяснить сложно: нереализованной осталась возможность основания укрепленного центра в более благоприятном возвышенном месте побережья в устье р. Сары. Возможно, причиной тому – неизвестные нам субъективные факторы. С другой стороны, подобная топография была свойственна особому типу прибрежных торгово-ремесленных поселений VII–X вв. стран Балтики и Руси, связанных с водными торговыми путями (*Толочко*, 1989. С. 159–167; *Седов*, 1989. С. 38–48). Низинное расположение на берегу рек отличает старейшие древнерусские города Северо-Западной и Северо-Восточной Руси: Белоозеро, Старую Ладогу, Новгород. Это обстоятельство подтверждает важную, если не ведущую роль торговли в жизни ранних русских городов (*Носов*, 1993. С. 72–76).

Однако город без укреплений в глазах современников – не был городом. Обычные для своего времени вал и ров соорудить в Ростове было невозможно – не позволяла болотистая почва. Ставить каменную стену, как, например, в Старой Ладоге, также не позволяли природные условия: пригодного для строительства камня в округе нет. Поэтому единственно вероятным типом укреплений могла быть деревянная крепость – то, что в более позднее время называлось острогом. В условиях Ростова это могла быть бревенчатая стена с башнями, установленная на незначительной подсыпке.

К настоящему времени данных о первоначальных укреплениях Ростова нет. На основании приведенных выше сведений о распространении раннего культурного слоя можно полагать, что они находились на участке, прилегающем к устью Пижермы. Как уже отмечалось, Н.Н. Воронин на основании находки остатков серии косо врубленных столбов XI (?) в. в подошве вала XVII в. (рис. 1, *2*) высказал мнение о возможном соответствии обеих трасс укреплений (*Воронин*, 1955. Л. 8, 9, 12)[3]. Но столбы-укосины были вскрыты на очень небольшом участке, и реконструировать гипотетическую линию тына или стены невозможно. Во всяком случае, расположение церкви Бориса и Глеба "на княжьем дворе", оказавшейся в насыпи вала, показывает, что в прибрежной части ранние укрепления проходили в другом месте. С напольной стороны понижение природной поверхности отмечено, по данным раскопок и геологического бурения, непосредственно к северу – северо-западу от Успенского собора, что может служить указанием на вероятное место оборонительной линии. Но с уверенностью об этом судить сложно. В 1992 г. при прокладке дренажа удалось проследить стратиграфию культурного слоя на участке от валов 1632 г. до Успенского

[3] Уклон столбов направлен к внутренней стороне существующего вала – т.е. в сторону города. Таким образом, если рассматривать их как часть более сложного сооружения, то столбы являются не элементом собственно стены, а подпорами ее основания. Как отмечается в отчете, макушки столбов были грубо обрублены, а горизонт разрушения характеризовался большим количеством обломков бревен. Возможно, речь действительно может идти о сломе каких-то укреплений. Судя по стратиграфии раскопа и описанию пластов, это событие могло произойти не ранее XII в.

собора, однако никаких следов, которые указывали бы на существование оборонительных сооружений обнаружено не было. Таким образом, представления о первоначальных укреплениях Ростова остаются на уровне предположений.

Нет данных и об их дальнейшем возможном изменении на протяжении столетий. Об их существовании в первой половине XVI в. известно по короткому упоминанию Ростова как "города и крепости" в "Записках о московитских делах" Сигизмунда Герберштейна (*Герберштейн*, 1908). В документах XVII в., созданных после строительства земляной крепости, прежние укрепления именуются острогом ("...в Ростове, где бывал острог"; Переписные книги..., 1887. С. 1). С внешней стороны острога существовал ров, о чем свидетельствует название церкви Всех Святых на Заровье, упомянутой в дозорной книге 1619 г., т.е. составленной до нового городового строительства (Дозорные и переписные книги..., 1880. С. 1, 2). В центральной части города его линия проходила севернее Успенского собора, но, очевидно, несколько дальше трассы вала 1632 г. В Переписной книге второй половины (?) XVII в., в которой проверено соответствие состояния и владельческой принадлежности застройки прежним документам начала века, отмечен ряд находившихся "в городе" дворов, попавших под основание земляных насыпей и рва ("Двор князя Василья Яншеевича Сулешева, в длину и под огородом 54 саж., поперегъ 32 саж.; а ныне сламан под город..." и др. Переписные книги... 1887. С. 1–3).

Сохранилось свидетельство о попытке создать новые городские укрепления в 1582 г.: "...Заложили город земляной в Ростове, а мастер был немчин агайских немец, оттого для опыту делали пять сажен валу у Вознесения Христова с нощную сторону на самом болоте" (*Тихомиров*, 1962. С. 61)[4]. Речь идет о территории около церкви Вознесения, более известной как церковь Исидора Блаженного (местночтимый угодник), построенной в 1566 г. Начинание неизвестного мастера, видимо, окончилось ничем. С последующим крепостным строительством церковь оказалась вписанной в бастион, который, видимо, пришелся как раз на место упомянутого опытного участка 1582 г.

Справедливо указание о болоте. До сих пор этот участок городской территории за рвом к северу от церкви представляет собой незастроенную низменность, лишенную культурного слоя.

Городской ров. В источниках XVII–XVIII вв. содержатся сведения о еще одной оборонительной линии – городском рве. Его существование отмечено характерными урбанонимами (названиями приходских церквей): Св. Леонтия на Заровье, Св. Власия, что за Рвом, Благовещенья Богородицы на Рву, Николая Чудотворца на Всполье (т.е. с напольной стороны. – *А.Л.*), а также названиями улиц: Малая Заровская и Большая Заровская (совр. Коммунаров). Местоположение и церквей, и улиц соотносится с расположением двух значительных участков длинной выемки, отмеченной заливкой на плане 1771 г. (рис. 2). Первый участок длиной около 500 м проходил от церкви Леонтия с резким изгибом по ул. М. Заровской в сторону озера. Второй, длиной около 300 м, отмечен в 50 м южнее церкви Николы на Всполье (действительно, церковь остается с напольной от рва стороны) и пересекал современную ул. Гоголя (Б. Никольская). Приведенные сведения позволили исследователям Ростова реконструировать общую трассу рва. Он проходил от озера к ул. М. Заровской, далее мимо указанных выше церквей и вновь уходил южнее, к озеру (*Собянин*, 1929. С. 13). В современном городе следы рва в соответствии с упомянутым планом до недавнего времени прослеживались в виде вытянутой подтопленной выемки, местами заметной вдоль западной стороны ул. Заровской, и далее отмечены цепочкой мелких прудов и низин. Они тянулись по проезду Луначарского и, частично, по Спартаковскому проезду. Восточнее их полоса, вновь в согласии с планом, пересекает квартал между ул. Гоголя и Некрасова (рис. 4), где тянется почти параллельно пер. Гоголя – одному из немногих сохранившихся элементов дорегулярной застройки (*Мельник*, 1991. С. 87). Выходы рва в приозерной части ни в топографических, ни в письменных источниках не отмечены. По линиям застройки XVIII в. можно предполагать положение восточной оконечности рва в современном квартале южнее ул. Пролетарской между ул. Окружной и Революции (Лазаревской). Западная часть рва могла оканчиваться у озера за Каменным мостом (ныне ул. Каменный мост) по трассе крепостного рва XVII в. В этом направлении проходила прежняя, не сохранившаяся улочка Малая Заровская (*Собянин*, 1929. С. 13).

Однако ни один источник не упоминает ров как оборонительное сооружение: в XVII–XVIII вв. это был всего лишь элемент городского рельефа, топографии, местами определявший направление уличной застройки. Именно это обстоятельство заставляет полагать, что ров является наследием более ранней городской планировки эпохи Ростова Великого. Линия рва примерно соответствует границе распространения культурного слоя XII–XIII вв. (без учета прибрежной части). В этом случает его можно считать укреплением окольного города.

Укрепление странное, так как никаких следов вала, который должен обязательно сопутствовать рву, не имеется, и в источниках вал не отмечен. Причина, видимо, опять-таки кроется в болотистом грунте Ростова, не позволявшем выкопать достаточно глубокий ров с тем, чтобы использовать землю на насыпь. Не случайно при строительстве крепости 1632 г. на валы был пущен городской культурный слой, снятый с полосы на глубину местами не менее 1,5 м и шириной до ста и более метров[5]. Сам же крепостной ров сопоставим с руслом мелкой речки и не имеет обычных для такого рода сооружений глубины и профиля. Видимо,

[4] Впервые обратил внимание на приведенное сведение о строительстве крепости А.Г. Мельник (*Мельник* 1991. С. 89).

[5] Данные раскопок 1984-1996 гг. в митрополичьем саду, где отложения XVII в. непосредственно перекрывают слой XI в. По образному выражению Н.Н. Воронина, городской вал представляет собой "своеобразный археологический музей ростовского кремля" (*Воронин*, 1955. С. 13).

внешние оборонительные сооружения Ростова не отличались сложностью – в дополнение к рву могла существовать лишь деревянная стена. Ров ограничивал территорию размерами 1,3 × 0,9 км, т.е. площадью около 117 га в форме неправильного усеченного овала, вытянутого к западу.

Время сооружения рва неясно. Учитывая перипетии истории Ростова, строительство скорее всего могло вестись при Константине Всеволодовиче и, может быть, не было закончено после его неожиданной смерти в 1219 г.

В 1997 г. при наблюдении за земляными работами по ул. Декабристов удалось зафиксировать разрез верхней части рва на углу ул. Б. Заровской. Этот участок приходился на отмеченную на плане 1771 г. (дорегулярной застройки) пустошь у церкви Св. Власия[6]. Прокладываемой траншеей ров оказался разрезанным поперек на участке под проезжей частью ул. Декабристов (рис. 2, *15*). Профиль рва выявился на глубине 1,5–2 м и читается по характерному заполнению – плотно уложенным веткам и жердям. Очевидно, это гать, выложенная по проезжей части улицы. Проследить дно рва не удалось. Ясно только, что его глубина от современной поверхности превышает 2,5 м. Ширина рва составляла 28,5 м.

Учитывая особенности топографического расположения Ростова, обуславливающего постоянный избыток грунтовых вод, особенно в паводки, можно предположить, что ров был не только (а может быть, не столько) оборонительным сооружением. При отсутствии вала эта функция достаточно условна. Поэтому не исключено, что ров, в сущности, являлся каналом и служил защитой от подтопления[7].

Успенский собор и соборная площадь. Собор и соборная площадь – древнейший сакральный и, очевидно, топографический центр Ростова. В пределы городской территории площадь вошла по крайней мере с первой половины XI в., т.е. со времени Ярослава Мудрого. Об этом свидетельствуют данные дендрохронологии и стратиграфии культурного слоя, полученные на участках к западу и северо-западу от собора. Наиболее ранние дендродаты указали 1025 и 1038 гг., но к этому времени на том же месте успел отложиться культурный слой (*Леонтьев, Самойлович, Черных,* 1996. С. 4).

В топографическом отношении участок, занятый площадью, не выделялся среди окружающей местности. По данным геологического бурения, рельеф древнего Ростова при плавном подъеме со стороны озера не имел резких, уловимых взглядом, возвышенностей. Особенностью первоначальной поверхности будущей площади были слабые уклоны к югу и западу и наличие низины естественного происхождения с севера. Ее край частично приходится на трассу северных стен сменявших друг друга каменных соборов и, возможно, именно этот факт послужил причиной обрушения в 1204 г. храма Андрея Боголюбского.

Первая деревянная церковь Успения Богородицы сгорела в пожаре 1160 г.: "...погоре град Ростов, и церковь дубовая згорела, якова не бывала, потом такой не бывати; а стоала та церковь 168 лет" (ПСРЛ. Т. 15. С. 230). Как видно, летопись относит строительство первого христианского храма к 992 г., времени легендарных первых ростовских епископов Федора ("гречина") или Иллариона. По мнению исследователей, церковь, вероятнее, могла быть поставлена во времена ростовского крестителя св. Леонтия, т.е. просуществовала около 100 лет. Археологические изыскания подтвердили существование первоначального деревянного храма. В шурфе, заложенном у северной стены собора и давшем возможность зафиксировать полную стратиграфию участка (рис. 5, *1*), на глубине 3,7 м от современной (на 1992 г.) поверхности был зафиксирован горизонт пожара. Храм действительно был построен из дуба: среди углей была найдена деталь кровли ("курица", "конек" (?)), несколько дубовых плах, кованые гвозди (*Леонтьев*, 1993. С. 165, 166). Керамика, найденная в слое пожара и под ним обычна для XII в. Ниже следовал культурный слой мощностью не менее 1 м, переходивший в погребенную почву, но очевидного горизонта строительства церкви выявить не удалось. По своему происхождению отмеченный горизонт отложений был связан с засыпкой уже упоминавшейся ложбины с северной стороны площади, что произошло в период существования деревянного храма.

Площадь, которая примыкала к деревянной церкви, находилась западнее современного собора. Ее характеризует лишенная следов постоянной человеческой деятельности погребенная луговая почва, в общей стратиграфии залегавшая непосредственно под горизонтом строительства 1161 г. Это обстоятельство свидетельствует о том, что первоначальная площадь, будучи свободной от застройки, сохраняла естественный травянистый покров.

Недостаточная изученность слоя не позволяет определить границы площади, но можно предположить, что по своим размерам она была сравнительно небольшой. По данным раскопок, с южной стороны, на участке к северу от кремлевской стены, во второй половине XI – середине XII в. существовала усадебная застройка (*Леонтьев*, 1997). Поверхность площади сохраняла естественную покатость к западу и востоку. Наиболее мощный слой почвы толщиной до 0,7 м отмечен к юго-западу от собора (рис. 5, *2*). К северу и западу нетронутый почвенный горизонт был не столь интенсивен и в большей степени нарушен хозяйственной деятельностью. Это наблюдение позволяет предполагать, что площадь в основном охватывала терри-

---

[6] В настоящее время известна как церковь Иоанна Милостивого. Стоит на углу ул. Б. Заровская.

[7] Предложенная версия не может быть проверена на исторических материалах других древнерусских городов – сведений о столь же масштабных дренажных сооружениях этого времени нет. Можно лишь сослаться на опыт Петербурга. В обозримом прошлом в Ростове существовала система открытого дренажа. Интересно основанное на документах XVIII в. описание А.А. Титова, освещающее положение в городе после того, как речка Пижерма "во время планировки города по высочайше утвержденному плану была засыпана, вследствие чего стоки из канав или "пиги", находящиеся вне городских валов, прекратились, и в городе сделалась грязь, а из "пиги" стали распространяться зловредные миазмы" (Переписные книги... 1887. С. VII). В настоящее время Пигой (пигой) называется обводненный крепостной ров, вода из которого на обе стороны выходит в озеро.

торию к югу от современного собора. Деревянная церковь, учитывая ее заведомо меньшие, в сравнении с каменными соборами, размеры при весьма вероятном совпадении расположения алтаря, а также относительно высокие отметки существовавшей поверхности, находилась, скорее всего, на месте юго-восточной части современного храма, его центральной и южной апсид. Ближайший усадебный частокол к югу от церкви в XI в. отстоял не более, чем на 27 м (*Леонтьев*, 1999. С. 26–33) (рис. 5, *1а*).

Первый белокаменный собор 1162 г. был построен на мощной подсыпке, скрывшей прежнее пожарище. Толщина нового грунта под северо-западным углом здания, попавшего на пониженную поверхность, оказалась более 1 м. Вместе с собором 1162 г. была создана уникальная для своего времени мощеная площадь. Поверхность вокруг собора была расширена, расчищена. На ранее освоенном участке к югу от него разобрали частокол, вынули отдельные столбы, засыпали ямы. Местами под слой мостовой сделали специальную подготовку из глинистого грунта. На мощение пошел оставшийся от строительства известковый щебень, обломки белого камня, мелкий и средний булыжник. Толщина слоя мощения в разных местах составляла от 0,18 до 0,4 м. В строительстве мостовой была использована технология, применявшаяся при устройстве полов в белокаменных соборах XII–XIII вв. Щебень слоями проливался известковым раствором, на поверхности застывший раствор образовывал ровную плотную корку.

Строители не стремились вывести площадь на единый уровень, сделать ее горизонтальной. Ее поверхность имела уклоны во все стороны от стен собора – следствие подсыпки под основание храма. По данным наблюдений, сохранялось естественное, довольно значительное понижение к северу на участке с западной стороны собора, и общая не столь заметная покатость с востока на запад. Контруклон прослеживался в южной части площади. Пол в соборе был устроен не менее чем на 0,5 м выше уровня площади (*Леонтьев*, 1999. С. 29, 32).

В раскопе, расположенном к югу от собора, у надвратной церкви Воскресения, было обнаружено перекрестье существовавших пешеходных дорожек, одна из которых шла, видимо, вдоль южной границы площади, другая вела к южному порталу собора (рис. 5, *3а*). На поверхности дорожки выделялись легкой покатостью боковых сторон. В их основании была создана глиняная подушка с боковыми скатами, способствующая стоку дождевой воды. Ширина дорожек по основанию глиняной линзы составляла 6,85 м. Интересно, что в более раннем слое рубежа XI–XII вв. на том же месте были обнаружены остатки бревенчатого настила, также ведшего к собору. Но фрагментарность сооружения не позволяет с уверенностью считать его первой мощеной дорожкой к храму.

Мощение отмечено на разных участках современной соборной площади. Точные границы площади не определены, но она безусловна была больше, нежели прежняя лужайка у деревянной церкви. По крайней мере, с южной стороны слой мощения перекрыл ранее образовавшийся культурный слой. По имеющимся данным, площадь была ориентирована в сторону двора епископа. Ее южная граница уходит под стены митрополичьего дома XVII в. С восточной стороны от собора мощение оканчивалось примерно в 10 м от апсид современного здания. К западу от собора известковая вымостка тянулась, по меньшей мере, на 20 м. Северные пределы площади не устанавливаются. В этом направлении слой мощения, видимо, уходит к фундаментам ныне стоящих зданий (рис. 5, *3*). Таким образом, примерные размеры окружавшей собор площади составляли не менее 62 × 75 м. Примечательно, что с западной стороны за границей мощения продолжался слой глинистого утрамбованного грунта с включениями известкового щебня, тянувшийся вплоть до современной соборной ограды.

Мощеная площадь поддерживалась в порядке в течение почти полувека. Углистый слой, отложившийся поверх мостовой, скорее всего связан с пожаром 1211 г., когда "...загореся городъ Ростов, и погоре мало не весь и церквей сгоре 15..." (ПСРЛ. Т. VII. С. 117). Вскоре началось возведение нового собора (1213 г.) Площадь больше не расчищалась, а в западной своей части мостовая в значительной степени оказалась разрушенной за время долгого строительства (1213–1231 гг.). Нарастал культурный слой, поднимался уровень земли вокруг собора, в котором время от времени за счет подсыпок поднимали пол. В южной части площади у современной ц. Воскресения в XIV в. возникло кладбище, просуществовавшее до начала XVI в.: образовавшийся слой земли оказался достаточным для совершения погребений (рис. 5, *4*). Ямы наиболее ранних захоронений затронули слой мостовой XII в. Кладбище наверняка находилось при церкви, что вновь заставляет вспомнить летописное сообщение о пожаре 1211 г. : "...есть церкви святаго Иоанна Предтечи на дворе епископли у святые Богородици, и сгоре церковь та вся от верха и до земли..." (ПСРЛ. Т. VII. С. 117). Отмеченный в южной части раскопа соответствующий горизонт пожара поверх площади отличается особой интенсивностью, что подтверждает вероятность нахождения поблизости сгоревшего деревянного строения, стоявшего южнее изученного участка, в стороне нынешней Воскресенской надвратной церкви. В середине XVI в. на этом месте была поставлена каменная (кирпичная) церковь (рис. 5, *5*).

В целом археологические данные показывают, что соборная площадь долгое время после упомянутого пожара находилась в запустении. Она представляла собой скорее всего род утоптанного пустыря. Новая попытка благоустроить площадь относилась лишь к началу 10-х годов XVI в. и была связана со строительством нового Успенского собора (*Леонтьев*, 1999. С. 31, 32).

Княжий двор. О его месте известно из указания летописи о закладке Константином Всеволодовичем церкви Бориса и Глеба: "заложи церковь камену в Ростове, на дворе своем, святою мученику Бориса и Глеба" (ПСРЛ. Т. I. Стб. 438). Храм был освящен в 1218 г., перестроен или отремонтирован в 1253 г. и построен заново в 1287 г. (ПСРЛ. Т. 10. С. 167). Сейчас на этом месте стоит здание церкви 1761 г.,

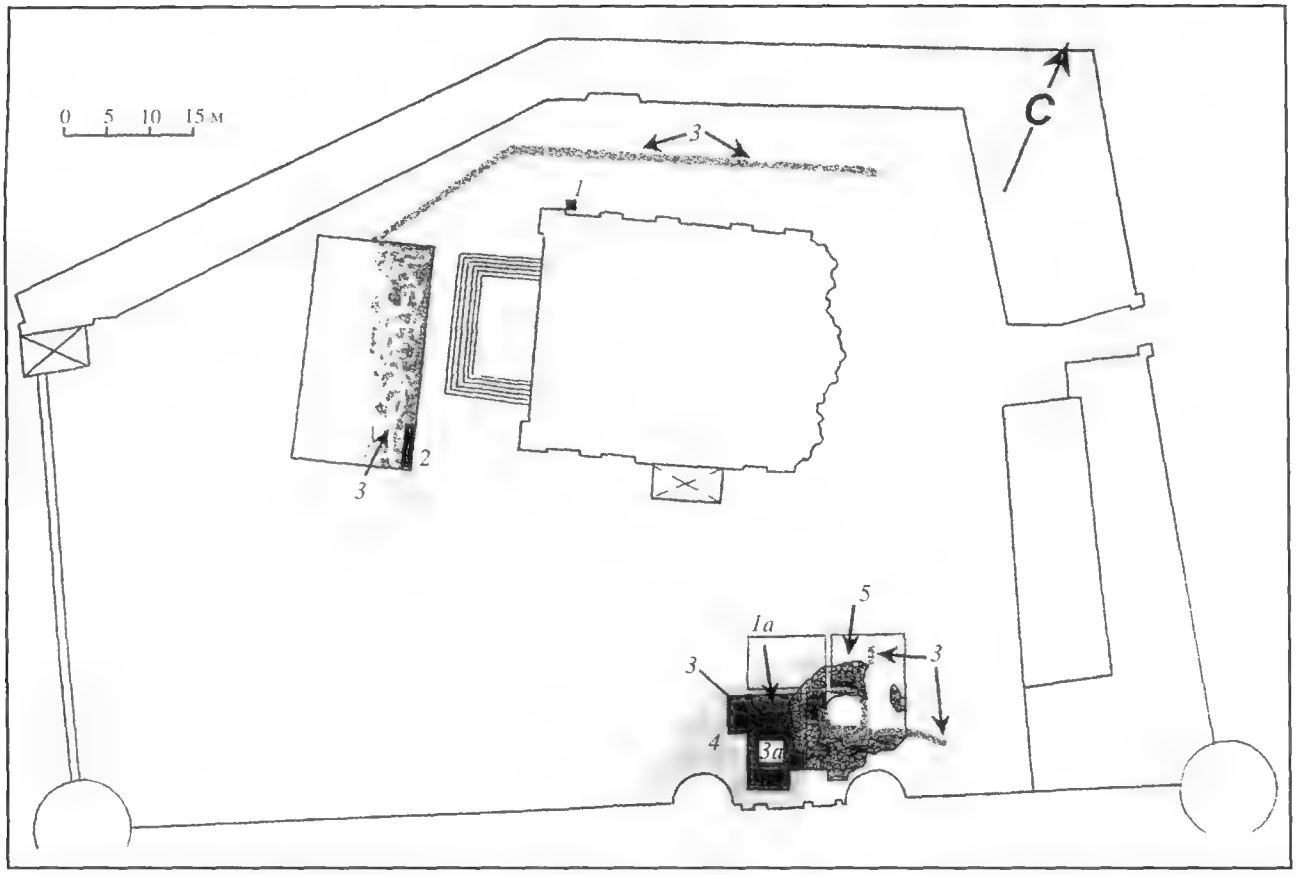


Рис. 5. Современный план Соборной площади в пределах ограды с указанием местоположения упомянутых в тексте археологических объектов

1 – шурф 1992 г.; *1а* – местоположение усадебного частокола *2* – участок погребенной почвы первоначальной площади у деревянного собора; *3* – участки, на которых зафиксирован горизонт мощения площади XII в.; *3а* – вскрытый участок пешеходной дорожки мощеной площади; *4* – территория кладбища XIV – начала XVI в.; *5* – фундамент церкви середины XVI в.

поставленное на валу 1632 г. Исследования Н.Н. Воронина показали существование остатков строения XIII в. (*Воронин*, 1958. С. 19, 20). Раскопки О.М. Иоаннисяна (1986–1994 гг.) позволили уточнить ситуацию. В объеме сохранившейся церкви XVIII в., ниже уровня цоколя, в грунте сохранились на значительную высоту фрагменты стен здания 1287 г. и, очень вероятно, на большей глубине могли остаться фундаменты 1214 г. (*Иоаннисян и др.*, 1994. С. 189–193).

Помимо церкви были обнаружены и следы существования другого здания, возможно, одной из построек княжеского двора. Н.Н. Воронин обратил внимание в этой связи на находки фрагментов белого камня, которые могли быть связаны с плинфяным зданием церкви (*Воронин*, 1958. С. 20). В раскопках Иоаннисяна с южной стороны существующей церкви Бориса и Глеба был обнаружен фрагмент рухнувшей стены здания домонгольской кладки, по возрасту старше церкви 1287 г. По мнению исследователя, стена принадлежала первоначальной церкви Бориса и Глеба 1214–1218 гг. Ряд обнаруженных элементов кладки позволяет предположить, что это здание входило в единый комплекс с другим сооружением дворцового (?) комплекса (*Иоаннисян и др.*, 1994. С. 199–200). Таким образом, подтверждается указание летописи на местоположение княжеского двора в XIII в.

Однако отсутствуют данные, которые могли бы подтвердить традиционность резиденции князя на этом месте: здесь ли находились дворы Ярослава, Владимира Мономаха и других ростовских князей до Константина Всеволодовича. Затронувший ранние напластования раскоп, заложенный Н.Н. Ворониным несколько севернее церкви Бориса и Глеба, показал отсутствие каких-либо следов интенсивной жизни или крупного строительства в период до XIII в. Аналогичным образом можно рассматривать результаты раскопок в митрополичьем саду в 1984–1985 гг. на участке, близком к церкви Бориса и Глеба (рис. 3, *4*, *10*, *19*). Здесь ранние отложения X–XI вв. значительно уступали по своей насыщенности синхронным слоям расположенного западнее раскопа у церкви Григория Богослова. Очевидно, местность в районе княжеского двора в X–XII вв. не была средоточием городской жизни. Возможно, само строительство Константин Всеволодович вел на месте, ранее свободном.

Разрушение церкви и терема (?) произошло, скорее всего, в конце XV – начале XVI в. Еще до времени строительства вала в начале XVII в. на месте бывшего княжеского двора стояли деревянные постройки и находилось кладбище (*Иоаннисян и др.*, 1994. С. 200). Таким образом, создание и существование княжеского

двора на правом берегу р. Пижермы в многовековой истории Ростова оказалось лишь эпизодом.

Но вернемся к динамике развития территории города. На основании всех полученных сведений можно полагать, что в эпоху своего расцвета, без учета возможных пригородов, Ростов тянулся вдоль берега более чем на 3 км, занимая прибрежную полосу шириной до 400 м, а в центре уходил в напольную сторону на 1 км. Точную площадь городской территории определить невозможно, но по достаточно скромному подсчету она составляла около 200 га. Для сравнения (по опубликованным данным): размеры Киева и Новгорода превышали 300 га, территория Чернигова равнялась 160 га, Рязани – 53 га, Владимира на Клязьме – около 145 га, Суздаля – 49 га (*Куза*, 1985. С. 56, 122–125).

В 1151 г., во время усобицы, князь Вячеслав Владимирович, обращаясь к своему брату Юрию Владимировичу (Долгорукому) и призывая его к миру и отказу от Киева, перечислил в своем письме основные центры земель, подвластных Юрию. В этом перечне единственным городом, удостоившимся дополнительного определения "великий" (в некоторых списках – "Великий") был Ростов (ПСРЛ. Т. II. Стб. 430–431). Из контекста летописного сообщения не ясно, является ли определение "великий" признанием бесспорного политического значения Ростова, или это слово употреблено в обычном значении "большой". Поскольку речь идет о документе своего времени (письмо Вячеслава – по сути изложение мирного договора), а также учитывая обычную сдержанность языка средневековых авторов, вероятнее второе предположение. Но в любом случае, летопись зафиксировала значимость города в глазах современников. Ростов действительно являлся одним из наиболее значительных древнерусских городов и, несмотря на утраченный статус столицы, в XII и, очевидно, XIII вв., оставался крупнейшим городом Северо-Восточной Руси. Более ни в одном средневековом документе Ростов "великим" не назывался[8], да и дальнейшая история повода для этого не давала.

Переломной в развитии древнерусских городов была эпоха XIII–XIV вв., начавшаяся с монгольского разгрома 1238–1240 гг. Для одних он стал концом существования (Рязань, Изяславль), других это бедствие привело к утрате былого могущества (Киев, Владимир и др.). Ростов в 1238 г. полного разорения избежал. Впоследствии были и многочисленные поездки ростовских князей в Орду, и восстания против татар, и татарские набеги, особенно участившиеся в начале XIV в. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 472–475; Т. VII. С. 179, 198). Общий контекст летописных сообщений позволяет считать, что Ростов после Батыева нашествия в значительной степени сохранил свое политическое значение. Есть основания полагать, что после монголо-татарского нашествия Ростов вновь стал основным центром Северо-Восточной Руси, по крайней мере до середины XIII в. (*Насонов*, 1940. С. 59–67; *Черепнин*, 1960. С. 396). Существует мнение, что и в дальнейшем, на протяжении XIV–XV вв. Ростов, несмотря на утерю политической роли, оставался крупным культурным, религиозным и экономическим центром (*Сахаров*, 1959. С. 28–34). Это действительно так, но масштаб измерения степени значительности такого центра уже иной. Многочисленные упоминания Ростова в поздних летописных сообщениях (141 запись периода XIII–XV вв.; *Муравьева*, 1983. С. 206–225) в основном касаются событий локального значения и эпизодов из жизни церковной епархии. Последнее важно, так как особую роль в истории Ростова сыграло наличие в городе одной из старейших и крупнейших церковных епархий. В духе времени, благодаря присутствию иераршего двора, Ростов оставался значительным религиозным и культурным центром. Но все же в своей дальнейшей истории Ростов никогда больше не имел прежнего значения одного из главных городов Древней Руси.

В XIII в. меняется политическая география Руси. В условиях феодальной раздробленности и ордынской гегемонии отток населения из разоренных областей в более спокойные привели к возникновению новых политических и экономических центров, из которых на Северо-Востоке наиболее значительными стали Москва и Тверь (*Кучкин*, 1984. С. 104–106). Многие прежние города, наоборот, теряли свое значение. Ростов, бывший к концу XIII в. пусть крупным, но всего лишь удельным центром, оказался в их числе.

В XIV столетии Ростов приходит в упадок. В первой трети века городу, помимо татарских набегов, пришлось пострадать от Москвы. Воеводы Ивана Калиты Василий Кочева и Мина в 1327 г. "возложиста великую нужду на град, да и на вся живущая в нем" (ПСРЛ. Т. 11. С. 128, 129). Жестокому гонению подверглось ростовское боярство. Обращаясь к тому событию, С.М. Соловьев отметил, что Ростов оказался первой жертвой Москвы, собирательницы русских земель (*Соловьев*, 1988. С. 226–227). Какими могли быть последствия таких действий известно на примере Новгорода, позднее пострадавшего от походов Ивана III и Ивана IV. Былое политическое значение Ростова было утеряно. Дробление Ростовского удела привело к тому, что не только территория княжества, но и сам город распался на отдельные владения.

По археологическим данным, Ростов как город в XIV столетии попал в состояние стагнации, его территория перестала расти. Культурный слой XIV–XV вв. практически не выходит за те территориальные пределы, которые были достигнуты в предшествующие столетия. Наблюдается запустение некоторых ранее освоенных участков. Самый показательный пример – рассмотренная выше история соборной площади, часть которой в XIV в. отошла под кладбище. В раскопе 1987 г. на территории города (рис. 1, *1*) исследован участок сгоревшей в начале XIII в. усадьбы, оставшейся впоследствии пустошью по крайней мере до XVI в. Похожая картина наблюдалась в другом раскопе 1986 г. у бывшей Всехсвятской церкви (рис. 1, *2*) (*Леонтьев*, 1986).

---

[8] "Ростов Великий" появляется в печатных источниках лишь в XIX в. благодаря историко-краеведческой литературе, но это имя никогда не было официальным урбанонимом и не получило распространение в языке жителей города.

Начиная с середины XIII в., в черте города и его ближайшей округе возникают монастыри: Спасо-Песоцкий, Лазаревский, Андреевский, Сретенский, Златоустовский, Богоявленский Авраамиев, Петровский (*Титов*, 1906. С. 132–142) (рис. 4, I–VI). Пример Ростова не единичен и отражает распространенное и характерное для своего времени явление, вызванное многими причинами. Но применительно к Ростову следует отметить, что все основанные обители так и оставались в пригородах или на краю городской черты (за исключением основанных вблизи иераршего двора). Это обстоятельство свидетельствует о том, что потенциальные возможности роста города, столь явно проявившиеся в предшествующие столетия, оказались исчерпанными. Практически на всех раскопанных участках культурный слой XIV–XV вв. отличался слабой насыщенностью и уступал по мощности отложениям XII–XIII вв. (*Леонтьев*, 1985б. С. 105–112; 1988). По-видимому, в то же время происходит постепенная перепланировка городской территории или, скорее, уменьшается плотность населения и, соответственно, характер застройки отдельных участков. Насколько широким был этот процесс – сказать невозможно. Но в пользу такого предположения говорят приведенные выше факты возникновения пустошей на месте прежних усадеб и наблюдения за характером культурного слоя в других раскопах.

Аналогичные процессы происходили и в других некогда крупнейших городах Руси, что подтверждено результатами археологических исследований (*Івакін*, 1996; *Коваленко*, 1997. С. 153 и др.), в том числе и в связанном общей историей ближайшем соседе – Суздале (*Седова*, 1997. С. 30, 124 и др.).

Археологические свидетельства в самой общей форме отразили происходившие в средневековых городах изменение и усложнение социальной структуры населения (*Сахаров*, 1959; *Карлов*, 1976. С. 55–69). Закрепление владельческой принадлежности участков городской территории, появление различных категорий зависимого населения, компактно селившегося с учетом профессиональных занятий, в конечном итоге вели к сложению слободской планировки городского посада (*Рабинович*, 1969. С. 247, 248). В Ростове такая форма организации городской территории отразилась в сохранившихся планах XVIII в.

Стагнация или упадок в развитии территорий и, соответственно, сокращение или замедленный рост населения многих русских городов Северо-Востока в XIII–XIV вв. являли разительный контраст в сравнении с ростом Москвы, Твери, Нижнего Новгорода, сохранившими возможность развития Новгородом и Псковом (*Рабинович*, 1969. С. 241).

Москва росла непрерывно и уже к началу XIV в. оказалась сопоставимой по размерам с Ростовом. В дальнейшем, непрерывно расширяя свои границы, в XV в. она стала крупнейшим городом Руси и затем соперников на Руси и в России не имела (История Москвы, 1997. Карты Москвы XIII – первой половины XIV в., второй половины XIV – первой половины XV в., второй половины XV – первой поовины XVI в.; *Бойцов*, 1997. С. 45–60). В середине XVI столетия, по расчетам Герберштейна, в Москве насчитывалось 41 500 дворов (*Герберштейн*, 1908. С. 100), а территория застройки охватывала 1878 га (*Рабинович*, 1977. С. 172). Соперник Ростова в прошлой истории, Новгород в том же XVI в. включал в себя свыше 5000 дворов при населении, превышавшем 25 тысяч человек (*Рабинович*, 1977. С. 170). Археологическими исследованиями и сообщениями письменных источников подтверждено постоянное развитие территории Пскова (*Лабутина*, 1985). К XVI в. город по числу жителей и дворов, видимо, не уступал Новгороду (*Кирпичников*, 1995. С. 183– 185).

Для Ростова сопоставительные данные дают только источники XVII в., но и они показательны. Так, в начале столетия на посаде находились 403 двора, а в 1624 г. – 438 дворов (*Собянин*, 1929. С. 20). Спустя чуть более полувека в городе было 696 дворов (*Собянин*, 1929. С. 21)[9]. По еще более поздним подсчетам середины XVIII в., город в пределах валов (собственно "город") занимал площадь 35 десятин и 1925 кв. саженей, "а всего же по г. Ростову внутри окружной межи 713 десятин 133 с аршином кв. сажень" (Межевые книги... 1906. С. 348, 363). В пересчете на десятичную систему указанные площади дают цифры, близкие к 36 га для территории "города" и около 720 га для всей городской территории. Но последняя включала в себя как застроенную землю, так и пустоши, огороды, выгоны.

Итак, на основании имеющихся данных можно говорить о том, что эпоха Ростова "Великого" закончилась в XIII в. Вся дальнейшая его жизнь – это история русского удельного, а затем провинциального города.

Литература

Бойцов И.А., 1997. Реконструкция ландшафтов средневековой Москвы // Природа. № 4.

Воронин Н.Н., 1955. Отчет Ростовского отряда Среднерусской экспедиции 1955 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1109.

Воронин Н.Н., 1956. Отчет Ростовского отряда Среднерусской экспедиции 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1534.

Воронин Н.Н., 1958. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова // Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. Ярославль. Вып. 1.

Воронин Н.Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М. Т. 1.

Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1963. Археологическое изучение древнерусского города // КСИА. М. № 96.

Герберштейн С., 1908. Записки о московитских делах. М.

Горюнова Е.И., 1908. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. М. № 96.

Дозорные и переписные книги древнего города Ростова / Подгот. текста и коммент. А.А. Титова. М., 1880.

Івакін Г.Ю., 1996. Історичний розвиток Киева XIII – середини XVI ст. Київ.

Иванов Д.А., 1912. Спутник по Ростову Великому. Ростов Великий.

[9] В.А. Собянин пользовался опубликованными дозорными и переписными книгами XVII в. Учитывая, что эти документы охватывали не все социальные (сословные) группы населения, приводимые данные занижены, но не настолько, чтобы изменить порядок подсчетов.

Иоаннисян О.М., Зыков П.Л., Леонтьев А.Е., Торшин Е.Н., 1994. Архитектурно-археологические исследования памятников древнерусского зодчества в Ростове Великом // СРМ. Ростов. Вып. VI.

История Москвы. М., 1997. Т. 1.

Карлов В.В., 1976. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса) // Русский город (историко-методологический сборник) М.

Кирпичников А.Н., 1995. Сообщение Иоганна Вундерера о Пскове и России 1590 г.: Исследование и публикация источника // Проблемы истории Северо-Запада Руси: Славяно-русские древности. СПб. Вып. 3.

Коваленко В.П., 1997. Чернигов в середине XIII в. // Славянский средневековый город: Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М. Т. 2.

Куза А.В., 1985. Древнерусские города // Археология СССР: Древняя Русь: Город, замок, село. М.

Кучкин В.А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. М.

Лабутина И.К., 1985. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.

Леонтьев А.Е., 1984. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10352.

Леонтьев А.Е., 1985а. Историческая топография г. Ростова Великого // Всесоюзная археологическая конференция "Достижения советской археологии в XI пятилетке": Тез. докл. Баку.

Леонтьев А.Е., 1985б. Стратиграфия и хронология культурного слоя Ростова Великого // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М.

Леонтьев А.Е., 1986. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11300.

Леонтьев А.Е., 1988. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12858.

Леонтьев А.Е., 1993. Древний Ростов и Успенский собор в археологических исследованиях 1992 г. (предварительное сообщение) // ИКРЗ, 1992. Ростов.

Леонтьев А.Е., 1995. Некоторые данные о топографии Ростова X–XIV вв. // ИКРЗ, 1994. Ростов.

Леонтьев А.Е., 1995. Археология мери (к предыстории Северо-Восточной Руси). М.

Леонтьев А.Е., 1997. Ростов в X–XI вв. // Славянский средневековый город: Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. М. Т. 2.

Леонтьев А.Е., 1998. Ростов эпохи Ярослава Мудрого (по материалам археологических исследований) // Историческая археология: Традиции и перспективы. М.

Леонтьев А.Е., 1999. Из истории ростовской Соборной площади // История и культура Ростовской земли, 1998. Ростов.

Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г., 1991. Керамика Ростова X–XIII вв. // Керамика раннего железного века и средневековья Верхнего Поволжья и соседних территорий. Тверь.

Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г., Черных Н.Б., 1996. Частные аспекты хронологии Ростова (по результатам дендрохронологического анализа материалов археологических раскопок) // ИКРЗ, 1995. Ростов.

Лимонов Ю.А., 1967. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л.

Матвеева В.И., 1969. Ростов Великий // АО 1968. М., 1969.

Межевые книги города Ростова 1756 и 1760 гг. // Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену Императорского археологического общества И.А. Вахрамееву / Подгот. и коммент. А.А. Титова. СПб., 1906. Вып 5.

Мельник А.Г., 1991. Фрагменты древнерусской планировки Ростова Великого // СРМ. Ростов-Ярославский. Вып. II.

Мельник А.Г., 1998. План Ростова 1756 г. // СРМ. Ростов-Ярославский. Вып. IX.

Муравьева Л.Л., 1983. Летописание Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. М.

Насонов А.Н., 1940. Монголы и Русь. М.

Носов Е.Н., 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада. СПб.

Окружная межевая книга Московской губернии Переславской провинции Залесскаго города Ростова градским разных чинов людям и выгонным землям. 1755, 1756, 1759 гг. / Подгот. и коммент. А.А. Титова. // Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену Императорского археологического общества И.А. Вахрамееву. СПб., 1906. Вып 5.

Переписные книги Ростова Великого второй половины XVII в. / Подгот. текста и коммент. А.А. Титова. СПб., 1887.

ПВЛ. М., 1996.

ПСРЛ. М., 1962. Т. I: Лаврентьевская летопись.

ПСРЛ. СПб, 1908. Т. II: Ипатьевская летопись.

ПСРЛ. М., 1856. Т. VII: Воскресенская летопись.

ПСРЛ. М., 1965. Т. 9–10: Никоновская летопись.

ПСРЛ. М., 1965. Т. 11–12: Никоновская летопись.

ПСРЛ. М., 1965. Т. 15: Тверская летопись.

Рабинович М.Г., 1969. Поселения // Очерки по истории русской культуры XIII–XV вв. М. Ч. 1.

Рабинович М.Г., 1977. Поселения // Очерки по истории русской культуры XVI века. М. Ч. 1.

Ростов: Материалы для истории города XVII и XVIII столетия / Сост. Н.А. Найденов. М., 1884.

Самойлович Н.Г., 2001. Стратиграфия и хронология Григорьевского раскопа в митрополичьем саду Ростовского кремля // Практика и теория археологических исследований. М.

Сахаров А.М., 1959. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М.

Седов В.В., 1989. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского раннесредневекового города. М.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.

Собянин В.А., 1926. Ростовский уезд (краткий краеведческий очерк). Ростов-Ярославский.

Собянин В.А., 1929. Ростов в прошлом и настоящем. Ростов-Ярославский.

Соловьев С.М., 1988. История России с древнейших времен. М. Кн. II.

Титов А.А., 1891. Описание Ростова Великого. М.

Титов А.А., 1894. Ростовский Богоявленский Авраамиев монастырь Ярославской епархии. Сергиев Посад.

Титов А.А., 1906. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. М.

Тихомиров М.Н., 1962. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М.

Толочко П.П., 1989. О торгово-ремесленном пути становления древнерусских городов // История и культура древнерусского города. М.

Хорошев А.С., 1986. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М.

Черепнин Л.В., 1960. Образование русского централизованного государства. М.

Эдинг Б., 1913. Ростов Великий. Углич. М.

Ю.Э. Жарнов

Археологические исследования во Владимире и "проблема 1238 года"

Разорение "безбожными татарами" столицы Суздальской Руси после недолгой осады и скоротечного штурма, ставшее наряду с поражением на Сити главным итогом Батыева нашествия 1237–1238 гг., безусловно, является этапным событием в истории Владимира-на-Клязьме. Это был первый военный разгром города, на протяжении трех четвертей века (начиная с княжения Андрея Боголюбского) стремительно набиравшего политический и экономический вес. Его максимум пришелся на последнее десятилетие правления Всеволода III, умело управлявшегося с общерусскими проблемами, твердой рукой разбиравшего вотчинные споры и каравшего непокорных (как в случае с Рязанью в 1208 г.). И хотя в дальнейшем, при первых Всеволодовичах – Константине и Юрии, влияние города за пределами Суздальской и Новгородской земель заметно ослабло, Владимир оставался важнейшим русским центром, неприступность стен которого не вызывала ни у кого сомнения.

Сравнительно подробно изложенные в Лаврентьевской летописи события зимы 1238 г., трагический характер которых не умаляет явная шаблонность описания бесчинств победителей, местами дословно повторяющего картину киевских событий 1203 г., оказали серьезное психологическое воздействие на современников, воспринявших учиненный Батыем разгром не иначе как "погибель земли Русской". Последовавшее за этим перемещение диктующего свою волю центра с берега Клязьмы в ордынский Сарай и монгольский Каракорум разрушило с таким трудом формировавшуюся при Всеволоде III политическую систему и предопределило дальнейший упадок Владимира-на-Клязьме. Хотя формально именно после нашествия город обретает вожделенный его правителями статус общерусской столицы: начиная с Ярослава Всеволодовича, "старшим всем князьям русского племени" считается обладатель ордынского ярлыка на княжение во Владимире. С 1250 г. город становится основным местом пребывания митрополита (с 1299 по 1326 г. – его официальной резиденцией), по-видимому, с 1257 г. здесь обосновывается главный сарайский чиновник – "великий баскак". Однако жестко контролируемый Ордой порядок выдачи грамот на великое княжение и господство архаичного порядка горизонтального престолонаследия (а не принципа первородства) предопределили то обстоятельство, что после гибели Юрия Всеволодовича и его сыновей Владимир являлся лишь номинальной, но не личной, семейной вотчиной великого князя (*Феннел*, 1989). Калейдоскоп правителей на владимирском троне во второй половине XIII в., зачастую только силой ордынского оружия его добивавшихся, лишь усугубил общую (в том числе и социально-экономическую) нестабильность города. Смерть в 1304 г. одного из самых одиозных претендентов на лавры общерусского правителя, великого князя владимирского Андрея Александровича, завершила период гегемонии третьей (после Ростова и Суздаля) столицы Суздальской земли, уступившей реальное первенство Твери и Москве.

Если процесс политической деградации Владимира-на-Клязьме после 1238 г. сравнительно хорошо освещен в письменных источниках, то деструктивные социально-экономические последствия нашествия не столь очевидны. Наиболее отчетливо его негативное воздействие отразилось в прекращении в городе на несколько веков каменного строительства и стабильности границ основной городской территории (в пределах валов), сложившейся еще при Андрее Боголюбском, вплоть до XVI–XVII вв. (*Воронин*, 1962. С. 129–132; 1983. С. 22; *Дудорова*, 1998. С. 14–25).

По имеющимся в настоящее время данным, последним домонгольским каменным строением во Владимире была церковь Воздвижения на Торгу (1218 г.; в 1469 г. вместе с надвратной церковью Золотых ворот она была обновлена В.Д. Ермолиным). Следующей же монументальной городской постройкой стал Успенский собор Успенского (Княгинина) монастыря, датируемый началом XVI в., перекрывший фундаменты собора 1200–1201 гг. (*Столетов*, 1976). Отрывочные летописные свидетельства о ремонтных работах во Владимире в 1280 г., о строительстве придела Пантелеймона в Успенском соборе на рубеже XIII–XIV вв. особенно контрастируют с информацией о возведении в последней четверти XIII – первой трети XIV в. каменных храмов в Твери, Ростове, Москве (*Воронин*, 1962. С. 130–172; *Иоаннисян, Торшин*, 1994).

Первые сведения о владимирских слободах, расположенных за пределами древнерусских укреплений, относятся лишь к концу XV–XVI вв. (*Дудорова*, 1998. С. 16–17). Впрочем, даже к подобному факту роста города следует относиться достаточно осторожно, так как территории слобод почти не затронуты археологическими исследованиями. По всей видимости, хотя бы частично эти земли (в первую очередь, слободы Гончарная, Ямская, Варварка) были освоены еще в домонгольский период. Существенно также,

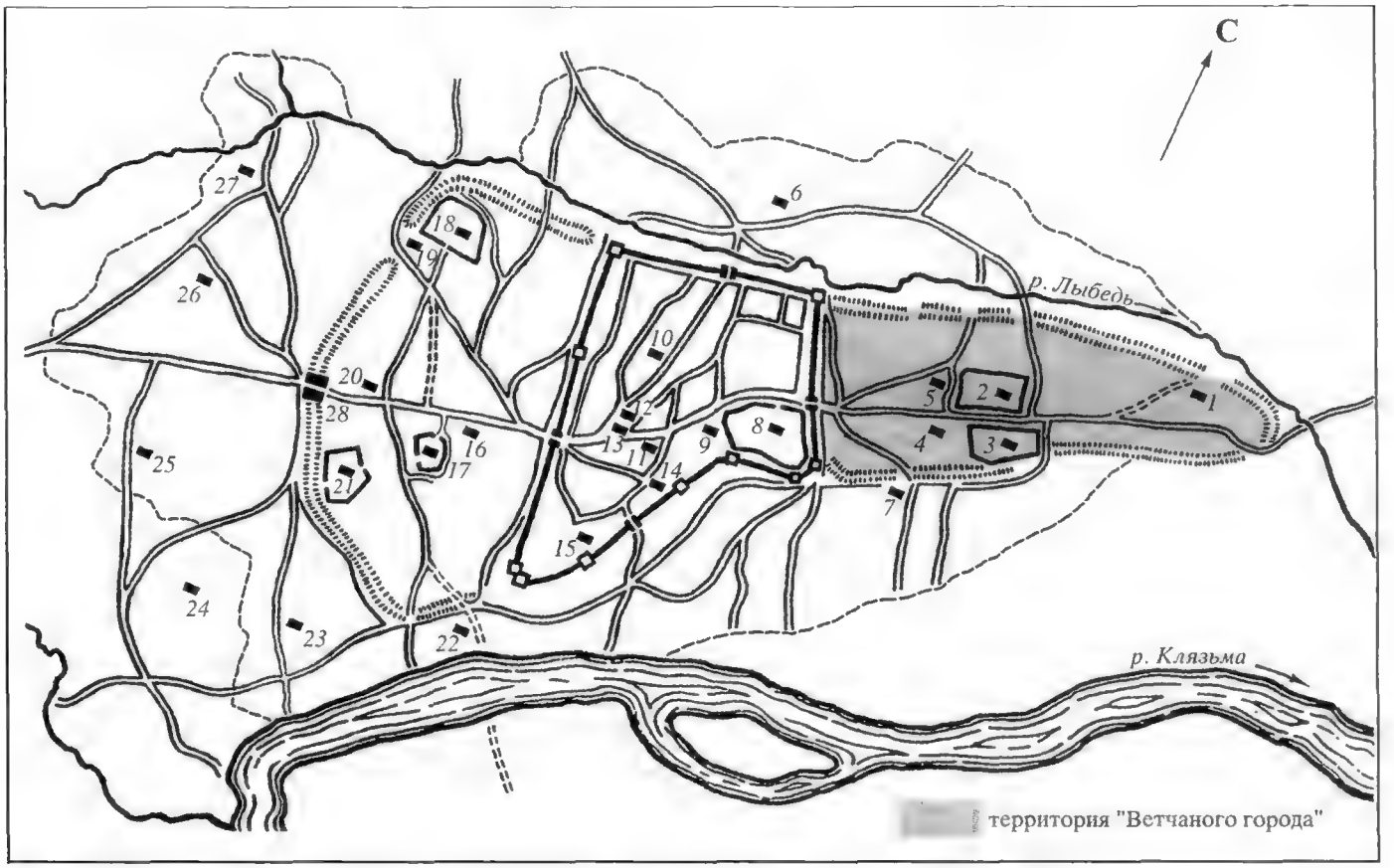


Рис. 1. Схематичный план Владимира-на-Клязьме XVII–XVIII вв.

1 – церковь Зачатия Св. Анны; *2* – монастырь Сергия Чудотворца; *3* – Богородицкий монастырь; *4* – церковь Иоанна Богослова; *5* – Ильинская церковь; *6* – церковь Воскресения Христова; *7* – церковь Жен Мироносиц; *8* – Рождественский монастырь; *9* – церковь Николая Чудотворца; *10* – Троицкая церковь; *11* – церковь Бориса и Глеба; *12* – церковь Рождества Христова; *13* – Воздвиженская церковь; *14* – Дмитриевский собор; *15* – Успенский собор; *16* – Пятницкая церковь; *17* – Георгиевский монастырь; *18* – Успенский монастырь; *19* – Никитская церковь; *20* – церковь Николая Чудотворца; *21* – Спасский монастырь; *22* – церковь Сретения Богородицы; *23* – церковь Николая Чудотворца; "что в Галее"; *24* – церковь Вознесения Господня; *25* – церковь Всех Святых; *26* – церковь Петра и Павла; *27* – церковь Николая Чудотворца; *28* – Золотые ворота. Составлен по: *Красовский*, 1980

что в настоящее время имеются очень отдаленные представления о численности населения древнерусского Владимира-на-Клязьме, опирающиеся лишь на летописные данные о размерах ущерба, нанесенного городу пожарами. Согласно Лаврентьевской и Воскресенской летописям, едва ли не весь город (и 32 церкви) сгорел 18 апреля 1184 (1185?) г., 23 июля 1192 (1193?) г. огонь затронул 14 церквей и половину Владимира; в пожаре 4 июля 1214 (1213?) г., охватившем, судя по названию храмов, видимо, лишь восточную треть города, сгорели 4 церкви и 200 дворов. Таким образом, если 40–50 дворов принять за условный размер церковного прихода, то общее количество усадеб Владимира конца XII – начала XIII в. могло достигать 1200–1500. Сведения послебатыевского времени еще более отрывочны. Известно, что в охватившем весь город пожаре 23 мая 1491 г. сгорели 22 церкви (Воскресенская летопись). Численность населения Владимира во второй половине XVII – начале XVIII в., согласно описям 1678 и 1715 гг., не превышала 1836 человек, дворов насчитывалось не более 438, а приходских церквей – 18 (Дополнения к актам.., 1875; *Тихонравов*, 1857. С. 63, 64). Даже если количество уничтоженных огнем в 1214 (1213?) г. владений лишь утроить, получившееся значение существенно превосходит аналогичный показатель на начало XVIII в. Впрочем, это соотношение вряд ли проясняет демографическую ситуацию во Владимире второй половины XIII–XIV в.

В целом, современное состояние исследованности влияния событий 1238 г. на последующее социально-экономическое развитие Владимира-на-Клязьме обусловлено единичностью сведений письменных источников об экономике города XII–XIV вв. и его чрезвычайно слабой археологической изученностью. Примечательно, что не только первое, но и второе обстоятельство и в обозримой перспективе будет определять уровень знаний о материальной культуре населения Владимира (как древнерусского времени, так и нескольких столетий после Батыева нашествия) и, в частности, степень исследованности археологической составляющей "проблемы 1238 года".

В литературе уже не раз отмечались факторы, препятствующие плодотворному археологическому изу-

чению Владимира, классического памятника с "сухим" средневековым культурным слоем – сравнительно тонким и почти полностью перемешанным в более позднее время (Древняя Русь... 1985. С. 91; Археологическая карта России. 1995. С. 57, 58). В подобной ситуации в качестве основного объекта исследования выступают отложения различных материковых углублений – котлованов подполий и припечных ям наземных жилых построек, ям хозяйственных сооружений, канавок (оснований оград) и столбовых ям. В условиях, когда деревянные конструкции наземных построек не сохраняются, лишь их вырытые в грунте помещения позволяют судить о назначении и минимальных параметрах сооружений, об общем характере застройки вскрываемых участков городской территории. При анализе планировочной структуры этих участков серьезные проблемы создает принадлежность материковых углублений постройкам нескольких последовательных строительных периодов, уверенное соотнесение с которыми далеко не всегда возможно.

В настоящее время, в силу ряда обстоятельств (наличие значительных участков, занятых садами и огородами, сравнительно незастроенное внутриквартальное пространство, активное новое строительство), наиболее перспективным для археологических изысканий представляется восточный район исторического ядра Владимира – так называемый "Ветчаный город" (рис. 1)[1]. Результаты достаточно активного изучения культурных напластований этой территории в 1990-х годах[2] позволяют сделать ряд наблюдений, касающихся как вопросов локальной исторической топографии, так и роли татаро-монгольского нашествия в истории города.

Проведенные под руководством автора данной работы раскопки в северо-западной части "Ветчаного города" (раскоп 1993–1998 гг. в "22-м квартале" и раскоп 1999 г. на ул. Чехова; рис. 2) показали, что исследованные участки городской территории были освоены в конце XII – начале XIII в., а после Батыева разорения оказались по сравнению с ситуацией домонгольской поры в явном запустении.

Размеры вскрытого участка в "22-м квартале" (территория, ограниченная современными улицами Б. Московской, Чехова, Герцена, Златовратского) составили 948 м². На основной площади раскопа выявлены переотложенные напластования мощностью до 1 м с керамикой преимущественно XVII–XX вв., подстилаемые древней почвой (10–15 см толщиной) или достигающие материка. Не затронутый перекопами культурный слой представлен лишь отложениями до-

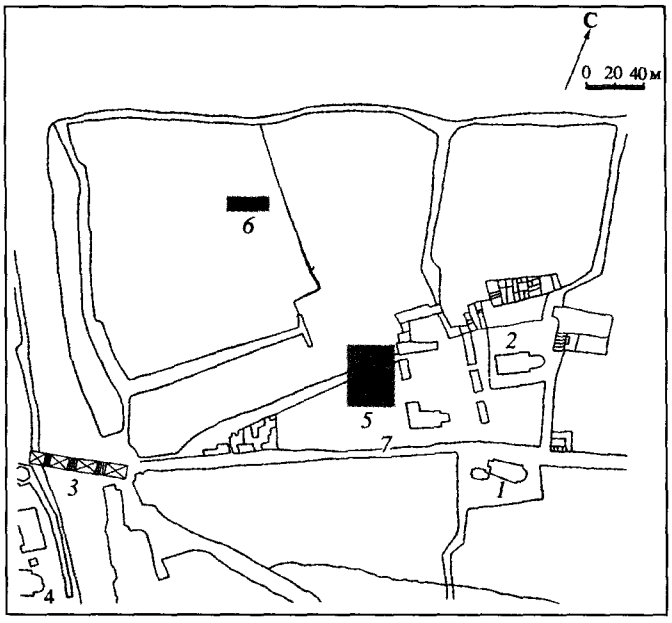


Рис. 2. Северо-западная часть "Ветчаного города" по плану 1780–1781 гг.

1 – церковь Иоанна Богослова; *2* – Ильинская церковь; *3* – Ивановский мост; *4* – Рождественский монастырь; *5* – местоположение раскопа в "22-м квартале"; *6* – местоположение раскопа на ул. Чехова; *7* – Большая улица

монгольского времени (5–40 см толщиной) и зафиксирован в виде перекрывающих древнюю почву выбросов из материковых ям и двух разновременных зольно-угольных слоев. Верхний пожарный слой связан, по всей видимости, с событиями 1238 г., нижний – вероятно, с более ранним городским пожаром (1214 или 1227 г.). В ряде мест отложения XII–XIII вв. встречены на глубине до 40 см от дневной поверхности.

Многочисленные и разнообразные материковые углубления древнерусского времени (рис. 3) представляют собой следы сооружений одной усадьбы[3]. Ее исследованная площадь составила более 930 м²; учитывая, что в раскопе зафиксированы лишь фрагменты западного участка ограды усадьбы, общие размеры этого владения достигали, по всей видимости, 2000 м².

Как удалось выяснить, характер застройки усадьбы в течение сравнительно непродолжительного ее существования (около полувека) кардинально не менялся – постройки располагались по периметру границ владения, вокруг подпрямоугольного незастроенного внутреннего двора. От основного (?) жилого сооружения усадьбы, располагавшегося в ее северной части, сохранились три котлована подполий (прямоугольной формы ямы с поперечниками до 7–8 м и глубиной до 1,5–2,5 м; ямы 1/93-20/94-25/94, 1/95, 2/95) и серия ям от столбовых конструкций галереи или крытого двора; общая площадь сгоревших в 1238 г. хором, по-видимому, превышала 250 м². На дне основного подполья (яма 1/93-20/94-25/94) были найдены останки сорокалетней женщины, попытавшейся

[1] Современные представления об исторической топографии Владимира базируются преимущественно на результатах исследований Н.Н. Воронина (1946) (см.: Древнерусское градостроительство, 1993. С. 80, 81, 165–176, 273–275, 278, 286, 289; Археологическая карта России, 1995. С. 55–60).

[2] Работы совместной экспедиции ИА РАН и Управления по реконструкции исторического ядра г. Владимира (руководители д.и.н. М.В. Седова, Т.Ф. Мухина) и экспедиции Государственного центра по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области (руководитель к.и.н. Ю.Э. Жарнов).

[3] Общая характеристика усадьбы по материалам раскопок 1993–1996 гг. опубликована (*Жарнов*, 1997).

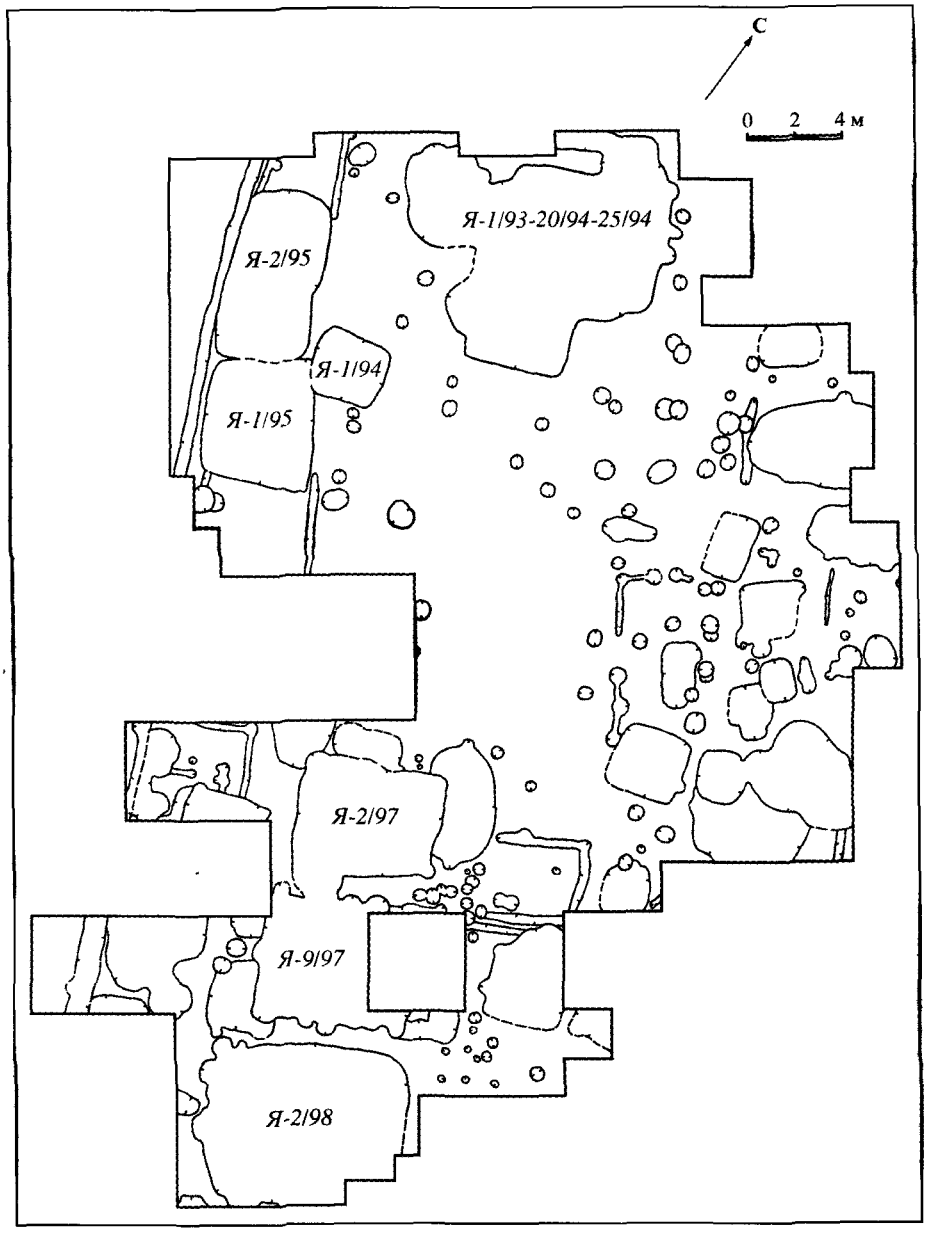


Рис. 3. Раскоп в "22-м квартале". План расположения материковых углублений домонгольского времени

переждать там опасность. Присутствие костяка (в "сидячем" положении) в постройке, разрушение которой связано с верхним пожарным слоем, послужило, наряду с вещевым материалом, серьезным основанием для датировки этого "военного" пожара, определившего финал существования усадьбы, 1238 годом.

Еще один крупный комплекс жилых и, вероятно, хозяйственных построек обнаружен в южной части усадьбы; его основу составили не менее трех примыкающих друг к другу котлованов подполий общей площадью до 100 м^2 (ямы 2/97, 9/97, 2/98). Следы многочисленных хозяйственных сооружений образовали восточный участок усадебной застройки, а также выявлены (фрагментарно) у западного контура ограды владения.

Если о конструкции наземных частей строений можно говорить лишь в предположительной форме, то деревянные детали их углубленных в материк помещений прослежены достаточно хорошо[4]. Абсолютно преобладают конструкции, состоявшие из опорных угловых столбов и стенок из вертикально поставленных досок; последние, по-видимому, дополнительно крепились врубленными (?) в столбы горизонтальными балками. Наиболее значительные по площади подполья имели по периметру стен, кроме угловых, и срединные столбы. Встречены также котлованы, где деревянная обшивка стен состояла из горизонтально уложенных на ребро досок, торцевые части которых прижимались угловыми столбами; в одной из ям оказалась срубная конструкция из сложенных "в обло" тонких бревен. На дне ряда котлованов прослежены дренажные системы.

[4] Речь, в первую очередь, идет о подпольях жилищ.

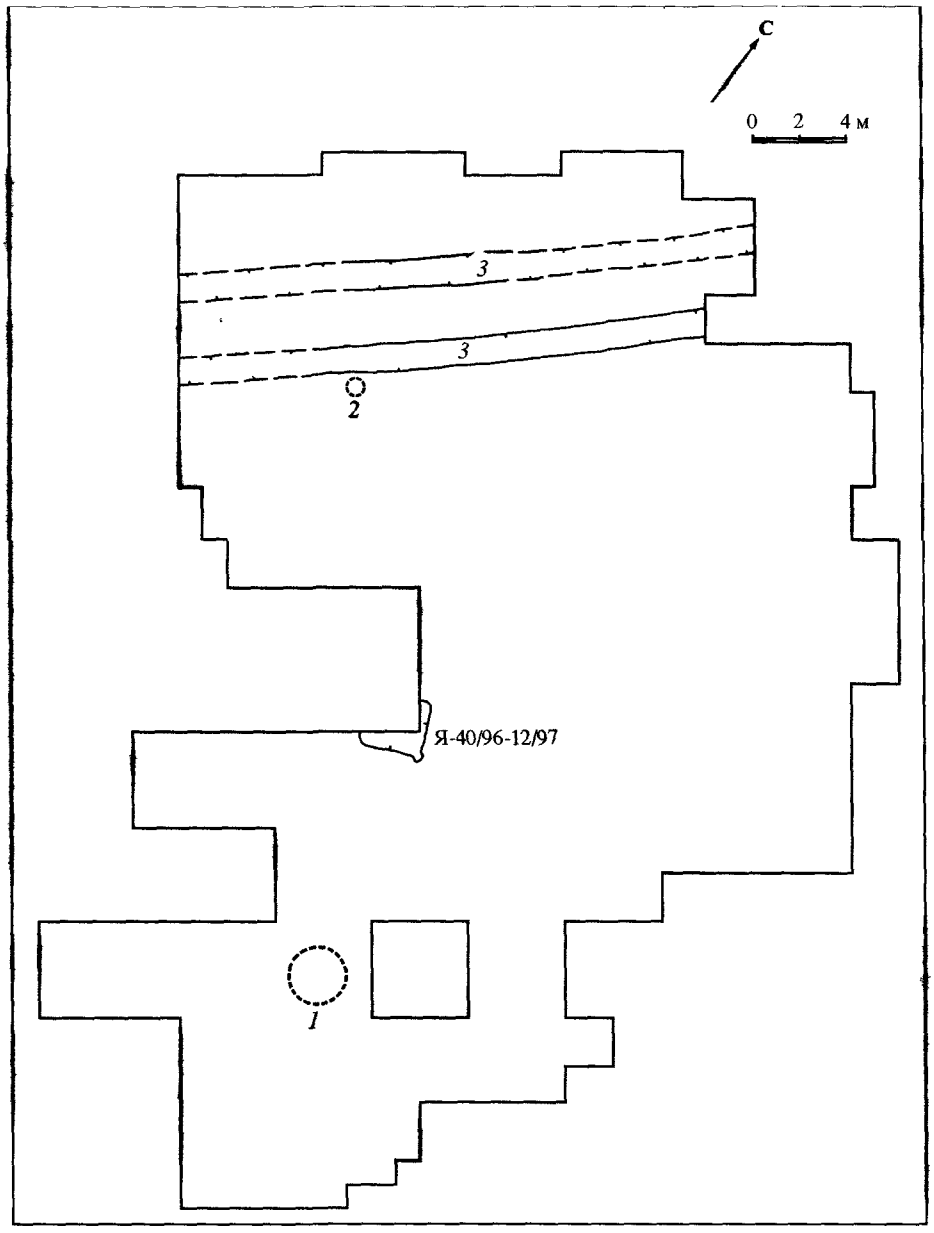


Рис. 4. Раскоп в "22-м квартале"

1 – скопление керамики середины XIII – XIV(?) в. над ямой 9/97; *2* – скопление керамики середины XIII–XIV(?) в. над ямой 1/94; *3* – придорожные канавы улицы XVII(?)–XVIII вв.

Следы хозяйственного использования территории раскопа в середине XIII – XIV (?) в. представлены лишь фрагментарно исследованным прямоугольным котлованом подполья наземной постройки (яма 40/96-12/97; ее поперечники – 2–2,5 м, глубина – до 1 м) и скоплениями керамики из слоя заполнения западин в центральной части отложений ям домонгольского времени (ямы 1/94, 9/97) (рис. 4). Более поздние материковые углубления (XV–XVIII вв.) также единичны, не превышают в поперечнике 2–3 м.

Результаты раскопок в "22-м квартале" позволяют сделать вывод о том, что застройка этого района после Батыева нашествия, вероятно, тяготела к главной владимирской улице – Большой (современные улицы Большая Московская и Большая Нижегородская) (рис. 2). Основная же территория огромной древнерусской усадьбы, расположенной к северу от этой улицы, оставалась малозаселенной и использовалась преимущественно в сельскохозяйственных целях (вплоть до XVIII–XIX вв.). Подобная ситуация, по всей видимости, свидетельствует о катастрофическом (одномоментном) сокращении численности населения, связанном с событиями 1238 г.

В северной части раскопа в переотложенном слое и частично в материке и заполнении ям были выявлены следы отмеченной на дорегулярных планах города (рис. 2) улицы (точнее, дороги) XVII(?)–XVIII вв. – две параллельные придорожные канавы шириной до 1,2–1,4 м и глубиной не менее полуметра; расстояние между канавами достигало 2–2,3 м (рис. 4, *3*). Впер-

вые прослеженное во Владимире несоответствие данных древнерусской топографии информации планов дорегулярной городской застройки свидетельствует о необходимости более осторожного использования последних при реконструкции планировки домонгольского города.

В раскопе, заложенном между домами № 7 и № 11 по ул. Чехова (площадь – 295 м^2), мощность культурного слоя не превышала 1–1,2 м, на большей части раскопа материк выявлен на глубине 50–70 см от дневной поверхности. Слой практически полностью переотложен в результате интенсивного использования исследуемой территории под огороды, прорезан котлованами жилых и хозяйственных построек XIX–XX вв.; среди керамического материала преобладают фрагменты сосудов XVII–XX вв.

Следы городской жизни домонгольского времени исчерпываются заполнениями многочисленных материковых углублений не менее чем двух строительных периодов; большинство ям были не только вырыты, но и засыпаны в древнерусское время (рис. 5, *а*). Примечательной особенностью раскопанного участка является отсутствие жилых сооружений домонгольской эпохи, все сравнительно крупные материковые углубления (с поперечником до 3–4 м и глубиной до 1,6 м) оказались котлованами построек, по-видимому, производственного назначения. Учитывая отсутствие следов межусадебных оград, вскрытый участок городской территории, по-видимому, оказался в пределах хозяйственной (нежилой) части одной, значительной по размерам древнерусской усадьбы.

Лишь два материковых углубления овально-прямоугольных очертаний (ямы 9 и 10) были выкопаны в середине XIII–XIV (?) в. (рис. 5, *б*). Обе ямы (одновременные?) использовались в хозяйственных целях и, вероятно, уже в XV(?) в. были засыпаны близлежащим культурным слоем (преимущественно древнерусского времени). Следами дальнейшей (не ранее XV (?)–XVII вв.) городской жизни в пределах исследованной территории являются многочисленные канавки (основания оград), выявленные как в переотложенном слое, так и в материке (рис. 5, *в*). Учитывая отсутствие достоверных синхронных остатков каких-либо жилых или хозяйственных построек в пределах огороженных участков, можно предположить, что эти изгороди скорее фиксируют параметры сельскохозяйственных владений – огородов, плодами которых так славились (особенно в XIX в.) владимирские обыватели.

Процесс дезурбанизации крупнейшего центра Северо-Восточной Руси после 1238 г. отчетливо прослеживается и по керамическому материалу[5], и по вещевым находкам. Содержимое материковых углублений середины XIII–XIV (?) в. практически исчерпывается (если исключить предметы, попавшие туда из древнерусского культурного слоя) фрагментами и полными формами гончарных сосудов. Из подобных ям раскопа в "22-м квартале" происходят более 2 тыс.

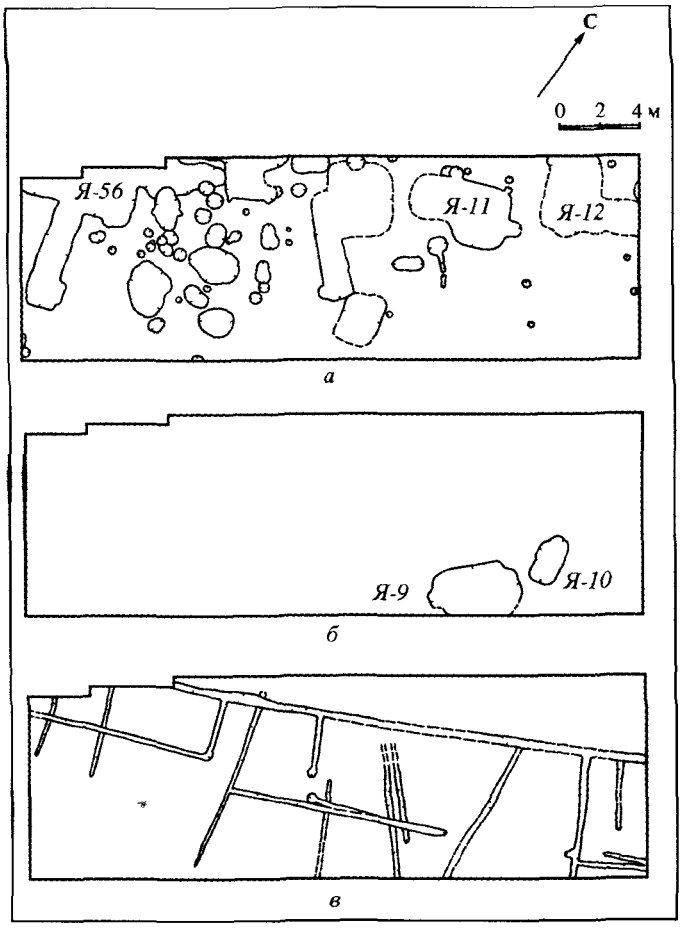


Рис. 5. Раскоп на ул. Чехова

а – план расположения материковых углублений домонгольского времени; *б* – план расположения материковых углублений середины XIII – XIV(?) в.; *в* – план расположения материковых канавок – оснований оград не ранее XV(?)–XVII вв.

обломков и 4 реконструированных сосуда, с раскопа на ул. Чехова – около 1 тыс. фрагментов и 2 сосуда полного профиля[6]. Коллекция же керамики из древнерусских ям раскопа в "22-м квартале" насчитывает более 90 тысяч фрагментов и 165 полных форм, еще около 23 тыс. обломков и 33 сосуда найдены на раскопе 1999 г. Столь очевидная количественная несоразмерность двух групп керамического материала, отложившихся в течение приблизительно равных периодов, может рассматриваться в качестве еще одного свидетельства о значительном уменьшении численности населения Владимира (во всяком случае, одного из его районов) в результате разгрома 1238 г.

Помимо керамики, яркую картину повседневной жизни владимирцев первой трети XIII в. отражает обширная коллекция вещевых находок, представленная практически всеми категориями предметов материальной культуры древнерусского города этой эпохи.

[5] Анализ керамики обоих раскопов проведен Е.К. Кадиевой, результаты исследования коллекции из "22-го квартала" публикуется в настоящем сборнике.

[6] В заполнении ямы 10 обнаружен также обломок кашинной чаши с зеленой росписью под бесцветной прозрачной поливой (Ближний или Средний Восток, XIII–XIV вв.; определение В.Ю. Коваля).

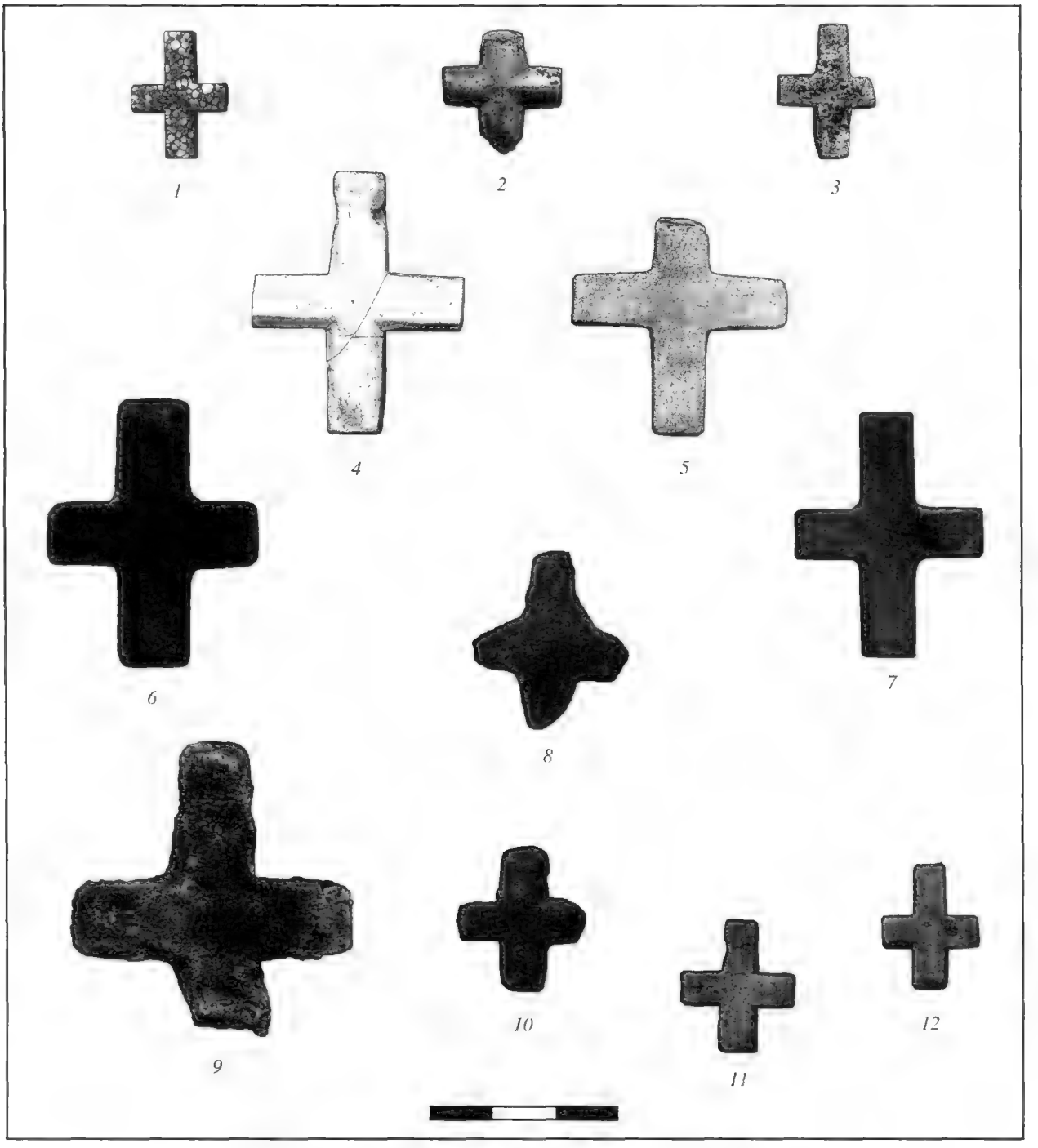


Рис. 6. Нательные кресты из раскопок в "22-м квартале"
1–7 – каменные, *8* – заготовка каменного креста, *9–12* – терракотовые

Примечательной особенностью подобного археологического материала, обнаруженного на территории усадьбы "22-го квартала" (более 3000 индивидуальных находок, абсолютное большинство которых связано с постройками, уничтоженными пожаром 1238 г.), является его необычная насыщенность предметами христианского культа. По количеству и разнообразию вещей, представленных как предметами индивидуального пользования, так и церковной утварью, владимирская коллекция, по-видимому, сопоставима лишь с находками из Княжей Горы или Киева.

Важное место в этом собрании занимают произведения прикладного искусства, среди которых есть вещи очень высокого художественного уровня. К ним относятся резные каменные иконы ("Святой Савва Освященный", "Раскаяние апостола Петра"), серебряные вещи из клада 1993 г. – рельефные энколпионы с сохранившимися святынями, чаша (потир), уникальный портативный иконостас из семи образков с выполненными в технике перегородчатой эмали изображениями Иисуса и избранных святых (*Жарнов*, 1999; *Жарнов, Жарнова*, 1999).

Рис. 7. Бронзовые детали книжных переплетов из раскопок в "22-м квартале"
1, 2 – накладки; *3* – гвоздик; *4–6* – элементы застежек.

Сюжетное художественное медное литье представлено двумя энколпионами, фрагментарным напрестольным крестом, двумя иконками, привеской в виде архангела (*Жарнов*, 2000). Данные вещи не только позволяют (в комплексе с другими находками) судить о социальном статусе владельца усадьбы, но и представляют несомненный интерес для исследователей стилистических и технологических особенностей домонгольской металлопластики. В частности, обнаружение отливки, сделанной по оттиску модели в глине, реально подтверждает возможность подобного способа тиражирования энколпионов.

Среди культовых предметов индивидуального пользования наиболее многочисленны нательные кресты, выполненные из различных пород камня (15), а также бронзовые (9) и терракотовые (6) (рис. 6). Церковная утварь, помимо упомянутых напрестольного креста и потира, представлена обломками хороса, крышки кацеи (?), подсвечника, фрагментарным колоколом, обнаруженным в кладе куском ладана (?). Данный перечень может быть расширен уникальным собранием бронзовых деталей книжных переплетов (застежек, накладок и гвоздиков – около 60 предметов), происходящих из котлованов трех подполий (ямы 1/93, 2/95, 2/98) и являющихся остатками от трех до пяти сгоревших в 1238 г. книг, скорее всего, религиозного содержания (рис. 7).

Специфический характер вещей клада 1993 г. и ряда других предметов позволил предположить, что владельцем усадьбы являлся священнослужитель. Возможно, он был связан с Ильинской или Богословской церквями, упомянутыми среди сгоревших в 1214 (1213?) г. храмов; их каменные здания XVIII в. до разрушения в 1932–1933 гг. находились в 70–100 метрах восточнее раскопа (рис. 2). О соседстве усадьбы с храмовой постройкой свидетельствуют и обнаруженные здесь обломки глиняных половых и мозаичной плиток. Побывавший в пожаре 1238 г. колокол (найден в яме 2/95), по-видимому, принадлежал небольшой звоннице, входившей в комплекс строений северных хором.

На территории усадьбы, вероятно, работала мастерская, занимавшаяся изготовлением предметов культового назначения и нашивных украшений (в том числе и церковных облачений?). Следы ее деятельности – фрагменты каменной литейной формы и тиглей с остатками бронзы и золота, ювелирные пинцеты, сверло, заготовка нательного сланцевого креста

Рис. 8. Опиленные фрагменты плотного рога (*а*) и костного основания полых рогов (*б*)

(рис. 6, *8*), обломки каменных пластинок со следами обработки, сланцевая матрица (модель для отливки медных матриц?) для тиснения серебряных нашивных бляшек, заготовки (?) стеклянных вставок для прорезных дробниц. В этой мастерской, по-видимому, были изготовлены терракотовые кресты-тельники, имитирующие каменные[7], и, возможно, отлит по оттиску в глине один из бронзовых энколпионов.

Оба обстоятельства – принадлежность усадьбы священнослужителю и существование на ее территории художественной мастерской – сближают это городское владение со знаменитой усадьбой Олисея Гречина, новгородского художника и священнослужителя второй половины XII – начала XIII в. (*Колчин, Хорошев, Янин*, 1981). По-видимому, данное сходство не случайно и отражает один из вариантов организации в Древней Руси производства предметов декоративно-прикладного искусства, предназначенных в первую очередь для удовлетворения массового спроса на культовые вещи, в частности на нательные кресты и небольшие иконописные произведения.

Значительный интерес представляют выявленные в 1999 г. (ул. Чехова) остатки деятельности двух ремесленных мастерских – ювелирной и косторезной. Преимущественно в западной части раскопа обнаружены остатки деятельности древнерусской мастерской по обработке цветных металлов (в первую очередь яма 56). Они представлены, главным образом, многочисленными (около 370) обломками круглодонных тиглей (с округлым и треугольным очертанием венчиков), плоских тиглей-тарелочек (для очистки серебра?) и закрытых тиглей с небольшими плоскими ручками трапециевидной формы или в виде "ласточкина хвоста". Фрагменты плавильных сосудов последней разновидности абсолютно преобладают; о количестве закрытых тиглей можно судить по числу обнаруженных ручек – не менее 30. На внутренней поверхности более 20 фрагментов сохранились капли бронзы, золота, серебра(?). С деятельностью этой мастерской связаны также разнообразные остатки производства бронзовых шаровидных бубенчиков (из двух спаянных половинок), обломок каменной литейной формы, 2 ювелирных пинцета, сверло.

Еще одна мастерская, косторезная, располагавшаяся восточнее (в первую очередь, ямы 11 и 12), специализировалась, судя по обнаруженным полуфабрикатам и бракованным изделиям, на изготовлении костяных деталей рукоятей ножей. Отходы производства (всевозможные опилки и обрезки), пластины-заготовки, недоделанные или испорченные вещи представлены различными видами сырья (рис. 8) – плотным рогом (более 40 экз.), костным основанием полых рогов (преимущественно мелкого рогатого скота; около 300 экз.), животной костью (до 10 экз.).

Разнообразие (инструменты, сырьевые продукты, бракованные изделия, заготовки, отходы) и массовость находок производственного характера определяют значимость этой коллекции не только для владимирской археологии, но и для обобщающих исследований по истории древнерусского ремесла. Об уникальном характере обнаруженного косторезного комплекса позволяет судить, в частности, его количественное сопоставление с материалами исследований данного ремесла в Новгороде (*Смирнова*, 1997; 1998): показатель индекса Q (количество находок отходов косторезного производства на 100 кв. м исследованной площади) для различных новгородских раскопов колеблется от 2,1 до 17,3, для владимирского же достигает 120. А наибольшая коллекция подобных находок (около 400 экз.), собранная на Неревском раскопе (8840 м^2) из многометровых напластований X–XV вв., вполне сопоставима с владимирской (более 350 экз. с 295 кв. м), датируемой концом XII – первой третью XIII в.

Результаты изучения археологических аспектов "проблемы 1238 г." по материалам раскопок "Ветчаного города", безусловно, не могут в полной мере отражать общегородскую ситуацию. Возможно, из-за специфичного характера послебатыевского развития этого района Владимира, получившего в документах XVII в. (*Бунин*, 1900) образное определение – "Ветчаный" (т.е. ветхий, давно пришедший в негодность), археологический контраст домонгольской и последующей эпох приобрел здесь излишне резкое выражение. Впрочем, работы в остальной части Владимира (в "Новом" и "Печернем городе") также свидетельствуют о возможности четко ограничить материальную культуру древнерусского города и пласт древностей XV–XVIII вв. и о сложности выявления археологических остатков Владимира середины XIII–XIV вв. (Археологическая карта России. 1995. С. 57–60; *Седова*, 1994; *Мухина*, 1995; *Родина*, 1994; 1996).

На протяжении второй половины XIII в. Владимир-на-Клязьме, подвергшийся после Батыева нашествия неоднократным татарским набегам (особенно страшным оказался поход "Дюденевой рати" в 1293 г.), не смог восстановить домонгольскую численность населения, возродить тем самым свой экономический и политический потенциал. Серьезная потеря темпов исторического развития – один из важнейших результатов событий 1238 г. для несостоявшейся общерусской столицы.

Литература

Археологическая карта России: Владимирская область. М., 1995.

Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. (Археология СССР).

Бунин А.И., 1900. К исторической топографии г. Владимира на Клязьме // Тр. Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1900. Т. II.

Воронин Н.Н. Социальная топография Владимира в XII–XIII вв. и "чертеж" 1715 г. // СА. 1946. Т. VIII.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1962. Т. II.

Воронин Н.Н. Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. М., 1983.

[7] В первую очередь, меньшего размера (5 экз.) (Рис. 6, *10–12*), обнаруженных на небольшом расстоянии друг от друга в отложениях древнерусского времени.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1875. Т. 9.

Древнерусское градостроительство X–XV вв. М., 1993.

Дудорова Л.В. Старый Владимир. Владимир, 1998.

Жарнов Ю.Э., 1999. Две каменные иконки домонгольского времени из Владимира-на-Клязьме // РА. № 3.

Жарнов Ю.Э., 1997. Усадьба первой трети XIII века "Ветчаного города" Владимира-на-Клязьме // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М. Т. 2.

Жарнов Ю.Э., 2000. Художественное медное литье из раскопок во Владимире-на-Клязьме // РА. № 1.

Жарнов Ю.Э., Жарнова В.И., 1999. Произведения прикладного искусства из раскопок во Владимире // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь: К 100-летию Андрея Николаевича Грабара (1896–1990). СПб., 1999.

Иоаннисян О.М., Торшин Е.Н. Церковь Бориса и Глеба на княжеском дворе в Ростове Великом // АО 1993 г. М., 1994.

Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л., 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.

Красовский И.С., 1980. О топографической интерпретации рукописных планов древнерусских городов // Источники и методы исследования памятников градостроительства и архитектуры. М.

Мухина Т.Ф., 1995. Итоги трехлетних археологических исследований в районе Торговых рядов г. Владимира // Воронинские чтения – 94: Материалы областной краеведческой конференции. Владимир.

Родина М.Е., 1994. Раскопки во Владимире, в "Мономаховом городе" // АО 1993 г. М.

Родина М.Е., 1996. Раскопки во Владимире, в "Мономаховом городе" // АО 1995 г. М.

Седова М.В., 1994. Работы во Владимире // АО, 1993 г. М.

Смирнова Л.И., 1997. Обработка кости и рога на усадьбах Неревского и Людина концов средневекового Новгорода (опыт анализа отходов косторезного производства) // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М. Т. 1.

Смирнова Л.И., 1998. Этапы становления косторезного ремесла в средневековом Новгороде (по материалам Федоровского раскопа в Плотницком конце) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 12.

Столетов И.А. Результаты исследования памятника архитектуры XIII–XVI вв. Успенского собора Княгинина монастыря во Владимире // Памятники истории и культуры. Ярославль, 1976. Вып. 1.

Тихонравов К.Н., 1857. Город Владимир в начале XVIII столетия // Владимирский сборник. М.

Феннел Дж., 1989. Кризис средневековой Руси: 1200–1304. М.

Г.Ю. Ивакин

Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие

Острая дискуссия об исторических судьбах Киева и всей Южной Руси после 1240 г. развернулась еще в середине XIX в. и в разных своих аспектах продолжается и сейчас. Основываясь на скудных письменных источниках и еще больше на традициях книжников XVI–XVII вв., историки конца XVIII – первой половины XIX в. единодушно считали, что Киев (как и остальные центры Южной Руси) был практически полностью уничтожен войсками Батыя в 1240 г. и едва влачил жалкое существование до XVII в. Погибли все соборы и дворцы, политическая и культурная жизнь города надолго прекратилась.

Дискуссия разгорелась после выхода в 1856 г. статьи Н.П. Погодина, где он утверждал, что "в Киеве жили до татар не малороссияне, а великороссияне". Последние после 1240 г. переселились на север, а на освободившееся место осели пришельцы "от Карпатских гор" (*Погодин*, 1856. С. 81–83). Эта гипотеза о полном разорении Приднепровья и последующей смене здесь коренного населения вызвала критику со стороны М.А. Максимовича (*Максимович*, 1876. С. 131–145; *Котляревский*, 1893. С. 624–637), однако и приобрела в последующее время авторитетных сторонников – А.И. Соболевский, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков (*Соболевский*, 1884; *Ключевский*, 1956. С 284). Вопрос породил достаточно обширную историографию уже в XIX в., поэтому подробно останавливаться на ней нет смысла (тем более, что она имела преимущественно лингвистический характер, а главный вопрос – о смене населения – представлялся очевидным).

Независимо от Н.П. Погодина утверждения о полном запустении украинских земель и практической смене населения (по крайней мере, ее самой активной и влиятельной части) выдвинула польская историография. Фактически это было теоретическим обоснованием претензий и экспансии Речи Посполитой на украинские земли. К. Шайноха писал, что "польская сабля удовлетворяла себя, защищая Русь от татар, лемех ее обрабатывал и заселял". А Яблоновский утверждал, что Русь "после татарского погрома середины XIII в. совсем не имела сил, чтобы подняться" и только благодаря энергии польских магнатов там возникали новые поселения. По М. Бобржинскому, польская шляхта принесла "высокую культуру не только Украине, но и всей Восточной Европе" (*Бобржинский*, 1891; *Szajnocha*, 1881. S. 236–244; Jabłonowski, 1911. S. 236–244).

Понятно, что подобные дискуссии, касавшиеся важнейших национальных и политических проблем, часто выходили за чисто научные рамки, в них иногда отражались крайние, заостренные полемикой, точки зрения. Подчеркнем и то, что взгляды ученых далеко не всегда делились по национальному признаку. Так, гипотезу Погодина разделял Д.И. Зубрицкий (*Зубрицкий*, 1845), а критиковал С.М. Соловьев (выдающийся историк считал, что в первое время после нашествия монголы серьезно не влияли на внутренний строй Руси, поскольку ее судьба определялась только факторами внутреннего характера). К.Н. Бестужев-Рюмин писал, что наука не может принять предположение об отселении на север всех жителей Южной Руси и приход новых из Галиции (*Бестужев-Рюмин*, 1872. С. 294–295). Зато украинский "буржуазный националист" (по советским определениям) П.А. Кулиш полностью разделял взгляды польских историков (*Кулиш*, 1874. С. 15).

Наиболее аргументированно ложность концепций о полном запустении Приднепровья и смене здесь населения показал В.Б. Антонович, собравший обширный документальный материал (*Антонович*, 1885). В то же время он явно недооценивал степень разрушений, нанесенных монгольским завоеванием. Киев, по его мнению, практически не пострадал в 1240 г. Он не видел и принципиального отличия между событиями 1240 г. и разгромами города 1169 и 1203 гг. Сильные и слабые стороны взглядов своего учителя дальше развивал М.С. Грушевский (*Грушевский*, 1891. С. 443–459; 1905. С. 171–179). Историк отметил нацеленность ордынской политики на ликвидацию активных политических деятелей из Киева. Убирая с исторической сцены наиболее влиятельные политические фигуры, завоеватели стремились не дать им возможности собрать антиордынские силы в традиционном политическом центре Руси.

И сейчас остаются в силе выводы М.Ф. Владимирского-Буданова, который готовил к изданию акты о заселении Украины для "Архива Юго-Западной России". Он писал, что "делая общий вывод из приведенных фактов относительно XIII в., мы должны признать, что: 1) Действительно произошло огромное опустошение всей Южной Руси в 40-х годах этого столетия; численность населения должна была уменьшиться здесь везде, но 2) Край вовсе не остался после татар пустынею... 3) Главный этнографический состав нового населения тот же, что и был ранее" (*Владимирский-Буданов*, 1896. С. XV).

На этих разработках XIX в. преимущественно базировались и взгляды историков первой трети XX в.

При этом выводы В.Б. Антоновича и М.С. Грушевского как украинских "буржуазно-националистических" политиков практически были изъяты из научного оборота. В целом, господствовало мнение о полном разгроме Киевской земли. Эту точку зрения серьезно подкрепил своим научным авторитетом М.К. Каргер, который впервые широко ввел в научный оборот археологический материал по данной проблеме (*Каргер*, 1959. С. 493–515). Он достаточно ярко показал картину разгрома Киева в 1240 г. В то же время археолог, не зная событий XIV–XV вв. и разделяя общее мнение о полном запустении Приднепровья, ошибочно представлял дальнейшую сложную историческую судьбу Киева, упрощенно понимал причины гибели памятников каменного зодчества. Однако на его утверждении о том, что Киев был низведен до уровня рядового местечка, где вплоть до середины XVII в. жизнь едва теплилась, опирались многочисленные работы археологов, историков, искусствоведов и т.д. (*Вздорнов*, 1958. С. 33, 96; *Успенский, Шнейдер*, 1958. С. 83, 84).

Это мнение оказало крайне негативное влияние на вещеведческие и хронологические исследования во многих аспектах. Поскольку считалось, что жизнь в городе после 1240 г. отсутствовала, то и не возникали даже в постановочном плане вопросы о возможности создания в это время в Киеве тех или иных произведений ремесла или искусства. Такой односторонний подход в науке во многих конкретных случаях дает ложные ответы. Возникли и утвердились многие стереотипы, которые в наше время оказываются никогда и никем не доказанными предположениями.

Разрушение каменных храмов, братские могилы, следы пожаров, укрытие кладов – все это датировалось исключительно 1240 г. Отсюда и хронология многих категорий находок. Общепризнанными археологическими постулатами было полное прекращение производства пряслиц, стекла, энколпионов, всех сложных и высокохудожественных ремесел, прекращение поступления амфорной тары и т.д. Отсюда и неверное определение культурных слоев, хронологическими индикаторами которых в большинстве являются эти категории находок. Все это характерно не только для Киева. В общеисторическом плане господствовал тезис о полном отрыве Южной Руси от Северо-Восточной. Церковные и другие историко-культурные связи XIII–XV вв. не были известны, или сведения о них разбросаны по различным работам. Специалисты по истории и археологии Киевской Руси преимущественно очень слабо знали историю последующих периодов. Свое незнание и неумение определить конкретный объект археологи часто перекладывали на Батыя, приписывая ему все пожары и разрушения, дела его далеких преемников. Иногда предположения другого направления замалчивались. Хорошо известна книжка В.К. Гончарова "Райковецкое городище", которую хрестоматийно приводят как яркий пример монгольского уничтожения города. Однако автор раскопок памятника, репрессированный в 1938 г. Ф.М. Молчановский, связывал этот разгром с военными действиями Данилы Галицкого против болоховских князей в конце 1250-х годов.

В 60-е годы XX в. археологи о материальной культуре Южной Руси второй половины XIII–XV вв. знали значительно меньше, чем о более раннем времени – X–XII вв. Этот период вообще негласно считался постархеологическим. Археологические издания завершались событиями 1240 г. По субъективным и объективным причинам до рубежа 60–70-х годов этому времени не уделялось должного внимания. С политической точки зрения (на Украине) эта эпоха, связанная с национальным вопросом, была просто опасной, с научной – невыгодной. Материал не разработан, требует больших затрат времени, а появление эффектных или крупных памятников, как в Киевской Руси, под большим вопросом. Все это в комплексе препятствовало развертыванию археологических исследований памятников данного периода.

О знании материалов XIII–XIV вв. свидетельствует следующий факт. В 1956 г. в Киеве нашли "кружок", который два известных археолога, В.А. Богусевич и В.Н. Даниленко, посчитали древнейшей древнерусской актовой печатью, на одной стороне которой был помещен герб княгини Ольги (раскрытая ладонь), а на другой двузубец Святослава. Находка была известна только по протирке и вызывала естественно большое любопытство. Но когда ее все же в наше время разыскали в фондах, то она оказалась обычным литовским денарием типа "колюмна – копье с крестом".

М.К. Каргер отрицал само наличие в Верхнем Киеве культурного слоя XIV–XV вв. "Между слоем XIX в. ... и древними слоями XI–XIII вв. лежит прослойка, которая по составу находок может быть связана с Киевом XVII–XVIII вв." (*Каргер*, 1959. С. 494). Он привык к культурным слоям Новгорода, Пскова, Старой Ладоги, где археолог, углубляясь, последовательно проходит все культурные слои. Но слои Верхнего Киева, как и отмечал сам исследователь, отличаются от них. Бурная строительная и планировочная деятельность крупного современного города во многом уничтожила слои XVII–XVIII и XIV–XV вв. Но это не означает, что их не было. Слои XVII–XVIII вв. достаточно многочисленны и мощны, а вот слои предыдущего времени сохранились гораздо хуже и были очень слабыми. Они во многом "съедены" более мощными подстилающими (X–XII вв.) и перекрывающими его (XVII–XVIII вв.) культурными слоями. Активная диффузия материалов разных слоев затрудняет надежные хронологические датировки. Но наличие материалов второй половины XIII–XIV вв. сомнений не вызывает, и с каждым годом раскопок их становится все больше. Следует отметить, что во времена раскопок М.К. Каргера даже керамика XIII–XIV вв. не была выделена из общей массы древнерусского материала.

На рубеже 1960–1970-х годов послемонгольская тематика стала привлекать внимание украинских исследователей. После создания Киевской экспедиции (руководитель П.П. Толочко) и развертывания планомерных исследований Киева началось целенаправленное изучение памятников XIII–XVII вв. Вышел ряд научных сборников со статьями постановочного характера ("Київська старовина" и два выпуска "Середні віки на Україні"), которые, однако, были

запрещены властями и изъяты из продажи и библиотек.

Особо важными стали статьи М.П. Кучеры и В.О. Довженка. М.П. Кучера впервые выделил несколько групп керамики, которую традиционно датировали X в., и доказал ее принадлежность ко второй половине XIII–XIV вв. (*Кучера*, 1969. С. 174–181). В.О. Довженок указывал на необходимость археологического исследования периода после Батыева нашествия в Среднем Приднепровье и пересмотра господствующего мнения о полном запустении региона в это время, показав, что топонимика свидетельствует об исторической наследственности до и после нашествия. Он выделил три вида поселений Среднего Приднепровья: 1) уничтоженные монголами городища, где жизнь полностью прекратилась (впрочем, такие в регионе археологически не исследованы и выделены теоретически по аналогии с волынскими); 2) разрушенные поселения, где жизнь вскоре возобновляется на том же месте или рядом; 3) поселения, уцелевшие от погрома. Наличие поселений с культурным слоем XIV–XV вв., заключает исследователь, свидетельствует, что не все ныне пустующие древнерусские поселения запустели в результате Батыева нашествия. В.О. Довженок, пожалуй, впервые обратил внимание на тот важный факт, что "и там, куда татарские полчища не добрались, жизнь прекращается в XIV–XV вв. ... Имелись, видно, и какие-то иные обстоятельства, которые принуждали население уже после татарского нашествия оставлять насиженные места" (*Довженок*, 1978. С. 76–82).

Плодотворной представляется (по крайней мере для южнорусских земель) мысль Л.В. Черепнина, что монгольское нашествие следует рассматривать не как одноразовый акт, а как процесс, который длился почти весь XIII в., начиная от битвы на р. Калке (*Черепнин*, 1977. С. 209).

Отметим условность терминологии для истории данного периода. В основном его называют "послемонгольским". Однако, если с его нижней границей все ясно, то верхняя никак не определена. И для разных регионов она может быть разной. Если для русских земель ее условно можно определить 1480 г. (освобождение от ордынской власти), то для территории Украины это событие датируется Синеводской битвой 1362 г. В то же время верхней границей можно считать и время распада Золотой Орды или взятия Казани и Астрахани, а, может, и завоевание Крыма – ведь все это какие-то вехи по преодолению последствий монгольского нашествия XIII в. Используется (особенно в Украине) и термин "позднее средневековье", хотя всем понятна его условность. Впрочем, сплошь и рядом ярославские или вологодские постройки (иконы и т.д.) конца XVII в. называют "древнерусскими".

Следует вывести из научного оборота громоздкий, неуклюжий и неверный по своему историческому смыслу, термин "татаро-монголы" ("монголо-татары"). В статье Л.В. Черепнина используется один вариант этнонима, а в заглавии содержащего ее сборника – другой. Это название искусственное и появилось в работе П. Наумова (*Наумов*, 1823. С. 10, 11) только в 1823 г. Ни В.В. Татищев, ни Н.М. Карамзин его не употребляли. В. Рубрук писал, что сами основатели Улуса Джучи требовали, чтобы их называли монголами. Только ирония истории проявилась в том, что в завоеванных странах орды Чингисхана и его потомков назвали татарами, а позднее и некоторые из покоренных народов восприняли это название. Татары не являлись союзниками близких к ним кочевников-монголов, не участвовали в их походах, а часто враждовали с ними. Татары отравили отца Чингисхана. Последний жестоко мстил татарским племенам, которых он разгромил в 1202 г. Все захваченные татарские мужчины были перебиты, а женщины и дети розданы по разным племенам. Победив в 1204 г. последних татар, Чингисхан приказал перерезать всех, включая женщин и детей. Впрочем, жены-татарки самого хана и его брата спасли многих из них (*Сандаг*. С. 27–34).

Систематические раскопки Киева и других поселений Южной Руси последних десятилетий, новые разработки письменных источников показывают более сложную, чем представлялось ранее, картину исторической жизни Приднепровья после нашествия Батыя.

Картина разгрома и разорения региона в 1238–1240 гг. основывается на данных раскопок и показана в работах М.К. Кагера, С.Р. Килиевич, П.П. Толочко и др. достаточно ярко и убедительно (*Каргер*, 1959; *Килиевич*, 1982. С. 126–135; *Толочко*, 1983; 1987). Описывать их еще раз нет смысла. Однако все же последствия нашествия не были настолько апокалипсичными и прямолинейными, как это представляется некоторым авторам. Происходившие крупнейшие государственно-политические и культурно-исторические изменения вызывались целым комплексом важнейших глобальных общеисторических причин, затрагивавших всю Европу да и большую часть Азии, а не только одним военным походом хана Батыя.

В начале XIII в. Киев продолжал развиваться по восходящей (Ю.С. Асеев, М.К. Каргер, Б.А. Рыбаков, П.П. Толочко) и являлся крупнейшим городом Руси, ее, возможно, и номинальной, но столицей. Традиция, особенно в средневековье, является существенным историческим фактором. В своих принципиальных характеристиках Киевская Русь как своеобразное государственное образование, проходившее различные фазы своего развития, не изменилась, возможно, до конца XV в. Принципиально не менялись и основные внутренние черты ее духовной и материальной культуры. В "Сказании о Мамаевом побоище" фиксируется мнение книжников XIV–XV вв., которые в своем повествовании ставят Киев на первое место среди городов Руси: "Батый пленил Киев, и Владимир, и всю Русскую землю..." (Сказание о Мамаевом побоище, 1980. С. 113). Фридрих II в письме к английскому королю Генриху III (1241 г.) называл Киев "крупнейшим из городов Руси" (*Матфей Парижский*, 1979. С. 142). Плано Карпини писал: "Киев, что был столицею Руси" (*Плано Карпини*, 1911. С. 45). Так же к нему относился и хан Батый, передавший в 1243 г. Киев как символ главенства на Руси ("буди старей всем князем в Русском языце") Ярославу Всеволодовичу, а

в 1249 г. ("Кыевъ и всю Руськую землю") его сыну Александру Невскому (ПСРЛ, Т. 1. Стб. 470, 472).

Это прогрессивное развитие было остановлено монгольским нашествием. Город, безусловно, сильно пострадал. Однако, пусть и скупые, но собранные вместе источники говорят о том, что Киев и во второй половине XIII в. продолжал оставаться важнейшим политическим центром, церковной столицей всех древнерусских земель.

В городе после 1240 г. монгольского гарнизона не было. Данило Галицкий встретил их отряды только в Переяславе, а Плано Карпини – в Каневе. Остановка князей (Данилы Галицкого и Михаила Всеволодовича) по пути в ставку Батыя вне города (Выдубицкий монастырь и "во острове") объясняется не столько его полным разрушением, сколько политическими причинами. Ханская политика была направлена на удаление из Киева авторитетных и реальных политических лидеров, которые потенциально могли собрать вокруг себя антиордынские силы. Южнорусские князья поэтому в Киев не допускались, а город передавался представителям владимиро-суздальской княжеской линии, чьи основные интересы находились вдали от Приднепровья.

Выявлены следы летописания, которое велось в Киеве до конца 1240-х годов, где и была записана Летопись о взятии Киева (*Ставиский*, 1991. С. 190–203), которую использовал Плано Карпини. В ней есть явные преувеличения в списке монгольских военачальников, осаждавших Киев. Так, по восточным источникам, Бури, Гуюк, Менгухан еще до осени 1240 г. по приказу великого хана Угедея вернулись в Монголию (*Козин*, 1941. С. 195, 199).

Карпини писал о 200 домах в городе, тысяцком, встреченных в 1246 и 1247 гг. купцах из Австрии и Польши и крупнейших торговых центров (Венеция, Генуя, Пиза, Константинополь, Вроцлав, Акра). В полностью уничтоженный город караваны не направлялись бы. Отметим и клад из 200 дирхемов, чеканенных Менгуханом в Бухаре, младшая из которых датируется 1253/54 г. (*Беляшевский*, 1899). Наличие купцов из Константинополя ставит под вопрос мнение о прекращении поступления в город амфорной тары на Русь. Может быть, это более связано с упадком в XIII–XIV вв. днепровского торгового пути. Однодеревки уже не удовлетворяли торговым потребностям, а морские корабли новой конструкции не могли пройти пороги.

Отметим тенденциозность сообщений Карпини об ужасах и опустошении страны. Они отсутствуют в первой редакции его работы. Вторая, с нужными "исправлениями", была сделана в угоду политической конъюнктуре и планам папы Иннокентия IV (*Ставиский*, 1988. С. 191–209).

В Киеве активно функционирует церковный политический центр – митрополичья кафедра в Софийском соборе. В 1262 г. "преосвященному архиепископу Кирилу преславного града Киева, учителя же всей Руси и светильника церквам богоспасенного града Киева" присылает из Болгарии князь Яков-Святослав Сербскую Кормчую книгу. На ее базе софийские книжники создают Киевскую кормчую (*Щапов*, 1978. С. 181–185). Здесь в 1273 г. (а не в 1274 г. во Владимире) происходил общерусский съезд иерархов церкви, на котором были приняты единые для всей Руси Правила митрополита Кирилла, а печерский архимандрит Серапион поставлен епископом во Владимир. В 1276 г. тут поставили Климента на Новгород. В 1282 г. (по В.Л. Янину) или 1281 г. (по А. Поппэ) митрополита Кирилла "погребоша его в Киеве в соборной церкви". Здесь же в 1284 г. происходил новый собор епископов ("позвани быша епископи вси русскиа в Киев к Максиму митрополиту Киевскому"). На нем утверждается с важными дополнениями новая Кормчая, со списка которой, полученного из "православного града Киева", переписывается известная Рязанская кормчая 1284 г. А в 1286 г. по указанию князя Владимира Васильковича во Владимире создается и Волынская кормчая.

На стенах Софийского собора, Михайловского и Кирилловского храмов, церкви Спаса на Берестове выявлены граффити этого времени, в том числе и с прямыми датами – 1257, 1259, 1285 гг. (Софийский собор). Причем принципиальных изменений в палеографии, лексике, грамматике не фиксируется (*Высоцкий*, 1985 и др.).

Перевод митрополичей кафедры во Владимир в 1300 г. был осуществлен ханом Тохтой в русле традиционной ордынской политики. Распространенное мнение, что митрополит Максим просто покинул разрушенный город, не обосновано и не убедительно. Владимир был разрушен не меньше Киева и так же (а, может, и больше) зависел от хана. 60 лет митрополиты почему-то терпели "насилие от татар". Дело, видимо, в конкретных исторических событиях. Киев поддержал мятежного темника Ногая в борьбе против хана Тохты. И уже в результате последовавших карательных акций Сарая "весь Кыевъ разыдеся", а митрополит был выведен из Киева.

Патриархия дала разрешение на перевод кафедры (оставляя Софийский собор "собственным престолом и первым седалищем архиерейским") в 1354 г., объясняя это тем, что Киев "сильно пострадал от смут и беспорядков (настоящего) времени и от страшного напора соседних Аламанов и пришел в крайне бедственное состояние" (*Шабульдо*, 1987. С. 26–30). Однако настоящая причина заключалась в новой расстановке политических сил в Восточной Европе после 1300 г. Сообщением о переезде Максима на треть столетия прекращается всякая информация летописей Северо-Восточной Руси о южных землях.

Археологические исследования последних десятилетий показали, что жизнь продолжалась после 1240 г. во всех исторических районах Киева (Верхний город, Подол, Печерский монастырь, Замковая гора, Клов, Берестово и т.д.), даже в наиболее пострадавшем детинце – "городе Владимира", однако ее интенсивность значительно снизилась.

Объекты и слои второй половины XIII в. преимущественно определяются по керамике. Однако из-за отсутствия четких хронологических реперов (объектов или слоев с надежными индикаторами) сегодня затруднительно ее надежно выделить, хотя понятно, что ни монгольское нашествие, ни наступление XIV в.

не могли принципиально изменить гончарное (как и многие другие) производство. Нужно учитывать, что объекты со стеклянными браслетами, пряслицами, энколпионами, амфорами, кладами и т.д. традиционно все еще относятся к домонгольскому периоду.

В то же время результаты археологических исследований Новгорода, Пскова, Твери и других центров ясно указывают на существование этих категорий вещей и в более поздний период. Мнение о прекращении их производства в Южной Руси после 1240 г. ничем не доказано и рано или поздно будет опровергнуто. Для этого необходимо изучать каждый конкретный объект. Возможность более позднего существования подобных вещей абсолютным большинством археологов просто не рассматривается и не учитывается, хотя, например, производство квадрифолийных энколпионов при Печерском монастыре говорит о многом (*Івакін*, 1996. С. 230–235).

Общие изменения в материальной культуре, искусстве (архаизация, завершение романской эпохи) в XIII в. имеют общеевропейскую подоснову. Монгольское нашествие является лишь одним из факторов, причем, не только в аспекте уничтожения и разрушения. Оно вызвало перемещение больших масс разноэтничного населения, создало новую карту Восточной Европы. В это же время происходит завоевание католиками Византии и другие последствия крестовых походов для всего Средиземноморья. Из Италии идут проторенессансные культурные импульсы.

Появление большого числа брошенных поселений следует связывать, прежде всего, с кардинальной сменой системы расселения – господствующим становится не приречный, а водораздельный тип. Изменяется и тип сельского поселения – переход от многодворных к однодворным. Полностью разделяю мнение Н.А. Макарова, что запустение множества поселений преимущественно отражает структурные изменения, обусловленные собственной внутренней логикой развития и природными факторами (*Макаров*, 2000. С. 5–9). Монгольское нашествие, являлось, вероятно, лишь субъективным ухудшающим фактором (особенно для глубинных районов Руси). Впрочем, надо различать роль самого нашествия (военного похода) и установления монгольского господства.

Еще одним распространенным мифом является мнение об уничтожении монголами в 1240 г. всех древнерусских каменных построек Киева. Оно базируется, прежде всего, на свидетельствах авторов XVI–XVII вв. и молчании источников более раннего периода. Первые единодушно сообщают о жалком состоянии одних киевских храмов и разрушении других. Однако они лишь фиксируют состояние памятников на конкретное время. А в сознании авторов этого времени события XIV–XV вв. откладывались лишь на фоне Батыева нашествия. Он был наиболее яркий герой, которому все и приписывали. Результаты разгромов города в 1416 и 1482 гг. также приписывались Батыю.

Летописи не сообщают о разрушении монголами каких-либо церквей, кроме Десятинной в Киеве и Михайловской в Переяславе. Археологическими раскопками также не зафиксировано разрушение какого-либо памятника в ходе событий 1237–1241 гг., хотя исключать этого и не следует. Во время ожесточенных действий такое могло вполне произойти, хотя сохранились церкви, которые, по летописи, монголы штурмовали – Успенский собор во Владимире. Поэтому нет достаточных оснований считать это мнение доказанным.

Ярким примером является Печерский монастырь. По словам Киевского Синопсиса, "нечестивые варвары овнами, или таранами, стены каменные монастырские столкши и до основания сокрушивши, в святую обитель вниидоша, людей всякого чина посекоша, иных пленища... и самую небеси подобную церковь Пресвятыя Богородицы осквернища, от всего украшения обнажиша и крест с главы церковныя златокованный сняша". Кроме того, они "верх до полуцеркви по окна повелением проклятого Батыя испровергоша, такожде и верх олтаря великого по перси иконы пресвятыя Богородицы изща, и весь Монастырь со всеми украшениями и каменными стенами искорениша и разметаша" (Киевский Синопсис, 1836. С. 125–127). Отсюда и пошло мнение, что Печерский монастырь "чрез многие лета пребываша в запустетении... черноризцы же по лесах и вертепах скитающаеся".

Вполне вероятно, что в 1240 г. каменные стены были разбиты таранами, Успенский собор "от всякого украшения обнажиша". Но главное сооружение оборонительной стены – Троицкая надвратная церковь сохранилась до наших дней. В 1399 г. Темир-Кутлук не смог захватить монастырь, а только взял "окуп" в 30 рублей серебром. Следовательно, какие-то укрепления все еще существовали.

Сообщение о том, что монголы разобрали купол и верхние части Успенского собора, полностью опровергает сообщение Павла Алеппского, видевшего в 1653 г. в алтаре "от верху полукруглой арки до половины" изображение "Владычицы, стоя благославляющей, с платом у пояса" (*Павел Алеппский*, 1892. С. 52).

В книге "Тератургима" (1638 г.) А. Кальнофойский приводит эпитафию над погребением князя Симеона Олельковича (умер в 1471 г.): "... Двести тридцать три года тому назад здесь были одни только обломки камней, когда церкви Батыем лишены были своей красоты..." (Сборник материалов..., 1874. С. 28, 29). Многие исследователи на основании этого считали, что собор в 1240 г. был разрушен практически до основания. Однако текст эпитафии (как и всех остальных) написан А. Кальнофойским силлабическими стихами на польском языке, т.е. выражает взгляды и мнения 1638 г., а не более древних времен. На подлинном источнике XV в. – триптихе с Орантой 1470 г., изготовленном в честь окончания ремонта храма Симеоном Олельковичем, нет никакого упоминания о Батые.

У монголов не было причин для уничтожения православных храмов. Это противоречило традиционному покровительственному отношению к религии в завоеванных странах. Они предпочитали "не трогать чужой религии, побудить церковнослужителей молиться за хана своему божеству по своей вере" (*Веселовский*, 1916. С. 100).

Духовенство на Руси стало единственным сословием, которое Золотая Орда не обложила данью: "...и не надобе им дань и тамга и поплужное ни ям, ни подводы ни корм". Ханы считали православную церковь серьезной политической силой и стремились использовать ее в своих интересах. Они требовали от "попов и чернецов" – "да правым сердцем молят за нас бога и за наше племя без печали и благословляют нас".

О том, что подобное отношение завоевателей к церкви на Руси не случайность, а часть общей принципиальной политики, свидетельствует аналогичная ситуация, сложившаяся в 40–60-е годы XIII в. в Закавказье. Сравнение вполне корректно, поскольку оба региона, хотя и различные географически, входили в сферу влияния хана Батыя. Современник этих событий армянский монах Киракос Гандзакеци, несмотря на общее достаточно резкое отношение к завоевателям, нередко подчеркивал хорошее отношение того или иного монгольского правителя к христианской церкви. Сын Батыя Сартак, воспитанный кормилицей-христианкой и сам принявший христианство, "во многом облегчил положение церкви и христиан и с согласия отца своего издал приказ об освобождении (от податей) священников церкви". Христианами были также, например, старшая жена хана Гулагу Тохуз-хатун, жена Чармагуна Элтина-хатун и ее братья Садек-ага и Горгоз. "И вовсе не все воины татарские были врагами креста и церкви, наоборот, (многие) весьма почитали их, подносили подарки, поскольку не питали к ним ни ненависти, ни отвращения", – продолжал Киракос. А один из военачальников (1247 г.) – Анагурак-ноин – повелел "вычистить и освятить церковь у могилы святого апостола Фаддея и проложил дорогу во все стороны, чтобы богомольцы могли без страха проходить через его стан, строго-настрого приказал не беспокоить и не притеснять никого из тех, кто пожелает прийти сюда (на богомолье)". При взятии города Мартирополя, где монголы "вырезали всех, кто обессиленный ужасным голодом, еще оставался там... однако церквей они не разрушали и (не оскверняли) собранное святым Марутою" (*Гандзакеци*, 1976. С. 219, 301, 232).

Приведенные примеры показывают отношение хана Батыя к христианской церкви, ее храмам и святым. Такое же отношение и к мусульманским мечетям в Ираке и Сирии. Утвердившееся в историографии и общем сознании мнение о сплошном уничтожении монголами христианских храмов является, прежде всего, результатом ретроспекции отношения с церковью Золотой Орды и ее наследников после принятия ислама в XIV в. ханом Узбеком, переносится на более раннюю эпоху, когда действовали совершенно иные политические, религиозные и психологические факторы.

На сегодня существуют сведения приблизительно о полутора десятках памятников, переживших разгром 1240 г. Это около 30% известных построек X–XII вв. Причем, далеко не все ранние постройки дожили до XIII в. Об этом свидетельствует, например, стратиграфия раскопок В.В. Хвойки "дворца Ольги вне града". Там скелеты из братской могилы 1240 г. лежали прямо на остатках дворца.

Чем же была обусловлена гибель каменных храмов? Главной из причин было само монгольское нашествие, которое стало определяющим для последующих судеб памятников древнерусского зодчества. Но оно часто воспринимается слишком прямолинейно – как уничтожение храмов во время боевых действий. Однако постройки разрушались не столько во время боев 1237–1241 гг., сколько на протяжении столетий из-за отсутствия ресурсов и средств для поддержания их существования.

Разрушенный Киев быстро возродился бы (как уже бывало), если бы не была уничтожена вся государственная и экономическая система страны, не была разорена главная экономическая база Киева – Среднее Поднепровье, не были обрублены те артерии, которые питали город. Из-за этого и происходили разрушения храмов – "от ветхости". Население Киева резко уменьшилось и не могло содержать все свои церкви. Да и потребность в таком количестве храмов уменьшилась.

Такие разрушения "от ветхости" или от строительных просчетов хорошо известны на Руси в более раннее время. В 1105 г. в Киеве "увалися верх святого Андрея" в Янчином монастыре, заложенном только в 1086 г. Такая же была судьба и центрального купола Кловского собора XI в. Новгородскую церковь Иоанна Предтечи, построенную в 1127–1130 гг., разобрали до 1184 г. В 1193 г. "обновлена бысть церкви в Суздале тем же епископом Иоаном, иже бе опала старостию и без нарядием". Там же церковь Богородицы "начяла бе рушитися старостью, верх еа пал бе". В 1214 г. "князь Константин Всеволодич Ростовский заложи церковь пречистыа Богородицы на первом месте падшиеся церкви". В 1276 г. в Новгороде "опаде стена у святой Софии до основы от Неревского конца". Монголов здесь не было, и это событие нельзя прямо связывать с ними.

Требует пояснения и такой факт: почему во всех регионах Руси (в том числе и там, где Батыя не было) до конца XIII в. практически прекращается каменное зодчество, а на Волыни, где военные действия активно велись (Бурундай, Куремса) значительно позднее похода Батыя, оно продолжалось.

Какая-то часть храмов Киева могла погибнуть и в ходе взятия города в 1240, 1416 и 1482 гг. Причем отметим, что даже в части Десятинной церкви велась служба, она приобрела название церкви Николы Десятинного.

Кроме пожаров, причиной гибели храмов служили стихийные бедствия – землетрясения и наводнения. Кроме знаменитого землетрясения 1230 г., безусловно оказавшего мощное отрицательное воздействие на состояние древнерусских каменных построек, было еще немало оставшихся неизвестными, но последствия которых также являлись негативными. А близкие по времени результаты землетрясения 1230 г. вполне могли связываться с последствием походов Батыя 1237–1240 гг.

Существенным фактором, сыгравшим важную роль в гибели многих древних памятников на территории Украины, являлся запрет польского короля Казимира IV (подтвержденный в 1481 г.) ремонтировать и восстанавливать православные церкви.

Таким образом, спектр причин гибели древнерусских храмов, который накладывался на общий фон разгрома древнерусской державы, ее экономики и установления ордынского ига, был достаточно широк. Но нет весомых причин сводить их исключительно к 1237–1240 гг. Время разрушения каждого необходимо выяснять конкретно.

Далеко не случайно в Киеве сохранились те памятники, которые имели экономическую поддержку. Софийский собор, Пирогощу поддерживали митрополия и город. Успенский, Михайловские Выдубицкий и Златоверхий, Кирилловский принадлежали монастырям, которые владели землями и которых поддерживали феодалы и власти. Разрушались преимущественно приходские, а также оставшиеся без покровительства храмы. Таким образом, фактическое разрушение города 1240 г. явилось лишь одним из звеньев в цепи причин гибели храмов, хотя и одной из основных.

В целом, наблюдения за материальной и духовной культурой Южной Руси XIII–XV вв. позволяют говорить, что в середине XIII в. никакого разрыва традиции из-за монгольского завоевания не произошло. Продолжалось общее развитие традиций XI–XII вв., обусловленное, прежде всего, внутренними факторами. На них оказывали влияние события и тенденции общеевропейского (и шире) масштаба. Разрушения 1237–1240 гг. касались только отдельных аспектов общекультурного развития, а не его глубинной основы. В целом Киевская Русь как политический и культурно-исторический феномен не прекращает своего существования в 1240 г. и доживает до XV в. Монгольское нашествие остановило ее восходящее развитие и, главное, наряду с другими общеевропейскими событиями полностью изменило историческую ситуацию в Центральной и Восточной Европе.

С точки зрения археологии крайне необходим взвешенный и объективный подход к исследованию конкретных памятников, когда крайности подходов, зашоренность, ориентация исключительно на старые или новые взгляды мешает всемерному выяснению этой сложной исторической и археологической проблемы – Русь XIII в.

Литература

Антонович В.Б., 1885. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев.

Беляшевский Н.Ф., 1899. Монетные клады Киевской губернии. Киев.

Бестужев-Рюмин В.Н., 1872. Русская история. СПб. Т. 1.

Бобржинский М., 1891. Очерки истории Польши. СПб. Т. 2.

Веселовский И., 1916. О религии татар по русским летописям // ЖМНП. № 7.

Вздорнов Г., 1978. Исследование о Киевской Псалтыри. М.

Владимирский-Буданов М.Ф., 1896. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV века // Архив Юго-Западной России. Киев. Ч. 7, т. 1.

Высоцкий С.А., 1985. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев.

Гандзакеци Киракос, 1976. История Армении. М.

Грушевский М.С., 1891. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава Мудрого до конца XIV ст. Киев.

Грушевский М.С., 1905. Історія України-Руси. Львів.

Довженок В.О., 1978. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия // Древняя Русь и славяне. М.

Зубрицкий Д., 1845. Критико-историческая повесть временных лет Червоной или Галицкой земли. М.

Івакін Г.Ю., 1996. Історичний розвиток Києва XIII – середини XVI ст. Київ.

Каргер М.К., 1959. Древний Киев. М.; Л. Т. 1.

Киевский Синопсис. Киев, 1836.

Килиевич С.Р., 1982. Детинец Киева IX – первой половины XIII веков. Киев.

Ключевский В.О., 1956. Соч. в 8 томах. М. Т. 1.

Козин С.А., 1941. Сокровенное сказание (монгольская хроника 1240 г.). М.; Л.

Котляревский А.А., 1893. Были ли малороссы исконными обитателями Полянской земли или пришли из-за Карпат в XIV веке? // Собр. соч. СПб. Т. 1.

Кулиш П.А., 1874. История воссоединения Руси. СПб. Т. 1.

Кучера М.П., 1969. Про одну групу середньовічної кераміки на території УРСР // Слов'яно-руські старожитності. Київ.

Макаров Н.А., 2000. Русь в XIII в.: культурная ситуация по археологическим данным // Русь в XIII в.: континуитет или разрыв традиций? Тез. докл. междунар. конф. М.

Максимович М.А., 1876. О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом // Собр. соч. Киев. Т. 1.

Матфей Парижский, 1979. Великая Хроника // Матузова В.Н. Английские средневековые источники. М.

Наумов П., 1823. Об отношении российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480 год. СПб.

Павел Алеппский, 1892. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. М. Вып. 2.

Плано Карпини, 1911. История монголов. СПб.

Погодин М.П., 1856. Записка о древнем языке русском // Известия Императорской академии наук по Отделению русского языка и литературы. СПб. Ч. 5, вып. 2.

ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1.

Сандаг Ш., 1977. Образование единого монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.

Сборник материалов для исторической топографии древнего Киева. Киев, 1874. Отд. II.

Сказание о Мамаевом побоище // Куликово поле. М., 1980.

Соболевский А.И., 1884. Очерки по истории русского языка. Киев.

Соловьев С.М., 1960. История Российская с древнейших времен. М. Кн. 2–4.

Ставиский В.И., 1988. К анализу известий о Руси в "Истории монголов" Плано Карпини в свете ее археографической традиции // Древнейшие государства на территории СССР. 1986. М.

Ставиский В.И., 1991. "История монголов" Плано Карпини и русские летописи // Древнейшие государства на территории СССР. 1990. М.

Толочко П.П., 1983. Древний Киев. Киев.

Толочко П.П., 1987. Древняя Русь. Киев.

Успенский Л.В., Шнейдер К.Н., 1958. За семью печатями: Очерки по археологии. М.

Черепнин Л.В., 1977. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.

Шабульдо Ф.М., 1987. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев.

Щапов Я.Н., 1978. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.

Jabłonowski A., 1911. Pisma. Warszawa. T. 2.

Szajnocha K., 1881. Szkice historyczne: Zdobycze pługa polskiego. Warszawa. T. 2.

И.К. Лабутина, М.И. Кулакова

Псков в XIII веке
(археологические наблюдения по динамике расселения и строительства)*

Результаты широких археологических исследований, проведенных в Пскове в послевоенные десятилетия, предоставляют возможность проследить время заселения и последующего освоения всех составных частей средневекового исторического центра города и некоторых прилегающих к нему территорий.

Среди накапливающихся наблюдений представляют, в частности, интерес выявленные на нескольких участках признаки разрыва традиции заселения, приходящиеся на XIII в. Топографически эти участки относились к периферии растущего посада и хозяйственной территории, прилегающей к посаду. Ряд раскопов, содержавших отложения X–XI, XI–XII, XII – начала XIII в. не дали слоя XIII, XIII–XIV, XIV вв.

На Полонище (междуречье рек Великая и Пскова, вне укреплений Среднего города) такая ситуация была прослежена в северо-восточной части территории. Так, на Никольском раскопе (рис. 1, *87*) под культурным слоем XV–XVII вв. над материком были открыты отложения серой сильно гумусированной супеси, с включением углей и пережженной гранитной крошки. В местах, не нарушенных поздними ямами, слой имел толщину 0,03–0,3 м. Под слоем гумусированной супеси было выявлено более 20 ям с серым гумусированным заполнением. Вещевые находки из этих ям и слоя серой супеси: керамика XII – первой половины XIII в., костяное лощило, фрагменты нескольких витых из бронзовой проволоки перстней, точильные камни. На границе серого гумусированного слоя и вышележащих темных отложений XV–XVII вв. были найдены предметы, верхняя дата бытования которых ограничивается XII – началом XIV в. (в том числе несколько пряслиц из розового шифера, крестопрорезная привеска, калачевидные кресала без язычка). Раскопки показали, что одновременной серому гумусированному слою была дорога, ограниченная двумя кюветами, засыпанными в XV в. В XV в. на дорожном полотне была возведена жилая постройка. Авторы исследования участка обращают внимание на полное отсутствие в большой керамической коллекции раскопа форм второй половины XIII–XIV вв. Комплекс наблюдений приводит исследователей к заключению о том, что в XII – первой половине XIII в. на месте раскопа было расположенное около обнаруженной дороги поселение. Возобновление освоения раскопанной территории относится к XV в. (*Степанов, Яковлева*, 1994. С. 97–109).

Поблизости от Никольского раскопа (около 20 м к западу от него), в предматериковом слое Благовещенского II раскопа (рис. 1, *127*) были зафиксированы керамика XII–XIII вв. и около 10 ям этого же времени. Слой синхронен селищу, открытому на Никольском раскопе. Однако, к сожалению, из-за плохой сохранности слоя установить время возобновления традиции заселения для данного участка не удается (*Яковлева*, 1996. С. 128–129). По свидетельству руководителя работ, материал XIV в. в раскопе отсутствовал (сообщено Е.А. Яковлевой на основании отчета).

Очевидно, что на одном из Казанских раскопов (Казанский I, рис. 1, *104*), располагавшемся так же в северо-восточной части Полонища, но ближе к стене Среднего города 1374/75 г., картина заселения была близка к динамике заселения участка Никольского раскопа. Наличие керамики XII–XIII вв. в семи ямах и предматериковом слое отражало ранний этап освоения. Вышележащий слой датировался XV–XVII вв., таким образом, археологически зафиксирован перерыв, приходящийся на XIV в. (*Яковлев, Шуньгина*, 1994. С. 20–23).

Сходная ситуация наблюдалась в некоторых раскопах в западной части Полонища, где, как в раскопе на ул. Советской, 47 (рис. 1, *68*), в основании прослеживался слой с керамикой и ямами XII–XIII вв., но интенсивное освоение началось лишь в конце XV в. (*Кильдюшевский*, 1989. С. 96; 1994. С. 18). В раскопе 1989 г. на ул. Детской (рис. 1, *73*) нижний горизонт культурного слоя, сохранившийся на небольшом участке, содержал исключительно керамику XII – начала XIII в. и обожженные валуны. Он был перекрыт слоем угля. Признаки слоя, керамика и вещевой материал XIII–XIV вв. в раскопе отсутствовали. Вышележащий средний горизонт отличался большой мощностью и содержал несколько ярусов сооружений. Образование этих отложений отнесено к XV–XVII вв. (*Ершова, Степанов*, 1990. С. 96–97).

На Запсковье, вне предполагаемой территории посада XIII в. (рис. 1, *70*), под слоем с находками, в большинстве относящимися к XVI–XVIII вв., обнаружено несколько ям в материке с вещевым материалом XI–XII вв. Датирующий материал XIII в. отсутствовал (*Новикова (Кулакова)*, 1990. С. 97–98).

Завеличье – территория на левом берегу р. Великой – в некоторых крупных своих частях (например,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 99-01-00260а.

против Кремля) остается неизученной в отношении начального этапа заселения. Лишь центральный участок прибрежной полосы, находящийся против Среднего города, благодаря проведению раскопок в нескольких местах (рис. 1, *57*, *60*, *111*, *116*) может быть рассмотрен в связи с проблемой динамики расселения. На материалах четырех раскопов установлено, что освоение этой части территории началось в XI–XII вв., причем для одного из раскопов, наиболее близкого к берегу реки (рис. 1, *60*), этот процесс происходил в границах XI в. (*Харлашов*, 1994. С. 70, 75). Застройка XI–XIII вв. зафиксирована во всех названных раскопах (*Харлашов*, 1994. С. 54. Рис. 13. С. 56. Рис. 15. С. 57. Рис. 16; *Королева*, 1992. С. 86–88; *Королева и др.*, 1994. С. 16). На Изборском раскопе 4 (рис. 1, *111*) наземная постройка XII–XIII вв. погибла в пожаре (*Королева*, 1992. С. 86).

Картина освоения Завеличья дополняется также многочисленными находками свинцовых печатей-пломб XI–XIII вв., собранных на берегу Великой (*Ершевский*, *Лабутина*, 1988. С. 34–36; *Лабутин*, 1999. С. 256, 258). На этой же территории, вне зоны заселения, возникли древнейшие монастыри Пскова – Мирожский и Ивановский, имелись могильники. По-видимому, открытые участки застройки XI–XIII вв. отражают ранний этап существования посада на Завеличье. Однако развитие этой части Пскова, судя по археологическим данным, в XIII в. было остановлено. Во всех раскопах Завеличья отмечено отсутствие строительных остатков конца XIII–XIV вв. Вещевой материал количественно незначителен. Следующий этап застройки датируется уже XV в., после чего традиция заселения не прерывалась (*Харлашов*, 1994. С. 59, 75).

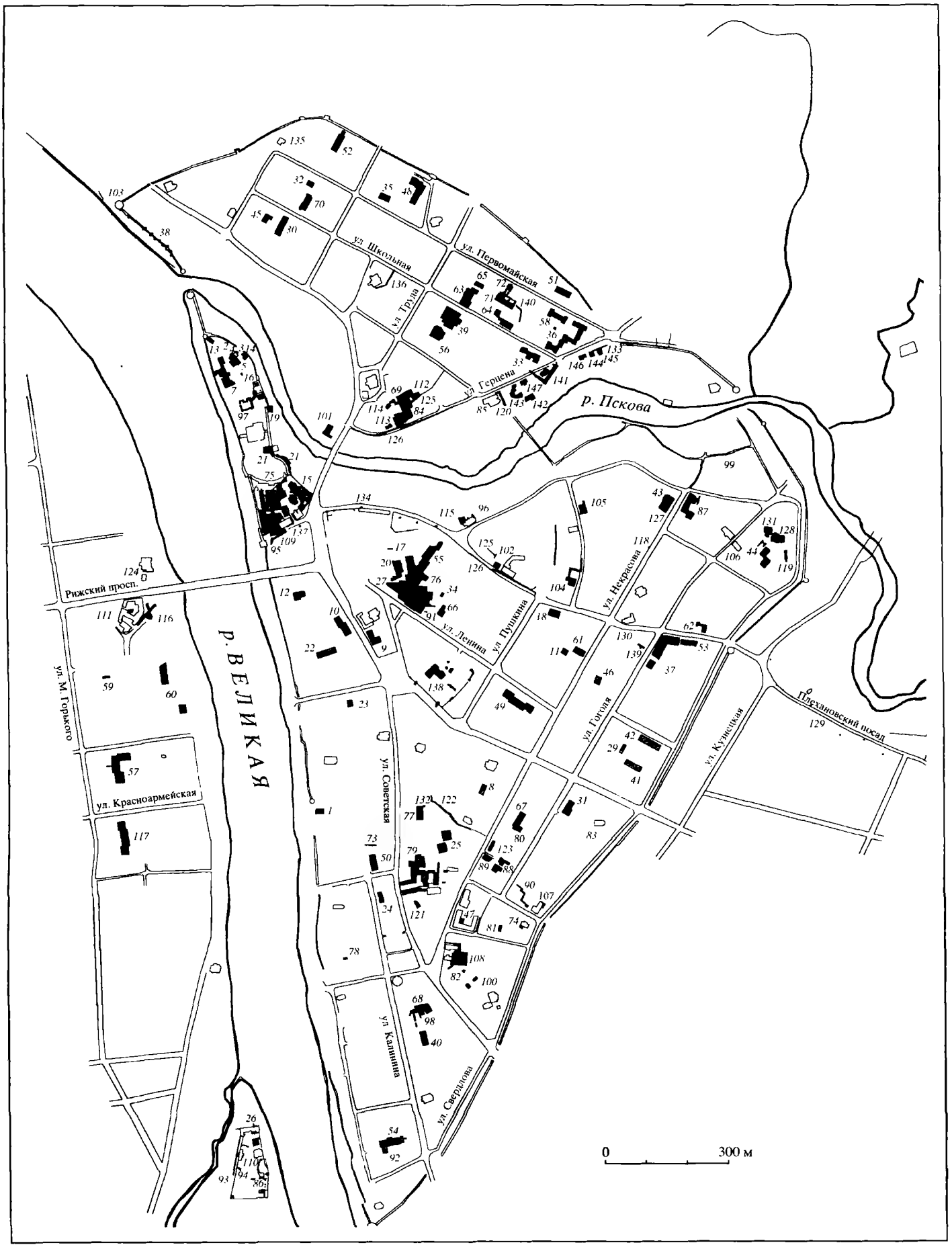
Каково соотношение перечисленных участков, освоенных в XI–XII, XII–XIII вв., с территорией города и посада? Уже отмечалась их топографическая близость к посаду, и это обстоятельство дает возможность предполагать, что они отражают наличие хозяйственной территории либо автономных участков зарождающегося посада (*Лабутина*, 1999. С. 254, 256. Рис. 1) и, не исключено, следы ближайших сельских поселений. Общей их чертой является прекращение использования территории в XIII в. и возобновление заселения через временной разрыв в 100–250 лет.

Перерыв в традиции, отмеченный на периферийных участках псковского посада, не прослеживается в его основной, древней части, наиболее изученной в междуречье. Здесь накопление культурного слоя, начавшееся в X, XI, XI–XII вв. происходило без перерыва (рис. 2, *1–3*, *5*, *6*, *8*, *9*, *11*) (*Гроздилов*, 1962а; 1962б; 1964; *Лабутина*, 1983; 1987. С. 131–135; *Ершова*, *Колосова*, 1992; *Ершова*, *Колосова*, *Лабутина*, 1994; *Харлашов*, 1999). Не исключено, что в середине XIII в. часть псковского посада в пределах будущей стены 1309 г. имела укрепления. Об этом свидетельствуют упоминания Городца в известиях первой половины XIV в., причем контекст одного из сообщений (1335 г.) позволяет считать Городец частью Застенья 1309 г.: "загорелося в нощь оу Городца от Воронца и погоре Застение все" (ПЛ. Вып. I. С. 17). Очевидно, что Городец был укреплением, но время его возникновения пока неясно (*Лабутина*, 1985. С. 53). Возможно, в XIII в. оно еще сохраняло оборонительное значение. Во всяком случае, немецкий источник в сообщении о событиях 1240 г. описывает намерение немецких отрядов штурмовать город и посад ("burg" и "stat") (*Бегунов*, *Клейненберг*, *Шаскольский*, 1966. С. 207. Ст. 2150. Примеч. 34), что может быть свидетельством наличия укреплений посада (Городец или стена, охватывавшая более широкую территорию).

Причиной нарушения традиции заселения периферийных участков Пскова, по высказанному ранее предположению, была напряженная военно-политическая обстановка первой половины XIII в., когда военные действия достигли самого Пскова (*Лабутина*, 1999. С. 260–264). В 1212 г. он был разорен и сожжен, позднее (1218 г.) частично разграблен. В 1240 г. после поражения под Изборском оставшиеся в живых псковичи отступили к Пскову, "братья-рыцари" преследовали их и неделю держали город в осаде: "... и зажгоша посад весь; и многа зла бысть: и погореша церкы и честныя иконы и книгы и еуангелиа; и много селъ попустиша около Пльскова" (НПЛ. С. 77). Псков был сдан неприятелю, часть его жителей бежала в Новгородскую землю (*Лабутина*, 1999. С. 260–264). В событиях первой половины XIII в. в Пскове первыми пострадали периферийные участки посада, западная окраина Пскова – Завеличье, и население оставило эти незащищенные места.

Но и в центральной части посада археологически прослежены изменения, касающиеся, главным образом, характеристики строительства. Раскопки в восточной части междуречья, на ул. Ленина, показали, что в первой половине XIII в., особенно в конце первого – начале третьего десятилетия XIII в. строительная активность была очень низкой, что очевидно по результатам дендрохронологических исследований (рис. 3) (Н.Б. Черных, А.Ф. Урьева, М.И. Кулакова).

Дендрохронологическая коллекция дерева из раскопов 1968–1991 гг., расположенных в Пскове на ул. Ленина и у здания Педагогического института, насчитывает 3777 образцов, из которых обработано 2570, датировано – 1534 (остальные не сохранились). Среди датированных на сегодняшний день образцов 533 относятся к периоду XIII в. (см.: Прил.). На рис. 3 представлено распределение датированных образцов по годам для XIII–XIV вв., период наиболее обеспеченный дендрохронологическими датировками. Большее количество образцов для периода XIII – начала XIV в. объясняется как лучшей сохранностью древесины по сравнению с более ранними и поздними периодами, так и бóльшим количеством построек, раскрытых на площади раскопов. Периоды увеличения числа датированных построек (рис. 4) в общих чертах совпадают с периодами активной заготовки древесины, что может свидетельствовать о том, что "пики" на диаграммах отражают хронологические границы строительных периодов. Показательным является тот факт, что на одно – два десятилетия XIII в. приходится небольшое количество датировок и практически *нет датированных построек*. Заготовка дерева возрастает в начале 40-х годов XIII в. (после 1242 г.). Следующий период активизации можно отнести ко


ул. Школьная
ул. Первомайская
ул. Труда
ул. Герцена
р. Пскова
Рижский просп.
ул. М. Горького
р. ВЕЛИКАЯ
ул. Красноармейская
ул. Советская
ул. Ленина
ул. Пушкина
ул. Некрасова
ул. Гоголя
ул. Кузнецкая
Псковский посад
ул. Калинина
ул. Свердлова
0
300 м

времени после 1280 г., подъем продолжается до конца первого десятилетия XIV в.

В древней части псковского посада, в пределах будущей крепостной стены 1309 г., прослежена плотная жилая застройка. Строительные остатки XIII в. представлены здесь сооружениями 9, 8, 7 ярусов. Начало существования 9-го яруса для участка, изученного в раскопах 1968–1991 гг., по археологическим датировкам относится к рубежу XII–XIII вв. Застройка этого времени сохранилась фрагментарно, но по всей площади участка. Попрежнему наименее застроены участок древнего святилища и территория, примыкающая к нему, а также юго-восточная часть изучаемой территории – участок трассы древнего ручья. Дворы продолжают формироваться вдоль трасс улиц и проулков, и ориентировка построек связана с их направлением. На уровне построек 9-го яруса продолжали раскрывать трассы двух улиц.

Дендрохронологические даты единичны, некоторый подъем прослеживается в середине – второй половине 20-х годов (раскопы 1968–1991 гг. у Приказной палаты). Таким образом, для территории посада, изученной в раскопах на ул. Ленина не прослеживается ни разорение, ни разграбление, отмеченные в летописях для начала века, но фиксируется отсутствие активной заготовки древесины. Строительство второй половины 20-х годов XIII в. совпадает с периодом затишья в военных действиях. В летописях отмечены голодные годы – 1224 и 1230 гг. (ПЛ. Вып. I. С. 11; Вып. II. С. 21, 78; НПЛ. С. 69–70). Полученные дендрохронологические датировки указывают на то, что строительство проводилось в период между ними. Отметим, что не получено ни одной порубочной даты 1224 г., что может служить косвенным свидетельством того, что и жители района, изученного в раско-

Рис. 1. Схема размещения археологических раскопов в Пскове

1 – 1912 г., раскоп у Мстиславской башни; *2, 3* – 1930 г., Кром; *4* – 1936 г., Кром; *5* – 1941, 1946, 1947 г., Кром; *6* – 1945, 1956, 1958–1969, 1985 гг., Довмонтов город; *7* – 1946–1949, 1977–1978 гг., Кром; *8* – 1947 г., Полонище у ц. Анастасии; *9* – 1954 г., Октябрьская площадь; *10* – 1955, 1958–1960 гг., ул. Советская; *11* – 1956 г., ул. Некрасова; *12* – 1956 г., ул. Советская; *13, 14* – 1960, 1961 гг., Кром; *15* – 1965–1985 гг., Довмонтов город; *16* – 1966, 1972 гг., Кром; *17* – 1967 г., ул. Ленина; *18* – 1967 г., ул. К.Маркса; *19* – 1968 г., Кром; *20* – 1968–1970, 1973–1974 гг., ул. Ленина; *21* – 1970, 1972–1978 гг., Кром; *22* – 1972 г., набережная р. Великой; *23* – 1973 г., ул. Советская; *24* – 1974 г., ул. Калинина; *25* – 1974–1975 гг., ул. Некрасова; *26* – 1974–1976, 1978 гг., Мирожский монастырь; *27* – 1976, 1978, 1981–1985, 1987 гг., ул. Ленина; *28* – 1977–1978 гг., ул. Некрасова; *29* – 1977 г., ул. Гоголя; *30* – 1977 г., ул. Школьная; *31* – 1978–1979 гг., ул. Гоголя; *32* – 1978 г., ул. Первомайская; *33* – 1978 г., ул. Школьная; *34* – 1979 г., ул. Ленина; *35* – 1979 г., ул. Первомайская (у ц. Образа); *36* – 1979, 1981, 1982 гг., ул. Первомайская; *37* – 1980 г., ул. Гоголя; *38* – 1980 г., Запсковье, участок стены; *39* – 1980, 1985, 1986 гг., ул. Школьная; *40* – 1981 г., ул. Советская; *41* – 1981 г., Октябрьский просп; *42* – 1981 г., Комиссаровский пер.; *43* – 1981 г., ул. Некрасова; *44* – 1981, 1982 гг., ул. Спегальского; *45* – 1981 г., ул. Школьная (Воскресенский); *46* – 1982 г., ул. Некрасова; *47* – 1982, 1984 гг., Поганкины палаты; *48* – 1983–1985 гг., ул. Первомайская; *49* – 1983–1985 гг., ул. Ленина (Лужский); *50* – 1983 г., ул. Детская; *51* – 1983 г., ул. Первомайская (Толокнянский); *52* – 1984 г., ул. О.Кошевого; *53* – 1985 г., ул. К. Маркса (Петровский 2); *54* – 1985 г., ул. Калинина (Покровский); *55* – 1986–1989 гг., ул. Ленина; *56* – 1986 г., ул. Школьная; *57* – 1986 г., ул. Р. Люксембург (Изборский 1); *58* – 1986 г., ул. Первомайская; *59* – 1987 г., ул. Конная (Изборский 2); *60* – Красноармейская набережная (Изборский 3); *61* – 1987 г., ул. Некрасова (Новоторговский); *62* – 1987 г., ул. К. Маркса (Петровский 3); *63* – 1987 г., ул. Школьная (Богоявленский V); *64* – 1987 г., ул. Школьная (Богоявленский IV); *65* – 1987 г., ул. Школьная (Богоявленский VI); *66* – 1988, 1989 гг., ул. Ленина (раскоп XIV); *67* – 1988 г., ул. Гоголя (Кузнецкий); *68* – 1988 г., ул. Советская; *69* – 1988, 1989, 1993 гг., ул. Герцена (Козмодемьянский *1, 2, 6, 7*); *70* – 1989 г., ул. О. Кошевого; *71* – 1989 г., ул. Первомайская (Богоявленский VII); *72* – 1989 г., ул. Первомайская (Богоявленский VIII); *73* – 1989 г., ул. Детская; *74* – 1989 г., дом Ксендза; *75* – 1990 г., Кром (Темные ворота); *76* – 1990 г., ул. Ленина (раскопы XV, XVI); *77* – 1990 г., ул. Советская (Васильевский); *78* – ул. Урицкого (Георгиевский); *79* – 1990, 1991, 1992, 1993 гг., Романиха; *80* – 1990 г., ул. Гоголя (Кузнецкий 2); *81* – 1990 г., Музейный переулок; *82* – 1990 г., Палаты Подзноевых; *83* – 1990 г., ц. Сергия с Залужья; *84* – 1990 г., ул. Герцена (Козмодемьянский III); *85* – 1990 г., ц. Богоявления на Запсковье; *86* – 1990 г., Мирожский монастырь; *87* – 1991 г., ул. Некрасова, *45* (Никольский); *88* – 1991, 1992 гг., ул. Гоголя, 2 (Кузнецкий III); *89* – 1991, 1992 гг., ул. Некрасова, 9 (Кузнецкий IV); *90* – 1991 г., Комсомольский пер. (дом Масона); *91* – 1991 г., ул. Ленина (шурфы); *92* – 1991 г., ул. Калинина-Свердлова (Покровский 2); *93* – 1991 г., Мирожский монастырь (раскоп XV); *94* – 1991 г., Мирожский монастырь (раскоп XVI); *95* – 1991, 1992 гг., Приказная палата; *96* – 1991 г., ц. Петра и Павла с Буя (шурфы); *97* – 1983, 1984, 1991, 1992 гг., Кром; *98* – 1991 г., ул. Советская, 47; *99* – 1991 г., Милицейский островок; *100* – 1992 г., палаты Подзноевых; *101* –1992, 1993 гг., набережная р. Псковы (Лубянский); *102* – 1992 г., ул. К. Маркса, 8 (Борисоглебский); *103* – 1992 г., Варлаамовская башня; *104* – 1992 г., ул. Красных Партизан, 4 (Казанский 1); *105* – 1992 г., ул. Красных партизан, 15 (Казанский 2); *106* – 1992 г., дом Печенко; *107* – 1992 г., Комсомольский пер. (дом Масона); *108* – 1991, 1992 гг., палаты Подзноевых; *109* – 1992 г., Приказная палата (шурфы); *110* – 1992 г., Мирожский монастырь (дом настоятеля); *111* – 1992 г., дом Батова (Изборский 4); *112* – 1993 г., ул. Герцена (Козмодемьянский 4); *113* – 1993 г., ул. Герцена (Козмодемьянский 5); *114* – 1993 г., ул. Герцена (Козмодемьянский 8); *115* – 1993, 1995 гг., ц. Петра и Павла с Буя; *116* – 1993 г., дом Батова (Изборский 5); *117* – 1993 г., ул. М. Горького; *118* – 1993 г., ул. Некрасова, 52; *119* – 1993 г., ул. Свердлова, 74 (Михайловский 2); *120* – 1993 г., ц. Богоявления на Запсковье; *121* – ул. Советская; *122* – 1994 –1995 гг., ул. Советская – Некрасова (Нововознесенский); *123* – 1994 г., ул. Некрасова, 11 (Кузнецкий V); *124* – 1994 г., ц. Успения с Пороменья; *125* – 1995 г., ул. Герцена, 6б (Козмодемьянский IX); *126* – 1995, ул. Герцена 1/1, 3, 5 (Козмодемьянский X); *127* – 1995 г., ул. Некрасова, 56 (Благовещенский 2); *128* – 1995 г., ул. Свердлова, 76а (Михайловский 3); *129* – 1995 г., ул. Плехановский посад (шурфы); *130* – 1995 г., ул. К. Маркса (шурфы); *131* – 1996 г., ул. Свердлова, 76а (Михайловский 4); *132* – 1996 г., ул. Советская (Васильевский 2); *133* – 1997 г., ул. Гремячая и ул. Герцена; *134* – 1997–1998 гг., ул. Воровского; *135* – ул. Первомайская, 47; *136* – ул. Волкова, 9 (Ильинский Мокрый); *137* – 1998 г., Приказная палата (раскоп 3); *138* – 1998 г., Октябрьский просп., ул. Пушкина, ул. Ленина (Трупеховские I – VII); *139* – 1998 г., ул. Гоголя (Новоторговский); *140* – 1999 г., ул. Первомайская (Богоявленский IX); *141* – 1999 г., ул. Герцена (Богоявленские X, XII, XIV); *142* – 1999 г., ул. Герцена (Богоявленский XI); *143* – 1999 г., ул. Герцена (Богоявленский XIII); *144* – 1999 г., ул. Герцена (Богоявленский XV); *145* – 1999 г., ул. Герцена (Богоявленский XVI); *146* – 1999 г., ул. Герцена (Богоявленский XVII). Сост. Б.Н. Харлашов

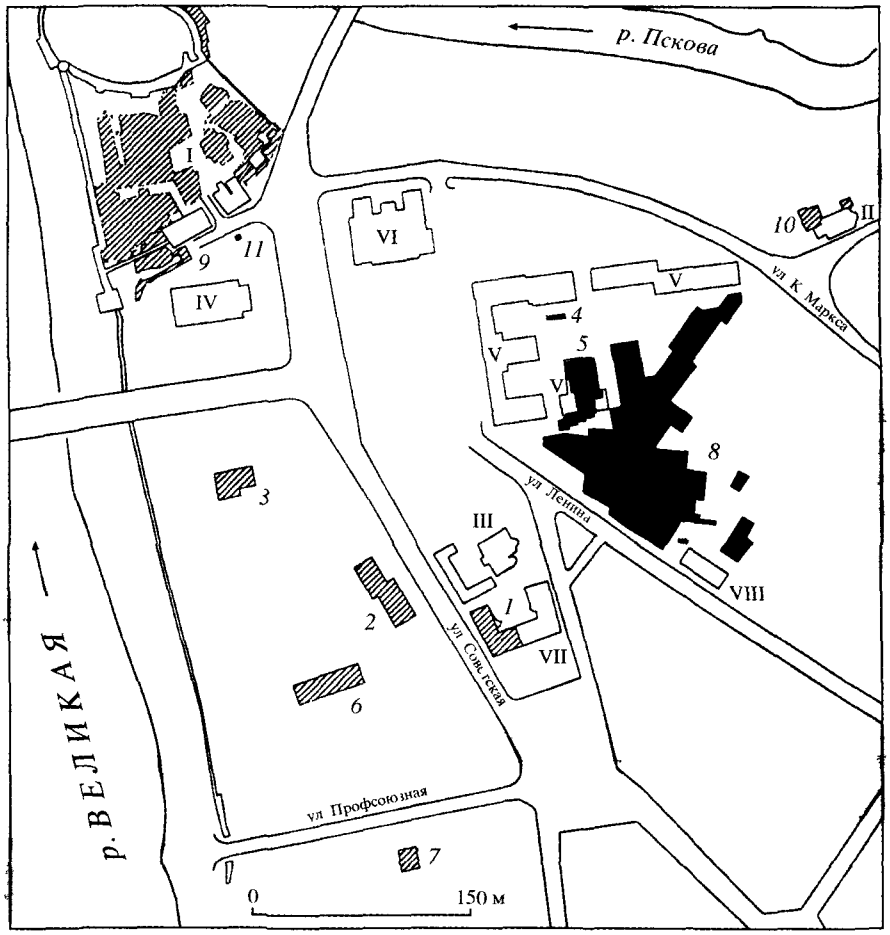


Рис. 2. Раскопы в древней части Среднего города и на прилегающей территории

I – Довмонтов город; II – церковь св. Петра и Павла; III – церковь св. Михаила и Гавриила Архангелов; IV – кинотеатр "Октябрь"; V – комплекс зданий ПГПИ; VI – Псковский центр семьи (Дом культуры профсоюзов); VII – почтамт (Дом связи); VIII – ателье (ул. Ленина, 6а); *1–11* – раскопы в древней части Среднего города и на границе с ней (*1* – 1954 г., на месте Дома связи; *2* – 1955, 1958–1960 гг., ул. Советская; *3* – 1956 г., ул. Советская; *4* – 1967 г., ул. Ленина; *5* – 1968–1970, 1973–1974 гг., ул. Ленина, на месте столовой у пединститута; *6* – 1972 г., Набережная р. Великой, на месте института "Псковгражданпроект"; *7* – 1973 г., ул. Советская; *8* – 1976, 1978, 1979, 1981–1991 гг., ул. Ленина; *9* – 1991, 1992 гг., Приказная Палата; *10* – 1991, 1993, 1995 гг., церковь св. Петра и Павла с Буя; *11* – 1998 г., Приказная Палата)

пах, были охвачены голодом. Но тот факт, что археологически не прослеживается прекращение традиции заселения этого района посада в XIII в., свидетельствует о его большей защищенности, по сравнению с более отдаленными участками (особенно Завеличья и Запсковья), и о достаточно стабильном положении владельцев дворов, расположенных здесь.

Смена застройки в раскопах 1968–1991 гг. приходится на 40-е годы XIII в. По письменным источникам этот период не является временем активного строительства. Скорее всего он связан с освобождением Пскова в 1242 г. Относительно спокойный период – середина – вторая половина XIII в. – связан с активным массовым деревянным строительством, которое начинается сразу после освобождения города в 1242 г. Плотная застройка 8-го яруса появляется на всей площади посада, изученной в раскопах 1968–1991 гг. Абсолютные даты позволяют проследить этапы застройки участка во второй половине XIII в., причем в ряде случаев не прослеживается четкой смены – ряд построек существовал на протяжении 9–8-го ярусов, дворы застраивались постепенно. Зафиксировано благоустройство территории в этот период – появляются два междворовых проулка в северо-восточной части участка (раскоп X), в конце 60-х годов начинают покрывать замощением улицу (раскопы V–VIII, А) и, таким образом, окончательно формируется планировка жилых кварталов, которая с незначительными изменениями прослеживается до конца XVI в. Отметим, что и в раскопах Г.П. Гроздилова для XIII в. отмечены изменения прежних дворовых границ (*Гроздилов*, 1962а; 1962б; 1964). Строительная активность на этой территории, в сравнении с окраинными районами города, где материалы XIII в. не прослеживаются, может быть связана с тем, что сюда переселяется население с окраин. Территория, вероятно, имела какую-то защиту (может быть деревянную стену), которая позволяла населению чувствовать себя в относительной безопасности, что проявляется не только в расширении дворовой застройки, но и в благоустройстве территории – появляются деревянные замощения улиц, междворовые проулки.

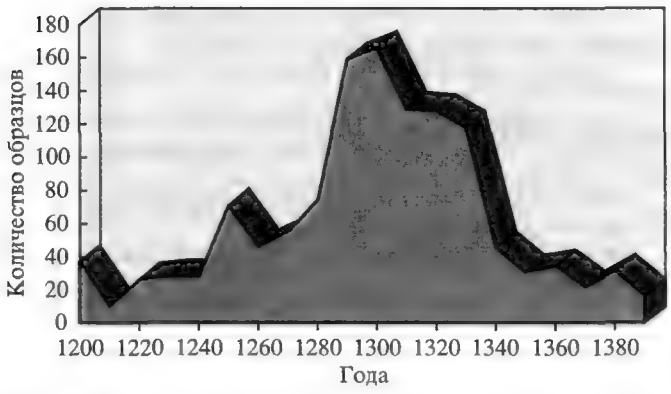


Рис. 3. Распределение датированных образцов древесины из раскопов по ул. Ленина по годам (с 1200 г. по 1400 г.)

Но отметим, что это благоустройство относится к позднему этапу существования построек 8-го яруса – второй половине 60-х годов, исторически совпадая с началом правления в Пскове князя Довмонта. Вторая половина XIII в. является относительно спокойным периодом в истории города. К этому времени устное предание относит строительство укреплений Довмонтова города. По последним археологическим данным, они существовали уже к середине 80-х годов XIII в. (*Ершова, Колосова, Лабутина*, 1992; *Колосова*, 1999. С. 272–273). На территории самого Довмонтова города в это время наблюдается резкая смена застройки, что позволило автору работ В.Д. Белецкому сделать вывод о единовременном перемещении посада из этой части города и связать это с появлением в городе князя Довмонта и размещением здесь его двора (*Белецкий*, 1991. С. 12). Вероятно, именно с этим процессом переселения связано и появление более плотной дворовой застройки в древней части посада.

Именно к 80–90-м годам XIII в. относится начало существования построек 7-го яруса в раскопах 1968–1991 гг. на ул. Ленина. Сооружения прослеживаются по всей площади исследованного участка. В ряде случаев отмечается изменение дворовых границ. В большей степени оно касается дворов, расположенных в квартале между двумя улицами – зафиксирован сдвиг дворовых границ к юго-востоку. В пределах уже существующей дворовой застройки 7-го яруса в конце первого десятилетия XIV в. отмечены ремонтные работы, что, скорее всего, связано со строительством каменной крепостной стены 1309 г. и с изменением социального статуса жителей этого района.

Итак, как удалось установить авторам статьи при изучении динамики расселения и застройки Пскова, археологически фиксируются: 1) перерыв в традиции заселения ранее освоенных периферийных территорий посада; начало перерыва приходится на XIII в.; 2) низкий уровень заготовки древесины в первые десятилетия XIII в. (особенно в промежутке – конец первого – начало третьего десятилетия). Считаем, что причиной названных явлений послужили военно-политические события, связанные с завоеванием Прибалтики крестоносцами и необходимостью для Пскова обеспечить свои интересы и безопасность. Несомненно, по мнению историков, эти обстоятельства требовали от Пскова активной позиции во внешне-политической ситуации на Северо-Западе (*Назарова*, 1998). Участие в военных мероприятиях было сопряжено с отвлечением людей и материальных ресурсов. Из-за неоднократных разорений часть псковичей покинула ранее обжитые окраинные территории.

Начиная с 40-х годов (с 1242 г.), по данным раскопов на ул. Ленина, постепенно активизируется строительная деятельность псковичей: происходит обновление старых дворов, они заполняются новыми постройками, благоустраиваются. Увеличивается площадь посада, занятая дворами. Не исключено, что на эти участки в древней части посада переселяется население, лишенное жилья в ходе военных событий, а также переносятся дворы из северной части древнего посада Пскова, где велось крепостное строительство. Политическая стабилизация в период княжения Довмонта, даже в условиях существовавшего военного напряжения, позволила псковичам найти ресурсы для строительства второй линии крепостных укреплений – каменной Домантовой стены. На этот же период, по-видимому, приходится возобновление и активизация внешнеторговых операций, в чем были заинтересованы и Псков, и западные купцы. По наблюдениям Э.В. Королевой, Псков не прекращал активных связей с Прибалтикой в XIII–XIV вв.: для этого периода фиксируется значительный приток прибалтийского импорта латуни (*Королева*, 1997. С. 10–11). Псковские берестяные грамоты 6 и 7 (XIII, рубеж XIII–XIV вв.) говорят о торговле белкой; срочной погрузке (похищенного?) сукна на ладью (*Колосова*, 1990; *Зализняк, Колосова, Лабутина*, 1993). В 80–90-х годах XIII в. действовал путь из Пскова в Новгород "в речках", на котором нередкими были ограбления немецких купцов (*Михайлов*, 1998).

Стабилизация внешнеполитической обстановки в период княжения Довмонта несомненно была главным фактором возрождения Пскова после потрясений первой половины XIII в. Но внешняя опасность со

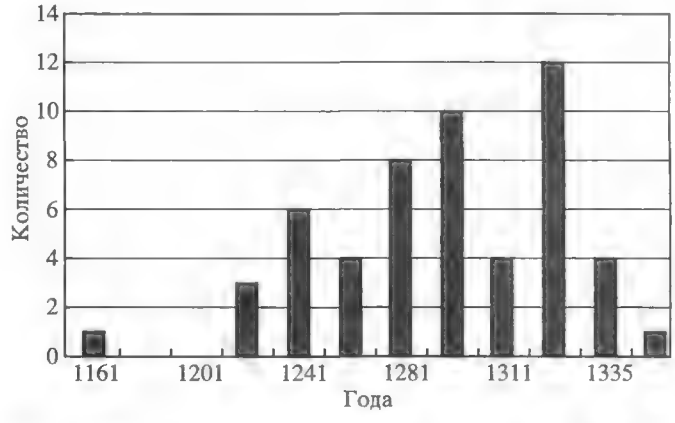


Рис. 4. Хронологическое распределение датированных построек (столбовые постройки, срубы, настилы, уличные замощения) второй пол. XII в. – первой пол. XIV в.

стороны Ливонского ордена продолжала существовать. В этих условиях возобновление заселения на окраинах посада было невозможно и затормозилось не менее чем на 100 лет. Выходом из положения было такое градостроительное решение, которое предполагало более плотное заселение в междуречье и необходимость защиты посада надежными укреплениями. Уже во второй половине XIII в. возводятся стены второго пояса псковских укреплений ("Домантова стена"). Вскоре после возведения Домантовой стены строятся каменные сооружения, защитившие большую часть посада в междуречье (1309 г.). Площадь укрепленной части Пскова равнялась в это время около 20 га. Пограничное положение Пскова при росте его территории и в дальнейшем делало его укрепление жизненно необходимым (*Лабутина*, 1985. С. 42–43. Рис. 7; С. 45–47. Рис. 9). В течение XIV–XV вв. защитой Пскова стала и система крепостей – пригородов Псковской земли (*Артемьев*, 1998).

Литература

Артемьев А.Р., 1998. Города Псковской земли XIII–XV вв. Владивосток.

Археологическое изучение Пскова. Псков, 1996. Вып. 3: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991 гг.): Материалы и исследования, т. 1.

Бегунов Ю.К., Клейнберг И.Э, Шаскольский И.П., 1966. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г. М.; Л.

Белецкий В.Д., 1991. Древний Псков (по материалам раскопок экспедиции Эрмитажа). Л.

Гроздилов Г.П., 1962а. Раскопки древнего Пскова (1954–1956 гг.) // АСГЭ. Вып. 4.

Гроздилов Г.П., 1962б. Раскопки древнего Пскова (1956, 1958–1960 гг.) // СГЭ. Вып. 23.

Гроздилов Г.П., 1964. К вопросу о топографии древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 6.

Ершевский Б.Д., Лабутин В.И., 1988. Типология и хронология псковских свинцовых пломб // Земля Псковская древняя и социалистическая: Тез. научно-практической конф. Псков.

Ершова Т.Е., Колосова И.О., 1996. Раскоп у Приказной Палаты в 1992 г. // АИППЗ, 1992. Псков.

Ершова Т.Е., Колосова И.О., Лабутина В.В., 1994. Исследования у Приказной Палаты в Пскове (1992): вопросы стратиграфии // АИППЗ. Псков.

Ершова Т.Е., Степанов С.В., 1990. Некоторые итоги археологических раскопок в районе ул. Детской // АИППЗ. Псков.

Зализняк А.А., Колосова И.О., Лабутина И.К., 1993. Псковские берестяные грамоты 6 и 7 // РА. № 3.

Кильдюшевский В.И., 1989. Раскоп на ул. Советской, 47 // АИППЗ, 1988. Псков.

Кильдюшевский В.И., 1994. Псковская экспедиция ИИМК РАН (1976–1991 гг.) // Древний Псков: Исследования средневекового города. СПб.

Колосова И.О., 1990. Комментарий к псковской берестяной грамоте № 7 // АИППЗ, 1989. Псков.

Колосова И.О., 1999. К изучению Старого Торга в Пскове // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.

Королева Э.В., 1997. Ювелирное ремесло средневекового Пскова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Королева Э.В., 1992. Раскопки во дворе дома Батова // АИППЗ, 1992: Материалы семинара. Псков.

Королева Э.В., Милютина Н.Н., Салмина Е.В., Степанов С.В. и др., 1994. Археологические раскопки в Пскове // АО, 1993. М.

Лабутина И.К., 1983. Изучение начальных отложений культурного слоя в пределах стены 1309 г. // АИП. М.

Лабутина И.К., 1985. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.

Лабутина И.К., 1987. Псков в X–XV вв.: Историческая топография по данным археологии // Тр. V Международного конгресса славянской археологии. М. Т. I, вып. 2а, секция II.

Лабутина И.К., 1999. Псков в XIII веке // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.

Михайлов А.В., 1998. Пиратство на водных путях Псковской земли // Староладожский сборник. СПб.; Ст. Ладога.

Назарова Е.Л., 1998. Место Ливонии в отношениях между Новгородом и Псковом // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М.

Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950.

Новикова (Кулакова) М.И., 1989. Раскопки на Запсковье на ул. О. Кошевого // АИППЗ. Псков.

Псковские летописи. М.; Л., 1955. Вып. II. М.; Л., 1941. Вып. I.

Степанов С.В., Яковлева Е.А., 1994. Раскопки на ул. Некрасова (Никольский раскоп) // АИП. Псков. Вып. 2.

Харлашов Б.Н., 1994. Некоторые итоги раскопок на Завеличье // АИП. Псков.

Харлашов Б.Н., 1999. Отчет о раскопках на ул. Воровского в Пскове в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Яковлев А.В., Шуньгина С.Е., 1994. Некоторые результаты археологических исследований за пределами стены 1374/1375 гг. (Казанские 1 и 2 раскопы) // АИППЗ. Псков.

Яковлева Е.А., 1996. Раскопки на II Благовещенском раскопе в Пскове // АИППЗ. Псков.

Датированные спилы XIII в. из раскопов Пскова

Раскоп	№ оп.	Комплекс	Деталь	Пласт	Ярус*	Уч.	Кв.	Возраст	Дата рубки
ППИ-70	50		столб	12–16	[9]	Ж	91	44	1200
ППИ-70	54		столб	12–16	[9]	Б	24	66	1200
ППИ-70	80		столб	13–18	[9]	Ж	79	53	1200
ПГПИ-74	78	сруб 42	бревно зап. стены, ниж. венец	16	[9]	К	145	44	1200
ПГПИ-74	167	частокол	столб	14–18	[9]	М	155	62	1200
ПГПИ-73	207	частокол	столб	14		Н	190	85	1200
ПГПИ-73	220		столб	14	[9]	Н	183	79	1200
ПГПИ-73	179	частокол с юж. стороны проулка	столб	11–15	[9]	Н	191–192	39	1201
ПГПИ-73	183	частокол с юж. стороны проулка	столб	11–15	[9]	Н	191–192	41	**1201**
ПГПИ-73	177	частокол с юж. стороны проулка	столб	11–15	[9]	Н	191–192	39	1202
ПГПИ-73	181	частокол с юж. стороны проулка	столб	11–15	[9]	Н	191–192	42	1202
ПГПИ-73	208	частокол	столб	13–14		Н	190	44	1202
ПГПИ-73	257	частокол	столб	12–15		Н	186–187	36	1202
ПГПИ-73	261	частокол	столб	12–15		Н	186–187	37	1202
ПГПИ-73	178	частокол с юг. стороны проулка	столб	11–15	[9]	Н	191–192	41	1202
ППИ-70	22	сруб 22	подкладка под южную стену	15	[9]	В	32	46	1203
ПГПИ-73	180	частокол с юж. стороны проулка	столб	11–15	[9]	Н	191–192	61	1203
ПГПИ-73	205	частокол	столб	**14**		Н	190	59	1203
ПГПИ-73	222		бревно	**14**		Н	182	77	1203
ППИ-70	53		столб	13–16	[9]	А	10	62	1204
ПГПИ-74	169	частокол	столб	14–18	[9]	М	155	59	1204
ПГПИ-73	187	настил	лага	12–13		Н	179–181	58	1204
ПГПИ-73	213	настил	бревно	13		М	155	51	1204
ППИ-70	19	сруб 22	бревно южной стены	14–15	[9]	Б, В	25–31	46	1205
ППИ-70	20	сруб 22	подкладка под южную стену	15	**[9]**	**Б**	**25**	**165**	**1205**
ПГПИ-73	191	настил	плаха	**13**		Н	179–181	60	1205
ПГПИ-73	192	настил	плаха	**13**		Н	179–181	77	1205
ППИ-70	21	сруб 22	подкладка под южную стену	15	[9]	Б	25	52	1206
ППИ-70	26	сруб 22	подкладка под южную стену	15	[9]	В	31	52	1206
ППИ-70	29	сруб 22	подкладка под южную стену	15	[9]	В	30	59	1206
ППИ-70	30	сруб 22	подкладка под южную стену	15	[9]	В	30	46	1206
ПГПИ-74	70	настил	жердь	15	[9]	И	128–130	56	1206
ПГПИ-73	236	частокол	столб	13–15		Н	186	61	1207
ПГПИ-73	237	частокол	столб	13–15		Н	186	39	1207
ПГПИ-73	259	частокол	столб	12–15		Н	186–187	38	1208
ПГПИ-73	260	частокол	столб	12–15		Н	186–187	40	1208
П-85-Л-VII	10		столб	11–15	[9]	У	743	174	1210
П-85-Л-VII	7	сруб 22	лага настила	13	11[8]	И	756	53	1212
П-84-Л-VI	67	сруб 16	бревно стены	12	9	О	620	87	1214
ППИ-69	13		бревно	13			7	119	1217
П-84-Л-VI	99	сруб 16	подкладка под лагу в срубе	12	9	О	637–638	50	1217
П-84-Л-VI	107	сруб 16	бревно южной стены	12–13	9	О	654	46	1217
П-84-Л-VI	98	сруб 16	подкладка под лагу в срубе	12	9	О	620–621, 638	46	1218
П-88-Л-X	111		столб	19	9	В	67	149	1218
П-85-Л-VI	**2**		столб	13	0[9]	Л	575	95	1220

Приложение (продолжение)

Раскоп	№ оп.	Комплекс	Деталь	Пласт	Ярус*	Уч.	Кв.	Возраст	Дата рубки
П-88-Л-XIII	314	частокол	столб	**15**	10[9]	А	468	38	1220
П-89-Л-XIII	15		столб	**24**	12[9]	А	496	201	1220
П-92-ПрП	69		бревно из ямы	16	9	Е	48	95	1221
П-84-Л-VI	73	сруб 16	бревно из заполнения сруба	11–12	9	О	638	67	1221
П-85-Л-VII	4	сруб 22	лага настила	13	11[8]	И	753	97	1221
П-85-Л-VII	5	сруб 22	подкладка под бревно	13	11[8]	И	763	72	1221
П-88-Л-XIII	316	частокол	столб	**14**	10[9]	А	468	98	1222
П-88-Л-XIII	331	частокол	столб	**14**	10[9]	Б	470	82	1223
ПГПИ-74	154		столб	15–19	[9]	Л	169	63	1225
П-84-Л-VI	100	сруб 23	подкладка	12	9[8]	П	671	90	1225
П-88-Л-XIII	63	частокол	столб	**16**	8	Г	522	99	1225
П-88-Л-XIII	363		столб	**18**	10[9]	Д	552	36	1225
ПГПИ-74	172	частокол	столб	18	[9]	Л	166	44	1226
ПГПИ-74	182	частокол	столб	15–19	[9]	Л	167	40	1226
ПГПИ-74	183	частокол	столб	15–19	[9]	Л	167	42	1226
ПГПИ-74	184	частокол	столб	15–19	[9]	Л	167	40	1226
ПГПИ-74	185	частокол	столб	15–19	[9]	Л	167	39	1226
ПГПИ-74	188	частокол	столб	15–19	[9]	Л	167	38	1226
ПГПИ-74	190	частокол	столб	15–19	[9]	Л	167	44	1226
П-89-Л-XIII	11	сруб 62	лага настила	21	12[9]	А	476	41	1226
ПГПИ-74	162		столб опечка	13–18	[9]	М	162		1227
ПГПИ-74	165		столб опечка	13–18	[8]	М	162	94	1227
ПГПИ-73	131		бревно	**13**		М	162	55	1227
ПГПИ-73	162		плаха	**14**		Н	191	55	1227
ПГПИ-73	211	настил	бревно	**13**		М	155	93	1227
П-88-Л-XI	235	сруб 48	бревно настила	**20**	10[9]	Н	188	35	1227
П-88-Л-X	138	частокол	столб	**20**	**8**	Д	119	44	1227
П-92-ПрП	72		столб	**15**	**10**	Е	33	53	1228
П-89-Л-XI	318	постройка	столб	18	11[9]	Р	365	69	1228
П-76-Л-III	113	сруб 11	подкладка (вторич. использов.)	9	7	Ф	275	90	1230
П-88-Л-X	139	частокол	столб	20	8	Д	145	49	1230
П-88-Л-X	140	частокол	столб	20	8	Д	145	58	1230
ПГПИ-74	27	сруб 39	юж. стена, нижний венец	15	[8]	М	170	33	1231
П-88-Л-XIII	257	сруб 61	подкладка под сев. стену	18	10[9]	Б	471	45	1231
П-88-Л-XI	217	сруб 46	бревно южной стены	19	10[8]	Н	187	66	1231
ПГПИ-73	214	настил	бревно	13		М	155	77	1232
ПГПИ-73	201		бревно	**13**		М	164	98	1233
П-85-Л-VII	6	сруб 22	бревно стены	**13**	**11[8]**	И	740	55	1233
П-88-Л-XI	145	двор. настил	плаха	**17**	**9**	И	175	35	1233
ПГПИ-74	24	сруб 41	подкладка	**15**	**[8]**	Л	150	46	1234
ПГПИ-74	25	сруб 41	подкладка	15	[8]	Л	150	72	1234
П-88-Л-XIII	65	частокол	столб	16	8	Г	522	72	1234
П-76-Л-III	163	сруб 12	перевод	**10**	**10[8]**	Ф	290	38	1235
П-76-Л-III	164	сруб 12	горбыль	10	10[8]	Ф	290	72	1235
П-84-Л-V	39		столб	9–12	6–7	Д	440	141	1235
П-84-Л-VII	45		лага	11	8	Ц	736	54	1236
П-88-Л-X	118		бревно	19	9	Ж	90	69	1236
П-88-Л-X	110		столб	19	9	В	48	57	1237
П-89-Л-XIII	9	сруб 62	подкладка под южную стену	21	12[9]	А	479	55	1237
П-76-Л-III	165	сруб 12	бревно внутри	10	10[8]	Ф	290	49	1238
П-85-Л-VII	19		столб	11–16	[8]	У	743	108	1238
П-89-Л-XI	319	постройка в яме	столб	19	11[9]	Р	387	91	1238
П-89-Л-XIII	4	сруб 62	подкладка под ю-з угол	21	12[9]	А	478	69	1238
П-89-Л-XIII	13	сруб 62	подкладка под ю-в угол	21	12[9]	А	479	65	1238
П-88-Л-XIII	52		бревно	14	9	Д	526	37	1239
П-89-Л-XIII	12	сруб 62	подкладка под ю-в угол	21	12[9]	А	479	72	1239
ПГПИ-74	34	сруб 39	зап. стена, нижний венец	15	[8]	Л	170	72	1240
П-76-Л-III	161		бревно	11	10	Ф	289	69	1240
П-76-Л-III	166	сруб 12	бревно внутри сруба	10	10[8]	Ф	290	79	1240
П-76-Л-III	167		бревно	10–11	9	Ф	273	71	1240
П-92-ПрП	65		столб	15	7	Ж	63	61	1241
П-84-Л-VI	92	дворовый настил	подкладка	12	9[8]	П	688, 689	37	1241

Приложение (продолжение)

Раскоп	№ оп.	Комплекс	Деталь	Пласт	Ярус*	Уч.	Кв.	Возраст	Дата рубки
П-88-Л-X	66	сруб 27	лага настила перед срубом	18	9[8–7]	Д	117	62	1241
П-84-Л-X	7		бревно	11	8	А	476	53	1242
П-84-Л-VI	37	мостовая	подкладка под лагу	11	5[8]	К	569, 570	62	1242
П-88-Л-XIII	134	частокол	столб	15	8	Д	542	40	1242
П-88-Л-X	64	сруб 27	лага настила перед срубом	18	9[8–7]	Д	149	64	1242
П-88-Л-X	65	сруб 27	лага настила перед срубом	18	9[8–7]	Д	133	65	1242
П-88-Л-X	135	частокол	столб	20	8	Д	101	40	1242
ПГПИ-73	243	частокол	столб	14		Л	167	96	1243
П-88-Л-XIII	136	частокол	столб	15	8	Д	542	55	1244
П-88-Л-X	144	частокол	столб	20	8	Д	150	72	1244
П-84-Л-V	4		бревно	11	8	А	474	61	1245
ПГПИ-74	35	сруб 41	вост. стена, нижний венец	15	[8]	К	150	44	1246
П-85-Л-VI	84		столб	10–15	[8]	П	689	100	1246
П-88-Л-XIII	263	частокол	столб	16	9	В	527	30	1246
П-88-Л-XIII	209		столб	16	9	А	496	94	1247
П-88-Л-X	121		столб	14	9[8]	З	115	85	1247
П-88-Л-X	141	частокол	столб	20	8	Д	150	46	1247
П-89-Л-XIII	5	сруб 62	подкладка под зап. стену	22	12[9]	А	478	55	1247
П-88-Л-XIII	343		столб	14	10[9]	Е	547	43	1248
П-76-Л-III	136		бревно	9–10	8	Ф	289	71	1249
П-88-Л-XI	216	сруб 64	бревно стены	19	9[7]	К	177	75	1249
П-88-Л-X	70	частокол	столб	19	8[7]	Г	56	47	1249
ПГПИ-74	22	сруб 35	зап. стена, второй венец	14	[8]	М	165–175	80	1250
ПЛ-78	58		толб	10–12	8	Щ	354	79	1250
ПЛ-82	26		доска	9	6	Э	396	161	1250
П-88-Л-XIII	278	сруб 61	бревно в контурах сруба	19	10[9]	Б	479	43	1250
П-84-Л-VII	113	частокол	столб	12	9[8]	Э	801	76	1250
ПГПИ-74	21	сруб 39	сев. стена, нижний венец	14–15	[8]	Л	170	64	1251
ПГПИ-74	21	сруб 39	бревно сев. стены, ниж. венец	14–15	[8]	Л	170	64	1251
П-87-Л-XIII	151	настил	бревно	16	0	А	467	76	1251
П-88-Л-XIII	269	частокол	столб	16	9	В	500	57	1251
П-88-Л-XIII	270	частокол	столб	16	9	В	500	43	1251
П-88-Л-XIII	279	частокол	столб	15	9	В	527	37	1251
П-88-Л-XIII	283	частокол	столб	16	9	В	509	27	1251
П-88-Л-XIII	287	частокол	столб	16	9	В	500	33	1251
П-84-Л-VII	110	частокол	столб	12	9[8]	Э	801	78	1251
П-88-Л-XI	250	частокол	столб	21	10[8]	Л	185	35	1251
П-84-Л-VI	43	дворовый настил	бревно	12	9[8]	П	689	47	1252
П-88-Л-XIII	268	частокол	столб	16	9	В	509	52	1252
П-88-Л-XIII	274	частокол	столб	16	9	В	491	46	1252
П-88-Л-XIII	306	частокол	столб	15	9	В	509	28	1252
П-76-Л-III	145	настил		9–10	8	Ф	288	52	1253
П-76-Л-III	162	сруб 12	бревно к северу	10	10[8]	Ф	290	69	1253
П-85-Л-VIII	60	вымостка	доска	12	9[8]	З	953	76	1253
П-85-Л-VIII	61	вымостка	доска	12	9[8]	З	953	85	1253
П-84-Л-VII	51	частокол	столб	11	8[7]	Э	789	42	1253
П-88-Л-X	187	частокол	столб	20	9[8]	Г	42	69	1253
П-76-Л-III	151	настил	лага	9	7	Ф	288	42	1254
П-84-Л-VI	105	мостовая	подкладка под лагу	12	7[10]	П	673	70	1254
П-85-Л-VII	28		столб	11–16	9–10	У	778	63	1254
П-85-Л-VIII	33	сруб 2	лага пола	11	9[7]	З, Е	955, 943, 942	84	1254
П-85-Л-VIII	58	вымостка	доска	12	9[8]	З	954, 964	62	1254
П-84-Л-VII	125	частокол	столб	12	9[8]	Э	716	78	1254
П-88-Л-XI	252	частокол	столб	21	10[8]	Л	185	49	1254
П-88-Л-X	185	частокол	столб	20	9[8]	Б	19	73	1254
ПГПИ-73	272	сруб 33	подкладка под ю-в угол	14	[7]	Л	158	144	1255
П-76-Л-III	143	настил		9–10	8	Ф	288	57	1255
П-84-Л-VI	31	мостовая	лага под настил	11	5[8]	П	673, 690	74	1255
П-88-Л-XIII	66	частокол	столб	16	8	Г	522	48	1255

Приложение (продолжение)

Раскоп	№ оп.	Комплекс	Деталь	Пласт	Ярус*	Уч.	Кв.	Возраст	Дата рубки
П-92-ПрП	54		оска	12	5	Ж	70	119	1256
П-85-Л-VIII	53	вымостка	доска	12	9[8]	З	965	84	1256
П-85-Л-VIII	56	вымостка	доска	12	9[8]	З	965	106	1256
П-88-Л-XIII	53		бревно	15	9	Г	530	82	1256
П-88-Л-XIII	365		столб	18	10[9]	Д	543	65	1256
П-84-Л-VII	112	частокол	столб	12	9[8]	Э	801	59	1256
ПГПИ-73	139		бревно	13		Н	191	52	1257
П-84-Л-VI	55	мостовая	бревно	11	6[9]	П	690, 691	73	1257
П-88-Л-XIII	346		толб	14	10[9]	Е	536	53	1257
ПГПИ-74	11	сруб 35	бревно стены	14–15	[8]	М	165–175	63	1258
ПГПИ-73	167		бревно	13		Н	178	112	1258
П-76-Л-III	20	частокол	столб	10	6[6]	Х	277	65	1258
П-84-Л-VI	45	дворовый настил	бревно	12	9[8]	П	689	81	1258
П-84-Л-VI	46	дворовый настил	плаха	12	9[8]	П	689	36	1258
П-84-Л-VI	58	мостовая	бревно	11	6[9]	П	690, 691	82	1258
П-84-Л-VI	65	мостовая	лага	11–12	6[9]	К	587–588	47	1258
П-84-Л-VI	69	канавка част.	бревно крепления	12	9[8]	К	588	55	1258
П-84-Л-VI	70	канавка част.	бревно крепления	12	9[8]	К	588	59	1258
П-88-Л-XI	243	частокол	столб	21	10[8]	Л	170	55	1258
П-88-Л-XI	245	частокол	толб	21	10[8]	Л	185	34	1258
П-88-Л-XI	283	столб. постройка	столб	23	[9]	С	288	46	1258
ППИ-70	18		столб	12–15	[8]	Ж	90	64	1259
П-84-Л-VI	29	мостовая	лага под настил	11	5[8]	О	639, 656	100	1259
П-84-Л-VI	57	мостовая	бревно	11	6[9]	П	690, 691	65	1259
П-84-Л-VI	88	мостовая	лага	12	9	П	674, 671	93	1259
П-85-Л-VI	20		столб	14	11[8]	Р	662	120	1259
П-88-Л-XII	148		столб	14	8	Д	517	85	1259
П-84-Л-VII	79	мостовая	лага	10	4[5]	Ч	791	68	1259
П-88-Л-XI	48	дворовый настил	бревно	16	7	Н	225	64	1259
П-88-Л-XI	253	частокол	столб	21	10[8]	Л	200	33	1259
ПГПИ-73	146		бревно	13		Н	191	47	1260
П-84-Л-V	3		бревно	11	7–8	Г	468	90	1260
П-84-Л-V	20	сруб 17	бревно заградительной констр.	11	8–9[8]	Ж	5442	34	1260
П-84-Л-VI	28	настил	подкладка	12	9[8]	П	688	73	1260
П-84-Л-VI	54	мостовая	бревно	11	6[9]	П	690, 691	63	1260
П-84-Л-VI	104	мостовая	подкладка под лагу	12	7[10]	П	673	86	1260
П-85-Л-VI	69	частокол	столб	10–15	9[8]	П	689	89	1260
П-85-Л-VIII	57	вымостка	доска	12	9[8]	З	964–965	84	1260
П-88-Л-XIII	142	частокол	столб	15	8	Д	543	55	1260
П-89-Л-XIII	14		столб	19	12[8]	Б	490	157	1260
П-76-Л-I	150		столб	8–10		В	35		1261
П-84-Л-V	5		бревно	11	8	А	476	72	1261
П-84-Л-V	6		бревно	11	8	А	476	59	1261
П-84-Л-VI	48	дворовый настил	плаха	12	9[8]	П	689	54	1261
П-85-Л-VIII	44	мостовая	лага	12	9	Е	912, 913, 928	77	1261
П-88-Л-XIII	7		бревно	14	9	Е	556	82	1261
П-88-Л-XIII	145		столб	13	8	Ж	557	75	1261
П-88-Л-X	66,1	частокол	столб	19	8[7]	Г	56	64	1261
П-88-Л-XIII	6		бревно	14	9	Е	556	76	1262
П-88-Л-XIII	207	сруб 54	жердь пола	17	10[9]	Е	564	63	1262
П-84-Л-VII	52	частокол	столб	11	8[7]	Э	789	75	1262
П-84-Л-VII	129	частокол	столб	11	8[7]	Э	853	55	1262
П-88-Л-X	26	сруб 22	бревно южной стены	16	8[7]	В	50	65	1262
П-76-Л-III	110	настил	лага	9–10	7	Ф	272	67	1263
П-84-Л-VI	77	канавка част.	бревно крепления	12	9[8]	К	603	41	1263
П-84-Л-IX	76		столб	8–11	7–8	А	1020	85	1263
П-85-Л-VIII	71	сруб 15	бревно-подкладка	11	8[7]	В	898	62	1263
ПГПИ-73	273	сруб 33	бревно южной стены	14	[7]	Л	156–158	68	1264
П-84-Л-VI	59	мостовая	бревно	11	6[9]	П	690	46	1264
П-85-Л-VIII	76		бревно	12	9[8]	Е	912, 927, 928	66	1264
П-85-Л-VIII	84	мостовая	подкладка под лагу	12	9	В	863, 878, 879	61	1264

Приложение (продолжение)

Раскоп	№ оп.	Комплекс	Деталь	Пласт	Ярус*	Уч.	Кв.	Возраст	Дата рубки
П-88-Л-X	67,1	частокол	столб	19	8[7]	Г	56	56	1264
П-88-Л-X	69	частокол	столб	19	8[7]	Г	67	67	1264
П-85-Л-VIII	27	сруб 5	подкладка под западный угол	11–12	8	В	881, 897, 898	57	1265
П-84-Л-VII	90		бревно	11	8	Ю	834	158	1265
П-88-Л-XIII	368	частокол	столб во вторич. использовании	17	10[9]	А	465	65	1266
П-88-Л-XIII	370	частокол	столб во вторич. использовании	17	10[9]	А	495	68	1266
ППИ-70	**34**		столб	13–14	[8]	З	101	**93**	**1267**
ПГПИ-74	23	сруб 35	бревно стены	14	[8]	М	165–175	75	1267
ПЛ-78	66		бревно	11	9	Ъ	361	55	1267
П-76-Л-I	95	сруб 9	бревно предохр. стены	9	6	З	102	60	1267
П-85-Л-VIII	40	настил	подкладка под лагу	12	8[7]	Е	928, 929, 914	80	1267
ПГПИ-73	271	сруб 33	лага пола	13	[7]	Л	156–158	84	1268
П-84-Л-VI	32	мостовая	лага под настил	11	5[8]	К	604	68	1268
П-84-Л-VI	42	дворовый настил	плаха	12	9[8]	П	689	72	1268
П-88-Л-XI	78		плаха	17	9	Л	197	56	1268
П-76-Л-III	135		бревно	9–10	8	Ф	289	59	1269
П-84-Л-V	30	сруб 17	бревно стены	11	8–9[8]	Ж	542	57	1269
П-84-Л-VI	20	мостовая	бревно	10–11	5[8]	О	656	80	1269
П-84-Л-VI	36	мостовая	лага под настил	11	5[8]	К	569, 585	38	1269
П-85-Л-VI	6	частокол	столб	10–14	9[8]	К	571	40	1269
П-85-Л-VI	78	частокол	столб	10–15	9[8]	О	655	43	1269
П-91-Л-XVI	3		столб	10		Р	1427	103	1269
ПЛ-78	59		столб	8–10	8	Щ	354	52	1270
П-84-Л-VI	117	сруб 21	бревно стены	12	8	С	699	96	1270
П-88-Л-XIII	369	частокол	столб во вторич. использовании	17	10[9]	А	495	66	1270
П-88-Л-XIII	43	сруб 50	подкладка под зап. стену	14	8[7–6]	Д	534	110	1270
П-88-Л-X	108	сруб 24	переводина пола	18	8[7]	З	91	71	1270
ПЛ-78	60	сруб 6	бревно стены	10	8	Ъ	358	58	1271
ПЛ-78	77		столб	9–11	8	Щ	341	68	1271
ПЛ-78	78		столб	9–13	9[8]	Щ	348	76	1271
П-85-Л-VII	25		столб	11–17	[8]	Э	786	71	1271
П-84-Л-VII	59	сруб	бревно стены	11	8[6]	Ш	778	61	1271
ПЛ-78	72		столб	9–13	9[8]	Щ	364	76	1272
ПГПИ-73	47	сруб 30	лага под зап. стеной	12	[5]	Л	149	89	1272
ПГПИ-73	119	мостовая проулка	бревно 5 яруса	13	[7]	Н	189	49	1272
П-84-Л-VI	30	мостовая	лага под настил	11	5[8]	П	674, 691	73	1272
П-88-Л-XIII	67		бревно	15	8	Г	521	66	1272
П-88-Л-XIII	372	частокол	столб во вторич. использовании	17	10[9]	А	486	64	1272
П-84-Л-VII	135	настил	плаха	12	9[8]	Ч	757	103	1272
ППИ-69	16		бревно	14			47	41	1273
ПЛ-78	64		столб	9–12	8	Ъ	356	67	1273
П-85-Л-VI	7	частокол	столб	10–14	9[8]	К	571	56	1273
П-85-Л-VI	11	частокол	столб	12–14	9[8]	К	588	69	1273
П-85-Л-VI	26	частокол	толб	10–14	9[8]	П	689	37	1273
ПГПИ-73	196	мостовая проулка	бревно 5 яруса	13	[7]	Н	187а	137	1274
П-85-Л-V	1		столб	13	0	Ж	528	70	1274
П-85-Л-VI	70	частокол	столб	10–15	9[8]	П	672	45	1274
П-84-Л-VI	18	мостовая	бревно	10–11	5[8]	П	673	83	1275
П-84-Л-IX	54	сруб Ж	деталь	9–10	6	И	1135, 1136	95	1275
П-85-Л-VIII	78	мостовая	подкладка под плаху	12	9	В	863	74	1275
П-88-Л-X	1,5	частокол	столб	15	0[7]	Г	77	82	1275
П-76-Л-I	134	дворовый настил	плаха	10	7	Ж	97	81	1276
ПГПИ-73	203	здание	подкладка	13		М	154	95	1276
П-84-Л-VI	21	мостовая	бревно	10–11	5[8]	О	656	110	1276
П-84-Л-VI	33	мостовая	лага под настил	11	5[8]	К	604	78	1276
П-84-Л-VI	33	мостовая	лага под настил	11	5[8]	К	604	78	1276

Приложение (продолжение)

Раскоп	№ оп.	Комплекс	Деталь	Пласт	Ярус*	Уч	Кв.	Возраст	Дата рубки
П-84-Л-VI	103	настил	плаха	12	8[7]	С	682, 683	37	1276
П-85-Л-VIII	28	мостовая	лага	11	8	В	897–898, 914	67	1276
П-85-Л-VIII	43	настил	подкладка под лагу	12	8[7]	Е	928, 929	69	1276
П-85-Л-VIII	79	мостовая	подкладка под плаху	12	9	В	880, 896	84	1276
П-85-Л-VIII	80	мостовая	подкладка под плаху	12	9	В	895, 896	70	1276
П-85-Л-VIII	83	мостовая	подкладка под лагу	12	9	В	863	66	1276
ПЛ-82	86		столб	9–12	6	Я	408, 418	93	1276
П-92-ПрП	21	Торг	плаха	9	3	Е	47–52	58	1277
П-76-Л-III	95	настил	плаха	9	7	Ф	254	134	1277
П-85-Л-VIII	39	мостовая	лага	11	9	В, Е	880–914	83	1277
П-85-Л-VIII	41	настил	подкладка под лагу	12	8[7]	Е	928, 929	72	1277
П-85-Л-VIII	42	настил	подкладка под лагу	12	8[7]	Е	928, 929	32	1277
П-85-Л-VIII	77	мостовая	подкладка под лагу	12	9	В	880	88	1277
П-88-Л-XIII	280	частокол	столб	15	9	В	527	111	1277
П-85-Л-VIII	82	мостовая	подкладка под плаху	12	9	Е	914	57	1278
П-76-Л-III	127	сруб 11	переводина	9	7	Ф	275	94	1279
П-84-Л-VI	80	канавка част.	бревно крепления	12	9[8]	К	587	98	1279
П-84-Л-IX	53	сруб Ж	деталь	9–10	6	И	1154, 1135	53	1279
П-88-Л-XI	243	частокол	столб	20	10[8]	Л	170	55	1279
ПГПИ-73	137		плаха	13		Н	189	98	1280
ПГПИ-73	204	здание	подкладка	13		М	154	85	1280
П-76-Л-III	121	сруб 11	переводина	10	7	Ф	291	87	1280
П-76-Л-III	137		бревно	9–10	8	Ф	289	56	1280
П-84-Л-IX	52		столб	8–10	6	А	1006	68	1280
П-88-Л-XIII	239		бревно,закрепляющее частокол	18	10	А	486	81	1280
П-88-Л-XIII	353	частокол	столб	16	10[9]	Б	471	73	1280
П-88-Л-XIII	44	сруб 50	подкладка под зап. стену	14	8[7–6]	Д	534	73	1280
П-88-Л-X	82	частокол	столб	19	8[7]	Г	42	132	1280
П-85-Л-IX	15	столб. постройка	бревно	12–13	7	И	1155	60	1281
П-88-Л-XI	246	частокол	столб	21	10[8]	Л	185	44	1281
ПГПИ-73	48	сруб 30	лага под вост. стеной	12	[5]	Л	150	107	1282
П-76-Л-III	156	настил	подкладка под лагу	10	8	Ф	254	75	1282
П-84-Л-VI	76	канавка част.	бревно крепления	12	9[8]	К	603, 604	96	1282
П-85-Л-VIII	10	мостовая	плаха	10	8	Е	929	73	1282
П-88-Л-XIII	241	сруб 59	бревно в контурах сруба	18	9[7]	Б	471	87	1282
П-84-Л-VII	41	настил у ср. 11	плаха	10	7[6]	Ю	846	123	1282
П-88-Л-X	76		столб	14	8[7]	Е	103	77	1282
П-88-Л-X	81	частокол	столб	14	8[7]	Ж	87	85	1282
П-84-Л-IX	77		столб	8–11	7–8	И	1122	79	1283
П-88-Д-XIII	364		столб	13	10[9]	Д	543	77	1283
П-84-Л-VII	49	частокол	столб	11	8[7]	Э	789	87	1283
П-88-Л-XI	93	частокол	столб	17	8[7]	М	225	67	1283
П-88-Л-X	40	сруб 22	бревно западной стены	16	8[7]	В	39	39	1283
П-92-ПрП	67	сруб 1	столб из угла сруба	9	4	Е	32,38	57	1284
П-84-Л-VI	9	мостовая	бревно	9	7[6]	Т	668	116	1284
П-84-Л-VI	75	канавка част.	бревно крепления	12	9[8]	К	604	104	1284
П-85-Л-VIII	67	мостовая	лага	12	9[8]	В	867, 879, 880	63	1284
П-84-Л-VII	145	мостовая	лага	11	8[7]	Ч	776	66	1284
П-88-Л-X	38	сруб 22	подкладка	17	8[7]	В	32	77	1284
П-87-Л-XIII	159	сруб 16	подкладка под лагу настила	11	6[7]	И	607	100	1285
П-84-Л-V	19	частокол	столб	12	7[6]	Ж	544	93	1285
П-84-Л-V	33		бревно	12	9[7]	А	460	82	1285
П-84-Л-V	41		столб	9–13	6–7	Д	486	81	1285
П-88-Л-XI	86	частокол	столб	17	8[7]	М	224	54	1285
П-92-ПрП	64	сруб 1	подкладка под стену	10	4	Е	38	32	1285/86
П-76-Л-III	47	частокол	столб	11	6[6]	Х	295	74	1286
П-76-Л-III	116	настил южнее сруба 11	плаха	10	7	Ф	291	37	1286

Приложение (продолжение)

Раскоп	№ оп.	Комплекс	Деталь	Пласт	Ярус*	Уч.	Кв.	Возраст	Дата рубки
П-85-Л-VIII	25	мостовая	лага	11–12	8	В	879–880, 896	37	1286
П-88-Л-XIII	242		подкладка под бревно	18	8	В	473	57	1286
П-84-Л-VII	68	настил	подкладка	11	8[6]	Ш	733	44	1286
П-88-Л-XI	166	частокол	столб	15	8[7]	С	330	37	1286
П-88-Л-XI	230	частокол	столб	20	8[7]	О	242	37	1286
П-88-Л-XI	242		столб	20	[7]	О	230	57	1286
П-88-Л-X	31		столб	15	8[7]	В	33	109	1286
П-76-Л-I	*127*	настил	плаха	*10*	*7*	Ж	*90*	*52*	*1287*
ПГПИ-73	202	здание	подкладка	13		М	154	90	1287
П-85-Л-VIII	18	настил	подкладка под лагу	11	8[7]	В	864	98	1287
П-87-Л-XIII	112	сруб 16	бревно ю-з стены	11	6[7]	И	591	69	1287
П-88-Л-XI	143		столб	13	0	Н	227	53	1287
П-88-Л-XI	158	частокол	столб	15	8[7]	С	342	34	1287
П-88-Л-XI	168	частокол	толб	15	8[7]	С	330	40	1287
П-89-Л-XI	305	столб. постройка	бревно	24	8[7]	Н	226	48	1287
П-88-Л-X	1,1	частокол	столб	15	0[7]	Г	77	92	1287
П-88-Л-X	120		столб	20	9[7]	Г	37	133	1287
П-92-ПрП	63	сруб 1	подкладка под стену	10	4	Е	33,39	42	1287/88
П-76-Л-III	185	колодец	бревно	10		Х	367	66	1288
ПЛ-78	11	настил у сруба 11	лага	8–9	7	Щ	352а	46	1288
П-76-Л-I	174	настил	подкладка под лагу	10	7	Ж	97	82	1288
П-85-Л-VIII	16	настил	лага	11	8[7]	В	865–866	39	1288
П-88-Л-XIII	243		подкладка под бревно	18	8	В	473	59	1288
П-87-Л-XIII	123	сруб 16	подкладка	12	6[7]	И	594	94	1288
П-88-Л-XIII	39	сруб 50	бревно зап. стены	13	8[7–6]	Д	525	84	1288
П-88-Л-XI	164	частокол	столб	16	8[7]	С	330	47	1288
П-88-Л-XI	172	частокол	столб	15	8[7]	С	342	36	1288
П-92-ПрП	*60*	сруб 1	бревно стены	9	4	Е	33, 34	37	1289
П-76-Л-III	109	настил	лага во вторич. использовании	9–10	7	Ф	272	78	1289
П-84-Л-V	16	частокол	столб	12	7[6]	Ж	528	92	1289
П-84-Л-IX	83		столб	10–11	8[7]	Н	1195	248	1289
П-85-Л-V	3	мостовая	лага	11	7[6]	Е	553	150	1289
П-85-Л-VIII	20	настил	лага	10–11	8[7]	Е	928–929, 943	54	1289
П-88-Л-XI	94	частокол	столб	17	8[7]	М	225	43	1289
П-88-Л-XI	161	частокол	столб	16	8[7]	С	330	49	1289
П-88-Л-XI	171	частокол	столб	15	8[7]	С	342	32	1289
П-88-Л-XI	174	частокол	столб	15	8[7]	С	342	46	1289
П-92-ПрП	62	сруб 1	подкладка под стену	10	4	Е	34	58	1290
П-76-Л-III	147	настил	доска	9–10	8	Ф	288	159	1290
П-85-Л-VIII	73	сруб 4	бревно северо-западной стены	12	10[8]	Е, З	941, 953	59	1290
ПЛ-82	83		столб	9–13	9[7]	Ю	392	98	1290
П-87-Л-XIII	120	сруб 18	подкладка	12	6[7]	И	618	97	1290
П-87-Л-XIII	121	сруб 16	подкладка	12	6[7]	И	594	79	1290
П-84-Л-VII	53	частокол	столб	11	8[7]	Э	789	54	1290
П-88-Л-XI	91	частокол	столб	17	8[7]	М	225	64	1290
П-88-Л-XI	100	частокол	столб	17	8[7]	Н	226	65	1290
П-88-Л-XI	*162*	частокол	столб	*16*	*8[7]*	*С*	*330*	*39*	*1290*
П-88-Л-XI	167	частокол	столб	15	8[7]	С	330	45	1290
П-88-Л-XI	180	частокол	столб	17	8[7]	С	317	58	1290
П-88-Л-X	1,6	частокол	столб	15	0[7]	Г	77	90	1290
П-88-Л-X	*64,1*	мостовая	подкладка под лагу	*19*	*0*	Г	37	39	1290
П-76-Л-I	138	сруб 4	бревно с-в стены	10	[7]	Ж	87	74	1291
ПГПИ-74	45		столб	14–16	[7]	Л	158	77	1291
ПГПИ-73	168		бревно с вырубкой	13		Н	183–185	74	1291
П-76-Л-I	224	частокол	столб	10–13	8[7]	З	110	45	1291
П-76-Л-I	226	частокол	столб	10–13	8[7]	З	110	51	1291
П-76-Л-I	244	частокол	столб	9–13	8[7]	З	109	86	1291
П-76-Л-I	246	частокол	столб	10–13	8[7]	З	109	49	1291
П-76-Л-III	184	колодец	бревно	10		Ц, Х	308	52	1291

Раскоп	№ оп.	Комплекс	Деталь	Пласт	Ярус*	Уч.	Кв.	Возраст	Дата рубки
ПЛ-82	30	сруб 14	бревно в срубе	9	6[7]	Ю	70, 399	145	1291
П-88-Л-XI	68	сруб 39	бревно северной стены	16	8[7]	Н	239	40	1291
П-88-Л-XI	99	частокол	столб	17	8[7]	Н	226	43	1291
П-88-Л-XI	101	частокол	толб	17	8[7]	Н	226	57	1291
П-88-Л-XI	132	частокол	столб	14	8[7]	К	165	45	1291
П-88-Л-XI	264	частокол	столб	22	7	М	225	66	1291
П-76-Л-I	122	настил	бревно	10	7	Ж	89	82	1292
П-76-Л-I	227	частокол	столб	10–13	8[7]	З	110	62	1292
П-76-Л-I	222	частокол	столб	10–13	8[7]	З	110	57	1292
П-76-Л-III	35	сруб 7	бревно внутри	8	6[5]	Ф	270	74	1292
П-76-Л-III	98	настил	плаха	9	7	Ф	254	91	1292
П-84-Л-IX	75		бревно	11	7–8	Г	1032	92	1292
П-85-Л-IX	7	столб. постройка	столб	9–14	7	Д	1054	37	1292
П-88-Л-XIII	46		столб	14	8[7]	И	604	68	1292
П-88-Л-XIII	178	сруб 57	бревно вост. стены	17	8[8–7]	В	482	45	1292
П-88-Л-XIII	213	сруб 59	зап. подкладка под с-з угол	17	9[7]	Б	471	137	1292
П-84-Л-VII	128	частокол	столб	11	8[7]	Э	748	41	1292
П-88-Л-X	88	частокол	столб	18	7	З	113	253	1292
П-76-Л-I	112	сруб 6	подкладка	9	6	Г	56	47	1293
П-76-Л-I	129	сруб 10	бревно с-в стены, ниж. венец	10	[7]	З	107	48	1293
П-76-Л-I	248	частокол	столб	10–13	8[7]	З	109	49	1293
П-76-Л-III	45	частокол	столб	11	6[6]	Х	295	95	1293
П-76-Л-III	159		бревно	11	10	Ф	289	91	1293
П-84-Л-VI	101	настил	плаха	12	8[7]	С	682, 683	39	1293
ПЛ-82	85		столб	8–12	9[7]	Ю	413, 414	52	1293
П-84-Л-VII	7	сруб 7	бревно двор. настила у сруба	9	6[5]	Ш	779	58	1293
П-84-Л-VII	9		бревно	9	6	Ш	793	131	1293
П-88-Л-XI	139	сруб 42	плаха настила	17	8[7]	Л	222	41	1293
ПГПИ-74	32	частокол	столб	12–15	[7]	Л	167	48	1294
П-76-Л-I	126	настил	плаха	10	7	Ж	90	77	1294
П-76-Л-I	131	дворовый настил	плаха	10	7	Ж	97	78	1294
ПЛ-78	31	сруб 11	подкладка	10	7	Щ	354а	45	1294
ПГПИ-73	148	частокол	столб	14		Л	158	57	1294
П-76-Л-III	118	сруб 11	завалинка	10	7	Ф	273	47	1294
П-76-Л-III	130	сруб 11	подкладка	10	7	Ф	255	44	1294
П-87-Л-XIII	105	дворовый настил	плаха	11	6	Г	522	139	1294
П-84-Л-VI	14	мостовая	бревно	11	6[5]	Т	668	103	1294
П-84-Л-VI	96	настил	плаха	12	8[7]	С	682, 683	41	1294
П-85-Л-VIII	22	настил	лага	11	8[7]	Е	913	58	1294
П-84-Л-VII	50	частокол	столб	11	8[7]	Э	789	110	1294
П-84-Л-VII	89	частокол	столб	11	8[7]	Ю	834	148	1294
П-88-Л-XI	137	сруб 42	плаха настила	17	8[7]	Л	222	38	1294
П-88-Л-XI	177	частокол	столб	17	8[7]	С	317	77	1294
П-88-Л-XI	181	частокол	столб	14	8[7]	Л	170	60	1294
П-88-Л-X	45	мостовая	лага	17	8	Г	73	74	1294
ПЛ-78	30		столб	8–10	5	Щ	351	184	1295
П-76-Л-I	103	сруб 14	лага настила	9	5[7]	Д	63	62	1295
П-76-Л-III	89		столб	10–11	8[7]	Х	329	76	1295
П-76-Л-III	119	сруб 11	подкладка	10	7	Ф	291	68	1295
П-76-Л-III	122	сруб 11	бревно внутренней стены	10	7	Ф	291	58	1295
П-76-Л-III	126	сруб 11	подкладка	9	7	Ф	275	71	1295
П-76-Л-III	173		столб	8	[7]	Ф	255	88	1295
П-84-Л-V	18	частокол	столб	12	7[6]	Ж	544	86	1295
П-84-Л-IX	34	частокол	столб	9–10	6[5]	А	992, 993, 1007	75	1295
П-84-Л-IX	78	сруб И	бревно юж. стены	10–11	7–8[7]	А	1019	57	1295
П-85-Л-IX	12	столб. постройка	столб	11–13	7	З	1150	71	1295
П-85-Л-VIII	14	мостовая	плаха	10	8	В	896, 880, 881	77	1295

Раскоп	№ оп.	Комплекс	Деталь	Пласт	Ярус*	Уч	Кв	Возраст	Дата рубки
П-88-Л-XI	71	сруб 39	бревно западной стены	16	7	Н	251	46	1295
П-88-Л-XI	266	частокол	столб	22	7	М	225	81	1295
П-88-Л-X	71	частокол	столб	19	8[7]	Ж	140	63	1295
П-76-Л-I	*121*	*сруб 9*	*подкладка*	*10*	*6*	З	*109*	*66*	*1296*
ПЛ-78	15	дворовый настил	плаха	9	6	Щ	351а	71	1296
П-76-Л-III	117	настил южнее сруба 11	плаха	10	7	Ф	291	83	1296
П-76-Л-III	140	настил	подкладка под лагу	10	7	Ф	288	51	1296
П-76-Л-III	153	сруб 11	подкладка	10	7	Ф	258	44	1296
П-84-Л-VI	102	настил	плаха	12	8[7]	С	682, 683	50	1296
ПЛ-82	12	постройка	плаха	9	6	Ю	70	60	1296
П-88-Л-XIII	86	настил	плаха 1	16	8	Б	479	63	1296
П-84-Л-VII	64	настил	подкладка	11	8[6]	Ш	780	49	1296
П-88-Л-XI	147	сруб 42	лага	17	8[7]	Л	222	35	1296
П-88-Л-XI	211	частокол	столб	20	8[7]	Н	262	75	1296
П-89-Л-XI	297	столб. постройка	бревно	20	8[7]	Н	226	36	1296
П-89-Л-XI	298	*столб постройка*	*бревно*	*22*	*8[7]*	*Н*	*286*	*58*	*1296*
П-76-Л-I	113	сруб 6	подкладка	9	6	Г	56	90	1297
ПГПИ-73	112	настил	лага	12–13	[5]	К	141–142	33	1297
П-76-Л-I	225	частокол	столб	10–13	8[7]	З	110	65	1297
П-76-Л-I	68		бревно	8	6	Г	45	64	1297
П-76-Л-III	104	сруб 11	бревно стены	9	7	Ф	275	137	1297
П-76-Л-III	131	сруб 11	подкладка	10	7	Ф	255	58	1297
П-76-Л-III	154	настил	подкладка под лагу	10	8	Ф	254	47	1297
П-84-Л-VI	94	настил	плаха	12	8[7]	С	699, 700	39	1297
П-84-Л-IX	30	сруб	подкладка	9–10	7	Д	1040	129	1297
П-85-Л-IX	11	столб постройка	столб	11–13	7	З	1157	62	1297
П-88-Л-XIII	128	двор. настил	лага	15	8[7]	Д	524	38	1297
П-84-Л-VII	77		*бревно*	*11*	*8*	Щ	784	*61*	*1297*
П-88-Л-XI	267	частокол	столб	22	7	М	225	74	1297
П-88-Л-XI	268	частокол	столб	22	7	М	225	81	1297
П-88-Л-XI	284		столб	21	0	О	253	102	1297
П-88-Л-X	74	частокол	столб	19	8[7]	Ж	124	52	1297
ПЛ-78	38	дворовый настил	подкладка под лагу	10	7	Щ	341	138	1298
П-76-Л-III	120	сруб 11	подкладка	10	7	Ф	291	70	1298
П-76-Л-III	123	сруб 11	подкладка	10	7	Ф	291	74	1298
П-76-Л-III	128	сруб 11	подкладка	9	7	Ф	275	72	1298
П-88-Л-XIII	91	настил	плаха 5	16	8	Б	488	43	1298
П-88-Л-XIII	132	двор. настил	подкладка под лагу	16	8[7]	Г	514	53	1298
П-88-Л-XIII	166	двор. настил	лага	16	8[7]	А	477	101	1298
П-88-Л-XI	182	частокол	столб	14	8[7]	Л	170	107	1298
П-88-Л-XI	196	сруб 44	бревно стены	19	9[7]	Л	210	67	1298
П-88-Л-XI	263	частокол	столб	22	7	М	225	80	1298
П-88-Л-XI	269	частокол	столб	22	7	М	225	71	1298
П-88-Л-XI	270	частокол	столб	22	7	М	225	58	1298
П-88-Л-XI	275	частокол	столб	21	7	Н	226	68	1298
П-88-Л-XI	278	частокол	столб	21	7	Н	226	89	1298
П-88-Л-XI	280			21	0	Н	240	197	1298
П-89-Л-XI	300	столб. постройка	бревно	23	8[7]	*Н*	226	56	1298
П-89-Л-XI	311	столб. постройка	бревно	21	8[7]	Н	226	33	1298
П-89-Л-XI	312	столб. постройка	бревно	21	8[7]	Н	226	37	1298
П-88-Л-X	67,1	частокол	столб	19	8[7]	Г	56	41	1298
П-88-Л-X	73	частокол	столб	19	8[7]	Ж	140	57	1298
П-76-Л-I	110	сруб 14	плаха настила	9–10	6[7]	Д	63	55	1299
П-76-Л-I	128	настил	плаха	10	7	Ж	90	104	1299
ПЛ-78	29	дворовый настил	лага	10	7	Щ	351	90	1299
ПЛ-78	33	сруб 11	бревно с-в стены	10	7	Щ	353а	37	1299
П-76-Л-I	201	столбовая конструкция	восточный столб			Ж	87	61	1299
П-76-Л-III	30	сруб 9	подкладка под сев. стену	8–9	6	Ф	254	49	1299
П-76-Л-III	92		бревно	9	6	Ф	289	75	1299
П-76-Л-III	139		бревно	9–10	8	Ф	289	70	1299
П-76-Л-III	155	настил	подкладка под лагу	10	8	Ф	254	41	1299
П-76-Л-III	160		бревно	11	10	Ф	289	39	1299
П-76-Л-III	171	развал бревен	бревно	10	10	Ф	288	56	1299
П-76-Л-III	174	развал бревен	бревно	10		Ф	288	77	1299

Приложение (окончание)

Раскоп	№ оп.	Комплекс	Деталь	Пласт	Ярус*	Уч.	Кв.	Возраст	Дата рубки
П-76-Л-III	178		бревно во вторич. использ.	10		Ф	254	117	1299
П-84-Л-V	53	частокол	столб	12–14	7[6]	В	497	45	1299
П-85-Л-VIII	72	сруб 4	бревно юго-западной стены	12	10[8]	З	953, 954	85	1299
П-88-Л-XIII	107	настил	плаха 21	15	8	Б	506	35	1299
П-88-Л-XIII	147		столб	14	6	Б	498	118	1299
П-84-Л-VII	40	настил у ср. 11	лага	10	7[6]	Ю	841	78	1299
П-88-Л-XI	183	частокол	столб	13	8[7]	Л	170	84	1299
П-88-Л-XI	271	частокол	столб	22	7	М	225	83	1299
П-88-Л-XI	272	частокол	столб	22	7	М	225	63	1299
П-88-Л-XI	274	частокол	столб	21	7	Н	226	82	1299
П-88-Л-XI	277	частокол	столб	21	7	Н	226	64	1299
П-89-Л-XI	301	столб. постройка	бревно	24	8[7]	Н	226	65	1299
П-88-Л-X	102	сруб 35	подкладка под вост. стену	19	8[7]	Б	61	55	1299

Примечание: * В графе "ярус" указан полевой и в квадратных скобках уточненный ярус.

А.Б. Мазуров

Эволюция Коломны в XIII–XIV веках: от малого города Древней Руси к домену великого князя московского*

Традиционные представления о XIII в. как о важнейшем переломном рубеже древнерусской истории имеют серьезную опору как в источниках, так и в историографической традиции. Отечественная историография со времен Н.М. Карамзина вплоть до последнего времени склонна была объяснять многие изменения катастрофическими последствиями монгольского нашествия. Этот тезис получил серьезнейшее подкрепление в накопленном в середине – третьей четверти XX в. археологическом материале. Зарубежные историки (Дж. Феннел), несмотря на преуменьшение масштабов внешнеполитической экспансии, также расценивают XIII столетие как системный политический кризис (составной, а не самодовлеющей частью которого стали внешнеполитические факторы) (*Феннел*, 1989). Совершенно противоположный взгляд в 90-е годы XX в. стала развивать петербургская "школа И.Я. Фроянова". По мнению самого Фроянова и его ученика Ю.В. Кривошеева, последствия и масштабы монгольского ига сильно преувеличены, развитие древнерусских городов-государств продолжалось, и лишь московское монархическое начало, оформившееся при Дмитрии Донском, на протяжении XIV–XV вв. уничтожило вечевые "народоправства" (*Фроянов*, 1995; *Кривошеев*, 1999). Можно упомянуть и о взглядах Л.Н. Гумилева (скорее популярных, чем научных) о "симбиозе" Орды и Руси, полностью отрицавших какой-либо упадок и постулировавших, скорее, сотрудничество и подъем экономик двух стран (*Гумилев*, 1992 и др.). Таким образом, в историографии представлена вся палитра возможных оценок XIII в.: полный разрыв традиций вследствие военной катастрофы, имманентный системный кризис, полное сохранение традиций при некоторых издержках внешнеполитического плана, развитие и процветание в рамках нового "евразийского" пространства. Очевидно, назрела необходимость критического рассмотрения каждой точки зрения на базе конкретного материала. Не вызывает никакого сомнения, что археологические источники (вследствие скудости письменных) представляют здесь особый интерес.

Динамика развития городов как наиболее передового типа поселений может много дать для регионального и общерусского анализа культурной ситуации XIII в. В настоящем сообщении анализируется развитие Коломны в XIII–XIV вв. Коломна принадлежит к числу молодых политических центров, подъем которых пришелся на послемонгольское время. И в силу данного обстоятельства ее история в XIII–XIV вв. представляет особый интерес.

Письменные источники о Коломне XIII–XIV вв. очень скудны. В летописях сохранилось три известия за XIII в. (1207, 1237/38, 1293 гг.) и 18 погодных (26 информационных фактов – по несколько за год) – за XIV в. Если пренебречь сообщением 1293 г. о разгроме Коломны ханом Туданом, выявляется полное молчание летописей о Коломне на очень большом отрезке: в 115 лет (1238–1353 гг.). Все упоминания XIV в. относятся исключительно ко второй половине столетия. Можно сделать вывод о том, что со второй половины XIV в. значение Коломны резко возросло, что вызвало усиление внимания к ней летописцев. Первое же сообщение XIV в. (март 1353 г.) парадоксально – в нем фигурирует первый коломенский епископ Афанасий. Как удалось нам установить, основание кафедры в Коломне имело место в конце 1352 – начале 1353 г. (*Мазуров*, 2001). Все дело в том, что канонические правила в качестве главного условия учреждения новой епархии выдвигают демографический критерий – "паче кде много народ и людие и гради". Итак, более чем столетний "темный период" в истории города после нашествия заканчивается неожиданной картиной многолюдного центра обширной территории.

Внелетописные источники добавляют несколько важных штрихов. Первое упоминание в акте XIV в. (и в актах вообще) – духовной грамоте Ивана Калиты 1336 г., представляет Коломну как второй по значению городской центр Московского княжества после столицы, Москвы. Коломна была завещана старшему сыну Калиты – Симеону Гордому, и с 1340 г. превратилась в домен великого князя московского. Из практики распределения уделов в Древней Руси хорошо известно, что значение уделов (и их центров) четко соответствовало старшинству, а именно понижалось от старшего наследника к младшему. Таким образом, уже на исходе первой трети XIV в. Коломна ненамного уступала Москве (*Мазуров*, 2001).

И становление Коломны как домена великого князя московского, и учреждение епархии представляют собой итог, знаменатель всего исторического пути развития города за столетний отрезок (1237–1336 гг.). Осветить его в какой-то степени позволяют лишь археологические источники (рис. 1).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта № 00-01-00186а.

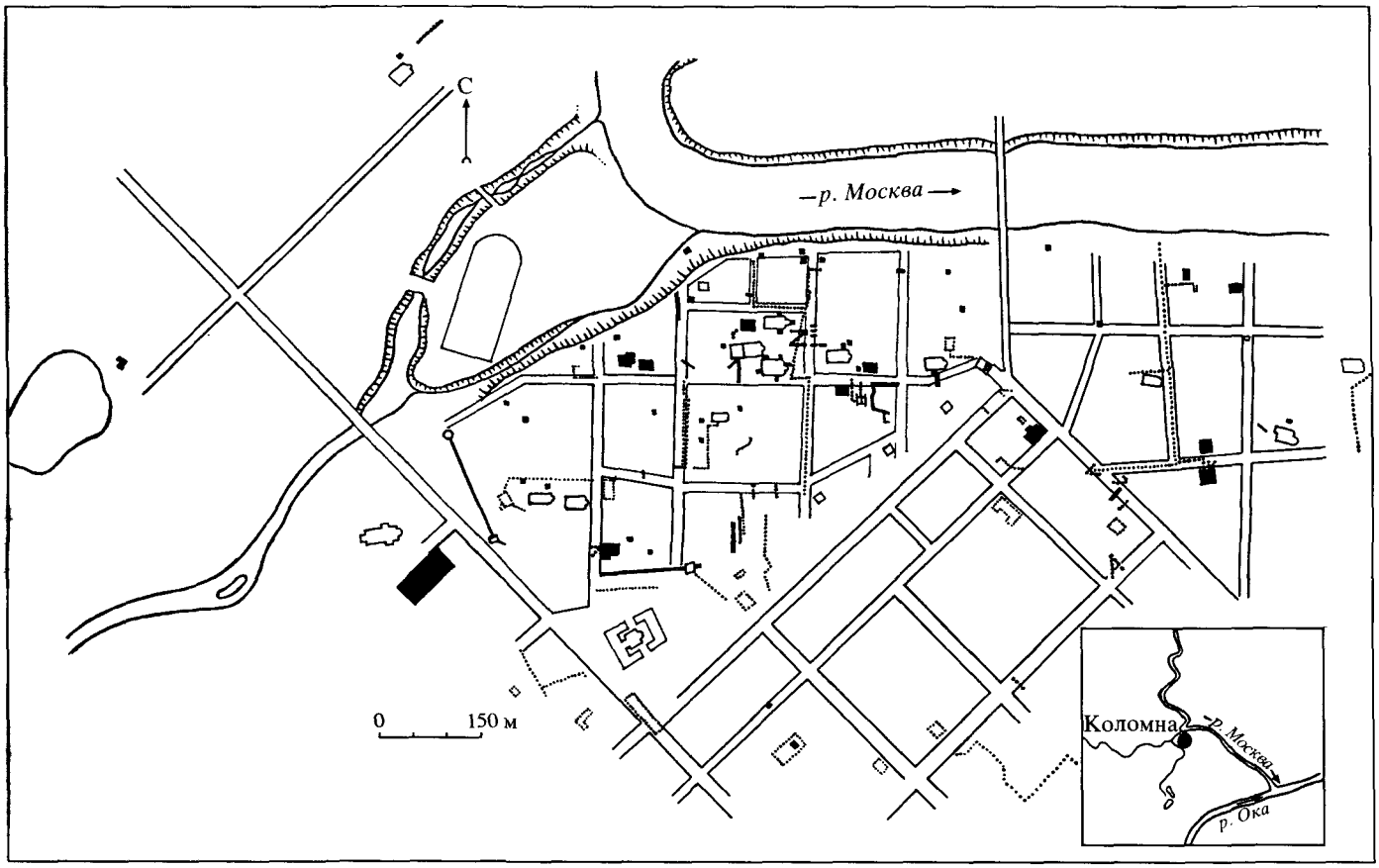


Рис. 1. Археологическая изученность культурного слоя средневековой Коломны (по состоянию на 2000 г. включительно)

На сегодняшний день вполне четко можно различить древности конца XII – первой половины XIII в. и второй половины XIII–XIV в. В рамках названных периодов и будет идти рассмотрение материала.

Коломна в конце XII – первой половине XIII в.

Коломна возникла в период третьей, наиболее массовой волны урбанизации Древней Руси, приходящейся на вторую половину XII – первую треть XIII в. Большинством ученых он определяется как расцвет или апогей городской культуры предмонгольской Руси. В этот период географические факторы, ранее игравшие существенную роль, исчезают, и города выступают прежде всего как социально-экономические центры. Вместе с тем, в Волго-Окском междуречье (и в частности в Москворечье и среднем Поочье) существенную особенность предмонгольской урбанизации составляло строительство порубежных крепостей, призванных закрепить за выделившимися здесь княжествами конкретные регионы. Коломна возникла как крайний северо-западный форпост Рязанского княжества и, судя по топографии, должна была контролировать низовья Москвы-реки. Этот военно-стратегический фактор был ведущим. Наличие хронологического предшественника в виде небольшого сельского поселения XI – начала XII в., а также плотно освоенная "вятичская" округа XII–XIII вв. позволяют утверждать, что с самого начала Коломна имела и социально-экономическое значение. В политическом отношении город являлся центром удела одного из рязанских династов, "рязанской волостью", представляя собой наиболее многочисленную категорию городских поселений – так называемые "малые города" Древней Руси. Возникнув в середине XII в., Коломна бурно развивалась и к 1230-м годам переживала настоящий расцвет.

Древнейшие городские комплексы Коломны типичны для древностей предмонгольского времени и не могут быть датированы на современном уровне изучения временем ранее середины XII в. Это керамика с линейно-волнистым орнаментом, получившая в науке название "курганной", вятичский комплекс украшений XII–XIII вв. (височные кольца и решетчатые перстни); классический домонгольский набор находок: многочисленные стеклянные браслеты, бусы и перстни; фрагменты киевских стеклянных сосудов, шаровидные и бипирамидальные бусы из горного хрусталя, шиферные пряслица, обломки византийских амфор. Картографирование этих находок позволяет определить границы города во второй половине XII – первой трети XIII в. (рис. 2). Приходится признать, что промежуток между попаданием города на

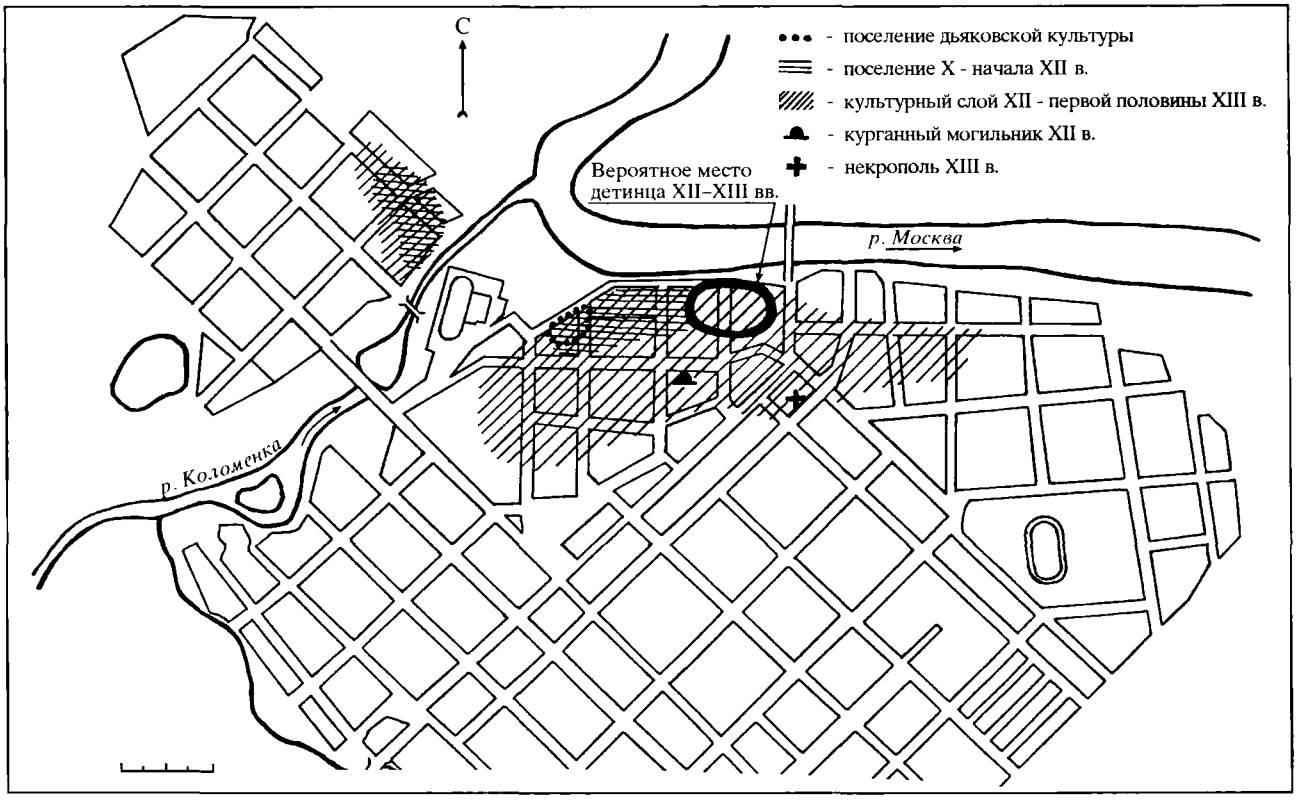


Рис. 2. Распространение культурного слоя Коломны конца XII – первой половины XIII в.

страницы летописи в 1177 г. и основанием Коломны был небольшим.

Южнее храма Николы Гостиного раскопками открыт древнейший некрополь Коломны (рис. 3). Первоначально он представлял курганное кладбище. Выявлены и изучены полный кольцевой ровик одного кургана и два участка ровиков от двух других насыпей. Погребение, вошедшее в раскоп полностью, было совершено по обряду трупоположения на горизонте. Судя по переотложенным вещам (семилопастное вятичское кольцо с орнаментом, переходным от первого ко второму типу по Т.В. Равдиной; однозигзаговый перстень), оно датируется около середины XII в. Примерно в 1170–1180-х годах на месте курганного некрополя возникает грунтовый могильник по чисто христианскому обряду погребения в домовинах в прямоугольных ямах. К нему относятся 7 вскрытых погребений. Показательно, что не позднее конца XII в. территория могильника занимается городской застройкой.

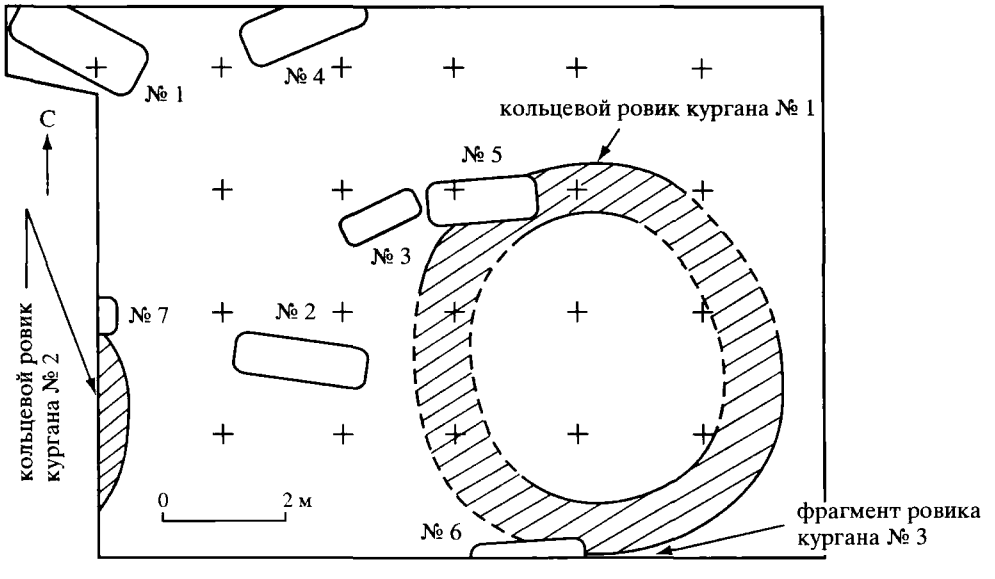


Рис. 3. Некрополь Коломны середины – третьей четверти XII в. Древнейший ярус представлен курганными захоронениями, более поздний – грунтовыми

Территория города второй половины XII – первой трети XIII в. очерчивается уверенно. Это почти весь кремль за исключением предвалья XIV в. (южной части) и сплошная территория на посаде между Москвой-рекой и линией Погорелая башня – Покровская церковь – перекресток улиц Москворецкой и Арбатской (рис. 2). В последнем пункте при наблюдениях в частично изученной яме XIII в. найдено более двух десятков шлаков, что позволяет предполагать ремесленную ориентацию данного участка уже в раннее время. В нагорной части посада застройка простиралась чуть южнее Пятницких ворот кремля 1525–1531 гг. Здесь зафиксирован некрополь XIII в. Отдельный очаг домонгольской застройки сформировался в районе храма Бориса и Глеба в Запрудах. В абсолютных цифрах территория домонгольской Коломны оценивается не менее чем в 30–35 га, причем в будущем (после детализация границ и накопления нового материала) можно ожидать ее увеличения. Картографирование домонгольского культурного слоя говорит о скачкообразном росте городской территории рубежа XII–XIII вв. Аналогичные процессы характерны для городов на очень большой территории Руси: от Южной Руси до Белоозера и от Гродно до Нижнего Новгорода и Городца на Волге. Если источники роста каждого конкретного пункта могут быть указаны, то общие причины столь впечатляющего скачка выглядят пока неясными. Важнейшей же причиной роста Коломны с конца XII в. стало основание тут княжеского стола в 1180-х годах (в составе Рязанского княжества). Именно заботой князя о привлечении новых горожан путем предоставления им "льготы и ослабы" надо объяснять резкий скачок в развитии Коломны конца XII – первой трети XIII в.

К сожалению, до сегодняшнего дня не найдены домонгольские укрепления Коломны. Подобная ситуация до известной степени парадоксальна, особенно учитывая, что кремль довольно плотно покрыт сетью исследованных участков культурного слоя (рис. 1). В натуре валы и рвы XII–XIII вв. здесь не сохранились. В первой половине XIV в. московские князья возвели в Коломне мощную новую цитадель, после чего древние валы и рвы были, скорее всего, срыты и спланированы. По-видимому, нельзя исключать, что коломенский детинец рязанского периода ее истории (XII–XIII вв.) располагался в северо-восточном углу кремля 1525–1531 гг., в районе Свибловой башни. Только данный район не охвачен охранными археологическими работами, что может объяснить загадочное отсутствие домонгольских укреплений. В пользу данной точки зрения можно привести несколько дополнительных аргументов:

1. Вдоль стены кремля от Пятницких ворот и далее к Застеночной и Свибловой башням, судя по ранним инструментальным планам, шел глубокий овраг, ныне почти исчезнувший. Он вполне мог быть использован при строительстве древнейшей городской крепости в качестве естественного оборонительного рубежа.

2. Предлагаемая локализация детинца XII–XIII вв. помещает его почти в центр распространения синхронного культурного слоя. И это срединное положение выглядит более логично, чем предположения о сквере "Блюдечко" как территории древнейшей крепости Коломны.

3. Очень веским доводом в пользу нашей версии является аномалия планировки Большого посада на дорегулярных планах XVIII в. в части основной градообразующей магистрали – ул. Большой Покровки. Дело в том, что она шла не напрямую к торгу и Пятницким воротам (возникшим на ныне существующем месте еще в деревянной крепости XIV в. – *А.М.*), а со значительным смещением в сторону Москвы-реки. Такое возможно только в случае наследования более ранней планировки, не связанной с новой крепостью XIV в., практически повторенной при Василии III. Если мы продолжим трассу улицы Покровки от "площади, что против Пятницких ворот" по прямой, то получим, что воротный проем в цитадели XIII в. находился в районе Застеночной башни. Но такое возможно только при расположении детинца в северо-восточном районе кремля 1525–1531 гг.

Зимой 1237/38 г. Коломна, как и многие города Руси, была разрушена во время Батыева нашествия. В последние дни декабря 1237 г. – в начале января 1238 г. под стенами Коломны состоялось крупное полевое сражение соединенных русских ратей (с участием владимирских, московских и остатков рязанских дружин) и монголов. Небольшая площадь домонгольского детинца Коломны, на порядок уступавшего укреплениям столичных центров, говорит о том, что войска стягивались сюда именно для полевой битвы. Существенное значение имеет и ремарка летописца о том, что остатки смятых русских полков были разбиты у надолбов. Под ними надо подразумевать какие-то укрепления посада с напольной стороны, поскольку гипотетическое место детинца повсюду окружено культурным слоем посада (подробный анализ сообщений о нашествии см.: *Мазуров*, 2001).

Обнаружен ли при исследовании слой монгольского разорения? При раскопках в восточной части кремля и прилегающих районах посада в ряде раскопов зафиксированы объекты (ямы, жилой сруб с печью) конца XII – первой половины XIII в., погибшие в пожаре. Последний фиксировался в непотревоженных профилях в виде 3–5 см угольно-пепельной прослойки. Вероятно, его возможно идентифицировать со слоем "Батыева разорения". Судя по топографическому контексту, в этом же пожаре погиб и другой сруб, обнаруженный в раскопе на ул. Пушкина, 3. Имеется и еще одно косвенное обстоятельство. В 1990 г. в раскопе у ц. Воздвижения Креста Господня вскрыт и изучен небольшой углубленный в материк сруб подпольной части жилища, опущенный в яму (*Мазуров*, 1991). С бревен сруба взяты образцы на дендроанализ, проведенный Н.Б. Черных и А.Ф. Урьевой. Два венца от сруба датированы 1240 г. Иными словами, выявлены следы возобновленной некоторое время спустя после нашествия городской застройки.

Коломна во второй половине XIII–XIV в.

Переходный критический период в развитии многих городов пришелся на середину – вторую половину XIII в. Эволюционное развитие по восходящей линии прерывается внешними факторами. Непосредственно затронувшее Коломну монгольское нашествие существенно изменило динамику ее развития. Судя по смене керамических традиций и отсутствию на многих изученных участках преемственности между до- и постмонгольской планировками произошла полная или частичная смена населения. На отдельных участках Коломенского кремля изучены ярусы застройки 1240-х и 1290-х годов, что свидетельствует о сравнительно быстром возрождении городской жизни. К концу XIII – началу XIV в. вновь фиксируется, хотя и не столь ярко, рост городской территории и освоение новых участков, что создает предпосылки для дальнейшего бурного роста. Причины этого следует искать в демографическом факторе: приливе населения с южных пограничных окраин за Оку.

Несмотря на распространенное мнение о том, что вторая половина XIII – начало XIV в. – время упадка городов Московской земли (*Юшко*, 1991. С. 126), рост городской территории Коломны продолжился и в послемонгольское время. В этот период осваивается пойменное понижение на правом берегу Москвы-реки по меньшей мере на 400–600 м вниз от кремля (рис. 4). В раскопе № 1 в порту "Коломна" в предматериковых комплексах присутствует почти 90% серой керамики, при отсутствии "классической" домонгольской. В то же время имеются находки, носящие пережиточный характер: обломок стеклянного браслета, византийская домонгольская бусина, шиферное пряслице. Но домонгольских напластований здесь нет. Указанные обстоятельства дали основание отнести освоение района ко второй половине или концу XIII в., но во всяком случае не позднее рубежа XIII–XIV вв. Раскоп попал на пограничье усадеб, маркируемое "гуляющими" канавками от частоколов. Границы усадеб были прямоугольны. Древнейшие ограды дворов поставлены на неосвоенном, слегка спланированном месте. Частокольные канавки раскопа № 1 забутованы либо чистой, либо слабогумусированной материковой породой и относятся к древнейшему периоду обживания. Аналогичное обстоятельство отмечено П.Г. Гайдуковым на Нутном раскопе в Новгороде (*Гайдуков*, 1992. С. 20). Имея в виду указанную датировку, следует заключить, что уже в это время городская община целенаправленно выделяла геометрически правильные дворовые участки на не освоенных прежде местах. Ровные прямоугольные участки небольшого размера, принадлежащие непривилегированному населению, открыты в Новгороде (Древняя Русь, 1984. С. 63). Они характерны для усадеб ремесленников. И в указанном коломенском раскопе слои второй половины (конца) XIII–XIV в. имеют ярко выраженную ремесленную характеристику (обработка железа, ювелирное и косторезное ремесло). В 75 м восточнее, в раскопе на ул. Арбатской древнейшие находки датировались второй половиной или концом XIV в. Древнейший

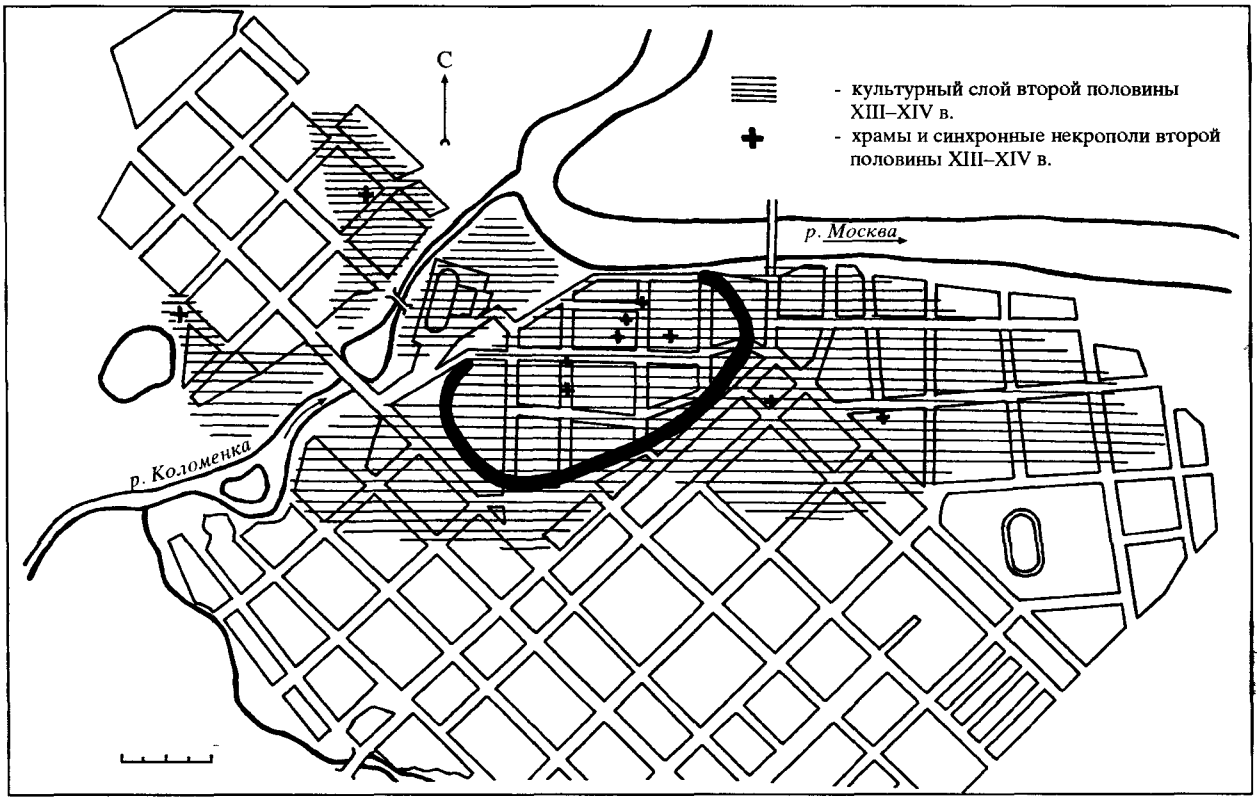


Рис. 4. Распространение культурного слоя Коломны второй половины XIII–XIV в.

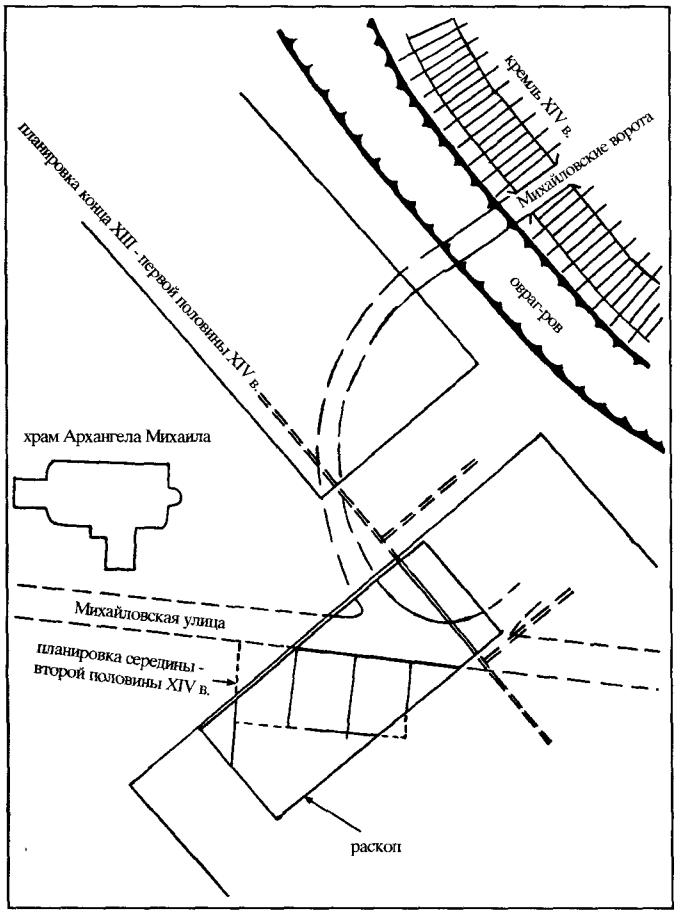


Рис. 5. Михайловский раскоп (по ул. Гранатной)

Реконструкция планировки конца XIII – первой половины XIV в. и середины – второй половины XIV в.

горизонт застройки зафиксировал разбивку на прямоугольные усадьбы, ориентированные на улицу, параллельную Москве-реке. Рост городской застройки вдоль реки – общая закономерность роста любого древнерусского города. Но в данном случае выявленные подробности проливают дополнительный свет в том числе и на проблемы социальной истории города и региона в целом.

В послемонгольское время осваивается значительный район к западу от сохранившегося прясла стены между Маринкиной и Грановитой башнями кремля 1525–1531 гг. В раскопе на ул. Гранатной в 1998–1999 гг. выявлены следы смены планировки (рис. 5). Сначала (в конце XIII – первой половине XIV в.) перпендикулярно р. Коломенке возник один ряд дворов вдоль Московской дороги и крупного оврага-балки. Позднее, около середины XIV в., топографическая ситуация резко меняется. От Ивановских ворот кремля к возникшей церкви Михаила Архангела прокладывается улица, вдоль которой единовременно нарезаются небольшие по размерам прямоугольные дворы ремесленников. Эта планировка уже ориентировалась на возведенный в первой половине XIV в. новый обширный кремль. Улица вела к Ивановским воротам, от нее же шло ответвление к Михайловским воротам в прясле стены.

Интересные данные для второй половины XIII – начала XIV в. получены при раскопках в кремле. В раскопе 1990 г. у церкви Воздвижения Креста Господня вскрыта мостовая начала 1290-х годов (дендрохронологическая датировка одного спила – 1293 г., два датированы предположительно 1290 и 1299 гг., еще четыре образца не датированы). Сопоставление дорегулярных планов Коломны XVIII в. и писцовой книги 1577/78 г. позволяет утверждать, что это начало улицы Ильинки. На всем протяжении вскрытого участка сохранились выбоины-колеи. Буквально через несколько лет из-за пожара выявленная планировка несколько сдвигается (так называемая "гуляющая" застройка). На более раннюю трассу улицы продвигается частокол, разделяющий две богатые усадьбы, также погибшие позднее в пожаре (датировано 12 образцов дерева: 4 – 1298 г., еще 4 – предположительно той же датой; 2 – предположительно 1294 и 1295 гг., 2 – не датированы). Подобное наблюдение дает основание говорить о древности дорегулярной уличной планировки Коломны, восходящей в своей основе, по меньшей мере, к концу XIII в. Выявленные усадьбы принадлежали в XIII–XIV вв. зажиточным горожанам, предположительно связанным с купеческой деятельностью (здесь найдены деревянный кустодий, 3 скорлупки грецких орехов, византийское и сирийское стекло, расписанное эмалями, 7 фрагментов золотоордынской поливной керамики, в том числе 2 – от замечательного сервиза (блюдо + пиала), изготовленного в нестандартной манере; фрагменты булгарской красноглиняной послемонгольской керамики, сердоликовый перстень) (*Мазуров*, 1991).

Слой XIV в. прослежен по территории всего кремля (рис. 4). Он маркируется напластованиями и комплексами с керамикой серой и красной грубой, при отсутствии курганной, и небольшим количеством красной лощеной (на отдельных объектах ее достаточно много), значительным количеством находок восточной поливной керамики, предметами западноевропейского стеклоделия (бусы, перстни, фрагменты сосудов), а также другими находками, имеющими значение при перекрестной датировке. В пределах современного кремля изучены относящиеся к XIV–XV вв. укрепления. Они возникли именно в XIV в.

Пожалуй, коломенские валы являются наиболее изученными на сегодняшний день фортификационными сооружениями раннемосковского времени для всего Северо-Востока Руси (*Мазуров*, 2000). Самый древний вал был насыпан не ранее начала – первой половины XIV в. и постоянно, на протяжении двухсотлетнего существования, досыпался и усиливался. Как уже показано в литературе, другие города Московского княжества укреплялись также в XIV в. (*Юшко*, 1991. С. 127–128. Рис. 39). Сам по себе факт постоянного совершенствования укреплений знаменателен, и, параллельно данным письменных источников, подчеркивает военное значение Коломны. Первый этап насыпи относится ко времени сразу после присоединения Коломны к Московскому княжеству. Совершенно очевидно, что московские князья вскоре после этого расширили и усилили укрепления

Коломны – важнейшего после Москвы города княжества (мы склоняемся к датировке второй четвертью XIV в. – временем Ивана Калиты, но не позднее 1340-х годов, когда после раздела княжества между его сыновьями Коломна досталась Симеону Гордому). Второй этап относится к середине XIV в. Третий этап датирован около 1376 г. Эта дата весьма многозначительна. Она дает возможность представить, как превентивно укреплялись крупные города княжества накануне решающего столкновения на Куликовом поле. Укрепления ремонтировались и после нашествия Тохтамыша 1382 г. Последующая менее значительная досыпка вала относится к середине – второй половине XV в. Очевидно, это случилось не ранее конца феодальной войны (1450-е годы), но и не позднее нового обострения отношений с Ордой в 1470-е годы. Особенно впечатляюще выглядит троекратное строительство фортификаций в XIV в.

Укрепления Коломны охватили большую площадь в 20–22 га (территория кирпичного кремля за счет небольшой выдвинутости в поле охватывает 24 га). Это примерно соответствует площади укреплений Москвы XIV в. (кремль Калиты 1339 г. и белокаменный кремль 1367–1368 гг.). Таким образом, по территории, охваченной фортификациями, Коломна также может считаться вторым после Москвы городом-крепостью Московского княжества. Понять исключительное место Коломны помогают сравнительные данные о размерах кремлей в центрах пограничных с Московским княжеством регионов: Переяславля Рязанского (12 га), Твери (19 га), верховских городов Карачева (5,9 га), Козельска (5,4 га) (домонгольские укрепления), Новосиля (3 га), Одоева, Воротынска и Белева (1,3–1,5 га). Строительство столь крупных крепостей XIV в., как Коломна, было возможно лишь при организующей роли сильной княжеской власти, обладавшей крупными внутренними ресурсами. Как показали раскопки коломенских валов, уже в первой половине – середине XIV в. возможности московских князей были весьма большими.

Мы рассмотрели одну из важнейших составляющих плана города XIV в. – его укрепления. В XIV в. формируется главная улица кремля – Большая. Думать так позволяет картографирование одних из наиболее социально престижных и дорогих вещей XIV в. – восточной поливной керамики. Большинство этих находок (причем наиболее разнообразных по типам) встречены на усадьбах, выходящих с юга на ул. Большую (*Мазуров, Коваль*, 2003). Завершая рассмотрение топографии кремля XIV в., отметим, что в это время возникают два крупнейших усадебных комплекса – великокняжеский и владычный дворы, а также главный городской собор – Успенский. Н.Н. Воронин считал, что не позднее 1366 г. строится в камне Воскресенская церковь, входившая в комплекс великокняжеского двора (*Воронин*, 1962. С. 187). Но работы М.Х. Алешковского 1970 г. опровергли это мнение: следов строительства XIV в. ни в кладках, ни в примыкающем к фундаментам культурном слое не выявлено. Однако с данной церковью связана великолепная икона второй половины – конца XIV в. – "Сошествие во ад" (*Смирнова*, 1988. С. 270). Она являлась храмовой и упомянута здесь уже писцами в 1570-х годах (Писцовые книги, 1872. С. 301). Вероятно, она перенесена в каменную постройку из более древней деревянной церкви, расположенной на том же месте и выходившей на Соборную площадь коломенского кремля. Как показали наши раскопки, Воскресенский храм возник в начале – первой половине XIV в. Его появление связано с обустройством в Коломне двора московских князей (*Мазуров*, 1998).

Обратимся теперь к посаду XIV в. Хорошо выраженный слой этого времени отложился в раскопах № 1, 2 в порту "Коломна", он отмечен при наблюдениях у пересечения ул. Арбатской и Москворецкой, но насколько простирался вниз по течению Москвы-реки – неизвестно. Крайняя точка его распространения в нагорной части отмечена при наблюдениях у церкви Николы-на-посаде (на ул. Арбатской) и у пересечения ул. Посадской и Островского. В предматериковых слоях здесь собрана красноглиняная грубая и серая керамика, что датирует начало отложения слоя не позднее XIV в. Констатация данного факта означает, что городская застройка развивалась по еще одной "пробойной" улице – Большой Покровке в направлении села Бабышево (первое упоминание – 1389 г.) уже в XIV в.

В XIV в. расцвет переживает район к западу от прясла стены между Маринкиной и Грановитой башнями кремля. Здесь работают гончары (вероятно, выводцы из Волжской Болгарии), мастера по обработке меди и косторезы.

К XIV в. уже функционировали магистральные дороги, соединяющие Коломну с крупными городскими центрами Руси. Эти дороги являлись продолжениями городских улиц. Так, например, Клязьмина улица после пересечения р. Репинки становилась дорогой на Каширу (впервые как волость упоминается в 1350-х годах). И уже в раннее время вдоль этих дорог возникают очаги городской застройки, села и монастырские ансамбли. Не позднее времени вхождения Коломны в состав Московского княжества начала действовать дорога на Москву. Она хорошо известна по циклу повестей о Куликовской битве. Близ этой дороги возникла и развивалась коломенская слобода Запруды, впервые поименованная в XVI в. (Писцовые книги, 1872. С. 310, 313). К сожалению, этот район археологически обследован крайне слабо. Однако из церкви Бориса и Глеба (приходского центра слободы) происходит храмовая икона XIV в. "Борис и Глеб в житии" (*Смирнова*, 1988. С. 267). При шурфовке близ стен церкви выявлен некрополь XIV в. Следовательно, есть веские основания датировать возникновение здесь приходского деревянного храма, а значит и застройки при нем, временем не позднее XIV в. Летописное сообщение 1381 г. свидетельствует о существовании дороги на Переславль Залесский с ответвлением на Владимир (ПСРЛ. Т. 18. С. 131). Эти дороги, судя по всему, функционировали еще с домонгольского времени. В конце XIV – начале XV в. близ указанной дороги в 1,5 км от города возникает Богородице-Рождественский Бобренев монастырь. По дороге, идущей к Девичьему полю и далее на Рязань, возникает село Репинское (не позднее 1389 г.). В 1 км вверх

по р. Коломенке около середины XIV в. в селе Городищах начинает функционировать загородная владычная резиденция. Село как центр епископских владений и его загородная резиденция известно с 1570-х годов (Писцовые книги, 1872. С. 385). Но здесь расположена небольшая, явно входившая в загородный ансамбль церковь Зачатия Иоанна Предтечи второй половины XIV в. (*Альтшуллер*, 1977. С. 169–173). Таким образом, формирование епископского двора загородного типа с каменным храмом надо отнести ко времени не позднее этой даты. Вероятно, село было пожаловало великим московским князем коломенскому владыке сразу же после учреждения епархии. До этого оно было великокняжеским, причем посвящение храма Иоанну Предтече – патрональному святому Ивана Калиты, возводит существование села ко второй четверти XIV в. Археологически здесь, под слоем белокаменного строительства у стен церкви выявлен культурный слой XIII–XIV вв. Наконец, близ слияния Москвы-реки и Оки в 1385–1386 гг. возникает и Старо-Голутвинский монастырь. Здесь также открыт белокаменный храм конца XIV в., что принципиально подтверждает свидетельство "Жития Сергия Радонежского" о его основании. По косвенным данным, уже в XIV в. существовали Спасский, Мироносицкий и Петропавловский монастыри (все располагались в городе). Таким образом, к концу XIV в. в Коломне было не менее 5 монастырей.

Резкий рост конфессионального самосознания фиксируется не только увеличением числа монастырей в XIV в., но и становлением приходской системы. К XVI в. в Коломне, по данным писцовой книги 1577/78 г., имелось более 20 приходских храмов. Мы не имеем никаких данных о количестве храмов в домонгольской Коломне. Не приходится, однако, сомневаться, что оно было очень невелико. В XIV в. ситуация резко меняется. Возникает целая сеть храмов, построенных городским населением – фактически происходит становление приходской системы города. Выше уже говорилось о храме Бориса и Глеба (существование его в XIV в. документировано некрополем и храмовой иконой того же времени). Некрополь конца XIV – первой половины XV в. неизвестного по посвящению храма открыт на берегу Бельского озера (Архиерейского пруда). Некрополь XIII–XV вв. с несомненными следами братских захоронений XIII в. (одноуровневые слабозаглубленные прямоугольные котлованы с несколькими костяками) открыт в районе храма Норовской иконы Божией Матери, известного по писцовой книге позднегрозненского времени. По косвенным данным (планировка улицы и проулка XIV–XV вв. на раскопе на ул. Гранатной) с очень большой долей вероятности предполагается существование храма Архангела Михаила. Ранний некрополь, начавший функционировать не позднее первой половины XIV в. обнаружен и при шурфовке у стен храма Николы Гостиного. Это тем более интересно, что может трактоваться как свидетельство создания столь раннего по времени храма корпорацией коломенских купцов, специализировавшихся на международной торговле. Периферия несомненно регулярного кладбища XIV в. с канавками прицерковной ограды раскопана близ храма Симеона Богоприимца, существовавшего в XVI–XVIII вв. Таким образом, сейчас имеются достоверные сведения о возникновении в послемонгольское время не менее семи некрополей (и следовательно, приходских храмов). К этому можно добавить, что в середине XIV в., несомненно, возник кафедральный Успенский собор, в последней четверти XIV в. – загородный храм епископа в с. Городищах, а также домовый храм великокняжеского двора (первая половина XIV в.).

Мы рассмотрели значительный по объему комплекс сведений, относящихся к Коломне и ее ближайшей округе XIV в. Подведем некоторые итоги. Именно XIV век стал эпохой расцвета города, причем основы его подъема были заложены в более раннее время – во второй половине – конце XIII в. В XIV в. уже сложились основные звенья градостроительной структуры – главные улицы, трассирующие дороги, наиболее крупные усадебные комплексы, городские площади, монастырские ансамбли. В XIV же веке оформилась и городская округа: ближние села с устойчивым владельческим статусом и монастыри.

Развитие Коломны после вхождения в состав Московского княжества в первой половине XIV в. резко интенсифицируется. Она превращается в домен старшего князя московского княжеского дома Калитовичей. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. предстают перед нами как преимущественно княжеские центры. Для Коломны это характерно вдвойне. Именно созидательная деятельность московских князей привела к масштабным изменениям: возникновению новой топографической модели, просуществовавшей до конца XVIII в.; строительству новых мощных укреплений; началу каменного строительства храмов; качественно новому этапу в церковной жизни (учреждению епархии; созданию сети монастырей во главе с архимандритом; увеличению числа приходских храмов). Все это превращает Коломну во второй по значению город Московского княжества, статус которого стал понижаться только с 1470–1480-х годов по мере присоединения Иваном III новых обширных территорий.

Таким образом, в XIII в. в исторической биографии Коломны произошла смена вектора исторического развития. После предмонгольского расцвета она прошла период короткого упадка, к концу XIII – началу XIV в. полностью восстановилась и вступила в новый этап развития, но уже на принципиально новой основе – как поднимающийся великокняжеский город в составе Московского княжества.

Литература

Альтшуллер Б.Л., 1977. Бесстолпные храмы XIV века в Коломне // СА. № 4.

Воронин Н.Н., 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М. Т. 2.

Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец древнего Новгорода: Нутный раскоп. М.

Гумилев Л.Н., 1992. От Руси к России. М.

Древняя Русь: Город. Замок. Село. М., 1984. (Археология СССР).

Кривошеев Ю.В., 1999. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб.

Мазуров А.Б., 1991. Итоги археологических работ 1990 года в Коломенском кремле // Археология Верхнего Поволжья: Материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Нижний Новгород.

Мазуров А.Б., 1998. Новые исследования храма Воскресения // Материалы для энциклопедии "Коломенский край". Коломна. Вып. 5.

Мазуров А.Б., 2000. Оборонительные сооружения Коломны XIV–XV вв. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М. Ч. III. (Тр. МИГМ. Вып. 10.)

Мазуров А.Б., 2001. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.

Мазуров А.Б., Коваль В.Ю., 2003. Керамический импорт средневековой Коломны // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М. (Труды МИГМ). В печати.

Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч. I, отд. 1.

ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18: Симеоновская летопись.

Смирнова Э.С., 1988. Московская икона XIV–XVII вв. Л.

Феннел Дж., 1989. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.

Фроянов И.Я., 1995. О возникновении монархии в России // Дом Романовых в истории России. СПб.

Юшко А.А., 1991. Московская земля IX–XIV веков. М.

П.Д. Малыгин

Судьбы Торжка и Твери в XIII веке

К концу XIII в. окончательно сформировался Новгородско-Тверской рубеж (ГВНП, 1949. № 4–7), который стал как фактической, так и символической внутренней границей Древней Руси, разделявшей мир боярских республик и мир древнерусских автократий. Главными представителями этих миров, расположенными вплотную к этой границе, можно назвать Торжок и Тверь, разделенные расстоянием всего в 60 верст. Уже только поэтому судьбы этих городов вызывают значительный интерес.

XIII век для Торжка начался завершением строительства и росписи фресками плинфеного храма в Борисоглебском монастыре смоленскими или черниговскими мастерами, приглашенными в этот город (*Малыгин, Салимов*, 1990. С. 37–39; 1991. С. 243–255). Торжок был уже сформировавшимся, старым городом Новгородской земли (напомню, что древнейшая деревянная мостовая в новоторжском кремле датируется рубежом X–XI вв. – первой половиной XI в. (*Малыгин*, 1984. С. 82, 83)). Перед событиями 1238 г. город переживает пору экономического и политического расцвета. Тверца, на сужении в среднем течении которой расположился Торжок, была главной торговой (хлебной) дорогой для Новгорода. Оформился сместной порядок, представленный с новгородской стороны посадниками, а с другой – князьями-наместниками, один из которых – Давид Ростиславович – при поддержке своего могущественного отца Ростислава Смоленского уже в 1158–1560 гг. попытался организовать в Торжке особое княжение (*Малыгин*, 1996. С. 80). Княжеской резиденцией в Торжке выступало Верхнее Городище, а боярским центром с центральным городским собором Спасо-Преображения и вечевой площадью – Нижнее Городище (*Малыгин*, 1996. С. 78–82). Комплекс этих двух городищ стал своеобразной микромоделью Рюрикова Городища и Новгородского Детинца.

Весьма интересны наблюдения над бытованием в летописях названия города в двух вариантах: "Новый Торг" и "Торжок". Древнейший и наиболее детально отображающий историю Торжка летописный источник – НПЛ фиксирует название "Новый Торг" в период с 1139 по 1195 г. и под 1197 г. Под 1196 и 1215 гг. название "Новый Торг" сосуществует с названием "Торжок". В НПЛ содержится еще одно весьма необычное известие о Новом Торге под 1300 г.: "Того же лета, весне, погоре Новыи торгъ" (НПЛ. С. 91, 330). От попыток связать в данном случае "Новыи торгъ" с каким-либо другим городом следует отказаться. Стратиграфические наблюдения показывают, что на Нижнем городище угольных прослоек, которые можно связать с пожаром, в слое конца XIII – начала XIV в. не прослеживается. Однако на Верхнем городище под слоем, из которого происходит печать Саввы, наместника новгородского архиепископа Давида (1309–1325), отчетливо фиксируется прослойка черного гумуса с углем (*Малыгин*, 1981. С. 17, пласт 12, квадрат 21). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что пожар 1300 г. произошел на Верхнем Городище[1], и, соответственно, "Новый Торг" – это крепость на Верхнем Городище, которую нужно связать с резиденцией князя и его наместников. Весьма показательно, что первое упоминание о "Торжке" (без сочетания с названием "Новый Торг") в НПЛ под 1210 г. дается в контексте с первым упоминанием о новоторжском посаднике, а упоминание "Торжка" под 1211 г. – в сочетании с известием о новгородских волостях: "... князь Мьстиславъ... самъ иде на Тържькъ блюсти волости..." (НПЛ. С. 51, 52, 249). В договорных грамотах Новгорода с князьями Новоторжская волость неизменно именуется "Торжком". Сочетание названий "Новый Торг" и "Торжок", встречаемое в НПЛ под 1196 и 1215 гг., совпадает с периодом уходов князей из Новгорода и попытками ликвидировать сместной порядок в Торжке.

Таким образом, есть основания для предположения, что под термином "Торжок" в НПЛ фигурирует новгородская боярская "часть" (прежде всего Нижнее городище), а под термином "Новый Торг" – княжеская "часть" (Верхнее городище). Скорее всего, "новым" Новый Торг назван по отношению к древнему Нижнему городищу. Предложенное объяснение двойного наименования города раскрывается в знаменитых словах князя Мстислава Удатного, произнесенных на новгородском вече после ухода в 1215 г. из Новгорода в Торжок Ярослава Всеволодовича: "... да не будеть Новыи търгъ Новгородомъ (над Новым городомъ), ни Новгородъ Тържькомъ (под Торжькомъ), нъ къде святая София, ту Новгородъ..." (НПЛ, 1950. С. 55, 254). Слова Мстислава принято считать символическими. На мой взгляд, в них заложен конкретный смысл. "Новый Торг" претендует стать Новгородом, так как Ярослав Всеволодович пытается

[1] При разорении Торжка в 1315 (1317) г. тверским князем Михаилом Ярославичем, как свидетельствует Тверская летопись, были сожжены лишь посады ("пригород") Торжка (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 408).

перенести сюда княжеский стол, Новгород же не может находиться под властью "Торжка", так как "Торжок" – центр лишь одной из новгородских волостей.

С рубежа XII–XIII вв. Торжок становится своеобразным трамплином для князей, претендовавших на Новгородский стол. Главным оружием этих князей стали хлебные блокады Новгорода, организуемые в Торжке (*Малыгин*, 1990. С. 18, 21). Считается, что Торжок постоянно разрушался во время феодальных войн, но это не верное представление, так как в подавляющем большинстве это были захваты княжеской резиденции (Верхнего городища) и смена княжеских наместников (*Малыгин*, 1990. С. 25, 26). Одновременно центральной новгородской республиканской властью в Торжок назначаются посадники. Но такой порядок уже в 1229 г., когда из Новгорода был направлен посадник Иванко, наталкивается на зреющие сепаратистские настроения новоторжцев (*Малыгин*, 1996. С. 81; НПЛ. С. 68, 274). Город растет и богатеет, на боярских и купеческих усадьбах раскопками обнаружены предметы импорта (амфоры, грецкие орехи, янтарь, изделия из самшита), а также вислые печати и 19 берестяных грамот домонгольского периода. Исследования культурного слоя показывают, что напластования, содержащие стеклянные браслеты середины XII – конца XIV в., занимают по двум берегам Тверцы колоссальную площадь – свыше 100 га. В центре этой территории возвышался центральный Спасо-Преображенский собор, впервые упомянутый под 1163 г., в южной части города располагался Борисоглебский монастырь с плинфеным храмом, а на его северной окраине с 1215 г. упоминается Рождественский монастырь (*Малыгин*, 1989б. С. 85–96)[2].

Вершиной политической истории домонгольского Торжка стали события 1215–1216 гг., когда Ярослав Всеволодович попытался перенести свою княжескую резиденцию из Новгорода в Торжок (*Малыгин*, 1996. С. 81, 82). Именно при описании этих событий летописями *впервые* зримо и основательно проявляется Тверь. Первое упоминание Твери в летописях под 1209 г. весьма туманно, так как не понятно идет ли речь о поселении Тверь или о реке одноименного названия (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 435). Кстати, именно это совпадение названий составляет одну из серьезных источниковедческих проблем ранней истории Твери. В 1215 г. князь Ярослав Всеволодович "поточи" новоторжского посадника Фому Доброщинича "на Тьхверъ" (НПЛ. С. 53, 252). Летописная повесть о битве на Липице говорит о перемещениях Ярослава Всеволодовича из Торжка в Тверь в это же время (Памятники литературы Древней Руси, 1981. С. 114–116). И тем не менее, XIII в. следует считать временем лишь формирования Твери как города. Исследователи, знакомые с результатами изучения Твери, видимо удивятся этому заявлению. Ведь есть гипотеза *В.А. Кучкина о существовании Твери в* 1140-х годах. Тверь упоминается в Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери (по В.А. Кучкину в 1160-х годах (*Кучкин*, 1984. С. 226–230)), первая берестяная грамота из Твери датируется концом XII в. (*Жилина*, 1987а. С. 214). Имеются дендродаты из раскопок Твери – 1150–1160-е (*Дворников*, 1997. С. 96) и 1180-е годы (*Жилина*, 1987б. С. 6). И все-таки есть, на мой взгляд, веские основания считать, что Тверь в XIII в. переживает лишь пору своего становления.

Основания археологические

Прежде всего, следует отметить, что территория Твери – это крупный гидроузел, плотно заселенный как минимум с эпохи неолита. В Твери несомненно городской "влажный" культурный слой отложился на весьма ограниченной площади, за пределами которой слои домонгольского времени сельских поселений могут быть приняты за городские слои.

Для ранних дендродат в культурном слое весьма необычен "фон" распределения стеклянных браслетов. Максимальное их количество приходится на предматериковые слои, а это указывает на первую половину XIII в. (*Малыгин*, 1989а. С. 149–151). В Твери, в том числе в слоях с ранними дендродатами, крайне незначителен процент керамики с "секировидными" венчиками. А именно эта керамика, чрезвычайно распространенная в Новгороде и Торжке (а также в курганах), маркирует слои до рубежа XII–XIII вв. (*Малыгин*, 1991. С. 200, 202, 214).

Основания топографические

Древнейшие слои с дендродатами приурочены не к центральной части Тверского Кремля, а к узкой полосе вдоль правого берега Волги. Расположение древнейших монастырей в центральной части Твери весьма ограничивает площадь средневекового города: в устье Тьмаки – Федоровский монастырь, упоминаемый с самого начала XIV в. (*Рикман*, 1953. С. 47), а в кремле, в районе архиерейского дома, известен по писцовой книге 1626 г. запустевший еще в XVI в. Троицкий монастырь (Выпись из Тверских писцовых книг..., 1901. С. 12, 13). Церковь Николы на Зверинце в Затьмачье также указывает на ограниченную территорию средневековой Твери. Что касается тверского Отроча монастыря, то М.Н. Тихомиров и Л.В. Алексеев резонно отметили, что упоминаемый в летописи под 1206 г. Отроч монастырь связан не с Тверью, а со Смоленском (*Тихомиров*, 1956. С. 419; *Алексеев*, 1980. С. 243). Это согласуется и с "Повестью о Тверском Отроче монастыре", которая относит его основание ко второй половине XIII в. и говорит о предварительной вырубке леса на месте строительства этой обители (Памятники литературы Древней Руси, 1988. С. 112–120).

Основания летописные

Обращает на себя особое внимание статья Воскресенской летописи, которую традиционно не берет в расчет большинство современных исследователей: "Князь великий Ярослав Всеволодовичь, по Батыеве

[2] Последние архивные изыскания Л.А. Быковой позволяют считать первым упоминанием о Рождественском монастыре 1163/64 г.

пленении, прииде из Новагорода с детьми своими, и нача грады, разоренныя от Батыя, ставити по своим местам, и на Волзе постави град воименова его Тверью, по Тверце реке, а наперед того в том месте град не был, а посади на Твери сына своего меншого Ярослава, и великым князем его нарече, и оттоле наста великое княжение Тверьское" (ПСРЛ. Т. 7. С. 245). Эта оригинальная статья находит, на мой взгляд, косвенное подтверждение в других летописных сводах.

1. Летопись Авраамки в недатированной части отмечает нечто близкое к известию Воскресенской летописи: "А се колено пошло Тферьских князей: Ярослав Великого Новагорода, Великого Александра отец, Всеволода ... сын; тои Ярослав посади на княжение в Тфери сына своего Ярослава, брата великого Александра" (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 311). О том, что концепция возникновения Твери, изложенная Воскресенской летописью, была весьма популярной, свидетельствует и пересказ этого летописного известия, помещенный в сочинении А. Мейерберга (XVII в.) (Утверждение династии, 1997. С. 137).

2. Традиционно признаком зрелости средневекового города считается и оформление названия горожан. Летописные источники единодушно начинают упоминать "тверичей" лишь с 1245 г. (НПЛ. С. 79). Для сравнения достаточно вспомнить известие 1215–1216 гг. (Памятники литературы Древней Руси, 1981. С. 114–117), в котором Тверь упоминается 5 раз, но ни разу не называются тверичи, хотя тут же речь идет о новгородцах, новоторжцах, смолянах, псковичах и ростовцах.

Получается, что сразу после 1238 г. в Тверском гидроузле возникла особая демографическая ситуация, видимо, подобная ситуации 1293 г., когда "множество людей избеглося во Тферь изъ иных княженеи" (ПСРЛ. Т. 25. С. 157). Этой ситуацией и воспользовался Ярослав Всеволодович, чтобы заложить новый город Тверь.

Существует гипотеза Н.В. Жилиной о статье Воскресенской летописи как свидетельстве расширения тверских укреплений (*Жилина*, 1999. С. 53). Гипотеза на первый взгляд весьма логична – в мысовой части Тверского кремля (не исследованной археологически) имеется место для небольшого укрепления. Но непонятным оказывается название крепости Тверь, расположенной в устье Тьмаки, в 1,5 км от впадения Тверцы в Волгу. Поэтому более перспективным объяснением статьи Воскресенской летописи может считаться точка зрения о Глинном городище напротив впадения Тверцы как древнейшем (домонгольском) укрепленном поселении на территории Твери (*Малыгин*, 1994. С. 124, 125).

Исследования О.М. Олейникова и сотрудников его экспедиции показали, что вал Тверского кремля, ограничивавший значительную территорию в 17–19 га, начал сооружаться как раз в первой половине – середине XIII в. (*Олейников и др.*, 2001). Грандиозные фортификационные мероприятия Ярослава Всеволодовича касались, видимо, и тверского торга. Данные Писцовой книги 1626 г. не оставляют сомнений в том, что в начале XVII в. основные торговые ряды и гостиный двор находились в кремле, в его юго-восточной части (Выпись из Тверских писцовых книг..., 1901. С. 50, 51). Писцовая книга 1685 г. фиксирует торговые ряды и гостиный двор на традиционном месте на Загородском посаде, а в кремле отмечаются места, "что бывали встарь ряды" (*Щенков*, 1980. С. 30). По мнению Э.А. Рикмана, опиравшегося на летописную статью 1537 г., в средневековой Твери имелось несколько торгов (на Загородском и Затьмацком посадах), а местоположение торговой площади на Загородском посаде традиционно и для XIV–XV вв. (*Рикман*, 1953. С. 46, 47). Действительно, Писцовая книга 1626 г. фиксирует на Загородском посаде место, где "бывали старые ряды, а ныне запустели", но их размеры 40 × 30 сажень никак не вяжутся с главным торгом большого средневекового города. А это указывает на то, что изначально тверской торг находился внутри кремля. И в этом отношении характерно довольно позднее упоминание о Тверских посадах (1375 г.) (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 458; Т. 5. С. 234) и раннее упоминание о торге (1327 г.) (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 416). В древнерусских городах торги, как правило, возникали вне городских стен, за их чертой (*Тихомиров*, 1956. С. 248). Ситуация же с тверским торгом делает его положение весьма необычным для большинства средневековых городов.

Наконец, о том, что XIII в. – время формирования Твери как города, говорит история центрального храма Твери. Без сомнения, наличие на поселении центрального храма с соответствующим посвящением – один из важнейших индикаторов города. В Твери мы наблюдаем весьма необычную ситуацию. До 1285 г. главным храмом Твери выступает деревянная церковь Козмы и Дамиана, т.е. храм с совершенно не типичным для центрального городского собора посвящением.

Думаю, глубоко ошибочно считать, что после смерти первого тверского князя Ярослава Ярославича политическая активность Твери снижается (*Салимов*, 1994. С. 20). При Ярославе политической активности самой Твери практически не прослеживается. Похоже, что в своей политической программе Ярослав Ярославич отводил тверской вотчине более чем скромное место. Исключение составляет лишь сооружение собора Отроча монастыря. Всю свою энергию Ярослав направил на Новгород и стольный Владимир. Чего стоит один Устав Новгороду "о мостех", который В.Л. Янин датирует 1265–1267 гг. и непосредственно связывает с деятельностью Ярослав Ярославича (*Янин*, 1991. С. 146, 147). Вовсе не фигурирует Тверь и в договорах Ярослава с Новгородом, в отличие от аналогичных договоров Михаила Ярославича Тверского (сравните: ГВНП, 1949. № 1–3 и 4–13). Как это ни покажется парадоксальным, именно смерть Ярослава Ярославича "в Татарехъ" и, главное, его погребение "въ Тфери у святою Козмы и Демьяна" в 1271/72 г. (НПЛ. С. 89, 321), стали началом настоящей политической активности Твери. Погребение Ярослава в Твери было необычным прежде всего тем, что нарушало традицию захоронения великих владимирских князей в стольном городе на Клязьме (*Малыгин*, 1998. С. 46). Можно лишь предполагать, что инициатором погребения Ярослава в

Твери стал его старший сын и, возможно, уже появившийся в Твери бывший полоцкий епископ Симеон, с которым Святослав мог наладить контакты, будучи псковским князем. Для Твери эти похороны, думается, были крайне важны. Уже под 1273 г. новгородские летописи с чрезвычайной серьезностью заговорили и о Святославе, и о Твери (НПЛ. С. 322). Наконец, под 1285 г. летописи сообщают: "... преже было Козма и Дамиан, и преложиша во имя святого Спаса" (ПСРЛ. Т. 18. С. 81). По мнению Э.А. Рикмана, этим актом "князь Михаил хотел, чтобы своей патрональной церковью Тверь сравнялась со старинными Черниговом, Ярославлем, Торжком, а главным образом с Переяславлем Залесским, по примеру собора которого и был, быть может, назван собор в Твери" (*Рикман*, 1949. С. 132, 133)[3].

Особо следует остановиться на теме последствий событий 1238 г. для двух рассматриваемых городов. Ни Лаврентьевская летопись, ни Рогожский летописец не отметили разорения Твери в 1238 г. В НПЛ зафиксировано, что "оканьнии ... взяша Москву, Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тферъ..." (НПЛ. С. 76, 288). Тверская летопись имеет оригинальную вставку: "...а инии Тферь шедше взяша, въ ней же сына Ярославля (Ярослава) убиша..." (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 369). До сих пор археологическими исследованиями Твери какие-либо следы 1238 г. зафиксировать не удается. Если они имеются, то ожидать их нужно в районе так называемого Глинного городища напротив устья Тверцы.

Рассказ НПЛ о героической обороне Торжка стал хрестоматийным (НПЛ. С. 76, 288, 289). Это действительно наиболее подробное описание в череде событий 1237–1238 гг. Монголо-татары в течение двух недель обстреливали Новоторжскую крепость из "пороков", защищенных заранее сооруженным "тыном". Новоторжцы, возглавляемые посадником Иванко и боярами Якимом Влунковым, Глебом Борисовичем и Михаилом Моисеевичем, не получив помощи из Новгорода, "в недоумении и страсе" держали оборону. 5 марта неприятель ворвался в крепость и "исекоша вся": мужское и женское население, священников и монахов. Затем монголо-татары двинулись "Серегерьским путемь" к Новгороду. Археологические исследования 1981 г. на Нижнем городище Торжка явно указывают на катастрофические последствия двухнедельной обороны города. Слой пожара 1238 г. достигает мощности 30–50 см, в нем обнаружены человеческие кости и спекшиеся от огня остатки икон (*Малыгин*, 1984. С. 79). Раскопки 1984–1985 гг. в южной части Нижнего городища (*Малыгин*, 1987. С. 35–37) показали, что мощные срубы крепостной стены 1164–1187 гг. после 1238 г. были заменены на частокол (!), сооруженный из остатков построек 1202–1207 гг., а новая срубная стена была возведена только в 1288 г. Последний домонгольский настил набережной улицы, сооруженный в 1218 г., был возобновлен лишь спустя 70 лет, в 1288 г. Исследования 1999 г. позволили восстановить основные этапы строительства на левобережном посаде Торжка. Улица (Воздвиженская), сохранившая 3 яруса настилов, древнейший из которых датируется 1180-ми годами, прекратила существование, очевидно, в 1238 г. Вместо нее к XVII в. появляется улица, имеющая иное направление и ведущая к броду через Тверцу, что отчетливо видно на плане города Э. Пальмквиста 1674 г. (*Пальмквист*, 1993. С. 32). Вдоль Воздвиженской улицы к 1160-м годам сформировались границы усадеб А и Б, а к началу 1230-х годов – усадеб В и Г. Катастрофа 1238 г. уничтожила полностью усадьбы А и Б, на их месте застройка возобновилась лишь в XV в. На усадьбах В и Г после 1238 г. жизнь продолжается, но ни в какое сравнение с домонгольским периодом, судя по археологическим находкам, не идет. Лишь с конца XV в. здесь возобновилась интенсивная застройка. Столь длительный кризис левобережного посада можно объяснить не только монголо-татарским разорением, но и началом расцвета соседней Твери, и усилением ее воинственных князей, претендовавших на Новгородское княжение. Затверецкий посад, на котором до 1238 г. жили богатые новоторжские купцы, стал крайне опасным для обитания кварталом города. Жизнь здесь замерла фактически на 250 лет и активно возобновилась уже в московское время.

Изучение хронологии новоторжских (*Малыгин*, 1992. С. 6–8) и тверских (В.А. Лапшин) древностей позволяет сделать важные выводы. Находки из Торжка, в целом, традиционны в рамках новгородской хронологии, несмотря на географическую оторванность города от Новгорода (от Торжка до Новгорода водным путем – 450 км). Для соседней с Торжком Твери характерно явное хронологическое омоложение ряда категорий находок по сравнению с верхними датами новгородской хронологии[4].

Таким образом, на примере Торжка и Твери мы имеем для XIII в. два во многом разных города и две судьбы. Торжок – старый, сформировавшийся город, после 1238 г. переживает свой первый глубокий кризис (экономический и политический). Тверь – новый город, который только формируется и в 1285 г. приобретает каменный собор с соответствующим городским посвящением. Градообразовательный процесс в Твери, очевидно, задержался из-за наличия нескольких крупных, видимо, догородских поселений на гидроузле Волга – Тверца – Тьмака. XIII в. для Твери, несмотря на монголо-татарское нашествие, – время становления и бурного роста. Что касается городской топографии, то для Торжка характерна планировочная стабильность (особенно в центральной укрепленной части). А вот для центральной части Тверского кремля В.А. Лапшин отмечает крайнюю неустойчивость планировки (*Лапшин*, 1995. С. 65, 66; *Лапшин и др.*, 1996. С. 44, 45; 1997. С. 46–48).

[3] Столь длительный период (1271–1285 гг.) переименования центрального храма Твери можно связывать и с весьма сложными взаимоотношениями тверских князей (прежде всего Ярослава Ярославича) с митрополитом Кириллом (НПЛ. Под 6778 г.).

[4] Благодарю В.А. Лапшина за данную информацию.

Литература

Алексеев Л.В., 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.

Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева 1626 года: Город Тверь. Тверь, 1901.

ГВНП. М.; Л., 1949.

Дворников А.С., 1997. К датировке древнейших отложений раскопа № 9 в Тверском Кремле // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 2.

Жилина Н.В., 1987а. Тверская берестяная грамота № 1 // СА. № 1.

Жилина Н.В., 1987б. Тверь в период XII–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Жилина Н.В., 1999. Тверской кремль: этапы строительства укреплений и хронология культурного слоя // Кремли России: Тез. докл. всероссийского симпозиума. М.

Кучкин В.А., 1984. Возникновение Твери и проблема тверского гостя в "Рукописании" Всеволода // Древнейшие государства на территории СССР. 1983 год. М.

Лапшин В.А., 1995. Раскопки в Тверском Кремле // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб.

Лапшин В.А. и др., 1996. Раскопки в Тверском Кремле // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. СПб.

Лапшин В.А. и др., 1997. Раскопки в Тверском кремле // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб.

Малыгин П.Д., 1981. Отчет о раскопках на Верхнем и Нижнем городищах в г. Торжке Калининской обл. в 1981 г. // Архив ИА. Р-1. № 8858.

Малыгин П.Д., 1984. Раскопки на Нижнем городище в Торжке // КСИА. М. Вып. 179.

Малыгин П.Д., 1987. К топографии южной части Нижнего городища Торжка XI–XIV вв. // АИППЗ. Псков.

Малыгин П.Д., 1989а. Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли в XII–XIII вв. // Становление европейского средневекового города. М.

Малыгин П.Д., 1989б. Топография средневекового Торжка (XII–XVII века) // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин.

Малыгин П.Д., 1990. Древний Торжок (историко-археологические очерки). Калинин.

Малыгин П.Д., 1991. Типология и хронология новоторжской керамики XI–XIV вв. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.

Малыгин П.Д., 1992. Торжок в составе Новгородских земель (конец I тыс. н.э. – конец XV в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Малыгин П.Д., 1994. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. Тверь.

Малыгин П.Д., 1996. Новый Торг – Торжок в контексте политической истории Новгородской земли XII–XIII вв. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). М.

Малыгин П.Д., 1998. Ярослав Ярославич и Тверь в летописных известиях // Великое прошлое: Тр. научной конференции. Тверь.

Малыгин П.Д., Салимов А.М., 1990. Исследования Борисоглебского монастыря в Торжке // АИППЗ, 1989. Псков.

Малыгин П.Д., Салимов А.М., 1991. Архитектурно-археологическое исследование собора Борисоглебского монастыря в Торжке // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Нижний Новгород.

НПЛ. М.; Л., 1950.

Олейников О.М., Дайнин В.В., Романова Е.А. Средневековые напольные укрепления Тверского кремля (по материалам исследований 1998 г.) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2001. Вып. 4, т. II.

Пальмквист Эрик, 1993. Некоторые заметки о России, ее дорогах, крепостях и границах, сделанные во время последнего королевского посольства к царю московскому в 1674 году. Новгород.

Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.

Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1988. Кн. 1.

Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1991.

ПСРЛ. М., 1927. Т. 1.

ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5.

ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7.

ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15.

ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16.

ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18.

ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25.

Рикман Э.А., 1949. Города Тверского княжества (топография, место в исторической географии): Дис. ... канд. ист. наук. Рукопись // Архив ИА РАН. Р-2. № 942.

Рикман Э.А., 1953. Новые материалы по топографии древней Твери // КСИИМК. М. Вып. 49.

Салимов А.М., 1994. Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь.

Тихомиров М.Н., 1956. Древнерусские города. М.

Утверждение династии. М., 1997.

Щенков А.С., 1980. Опыт реконструкции плана Твери конца XVII в. // Архитектурное наследство. М. Вып. 28.

Янин В.Л., 1991. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М.

Т.Д. Панова

Москва и монгольское нашествие: характер культурного слоя Кремля XIII века

В истории Москвы XIII столетие занимает особое место. Из малого города на южной границе обширной Владимирской земли в первой трети XIII в., она превратилась в 80-е годы XIII в. в центр самостоятельного княжества. Русские летописи скупо освещают историю города, считанное число раз упомянув Москву в описаниях междукняжеских усобиц начала века (1207–1213 гг.) и в период Батыева нашествия. Затем она на долгие четыре с половиной десятилетия исчезает из поля зрения летописцев. Только в конце XIII в. Москва вновь появляется на исторической сцене, благодаря активной деятельности князя Даниила, сына Александра Невского.

Следует отметить, что археологические материалы достаточно четко отражают эту политическую ситуацию в истории города – бурное начало столетия, когда Москва стала объектом борьбы для младших владимирских князей, и тихое незаметное существование ее после разгрома в феврале 1238 года, когда летописи отмечают правление в городе, и весьма кратковременное, только князя Михаила Хоробрита и не знают других князей. Известно присутствие в Москве великокняжеских наместников (тиунов), когда на владимирском столе пребывал еще один Ярославич – Ярослав Тверской, дядя и опекун малолетнего князя Даниила (Ярослав Ярославич скончался в 1271 г.).

Что же представляют собой слои XIII столетия в Кремле, каковы их мощность и характер? Как показывают археологические исследования, отложения этого времени зафиксированы на верхней террасе Боровицкого холма, где их мощность достигает на отдельных участках шести – семи пластов или 1,2–1,4 м. Следует отметить, что культурный слой Кремля значительно пострадал в XVII–XX вв., когда на его территории строились грандиозные дворцы и правительственные здания, фундаменты которых уходят глубоко в материк. При подготовке котлованов под строительство уничтожались слои средневекового времени. Сегодня на некоторых участках крепости отложения XII–XIII вв. залегают непосредственно под мощением XIX–XX вв., часто нарушенные еще и современными коммуникациями.

В целом топографическая ситуация в XIII столетии на территории исторического ядра Москвы такова: в то время была освоена верхняя терраса Боровицкого холма, за исключением северо-восточного участка на склоне к р. Неглинной (район Угловой Арсенальной башни Кремля XV в.) и полосы вдоль крепостной стены между Никольской и Спасской башнями с восточной стороны – здесь слои средневекового времени вообще отсутствуют. Не был еще освоен и Подол – прибрежная часть холма, что выяснилось как в ходе археологических наблюдений, так и по данным геологических бурений, проведенных в разные годы и в значительном количестве.

Из-за специфики исследовательских работ на территории средневековой крепости Москвы, сложно было четко определить мощность напластований по векам. Но в некоторых случаях это удалось сделать – во время археологических раскопок и наблюдений 1959–1960 гг. в котловане при сооружении Дворца съездов, в 1979 и 1982 гг. при раскопках в мысовой части Боровицкого холма, в районе Соборной площади Кремля в период земляных работ разных лет.

Впервые на территории Кремля слои XII–XIII вв. были выявлены и изучены в 1959–1960 гг. в котловане возле Троицких ворот, когда началось строительство Дворца съездов – на участках двух раскопов (Р-I и Р-II). Раскоп I (Р-I), расположенный на склоне к реке Неглинной, показал пятиметровую толщу культурного слоя. На XIII столетие здесь приходилось 7 пластов (15–21 или 1,4 м). Следует отметить достаточно традиционный для этого времени набор археологических находок. Для датировки важны стеклянные изделия – браслеты, бусы и перстни (их найдено около сотни). Основная их часть на Р-I приходится на слои начала – первой половины XIII в. (18–20-й пласты). Обломки стеклянных браслетов и бусы зафиксированы и в древнейших отложениях, начиная от материка – это пласты 21–25, середина XII – начало XIII в. (рис. 1). В Р-I в слое первой половины XIII в. найдены одно глиняное пряслице, обломок хрустальной шарообразной бусины, поливная красноглиняная птичка-погремушка, железная шпора с репейкой, куски янтаря, несколько белокаменных и глиняных грузил, оселки и другие бытовые вещи (ножи, ключи, замки) и украшения (часть щиткового перстня и булавка из бронзы). Отложения второй половины XIII столетия здесь были менее насыщены предметами материальной культуры. Это несколько железных ножей, костяная брунчалка, медный нательный крестик, фрагменты стеклянных сосудов и обломок поливного сосуда круга киевских древностей. В Р-I слой с браслетами (учтено 54 находки) составляет 7 пластов или 1,4 м (18–25-й пласты). В графике нет ярко выраженного пика, хотя несколько выделяется по количеству находок 21 пласт (пик сдвинут влево).

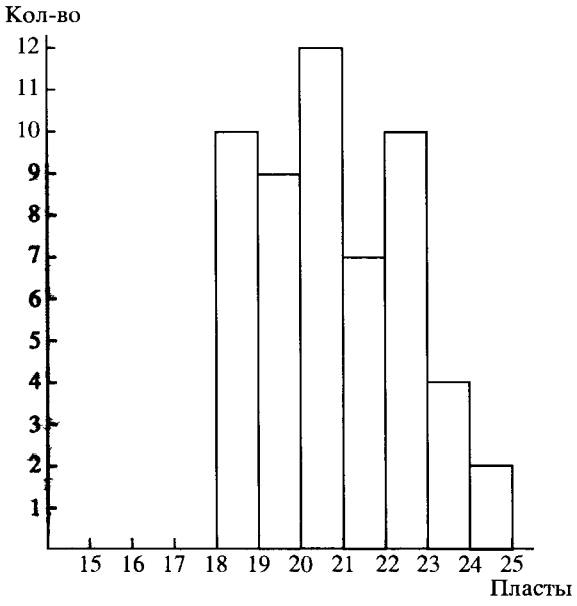


Рис. 1. МК. Раскоп I (1959 г.). Распределение стеклянных браслетов по пластам. Середина XII – XIII в.

На пласты 21–23 приходится 50,3% всех найденных фрагментов стеклянных браслетов. Ветви кривой несимметричны, нисходящая угнетена.

Раскоп II (Р-II) был заложен северо-восточнее Р-I, что позволило изучить участок городской территории, расположенный на более удобном для обживания месте, над крутым склоном к р. Неглинной. Даже то обстоятельство, что культурный слой был нарушен при строительствах дворцовых зданий в XVII в., не помешало получить полную информацию о характере древнейших отложений данного участка в середине XII – середине XIII в. Общая мощность слоев XIII столетия здесь составила 6 пластов или 1,2 м (пласты 11–16). Значительное число изделий из стекла

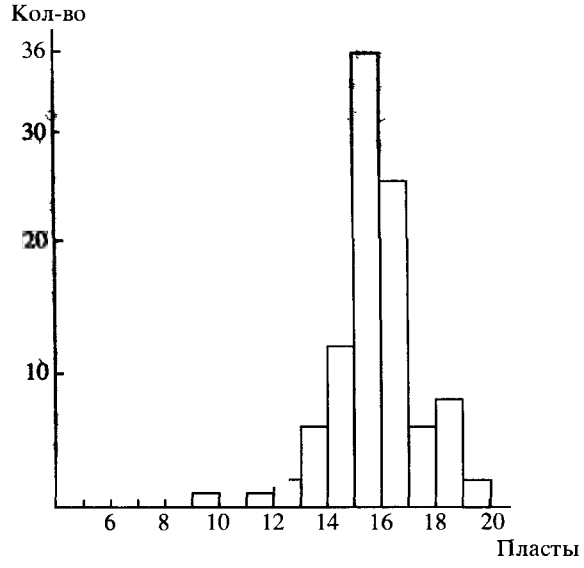


Рис. 2. МК. Раскоп II (1959 г.). Распределение стеклянных браслетов по пластам. Середина XII – третья четверть XIII в.

(браслеты, бусы, бисер, перстни, вставки – более 130 находок) позволило четко отделить отложения середины – второй половины XII в. от напластований XIII столетия. Здесь пик браслетов (их найдено 99 штук) приходится на 16-й пласт или начало XIII в., исчезают они в третьей четверти XIII в. (на уровне 10–11-го пластов). Как и в Р-I, первые находки стеклянных браслетов в Р-II сделаны в древнейших отложениях, над материком (рис. 2).

В ранних слоях сконцентрированы и все шиферные пряслица; основная их масса – 14 из 18 – залегала в отложениях второй половины XII в. (рис. 3). В этих же пластах обнаружены фрагменты семилопастных височных колец, витой медный браслет, перстень со щитком, двусторонние деревянные гребни. Единичные находки шиферных пряслиц сделаны в слоях первой половины XIII в.

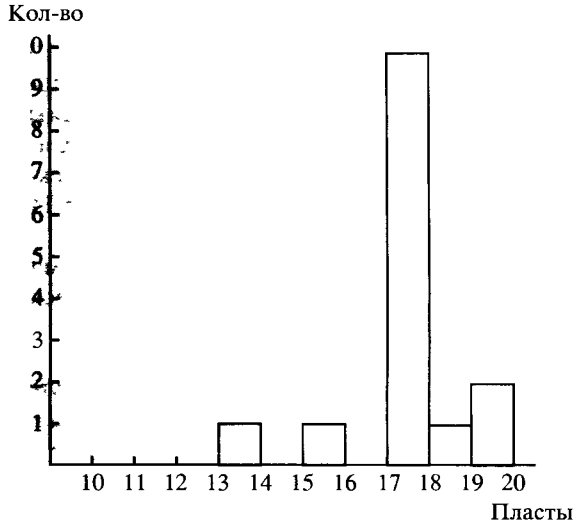


Рис. 3. МК. Раскоп II (1959 г.). Распределение шиферных пряслиц по пластам. Середина XII – середина XIII в.

В слоях первой половины – середины XIII в. были найдены обломок амфоры, фрагменты восточной поливной посуды (от 7 сосудов), бубенчик с щелевидной прорезью, бронзовый перстень со щитком, янтарный крестик, несколько хрустальных бусин, железные шпора с шипом, чеснок, скребница, бытовые вещи (ножи, ключи, замки, пробои), детали одежды (пуговицы, поясные пряжки), русская поливная керамика, обломки стеклянной посуды, литейная форма из белого камня – известняка и т.д.

Из-за значительных перекопов отложения второй половины XIII в. и более позднего времени были или полностью уничтожены или сильно нарушены (в пластах 11–13 присутствуют монеты и аптечная посуда XVIII в.). Судя по всему, их исследование не проводилось с достаточной тщательностью.

В мысовой части Боровицкого холма в 1979 и 1982 гг. были проведены раскопки небольшими площадями, но с полным соблюдением археологической методики. Это позволило получить важные данные о

характере отложений XII–XV вв. в этом районе древней городской территории. Выяснилось, что мощность отложений XIII столетия составляет здесь 7 пластов или 1,4 м (11–17-й пласты) при общей толщине культурного слоя в 6,05 м. Браслетный слой составил 1,8 м (пласты 12–20, без учета единичной находки в слое 10-го пласта). Пик стеклянных браслетов (зафиксировано 46 находок, в коллекцию вошли 36, остальные расстекловались полностью) из раскопа 1979 г. приходится на рубеж – начало XIII в. (17-й пласт). Фиксировались браслеты и в этом случае от самого материка, уже в древнейших отложениях (рис. 4).

В слоях второй половины XII – середины XIII в. были обнаружены характерные для этого периода жизни города вещевые находки: шиферные пряслица, вятичские украшения, керамическая и металлические бусы, обломки ранней поливной посуды, бытовые вещи, поделки из животной кости и изделия из стекла – синий бисер, бусина, осколки стеклянной посуды – более 70 находок (рис. 5).

Как показал анализ стеклянных изделий из раскопа 1979 г., середину XIII столетия здесь следует отнести к горизонту 15-го пласта, определив первую его половину отложениями 15–17-го пластов (*Столярова*, 1997. С. 96).

Отложения второй половины XIII в. оказались менее насыщенными вещевым материалом (26 находок). Это обломки византийских амфор (рис. 5), стеклянные браслеты и бусина, латунный перстень со щитком, раковина каури, бытовые вещи (ключ, кожаные ножны).

Датирующие находки из раскопа 1979 г. в мысовой части Боровицкого холма позволяют и здесь четко выделить границы XIII столетия и выявить гораздо большую насыщенность отложений первой его половины древностями по сравнению со второй половиной этого века.

Следует обратить внимание на распределение датирующих категорий вещей, особенно изделий из

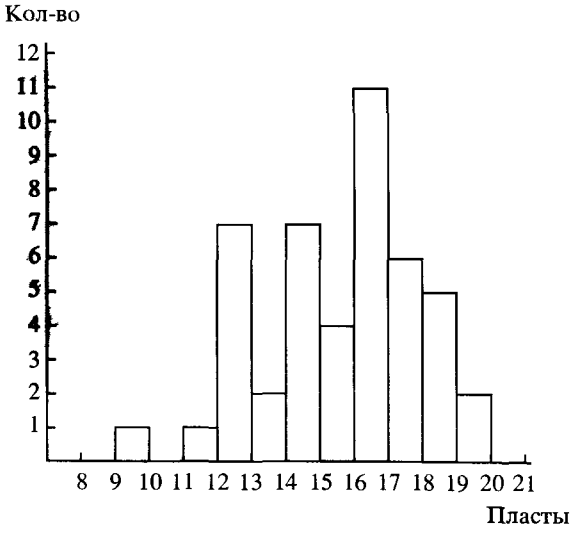


Рис. 4. МК. Раскоп 1979 г. во дворе Оружейной палаты. Распределение стеклянных браслетов по пластам. Середина XII – третья четверть XIII в.

Рис. 5. МК. Раскоп 1979 г. во дворе Оружейной палаты. Распределение восточной поливной керамики (начало XIV в.), амфор (конец XIII в.), шиферных пряслиц и вятичских украшений (вторая половина – конец XII в.)

стекла – браслетов, по пластам. Из приведенных выше данных становится ясно, что их появление в Москве следует относить к середине XII в., точнее, к 60-м его годам (*Столярова*, 1997. С. 97). Это делает необоснованным утверждение некоторых исследователей о мощном (1,0 м) добраслетном слое на территории Кремля и не позволяет принять версию об основании города в XI и, тем более, в X в. (*Владимирская*, 1980. С. 86).

На территории средневековой крепости Москвы, как правило, удается проводить только археологические наблюдения в ходе земляных вскрытий при ремонтах и строительных работах. Но и при таких условиях удается определить на отдельных участках мощность слоев XIII столетия. Так, в районе Соборной площади, в ее северной части, они составили не менее пяти – шести пластов или 1,0–1,2 м (*Столярова*, 1997. С. 94). Интересно сравнить динамику роста отложений XIII столетия в Москве с данными по раскопам в Великом Новгороде. Так, на Ильинском раскопе мощность слоев XIII в. составила пять пластов (*Колчин, Черных*, 1978. С. 114, 115), на Михайловском она достигала семи пластов (*Колчин, Хорошев*, 1978. С. 145), в Плотницком конце – 4,5 пласта (*Хорошев*, 1978. С. 191). Указанные данные вполне сопоставимы с полученными в ходе раскопок и наблюдений за культурным слоем средневековой Москвы, особенно в пределах ее древнего укрепленного центра.

Археологические свидетельства говорят о том, что во второй половине XII – первой трети XIII в. город на Боровицком холме развивался очень активно. Об этом можно судить по динамике деревянной застройки на территории верхней террасы холма жилыми, хозяйственными и ремесленными сооружениями. Из 101 сруба XII–XVI вв. 50 относятся именно к середине XII–XIII в. – самому раннему периоду в истории города. И хотя до сих пор на территории Кремля не удалось раскопать ни одной усадьбы целиком, следы усадебной застройки прослежены неоднократно в виде остатков линий частоколов, мощения дворов, а также самих построек. Большая часть древнейших построек Москвы погибла в пожарах, в том числе и 1238 г. В районе Соборной площади зафиксированы трассы нескольких улиц, одна из которых просуществовала с середины XII до конца XV столетия.

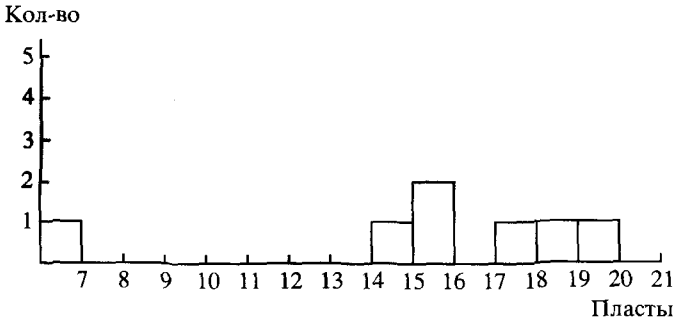


Рис. 6. МК. Раскоп 1979 г. во дворе Оружейной палаты. Распределение ювелирных изделий и инструментария по пластам. Вторая половина XII – середина XIII в.

Археологические исследования показали, что в домонгольское время в городе активно развивались ремесла. Наиболее сложным делом была обработка цветных металлов. Наличие на Боровицком холме ювелирных мастерских маркируют и обломки инструментария – тиглей, литейных формочек, и отходы обработки – капли металлов, выплески, обрезки пластин, проволока. Свидетельства работы со свинцово-оловянистыми сплавами были зафиксированы в мысовой части, в раскопах 1982 и 1979 гг. в слоях второй половины XII в. (рис. 6 и 7). Выявлены два участка с артефактами, отмечающими наличие меднолитейного дела – один возле Троицких ворот (Раскоп II), второй – недалеко от Никольских ворот, во время наблюдений 1994 г.

В период второй половины XII – первой трети XIII в. на Боровицком холме работали, как минимум, три косторезных мастерских. Одна из них размещалась на мысу (зафиксировано раскопками 1979 и 1982 гг.) – здесь обрабатывали животную кость и делали, в основном, обоймицы для наборных рукоятей и пуговицы.

На участке возле Троицких ворот (в раскопе II) жили мастера, работавшие не только по животной кости, но и по лосиному рогу – здесь были найдены отходы, полуфабрикаты и готовые изделия, в основном, обоймицы для наборных ручек, пуговицы, накладки, объемные втульчатые ручки инструментов и, возможно, игральные шашки. Следы работы еще одной мастерской косторезов зафиксированы в восточной части Кремля (район Спасской и Никольской башен), причем здесь больше использовали лосиный рог, менее трудоемкий в обработке. Набор роговых поделок стандартный; следует выделить находку выточенного из рога лося цилиндра с застрявшим в нем стержнем из животной кости – деталью инструмента для изготовления изделий из рога.

Значительные материалы свидетельствуют о работе на Боровицком холме нескольких сапожных мастерских. Одна из древнейших находилась в мысовой части города. Здесь найдены (при раскопках 1979 и 1982 гг.) многочисленные отходы ремесла в виде обрезков кожи и железное шило. Время активной деятельности этой мастерской относится ко второй половине XII – середине XIII в. (рис. 8). Следы работы еще двух мастерских были зафиксированы в районе Никольских ворот во время наблюдений 1981 и 1994 гг. От одной из них сохранилась часть сруба (он сгорел в пожаре) и мощные, до 10 см, отложения отходов ремесла в виде обрезков (время работы мастерской – конец XII – первая треть XIII в.).

Анализ археологических данных приводит к выводу о том, что большая часть свидетельств ремесленной деятельности на территории Боровицкого холма

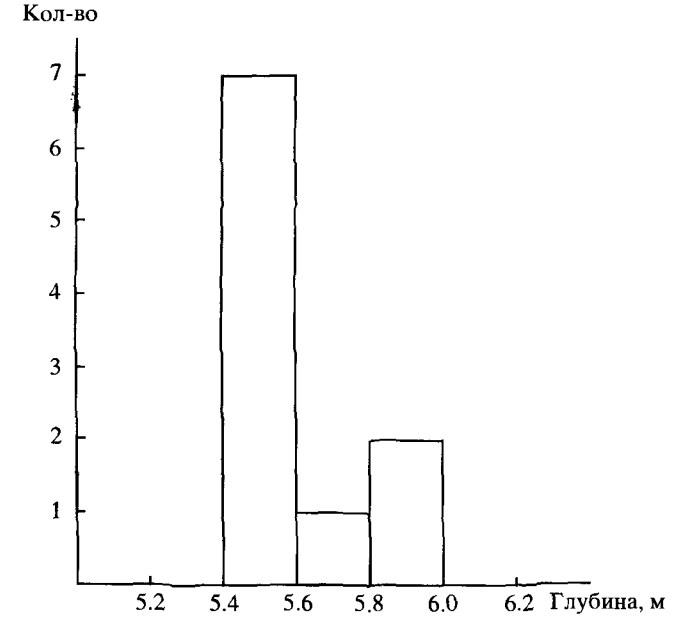


Рис. 7. МК. Раскоп 1982 г. во дворе Оружейной палаты. Распределение свидетельств ювелирного дела по пластам. Вторая половина XII в.

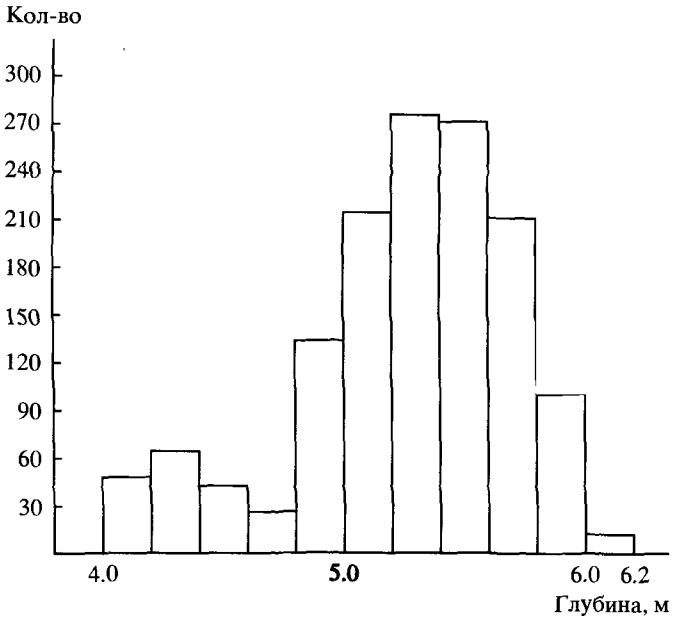


Рис. 8. МК. Раскопы 1979 и 1982 гг. во дворе Оружейной палаты. Распределеиие обрезков кожи по пластам. Середина XII – конец XIII в.

не выходит за пределы середины XIII столетия. Эти ремесленные мастерские, в основном, прекратили свое существование после разгрома города в 1238 г. Ни одна из них впоследствии не возобновила свою работу.

В слоях середины – второй половины XIII в. на исследованных участках древней городской территории лишь однажды зафиксированы следы кузнечной обработки железа (раскоп II, 1959 г.) и трижды – свидетельства деятельности сапожных мастерских – двух в северной части Соборной площади и одной – на территории здания Арсенала. Регресс налицо; несмотря на то, что жизнь в городе после его разгрома в 1238 г. не прерывалась – это доказывает характер слоя на всей площади раскопок и наблюдений в Кремле – старые ремесленные мастерские не были восстановлены. Новые возникли частично на территории древнего центра Москвы, а также в других районах города – мы знаем о расширении его территории в период после Батыева нашествия. Частично необходимые изделия могли поступать в Москву из других центров (менее пострадавших от разгрома) по торговым каналам.

На сегодняшний день в Москве выявлено только одно грунтовое христианское кладбище с захоронениями второй половины XII, XIII и начала XIV в. Оно сформировалось в северной части нынешней Соборной площади в домонгольское время и продолжало функционировать в середине – второй половине XIII в., маркируя наличие в городе деревянного храма и церковной организации. Позиции христианства в городской среде были сильны, о чем свидетельствуют находки печати высшего церковного иерарха (единственной домонгольской буллы в Москве), крестов – энколпионов, тельников из разных материалов (камень, металл, янтарь), обломков амфор, ювелирных изделий с христианской символикой.

Наличие языческого элемента в религиозных представлениях населения ранней Москвы прослеживается только по материалам нескольких погребений раскрытого кладбища, где отмечены обертывание покойников берестой, наличие погребального инвентаря. Древние верования никак не представлены в материальной культуре москвичей XII – XIII вв. на бытовом уровне. Это говорит о том, что город зародился в период, когда церковь имела уже достаточно сильные позиции в городских центрах, формировавшихся в XII столетии и в предмонгольское время.

Интересные наблюдения за динамикой развития города в XIII в. можно сделать, изучая остатки деревоземляных укреплений древней Москвы. По археологическим материалам, известным сегодня, можно судить об устройстве ранних укреплений по находкам на нескольких участках западной линии обороны города вдоль берега реки Неглинной.

Впервые остатки древних оборонительных сооружений были выявлены в 1959 г. при наблюдениях в котловане под фундамент строящегося дворца, а затем в мысовой части холма в шурфах во дворе Оружейной палаты (1965 г.) и у кремлевской стены (с наружной ее стороны) во время архитектурных шурфовок 1968 г. С разной степенью точности и полноты были зафиксированы тогда насыпи четырех этапов бытования деревоземляных укреплений. На протяжении XIII столетия они возобновлялись дважды. До настоящего времени исследователи не привлекали эти данные в полном объеме при разработке вопросов ранней истории Москвы. Между тем, сведения об этапах поновления системы обороны свидетельствуют не только об их конструктивных особенностях, но и о моментальном возобновлении укреплений, уничтоженных в результате разгромов города в XIII столетии.

Важную информацию о топографии ранней Москвы несут находки кладов вещей домонгольского периода; все они найдены в пределах средневековой крепости Москвы, на ее древнейшей территории. Самые значительные из них (1988 и 1991 гг.) выделяют участок Боровицкого холма возле Спасских ворот Кремля. Видимо, в первой трети XIII столетия резиденция князя и дворы знати размещались на самой высокой части террасы над Москвой-рекой в пределах укреплений города. И только в конце XIII в., при князе Даниле Александровиче, ее перенесли в мысовую часть, более безопасную по сравнению с напольной стороной города. Тогда здесь и появился деревянный храм Спаса Преображения; в начале XIV в. его отстраивают в камне и устраивают здесь монастырь.

В середине – второй половине XII – первой трети XIII в., в том числе и в предмонгольское время, городская жилая застройка размещалась на верхней террасе Боровицкого холма в пределах современной нам крепости XV столетия (за исключением участка в ее северо-восточном углу). В южной части территории, занятой Красной площадью, в тот период размещались сельскохозяйственные угодья – раскопками последних лет XX в. здесь зафиксированы следы пашни. В конце XII – начале XIII в. формируется застройка на территории, получившей позднее название Китай-города. В это же время под распашку использовались участки в Занеглименье, напротив исторического ядра города – Кремля (в районе ул. Моховой, за зданиями старого Университета выявлены следы распашки и незначительной застройки). В предмонгольское время начинают формироваться жилые районы по берегам реки Неглинной (в пределах современной Манежной площади).

После Батыева нашествия на Москву, в середине XIII в., образуется комплекс построек на левом берегу р. Неглинной (в современном Историческом проезде); здесь же зафиксированы следы огородов. Во второй половине – конце XIII в. город значительно расширяется в напольную сторону от своего укрепленного центра, что зафиксировано работами последнего десятилетия XX в. в районе Богоявленского монастыря, на Ильинке, в Зарядье, а также в Занеглименье – в районе Большого Каменного моста и дома Пашкова.

Археологические материалы неоспоримо свидетельствуют о непрерывности отложений культурного

слоя древней Москвы, жизнь в которой не прекращалась даже после самых страшных разгромов города. После февраля 1238 г. город быстро восстановился, хотя на какое-то время, как свидетельствуют археологические данные и умолчания в письменных источниках, в силу общей ситуации, сложившейся на Руси в результате нашествия Бату-хана, и выпадает из круга активной политической, торговой и религиозной жизни Северо-Восточной Руси. И все же Москва не разделила судьбу многих малых центров, сметенных ордами Батыя и исчезнувших с исторической сцены.

Литература

Владимирская Н.С., 1980. О раннем московском поселении на кремлевском холме // Музей. М. № 1.

Столярова Е.К., 1997. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. // РА. № 4.

Колчин Б.А., Черных Н.Б., 1978. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода. М.

Колчин Б.А., Хорошев А.С., 1978. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.

Хорошев А.С., 1978. Раскопы южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода. М.

М. Д. Полубояринова

Город Болгар в XIII веке

Города Волжской Болгарии испытали в XIII в. такие же страшные потрясения, как и города Руси. XII – начало XIII в. для обоих государств были временем расцвета ремесла, строительства, торговли. Главным препятствием на пути к процветанию для Волжской Болгарии были постоянные конфликты с Владимиро-Суздальской Русью. С 60-х годов XII в. походы русских князей на восточного соседа предпринимались один за другим с интервалом, судя по летописям, от двух до двадцати лет. Болгары также ходили походами на русских, но перевес был явно на стороне Руси. Это заставляло болгар настойчиво искать мира. Мир заключался в 1183 г. после осады Биляра, в 1220 г., в 1229 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 90; Т. 4. С. 128; Т. 10. С. 98), причем были предусмотрены взаимные торговые льготы.

Мир для болгар был тем более необходим, что надвигалась угроза с востока. Волжская Болгария была тесно связана торговыми и религиозно-культурными узами со Средней Азией, главным образом с Хорезмом. Поэтому сведения о захвате монголами Самарканда, Бухары, Ургенча, Отрара и других городов и земель в 1219–1220 гг. дошли до болгар, по-видимому, быстро. Болгары начали готовиться к обороне. Первый натиск завоевателей в 1223 г. был остановлен болгарскими войсками, заманившими их в засаду. В 1232 г. монгольские войска снова ходили на Волжскую Болгарию, но не дошли до Великого города (Биляра), наткнувшись на оборонительную линию. В 1236 г. Биляр был взят и сожжен. Эта же участь постигла и другие болгарские города – Болгар, Сувар, Джукетау, Муромский городок.

Биляр возник в X–XI вв. В середине XII в. сюда была перенесена из Болгара столица страны, подальше от водной магистрали – Волги, по которой приплывали русские дружины. Биляр был самым крупным городом Восточной Европы. Его окружали шесть рядов оборонительных валов, посады были ограждены частоколами. В городе процветала торговля, о чем свидетельствуют многочисленные импортные предметы, различные ремесла. Биляр был разгромлен и сожжен, валы срыты на протяжении сотен метров (*Халиков, Халиуллин*, 1988. С. 15). В развалах зданий, в колодцах, во рвах найдено множество скелетов и разрозненных человеческих костей. Найдена и коллективная могила защитников города (*Хузин*, 1988. С. 46–48). По данным раскопок, Биляр после разгрома не восстанавливался. Его больше не упоминают русские летописи, однако в XIII в. появляются ордынские монеты с названием города Биляра. Монеты и золотоордынские вещи происходят с III Билярского селища – обширного неукрепленного поселения XIII–XIV вв., расположенного к северо-западу от городища. Таким образом, жизнь Биляра в золотоордынский период возобновилась, но не на территории домонгольского города, а неподалеку (*Валиуллина*, 1997. С. 51, 52).

Судьба Биляра не была единичной. По наблюдениям Е.П. Казакова, одним из наиболее заселенных районов центральной Волжской Болгарии в X – начале XIII в. было Закамье – устье Камы по рекам Ахтай и Бездна. По р. Ахтай сосредоточено много памятников, возникших в X–XI вв. и существовавших в XII – начале XIII в. Это были торгово-ремесленные поселения. На р. Бездна исследованы в основном поселения второй половины предмонгольского периода. Все эти поселения прекратили свое существование в середине XIII в., т.е., видимо, были разрушены завоевателями. В золотоордынское время здесь появились новые селища и городища, но на новых местах, иногда рядом с прежними, иногда на некотором расстоянии. У всех у них нет подстилающего домонгольского слоя (*Казаков*, 1988. С. 71–73).

Болгар к XIII в., хотя и утерял под натиском русских свое столичное положение, но все же оставался крупным городом (рис. 1). Его площадь в пределах городских укреплений составляла 250 тыс. м^2 и еще 100–150 тыс. м^2 занимали западные и юго-западные посады (*Хлебникова*, 1987. С. 55). В ожидании нападения с востока, Болгар заблаговременно начал укрепляться – обновляется древняя оборонительная система и сооружается новая – ров и вал. Центральная часть цитадели была укреплена деревянной стеной из горизонтально положенных бревен. Вал и ров охватывали посады, разросшиеся к концу домонгольского периода. Строительство велось в спешке. В западной части ров имеет глубину всего 1,5–1,85 м, что почти вдвое меньше, чем в восточной и южной частях укреплений, откуда, видимо, было начато строительство. Высота валов неизвестна, так как они были срыты после захвата города. Открыты только останцы из материковой глины, лежащие на домонгольском слое. Это та оборонительная система, остатки которой прослеживались еще в начале XVIII в., когда ее назвали "замашным валом". Слой погрома и сожжения Болгара прослежен внутри укреплений более чем на 40 раскопах, хотя он часто оказывается нарушенным перекопами более позднего времени. Судя по

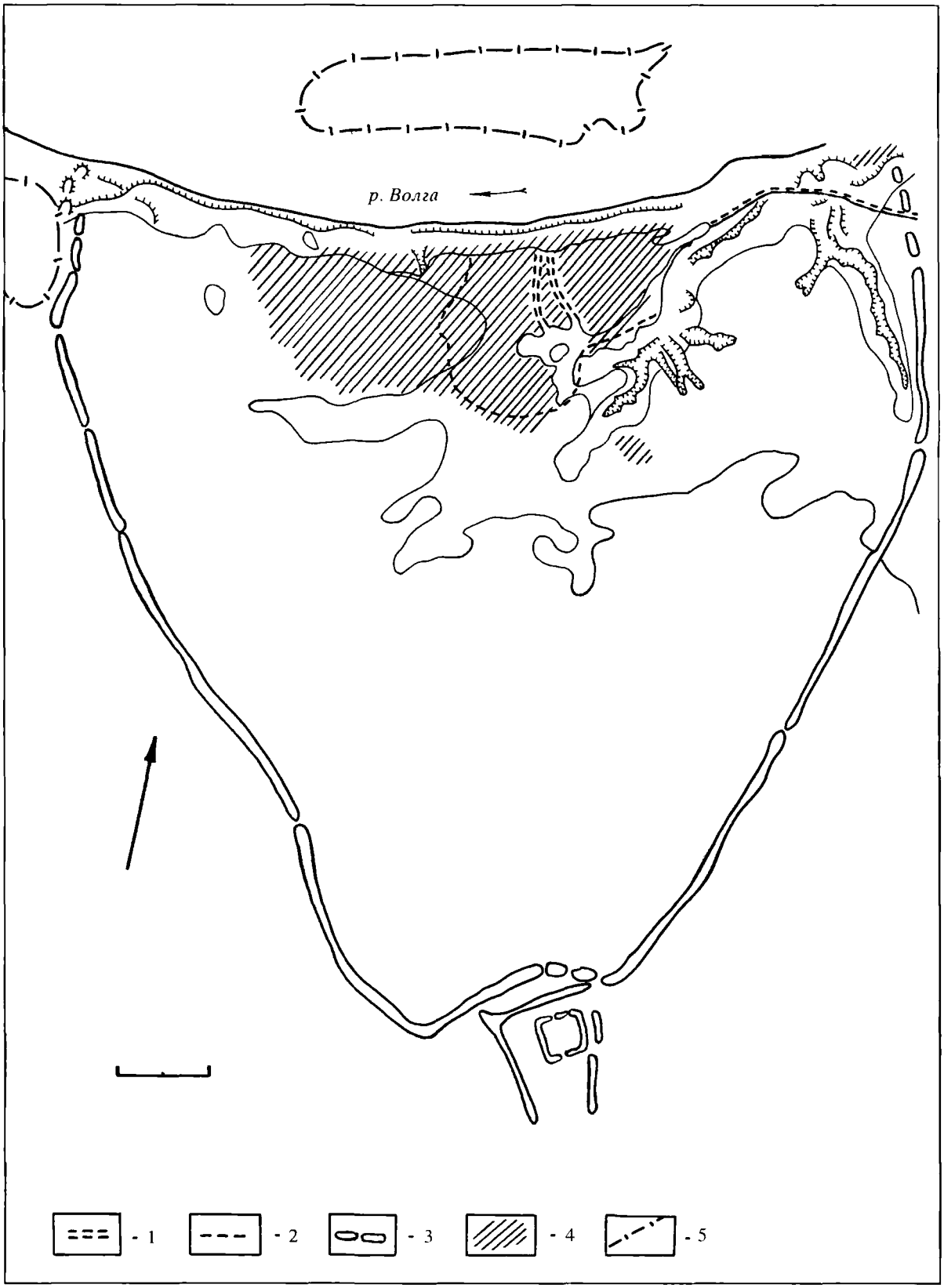


Рис. 1. План города Болгара
Условные обозначения: 1 – укрепления X в.; 2 – укрепления XII – первой половины XIII в.; 3 – укрепления XIV в.; 4 – слои предмонгольского времени; 5 – слои золотоордынского времени вне основной территории.

Рис. 2. Дом, сгоревший в нашествие 1236 г. (раскоп XCV, 1987 г.)

мощному пожарищу, город был плотно застроен деревянными домами. Горелый слой состоит из разложившегося угля, его мощность 5–20 см, в ямах и запáдах – до 50 см. Содержание вещей в пожарном слое и в сооружениях, разрушенных в погроме, довольно скудно – битая глиняная посуда, единичные бытовые находки, отходы ремесел. Так, например, на раскопе XCV в 1987 г. в доме, погибшем в пожаре 1236 г. (рис. 2) на обгоревшем деревянном полу и в подпольной яме, куда провалились частично доски пола, были найдены кости животных, фрагменты керамики, железный нож, глиняное пряслице, фрагмент голубого поливного среднеазиатского сосуда из белого кашина XII – начала XIII в., половинка грушевидного бубенчика (*Кавеев и др.*, 1988. С. 67–68).

За все годы исследования Болгарского городища в слое нашествия ни разу не были найдены останки людей, в то время как более поздние захваты города, например, Булак-Тимуром в 1361 г. или русскими в 1431 г., оставили следы в виде не только пожарищ, но и скелетов погибших жителей. В целом, картина разгрома Болгара в 1236 г. отличается, в частности, от Биляра или многих русских городов, где обилие вещей и человеческих костей в слоях погрома говорит о единовременной катастрофе. Очевидно, что нападение на город ожидалось, и жители заблаговременно покинули его, унося свой скарб. Возможно, что завоеватели просто выгнали население перед тем, как поджечь город. Грабежи и убийства при этом, конечно, были, но, по-видимому, убитых позволили где-то захоронить.

Чем можно объяснить особое отношение монголов к городу? Видимо, Болгар был заранее выбран как будущая столица нового государства, как место пребывания хана и его администрации. Сыграло роль выгодное географическое положение Болгара при слиянии Волги и Камы, которое обеспечило ему положение столицы в X–XI вв. О том, что ханы в XIII в. избрали Болгар местом своего пребывания, свидетельствует Марко Поло: "Берке владел татарами и жил в Болгаре и Сарае" (Книга Марко Поло, 1955. С. 45).

Захватив и спалив город, татаро-монголы, следуя установившемуся правилу, уничтожили его укрепления. Как писал Марко Поло, монголы полагали, что "... необходимо во всякой области, где есть большие города и много народа, содержать войска, а городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск" (Книга Марко Поло, 1955. С. 280). На всех раскопах, попавших на оборонительную линию, вал не был найден. В заполнении засыпанного рва в восточной части города прослежен домонгольский культурный слой, песок, суглинок, а в западной – голубая и коричневая стерильная глина. Из этой глины, видимо, был сооружен вал, а может быть ее привезли откуда-то со стороны, чтобы засыпать ров. Выше засыпи рва залегает толстый (50–60 см) слой пожарища, сброшенный также в ров.

Судя по слою разложившегося угля, территория города после пожара была тщательно выровнена. Однако жить на дымящемся пепелище было невозможно. Поэтому пожарище было засыпано речным

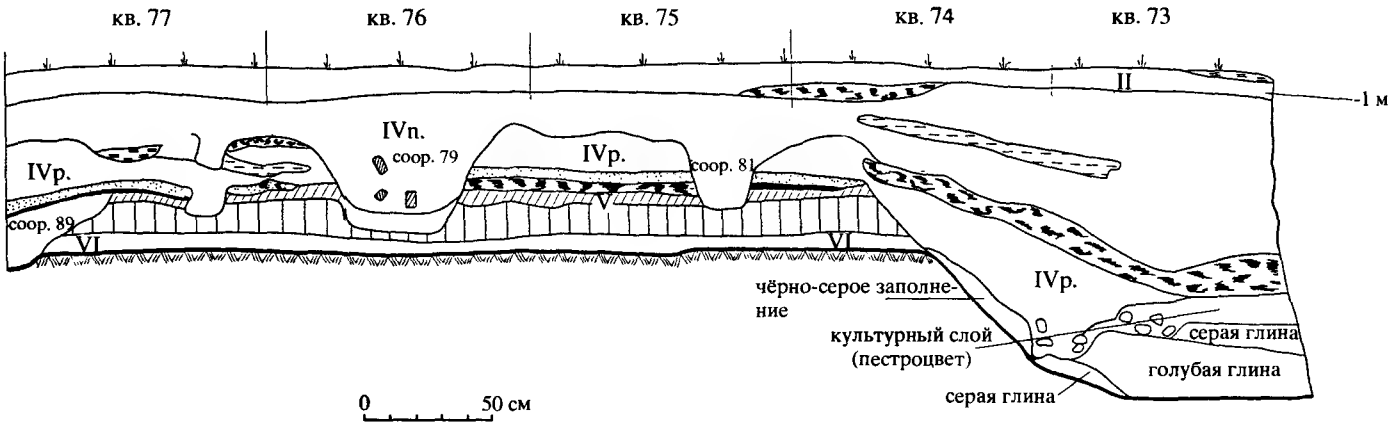


Рис. 3. Профиль раскопа XCV, 1988 г. Виден слой песка, перекрывающий пожарище

песком, иногда суглинком (рис. 3). Слой песка также нивелировал поверхность, его толщина 10–20 см, а над ямами – до 40 см. Нижняя часть прослойки песка обычно прокалена до розово-красного цвета, что говорит о том, что песок насыпался на еще неостывший уголь. Песок привозили на городище, вероятно, возами с берега реки. На этих работах могли использоваться жители города.

Интересно, что этот прием – засыпка пожарища слоем песка или глины – применялся и в русских городах: в окольном городе Серенска (сообщение Т.Н. Никольской) и в Суздале (*Седова*, 1997. С. 74, 75, 112).

Слой пожара 1236 г. отделяет домонгольские слои Болгара от раннезолотоордынских, которые датируются XIII – началом XIV в. Площадь его на верхней террасе городища в этот период расширяется до 900 тыс. м². К раннезолотоордынскому Болгару прилегали пригородные поселки, в это же время заселяется низменная часть города – за р. Меленкой. Толщина раннезолотоордынских слоев 20–80 см. Слой в центральной части города насыщен щепой и древесным тленом, что говорит о развернувшейся застройке традиционными деревянными домами. По окраинам домонгольского города, а также в заречной части в начале раннезолотоордынского периода появляется много землянок и полуземлянок, в которых жили ремесленники и, вероятно, строители. В это же время закладывается в центре города Соборная мечеть, ее строительство было закончено в начале XIV в. В конце XIII в. рядом возведены два мавзолея для каких-то знатных лиц. В раннезолотоордынское время построена самая ранняя общественная баня Болгара – на северном склоне террасы.

Восстанавливаются на своих местах ремесленные мастерские, существовавшие в домонгольское время – железоплавильные, медеплавильные, ювелирные, и появляются новые – кузнечная, косторезная. На вновь освоенных территориях также изучено много ремесленных остатков (*Хлебникова*, 1987. С. 64–65).

В 40-х годах XIII в. именно в Болгаре начинается чеканка золотоордынских монет, на 30 лет раньше, чем начал чеканить деньги Сарай. Это свидетельствует о роли Болгара в середине XIII в. как экономического и политического центра государства Джучидов. Первые монеты несли имя уже умершего багдадского халифа ан Насир лид-Дина, следующие монеты с 1250-х годов выпускались с именами монгольских каанов Менгу и Ариг-Буги. С 1260-х годов в Болгаре чеканились монеты анонимные и с именами золотоордынских ханов. Болгар чеканил монету до 30-х годов XIV в. (*Федоров-Давыдов*, 1987. С. 160. 163 сл.).

Конечно, такое потрясение, как монгольское завоевание, не могло пройти бесследно для волжских болгар. Исследователи отмечают исчезновение некоторых ювелирных украшений, характерных для домонгольской болгарской материальной культуры – ажурных серебряных браслетов, желудеобразных серебряных бусин, некоторых форм медной посуды. В то же время массовый материал – неполивная керамика – демонстрирует продолжение традиций по обжигу, деталям оформления (*Хлебникова*, 1987. С. 67). Домостроительство также продолжало домонгольские традиции – деревянные наземные дома с подпольями и глинобитными печами. Монгольские дома из сырца с подпольным отоплением не получили широкого распространения, в них жили только представители монгольской знати.

По данным, приведенным Ю.А. Красновым, не произошло существенных изменений в составе посевов сельскохозяйственных культур и в их соотношении (*Краснов*, 1987. С. 219, 220), хотя орудия обработки земли совершенствуются (*Казаков*, 1988. С. 73, 74). Остеологические исследования говорят о неизменившемся земледельческом направлении сельского хозяйства, что явствует из преобладания числа быков и волов (как тягловой силы) над коровами как в домонгольский, так и в золотоордынский периоды. Однако влияние степи в золотоордынское время все же сказывается в увеличении употребления в качестве пищи мяса овец и уменьшении говядины, а также в росте потребления конины (*Беговатов, Петренко*, 1988. С. 103–105, 113).

Литература

Беговатов Е.А., Петренко А.П., 1988. К истории хозяйственной жизни населения домонгольского и золотоордынского периодов Волжской Булгарии // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань.

Валиуллина С.И., 1997. Парадная посуда золотоордынского Биляра (по результатам раскопок Билярского III селища) // Гуманитарные науки: Проблемы и аспекты изучения: Материалы итоговой конференции Государственного университета за 1966 г. Казань.

Кавеев М.М., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф., 1988. Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань.

Казаков Е.П., 1988. Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань.

Книга Марко Поло. М., 1955.

Краснов Ю.А., 1987. Некоторые вопросы истории земледелия у жителей Болгара и его округи // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М.

ПСРЛ. М., 1962. Т. 1.

ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 4.

ПСРЛ. М., 1965. Т. 10.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1987. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М.

Халиков А.Х., Халиуллин И.Х., 1988. Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Булгарию // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань.

Хлебникова Т.А., 1987. История археологического изучения Болгарского городища: Стратиграфия, топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М.

Хузин Ф.Ш., 1988. Великий город и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань.

И.В. Волков

Поселения Приазовья в XII–XIII веках

Цель настоящего сообщения – обратить внимание на отдельные факты и явления, которые могут быть опорными точками в решении вопроса о присутствии населения древнерусского происхождения, оказавшегося в Приазовье, его значимости, судьбе после исчезновения Тмутараканского княжества и монгольского нашествия. Конкретные задачи – рассмотреть, как изменялась сеть поселений в Приазовье, определить, как они связаны между собой, каким населением оставлены, выяснить, как сказалось именно здесь монгольское завоевание.

Повторное обращение к этой теме обусловлено, с одной стороны, обилием нового материала, накопленного во время раскопок последних лет, с другой – значительно большими возможностями интерпретации археологических источников, в связи с большей точностью датировок памятников, открывающейся благодаря изучению амфор: в настоящее время точность датирования вплоть до четверти века оказывается вполне реальной.

Начало проникновения населения древнерусского происхождения на Таманский полуостров и в Приазовье в целом выходит за хронологические рамки работы. Однако необходимо отметить один "кричащий" факт, отличающий Таманский полуостров от всего остального степного побережья Причерноморья и Приазовья. Это наблюдение сделано в результате частичного осмотра средневековых поселений полуострова во время работ Южнорусской комплексной экспедиции (ЮРКЭ) в 2000–2001 гг. и просмотра коллекций из сборов Я.М. Паромова в 1982–1984 гг., хранящихся в Таманском археологическом музее и Институте археологии РАН. Вполне очевидно, что наблюдение предварительное, так как только на трех памятниках проводились раскопки, но принципиальная ошибка едва ли возможна – большая часть поселений распахана, а хронологические сопоставления всех памятников делались именно по подъемному материалу.

При определении дат поселений оказалось, что на Таманском полуострове не действует основная закономерность распространения оседлости в степной зоне: после установления централизованной власти возникают многочисленные поселения, а в результате ее ослабления и исчезновения жизнь на них прекращается. На остальной части степного побережья многочисленные поселения салтово-маяцкой культуры исчезают вместе с печенежским нашествием и последующим падением Хазарского каганата, а традиция оседлости (за редкими исключениями) не восстанавливается вплоть до монгольского завоевания. На Таманском полуострове, напротив, на XI в. приходится демографический взрыв, когда число сельских поселений не только не уменьшается по сравнению с салтовским временем, но и существенно увеличивается. Памятники этого периода легко выделяются по наличию амфор "триллийской" группы с воротничковым венчиком без касания с ручкой или с точечным касанием (второй тип более поздний). Абсолютное большинство этих поселений прекращает существование в первой половине XII в. Уже во второй половине этого столетия существуют только собственно Таманское городище (Тмутаракань, Матраха), городище Голубицкая-1 (возможно, Копа), Гаркуша-1 (античный Патрей). Один фрагмент амфоры этого времени найден на поселении Темрюк-1. Только на одном поселении (За Родину-1) удалось встретить единственный фрагмент амфоры "триллийской" группы, укладывающийся в интервал 1130–1150 гг. (судя по новгородским аналогиям с дендрохронологическими датами).

В настоящий момент нет каких-либо археологических данных о составе населения в многочисленных деревнях полуострова в XI в., можно лишь умозрительно предполагать, что это были в значительной части касоги и зихи. Однако напрашивается связь между столь выразительным всплеском оседлости и присутствием в Тмутаракани русских князей с их дружинами (половцы традиционно были их союзниками). Исчезновение этих поселений достаточно точно совпадает с прекращением упоминаний Тмутараканского княжества.

Это наблюдение дает основания для ответа на вопрос о том, откуда взялось население древнерусского происхождения в районе устья Дона и Таганрогского залива в середине XII в.

На рубеже XI–XII вв. прекращаются известия о Тмутараканском княжестве. Это не лучшее время для внешнеполитической активности и расширения границ Византии. Однако именно поражения империи в Малой Азии должны были провоцировать ее активность в районе Керченского пролива: азиатские месторождения нефти, необходимой для изготовления "греческого огня" (поэтому так подробно описанные Константином Багрянородным) были потеряны, пришлось ориентироваться в основном на таманские. С этой целью и без того зыбкую власть русского князя (напомню: в лучшие времена княжества один из них

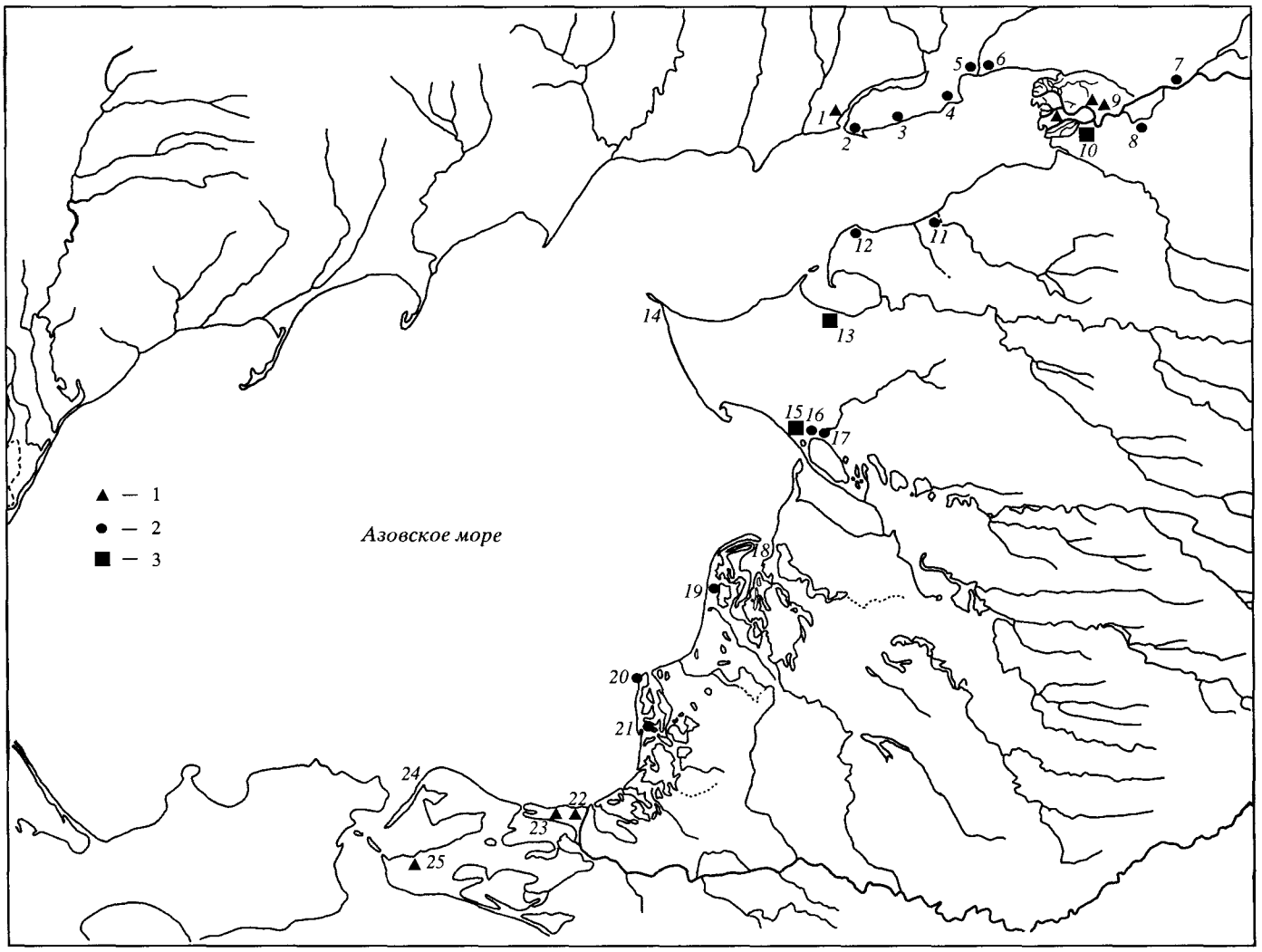


Рис. 1. Карта поселений Приазовья XII–XIII в.

Условные обозначения: 1 – поселения, на которых представлен слой второй половины XII в.; 2 – поселения, соответствующие времени составления портоланов, со слоем XIII в., преимущественно 1240–1260-е годы; 3 – поселения со слоем времени расцвета золотоордынских городов, XIV в.

1 – Натальевское (возможно, из-за присутствия на нем русского населения р. Миус получила название Rossa); *2* – Семеновская крепость (западная окраина с. Беглицкая Коса, предположительно Cabardi); *3* – Новозолотовское; *4* – Петрушина Коса; *5* – Самбекское городище (правый приустьевой мыс р. Самбек); *6* – Куричанское (левый приустьевой мыс р. Самбек, предположительно Porto Pissani); *7* – Кобяково городище (восточная окраина г. Ростова-на-Дону, вероятно, соответствует поселку перевозчиков для переправы через Дон в зимнее время, упомянутому Г. Рубруком); *8* – Койсугское и могильник Мартышкина Балка (возможно, ранняя Тана); *9* – Казачий Ерик (хутор Казачий Ерик в дельте Дона, центр гнезда поселений, также Рогожкино, Донской, Узяк; вероятно, соответствует г. Русии); *10* – Азов (Тана, Азак); *11* – Новомаргаритовское, устье р. Чубурки (Zacaria); *12* – Шабельское (Bacinachi); *13* – пос. Щербиновский; *14* – Должанская коса (средневековый культурный слой Tar Magno пока не обнаружен); *15* – Шиловское (Tar Parvo); *16* – Ясенская Балка; *17* – Кагаты (Pesso); *18* – Ахтарский лиман (река Bagtaris); *19* – у Чернячина гирла (самый дальний из поселков округи Копы – Loci Copa); *20* – участки выброса материала на месте размытого поселения у Сладковского гирла; *21* – Прорвенский-1 (вероятно, Cici); *22* – городище Голубицкая-1 (вероятно, Copa); *23* – Голубицкая-3 (вероятно, Balo, слой только XV в.); *24* – мыс Ахиллеон (capo de Croche); *25* – Таманское городище (Matrega)

был отравлен византийским дипломатом, другой попал в плен к хазарам, а затем был выдан в Константинополь) выгоднее было ликвидировать. Возможно, представители прежней династии остались в городе, но уже на правах византийских чиновников, контроль за которыми также не мог быть жестким из-за отдаленности и потенциальной поддержки древнерусского населения, оказавшегося на Тамани во времена существования княжества. Именно жители Таманского полуострова могли переместиться к устью Дона. После восстановления власти Византии на Тамани (хотя на столь отдаленной территории эта власть, естественно, не могла реализовываться в жестких централизованных формах) для империи было выгоднее избавиться от соседства тех жителей, которые пришли с тмутараканскими князьями и могли быть верны последним.

Но обратимся прежде всего к имеющимся археологическим памятникам XII–XIII вв., расположенным на побережье Таганрогского залива и в самом нижнем течении Дона (рис. 1). На территории Приазовья,

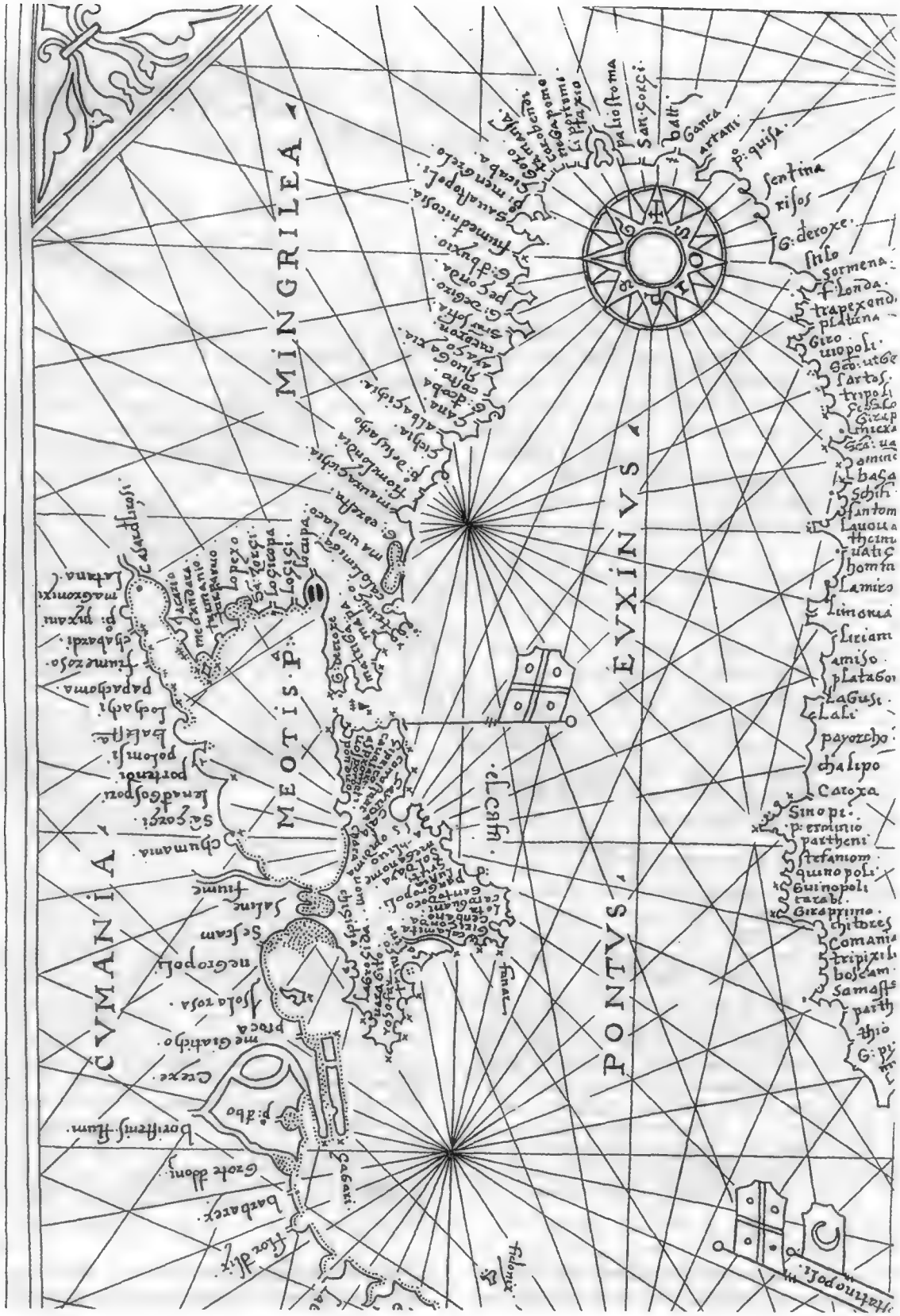


Рис. 2. "Нормальный портолан" бассейна Черного и Азовского морей

По северному берегу: Isola Rosa, Chumania, fiume Rosa, Chabardi; по восточному берегу: Casar d' li Rosi, Matriga, Maura Zichia, Alba Zichia; в Крыму: Pondivo, Vosporo

которая в настоящее время остается в границах России, известна целая сеть поселений, существовавших в XII–XIII вв., до монгольского завоевания и после него. К XIV в., т.е. ко времени расцвета городской жизни в Золотой Орде, их остается очень мало: эмирский город Азак, Шиловское поселение, очень небольшое Щербиновское поселение, несколько поселений на Таманском полуострове. Остальные поселения делятся на две хронологические группы, резко отличающиеся по набору импортов.

Первая хронологическая группа относится ко второй половине XII в. (только для самого крупного поселения с незначительной вероятностью эту дату можно расширить на четверть века в обе стороны). Эти поселения концентрируются в дельте Дона и составляют очень компактный очаг оседлости. Самое крупное из них – Казачий Ерик, расположенное на территории одноименного хутора. Здесь мощность средневекового культурного слоя в центральной части достигает 2 м, а общая площадь на настоящий момент (к сожалению, ее нельзя точно установить из-за застройки) достигает 3–5 га. В прошлом она могла быть значительно больше, так как в течение последних десятилетий здесь очень интенсивно шла абразия берега. Поблизости от Казачьего Ерика расположены поселения у хуторов Рогожкино, Дугино, Донской, Петровский, Узяк. К этой же группе относится поселение Натальевка рядом с устьем р. Миус. Если рассматривать этот хронологический отрезок по Приазовью в целом, то окажется, что синхронных поселений мало, все остальные расположены на территории Таманского полуострова.

Раскопки проводились только на поселениях Казачий Ерик (*Гадло,* 1964, *Волков,* 1998) и Натальевка (*Ларенок П.А.*, 1998). Для них характерны землянки и полуземлянки с глинобитными печами и ступенчатыми входами. Рассчитывать на обнаружение печей, сложенных из камня, здесь не приходится, поскольку выходов каменных пород вообще мало, а имеющиеся – известняк, который не является подходящим материалом для печей.

Выразительные в хронологическом отношении металлические вещи на обоих памятниках немногочисленны. С поселения Казачий Ерик происходит круглая крестопрорезная подвеска (рис. 3, *3*). Этот тип очень широко распространен даже в Северной Руси, где он широко датируется домонгольским периодом (XII–XIII вв.) (*Успенская,* 1967. С. 107–110. Рис. 18, *10, 19*; ср.: *Макаров,* 1997. С. 117, 355. Табл. 143, *1*). Однако столь северные древнерусские предметы не являются точными аналогиями. Значительно ближе находки из Южной Руси (*Русанова, Тимощук*, 1993. С. 53. Рис. 57, *9*; *Власова,* 1962. С. 257; *Петрашенко,* 1997. С. 133. Рис. 53, *21*). Точные аналогии известны в Херсоне: из помещения 18, раскопанного в 1894 г. (*Косцюшко-Валюженич,* 1896. С. 56. Рис. 76); из гробницы, раскопанной в 1895 г. (*Косцюшко-Валюженич,* 1897. С. 89. Рис. 227), подвеска найдена вместе с пятью золотыми монетами вплоть до Мануила Комнина (1143–1180); из гробницы, раскопанной в 1896 г. (*Косцюшко-Валюженич,* 1897. С. 167. Рис. 534). Подвеска больше по размеру и с браком, найдена вместе с четырьмя монетами, младшая из которых принадлежит Алексею II Комнину (1180–1183). Аналогичные предметы с территории Греции несколько отличны (*Davidson,* 1952. P. 252. Pl. 111, № 2091, 2092). На Казачьем Ерике найдена также бронзовая ременная накладка с инкрустацией серебром (рис. 4, *4*). Близкая аналогия этой бляшке происходит из клада, найденного в с. Мышеловка Киевской губернии (*Корзухина,* 1954. Табл. LVI, *13*. С. 133–134). Однако все находки из клада серебряные. Часть накладок и пряжки имеют куфические надписи, что и послужило (по почерку) приблизительным основанием для датировки клада XI–XII вв. Несмотря на отличия, стилистическое сходство настолько велико, что можно говорить о единстве происхождения и даты с нашим экземпляром.

Большую часть керамики в культурном слое составляют импортные амфоры "триллийской" и "трапезундской" групп, небольшим количеством представлены также импортные пифосы и кувшины. Присутствуют на этих поселениях и горшки древнерусского облика, которые, впрочем, не являются точными копиями синхронных изделий с территории Руси. В небольшом количестве встречаются стеклянные браслеты, византийская поливная белоглиняная и красноглиняная керамика. Основу для датировки составляют именно амфоры. Здесь широко представлены "триллийские" с мелким гребенчатым рифлением и "трапезундские" с отпечатками мерной линейки на внутренней поверхности. Соотношение этих групп приблизительно равное. Только на Казачьем Ерике есть находки, позволяющие незначительно расширить дату за пределы второй половины XII в.: здесь есть очень небольшое количество "триллийских" амфор с широким рифлением и раструбным венчиком (аналогичные новгородские находки относятся к периоду 1130–1150 гг.) и "трапезундских" амфор без следов мерной линейки и со стыковкой элементов по максимальному диаметру с помощью дополнительного глиняного жгута (на территории Руси они появляются перед монгольским завоеванием). Следов стихийных разрушений, которые были зафиксированы при раскопках А.С. Гадло (1964. С. 42) во время раскопок 1996–1997 гг., обнаружить не удалось. Исчезновение поселений первой хронологической группы может относиться ко времени от самого начала XIII в. до монгольского завоевания.

Вторая хронологическая группа поселений относится к временно́му интервалу от монгольского завоевания до 60-х годов XIII в., только одно поселение Куричи могло существовать дольше – до конца XIII в. Памятники этого периода более многочисленны и имеют больший ареал, все они маленькие, с тонким слоем: поселения Семеновская крепость, Золотая Коса, Петрушина Коса, Самбекское, Куричи (*Рязанов,* 1991), Кобяково городище (*Миллер,* 1926; *Артамонов,* 1935), Овощной-1 (Койсугское, к нему относится единственный исследованный грунтовой могильник Мартышкина Балка) (*Масловский,* 1997; *Дмитриенко,* 2000), Новомаргаритовское поселение, Шабельское городище, поселения Кагаты и Ясенская Балка, Прорвенский-1. Раскопки проведены на значительной

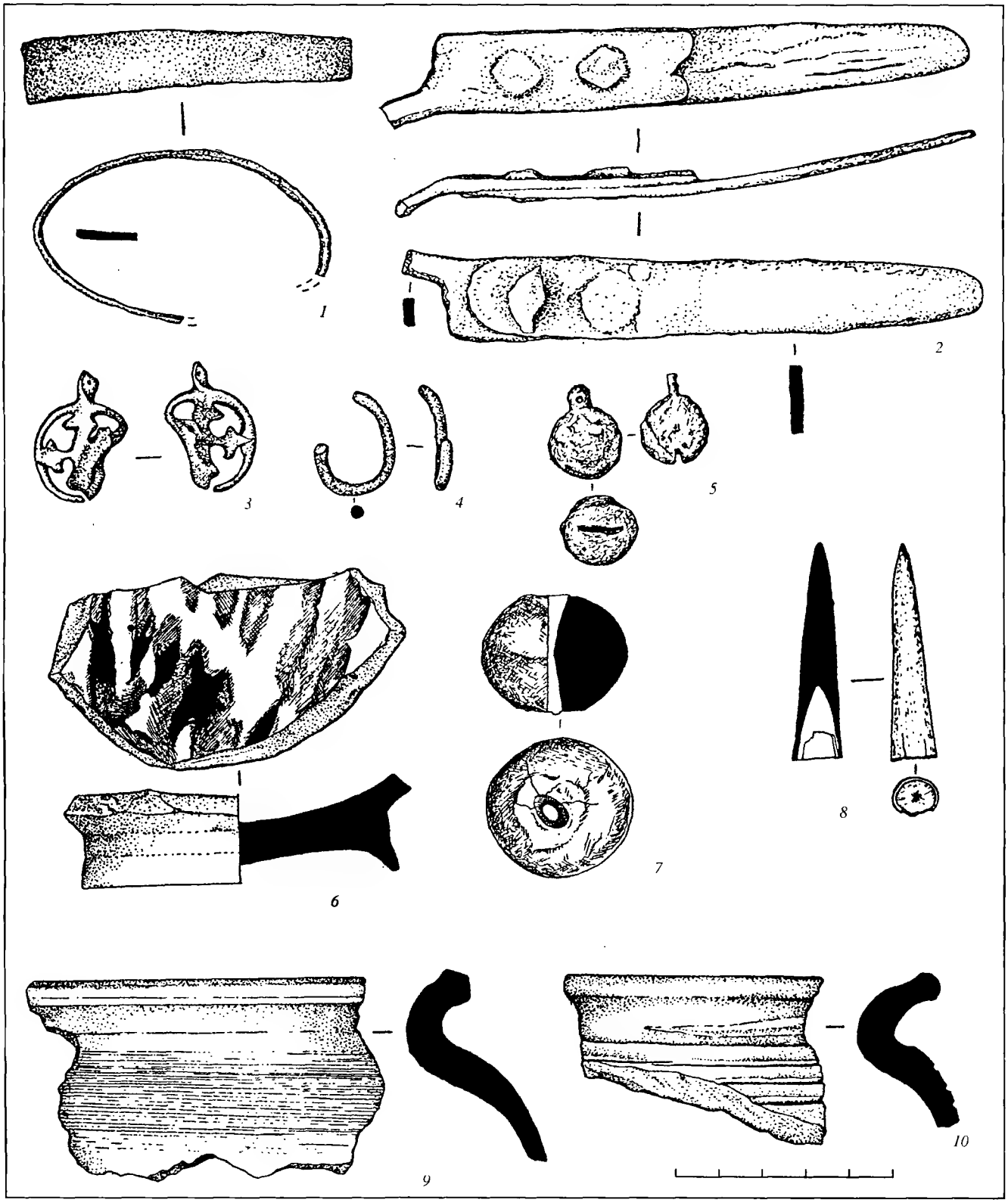
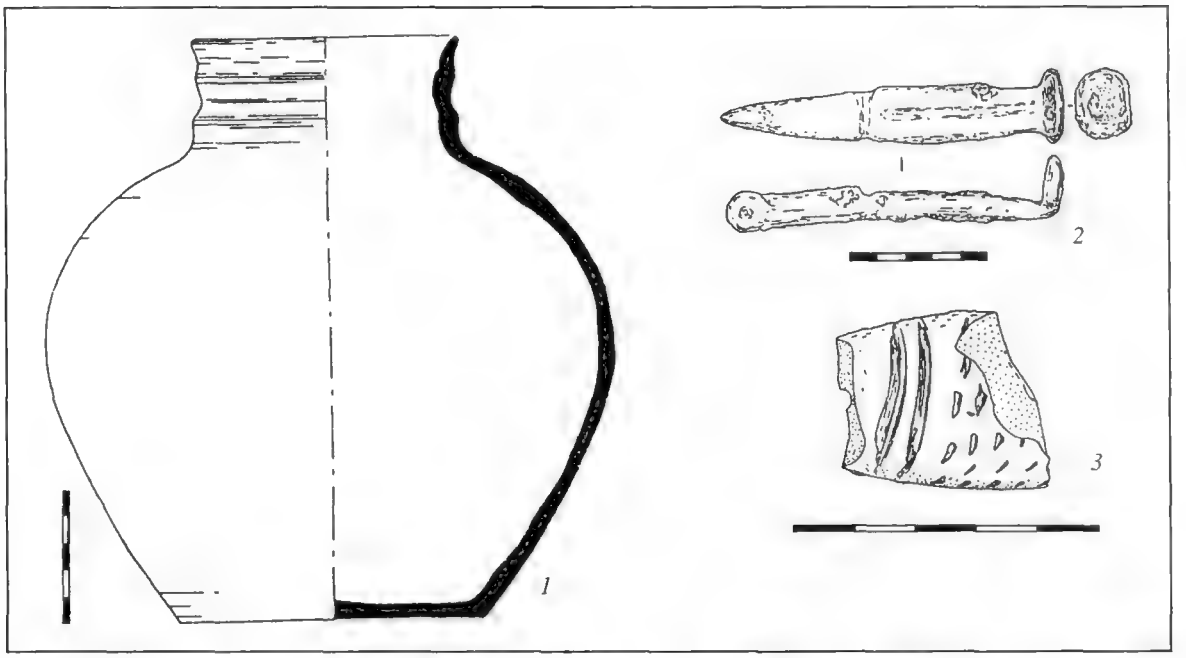


Рис. 3. Находки с поселения Казачий Ерик, XII в., преимущественно, вторая половина

1 – медный пластинчатый браслет без орнамента (?), 97-2/3А; *2* – клепаная ручка бронзового ковша, 97-2/3А, № 32; *3* – медная крестопрорезная подвеска, 97-4/4Г, № 33; *4* – кольцо из медной проволоки, 97-2/2В; *5* – бронзовый бубенчик, 97-2/Г, № 69; *6* – дно византийской белоглиняной чаши с полихромной росписью зеленым и коричневым, 97-2/3А, № 21; *7* – лепное керамическое пряслице или грузило, 97-4/2А; *8* – костяной пулевидный наконечник стрелы, 97-2/2А, № 1; *9–10* – венчики горшков древнерусского облика, 1984, сборы



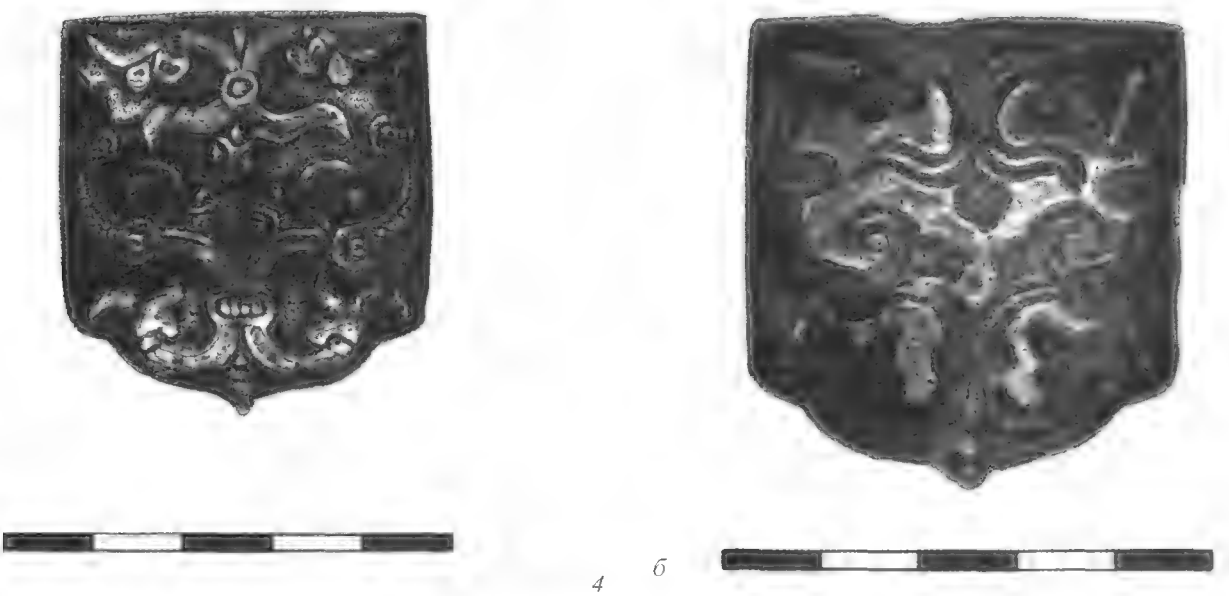


Рис. 4. Находки с поселения Казачий Ерик, XII в., преимущественно, вторая половина

1 – коричневоглиняный сосуд с выразительным трехслойным обжигом, РФК-5, донный начин (1996, поднят со дна ниже уреза); *2* – железный ключ, 96-2/Р.1; *3* – фрагмент резной костяной накладки рукояти ножа в виде рыбы, 1997; *4* – ременная накладка, бронза с инкрустацией серебром, 96-2/Р.1, № 7 (лицевая и оборотная стороны)

части памятников, что дает лучшее представление о материальной культуре. Господствуют земляночные жилища (по крайней мере, только от них пока обнаружены следы) с глинобитными печами (в одном случае печь частично была сложена из сырцовых кирпичей), встречаются и открытые очаги с глинобитными стенками (рис. 5).

Большую часть керамики в культурном слое составляют импортные амфоры "трапезундской" (около 35%) группы и группы клейма SSS (около 30%), значительное количество импортных пифосов двух разных групп, византийская поливная керамика (рис. 6, 7). На поселениях, расположенных в бассейне Таганрогского залива, устойчиво присутствуют горшки древнерусского облика, которые значительно более сходны с синхронными изделиями с территории Руси, чем в предыдущий период (рис. 6, *7–9*). Есть и горшки, привезенные с территории Руси. В небольшом количестве встречаются стеклянные браслеты. К населению древнерусского происхождения тяготеют "перстнеобразные" височные кольца с загнутым концом (рис. 9, *15*), встреченные на Семеновской крепости и могильнике Мартышкина балка (*Гоняный, Недошивнина,* 1991. С. 248. Рис. 4, *1–3; Пряхин, Цыбин,* 1991. С. 104, рис. 8, *8*).

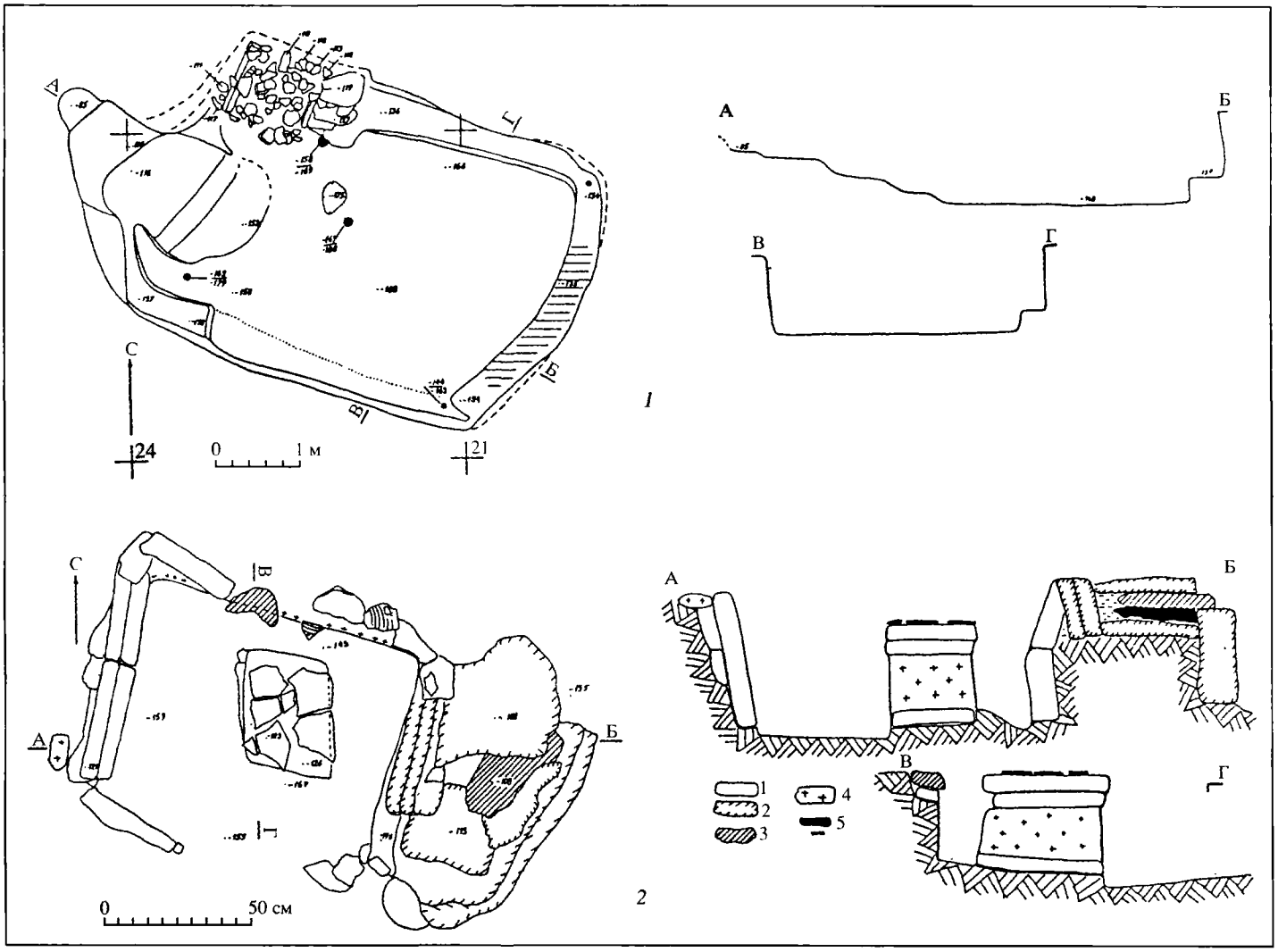


Рис. 5. Семеновская крепость, 1996 г.

1 – план и разрезы землянки (ямы № 23). Штриховкой на суфе у ВЮВ стенки показана площадь, покрытая яичной скорлупой; точечной линией показана граница снесенной части суфы вдоль ЮВВ стенки; залитые пятна – столбовые ямки, в том числе сомнительные; *2* – план и разрез печи из землянки

Условные обозначения: 1 – сырцовый кирпич, прокаленный в процессе использования печи; 2 – сырцовый кирпич; 3 – камни; 4 – обмазка без следов формовки отдельных кирпичей; 5 – сырцовый кирпич из почвы и фрагменты пифоса на останце-"козле" (под ними – множество зерен пшеницы)

Основу для датировки составляют именно амфоры. Здесь почти полностью отсутствуют амфоры "триллийской" группы, перерыв поступления которых приходится на время существования Латинской империи. Амфоры группы клейма SSS имеют очень мало аналогий в домонгольское время (за исключением нескольких образцов из Владимира, отложившихся непосредственно перед нашествием). Все амфоры "трапезундской" группы состыкованы на уровне максимального диаметра с помощью дополнительного жгута глины, от чего образовывался характерный наплыв на внутренней стороне. На этом основании и выводится общая дата второго периода: приблизительно от монгольского нашествия до реставрации Византии. Попытки удревнить памятники этой группы до XII, и тем более XI в. – сомнительны (*Дмитриенко,* 2000; Масловский, 1997).

Естественный вопрос – кто жил на этих поселениях? (Умозрительно надо полагать, что население не было однородным, поскольку это почти невозможно на морском побережье, особенно в степной зоне.) Более всего следовало бы ожидать сведений из русских источников, однако ситуация строго противоположная (это особенно странно потому, что достаточно материальных следов обитания в Белой Веже даже во второй половине XII в.).

Керамика и традиции домостроительства все же позволяют связывать поселения района Таганрогского залива и нижнего течения Дона с населением древнерусского происхождения, но большая часть материалов из раскопок не дает оснований для какой-либо этнической атрибуции, и более надежные сведения приходится искать в письменных источниках.

Вопрос о составе населения весьма жестко связан с проблемой локализации города Русии, о существовании

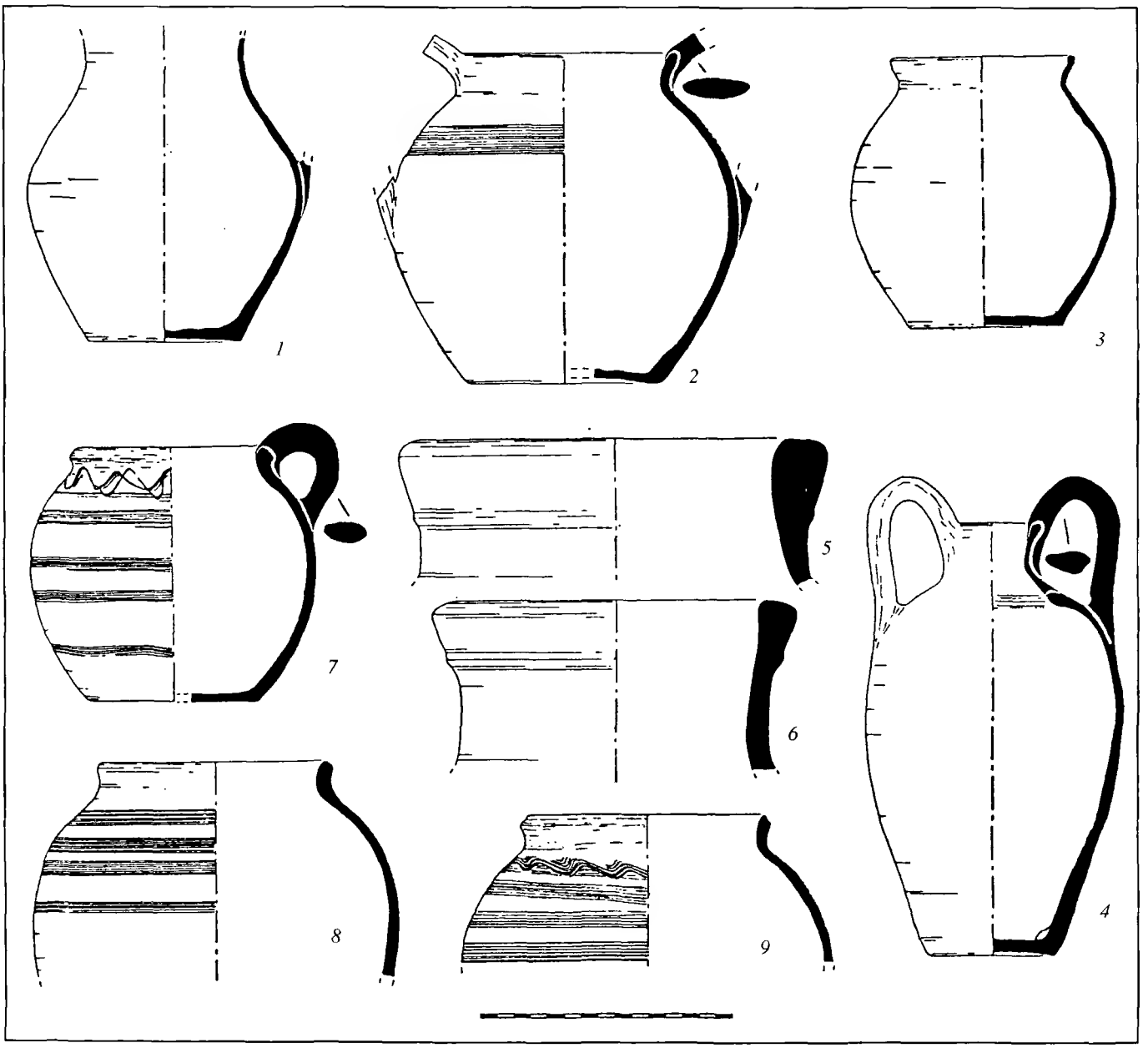


Рис. 6. Семеновская крепость, неполивная керамика

1 – горшкообразный кувшин группы Юго-Западного Крыма (пластинчатый вариант), 95-, яма 13, слои 1, 3, 4; *2* – двуручный горшок группы клейма SSS (красный вариант), 96-, яма 23, слои 2–4; *3* – горшок группы клейма SSS (классический вариант, наличие ручки не определено), 95-, яма 13, слой 4; *4* – амфора группы клейма SSS (классический вариант), 95-, яма 7, слои 1, 2, 4, яма 13, слой 4; *5* – венчик пифоса с кварцевым песком, 95-, яма 13; *6* – венчик пифоса, глина напоминает группу клейма SSS (классический вариант); *7–9* – горшки древнерусского облика (*7* – 96-, яма 29, слой 2; *8* – 95-, яма 12; *9* – 96-, яма 18, слой 1, яма 22, слои 1, 2)

которого имеются сведения разнородных источников. Упоминания именно о городе Русии очень немногочисленны, но для степной зоны это не так уж и мало. Для сравнения можно сказать, например, что Саркел упомянут в византийских источниках несколько раз, но это одно тиражированное известие. Другое упоминание Саркела содержится в еврейско-хазарской переписке, также повторявшееся. Город Русия достоверно упоминался чаще.

Византийские источники. Два упоминания безусловно относятся ко времени существования города, так как даны в византийско-генуэзских договорах 1169 (Jus..., 1857. P. 494–497 (496)) и 1192 гг. (*Miklosich, Müller*, 1865. S. 35, 26–34). Сами эти упоминания не проясняют местоположения города, на их основании можно лишь заключить, что он находился где-то в Причерноморье, возможно, недалеко от Тмутаракани. Вероятность того, что под Росией в данном случае подразумевается территория Древней Руси предельно мала, поскольку в договорах речь идет только о территории Византийской империи. (Традиционно это место из договоров интерпретировали как запрет

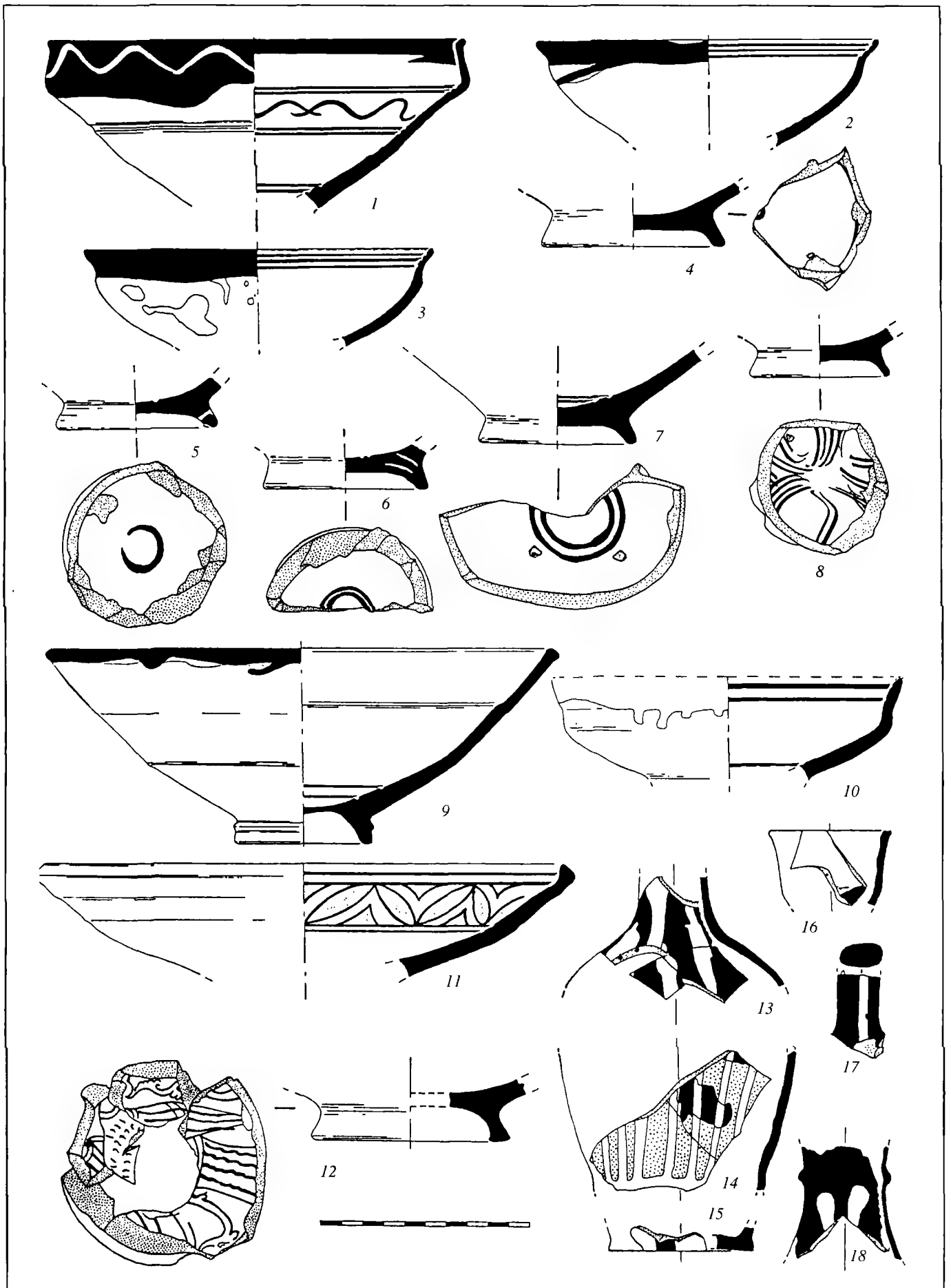

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18

Рис. 7. Поливная керамика Семеновской крепости

1–8 – основная ("трапезундская") группа (*1–7* – с желтой поливой, *8* – с яркой зеленой поливой); *9, 10, 12* – пористая толстостенная (*10* – напоминает группу Юго-Восточного Крыма); *11* – полихромная рыхлая; *13–18* – группа тонкостенных кувшинов с желтой поливой и росписью ангобом

1 – развал из Я.23 и около нее, 5 блоков и 9 отдельных фрагментов: Я.23/1 (6 ф.) + Я.23/2 (11 ф.) + Я.23/3 (3 ф.) + Я.23/4 (1 ф.) + Я.23 (5 ф.) + 2/21АIII + 2/22В + 4/25BIV + (вероятно, к этой же чаше относятся фрагменты из Я.7); *2* – Я.10/2 (11 ф.) + Я.10/3 (10 ф.) + Я.10/4 (4 ф.) + 2/4AIV (1 ф.), реконструкция по четырем склеенным блокам и четырем фрагментам; *3* – Я.23/1 (3 ф.) + Я.23/2 (2 ф.); *4* – Я.10/2; *5* – Я.23/1/25 (бровка); *6* – Я.23/2/24АБ; *7* – Я.13/1/1кв.6; *8* – кв.1, яма 10, сл. 1, № 180; *9* – 2/27AII (?) + Я.22/2 + Я.23/1/24ГIV + Я.23/1/25 (бровка) + Я.23/2/24АБ (4 ф.) + Я.23/3/24АБ + Я.23/4 + Я.23/5/25 + Я.23, развал печи (всего 14 ф.); *10* – //24АБ (вспомогательная бровка + Я.23/1/24ГI + Я.23/1/24ГII + Я.23/1/24 (2 ф.) + Я.23/1-2/24АБ + Я.23/2 (всего 7 ф.); *11* – полихромная рыхлая с основной кроющей поливой желто-зеленого цвета, Я.24/2/31 + Я.23/1/24ВГ + Я.23/2/24АБ (2 ф.) + Я.23/2/24АГ, от нее же неподклеенные + 1/8 + Я.13/2/9 + Я.13/5 (2 ф.) + Я.23//25 (всего 12 ф.); *12* – /кв.20, южная бровка + 1/21BII № 40 + 2/25BI + 3/24БI + Я.23/1/24 + Я.23/2 (всего 5 ф.); *13* – Я.24 + Я.14/2 + Я.29/3 (2 ф.); *14* – Я.14/2 (2 ф.); *15* – Я.23/2/24/АБ; *16* – Я.7//8; *17* – 2/25BI; *18* – Я.13/4/6 (4 ф.)

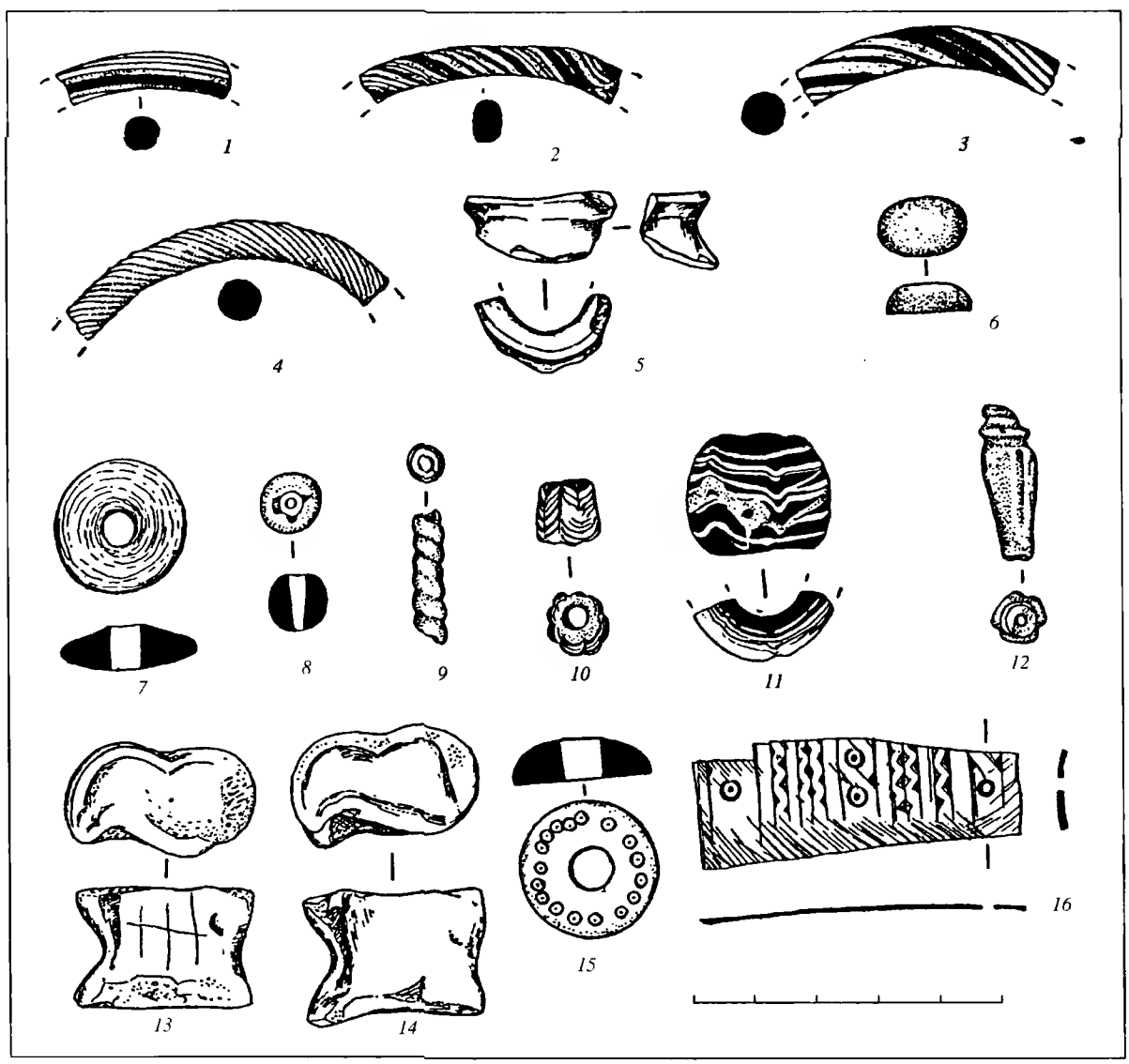


Рис. 8. Семеновская крепость

1 – витой стеклянный браслет, основа почти черная с зеленовато-коричневым оттенком, накладные нити белые и красные, 95-3/3BIV, яма 12В; *2* – витой стеклянный браслет, основа почти черная с зеленовато-коричневым оттенком, накладные нити белые и красные, яма 13; *3* – витой стеклянный браслет, основа почти черная с зеленовато-коричневым оттенком, накладные нити белые, 95-, яма 18, № 7; *4* – витой стеклянный голубой прозрачный браслет, 96-2/23БШ, № 51; *5* – венчик графина из прозрачного бесцветного стекла, 95-2/1AIII; *6* – вставка перстня из прозрачного бесцветного стекла, 96-, яма 22, слой 2; *7* – бусина из прозрачного голубоватого стекла, 96-2/21БIV; *8* – глубоко иризированная белая бусина, 96-1/20AI/№ 31; *9* – витая белая глубоко иризированная бусина, предположительно начальный цвет зеленый, 96-/23, яма 22; *10* – стеклянная бусина непрозрачная, черно-белая, 96-3/26ВШ; *11* – стеклянная бусина из непрозрачного черного стекла с накладными нитями из белого и голубого глушеного, 95-2/7, яма 13, слой 1; *12* – фаянсовая бусина с бирюзовой глазурью, 96-, яма 23Ю слой 2; *13* – игральный астрагал со знаками, 95-2/3ГI; *14* – игральный астрагал, 95-, яма 13, слой 2; *15* – костяная пуговица, 96-1/25BII/№ 72; *16* – костяная колчанная накладка, 96-, яма 23

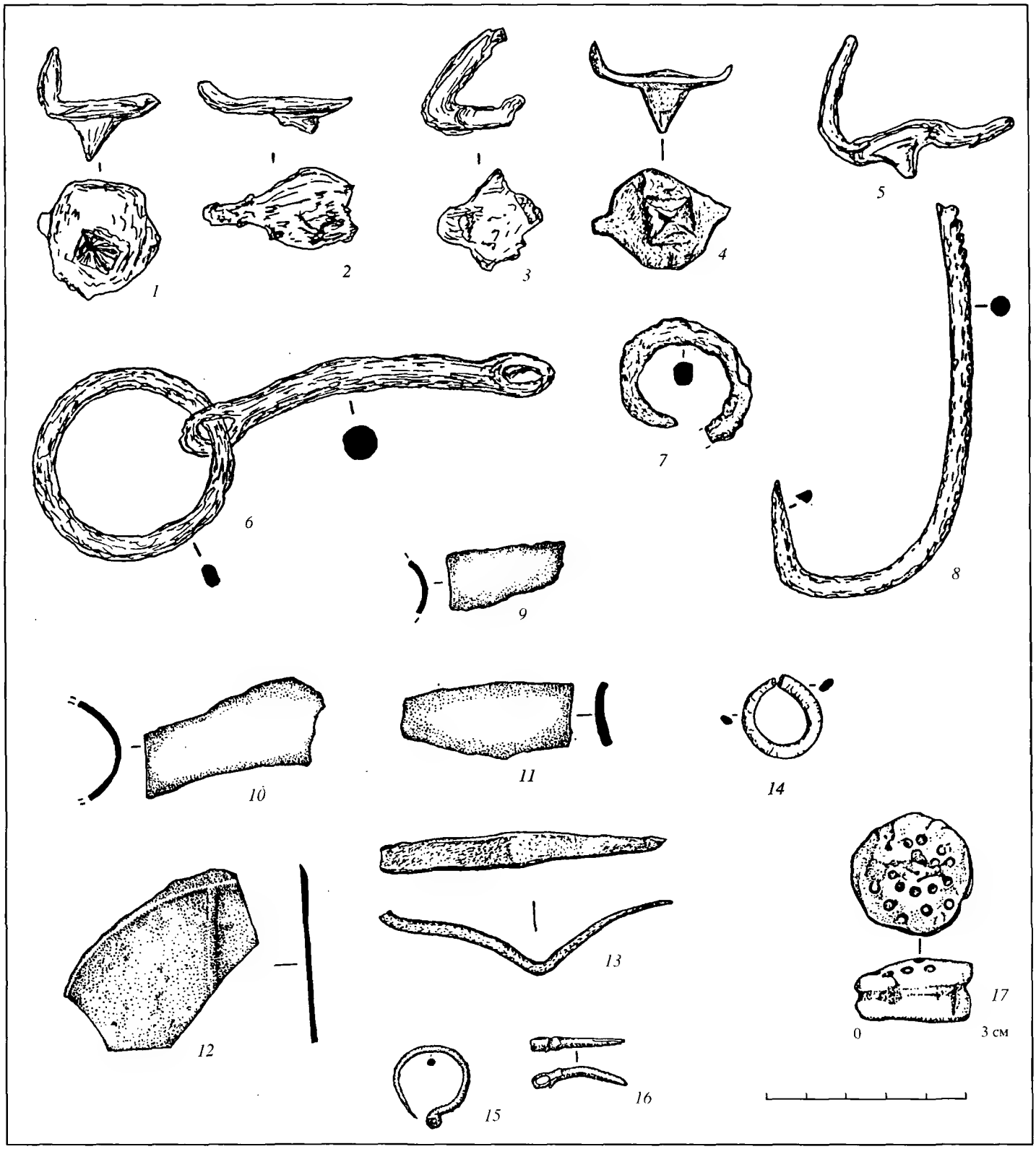


Рис. 9. Семеновская крепость

1–8, 13 – железо, *9–12, 14–16* – бронза, *17* – керамика. *1–5* – "ледоходные" шипы; *1* – 95-2/9, зачистка подошвы; *2* – 95-, яма 10, слой 3; *3* – 95-, яма 10, слой 5; *4* – 96-/18, яма 18А; *5* – 95-, яма 13, слой 3; *6* – часть двусоставных кольчатых удил, 95-1/6; *7* – кольцо, 96-, яма 18, слой 2; *8* – крюк для ловли осетровых, 95-1/6; *9* – фрагмент бронзовой трубки, 95-, яма 14, слой 3; *10* – фрагмент бронзовой трубки, 96-3-24ГIV; *11* – фрагмент бронзовой трубки, 95-2/26, яма 26; *12* – фрагмент зеркала, 96-2/28ГIV; *13* – скоба, 95-1/27ВIII/№ 28; *14* – кольцо, 95-, яма 13, слой 3; *15* – височное кольцо, 96-/29, яма 29, слой 2; *16* – язычок пряжки, 96-/12, яма 18, № 1; *17* – керамическое изделие непонятного назначения, возможно, фишка, 96-, яма 23, бровка

генуэзцам плавать в Азовское море, однако в действительности речь идет скорее об отсутствии привилегий для иностранцев в двух портах, ср.: *Бибиков*, 1981. С. 67, 73.) Учитывая, что эти упоминания укладываются в довольно узкий хронологический интервал, можно признать, что интенсивная жизнь в городе должна была проходить во второй половине XII в.

Остальные упоминания региона скорее являются "намеками" на происходившие здесь явления. На рубеже XI–XII вв. болгарский архиепископ Феофилакт в письме полководцу Григорию Тароните сообщает, что турки-сельджуки угрожают греческим городам между рекой Танаис и Меотидским озером (*Каждан*, 1963. С. 96). Вполне понятно, что это указание допускает двойственное толкование: города, населенные греками или только подчиненные империи (или даже союзные ей, находящиеся в какой-то зависимости и т.п.).

Текст речи Михаила-ритора – племянника (или близкого человека) солунского митрополита – позволил М.В. Бибикову сделать предположение о "состоявшемся или готовившемся походе около 1152 г. византийских войск в северное Приазовье (может быть, против половцев или Изяслава)" (*Бибиков*, 1982. С. 75). Однако данных для такого предположения не достаточно: в тексте речь идет только о том, что после победы византийского императора над венгерским королем в 1151 г. весть об этом дошла до "тавроскифов", причем "северный" от шума молвы тяжело повесил голову (*Бибиков*, 1982. С. 75). Вполне понятно, что за этой риторикой вообще могут не скрываться какие-либо факты.

Сведения более позднего времени отсутствуют (источников, касающихся Приазовья после падения Византии в 1204 г., еще меньше).

Особо следует упомянуть **печати архоитиссы Русии Феофано Музалон,** которые условно можно считать византийскими. Они являются еще одним (увы, неоднозначным) доказательством существования города Русии. Моливдовулы имеют приблизительную дату по общей "иконографии", но сами исследователи указывали на необычность именно этой печати. При первой публикации Г. Шлюмберже смог на основании всех признаков дать только широкую дату – XI–XII вв. (*Schlumberger*, 1884. P. 432–433). Впрочем, аналогия иконографическому сюжету, приведенная В.Л. Яниным, относится вообще к XIV в. (печать архиепископа Фессалоник 1300–1322 гг.) (*Янин*, 1965. С. 78; ср.: *Schlumberger*, 1884. P. 105–106). Французский исследователь посчитал, что печать принадлежит византийской аристократке, вышедшей замуж за русского князя. После этого начался поиск информации для атрибуции печати в русских источниках. Исходными посылками для поиска были дата в два века, территория Древней Руси и имя Феофано Музалон. Х.М. Лопарев связал с владелицей печатей единственную русскую княгиню по имени Феофания – жену последнего тмутараканского князя Олега-Михаила Святославича (*Лопарев*, 1894. С. 160). Эта атрибуция стала господствующей (*Янин*, 1965; 1970). Такая персонификации Феофано позволяет относить печати к значительно более короткому промежутку времени. В.Л. Янин посчитал, что печати могли быть оттиснуты в течение всей жизни Олега Святославича (вплоть до 1115 г.), хотя никаких данных о его жене кроме имени, а также об обстоятельствах рождения его сыновей нет (*Янин*, 1965. С. 80–81). Однако обратим внимание на слабые стороны аргументации господствующей версии.

1. Нет гарантии, что Феофано Музалон печатей и Феофания – жена Олега-Михаила – одно и то же лицо. Нет даже полной уверенности, что последняя была гречанкой, не говоря уже о немыслимых утверждениях о том, что это "византийская принцесса" (*Десятчиков*, 1996. С. 9).

2. Орфография написания слова "Русия" именно в этой печати отличается от всех остальных русских предметов с этим же титулом. Если на всех других русских печатях оно передается как "Ρωσια" или "Ροσια", то у Феофано – "Ρουσια" (Ведюшкина, 1995. С. 108).

3. Точных аналогий в иконографии печать не имеет. Имеющиеся аналогии не позволяют датировать печати у́же, чем в интервале XI–XII вв., допустима даже более широкая дата.

Кроме того, часть признаков свидетельствует, скорее, о том, что Феофано не была женой Олега Святославича. Его печати, относящиеся к таманскому периоду правления, содержат совершенно иную титулатуру: там нет упоминания Русии, а владелец печати назван архонтом "Матрахи, Зихии и всей Хазарии" (*Янин*, 1970). Отнесение этой печати к русскому периоду правления князя выглядит маловероятным. Во-первых, из-за упомянутого несоответствия орфографии. Во-вторых, представляется по крайней мере странным то, что печати Феофано известны только в виде антикварных предметов с территории Византии, но совершенно не встречены за все время раскопок древнерусских городов.

Если признать идентификацию владелицы печатей, возможную их дату придется сузить на неопределенный период. Хотя В.Л. Янин заключил, что Феофано могла оттискивать свои печати в течение всей жизни мужа, есть безусловно прямые свидетельства того, что по крайней мере младший сын Олега происходил от брака с половчанкой Осолуковной (*Гуркин*, 1999. С. 43). Дело не только в возможных данных несохранившихся источников, известных Н.М. Карамзину, который уверенно считал женой Гориславича половчанку (*Карамзин*, 1892. С. 115. Примеч. 295; С. 120. Примеч. 302). Сохранилось упоминание о том, что сыновья хана Осолука приходились младшему сыну Олега Святославу дядьями по материнской линии (уями): "... Святославъ же поведе Иванкови Гюргевичи, Иванови Ростиславичу Берладникоу и дружине своеи и Половцемъ дикымъ оуемъ своимъ Тюпрако Осолуковичи и брату его Камосе се на мя идеть Изяславъ Мьстиславичь ..." (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 334).

Если же Русией моливдовулов считать город, а не страну, то придется признать, что населенный пункт существовал уже приблизительно на рубеже XI–XII вв.

Впрочем, слабый намек на возможность существования этого города содержится уже в сочинении Кон-

стантина Багрянородного. Это, во-первых, последовательность топонимов в названии 42-й главы, где Росия расположена в позиции между Саркелом и Некропилами (хотя в самом тексте главы речь идет именно об основной территории Древней Руси) (*Константин Багрянородный*, 1991. С. 170–171). Перечисление объектов, подлежащих описанию, здесь дано "бустрофедоном" в широтном направлении. С запада на восток: Дунай – Белград – Венгрия – степи, занятые печенегами – Саркел; затем на запад: Россия – Некропилы – устье Днепра; затем на восток: Крым – Азовское море – Тамань – Северный Кавказ. Помещение в такой последовательности района Среднего Днепра требует "перенесения" через территорию печенегов.

Во-вторых, еще более туманное упоминание внешней Росии (*Константин Багрянородный*, 1991. С. 44–45) при отсутствии противопоставляемой внутренней (при этом и северные и южные земли Руси подпадают под определение внешних). Мнение о том, что противопоставляющиеся термины типа "внешняя – внутренняя", "верхняя – нижняя" не имеют принципиальной разницы, а связаны лишь с "эгоцентризмом" человека средневековья (*Петрухин, Шелов-Коведяев*, 1988. С. 184–190; ср.: *Коновалова*, 1999. С. 45, 152, 181), признать не могу. Эгоцентризм был свойствен человеку средневековья приблизительно в той же мере, что и современному. Особенно странно, что к этой "первичной системе ориентации" относят понятия "верхняя" и "нижняя" (*Петрухин, Шелов-Коведяев*, 1988. С. 188), которыми пользуются в прямом значении по крайней мере от момента возникновения письменности до настоящего времени. Области, расположенные выше легко определяются по направлению течения воды (а не удаленности от моря). Сам факт наименования каких-то областей внешними или внутренними говорит об их различии. В данном же случае просто недостаточно данных источника для уверенного определения. Впрочем, никаких достоверных археологических материалов, свидетельствующих о присутствии русского населения в X в. в Приазовье, нет.

Арабские источники. Для понимания степени достоверности сведений арабских источников, прежде всего ал-Идриси и последующих авторов, необходимо представлять себе общую схему развития географических знаний в мусульманском мире, которая не так уж сложна, особенно, если рассматривать только информацию о территории России (рис. 10).

Стремительный взлет арабской географии относится к X в., когда движение торговцев, путешественников, воинов и дипломатов в мусульманском мире и за его пределы было наиболее оживленным, а множество географов пытались осмыслить и систематизировать получаемую от них информацию. Достижения античной географической науки были осмыслены мусульманами почти в полной мере.

Затем наступает период застоя, когда ученые работали главным образом в библиотеках и лишь компилировали более ранние сведения (*Крачковский*, 1957). Естественно, и в этот период появлялись сочинения, составленные очевидцами, например, Абу Хамидом ал-Гарнати. Но в целом об осмыслении и систематизации этих точечных сведений говорить не приходится. Последовательность авторов, чья информация может иметь отношение к нашим проблемам, можно наглядно проследить по схеме.

Труд ал-Идриси стал первым обобщением после застоя. В этом сочинении ничего не говорится о присутствии русского населения в Приазовье, но фигурирует город Русия. В источнике, естественно, много сведений, почерпнутых у представителей классической школы арабской географии, но приведено и множество новых данных, отражающих изменившуюся обстановку, в том числе и относительно Восточной Европы. Но новые данные были недостаточно полны для того, чтобы создать обобщенное представление о мире. Попытка этого автора организовать материал по "астрономическому" принципу была весьма неудачна, и очень скоро мусульманские географы от нее отказались.

По известности труд ал-Идриси существенно выигрывает по сравнению с другими авторами. Высокая оценка достоверности этого источника, данная Б.А. Рыбаковым (1952), породила почти слепое доверие к нему в широких кругах исследователей. Между тем, по оценкам столь авторитетных востоковедов, как И.Ю. Крачковский и В.В. Бартольд, труд ал-Идриси был скорее шагом назад в развитии географической мысли (*Крачковский*, 1957. С. 289, 294; *Бартольд*, 1973. С. 104). Такого же мнения придерживался и М. Рено (*Reinaud*, 1848. P. CXX), чей обзор арабской географической литературы, по образному выражению И.Ю. Крачковского, является "жемчужиной французского востоковедения" и "неизменным справочником для всех, занимающихся историей географии" (*Крачковский*, 1957).

Однако публикации этого источника продолжались. Был сделан новый перевод и комментарий фрагментов из сочинения ал-Идриси, относящихся к территории СССР (*Бейлис*, 1984). Периодически появлялись работы, посвященные конкретным проблемам трактовки текста ал-Идриси (*Бейлис*, 1962; 1984; *Коновалова*, 1992; 1993а; 1993б; 1995). Важным этапом стала монография И.Г. Коноваловой (1999), в которой учтены мнения прежних исследователей буквально для каждой фразы, проведен предельно полный анализ текста, сделаны попытки максимально примирить данные сочинения с реальностью, что удается сделать далеко не всегда в силу качества самого источника.

В аналитической части бросаются в глаза два наиболее употребительных термина: "конъектура" и "контаминация". В согласовании данных источника с действительностью приходится постоянно изменять названия из рукописей на какие-то другие, что арабский алфавит позволяет делать путем перестановки точек и замены букв на похожие. Приведу один пример, иллюстрирующий степень достоверности источника. Хорошо известный город Байлакан комментаторам пришлось переименовать в область Галатию (билад ал-Байлакан – билад ал-Калат) (*Коновалова*, 1999. С. 70–71), только так можно было согласовать сообщение источника с реальностью. Таких примеров множество. Читатель может себе представить,

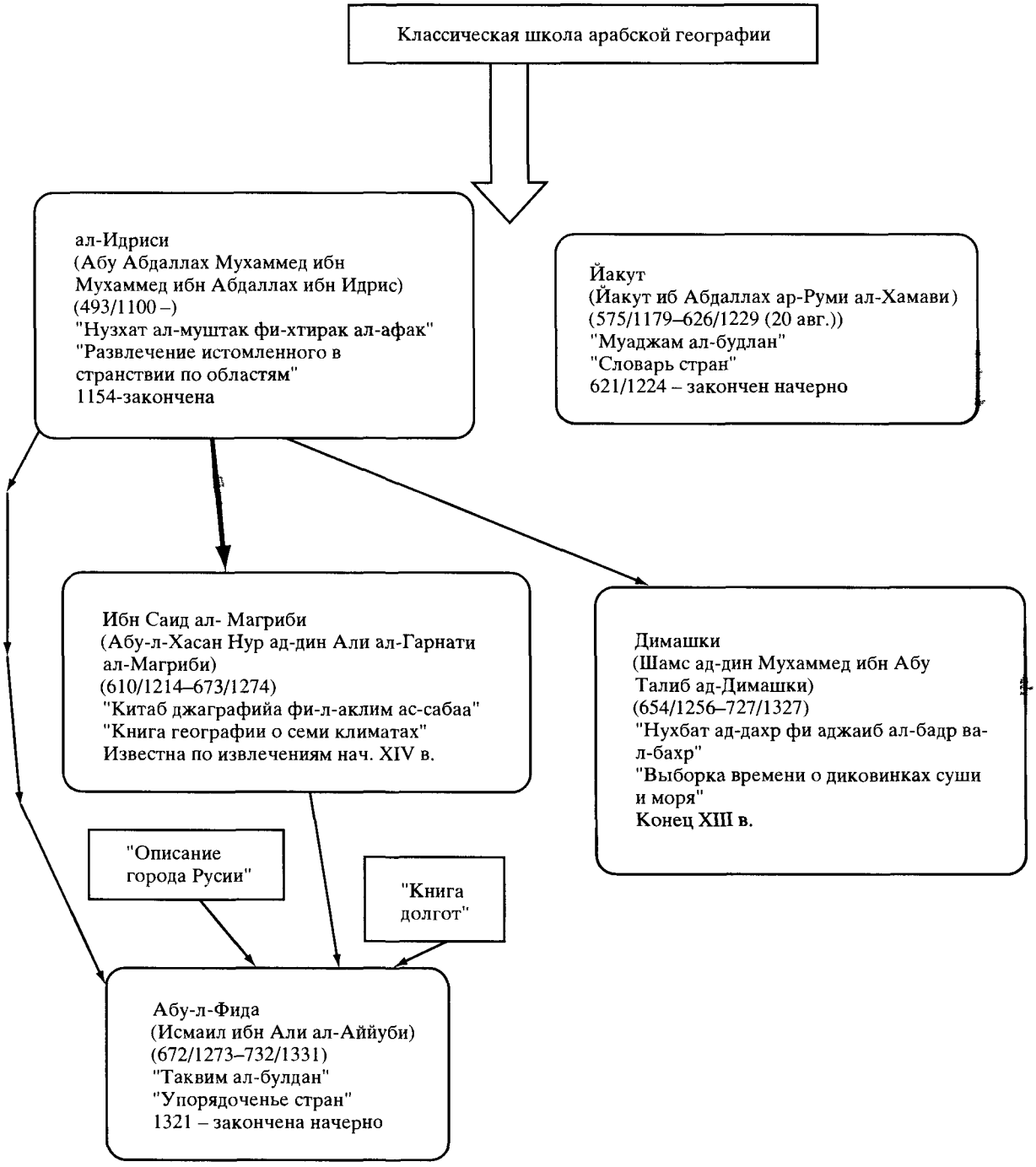


Рис. 10. Приблизительная схема последовательности работ арабских географов, упоминающих город Русию

насколько менее надежной будет информация о территориях, более отдаленных от мусульманского мира. Контаминация весьма показательна в той части сочинения, которая важна для нашей темы. Под названием "Трапезунд", как кажется комментаторам, скрываются и настоящий город, и некий не упомянутый ни одним источником город рядом с (одноименной) горой Чатырдаг в Крыму (*Коновалова*, 1999. С. 173–176), которая менее двух веков спустя у Абу-л-Фиды фигурирует уже под современным названием. Города восточного побережья Черного моря имеют названия гор из сочинения ал-Хваризми (заимствованные у Птолемея), но в их описании использованы данные о настоящих аланских городах (*Бейлис*, 1984. С. 210, 221; *Коновалова*, 1999. С. 176, 177), хотя от побережья далеко и до птолемеевых гор, и до Алании.

Наконец, для представления надежности источника очень показательно, что ал-Идриси принадлежал к небольшому числу арабских географов, которые вообще не знали о существовании Азовского моря, хотя оно было знакомо и его предшественникам, в том числе тем, чьи данные были использованны (*Бейлис*, 1962. С. 23–25), и последователям. Поэтому при локализации города Русии едва ли можно признать, что "наиболее достоверные сведения об этом городе

содержатся в сочинении географа середины XII в. ал-Идриси" (*Коновалова,* 1993а. С. 36).

Учитывая известность источника, приведу только факты, полезные для локализации. 1) Город находится на берегу одноименной реки. 2) От города Матраха до города Русия 27 миль. 3) Между городами Матраха и Русия в море впадает река Сакир. 4) От Трапезунда до устья реки Русийу – 75 миль (в данном случае узнаваемо описаны г. Трапезунд и р. Кубань). 5) От Трапезунда до Русии (не понятно, города или реки), пересекая море (на лодке) – 5 дней. Еще два ориентира труднее использовать, поскольку не поддается уверенной локализации г. Бутар. 6) От г. Русия до г. Бутар – 20 миль. 7) От г. Бутар до устья реки Русийа – 25 миль.

Если исходить только из текста ал-Идриси, то наиболее вероятной будет локализация города Русии в районе Керчи, что блестяще показала И.Г. Коновалова (1993а; 1993б; 1999), поскольку нижнее течение реки Русийа из текста этого источника можно сопоставить только с Азовским морем и Керченским проливом (единственный способ объяснить отсутствие Майотиса). Этому противоречат (по крайней мере, не подтверждают) некоторые факты. 1) Расстояние от Трапезунда в 75 миль (в данном месте, безусловно, до района Керченского пролива) позволяет полагать, что меры длины здесь очень разнятся. Тогда, при кратном увеличении, расстояние в 27 миль от Матрахи до Русии будет больше подходить для устья Дона. 2) И текст, и карта свидетельствуют о том, что Русийа и Сакир – разные реки. При этом сказано, что Русия находится на противоположной от Матрахи стороне р. Сакир, но нет указания, что и на противоположном берегу р. Русийа.

Немногочисленность сохранившихся сочинений более поздних авторов и их очевидная последовательность позволяют выделить те данные, которые появились недавно и были заимствованы не из книг, но от синхронных информаторов (возможно, из несохранившихся протографов, но также более или менее синхронных).

К XIII в. относятся сочинения ад-Димашки и Ибн Саида ал-Магриби. Оба были знакомы и с сочинениями классической школы, и с ал-Идриси. В силу того, что их сведения кратки, можно привести полностью нужные фразы, выделив курсивом оригинальную часть информации.

Димашки: "*Русы происходят из города под названием Русия на побережье моря, с севера от него.* И говорят, [что] они происходят от Руса сына Турка, сына Туджа. *У них в море Ман-й-тас населенные острова* и боевые корабли, воюющие с хазарами. И входят к ним через протоку, [которая] впадает в это море из реки Итиль" (*Dimichqui,* 1866. P. 262). Следует обратить внимание на то, что к русам входят через протоку, которая впадает в Азовское, а не в Черное море.

От текста ал-Идриси более независим Ибн Саид ал-Магриби (1214–1274). Полное имя – Абу-л-Хасан Нур ад-дин Али ал-Гарнати ал-Магриби. Хотя он родился в Гранаде, работал преимущественно в Багдаде и Алеппо, возможно, умер в Дамаске (*Бартольд,* 1973. С. 104). Именно в это время связь Восточного Средиземноморья (Королевства Иерусалимского) с Причерноморьем была наиболее активной, поэтому можно предполагать, что географ имел дело с осведомленными информаторами. Он сохранил систему описания ал-Идриси по широтным климатам, но избежал дробления информации об отдельных странах, больше заботился о точности координат, в его тексте меньше анахронизмов (*Бартольд,* 1973. С. 105, 106). Тем не менее, все широты, относящиеся к Причерноморью, даны значительно севернее, чем на самом деле: Константинополь – 45°, севернее 50° – Крым и Северный Кавказ.

"*И впадает на севере этого моря* (*подразумевается море Майит-с*) *большая река,* отходящая от озера Тума, *а в конце этой реки, на западном берегу – Русия, и она – столица русов.* И они – один из многочисленных народов Аллаха, лица их длинные. *А этот город там, где долгота пятьдесят семь градусов и тридцать две минуты, а широта – пятьдесят шесть градусов. И у них на морях Бунтус и Майит-с многочисленные города неизвестные по названию. А к востоку* от них – большое озеро Тума" (*Seippel,* 1896. P. 101).

Текст источника ярко свидетельствует о том, что информация не могла быть заимствована у ал-Идриси. Здесь без труда идентифицируется Дон, есть данные об Азовском море и русском населении, но и широта Русии значительно севернее, чем у пунктов Крыма. К сожалению, источник не синхронен упоминаниям Русии в византийских источниках.

Все сведения Абу-л-Фиды, относящиеся к нашему периоду, являются анахронизмами (в целом он владел достаточным количеством информации о золотоордынских населенных пунктах XIV в., в том числе в Приазовье), но могут быть учтены, так как в них отражены данные несохранившихся протографов, например "Книги долгот", хотя большая часть сведений заимствована у Ибн Саида (со ссылкой на последнего): "Сказал Ибн Саид: "Она (Руссия. – *И.В.*) – столица руссов, а они – один из смелых народов Аллаха, и они с длинными лицами. И у них на море Ниташ многочисленные поселения неизвестные по именам. *И упомянуто в "Книге долгот", что долгота ее 77°30', а широта ее – 45°. Сказано также в описании города Руссии, что долгота ее 77°, а широта ее – 58°*" (*Aboulfeda,* 1840. P. 222, 223).

Как видим, большая часть текста этого автора заимствована у Ибн Саида. Исключение составляют два варианта координат города, сильно отличающиеся между собой и не соответствующие данным Ибн Саида.

Происхождение "описания города Русии" не известно, скорее всего, это не отдельное сочинение, а фрагмент какого-то несохранившегося протографа. И.Г. Коновалова, следуя французскому переводу, расценила смысл последней фразы следующим образом: "Также говорится (там же?), что Кутаба – русский город, его долгота – 77°, а широта – 58°" (*Коновалова,* 1993б. С. 105; ср.: *Reinaud M.,* 1848. Т. 2. P. 305, 321). Не известное ни в каком другом месте собственное имя "Кутаба" предполагается понимать как Киев. При таком варианте перевода совершенно не понятно,

почему сообщение о Киеве помещено в строку таблицы, где речь идет только о городе Русии. Если же понимать это слово как "описание" (тоже не безупречный вариант перевода), – то все становится на свои места: в столбцах таблицы, посвященных координатам, Абу-л-Фида поместил данные, взятые из сочинения Ибн Саида ал-Магриби, которому он больше всего доверял. В столбце таблицы, предназначенном для более подробного описания города, он предпочел дополнительно указать координаты, которые отличались от указанных Ибн Саидом.

Если проводить сравнения с реальными координатами, то широта 58° потенциально должна свидетельствовать о расположении города значительно севернее Причерноморского региона (широта Пскова – Старой Руссы). Более важно в данном случае другое: этому арабскому автору был известен несохранившийся источник, где содержалось "описание города Русии".

Более существенны координаты из "Книги долгот", известной только по упоминаниям в сочинении Абу-л-Фиды. И.Ю. Крачковский предположил, что это неизвестное сочинение представляет собой одну из арабских переработок Птолемея (*Крачковский*, 1957. С. 391). Если это и так, то это очень творческая переработка, где добавлены не известные Птолемею пункты и изменены координаты античного автора. Здесь широта города (45°) соответствует одной из ключевых точек "Географии" и "Альмагеста" (соответственно 45° и 45°1') Клавдия Птолемея – середине Понта, продолжительность самого длинного дня здесь – 15,5 часа (*Райт*, 1988. С. 218–219). Устье Танаиса у античного автора соответствует широте 54° с продолжительностью самого длинного дня в 17 часов; для центра Меотиды те же параметры – 50°4' и 16,25 часа. В реальности Керченский пролив находится на широте несколько больше 45°, а устье Дона – несколько больше 47°. Следовательно, если сравнивать исключительно данные "Книги долгот" с реальностью, то город придется локализовать в Южном Приазовье.

Но, если проводить сравнение с широтами других населенных пунктов, приведенными в сочинении Абу-л-Фиды, то район устья Дона окажется более предпочтительным: при описании города Сарая именно этот автор указывает, что там широта – 48°8', а продолжительность самого длинного дня – 17 часов, что соответствует продолжительности самого длинного дня на широте устья Танаиса у Птолемея. Та же широта в 48°8' указана для Азака, положение которого как раз и соответствует устью Дона.

Как видим, по свидетельствам арабов, в районе устья Дона жили именно русские. С этим русским населением связан и город Русия, локализация которого предельно важна.

Для локализации города Русии в последнее время совершено не использовали такую важную группу источников как **портоланы** XIII–XV вв. Дошедшие до нас карты восходят к съемкам того времени, когда город Русия уже исчез или был близок к этому – во время существования Латинской империи (*Волков*, 2001), но портоланы важны для понимания многих мест из сочинения Идриси. Можно привести конкретный пример. В тексте сицилийского араба фигурируют города Черная и Белая Кумании, которые расположены, судя по тексту и карте, далеко не в половецких землях. Пытаясь примирить реальность и сочинение, Б.А. Рыбаков предложил считать обе Кумании не городами, а областями половецкой земли, владениями Бонякидов и Шаруканидов (*Рыбаков*, 1952. С. 42–44). Эта точка зрения получила широкое распространение. Между тем, простой просмотр портоланов показывает, что существовал только один город с этим названием, локализуется он довольно точно, в районе устья р. Молчной на Азовском побережье (приблизительно с. Кирилловка), именно в куманских землях, что также отмечено на картах. Если же мы посмотрим на Черноморское побережье Кавказа, а именно там находились обе Кумании ал-Идриси, то найдем Черную и Белую Зихии, приблизительно на тех же местах, где они должны быть у сицилийского географа. Причина путаницы с названиями городов, производными от названий народов, кажется, очевидна. Это сопоставление красноречиво показывает, насколько ненадежны сведения этого средневекового географа и использование его точной по форме информации. Из этого же примера видно, что "придворный сказочник" имел информацию по крайней мере об одном городе побережья Азовского моря, но не имел понятия о существовании самого моря. Следовательно, любой населенный пункт с Азовского побережья он мог с легкостью перенести на Черноморское. Очевидно, что все его данные о расстояниях вообще сомнительны, а не будь портоланов, можно было бы только признать, что для Черной и Белой Кумании "локализация затруднительна" (*Коновалова*, 1992. С. 33). При этом совершенно не было бы данных для вывода о том, что оба города вымышлены, а единственный реальный находится совершенно не там, куда его поместило воображение ал-Идриси.

Для локализации Русии портоланы также существенны. В них на месте станицы Голубицкой достаточно уверенно обозначается пункт Копа (*Волков*, 1998). Подходящие названия для Русии также есть, их в пределах возможного района поиска всего три. Это остров Росса (Isola Rossa, Isola li Rossi), однозначно соответствующий современному острову Джарылгач, расположенному между заливами Керкинитским и Джарылгач. По странному стечению обстоятельств это совершенно не было использовано при локализации острова, известного из сочинений авторов классической школы арабской географии, и даже в наше время исследователь, знакомый с портоланами, предпочел его другую идентификацию (*Орлов*, 1996. С. 161–164. Рис. 8, *1*). Это также река Росса на северном побережье Таганрогского залива – однозначно соотносится с современным Миусом. Ф.К. Брун считал более вероятной связь этого названия с рекой Кальмиус (Брун, 1879. С. 122), отчасти из-за того, что в его распоряжении не было достаточного количества морских карт, отчасти – из-за того, что ему хотелось найти для этого названия реку, верховья которой граничат с бассейном Днепра. Хотя у устья Миуса и находится очень маленькое поселение, соот-

ветствующее по времени сочинению ал-Идриси (*Ларенок В.А.*, 1996), оснований для его связи с городом Русией недостаточно.

Наконец, в районе устья Дона устойчиво обозначался пункт Касале-ли-Росси. Последний пункт, судя по этимологии, должен быть поселением, но он ни разу не выделен цветом, как другие важные населенные пункты, где суда могли делать стоянки с целью торговли. Не упоминается он и в сочинении Франческо Пеголотти, и ни в одном источнике XIV в., хотя документов этого времени, касающихся торговли, довольно много. Объяснить противоречие, на мой взгляд, можно только допустив, что поселок перестал существовать раньше или около того времени, когда стали составлять первые портоланы, но его развалины были еще видны и сохранилась память о названии.

Теперь есть смысл отдельно остановиться на проблеме локализации города Русии. В историографии существуют три основных версии. Господствующая и, на мой взгляд, наименее обоснованная основывается почти исключительно на данных ал-Идриси и сводится к единству Русии и Керчи. Видимо, первым ее сформулировал Ф.К. Брун (1879. С. 122). Локализация была признана Ю.А. Кулаковским (1902. С. 132–133). Затем это мнение было повторено Б.А. Рыбаковым и стало господствующим. Его разделяет и И.Г. Коновалова (1993а; 1993б; 1999. С. 163).

При этом определении придется признать, что отдельного города с таким названием вообще не существовало, а "Русия" – только дополнительное наименование для Боспора, который почему-то во всех византийских источниках называется исключительно Боспором (Воспоро), в русских – Корчевом, в тексте Абу-л-Фиды – Керчью (Карш). Более того, в пределах современной Керчи на средневековых портоланах присутствует несколько топонимов, причем ни один из них не может быть сопоставлен с Русией, хотя даже для искаженного наименования Пантикапея (в форме "Pondico") там нашлось место (*Фоменко*, 2001. С. 63).

Другая точка зрения значительно менее распространена, хотя имеет под собой больше оснований (правда, опять же, если опираться только на текст ал-Идриси). Она сводится к локализации Русии на месте станицы Голубицкой (городище Голубицкая-1). Ее автором был Ю.М. Десятчиков (Памяти Ю.М. Десятчикова, 1996. С. 255; *Десятчиков*, 1996. С. 8–9). Главным основанием для такой локализации является расстояние от Матрики до Русии в 27 миль.

Аргументацию сторонников этой версии можно было бы незначительно расширить, исходя из того же ал-Идриси, указавшего, что Матраха стоит на берегу реки Сакир, а на противоположном берегу этой реки находится город Русия (*Коновалова*, 1999. С. 94, 95). Совершенно разумно И.Г. Коновалова связала этот гидроним с названием "Сехерий", известным по античным источникам (*Коновалова*, 1999. С. 94). Однако расценивать его как название Кубани – не совсем правильно. Работы по гидронимике, которые использовала И.Г. Коновалова (*Галкин, Коровин*, 1980; *Хапаев*, 1990), причисляют к названиям Кубани даже те наименования, которые не имеют отношения к этой реке, не говоря уже о преувеличенном количестве вариантов транслитераций. Скорее всего, название Сехерий относится только к части Кубани, причем небольшой, одному из рукавов дельты в пределах Таманского полуострова. Эта река упоминается в "Естественной истории" Гая Плиния Старшего (VI, 17): "А на берегу близ керкетов река Икар, аки с городом Гиер и рекой в 136 милях от Гераклея, затем мыс Круны, дальше которого крутую возвышенность занимают тореты, Синдское государство на расстоянии 65,5 от Гиера и река Сехерий. Оттуда до входа в Киммерийский Боспор 88,5 мили" (Кавказ..., 1990. С. 219; *Скржинская*, 1977. С. 100). Указанное расстояние от Керченского пролива не позволяет точно локализовать эту реку, более того, расстояние больше, чем до любого возможного черноморского устья Кубани и до большинства вероятных устьев в Азовской части дельты (последнее вообще маловероятно, так как описание в тексте Плиния идет с юго-востока на северо-запад, в сторону Керченского пролива). Тем не менее резоннее всего предполагать, что гидроним относится к какой-то из проток дельтовой части Кубани. Текст Плиния делает наиболее вероятной локализацию в бассейне современных Кизилташского и Витязевского лиманов (естественно, современные Старая Кубань и Кубанка (Якушкино гирло) настолько часто меняли русло, что о точном сопоставлении говорить не приходится, как и для устьев лиманов). Тогда Русия должна находиться на Таманском полуострове, восточнее Матрики.

Такая локализация находит и еще одно соответствие с характеристикой реки Сакир у ал-Идриси: черноморское устье Кубани вполне могло быть началом водного пути в Азовское море, Дон, Волгу. Из Черного моря можно было попасть в Азовское, обходя Керченский пролив, через лиманы и Кубань. В некоторых случаях этот путь был даже более предпочтительным (*Волков*, 1999; 2000. С. 43–44). Тогда под наименованием "Сакир" может подразумеваться часть бассейна Кубани, включающая Кизилташский лиман, рукава Кубани в пределах Таманского полуострова, Ахтанизовский лиман, Пересыпское гирло, а, возможно, и другие протоки, ведущие из Ахтанизовского лимана в Таманский залив. В этом случае Голубицкое городище действительно будет располагаться на противоположном берегу реки Сакир от Таманского городища. Только так информацию ал-Идриси можно примирить с действительностью (рис. 11).

Как известно, Тамань вовсе не находится на берегу реки. Даже если предположить, что под рекой Сакир опять же подразумевается Керченский пролив, то расстояние до него от места городища составляет не менее 8 км. Рекой вполне мог быть назван Таманский залив, на берегу которого и стоит Тамань, если в это время функционировала хотя бы одна из проток, ведущих из Ахтанизовского лимана в залив (*Волков*, 1998. С. 42. Рис. 1). Тогда можно было бы рассчитывать на значительное опреснение воды и даже течение. В этом случае не выглядело бы столь невероятным и утверждение ал-Идриси о том, что река Сакир отделяется от Итиля, так как вполне возможно было движение из Черного моря в Азовское (и далее до

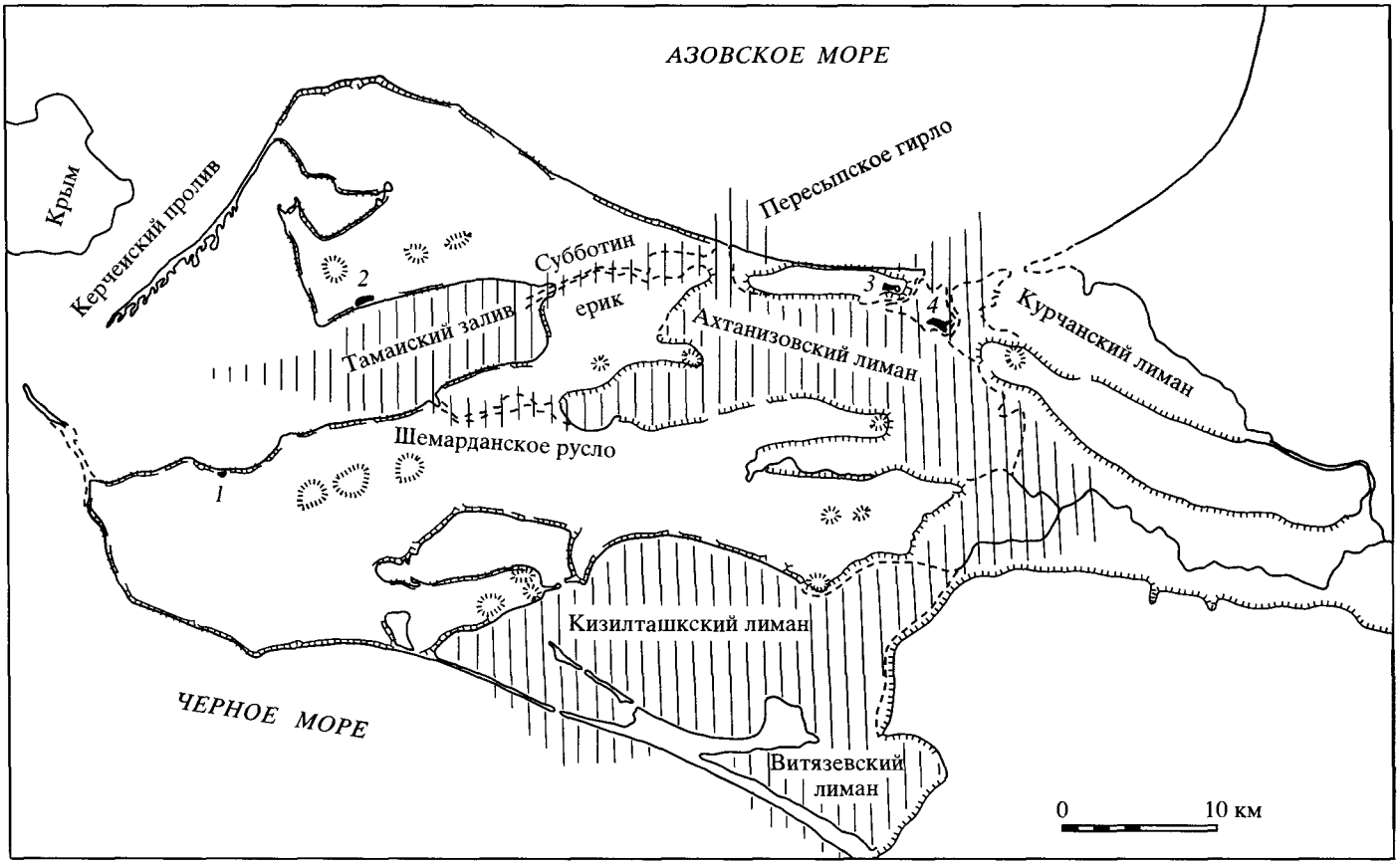


Рис. 11. Схема возможной локализации устья реки Сакир ал-Идриси, соответствующей реке Сехерий Плиния Старшего.
Вертикальной штриховкой показана часть бассейна устьевой области Кубани, через которую был возможен путь в Азовское море и Дон, минуя вход в Керченский пролив. Номерами обозначены поселения, на которых представлены находки второй половины XII в.: *1* – Таманское городище; *2* – поселение Гаркуша-1 (античный Патрей); *3* – городище Голубицкая-1; *4* – поселение Темрюк-1

Переволоки и Волги), минуя Керченский пролив: через протоки Кубани (носящие самостоятельные названия) и лиманы.

Необходимо отметить и другие факты, свидетельствующие в пользу локализации, предложенной Ю.М. Десятчиковым. В первую очередь – наличие мощного слоя второй половины XII в. именно на Голубицком городище (таких поселений вообще очень мало), это второй по масштабам город после Тмутаракани. Кроме того, на карте ал-Идриси Русия обозначена между Матрахой и пунктом Бутар. Последний может быть сопоставлен с названием Lo Tar, Tar, Tar Magno на портоланах (Должанская Коса). Тогда Русию придется искать на побережье Азовского моря между Таманью и Должанской. Сходный результат будет, если сопоставлять Бутар с Bato (Balo), отмечавшимся на портоланах между Копой и мысом Креста (Capo de Croxe – современный Ахиллеон).

Многие положения аргументации Ю.М. Десятчикова вообще вводят в заблуждение. Например, детинцем города называется Суворовский редут, возведенный в конце XVIII в. (к нему же относится и ров) и т.п. (*Десятчиков*, 1996. С. 9; Захаров, 1998; 1999). Недостаточная публикация средневековых материалов Таманского полуострова породила даже курьезную версию о единстве Русии и Тмутаракани и расположении оной восточнее Таманского залива (*Никонов*, 2000).

Третья точка зрения имеет весьма почтенный возраст. Она сводится к тому, что этот порт должен был находиться у устья Дона. Видимо, первым ее высказал Ж.Т. Рено (*Reinaud J.T.*, 1848. P. 320). Аргументация такой локализации, во-первых, основывается на том, что арабские авторы XIII–XIV вв. в той части, где их информация не зависит от ал-Идриси, однозначно сообщают о расположении города Русии и наличии русского населения в низовьях Дона. Во-вторых, именно там на итальянских портоланах располагали пункт под названием Касале-ли-Росси. В-третьих, именно здесь мы имеем достоверные археологические свидетельства присутствия русского населения (в значительно большем количестве, чем для любого пункта Таманского полуострова, кроме Тмутаракани). Поэтому версия выглядит наиболее предпочтительной.

Два хрестоматийных европейских нарративных источника дают скорее отрицательную информацию "по умолчанию". Никакие поселения на побережье Черного и Азовского морей не отмечены в тексте Плано Карпини, хотя потенциально он мог их видеть. Здесь следует оговорить, что на картах в изданиях

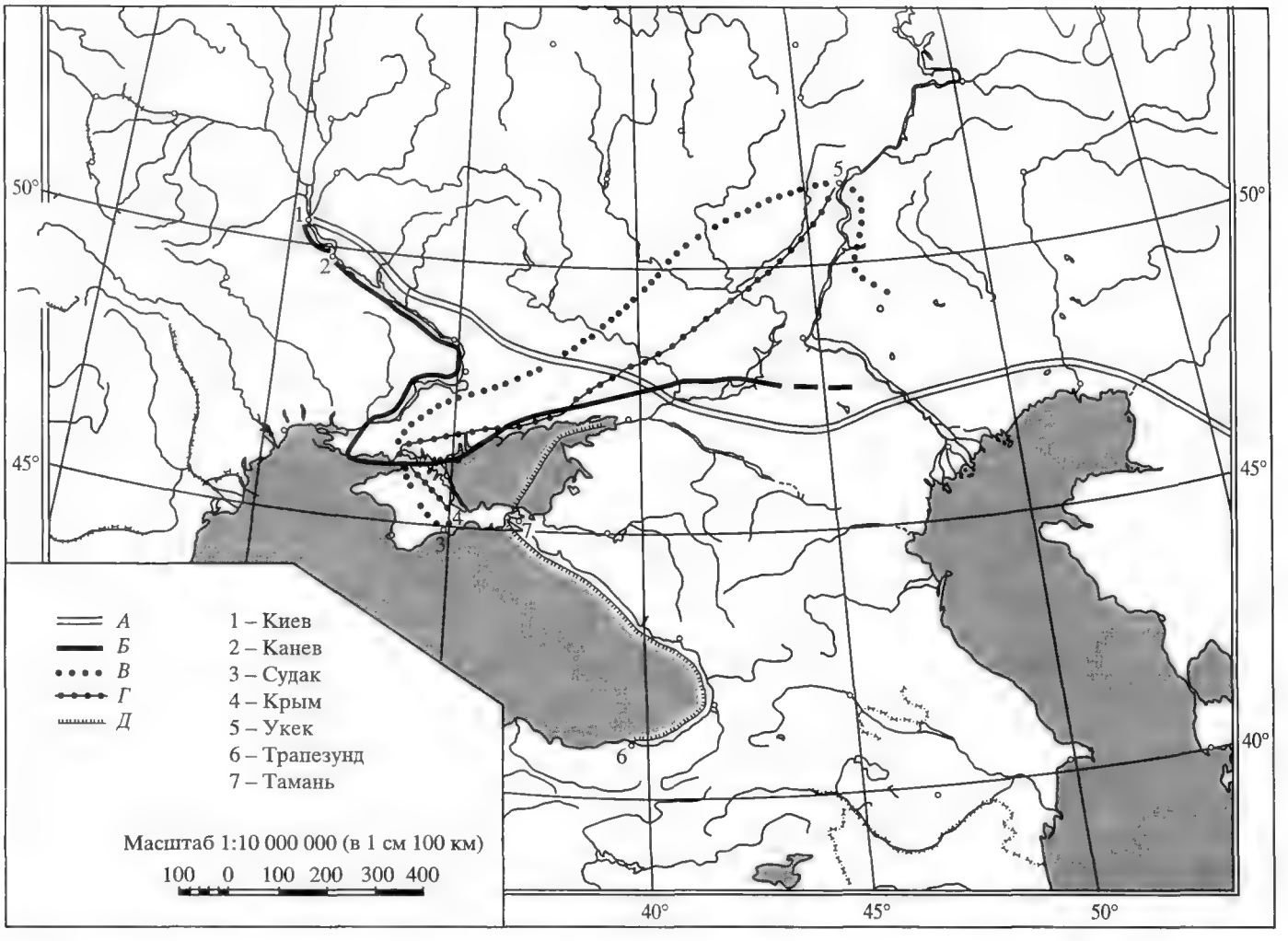


Рис. 12. Маршруты движения европейских путешественников по Причерноморью

А – Плано Карпини в традиционном изображении; *Б* – Плано Карпини в соответствии с текстом сочинения; *В* – Гильом Рубрук в традиционном изображении; *Г* – Гильом Рубрук в соответствии с текстом сочинения; *Д* – кратное наложение маршрутов ал-Идриси: Трапезунд – устье реки Русийу – 75 миль, Матраха – Русия – 27 миль. Элемент "подгона" выражен в том, что по Черному морю плавание каботажное, а по Азовскому – напрямую. Это объясняется тем, что в Черном море везде можно подойти близко к берегу, а в Азовском глубины не позволяют этого сделать

этого автора традиционно неверно обозначают маршрут его следования. При этом совершенно не учитывают того, что путешественник достигал берега Черного моря около устья Днепра, а затем много дней двигался вдоль берега, отчасти по льду (впрочем, невозможно точно определить, какое именно расстояние было пройдено за эти "много дней", проходил ли маршрут вдоль берега Азовского моря): "...эти реки впадают в море Греции, именуемое Великим морем. По берегам этого моря мы в очень многих местах с большой опасностью в течение многих дней проезжали по льду, ибо оно хорошо замерзает на три левки от берега" (Путешествия..., 1997. С. 72). Скорее все же движение вдоль берега Азовского моря также было, так как вероятность замерзания Черного моря на 3 левки от берега (более 13 км) очень маловероятна. Тот факт, что путешественник не заметил поселений в конце зимы – начале весны 1246 г., можно считать косвенным основанием для сужения даты существования поселений Приазовья (рис. 12).

Маршрут движения Гильома де Рубрука также традиционно изображают неверно (Путешествия..., 1997. С. 8): сразу после Перекопа – вглубь степи (рис. 12). В действительности путешественник указал следующее: "Итак, мы направлялись к востоку, не видя ничего, кроме неба и земли, а иногда с правой руки море, именуемое морем Танаидским... Итак, мы с великим трудом странствовали от становища к становищу, так что не за много дней до праздника Марии Магдалины достигли большой реки Танаида, которая отделяет Азию от Европы..." (Путешествия..., 1957. С. 108, 109; Путешествия..., 1997. С. 106, 107). Из этого следует, что какая-то часть движения шла вдоль берега Азовского моря на расстоянии около прямой видимости от него, но не понятно, насколько длинным был этот участок пути. Район устья Дона был, скорее всего, обойден, так как описанный путешественником поселок русских "в том месте, где мы пристали", находился выше по течению, чем другой аналогичный. Опять же поселения на побережье Таган-

рогского залива и нижнего течения Дона прямо не указаны.

Далее упоминается еще один поселок на Дону, о населении которого ничего не сказано, но по аналогии можно полагать, что это также русские. "Упомянутая река (Танаид. – *И.В.*) имеет также на западном берегу большой лес, выше этого места татары не поднимаются в северном направлении, так как в то время, около начала августа, они начинают возвращаться к югу; поэтому ниже есть другой поселок, где послы переправляются в зимнее время" (Путешествия..., 1957. С. 109, 110; 1997. С. 108). Резоннее всего предполагать, что этот поселок находился около устья Дона. Район дельты можно исключить, так как он совершенно неудобен для переправы. Левобережные поселения выше дельты не известны, а на правом берегу располагается единственное подходящее – Кобяковское. Примечательно, что именно это место было избрано для строительства современного моста, что говорит о его удобстве для переправы. Здесь представлены материалы XIII в. (*Артамонов,* 1935), хотя большая их часть еще ждет качественного издания. Отдельные находки могли быть оставлены христианским, предположительно древнерусским, населением (*Артамонов,* 1935; *Миллер,* 1926. С. 119. Рис. 22).

В связи с этим существен фрагмент из текста Рубрука, отнесенный, правда, к значительно более восточной территории, в главе "О русских, венграх, аланах и о Каспийском море". "В те же четыре дня, когда мы были при дворе Сартаха, о нашей пище вовсе не заботились, кроме того, что раз нам дали немного кумысу. А на пути между ним и его отцом мы ощущали сильный страх: именно русские, венгры и аланы, рабы их (татар ?), число которых у них весьма велико, собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застанут ночью" (Путешествия..., 1997. С. 117). В тексте территория, к которой относятся эти сведения, определяется недостаточно точно, но ясно, что не имеет отношения к побережью Таганрогского залива или самому нижнему участку течения Дона: от ставки Сартаха до ставки Бату, на участке от Волги к западу на 3 дня пути. Точка, где путешественник пересекал Волгу в настоящее время не может быть установлена точно. Более вероятно, что это район будущего Укека, значительно менее вероятно – на месте Дубовского (Водянского) городища под Волгоградом. И первое, и, тем более, второе принципиально недоказуемо, так как слишком мало исходной информации, а слоев соответствующего времени не обнаружено пока ни на одном из претендующих памятников. В любом случае место, к которому относится характеристика Рубрука, должно находиться на Среднем Дону, недалеко от участка сближения с Волгой.

Однако этот фрагмент текста помещен в сочинении уже после того места, где говорится, что Рубрук покинул ставку Бату. Следовательно, существует возможность ошибки при редактировании сочинения. В целом кажется менее вероятным, что отмеченный разбой мог иметь место в непосредственной близости от ставок двух могущественных владык. Скорее, это можно отнести к более западным областям. Но при описании пути через Северное Приазовье и по Нижнедонским степям Рубрук был более занят описанием вымогательств со стороны татар и, может быть, именно это помешало поместить там большее количество жалоб путешественника.

Естественно, возникает вопрос о том, куда делось древнерусское население Приазовья после создания Золотой Орды. Фактически он совпадает с вопросом о судьбе поселений Приазовья второй хронологической группы.

Вырисовывается несоответствие между общим процессом распространения оседлости в степи после монгольского завоевания и прекращением жизни на этих поселениях еще в XIII в., в его второй половине. Примечательно, что запустение городищ на побережье Таганрогского залива близко совпадает с началом регулярных упоминаний Азака (Таны) в письменных источниках (*Karpov*, 1995. P. 228, 235). Вероятно, в процессе создания золотоордынских городов существовал этап концентрации разрозненных очагов оседлости в более крупные поселения, ставшие впоследствии административными центрами и городами. Население описанных мелких поселков, видимо, переехало в Азак, ставший эмирским городом. Группа местной керамики Куричанского поселения близка к одной из групп местной керамики в Азаке (*Рязанов,* 1990; 1991; 1994). Аналогичную картину дает, например, поселение у Аксарайска, исследованное В.В. Плаховым, где присутствует слой XIII в., по крайней мере до 80-х годов, а затем жизнь исчезает вплоть до конца XIV в.

Трудно сказать, насколько общим было это явление в степной зоне Золотой Орды. Недостаточно также данных для ответа на вопрос, были переселения результатом административных приказов ханов или они произошли по инициативе самих жителей поселков (я склоняюсь в пользу первой гипотезы). Даже предварительные наблюдения за характером слоя показывают, что прекращение жизни было быстрым, но не стихийным. Абсолютное большинство ям на Семеновской крепости засыпано приблизительно одновременно, так как очень много перекрестных склеек фрагментов керамики из разных ям. Приблизительно этому же времени соответствует и засыпание углубленных построек, причем с малым количеством золы в заполнении. Стратиграфия многих ям очень сходна – на нижнюю часть заполнения приходится повышенная концентрация крупных кусков печины (обломков глинобитных очагов и печей из построек). Едва ли это можно связывать с погромом, после которого население погибло или бежало. Поэтому стоит рассмотреть синхронные политические события, которые могли привести к запустению этих населенных пунктов (вернее – концентрации оседлой жизни в новых городах).

С одной стороны, приблизительно в это время произошла реставрация Византии, что, конечно же, могло сказаться на экономических условиях: должны были последовать ограничения в свободе плавания венецианцев в Азовское море. Однако, учитывая то, что

территория уже была подчинена монголам, следует в первую очередь ориентироваться на те процессы, которые проходили в степи. Здесь бросается в глаза очень близкое совпадение с датой отделения улуса Джучи от Монгольской империи (естественно, это был длительный процесс).

В 1262 г. в городах Северо-Восточной Руси проходит волна вечевых бунтов, которые остались совершенно безнаказанными со стороны Берке, поскольку спровоцировавшая их перепись населения проводилась центральной администрацией империи (*Насонов*, 1940. С. 50–53). Это был самый решительный, но не окончательный этап в процессе отпада улуса (до возникновения собственной монетной чеканки и открытых военных конфликтов с другими улусами было еще далеко). Г.А. Федоров-Давыдов вообще связывал строительство новых золотоордынских городов и перенос экономических центров на новые места именно с освобождением ханов от "опеки" имперской администрации (*Федоров-Давыдов*, 1973. С. 75–77; 1994. С. 9), но относил это явление к самому концу XIII в. Видимо, явление было более длительным и многоэтапным.

Вполне резонно полагать, что около 1262 г. кроме пассивных мер, как игнорирование избиения на Руси чиновников из Каракорума, в степной зоне Берке принял и собственные меры, смягчающие конфликт при дележе налогов. Для этого надо было ликвидировать те податные единицы (поселки), которые существовали до разрыва и подлежали обложению, а их население переместить в новые города.

Очевидно, что древнерусское население Приазовья должно было раствориться в городах Золотой Орды. По крайней мере, последние были тем рубежом, за которым уже совершенно невозможно выделить какую-либо собственную археологическую культуру древнерусского населения Приазовья. Естественно, и после этого какой-то приток древнерусских купцов и пленников в Приазовье должен был сохраняться, а русские домовладения в Азове существовали и в XVI–XVII вв., но эти группы населения уже невозможно связывать с наследниками Тмутараканского княжества.

Литература

Артамонов М.И, 1935. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. Вып. 131.

Бартольд В.В., 1973. География Ибн Саида // Соч. М. Т. 8.

Бейлис В.М., 1962. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX–X вв. // Ближний и Средний Восток. М.

Бейлис В.М., 1984. Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР, 1982. М.

Бибиков М.В., 1981. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР, 1980. М.

Богословский О.В., 1993. Тмутараканское княжество // По страницам истории Кубани: Краеведческие очерки. Краснодар.

Брун Ф.К., 1879. Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // Брун Ф.К. Черноморье. Одесса. Ч. 1.

Ведюшкина И.В., 1995. "Русь" и "Русская земля" по летописным данным XI – первой трети XIII в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1992–1993. М.

Власова Г.М., 1962. Бронзовые изделия XI–XIII вв. из села Зеленче // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса. 1962. Вып. 4.

Волков И.В., 1996а. Раскопки на территории Семеновской крепости // АО 1995 года. М.

Волков И.В., 1996б. Предпосылки возникновения золотоордынских городов (Азак и округа) // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Уфа. Ч. II.

Волков И.В., 1998. О возможностях локализации Копы (Копарио – Ло Коппа) // Древности Кубани. Краснодар. Вып. 12.

Волков И.В., 1999. Таманские острова в "Книге путешествия" Эвлии Челеби // Древности Кубани. Краснодар. Вып. 15.

Волков И.В., 2000. Еще раз об Адахунском сражении казачьего флота в 1638 г. // Древности Кубани. Краснодар. 2000. Вып. 16.

Волков И.В., 2001. О времени составления портоланов Азовского и Каспийского морей // Картография XXI в.: Теория, методы, практика: Докл. II Всероссийской научной конф., посвященной памяти Александра Алексеевича Лютого (Москва, 2–5 октября 2001 г.). М. Т. 2.

Гадло А.В., 1964. Поселение XI–XII вв. в дельте Дона // КСИА. Вып. 99.

Галкин Г.А., Коровин В.И., 1980. Опыт исследования названий р. Кубань // Ономастика Кавказа: Межвузовский сборник статей. Орджоникидзе.

Гоняный М.И., Недошивина Н.Г., 1991. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // СА. № 1.

Гуркин С.В, 1999. К вопросу о русско-половецких матримониальных связях // ДА. Ростов-на-Дону. № 2.

Десятчиков Ю.М., 1996. Ст. Голубицкая // 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. Тамань. Ч. 1: Тамань археологическая.

Дмитриенко М.В., 2000. Христианское погребение домонгольского времени средневекового могильника Мартышкина Балка // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов. Вып. 16.

Захаров В.А., 1998. Где находился город "Россия" // Захаров В.А. Заметки о Тмутараканском княжестве. Б.м. (Походная библиотека казака. Вып. 4).

Захаров В.А., 1999. Где находился город "Россия"? // Сборник Русского исторического общества. М. № 1 (149).

Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов/Дон, 1990.

Каждан А.П., 1963. Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М.

Карамзин Н.М., 1892. История государства Российского. СПб. Т. 2.

Ключнев М.Я., 1998. Поселение периода раннего средневековья у с. Нижнетёплое Луганской области // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тез. докл. VII Донской археологической конф. Ростов/Дон.

Коновалова И.Г., 1992. Сведения о Кумании в сочинении ал-Идриси // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье: Тез. докл. междунар. научного семинара. Донецк.

Коновалова И.Г., 1993а. Где находился город Русийа арабских источников? // Восточная Европа в древности и средневековье: Спорные проблемы истории: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 12–14 апреля 1993 г.: Тез. докл. М.

Коновалова И.Г., 1993б. Сведения арабских географов XII–XIV вв. о городе Русийа // Восточная Европа в древности и средневековье: Спорные проблемы истории. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 12–14 апреля 1993 г.: Тез. докл. М.

Коновалова И Г 1995 Тмутаракань в XII–XIV вв (по данным арабских источников) // Контактные зоны в истории Восточной Европы Перекрестки политических и культурных взаимовлияний М

Коновалова И Г 1999 Восточная Европа в сочинении ал Идриси М

Константин Багрянородный, 1991 Об управлении империей М

Корзухина Г Ф , 1954 Русские клады IX–XIII вв М , Л

[*Косцюшко-Валюженич К К*], 1896а Отчет заведывающего раскопками в Херсонесе за 1894 год // ОАК за 1894 год СПб

Косцюшко-Валюженич К К 1896 Отчет заведывающего раскопками в Херсонесе К К Косцюшко-Валюженича за 1895 год // ОАК за 1895 год СПб 1896

[*Косцюшко Валюженич К К*], 1897 Отчет заведывающего раскопками в Херсонесе К К Косцюшко-Валюженича за 1896 год // ОАК за 1896 год СПб

Крачковский И Ю 1957 Арабская географическая литература // Избр соч М , Л Т 4

Кулаковский Ю А 1902 К истории Боспора (Керчи) в XI–XII веках // Тр XI Археологического съезда в Киеве М Т 2

Ларенок В А 1996 Охранные раскопки поселений Ломакин IV и Натальевка I в 1995 г Таганрог // Архив ИА РАН Р 1 № 18364

Ларенок П А 1976 Отчет о работах Самбекской археологической экспедиции в 1975 г Ростов-на-Дону // Архив ИА РАН Р 1 № 5956

Ларенок П А 1977 Отчет о работах Самбекской археологической экспедиции в 1976 г Ростов-на-Дону // Архив ИА РАН Р 1 № 6514

Ларенок П А 1978 Отчет об охранных раскопках городища Самбек Неклиновского района Ростовской области в 1977 г Ростов-на-Дону // Архив ИА РАН Р-1 № 6751

Ларенок П А 1998 Раскопки Таганрогской археологической экспедиции и Донского археологического общества в 1995–1997 г // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг Азов

Лопарев Х , 1894 Византийская печать с именем русской княгини // ВВ Т 1

Ляпушкин И И 1941 Славяно-русские поселения X–XIII вв на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА М , Л Т 6

Макаров Н А 1997 Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья М

Масловский А Н 1997 Грунтовый могильник "Мартышкина Балка" и его место среди памятников предмонгольского времени Нижнего Подонья (к постановке проблемы) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г Азов Вып 14

Миллер А А 1926 Краткий отчет о работе Северо Кавказской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 годах // СГАИМК Л Вып 1

Молчанов А А 1992 Связи Трапезундской империи и Северного Причерноморья в XIII–XIV вв по нумизматическим данным // Нумизматический сборник М № 2

Монгайт А Л 1963 О границах Тмутараканского княжества в XI в // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран М

Насонов А Н 1940а Тмутаракань в истории Восточной Европы X века // Исторические записки М Т 6

Насонов А Н 1940б Монголы и Русь (история татарской политики на Руси) М , Л

Никонов А 2000 Тмутаракань какая-то // Знание–Сила, № 2

Орлов Р С 1996 Остров "русов" и остров Св Эферия // Мир Ольвии Материалы юбилейных чтений, посвященных 90 летию со дня рождения проф Л М Славина Киев

Памяти Юрия Михайловича Десятчикова (1940–1995) // СА 1996 № 2

Петрашенко В О 1997 Поселення Канівского Подніпров'я // Південноруське село IX–XIII ст Київ

Петрухин В Я Шелов-Коведяев Ф В 1988 К методике исторической географии ' Внешняя Россия" Константина Багрянородного и античная традиция // ВВ Т 49

Пряхин А Д Цыбин М В 1991 Древнерусское Семилукское городище XII–XIII вв (итоги раскопок 1984–1986 гг) // Археология славянского юго востока Материалы к межвузовской научн конф Воронеж

Пряхин А Д Цыбин М В 1996 Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987–1993 гг) // На юго-востоке Древней Руси Историко-археологические исследования Воронеж

ПСРЛ М , 1962 Т 2 Ипатьевская летопись

Путешествия , 1957 Карпини Джованни дель Плано История монгалов Рубрук Гильом де Путешествие в восточные страны М

Путешествия. , 1997 Карпини Дж дель Плано История монголов Рубрук Г де Путешествие в восточные страны Книга Марко Поло / Вступ ст , коммент М Б Горнунга М

Райт Дж К 1988 Географические представления в эпоху крестовых походов Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе М

Русанова И П , Тимощук Б А 1993 Языческие святилища древних славян М

Рыбаков Б А 1952 Русские земли по карте Идриси 1154 года // КСИИМК Вып 43

Рязанов С В , 1987 Отчет о работах археологического отряда Таганрогского музея заповедника в 1986 г Таганрог // Архив ИА РАН Р 1 № 11328

Рязанов С В , 1988а Работы Таганрогского музея-заповедника // АО 1986 года М

Рязанов С В 1988б Отчет о работах археологического отряда Таганрогского музея-заповедника в 1987 г Таганрог // Архив ИА РАН Р-1 № 12480

Рязанов С В 1989 Отчет о раскопках Куричанского поселения в 1988 г (Неклиновский район Ростовской области) Таганрог // Архив ИА РАН Р 1 № 13518

Рязанов С В 1990а Отчет о раскопках Куричанского поселения в 1989 г Азов // Архив ИА РАН Р-1 № 15221

Рязанов С В , 1990б Гончарная печь на Куричанском поселении // Историко археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1989 году Азов

Рязанов С В 1991 Славянское городище близ г Таганрога // Историко археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 году Азов

Рязанов С В 1994 Керамический комплекс Куричанского поселения // Тр Новочеркасского музея истории Донского казачества Новочеркасск

Скржинская М В 1977 Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего Киев

Успенская А В 1967 Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв М (Тр ГИМ Вып 43)

Федоров-Давыдов Г А 1973 Общественный строй Золотой Орды М

Федоров-Давыдов Г А 1994 Золотоордынские города Поволжья

Фоменко И К 2001 Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам XIII–XVII вв // Причерноморье в средние века М , СПб Вып 5

Хапаев С А , 1990 К основным названиям р Кубань // Советская тюркология Баку № 2

Янин В Л , 1965 Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика Киев Вып 2

Янин В Л 1970 Актовые печати Древней Руси X–XV вв М Т 1 Печати X – начала XIII в

Aboulfeda 1840 Geographie d'Aboulfeda Texte arabe publie d'apres les manuscrits de Paris et de Leyde Paris

Davidson G R , 1952. The minor objects // Corinth. Princeton Vol. XII.

Dimichqui, 1866. Cosmographie de Chems ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui: Texte arabe.. SPb.

Jus Graeco-Romanum / Ed Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1857. Pars. III. P. 493–497 (496).

Karpov S.P , 1995. On the origin of medieval Tana // Byzantino-Slavica. Vol LVI.

Miklosich F , Muller I , 1865. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonnae. Bd. 3.

Reinaud J T , 1848. Geographie d'Aboulfeda: Introduction generale a la Geographie des Orientaux. P. T. 1.

Reinaud M , 1848 Geographie d'Aboulfeda traduite de l'arabe en francais et accompagnee de notes et d'eclaircissements par M. Reinaud. P , T. 2.

Seippel A , 1896 Rerum normannicarum fontes arabici: E libris quum typis expressis tum manu scriptis collegit et sumpt ibus Universitatis Christianiensis / Ed. A. Seippel. Christianiae Fasc. 1.

Schlumberger G , 1884. Sigillographie de l'Empire byzantin. P.

Н.А. Макаров, С.Д. Захаров

Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII – начале XIII века*

Верхним хронологическим рубежом существования сотен сельских поселений на Севере и в Центре Древней Руси традиционно считается XIII столетие. Исторические рамки существования огромного массива селищ, выявленных археологами в различных древнерусских областях, определяются как X–XIII, XI–XIII или XII–XIII вв. Хотя большинство из этих памятников исследовано лишь разведками и датируется на основании керамики из сборов на поверхности и шурфов, имеющиеся материалы определенно свидетельствуют о том, что период X–XIII вв. и, в особенности, XI–XII вв. был временем быстрого формирования сети сельского расселения во многих районах Руси, временем первоначального возникновения и стабильного развития огромного количества сельских поселений. Последующая судьба этих поселений не вполне ясна для исследователей. На площадках многих селищ, начальный период существования которых приходится на X–XII вв., нет четко выраженного культурного слоя XIV–XV вв. и датирующих находок этого времени, однако нередко вблизи них, на расстоянии всего нескольких сот метров, находятся исторические деревни, известные по письменным источникам с XV–XVI вв. Мы вправе полагать, что во многих районах Руси (хотя, разумеется, далеко не во всех) значительная часть поселений, связанных с колонизационной волной X–XII вв., изменила свое местоположение или запустела в период между концом XII и началом XIV в. при сохранении основных очагов расселения.

С другой стороны, поземельные документы и археологические материалы дают основание считать, что именно вторая половина XIII–XIV вв. стали временем значительного расширения освоенных территорий, распространения колонизации на речные системы малых рек и водоразделы и превращения малодворной деревни в основной тип сельского поселения. Хотя следы первых средневековых поселений на водораздельных участках археологически трудно уловимы и слабо изучены, общий характер изменений в размещении сельского населения и устройстве поселений в этот период вырисовываются достаточно отчетливо (*Седов*, 1960; *Риер*, 1982; *Макаров*, 1988; *Буров*, 1989; *Чернов*, 1991; *Юшко*, 1991; *Макаров, Захаров, Бужилова*, 2001). Таким образом, XIII в. – эпоха глубоких инноваций, радикально изменивших сельский ландшафт Русской равнины.

Перед археологией стоит задача более детального и предметного изучения этих явлений, уточнения их хронологии, выяснения конкретного содержания тех процессов в экономике, демографии и социальной организации сельского общества, археологическим выражением которых стали трансформации систем расселения. Предстоит выяснить, что происходило на северных поселениях в период между серединой XII и концом XIII в., какие обстоятельства побудили или вынудили их обитателей оставить или перенести значительную часть своих подворий и начать освоение новых ландшафтов, прежде рассматривавшихся как непривлекательные или непригодные для заселения.

Путь к решению этих вопросов лежит через изучение культурных остатков второй половины XII–XIII вв. на сельских поселениях. К сожалению, состояние самих археологических памятников существенно ограничивает возможности исследователей в этой области. Культурный слой большинства селищ поврежден распашкой, и материалы X–XI вв. и XII–XIII вв. сильно перемешаны. Идентифицируя материалы второй половины XII – первой половины XIII в. на северных поселениях, мы не в состоянии выделить отложения этого периода как отдельный стратиграфический горизонт и исследовать хозяйство и материальную культуру этих поселений финального этапа их существования. Трудности возникают и при попытке уточнить дату запустения поселений, возникших во второй половине X–XII вв. Вещевые материалы второй половины XII и первой половины XIII в. типологически трудноразличимы, многие формы вещей и керамики этого времени продолжают свое существование во второй половине XIII в. Поэтому финальный период существования сельских поселений, связанных с колонизационной волной X–XII вв., фактически должен быть ограничен весьма широким хронологическим интервалом между концом XII в. и рубежом XIII–XIV вв. Нет необходимости доказывать, сколь актуально в этой ситуации выявление и исследование стратифицированных сельских поселений с культурными напластованиями XII–XIII вв.

В настоящей статье представлены материалы одного из таких памятников, выделяющегося необычной для севера сохранностью средневекового культурного слоя – поселения Минино I на Кубенском озере (рис. 1). Раскопки Мининского археологического

* Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта № 99-06-80177 "Археология севернорусской деревни".

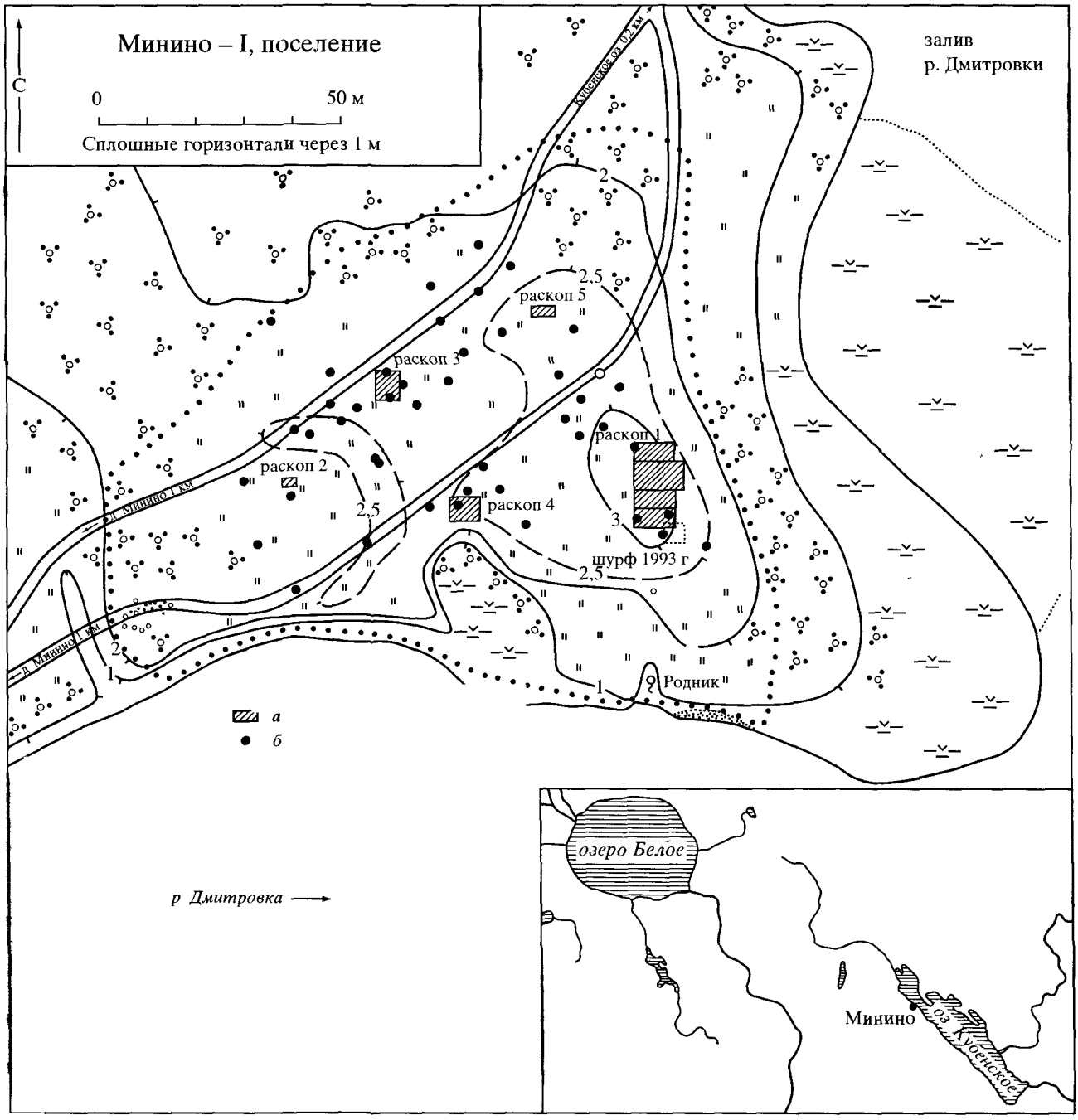


Рис. 1. Поселение Минино I. План местности

а – раскопанные участки; *б* – развалы печей, выделяющиеся по рельефу на современной дневной поверхности

комплекса, начатые в 1996 г., были изначально нацелены на прояснение ситуации второй половины XII – первой половины XIII в. как на одну из главных научных задач (*Макаров, Захаров,* 2000; *Макаров, Зайцева,* 1999). Обширный археологический материал, полученный за пять сезонов раскопок на этом памятнике, анализируется в настоящей публикации преимущественно под одним углом – как материал, характеризующий процессы развития сельских поселений в XII–XIII вв., состояние их накануне фиксируемого археологами запустения и сам процесс прекращения жизни, оставившей в предшествующий период столь яркие археологические следы.

Мининский археологический комплекс на Кубенском озере

Район Кубенского озера, вблизи которого находится комплекс средневековых памятников у д. Минино, до последнего времени почти не привлекал внимание историков и археологов-медиевистов. Кубенское озеро – обширный остаточный озерно-ледниковый водоем с площадью водного зеркала чуть более 400 кв. км, дающий исток р. Сухоне. Территория Кубенозерья, лежащая вблизи водораздела речных систем Волги и Северной Двины, занимала положение между Белоозером и Вологдой – двумя массивами земель, первый из которых

оформился как самостоятельное территориально-административное образование в IX–X вв., а второй – не позднее XIII в. В XIV–XV вв. земли, окружающие Кубенское озеро, входили в состав нескольких различных территориально-административных единиц.

Географическое название "Кубенские волости" впервые появляется в источниках под 1398 г. в летописной статье о походе новгородцев на Двину через северные волости московского великого князя (НПЛ. С. 392). Кубена упоминается как одна из этих волостей наряду с Белоозером, Заозерьем и Вологдой. В состав "Кубены" входили, вероятно, земли к югу и юго-востоку от Кубенского озера с центром в с. Кубенское. Земли на северной и восточной стороне Кубенского озера с центром в низовьях р. Кубены, составляли Заозерское удельное княжество, выделившееся из Ярославского удельного княжества. На востоке Заозерье граничило с Бохтюжским княжеством, выделившимся из ростовских владений и охватывавшим небольшую территорию на левобережье р. Сухоны с центром в с. Архангельское на р. Бохтюге (*Кучкин*, 1984. С. 280–282, 299–301). Обширная территория, простирающаяся вдоль юго-западного берега Кубенского озера, – волость Сяма – в конце XIV в. не входила в состав Кубенско-Заозерских владений ярославского дома, являясь наследственным владением московских князей. Сяма впервые упоминается в духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича (второй духовной) 1389 г. (ДДГ, № 12. С. 34). Опираясь на письменные источники можно полагать, что хотя колонизация кубенозерских земель началась сравнительно рано, здесь не сложились сильные местные центры, способные конкурировать с сопредельными Белоозером и Вологдой.

Наиболее ранние дошедшие до нас писцовые описания Сямской волости, на территории которой локализуется Мининский археологический комплекс, относятся к 1628–1631 гг. (РГАДА. Ф. 1209. № 14716). Согласно писцовой книге, в Сямской волости в это время было 23 сельца, 130 деревень и 182 пустоши – т.е. 335 населенных пунктов с 550 крестьянскими и бобыльскими дворами и пустыми дворовыми местами и с 66 помещичьими и людскими дворами. В это описание не входят монастырские и церковные земли. Средние размеры деревни составляли около двух дворов. Населенные пункты были относительно равномерно распределены по всей территории Сямской волости, вытянутой вдоль Кубенского озера более чем на 50 км. Они располагались как на берегах мелких речек, впадающих в Кубенское озеро, так и на водораздельных участках. Берег озера оставался практически незаселенным.

В районе Кубенского озера зафиксировано около полутора десятка поселений и могильников X–XIII вв. Хотя к настоящему времени здесь выявлены далеко не все памятники этого времени, очевидно, что Кубенозерье было заселено значительно слабее, чем белозерские земли. Наиболее заметным археологическим объектом этой эпохи является комплекс средневековых памятников у д. Минино (рис. 1, V), находящийся на западном берегу озера, в устье впадающей в него р. Дмитриевки (Карачевки). Комплекс состоит из трех селищ общей площадью не менее 3 га, грунтового могильника и остатков железоделательного производства, располагающихся на невысокой (3–5,5 м над меженным уровнем воды) береговой террасе р. Дмитриевки. Центральное место в этой локальной группе, безусловно, занимает селище Минино I, площадь которого составляет почти полтора гектара (рис. 1). На селище раскопками исследована площадь 240 кв. м, на могильнике – около 250 кв. м с 46 погребениями по обряду ингумации и кремации.

Поселение Минино I

Минино I – многослойный памятник, имеющий сложную структуру. На площади поселения в той или иной мере присутствуют культурные напластования всех исторических эпох, начиная с мезолита, здесь же находится могильник эпохи камня. Ранние отложения прослежены в раскопах 1, 4 и 5. В раскопах 2 и 3 они не выявлены, но средневековый слой содержит находки предшествующего времени. Данные об общей мощности культурного слоя и толщине его средневековой части в различных раскопах приведены в табл. 1.

Средневековый культурный слой представляет собой интенсивно гумусированную темно-серую (почти черную) супесь, содержащую большое количество обожженных камней, фрагментов печной обмазки, костей животных и рыбы. Сведения о насыщенности исследованных участков средневекового слоя различными находками обобщены в табл. 2. Подобные результаты были получены благодаря тщательному ведению раскопок и совершенствованию методики исследований. Значительная часть средневековых напластований промывалась на металлических ситах, позволяющих полнее извлекать вещевые находки из слоя.

Минино относится к разряду памятников с "сухим" культурным слоем. Но особенности кислотного баланса почвы, связанные, по заключению почвоведа кандидата биологических наук П.В. Красильникова, с высоким удельным весом карбонатов в составе

Таблица 1. **Толщина культурного слоя в раскопах (без учета ям)**

Раскоп	Площадь (кв. м)	Средняя толщина слоя (м)	Наличие отложений предшествующих эпох	Толщина средневекового культурного слоя (м)		
				средняя	максимальная	минимальная
1	~159	0,75	Да	0,40	**0,58**	0,20
2	6	0,35	?	0,35	**0,40**	0,22
3	30	0,55	?	0,55	0,64	0,38
4	30	0,55	Да	0,40	0,54	0,25
5	10	0,55	Да	0,35	0,37	0,28

Таблица 2. **Насыщенность средневекового культурного слоя находками (на 1 кв. м)**

Раскоп	Индивидуальные находки	Определимые фрагменты средневековой керамики (без учета развалов сосудов)	Печная обмазка (кг)	Кости животных	Кости рыбы (без учета скоплений) (гр)
1	12	87	0,31	88	24,3
2	13	94	0,04	50	35,5
3	31	53	5,21	308	284,2
4	16	49	1,62	127	229,6
5	29	98	0,11	118	13,9
В среднем	16	04	1,08	121	83,6

моренных отложений, обеспечили хорошие условия для сохранности предметов из органических материалов – в первую очередь кости и рога. В слое встречается береста, как в виде необработанных кусков, так и единичных изделий. Менее благоприятными почвенные условия оказались для дерева. Остатки деревянных конструкций прослеживаются лишь на отдельных участках в виде пятен древесного тлена.

На фоне подавляющего большинства средневековых селищ Белозерья, серьезно пострадавших от затопления и многолетней распашки, Минино I можно считать памятником с хорошо сохранившимся культурным слоем. В то же время, воздействие этих разрушительных факторов, но в гораздо меньших масштабах, прослеживается и здесь. Слой поздней пахоты, выявленный во всех раскопах, наиболее явно фиксируется в раскопе 1, заложенном в самой высокой части памятника. Судя по незначительной толщине (около 15 см), мы имеем дело с конной, а не тракторной распашкой. После строительства Мариинской водной системы и последующих ее реконструкций уровень воды в Кубенском озере был поднят примерно на 1 м. Весной в годы наиболее мощных половодий почти вся территория памятника затапливается. Следы частичного размывания культурного слоя отмечены на восточном, обращенном к озеру, склоне селища (раскоп 1) в виде залегающих в пахотном слое прослоек и пятен отмытого и разделенного на фракции песка, конфигурация которых следует рельефу поверхности.

Больших по площади перекопов, нарушающих средневековый слой, на изученной площади не отмечено, но сам слой содержит значительное количество разновременных ям, прорезающих лежащие ниже напластования. Из-за интенсивной окраски слоя не всегда удается надежно зафиксировать контуры таких ям. Часть из них выделяется лишь по концентрации в средневековых напластованиях материалов предшествующих эпох.

Постройки и сооружения

Всего в Минино были исследованы остатки не менее семи построек (рис. 2–6). Шесть из них это жилые дома. Одна постройка имела производственное

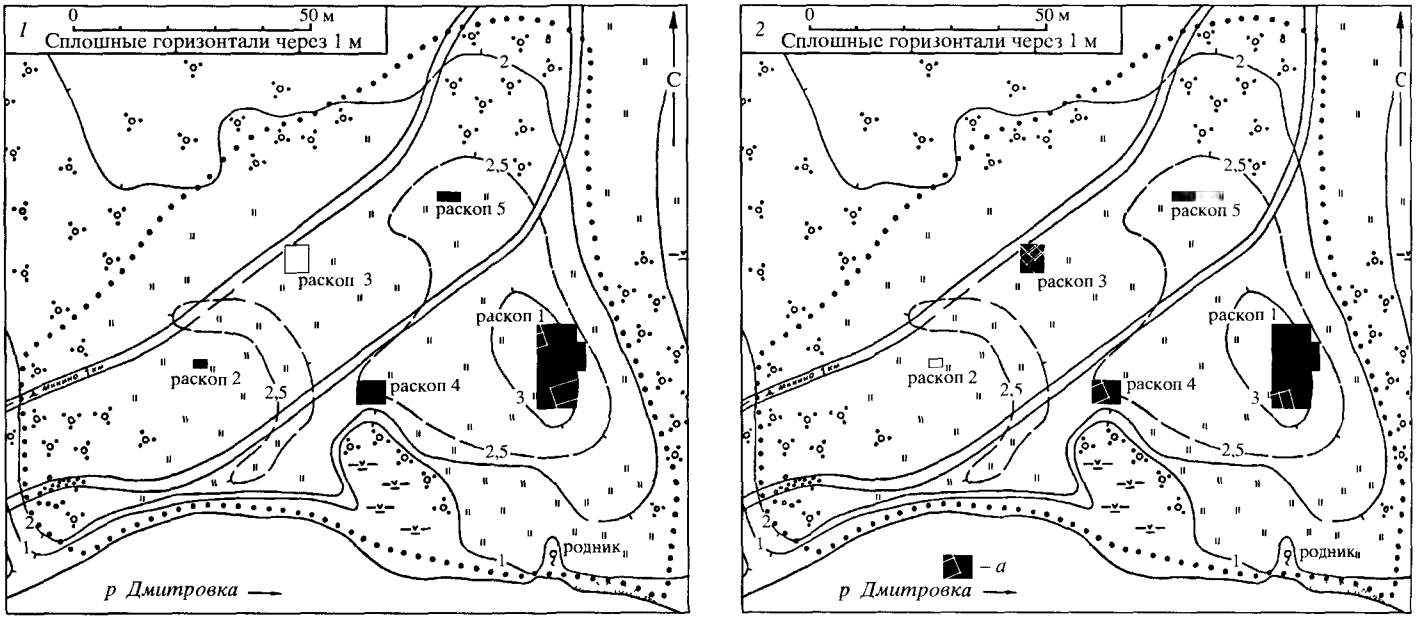


Рис. 2. Поселение Минино I на различных этапах своего существования

1 – горизонт конца X–XI вв.; *2* – горизонт XII – начала XIII в.; *а* – раскопы с напластованиями и постройками данного периода

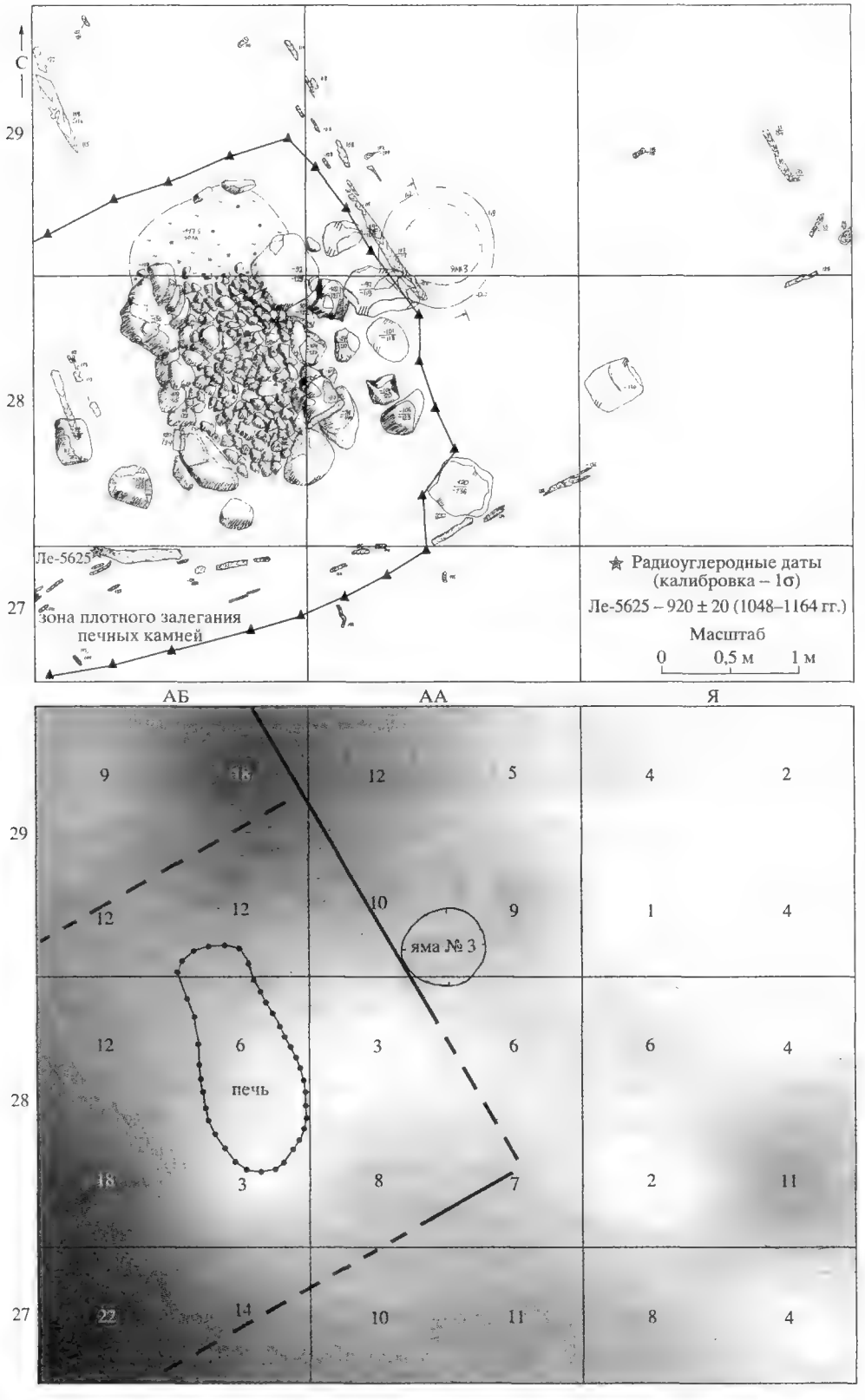


Рис. 3. Поселение Минино I. Раскоп 4. Горизонт второй половины XII – начала XIII в. План с остатками построек

назначение. Состав находок позволяет видеть в ней ювелирную мастерскую. Вещевой материал и анализ стратиграфической ситуации свидетельствуют о том, что исследованные жилые постройки относятся ко всем этапам жизни на селище. Наиболее ранними являются два дома, вскрытые в раскопе 1 (постройки № 1 и 2). Время их существования определяется концом X–XI вв. К первой половине XII в. относится дом № 2 из раскопа 3 (рис. 5). Во второй половине этого столетия существовал дом № 1 в раскопе 4 (рис. 3).

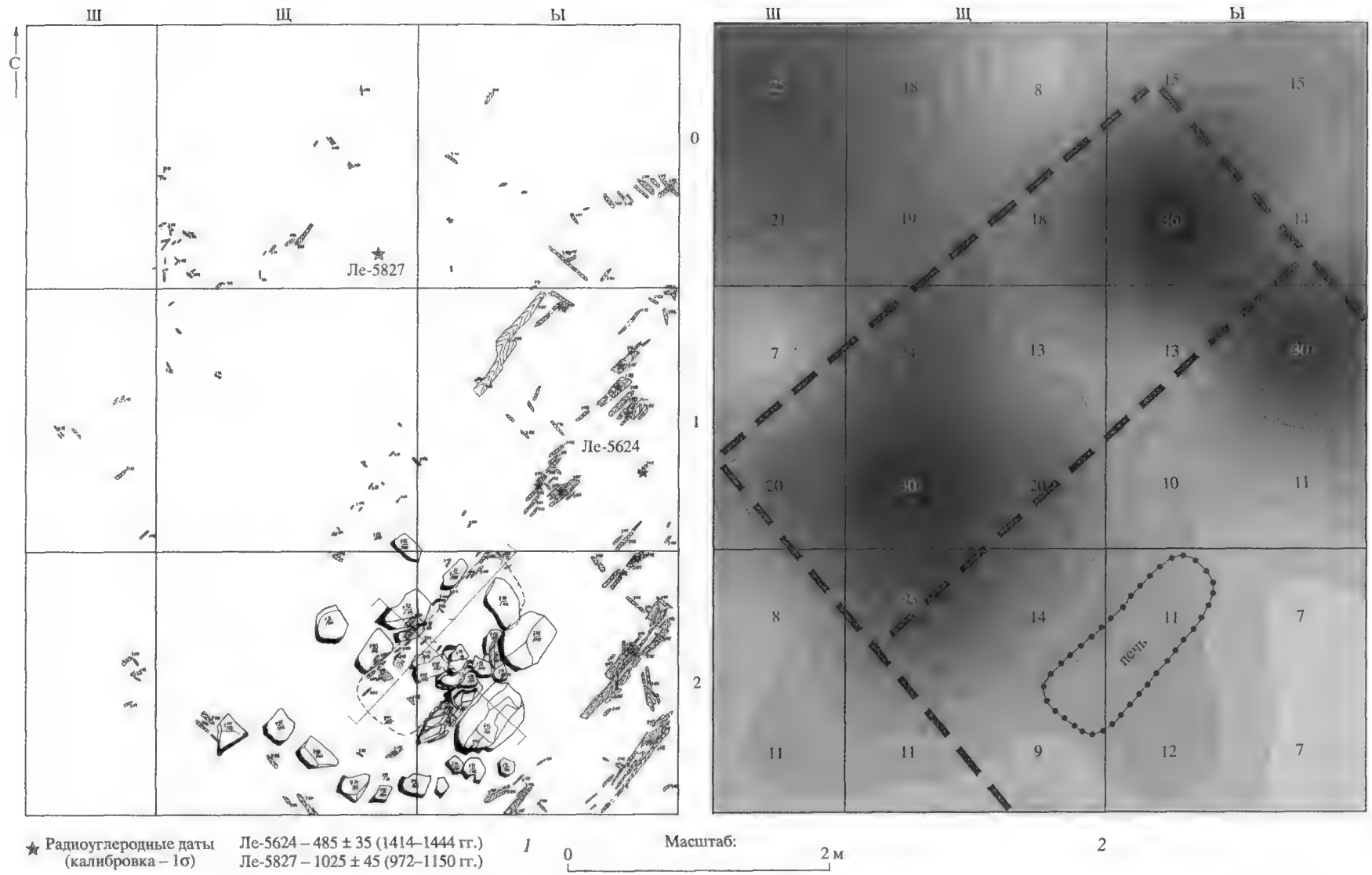


Рис. 4. Поселение Минино I. Раскоп 3. Горизонт второй половины XII – начала XIII в. План с остатками построек

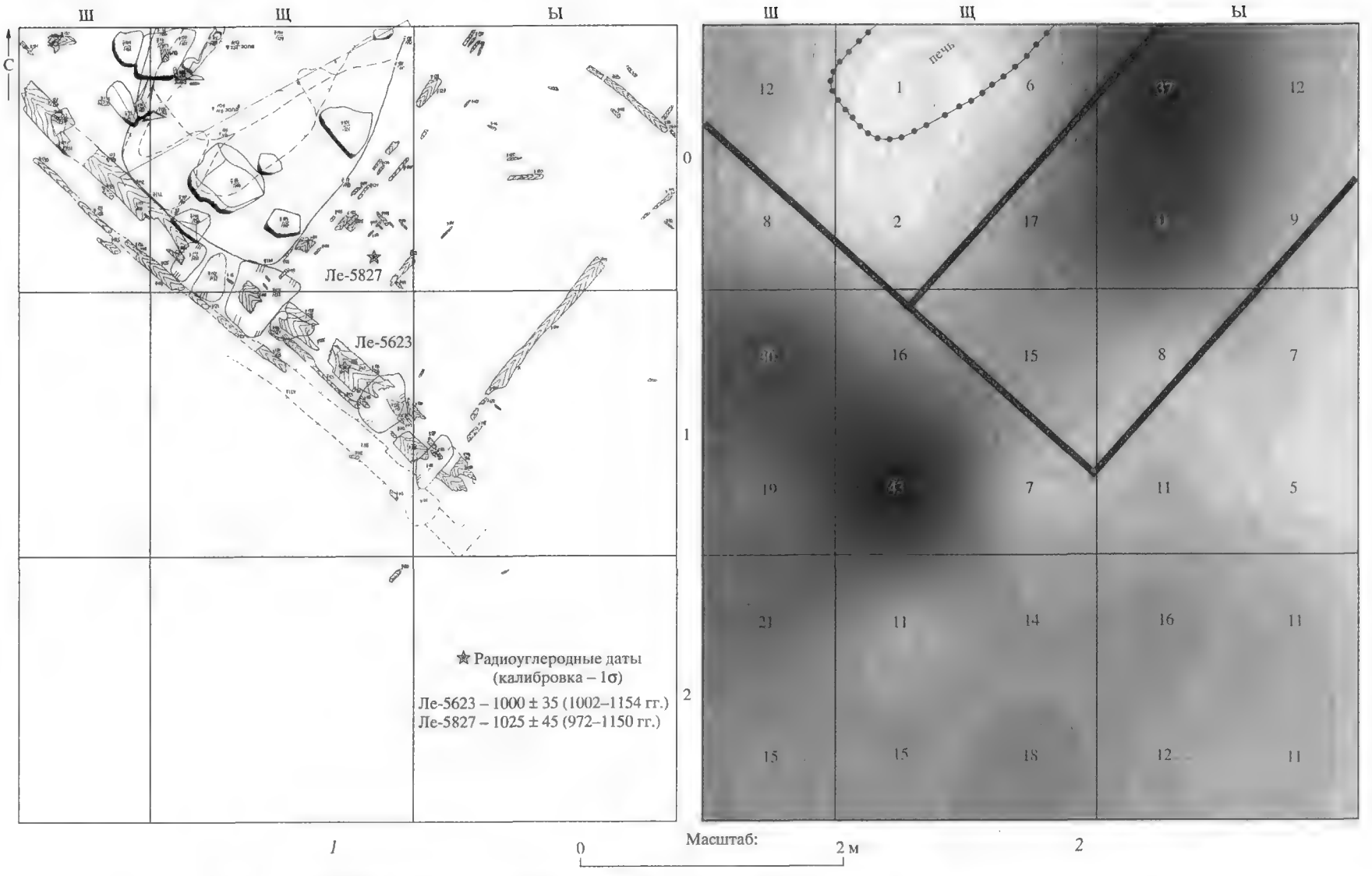


Рис. 5. Поселение Мишино I. Раскоп 3. Горизонт первой половины XII в. План с остатками построек

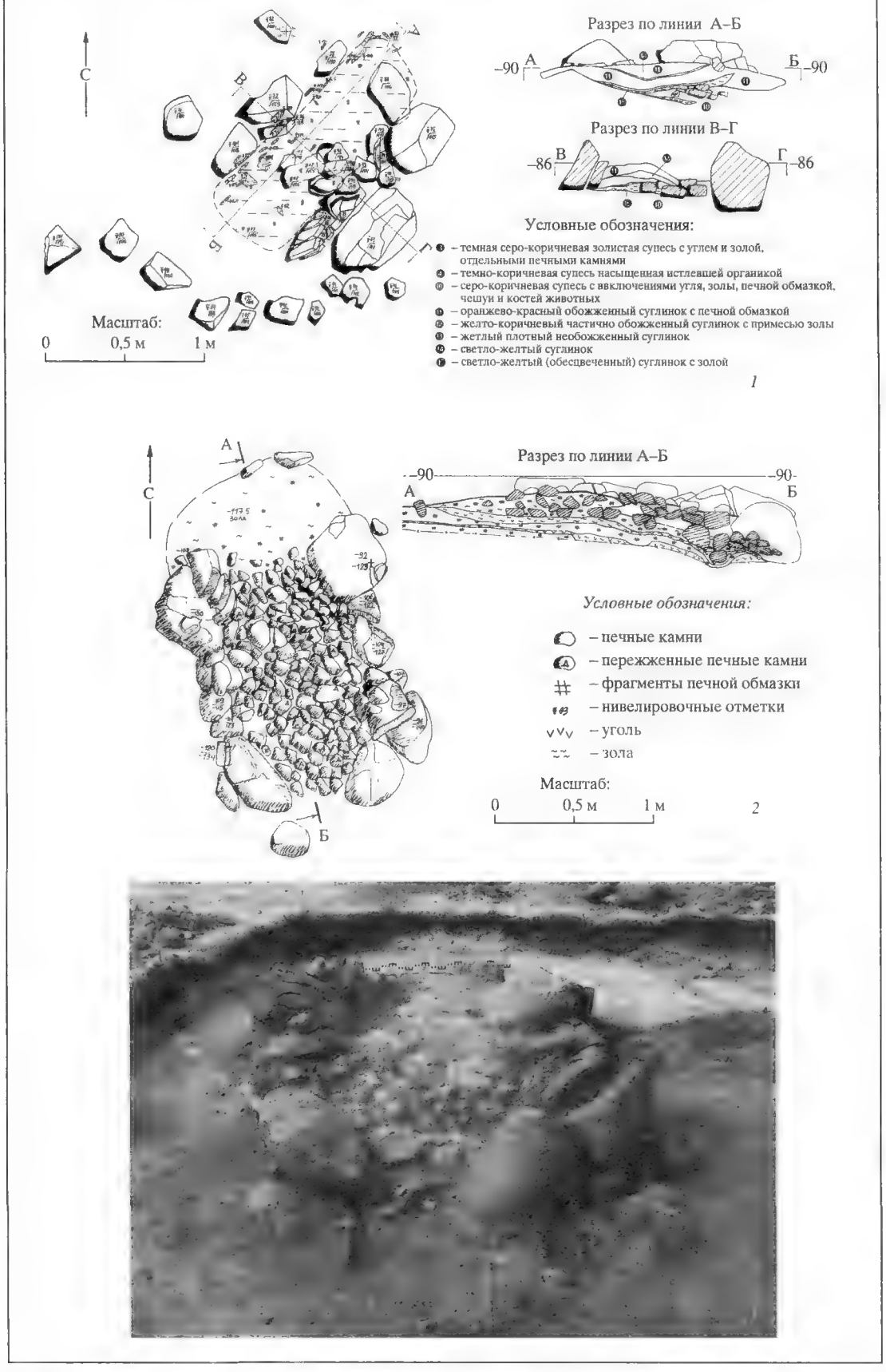


Рис. 6. Поселение Минино I. Горизонт второй половины XII – начала XIII в. Развалы печей
1 – печь в постройке 1, раскоп 3; 2 – печь в постройке 1, раскоп 4

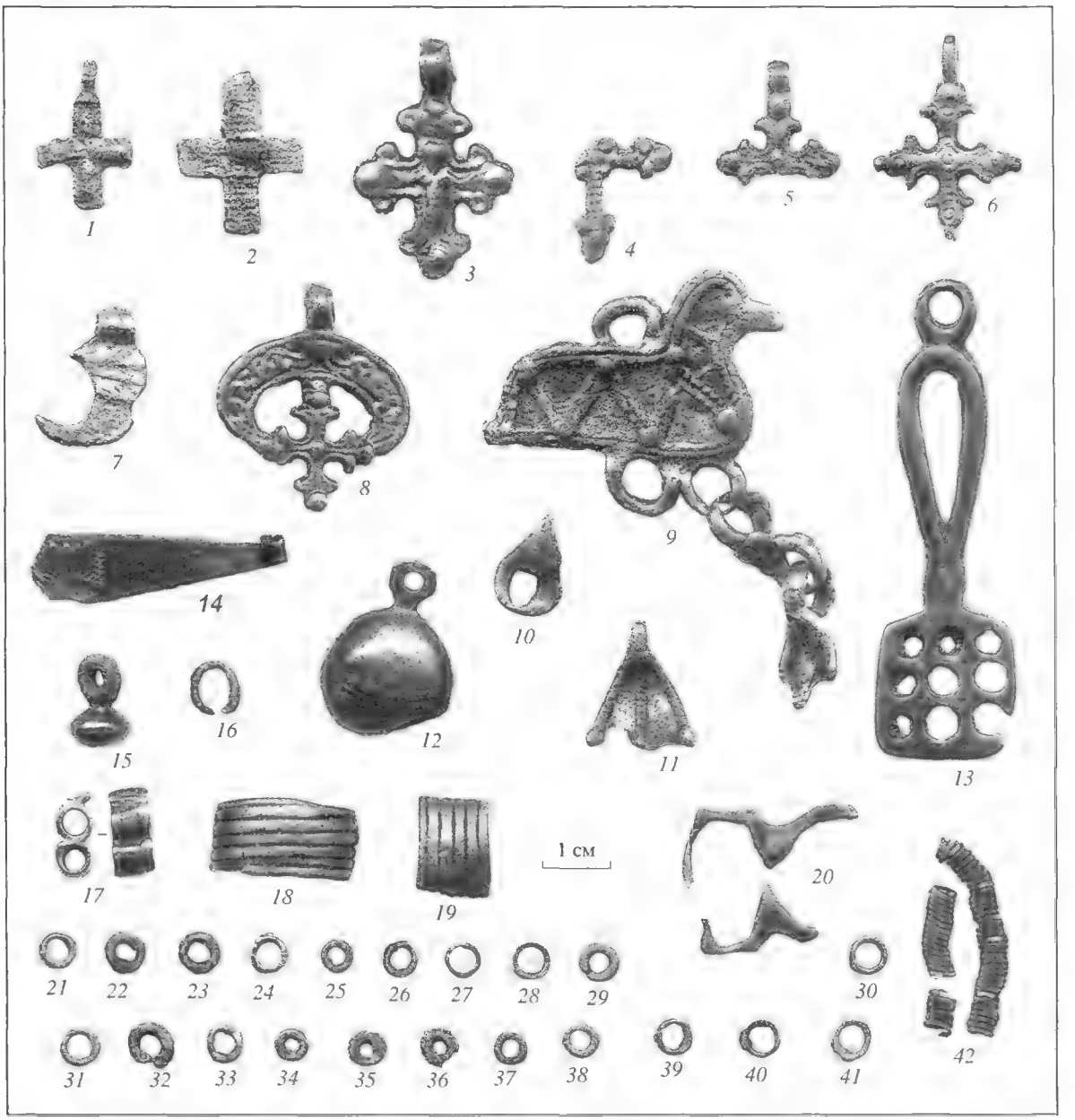


Рис. 7. Поселение Минино I. Раскоп 3. Горизонт второй половины XII – начала XIII в. Изделия из цветного металла

Две наиболее поздние постройки – № 3 в раскопе 1 и № 1 в раскопе 3 (рис. 4) – датируются второй половиной XII – первой половиной XIII в.

Критерием для выделения жилых домов, помимо определенного набора бытовых предметов, являлось наличие отопительных сооружений. Все обнаруженные в Минино отопительные сооружения представляли собой печи, близкие по своим конструктивным особенностям. Они сооружены с использованием камня и глины (рис. 6). Основу конструкции составляли 5–6 крупных (до 50–60 см) камней, чаще всего поставленных на ребро, которые оконтуривали заполненное глиной пространство подпрямоугольной формы. В промежутках между большими камнями располагались более мелкие – пережженные, или имевшие характерные термические сколы. В ряде случаев отмечено использование для этих целей небольших, поставленных на ребро, каменных плиток. Изучение остатков печей наилучшей сохранности позволяет полагать, что топочные камеры имели глиняные или каменно-глиняные перекрытия – своды.

Из-за небольшой площади раскопов ни одна из построек не была вскрыта полностью. Это обстоятельство, а так же плохая сохранность дерева в культурном слое не всегда позволяют четко определить границы выявленных построек и особенности их внутренней планировки. Для решения этих вопросов наиболее результативным оказалось сопоставление планов расположения остатков конструкций и изменения плотности вещевых находок в напластованиях, относящихся ко времени их существования. Наблюдения за количеством находок внутри и вокруг построек наилучшей сохранности позволило выявить определен-

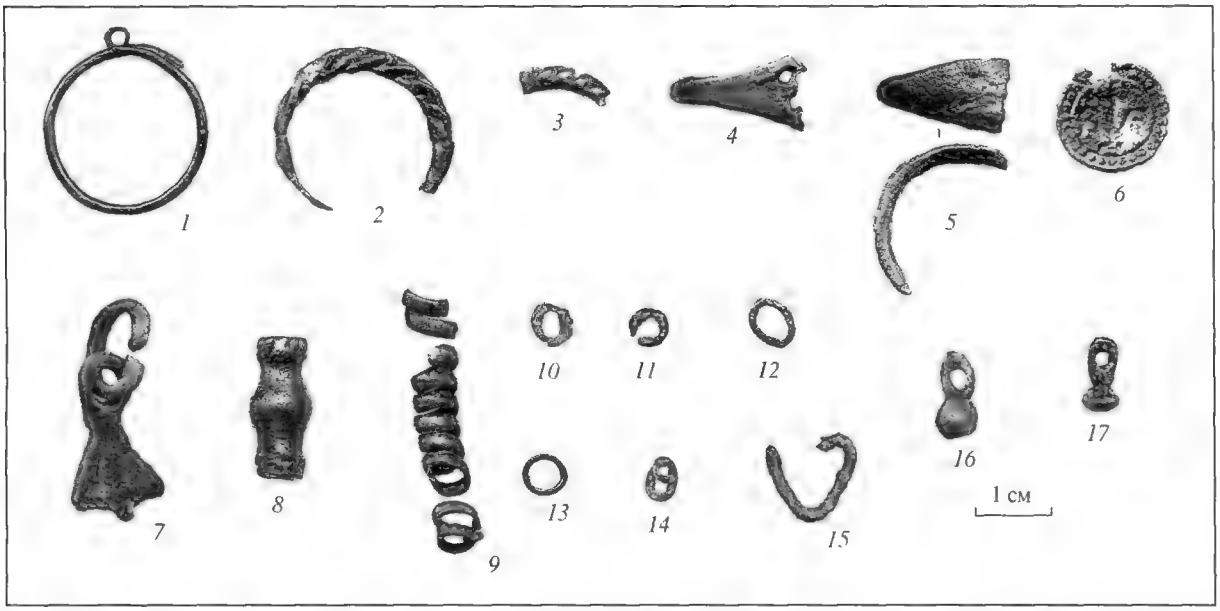


Рис. 8. Поселение Минино I. Раскоп 4. Горизонт второй половины XII – начала XIII в. Изделия из цветного металла

ные закономерности в их распределении (рис. 3, *2*; 4, *2*; 5, *2*). Выяснилось, что реже всего вещи терялись в узкой полосе по внешнему периметру построек. Внутри домов наибольшая концентрация вещей отмечена в пределах неотапливаемых камер. В отапливаемых камерах меньше всего находок обнаружено вокруг печей. В ряде случаев по концентрации находок можно предположительно установить и положение таких трудноуловимых археологически деталей, как дверные проемы.

Жилые постройки Минино представляли собой прямоугольные наземные дома срубной конструкции. В качестве фундаментных опор для стен домов часто использовались крупные плоские камни. Необходимо отметить, что все жилые дома, начиная с самых ранних, представляли собой двухкамерные сооружения с внутренней стеной-перегородкой. Внутренняя стена разделяла дом на две неравные по площади камеры. Печь всегда ставилась в большей камере. Вход в дом осуществлялся в большинстве случаев через неотапливаемую камеру (сени). Дверь могла располагаться как в длинной, так и в короткой стене сеней. Лишь в одном случае можно предполагать наличие наружной двери в отапливаемой камере.

Вероятно, все дома имели деревянные полы. Однако их остатки достоверно выявлены лишь в двух постройках. В доме № 1 из раскопа 4 (рис. 3) пол был настлан "по ходу". В постройке № 1 из раскопа 3 (рис. 4) зафиксировано иное положение половиц – "против хода". В этом доме была выявлена и еще одна интересная деталь. В прямоугольном пространстве вокруг печи деревянный пол отсутствовал. Вероятно, он не был настлан здесь в противопожарных целях. С этой же целью стены срубов возле печей промазывались глиной. В ходе раскопок было обнаружено несколько фрагментов глины с отпечатками бревен. Ни в одном из домов не были прослежены подполья или подпечные ямы.

Размеры домов были различны. Самый крупный дом (№ 2 из раскопа 1), относящийся к концу X–XI вв., имел общую площадь более 45 кв. м. Площадь отапливаемой камеры составляла 29 кв. м. Общая площадь одного из самых маленьких домов – постройки № 1 из раскопа 3, датируемой второй половиной XII – первой половиной XIII в., – составляла, вероятно, около 30 кв. м. Из них на отапливаемую камеру приходилось около 20.

Вещевой материал

Публикуя первые результаты раскопок в Минине, мы уже отмечали исключительно высокую концентрацию находок в культурном слое средневекового поселения (*Макаров, Захаров,* 2000). Продолжение полевых работ подтвердило это наблюдение. На площади 240 кв. м в Минине собрано около 3700 средневековых вещей, не считая керамики. В составе этой коллекции 956 предметов из стекла (главным образом бусы; рис. VI), 884 предмета из цветных и благородных металлов (рис. 7, 8), 1367 предметов из железа (рис. 9), 109 предметов из камня и 260 предметов из кости и рога. Таким образом, на каждый квадратный метр вскрытой площади в Минине приходится около 4 стеклянных бус, около 3,5 вещей из цветных металлов и около 5,5 вещей из железа. Коллекция включает украшения и детали одежды, бытовые вещи, орудия труда, предметы вооружения, торговый инвентарь, предметы религиозного культа (рис. 7, 8–10; VI). Ассортимент вещей, представленных в коллекции, разнообразен – от столь обычных для сельских поселений находок, как железные ножи, каменные оселки и глиняные рыболовные грузила, до сравнительно редких предметов, маркирующих высокий достаток населения и широкое участие его в торговле – таких, как осколки византийских стеклянных сосудов, весовая гирька, янтарный крест-тельник, фрагменты болгарской керамики, орнаментированные поясные накладки и наконечники ремней,

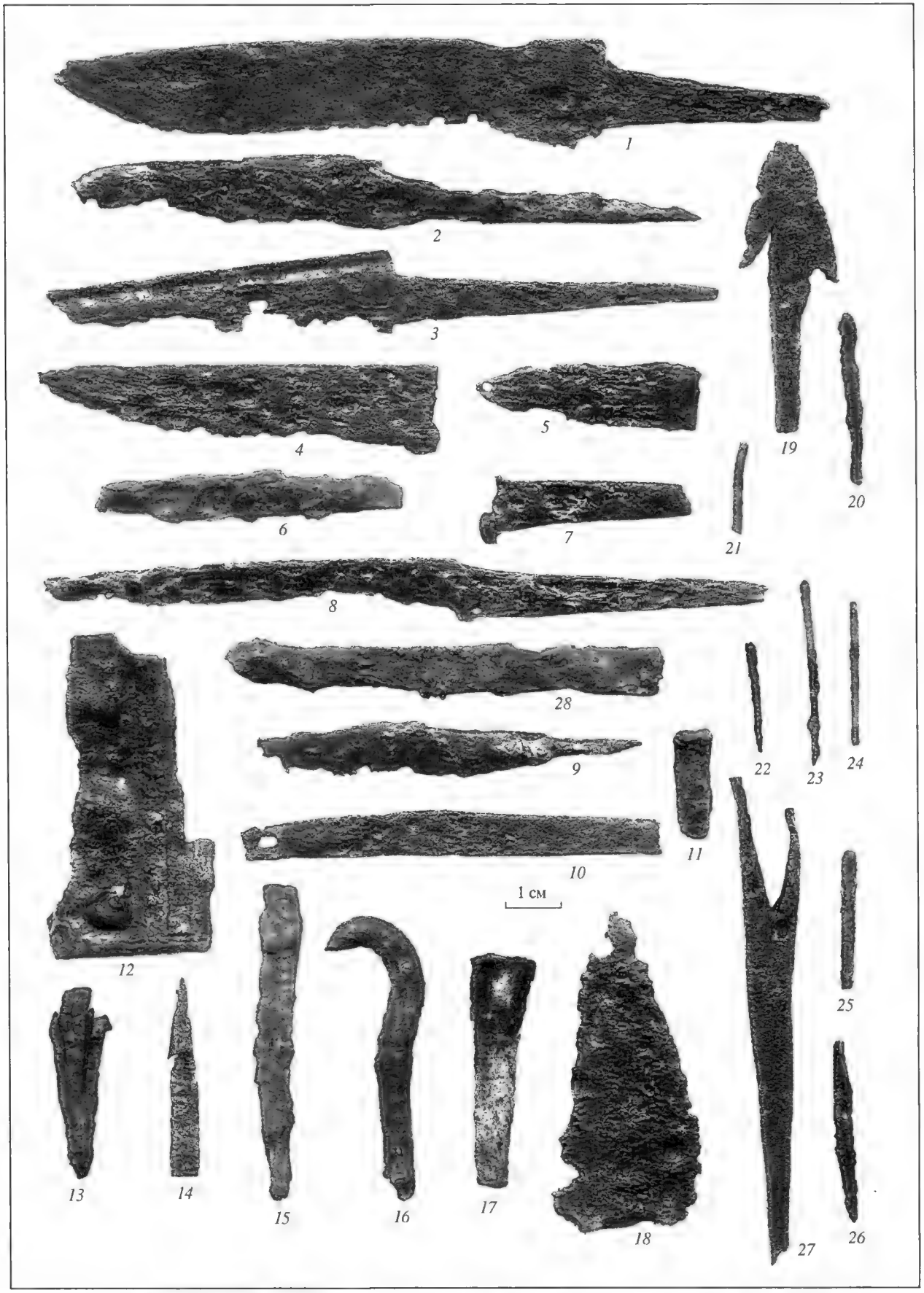


Рис. 9. Поселение Мишино I. Раскоп 4. Горизонт второй половины XII – начала XIII в. Изделия из железа

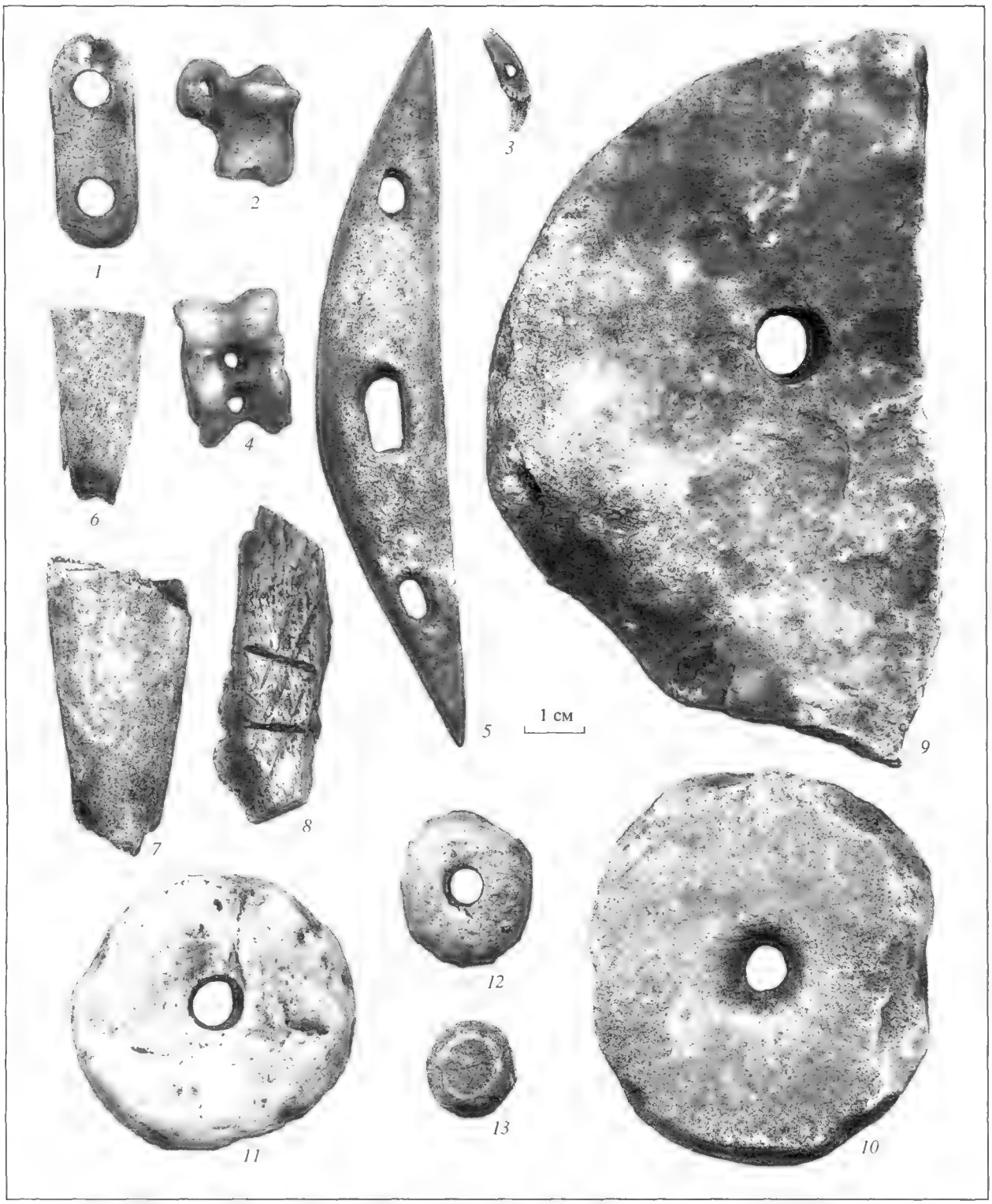


Рис. 10. Поселение Мишино I. Раскоп 4. Горизонт второй половины XII – начала XIII в. Изделия из камня и рога

фрагмент дирхема, 9 целых и фрагментированных серебряных денариев. Среди орудий труда наиболее многочисленны железные ножи (204 экз.; рис. 9), железные иглы (200 экз.; рис. 9), каменные оселки (52 экз.), железные шилья (38 экз.), каменные и глиняные пряслица (35 экз.), фрагменты топоров (9 экз.). Заметную группу вещей составляют железные и роговые наконечники стрел (38 экз.; рис. 9), среди которых выделяется группа цилиндрических роговых наконечников с тупым бойком, использовавшихся для охоты на пушного зверя. Предметы вооружения представлены также железными втоками (3 экз.), железными кольчужными кольцами (4 экз.) и роговой петлей от колчана (рис. 10).

Многочисленны рыболовные снасти, включающие глиняные и каменные грузила для сетей (42 экз.; рис. 10), бронзовые и железные крючки (13 экз.) и остроги (6 экз.). Единичными находками представлены фрагментированные серп, коса (?), жернов, пружинные ножницы, зубило. Выразительный комплекс составляют находки, связанные с обработкой цветных металлов: обломки тиглей (26 экз.) и льячек (6 экз.), выплески (36 экз.) и слитки (4 экз.) металла. На поселении найдено также несколько десятков обрезков рога, свидетельствующих о существовании косторезного производства. Наиболее многочисленные категории бытовых вещей – детали металлической посуды (фрагменты бронзовых пластин, бронзовые заклепки, железные ушки и дужки, всего не менее 125 экз. определимых деталей), целые и фрагментированные железные замки (28 экз.), железные ключи (9 экз.), роговые гребни и расчески (31 экз.). В числе других бытовых вещей – железные кресала, фитильная трубка, светцы, дверные пробои, фрагменты железных сковородок и роговые копоушки.

Не менее 250 предметов из цветных металлов, найденных в культурном слое, представляют собой женские украшения и детали женского костюма (рис. 7, 8). В составе коллекции 38 целых и фрагментированных проволочных височных колец, 37 перстней, 12 фрагментов браслетов, 15 бубенчиков, около полутора десятка шумящих привесок (привесок-лапок, колоколовидных, бубенчиков), и примерно столько же поясных подвесок и подвесок к ожерелью различных типов, 7 подковообразных фибул и 2 язычка от фибул. Многочисленны металлические пронизки: спиральные (33 экз.) и пронизки-колечки (67 экз.), использовавшиеся, вероятно, в качестве деталей поясных украшений. Около 40 металлических предметов представляют собой украшения и детали мужского пояса. Среди них наконечники ремня (3 экз.), ременные накладки и обоймицы (17 экз.), пряжки и язычки пряжек (12 экз.), поясные кольца (3 экз.).

Среди предметов христианского культа 13 металлических крестов-тельников различных типов (рис. 7), янтарный крест-тельник и 2 монетовидные подвески с изображением креста (рис. 7, 8). Языческие амулеты представлены подвесками из таранных костей бобра (12 экз.; рис. 10), из таранных костей мелкого рогатого скота (1 экз.; рис. 10) и из клыков животных (4 экз., в том числе 3 – из клыков медведя).

Состав коллекции свидетельствует, что в распоряжении обитателей поселения был достаточно широкий набор орудий труда и бытовых предметов, соответствующий культурным традициям и хозяйственной практике древнерусской метрополии. В культурном отношении обитатели поселения были ориентированы на культуру древнерусской метрополии и одновременно – на региональные традиции северной периферии Восточной Европы, восходящие своими корнями к культуре финно-угорского населения. Региональные традиции наиболее отчетливо проявились в лепной керамике и женском уборе.

Горизонт XII – начала XIII в.

Остановимся подробнее на археологических материалах, характеризующих пространственную организацию, хозяйство и материальную культуру поселения на поздних этапах его существования. Прежде всего, следует отметить, что культурные напластования XII – начала XIII в. хорошо выделяются по составу находок, а на некоторых участках, например, в северной части поселения, хорошо выражены стратиграфически. Важнейшим индикатором этого хронологического периода являются некоторые типы навитых бус (рис. VI) – навитой бисер, шаровидные и зонные прозрачные бесцветные, зонные и кольцевидные прозрачные желтые и зеленые, зонные и кольцевидные прозрачные и полупрозрачные голубые и фиолетовые, а также бусы с пластическим декором. Значительная концентрация бус этих типов отмечена на уровне 1–3-го пластов в южной части раскопа 1, в раскопах 3, 4 и 5. Таким образом, культурный слой XII – начала XIII в. зафиксирован в южной, северной, и юго-западной части селища на общей площади не менее 1 га. На финальном этапе своего существования Минино I представляло собой достаточно крупное поселение. Очевидно, развитие поселения на протяжении XI–XII вв. сопровождалось перепланировками, в ходе которых жилая застройка распространялась на новые участки, а отдельные участки, на которых ранее возводились постройки, оставлялись пустующими. В XII в. впервые застраивается северо-западная часть поселения, где ранее располагалась пашня, застраивается также южная часть площадки, освоенная в XI в., а в последующий период, очевидно не использовавшаяся. На восточном участке площадки (раскоп 1), где в XI – первой половине XII в. застройка была наиболее плотной, находки этого времени немногочисленны, а остатки жилых построек выявлены лишь в южной части раскопа. Выразительный вещевой комплекс XII – первой половины XIII в. представлен также на расположенном в 350 м к юго-западу поселении Минино VI –

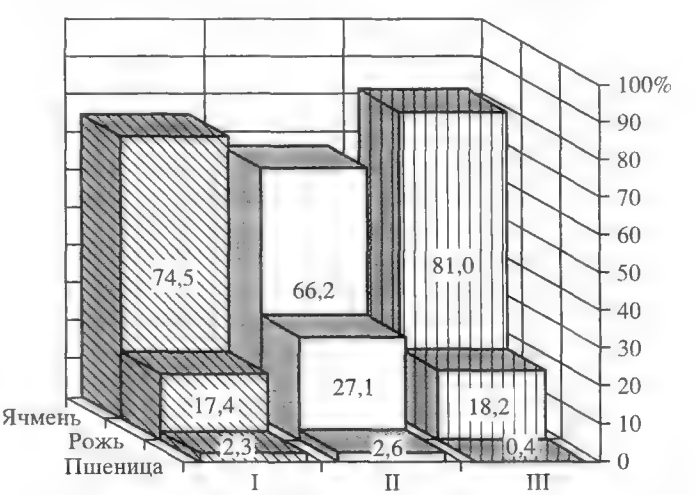


Рис. 11. Состав зерен культурных злаков из культурного слоя поселения Минино I

I – XI – первая половина XII в. (раскопы 1 и 4); II – середина XII – начало XIII в. (раскопы 3 и 4); III – середина XII – начало XIII в. (скопление зерна в раскопе 3)

Таблица 3. **Результаты радиоуглеродного датирования построек XII–XIII вв.**

Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата (BP)	Калиброванная дата (AD)		Местоположение
		1σ	2σ	
Ле-5624	485±35	1414–1444	1404–1466	Раскоп 3, постр. № 1, фрагменты пола (гл. – 101\107 см)
Ле-5827	1025±45	972–1150	892–1162	Раскоп 3, постр. № 1, или № 2, пятно угля (гл. – 112\113 см)
Ле-5623	1000±35	1002–1154	982–1160	Раскоп 3, постр. № 2, бревно юго-западной стены (гл. – 123\124 см)
Ле-5625	920±20	1048–1164	1039–1168	Раскоп 4, постр. № 1, бревно южной стены (гл. – 133 см)

одном из двух дочерних поселений, составлявших локальную группу селищ в устье р. Дмитриевки.

Из всех построек к XII – началу XIII в. относятся четыре жилых дома (раскоп 1, постройка № 3; раскоп 3, постройки № 1 и 2; раскоп 4, постройка № 1).

На уровне 1–2-го пластов в раскопе 4 вскрыта постройка № 1 (рис. 3; 6, *1*), представлявшая собой жилой дом с печью. Плохая сохранность дерева не позволяет однозначно реконструировать форму и размеры дома. Основанием для реконструкции стали наблюдения за распределением печных камней на площади раскопа. В плане пятно наиболее плотного массива камней имеет отчетливо выраженную подпрямоугольную форму. Его восточная и южная границы совпадают с направлением двух перпендикулярных бревен, прослеженных в виде пятен древесного тлена и обугленного дерева. Оба они являлись, вероятно, внешними стенами сруба. Для южного бревна основным аргументом в пользу этого служит значительное падение поверхности к югу от раскопа, где пролегает русло р. Дмитровки. Наличие больших камней по трассе восточного бревна, вероятно, использовавшихся в качестве фундаментных, также позволяет видеть в нем внешнюю, а не внутреннюю стену дома. В этом случае северная граница развала камней может маркировать положение внутренней стенки, разделявшей холодную и теплую камеры дома. Фрагменты дерева к северу и западу от печи, лежащие параллельно восточной стенке дома, можно рассматривать как остатки пола, настланного "по ходу". При таком варианте реконструкции длина восточной стены дома составляет более 4 м, южной – более 3,75 м, а длина отапливаемой камеры – около 3,5 м. Печь, расположенная у восточной стены дома, параллельно ей, была обращена устьем к внутренней стенке (рис. VII). По внешнему контуру она имела размеры 2,3 × 1,5 м, размеры внутреннего (топочного) пространства составляли 1,6 × 0,7 м. Вес глины, происходящей из печи, не превышал 50 кг. Некоторые мелкие камни, лежавшие в верхней части топочной камеры, были скреплены между собой глиной. Здесь же обнаружены фрагменты печной обмазки с отпечатками ткани грубого плетения (типа мешковины). Вероятно, печь имела каменно-глиняный свод.

Для постройки имеется одна радиоуглеродная дата (Ле-5625) (см. табл. 3). Археологический материал позволяет датировать ее в пределах XII – начала XIII в. Наиболее вероятным представляется период второй половины XII в., что в целом согласуется с датой, полученной при радиоуглеродном анализе.

Обе выявленные в раскопе 3 постройки являлись жилыми домами (рис. VIII). Плохая сохранность дерева дома № 1, близкая глубина залегания построек, одинаковая ориентировка и их частичное наложение не всегда позволяют уверенно отнести обнаруженные фрагменты дерева и индивидуальные находки к той или иной постройке.

Постройка № 1 занимала бóльшую часть раскопа (рис. 4; 6, *2*). Печь постройки размером 1,55 × 1,15 м с топочной камерой размером 1,55 × 0,5 выявлена возле южной стенки раскопа. Под слоем глины в основании печи расчищены фрагменты перпендикулярных друг другу деревянных плашек, которые можно рассматривать как остатки опечка неясной конструкции. В глиняном заполнении топочной камеры, особенной в верхней части, обнаружены крупные фрагменты печной обмазки, одна из поверхностей которых имела следы заглаживания. В разрезе заполнения топочной камеры прослежены разделяющие глину зольно-угольные прослойки. Возможно, их следует рассматривать как свидетельства существования сводов и реконструировать печь как имевшую глиняный свод.

К востоку и северо-востоку от печи обнаружены многочисленные фрагменты древесного тлена, вытянутые параллельно печи, которые, очевидно, являются остатками пола постройки. Любопытно отметить, что на прямоугольном пространстве вокруг печи размерами 2,7 × 2 м фрагменты тлена практически не встречались. Вероятно, пол здесь отсутствовал. Кроме того, на площади раскопа обнаружено большое количество фрагментов древесного тлена с различной, часто взаимно перпендикулярной ориентировкой, часть из которых, возможно, представляет собой остатки стен дома. Часть древесного тлена от пола была отобрана для радиоуглеродного анализа (Ле-5624). Полученная дата – первая половина XV в. – резко противоречит вещевому и керамическому материалу из раскопа 3 и стратиграфической ситуации.

Единственная находка в раскопе, которая может относиться к этому периоду – стержневой ключ типа Ж, появляющийся в Новгороде, по данным Б.А. Колчина, в конце XIV в. (*Колчин*, 1982. С. 160, 162). Вместе с тем, нельзя исключать и более ранней датировки ключей этого типа. Такой ключ присутствует в материалах I Измерского селища, верхняя хронологическая граница которого, даже с учетом подъемного материала, не выходит за рамки XII – XIII вв. (*Казаков*, 1991. Рис. 29–25). Возможно, полученная дата – результат лабораторной ошибки. В то же время, поскольку тлен для пробы отбирался с некоторой площади, с наибольшей вероятностью можно полагать, что здесь находилась яма перекопа, не зафиксированная в процессе раскопок. Об этом может свидетельствовать и разрыв в древесном тлене, имеющий округлую форму и располагающийся в центре места отбора пробы. Кроме того, в северной части раскопа был собран уголь для еще одной пробы (Ле-5827). Однако по своему стратиграфическому положению этот уголь может относиться и к лежащей ниже постройке № 2. По совокупности археологических данных наиболее вероятная дата постройки № 1 – вторая половина XII – первая половина XIII в.

Постройка № 2 – жилой двухкамерный дом, один из наилучших по сохранности (рис. 5). К сожалению, в пределы раскопа попал лишь его юго-западный угол. Четко прослежены юго-западная и юго-восточная стены дома и остатки стены, отделявшей жилую камеру. Под остатками бревна юго-западной стены, диаметром около 0,2 м, выявлены 5 крупных плоских камней, использованных в качестве фундаментной опоры. Наиболее крупный камень располагался в месте врубки внутренней стенки. С наружной стороны от стенок сруба прослежена еще одна линия более тонких бревен. Их можно рассматривать как следы завала стен, но более вероятно это – остатки окладного венца, т.е. завалинки. Печь, часть которой уходит за пределы раскопа, находилась в юго-западном углу жилой камеры. Вес глины из этой печи составлял более 300 кг. В заполнении топочной камеры, как и в печи из постройки 1, обнаружены крупные фрагменты печной обмазки, а в разрезе заполнения зафиксированы разделяющие глину зольно-угольные прослойки. Печь могла иметь глиняный свод. В то же время ряд наблюдений не соответствует такой интерпретации. В первую очередь – это слабая обожженность глины, заполнявшей верхнюю часть топок. Объем хорошо обожженной глины (не растворяющейся в воде) составлял лишь около 15–20% от общего объема. Кроме того, в раскопе 3 не удалось найти ни одного достоверного, т.е. заглаженного с двух сторон, фрагмента свода. Поэтому в отмеченных зольно-угольных прослойках можно видеть следы ремонта и по-иному реконструировать верхнюю часть печек.

Для постройки 2 в раскопе 3 имеется одна радиоуглеродная дата, полученная из древесного тлена юго-западной стены (Ле-5623). О второй возможной дате (Ле-5827) было сказано выше. По набору вещевого материала постройка должна быть отнесена к XII в., с наибольшей вероятностью к его первой половине, что согласуется с результатами радиоуглеродного анализа.

Для уточнения планировки построек, в первую очередь постройки № 1, был проведен анализ распределения индивидуальных находок по площади раскопа. Несмотря на отмеченные трудности стратиграфического разделения материалов, полученные картины концентрации находок в горизонтах построек существенно различаются между собой, что повышает их достоверность (рис. 4, 2; 5, 2). Совмещая эти результаты с планом расположения фрагментов дерева, можно достаточно надежно реконструировать постройку № 1 как двухкамерный сруб. Наибольшая концентрация находок отмечена в обоих случаях внутри сеней построек и за пределами домов. Меньше всего вещей обнаружено в жилых камерах, вокруг печей. При предлагаемой реконструкции ширина дома № 1 составляла 4,5 м, а длина – более 5,5 м; размеры сеней – 4,5 × 1,8 м, жилой камеры – 4,5 на более чем 3,6 м. Пол в отапливаемой части был настлан поперек "хода". Прослеженная длина юго-западной стены дома № 2 составляет 4,7 м, ширина постройки превышала 3,8 м, длина сеней, как и в доме № 1 – около 1,8 м.

Места концентрации находок и положение печей позволяют полагать, что проход из сеней в отапливаемую часть построек в обоих случаях был сдвинут к северо-восточной стене домов. При этом устья печей, поставленных возле внутренних стенок, параллельно им, были обращены ко входам (т.е. на северо-восток). По скоплениям находок можно предположительно реконструировать и места расположения наружных дверей. Для постройки № 1 наиболее вероятно расположение входа в середине северо-западной стены, но нельзя исключать и северо-восточную стену сеней. У постройки № 2 вход мог располагаться в юго-западной стене сеней или в северо-восточной, оставшейся за пределами раскопа.

В раскопе 1 к позднему периоду относится жилая постройка № 3, выявленная в юго-западном углу раскопа на уровне 1–2-го пластов. Несмотря на плохую сохранность дерева, сопоставление планов расположения печных камней, остатков конструкции дома и изменения плотности находок, позволяет достаточно уверенно реконструировать эту постройку как двухкамерный жилой дом. Печь, располагавшаяся возле северо-западной стены дома, параллельно ей, имела общие размеры 1,6 × 1,2 м. Размеры топочной камеры составляли около 1,1 × 0,6 м. При сооружении печи, как и в постройке № 1 из раскопа 4, было использовано минимальное количество глины. Общие размеры постройки не установлены, поскольку в раскопе вскрыта лишь ее северо-восточная часть. Прослеженная длина северо-западной стены составляет 4,3 м, северо-восточной – около 4,8 м. Длина сеней равнялась 2,5 м. Концентрация находок свидетельствует о том, что вход в дом располагался в центре длиной стены сеней. Стратиграфическая ситуация и анализ вещевого материала позволяют отнести постройку ко второй половине XII – первой половине XIII в.

Для выяснения особенностей использования разных участков пространства внутри жилых домов и территории за их пределами в раскопе 3, где удалось зафиксировать две сменившие друг друга постройки, был проведен анализ планиграфического распределе-

ния основных категорий индивидуальных находок (рис. 4, 2; 5, 2). Необходимо отметить, что выявленные при этом закономерности имеют предварительный характер, поскольку площадь раскопа составляет лишь 30 кв. м.

Различные категории украшений, среди которых наиболее многочисленны стеклянные бусы, хорошо представлены как внутри построек, так и за их пределами, однако внутри домов отмечено их явное тяготение к пространству сеней. Здесь же чаще всего терялись и пуговицы (все 3 экз.), в то время как детали поясного набора – на улице (4 из 5 экз.). Ножи, наиболее многочисленные среди инструментов и орудий труда, распределены достаточно равномерно. Шилья чаще всего встречаются за пределами домов (5 из 7 экз.). Пряслица, вопреки ожиданиям, обнаружены не только внутри домов, но и за их пределами (по 6 экз.). Аналогичным оказалось и распределение швейных игл. В то же время, для разных построек отмечены противоположные тенденции. В более позднем доме № 1 все иглы (7 экз.) собраны непосредственно вокруг печи. Для дома № 2 соотношение обратное – 13 из 16 игл найдены вне пределов постройки, но две из трех, обнаруженных внутри дома, были потеряны возле печки. С сенями и пространством вокруг печей устойчиво связаны детали металлической посуды (обломки железных сковород и бронзовых котлов, дужки и ушки от котлов или ведер). Все светцы (4 экз.) обнаружены внутри домов, причем только в пространстве сеней. Очевидно, для освещения другой камеры хватало света от печи. Четыре из шести нательных крестиков происходят из построек, три из них были потеряны в сенях. Отходы косторезного производства обнаружены как в домах, так и вне их. В постройке № 1 они концентрируются вокруг очага и снаружи, в районе возможного расположения входной двери.

Хотя материальная культура поселения Минино I на всем протяжении его существования характеризуется определенным единством, в течение XII столетия в ней происходят некоторые изменения, обусловленные как общей сменой типов и форм вещей в Восточной Европе, так и процессами, протекавшими в хозяйстве и культуре на локальном или региональном уровне. Доля древнерусской круговой керамики в керамическом наборе увеличивается до 63% (раскоп 5) – 80% (раскоп 3). В наборе украшений все более заметную часть составляют предметы древнерусских типов, при одновременном появлении некоторых новых типов шумящих и зооморфных украшений, происхождение которых связано с Поволжьем. Постепенно уменьшается доля украшений и импортов, происходящих из Балтийского региона. Широкое распространение получают кресты-тельники. В целом металлический убор Мининского поселения середины XII – первой половины XIII в. представляет собой сочетание вещей древнерусских типов и украшений финно-угорского облика, получивших распространение в Костромском Поволжье, в Белозерском крае и в бассейне Ваги. Это сочетание хорошо известно по раскопкам могильников на северной периферии Древней Руси, в том числе на Шексне и Белом озере. Отметим, что археологические материалы не дают видимых признаков упадка и захирения поселка в период, предшествующий его окончательному запустению, как не дают они и следов насильственного прекращения его жизни.

При уточнении верхней даты селища следует учесть следующие обстоятельства. Во-первых, в обширной коллекции украшений, собранной на селище, представлена целая серия типов, появляющихся в последней трети XII в., но практически нет вещей, первоначальное появление которых на Северо-Западе и Северо-Востоке Руси относится к середине – второй половине XIII в. (серег в виде знака вопроса, шаровидных линейно-прорезных бубенчиков с одинарным рельефным валиком, многобусинных височных колец, круглощитковых перстней). Во-вторых, среди круговой керамики, собранной в верхнем горизонте культурного слоя, доминируют типы, период бытования которых охватывает вторую половину XII–XIII вв., но нет форм, использовавшихся в интервале между серединой XIII и концом XIV в. В-третьих, радиоуглеродные даты образцов углей и дерева из построек верхнего горизонта в раскопах 3 и 4 соответствуют периоду между началом XI и второй третью XII в. (1000–1160-е годы). Постройки, срубленные из леса, заготовленного в середине XII в., могли быть обитаемы на рубеже XII–XIII вв., однако трудно допустить, что они продолжали использоваться и позже. С учетом всего вышеизложенного окончательное запустение поселения должно быть датировано временем между рубежом XII–XIII и серединой XIII в.

Природная среда и хозяйственные занятия населения

Палеоботанические исследования Е.А. Спиридоновой и А.С. Алешинской позволяют достаточно подробно воссоздать облик природной среды Мининского микрорегиона в средневековье и некоторые изменения ландшафта и растительности на протяжении XI–XIII вв. Палинологическим методом изучено три разреза непосредственно в пределах поселения и естественный разрез в 200 м от поселения в понижении древнего остаточного озера, представляющего ныне заболоченный участок, заросший осокой и тростником. Все четыре разреза характеризуют период XI–XIII вв. как время значительного антропогенного воздействия на природную среду, результатом которого стали существенные изменения в составе леса и формирование вокруг поселения достаточно обширных открытых пространств. В начале этого периода сократились площади, занятые коренными хвойными лесами, и произошло частичное замещение их вторичными березовыми и ольховыми насаждениями. Влияние человека сказалось также в распространении культурных злаков и различных сорных растений. Спорово-пыльцевые комплексы горизонта XI – первой половины XII в. во всех разрезах характеризуются преобладанием березы среди древесных пород, среди которых представлены также ель, сосна и ольха

и в незначительном количестве – широколиственные. Преобладание пыльцы разнотравья в группе травянистых свидетельствует о том, что обширные пространства в ближайших окрестностях поселения были заняты лугами. Величина пахотного клина в этот период оставалась небольшой. Спорово-пыльцевые комплексы второй половины XII – первой половины XIII в. отражают некоторые изменения в составе растительности. В большинстве из них зафиксировано преобладание пыльцы ели и сосны среди древесных пород, свидетельствующее о частичном восстановлении елово-сосновых лесов в окрестностях поселения, по крайней мере, на отдельных хронологических отрезках этого периода. Высокий удельный вес пыльцы осоки и сфагновых мхов указывает на высокое стояние грунтовых вод и развитие процессов заболачивания. Состав пыльцы травянистых свидетельствует о сокращении размеров лугов и увеличении пахотного клина. Фиксируемые изменения могут быть объяснены, с одной стороны, некоторыми изменениями климата, постепенно становившегося более влажным и прохладным, с другой стороны, распространением новых форм природопользования и ведения хозяйства, предполагавших использование более обширных ресурсных зон, и соответственно – меньшую нагрузку на ближайшие окрестности поселка.

Горизонт XIV – начала XV в. в естественном разрезе характеризуется увеличением пыльцы сосны, вновь ставшей доминирующей среди древесных пород, высоким содержанием пыльцы ели, сокращением пыльцы травянистых растений, в том числе злаков. Начиная с этого времени самыми распространенными лесами на исследуемом участке стали сосняки. В климатическом отношении по сравнению с предыдущими этапами это было более холодное время с большим количеством осадков.

Хозяйство обитателей средневекового поселения на всем протяжении его существования имело комплексный – промыслово-земледельческий характер.

Развитие земледелия в Мининском микрорегионе документировано, во-первых, спорово-пыльцевыми комплексами, содержащими пыльцу культурных злаков и сорняков, во-вторых, обширной коллекцией карбонизированных зерен культурных злаков, собранной при промывке культурного слоя, в-третьих, слоем погребенной пахоты, зафиксированным под средневековым культурным слоем в раскопах 2, 4 и 3, причем в последнем под напластованиями второй половины XII в. в плане отчетливо выявлены борозды распашки, пересекающиеся под прямым углом. Кроме того, в культурном слое найдены обломок каменного жернова и железный предмет, предположительно атрибутированный как обломок серпа. Коллекция карбонизированных зерен насчитывает около восьми с половиной тысяч целых экземпляров и обломков. Зерна найдены во всех четырех раскопах, заложенных на различных участках поселения, однако подавляющая их часть (около 7000 экз.) представляет собой комплекс одного скопления, залегавшего в раскопе 3 в слое второй половины XII – первой половины XIII в. При этом концентрация культурных злаков в горизонте второй половины XII – первой половины XIII в. выше, чем в горизонте XI – первой половины XII в. В первом из них на один литр промытого культурного слоя приходится в среднем 3,4 зерна, во втором – 1,2 зерна. (В подсчеты не включены зерна, найденные в составе скопления.) Основными земледельческими культурами как в верхнем, так и в нижнем горизонте являются ячмень, рожь, пшеница и овес. Ячмень, доля которого составляет 74,5% в отмывках из нижнего горизонта средневекового культурного слоя и 66,2% в отмывках из верхнего, выступает в качестве ведущей сельскохозяйственной культуры (табл. 4; рис. 11). Предпочтение ячменя другим культурам, несомненно, должно быть объяснено его неприхотливостью и устойчивостью к низким температурам. Оно зафиксировано и на некоторых других синхронных памятниках севера лесной полосы Восточной Европы, например, на белозерских поселениях (*Макаров, Захаров, Бужилова*, 2001. С. 118–119) или на городище Идна-Кар в бассейне Чепцы (*Туганаев, Ефимова*, 1982. С. 104–110). В верхнем горизонте культурного слоя доля ржи увеличивается по сравнению с нижним только на 10%. Таким образом, средневековые насельники Мининского микрорегиона за два с половиной века существования поселения практически не изменили состав зерновых в ту эпоху, когда рожь вытесняет другие культуры и становится доминирующей в большинстве среднерусских и севернорусских земель. Следует отметить, что в XVI–XVII вв. ведущими земледельческими культурами в вологодских и белозерских землях были рожь и овес.

Таблица 4. **Состав зерен культурных злаков из культурного слоя**

	Ячмень, %	Рожь, %	Пшеница, %	Всего целых зерен
XI – 1-я половина XII в. (раскопы 1 и 4)	74,5	17,4	2,3	419
Середина XII – начало XIII в. (раскопы 3 и 4)	66,2	27,1	2,6	461
Середина XII – начало XIII в. (скопление зерна в раскопе 3)	81,0	18,2	0,4	3610

Для характеристики скотоводства и охоты существенны, прежде всего, остеологические материалы из культурного слоя, исследованные доктором биологических наук А.Б. Савинецким. Кости домашних животных составляют чуть менее четверти всей массы фаунистических остатков из нижнего слоя и около 40% – из верхнего. Отмечены остатки шести видов домашних животных: крупного рогатого скота, козы, овцы, свиньи, лошади и собаки. Преобладают остатки крупного и мелкого рогатого скота, составляющие соответственно 10,4% и 7,1% от общего количества остеологических материалов в нижнем слое и 17,3% и 15,5% – в верхнем. Одна из железных пластин клиновидного сечения, найденных в верхнем горизонте поселения, предположительно атрибутирована как

обломок косы. Косвенным свидетельством присутствия на поселении овец и использования их шерсти является наличие среди находок 36 пряслиц (рис. 10). Судить о масштабах скотоводства по этим материалам затруднительно. Во всяком случае, ничто не указывает на определяющее значение этой отрасли в хозяйстве.

Кости диких животных доминируют как в нижнем, так и в верхнем горизонте средневекового культурного слоя. Среди фаунистических остатков представлены кости бобра, лося, оленя, косули, медведя, барсука, кабана, лисицы, куницы, выдры, белки и зайца. При этом существенную часть остеологической коллекции составляют кости пушных зверей, главным образом бобра, белки и куньих. Выше уже упоминались амулеты из таранных костей бобра, найденные на поселении (рис. 10). В остеологических материалах из культурных отложений XI – первой половины XII в. доля костей диких животных составляет в раскопе 1 – 76%, в раскопе 4 – 80%, доля костей бобра соответственно 56% и 27%. В горизонте XII – начала XIII в. (раскопы 3 и 4) доля костей диких животных снижается до 59,5%, доля костей бобра – до 19%. Среди костных остатков пушных зверей в этот период значительную долю составляют кости белки (18% в раскопах 3 и 4). Доля костей куньих остается почти неизменной.

Для охоты преимущественно предназначались, найденные на поселении железные и роговые черешковые наконечники стрел, а также томары – цилиндрические роговые наконечники с тупым бойком, использовавшиеся для охоты на пушного зверя. Все 7 томаров, обнаруженные при раскопках Мининского поселения, происходят из раскопа 1, как из нижнего, так и из верхнего горизонта средневекового слоя. Железный цилиндрический наконечник стрелы с тупым бойком найден на площадке могильника и связан, очевидно, с одним из ранних погребений по обряду кремации. При своем небольшом весе, томары едва ли могли поразить такое крупное животное, как бобр, и использовались, скорее всего, для охоты на белку. В Минине найдено также 7 манков, изготовленных из трубчатых костей птиц и использовавшихся при охоте на боровую дичь (рябчиков?). В отличие от томаров, все они, за единственным исключением, происходят из горизонта конца X – первой половины XII в.

Таким образом, охота составляла в конце X – первой половине XIII в. одну из важных отраслей хозяйства в Кубенозерском регионе. Остеологические материалы, собранные на Мининском поселении свидетельствуют о широком размахе пушного промысла в конце X – первой половине XII в. и о некотором сокращении его во второй половине XII – начале XIII в. Создается впечатление, что со второй половины XII в. в мининском микрорегионе происходит переориентация промысла на менее ценные виды пушных зверей, очевидно, в связи с сокращением поголовья бобров. Следует отметить, что сокращение или полное исчезновение костей бобра в фаунистических остатках XII в. зафиксировано также на целом ряде памятников в бассейне Средней Шексны, исследованных А.В. Кудряшовым, – на поселениях Луковец, Кривец, Минино II и Минино IV на р. Юге. Поэтому падение бобрового промысла в XII–XIII вв. не может рассматриваться как специфическая черта в истории кубенозерских селищ, скорее это общее явление, характеризующее экономическое развитие значительного массива севернорусских земель в указанный период.

О сравнительно широких масштабах рыболовства свидетельствует, во-первых, присутствие значительного количества рыбьей чешуи и костей во всех раскопах, во-вторых, многочисленные находки рыболовных снастей. Комплекс рыболовных принадлежностей включает 13 рыболовных крючков (11 железных и 2 бронзовых), 6 целых и фрагментированных острог и 42 грузила для сетей (39 глиняных и 3 каменных). Все рыболовные снасти, за исключением 6 грузил, найдены в раскопе 1. Весьма вероятно, что часть глиняных грузил, обнаруженных на уровне 1–2-го пластов, не связана со средневековым культурным слоем, а попала на площадку селища в позднейшее время, при сушке и разборке сетей на берегу, однако выделить эту группу не представляется возможным. Судя по находкам снастей, обитатели поселения практиковали крючный, ударный и сетевой способы лова. Большинство крючков – удилищные насадные небольших размеров. Среди глиняных грузил преобладают небольшие шаровидной и биконической формы, предназначавшиеся для легких, скорее всего, волоковых сетей. Для оснастки более крупных ставных сетей использовались, вероятно, два известняковых грузила, найденные в раскопах 4 и 5 (рис. 10). Рыболовные снасти встречены как в нижнем, так и в верхнем горизонте культурного слоя, при этом существенно, что концентрация их в верхнем горизонте выше, чем в нижнем. В раскопе 1 половина острог, 60% рыболовных крючков и 67% грузил собраны на уровне 1–2-го пластов. Таким образом, рыболовство, в отличие от охоты, оставалось во второй половине XII – начале XIII в., по меньшей мере, стабильной отраслью хозяйства, сохранявшей свое значение для обитателей поселения.

Хозяйственная деятельность обитателей поселения не ограничивалась сельским хозяйством и промыслами. Выше уже упоминались находки в культурном слое предметов, связанных с некоторыми домашними производствами – обработкой цветных металлов и изготовлением предметов из кости и рога. Подробная характеристика этих комплексов не входит в задачу настоящей работы. Отметим лишь, что фрагменты тиглей и выплески бронзы и свинцово-оловянистых сплавов представлены на нескольких раскопах, как в нижнем, так и в верхнем горизонте. Наибольшая концентрация их в культурных напластованиях XII – начала XIII в. отмечена в раскопе 3 на северном участке поселения. Следует упомянуть также остатки средневекового железоделательного комплекса (значительные скопления железных шлаков в поддерновом слое и материковых ямах, плита для растирания железной руды), выявленные рядом с площадкой поселения при раскопках могильника Минино II.

Минино, находящееся на фронтире, в глубине лесных областей, не было специализированным промысловым поселением. Круг занятий его обитателей был достаточно широк. Отметим, что подобное отсутствие хозяйственной специализации характерно и для целого ряда других поселений этого времени на Белом озере, Суде и Шексне – таких как Крутик, Октябрьский Мост, Андрюшино-Ирма, Кривец, Минино II, Минино IV и Минино V на р. Юг. На всех этих памятниках раскопками засвидетельствовано существование пушного промысла, ремесла и торговли (*Голубева, Кочкуркина*, 1991; *Кудряшов*, 1996; 1999; 2000). При этом культурный слой поселений Крутик и Андрюшино-Ирма содержит карбонизированные зерна культурных злаков, а на поселениях Октябрьский Мост, Кривец, Минино II и Минино IV на р. Юг зафиксированы находки пахотных орудий и серпов. Очевидно, устройство крупных поселений, ориентированных на комплексное хозяйство, было одним из основных путей освоения лесной периферии. Вопрос о наличии в их хозяйственной зоне специальных промысловых станков, – временных вспомогательных поселений – остается неясным. Подобные сезонные поселения представляли собой неотъемлемый элемент сельской инфраструктуры промысловых районов Поморья, Приуралья и Сибири, но археологические следы их на Белом и Кубенском озерах пока не выявлены.

Характер и причины трансформаций XIII в.

Итак, в период между рубежом XII–XIII вв. и серединой XIII в. центральное поселение Мининской локальной группы, непрерывно функционировавшее в течение по крайней мере двух столетий, прекратило свое существование.

Что происходило после его запустения на остальных поселениях мининской локальной группы? Мы располагаем весьма скудными материалами для оценки ситуации в этот период. Есть основание полагать, что мининский микрорегион не был заброшен. Керамика XIV–XV вв. в небольшом количестве присутствует на селище Минино VI вблизи Дмитриевского погоста. На противоположном, левом берегу р. Дмитриевки на селище Минино VII при раскопках выявлены материковые ямы неясного назначения с углистым заполнением в придонной части, возможно, представляющие собой остатки овинов (в одной из них обнаружено обугленное ячменное зерно). Заполнение одной из ям датировано по C^{14} концом XIII–XIV вв. (1289–1392 АД. cal 16). Очевидно, селища, сменившие во второй половине XIII–XIV вв. поселение Минино I, располагались выше по течению р. Дмитриевки и в стороне от нее, на более возвышенных участках. Они оставили слабые и трудноуловимые археологические следы, резко контрастирующие с культурным слоем селища Минино I.

Для реконструкции структурных единиц расселения эпохи позднего средневековья и раннего нового времени на рассматриваемой территории значительный интерес представляет топоним "Карачев", засвидетельствованный источниками XVII–XVIII вв. и до недавнего времени использовавшийся как собирательное имя группы деревень на северо-западе Сямской волости. На Генеральном плане Вологодского уезда 1789 г. (РГАДА. Ф. 1356. № 6/310) обозначена речка Карачевка и Никольский погост "в Карачеве", находящийся при впадении ее в р. Дмитриевку. В Писцовой книге поместных и вотчинных земель Вологодского уезда 1628–1631 гг. упомянуто 13 деревень "на речке Карачевке". Локализация их на планах Генерального межевания свидетельствует о том, что Карачевкой в это время именовалось все течение р. Дмитриевки – от истока ее до впадения в Кубенское озеро. В переписной книге вотчинных земель Вологодского уезда 1646 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 14732) упомянуты "погост Карачевской на речке на Карачевке" и "погост на речке Карачевке" (очевидно, Дмитриевский и Никольский, на первом из них, помимо церкви, находились три кельи (нищих и пономаря) и церковная деревня Тропова с двумя дворами причта, на втором – шесть келий и три двора причта). Наконец, в платежной книге Вологодского уезда 1619–1631 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 14879) упомянут "Карачевский станок" – особое административное образование внутри обширной Сямской волости.

Определенные указания на существование его в более ранний период дает датируемая 1471–1475 гг. жалованная грамота князя Андрея Васильевича Меньшого игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию на пожню на р. Порозобице в придачу к данным великим князем Василием Васильевичем пустошам Карачевским в Сяме (АСЭИ. Т. II. № 205) и датируемая 1500 г. жалованная несудимая грамота великого князя Ивана Васильевича игумену Кирилло-Белозерского монастыря Макарию на села в Городском стане Вологодского уезда, упоминающая "в Сямской волости деревни Карачевские" (АСЭИ. Т. II. № 300). В "Сказании о Спасо-Каменном монастыре" – памятнике, составление которого датируется концом 1470-х – началом 1480-х годов упоминается "Карачевская пучина" на которой был застигнут бурей следовавший в ладье по Кубенскому озеру князь Глеб – легендарный основатель Спасо-Каменного монастыря (*Прохоров*, 1991). Из этих документов следует, что топоним "Карачев" был хорошо известен на Севере в XV в., а не позднее середины этого столетия на северо-западе Кубенозерья сложилась особая локальная группа малодворных деревень, центром которой, скорее всего, являлся Дмитриевский Карачевский погост.

Хронологический разрыв между запустением первоначального центра средневекового расселения в устье р. Дмитриевки-Карачевки – селища Минино I – засвидетельствованным археологией, и первыми упоминаниями в источниках о новой локальной структуре, располагающейся в той же части Кубенозерья, составляет не более 250 лет. В "карачевских деревнях" середины – второй половины XV в. следует видеть группу поселений, имеющую более дисперсный характер, но связанную, судя по расположению ее центра, определенной преемственностью с гнездом

поселений домонгольского времени. В нашем распоряжении нет данных о хозяйстве "карачевских деревень" в XV столетии. Судя по писцовым книгам 1628–1631 гг. и 1646 г., в XVII в. это были чисто сельскохозяйственные поселения, обитатели которых возделывали "худые" пахотные земли и выкашивали сенокосы, в том числе "отхожие", находившиеся на значительном удалении от поселений на восточном берегу Кубенского озера и на р. Порозовице.

Рассмотренные материалы не дают прямого ответа на вопрос о причинах запустения в XIII в. поселения Минино I на Кубенском озере, но отчасти раскрывают само течение этого процесса и проясняют различные аспекты жизни поселения на финальном этапе его существования. Прежде всего, они позволяют с определенностью утверждать, что жизнь на поселении не была оборвана ни военной катастрофой, ни экологическими катаклизмами. Выясняется, что в заселении мининского микрорегиона в XII–XV вв. сохранялась определенная преемственность: одно из дочерних поселений мининской локальной группы продолжило свое существование в XIII в., стало местом формирования церковного погоста и центром небольшого, но стабильного территориально-административного образования. В материалах из горизонта XII – первой половины XIII в. не удается проследить индикаторы надвигающегося кризиса, черты упадка хозяйства и деградации культуры. При этом археологические и палеоэкологические материалы свидетельствуют, что развитие поселения Минино I в XII в. сопровождалось существенным сокращением пушного промысла, постепенным расширением пахотных угодий и увеличением удельного веса сельского хозяйства. Это развитие протекало на фоне определенных изменений природной среды Кубенозерья – частичного восстановления елово-сосновых лесов и развития процессов заболачивания, связанных, очевидно, с эволюцией климата, постепенно становившегося более влажным и прохладным.

Запустение старых очагов колонизации на Севере в конце XII–XIII вв. следует объяснять, скорее всего, целым рядом факторов. Старые поселения на низких береговых террасах вблизи крупных рек и озер теряют свою привлекательность после истощения пушных ресурсов на окружающих территориях, снижения интенсивности торговли и формирования более влажного климата. В новых условиях эти поселения сохранили возможность для выживания, но утратили перспективу роста. Между тем, как показывают новейшие исследования, к XIII в. в некоторых районах Руси уже был накоплен определенный опыт хозяйствования на водораздельных участках с более тяжелыми почвами, предлагавший альтернативу традиционным формам расселения и землепользования. Одной из серьезных причин переноса полей на более возвышенные участки, была, вероятно, установка на более широкое культивирование озимой ржи и овса, которые неизбежно должны были страдать от заморозков на низменных приозерных участках. Переход к более продуктивному земледелию подталкивал к изменению сложившихся форм сельского расселения. Наконец, подчеркивая давление практических обстоятельств, не стоит упускать из виду, что одним из катализаторов разрушения старых систем расселения на Севере могли стать новые представления об использовании ландшафта и организации культурного пространства, сложившиеся в это время в Древней Руси.

Таким образом, XIII в. – важнейший культурный рубеж в истории севернорусских сельских территорий. Изменения в организации расселения, происходившие в это время на фоне нарастающей колонизации, органически связаны с глубокой перестройкой хозяйства, потребления и образа жизни средневековых насельников. Течение этих процессов на Севере имело свою региональную специфику, тем не менее оно представляло собой часть общего процесса культурных и хозяйственных трансформаций, происходивших в XIII в. на Русской равнине.

Литература

АСЭИ. М., 1958. Т. II.

Атлас Вологодской области. М., 1965.

Буров В.А., 1989. Жаровский конец Жабенской волости в VIII–XVI вв. по историко-археологическим данным // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и в Верхнем Подвинье. Калинин.

Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.

ДДГ. М., 1950.

Казаков Е.П., 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.

Кудряшов А.В., 1996. Поселение и могильник Кривец на Нижней Суде // Древности Русского Севера. Вологда.

Кудряшов А.В., 1999. Средневековая история Череповецкой округи по археологическим данным // Череповец: Историко-краеведческий альманах. Вологда. Вып. 2.

Кудряшов А.В., 2000. Средневековое поселение Октябрьский мост на Шексне // РА. № 3.

Макаров Н.А., 1988. Средневековые памятники Белозерской округи (археологическая карта и комментарий) // Проблемы изучения древнерусской культуры. М.

Макаров Н.А., Зайцева И.Е., 1999. Новые исследования средневековых могильников на Русском Севере: Могильник Минино II на Кубенском озере // РА. № 4.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., 2000. Археологическое изучение севернорусской деревни: первые итоги раскопок поселения Минино на Кубенском озере // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Докл. междунар. научн. симпоз. по вопросам археологии и истории. 11–14 мая 1999 г. СПб.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.

НПЛ. М.; Л., 1950.

Прохоров Г.М., 1991. Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. СПб.

Риер Я.Г., 1982. Характер размещения сельского населения в Могилевском Поднепровье в X–XIII вв. // СА. № 4.

Туганаев В.В., Ефимова Т.П., 1982. Возделываемые культуры и их засорители // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.

Чернов С.З., 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.

Юшко А.А., 1991. Московская земля IX–XIV вв. М.

Н.А. Кренке

Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII веках

В задачу работы входит проанализировать археологические памятники, оставленные сельским населением ближайших окрестностей Москвы в первое столетие ее существования как города. Необходимо оценить полноту и репрезентативность источниковой базы, выявить особенности ландшафтной приуроченности и пространственного распределения поселений и могильников.

Следующая задача заключается в формулировании и тестировании возможных моделей демографического развития и хозяйственного освоения территории, динамики расселения.

Приступая к археологическому обзору памятников начального периода существования Москвы, еще раз необходимо перечислить основные данные письменных источников XII – первой половины XIII в. Исторический контекст ранних известий о Москве уже подробно анализировался (*Кучкин*, 1996). В связи с темой настоящей работы следует лишь акцентировать внимание на прямых и косвенных упоминаниях округи города.

Первое известие 1147 г. упоминает единственный населенный пункт и характеризует его как известную (не требующую при упоминании дополнительных географических или иных уточнений) княжескую ставку. В 1156 г. строится крепость на устье р. Неглинной.

Известия 1176 и 1207 гг. делают уже акцент на "селах" около Москвы. Глеб Рязанский в 1176 г. "приеха на Московь и пожже город весь и села". Локализация сел не может быть уточнена. В 1207 г. рязанские князья грабят села около Москвы. Исследование, проведенное В.А. Кучкиным, показало, что речь идет о районах, удаленных от Москвы до 100 км (*Кучкин*, 1996. С. 9).

При военных действиях в 1175 и 1238 гг. москвичи ведут себя одинаково – сначала, повинуясь воле князя, выступают на противника, затем бегут к своим домам, не вступая в битву. Косвенно это может указывать на то, что их дома представлялись им надежной защитой. Вряд ли такую защиту могла обеспечить рядовая деревянная крепость. Скорее, спастись от татар можно было в лесах вокруг сел на малых реках. По-видимому, расчет москвичей оправдался, многие выжили, что отчасти и обусловило быстрый рост значения Москвы во второй половине XIII в.

Территориальные рамки настоящей работы – границы современной Москвы. Эти границы, конечно, весьма условны, хотя нужно отметить, что определенный "географический смысл" в них есть. В границы исследования полностью попадают бассейны малых рек Сетуни, Очаковки, Раменки, Коршунихи, Чертановки, Сухой Городенки, Химки, Неглинной, Яузы, Голяданки и участок среднего течения Москвы-реки со средневековым городом в центре.

Помимо географического есть и источниковедческий аспект.

Во-первых, территория Москвы и ее ближайших окрестностей (приблизительно соответствует границам современного города) была наиболее подробно картографирована в XIX в. Карты, изготовленные в Военно-топографическом депо в 1830-е годы, являются ценнейшим источником по средневековой археологии, так как на них изображены многочисленные курганные группы, утраченные уже к началу XX в. Наиболее ценными из них являются "Карта глазомерной съемки окрестностей Москвы между Звенигородской и Тульской большими дорогами. 1826 г."[1]; "План инструментальной военно-топографической съемки города Москвы 1838 г."[2]; "Топографическая карта окрестностей Москвы, снятая под руководством генерала-лейтенанта Шуберта в 1838 и 1839 гг., гравированная при военно-топографическом депо в 1848 г."[3]

Во-вторых, регион отличается неплохой археологической изученностью. В связи с подготовкой тома археологической карты России (Кренке, 1999) и в рамках других проектов на территории Москвы проводились целенаправленные разведки по выявлению средневековых поселений.

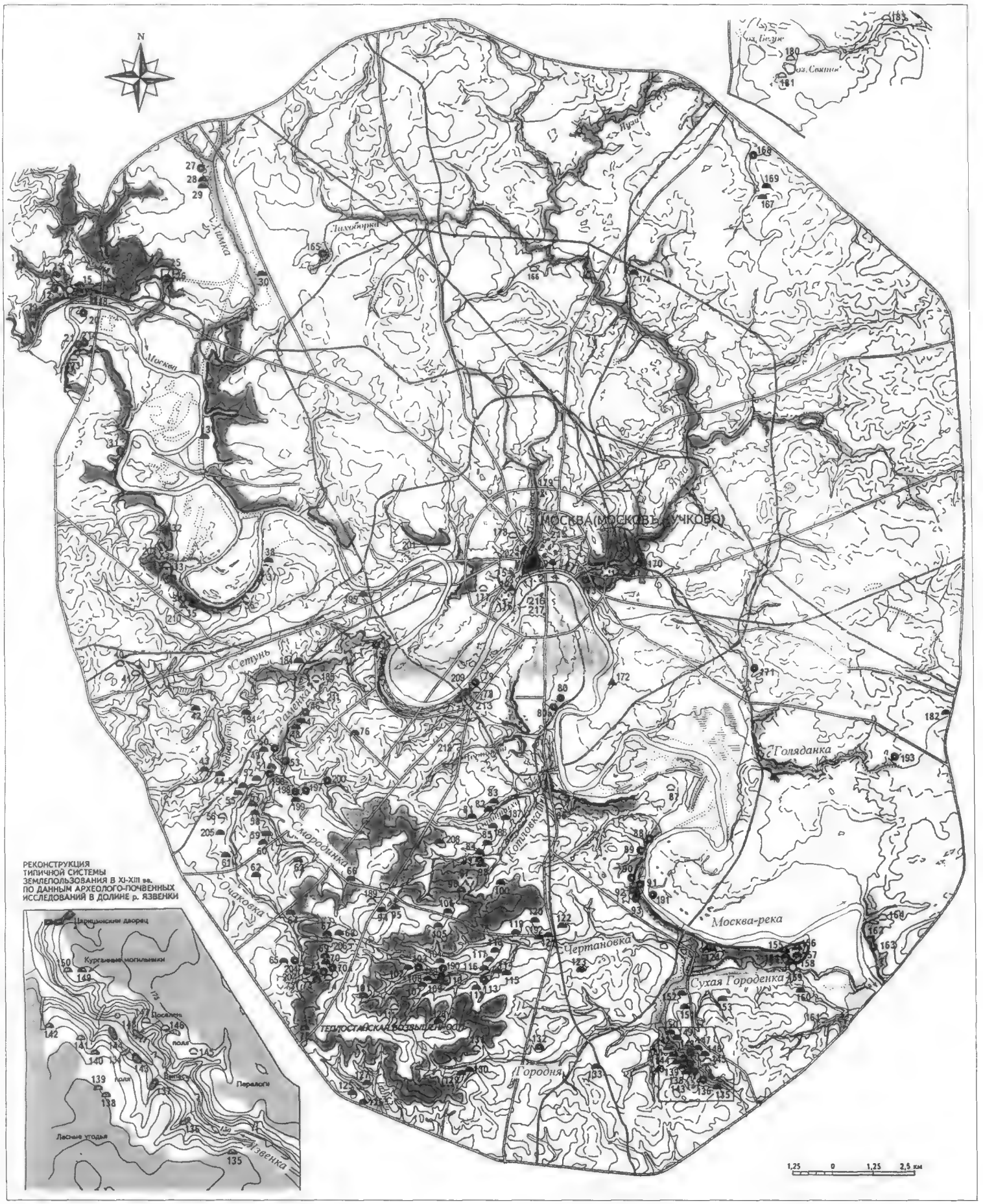
Рассмотрим сначала карту древнерусских памятников на территории Москвы в целом (рис. 1), а затем оценим ее полноту и некоторые особенности, исходя из данных ключевых участков, где проводились тщательные разведки.

Типы памятников. Наиболее многочисленными являются *курганные могильники*. Их известно 135. Относительно некоторых из них сведения очень неполные. Ряд курганных групп известен лишь по списку 1878 г., составленному на основании рассылки запросов уездным исправникам (см.: Московский

[1] Масштаб 200 сажень в дюйме // РГВИА. Фонд ВУА. Д. 19691.

[2] Масштаб 100 сажень в дюйме // РГВИА. Фонд 386. Оп. 1. Д. 3681. Автор благодарит И.И. Кондратьева за предоставленную возможность работать с электронной версией данной карты.

[3] Масштаб 500 сажень в дюйме // РГВИА. Фонд ВУА. Д. 21380.



РЕКОНСТРУКЦИЯ ТИПИЧНОЙ СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В XI-XIII вв. ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГО-ПОЧВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДОЛИНЕ р. ЯЗВЕНКИ

Рис. 1. Карта древнерусских памятников археологии X–XIII вв. на территории Москвы (скорректирована в соответствии с данными полевых исследований 2000 г.)

1 – Кремль, XI (?) – XIII вв.; *2*. Посад, примыкавший с востока к Кремлю, XII–XIII вв.; *3*. Посад в Зарядье, XII–XIII вв.; *4* – Поселение на Манежной площади XII–XIII вв.; *5* – Поселение на Волхонке XI–XIII вв.; *6* – Поселение с церковью в районе Богоявленского монастыря XII–XIII вв.; *7* – Поселение (?) и кладбище в районе Старопанского переулка (ц. Козьмы и Дамиана), XII–XIII вв.; *8* – Поселение в районе Ипатьевского пер. (Кучково? по Д.А. Беленькой) XI–XIII вв.; *9* – Поселение на Ильинской ул. XIII в.; *10* – Клад дирхемов в районе храма Христа Спасителя, IX–X вв.; *11* – Митинское 1-е селище, XII–XIII вв.; *12* – Спас-Тушинское 4-е селище, XII–XIII вв.; *13* – Спас-Тушинский 3-й курганный могильник, *9 курганов*, XI–XIII вв.; *14* – Митинский 1-й курганный могильник ("Великая могила"), *6 курганов*, XI–XIII вв.; *15* – Спас-Тушинский 2-й курганный могильник, *65 курганов*, XI–XIII вв.; *16* – Спас-Тушинский 1-й курганный могильник, *15 курганов*, XI–XIII вв.; *17* – Спас-Тушинское 2-е селище, XI–XIII вв.; *18* – Поселение на Спас-Тушинском 1-м городище, XI–XIII вв.; *19* – Пенягинский 1-й курганный могильник, *1 курган*, XI–XIII вв.; *20* – Мякининское 2-е селище, XI–XIII вв.; *21* – Мякининское 1-е селище, XI–XIII вв.; *22* – Мякининский 1-й курганный могильник, *30 курганов*, XII–XIII вв.; *23* – Мякининский 2-й курганный могильник (гипотеза М.Г. Рабиновича), *16 (?) курганов*, XII–XIII вв.; *24* – Тушинский 2-й могильник, *2 кургана*, XI–XIII вв.; *25* – Тушинский 1-й курганный могильник на Тушинском городище, *2 кургана*, XI–XIII вв.; *26* – Поселение на площадке Тушинского городища, XI–XIII вв.; *27* – Алёшкинское 1-е селище, XI–XIII вв.; *28* – Алёшкинский 1-й курганный могильник, *2 кургана*, XI–XIII вв..; *29* – Алёшкинский 2-й курганный могильник, *2 кургана*, XI–XIII вв.; *30* – Никольский-Химкинский 1-й курганный могильник, *11 курганов*, XI–XIII вв.; *31* – Троице-Лыково 2-е селище, XII–XIII вв.; *32* – Татарово, 1-е селище, XII–XIII вв.; *33* – Крылатский курганный могильник, *3 кургана*, XI–XIII вв.; *36* – Филянское 2-е селище, средневековье; *37* – Филянское 1-е селище, средневековье.; *38* – Филянский 1-й курганный могильник, *40 курганов*, XI–XIII вв.; *39* – Серебряноборский курганный могильник, *2 кургана*, XI–XIII вв.; *40* – Сетунский 2-й курганный могильник, 18 курганов, XI–XIII вв.; *41* – Сетунский 1-й курганный могильник, *16 курганов*, XI–XIII вв.; *42* – Спасский курганный могильник, *1 курган*, XI–XIII вв.; *43* – Очаковский 1-й курганный могильник, *12 курганов*, XI–XIII вв.; *44* – Очаковский 2-й курганный могильник, *1 курган*, XI–XIII вв.; *45* – Краснолужское селище, XII–XIII вв.; *46* – Матвеевское 1-е селище, XI–XIII вв.; *47* – Матвеевский 2-й курганный могильник (1-й Матвеевский), *2 (3?) кургана*, XI–XIII вв.; *48* – Матвеевский 1-й курганный могильник (1-й Раменский), *3 кургана*, XI–XIII вв.; *49* – Матвеевский 3-й курганный могильник (Матвеевский 2-й; Раменский 1-й), *4 кургана*, XII–XIII вв.; *50* – Матвеевское 2-е селище, XII–XIII вв.; *51* – Раменковский 1-й курганный могильник (Матвеевский 3-й), *3 кургана*, XI–XIII вв. ; *52* – Раменковский 2-й курганный могильник (Раменковский 3-й), *2 кургана*, XI–XIII вв.; *53* – Раменковское 1-е селище, XI–XIII вв.; *54* – Очаковский 4-й курганный могильник, *3 кургана*, XI–XIII вв.; *55* – Очаковский 3-й курганный могильник, *8 курганов*, XI–XIII вв.; *56* – Очаковский 5-й курганный могильник, *2 кургана*, XI–XIII вв.; *57* – Никольский 1-й курганный могильник, *26 курганов*, XI–XIII вв.; *58* – Никольский 2-й курганный могильник, *1 курган*, XI–XIII вв.; *59* – Никулинский 2-й курганный могильник, *8 курганов*, XI–XIII вв.; *60* – Никулинский 3-й курганный могильник, *2 кургана*, XI–XIII вв; *61* – Никулинский 1-й курганный могильник, *6 курганов*, XI–XIII вв. ; *62* – Тропаревский 1-й курганный могильник, *5 (15?) курганов*, XI–XIII вв.; *63* – Тропаревский 2-й курганный могильник, *3 кургана*, XI–XIII вв.; *64* – Богородицкий 2-й курганный могильник, *4 кургана*, XI–XIII вв.; *65* – Богородицкий 1-й курганный могильник, *7 курганов*, XI–XIII вв.; *66* – Воронцовский курганный могильник (на ул. Новаторов), *9 курганов*, XI–XIII вв.; *67* – Коньковский 2-й курганный могильник, *15 курганов*, XI–XIII вв.; *68* – Коньковский 1-й курганный могильник, *2 кургана*, XI–XIII вв.; *69* – Коньковский 3-й курганный могильник (Коньковский 1-й, Купринские), *5 курганов*, XI–XIII вв.; *70* – Коньковский 4-й курганный могильник (Коньковский 2-й, Купринские), *23 кургана*, XII–XIII вв.; *70а* – Коньковское 2-е селище, XII–XIII вв.; *71* – Теплостанское 1-е селище, XII–XIII вв.; *72* – Теплостанский 3-й курганный могильник, *8 курганов*, XII–XIII вв.; *73* – Теплостанский 2-й курганный могильник, *13 курганов*, XII–XIII вв.; *74* – Теплостанский 4-й курганный могильник, *6 курганов*, XI–XIII вв.; *75* – Теплостанский 1-й курганный могильник, *4 кургана*, XI–XIII вв.; 76. Воробьёвский курганный могильник, *1 курган*, XI–XIII вв.; *77* – Андреевское селище, XI–XIII вв.; *78* – Нескучный сад, 1-й курганный могильник, *2 кургана*, XI–XIII вв.; *79* – Нескучный сад, 1-е селище, XII–XIII вв.; *80* – Данилов монастырь, селище, X–XII вв.; *80а* – Возле Данилова монастыря (ц. Воскресение Словущего), 2-е селище, X–XII вв. ; *81* – Черёмушкинский 3-й курганный могильник, *4 кургана*, XI–XIII вв.; *82* – Черёмушкинский 2-й курганный могильник, *3 кургана*, XI–XII вв.; *83* – Черёмушкинский 1-й курганный могильник, *15 курганов*, XI–XII вв.; *84* – Шаболовский 1-й курганный могильник, *2 кургана*, XI–XIII вв.; *85* – Шаболовский 2-й курганный могильник, *2 кургана*, XI–XIII вв.; *86* – Верхнекотловский курганный могильник, XI–XIII вв. 9 (?) *курганов*.; *87* – Нагатинский курганный могильник, *1* курган, XI–XIII вв.; *88* – Коломенское 1-е, селище, XI–XIII вв.; *89* – Коломенское селище 3, XII–XIII вв.; *90* – Дьяково 1-е (Выгон), селище, XII–XIII вв.; *91* – Дьяково-пойма, селище, XI–XII вв.; *92* – Поселение на Дьяковом городище, XI–XIII вв.; *93* – Дьяково-южное, селище, XI–XIII вв.; *94* – Деревлёвский 1-й курганный могильник, *6 курганов*, XII–XIII вв.; *95* – Деревлёвский 2-й курганный могильник, *5 курганов*, XI–XIII вв.; *96* – Зюзинский 4-й курганный могильник (Зюзинский 3-й), *2 кургана*, XI–XIII вв.; *97* – Зюзинское селище, XIII в. (наличие домонгольского материала под вопросом).; *98* – Зюзинский 1-й курганный могильник, *9 курганов*, XII–XIII вв.; *99* – Зюзинский 2-й курганный могильник, *13 курганов*, XII–XIII вв.; *100* – Волхонский курганный могильник, *16 курганов*, XI–XIII вв.; *101* – Узкое, 1-й курганный могильник (Деревлевские), *4 кургана*, XI–XIII вв.; *102* – Коньково, 5-й курганный могильник, *2 кургана*, XI–XIII вв.; *103* – Коньково, 1-е селище, XI–XIII вв.; *104* – Зюзинский 6-й курганный могильник (Зюзинские, Узковские), *9 курганов*, XI–XIII вв.; *105* – Зюзинский 5-й курганный могильник, *4 кургана*, XI–XIII вв.; *106* – Зюзинский 3-й курганный могильник, *11 курганов*, XI–XIII вв.; *107* – Узкое, 2-й курганный могильник (10-й Чертановский), *2 кургана*, XII–XIII вв.; *108* – Узкое, 3-й курганный могильник (9-й Чертановский), *3 кургана*, XI–XIII вв.; *109* – Узкое, 4-й курганный могильник (8-й Чертановский), *2 кургана*, XI–XIII вв. ; *110* – Узкое, 5-й курганный могильник (7-й Чертановский), *3 кургана*, XI–XIII вв.; *111* – Узкое, 6-й курганный могильник (по списку 1878 г.), *1 курган*.; *112* – Чертаново, 9-й курганный могильник (6-й Чертановский), *3 кургана*, XI–XIII вв. ; *113* – Чертаново, 1-е селище, XI–XIII вв.; *114* – Чертаново, 7-й курганный могильник, *1 курган*, XI–XIII вв.; *115* – Чертаново, 8-й курганный могильник (6-й Чертановский), *4 кургана*, XI–XIII вв.; *116* – Чертаново, 6-й курганный могильник (5-й Чертановский), *3 кургана*, XI–XIII вв.; *117* – Чертаново, 5-й курганный могильник, *3 кургана*, XI–XIII вв.; *118* – Чертаново, 4-й курганный могильник, *6 курганов*, XII–XIII вв.; *119* – Чертаново 3-й курганный могильник, *1 курган*, XI–XIII вв.; *120* – Чертаново, 2-й курганный могильник, *2 кургана*, XI–XIII вв.; *121* – Чертаново, 1-й курганный могильник, *10 курганов*, XI–XIII вв.; *122* – Котляково, 1-й курганный могильник, *7 курганов*, XII–XIII вв.; *123* – Котляково, 2-й курганный могильник, *3 кургана*, XI–XIII вв.; *124* – Сабуровский курганный могильник, *13 курганов*, XI–XIII вв.; *125* – Малое Голубино, 1-й курганный могильник, *6 курганов*, XI–XIII вв.; *126* – Малое Голубино, 2-й курганный могильник, *24 кургана*, XI–XIII вв.; *127* – Большое Голубино, курганный могильник, *3 кургана*, XI–XIII вв.; *128* – Ясенево (Фляжкино), курганный могильник, *5 курганов*.; *129* – Бирюлёво, 1-й курганный могильник,

столичный и губернский статистический комитет. Сведения о курганах, находящихся в пределах Московской губернии. 1878 г. // ЦГИАМ. Фонд 199. Оп. 2. Д. 94; этот документ с небольшими искажениями опубликован М.А. Саблиным. См.: *Саблин*, 1879). Последние, в свою очередь, опирались на ответы сельских старост, т.е., в конечном счете, на местную топонимическую традицию, в которой значение слова "курган" не всегда было эквивалентно значению археологического термина. Кроме того, список 1878 г. дает очень приблизительные географические привязки. Поэтому в большинстве случаев возможно лишь предположительное отождествление упомянутых в списке курганов с группами, известными по более поздним обследованиям, проведенным археологами.

Несколько десятков курганных групп известно лишь по картам XIX в. В данном случае современный исследователь тоже может сомневаться, хотя необходимо отметить, что в тех случаях, когда курганные группы, изображенные на карте 1838 г., "доживали" до обследования археологами, они всегда оказывались древнерусскими курганами. В ряде случаев были найдены поселения XII–XIII вв. (например, Раменки-3, Раменки-4), соответствующие уже утраченным курганам, известным лишь по карте 1838 г. Эти примеры заставляют с большим доверием относиться к картографическим данным. Однако сомнительные случаи все же имеются. Особенно это относится к карте 1826 г., значки "курганов" на которой порой едва различимы.

Наиболее сомнительными курганами являются те, о существовании которых мы можем догадываться лишь по наличию топонимов (урочища "могильцы").

Высота курганов варьирует в основном в пределах 0,5–2,2 м, а диаметр составляет 5–14 м (данные инструментальных съемок). Исключением являлся курган "Великая могила" близ Митино, высота которого, по подсчетам А.И. Кельсиева, достигала 4,5 м, а диаметр

Рис. 1 (окончание)

4 кургана, XI–XIII вв.; *130* – Бирюлёво, 2-й курганный могильник, *4 кургана*, XI–XIII вв.; *131* – Красное, курганный могильник, *1 курган*, XI–XIII вв.; *132* – Покровское, 2-й курганный могильник, *3 (?) кургана*.; *133* – Покровское, 1-й курганный могильник, *3 (?) кургана*, XI–XIII вв.; *134* – Орехово 4а, селище, XII–XV вв.; *135* – Орехово, 2-й курганный могильник (Дубки), *14 курганов*, XII–XIII вв.; *136* – Орехово 6, селище (Язвенка-6), XII–XIII вв.; *137* – Орехово 5, селище (Язвенка-5), XII–XIII вв.; *138* – Орехово, 4-й курганный могильник (Царицыно-7), *12 курганов*, XI–XIII вв.; *139* – Орехово, 5-й курганный могильник (Царицыно-6), *28 курганов*, XI–XIII вв.; *140* – Орехово, 6-й курганный могильник (Царицыно-4), *4 кургана*, XI–XIII вв.; *141* – Царицыно, 4-й курганный могильник, *8 курганов*, XI–XIII вв.; *142* – Царицыно, 3-й курганный могильник, *12 курганов*, XII в.; *143* – Орехово 4, селище (Язвенка-4), XII–XIII вв.; *144* – Орехово 3, селище (Язвенка-3), XI–XIII вв.; *145* – Орехово, 7-й и 8-й курганные могильники, *5 курганов*.; *146* – Орехово, 3-й курганный могильник, *1 курган*, XI–XIII вв.; *147* – Орехово, 1-й кургаиный могильник, *12 курганов*, XII в.; *148* – Орехово, 2-е селище, XII–XIII вв.; *149* – Царицыно, 2-й курганный могильник, *23 кургана*, XII–XIII вв.; *150* – Царицыно, 1-й курганный могильник, *5 курганов*, XI–XIII вв.; *151* – Царицыно, 5-й курганный могильник, *12 курганов*, XI–XIII вв.; *152* – Шипилово, 2-й курганный могильник, *5 курганов*, XI–XIII вв.; *153* – Шипилово, 1-й курганный могильник, *10 курганов*, XI–XIII вв.; *154* – Братеево, 5-й курганный могильник, *4 кургана*, XI–XIII вв.; *155* – Братеево, 2-й курганный могильник, *5 курганов*, XI–XIII вв.; *156* – Братеево, 1-й курганный могильник, *5 курганов*, XI–XIII вв.; *157* – Братеево, 4-й курганный могильник, *2 кургана*, XI–XIII вв.; *158* – Братеево, 3-й курганный могильник, *19 курганов*, XI–XIII вв.; *159* – Братеево, 1-е селище, XI–XIII вв.; *160* – Борисово, 1-й курганный могильник, *21 курган*, XII–XIII вв.; *161* – Зябликово, 2-й курганный могильник, *1 курган*, XI–XIII вв.; *162* – Поселение на городище Капотня, XI–XIII вв.; *163* – Капотня, селище 1, XI–XIII вв.; *164* – Чагино, курганный могильник, *15 курганов*, XI–XIII вв.; ; *165* – Головинские пруды (Михалковское), 1-е селище, XI–XIII вв.; *166* – Останкино, курганный могильник; *167* – Лосиный остров, 1-й курганный могильник, *7 курганов*, XII–XIII вв.; *168* – Лосиный остров 1, селище, XII–XIII вв.; *169* – Лосиный остров, 2-й курганный могильник, *3 кургана*, XII–XIII вв.; *170* – Близ Андроньева монастыря, селище 1, XI–XIII вв.; *171* – Граворонво, селище 1, XII–XIII вв.; *172* – Клад дирхемов у Симонова монастыря, IX–X вв.; *173* – Селище на устье Яузы, XII–XIII вв.; *174* – Яузский курганный могильник, *5 курганов*, XII–XIII вв.; *175* – Лыщиково городище (топоним); *176* – Обыденское городище (топоним); *177* – Могильцы (курганный могильник? – *Н.К.*) на Остожье (топоним); *178* – Могильцы (курганный могильник? – *Н.К.*) на Тверской (топоним); *179* – Городище на Самотеке (топоним, найден 1 фрагмент курганной керамики в 1956 г.).; *180* – Косинский 1-й курганный могильник (у Святого озера), *3 кургана*, XI–XIII вв.; *181* – Косинский 2-й курганный могильник (к югу от Косина), *2 кургана*, XI–XIII вв.; *182* – Косинский 3-й курганный могильник (близ д. Жулебино), *21 курган*, XI–XIII вв.; *183* – Рудневский курганный могильник, *5(?) курганов*, XI–XIII вв.; *184* – Каменная плотина, 2-й курганный могильник, *7 курганов* (по карте 1838 г.); *185* – Каменная плотина, 1-й курганный могильник, *10 курганов*; *186* – Черемушкинский 4-й курганный могильник, *4 кургана* (по карте 1826 г.); *187* – Черемушкинский 5-й курганный могильник, *9 курганов* (по карте 1826 г.); *188* – Дубинкин лес, 3 селище, XII–XIII, XV–XVI вв.; *189* – Беляево, 1-й курганный могильник *8 курганов* (по карте 1826 г.); *190* – Зюзино 3, селище, XII–XIV вв.; *191* – Курьяново 1, селище, XII–XIII вв.; *192* – Чертаново, 10-й курганный могильник, *1 курган* (по карте 1838 г.); *193* – Аннино, селище, XII–XIII вв.; *194* – Матвеевское, 4-й курганный могильник, *14 курганов* (по карте 1838 г.); *195* – Филевский 2-й курганный могильник, *5 курганов*; *196* – Раменки 2, селище, XII–XIII вв.; *197* – Раменки 3, селище, XII–XIII вв.; *198* – Раменки 4, селище, XII–XV вв.; *199* – Раменки, 3-й курганный могильник, *8 курганов* (по карте 1838 г.); *200* – Раменки 5, селище, XII–XIII вв.; *201* – Студеный овраг, могильник XII–XIII вв.; *202* – Поселение на Романовом дворе, XII–XIII вв.; *203* – Крылатское, находки XI–XIII вв.; *204* – Теплостанское 3, селище, XII–XIII вв.; *205* – Очаково, 6-й курганный могильник *3 кургана*; *206* – Коньково, 6-й курганный могильник, *1 курган*; *207* – Теплостанское 2, селище, XIII–XV вв.; *208* – Шаболовский 3-й курганный могильник, *1 курган* (по списку 1878 г.); *209* – Нескучный сад 2, селище, XII–XV вв.; *210* – Клад дирхемов с Кунцевского городища, IX в.; *211* – Гладышево, 1-й курганный могильник, *40 курганов* (по карте 1838 г.); *212* – Андреевский 1-й курганный могильник, *3 кургана* (по карте 1838 г.); *213* – Нескучный сад 3, селище, XII–XIII вв.; *214* – Мякинино, селище 4, XII–XIII вв.; *215* – Никольская ул., находки XII–XIII вв. – (1999 г.); *216* – Кадаши, находки XII–XIII вв. – (1999 г.); *217* – Ордынка 40, находки XII–XIII вв. (1999 г.). Условные обозначения: квадратики – поселения на площадках городищ; кружки – селища существующие (залиты черным) и утраченные (залиты белым); сегменты круга – курганы (несомкнутый контур указывает на спорность локализации и датировки) ; треугольники – клады; косой крестик – единичные находки

24 м (*Бадер*, 1947. С. 113). Высота некоторых курганов оценивалась исследователями в 2,8–3 м, но точных измерений при этом не проводилось. Форма подавляющего числа насыпей полусферическая или сегментовидная, но имеются и так называемые "слитные" насыпи с несколькими уплощенными вершинами. Ни одна из них не была полностью раскопана, поэтому остается неясным их строение. При исследовании слитных насыпей в Одинцовском могильнике было выявлено лишь по одному погребению в каждой (Векслер, 1970. С. 124).

Грунтовый могильник известен только один. Информация о нем крайне скудна. В картотеке отдела археологии ГИМ имеется запись, сделанная в 1932 г. А.В. Арциховским со слов геолога Д.Д. Подагова, обнаружившего памятник. Погребения залегали на глубине 0,5 м и были обнаружены в размыве берега оврага на левом берегу Москвы-реки близ Филей, ниже оврага Студеный. Сопровождающий инвентарь типично "курганный" XII в.[4]

Поселения известны двух типов: поселения на городищах и селища. Пять городищ железного века, расположенных на территории Москвы, имеют в своих верхних слоях значительное количество древнерусской керамики и вещевые находки, которые указывают на существование здесь поселений в XI–XIII вв. Слабая изученность оборонительных укреплений этих городищ не позволяет установить, было ли хоть одно из них укрепленным пунктом в древнерусское время. Три городища известны лишь как топонимы (рис. 1, *175, 176, 179*). Интерпретация этих топонимов как реальных укрепленных пунктов XI–XIII вв. возможна, но не более того. Нужно отметить еще Краснолужское селище – мысовое поселение с "чистым" древнерусским слоем на правом берегу р. Сетунь возле ее устья. На площадке памятника имеются следы вала и рва. Для датировки и функциональной интерпретации этих объектов требуется проведение раскопок.

Селищ выявлено 52. Из них – 30 возле курганных групп. В ситуации, когда курганы поблизости не были известны, зафиксировано 22 селища.

Если исходить из допущения, что каждая курганная группа соответствовала отдельному поселению (обоснование этого смотри ниже), то получается, что в пределах границ современной Москвы остались незафиксированными не менее 100 селищ.

Клады дирхемов возле Симонова монастыря и на месте Храма Христа Спасителя были найдены еще в XIX в. Третий клад был найден в 1998 г. на северном склоне площадки Кунцевского городища В.А. Зарихиным и состоял из четырех половинок дирхемов. По определению профессора Г.А. Федорова-Давыдова, это монеты, чеканенные в ал-Мухаммадие анонимным чеканом по типу 191–192 г.х. (806–808 гг.), ал-Мумином в бытность его наследником халифа 180 г.х. (790 г.), подражание дирхему Мединет ас-Салам эпохи халифа Махди 136–158 г.х. (753–775 гг.), подражание дирхему халифа Махди 136–158 г.х. (753–775 гг.).

Синхронных им поселений пока не известно. Можно лишь предполагать, что концентрация кладов IX в. именно на участке среднего течения Москвы-реки, где спустя три столетия возник город, свидетельствует о существовании здесь поселения-предшественника.

Анализ пространственного размещения памятников позволяет выделить три основных района: 1) долина и придолинные склоны Москва-реки; 2) долины малых рек (Сетунь, Раменка, Очаковка, Котловка, Чертановка, Сухая Городенка, Язвенка), правых притоков Москва-реки и их междуречья, включая Теплостанскую возвышенность; 3) водноледниковая равнина левого берега Москва-реки, расчлененная долинами рек Химки, Неглинки, Яузы, Голяданки.

Такое разделение примерно соответствует ландшафтной карте (*Низовцев*, 1997). Стержневое положение занимает долина Москва-реки, нижние уровни которой (пойма, первая и вторая надпойменные террасы) на 30-километровом участке входят в два ландшафта, имеющих значительное разнообразие составляющих их более мелких таксономических единиц. Верхние уровни долины входят, либо соприкасаются с девятью различными ландшафтами, границы восьми из которых сходятся в районе Кремля (*Низовцев*, 2001. С. 11).

Памятники долины Москвы-реки характеризуются рядом отличительных черт при сравнении с "глубинными" районами право- и левобережья. Особенности заключаются в соотношении различных типов памятников, их хронологии, пространственном размещении, степени сохранности археологических объектов.

В долине Москвы-реки преобладают поселения. Отсутствие курганных групп на участке от устья Сетуни до Коломенского включительно, скорее всего, объясняется их разрушением в XIV–XVIII вв. при интенсивном хозяйственном освоении этой территории.

Здесь расположены наиболее ранние памятники: клады IX в., поселения XI в. (может быть, конца X в.), курганы конца XI – начала XII в., свидетельствующие о том, что крепость на устье р. Неглинной была построена в 1156 г. в центре достаточно обжитого района с "линейной" системой расселения.

Для обоснования этого тезиса приведу более подробный перечень памятников. Древнейшие из поселений – два селища, одно из которых существовало на месте Данилова монастыря, другое находилось рядом выше по течению на другом берегу оврага (в литературе фигурируют как один памятник). Комплекс лепной керамики этого поселения (*Беляев*, 1994. Табл. 76–87) близок к керамике роменской культуры (*Григорьев*, 2000. С. 222), вещевые находки (височное кольцо "деснинского типа", крестопрорезной бубенчик, шиферные пряслица) находят аналогии в древнерусских памятниках XI в. Для очень близких по материальной культуре поселений, расположенных на р. Пахре, откуда происходит обильный материал, исследователями на основании аналогий вещам предложена дата середина – вторая половина XI в. (*Гоняный*, 1999. С. 144) или вторая треть XI – первая половина XII в. (*Шполянский*, 1999. С. 150). Имеются аргументы и в пользу несколько иной точки зрения. Общие соображения о времени смены комплексов с чисто лепной керамикой на смешанные с гончарной, а

[4] Коллекция ГИМ № 75043. Опись 18.

также состав находок с селища Заозерье-2 на Москве-реке, входящего в тот же круг памятников, позволяют рассматривать в качестве вероятной начальной даты рубеж X–XI вв. (*Тавлинцева*, 1996. С. 51). Серия радиоуглеродных дат, полученных для постройки 3 на селище Саввинская слобода 2, в комплексе которой доминировала лепная керамика рассматриваемого типа, свидетельствует в пользу существования памятника в X в. (*Станюкович*, 2001. С. 55).

Мелкие фрагменты лепной гладкостенной керамики, не получившие надежную атрибуцию, были зафиксированы на селище Мякинино-1, расположенном у кромки 1-й террасы правого берега Москвы-реки (*Векслер и др.*, 1997. С. 87).

Селище Дьяково-пойма, расположенное у подножия Дьякова городища, дало материал чуть более поздний (может быть, с разницей в одно–два поколения людей), чем древнейший комплекс Даниловского поселения. На селище Дьяково-пойма встречен лишь один лепной фрагмент. Весь комплекс керамики составляют раннегончарные горшки с набором типов орнаментации, частично восходящих еще к лепной керамике. Это оттиски "палочки с веревочкой", отпечатки гребенчатого штампа, зубчатого колесика, "дрожащая волна" (*Кренке*, 1992). Керамика с такой орнаментацией встречена в подмосковных курганах, датированных концом XI – началом XII в. (*Равдина*, 1991. Табл. 2–4). Необходимо отметить, что подобной ранней керамики не было предъявлено в публикациях, где аргументируется наличие слоя XI в. в Московском Кремле и Зарядье (*Рабинович*, 1971. С. 96; Векслер, 1963).

На площадке Дьякова городища, наряду с гончарной керамикой, орнаментированной зубчатым колесиком, гребенчатыми оттисками и многорядной волной, выполненной тем же гребенчатым орудием (*Сизов*, 1897. Табл. XXIVa, *16, 22, 28*), найдены крестопрорезные бубенчики, поясная пряжка, характерные для комплексов XI – начала XII в. (*Кренке*, 1997. С. 704).

На Кунцевском городище найдена раннегончарная керамика с архаичной профилировкой венчиков (короткие едва отогнутые наружу и срезанные по краю), орнаментированных многорядной "дрожащей" волной (*Векслер*, 1964).

Краснолужское селище дало комплекс керамики (*Станюкович*, 1982. С. 4–6, 29, 49–50), орнаментированной многорядной волной, зубчатым штампом, "дрожащей" волной, что позволяет предполагать возникновение данного поселения в первой половине XII в.

Комплексы Спас-Тушинских курганов включают ранние находки конца (?) XI в. Одной из наиболее показательных является височное кольцо с пятью лопастями, генетически восходящее к кольцам "деснинского типа" (*Недошивина*, 1960).

В числе находок XI – первой половины XII в. следует упомянуть также медную подвеску-амулет "топорик", случайно найденную на территории с. Крылатское (шурфовка 1998 г. на месте находки не выявила следов поселения этого времени).

Возможно, к этому же периоду относится постройка возле церкви в Троице-Лыкове, по образцу из которой получена радиоуглеродная дата, указывающая при калибровке на интервал 1001–1149 гг. (*Кренке*, 1996. С. 154–155)

На селище Нескучный сад 2 был найден один раннегончарный фрагмент (стенка с переходом к венчику) с гребенчатым орнаментом (раскопки К.В. Воронина, 1999 г.)

Перечисленные выше памятники достаточно равномерно расположены вдоль долины реки с интервалом 3–5 км по прямой линии. "Сгустка" ранних находок в районе Кремля не наблюдается. Это может служить косвенным указанием на то, что крепость 1156 г. была построена не на месте уже существовавшего города (протогорода) с формирующейся сельской округой. Особенно рельефно различия в пространственном распределении памятников на участке исторического центра Москвы проявляются при сравнении ситуации XI – первой половины XII в. и следующего столетия (вторая половина XII – первая половина XIII в.).

Период второй половины XII – первой половины XIII в. характеризуется уплотнением поселенческой системы в долине Москвы-реки и возникновением куста памятников вокруг кремлевского замка.

Почти все перечисленные выше поселения раннего периода, судя по керамическим комплексам, продолжают функционировать до XIII в., исключение составляют лишь некоторые, например, селище Дьяково-пойма. Возникает целый ряд новых поселений (селища Мякинино 2, Мякинино 4, Татарово, у Кунцевского городища, Нескучный сад 1 и 2, Коломенское 1, 2, Дьяково 1, Дьяково-южное, Курьяново). На существование археологически незафиксированных поселений указывают курганные могильники в Борисово, Котляково, Филях. В XII в. продолжает разрастаться Спас-Тушинский курганный могильник. Таким образом, пустые промежутки в линейной структуре расселения вдоль долины Москвы-реки сокращаются до 1–2,5 км по прямой. Появляются скопления поселений, расположенных совсем рядом друг с другом (районы Коломенского, Нескучного сада, Спас-Тушино, Мякинино). Другой особенностью этой системы является то, что в ней пока не прослеживается иерархия поселений по размерам. Все они небольшие, их площадь колеблется, по большей части, в пределах 1–5 тыс. кв. м (табл. 1; рис. 2). На основании комплексных археолого-геофизических исследований селищ района Куликова поля было установлено, что в среднем одна усадьба занимала 500–800 кв. м (*Гоняный, Кац, Наумов*, 2000. С. 27). Исследования на селище Мякинино 2, где в раскопе площадью 3400 м было зафиксировано 4–5 дворов XII–XIV вв. (*Векслер*, 1996. С. 129), дают те же цифры. Средний показатель для этого памятника составляет 680 кв. м на усадьбу. Если применить эти расчеты к другим памятникам округи Москвы, то получится, что расположенные в долине Москвы-реки поселения насчитывали 1–8 дворов. Пик в диаграмме распределения поселений по площади приходится на интервал 1–3 тыс. кв. м (1–5 дворов). Это согласуется с данными по древнерусским селищам Подмосковья в целом (*Юшко*, 1991. С. 40). Два селища (Мякинино 1 и Коло-

Таблица 1. **Размеры древнерусских поселений XII–XIII вв. на территории Москвы**

№ по карте (рис. 1)	Название	Размер (кв. м)	Предполагаемое число дворов	Число курганов в группе, относящейся к поселению	Число курганов на 1 тыс. кв. м поселения
31	Троице-Лыково 2	100	1	–	–
90	Дьяково 1	200	1	–	–
213	Нескучный сад 3	300	1	–	–
168	Лосиный остров 1	400	1	–	–
197	Раменки 3	800	1	8	10
200	Раменки 5	1000	1	–	–
79	Нескучный сад 1	1200	2	–	–
159	Братеевское	1200	2	19	16
207	Теплый стан 2	1200	2	8	6,6
92	Дьяково городище	1400	2	–	–
162	Капотня городище	1500	2	–	–
77	Андреевское	1800	3	–	–
71	Теплостанское 1	1800	3	19	10,5
136	Орехово 6	1800	3	12	6,6
27	Алешкино	1800	3	–	–
34	Кунцево городище	2000	3	–	–
18	Спас-Тушино городище1	2000	3	15	7,5
46	Матвеевское 1	2000	3	5	2,5
70а	Коньково 2	2000	3	23	11,5
137	Орехово 5	2000	3	12	6
45	Краснолужское	2000	3	–	–
190	Зюзино 3	2400	4	9	3,7
91	Дьяково–пойма	2500	4	–	–
35	Кунцевское 1	2500	4	–	–
204	Теплостанское 3	2500	4	7	2.8
89	Коломенское 3	2700	4	–	–
214	Мякинино 4	2800	4	–	–
32	Татарово	3000	4	–	–
148	Орехово 2	4500	7	12	2.8
134 + 143	Орехово 4	5000	8	28	5,6
144	Орехово 3	5000	8	4	0,8
20	Мякинино 2	5000	7–8 (по данным раскопок)	–	–
14	Спас-Тушино 2	5000	8	65	13
50	Матвеевское 2	5600	8	4	0,7
188	Дубинкин лес 3	6000	9	8	1,3
193	Аннино	7500*	–	–	–
88	Коломенское 1	10 000*	–	–	–
21	Мякинино 1	15 000*	–	–	–

* Данные о размерах, возможно, существенно завышены.

менское 1) формально имеют значительно большую площадь. Однако вероятно, что это обусловлено не реальными размерами древних поселений, а разносом керамики при распашке. Значительные раскопки, проведенные на селище Мякинино 1, не выявили следов построек (*Векслер*, 1997а), поэтому видеть в этом памятнике крупное поселение нет оснований.

Необходимо более детально рассмотреть памятники, расположенные на участке от устья р. Барышихи до устья р. Сходни. Значение археологического комплекса памятников этого региона было подчеркнуто еще И.Е. Забелиным, предполагавшим перевалочное значение на перекрестке путей и "особенную населенность этого подмосковного угла" (*Забелин*, 1990. С. 14). Действительно, Спас-Тушинский 1-й и 2-й курганные могильники самые большие на территории Москвы, вместе насчитывают 80 курганов. Поблизости находились еще 3 группы, насчитывавшие 16 курганов.

В 80 курганах с учетом парных и впускных захоронений могло быть похоронено около 105 взрослых и подростков[5] (коэффициент 1,3 для определения числа погребенных по отношению к числу курганов выведен по данным раскопок курганов в Москве и Подмосковье). Длительность функционирования могильника

[5] Детские погребения младших возрастов в курганах встречаются очень редко.

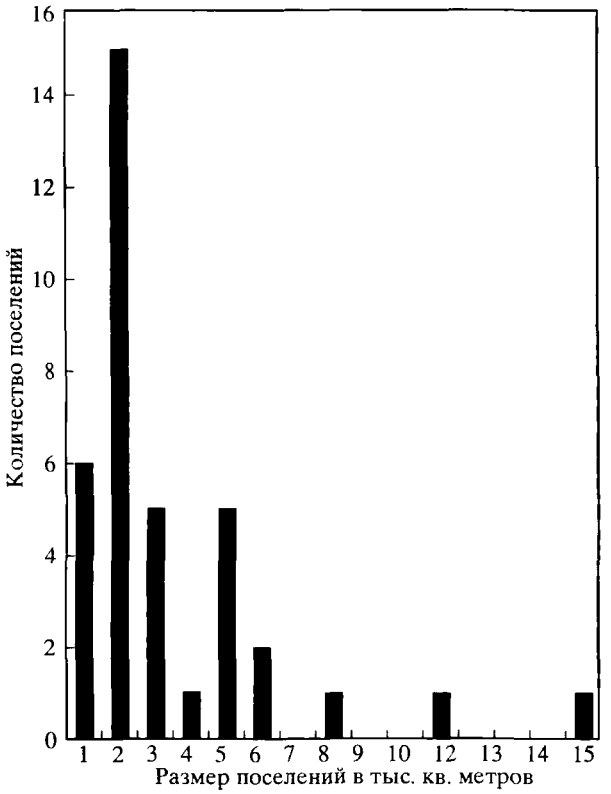


Рис. 2. Диаграмма распределения поселений XII–XIII вв. на территории Москвы по размерам

может быть максимально оценена в 150 лет, исходя из того, что в нем имеются погребения первой половины XII в., а верхний предел существования курганного погребального обряда в Подмосковье, вероятно, ограничивается серединой XIII в. (*Равдина*, 1991. С. 10–11). При ежегодной смертности около 10 человек (взрослые и подростки старше 5–7 лет) на 1000, такое количество погребений за 150 лет могла оставить группа численностью около 70 человек (включая детей всех возрастов). Уровень смертности взят исходя из данных по русскому сельскому населению XIX в., слабо обеспеченному медицинской помощью (*Рашин*, 1956. С. 192). Такая численность группы не входит в противоречие с размерами известных у Спас-Тушино поселений (табл. 1). Их общая площадь равняется 7000 кв. м., ожидаемое число построек – 11, т.е. 6,4 человека на двор, что допустимо.

Для сравнения отметим, что Братеевско-Борисовский комплекс курганных могильников включал в два раза меньше насыпей – 51. Этот район, в отличие от Спас-Тушина, не имел стратегического транзитного значения, но на локальном уровне обладал существенными достоинствами. С края высокого берега на месте поворота долины реки открывается обширная панорама на многие километры, одновременно Братеевское селище "контролировало" устье реки Сухая Городенка, по долине которой пролегал путь в обжитые внутренние районы правобережья.

Вокруг кремлевского замка во второй половине XII–XIII в. сложилась густая сеть поселений. Особенно интенсивно шло освоение территории, получившей затем наименование Китай-город. Застроенные площади вдоль берега Москвы-реки (Зарядье) и по трассе Владимирской дороги вдоль левого берега р. Неглинной (будущая Никольская ул.) быстро росли и сливались в единое целое. Пятна культурного слоя с находками XII–XIII вв. здесь встречены во множестве, они почти достигают границ Лубянской площади (*Векслер*, 2000а; 2000б). Получены данные о наличии церквей на месте Богоявленского монастыря (*Беляев*, 1994. С. 58–64) и церкви Троицы в Старых Полях. То есть застройка на данном участке, видимо, к концу XIII в. приобрела черты городского посада. Селища на правом берегу р. Неглинной также располагаются густо, но все же это были изолированные поселения, разделенные промежутками в несколько сотен метров. В настоящее время их известно четыре: на Манежной площади, на Романовом дворе за зданием Университета, на ул. Моховая, 6–8, в районе ул. Волхонки. Сохранность объектов XII–XIII вв. в раскопе на Романовом дворе была наилучшей. Здесь были обнаружены остатки восьми построек с подпечными ямами, откуда происходит серия вещей: стеклянные браслеты, пластинчатые перстни, фрагменты семилопастного кольца позднего типа, ножи, замок, шиферные пряслица, медный витой браслет, цепочка и стрелка от весов (рис. 3) и значительная керамическая коллекция в 4,5 тыс. фрагментов (рис. 4–12) курганной и сероглиняной керамики с линейной орнаментацией и развитой профилировкой (*Кренке, Бойцов, Фролов*, 2000). На 1400 фрагментов с линейным орнаментом приходится лишь два с оттисками зубчатого колесика, три с гребенчатым штампом и 13 с волной. Поселение было окружено полем, о чем свидетельствуют пахотные борозды, выявленные рядом с постройками (*Александровский и др.*, 1998). Поселение на улице Волхонка было зафиксировано лишь по переотложенной керамике, тождественной с комплексом Романова двора (*Векслер*, 1993. Рис. 37). На ул. Моховой был отмечен залегавший на материке темно-серый культурный слой, содержавший сероглиняную керамику (*Векслер*, 2001).

Аналогичная керамика и стеклянные браслеты были найдены в районе Кадашевской набережной и ул. Ордынки в Замоскворечье (*Векслер*, 2000в; 2000г), шиферное пряслице и единичные фрагменты сероглиняной керамики найдены на склонах Швивой горки в устье Яузы (*Рабинович*, 1949. С. 5–43).

Таким образом, к XIII в. город оказался в кольце сельских поселений, удаленных от стен замка на 500–1500 м.

Рассмотрим теперь второй район – правобережье Москвы-реки, включающее бассейны малых рек, берущих начало на Теплостанской возвышенности. Здесь выявлено наибольшее количество древнерусских памятников в пределах территории Москвы. Курганы и селища расположены вдоль речных долин, единичные курганные группы и отдельные насыпи находятся на водоразделах. Наибольшие концентрации памятников прослеживаются в следующих микрорегионах (речных бассейнах): 1) Раменка, Смородинка, нижнее течение Очаковки; 2) верховья Очаковки; 3) Котловка и Коршуниха; 4) Чертановка; 5) Сухая Городенка, Язвенка. В четырех из этих микрорегионов (кроме Котловки-Коршунихи) проводились

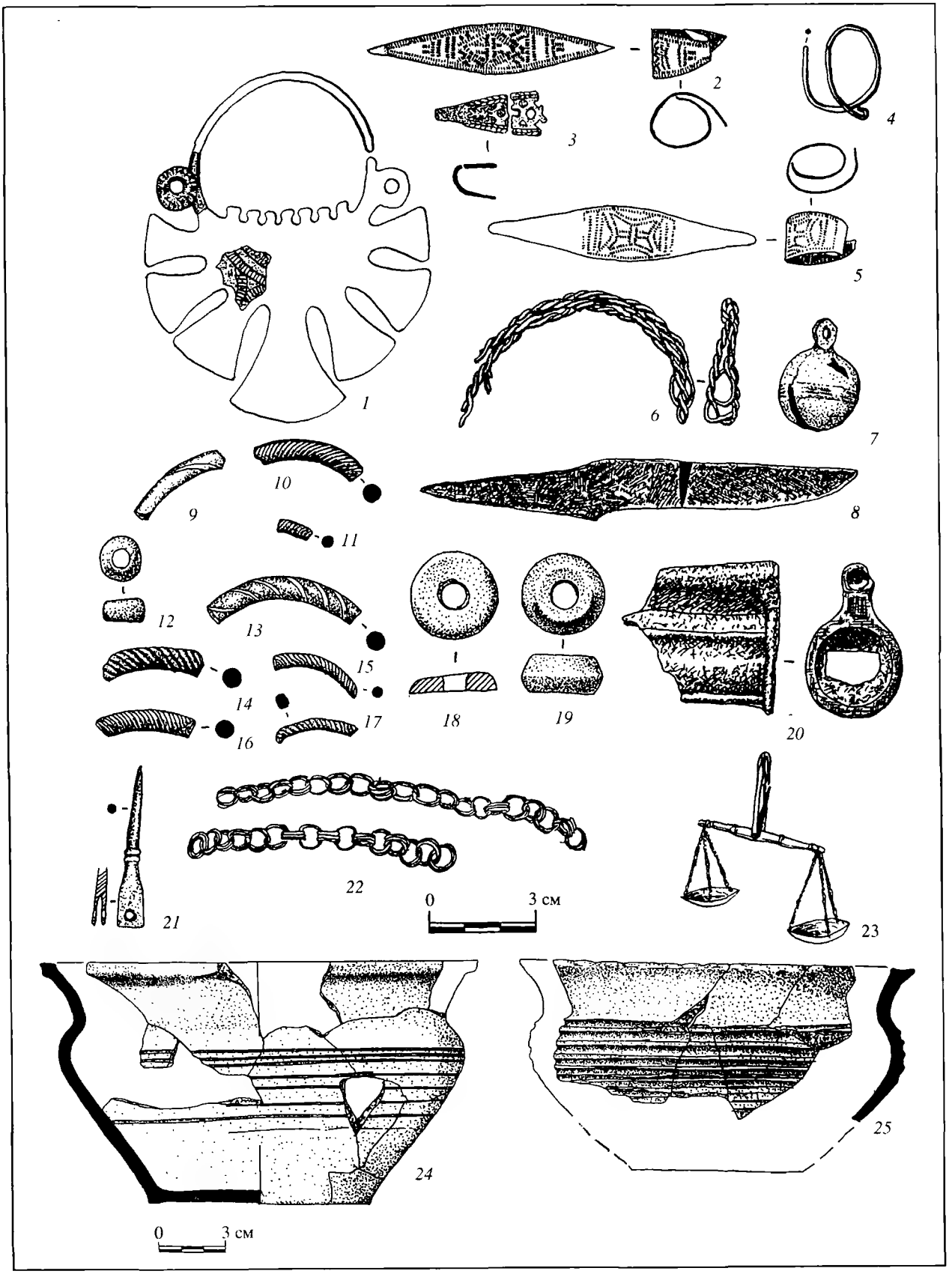


Рис. 3. Находки из заполнения подпечных ям на поселении XII–XIII вв. на территории Романова двора в Москве, расположенного по адресу Романов пер., 4 (*1–22, 24, 25*), и реконструкция весов (*23*)

1–7, 21, 22 – медь; *8, 20* – железо; *9–17* – стекло; *18, 19* – розовый шифер; *24, 25* – керамика

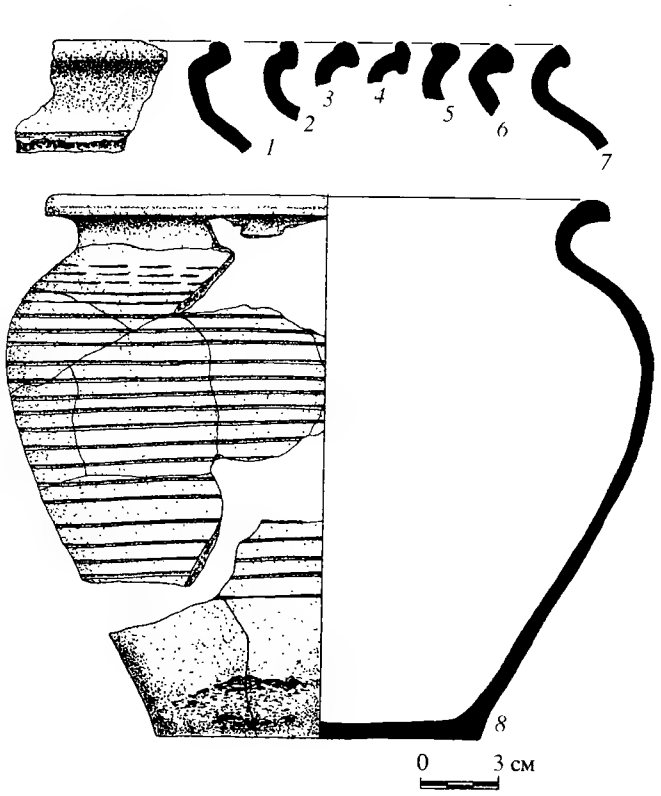


Рис. 4. Керамика из заполнения подпечных ям на поселении XII–XIII вв. на Романовом дворе

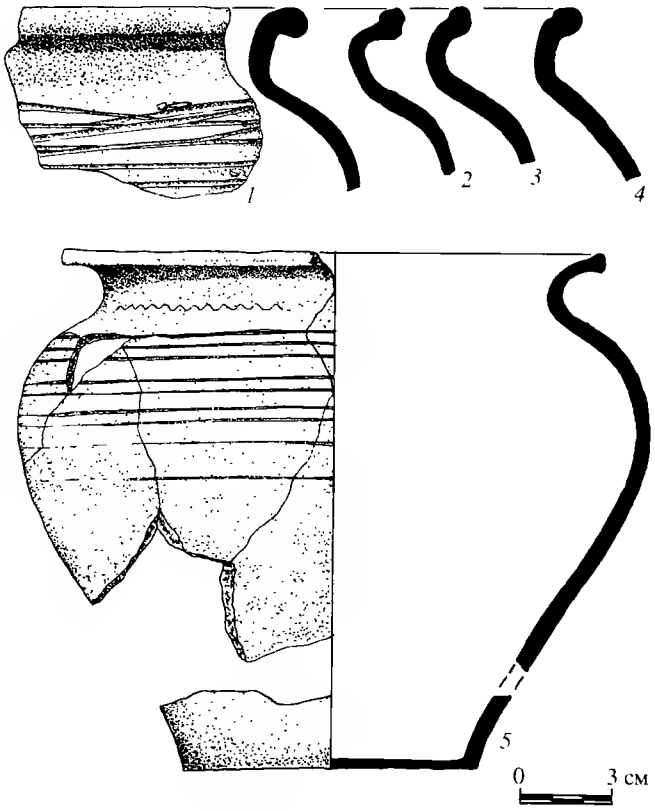


Рис. 5. Керамика из заполнения подпечных ям на поселении XII–XIII вв. на Романовом дворе

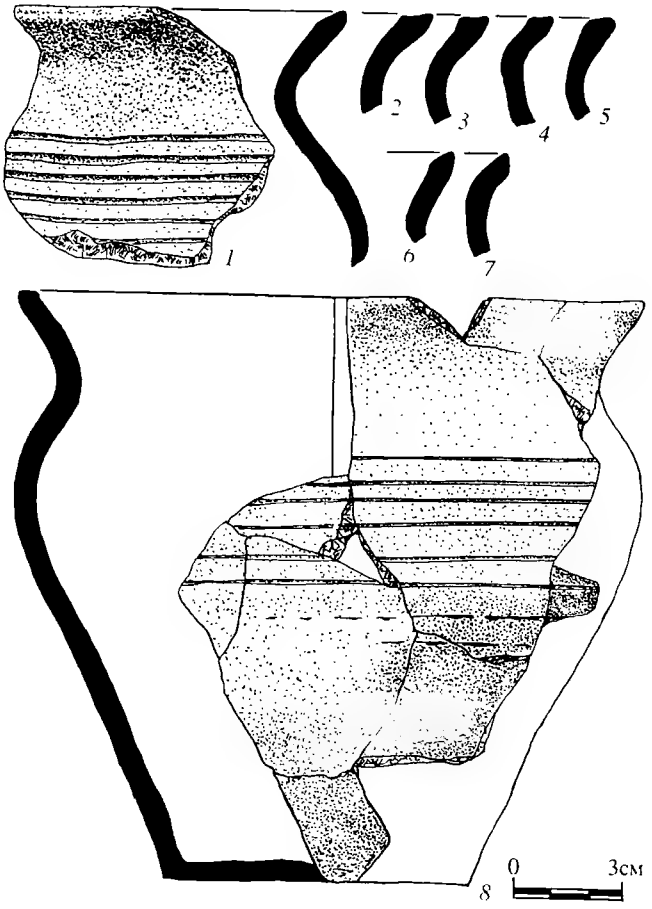


Рис. 6. Керамика из заполнения подпечных ям на поселении XII–XIII вв. на Романовом дворе

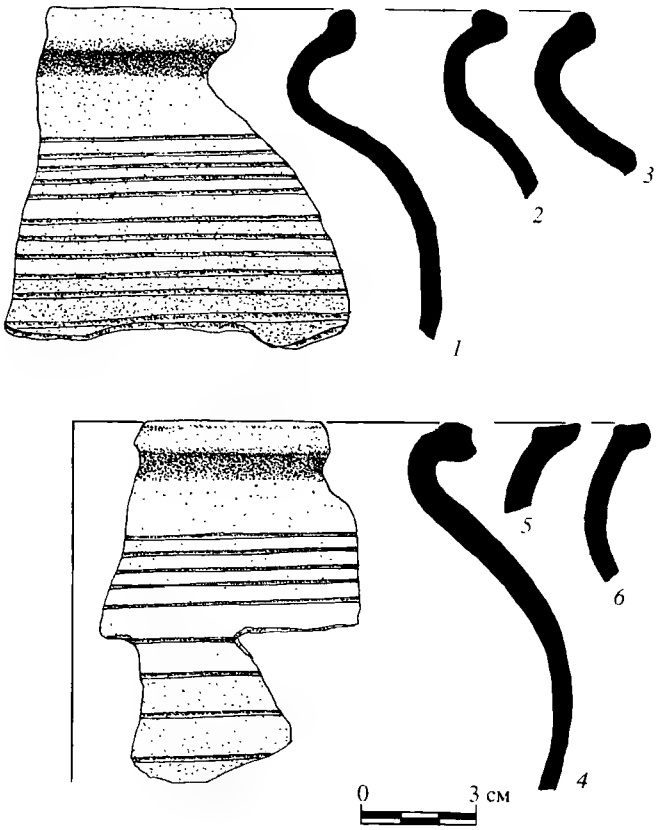


Рис. 7. Керамика из заполнения подпечных ям на поселении XII–XIII вв. на Романовом дворе

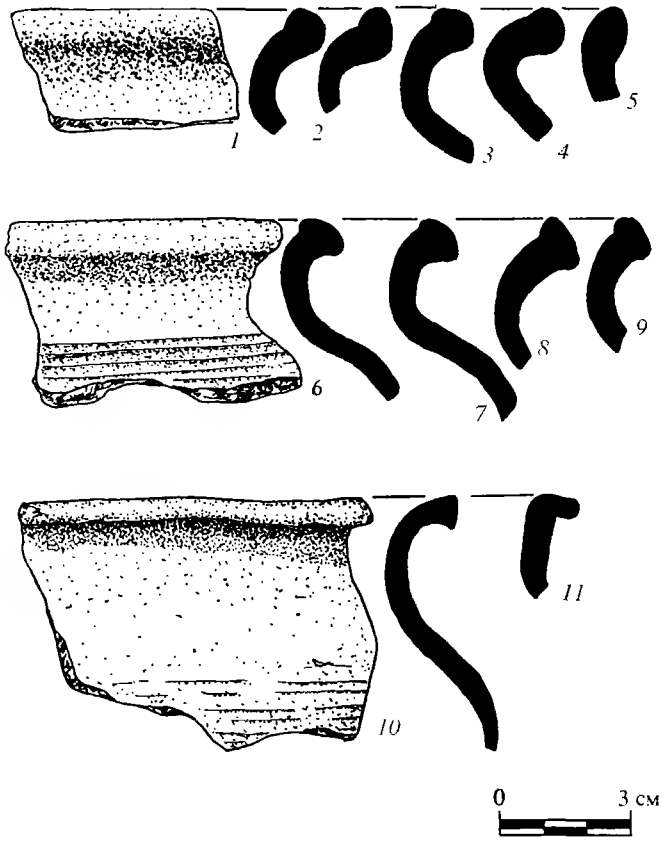


Рис. 8. Керамика из заполнения подпечных ям на поселении XII–XIII вв. на Романовом дворе

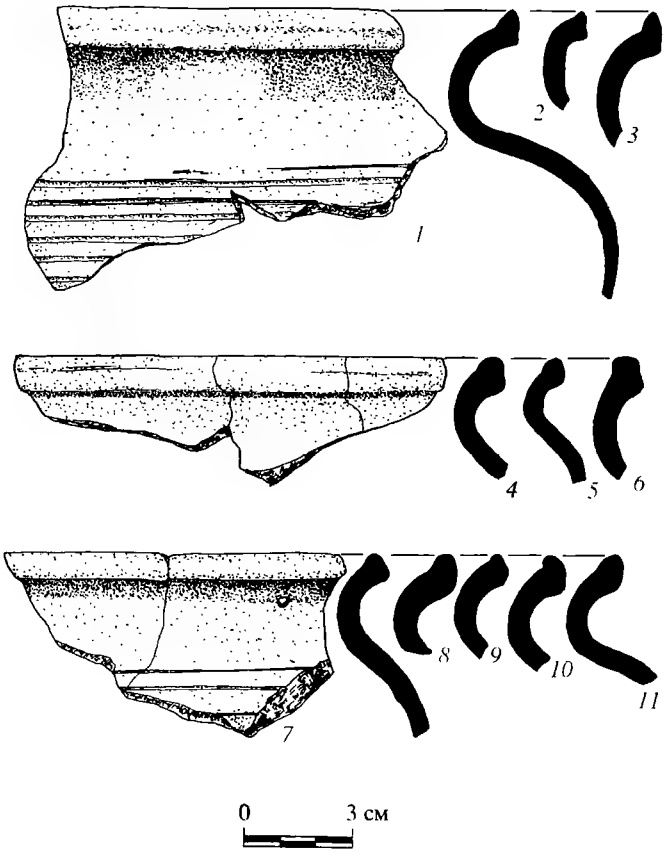


Рис. 9. Керамика из заполнения подпечных ям на поселении XII–XIII вв. на Романовом дворе

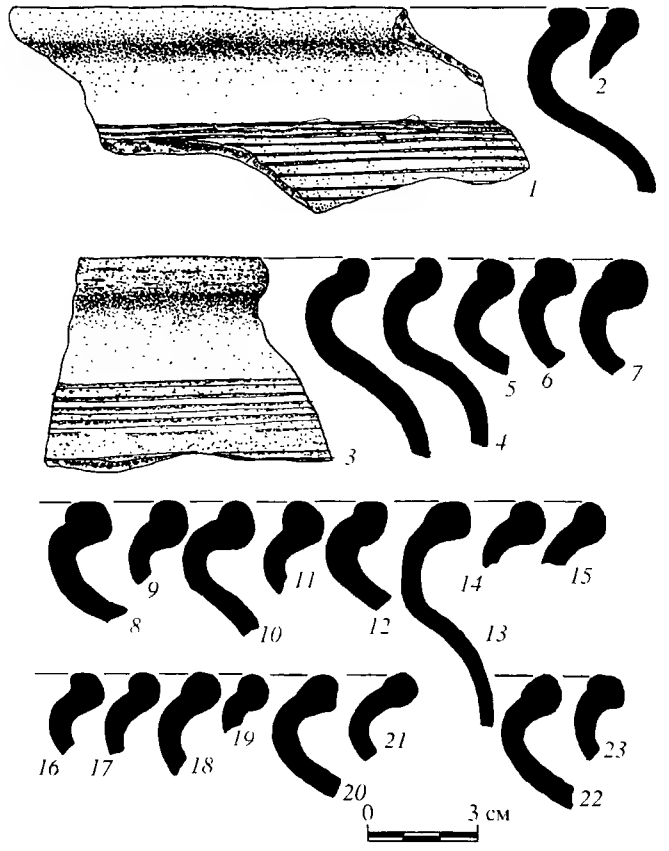


Рис. 10. Керамика из заполнения подпечных ям на поселении XII–XIII вв. на Романовом дворе

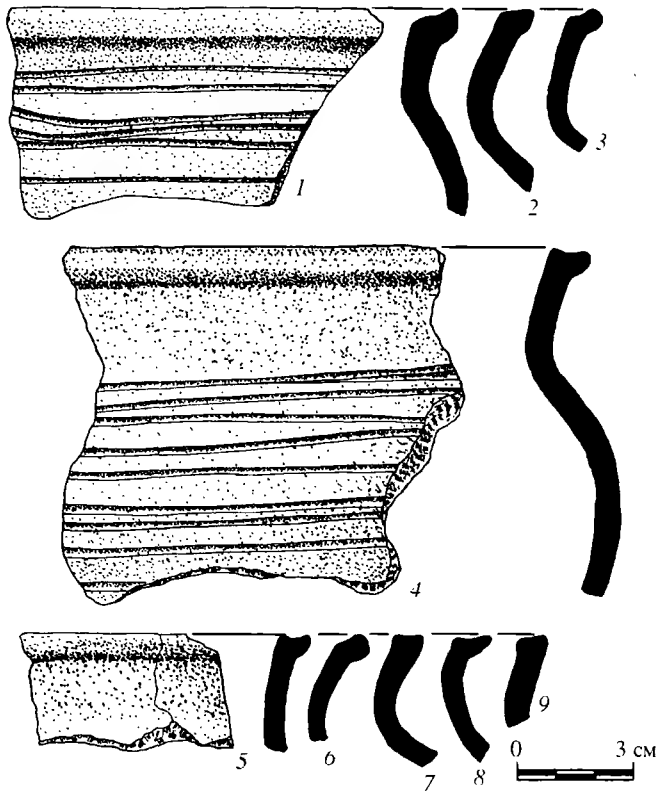


Рис. 11. Керамика из заполнения подпечных ям на поселении XII–XIII вв. на Романовом дворе

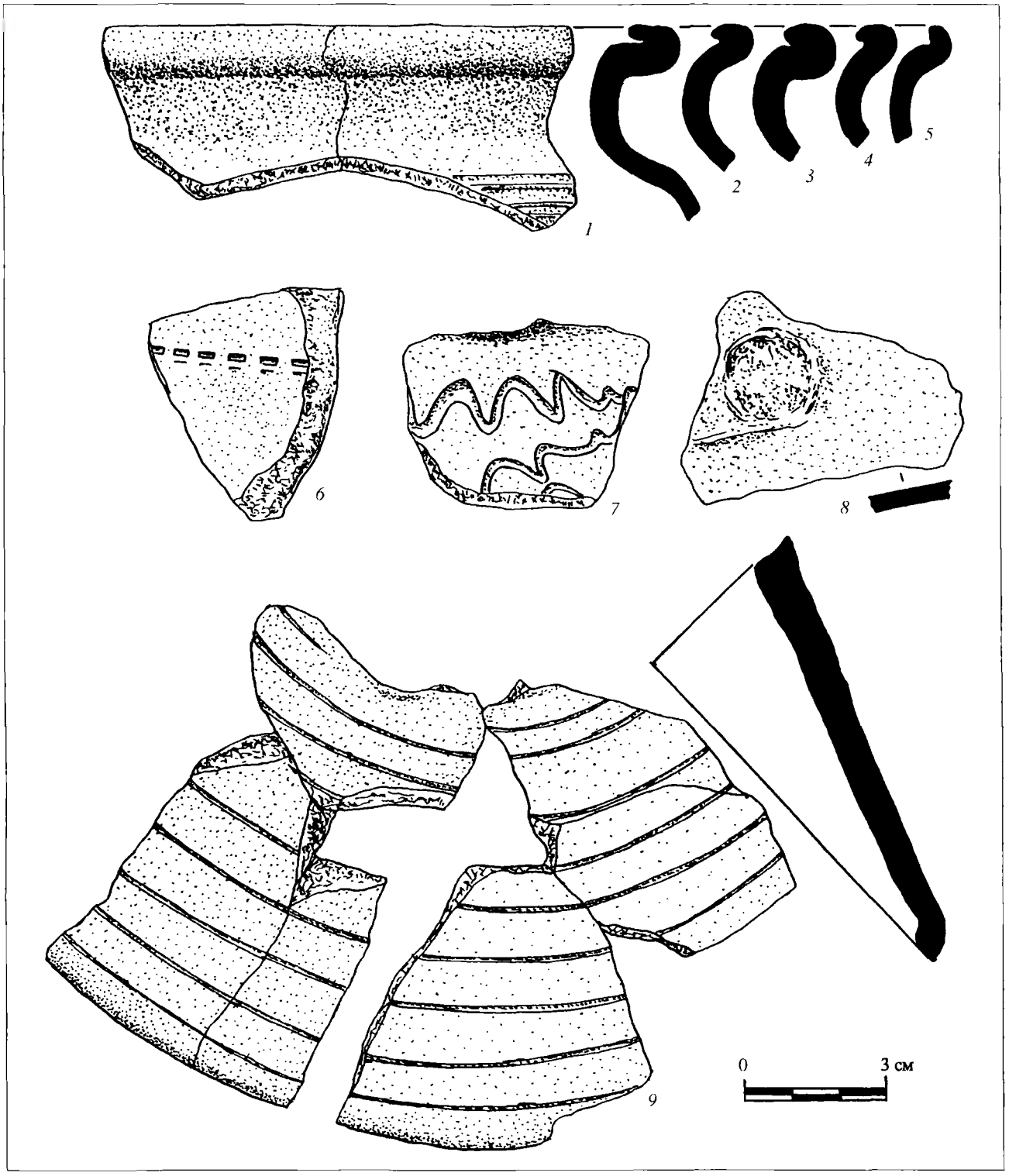


Рис. 12. Керамика из заполнения подпечных ям на поселении XII–XIII вв. на Романовом дворе

специальные разведки с целью выявления древнерусских поселений, одновременных курганам. Все пять микрорегионов имеют близкое количество курганных групп и сходное общее число курганов в пределах 80–149 насыпей (табл. 2).

Наиболее древние из курганов, изученных на правобережье, находились в Черемушкинском 1 и Царицынском 3 могильниках. Они датируются первой половиной XII в. Серединой – первой половиной XII в. датируются курганы могильника Матвеевский 3 (*Равдина*, 1991. С. 8–10).

На поселениях Раменки 2, Раменки 3, Матвеевское 1, Коньково 2, Орехово (Язвенка) 4 были собраны коллекции керамики, которые позволяют ориентировочно относить их возникновение ко второй половине XII в. (*Кренке*, 1990; 2001).

Таким образом, в конце XII в. уже, вероятно, существовали четыре из пяти выделяемых на правобережье

Таблица 2. **Число курганных групп и курганов в них в бассейнах правых притоков Москвы-реки**

Название микрорегиона	Число курганных групп	Общее число курганов	Численность курганов в наиболее крупной группе
Раменка, Смородинка, нижнее течение Очаковки	20	99 (139)	26 (40)
Верховья Очаковки	9	80	23
Котловка и Коршуниха	15	91	22
Чертановка	23	90	11
Сухая Городенка, Язвенка	14	149	28

локальных групп. Характерно, что в Чертановской локальной группе, где пока не выявлено ранних материалов, отсутствуют и крупные курганные группы. Самый большой могильник в долине р. Чертановки насчитывает 11 насыпей. Это может служить косвенным подтверждением относительно позднего освоения микрорегиона. Если поселения возникли здесь лишь в конце XII – начале XIII в., то крупные курганные могильники просто "не успели" сформироваться.

Анализ пространственного распределения памятников и их количественных характеристик в пределах отдельных микрорегионов позволяет сделать ряд наблюдений.

Долины рек осваивались вплоть до самых верховьев. Процесс этот протекал весьма быстро, что доказывает ранний комплекс поселения Коньково 2, расположенного у истоков р. Очаковки. На большинстве рек в среднем – верхнем течении имеются один–два участка, в которых можно видеть пункты начальной колонизации. Это места наиболее крупных могильников с количеством насыпей более 20. Так как размеры поселений, связанных с этими могильниками, не выделяются из числа других (Коньково 2, Орехово 4), то можно предположить, что большее число курганных насыпей обусловлено длительностью функционирования этих поселений и могильников.

На участках, где проводились детальные разведки и сохранность исторического ландшафта была хорошей, обычно выявляется почти точное соответствие числа курганных могильников и поселений. Поиски поселения, расположенного близ курганной группы, но ниже ее по рельефу у бровки берега, как правило, оказывались удачными при такой ситуации. Часто курганные группы составляют пары, расположенные очень близко (около 100 м) друг от друга. Пример исследования в долине р. Язвенки показывает, что такой паре соответствуют два, вероятно, родственных поселения (могильники № 138, 139 и поселения 143+134 и 137). Эти данные не позволяют согласиться с выводом А.А. Юшко о том, что "трудно с определенностью сказать, были ли какие-либо закономерности в расположении селищ и соответствующих им курганных групп" (*Юшко*, 1991. С. 159–160).

Ландшафтная приуроченность памятников имеет закономерности. Все без исключения поселения расположены у бровки берега. Их удаленность от русла колеблется в пределах 5–80 м. Средняя удаленность – около 40 м по данным 21 поселения (табл. 3). Высота над водой нижнего края поселения колеблется в интервале 1–18 м, среднее значение – 6 м.

Удаленность от русла курганных могильников колеблется в пределах 50–1000 м, а их высота над водой в интервале 8–38 м. Средние значения составляют соответственно 304 м и 19 м. При подсчетах использовались данные о 67 памятниках. Девять курганных групп удалены от русла реки на 500 и более метров. Если исключить данные об этих памятниках из подсчетов, то средняя удаленность курганов от реки (ручья) составит 240 м.

Археолого-почвоведческие исследования показали, что почти под всеми курганами прослеживаются погребенные пахотные горизонты. Это позволило выдвинуть предположение, что пространство между поселениями и курганами использовалось под пашни (*Александровский, Кренке*, 1993). Таким образом, наиболее интенсивно освоенными территориями являлись придолинные склоны. Густота расположения поселений и курганных могильников вдоль малых рек весьма велика. Часто между ними всего несколько сотен метров, и они идут сплошной чередой на 4 км (Язвенка), 7,5 км (Чертановка), 7,5 км

Таблица 3. **Данные о расположении поселений XII–XIII вв. по отношению к руслам рек Раменка, Очаковка, Чертановка, Язвенка**

№ по карте	Название селища	Расстояние от русла (м)	Высота над водой (м)
46	Матвеевское 1	50	9–16
50	Матвеевское 2	5–90	2–7
53	Раменки 1	50	5–10
196	Раменки 2	60–80	2–4
197	Раменки 3	30–40	5–7
198	Раменки 4	40–50	2–7
200	Раменки 5	15	5–6
204	Теплый стан 3	25	7–13
71	Теплый стан 1	50	7–9
207	Теплый стан 2	30	4–8
70а	Коньково 2	30–60	4–8
103	Коньково 1	20–60	5–7
190	Зюзино 3	30–50	18–20
188	Дубинкин лес 3	50	13–15
113	Чертаново 1	20	8–10
136	Орехово 6	40	3–5
137	Орехово 5	40	1–5
143	Орехово 4	10	3–5
144	Орехово 3	70	5–8
148	Орехово 2	40–80	7–14
159	Братеево	30	8–12

(Раменка), 3 км (верховья Очаковки), 3 км (Котловка).

"Нормальным" является симметричное расположение памятников относительно русла реки. Иногда поселения расположены почти точно напротив друг друга (№ 50, 53 на Раменке, № 71 и 71а на Очаковке, № 190 и 188 на Чертановке, № 144 и 148 на Язвенке). Ширина этих мелководных речек очень мала – всего 2–5 м, и они не могли играть роль реальной преграды, но могли служить "географически оправданными" границами владений. Вероятно, ресурсными территориями каждого из таких поселений, расположенных визави, являлись склоны лишь одного берега реки.

"Стандартная" ширина территорий интенсивного освоения вдоль долин составляла 500–600 м.

Курганные группы, вынесенные от реки на 500–1000 м, свидетельствуют о том, что в "курганное время" началось освоение водораздельных пространств. Малочисленность таких памятников (в каждом из выделенных микрорегионов их не более двух–трех), свидетельствует лишь о начальной стадии процесса освоения водоразделов. В то же время "узкие" водоразделы, такие как междуречья Очаковки и Смородинки, Чертановки и ее правого притока Дубинкиной речки, видимо, были освоены целиком. Не случайно курганные группы (№ 57, 58; 107–110; 104, 118) тянутся по осевым линиям этих междуречий (рис. IX). Продвижение курганов на междуречья интересно сопоставить с наличием малоосвоенных речных долин. Сравнение, например, долин рек Чертановки и Городни, сходных по ландшафтным характеристикам, выявляет значительные различия в количестве памятников. Долина р. Городни была освоена значительно слабее, чем долина р. Чертановки. То есть к концу курганного периода ресурс территорий речных долин еще не был до конца исчерпан, тем не менее, началось освоение новой ландшафтной ниши – земель водоразделов. "Стяжение" курганов к водоразделу, по которому проходит современная калужская дорога, возможно, связано с тем, что путь по направлению к Москве проходил здесь уже в XIII в.

Количество курганов зависит от численности популяции и продолжительности существования поселения. Один из вариантов числовой реализации этой зависимости представлен в табл. 4. Жирным шрифтом в таблице выделено реальное число курганов, встреченных в группах на правобережье. Знание любых двух параметров позволяет вычислить третий. К сожалению, более или менее точно известен лишь один параметр – число курганов. Численность популяции может быть очень ориентировочно установлена по размерам поселения и реконструируемому числу дворов в нем (см. табл. 1). Длительность существования поселения по археологическому материалу может быть оценена пока не более, чем с точностью до 100 лет. Тем не менее, учет всех имеющихся данных позволяет выявить рамки более вероятных демографическо-временных характеристик.

Размер поселений и могильников свидетельствует о том, что колонизацию осуществляли небольшие группы. Более половины курганных групп насчитывают не более 5 курганов (рис. 13), и более половины

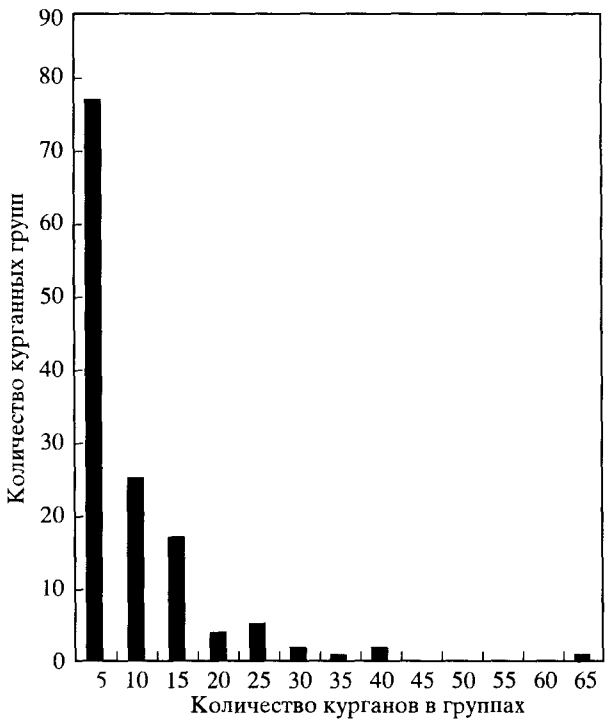


Рис. 13. Диаграмма распределения курганных групп на территории Москвы по количеству курганов

поселений имеют площадь 1–3 тыс. кв. м. Для таких памятников подходят верхние пять строчек таблицы 4 (группы численностью до 25 человек) и интервал длительности существования до 50 лет. Если предполагать, что численность группы не оставалась стабильной, а постепенно возрастала, что весьма вероятно при благоприятных условиях, то расчет может быть скорректирован. Если допустить, что исходная группа в 5 человек удваивала свою численность за 50 лет и сохраняла стабильный уровень взрослой смертности 10 на 1000, то пять курганов (семь взрослых умерших) данная группа оставит в среднем за 70–75 лет. Нужно учитывать также, что часть взрослых, погибших при чрезвычайных обстоятельствах, оставались без погребения. Это означает, что значения размеров группы и длительности ее существования для каждого данного числа курганов, представленные в табл. 4, являются минимальными или несколько заниженными.

Таким образом, можно предполагать, что одно-, трехдворные поселения при малых курганных группах (до 5 насыпей) могли существовать 50–70 лет.

Отсутствие положительной связи между размерами поселений и численностью курганных групп, видимо, указывает на то, что средние (10–20 насыпей) и крупные (более 20 насыпей) группы были оставлены не многолюдными сельскими общинами, а малыми группами, длительность существования которых в "курганный период" была больше (75–150 лет).

Общая численность населения в каждом из пяти перечисленных выше микрорегионов, исходя из общего числа курганов и длительности "курганного периода" в Подмосковье может быть ориентировочно определена в пределах 100–200 человек.

Таблица 4. **Связь количественных характеристик археологических памятников и демографических показателей сельских популяций стабильной численности при уровне взрослой и подростковой (люди старше 5–7 лет) смертности 10 человек на 1000 в год. В скобках дано среднее ожидаемое число умерших**

Число жителей поселения	Длительность существования поселения, лет					
	25	50	75	100	125	150
5	**1** (1,25)	**2** (2,5)	**3** (3,75)	**4** (5)	**5** (6,25)	**6** (7,5)
10	**2** (2,5)	**4** (5)	**6** (7,5)	**8** (10)	**10** (12,5)	**12** (15)
15	**3** (3,75)	**6** (7,5)	**9** (11,25)	**12** (15)	**14** (18,75)	**17** (22.5)
20	**4** (5)	**8** (10)	**12** (15)	**15** (20)	**19** (25)	**23** (30)
25	**5** (6,25)	**10** (12,5)	**14** (18,75)	**19** (25)	**24** (31,75)	**29** (37,5)
30	**6** (7,5)	**12** (15)	**17** (22,5)	**23** (30)	29 (37,5)	35 (45)
35	**7** (8,75)	**13** (17,5)	**20** (26,5)	**27** (35)	34 (43,75)	40 (52,5)
40	**8** (10)	**15** (20)	**23** (30)	31 (40)	38 (50)	46 (60)
45	**9** (11,25)	**17** (22,5)	**26** (33,75)	35 (45)	43 (56,25)	52 (67,25)
50	**10** (12,5)	**19** (25)	29 (37,5)	38 (50)	48 (62,5)	58 (75)

Курганов и селищ по долинам левых притоков Москвы-реки на порядок меньше, чем на правобережье. Это не может быть объяснено лишь условиями сохранности памятников. Долина Яузы в среднем и верхнем течении сохранилась достаточно хорошо, однако курганных групп и поселений здесь гораздо меньше, чем в долинах рек Раменки, Очаковки, Чертановки. Разведки по р. Голяданке, проведенные в 1998 г. С.З. Черновым, также доказывают малочисленность расположенных здесь памятников древнерусского времени (*Чернов*, 2000. С. 163–166).

Такая диспропорция в плотности заселения лево- и правобережных территорий, вероятно, в значительной степени обусловлена различиями в пригодности земель для сельского хозяйства. Характеристика различий дана В.А. Низовцевым. "Правобережные (ландшафты. – *Н.К.*) занимают возвышенные холмисто-увалистые моренные равнины, сильно расчлененные овражно-балочной сетью. Эти "теплые" местообитания в сочетании с суглинистыми почвообразующими породами способствовали произрастанию широколиственных лесов, преимущественно дубрав. Именно здесь наибольшие площади занимают самые благоприятные для пашенного земледелия почвы. Ландшафты левобережной части – это преимущественно плоские равнины, сложенные водноледниковыми песками или перемытой мореной. Здесь были распространены заболоченные понижения. Песчаные почвы бедны, нередко переувлажнены, на них произрастали большей частью еловые и сосновые леса" (*Низовцев*, 1997).

Таким образом, ближайшая сельская округа Москвы XII–XIII вв. в основном состояла из многочисленных мелких поселений, "нанизанных" на речные долины правых притоков Москвы-реки и поселений в долине самой этой реки. Археологически зафиксировано более 1034 курганов, оставленных этим населением. Реальная цифра была больше, так как многие из курганов были распаханы еще в средневековье, о чем свидетельствуют находки поселений "курганного времени", не имеющих поблизости курганов.

Если допустить, что "курганный период" длился в районе Москвы 150 лет (XII – первая половина XIII в.), то такое количество курганов должна была оставить группа со средней численностью 900 человек. Формула расчета такова:

$$N = (M : t) : K,$$

где N – это средняя численность группы; M – общее число умерших взрослых и подростков за все время жизни поселения; t – время жизни поселения; K – показатель уровеня ежегодной смертности взрослых и подростков, вычисленный для 1000 жителей.

Показатель M в данном случае равен 1350. Это округленное расчетное число погребений в 1030 курганах при коэффициенте 1,3, вводимом для учета парных и вводных захоронений. Коэффициент K = 10 человек на 1000 в год; t = 150 годам.

$$1350 : 150 : 10/1000 = 900.$$

Допустимо предполагать, что сельское население, вовлеченное в освоение среднего течения Москвы-реки, не стесненное лимитом территории, имело естественный прирост. В работах, посвященных демографии "фронтиньеров", приводятся данные о том, что у второго поколения колонистов наблюдается наибольшая рождаемость (*Boguki*, 1988). Учитывая это, можно полагать, что численность группы, осваивавшей территорию современной Москвы, возрастала, скорее всего, нелинейно. В XI в. это могли быть первые сотни людей, а к XIII в. их число могло приблизиться к двум тысячам.

Приблизительные оценки позволяют сделать также подсчеты площадей поселений. Совокупная площадь 38 сельских поселений, представленных в табл. 1, равняется приблизительно 100 000 кв. м (10 га). Исходя из числа курганных групп, можно предположить, что в реальности поселений было примерно в 3 раза больше. Соответственно, их площадь могла составить около 30 га. Выборка в 38 по-

селений, на мой взгляд, достаточна репрезентативна, чтобы ее считать за средний показатель.

Площадь города Москвы в XIII в. составляла около 50 га (Кремль + Китай город до Б. Черкасского переулка с вычетом площади 14 га незастроенных участков на водоразделе и болот на склоне берега).

При всей приблизительности данных подсчетов, мне кажется, они дают представление о порядке величин. Совокупная площадь сельских поселений ближайшей округи Москвы была меньше площади города примерно в 1,5 раза. Разница в числе жителей могла быть больше из-за большей плотности городской застройки. В качестве ориентира для Москвы XIII в. можно предполагать число жителей 3–5 тысяч.

Перспективной темой дальнейших исследований является выяснение судьбы сельских поселений округи Москвы в середине – второй половине XIII в. Маркером комплексов этого этапа является сероглиняная керамика с доминированием волнистого орнамента (появление "косой волны"). Из весьма слабо изученных поселений XII–XIII вв. на территории Москвы, по крайней мере, три дали материалы второй половины XIII – рубежа XIV в. Это селища Орехово 4а на р. Язвенке, Теплостанское 2 на р. Очаковке, Мякинино 2 на Москве-реке. На многих поселениях XII–XIII вв. имеются материалы XV–XVI вв. Запустение поселений XII–XIII вв. могло объясняться не только экстраординарными причинами. На рубеже XIII–XIV вв. начинает формироваться новая стратегия освоения территории, появляются поселения на вершинах водоразделов, обеспечивавших себя водой из прудов на склонах холмов (*Александровский, Кренке, Чернов*, 1990). Классическим примером подобного типа поселений является селище Дубинкин лес 1 на северо-восточной оконечности Теплостанской возвышенности. Таким образом, по материалам памятников ближайшей сельской округи Москвы можно говорить о наличии преемственности развития в пределах XIII в. Степень распространенности этой преемственности и, соответственно, размеры ущерба, нанесенного татарами подмосковным сельским поселениям, пока трудно оценить.

Литература

Александровский А.Л., Бойцов И.А., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Станюкович А.К., 1998. Раскопки во дворе Московского университета: опыт комплексного подхода к изучению городского культурного слоя // Естественно-научные методы в полевой археологии. М. Вып. 2.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., 1993. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. Вып. 208.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Чернов С.З., 1990. Средневековые пруды Радонежа как источник по изучению антропогеосистем // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. М. Вып. 1.

Бадер О.Н., 1947. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // МИА. М.; Л. № 7.

Беляев Л.А., 1994. Древнейшие монастыри Москвы по данным археологии. М.

Векслер А.Г., 1963. К вопросу о древнейшей дате Московского Кремля // СА. № 1.

Векслер А.Г., 1964. Альбом к отчету о раскопках Кунцевского городища в 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2701а.

Векслер А.Г., 1970. Семиверхие курганы вятичей в Одинцове под Москвой // Древние славяне и их соседи. М.

Векслер А.Г., 1993. Альбом к отчету об археологических работах в Москве в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 17321.

Векслер А.Г., 1996. Археологические раскопки на селище Мякинино-2 в Северо-Западном округе г. Москвы, 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19358.

Векслер А.Г., 1997. Отчет об охранных археологических работах в Москве в 1996 г. Книга IX // Архив ИА РАН. Р-1, № 20412.

Векслер А.Г., 2000а. Отчет о натурных охранно-археологических исследованиях, связанных с реконструкцией инженерных коммуникаций по Никольской ул. в 1999 г. // Архив ИА РАН.

Векслер А.Г., 2000б. Отчет о натурных охранно-археологических исследованиях, связанных со строительством офисного комплекса зданий по адресу Кадашевская набережная 16/18 в 1999 г. // Архив ИА РАН.

Векслер А.Г., 2000в. Отчет о натурных охранно-археологических исследованиях, связанных со строительством административного здания по адресу ул. Б. Ордынка, 40 в 1999 г. // Архив ИА РАН.

Векслер А.Г., 2000г. Отчет об охранных археологических раскопках церкви Святой Троицы в Старых Полях в 1999 г. // Архив ИА РАН.

Векслер А.Г., 2001. Охранные археологические исследования, связанные с капитальным ремонтом Центра Восточной литературы – выносной подвал по Моховой ул., 6–8, 2000 г. // Архив ИА РАН.

Векслер А.Г., Двуреченский О.В., Зубарев Н.В., Коваль В.Ю. Охранные раскопки на Мякининском комплексе памятников // АО 1996 года. М.

Гоняный М.И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Археологический сборник. М. (Тр. ГИМ. Вып. 111).

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н., 2000. Опыт разведочных археолого-геофизических исследований на древнерусских поселениях конца XII – середины XIV в. района Куликова поля // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? Научная конференция. Москва, 14–16 ноября 2000 г.: Тез. докл. М.

Григорьев А.В., 2000. Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. М.

Забелин И.Е., 1990. История города Москвы. М.

Кренке Н.А., 1990. Отчет об археологических разведках на территории заповедника "Царицыно" в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15971.

Кренке Н.А , 1992. Селище Дьяково-пойма – древнерусская деревня XI–XII вв. в Коломенском // Коломенское: Материалы и исследования. М. Вып. 3.

Кренке Н.А., 1996. Разведки по долине Москва-реки, комплексные археолого-географические исследования в Москве и Подмосковье // АО 1995 г. М. С. 154–155.

Кренке Н.А., 1997. Археология о начале Москвы // Вести. РАН. № 8.

Кренке Н.А., 1999. Археологическая карта Москвы от каменного века до древнерусского времени // История и культура древних и средневековых славян: Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М. Т. 5.

Кренке Н.А., 2001. Отчет о разведках на территории г. Москвы в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Кренке Н.А., Бойцов И.А., Фролов М.В., 2000. Раскопки на "Романовом дворе" в Москве // АО 1998 г. М.

Кучкин В.А., 1996. Москва в XII – первой половине XIII века // Отчественная история. № 1.

Недошивина Н.Г., 1960. К вопросу о связях радимичей и вятичей // Археологический сборник. М. (Труды ГИМ. Вып. 37).

Низовцев В.А., 2001. Ландшафтный фактор развития природопользования в московском регионе: Автореф. дис. ... канд.

Низовцев В.А., 1997. Раздел "ландшафты Москвы" в статье "Археологические карты Москвы" // Природа. № 4.

Рабинович М.Г., 1949. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. М.; Л. № 12.

Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. М.

Равдина Т.В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.

Рашин А.Г., 1956. Население России за 100 лет. М.

Саблин М.А., 1879. Сведения о курганах, находящихся в пределах Московской губернии // Изв. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М. Т. XXXV.

Сизов В.И., 1897. Дьяково-городище близ Москвы // Тр. IX Археологического съезда. М. Т. II.

Станюкович А.К., 1982. Отчет об археологических разведках и раскопках на территории г. Москвы, Солнечногорского, Подольского, Раменского и Ленинского районов Московской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8908.

Станюкович А.К., 2001. Отчет о работе Звенигородской археологической экспедиции в 2000 г. Часть 1: Раскопки поселения Савинская слобода 2. Звенигород // Архив ИА РАН.

Тавлинцева Е.Ю., 1996. Результаты раскопок селища Заозерье-2 1993–1995 гг. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.

Чернов С.З., 2000. Исследование Юго-Востока Москвы в зоне проектирования парка Кузьминки-Люблино // Археологические открытия 1998 г. М.

Шполянский С.В., 1999. Новые данные о хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М. (Труды ГИМ. Вып. 103).

Юшко А.А., 1991. Московская земля IX–XIV вв. М.

Boguki P., 1988. Forest farmers and stockherders: Early agriculture and its consequences in North-Central Europe. Cambridge.

С. З. Чернов

Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в.: "традиционные" и "новационные" модели выхода из кризиса (по материалам археологических исследований 1976–1993 гг. волостей Воря и Пехорка)

Археологические исследования свидетельствуют, что поселенческие структуры являются чутким барометром демографических, экономических и культурных процессов, которые сопутствовали выходу Руси из кризиса, вызванного монгольским нашествием. В то же время оказывается весьма сложным установить в какой мере изменения этих структур обусловлены влиянием тех или иных процессов.

Сам объем людских и материальных потерь Северо-Восточной Руси, имевших место в результате похода Батыя 1237–1238 гг., а также влияние ордынского владычества на состояние экономики страны в XIII в. оценивается в историографии по-разному. При этом нехватка позитивных данных открывает широкий простор для гипотез. Учитывая крайнюю ограниченность письменных свидетельств, первостепенное значение для преодоления этой историографической ситуации имеет приращение археологических данных.

Исследования древнерусских городов уже продемонстрировали конкретные масштабы разрушений и параметры, фиксирующие упадок городской культуры. Сельская археология пока оперирует весьма условными оценками численности поселений, пришедших в запустение во второй четверти XIII в. Проблема же преемственности или разрыва хозяйственных и культурных традиций домонгольского села и села периода после монгольского нашествия только начинает становиться предметом конкретных исследований.

В статье 1991 г. на материалах Северо-Востока Подмосковья (волости Радонеж, Воря Московского княжества и переславская волость Кинела) мной была описана трансформация древнерусской структуры расселения, начавшаяся во второй половине XIII в. и продолжившаяся в XIV в., когда на смену поселениям на плоских террасах, более или менее равномерно размещавшихся вдоль рек, пришли малодворные селения на пологих водораздельных холмах, группировавшиеся вокруг сел (*Чернов*, 1991а).

В настоящей работе хотелось бы сконцентрировать внимание на несколько ином аспекте проблемы: в какой степени имел место разрыв преемственности между структурами расселения домонгольского времени и периода ордынского ига и как восстановление хозяйства протекало на территориях, различающихся по своим ландшафтным и экономическим условиям.

Постановка подобного исследования стала возможной после решения двух чисто источниковедческих проблем. В 1980 г. в ходе изучения сети позднесредневековых поселений Кинельского стана была выделена группа памятников с курганной керамикой, но без курганных могильников (*Чернов*, 1982. С. 108–109. Рис. 5, V, VI). Поселения были обнаружены в залесенной местности, где отсутствие курганов нельзя было объяснить позднейшей распашкой. Тем самым появилась возможность выявления подобных групп в других районах и изучения их соотношения с памятниками домонгольского времени.

В 1988 г. при раскопках в Историческом проезде в Москве был обнаружен закрытый керамический комплекс из сруба 1 (порубочные даты 1248, 1251 гг., дата постройки – третья четверть XIII в.), демонстрировавший высокую степень связи с комплексами в волостях Кинеле (Шарапово-5А, Огонек) и Воре (Царево-1). Позднее синхронный комплекс был выявлен на р. Пехорке (Балашиха-10) (*Полюлях, Чернов*, 2000). Таким образом, стало возможным выделить материалы, отражающие период совместного бытования древнерусской (курганной) и постдревнерусской (серой) керамики. От комплексов типа нижнего слоя Богоявленского монастыря (комплексы, выявленные при раскопках Казанского собора, Романова переулка в Москве, Аннина в районе парка Кузьминки), которые на основании радиоуглеродных дат отнесены к первой трети XIII в., они отличаются большим процентом серой посуды, представленной рядом оригинальных вариантов. В свою очередь комплексы первой половины XIV в. из сруба 6 Исторического проезда и селища Лешково-2 с их ранними вариантами красноглиняной грубой посуды, новым стилем орнаментации и ничтожно малым процентом курганной керамики также трудно спутать с материалами второй половины XIII в.

РАЙОН И ИСТОРИЯ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ. Работа основана на данных, полученных в ходе изучения территории древних волостей Воря (Пушкинский район Московской области – 1977, 1993 гг.) и Пехорка (Балашихинский и Щелковский районы – 1990 г.), располагавшихся в северо-восточной части Московского княжества (рис. 1).

Территория волости Воря, первое упоминание которой содержится в духовной грамоте Ивана Даниловича Калиты (1336) (ДДГ. С. 8), располагалась в 40–50 км к северо-востоку от Москвы, на среднем течении одноименного притока Клязьмы от впадения р. Торгоши (к северу лежала Радонежская волость) до устья р. Лашутки в районе с. Каблукова (рис. 1). Сегодня эта местность, образующая восточную окраину

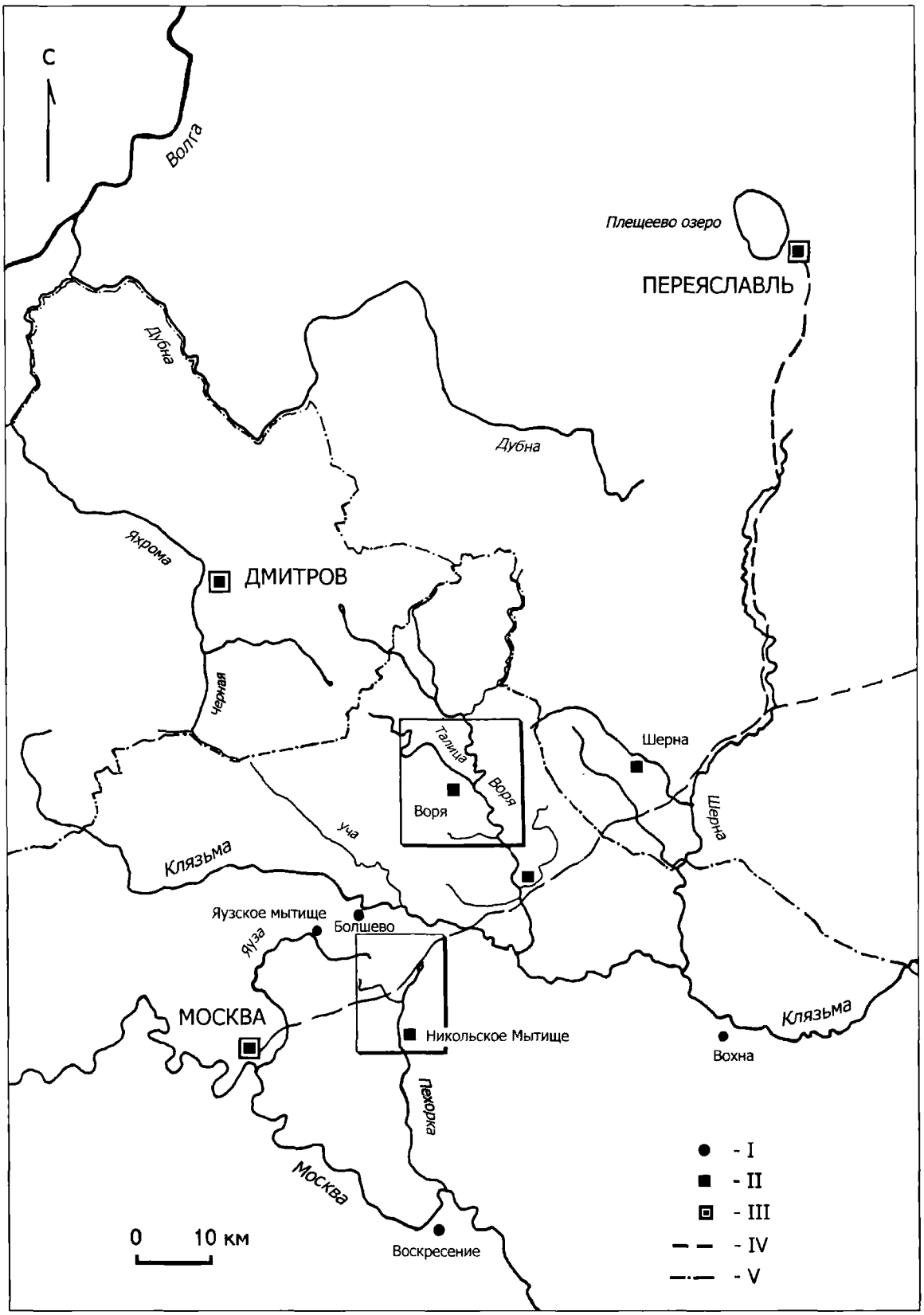


Рис. 1. Схема расположения волостей Воря и Пехорка

I – неукрепленные поселения; II – укрепленные поселения (городки); III – города; IV – дорога из Москвы в Переяславль и Суздаль; V – границы Московского и Дмитровского княжеств

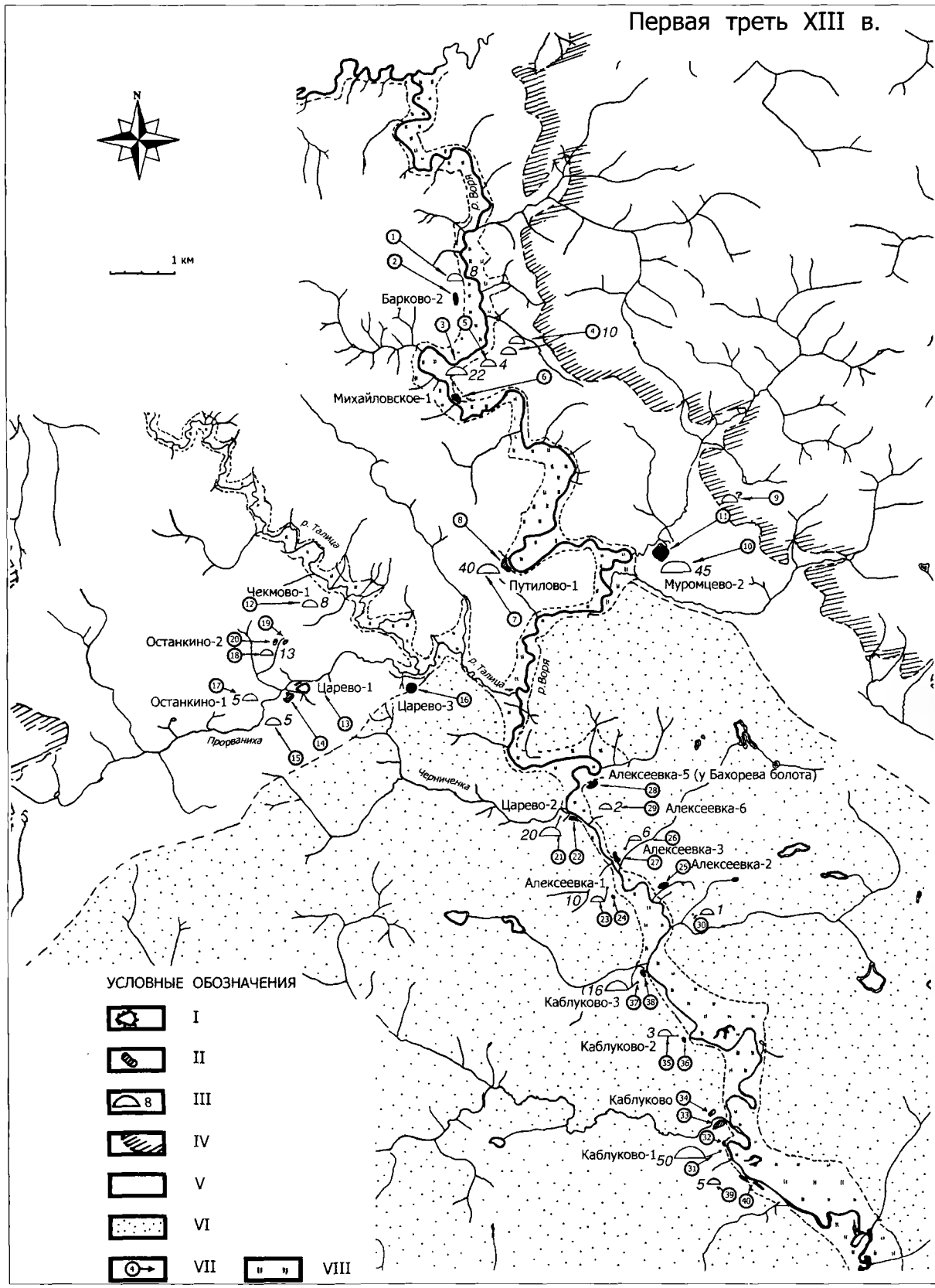


Рис. 2. Поселения и курганные могильники XII – первой трети XIII в. на среднем течении р. Вори (селища с керамическими материалами типа нижнего слоя Богоявленского монастыря)

I – городище; II – селище; III – курганная группа и число насыпей в ней; IV – ландшафты моренной возвышенности; V – ландшафты моренной равнины; VI – ландшафты Мещерской низменности; VII – номер памятника археологии; VIII – поймы рек. Памятники археологии: *1* – Курганная группа Барково-2; *2* – Селище Барково-2; *3* – Курганная группа Михайловское-1 "на частной земле"; *4* – Курганная группа Михайловское-1 "в Долголуговой лесной даче" (Северная); *5* – Курганная группа Михайловское-1 "в Долголуговой лесной даче" (Южная); *6* – Селище Михайловское-1 (на территории садового товарищест-

Пушкинского и отчасти Щелковского районов Московской области, изобилует лесами, сохраняет традиционный сельский облик и относительно мало застроена, что способствует хорошей сохранности памятников археологии. В геоморфологическом отношении среднее течение Вори расположено на равнине, у южного подножья Клинско-Дмитровской гряды (возвышенности расположены в 1–3 км к востоку и в 7 км к западу от р. Вори). От впадения Торгоши до впадения Талицы Воря протекает в южном направлении по ландшафтам моренной равнины, а ниже Талицы – по мещерскому ландшафту.

Начало исследованиям этого края было положено Ю.Г. Гендуне, которая в 1901–1908 гг. на высоком методическом уровне исследовала курганные группы у д. Михайловское, открыла курганные группы у деревень Муромцево и Путилово, а также Царевское городище (*Гендуне*, 1901; 1902; 1903; 1907; 1908). В 1907 г. И.К. Линдеман раскопал курганные группы у Муромцева и Путилова (*Линдеман*, 1908. С. 167–169). В 1967 г. Л.Р. Кызласовым и А.А. Коноваловым было исследовано 32 из 50 насыпей могильника у д. Каблуково (*Коновалов*, 1967; 1972. С. 152–158; *Кызласов, Коновалов*, 1968. С. 52–51), однако этот проект не получил развития.

В 1976–1977 гг. автором была осуществлена программа сплошного исследования микрорегиона, в ходе которой были выявлены селища при всех известных курганных могильниках и найден ряд ранее неизвестных древнерусских комплексов поселение-могильник (*Чернов*, 1977а, б; Археологическая карта России, 1994. С. 205–247). В 1982–1986 гг. Р.Л. Розенфельдтом проведены раскопки курганных групп Каблуково-3, Останкино 1, 2 и Чекмово (*Розенфельдт*, 1984. С. 79–80; 1985а. С. 80; 1988. С. 86). В 1993 г. программа сплошного исследования волости Воря была завершена, и число памятников XI–XVII вв. (селище, курганные группы и грунтовые могильники) достигло 100 (рис. 2).

МЕТОДИКА. Таким образом, мы обладаем почти исчерпывающим числом выявленных памятников, причем практически каждому древнерусскому поселению соответствует курганный могильник. Могильники изучены весьма основательно, что, с учетом разработок в области погребального обряда и хронологии погребального инвентаря подмосковных курганов, дает хорошую базу для определения нижней даты ряда ключевых поселений.

Что касается определения верхней даты селищ в рамках XIII в., то она основана главным образом на анализе керамических коллекций, происходящих из систематически проводившихся сборов подъемного материала, шурфов и раскопов. Публикация этих материалов сопровождается развернутым их описанием по разработанной автором методике, которая включает три элемента: 1) анализ процентного соотношения типов керамики; 2) анализ их технологических характеристик; 3) выделение аналогий керамических форм (вариантов), происходящих из датированных керамических комплексов. В результате удается установить устойчивые связи исследуемого материала с определенным этапом бытования раннемосковской керамики, который отражен близкими по времени керамическими комплексами.

По мере изложения материала проводится сравнение материалов из закрытых комплексов, верхних слоев поселений, изученных раскопками, и площадных сборов. Подобное сравнение позволяет оценить возможности каждого из перечисленных типов керамических коллекций для установления даты того или иного поселения.

На основании анализа погребальных комплексов и керамических материалов предлагаются даты возможно большего числа поселений и устанавливается: какие из них пришли в запустение во второй четверти XIII в., какие продолжали существовать (или были возобновлены) во второй половине XIII в., а какие были основаны вновь во второй половине XIII в. Учитывая, что описание коллекций дается по единой методике, читатель получает возможность проверить степень обоснованности выводов.

В ряде случаев коллекции, которые находятся в распоряжении автора, недостаточны для того, чтобы проследить многие существенные моменты, связанные с жизнью того или иного поселения. Однако мне представляется, что подобные моменты должны стать предметом дальнейших исследований методом раскопок широкой площадью. Результаты соответствующих исследований потребуют монографических изданий, в которых на первый план выступят иные

ва); *7* – Курганная группа Путилово-1; *8* – Селище Путилово-1 (на окраине г. Красноармейск); *9* – Курганная группа Муромцево-1 (на территории бывшего с. Муромцева) (?); *10* – Курганная группа Муромцево-2 (у узкоколейки); 11 – Селище Муромцево-2 (у узкоколейки); 12 – Курганная группа Чекмово-1; *13* – Городище Царево-1; *14* – Селище Царево-1; *15* – Курганная группа Царево-1; *16* – Селище Царево-3 (к востоку от Никольской церкви с. Царева); *17* – Курганная группа Останкино-1; *18* – Курганная группа Останкино-2; *19* – Селище Останкино-1 (у курганной группы Останкино-2); *20* – Селище Останкино-2 (у курганной группы Останкино-2); *21* – Курганная группа Царево-2 (при впадении речки Чернички в р. Ворю); *22* – Селище Царево-2 (у впадения речки Чернички в р. Ворю); *23* – Курганная группа Алексеевка-1 (к З от деревни, за р. Ворей); *24* – Селище Алексеевка-1 (к З от деревни, за р. Ворей); *25* – Селище Алексеевка-2 (на южной окраине д. Алексеевка); *26* – Селище Алексеевка-3 (при впадении речки Козлихи в р. Ворю); *27* – Курганная группа Алексеевка-3 (при впадении речки Козлихи в р. Ворю); *28* – Селище Алексеевка-5 (у Бахорева болота); *29* – Курганная группа Алексеевка-6; *30* – Курган у д. Воря-Богородское; *31* – Курганная группа Каблуково-1 (к югу от церкви с. Каблуково); *32* – Селище Каблуково-1 (к югу от церкви в с. Каблуково); *33* – Селище в селе Каблуково (правобережное); *34* – Селище в селе Каблуково (левобережное); *35* – Курганная группа Каблуково-2 (к северу от с. Каблуково); *36* – Селище Каблуково-2 (к северу от с. Каблуково); *37* – Курганная группа Каблуково-3 (при впадении речки из Ковязского озера в р. Ворю); *38* – Селище Каблуково-3 (при впадении речки из Ковязского озера в р. Ворю); *39* – Курганная группа между д. Сутоки и с. Каблуковым; *40* – Селище между д. Сутоки и с. Каблуковым

аспекты поселенческой археологии (планировка поселения и тип жилищ, развитие материальной культуры, хозяйственная специализация поселения, его социальный облик, этнографическая специфика, особенности адаптации к окружающей среде и др.). Задача же настоящей статьи – извлечь максимум хронологической информации из коллекций большого числа памятников микрорегиона и проанализировать полученные результаты с учетом топографического типа памятников и их положения в ландшафте.

Поселения домонгольского времени, запустевшие во второй четверти XIII в.

Поскольку памятники этого времени приурочены к долине Вори, описание их удобнее вести сверху вниз по течению реки. Практически самым верхним по течению Вори древнерусским комплексом памятников является Михайловское-1, возникшее вблизи единственного на средней Воре городища раннего железного века (рис. 2, *3–5*). Выше его расположена лишь небольшая курганная группа Барково-2 с поселением при ней. Верхнее же течение р. Вори в домонгольский период заселено не было.

Михайловское-1

Курганный могильник Михайловское-1 находился в 2,35 км к югу от д. Михайловское и, как это видно из плана, приложенного к отчету Ю.Г. Гендуне 1902 г. (рис. 3, А), состоял из четырех групп. Три из них располагались в "Долголуговой казенной лесной даче": 1-я – в 200 саженях к востоку (4 насыпи), 2-я – в 500 саженях к юго-востоку (5 насыпей) и 3-я – в 600 саженях к югу (4 насыпи) от городища "Пирожная гора" раннего железного века. Четвертая, самая многочисленная группа (22 насыпи), размещалась "на частной земле" на коренном берегу р. Вори в 600 саженях к юго-западу от городища (рис. 3, А). Как показало обследование 1977 г., в этом районе р. Воря делает большую излучину, омывая с севера, запада и юга плато мысообразной формы (0,5 × 0,4 км), круто обрывающееся к реке с севера и выположенное – на юге. Мыс этот, окруженный лугами (на левом берегу реки – Замельничное, Лапинский и Головкино площадью 30 га, на противоположном правом берегу выше по течению – Смыки площадью 35 га) (названия лугов записаны 5.07.1977 г. от жителя д. Путилово Михаила Алексеевича Страхова), до недавнего времени обрабатывался под поле, а теперь застроен садовым товариществом. В северной части поселка житель г. Красноармейска В.И. Крысанов указал нам место кургана, который он раскопал в 1945 г. (рис. 3, Б). Видимо, это была одна из южных насыпей курганной группы "на частной земле", которая размещалась на бровке второй террасы (в настоящее время насыпи утрачены). Сопоставление плана 1902 г. с ситуацией на 1977 г. показало, что первые три группы располагались в лесу, на третьей террасе. Удалось установить судьбу 3-й группы: в 1940-е годы она была разрушена при строительстве овощехранилища. Сохранился лишь один курган (*Чернов*, 1977в. С. 1–4).

В настоящее время лишь отчет Ю.Г. Гендуне позволяет составить представление об этом могильнике. В 1902 г. исследовано было 4 кургана "в лесу казенной Долголуговой дачи" (1-я группа) и 9 курганов "на частной земле" (*Гендуне*, 1902. Л. 23–29, 36–38, 47–50. Коллекция хранится в ГИМ. № 42044. Оп. 101. № 1–55). В 1903 г. было раскопано еще 9 курганов "на частной земле" (Гендуне, 1903. Л. 57 – 59, 66, 67, 76, 77, 89, 90. Коллекция хранится в ГИМ. № 45894. Оп. 95. № 1–21; № 43894. Оп. 2305/1), а в 1908 г. – еще 2 насыпи "в лесу казенной Долголуговой дачи", «в 1/2 версте от городища "Пирожная гора"» (Гендуне, 1908. Л. 18–20, 29–30. Коллекция хранится в Эрмитаже. Отдел истории первобытной культуры. Ю.Г. Гендуне. Коллекция № 672. № 1–24). Таким образом, было изучено 24 из 35 насыпей.

Погребения 4-й курганной группы "на частной земле" (исследовано 18 из 22 курганов) совершены на горизонте (11) и в насыпи (7), ямных погребений не зафиксировано. Ориентировка западная (лишь у курганов 5, 7 наблюдается смещение головы к югу). Руки лежат вдоль костяка (лишь в курганах 5, 6, 17 рука согнута в локте). Все эти элементы погребального обряда позволяют отнести погребения к концу XI–XII в. Проведенное автором изучение коллекций Ю.Г. Гендуне в ГИМ и Государственном Эрмитаже по комплексам (рис. 4; Прил. 1) позволило датировать женские погребения (всего их 6), содержавшие богатый инвентарь. Погребения из курганов 13 и 14 содержат проволочные браслетообразные височные кольца, завязанные на два конца, и золотостеклянные бусы, кроме того, в первом из них найдено семилопастное височное кольцо 3-го типа по Т.В. Равдиной (без колечек и с каплевидными лопастями). Их можно отнести к первой половине XII в. Примерно так же можно датировать и погребения в курганах 17 и 2, в которых обнаружены ромбощитковые завязанные височные кольца. В кургане 17 по три таких височных кольца лежали по обе стороны головы погребенной ("темно русые волосы сплетены мелкими пластами в широкую косу", – отмечала Ю.Г. Гендуне). Кроме того, найдено ожерелье из сердоликовых бус с глазчатой гладкой бусиной посередине (XI – первая половина XII в.) и витая гривна с замком в виде двух крюков. Более широкие датировки (XII – первая треть XIII в.) имеют украшения, найденные в курганах 3 и 9 (проволочное браслетообразное загнутоконечное височное кольцо, сердоликовые бипирамидальные бусы, витой двойной, ложновитой и проволочный с заходящими концами перстни, стеклянные бусы с инкрустацией). В 3-м кургане, кроме того, найдено загнутоконечное трехбусинное кольцо. Учитывая, что эти погребения совершены на горизонте, их можно датировать серединой – второй половиной XII в.

На третьей террасе "в Долголуговой лесной даче" больше поздних погребений. В 1908 г. во 2-й группе из пяти курганов было исследовано два (рис. 4). В обоих случаях погребения были совершены на материке и ориентированы головой на запад. В первом,

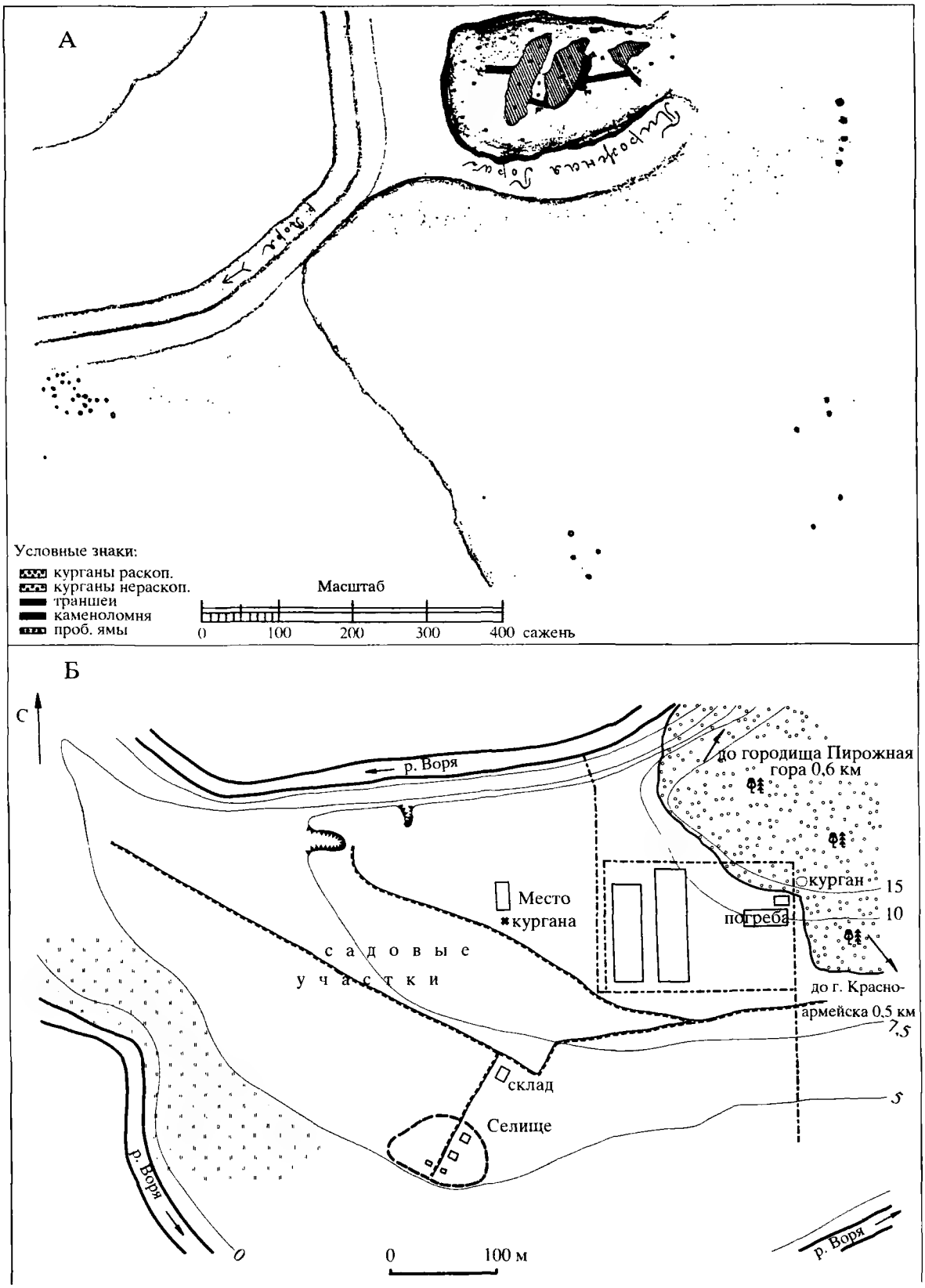


Рис. 3. А – Городище "Пирожная гора" и курганы Московской губ. Дмитровскаго уезда близ дер. Михайловской (*Гендуне*, 1902. Л. 36); Б – Селище и курганные группы Михайловское-1. Плани 1977 г. (*Чернов*, 1977. С. 20)

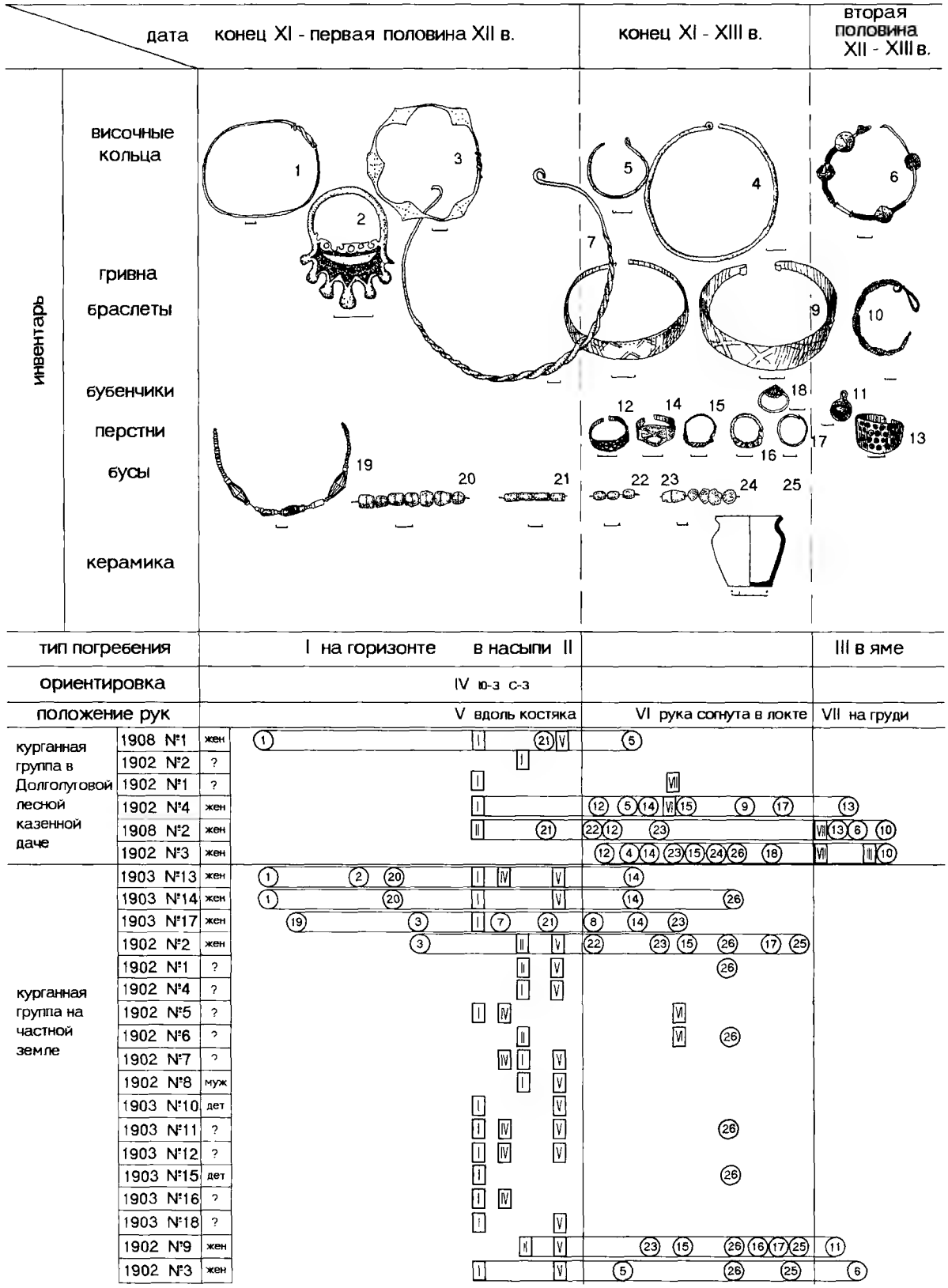


Рис. 4. Курганные группы Михайловское-1. Инвентарь погребений (номера см. в Прил. 1)

женском, погребении руки были вытянуты вдоль туловища. По обе стороны головы найдено по два проволочных браслетообразных завязанных на оба конца височных кольца, одно проволочное браслетообразное загнутоконечное височное кольцо, а на верхних позвонках – несколько частиц стеклянных зеленых бус. Это погребение можно датировать первой половиной – серединой XII в. Во втором, также женском, погребении руки были сложены на животе. На шее обнаружены граненые сердоликовые и стек-

лянные цилиндрические (зеленые, голубые, желтые и лиловые) и круглые из пасты бусы. На боку найдено пятибусинное височное кольцо, и еще два такие кольца – на правой стороне черепа. Кроме того, в средней части позвоночника обнаружено три перстня, связанных между собой шерстяной тесьмой (два ажурных и один пластинчатый), на левой руке – пластинчатый и ажурный перстни, а ниже локтя левой руки – бронзовый сложновитой 2 × 2 браслет (*Гендуне*, 1908. Л. 18–20, 29–30). Бусинное кольцо и решетчатые перстни склоняют к датировке этого погребения второй половиной XII в.

В 1902 г. в 1-й группе исследованы были все 4 кургана (рис. 4). Два из них совершены на материке, одно – в насыпи и одно – в неглубокой могильной яме. Женское погребение, совершенное в 4-м (самом большом) кургане, содержало 10 височных колец (перстнеобразные загнутоконечные), пластинчатый загнутоконечный браслет, витую гривну и 17 перстней (литой, тонкопластинчатый, витой двойной, проволочный с заходящими концами и решетчатый). Еще одно женское погребение, совершенное в неглубокой яме (курган 3) содержало проволочное браслетообразное загнутоконечное височное кольцо, железную шейную гривну, сердоликовые и хрустальные бусы, витые браслеты 2 × 3 и 3 × 3. Витой и пластинчатый перстни, связанные тесьмой, лежали на правой стороне груди. Руки украшали перстни (литой, тонкопластинчатый, витой двойной). Этот небольшой могильник по браслетам может быть датирован второй половиной XII в.

Поселение, к которому относились описанные могильники, было найдено в 1977 г. в 200 м к югу от курганной группы "на частной земле", на первой террасе коренного берега р. Вори, который возвышается над рекой на 5 м и отстоит от нее на 200 м (рис. 3, Б). На площади 5,5 тыс. кв. м был зафиксирован интенсивно черный культурный слой, который содержал исключительно курганную посуду, изготовленную из красножгущейся глины с крупнозернистым песком и дресвой и прошедшую неполный окислительный обжиг, который придал керамике буро-оранжевый цвет. Из 18 фрагментов, взятых в коллекцию (77-649–77-659ж), 10 было украшено линейным орнаментом, нанесенным по сырой поверхности. Каких-либо иных типов керамики на памятнике не было найдено (исключение составляет фрагмент чернолощеной посуды, отражающий использование места поселения под поле в XVI–XVII вв.), что дает основание датировать его в пределах второй половины XII – первой трети XIII в.

Путилово-1

В 2,5 км ниже по течению р. Вори, на ее крутом правом берегу, расположено селище и курганный могильник Путилово-1 (рис. 2, *7, 8*). Противоположный берег реки представляет собой длинную излучину (Васильевский луг – 22 га), на которой в XIX в. были возведены корпуса Вознесенской бумагопрядильни (ныне г. Крайноармейск). К северу от поселения, на правом берегу реки, расположен луг Русальи (около 30 га), название которого принадлежит раннему пласту славянской топонимии края. Названия этого и других путиловских лугов были записаны 5.07.1977 г. от жителя д. Путилово Михаила Алексеевича Страхова.

И.К. Линдеман локализовал группу "близ д. Лепешки, на земле крестьян с. Путилова, на правом берегу р. Вори". В 1977 г. М.А. Страхов, старожил д. Путилова, который помнил раскопки 1907 г., указал мне место курганов (рис. 5, А). Остатки группы расположены в 1,2 км к югу от д. Путилово, на северной окраине пос. Болсуниха (в 60 м от кирпичного дома 1950-х годов), который вошел в черту г. Красноармейска. Курганы находятся в 170 м к западу от реки и в 90 м от бровки коренного берега. В 1940-е годы курганная группа была распахана. К 1977 г., когда велось обследование, сохранялось лишь 5 всхолмлений высотой 0,3–0,4 м и диаметром 7,5–5 м (*Чернов*, 1977а, С. 14, 15, 62, 63). В 1993 г. они уже почти не читались.

В 1907 г. И.К. Линдеманом была раскопана 21 из 41 насыпи. Сохранилось общее описание результатов раскопок в авторской публикации (*Линдеман*, 1908. С. 167–168), коллекция вещей (ГИМ. Инв. № 44576. Оп. 110. № 1–104) и черепа из погребений (антропологическая коллекция: Музей антропологии МГУ. Лепешки. Линдеман И.К. 1907 г. 31 череп; *Алексеева и др.*, 1986. С. 118; *Анучин*, 1908. С. 169–171). Насыпи имели диаметр от 6 до 9 м и высоту от 1,4 до 2,5 м. Трупоположения лежали "на грунте или в неглубоких ямах", выложенных "мхом, берестой или сосновой корой". "Вещи, – отмечал исследователь, – оказались в 7 курганах – большие и малые проволочные височные кольца, перстни (ажурные, пластинчатые), витые и плетеные браслеты, хрустальные, сердоликовые и золоченые бусы, кусочки шерстяной ткани. У ног, чаще у пальцев левой ступни, были находимы горшки" (*Линдеман*, 1908. С. 168). Изучение коллекции вещей (рис. 6, А; Прил. 2) показало, что их не удается разделить на комплексы, поэтому ниже дается обобщенное описание. Из ранних вещей, датируемых концом XI – первой половиной XII в., можно назвать височные кольца (10 проволочных браслетообразных завязанных на оба конца, два ромбощитковых завязанных и 6 эсоконечных проволочных браслетообразных) и браслет из золотостеклянных боченкообразных и стеклянных цилиндрических бус. Большое число вещей имеют широкие даты (конец XI – первая треть XIII в. или XII в.). Имеется также серия вещей, датируемых второй половиной XII – первой третью XIII в. Это 4 проволочных браслетообразных височных кольца, завязанных одним концом, 12 малых проволочных колец с заходящими концами, три сложновитых 2 × 3, 3 × 3 браслета и решетчатый перстень.

В 35 м к востоку от курганной группы в 1977 г. было обнаружено **селище Путилово-1** (рис. 5, А). Оно занимает бровку второй террасы р. Вори и возвышается над рекой на 21 м. Культурный слой (мощность 0,4 м) вытянут вдоль бровки на 190 м при ширине 35 м. Площадь селища – 6 тыс. кв. м. На памятнике собрано более ста фрагментов керамики, из которых в коллекцию взято 67. Из них к курганной керамике можно отнести 42 (9 венчиков, 3 донца, 18 орнаменти-

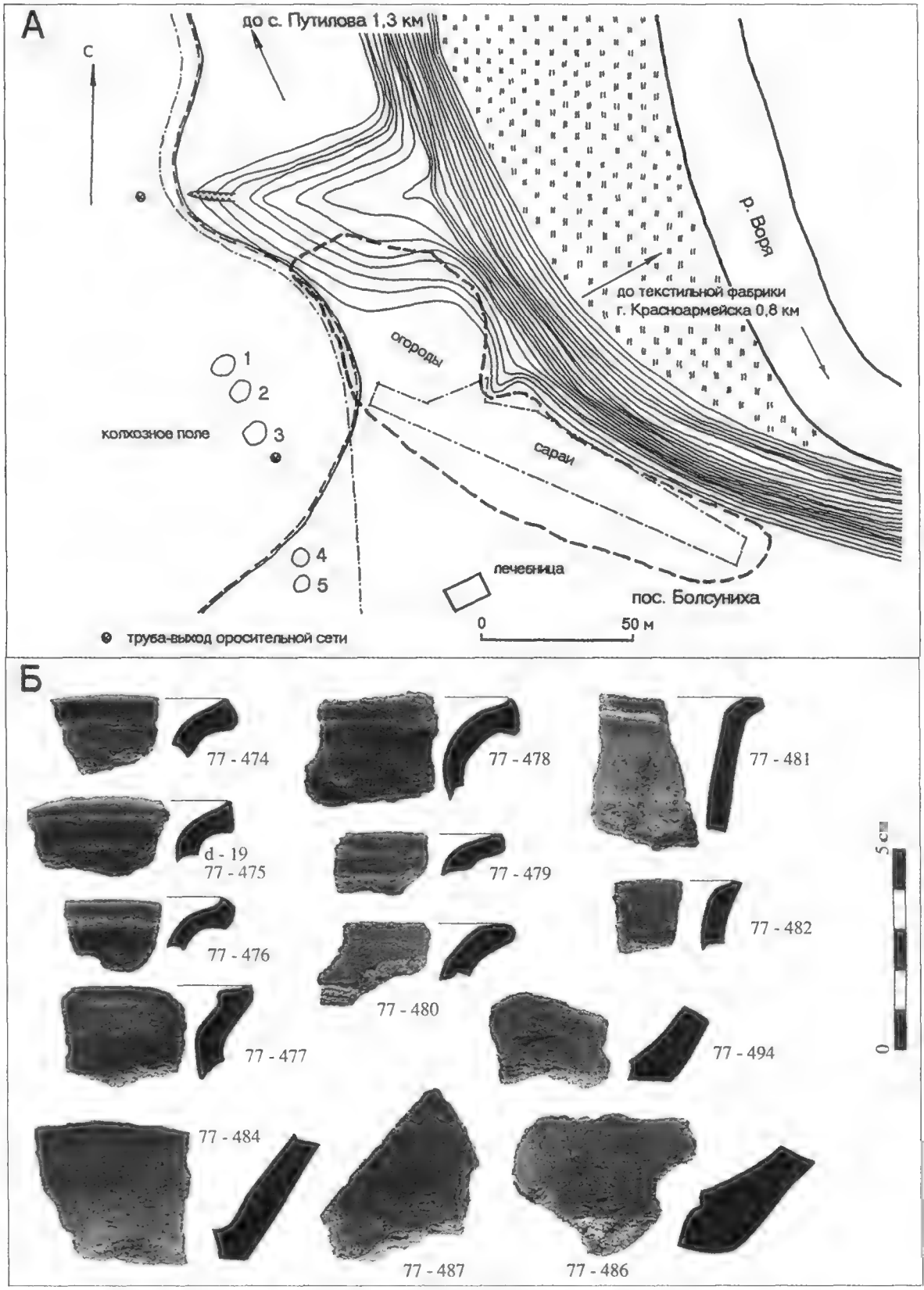


Рис. 5. Селище и курганная группа Путилово-1

А – План (*Чернов*, 1977. С. 62). Б – Керамика селища Путилово-1

рованных и 2 неорнаментированных стенок), а к серой – 15 (2 донца и 13 стенок) (рис. 5, Б). Более поздний материал отсутствует, если не принимать в расчет монету 1757 г. и несколько фрагментов сосудов XIX в.

Курганная керамика (рис. 5, Б) отчетливо выделяется по технике формовки теста (крупнозернистый песок и дресва) и неполному окислительному обжигу, в ходе которого 80% поверхности сосудов приобретают бурый или буро-кирпичный оттенок, а 20% – серый или темно-серый. Первый ее вариант – с округлым валиком снаружи (77-474, 77-478) – является наиболее распространенной формой посуды из Подмосковных курганов и нижнего слоя Московского Богоявленского монастыря. В качестве аналогий можно указать на горшок из *кургана 1 могильника Старо-Дарьино 3* (МК[1]. Табл. 10, № 2). Близкую форму завершения сосуда – секировидный валик (3-й вариант) – имеет венчик 77-476, аналогичный целой форме из *нижнего слоя Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 21, № 50). К этой же группе примыкает венчик 77-475 с валиком снаружи и желобком по внешней его поверхности (6-й вариант) – подобные формы есть и в *нижнем слое Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 23, № 120, 127), и в слое, отложившемся в период функционирования *сруба 1 Исторического проезда* (порубочные даты 1248, 1251) (МК. Табл. 30, № 982).

Наряду с описанной группой форм в Путилово-1 имеется серия сосудов с венчиком в виде конической воронки (7-й вариант) (77-477, 77-480, 77-481). Наиболее развитая воронка высотой не менее 3 см – у 77-481. Подобный вариант курганной посуды широко представлен в датированных погребениях Подмосковных курганов (см. ниже в описании материалов из Муромцево-2), но ближайшая аналогия путиловским формам имеется в *яме 8 Исторического проезда* (МК. Табл. 27, № 2573, 2575, 2577), которая относится к наиболее раннему этапу заселения северной части Великого посада Москвы и синхронна комплексу из *нижнего слоя Богоявленского монастыря*. Подобная форма бытовала и позднее. Она встречена среди раннего материала *московского Данилова монастыря*, который датируется временем не позднее 1330 г. (МК. Табл. 61, 1-й и 2-й венчики во 2-м ряду). Более редкая форма (77-477) – с короткой воронкой (1,5 см) и небольшим валиком внутри – находит аналогии среди сосудов из *погребений Путиловской курганной группы* (МК. Табл. 17, № 9) и *нижнего слоя Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 22, № 2; 25, № 84). 77-480 имеет короткую воронку без валика – подобная форма также отыскивается в *нижнем слое Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 22, № 280).

4-й вариант курганной посуды – со срезанным венчиком – представлен фрагментом 77-479. Подобная форма встречается в погребениях подмосковных курганов (см. ниже при описании материала из Муромцева-2). В качестве примера можно указать на сосуд из самого *Путиловского могильника* (МК. Табл. 17, № 10). Продолжает бытовать она очень долго, образуя 6-й вариант серой керамики (МК. Табл. 65, № 255; 67, № 658), поэтому присутствие этой формы в коллекции не позволяет сузить датировку материала из Путилова. Более информативным в этом плане оказывается сравнение стенок сосудов. Курганная керамика представлена серией фрагментов, несущих горизонтальное рифление, выполненное по сырой поверхности сосуда (ширина рифления от 2,5 мм – 77-488, 77-498, 77-500, 77-501, 77-495 – до 1 мм – 13 фрагментов), и волнистый орнамент (77-501б, 77-501д, 77-501е, 77-487). Все они имеют примеси в виде крупнозернистого песка и дресвы и прошли неполный окислительный обжиг.

Серая керамика выделяется по 12 стенкам, которые не содержат в тесте дресвы и имеют заглаженную поверхность. Всего к серой керамике в Путилово-1 относится 22% материала. Предположительно к серой можно отнести венчик 77-482 слабоотогнутый наружу и с ребром по краю. Подобные формы есть в *срубе 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 49, № 2256) и *Лешкове-2* (МК. Табл. 64, № 118), которые датируются первой половиной XIV в. Но есть они и в *яме 5 Исторического проезда*, в которой найдена лишь курганная посуда (МК. Табл. 46, А., № 2183).

Материал из Путилова-1 не достаточно представителен, чтобы делать однозначный вывод о верхней дате поселения. Тем не менее некоторые соображения на этот счет могут быть высказаны. Относительно высокий процент серой керамики (22%) приближается к ее доле в комплексах первой трети XIII в. (в нижнем слое Богоявленского монастыря ее 25%). Однако следует учесть, что материал отражает весь период жизни поселения, которое возникло не позднее середины XII в. (судя по датировке могильника) и функционировало более полувека в период, когда серая керамика еще не получила распространение. Таким образом, мы наблюдаем некоторую избыточность серой керамики в Путилово-1, по сравнению с комплексами типа нижнего слоя Богоявленского монастыря. Эту избыточность можно объяснить либо тем, что поселение продолжало некоторое время функционировать после завершения первой трети XIII в., либо тем, что на первую треть XIII в. приходится его расцвет (расширение площади, интенсивная бытовая деятельность). Так или иначе, специфических типов керамики, характерных для комплексов второй половины XIII в. (*Исторический проезд, сруб 1; Царево-1; Огонек*) в Путилово-1 нет.

Муромцево-2

В 2,3 км ниже по течению р. Вори от Путилова-1 расположен комплекс древнерусских памятников Муромцево-2 (рис. 2, *10, 11*). **Курганная группа Муромцево-2** была исследована И.К. Линдеманом в 1907 г. Сохранилось общее описание результатов этих раскопок в авторской публикации (*Линдеман*, 1908. С. 168–169), коллекция вещей (ГИМ. Инв. № 44575. Оп. 106. № 1–134) и черепа из погребений (антропологическая коллекция: Музей антропологии МГУ. Лепешки. Линдеман И.К. 1907 г. 31 череп; *Алексеева*

[1] Здесь и далее МК – Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.

и др., 1986. С. 118). "Могильник, – пишет И.К. Линдеман, – находится на земле крестьян села Муромцева... между фабрикою Вознесенской мануфактуры и Муромцевым, недалеко от р. Вороневки, впадающей в Ворю... (это ошибка – Вороневка впадает в р. Ворю несколько южнее. – *С.Ч.*), подле железной дороги, ведущей с фабрики на болото. Могильник состоит курганов из 40. Мною разрыто 30" (*Линдеман*, 1908. С. 168). Обследование 1977 г. показало, что курганная группа (насчитано было 45 насыпей) расположена в лесу в 450 м к востоку от впадения р. Плаксы в р. Ворю и в 300 м от р. Плаксы (рис. 7, А). В 60 м к юго-западу пролегает старая узкоколейка из г. Красноармейска к торфоразработкам. По состоянию на 1977 г., 17 курганов были раскопаны колодцами (7 × 3 м; 6 × 3 м; 5 × 3 м; 5 × 2 м; 4 × 3 м; 4 × 2 м; 3,5 × 3,5 м; 2 × 2 м), 8 – траншеями (шириной 1–2 м) (исследования И.К. Линдемана), 14 – ямами округлой формы (видимо, некоторые из них представляют собой оплывшие колодцы И.К. Линдемана), 3 – свежей траншеей и 4 – не раскопаны. Высота курганов (вершины по большей части утрачены) колеблется от 1,5 до 0,3 м, диаметр – от 3 до 12 м. Большинство насыпей имеет при себе по два или три ровика.

Во всех курганах (за одним исключением) найдены трупоположения. "Некоторые курганы в насыпи имели легкие угольные прослойки. Во всех курганах одиночные погребения, лишь в 3 курганах – парные. При парном погребении скелеты разделены грунтовою перегородкою, доходившею лишь до середины скелетов". "Скелеты, – отмечает исследователь, – лежали на глубине от 2 аршин 6 вершков до 4 аршин от вершины кургана" (т.е. от 168,5 до 284 см. – *С.Ч.*). Учитывая, что высоту насыпей он ранее определял в 1–3 аршина (71–213 см. – *С.Ч.*), можно заключить, что значительная часть погребений была совершена в ямах. "Ямы выложены мхом, берестой или сосновой корой. Попадались кости рук, словно обернутые сосновой корой. Длина костяков от 2 аршинов 2 вершков до 2 аршинов 10 вершков (т.е. от 150,8 до 186 см. – *С.Ч.*). У некоторых костяков сохранились волосы, которые всего чаще оказываются прилипшими к височным кольцам. Положение костяка вытянутое. Положение головы на запад, а ног на восток. Голова покоится на левой стороне, но в двух случаях она лежит на правой, а в одном – на затылке" (*Линдеман*, 1908. С. 169).

"Вещи, – отмечал И.К. Линдеман, – были в 9 курганах: большие и малые проволочные височные кольца, перстни (ажурные, пластинчатые), витые и плетеные браслеты, хрустальные, сердоликовые и золоченые бусы; спирали, которыми перемежались бусы; бубунчики, гривны, кусочки шерстяной и шелковой ткани (последняя с золочеными нитями. У ног, чаще всего у пальцев левой ступни, были находимы глиняные горшки (один с клеймом на дне; клеймо представляет колесо)" (*Линдеман*, 1908. С. 169).

Изучение коллекции в ГИМ (рис. 6; Прил. 3) показало, что вещи не удается разделить на комплексы, поэтому ниже дается их обобщенное описание. Из украшений, которые могут быть отнесены к первой половине – середине XII в., можно указать на большие (12 экземпляров) и малые (3) проволочные браслетообразные височные кольца, завязанные на оба конца, и эсоконечные (9), а также на проволочную гривну с загнутыми концами, золотостеклянные бусы (в коллекции не обнаружены) и глазчатую бусину. Ко второй половине XII – первой трети XIII в. относится большинство погребений – на это указывает находка семилопастного височного кольца с колечками (5-й тип по Т.В. Равдиной), витой гривны с пластинчатыми наконечниками (1), проволочных браслетообразных височных колец, завязанных одним концом (3) и полузавязанного (1), а также сложновитых браслетов 2 × 2 (2) и 2 × 3, 3 × 3 (6), браслета плетеного на каркасе (1) и перстней – решетчатых (3) и печатного треугольного (1).

Наличие значительного количества ямных погребений и вещей второй половины XII – первой трети XIII в. показывает, что некрополь Муромцево-2 в этот период активно функционировал.

Селище Муромцево-2, синхронное описанному некрополю, было обнаружено в 1977 г. в 170 м к северо-западу от него, на бровке второй террасы р. Плаксы (рис. 7, А). Своеобразие топографии данного поселения заключается в том, что оно было основано на некотором расстоянии (250 м) от края коренного берега р. Вори, на ее притоке. Тем не менее очевидно, что поселение тяготело к излучине р. Вори, в которой могли располагаться значительные по площади луга (около 60 га). Площадка памятника ограничена крутым склоном к р. Плаксе (возвышается над уровнем реки на 13–18 м), и оврагами. Культурный слой фиксируется на пашне (в 1977 г. – огороды жителей г. Красноармейска) на площади 17 тыс. кв. м и имеет мощность 0,3 м.

Подъемный материал, собранный на памятнике (250 фрагментов, в коллекции 72 фрагмента, в том числе 35 венчиков), весьма однороден как по ассортименту (горшки), так и в технологическом плане. Сосуды изготовлены из красножгущейся глины, которая в ходе неполного окислительного обжига (в печи) приобрела бурый и оранжевый цвета. В качестве примеси использовались дресва и крупнозернистый песок. 90% материала составляет курганная керамика и 10% – серая.

К 1-му варианту **курганной керамики** – с отогнутым наружу венчиком, округлым валиком и желобком под крышку – относится 8 венчиков (рис. 7, Б). Имеются как крупные (D венчика 30, 23, 23 см – 77-717, 77-712, 77-715) так и средние по размерам (D венчика 19, 15 см – 77-713, 77-719) сосуды (77-716, 77-718, 77-730 – размеры не определены). Аналогии им встречаются среди горшков, найденных в датированных погребениях подмосковных курганов: *погребении 1 кургана 8 могильника Михайловская слобода на р. Москве и кургана II-1 могильника Таганьково* первой половины – середины XII в. (МК. Табл. 8, № 5; 10, № 4). Кроме того, подобный горшок имеется в коллекции из раскопок самого *Муромцевского могильника* (МК. Табл. 17, № 7). Можно указать также на сосуды из *нижнего слоя Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 21, № 124, 601; 23, № 120) и *ямы 8 Исторического проезда* (МК. Табл. 27, № 2572, 2571),

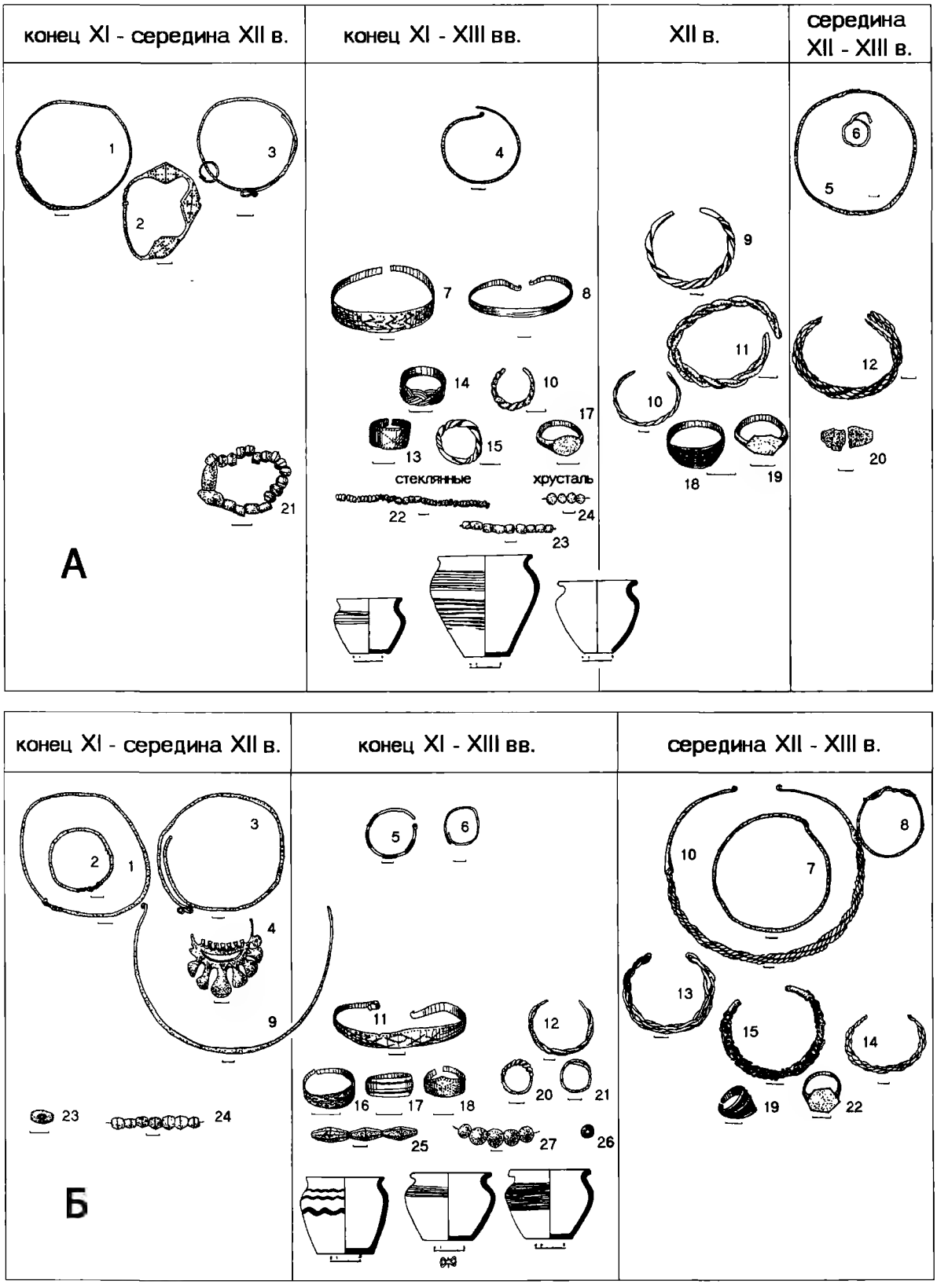


Рис. 6. А. Курганная группа Путилово-1. Инвентарь погребений (номера см. в Прил. 2). Б – Курганная группа Муромцево-2. Инвентарь погребений (номера см. в Прил. 3)

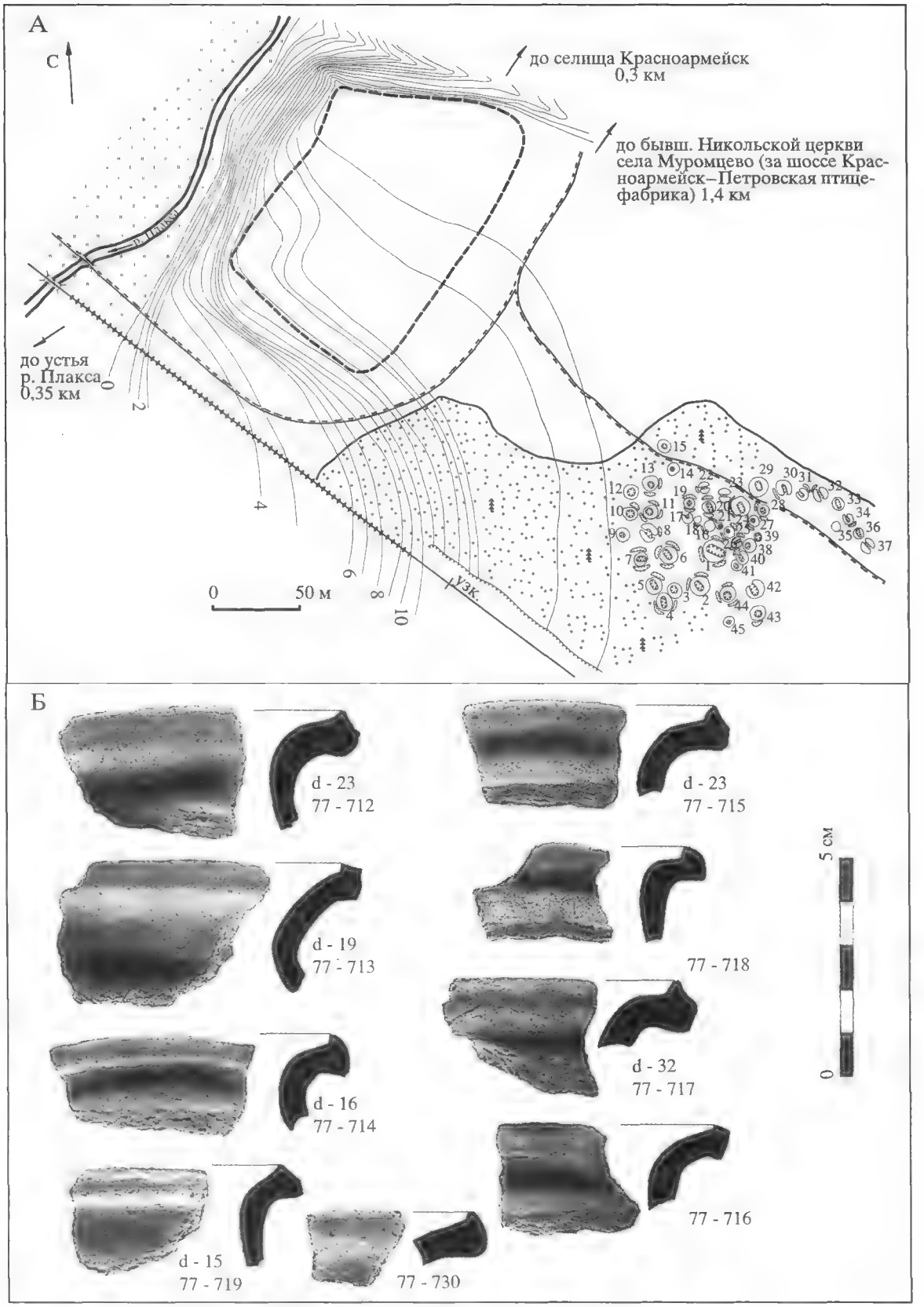


Рис. 7. Селище и курганная группа Муромцево-2

А – План (*Чернов*, 1977. С. 32). Б – Керамика селища Муромцево-2

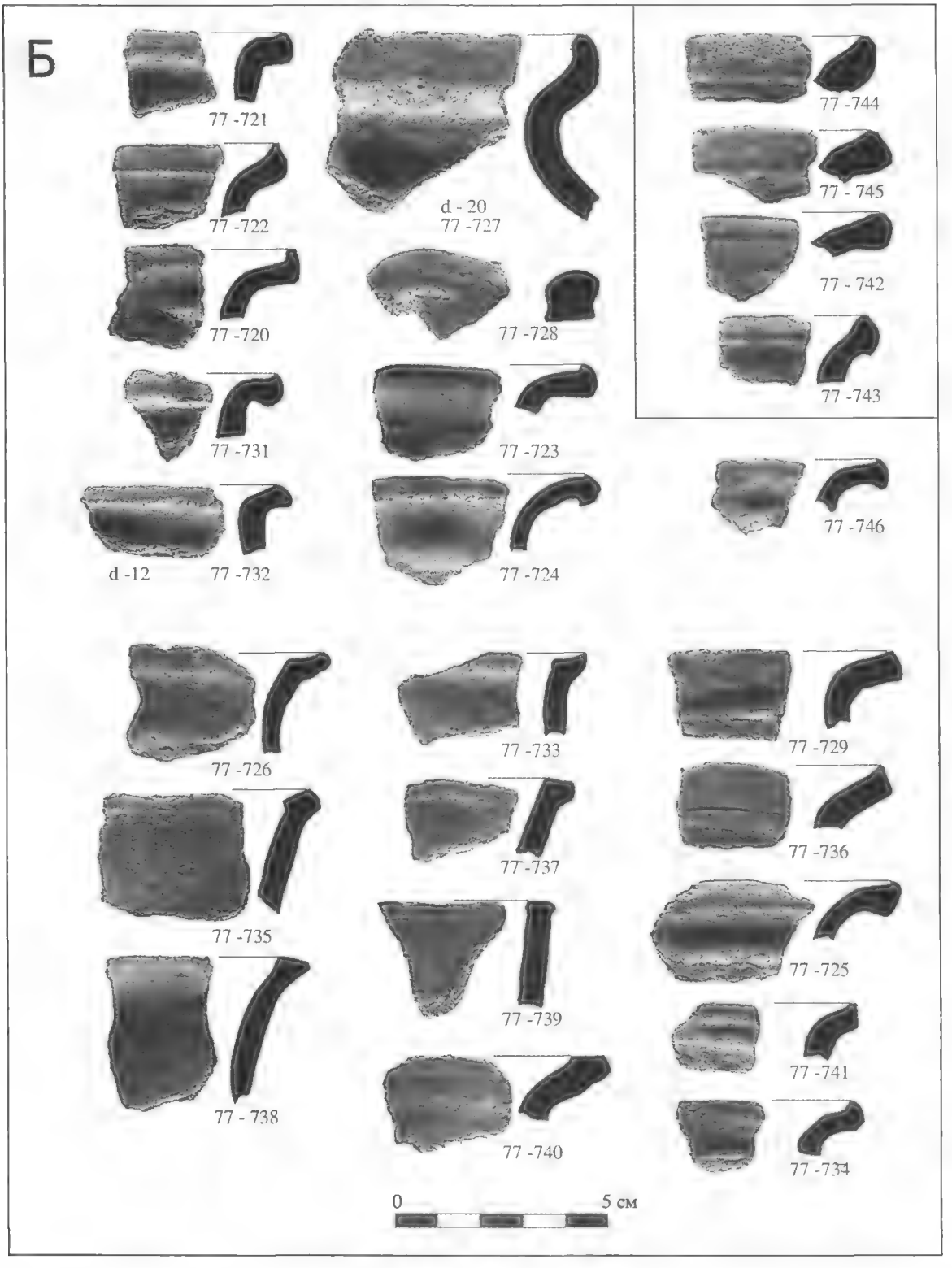


Рис. 7. (окончание)

датируемых первой третью XIII в. Близкий по форме венчик зафиксирован в слое, отложившемся в начальный период функционирования *сруба 1 Исторического проезда* (порубочные даты 1248, 1251) (МК. Табл. 30, № 981).

Несколько горшков имеют завершения, типичные для 3-го варианта курганной посуды: отогнутый наружу венчик с секировидным в профиле валиком, желобком под крышку и заостренным краем (77-714, 77-743, 77-725). Подобные горшки присутствуют в погребениях первой половины – середины XII в.: *кургане 9 могильника Черемушки*, (погребение 2), *кургане 4 могильника Чернево* (МК. Табл. 9, № 4; 10, № 3) и в комплексе из *нижнего слоя Богоявленского монастыря*, причем здесь данный вариант представлен целой формой, которая и по размерам и по характеру

завершения аналогична венчику 77-714 из Муромцева-2 (МК. Табл. 21, № 50). Итак, венчики 1-го и 3-го вариантов, составляющие треть материала из Муромцева-2, бытовали в первой половине XII – середине XIII в.

Вторая многочисленная серия курганной керамики (горшки и миски) относится к 7-му варианту и характеризуется слабо отогнутым наружу венчиком, имеющим вид конической воронки с закраинами с обоих сторон (77-733, 77-735, 77-738, 77-739) или снаружи (77-726, 77-740). Перечень аналогий, как и в случае с вариантами 1 и 3, следует начать с сосудов из погребений первой половины – середины XII в. в упоминавшемся уже *кургане 9 могильника Черемушки (погребение 1), кургане 8 могильника Волково, кургане 9 могильника Поваровка-3* (МК, Табл. 9, № 5; 11, № 3 – близок 77-733; Табл. 11, № 2 – близок 77-739). Близкие, хотя и не идентичные, муромцевским горшки фиксируются в погребениях могильника *Аносино на Истре* второй половины XII в. и *кургана 2 могильника Дубки Царицынские* конца XII – первой трети XIII в. (МК. Табл. 16, № 2, 3). Прямые аналогии сосудам анализируемой серии находим в *нижнем слое Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 22. № 2 – близок 77-733; Табл. 22, № 90 – близок 77-738; Табл. 22, № 280 – близок 77-726) и *яме 8 Исторического проезда* (МК. Табл. 27, № 2573 – близок 77-737; Табл. 27, № 2575 – близок 77-733). Необходимо отметить, что сосуды с венчиками в форме конической воронки широко распространены и среди серой посуды. Серии подобной керамики имеются в *срубе 1* (3 из 100 венчиков – МК. Табл. 327, № 583, 841, 868 – напоминают 77-726) и *яме 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 43, № 1876, 2154, 2160, 2010). Однако в технологическом плане они более совершенны (поверхность заглажена, нет кварцитов в тесте), чем сосуды из Муромцева-2.

Третья серия сосудов Муромцева-2 относится к 5-му варианту. Это горшки с сильно профилированным венчиком без валика или с небольшим валиком и заостренным краем (77-720, 77-721, 77-722, 77-723, 77- 724, 77-731, 77-732, 77-734, 77-746). Подобный сосуд найден в *погребении 1 кургана 8 Михайловской слободы* (МК. Табл. 8, № 4). Близкая этой серии редкая форма горшка 77-727 с сильно отогнутым и слегка загнутым внутрь венчиком имеет точную аналогию из *погребения 2 могильника Залесье* XII в. (МК. Табл. 13, № 2).

Ряд описанных выше вариантов бытовали синхронно. В одном погребении найдены сосуды 1-го и 5-го вариантов (*погребение 1 кургана 8 Михайловской слободы*), а в синхронных погребениях одного кургана – сосуды 3-го и 7-го вариантов (*курган 9 Черемушек*) (МК. Табл. 8, № 4, 5; 9, № 4, 5). В комплексе из *Богоявленского монастыря* горшки 1-го и 7-го вариантов фиксируются в виде серий, что также свидетельствует об их синхронном бытовании.

4-й вариант курганной посуды – с отогнутым наружу и срезанным венчиком (77-729, 77-736, 77-741) – также встречается в курганных комплексах первой половины – середины XII в. (*курган 21 Волкова, курган 2 Михайловской слободы* – МК. Табл. 12, № 4; 9, № 2), в том числе *в кургане 3 1902 г. описанного выше могильника Михайловское-2*, в погребении, совершенном на горизонте и содержавшем трехбусинное височное кольцо (вторая половина XII – первая треть XIII в.) (рис. 5; МК. Табл. 17, № 4). В комплексе из *сруба 1 Исторического проезда* встречен лишь один сосуд такого типа (МК. Табл. 32, № 733). Впоследствии подобная форма становится типичной для серой керамики (6-й вариант) (МК. Табл. 63, № 7; 65, № 73, 76 и др.), но эти сосуды в технологическом плане значительно совершеннее керамики из Муромцева-2.

К **серой керамике** (рис. 7, Б) могут быть отнесены 3 из 34 венчиков коллекции (77-742, 77-744, 77-745). Они имеют завершение, близкое курганной посуде 1-го варианта, но венчик отогнут несколько меньше, а наружный валик не выражен столь отчетливо. Подобные сосуды составляют небольшие серии в *нижнем слое Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 25, № 305 – близок к 77-745; № 125 – близок к 77-744) и комплексе *селища Кузьминское-4 (Аннино)*, датирующихся первой третью XIII в. (возраст углей из постройки в пересчете на календарные даты – 1045–1218 гг. – *Чернов*, 2000. С. 164). В *срубе 1 Исторического проезда* подобная керамика представлена более широко (МК. Табл. 32, № 945 – близок к 77-742; № 634 – близок 77-744).

Стенки горшков из Муромцево-2 украшены линейным (28 фрагментов), волнистым (3 фрагмента) и штампованным (1 фрагмент) орнаментом. Линейный орнамент нанесен по сырой поверхности и имеет характер сплошного рифления. Толщина линий от 3 мм (77-763) – 2 мм (77-747, 77-759, 77-771, 77-772, 77-773) до 1 мм и менее (остальные 22 фрагмента). Наряду с этой, типичной для древнерусской посуды, орнаментацией встречается волнистый орнамент в несколько линий (77-778, 77-779), который встречается в сосудах из курганных комплексов как первой половины XII в. (МК. Табл. 7, № 4, 5), так и более позднего времени. Орнаментация в виде штампа (77-777) и неоформленной косой волны встречается как в *Богоявленском монастыре* (МК. Табл. 22, № 132, 530), так и в *яме 3 Исторического проезда* первой половины XIV в.[2] (МК. Табл. 43, под № 2150, 2107, 2038 и др.). Впрочем, сколько-нибудь явных признаков послемонгольской орнаментации (входящие в штамп прямоугольники имеют четкие очертания) в материалах из Муромцево-2 нет.

Таким образом, около 20% материала (4-й вариант курганной, 1-й вариант серой керамики) имеет широкие даты в пределах всего XIII в., а около 10% – относится к серой керамике. Учитывая небольшой процент серой керамики и то обстоятельство, что в Муромцево-2 отсутствуют ее многочисленные варианты, фиксируемые в комплексах типа сруб 1 Исторического проезда, можно заключить, что на памятнике нет материалов второй половины XIII в. Серая керамика Муромцева-2 присутствует здесь примерно в таком же проценте как и в комплексах типа нижнего слоя Богоявленского монастыря (20–25%).

---

[2] Обоснование этой уточненной датировки см. ниже, в разделе о селище Барково-2.

Анализ погребальных комплексов и керамических материалов, происходящих с поселений, показывает, что Михайловское-1, Путилово-1 и Муромцево-2 достигли расцвета в первой трети XIII в. и прекратили свое существование в пределах второй четверти этого столетия. Ни на одном из этих памятников не прослежены материалы, специфически присущие комплексам типа сруба 1 Исторического проезда (вторая половина XIII в.), Лешково-2 (первая половина XIV в.), Шавыкин монастырь (последняя четверть XIV в.).

Возникает вопрос: насколько адекватно мы интерпретируем археологические данные, делая вывод о прерыве преемственности расселения в этом микрорайоне? Применительно к этому участку долины р. Вори в нашем распоряжении имеется уникальная возможность сравнить данные, полученные археологическими методами, со свидетельствами письменных источников.

ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О РАЙОНЕ СЕЛА МУРОМЦЕВА. В архиве Троице-Сергева монастыря сохранилось три документа, обосновывавшие права монастыря на земельные владения села Муромцева, которое располагалось вплоть до 1930-х годов на верховьях р. Плаксы, на склоне моренной возвышенности, в 0,8 км к северо-востоку от селища Муромцево-2.

Первый документ – монастырская запись 1450–1470-х годов позволяет проследить историю села Никольского-Муромцева в первой половине XV в.: "Мария Муромцева купила то село Конотеребово у Ивана у Смолнянинова, да дала своему сыну Микуле. И тот Микула мертв, он приказал своей жене Олене да своим детем Игнатью да Василью. И та Олена шла за иного мужа за Григорья за Колычова с теми детми с Васильем да с Игнатьем, да и с тем селом с Конотеребовым. И тот Григорей был на Белеве, ина без него та Олена мертва, ина приказала своему поселскому Давиду дати в дом живоначалной Троице. И тот Григорей Колычев приехал з Белевы, да з души свел – дал в дом живоначалной Троице на поминок по душе своей жены Олены то село Конотеребово" (АСЭИ. Т. 1. № 282. С. 202). Если учесть, что битва при Белеве произошла в 1438 г., то второе замужество Олены следует относить к более раннему времени, а приобретение вотчины Марией Муромцевой у Ивана Смольнянинова – к первой четверти XV в.

Второй документ – данная грамота Григория Федоровича Муромцева троицкому игумену Досифею на "село Николское на Воре" 1447 г. (АСЭИ. Т. 1. № 182. С. 131)[3]. Третий документ – купчая на это же село игумена Мартиниана, которая была оформлена, по всей видимости, в начале игуменства последнего в конце 1447 г. или в 1448 г. В купчей содержится перечень сел, деревень, пустошей и починков (всего 18), входивших в вотчину, и "отвод земле". Приведем его полностью, так как он содержит весьма ценные в плане нашей темы сведения: "А отвод земле: по Андреевской враг Вороневкою, да Кучюковою перегородою, да в реку в Плаксу, да Плаксою в реку в Вору, да от Вори врагом х Путиловской земле по дорогу по Ильинской враг. Да рекою Ворею по Хлебниковской враг, да дорогою к Щитникове меже, да к Степневской перегороде, да к Алексину врагу, да Олексиным врагом к Костькову врагу, да Костьковым врагом к Костькове перегороде, да Костьковою перегородою к Иванове меже к Конанову, а от Ивановы межи к Протасьевскому, от Протасьевского врага к Нареевскому врагу" (АСЭИ. Т. 1. С. 146. № 205).

Локализация "отвода" (рис. 8) показывает, что граница вотчины между реками Вороневкой и Плаксой ("*Кучукова перегорода*") пролегала непосредственно по участку, где располагались Муромцевские курганы и следы поселения, фиксируемые ныне как селище Муромцево-2. Следовательно, к 1447–1448 гг. древнее поселение не только не существовало, но и его угодья пришли в запустение и могли быть рассечены межей. Очень похожая ситуация фиксируется и в районе Путилово-1. От верховьев Ильинского оврага граница выводила к р. Воре в том самом месте, где ныне фиксируются следы Путиловских курганов и поселения. Необходимо учесть, что к 1447 г. (за 20 лет феодальной войны) вотчина Муромцевых пришла почти в полное запустение. Вряд ли поэтому будет ошибкой полагать, что система поселений, угодий и соответствующая им граница вотчины возникли в первой четверти XV в. или в конце XIV в. Следовательно, к концу XIV в. угодья древнерусских поселений (Путилово-1 и Муромцево-2) перестали существовать и были забыты местным населением.

Проведенное сравнительное исследование представляется важным в методическом плане. Оно свидетельствует, что археологические данные, маркирующие период запустения поселения, довольно точно отражают историческую реальность.

Долина р. Вори ниже впадения р. Талицы сужается, река течет плёсами, почти без излучин, принимая небольшие притоки: справа речки Черниченку, Лапинскую (из Ковязского озера), Лашутку, а слева – Козлиху и Оканницу. За исключением полей, у деревень Алексеевка и Воря-Богородское берега покрыты сосново-еловыми лесами на супесчаных и песчаных подпочвах. Леса здесь восстановились на месте древних полей задолго до проведения Генерального межевания (1770-е годы). В домонгольский период на правом берегу реки существовало два поселения, которые фиксируются как комплексы селище – курганный могильник: Царево-2 и Алексеевка-1 (рис. 2, *21–24*). На левом берегу их было четыре или пять: селище Алексеевка-5 (южнее расположен небольшой могильник Алексеевка-6), селище и курганная группа Алексеевка-3, селище Алексеевка-2 и одиночный курган у д. Воря-Богородское (Рис. 2, *25–30*).

---

[3] Игумен Досифей упоминается последний раз в жалованной грамоте Василия II Троицкому монастырю от 10.05.1447 г. (АСЭИ. Т. 1. № 191). Но, как заметил Г.В. Семенченко (*Семенченко*, 1988. С. 51), в этой грамоте еще не значится с. Никольское. Видимо, жалованная на с. Никольское была дана вскоре после 10.05.1447 г. и до 4.12.1447 г., когда игуменом монастыря стал Мартиниан (АСЭИ. Т. 1. № 192).

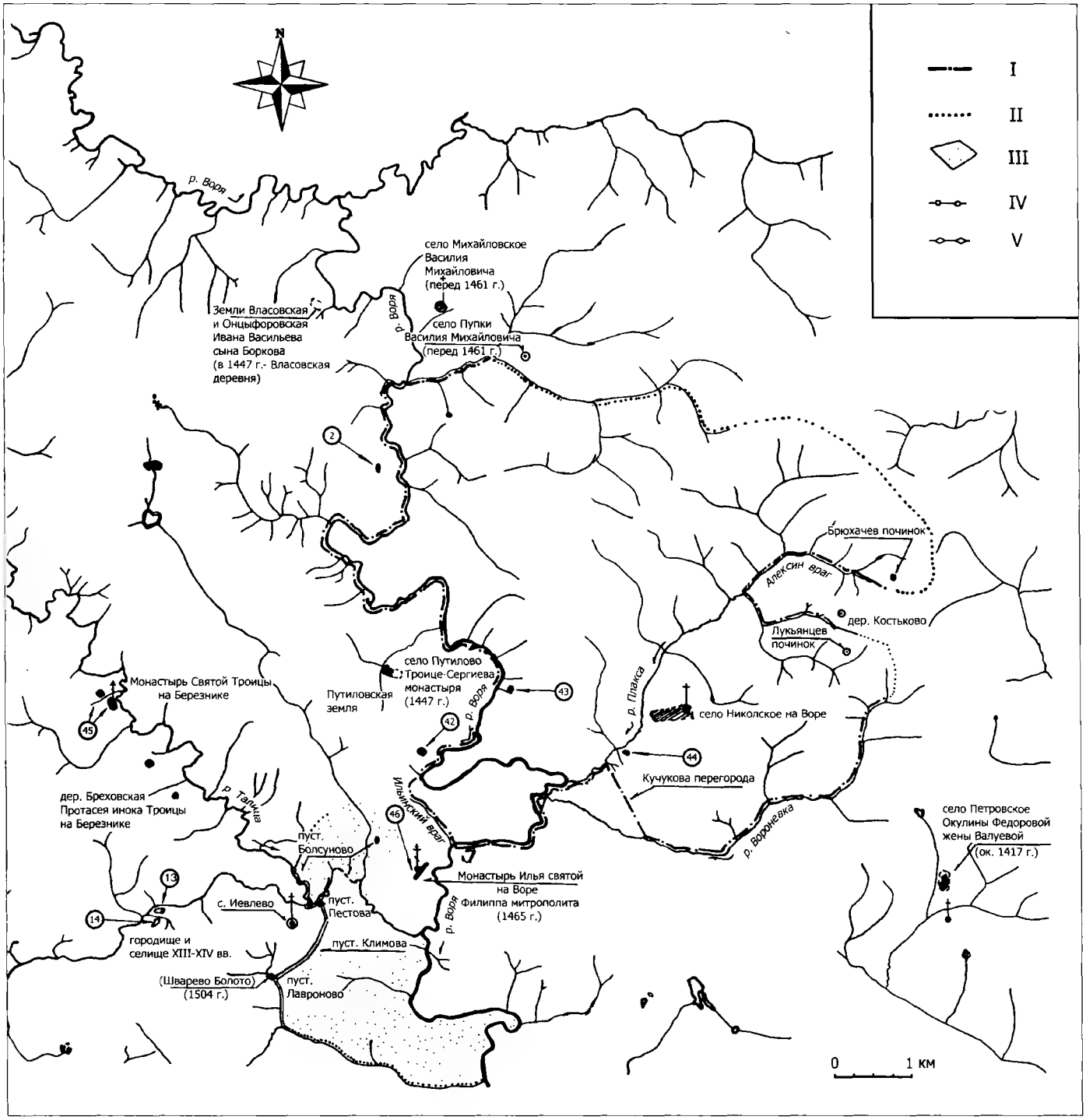


Рис. 8. Северная часть волости Воря в XV в.

I – граница вотчины Г.Ф. Муромцева по купчей игумена Мартиниана 1447 г. (АСЭИ. Т. 1. № 205); II – участки границы, реконструируемые предположительно; III – земли великого князя "Ильинские на Воре", данные Иваном III Троицкому монастырю в 1474 г. (АСЭИ. Т. 1. № 424); IV – межа 1680/81 г. (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 273. Л. 449–451); V – межа 1503/04 г. (АСЭИ. Т. 1. № 646)

Царево-2

Курганы и селище расположены в лесу, на р. Воре, чуть ниже впадения р. Черниченки (рис. 2, *21, 22*). Курганная группа, выявленная В.В. Сидоровым в 1968 г., состоит из 21 насыпи (рис. 9, В). В кургане 17 им было исследовано детское (3 года) трупоположение в неглубокой могильной яме, в заполнении которой найдены фрагменты древнерусской керамики (*Сидоров*, 1968. С. 4). В 1977 г. автором было обнаружено селище, расположенное ниже по течению реки, в 45 м от крайних насыпей этого могильника. Поселение занимает бровку второй террасы в 10 м от реки и возвышается над рекой на 6 м. Размеры его 90 × 40 м,

площадь 3 тыс. кв. м (рис. 9, В). Керамический материал (12 фрагментов – 76-107–76-118), происходящий из шурфа 1, состоит из двух разновременных групп: курганной и белоглиняной грубой посуды. Первая связана с нижним слоем – черной гумусированной супесью с углями, а вторая – с верхним слоем – серой супесью.

Курганная керамика (рис. 9, Г) представлена двумя венчиками и стенкой. 76-107 принадлежит небольшому (D ок. 14 см) горшку 7-го варианта, венчик которого имеет вид конической воронки. 76-111 – фрагмент горлышка того же сосуда. Венчик слабо отогнут. Высота воронки – 23 мм. Край горшка оформлен с внешней стороны в виде уплощенного валика, а сверху – в виде уплощенной поверхности с желобком. Сосуд изготовлен из красножгущейся глины с примесью крупнозернистого песка и дресвы (кварциты от 0,1 до 2 мм). Обжиг – неполный окислительный. В изломе черепок двухслойный: черный в середине и темно-бурый снаружи. Среди горшков, найденных в подмосковных курганах, наиболее близкими являются сосуды из погребений в *курганах 8 в Волкове* (1940 г.) и *1 в Болшеве* (1921 г.), датируемых первой половиной – серединой XII в. (МК. Табл. 11, № 3, 6). Сосуды данного варианта продолжали изготовляться и в XIII в. Об этом свидетельствуют аналогии, происходящие из нижнего слоя *Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 22, № 8991), *сруба 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, № 868) и *ямы 1 селища Царево-1* (МК. Табл. 62, А, № 9), которые датируются, соответственно, первой третью и второй половиной XIII в. Второй венчик (76-110) отогнут сильнее, имеет с внешней стороны округлый валик, а с внутренней – желобок, использовавшийся как упор для крышки. Судя по степени профилировки, это переходная форма от **1-го варианта курганной керамики** к **1-му варианту серой**. По технике изготовления венчик неотличим от 76-107, однако по форме тяготеет более к 1-му варианту серой посуды. Аналогии фиксируются в нижнем слое *Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 25, № 126, 415), *яме 3* (МК. Табл. 40, № 2064 и др.) и *срубе 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 47, № 2457), а также *яме 5 Монетного двора* (вторичное залегание в яме 4 – МК. Табл. 59, № 3456). Шурф дал также 9 фрагментов белоглиняной грубой керамики, характерной для комплексов последней четверти XV – начала XVI в. и первой половины – середины XVI в.

Учитывая небольшой объем материала, ограничимся указанием на периоды, когда поселение функционировало. Что касается периодов, когда оно находилось в запустении, то выделить их не представляется возможным. Можно лишь говорить о перерыве в функционировании поселения. Селище существовало в XII – первой половине XIII в. Об этом говорит наличие курганной керамики при отсутствии сколько-нибудь заметного числа серой. Сосуды 1-го и 3-го вариантов, как было показано выше, бытовали вплоть до второй половины XIII в. Однако уверенно можно говорить пока лишь о периоде, отраженном комплексом из *нижнего горизонта Богоявленского монастыря*, т.е. о первой трети XIII в. Присутствие на памятнике материалов, характерных для комплексов типа *сруб 1 Исторического проезда*, может быть предметом дальнейших исследований. После значительного перерыва жизнедеятельность на поселении возобновляется в последней четверти XV – первой половине XVI в.

Алексеевка-1

В 1,35 км ниже по течению р. Вори, на противоположном от д. Алексеевка, правом, берегу р. Вори, в лесу, у поворота трассы Московского кольцевого газопровода, расположено еще одно небольшое поселение с могильником (рис. 2, *23, 24*). Селище располагается на небольшой поляне на первой террасе р. Вори и возвышается над поймой на 6 м (*Сидоров В.В.*, 1968. С. 5). Площадь его составляет немногим более 500 кв. м. В 130 м к СЗ от селища, в лесу, расположена курганная группа из 10 насыпей высотой от 0,4 до 1,4 м и диаметром от 4 до 7 м (рис. 9, А). В четырех насыпях имеются повреждения, но остальные сохранились некопанными (*Чернов*, 1976. С. 7–9, 38–39).

Шурф (1 × 0,5 м), заложенный на селище в 1976 г., зафиксировал в материке неглубокую (20 см) яму, ориентированную по линии СЗ–ЮВ шириной более 1 м. В ее заполнении – черной гумусированной супеси с углем – прослежены две обгоревшие плахи, лежавшие параллельно на расстоянии 30 см друг от друга. С этим сооружением связан небольшой, но яркий комплекс **курганной керамики** (рис. 9, Б). Венчик 76-120 (D 18 см) изготовлен из красножгущейся глины с крупнозернистым песком (кварциты от 1 до 1,5 мм) и дресвой (на фрагменте размером 4 × 2 см фиксируется 10 кварцитов размерами 1,5–2 мм, часть которых выступает на поверхности). Обжиг неполный окислительный (печной) – в изломе черепок трехцветный: черный – на изломе внутри и бурый на внутренней и внешней поверхностях. Форма сосуда соответствует 6-му варианту. Венчик сильно отогнут и завершается округлым валиком, который делится небольшим желобком на две части. Имеется упор под крышку. Наиболее ранние аналогии происходят из погребения в *кургане 56 Серафимо-Знаменского скита* первой половины – середины XII в. (МК. Табл. 9, № 3). Данная форма широко представлена в нижнем слое Богоявленского монастыря (МК. Табл. 21, № 601 и др.) и синхронном ему комплексе из *ямы 8 Исторического проезда* (МК. Табл. 27, № 2571 – D венчика 22 см). В хронологически более позднем комплексе из *сруба 1 Исторического проезда* подобная керамика фиксируется в небольшом количестве только в слое супеси и песка, отложившемся в начальный период жизни сооружения (МК. Табл. 30, № 982).

К рассмотренному сосуду по технологии изготовления примыкают фрагменты орнаментированных стенок 76-122, 76-123, 76-125, 76-127 толщиной 5–6 мм. Они сформованы из глины с примесью крупнозернистого песка и дресвы, причем кварциты (до 2 мм) выступают на поверхности. Обжиг неполный окислительный. В изломе черепок трехцветный: черный или темно-серый внутри и бурый с кирпичным

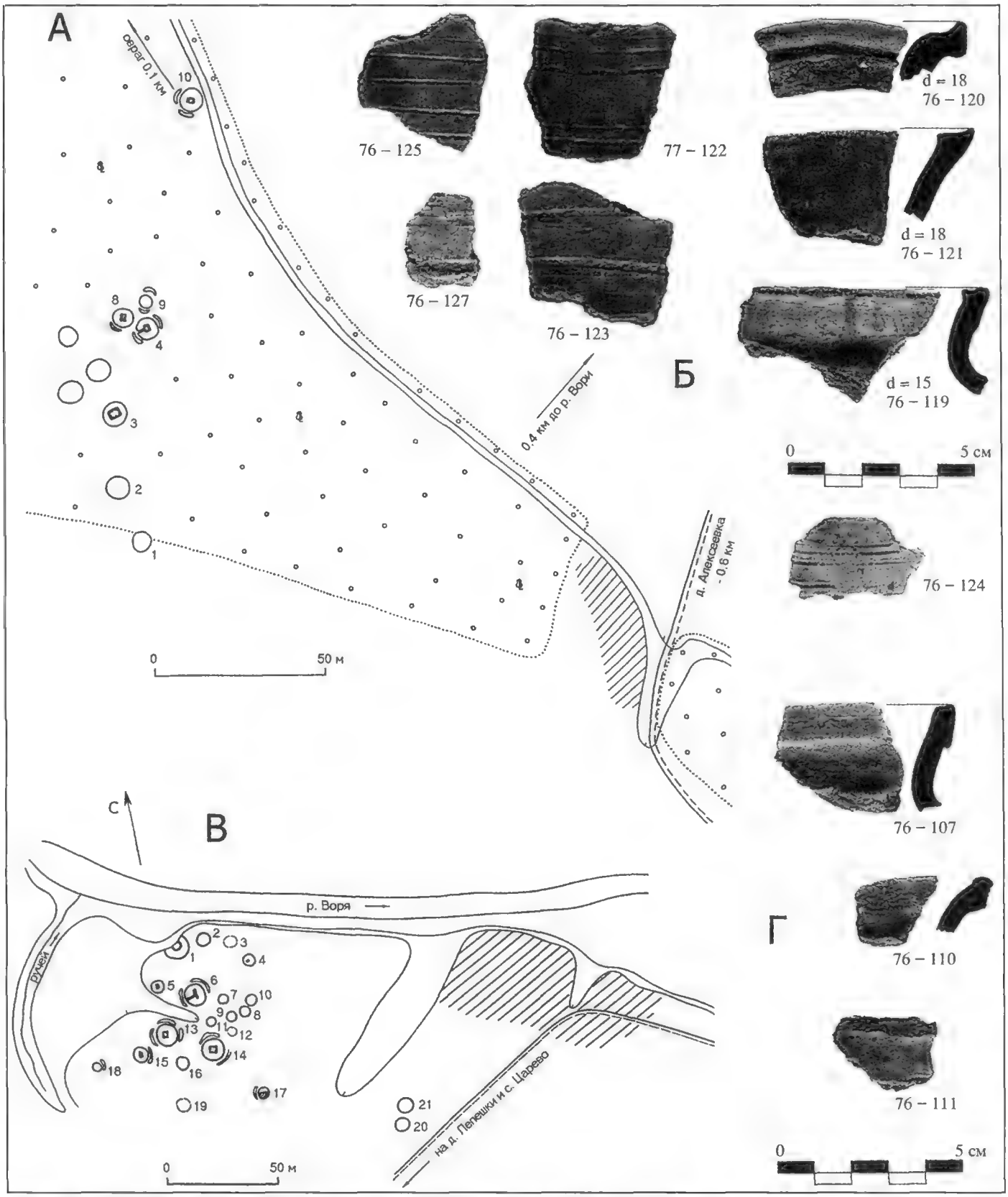


Рис. 9. А – Селище и курганная группа Алексеевка-1. План 1976 г. (*Чернов*, 1976. С. 36). Б – Керамика селища Алексеевка-1; В–Селище и курганная группа Царево-2. План 1976 г. (*Чернов*, 1976. С. 36). Г – Керамика селища Алексеевка-1

отливом на поверхности. Орнамент горизонтальный, покрывающий значительную часть плечиков и тулова. Толщина линий колеблется от 4 (76-127)–3 (76-123) мм до 2 (76-122)–1,5 (76-125) мм. Линии прочерчены по сырой поверхности сосуда и имеют глубину 1–0,5 мм (рифление). Многочисленные аналогии такого орнамента известны как на курганных горшках (см., например, сосуд из *кургана 56 Серафимо-Знаменского скита*, о котором говорилось выше) так и в комплексе из *Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 21; 22, № 185 и др.). Кроме того, имеется стенка 76-129 с орнаментом в виде вдавлений, нанесенных колесиком. Аналогичный орнамент фиксируется в *Богоявленском монастыре* (МК. Табл. 22, № 530) и комплексах более позднего времени. Завершая описание курганной керамики этой группы, следует указать на фрагмент донца сосуда 76-130, сохранившего следы подсыпки из дресвы и песка, а также ромбовидное клеймо.

Два венчика (76-119, 76-121) и две стенки (76-126, 76-129) имеют несколько менее архаичный облик, хотя и изготовлены в рамках технологии, характерной для курганной керамики (кварциты не превышают 1,5 мм). Черепок в изломе также трехслойный, но цвет поверхности несколько иной – темно-бурый у венчиков и несколько более светлый – у стенок. Особого внимания заслуживают венчики 76-119 и 76-121. Оба они относятся к горшкам 7-го варианта с венчиком, имеющим вид низкой конической воронки. По размерам это сосуды средней величины (D венчиков соответственно 15 и 18 см). Оба они имеют почти горизонтальную площадку по краю с желобком посередине и небольшой подтреугольный выступ с внутренней стороны. Подобные горшки являются частой находкой в подмосковных курганах. Первой половиной – серединой XII в. датируется сосуд из *погребения 1 в кургане 9 Черемушек* (МК. Табл. 9, № 5), второй половиной XII в. – из *кургана 41 Балятина* (МК. Табл. 16, № 1) и *курганной группы Аносино* (МК. Табл. 16, № 2), концом XII – первой третью XIII в. – из *кургана 2 группы в Дубки Царицынские* (МК. Табл. 16, № 3). Большое количество близких форм можно указать и в комплексе из нижнего слоя *Богоявленского монастыря*. Здесь имеются аналогии как 76-119 (МК. Табл. 22, № 515 – D венчика 16 см), так и 76-121 (МК. Табл. 22, № 2 – D венчика 14 см). Л.А. Беляев выделяет указанную керамику в группу с "вытянутой шейкой и неширокой прогнутой площадкой" и видит в ней ранний вариант серой керамики (МК. С. 17). Данное наблюдение заслуживает внимания, поскольку керамика указанной группы действительно является прообразом 7-го варианта серой посуды, широко представленного в комплексе из *сруба 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 34, № 879, 1015). Однако больше оснований относить эту группу к курганной керамике. Дело в том, что в комплексе из сруба 1 мы фиксируем как интересующую нас группу керамики (МК. Табл. 31, № 1025 – происходит из нижнего углистого горизонта, отложившегося в период жизнедеятельности постройки), так и серую посуду 5-го варианта (здесь подтреугольный валик уже значительно трансформирован и приобрел округлые очертания, свойственные серой керамике), причем вторая значительно преобладает.

Фрагмент 76-124 изготовлен из белой глины, но по технологическим характеристикам примыкает к древнерусской (курганной) керамике. Это фрагмент верхней части тулова сосуда, украшенный горизонтальным орнаментом. Судя по всему, орнамент покрывал значительную часть тулова, причем полосы наносились неравномерно. На пространстве в 6 мм нанесено 3 полосы, затем следует свободное пространство шириной в 5 см и далее – новые полосы. Ширина полос колеблется от 1 до 1,5 мм. Они неглубокие, нанесены по сырой поверхности сосуда. Сосуд сформован из глины с крупнозернистым песком и дресвой (кварциты до 2 мм). Поверхность заглажена.

Таким образом, три сосуда, которые представлены венчиками, а также орнаментированные фрагменты имеют аналогии в *курганных погребениях первой половины XII – первой трети XIII в.* и *комплексе из нижнего слоя Богоявленского монастыря первой трети XIII в. В срубе 1 Исторического проезда* рассматриваемые керамические формы представлены отдельными фрагментами (курганная посуда здесь составляет 6%). Они происходят из слоя, отложившегося в начальный период жизни сооружения (порубочные даты 1248, 1251 гг.). Следовательно, можно полагать, что в 1250-е годы эти керамические формы выходят из употребления. Отсутствие в слое селища Алексеевка-1 серой керамики, которая преобладает в комплексе из сруба 1 Исторического проезда, позволяет ограничить верхнюю дату памятника временем, к которому относятся керамические комплексы типа нижнего слоя Богоявленского монастыря, т.е. первой третью или началом второй четверти XIII в.

Алексеевка-3

Из трех поселений, расположенных на левом берегу р. Вори, два как будто также не пережили середины XIII в. (третье селище, Алексеевка-5, описано ниже). Селище Алексеевка-3, обнаруженное в 1977 г., расположено на берегу Вори при впадении в нее р. Козлихи, на мысу, занятом лесной опушкой, в 0,5 км к северу от д. Алексеевка (рис. 2, *26, 27*). Площадка поселения занимает бровку террасы реки, которая выполаживается в сторону Козлихи и возвышается над рекой на 9–4 м (рис. 10, А). Площадь поселения составляет 7 тыс. кв. м. В 190 м к северо-востоку от поселения на небольшой возвышенности в лесу расположено 6 курганов. Высота их колеблется от 0,5 до 1,4 м, диаметр – от 7,5 до 11 м. Все курганы имеют ровики. В четырех насыпях имеются повреждения (две траншеи). Остальные сохранились хорошо (*Чернов*, 1977 г. С. 2–4, 23–30). О дате этого среднего по размерам поселения можно судить по керамике, происходящей из шурфа (2 × 2 м) (в коллекции 11 венчиков и 21 орнаментированная стенка). Керамика исключительно курганная. Имеются образцы описанных выше 1-го и 6-го вариантов. Орнаментация линейная (11), волнистая (3), штамп (7).

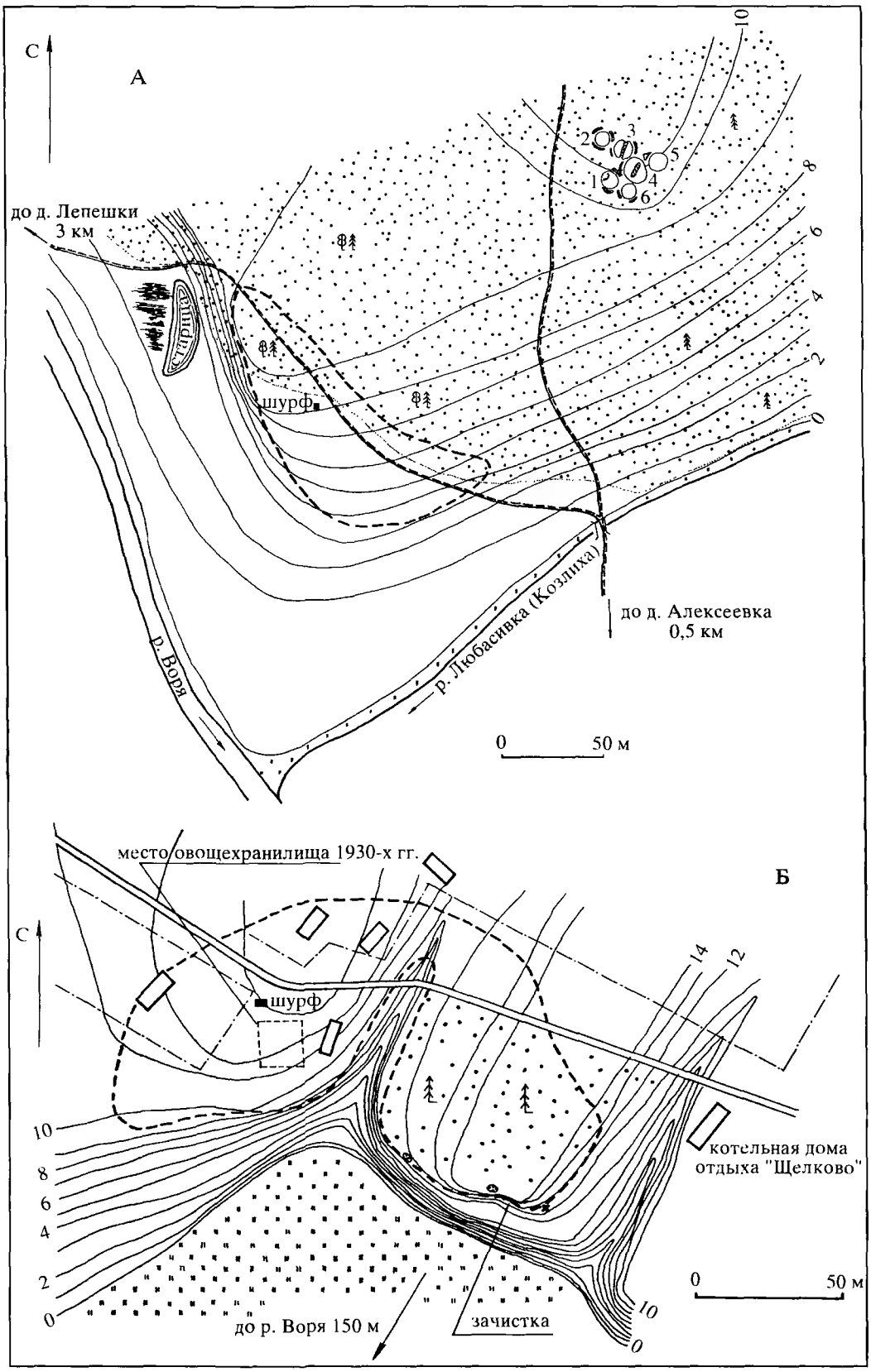


Рис. 10. А – Селище и курганная группа Алексеевка-3. План 1977 г. Б – Селище Алексеевка-2. План 1977 г.

х – погребение с западной ориентировкой, раскопанное в 1950 г.; у – места находок керамики курганного типа (*Чернов*, 1977. С. 23, 31)

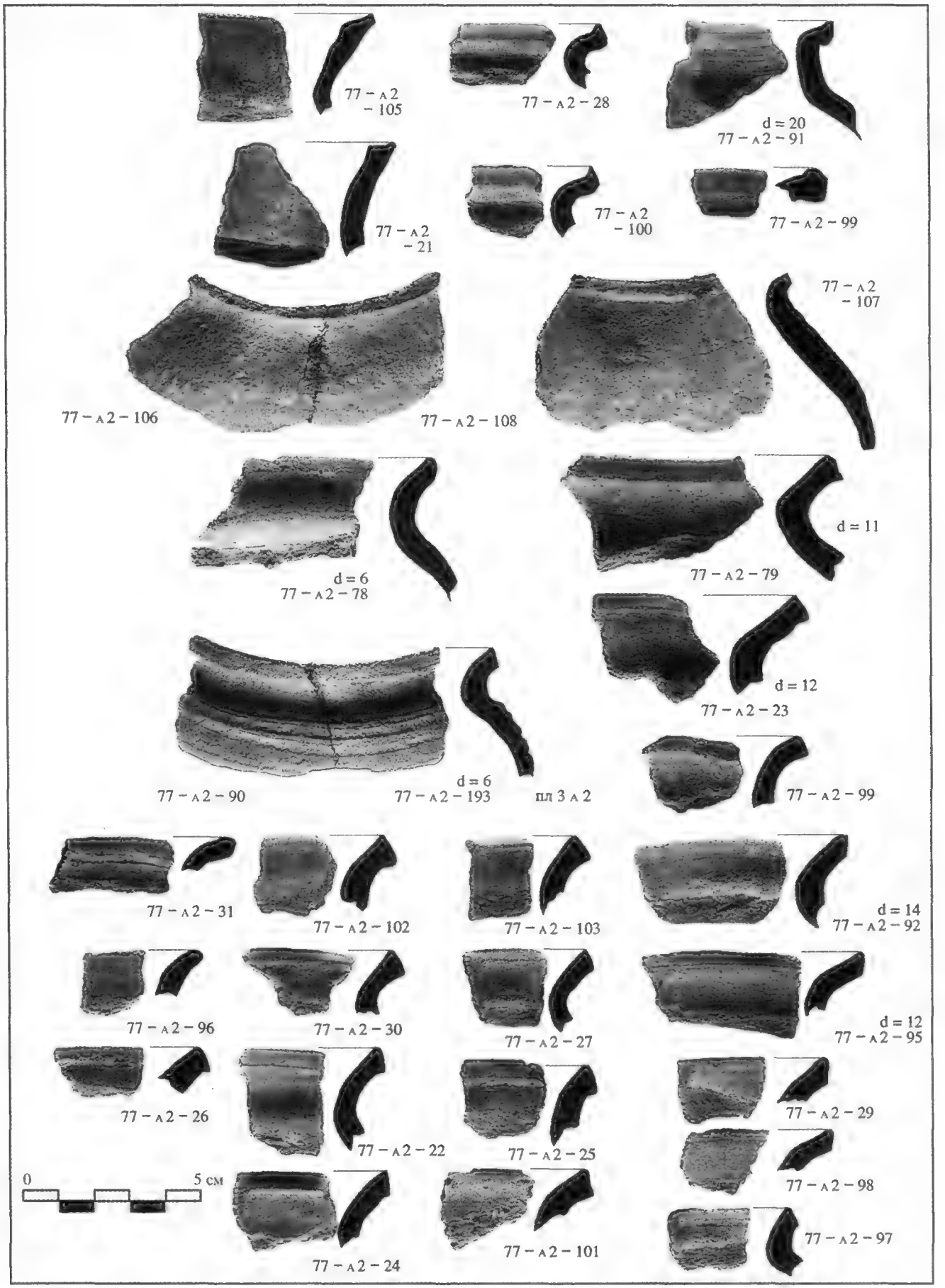


Рис. 11. Селище Алексеевка-2. Шурф 1. Керамика из древнерусского слоя

Алексеевка-2

Более подробные данные имеются о **селище Алексеевка-2,** которое располагается в 750 м ниже по течению р. Вори, на территории одноименной деревни (рис. 2, *25*). Древнерусское поселение занимает часть более обширного селища (площадью 11 тыс. кв. м), которое идентифицируется с селом Никольским на Воре Троице-Сергиева монастыря (рис. 10, Б). Селище занимает вершину коренного берега р. Вори, возвышающуюся над рекой на 15 м. В восточной его части зачистка дала лишь позднесредневековый материал (белоглиняная грубая чернолощеная керамика). За оврагом, в западной части селища, был заложен шурф (2 × 4 м). Под позднесредневековым серым слоем[4] был зафиксирован древнерусский слой – черная сильно гумусированная супесь, насыщенная керамикой, угольками и обломками очажных камней. Насыщенность материалом обусловлена тем, что шурф попал на центральную часть наземной постройки (не менее 2,8 м в длину, ориентирована СВ–ЮЗ), которая читалась в зачистке как заглубление-траншея (шириной 0,6–0,8 м). Яма была заглублена на 15–10 см в слой неолитического поселения (коричневая слабогумусированная супесь) (МК. Табл. 18, Б).

Комплекс керамики из ямы 1 (16 фрагментов; опубликован: МК. Табл. 19, А) включает древнерусскую посуду архаичного облика. Все горшки имеют простой отогнутый и срезанный венчик 4-го варианта. Горшок 77-А2-214 (D венчика 20 см) украшен штампом, который встречается на сосудах из погребений *могильников Никольское на Клязьме* и *Александровка на Рожае*, датирующихся по инвентарю началом XII в. (МК. Табл. 7, № 1, 3). Уже после публикации к венчику 77-А2-210 подклеилось плечико 77-А2-20, украшенное волнистым орнаментом и имеющее ребро, которое было найдено в толще пласта 1. Преобладание простых керамических форм со срезанным краем в погребениях конца XI в. (*Шейка*), начала XII в. (*Никольское на Клязьме* и *Александровка на Рожае*) (МК. Табл. 1, № 1; № 1–3) позволяет относить комплекс из Алексеевки-2 к первой половине XII в.

Из слоя происходит 144 фрагмента (рис. 11). Две трети венчиков (21 из 30) принадлежат к 4-му варианту курганной посуды (со срезанным краем), причем прямо срезанные венчики (77-А2-96, 104, 190 – без закраины, 77-А2-23, 26, 30, 79, 101–103 – с закраиной) по количеству равны кососрезанным (29, 92, 95, 98 – без закраины, 77-А2-22, 24, 25, 27, 97, 192, 193 – с закраиной). Оставшаяся треть венчиков наполовину состоит из горшков 1-го варианта (77-А2-28, 91, 99, 100, 194) с сильно профилированным венчиком, округлым валиком и упором под крышку. Аналогии этой форме уже приводились выше. Можно дополнительно указать лишь на аналогию сосуду 77-А2-91: сосуд из *кургана 56 Серафимо-Знаменского скита* первой половины – середины XII в. (МК. Табл. 9, № 3). Имеется также два сосуда 7-го варианта в виде конической воронки (77-А2-21, 105) и два – с простым отогнутым без валиков венчиком 2-го варианта (77-А2-31, 78). Среди 61 орнаментированного фрагмента 57 украшены горизонтальным орнаментом, 2 – волнистым (по плечикам – 62) и 2 – штампом. Преобладает рифление по сырой поверхности с шириной полосы 1–3 мм, которое покрывает плечики и тулово почти до самого дна. Для датировки материала определяющим показателем является преобладание сосудов со срезанным венчиком (70%). Поскольку во второй половине XII – первой трети XIII в. доминировали 1-й, 3-й и 7-й варианты, можно заключить, что основная часть материала отложилась в период жизни постройки: в первой половине – середине XII в. Впрочем, слой продолжал формироваться и позднее. На это указывает присутствие небольшого числа фрагментов серой керамики (2,8%). Это 4 стенки (77-А2-47, 97, 56, 119) изготовленные из красножгущейся глины с примесью среднезернистого песка и заглаженной поверхностью. Они украшены тонким горизонтальным орнаментом, аккуратно нанесенным по подсушенной поверхности. Линии довольно редкие (между ними от 5 до 10 мм). Все эти особенности характерны для серой посуды (МК. Табл. 35, 36). Таким образом, перед нами один из ранних поселков славян на Воре, на котором, как и на описанных выше памятниках, не фиксируются отложения второй половины XIII в.

[4] Тем же слоем была заполнена могильная яма, датированная гладкостенной керамикой XVIII в. Кроме того, в яме был найден белоглиняный грубый (77-А2-183) и чернолощеный фрагменты, а в слое – фрагмент шейки красноглиняного грубого горшка (77-А2-40), орнаментированного "косой волной", напоминающей сосуды из комплекса Михайловское-2 первой половины XV в., 3 фрагмента красной гладкой, 1 – чернолощеной и 1 – гладкостенной поздней.

Домонгольские поселения, сохранившиеся или возобновленные во второй половине XIII в.

Ключевым памятником второй половины XIII в. на Воре являются городище, селище и курганная группа Царево-1 (рис. 2, *13–15*; 12, *13, 14*). Здесь был обнаружен и первый керамический комплекс, который позволил в дальнейшем выделить пласт поселений этого времени. В связи с исключительной важностью выделения древностей второй половины XIII в. для решения задач настоящего исследования следует с особым вниманием проанализировать материалы из Царево-1, который интерпретируется как центр протоволости Воря (Чернов, 1996 б. С. 136–144).

Царево-1

Городище Царево-1 расположено на правом притоке р. Вори – р. Прорванихе, в 1,5 км к западу от церкви села Царева (рис. 13). Оно было открыто Ю.Г. Гендуне, которая дала следующее его описание: "Урочище закругленной формы, длиной 80 м и шириной 50 м. С восточной стороны и юго-востока возвышенность окружена валом. Длина вала 80 м, ширина около 14 м, высота 1,5 м. Очертания расплывчатые". Десять шурфов, заложенных на городище, дали только

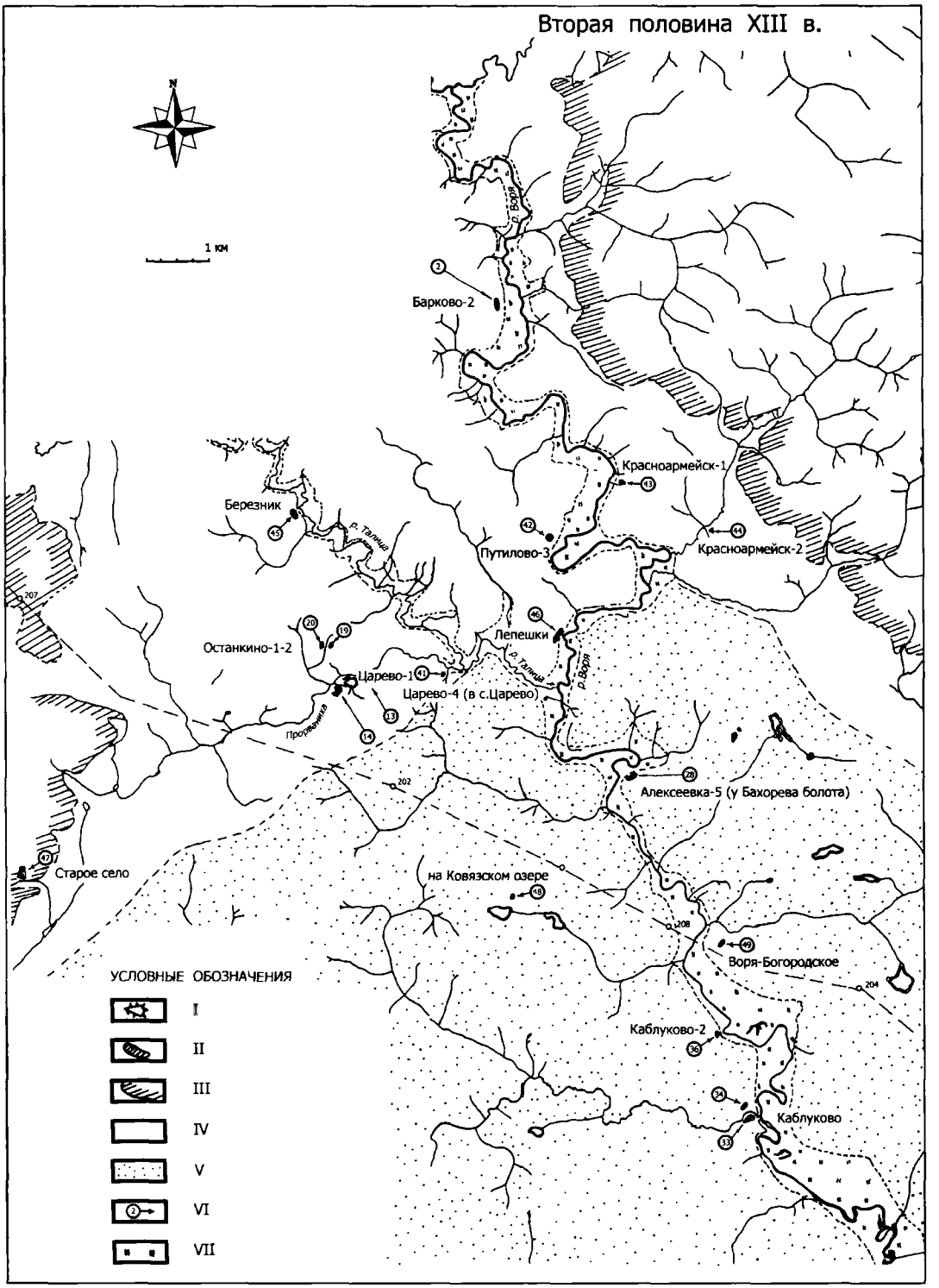


Рис. 12. Поселения второй половины XIII в. на среднем течении р. Вори (селища, содержащие керамические материалы типа сруб 1 Исторического проезда–Царево-1)

I – городище; II – селище; III – ландшафты моренной возвышенности; IV – ландшафты моренной равнины; V – ландшафты Мещерской низменности; VI – номер памятника археологии. Памятники археологии: *2* – Селище Барково-2; *13* – Городище Царево-1; *14* – Селище Царево-1; *19* – Селище Останкино-1 (у курганной группы Останкино-2); *20* – Селище Останкино-2 (у курганной группы Останкино-2); *28* – Селище Алексеевка-5 (у Бахорева болота); *33* – Селище в селе Каблуково (правобережное); *34* – Селище в селе Каблуково (левобережное); 36 – Селище Каблуково-2 (к северу от с. Каблуково); *41* – Селище Царево-4 (в с. Царево); *42* – Селище Путилово-3; *43* – Селище Красноармейск-1; *44* – Селище Красноармейск-2 (близ селища Муромцево-2); *45* – Селище при бывшем погосте Троицы на Березнике; *46* – Селище у д. Лепешки; *47* – Селище в д. Старое село; *48* – Селище на Ковязском озере; *49* – Селище в д. Воря-Богородское

Примечание: на селищах *48* и *49* выявлен материал первой половины XIV в., однако не исключена вероятность обнаружения более ранних материалов в ходе дальнейших исследований

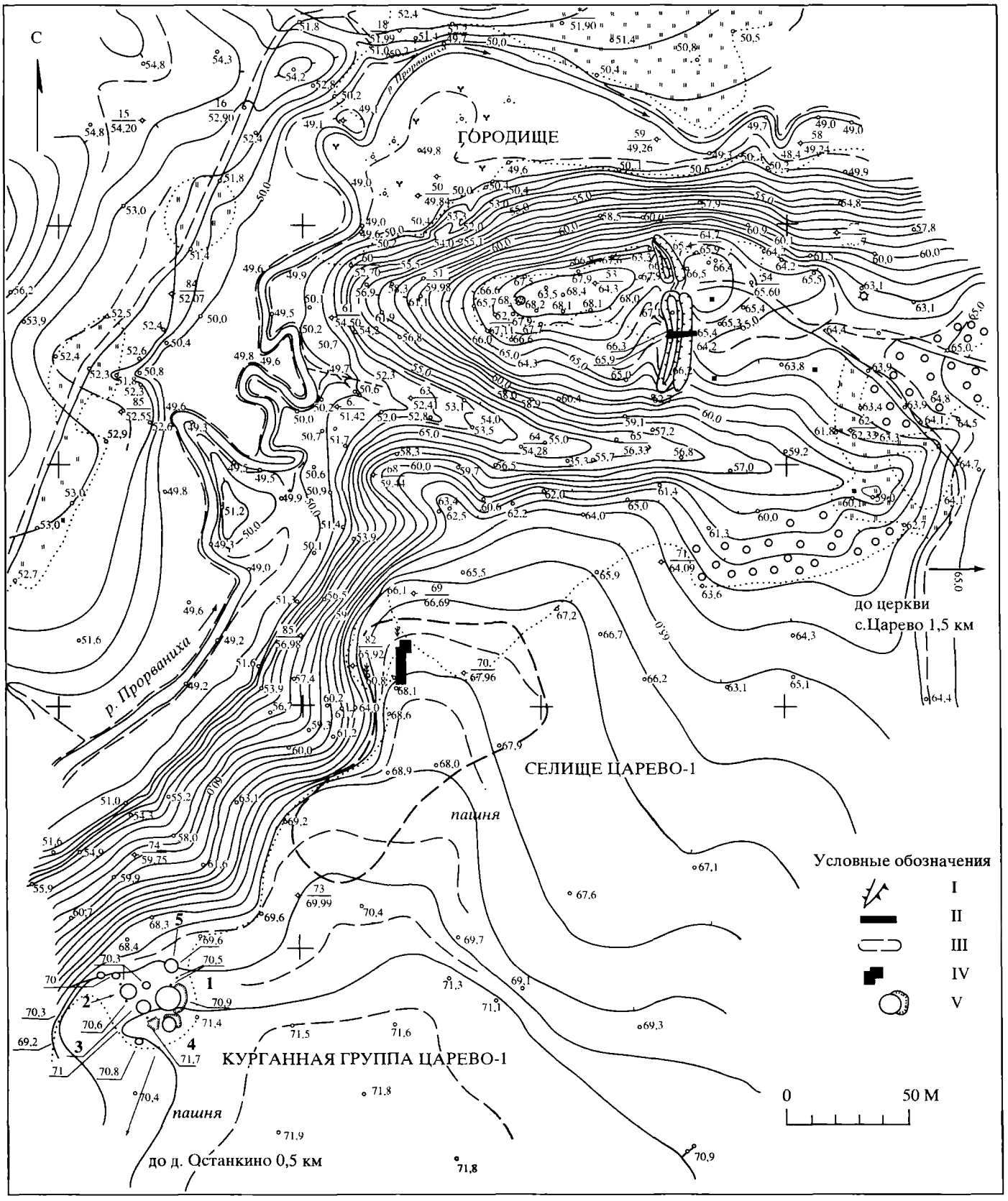


Рис. 13. Археологический комплекс городища Царево-1. План. Снят в январе–апреле 1990 г. В.В. Петровым и И.В. Абрамцевой

I–валы городища; II – разрез вала 1985 г.; III–территория селища; IV – раскоп 1 1977 г.; V – курганный могильник

"один фрагмент тонкостенного плохо обработанного сосуда с линейным орнаментом" (*Гендуне*, 1908, № 105). Повторное обследование городища, в ходе которого был снят его полуинструментальный план, проведено автором в 1977 г. В 1990 г. был снят инструментальный план памятника (рис. 13). Городище занимает мысовой участок первой террасы, ограниченный на севере долиной реки, а на юге – Волковым оврагом. Над уровнем реки площадка городища возвышается на 17 м. Размеры ее – 88 × 50, площадь – 3,5 тыс. кв. м. С напольной, восточной стороны площадка ограничена валом и рвом, с учетом которых площадь памятника составляет 4,3 тыс. кв. м. Вал длиною 58 м имеет серпообразную форму. Ширина его колеблется от 4 до 8 м. Высота вала от уровня поверхности площадки городища – 0,7 м, а от уровня дна рва – 2 м. Ров, опоясывающий вал снаружи, имеет длину 75 м, ширину от 4 до 5 м и глубину 1,1 м. В наиболее возвышенной своей части вал имеет проем (шириной 3 м), а ров – соответственно перемычку (шириной 4 м). К этому проему, образующему вход на площадку, с запада подходит лесная дорога. Разрез вала, проведенный в 1985 г., показал, что он был насыпан в один прием на краю уже существовавшего древнего поселения и прикрывает наиболее ранние напластования культурного слоя (10–30 см). По гребню его в древности, видимо, стоял частокол. Однако оползание гребня вала, в который был зарыт этот частокол, не дало возможности проследить остатки канавы, в которой были зарыты бревна. В западной части траншеи, т.е. с внутренней стороны от вала, были найдены камни и куски горелого дерева, отражающие сооружения, располагавшиеся на площадке. Ширина вала равнялась 6 м. Примыкавший к нему ров шириной 5,5 м первоначально имел глубину 2 м, а позднее заплыл или был засыпан (*Розенфельдт*, 1985б. С. 15. Рис. 50). Площадка городища понижается в южном направлении (к оврагу). Она покрыта смешанным лесом, поверхность земли задернована. Следов нарушений слоя немного. В северо-восточной части площадки прослежено 3 ямы размерами 3 × 3 м с оплывшими краями, а в центре городища – оплывшая траншея длиной 5 м. Видимо, это следы шурфов Ю.Г. Гендуне. Осмотр их профилей показал, что культурный слой имеет мощность 0,1–0,15 м и представляет собой слабогумусированную светло-серую супесь, которая мало отличается по цвету от подстилающего ее материкового песка. В слое супеси встречено два фрагмента круговой керамики – курганной или серой (*Чернов*, 1977а. С. 24–26, 88, 89).

Шурфовка к востоку от городища, за напольным валом (5 шурфов 0,4 × 0,4 м – рис. 13) показала, что культурный слой здесь отсутствует. Зато за Волковым оврагом, в 50 м к югу от городища, было обнаружено **селище Царево-1**, а за ним, на возвышении, в 55 м – курганная группа Царево-1. Селище занимает участок бровки коренного берега Прорванихи, который возвышается над уровнем реки на 22 м и обрывается к пойме крутым склоном. С запада селище ограничено указанным склоном, с севера – Волковым оврагом, с юго-востока – понижением. Площадь селища составляет 6 тыс. кв. м. Площадка его понижается с юга на север. Северо-западная его половина, примыкающая к лесу, произрастающему на склоне, задернована, остальная часть распахивается под поле. В северной части памятника был заложен шурф (2 × 2 м). Мощность культурного слоя равнялась 0,2–0,4 м. Встречено 23 фрагмента керамики – серой и курганной (*Чернов*, 1977а. С. 27, 90, 91).

Учитывая хорошую сохранность слоя, шурф был развернут в раскоп площадью 76 кв. м. (18 × 4 м). В направлении на север и северо-восток площадка раскопа понижается на 80 см. Под слоем дерна (5 см) залегал культурный слой – серая гумусированная супесь, который на большей части раскопа имел мощность 0,2 м, а в квадратах 5 и 19 – 0,3 м. Из находок в первом пласте встречены дужка цилиндрического замка, обломок каменного оселка и железный костыль. При зачистке материка в северной части раскопа была зафиксирована яма 1, которая уходила в стенку раскопа. Благодаря прирезке она была изучена полностью. Яма имела вид овального пятна размерами 3,96 × 1,72 м. Заполнение ее было не однородным. Второй пласт по своей структуре не отличался от первого. В нем было найдено 45 фрагментов керамики и бронзовый пластинчатый перстень (25 см от современной поверхности). Перстень несет на щитке плохо читаемый орнамент в виде расходящихся лучей в рамке с четырьмя виньетками по бокам. Подобные перстни широко известны в курганных древностях второй половины XII – первой трети XIII в., но бытовали и в более поздний период. Зачистка второго пласта была проведена по границе слоев: серую супесь подстилала темная гумусированная супесь с углями почти черного цвета. Размеры ямы на этом уровне сократились до 2,8 × 1,32 м. Особенно много углей было в западной части ямы. Удалось зафиксировать 7 фрагментов обугленного дерева размерами 3 × 5 и 3 × 3 см, которые, судя по направлению древесных волокон, лежали в беспорядке. В этом слое встречено всего 3 фрагмента керамики. На уровне зачистки третьего пласта размеры ямы сократились до 1 × 0,88 м. Профиль ямы показывает, что она имела пологие стенки и глубину 0,68 м. В южной части раскопа было зафиксировано два параллельно расположенных вытянутых пятна культурного слоя, ориентированных по линии СЗ–ЮВ. Длина их равняется соответственно 5 и 1,5 м, ширина – 15 см, расстояние между ними – 12 см. Выборка заполнения показала, что они представляют собой ямки глубиной 16 см, оставленные бревнами, лежавшими параллельно друг другу.

Керамический комплекс из ямы 1 селища Царево-1 невелик по объему (45 фрагментов; в коллекции – 21), но весьма информативен (опубликован: МК. Табл. 62, А). С некоторой долей условности этот материал может быть поделен на курганную (43%) и серую (57%) керамику. Керамике из ямы 1 присущ устойчивый набор морфологических характеристик, обусловленных, в свою очередь, особенностями технологии. Керамика изготовлена из красножгущейся глины с примесью большого количества крупнозернистого песка и дресвы. Кварциты размерами от 0,1 до 2 мм не только видны в изломе черепка, но и выступают на поверхности сосудов, делая ее неровной.

Толщина стенок колеблется от 4 до 8 мм. Сосуды прошли неполный окислительный обжиг (печной). Можно предполагать, что он проводился по определенной, устойчиво соблюдавшейся схеме. В изломе практически все сосуды этой группы трехслойные. На 80% толщины черепка цвет его темно-серый или черный. Поверхности же имеют бурый с кирпичным отливом цвет, являющийся опознавательным знаком курганной посуды.

О форме сосудов этой группы можно судить по фрагментам шести горшков, которые относятся к трем вариантам **курганной керамики**. Все они типичны для финальной стадии развития данного типа керамики. Образцом 1-го варианта является венчик 78-Ц-66. Он отогнут под углом в 45 градусов. Край сосуда оформлен в виде небольшого валика с внутренней стороны с упором под крышку. Подобная форма не встречается в курганах, зато присутствует в *нижнем слое Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 25, № 121, 415) и слое, отложившемся в период функционирования *сруба 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 30, № 784, 884) и становится ведущей для 1-го варианта серой посуды. Третий вариант курганной керамики представлен венчиками 78-Ц-71 и 78-Ц-70, имеющими слабую профилировку, ребро по краю и секировидный валик с внешней стороны. Первый фрагмент имеет ярко выраженный упор под крышку, что в сочетании с трехслойным обжигом и примесями в виде кварцитов до 2 мм в диаметре, позволяет уверенно относить его к курганной посуде. В качестве аналогии можно указать на *курган 4 могильника Черневo* (не позднее середины XII в. – МК. Табл. 10, № 3) и венчик из *ямы 8 Исторического проезда*, где вообще нет серой посуды (МК. Табл. 27, № 2588). Второй фрагмент почти не профилирован, а валик его имеет скорее не секировидную, а эллипсовидную форму. Отсутствие упора под крышку свидетельствует о том, что перед нами финальный этап развития 3-го варианта курганной керамики. Наиболее ранние сосуды без упора под крышку появляются в комплексах *нижнего слоя Богоявленского монастыря* (целая форма – МК. Табл. 21, № 50; 23, № 64) и *ямы 8 Исторического проезда* (МК. Табл. 27, № 2581). В комплексах следующего хронологического этапа сосуды этой формы также широко представлены. Они имеются в *срубе 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 48, № 2471), селищах *Шарапово-5 А* (МК. Табл. 62, В, № 5) и *Огонек* (МК. Табл. 63, № 2). Что касается комплексов типа Лешково-2, то в них указанная форма не зафиксирована.

Ярко представлен 7-й вариант курганных горшков, имеющих шейку в виде конической воронки. Два сосуда – 78-Ц-68 и 82 – средней величины (диаметр венчика 23 и 24 см), один – 78-Ц-72 – меньшего размера. Для всех характерна постановка шейки с небольшим отгибом и валик с наружной стороны подпрямоугольных очертаний, а также широкий край с желобком. Подобные формы известны в *курганах* второй половины XII в. (МК. Табл. 16, № 2), *нижнем слое Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 22, № 8991), *яме 8 Исторического проезда* (МК. Табл. 27, № 2577) а также комплексах следующего этапа: *Срубе 1* (МК. Табл. 32, № 583, 868), *яме 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 39, № 2128) и *срубе 3 Монетного двора* (МК. Табл. 57, № 3967). В этих последних переход от 7-го варианта курганных сосудов к 7-му варианту серой керамики почти неотличим. Аналогичным образом фрагмент 78-Ц-82 может быть отнесен и к серой керамике. Присутствие горшков, изготовленных в традициях курганной керамики, маркируется шестью фрагментами стенок, несущих орнамент в виде горизонтального рифления – полос (ширина 1–2 мм), прочерченных по сырой поверхности сосуда практически без перерыва (78-Ц-74, 75, 76, 78, 80, 82). В одном случае горизонтальный орнамент дополнен волнистым, прочерченным по шейке горшка (78-Ц-78).

Серая керамика комплекса выделяется главным образом благодаря заглаженности внешней поверхности сосуда и использованию в качестве примеси среднезернистого песка (кварциты до 1 мм). Этим технологическим характеристикам соответствуют и формы оформления верхней части сосуда, далеко ушедшие от древнерусских традиций. К 3-му варианту относится венчик небольшого горшка с секирообразным валиком 78-Ц-73 и верхняя часть горшка (диаметр венчика 26 см), подклеивающегося из трех фрагментов (78-Ц-63, 65). Максимальный диаметр сосуда не многим больше диаметра венчика. Плечики плавно переходят в шейку и венчик, отогнутый на 30 градусов. Край сосуда оформлен в виде ребра, с внешней стороны которого имеется эллипсовидный валик. Плечики украшены весьма скупо двумя полосами горизонтального орнамента, нанесенного по подсохшей поверхности. Подобная керамика отсутствует в комплексах типа *Богоявленского монастыря*, зато дает многочисленную серию в *срубе 1* (МК. Табл. 32, № 839, 638 и др.) и *яме 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 43, № 2154). Широко представлена она и в комплексах *Лешково-2* (МК. Табл. 66, № 83) и *Лешково-4*, где составляет заметный процент серой посуды (МК. Табл. 67, Б, 6, № 505 и др.).

Седьмой вариант серой керамики, унаследовавший формы от 7-го варианта курганной керамики, но в более смягченной версии, выделяется в Царевском комплексе на основании венчиков 78-Ц-69, 78-Ц-67. Если первый еще несет на себе отпечаток традиции, идущей от курганной посуды (наружный валик имеет острое ребро), то второй является типичным образцом развитой серой керамики. Наружный валик у него округлый, а по верхней части плечиков нанесен волнистый орнамент, близкий ранним формам симметричной косой волны. Типичный образец ранней симметричной косой волны, нанесенной в два ряда, фиксируется на стенке 78-Ц-81. Аналогии описанной керамики находим в наиболее продвинутой части комплекса из *ямы 3 Исторического проезда*. Здесь есть и венчик, напоминающий 78-Ц-69 (МК. Табл. 43, № 2160), и сосуды идентичные или близкие 78-Ц-67 (МК. Табл. 43, № 2154), причем некоторые из них орнаментированы волнистым орнаментом (МК. Табл. 43, № 2108, 1848). О том, что мы имеем дело в Царевском комплексе не со случайным совпадением, а действительно с переходом к "косой волне", свидетельствует тот факт, что в Яме 3 Исторического

Таблица 1. **Селище Царево-1. Раскоп 1978 г. Распределение керамики из 1-го пласта по типам**

№ квадрата	Курганная и серая	курганная (в коллекции)	серая (в коллекции)	красноглиняная грубая	красноглиняная гладкая	всего	Инвентарные номера
1	29	(4)		2	–	31	1–5
2	22	(1)	(1)	1	–	23	6, 7
3	26			–	–	26	–
4	20	(1)	(4)	2 (1)	–	22	14–19
5	32	(4)	(2)	1	–	33	8–13
6	14			2	–	16	–
7	23	(5)	(1)	2	–	25	28–33
8	26	(1)	(3)	–	1	27	20–23
9	11	(2)	(2)	2	–	13	24–27
10	33	(2)	(2)	1 (1)	–	34	34–39
11	24	(3)	(3)	2	–	26	40–46
12	35	(1)	(3)	3 (3)	–	38	47–53
13	13		(2)	–	–	13	54–55
14	–			–	–	–	–
15	11	(1)		2	–	13	56
16	10			2 (1)	–	12	57
17	25		(2)	–	–	25	58, 59
18	31	(1)	(2)	–	–	31	60–62
19	2			–	–	2	–
Всего	408	(26)	(27)	19 (6)	1	428	62
%	95,35 %	46,5 %	48,5 %	4,75 %	0,25 %		
Яма 1		9	12			21	63–83
%		43%	57%				

проезда наряду с волнистым орнаментом присутствуют явные образцы ранней "косой волны" (МК. Табл. 43, № 2038, 1868).

Судя по описанным выше формам Царевский комплекс стоит ближе всего к группе комплексов типа *сруба 1 Исторического проезда*, датируемых второй половиной XIII в. Более же значительный, чем в последнем, процент курганной посуды (соотношение 43–57% против 6–94% сруба 1) можно объяснить сохранением на периферии княжества старых технологических традиций при быстром распространении форм сосудов, подверженных моде. Такое допущение позволяет объяснить присутствие значительного процента технологически курганной посуды при полном отсутствии домонгольских форм.

Керамика из 1-го пласта селища Царево-1. Если комплекс из ямы 1 отражает хронологически достаточно узкий период бытования керамики, соответствующий времени функционирования усадьбы, на территории которой располагалась эта хозяйственная яма, то материал 1-го пласта теоретически должен отражать более широкий диапазон времени, соответствующий периоду существования поселения. Между тем он практически совпадает с материалом комплекса, лишь немного дополняя его. Отчасти это можно объяснить незначительными размерами раскопа (76 кв. м), отчасти тем, что скорее всего он не затронул соседних усадеб (фрагменты из 1 и 18 квадратов, расположенных в 15 метрах друг от друга, подклеились – 78-Ц-3 и 78-Ц-62). Однако если бы поселение было многослойным, это обстоятельство несомненно отразилось бы в материале. Керамический материал (428 фрагментов), распределялся по типам следующим образом (табл. 1)

Таблица показывает, что за исключением одного фрагмента белоглиняной грубой керамики, датируемой в пределах последней четверти XV–XVI вв., материал принадлежит более раннему времени – периоду распространения курганной и серой посуды. Поскольку красноглиняная грубая посуда присутствует в небольшом проценте на всем пространстве раскопа, она не может быть связана с какой-либо локальной хозяйственной деятельностью более позднего времени. Следовательно, культурный слой отложился в тот период, когда серая керамика преобладала над курганной, а красноглиняная грубая посуда только начала распространяться.

Соотношение курганной, серой и красноглиняной грубой керамики составляет 46%, 48% и 5%. **Курганная керамика** представлена сериями венчиков 3-го, 4-го и 7-го вариантов, а также отдельными образцами 1-го и 5-го вариантов (рис. 14, справа). 3-й вариант представлен наряду с уже описанными сосудами с секировидным (78-Ц-35, 78-Ц-53) и эллипсовидным (78-Ц-25) валиками и другими формами. 78-Ц-42 имеет ярко выраженную площадку-упор под крышку. Подобное решение края сосуда имеет корчага из *нижнего слоя Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 20). В том же комплексе отыскивается аналогия венчику миниатюрного сосуда 78-Ц-32 1-го варианта с заостренным валиком, выполненным в качестве упора под крышку (МК. Табл. 21, № 420). Можно указать также на типичный кососрезанный венчик 4-го варианта (77-610, 78-Ц-2). Кососрезанные венчики с закраинами

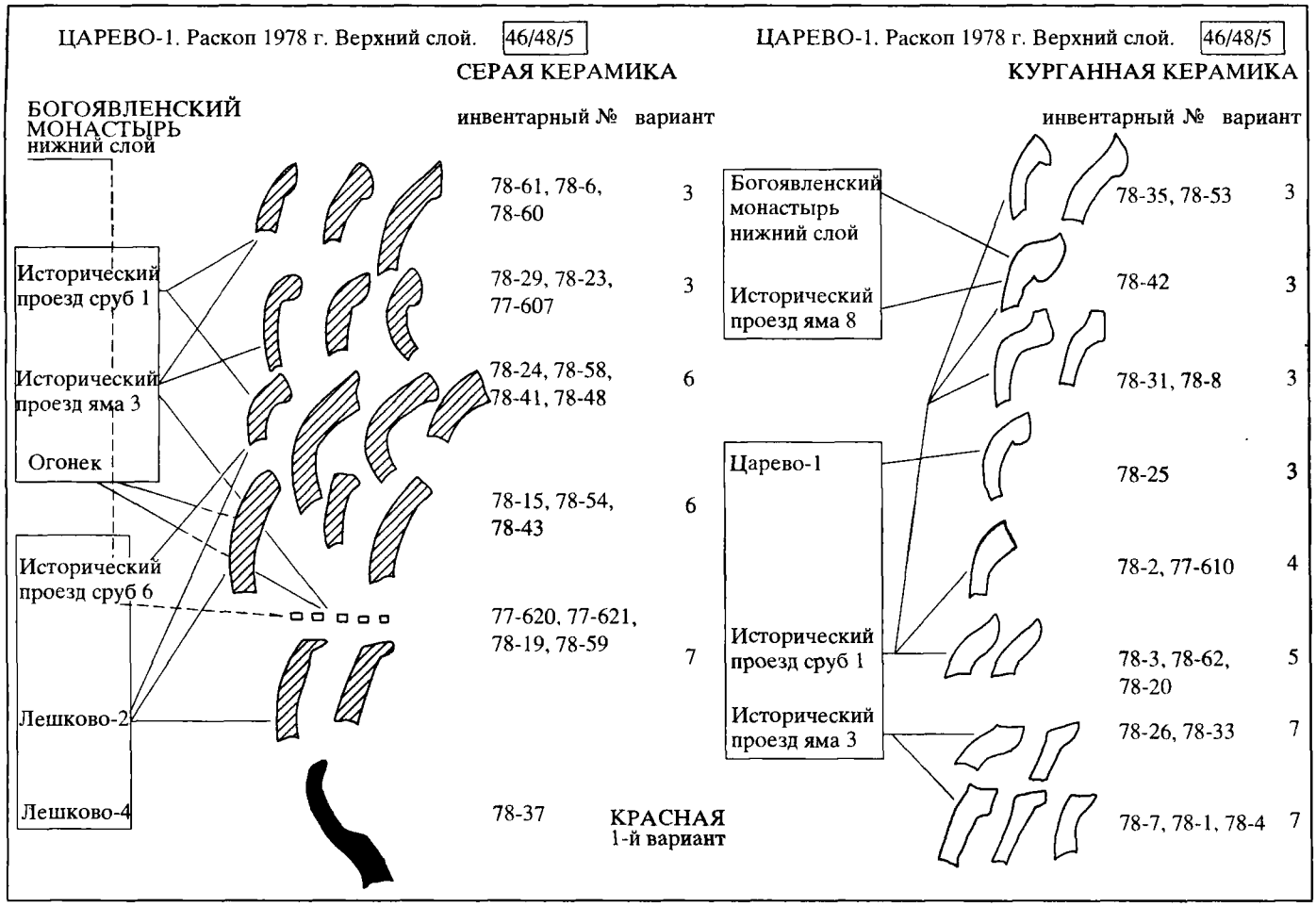


Рис. 14. Селище Царево-1. Раскоп 1978 г. Керамика из верхнего слоя. Схема связей керамических форм с сосудами из закрытых комплексов керамики

(77-606, 78-Ц-31, 78-Ц-8), аналогии которым есть в *срубе 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 30, № 982), и на венчики 5-го варианта с заостренным ребром по краю (78-Ц-3, 78-Ц-62 и 78-Ц-20), встреченные в том же комплексе (МК. Табл. 31, № 998; 32, № 585). Значительная серия сосудов относится к 7-му варианту (коническая воронка). За исключением 78-Ц-26, имеющего наклон в 45 градусов, все венчики (78-Ц-1, 4, 7, 33) наклонены под углом в 30 градусов. Круг аналогий этих сосудов уже указывался. Отдельно следует указать на фрагмент 78-Ц-56, выполненный в весьма архаичной технологии. Это прямой венчик, наклоненный под углом 45 градусов, с небольшим валиком изнутри.

Серая керамика (рис. 14, слева). Так же как и в закрытом комплексе, этот тип керамики технологически отличается от курганной лишь заглаженностью поверхности и типом обжига, при котором черепок получал в изломе однослойный серый или темно-бурый цвет. Таковы 18 из 21 фрагмента, взятых в коллекцию. К 3-му варианту относятся фрагменты 77-607 –77-609, 78-Ц-61, 78-Ц-6, 78-Ц-60, 78-Ц-29. Венчик 78-Ц-61 трехслойный, но по небольшому эллипсовидному валику может быть отнесен к серой посуде. Горшки данной формы встречены в комплексах из *сруба 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, № 839), *сруба 2 Монетного двора* (МК. Табл. 54, № 3700; 55, № 1928 и др.), *Лешково-2* (МК. Табл. 66, № 74). Ближайшие аналогии отыскиваются в комплексе *Лешково-4*, где указанная керамика представлена значительной серией (МК. Табл. 67, № 505 и др.). Что касается форм 3-го варианта, то они продолжали бытовать вплоть до того момента, когда серая посуда вышла из употребления (конец XIV в.). Так, точную аналогию сильно профилированного венчика 77-609 из Царева-1 находим в комплексе из *Шавыкина монастыря* (1380-е–1390-е годы) (*Чернов*, 1995. С. 140. Рис. 7, 6-й снизу). У 78-Ц-6 по мере приближения к краю сосуда ширина стенки увеличивается. Аналогии – в *Лешково-2* (МК. Табл. 65, № 97; 66, № 89). Более редкую вариацию представляет венчик 78-Ц-60. Шейка его плавно переходит в венчик. Край – острый с небольшим подтреугольным валиком снаружи. Шейка украшена орнаментом, который представляет собой раннюю форму косой волны (симметричная волна). Подобная орнаментация уже описывалась выше с указанием на комплекс из *ямы 3 Исторического проезда*, где она представлена весьма широко (МК. Табл. 43, № 2107 и др.).

Стадиально наиболее развитую версию серой посуды 3-го варианта представляют венчики с крупными полушарной формы валиками – 77-607 и 78-Ц-29.

Важно подчеркнуть, что таких форм нет в комплексах типа сруба 1 Исторического проезда, зато они присутствуют в *яме 3* (МК. Табл. 43, № 1900) и *срубе 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 48, № 2302). Особенно много их в *Лешково-2* (МК. Табл. 66, № 81, 93).

Обратимся теперь к серым горшкам 6-го варианта со слабо отогнутым наружу и срезанным венчиком. Заметим, что в комплексе этой группы керамики не было. В слое же они составляют наиболее многочисленную серию: 78-Ц-15, 78-Ц-24, 78-Ц-41, 78-Ц-43, 78-Ц-48, 78-Ц-54, 78-Ц-58. Данная серия может быть несколько условно разделена на три группы. К первой относятся венчики небольших горшков 78-Ц-24 и 78-Ц-54, которые являются переходной формой между 3-м и 6-м вариантами и не несут ярко выраженных признаков, которые позволили бы отыскать им конкретные аналогии. Вторая группа, наиболее многочисленная, – классические образцы посуды данного варианта. Это массивные венчики крупных горшков, отогнутые под углом 45 градусов с прямым или косым срезом на конце с двумя достаточно острыми ребрами. Такая керамика изготавливалась практически на всех стадиях бытования серой посуды. Аналогии ее имеются как в *срубе 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, № 733), так и комплексах следующего этапа: *срубе 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 49, № 2233) и *Лешково-2*, где зафиксировано около 10 сосудов данного варианта (МК. Табл. 65, № 71–73, 76, 78). Имеется подобная керамика и в комплексе из *Шавыкина монастыря* (*Чернов*, 1995. С. 140. Рис. 7, 2-й–5-й сверху). В отличие от описанных выше вариаций, венчик массивного горшка 78-Ц-15 несет явные следы развитой стадии производства серой керамики. Его отличает отсутствие острых ребер по краю, сообщающее венчику некоторую одутловатость. Подобные сосуды известны исключительно в комплексах *Огонек* (МК. Табл. 63, № 7–9), *Лешково-2* (МК. Табл. 66, № 80, 216) и *Шавыкина монастыря* (*Чернов*, 1995. Рис. 7, 1-й сверху). Как показал анализ раннего материала из селища Семхоз-4, присутствие поздних форм венчиков 6-го варианта маркирует период керамического производства, занимающий стадиально промежуточное положение между Лешково-2 и Шавыкиным монастырем и предположительно связываемый с третьей четвертью XIV в.

Таким образом, часть сосудов 3-го и 6-го вариантов проявляет устойчивую связь с комплексами *Лешково-2*, *Огонек*. То же самое можно сказать и применительно к венчикам 7-го варианта с закраинами (78-Ц-9, 78-Ц-12), аналогии которых отыскиваются в *Лешково-2* (МК. Табл. 65, № 98, 169).

Имея в виду наблюдения над материалом, относящимся к развитому периоду производства серой керамики, обратимся к **красноглиняной грубой посуде**, найденной в верхнем слое Царево-1. Красноглиняная грубая керамика отсутствует в комплексе из ямы 2, а в верхнем слое составляет 4,75%. Это немного меньше того, что зафиксировано в срубе 6 Исторического проезда (10%) и Лешково-2 (13%). Для сравнения укажу, что в стадиально несколько более позднем комплексе Лешково-4 красноглиняной керамики 22%, в Семхозе-4 – 73%, а в Шавыкином монастыре 62%. Таким образом, сразу же следует отбросить возможность отнесения позднего материала Царева-1 к комплексам стадиально более поздним, чем Лешково-2. Этому выводу не противоречит и круг аналогий красноглиняной грубой посуды.

Серия стенок сосудов, которая относится к данному типу керамики (78-Ц-49–78-Ц-51, 78-Ц-57), имеет ряд общих характеристик. В качестве примеси использован среднезернистый песок (кварциты не более 1 мм). Обжиг полный окислительный. Черепок в изломе однослойный, темно-бурого или серого цвета. Поверхность хорошо заглажена. Единственной керамической формой, которая уверенно может быть связана с красноглиняной грубой керамикой, является венчик 78-Ц-37 (рис. 14, слева внизу). По технике изготовления он вписывается в очерченные выше параметры лишь частично, поскольку в качестве примеси при его изготовлении использовались довольно крупные кварциты (до 1,5 мм), а обжиг был неполным (серая полоса в изломе черепка). Тем не менее, форма венчика не оставляет сомнений в его атрибуции. Он имеет заостренный край, что позволяет относить его к 1-му варианту, и ребро по плечику. Верхняя часть плечика украшена рядом глубоких треугольных вдавлений и горизонтальным орнаментом. Обращаясь к аналогиям, следует отметить, что венчики 1-го варианта преобладают среди ранней красноглиняной керамики *Лешково-2* (МК. Табл. 64, В). Близкая аналогия венчику из Царева-1 имеется и в *Шавыкином монастыре* (МК. Табл. 68, № 17). К сожалению, найти аналогию орнаментации, использованной при изготовлении нашего венчика, пока не удалось. Зато есть аналогии "косой волны", которая украшает верхнюю часть плечика сосуда 78-Ц-18. Этот сосуд весьма характерен для финальной стадии керамики верхнего слоя Царева-1. Толщина черепка (8 мм) и наличие среди примесей крупнозернистого песка (1–1,5 мм) и даже дресвы сближают его с серой посудой. В свою очередь, наличие ребра по плечику (впрочем, весьма архаичного) и орнамента явно принадлежит новым традициям, которые вскоре определят облик красноглиняной московской посуды. "Косая волна" имеет весьма развитый вид ("наклонная волна"), которая становится широко распространенной лишь во второй половине XIV в. Однако встречается она и на ранней стадии производства красной керамики. Об этом говорит присутствие аналогичной орнаментации на сосуде из комплекса *Огонек* (МК. Табл. 63, № 18). Данный комплекс имеет весьма близкие связи с поздним материалом из Царево-1 не только в плане керамических форм (об этом уже шла речь выше), но и в плане орнаментации. Здесь присутствуют образцы волнистого орнамента, переходного к "косой волне" (МК. Табл. 63, № 7) и штампа (МК. Табл. 63, № 17), который зафиксирован в Царево-1 (77-620, 77-621).

Сравнение материала из ямы 1 и из 1-го пласта раскопа на селище Царево-1 весьма существенно в методическом плане. Оно показывает, что керамическая коллекция из слоя однослойного памятника, отражающего керамику, бытовавшую на одной усадьбе, демонстрирует высокую степень близости с керамическим комплексом из постройки. В то же время подоб-

ная коллекция более чутко отражает этапы жизни усадьбы, чем комплекс из конкретного сооружения. Таким образом, она менее информативна, чем закрытый комплекс, в плане изучения единовременно бытовавших серий керамики и более информативна в плане изучения хронологии поселения или его части. В свою очередь, керамическая коллекция, полученная при площадном сборе на пашне, может быть рассмотрена как упрощенный вариант коллекции из слоя, подвергнутого раскопкам. Этот третий тип коллекции, хотя и не дает столь же исчерпывающую информацию о хронологии поселения, как коллекция из слоя, но (при соблюдении ряда технических требований) верно отражает основные хронологические этапы жизни поселения. Его преимущество состоит в том, что сборы могут быть проведены на большей площади, чем раскоп, а порой охватить и все поселение.

Частью археологического комплекса является курганная группа Царево-1, выявленная в 1977 г. Она расположена в 65 м к юго-западу от селища, несколько выше его по течению р. Прорванихи, на возвышенном участке края террасы, отметки которого превышают уровень селища на 1–3 м (рис. 13). Пять насыпей этой группы расположены компактно (30 × 30 м) в небольшой рощице, на границе поля и леса, покрывающего склон к реке. Высота насыпей колеблется от 0,6 до 0,3 м, диаметр – от 4,5 до 7 м. Курганы 1, 3 и 4 имеют по одному ровику. В 1977 г. все курганы были в хорошей сохранности. Судя по отсутствию на их поверхности кладоискательских ям, они не были нарушены. Обследование 4.01.95 г. показало, что в районе насыпей 2 и 3 поверхность земли перекопана. Курганная группа не исследовалась раскопками, но, судя по результатам раскопок близлежащих курганных групп Останкино-1 и Останкино-2 на противоположном берегу Прорванихи, ее следует относить к первой трети XIII в. или несколько более раннему времени.

Итак, в верхнем слое селища Царево-1 фиксируются две керамические группы. Первая (ранняя) группа представляет собой фактически часть комплекса из ямы-1 и близка комплексу из *сруба 1 Исторического проезда*. Датировать ее можно третьей – частью четвертой четвертью XIII в. Вторая (поздняя) группа тяготеет к комплексам *сруб 6 Исторического проезда*, *Огонек и Лешково-2*. Датировать ее можно в пределах конца XIII – первой четверти XIV в., а возможно, второй четверти XIV в. Эти данные в сочетании с незначительными размерами курганной группы, которая вряд ли функционировала более полувека, позволяют предполагать, что поселение на месте Царевского городища возникло в самом конце XII или в первой трети XIII в. Тогда же начали осуществляться захоронения в курганной группе. В середине – третьей четверти XIII в. возникает поселение к югу от Волкова оврага (селище Царево-1) и, видимо, тогда же создается укрепление мысового типа. Впрочем, нельзя исключить и появление его в предмонгольское время. Комплекс укрепленного и неукрепленного поселения функционировал на протяжении второй половины XIII в. и первой четверти XIV в. Активная хозяйственная жизнь прекратилась на нем во второй четверти XIV в.

Первые известия о волости Воря содержатся в духовных грамотах Ивана Калиты 1336 и 1339 гг., где она фигурирует среди волостей удела княгини Ульяны (ДДГ. С. 8, 9). В составе этого удела волость Воря находилась примерно до середины 1370-х годов, после чего перешла к великому князю Дмитрию Ивановичу. Прямых упоминаний, позволяющих локализовать центр волости, нет. Однако вся сумма актовых известий о селениях, располагавшихся в пределах этой административной единицы, дает основание идентифицировать центр волости (для первой четверти XIV в.) с комплексом археологических памятников в районе Царевского городища. Позднее он, судя по всему, переместился в с. Царево.

Обратимся теперь к памятникам, на которых выделяется керамика, близкая комплексу Царево-1. Не смотря на то, что на протяжении двух полевых сезонов район подвергался сплошным разведкам, которые сопровождались систематическими сборами подъемного материала и шурфовкой, памятников, на которых выделена керамика данного круга, относительно немного – 18 (рис. 12). Незначительное число памятников этого периода контрастирует со значительным их числом в первой трети XIII в. и XIV в. Вначале опишем поселения, которые возникли в домонгольское время и имеют слои второй половины XIII в.

Барково-2

Это самое верхнее по течению р. Вори поселение, имеющее при себе курганную группу. Оно расположено в 1,8 км к югу от одноименного села и в 1 км выше по течению реки от археологического комплекса Михайловское-1 (рис. 2, *1*, *2*; 12, *2*). В 1969 г. кладоискателями г. Красноармейска на правом берегу р. Вори, в лесу, в 2 км от города, было раскопано 3 кургана. Р.Л. Розенфельд, выехавший на место, установил, что в курганах были обнаружены трупоположения на материке, имевшие западную ориентировку. Вещи были переданы в ГИМ (рис. 15, Б) (Розенфельдт, 1969). В кургане 1 было обнаружено женское погребение с четырьмя проволочными браслетообразными завязанными на оба конца височными кольцами и одним дротовым круглым в сечении височным кольцом. Кроме того, найдены привеска-уточка, два перстня (пластинчатый широкосрединный завязанный и проволочный с заходящими концами), а также золотостеклянные бочонкообразные и цилиндрические бусы (одна бусина из сердолика) и горшок курганного типа (2-й вариант) с волнистым орнаментом и клеймом в виде круглоконечного креста в круге. Во 2-м кургане в ногах погребенного обнаружен горшок (6-й вариант) с волнистым орнаментом и аналогичным клеймом. В 3-м кургане в ногах погребенного обнаружен горшок (6-й вариант) с волнистым орнаментом по шейке. Погребение в 1-м кургане (завязанные браслеты, золотослеклянные бусы, трупоположение на материке) может быть датировано серединой XII в. Остальные два погребения (горшки

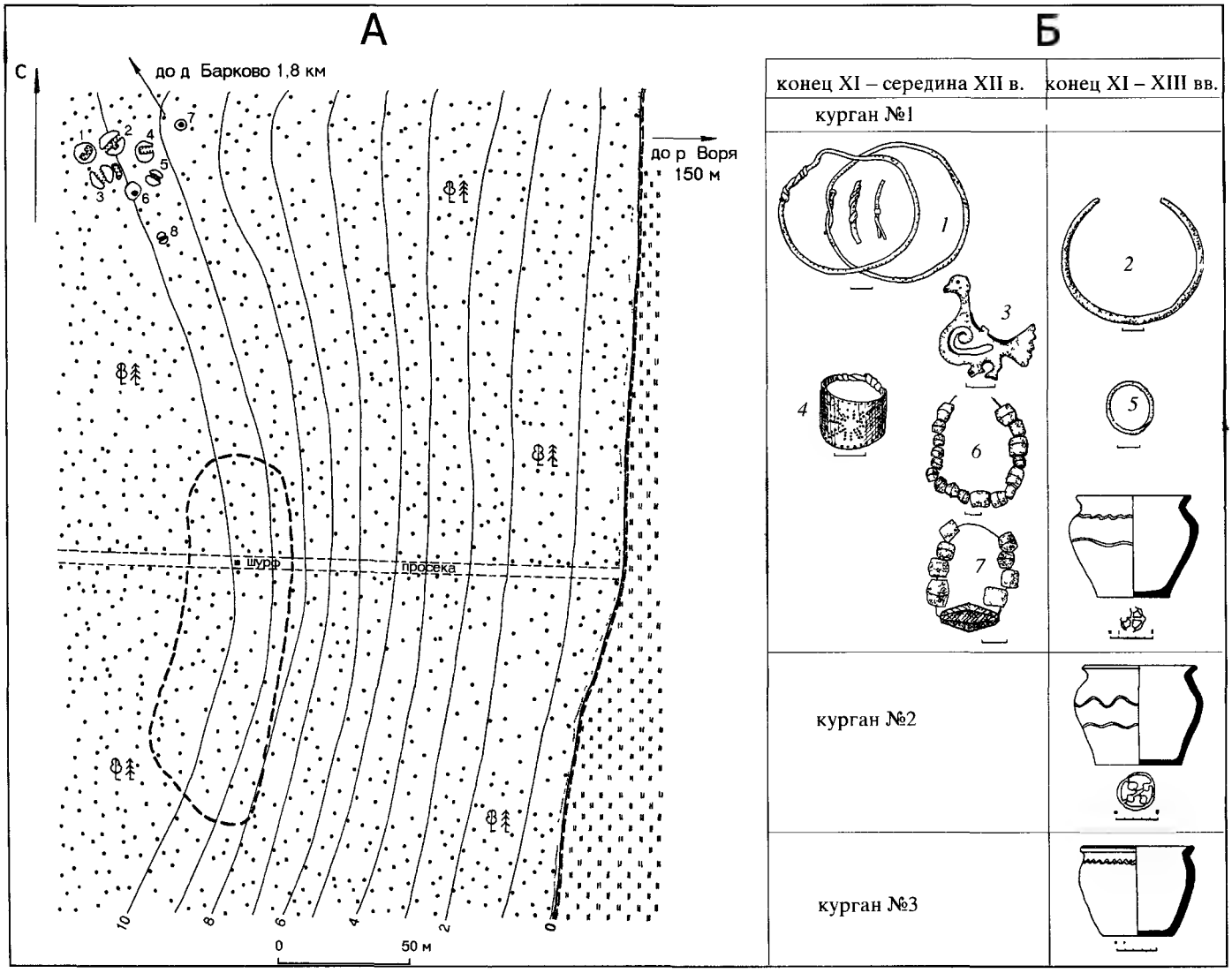


Рис. 15. Селище и курганная группа Барково-2

А – план 1977 г.; Б – инвентарь погребений, раскопанных в 1969 г. (номера см. в Прил. 4)

курганного типа, трупоположения погребения на материке) датируются более широко – XII в., скорее, его второй половиной.

Р.Л. Розенфельдт трактовал раскопанные в 1969 г. курганы как одну из Михайловских курганных групп, исследовавшихся Ю.Г. Гендуне. Однако такой трактовке противоречит расположение группы на правом берегу р. Вори. В 1977 г. она была обнаружена в густом смешанном лесу в 2 км к ССЗ от северной окраины г. Красноармейска и в 1, 5 км от городища Пирожная гора в том же направлении (рис. 15, А). Курганы занимают край первой террасы, который возвышается над уровнем реки на 10 м и полого спускается к пойме на пространстве в 170 м. Расстояние до реки 320 м. В группе 8 насыпей. Высота курганов от 0,4 м до 1 м, диаметр – от 9 м до 3,5 м. Ровик имеет только курган 3. Все курганы раскопаны грабительскими траншеями до материка (*Чернов*, 1977а. С. 8–10, 49–51).

В 80 м к югу от могильника, на бровке террасы, полого спускающейся к пойме р. Вори, было обнаружено **селище Барково-2** площадью 5,5 тыс. кв. м, вытянутое вдоль бровки (рис. 15, А). Шурф (2 × 2 м), заложенный в центральной части поселения на лесной просеке, выявил культурный слой мощностью 0,4 м. В зачистке материка прослежена заглубленная на 0,1 м полоса шириной 0,8 м, уходившая в стенки шурфа, – возможно, след какого-либо наземного сооружения (*Чернов*, 1977а. С. 11, 52, 53).

Керамическая коллекция включает 42 фрагмента (рис. 16). Соотношение курганной, серой и красной грубой керамики составляет 20%, 55%, 25% и дает основание полагать, что наиболее активная хозяйственная жизнь поселения совпала с периодом господства серой керамики (вторая половина XIII – первая половина XIV в.) Из определимых фрагментов 2 принадлежат курганной посуде, 6 – серой, 5 – красноглиняной грубой и 1 белоглиняной грубой керамике. **Серая керамика** однородна в технологическом отношении (примесь среднезернистого песка в тесте, заглаженная поверхность) и представлена горшками трех вариантов. К 1-му варианту – со слабоотогнутым наружу

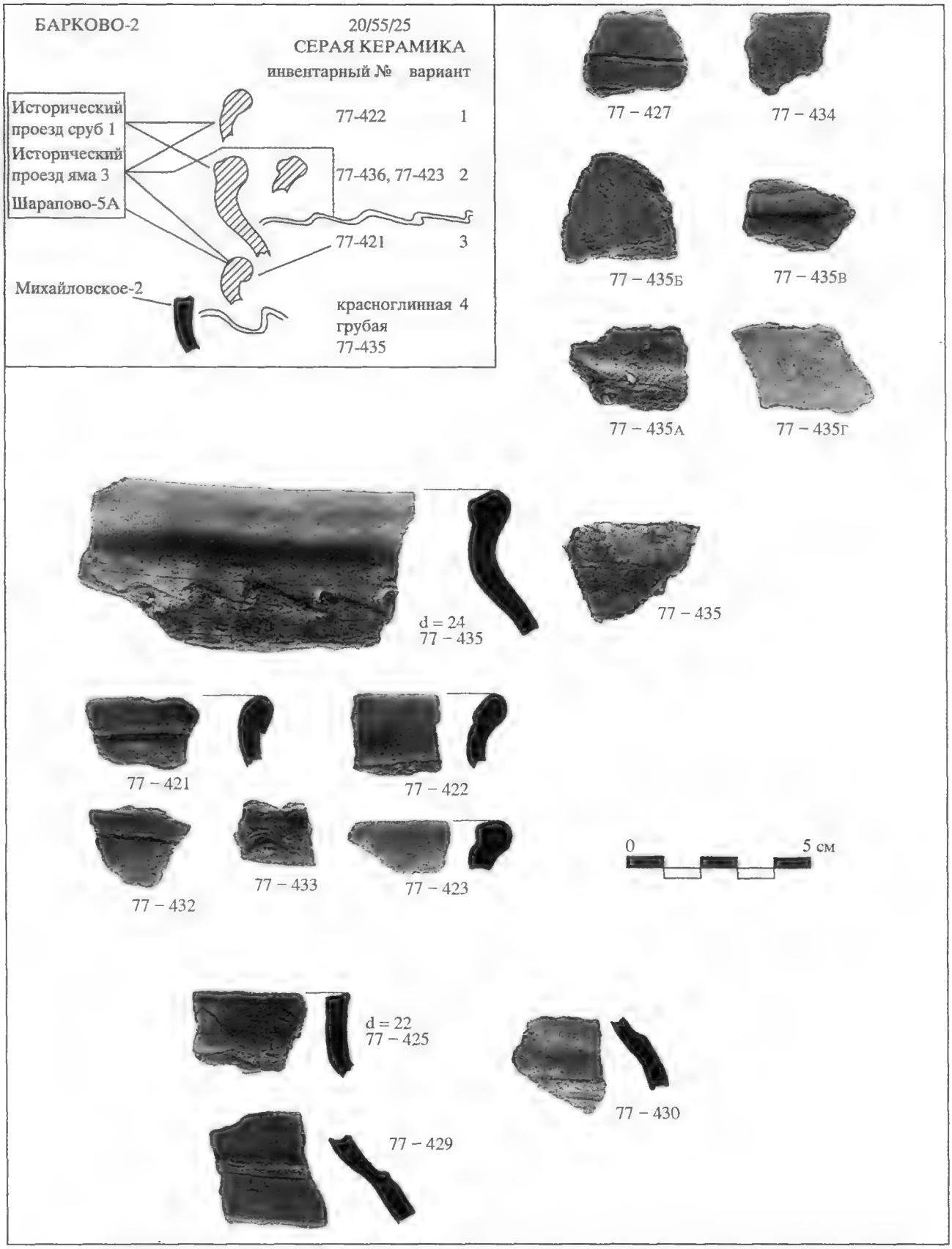


Рис. 16. Селище Барково-2. Керамика. Схема связей керамических форм с сосудами из закрытых комплексов керамики и фотографии керамики

венчиком и утолщениями с обоих сторон – относится венчик 77-422. Серии таких сосудов имеются в комплексе из *сруба 1* (МК. Табл. 32, № 641, 737, 941) и *ямы 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 40. № 2040, 1929, 2166 и др.). Особенно интересна верхняя часть большого (D венчика 24 см) горшка 77-435. Он относится к 5-му варианту серой керамики, который отсутствует в комплексах, где серая керамика еще не имеет широкого распространения (*Богоявленский монастырь* и др.) и появляется в комплексах типа *сруб 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 34, № 880). Верхняя часть сосуда отогнута очень слабо и оформлена в виде подтреугольного венчика, который впоследствии станет одной из характерных черт красноглиняной грубой московской керамики (МК. С. 24). Не менее ценным хронологическим индикатором служит нанесенный по шейке орнамент в виде несимметричной волны. Подобные орнаменты, переходные к "косой волне", зафиксированы в *яме 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 43, № 184, 2107). К тому же типу серой керамики относится и 77-423. Не менее характерным образцом развитой серой керамики (3-й вариант) может служить вертикально стоящий венчик 77-421 с эллипсовидным валиком снаружи. В комплексах типа *нижнего слоя Богоявленского монастыря* она не встречается, зато составляет внушительные серии в *Царево-1* (МК. Табл. 62, А. № 1), *яме 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 39. № 2124), *срубе 2 Монетного двора* (МК. Табл. 55, № справа от № 2171), *Шарапово-5А* (МК. Табл. 62, В. № 6 – керамика из этого комплекса, в которой еще ощущается курганная традиция, более архаична, чем фрагмент из Баркова-2) и *Лешково-2* (МК. Табл. 66, № 83, 93). Орнаментация нанесена как по сырой (77-432, 77-433), так и по сухой поверхности (77-435), причем в последнем случае это редкая линейная орнаментация, которая широко представлена в комплексах *сруба 1* и *ямы 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 35, 36, 39, нижняя часть).

Таким образом, серая керамика из Баркова-2 находит многочисленные аналогии в комплексах типа *сруб 1 Исторического проезда – Царево*, а также в комплексах из *ямы 3 Исторического проезда и Лешково-2*. В работах 1991–1992 гг. комплекс из ямы 3 Исторического проезда был датирован концом XIII – первой половиной XIV в. на основании находки обломка поливной золотоордынской кашинной керамики с подглазурной полихромной росписью (черная и синяя по светло-зеленой поливе) (*Чернов*, 1991б. С. 25; *Чернов, Бойцов*, 1992. С. 211–230). В.Ю. Коваль, опираясь на результаты своих исследований, по которым "подобная керамика начала поступать на Русь не ранее второй четверти XIV в.", предложил передатировать комплекс из ямы 3 и отнести его ко второй половине XIV – началу XV в. (*Коваль*, 2000. С. 77). Столь радикальная передатировка не может быть принята, поскольку керамические комплексы второй половины XIV в. имеют мало общего с материалом из ямы 3. Тем не менее наблюдения В.Ю. Коваля о времени появления в Москве золотоордынской кашинной керамики несомненно должны быть учтены. Они позволяют сузить датировку ямы 3. Верхний слой щепы (отражающий финальный период жизни и этап разрушения постройки), из которого происходит кашинная керамика, следует датировать второй четвертью XIV в. (этому не противоречат находки в нем среднещиткового перстня голубого непрозрачного стекла и фрагмента сосуда из бесцветного стекла с орнаментом из непрозрачного красного, голубого и желтого стекла). Что касается нижнего опесчаненного слоя, который откладывался в период функционирования сооружения, то его можно пока датировать расширительно в пределах первой и второй четвертей XIV в. На это указывает находка в нем стеклянных браслетов – черного и синего крученого, производство которых, по мнению Ю.Л. Щаповой, прекратилось в 1240 г.

С учетом сказанного можно полагать, что поселение Барково-2 возникло в середине – второй половине XII в. Судя по незначительному количеству курганов, можно полагать, что вплоть до первой трети XIII в. здесь были погребены жители одного–трех дворов. Керамический материал, происходящий из центральной части поселения, показывает, что оно продолжало функционировать во второй половине XIII – первой половине XIV в. и в XV в. Венчик 77-425 относится к 4-му варианту красноглиняной грубой московской керамики (вертикально стоящий с плоским краем), украшен косой волной (рис. 25) и имеет аналогии в комплексах типа Михайловское-2 первой половины XV в. (МК. Табл. 70). Фрагмент сосуда из белой глины 77-435щ с ребром по плечику может быть датирован XV в.

Алексеевка-5

Это небольшое (2 тыс. кв. м) поселение, как и предыдущее, расположено на участке течения р. Вори, который был слабо заселен как в первой трети XIII в., так и в XIV–XVI вв. Оно было обнаружено в 1977 г. в лесу, на левом берегу реки Вори, у южной оконечности пойменного Бахорева болота, в 1,8 км к СЗ от д. Алексеевки (рис. 12, *28*). Селище занимает край террасы р. Вори, которая возвышается над поймой всего на 3–4 м (рис. 17, А). Оно удалено от реки на 200 м и от старицы – на 40 м. Курганной группы при селище нет (*Чернов*, 1977 в. С. 16, 40, 41). Шурф (1 × 1 м) выявил слой мощностью 0,25–0,3 м. Среди восьми фрагментов керамики доминирует курганная посуда (рис. 17, Б). Отогнутый под 90 градусов венчик с легким утолщением с внешней стороны может быть отнесен к 5-му варианту курганной посуды, аналогии которому имеются в *нижнем слое Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 21, № 93, 229, 518). Не менее типичны для древнерусской посуды два фрагмента стенок с многочисленными выступающими на поверхности кварцитами, украшенные волнистым орнаментом, нанесенным на сырую поверхность сосуда. Имеется и верхняя часть сосуда в виде конической воронки (7-й вариант), которые типичны как для курганной (МК. Табл. 22, № 122; 27, № 2573, 2577), так и для серой посуды (см., например, в комплексе из *ямы 3 Исторического проезда* – МК. Табл. 43, № 2010). Таким образом, не вызывает сомнения присутствие на

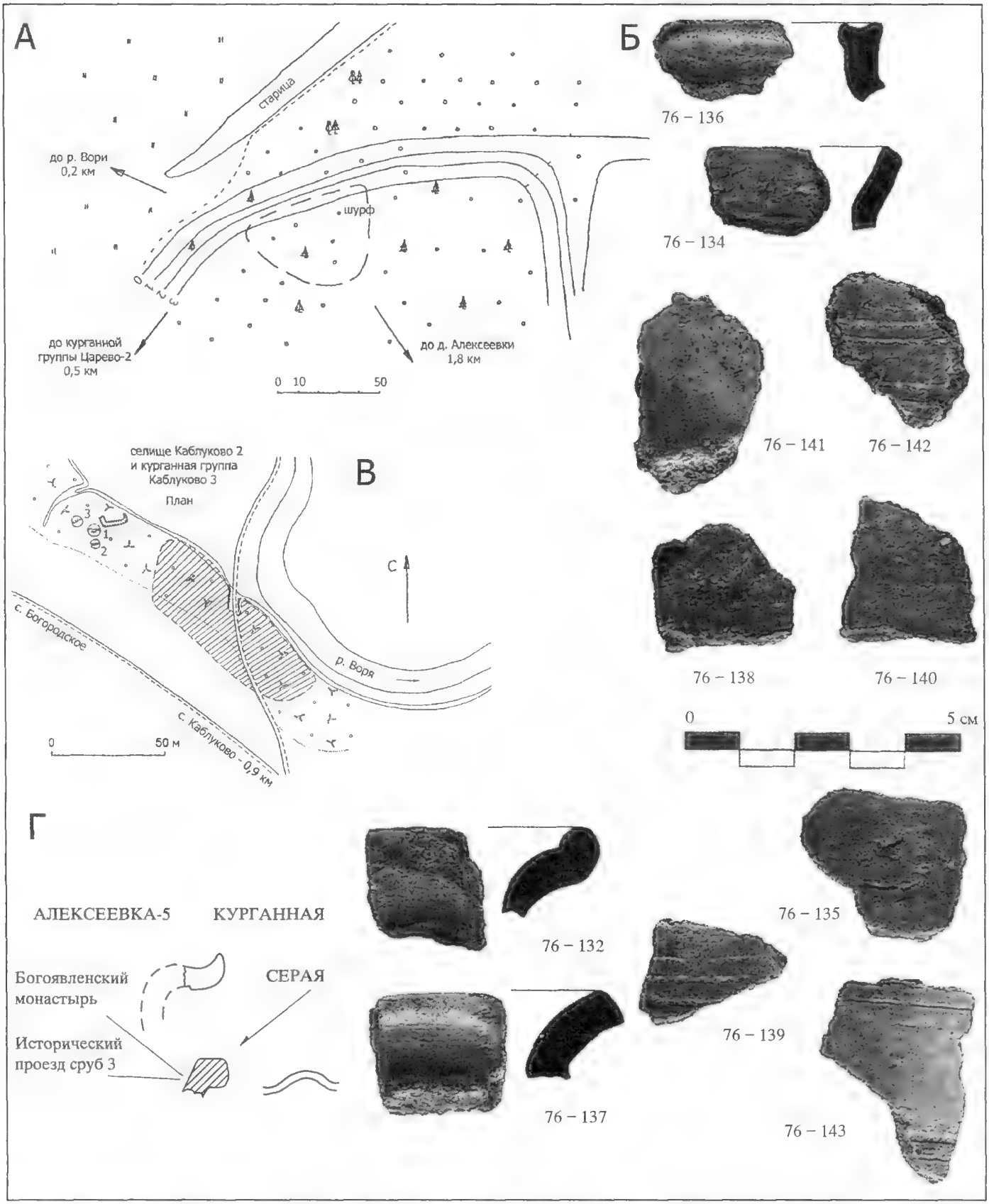


Рис. 17. А – план селища Алексеевка-5 (1977 г.); Б – керамические формы селища Каблуково-2; В – план селища и курганной группы Каблуково-2 (1977 г.); Г – керамика селища Алексеевка-5

памятнике материала первой трети XIII в. Можно предполагать, что поселение это возникло незадолго до того, как курганный обряд перестал практиковаться (видимо, около середины XIII в.), и продолжало существовать во второй половине XIII в., хотя последнее требует дополнительных подтверждений раскопками.

Начиная от д. Воря-Богородское пойма Вори расширяется до 1 км. На правом берегу реки, напротив обширного лугового массива, расположено три археологических комплекса домонгольского времени: Каблуково-3, Каблуково-2 и Каблуково-1 (включает селища Каблуково-4-5).

Каблуково-3

Селище было обнаружено в 1977 г. в 2 км к СЗ от села Каблуково, на мысу при впадении Лапинского ручья в р. Ворю, у дороги из Вори-Богородского в Каблуково (рис. 12, *37, 38*). Оно расположено в лесу у крутого склона, на бровке второй террасы р. Вори, возвышающейся над рекой на 10 м (*Чернов*, 1991а. С. 121. Рис. 5, *1*). Культурный слой прослежен вдоль бровки на площади 3 тыс. кв. м. Мощность его всего 0,2 м, и он слабо насыщен керамикой. Хотя шурф (1 × 1 м) пришелся на яму в материке (0,9 × более 0,7 м), содержавшую прослойку обожженной глины, он не дал сколько-нибудь выразительной серии керамики (всего 9 фрагментов). Уверенно выделяется **курганная посуда** с венчиками 4-го и 7-го вариантов. В 150 м к югу от поселения на небольшой возвышенности, в лесу, обнаружена группа из 16 курганов. Высота их колеблется от 0,3 до 2,5 м, а диаметр – от 7 до 14 м. Почти все курганы имеют ровики глубиной от 0,8 до 1,2 м. По состоянию на 1977 г. насыпи 1, 4, 10, 11, 13 и 14 были раскопаны кладоискательскими ямами (*Чернов*, 1977в. С. 16, 40, 41). В 1982 г. 10 курганов были исследованы Р.Л. Розенфельдтом. Они содержали трупоположения в подкурганных могильных ямах с западной и ЗЮЗ ориентировкой. При погребениях найдены медные проволочные браслетообразные, перстневидные и пятибусинные височные кольца, пластинчатые, рубчатые и плетеные перстни, сердоликовые бипирамидальные, янтарные, шаровидные стеклянные и хрустальные, стеклянные рыбовидной формы и цилиндрические пастовые бусы. Исследователь отнес погребения к XII в. (*Розенфельдт*, 1982, Л. 2–29). Однако, учитывая господство ямных захоронений, можно предполагать, что некрополь продолжал использоваться и в первой трети XIII в.

Каблуково-2

Курганная группа из трех насыпей была обнаружена в 1975 г. на правом берегу р. Вори, в 0,9 км к СЗ от с. Каблукова, на краю поля. В 30 м от него расположено селище (рис. 2, *35, 36*; 12, *36*) (*Розенфельдт*, 1975. Л. 4, 5). Как показало обследование 1976 г. высота курганов от 0,6 до 1 м, диаметр 4–6 м. Насыпи 1 и 3 наполовину снесены бульдозером. Поселение занимает край плоской террасы в 15 м от реки и на высоте в 5 м от нее. Площадь селища, которое вытянуто вдоль реки (90 × 30 м), 2,2 тыс. кв. м (рис. 17, В) (*Чернов*, 1976. С. 10, 11, 40, 41).

Керамика (15 фрагментов – 76-132 – 76-145) происходит из шурфа 1, которым был вскрыт культурный слой мощностью 20 см (рис. 17, Б). Ранний материал делится почти поровну между курганной (7) и серой (5) посудой. **Курганная керамика** представлена двумя венчиками (76-134, 76-136) и стенками (76-135, 76-138, 76-140, 76-141, 76-142). Венчик 76-136 имеет горизонтальную постановку. Край сосуда оформлен в виде широкой (8 см) горизонтальной площадки, которая имеет выступающие края и желобок посередине. Указанные детали сближают рассматриваемый венчик с сосудами 7-го варианта, однако, в отличие от последних, он не имеет конической воронки: в 1 см от края горшка венчик переходит в плечико. Изготовлен 76-136 в курганной традиции. Глина имеет примесь крупнозернистого песка и дресвы (кварциты до 2 мм). Обжиг неполный окислительный. В изломе черепок трехслойный: черный внутри и бурый, местами оранжево-красный, на поверхности. Аналогии фиксируются в *курганном погребении* XII в. могильника *Поваровка* (МК. Табл. 13, № 3) и в *нижнем слое Богоявленского монастыря* в Москве (МК. Табл. 22, № 8991). Впрочем, в обоих случаях горшки имеют более высокий воронкообразный венчик. Небольшой горшочек 76-134 имеет слабо отогнутый кососрезанный венчик и может быть отнесен к 4-му варианту курганной керамики. В технологическом плане он не отличается от 76-136, но имеет еще более архаичный облик за счет многочисленных кварцитов, выступающих на внешней поверхности. Близкий по форме и технике изготовления венчик происходит из описанной выше *ямы 1 селища Алексеевка-2* (МК. Табл. 19, левый нижний фрагмент – № 77-А2-209). Отмеченная форма известна и для серой керамики – она встречается в комплексах *Лешково-2* (МК. Табл. 66, № 77) и *Лешково-4* (МК. Табл. 67, Б, 4, № 611). Однако последние сосуды отличаются от 76-134 в технологическом плане. Ярким образцом курганной керамики является фрагмент тулова горшка 76-142, покрытый сплошным горизонтальным рифлением. Толщина полос 2 мм, их разделяют тонкие перегородки шириной менее 0,5 мм. Фрагмент имеет толщину 6,5 мм. Он изготовлен из глины с примесью крупнозернистого песка и дресвы (кварциты до 2 мм). В изломе черепок трехслойный: темно-серый внутри и бурый с кирпичным оттенком – на поверхности. В той же технологии изготовлена нижняя часть тулова, переходящая в донце 76-141. На буро-розовой поверхности этого сосуда в большом количестве видны кварциты величиной до 1,5 мм. Следов заглаживания поверхности не видно. Фрагменты 76-138 и 76-140 также трехслойные в изломе, но цвет их поверхности несколько иной – темно-бурый, близкий к коричневому. Поверхностный слой на обоих частично отслоился.

Серая керамика выделяется по двум венчикам, имеющим характерную для данного типа посуды форму. Первый из них – 76-132 – довольно сильно профилирован. Край его завернут внутрь в виде округлого валика. Небольшое расширение фиксируется

и с внешней стороны. Четко читается вполне функциональный упор под крышку. По технике изготовления венчик далеко отстоит от рассмотренной выше курганной посуды. Он сформован из красножгущейся глины с крупнозернистым песком (кварциты до 1 мм). Поверхности, как внешняя, так и внутренняя, хорошо заглажены. Керамика прошла почти полный окислительный обжиг. Цвет поверхности – темно-бурый, переходящий в темно-серый, давший название серой керамике. Он лишь немного отличается от цвета черепка в изломе. Перед нами одна из разновидностей 1-го варианта серой керамики. Наиболее ранним комплексом, в котором она фиксируется, является *нижний слой Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 25, № 121, 600). Данная форма встречена в *срубе 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 30, № 884) и широко представлена в *яме 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 39, № 2079; 40, № 1925, 2032 и др.). В следующей по времени группе комплексов аналогии имеются в материалах *сруба 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 47, № 2308) и *ямы 5 Монетного двора* (найдена в переотложенном состоянии в более поздней яме 4 – МК. Табл. 59, № 3456). В комплексе из *Лешково-2* имеется лишь один подобный венчик (МК. Табл. 65, № 90), а в *Лешково-4* данная форма не встречена. Отсутствие ее в комплексе из Шавыкина монастыря позволяет датировать бытование рассматриваемой формы второй четвертью XIII – первой половиной XIV в.

Четвертый вариант серой керамики представлен венчиком 76-137. Это фрагмент довольно крупного горшка (толщина стенки 7 мм) с отогнутым и срезанным венчиком, внешний край которого несколько заострен. В технологическом плане он идентичен 76-132. Отличительной чертой является лишь то, что верхний край горшка был несколько перекален и приобрел светло-бурый цвет. Поверхность несет следы заглаживания. Хотя сосуды данного варианта использовались на всем протяжении бытования серой керамики, отыскать прямые аналогии венчику из Каблуково-2 не удалось. Можно говорить лишь о близких формах. Это горшки из *сруба 2 Монетного двора* (МК. Табл. 56, № 3702), *Лешково-2* (МК. Табл. 65, № 73), *Лешково-4* (МК. Табл. 67, Б, 2, № 103, 784) и *Шавыкина монастыря* (*Чернов*, 1995. Рис. 7, 5-й сверху). Таким образом, рассматриваемая форма наиболее типична для комплексов типа Лешково-2 и Шавыкина монастырь, которые датируются соответственно первой половиной XIV в. и 1380–1390-ми годами. Поздняя керамическая группа включает красноглиняные грубые и гладкие, а также белоглиняные шероховатые сосуды XV–XVII вв.

Возникновение поселения можно отнести ко второй половине XII или первой трети XIII в. Присутствие на памятнике серой керамики, в том числе сосуда 1-го варианта, позволяет утверждать, что поселение продолжало функционировать в периоды, к которым относятся комплексы типа *сруб 1 Исторического проезда и Лешково-2*. Сосуд 4-го варианта серой керамики имеет аналогии как в комплексах типа Лешково-2, так и в комплексе из *сооружения 1 Шавыкина монастыря*. Однако о наличии на памятнике материала последней четверти XIV в. можно будет говорить лишь после дополнительных исследований. Пока верхнюю дату можно определить в пределах первой половины – середины XIV в. Отсутствие на селище сколько-нибудь выраженной группы красной грубой посуды дает основание предполагать, что в первой половине XV в. поселение пришло в запустение. Возобновление его можно относить к последней четверти XV в. Имеется материал второй половины XVI – первой половины XVII в.

Археологический комплекс в с. Каблуково

Археологический комплекс, сохранившийся в районе с. Каблуково, заслуживает монографической публикации, поэтому в настоящей работе внимание будет сконцентрировано лишь на новых данных, проливающих свет на его судьбу в постдревнерусский период. **Курганный могильник Каблуково-1**, расположенный в 250 м к югу от церкви, состоял из 50 насыпей (рис. 2: *31*). В 1967 г. 32 кургана были исследованы экспедицией Исторического факультета МГУ (*Коновалов*, 1967; *Кызласов, Коновалов*, 1968. С. 50, 51). Из 37 погребений 27 были совершены на горизонте и 10 – в ямах глубиной от 0,35–0,5 до 1,5 м. Женские украшения зафиксированы в 19 погребениях. Находки браслетообразных завязанных височных колец и браслета, золотостеклянных бус, крестообразных бубунчиков, тупоконечного браслета и дротовых гривен позволяют датировать значительное число погребений первой половиной XII в. Присутствие ямных погребений дает основания для вывода о том, что могильник продолжал функционировать во второй половине XII – начале XIII в. В центре группы в пяти примыкающих друг к другу курганах (№ 4, 7, 13 – трупоположения на материке; № 3, 5 – в ямах) черепа были пробиты, что позволило исследователям могильника предположить насильственную смерть погребенных. Особый интерес представляет христианское ямное погребение 9 (в северном ровике кургана 2, на глубине 0,72 м). Прослежены гвозди от гроба, выше правого плеча найден бронзовый крест-тельник и остатки кожаного мешочка, в который он был заключен. Это погребение свидетельствует о том, что могильник продолжал использоваться в начальный период распространения бескурганных православных погребений.

В 1973 г. в 80 м к СВ от курганной группы, на бровке коренного берега р. Вори А.Б. Варенов обнаружил небольшое поселение – **селище Каблуково-1** – площадью 1 тыс. кв. м, содержавшее курганную керамику (рис. 2, *32*) (*Варенов*, 1973, С. 4; *Чернов*, 1976. С. 11, 12, 42). Главное поселение, к которому относился могильник, как показала разведка 1993 г., располагалось в 250 м к северу от него, по берегам речки Лашутки (рис. 2, *33, 34*). На селище **Каблуково-4 (правобережном)** культурный слой, содержавший курганную керамику, был прослежен на пространстве в 200 м вдоль реки при ширине в 50–100 м, на площади 13 тыс. кв. м. **Селище Каблуково-5 (левобережное)** имеет площадь в 5 тыс. кв. м. Таким образом, эта группа поселений по площади (19 тыс. кв. м) и числу

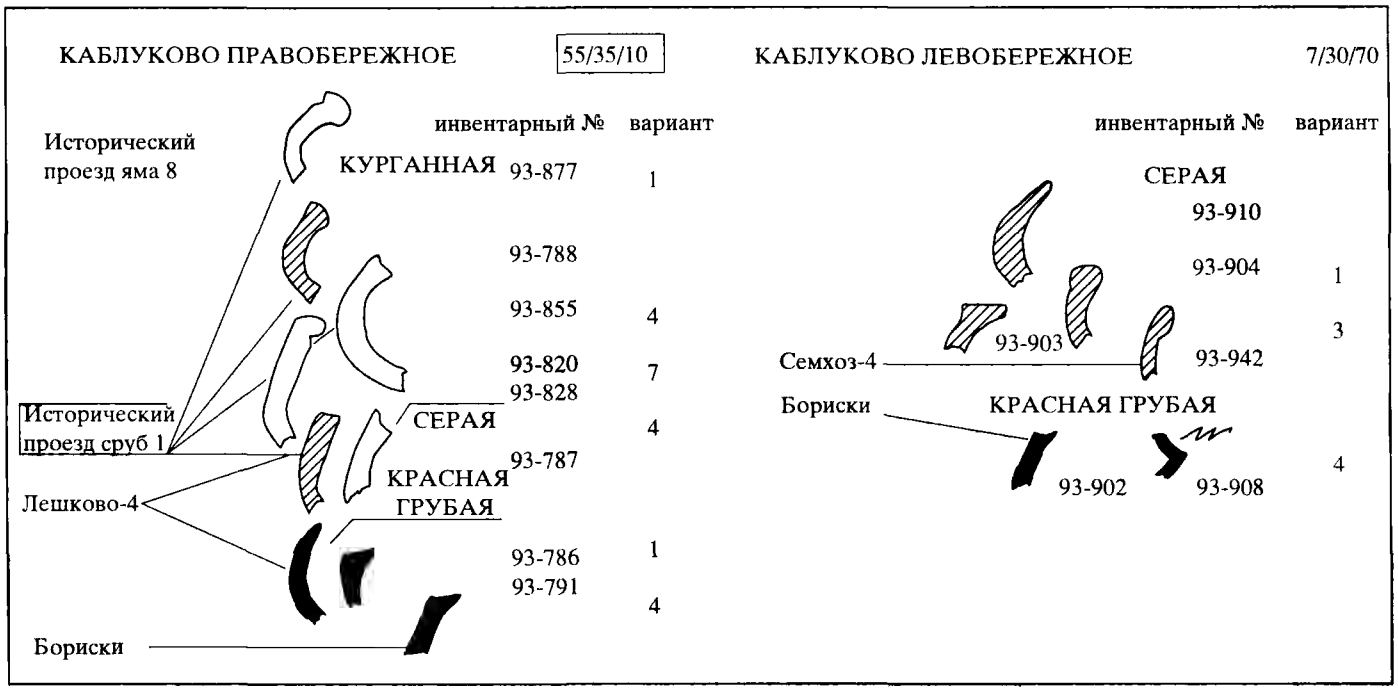


Рис. 18. Селища Каблуково-4 (правобережное) и Каблуково-5 (левобережное). Схема связей керамических форм с сосудами из закрытых комплексов керамики

курганных насыпей (50) немного превышает Муромцево-2 (соответственно 17 тыс. кв. м и 45 насыпей) и является крупнейшей на средней Воре.

Тем интереснее установить его судьбу во второй половине XIII в. На селище **Каблуково-4** собрано 370 фрагментов керамики (без учета керамики XVIII–XIX вв.), из которой в коллекцию взято 119 фрагментов. Процентное соотношение курганной, серой и красной грубой посуды составляет 55%, 35% и 10%. Сравнение с соответствующими данными по Цареву-1 (46%, 48%, 5%), которое функционировало в первой трети XIII – первой четверти XIV в., показывает, что наиболее интенсивная хозяйственная жизнь в Каблуково-4 относилась к XII – первой половине XIII в. В то же время процент серой керамики здесь значительно выше, чем в Путилово-1 (22%) и Муромцево-2 (10%) и явно свидетельствует о том, что поселение продолжало функционировать после первой трети XIII в., когда серая керамика составляла в комплексах лишь около 25% (комплекс из Богоявленского монастыря). Проверим эти предварительные наблюдения анализом керамических форм.

Курганная посуда (рис. 18) представлена венчиками 3-го, 4-го и 7-го вариантов. Все сосуды выполнены из глины с дресвой (кварциты до 2 мм) и (исключая 93-855) в изломе трехслойные: буро-оранжевые на внешней и внутренней поверхностях и темно-серые внутри. Серия стенок несет орнамент в виде глубокого горизонтального рифления шириной от 1 мм (93-781, 93-878 и др.). Венчик 93-877 3-го варианта отогнут наружу и завершается секировидным в сечении валиком. Упор под крышку не отчетливый. Эта широко распространенная форма присутствует и в *яме 8* (первая половина XIII в. – МК. Табл. 27, № 2588) и в *срубе 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, № 582). Особенно яркий образец – воронкообразный венчик 7-го варианта 93-820. Буро-оранжевая поверхность горшка буквально усеяна выступающими кварцитами. Аналогии подобным сосудам в курганных погребениях и *нижнем слое Богоявленского монастыря* (см., например: МК. Табл. 22, № 8991) неоднократно приводились выше. К курганной посуде принадлежит кососрезанный венчик миниатюрного горшка 93-828 (4-й вариант), однако точных аналогий ему подыскать не удается. Массивный горшок 4-го варианта со срезанным венчиком принадлежит к форме, которая, как уже отмечалось, бытовала весь XIII в.

Серая керамика (рис. 18). Более важным для датировки памятника оказывается фрагмент 93-788. Этот маловыразительный, на первый взгляд, сосуд имеет слабо отогнутый венчик и еле заметное утолщение снаружи. Обжиг горновой: в изломе черепок однослойный и имеет темно серый цвет. В тесте прослеживаются кварциты размером до 1 мм, но они не выступают на поверхности, так как она хорошо заглажена перед обжигом. Перед нами типичный образец 4-го варианта серой керамики, который появляется в комплексе из *сруба 1 Исторического проезда* и составляет в нем большую серию (МК. Табл. 33. № 586, 840, 939б). В аналогичной технике выполнен венчик 93-787. Это слабоотогнутый срезанный венчик 6-го варианта с заглаженными ребрами на срезе (для курганной посуды были характерны острые ребра). Подобная керамика фиксируется в *срубе 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 49, № 2233), на *селище Огонек* (МК. Табл. 63, № 9) и комплексах *Лешково-2* (МК. Табл. 66, № 89) и *Лешково-4* (МК. Табл. 67, № 783), где образует большую серию.

Характеристика этой коллекции была бы не полной, если не упомянуть **красноглиняный грубый**

венчик 1-го варианта (с заостренным краем) 93-786, аналоги которого фиксируются в комплексе *Лешково-2* (МК. Табл. 64, В), и шейку красноглиняного кувшина 93-791, выполненного в форме краснолощеных кувшинов. Аналогичный кувшин найден в комплексе из *Шавыкина монастыря* (1380–1390-е годы) (*Чернов*, 1995. С. 142. Рис. 9).

Таким образом, на памятнике уверенно фиксируется не только керамика первой трети XIII в., но и посуда, встречающаяся в комплексах типа сруб 1 Исторического проезда второй половины XIII в., а также в комплексах XIV в. (рис. 12, *33*).

На селище **Каблуково-5** было собрано 218 фрагментов, из которых в коллекцию поступило 46. Соотношение курганной, серой и красной грубой керамики равняется 7%, 30% и 70%. Подобное соотношение свидетельствует о том, что хозяйственная жизнь на поселении нарастала на протяжении XIII–XIV вв. **Серая керамика** (рис. 18) прослеживается здесь отчетливо. Встречен венчик 93-904, очень близкий описанному выше 93-788. Имеется образец венчика 3-го варианта с эллипсовидным валиком (93-942). Выше я уже описывал подобный сосуд на селище Барково-2. Подобная керамика, отличающаяся от курганных форм вертикальной постановкой венчика, составляет серии в *Царево-1* (МК. Табл. 62, А, № 1), *яме 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 39, № 2124), *срубе 2 Монетного двора* (МК. Табл. 55, справа от № 2171), *Шарапово-5А* (МК. Табл. 62, В, № 6) и *Лешково-2* (МК. Табл. 66, № 83, 93). Имеется также образец венчика в форме косой воронки (93-903), который, впрочем, может быть отнесен как к курганной, так и к серой посуде и имеет широкую дату в пределах XIII–XIV вв. Переходное положение между серой и красноглиняной грубой посудой занимает 93-902. Этот венчик близок как к воронкообразным серым сосудам 7-го варианта с наклонным непрофилированным венчиком (*Царево-1* – МК. Табл. 62, А, № 9), так и к ранним образцам красной грубой посуды 4-го варианта, венчики которых еще не усвоили вертикальную постановку (94-483 в комплексе *Бориски* в Радонеже, относимом предположительно к третьей четверти XIV в.) (*Чернов*, 1994. С. 37. Рис. 76). И, наконец, типичным образцом красной грубой керамики с ребром по плечику и косой волной является 93-908. Имеющиеся данные позволяют предполагать, что левобережное поселение возникло позднее правобережного и активно функционировало во второй половине XIII и XIV в. (рис. 12, *34*)

То, что на Каблуковских селищах удалось проследить керамические типы второй половины XIII в., тогда как на селище Муромцево-2 они не были зафиксированы, представляется весьма важным в методическом плане. На двух примерно равных по площади древнерусских памятниках, расположенных в близких ландшафтных условиях и на территории, где бытовала одна и та же керамическая традиция, примерно равные коллекции керамики, собранные на широкой площади, продемонстрировали различные результаты. Данный факт показывает, что выделение домонгольских древностей и древностей периода после Батыева нашествия в рамках XIII в. является вполне реальной научной задачей на современном уровне наших знаний о московской керамике.

Поселения, возникшие во второй половине XIII в.

Опираясь на достигнутые выше результаты, обратимся к наиболее загадочной группе памятников – поселениям, возникшим во второй половине XIII в. Изучение их было сопряжено с решением во многом иных методических проблем, нежели те, которые возникали при исследовании древнерусских памятников. Само выявление этой группы памятников явилось весьма сложной задачей, так как в ряде случаев они располагались в иных ландшафтных и топографических условиях, чем древнерусские поселения. С помощью сплошных археологических разведок, которые велись в сочетании с изучением обширного корпуса актов XV в., писцовых и межевых книг XVI–XVII вв. и карт Генерального межевания, удалось изучить всю сеть поселений, существовавшую в XIV–XVI вв., включая одно- и трехдворные селения. Лишь после проведения этой работы стало возможным на основании анализа керамических коллекций выделить в этой сети наиболее ранние поселения.

Селища в с. Царево

Одним из наиболее интересных памятников в плане изучения преемственности поселений первой и второй половин XIII в. являются селища, обнаруженные в селе Цареве, расположенном на р. Прорванихе, близ ее впадения в Талицу (Рис. 2, *16*; 12, *41*). Старая часть села, показанная на планах XVIII–XIX вв., располагалась к западу от Никольской церкви (1815 г.) на краю коренного берега р. Прорванихи. На востоке она была ограничена широким оврагом (80 м), на краю которого расположена церковь и старинное кладбище (рис. 19). В 1977 г. в 60 м к востоку от Никольской церкви, на территории, которая на протяжении последних двух столетий была свободна от застройки, обнаружено древнерусское поселение – Царево-3. Оно расположено в 130 м от р. Прорванихи на ее второй террасе и возвышается над ее уровнем на 21 м. Площадка селища занимает мыс, образованный оврагом. Площадь памятника 6 тыс. кв. м.

Сбор керамики на селище **Царево-3**, проведенный в 1993 г., дал 122 фрагмента, из которых в коллекцию было взято 34 (рис. 20, А, Б). Ранний материал включает 56 фрагментов курганной, 8 серой и 14 красной грубой керамики, что дает процентное соотношение 86%, 8%, 6%. Подобное соотношение, ранее не встречавшееся, может быть интерпретировано лишь после разбора керамических форм. **Курганная керамика** доминирует на памятнике. Встречены венчики 5-го варианта (93-Ц3-6, 93-Ц3-12), серия которых из Муромцева-2 уже была описана (аналогии в курганах *из Михайловской слободы* – МК. Табл. 8, № 4). Имеется типичный образец горшка с шейкой в виде конической

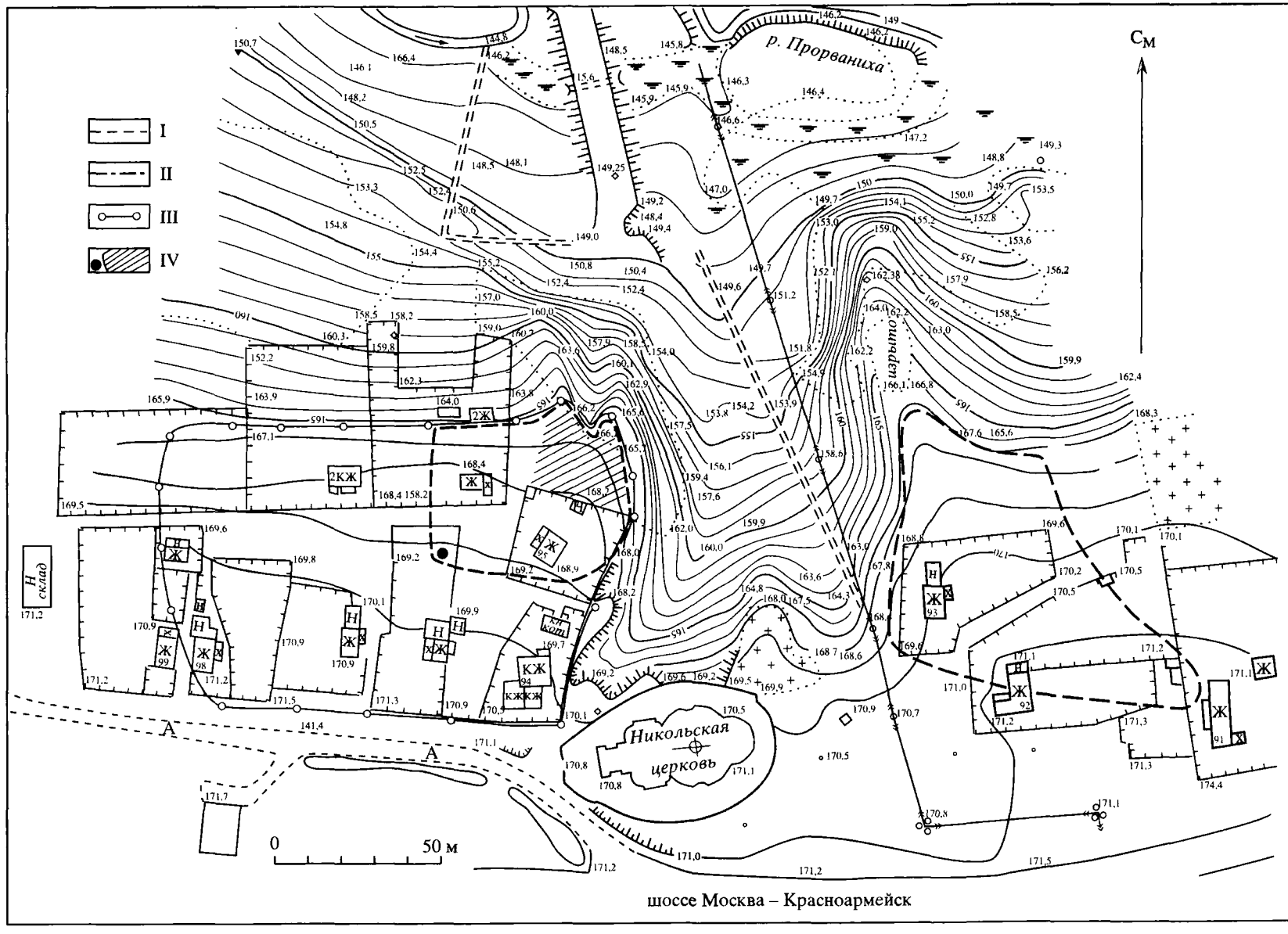


Рис. 19. Селища Царево-3 (к востоку от церкви) и Царево-4 (к западу от церкви) в селе Царево. План 1993 г.

I–границы селища Царево-3, определенные по распространению курганной керамики; II – границы ранней части селища Царево-4, определенные по распространению серой керамики типа Лешково-2; III – границы селища Царево-4, определенные по распространению красноглиняной и белоглиняной грубой керамики; IV – участок фиксации серой керамики и ее отдельные находки на селище Царево-4

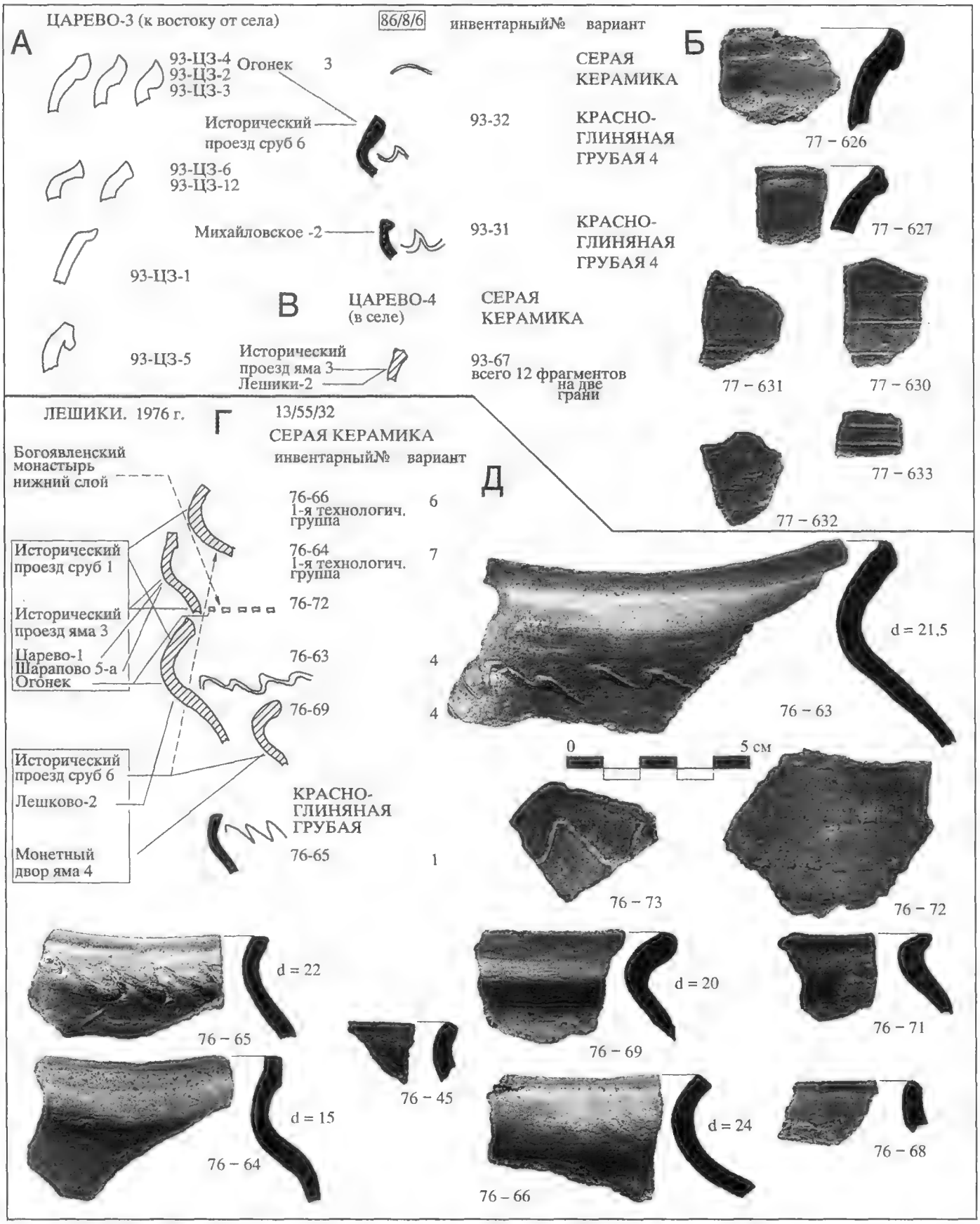


Рис. 20. А–Селище Царево-3 (к востоку от села). Схема связей керамических форм с сосудами из закрытых комплексов керамики; Б – Селище Царево-3 (к востоку от села). Керамика; В – Селище Царево-4 (в селе). Керамика; Г – Селище Лепешки. Схема связей керамических форм с сосудами из закрытых комплексов керамики; Д – Селище Лепешки. Керамика

воронки (7-й вариант) – 93-ЦЗ-1, и 93-ЦЗ-5, редкий в Подмосковье, но известный в других землях венчик с вывернутым наружу краем, прижатым к шейке (*Полубояринова*, 1992. С. 132, 139. Рис. 4, тип. 5, 2-й сверху). Обращает на себя внимание серия венчиков 3-го варианта с секировидным валиком – 93-ЦЗ-2, 93-ЦЗ-3, 93-ЦЗ-4, 77-626. Подобная керамика присутствует в яме 1 и в слое седища Царева-1 (см. выше). **Серая керамика** представлена всего тремя фрагментами. Все они имеют заглаженную поверхность, а один – 93-ЦЗ-34 – украшен волнистым орнаментом. Невысокий процент серой керамики и отсутствие ее развитых форм позволяют предполагать, что во второй половине XIII в. поселение запустело.

Время восстановления этого поселения маркируется **ранней красноглиняной грубой посудой**. На памятнике был найден фрагмент горшка 93-ЦЗ-32. Венчик отогнут наружу под 30 градусов и срезан. По шейке он украшен ранней косой волной. Это переходная форма (или гибрид) от серых сосудов 6-го варианта со срезанным краем, которые доживают до третьей и четвертой четвертей XIV в. (комплексы *Бориски* и *Шавыкин монастырь*), к красноглиняным горшкам с вертикальной постановкой венчика (4-й вариант красной керамики). С первыми наш сосуд связывает форма, со вторыми – орнамент. Аналогии фрагменту из Царево-4 находим в комплексах *Огонек* (МК. Табл. 63, № 7) и *сруб 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 49, № 2415, 2475) первой половины XIV в. Развитая форма 4-го варианта красной грубой посуды представлена венчиком 93-ЦЗ-31, который украшен развитой косой волной и имеет аналогии в комплексе *Михайловское-2* первой половины XV в. (МК. Табл. 70, № 168).

Селище Царево-4, расположенное на территории современного села, к западу от Никольской церкви, датируется XIV–XVII вв. и идентифицируется с селом Иевлевым, Царево тож (рис. 19). В 1504 г. оно именовалось Иевлевым и принадлежало Тимофею Иванову сыну Останкову Цареву (АСЭИ. Т. 1. № 646. С. 563, 564), получившему прозвище благодаря женитьбе на "царице Евгинье". В мысовой части этого селища на площади в 2 тыс. кв. м была зафиксирована **серая керамика** (рис. 20, В). Среди 12 фрагментов, которые удалось собрать на этой застроенной территории, миниатюрный венчик 93-67, принадлежащий к ранним образцам серых горшков со срезанным краем (6-й вариант). Венчик отогнут на 20 градусов и срезан, после чего его краю была придана двугранная форма, причем в результате оказанного давления толщина края сосуда несколько увеличилась. Эта редкая керамическая форма встречена лишь в комплексах из *ямы 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 39, № 2071), *Лешково-2* (МК. Табл. 65, № 169 – целая форма) и *срубе 2 Монетного двора* (МК. Табл. 56, № 3702), которые датируются первой половиной XIV в.

Таким образом, в середине XIII в. при впадении Прорванихи в Талицу прекращает свое существование среднее по величине древнерусское поселение (6 тыс. кв. м). К рубежу XIII–XIV вв. на противоположном берегу оврага (в 80 м) возникает небольшое (2 тыс. кв. м) селение, давшее начало позднесредневековому селу Иевлеву (Царево-4), а несколько позже (в пределах XIV в.) подобное же небольшое селение возникает и на месте древнерусского поселения, но вскоре прекращает свое существование. Определенный элемент преемственности сохраняется, как сохраняется и древнерусская традиция ставить селение на "плоской террасе". В то же время в итоге как будто бы незначительных топографических подвижек возникает совершенно новое поселение – село Иевлево.

Лепешки

На плоской террасе было основано и другое поселение, возникшее во второй половине XIII в. Следы его были обнаружены в 1976 г. на северной окраине д. Лепешки, в 0,8 км выше устья р. Талицы на правом берегу р. Вори (рис. 12, *46*). Селище занимает край второй надпойменной террасы, которая возвышается над уровнем реки на 5 м (рис. 21, А). Культурный слой прослежен на пространстве длиной в 270 м вдоль края террасы и шириной в 30–60 м, площадь его весьма значительна – 9 тыс. кв. м (*Чернов*, 1976. С. 6, 33). Поселение идентифицируется с упоминаемым в 1465 г. монастырем Святого пророка Ильи на Воре, который принадлежал московским митрополитам (АФЗиХ. Ч. 1. № 71. С. 76–77). Керамическая коллекция сформирована на основе сборов подъемного материала, производившихся в 1976 г. по всей территории памятника, которая тогда полностью распахивалась. В 1977 г. практически все поселение (за исключением его южной части, непосредственно примыкающей к деревне) было снивелировано вместе с первой террасой, на которой оно располагалось. В связи с этим коллекция остается практически единственным источником информации об этом интересном в археологическом и историческом отношении памятнике.

В коллекцию вошло 45 фрагментов керамики (76-63–76-106). Фактически это все, что было собрано на селище, за исключением мелких фрагментов. Особенностью селища является то, что на нем совершенно отсутствует керамика XVII и XVIII–XX вв. По типам керамический материал распределяется так: курганная – 5 фрагментов, или 9%; серая – 21 фрагмент, или 48,8%; красноглиняная грубая – 12 фрагментов, или 26,6%; красноглиняная гладкая – 4 фрагмента, или 8,9%; белоглиняная грубая – 3 фрагмента, или 6,7%.

Группа ранней керамики, бытовавшей до появления в последней четверти XV в. белоглиняной и красной гладкой посуды, составляет бóльшую часть материала (84%). Если принять эту часть за 100%, то распределение по типам керамики будет таким: курганная – 13%, серая – 55,5%, красноглиняная грубая – 31,5%. Как можно видеть, серая керамика значительно преобладает над красной грубой и составляет более половины материала. Это свидетельствует о том, что поселение существовало на протяжении всего периода, когда серая керамика преобладала над красной грубой (на это указывает и присутствие курганной керамики), в первой половине XIV в., а возможно, и в период абсолютного господства серой керами-

ки, до появления красной керамики во второй половине XIII в. Подобное соотношение отмечалось для Баркова-2 (20%, 55% и 25%), но в Лепешках курганной керамики меньше.

Курганная керамика. В курганной традиции изготовлен ряд стенок сосудов – 76-87, 76-98, 76-101, 76-102 и 76-105. Все они сформованы из красножгущейся глины с обильными примесями крупнозернистого песка и дресвы. Кварциты размерами от 0,3 до 1 мм и от 1 до 2 мм в большом количестве выступают на внутренней и внешней поверхностях сосудов. Толщина стенок от 8 до 3 мм. Обжиг печной, неполный окислительный. В изломе черепок темно-серый. Цвет внешней поверхности фрагментов 76-101, 76-102, 76-105 буро-кирпичный с розоватым отливом. Внутренняя поверхность сосуда бежевая. У фрагментов 76-87 и 76-98 обе поверхности буро-оранжевые.

Серая керамика (рис. 20, Д) неоднородна как по технике изготовления, так и по форме. Применительно к технике изготовления можно говорить о двух ее группах. Первая, к которой относится бóльшая часть (17 из 21 фрагмента) серой керамики, изготовлена из глины с примесью крупнозернистого песка (кварциты от 0,1 до 1,5 мм), а иногда и дресвы (до 2 мм) посредством неполного окислительного обжига. Черепок в изломе трехслойный. Внутри – темно-серый или почти черный. Внешняя поверхность имеет светло-бурый (76-66), бурый с оранжевым отливом (76-64, 76-70, 76-75, 76-95), темно-бурый с розовым отливом (76-68, 76-72, 76-73) или темно-бурый, почти черный (76-81, 76-100) цвет. Внутренняя поверхность по цвету не всегда совпадает с внешней. Она может быть бежевой (76-66, 76-73), светло-бурой (76-54, 76-75), бурой с розовым отливом (76-70, 76-72), буро-оранжевой (76-86, 76-99) серой (76-79, 76-85, 76-90) или почти черной (76-45, 76-88, 76-97). Единственным отличием этой группы керамики от курганной является заглаженность внешней поверхности. Вторая группа прошла полный окислительный обжиг (черепок в изломе одноцветный). Состав примесей примерно такой же, но на поверхности сосуда кварциты не выступают в силу ее хорошей заглаженности. Ко второй группе могут быть отнесены венчики 76-63 и 76-69, а также стенки 76-90 и 76-103. Цвет поверхности сосуда темно-бурый (76-90, 76-103), светло-серый (76-69) или бурый (венчик), переходящий в темно-серый (плечико) (76-63).

Первая группа серой керамики представлена целым рядом вариантов. К 6-му варианту следует отнести фрагмент 76-66. Это верхняя часть крупного горшка (D венчика 24 см) с покатыми плечиками и слабо профилированным срезанным на конце венчиком. Как известно, горшки 6-го варианта наследуют форму курганных сосудов (4-й вариант) (МК. Табл. 12, № 4; № 10 – горшок из близлежащей *курганной группы Путилово-1*; Табл. 27, № 2595). Это обстоятельство следует учитывать, поскольку по технике изготовления рассматриваемый сосуд близок к курганной посуде. Ближайшие его аналогии встречены в двух группах комплексов: 1) *срубе 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, № 733) и *Шарапове-5* (МК. Табл. 62, № 2) и 2) *срубе 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 49, № 2233) и *Лешкове-2* (МК. Табл. 65, № 73, 76). Совпадают степень профилировки, толщина стенок и форма плечиков. Сосуды 6-го варианта из *Шавыкина монастыря* имеют иной облик: у них толстые стенки (при аналогичном диаметре венчика – см.: Чернов, 1995. Рис. 7, 1-й сверху) и заглаженная поверхность – особенности, которые резко отличают их от курганных сосудов.

К тем же группам комплексов тяготеет и небольшой венчик 76-68. Он имеет вертикальную постановку и овальное завершение без валиков. Близкие формы фиксируются в *срубе 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 46, № 2357). Несколько особняком стоит небольшой горшок (D венчика 15 см), от которого до нас дошел фрагмент верхней части (76-64). По нему можно судить о форме венчика, плечика и части тулова. Форма сосуда довольно редкая. Он слабопрофилирован и имеет край в виде горизонтально срезанной поверхности. С внешней стороны край венчика оформлен в виде вертикальной плоскости высотой 6 мм, которая внизу имеет ребро. Судя по всему, перед нами одна из вариаций серой керамики, возникших на основе курганных горшков с венчиком в виде конической воронки (7-й вариант – МК. Табл. 11, № 3). Ближе всего к ней серые сосуды 7-го варианта с воронкообразным венчиком, известные в комплексах *Монетный двор, сруб 3* (МК. Табл. 57, № 3967), *Шарапово-5А* (МК. Табл. 62, В, № 11) и *Царево-1* (МК. Табл. 62, А, № 9). Однако вряд ли стоит настаивать на связи рассматриваемого сосуда именно с этой группой комплексов, тем более, что в *Лешково-2* имеются типологически родственные формы (МК. Табл. 66, № 99).

В нашем распоряжении имеется несколько орнаментированных стенок, которые дают представление о декоративном оформлении серой керамики первой группы. Прежде всего следует отметить верхнюю часть тулова горшка 76-72, которое несет 6 рядов орнамента, нанесенного колесиком. Ряды нанесены горизонтально, расстояние между ними колеблется от 10 до 15 мм. Вдавления квадратные, прямоугольные или трапециевидные, размером примерно 2 × 2 мм. Аналогичный орнамент фиксируется в комплексах из нижнего слоя *Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 22, № 530 – расстояние между рядами 20 мм, вдавления аналогичные), *ямы 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 43, под № 2150 – орнамент аналогичный, но нанесен на шейку сосуда редкой формы), *селища Огонек* (МК. Табл. 63, № 7 – расстояние между полосами 5–10 мм, вдавления аналогичные; орнамент нанесен на верхнюю часть плечиков). Горизонтальный орнамент представлен на 76-100. Это фрагмент нижней части тулова горшка, сохранившийся на высоту 4 см. На всю высоту его покрывает сплошной горизонтальный орнамент: 5 полос размещаются на расстоянии в 5–8 мм друг от друга. Полосы имеют толщину 1–1,2 мм, они неглубокие, нанесены по подсохшей поверхности. Многочисленные аналогии подобной орнаментации представлены в комплексах из *сруба 1* (МК. Табл. 35, 36), *ямы 3* (МК. Табл. 39 и 42 – нижние части таблиц) и *сруба 6* (МК. Табл. 49, внизу) *Исторического проезда*. Волнистый орнамент, кото-

рый наносился по тулову, можно видеть на фрагментах 76-73 и 76-81 (толщина линии 1–2 мм).

Обратимся теперь ко второй группе серой посуды. Наибольший интерес здесь заслуживает горшок 76-63. Диаметр его венчика равен 21,5 см. Горшок имеет покатые плечики и слабо отогнутый венчик простой формы. С внутренней стороны горшка по его краю прослеживается еле заметный желобок, являющийся рудиментом упора под крышку, характерного для курганной посуды. По форме венчика 76-63 относится к 4-му варианту серой керамики. Данный вариант был выделен на основании серии сосудов из *сруба 1 Исторического проезда*, которые характеризовались венчиком без валика, но с небольшой припухлостью с внешней стороны (МК. Табл. 33, № 586 и др.). В более раннем комплексе из нижнего слоя Богоявленского монастыря данный вариант не встречен. Близкие формы имеются в комплексах *Лешково-2* (МК. Табл. 66, № 216 – сосуд имеет D венчика 40 см; Табл. 65, № 72а) и *Огонек* (МК. Табл. 63, № 2). Дополнительным признаком, характеризующим горшок из Лепешек, является орнамент, нанесенный на верхнюю часть его плечиков. Это ранний образец "косой волны". Линия уже утратила симметричность, свойственную волнистому орнаменту. В то же время чувствуется, что мастер еще не вполне освоил навык резко опускать палочку, чем, собственно, и достигался рисунок "косой волны". Это видно из того, что после каждых двух "волн" палочка соскальзывала с поверхности сосуда, что приводило к прерыву орнамента. Ближайшую аналогию этому орнаменту (впрочем, без прерыва волны) находим в комплексе *Лешково-2* – там подобная керамика составляет 13% материала (МК. Табл. 64, В, № 104, см. также № 102). Особо следует подчеркнуть, что в ряде случаев орнамент нанесен на плечики сосудов, а не на шейку, как это стало типичным позднее для красноглиняной грубой керамики. Таким образом, целый ряд признаков рассматриваемого сосуда находят аналогии в Лешково-2. Следует, однако, обозначить и несколько более широкий круг аналогий, поскольку это поможет более точно обрисовать период бытования сосуда из Лепешек. Дело в том, что в комплексах XIV в. сосуды 4-го варианта оказываются по форме близки горшкам 6-го варианта (со срезанным венчиком), поскольку у последних край приобретает округлые формы. В связи с этим в качестве близкой формы сосуду из Лепешек следует упомянуть венчик 4-го варианта из комплекса селища *Огонек*, плечико которого украшено ранней "косой волной" (МК. Табл. 63, № 7). Из ряда близких нашему сосуду форм нельзя исключить и целую форму из *Шавыкина монастыря* (*Чернов*, 1995. Рис. 7, 1-й сверху), тем более, что по технике изготовления они близки. Целая форма не имеет желобка по краю венчика, но подобный желобок встречен на другом сосуде этого комплекса (*Чернов*, 1995. Рис. 7, 2-й сверху). К тому же 4-му варианту относится и венчик 76-69. Он принадлежит горшку средней величины (D венчика 20 см) и, в отличие от 76-63, не имеет желобка. По плечику нанесен горизонтальный орнамент в виде двух тонких линий. Аналогии: *яма 4 Монетного двора* (МК. Табл. 59, № 3750), *сруб 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 47, № 2304).

Завершая описание второй группы серой керамики, следует отметить обломок верхней части плечика горшка 76-97. Этот фрагмент интересен во многих отношениях. Он изготовлен из глины с крупнозернистым песком (кварциты от 0,2 до 1,5 мм). В изломе черепок однородный. Однако внешняя поверхность все же несет на себе следы каких-то особых технологических приемов. Она заглажена и имеет несколько более темный цвет, чем тесто в изломе. Фиксируется отслаивание тонкого поверхностного слоя, под которым обнажается более грубое тесто. Явление отслаивания отмечается в комплексе *Шавыкина монастыря* (*Чернов*, 1995. Рис. 7, 1-й снизу и др.) и близкой ему по времени керамической серии из селища *Семхоз-4* в Радонеже. Рассматриваемый фрагмент украшен волнистым орнаментом. Полоса имеет ширину 1 мм. Волна не симметричная, в чем можно видеть начало формирования "косой волны". Ниже фиксируется линия, вероятно, относящаяся к горизонтальному орнаменту. Аналогичный орнамент (сочетание волнистого и горизонтального) отмечается в *яме 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 43, № 1937).

Красноглиняная грубая керамика, несмотря на ее малочисленность (12 фрагментов), выделяется как вполне автономная группа со свойственными ей технологическими особенностями и формой (Рис. 20, Д). Она представлена тремя венчиками (76-45, 76-65, 76-71) и стенками (76-76, 76-80, 76-83, 76-89, 76-96, 76-106), три из которых орнаментированы (76-78, 76-84, 76-93). Все фрагменты изготовлены из красножгущейся глины с примесью средне- и крупнозернистого песка (кварциты до 1 мм, присутствие кварцита размером 4 мм в 76-78 – случайность) и прошли полный окислительный обжиг. Цвет – темно-бурый, иногда светло-бурый (76-65, 76-78, 76-83, 76-84).

Наиболее архаичен по технике изготовления (толщина черепка 7 мм, кварциты до 2 мм) фрагмент шейки и верхней части плечика горшка 76-93. Он украшен "косой волной" классического вида. Близкая аналогия – фрагмент плечика из комплекса *Огонек* (МК. Табл. 63, № 18). Другой фрагмент плечика – 76-84 – изготовлен из глины с более мелкими примесями. Его поверхность хорошо заглажена. Он украшен довольно редким образцом "косой волны", когда две линии наложены друг на друга. Такой орнамент зафиксирован на плечике сосуда с кососрезанным венчиком из *Шавыкина монастыря* (*Чернов*, 1995. Рис. 8, 8-й сверху). Типичным образцом красной грубой посуды является венчик 76-65. Это верхняя часть горшка средних размеров (D венчика 22 см) с покатыми плечиками без ребра и слегка отогнутым горизонтально срезанным венчиком 4-го варианта. Сосуд изготовлен из глины с крупнозернистым песком, прошел полный окислительный обжиг. По шейке нанесена косая волна развитого вида с заостренными концами. Ближайшие аналогии имеются в комплексе, происходящем с расположенного вблизи от Лепешек селища *Михайловское-2* (МК. Табл. 70, № 167; 77-М2-233). В том же комплексе отыскивается аналогия и другого венчика из Лепешек – 76-71. Это фрагмент технологически близкий 76-65, но принадлежащий к довольно редкой разновидности 1-го варианта красноглиняной грубой

керамики. Венчик заострен и оттянут наружу. Шейка имеет наклон под 45° и плавно переходит в плечико. Эта разновидность предвосхищает появление 3-го варианта красной гладкой керамики (МК. Табл. 128, 129). Горшок подобной разновидности (почти целая форма) был найден в комплексе *Михайловское-2* (77-М2-22), что свидетельствует о том, что начало его бытования приходится на первую половину XV в.

Проделанный разбор свидетельствует о том, что материал, входящий в коллекцию, отражает различные комплексы раннемосковской посуды, которые хронологически сменяли друг друга на протяжении трех столетий (рис. 20, Г). Об этом говорит не только присутствие классических образцов ранней (76-66) и поздней (76-63) серой, а также красноглиняной грубой (76-65) керамики, но и выделение двух технологически отличных друг от друга групп серой посуды. Первоначальное предположение (основанное на процентном соотношении курганной, серой и красноглиняной грубой посуды) о существовании поселения в период бытования комплексов типа *сруба 6 Исторического проезда – Лешково-2* и в период, отраженный более ранним комплексом из *сруба 1 Исторического проезда*, подтверждается анализом керамических форм, хотя конкретные сосуды имеют обыкновенно достаточно широйкий разброс аналогий. Горшок 76-66 с кососрезанным венчиком имеет аналогии как в *срубе 1*, так и *срубе 6 Исторического проезда*. Сосуд 76-64, наследующий формы горшков с воронкообразным горлом, близок керамическим формам из *Царево-1 – Шарапово-5А – Монетный двор, яма 3* и из *Лешково-2*. Тем не менее, разброс аналогий некоторых видов орнамента (орнамент нанесенный колесиком, встречается в нижнем слое *Богоявленского монастыря, яме 3 Исторического проезда* и *селище Огонек*) делает вероятным присутствие на памятнике керамики, бытовавшей во второй половине XIII в. На это же указывает и наличие довольно значительного процента курганной посуды. В связи с отсутствием венчиков курганного типа, можно говорить скорее о курганной традиции керамического производства. Тем не менее эта традиция выражена значительно более явно, чем в комплексах типа *Лешково-2*, где ее отражает всего 4–5% керамики.

Присутствие на памятнике керамики, типичной для комплексов типа *Лешково-2* первой половины – середины XIV в., подтверждается хорошо датируемым горшком 4-го варианта с ранним видом косой волны по плечикам (76-63), а также другими образцами орнаментов, свойственных керамике, переходной от серой к красной грубой. Что касается материала, близкого комплексу из *Шавыкина монастыря* (1380–1390-е годы), то он не выражен серией керамических форм, однако имеются хорошие аналогии в орнаментации (косая волна классического вида). Первая половина XV в. маркируется двумя красноглиняными грубыми сосудами (1-й и 4-й варианты), имеющими точные аналогии в сооружении 2 *Михайловского-2*. Красноглиняная гладкая и белоглиняная грубая посуда находит аналогии в комплексах типа *Коломенское* и *Ларино*, датируемых в пределах последней четверти XV – середины XVI в. Невысокий процент керамики этих типов на памятнике делает вероятным предположение, что он перестал существовать не позднее второй четверти XVI в.

Путилово-3

Близкая по составу керамических типов коллекция была собрана на поселении Путилово-3, которое расположено в 1,5 км выше по течению р. Вори от селища Лепешки, в 400 м к северу от древнерусского поселения Путилово-1 и в 0,8 км к югу от села Путилова (рис. 12, *42*). Селище площадью 6 тыс. кв. м представляет собой яркий образец нового топографического типа поселения – на пологом холме (рис. 21, Б). Оно возникло на участке второй террасы р. Вори, который полого спускался к пойме без сколько-нибудь выраженной бровки, причем площадка самого поселения имеет уклон, равный 55 см на каждые 10 м по горизонтали (в восточной части 110 см) (*Чернов*, 1977а. С. 13, 58–61).

Керамика (рис. 22) происходит из сборов, проведенных в западной части селища, занятой огородами и полем, и шурфа (2 × 2 м), выявившего слой мощностью 0,2 м. Коллекция состоит из 53 фрагментов. Соотношение курганной, серой и красноглиняной грубой керамики: 17% (9 фрагментов) – 46% (24 фрагмента) – 37% (19 фрагментов). О позднейшей хозяйственной деятельности на месте поселения свидетельствует находка фрагмента чернолощенной керамики XVI–XVII вв.

Керамика, переходная от курганной к серой, выделяется по технологическим признакам (примесь дресвы в тесте, трехслойный обжиг). В этом плане весьма характерен венчик 77-455 (D венчика 18 см). Он отогнут на 50 градусов, край имеет округлое завершение с еле заметным расширением снаружи. Подобная керамика 4-го варианта серой посуды, как уже отмечалось, является одним из новообразований, фиксируемых в комплексе *сруба 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 30, № 951; 33, № 939б, 586 и др.). При описании материала из Лепешек ей было уделено много места. Особенностью путиловского венчика является то, что он выполнен в курганной технологии: в изломе черепок трехслойный (буро-кирпичный на поверхностях и черный внутри), на поверхности выступают кварциты до 1,5 мм. Те же особенности технологии имеет стенка сосуда 77-459 толщиной 9 мм, которая украшена орнаментом, переходным от обычной волны к ранней косой волне (аналоги: *сруб 3 Исторического проезда* – МК. Табл. 43, № 2038).

Серая керамика выделяется как по технологии изготовления, уже не раз описанной, так и по формам и орнаментации. Ярким образцом развитой серой керамики является венчик 77-448 большого (D венчика 29 см) горшка с хорошо заглаженной поверхностью. Он слабо отогнут (под 30 градусов) и имеет массивный наружный валик. Подобная керамика – 3-го варианта – буквально переполняет комплексы из *сруба 1, ямы 3* и *сруба 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, № 789; 39, № 2124; 47, № 2275, 2237), *сруба 2* и *ямы 4 Монетного двора* (МК. Табл. 54, № 3700; 60,

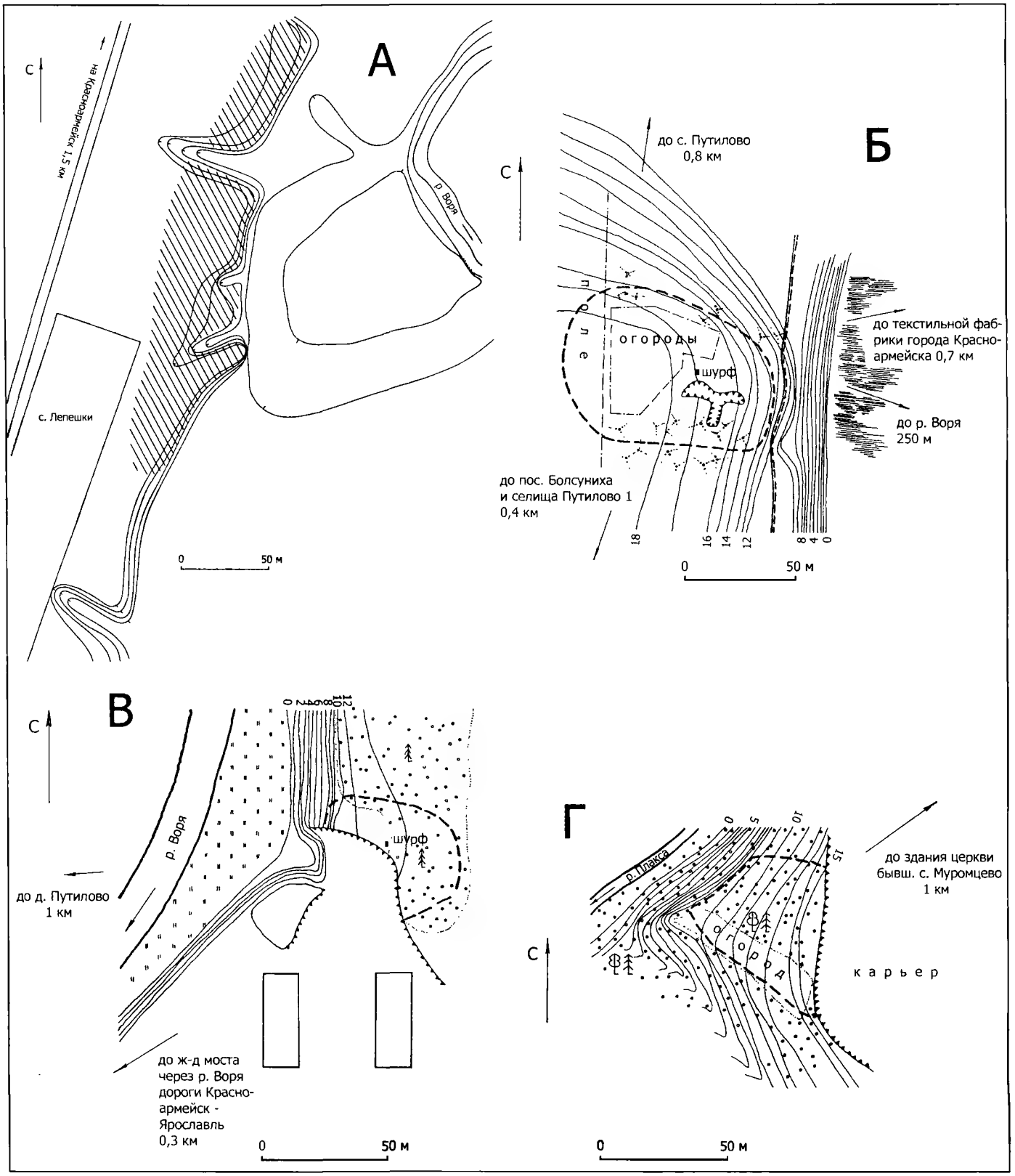


Рис. 21. А – Селище Лепешки. План 1976 г.; Б – Селище Путилово-3. План 1977 г.; В – Красноармейск-1. План 1977 г.; Г – Красноармейск-2. План 1977 г.

№ 5087) второй половины XIII – первой половины XIV в. Судя по наличию небольшого выступа внутри, образующего рудиментарный упор под крышку и фиксируемого лишь в комплексах из *ямы 10 Монетного двора* и *сруба 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 52, № 1007; 43, № 2154), 77-448 следует датировать первой половиной XIV в. Следует отметить, что подобный выступ был отмечен у венчика 77-435 из Барково-2, что лишний раз подчеркивает синхронность поселений, рассматриваемых в настоящем разделе.

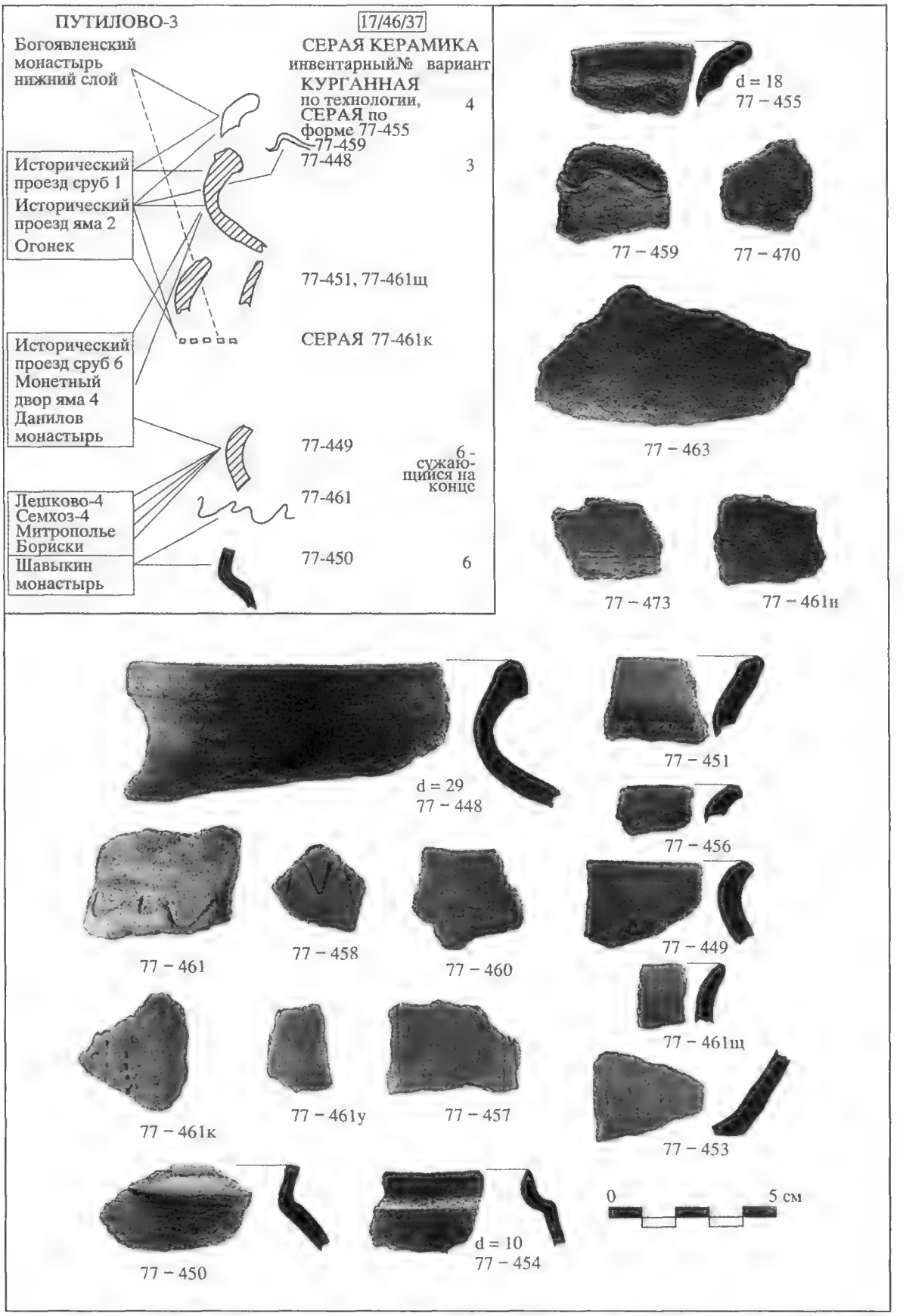


Рис. 22. Селище Путилово-3. Керамика. Схема связей керамических форм с сосудами из закрытых комплексов керамики

Венчики 77-451 и 77-461щ относятся к 6-му варианту серой керамики, который имеет широкую дату. Точная аналогия 77-451щ имеется в комплексе *Лешково-2* (МК. Табл. 66, № 86). Более информативен венчик 77-449, который отогнут под углом 30°, срезан и сужается к краю, причем ребра слегка сглажены. В изломе черепок трехслойный, в качестве примеси использован крупнозернистый песок, но кварциты не выступают наружу, так как поверхность хорошо заглажена. Все эти особенности позволяют заключить, что 77-449 отражает финальный этап производства серой керамики. Близкие сосуды имеются в комплексах *Лешково-2* (МК. Табл. 66, № 89) и *Лешково-4* (МК. Табл. 67, № 611), а точная аналогия – среди ранних материалов селища *Семхоз-4* (*Чернов*, 1994. С. 8, фрагмент 94-39), которые датируются периодом после комплексов Лешково-2 и Лешково-4, возможно, третьей четвертью XIV в.

Тот же круг аналогий имеют и орнаменты, отмеченные в Путилово-3. Штампованый орнамент (77-461к) фиксируется в комплексах *Огонек* (МК. Табл. 63, № 17) и *яма 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 43, под № 2150), волнистый орнамент, переходный к косой волне (77-461, 77-458) – в *яме 3 Исторического проезда* (МК. Табл. 43, № 1907) и *Лешково-2* (Табл. 64. В. № 101), линейный, нанесенный по сухой поверхности (77-457), – во всех комплексах с серой посудой. Наиболее поздними формами, отмеченными на памятнике, является сосуд 77-450 4-го варианта **красноглиняной грубой керамики** с почти вертикальной постановкой венчика и срезанным краем, аналогии которого фиксируются в комплексе из *Шавыкина монастыря* (МК. Табл. 68, № 9 г-е-ж).

Таким образом, мы фиксируем в Путилово-3 керамические формы, встреченные в комплексах второй половины XIII и XIV в. (рис. 22, схема).

Красноармейск 1 и 2

Хронологически и топографически к Путилову-3 близки два небольших селища, которые были обнаружены на противоположном левом берегу р. Вори на территории г. Красноармейска (рис. 12, *43, 44*). Оба они нарушены карьерами, сохранившаяся площадь памятников – 1,5 и 2 тыс. кв. м (рис. 21, В, Г). Судя по топографическим условиям, до разрушения площадь каждого из них не превышала 2,5–3 тыс. кв. м. Селище Красноармейск-1 расположено на бровке плоской террасы р. Вори, а Красноармейск-2 – на пологом склоне близ аналогичной бровки речки Плаксы. Их объединяют незначительные размеры, которые становятся типичны для деревень XIV–XV вв.

Соотношение курганной, серой и красноглиняной грубой керамики в коллекции из селища **Красноармейск-1**: 11%, 11%, 78% (рис. 23, А, Б). **Курганная керамика** представлена двумя стенками (77-696а, 696б), которые фиксируют наличие курганной технологии. Более информативны венчики серых сосудов: 77-664 представляет собой разновидность появляющихся в комплексе из *сруба 1 Исторического проезда* горшков с небольшим валиком внутри сосуда (5-й вариант) (МК. Табл. 34, № 829, 1050). Срезанный венчик 77-668 с уступом под крышку находит аналогии в комплексах того же периода, в частности в *Шарапово-5А* (МК. Табл. 62, В, № 2), а также в комплексе *Лешково-2*, где, впрочем, полноценные упоры под крышку уже не встречаются и сохраняются в виде рудиментов (МК. Табл. 65, № 71, 72а). Столь архаичный по облику серый сосуд, тем не менее, несет орнамент в виде косой волны, который начинает фиксироваться в комплексах *Лешково-2* (МК. Табл. 64, В), *срубе 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 49, Б) и *Огонек* (МК. Табл. 63, А, № 7).

На селище **Красноармейск-2** соотношение курганной, серой и красной грубой керамики составляет 33%, 40%, 27% (Рис. 23, В, Г). Имеется фрагмент 77-705 с сильно отогнутым наружу венчиком с небольшим валиком изнутри, который может быть отнесен к 1-му варианту **серой керамики**. Аналогии встречаются в *нижнем слое Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 25, № 525), *срубе 1* (МК. Табл. 32, № 945) и *яме 3 Исторического проезда* (Табл. 40, № 1991, 2031). Другой серый венчик (77-706) относится к финальному этапу производства этой керамики и имеет аналогии в комплексе из *Шавыкина монастыря* (*Чернов*, 1995. С. 140. Рис. 7, 5-й снизу). Стенки серой керамики толщиной 6–8 мм, трехслойные в изломе, имеют буро-кирпичный цвет на поверхности.

Таким образом, для обоих памятников весьма вероятной представляется дата: последняя четверть XIII–XIV в.

Березники

До сих пор анализировались материалы поселений, расположенных в ландшафтах, освоенных в домонгольское время или незадолго до монгольского нашествия – долинах рек Вори и Прорванихи. Теперь необходимо обратиться к поселениям, которые возникли на значительном удалении от ойкумены домонгольского периода, в глубине ландшафтов моренной равнины.

Следы одного из них были обнаружены в 1977 г. при изучении места монастыря Святой Троицы на Березнике, который располагался на берегу р. Талицы в 2,8 км к северу от Царевского городища (рис. 12, *45*). Обследование места монастыря, проведенное в 1977 г., показало, что в 120 м к ЮВ от д. Березники, на правом берегу р. Талицы, сохраняется кладбище, заросшее лиственным лесом и оконтуренное канавой прямоугольных очертаний (70 × 40 м) (*Чернов*, 1977а. С. 18–20, 70–76). С востока оно примыкает к краю первой надпойменной террасы реки. В северо-западной части кладбища старожилы указывают место деревянной часовни, которая была посвящена Троице, судя по престольному празднику деревни. В северо-западной части кладбища зафиксированы следы средневекового **некрополя** (могильная плита с датой 9 августа 7134 (1626) г.). Первое упоминание монастыря содержится в данной грамоте, датируемой не позднее 5.12.1437 г. Из нее следует, что московские бояре Бяконтовы были ктиторами этой небольшой обители в первой четверти XV в. (*Чернов*, 1996а. С. 119–122).

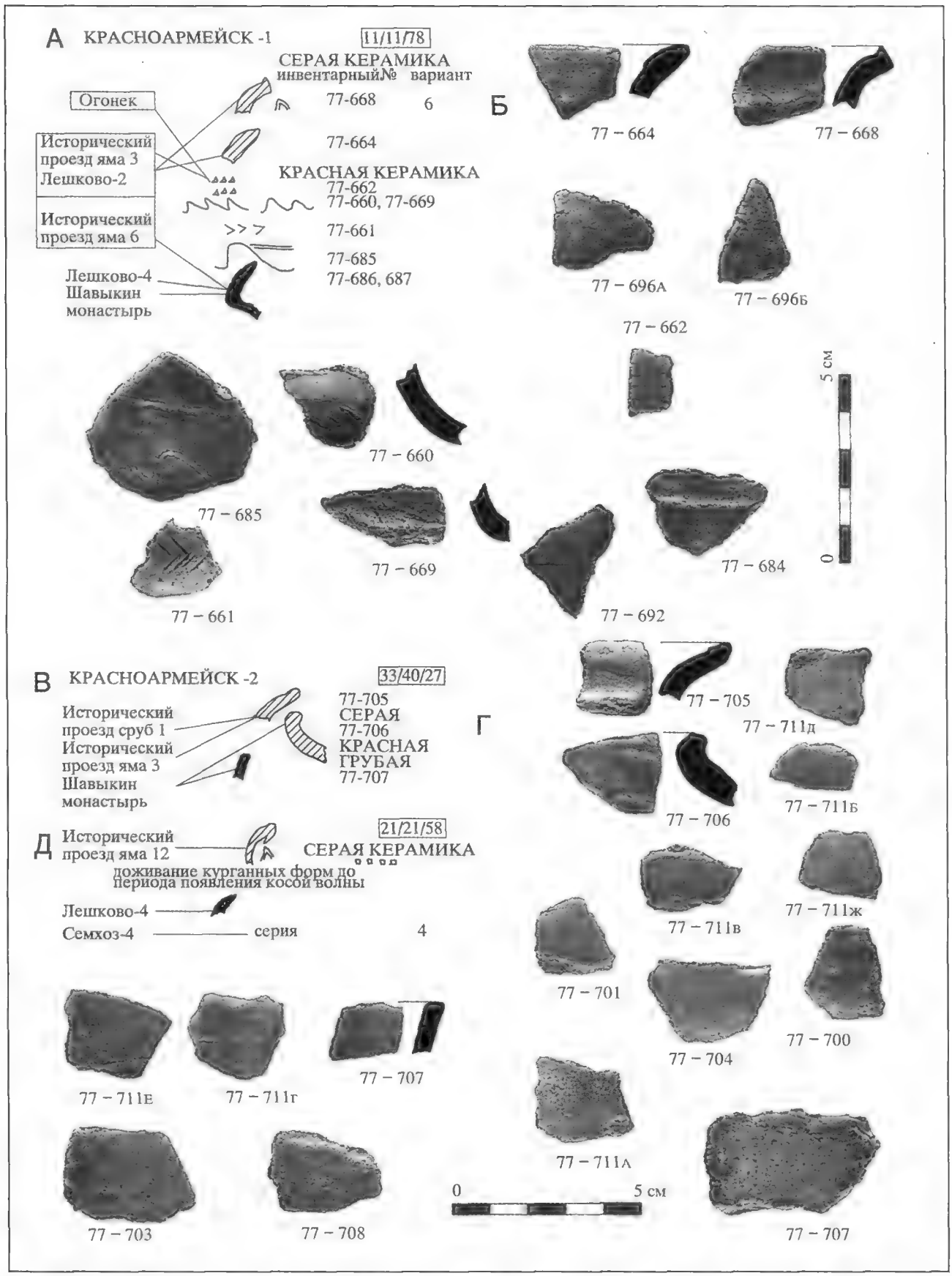


Рис. 23. А – Селище Красноармейск-1. Схема связей керамических форм с сосудами из закрытых комплексов керамики; Б – Красноармейск-1. Фотографии керамики; В – селище Красноармейск-2. Схема связей керамических форм с сосудами из закрытых комплексов керамики; Г – Красноармейск-2. Фотографии керамики; Д – Селище в с. Старое. Схема связей керамических форм с сосудами из закрытых комплексов керамики

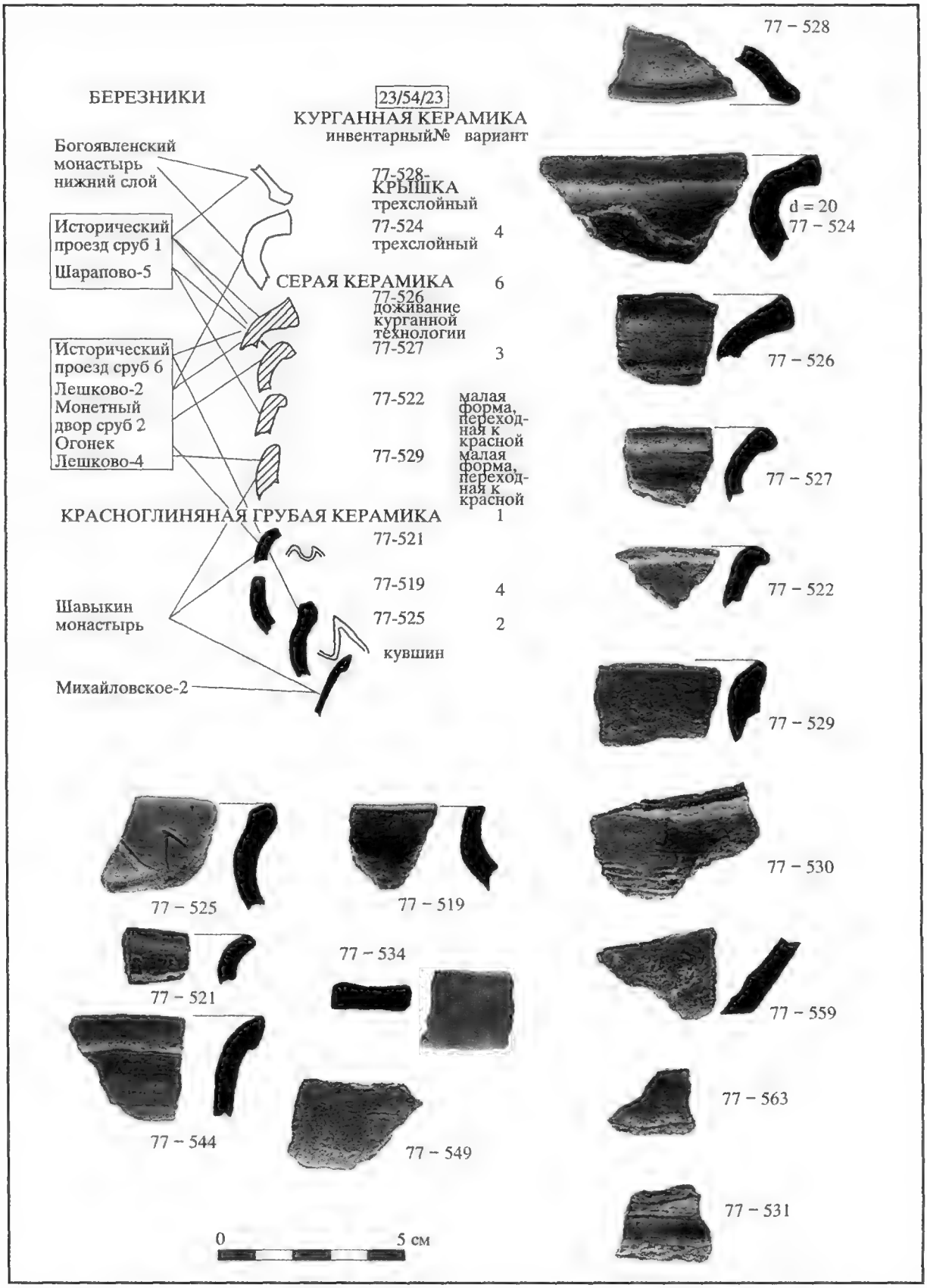


Рис. 24. Селище Березники. Керамика. Схема связей керамических форм с сосудами из закрытых комплексов керамики

На распахиваемых участках поля, к Ю, З и С от кладбища, было обнаружено **селище**. Культурный слой прослежен и далее на север, за оврагом, на усадьбах 5 домов деревни. Общая площадь поселения (вместе с кладбищем) составляет 21 тыс. кв. м. В 13 м к югу от северо-западного угла кладбища был заложен шурф (1,6 × 1,6 м), который выявил серый культурный слой мощностью 0,2 м и две ямы-западины, углубленные на 0,2–0,3 м ниже уровня материка и заполненные тем же слоем. Керамическая коллекция, собранная в ходе разборки слоя, включает курганную, серую, красноглиняную грубую и гладкую, а также белоглиняную грубую посуду.

Соотношение курганной, серой и красноглиняной грубой керамики для этого памятника – 23%, 54%, 23% – напоминает соответствующие соотношения в Барково-2, Лепешках и Путилово-3 и Красноармейске-2. **Курганная керамика** (рис. 24) представлена крышкой 77-528 и венчиком 77-524. Оба сосуда изготовлены из глины с крупнозернистым песком (кварциты до 1,5 мм выступают на поверхности) и прошли неполный окислительный обжиг (черепок в изломе трехслойный). Крышка 77-528 находит аналогии в комплексах из *нижнего слоя Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 25, № 404) и *сруба 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 30, № 983). Венчик 77-524 (D 20 см) отогнут под углом 60 градусов и срезан на конце. По форме завершения он в равной мере может быть отнесен и к курганной, и к серой посуде, а в технологическом плане лежит где-то посередине между курганными горшками 6-го варианта из *нижнего слоя Богоявленского монастыря* (МК. Табл. 23, № 62, 69) и серыми сосудами 6-го варианта из *Лешкова-2* (МК. Табл. 65, № 72; 66, № 216). Не менее широк разброс аналогий и у венчика **серого** (заглаженная поверхность) горшка 77-526, срезанный край которого подправлен и получил дополнительную грань: *сруб 1, яма 3* и *сруб 6 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, № 733; 41, № 2167; 49, № 2233) а также *Лешково-2* (МК. Табл. 65, № 72а).

Несколько сузить датировку памятника позволяет находка горшков 3-го варианта **серой керамики** с отогнутым под углом в 30° венчиком, имеющим валик с внешней стороны. Венчик 78-527 содержит в тесте включения крупнозернистого песка, прошел полный окислительный обжиг (в изломе однородный), поверхность его имеет буро-розовый цвет, валик округлый. Аналогии встречены в *срубе 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 30, 990; Табл. 32, № 890), *Шарапове-5А*, где подобная керамика представлена серией (МК. Табл. 62А, № 3, 5), а также комплексе следующего этапа – *срубе 2 Монетного двора* (МК. Табл. 54, № 3700; 55, № 1877). Венчик 77-522 принадлежит миниатюрному горшку. По технике изготовления и форме он напоминает предыдущий, но валик несколько более заострен. Аналогия встречена в *срубе 1 Исторического проезда* (МК. Табл. 32, № 637).

В Березниках встречена переходная форма от серой к красноглиняной грубой керамике 1-го варианта – вертикально стоящий и заостренный по краю венчик 77-529, который имеет аналогии в комплексе *Лешково-4* (МК. Табл. 67, Б3, № 451, Б6, № 170).

Красноглиняная грубая посуда (рис. 24) представлена венчиками 78-521 и 78-525. Оба они украшены орнаментом в виде косой волны по шейке. 78-521 относится к раннему этапу производства этого типа керамики, о чем свидетельствует близкая серой керамике профилировка и технология производства (включение среднезернистого песка в тесто, в изломе черепок однослойный) в сочетании с ранним вариантом косой волны. Точные аналогии (форма и орнаментация) ему встречены в комплексе селища *Огонек* (МК. Табл. 63, № 7, а также среди раннего материала *московского Данилова монастыря* (до 1330 г.) (МК. Табл. 61, средний в верхнем ряду). Венчик 78-525 относится к редкой разновидности 2-го варианта красной грубой керамики: валик с внутренней стороны лишь слегка намечен. По шейке нанесена косая волна развитого вида, что позволяет отнести этот венчик ко второй половине XIV в. Близкие формы и орнаменты присутствуют в комплексе из *Шавыкина монастыря*, где также присутствует аналогия краснолощеного кувшина из Березников 77-544 (*Чернов*, 1995. С. 141. Рис. 8, 1-й и 8-й венчики; С. 142. Рис. 8, № 71).

В целом ранний этап жизни на селище можно датировать в пределах второй половины (может быть, последней четверти) XIII – первой половины XIV в. (рис. 24, схема).

Старое село

Во второй половине XIII в. освоение затронуло не только новые пространства на моренной равнине. "Пионерские" поселения появились и на территории моренной возвышенности, которая, как уже отмечалось, располагалась в 1–3 км к востоку и в 7 км к западу от долины р. Вори (рис. 12, III).

К сожалению, расположенное на ближайшем к р. Воре участке возвышенности селище Муромцево-1, сохранившееся на месте села Коннотеребова-Муромцева-Никольского, известного по письменным источникам с конца XIV в. (рис. 2, *9*), недоступно для исследования. Основная часть этого селища, некрополь при храме и участок в 200 м к востоку от него, на котором по непроверенным сведениям старожилов располагалось 10 курганов, находятся на территории спецпредприятия "Геодезии". Первая Муромцевская курганная группа, показанная на плане Ю.Г. Гендуне напротив с. Муромцева, на правом берегу р. Плаксы, в ходе обследования 1977 г. не найдена, возможно, она разрушена отстойниками г. Красноармейска (*Чернов*, 1977в. С. 7–9, 28).

Зато близ верховьев р. Прорванихи, в 10 км к западу от р. Вори, на возвышенности было обнаружено селище в д. Старое село (рис. 12, *47*). Уникальность этого памятника заключается в том, что многочисленные селища, исследованные в этом микрорайоне в 1993 г., содержали наслоения лишь второй половины XIV–XV вв.

Селище обнаружено на южной окраине д. Старое Село, на склоне южной экспозиции. Культурный слой фиксируется в 60 м от ручья (на высоте 1 м от уровня ручья) и далее по склону на пространстве в

200 м (северный край селища возвышается над уровнем ручья на 7 м). Это типичное поселение на пологом холме. Общая площадь селища равна 21 тыс. кв. м. Сбор подъемного материала был проведен на 60% площади памятника, по 6 участкам. Ранний материал (серая керамика) был зафиксирован на площади в 13 тыс. кв. м. Всего было собрано 428 фрагментов (если не принимать в расчет керамику XVIII–XX вв.), из которых в коллекцию было взято 90 фрагментов. Соотношение курганной, серой и красноглиняной грубой керамики составляет 21%, 21%, 58%.

Курганная керамика, а точнее керамика, выполненная технологически в курганной традиции, представлена стенками толщиной от 4 до 7 мм. Тесто с добавкой крупнозернистого песка и дресвы, незаглаженная поверхность сосудов (кварциты выступают на поверхности) – элементы курганной традиции – сочетаются с довольно полным окислительным обжигом: в изломе черепок однородный и имеет темно-бурый цвет. Фрагменты 93-445, 93-446, 93-449 и 93-549 покрыты равномерным горизонтальным рифлением (ширина полос 2–3 мм), нанесенным по сырой поверхности сосуда.

Серая керамика (рис. 23, Д) не содержит в тесте крупных кварцитов, поверхность ее заглажена, толщина полос горизонтального орнамента 1–2 мм. Фрагмент верхней части тулова большого горшка 93-547 покрыт сплошным горизонтальным орнаментом – линии толщиной 2 мм нанесены через 7 мм. Фрагмент центральной части тулова небольшого сосуда 93-413 украшен горизонтальным орнаментом – линии толщиной 1 мм нанесены через 5 мм. Срезанный венчик 93-552 6-го варианта имеет широкую дату в пределах второй половины XIII–XIV вв. Для датировки серой керамики из Старого села первостепенное значение имеет венчик 93-480 (рис. 23, Д). Сосуд изготовлен из красножгущейся глины с среднезернистым песком (кварциты до 1 мм), прошел полный окислительный обжиг, давший черепку ровный бурый оттенок; поверхность его заглажена. Форма завершения сосуда редкая и ранняя. Верхняя его часть была дугообразно отогнута на 50 градусов, а край дополнительно отогнут наружу и прижат к венчику. Аналогия данной формы отыскивается в *яме 12 Исторического проезда*, которая содержит исключительно курганную посуду и датируется первой третью XIII в. (МК. Табл. 51, № 3122). Однако относить венчик из Старого села к столь раннему времени нет оснований, так как он украшен ранней косой волной – орнаментом, появляющимся в небольших сериях в комплексах из *ямы 3 и сруба 6 Исторического проезда* и *Лешково-2* (МК. Табл. 43, № 2107; 50, Б, № 2415; 64, № 102), которые датируются первой половиной XIV в. Присутствие керамики данного этапа документируется серией ранних красноглиняных грубых венчиков, разбор которой я здесь опускаю.

Недавно памятник с подобным сочетанием курганной, серой и ранней красноглиняной посуды был исследован в Радонеже (Лешково-8) и датирован концом XIII – первой четвертью XIV в. (*Чернов*, 2002). Видимо, Старое село надо относить именно к этому времени.

Выводы

На средней Воре (первое известие о волости Воря – 1336 г.), в 40 км от Москвы, в первой трети XIII в. имелось 21 поселение общей площадью 10,8 га. За полтораста лет при них были произведены захоронения примерно в 300 (сохранились данные о 269) курганах. После Батыева нашествия 1238 г. перестало существовать 11 поселений общей площадью 6,8 га, в частности три наиболее крупные поселения (Михайловское-1, Муромцево-2, Путилово-1), известные своими яркими курганными комплексами кривичского облика XII – первой трети XIII в. Таким образом, было разорено и не восстановлено 63% площади домонгольских поселений (табл. 2).

На протяжении второй половины XIII в. было восстановлено 9 поселений (Царевское городище, Царево-1, Останкино-1, Останкино-2, Барково-2, Алексеевка-5, Каблуково-2, Каблуково-4, Каблуково-5), или 37% площади домонгольских поселений, и возникло 8 новых селений общей площадью 5,2 га, или 46% от соответствующего показателя 1238 г. В итоге общая селитебная площадь к концу века достигла 9,5 га, или 88% от площади поселений 1238 г.

Население переместилось с берегов Вори в долины малых рек (Талицы и ее притока Прорванихи). Здесь в районе возникшего еще в первой трети XIII в. укрепления (Царевское городище) сложился куст селений площадью 1–4 тыс. кв. м. Селища этого времени имеют отчетливые признаки селений на пологих холмах, чем отличаются от памятников домонгольского периода.

Разрыв преемственности в развитии сельскохозяйственной инфраструктуры фиксируется отчетливо. В ряде случаев утрачивалось не только поселение, но и его угодья. Так, в начале XV в. в районе курганов и селищ Путилово-1 и Муромцево-2 пролегали границы новых земельных владений, а ближайшие малодворные селения, возникшие во второй половине XIII в., располагались в 200–300 м. Место другого домонгольского поселения оставалось пустующим не менее полувека (Царево-3), а новые дворы (Царево-4) возникли в 100 метрах от него, за оврагом, где позднее, в XV–XVI вв. сформировалось село. Преемственность прослеживается в развитии поселений, которые были расположены либо в старых (Каблуково 4, 5) или новых (Царево-1) узлах расселенческой сети, либо на дальней периферии, где малодворные селения, основанные в лесной глуши, судя по всему, вообще избежали разорения (Барково-2, Алексеевка-5).

На верхней и средней Пехорке[5] (первое известие о волости Пехорка – 1380–1382 гг.), в 20 км от Москвы по Переславской (Стромынской) дороге, в первой трети XIII в. располагалось 13 поселений общей площадью 7,3 га (рис. 2, А). При них было зафиксировано 112 курганов, но до периода широкой распашки их было не менее 160 (см. табл. 3).

---

[5] Учитывая ограниченный объем статьи, ниже приводятся лишь выводы, основанные на материалах, полученных в районе Пехорской волости. Разбор керамических коллекций и датировка поселений см.: *Чернов*, 2003а; 2003б.

Таблица 2. **Селища на территории волости Воря в XIII в.**

Селища первой трети XIII в.	Площадь в тыс. кв. м	Число насыпей в курганной группе	Поселения, сохранившиеся (восстановленные) в середине – второй половине XIII в.	Площадь в тыс. кв. м	Поселения, возникшие во второй половине XIII в.	Площадь в тыс. кв. м
Михайловское-1	5,5	33				
Муромцево-2	17	45				
Путилово-1	6	40				
Царево-2	3	20				
Царево-3	6	?				
Чекмово	(2)	8				
Алексеевка-1	0,5	10				
Алексеевка-2	5	?				
Алексеевка-3	3	6				
Сутоки	15	5				
Каблуково-3	3	16				
Каблуково-1	1					
Каблуково-4	13	50	Каблуково-4	не более 13		
Каблуково-5	5		Каблуково-5	5		
Каблуково-2	2,2	3	Каблуково-2	2,2		
Царево-1 городище	3,5		Царево-1 городище	3,5		
Царево-1	6	5	Царево-1	6		
Останкино-1	(2)	13	Останкино-1	(2)		
Останкино-2	(1)	5	Останкино-2	(1)		
Барково-2	5,5	8	Барково-2	5,5		
Алексеевка-5	2	нет	Алексеевка-5	2		
Алексеевка-6		2			Путилово-3	6
					Красноармейск-1	2,2
					Красноармейск-2	2
					Лепешки	не более 9
					Царево-4 (в селе)	3
					Березники	не более 15
					Старое село	не более 13
Всего: 21 поселение	108	269	9 поселений	38,2	8 поселений	52

После 1238 г. перестало существовать лишь 3 поселения (Лукино, Акатово-1, Акатово-2), общая площадь которых составила 2,7 га, или 37% от площади домонгольских поселений. На протяжении второй половины XIII в. восстановлено было 10 поселений площадью 4,6 га, или 63% площади домонгольских поселений, и возникло 8 новых площадью 3,7 га, или 51% к показателю 1238 г. (Рис. 25, Б) В итоге общая селитебная площадь к концу века достигла величины 8,3 га и составила 114% от площади поселений к 1238 г.

В отличие от волости Воря, на Пехорке структура домонгольских поселений и сам тип селения не претерпели во второй половине XIII в. коренных изменений. Наиболее крупные из них (Алексеевская роща-1 на р. Пехорке, Никольское-Трубецкое 1 и 2 и Горбово-3 на р. Малашке площадью 7–8,5 тыс. кв. м) сохранились (восстановлены – ?) и были дополнены мелкими починками (на Щукином лугу, на Аксентьевском поле, Балашиха-1, 3 – соответственно 1,7–4,6 тыс. кв. м). Так же, как и на Воре, получил развитие возникший еще в предмонгольское время комплекс поселений при укреплении, известном позднее как Никольское Мытище (Балашихинское городище, селище Балашиха-10). Здесь была исследована постройка с керамическим материалом, близким срубу 1 Исторического проезда, и фрагментом амфоры из Триллии (близ Никеи), привезенной на Русь еще в начале XIII в. (*Полюлях, Чернов*, 2000. С. 88–106). При пересечении р. Пехорки дорогой на Переславль возникло поселение – исторический предшественник центра Пехорской волости. Кроме того, началось освоение Медвежьих озер в 2,5 км от района, заселенного в домонгольский период.

Стабильность поселенческой структуры на Пехорке можно объяснить тем, что окружающие ее мещерские ландшафты (боры на флювиогляциальных песках) давали мало перспектив для развития земледе-

Таблица 3. **Селища на территории волости Пехорка в XIII в.**

Селища первой трети XIII в.	Площадь в тыс. кв. м	Число насыпей в курганной группе	Поселения, сохранившиеся (восстановленные) в середине – второй половине XIII в.	Площадь в тыс. кв. м	Поселения, возникшие во второй половине XIII в.	Площадь в тыс. кв. м
Акатово-1	(27)	71				
Акатово-2	5	2				
Лукино	(2)	4				
Алексеевская роща-1	8	?	Алексеевская роща-1	8		
Балашиха-1	2,9	?	Балашиха-1	2,9		
Никольское-Трубецкое-1	5,5	27	Никольское-Трубецкое-1	5,5		
Никольское-Трубецкое-2	3	?	Никольское-Трубецкое-2	3		
Горбово-1	3,6	?	Горбово-1	3,6		
Горбово-2	5	?	Горбово-2	5		
Горбово-3	7,2	?	Горбово-3	7,2		
Балашихинское городище	3,6		Балашихинское городище	3,6		
Балашиха 10а, 10	6	8	Балашиха 10а, 10	6		
Балашиха-9	1,2	нет	Балашиха-9	1,2		
					на Щукином лугу	1,7
					Алексеевская роща-3	4,5
					на Арсентьевском поле	4,6
					в селе Пехра	5
					Балашиха-3	7,4
					Балашиха-5	2,5
					Балашиха-8	4
					монастырь Спаса на Медвежьем озере	около 8
Всего 13 поселений	73	112	10 поселений	46	8 поселений	37,7

лия, зато были весьма привлекательны для бортного промысла, фиксируемого с 1380 по 1469 г. Долина Вори лежала у подножья Клинско-Дмитровской гряды, и ее притоки "выводили" новых поселенцев к ландшафтам моренной равнины, удобным (при новых формах ведения хозяйства) для развития хлебопашества. Именно здесь (еще в предмонгольское время) возникло укрепление, ставшее затем историческим предшественником центра волости Воря (городище Царево), и наиболее крупные "пионерские" поселения второй половины века (селища у д. Березники и в д. Старое село).

Отмеченные ландшафтные различия, однако, не могут в полной мере объяснить большую преемственность в развитии поселений на Пехорке (не восстановлено 37% поселений), по сравнению с Ворей (не восстановлено 63% поселений), ведь степень разорения на Пехорке была не меньшей, чем на Воре (через Пехорку пролегала дорога на Клязьму, которую не могли миновать войска Батыя, двигавшиеся от разоренной Москвы к Владимиру). Объяснение следует искать в иной плоскости. Исследования в области исторической демографии показывают, что в кризисные периоды особенно быстро разрушается периферийная часть расселенческой структуры ("кроны"), тогда как центральная ее часть ("стволы" и "корни") демонстрирует высокую степень стабильности, подпитываясь за счет периферии. В связи с этим надо полагать, что на Пехорке восстановление хозяйственных структур началось в первые два десятилетия после 1238 г., когда дворища, места пашен и лугов еще сохранялись, а традиции освоения территории были еще прежними. На Ворю же поселенцы "вернулись" несколько позднее, когда запустевшие пашни и луга уже были покрыты лесом, а новые приемы освоения территории делали старые дворища не столь привлекательными. Этим и следует объяснять фиксируемые случаи прерыва преемственности. В рамках этого объ-

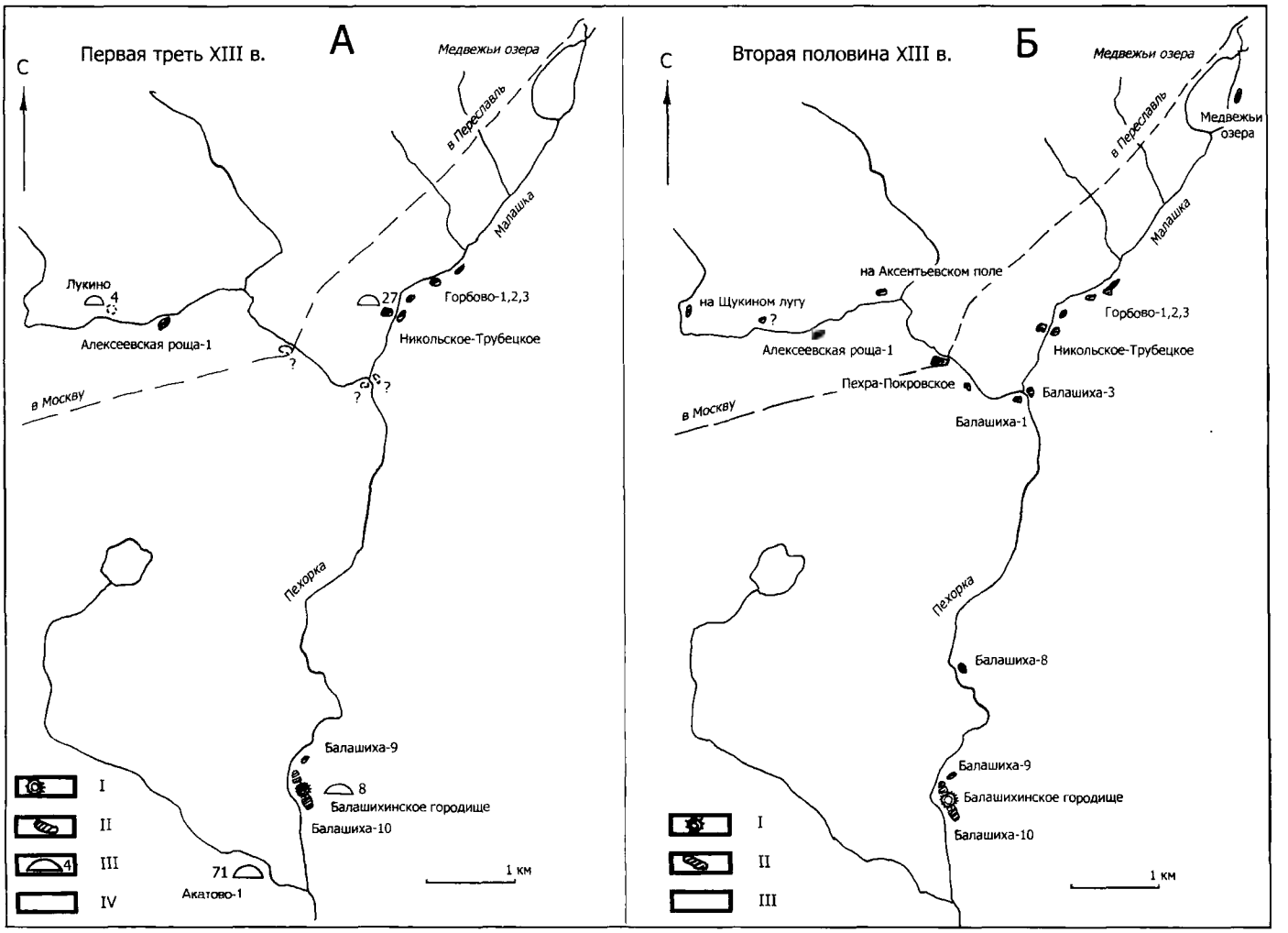


Рис. 25. А – Поселения и курганные могильники XII – первой трети XIII в. в верхнем течении р. Пехорки (селища с керамическими материалами типа нижнего слоя Богоявленского монастыря)

I – городище; II – селище; III – курганная группа и число насыпей в ней; IV – ландшафты Мещерской низменности; Б – поселения второй половины XIII в. в верхнем течении р. Пехорки (селища, содержащие керамические материалы типа сруб 1 Исторического проезда–Царево-1)

Условные обозначения: I – городище; II – селище; III – ландшафты мещерской низменности

яснительного ряда становится понятным и количественный уровень восстановления селитебных территорий к рубежу XIII–XIV вв. На Пехорке, где (по нашему предположению) процесс восстановления хозяйства начался раньше, к концу княжения Даниила Московского он зашел уже далеко (110% от уровня 1238 г.), на Воре же он находился на более ранней стадии (88% от уровня 1238 г.).

Позднее роли этих районов в хозяйственной жизни Московского края поменялись. В Мещере экологическая ниша промыслового хозяйствования была заполнена к началу XV в., тогда как на Клинско-Дмитровской гряде хозяйственный рост продолжался вплоть до первой четверти XVI в. В силу ландшафтного разнообразия на Воре сеть поселений потенциально была достаточно гибкой. Окраинное положение в структуре расселения княжества обусловило то, что здесь демографический и экономический кризис XIII в. был глубже, а "культурный вызов" ощущался острее. Соответственно и "ответ" древнерусской культуры проявился здесь ярче – в более резком и глубоком изменении форм адаптации и в возникновении новых культурных и хозяйственных традиций, что в полной мере проявилось в XIV в. в феномене Радонежа.

Литература

Алексеева Т.И., Ефимова Г.С., Эренбург Р.Б., 1986. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. М.

Анучин Д.Н., 1908. О черепах из курганов Дмитровского уезда Московской губернии (Раскопки И.К. Линдемана) // Древности. М. [Т.] XXII, вып. 1.

Археологическая карта России: Московская область. М., 1994. Ч. 1. С. 205–247.

Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.

АСЭИ. М., 1952. Т. 1.

АФЗиХ. Ч. 1. М., 1951.

Варенов А.Б., 1973. Научный отчет о разведке в Ногинском районе Московской области в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5529.

ДДГ. М., Л., 1950.

Гендуне Ю.Г., 1901. Отчет о раскопках в Калужской, Мос-

ковской и Тульской губерниях 1901 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 39.

Гендуне Ю Г., 1902. Отчет о раскопках в Калужской и Московской губерниях 1902 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1902. Д. 27.

Гендуне Ю.Г., 1903. Отчет о раскопках в Калужской, Московской и Черниговской губерниях 1903 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15.

Гендуне Ю.Г., 1907. Отчет о раскопках в Владимирской, Московской и Тверской губерниях 1907 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1907–1908. Д. 67.

Гендуне Ю.Г., 1908. Отчет об изучении памятников старины в Клинском и Дмитровском уездах Московской губернии в 1908 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 105.

Коваль В.Ю., 2000. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М. Ч. 3 (Тр. МИГМ. Вып. 10).

Коновалов А.А., 1967. Отчет о раскопках кривичских курганов у д. Каблуково Щелковского района Московской области в 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 4275, 4275а, 4275б.

Коновалов А.А., 1972. Характеристика медных сплавов украшений из кривичских курганов у дер. Каблуково // Новое в археологии. М.

Кызласов Л.Р., Коновалов А.А., 1968. Работа славянской экспедиции // АО за 1961 год. М.

Линдеман И.К., 1908. Раскопки курганов летом 1907 г. // Древности. М., [Т.] XXII, вып. 1.

Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.

Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Полубояринова М.Д., 1992. Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика. М.

Полюлях А.А , Чернов С.З., 2000. Археологический комплекс Балашихинского городища XII–XVI вв. по данным исследований 1990 г. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Часть третья / Тр. МИГМ. М., Вып. 10.

Равдина Т.В. Хронология "вятичских" древностей // Архив ИА РАН. Р-2, № 2154, 2154а.

Розенфельдт Р.Л., 1969. Отчет о поездке в г. Красноармейск Московской области в октябре 1969 г. // ГИМ. III Археологический отдел. Рукопись.

Розенфельдт Р.Л., 1975. Отчет об исследовании состояния археологических памятников в Ногинском и Щелковском районах Московской области в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5957.

Розенфельдт Р.Л., 1982. Отчет о раскопках курганов в Пушкинском районе Московской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9833.

Розенфельдт Р.Л., 1984. Раскопки и разведки в Подмосковье // АО 1982 года. М.

Розенфельдт Р.Л., 1985а. Раскопки в Подмосковье // АО 1983 года. М.

Розенфельдт Р.Л., 1985б. Отчет об археологических раскопках курганных групп Останкино 1 и Останкино 2 у д. Останкино Пушкинского района в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 11730.

Розенфельдт Р.Л., 1988. Раскопки и разведки в Подмосковье // АО за 1986 год. М.

Седова М.В., 1959. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) // МИА. М. № 65.

Семенченко Г.В., 1988. О хронологии Троицких актов второй половины XV в. // Археографический ежегодник за 1987 г. М.

Сидоров В.В., 1968. Отчет за 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3723.

Чернов С.З., 1976. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6409.

Чернов С.З., 1977а. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6695.

Чернов С.З., 1977б. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 5 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6696.

Чернов С.З., 1977в. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 6 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6697.

Чернов С.З., 1977 г. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 7 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6698.

Чернов С З., 1977д. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 8 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6699.

Чернов С.З., 1982. Воскресенская земля Троице-Сергиева монастыря (к интеграции методики археологии и специальных исторических дисциплин) // Археографический ежегодник за 1981 год. М.

Чернов С.З., 1990. Отчет Московской археологической экспедиции об археологических исследованиях в 1990 г. Ч. 1–6 // Архив ИА РАН. Р-1. № 15192–15197.

Чернов С.З., 1991а. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.

Чернов С.З., 1991б. К хронологии Московской керамики XIII – середины XV в. // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.

Чернов С.З , 1994. Отчет об археологических разведках на территории Сергиево-Посадского и Пушкинского районов Московской области в 1994 г. Ч. 1. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19703.

Чернов С.З., 1995. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.

Чернов С.З., 1996а. Сельские монастыри XIV–XV вв. на Северо-Востоке Московского княжества по археологическим данным // РА. № 2.

Чернов С.З., 1996б. Укрепленные поселения XIII–XIV вв. Северо-Востока Московского княжества // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Тез. докл. научн. конф. (Москва, 3–5 декабря 1996 г.) / Ин-т российской истории. М.

Чернов С З., 2000. Исследование Юго-Востока Москвы в зоне проектирования парка Кузьминки-Люблино // АО 1998 года. М.

Чернов С.З., 2002. Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в конце XIII – первой половине XIV в. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 4 / М. (Тр. МИГМ. Вып. 11). В печати.

Чернов С.З , 2003а. Сельское расселение и ландшафты на Пехорке: загадка хозяйственного подъема в Мещере при первых московских князьях // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. М.

Чернов С.З., 2003б. Пехорский бортный стан: подъем и закат промыслового хозяйства в XIV–XVI вв. // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. М.

Чернов С.З., Бойцов И.А., 1992. Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого посада Москвы XIII–XIV вв. // СА. № 1.

Приложение 1

Курганная группа у деревни Михайловская. Таблица датировок погребального инвентаря

(см. рис. 4)

№ в таблице	Категории вещей, название типа	Место хранения	Основание для датировки	Дата
	ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА			
1	проволочное браслетообразное завязанное на оба конца	оп. 95, № 3–20, кол. 672, № 1–5	Тр. ГИМ, 16; Шмидт Е.А., 206	кон. XI – нач. XII в.
2	семилопастное типа 3	оп. 95, № 19	Равдина Т.В., 68; Седова М.В., 65	1-я пол. XII в.
3	ромбощитковое завязанное	оп. 95, № 16–18	Тр. ГИМ, 17, рис. 3, № 1	XI – 1-я пол. XII в.
4	проволочное браслетообразное загнутоконечное	оп. 101, № 43, 44	Тр. ГИМ, 14, рис. 2, № 7	XI–XIII вв.
5	проволочное перстнеобразное загнутоконечное	оп. 101, № 45	Тр. ГИМ, 14, рис. 2, № 7, 40	X–XIII вв.
6	бусинное гладкое (многобусинное)	кол. 95, № 7–10	Тр. ГИМ, 19; Седова М.В., 224; Шмидт Е.А., 208, табл. IV, 6	кон. XII–XIII в.
	ГРИВНА			
7	витая – замок в виде двух крюков	оп. 95, № 11	Тр. ГИМ, 86, 72, рис. 13, № 8	кон. XI–XII в.
	БРАСЛЕТЫ			
8	пластинчатый узкоконечный	оп. 95, № 13	Тр. ГИМ, 251, 233, 234, рис. 30, № 5	XI–XIV вв.
9	пластинчатый загнутоконечный	оп. 101, № 34	Тр. ГИМ, 234, рис. 30, № 4, 235, 251; Шмидт Е.А., 212, табл. XII. 1–4	XII–XIII вв.
10	сложновитой 2 × 3	оп. 101, № 50, кол. 672, 22	Арциховский А.В., 137; Тр. ГИМ, 223, 249; Седова М.В., 248;	вторая пол. XII–XIII в.
	сложновитой 3 × 3	оп. 101, № 46	Шмидт Е.А., 212, табл. XII, № 6; Корзухина Г.Ф., № 171	
	БУБЕНЧИК			
11	шаровидный с щелевидной прорезью	оп. 101, № ?	Тр. ГИМ, 145	XII – нач. XIII в.
	ПЕРСТНИ			
12	литой	оп. 95, № 9, оп. 101, ??	Тр. ГИМ, 268, 258, рис. 32, № 1	XII-XIII вв.
13	решетчатый	оп. 101, № 2; кол. 672, 19	Тр. ГИМ, 260, 259, рис. 33, № 5	XII–XIII вв.
14	тонкопластинчатый	оп. 101, № 65; Отчеты Ю.Г. Гендуне.	Тр. ГИМ, 268, 258, рис. 32, № 2	XII–XIII вв.
15	витой двойной	отчеты Ю.Г. Гендуне	Тр. ГИМ, 163	XI–XIII вв.
16	ложновитой	оп. 101, 51, ?; 53	Тр. ГИМ, 264	XI–XIII вв.
17	проволочный с заходящими концами	оп. 101, ? ?	Тр. ГИМ, 14, рис. 2, № 4	XI–XIII вв.
18	фигурносрединный	оп. 101, № 52	Тр. ГИМ, 259, рис. 33, № 10	XI–XIII вв.
	БУСЫ			
19	глазчатая гладкая и сердоликовая	оп. 95. № 15	Щапова Ю.Л., 178, табл. II, № 21	X–XI вв.
20	золотостеклянные	оп. 95. № 1, 8	Щапова Ю.Л., 172; Арциховский А.В., 139, 145	XI–XII вв.
21	стеклянные цилиндрические	кол. 672, № 24, оп. 95, ?	Щапова Ю.Л., 171	XI–XII вв.
22	стеклянные боченкообразные	кол. 672, № 24, оп. 101 ?	Щапова Ю.Л., 171	XI–XIII вв.
23	сердоликовые бипирамидальные	оп. 101, 40, кол. 672, 24	Щапова Ю.Л., 171	XI–XIII вв.
24	хрустальные шарообразные	оп. 101, № 40	Щапова Ю.Л., 171–178	XI–XIII вв.
25	стеклянные с инкрустацией	отчеты Ю.Г. Гендуне	Щапова Ю.Л., 177	XII – нач. XIII вв.

Приложение 2

Курганная группа у села Путилово. Таблица датировок погребального инвентаря

(см. рис. 6, А)

№ в таблице 8	Категории вещей, название типа	Место хранения	Основание для датировки	Дата
	ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА			
1	проволочное браслетообразное завязанное на оба конца	38, 41, 50, 53, 54, 67–69, 71, 74	Тр. ГИМ, 16; Шмидт Е.А., 206, табл. II, № 1	кон. XI – нач. XII в.
2	ромбощитковое завязанное	22, 23	Тр. ГИМ, 17, рис. 3, № 1	XI – 1-я пол. XII в.
3	эсоконечное проволочное браслетообразное	27–32	Тр. ГИМ, 40	XI–XII вв.
4	проволочное браслетообразное загнутоконечное	43	Тр. ГИМ, 14, рис. 2, № 7	XI–XIII вв.
5	проволочные браслетообразные завязанные одним концом	40, 71–73	Шмидт Е.А., 206, табл. IV, 10; Тр. ГИМ, 16	кон. XII–XIII в.
6	малые проволочные с заходящими концами	1–4, 93, 94, 98–103	Шмидт Е.А., 206, табл. III, 10	кон. XII – нач. XIII в.
	БРАСЛЕТЫ			
7	пластинчатый узкоконечный	5, 8, 20	Тр. ГИМ, 251, 233, 234, рис. 30, № 5	XI–XIV вв.
8	пластинчатый загнутоконечный	37б, ?	Тр. ГИМ, 234, рис. 30, № 4, 235, 251; Шмидт Е.А., 212, табл. XII. 1–4	XII–XIII вв.
9	ложновитой тонкоконечный	89	Тр. ГИМ, 212, рис. 28, № 6, 225; Седова М.В., 248	XII–XIII вв.
10	витой тройной	7	Арциховский А.В., 10; Седова М.В., 247; Корзухина Г.Ф., №171; Тр. ГИМ, 218 рис. 29, № 4; Равдина Т.В., 62	XII в.
11	сложновитой 2 × 2	18, 87	Там же	XII в.
12	сложновитой 2 × 3, 3 × 3	35, 36, 88	Там же	2-я пол. XII–XIII в.
	ПЕРСТНИ			
13	тонкопластинчатый	56, 63, 64, ??	Тр. ГИМ, 268, 258, рис. 32, № 2	XII–XIII вв.
14	пластинчатый широкосрединный волнистый	?	Тр. ГИМ, 271, 258, рис. 32, № 8	XI–XII вв.
15	витой с заходящими концами	104	Тр. ГИМ, 263	XI–XIII вв.
16	ложновитой	24	Тр. ГИМ, 264	XI–XIII вв.
17	фигурносрединный печатный округлый	57	Тр. ГИМ, 273, 257, рис. 31, № 10	XI – нач. XIII в.
18	литой	63	Тр. ГИМ, 268, 258, рис. 32, № 1	XII–XIII вв.
19	фигурносрединный печатный шестиугольный	58	Тр. ГИМ, 273, рис. 31, № 9	XII–XIII вв.
20	решетчатый	47	Тр. ГИМ, 260, 259, рис. 33, № 5	XII–XIII вв.
	БУСЫ			
21	золотостеклянные боченкообразные и стеклянные цилиндрические	26	Щапова Ю.Л., 171, 172	XI–XII вв.
22	стеклянные округлые	43	Щапова Ю.Л., 171	XI–XIII вв.
23	стеклянные боченкообразные	33, 34	Там же	XI–XIII вв.
24	хрустальные шарообразные	отчет И.К. Линдемана	Там же	XI–XIII вв.

Курганная группа у села Муромцево-2. Таблица датировок погребального инвентаря

(см. рис. 6, Б)

№ в таблице 8	Категории вещей, название типа	Место хранения	Основание для датировки	Дата
	ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА			
1	проволочное браслетообразное завязанное на оба конца	22–25, 33–35, 69, 72, 74, 125, 127	Тр. ГИМ, 16; Шмидт Е.А., 206, табл. II. № 1	кон. XI – нач. XII в.
2	малые проволочные браслетообразные завязанные на оба конца	2–4	Там же	
3	проволочное браслетообразное эсоконечное	11–14, 63–64, 66–68	Тр. ГИМ, 40, 14, рис. 2, № 8	XI–XII вв.
4	семилопастное с боковыми колечками типа 5	45	Равдина Т.В., 76	1-я пол. XII в.
5	проволочное перстнеобразное плоскоушковое	43, 44	Тр. ГИМ, 14, рис. 2, № 11	XI–XIII вв.
6	проволочное перстнеобразное с заходящими концами	3–5, 115, 116, 121–123	Тр. ГИМ, 14, рис. 2, № 4, 40	XI–XIII вв.
7	проволочное браслетообразное завязанное одним концом	22, 26, 126	Шмидт Е.А., 206, табл. IV, 10; Тр. ГИМ, 16	кон. XII–XIII вв.
8	проволочное браслетообразное полузавязанное	130	Шмидт Е.А., 206, табл. IV, 7	кон. XII–XIII вв.
	ГРИВНЫ			
9	проволочная с загнутыми концами	128	Тр. ГИМ, 81, 60, рис. 8, № 1	XI – нач. XII вв.
10	витая с пластинчатым наконечником	32	Тр. ГИМ, 73; Корзухина Г.Ф., № 59, 103, 117, 122	2-я пол. XII – нач. XIII в.
	БРАСЛЕТЫ			
11	пластинчатый загнутоконечный	110	Тр. ГИМ, 234, рис. 30, № 4, 235, 251; Шмидт Е.А., 212, табл. XII, № 1–4	XII–XIII вв.
12	витой тройной	28, 95, 96	Арциховский А.В., 10; Седова М.В., 247; Корзухина Г.Ф., № 171; Тр. ГИМ, 218, рис. 29, № 4; Равдина Т.В., 62	XII в.
13	сложновитой 2 × 2	1,9	Там же	XII в.
14	сложновитой 2 × 3, 3 × 3	2, 62, 93, 107–109	Там же	2-я пол. XII–XIII в.
15	плетеный на каркасе	39	Тр. ГИМ, 250, 218, рис. 29, № 6	XII–XIII вв.
	ПЕРСТНИ			
16	литой	101, 102, 117, 119	Тр. ГИМ, 268, 258, рис. 32, № 1	XII–XIII вв.
17	выпукло-вогнутый простой	58	Тр. ГИМ, 272, 258, рис. 32, № 11	XI – нач. XIII в.
18	тонкопластинчатый	???	Тр. ГИМ, 268, 258, рис. 32, № 2	XII–XIII вв.
19	решетчатый	99, ?,105, 106	Тр. ГИМ, 260, 259, рис. 33, № 5	XII–XIII вв.
20	ложновитой	21, 27, 50–53, 118, 131, ??	Тр. ГИМ, 264	XI–XIII вв.
21	проволочный с заходящими концами	113,114,116, 118	Тр. ГИМ, 40	XI–XIII вв.
22	фигурносрединный печатный шестиугольный	98	Тр. ГИМ, 273, с. 257, рис. 31, № 9	XII–XIII вв.
	БУСЫ			
23	глазчатая гладкая	77	Щапова Ю.Л., 178, табл. II, № 21	X–XI вв.
24	золотостеклянные	отчет И.К. Линдемана	Щапова Ю.Л., 172	XI–XII вв.
25	сердоликовые бипирамидальные	31, 78, 120	Щапова Ю.Л, 171	XI–XIII вв.
26	стеклянная с инкрустацией	9	Щапова Ю.Л., 177	XII – нач. XIII в.
27	хрустальные шарообразные	20	Щапова Ю.Л., 171–178	XI–XIII вв.

Приложение 4

Курганная группа Барково-2, раскопанная кладоискателями в 1969 г. Таблица датировок погребального инвентаря

(см. рис. 15, Б)

№ в таблице	Категории вещей, название типа	Место хранения	Основание для датировки	Дата
	ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА			
1	проволочное браслетообразное завязанное на оба конца	оп. 2045, № 1, 2; оп. 1963, № 4	Тр. ГИМ, 16; Шмидт Е.А., 206, табл. II, 1	кон. XI – нач. XII в.
	БРАСЛЕТ			
2	дротовый круглый в сечении, тонкоконечный	оп. 2045, № 3	Тр. ГИМ, 212, рис. 28, № 3, 214, 248; Шмидт Е.А., 212, табл. XI, 8	XI–XIII вв.
	ПРИВЕСКА			
3	плоская ажурная фигурка птицы	оп. 1963, № 2	Тр. ГИМ, 90, рис. 14, № 2, 3	XI – 1-я пол. XII в.
	ПЕРСТНИ			
4	перстень пластинчатый широкосрединный завязанный	оп. 2045, № 4	Тр. ГИМ, 269, 258, рис. 32, № 4	XI – нач. XII в.
5	перстень проволочный с заходящими концами	оп. 1963, № 3	Тр. ГИМ, 14, рис. 2, № 4	XI–XIII вв.
	БУСЫ			
6	золотостеклянные боченкообразные и цилиндрические	оп. 2045, № 5	Щапова Ю.Л., 172; Арциховский А.В., 139, 145	XI–XII вв.
7	золотостеклянные боченкообразные и цилиндрические бусы и сердоликовая	оп. 1963, № 1	Щапова Ю.Л., 172; Арциховский А.В., 139, 145	XI–XII вв.

Сокращения, принятые в таблицах

В графе "Место хранения": Оп. 95 – ГИМ. Инв. № 43 894; Оп. 101 – ГИМ. Инв. № 42 044; Оп. 106 – ГИМ. Инв. № 44 575; Оп. 110 – ГИМ. Инв. № 44 576; Оп. 1963 – ГИМ. Инв. № 99 451; Оп. 2045 – ГИМ. Инв. № 101 385; Оп. 2305 – ГИМ. Инв. № 43 894. Кол. 672 – ГЭ. ОИПК.

В графе "Основание для датировки" (первая цифра обозначает страницу):

Арциховский А.В. – Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.

Корзухина Г.Ф. – Корзухина Г.Ф. Русские клады. М.; Л., 1954.

Равдина Т.В. – Равдина Т.В. Хронология "вятичских" древностей // Архив ИА РАН СССР. Р- 2. № 2154, 2154а

Седова М.В. – Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) // МИА. М., 1959. № 65.

Тр. ГИМ – Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Тр. ГИМ. М., 1967. Вып. 43.

Щапова Ю.Л. – Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. М., 1956. № 55.

Шмидт Е.А. – Шмидт Е.А. Курганы X–XIII вв. у д. Харлапова в Смоленском Поднепровье // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1957.

М.И. Гоняный, М.Я. Кац, А.Н. Наумов

Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле

На протяжении более чем полстолетия изучение истории древнерусской деревни, являются одним из ведущих направлений исследований историков и археологов ГИМ.

Проблемы, связанные с изучением процесса заселения и хозяйственного освоения лесостепных территорий на Верхнем Дону в районе Куликова поля, решаются научным коллективом музея совместно со специалистами ИГ РАН, МГУ, Тульской археологической экспедиции последние 20 лет. Комплексные междисциплинарные исследования древнерусских памятников начаты с уникального в историко-географическом отношении участка – приустьевой части Непрядвы.

До начала планомерных многолетних исследований в приустьевой части Непрядвы был известен и частично раскопан лишь один древнерусский памятник – грунтовой могильник XII–XIV вв. в с. Монастырщина (*Изюмова*, 1990. С. 82–85).

Задачи исследований

На начальном этапе работ основной задачей являлось сплошное обследование долинных и водораздельных участков на площади около 120 кв. км с целью поиска и предварительного обследования памятников археологии. В итоге было выявлено 23 различных по площади и сохранности культурного слоя древнерусских селища конца XII – третьей четверти XIV в. (рис. 1)[1].

Дальнейшие исследования были направлены на уточнение их площади, определение планировки, выявление жилых, хозяйственных и производственных зон памятников. По результатам предварительных геофизических исследований ставилась задача проведения раскопок широкими площадями крупных селищ с целью изучения планировочной структуры крестьянских дворов, гончарных и металлургических комплексов, а также отдельных однодворных поселений.

До стадии раскопок целенаправленно разрабатывалась методика проведения комплексных археолого-геофизических исследований на распахиваемых и разрушающихся древнерусских сельских поселениях.

Работы были нацелены на установление основных черт расселенческой структуры, степени заселенности края, ее динамики как в предмонгольское, так и в золотоордынское время. Решались вопросы, связанные с ландшафтной приуроченностью древнерусских памятников, степенью сельскохозяйственного освоения территории приустьевой части Непрядвы.

Методика работ заключалась в следующем: на изучаемой территории проводились сплошные археологические разведки, включающие визуальный осмотр распахиваемых и шурфовку задернованных участков, причем пешими маршрутами отрабатывались как долинные, так и водораздельные площади не менее трех–четырех раз. При обнаружении памятника проводился комплекс разведочных работ, включающий инструментальную топографическую съемку с обязательной закладкой реперов. Затем путем визуального осмотра памятника выявлялся, но не собирался подъемный материал и каждая находка помечалась вешками. На выделенной территории веревками размечалась сетка квадратов с ячейками площадью 16 м^2 (4 × 4 м) или 25 м^2 (5 × 5 м). Далее проводился сбор подъемного материала с фиксацией по квадратам количества керамики, местонахождения кусков прокаленной глины, угля, камней, костей и т.д. В ряде случаев после сбора находок размеченная площадь обследовалась детекторами металла с последующей инструментальной привязкой каждой находки к промаркированным и отмеченным на местности реперам, в свою очередь зафиксированным на топографическом плане памятника.

Методика работы с детекторами металла типа "Fisher" на памятниках археологии разработана и широко применяется (*Станюкович*, 1997. С. 34–36).

Примером эффективного использования металлоискателей могут являться комплексные исследования на территории двора бояр Романовых в Москве (*Александровский и др.*, 1998. С. 11, 12), на площади погоста Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже (*Чернов*, 2000. С. 63–72), на селищах 1, 2 и распаханном курганном могильнике у д. Хотежи Одинцовского района Московской области (*Алексеев*, 2001. С. 5, 8, 13–15).

Подобная многоступенчатая методика сбора подъемного материала целесообразна, в первую очередь, на однослойных кратковременных памятниках и, безусловно, на распахиваемых и разрушающихся. Глубина пашни обычно достигает 0,4 м и более, а разрешающая способность детектора металла не более 0,2 м.

[1] Карты-схемы и топографические планы выполнены научным сотрудником ГИМ И.Г. Вальдовской

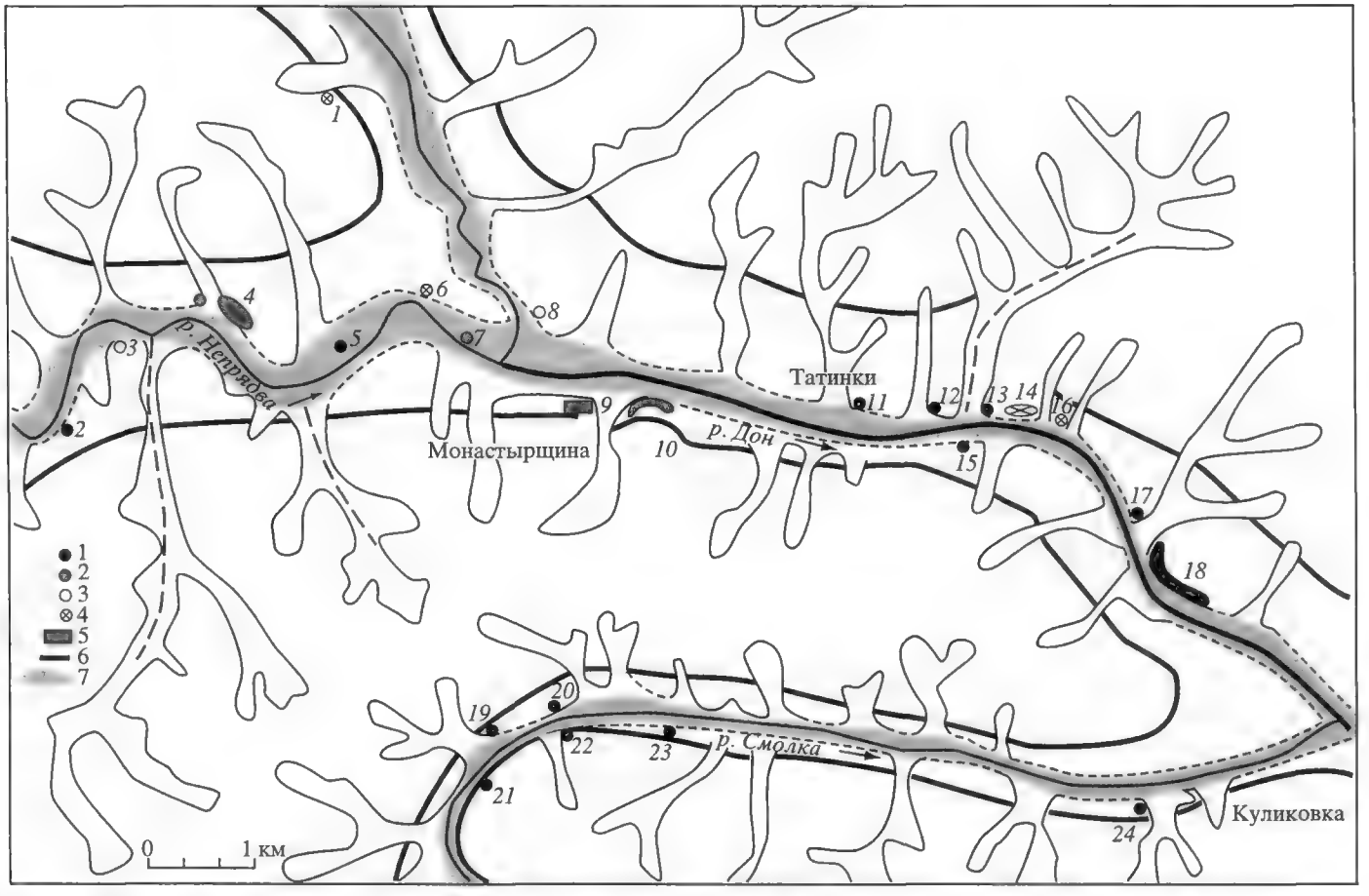


Рис. 1. Карта-схема расположения древнерусских археологических памятников конца XII – третьей четверти XIV в. в приустьевой части Непрядвы

1 – Селище Задонщина 1; *2* – Селище Березовка 4; *3* – Селище Березовка 5; *4* – Селище Монастырщина 5; *5* – Селище Монастырщина 7; *6* – Селище Монастырщина 10; *7* – Селище Монастырщина 2В; *8* – Селище Татинки 6; *9* – Грунтовой могильник в с. Монастырщина (Грызловка); *10* – Селище Монастырщина 3; *11* – Селище Татинки 1; *12* – Селище Татинки 2; *13* – Селище Татинки 3; *14* – Селище Татинки 4а; *15* – Селище Татинки 4; *16* – Селище Татинки 4Б; *17* – Селище Куликовка 5; *18* – Селище Куликовка 4; *19* – Селище Смолка 3; *20* – Селище Смолка 2; *21* – Селище Смолка 1; *22* – Селище Смолка 5; *23* – Селище Смолка 4; *24* – Селище Куликовка 2

Условные обозначения: 1 – селища конца XII – первой половины XIII в.; 2 – селища конца XII–XIV вв.; 3 – селища второй половины XIII – начала XIV в.; 4 – селища, возникшие в XIV в.; 5 – грунтовой могильник конца XII – третьей четверти XIV в. в с. Монастырщина (Грызловка); 6 – граница долин рек; 7 – пойма

На задернованных памятниках подобная методика применяться не может, так как извлечение находок из непотревоженного культурного слоя губительно для археологического объекта.

Затем на площади всего памятника или на наиболее перспективных его участках проводятся геофизические работы. В условиях черноземья юга Тульской области наиболее оперативным и эффективным геофизическим методом является магниторазведка. Ее применение в археологических исследованиях основано на отличии магнитных свойств объектов, являющихся предметом изучения, от магнитных свойств вмещающей среды. Опыт применения магниторазведки на памятниках древнерусского времени Подмосковья и Куликова поля показывает, что наиболее уверенно в магнитном поле фиксируются сооружения, подвергшиеся в древности воздействию высоких температур (печи, горны, сгоревшие постройки и т.д.), а также ямы, валы, рвы и т.п. Амплитуда аномалий от этих объектов может достигать сотен единиц, в одних случаях, а может едва превышать величину среднеквадратической погрешности съемки – в других.

По итогам геофизических работ проводится археологическая шурфовка или раскопки памятников широкой площадью.

К настоящему времени в районе Куликова поля на Верхнем Дону известно и в разной степени изучено более 250 древнерусских археологических памятников конца XII – третьей четверти XIV в. По степени изученности и соответственно по уровню информативности памятники можно разделить на несколько групп.

В первую следует включить комплексно исследованные, раскопанные полностью или широкой площадью городища, селища и могильники (5%).

Ко второй группе можно отнести памятники, исследованные раскопками на небольшой площади, частично или полностью обследованные геофизическими и палеогеографическими методами (13%).

Третья группа представлена малоизученными памятниками, когда лишь определена их площадь, иногда планировка, датировка, проведены топографические работы (69%).

Четвертая объединяет недавно выявленные, неизученные памятники (13%).

Несмотря на то, что невысок процент памятников первых двух групп, можно говорить о большой информативности древнерусских поселений региона.

Уровень изученности древнерусских памятников приустьевой части Непрядвы значительно выше, чем в целом в районе Куликова поля.

В первую группу, включающую 6 памятников (25% от числа рассматриваемых), правомерно включить поселения: Березовка 4, 5; Монастырщина 2В, 5; Смолка 2; грунтовый могильник в с. Монастырщина (Грызловка) (рис. 1, *2, 3, 4, 7, 9, 20*).

Ко второй группе можно отнести селища: Монастырщина 3, 7; Татинки 4а; Куликовка 4; Смолка 1, 4. Они также составляют 25% от общего числа памятников (рис. 1, *5, 10, 14, 18, 21, 23*).

Третья группа представлена 12 (50%) однодворными или малодворными селищами: Монастырщина 10, Задонщина 1, Татинки 1–4, 4Б, 6, Смолка 3, 5, Куликовка 2, 5 (рис. 1, *1, 6, 8, 11-13, 15-17, 19, 22, 24*).

В изучаемом регионе древнерусские памятники концентрируются на трех различных по протяженности и ландшафтным условиям участках, образуя группы (гнезда), которые, по мнению ряда исследователей, правомерно отождествлять с территориями сельских общин (*Третьяков*, 1935. С. 162; *Седов*, 1960. С. 24; Древняя Русь, 1985 С. 97, 101; *Тимощук*, 1990. С. 72, 79; *Буров*, 1995. С. 174, 177).

Группа памятников у села Монастырщина Долина р. Дон и Непрядвы (рис. 1, *1–10*)

Первое рассматриваемое гнездо древнерусских памятников располагается на сопряженных отрезках долин рек Дона и Непрядвы в месте их слияния у с. Монастырщина. Его протяженность 5 км. Долина Непрядвы здесь довольно широкая, преобладают пространства первой надпойменной террасы, ширина поймы от 100 до 400 м, высота до 4 м. Хорошо развита овражно-балочная сеть как на левом, так и на правом берегу. В устьевой части Непрядвы и дальше по Дону образуется заметное расширение долины. Правый коренной склон крут и высок, левый борт занят уположенной первой надпойменной террасой и хорошо развитой высокой (до 4,5 м) поймой с присутствием различных старичных понижений и грив. В пойме преобладают пойменно-степные и луговые почвы, чередуясь с серыми лесными. На надпойменных террасах правого борта долины и на водоразделах господствуют черноземы типичные, что свидетельствует об остепненности правобережья Непрядвы и Дона в древности. Левобережье занимают черноземы оподзоленные проградированные и серые лесные почвы, что говорит о значительной лесистости в древнерусское время.

На рубеже XII–XIII вв. в результате активной колонизационной политики рязанских (пронских) князей, связанной с освоением незаселенных территорий Верхнего Подонья, в приустьевой части Непрядвы возникают 5 древнерусских памятников (рис. 1, *2, 4, 5, 9, 10*).

Наиболее крупным по площади (около 1 га) и, видимо, центральным в рассматриваемом гнезде является селище Монастырщина 3. Оно доминирует над окружающей местностью, занимая пологие склоны правого коренного берега р. Дон, возвышаясь над водой на 25–27 м. Раскопки, проведенные на селище на площади 349 м², выявили остатки трех наземных жилищ со срубной конструкцией стен, с глинобитными печами и хозяйственными ямами, позволили собрать представительную керамическую серию, коллекцию бытовых предметов, украшений, позволяющих датировать памятник концом XII–XIV вв. и предполагать, что оно могло являться центром сельской территориальной общины (*Гоняный*, 1990. С. 86–96).

Расположенный в 0,2 км от поселения древнерусский грунтовый могильник конца XII–XIV вв. Монастырщина (Грызловка), имеющий площадь приблизительно 1200 м² (раскопано около 200 м² и вскрыто 37 погребений), мог выполнять функции общинного кладбища (*Изюмова*, 1990. С. 82–84; *Гоняный, Заидов*. В печати).

Практически одновременно с вышеописанным поселением в 2–3 км к западу от устья Непрядвы возникает еще три селища: Монастырщина 5, 7 и Березовка 4 (рис. 1, *2, 4, 5*).

Селище Монастырщина 5, наиболее крупное, занимающее площадь более 2 га, расположено на пологом склоне первой и второй надпойменных террас левого берега реки. По данным палеогеографических исследований, в древности оно занимало участок на краю лесного массива.

В результате сбора подъемного материала на распахиваемой части селища было обнаружено четыре скопления подъемного материала, которые после проведения магниторазведочных работ и раскопок удалось соотнести с жилым и двумя гончарными комплексами конца XII – первой половины XIII в.[2] (*Гоняный, Иткис, Кац и др.*, 1996. С. 126–129; *Наумов*, 1991. С. 58, 59).

На задернованной части памятника с помощью геофизических методов поиска и последующих раскопок удалось определить границы и изучить территорию еще одного крестьянского двора, занимающего площадь около 450 м², включающего наземную жилую постройку с углубленным подполом и глинобитной печью, а также три постройки хозяйственного назначения. В западной, заовражной, части селища раскопана третья гончарная мастерская предмонгольского времени (*Гоняный, Кокорина, Свирина*, 1993. С. 143–160).

Геомагнитной съемкой обследовано более 80%, а раскопано более 3,5 тыс. м² площади поселения и,

[2] *Магниторазведочные работы проводились под руководством* сотрудников геологического факультета МГУ М.Я. Каца и Ю.В. Юнаковской.

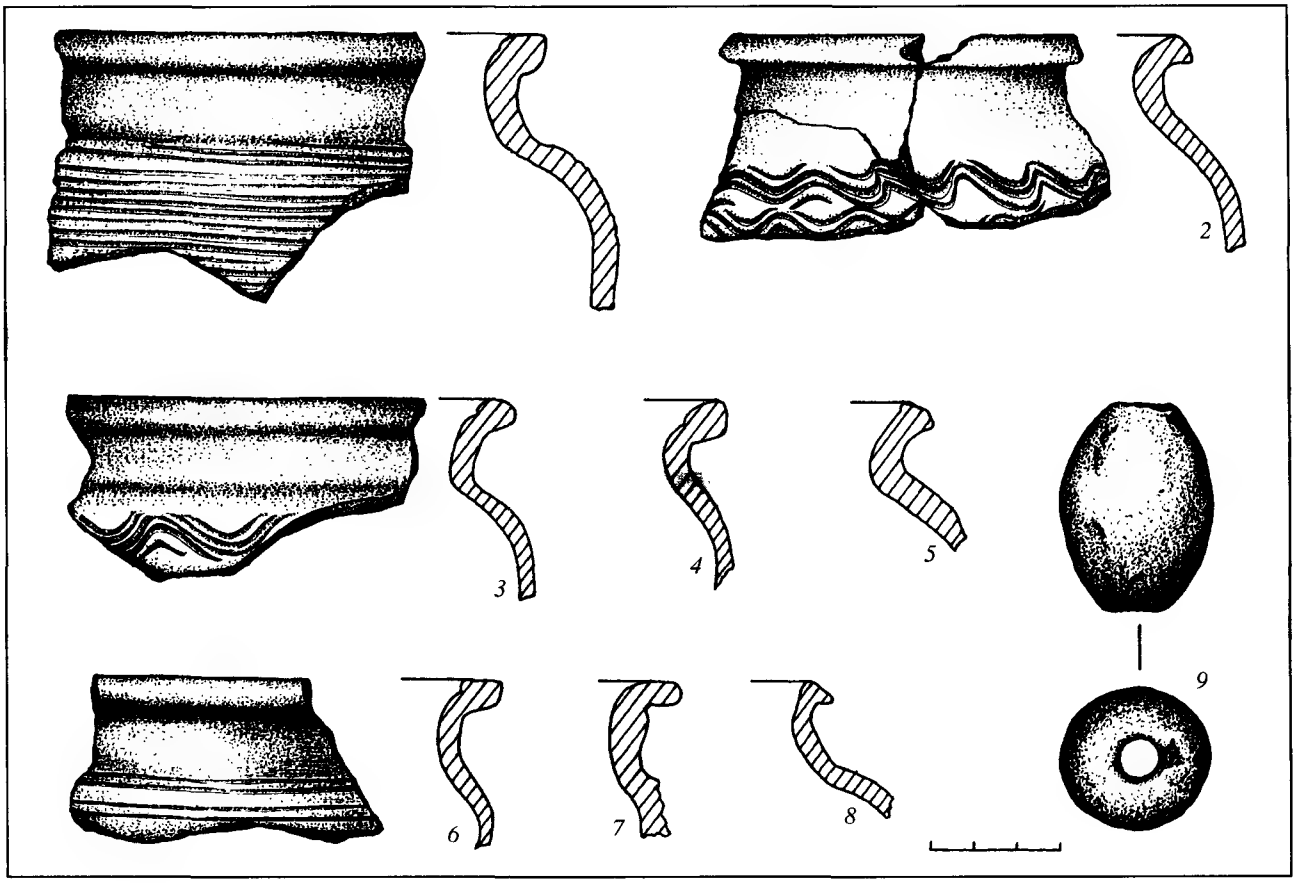


Рис. 2. Находки из раскопок поселения конца XII – первой половины XIII в.. Моиастырщина 7
1–8–венчики белоглиняных круговых горшков; *9* – грузило

по-видимому, выявлены и частично раскопаны все жилые, хозяйственные и производственные зоны селища (*Гоняный, Наумов*, 1992б. С. 206–208). Установлено, что наиболее активно памятник функционировал в конце XII – первой половине XIII в. и являлся поселком гончаров. В его центральной части располагались два крестьянских двора, а на окраинах в 150–200 м к востоку и западу пожароопасные гончарные комплексы[3].

В 1,5 км к юго-западу от поселения Монастырщина 5 на пологом склоне второй надпойменной террасы правого берега р. Непрядвы расположено небольшое по площади (около 1300 м²) селище Березовка 4. С целью уточнения его планировки на участке скопления подъемного материала были проведены магниторазведочные работы (3200 м²), по результатам которых был заложен раскоп площадью 704 м² [4].

В процессе раскопок на площади 400 м² было обнаружено 4 постройки: амбар с углубленным подпольем, наземная, возможно, жилая постройка без отопительного устройства, наземная срубная постройка с погребом, в котлован которого был опущен сруб и шиш для просушки снопов. Слабая насыщенность культурного слоя находками указывает на кратковременность существования памятника – 2–3 десятилетия. Отсутствие жилища с печью может указывать на его сезонный характер. Скорее всего, оно являлось поселением-летником, существовавшим в первой половине XIII в.

Видимо, сезонный характер имело поселение Монастырщина 7, расположенное на участке высокой поймы левого берега р. Непрядвы (рис. 1, *5*). Его площадь около 600 м². Геофизические исследования, разведочный шурф площадью 12 м² не выявили каких-либо остатков жилых и хозяйственных сооружений. Немногочисленный керамический материал, глиняное рыболовное грузило позволяют датировать памятник домонгольским временем (рис. 2, *1–9*)[5].

Во второй четверти – середине XIII в. в низовьях Непрядвы возникает три поселения: однодворные Березовка 5 и Монастырщина 2В (рис. 1, *3, 7*) и малодворное Татинки 6 (рис. 1, *8*).

Исследования однодворных селищ, составляющих большинство всех неукрепленных поселений как района Куликова поля, так и Верхнедонского региона в целом, дают представление о плотности застройки и особенностях планировки отдельно расположенных

[3] Авторы в данной статье не ставят задачу подробного знакомства читателя с итогами работ, так как готовится монографическое издание результатов комплексных междисциплинарных исследований на поселении Монастырщина 5.

[4] Пользуясь случаем, авторы благодарят руководителя раскопок, сотрудника музея-заповедника "Куликово поле" Р.В. Клянина за возможность использовать в статье неопубликованные материалы его исследований.

[5] Рисунки находок выполнены художником С.И. Вилькиной.

крестьянских дворов, о занятиях населения, проживающего на их территории.

По результатам предварительной геомагнитной разведки полностью раскопано (1776 м²) поселение Березовка 5 (*Гоняный, Гриценко*, 1996. С. 88–91; 2000. С. 144–165). Оно расположено на правом берегу Непрядвы, вблизи бровки, во фронтальной части древнего конуса выноса, опирающегося на пойму. Остатки жилой, пяти хозяйственных построек и двух гончарных горнов занимали компактную территорию около 800 м². Планировка двора подчинялась особенностям рельефа, постройки располагались по его периметру, а центральная часть оставалась незастроенной. Основой хозяйства, судя по результатам палинологических, карпологических и археозоологических исследований, являлось пашенное земледелие и скотоводство. Видимо, в свободное от сельскохозяйственных работ время жители поселка занимались гончарным промыслом. Памятник возник во второй четверти – середине XIII в. и просуществовал до конца XIII – начала XIV в.

В непосредственной близости от устья, на участке высокой поймы левого берега Непрядвы, на площади 252 м² исследованы остатки еще одного разрушенного однодворного селища Монастырщина 2В. Сохранилась лишь жилая наземная постройка с углубленной подпольной частью, глинобитной печью и предпечной ямой. Керамический материал, наконечники стрел-срезней позволяют датировать памятник второй четвертью – концом XIII – началом XIV в. (*Фоломеев, Александровский и др.*, 1990. С. 35–37).

В 0,6 км восточнее, на останце высокой поймы, у подножия склона террасы, обнаружено поселение второй половины XIII–XIV в. Татинки 6. Учитывая особенности расположения селища в рельефе, результаты сборов подъемного материала и шурфовки, можно предполагать, что на памятнике располагалось не более трех крестьянских дворов (*Фоломеев, Александровский и др.*, 1990. С. 38).

Во второй половине XIII–XIV в., по-видимому, в прежних границах продолжает функционировать поселение Монастырщина 3. По нашим наблюдениям, в предмонгольское время на нем могло располагаться 7–8 крестьянских дворов. Интересно заметить, что во второй половине XIII в. памятники тяготеют к центральному поселению гнезда, располагаясь поблизости на расстоянии не более 1,5 км. На отдалении находился лишь однодворок гончаров – Березовка 5.

В XIV в. в приустьевой части Непрядвы возникают однодворное поселение Задонщина 1 (рис. 1, *1*) и небольшой по площади (около 400 м²) памятник Монастырщина 10 (рис. 1, *6*). Он располагается в тыловой части высокой поймы на пологом склоне первой надпойменной террасы. Подъемный материал малочисленен и невыразителен. Скорее всего, подобные находки правомерно связывать с сезонными объектами сельскохозяйственного назначения (поселения-летники, овины, гумно).

В XIV в. в центральной части поселения Монастырщина 5, на пологом склоне второй надпойменной террасы, возникает производственный комплекс по переработке отходов металлургического и кузнечного производств с целью получения железа. Его рабочая площадка имеет площадь около 1,2 тыс. м² и хорошо маркируется кусками прокаленной глины, большим количеством тяжелых и легких шлаков, металлического лома. В центре мастерской раскопано основание глинобитной печи производственного назначения, неподалеку яма для обжига руды, скопления железных шлаков, подготовленных для переработки, отходы металлургического производства. На восточной окраине мастерской обнаружены остатки наземного жилища с глинобитной печью и подпольной ямой.

Керамическая серия, обломки чугунных котлов, фрагменты кашинной керамики с подглазурной росписью дают основание датировать производственный комплекс второй–третьей четвертью XIV в. (*Гоняный, Наумов*, 1992а. С. 30–31; 1996. С. 86–87).

Рассмотрев краткую информацию о площади, планировке, количестве крестьянских дворов и производственных комплексов на каждом из 9 селищ, расположенных в приустьевой части Непрядвы, попытаемся проследить изменение численности населения, произошедшее в регионе в конце XII – третьей четверти XIV в.

В конце XII – первой половине XIII в. существовало 7 поселений, на территории которых могло располагаться до 15 крестьянских дворов. Судя по результатам раскопок на древнерусских селищах района Куликова поля, на территории отдельного двора находилось лишь одно наземное или полуземляночное жилище, где могла проживать одна семья, состоящая, как правило, из 4–5 человек. Следовательно, в предмонгольское время население данной сельской территориальной общины могло насчитывать 60–75 человек (см. табл. 1).

Во второй половине XIII в. из 7 продолжают существовать 4 поселения, на площади которых прослежено 12 дворов-хозяйств. В XIV в. вновь возникает лишь одно однодворное селище.

В целом, в золотоордынское время общая площадь поселений, входящих в рассматриваемое гнездо, по сравнению с домонгольским этапом заселения, уменьшается в 2,3 раза. Однако количество крестьянских дворов, а соответственно численность населения, остаются почти без изменений.

Группа памятников в верховьях р. Смолки

(рис. 1, *19–23*)

Второе рассматриваемое гнездо древнерусских селищ располагается в 3 км к югу от приустьевой части Непрядвы, в верховьях р. Смолки.

Смолка прорезает склон водораздела, ее разветвленное верховье, имеет незначительный врез, дно уплощено. Средняя часть и низовье врезаны довольно сильно, увеличивается крутизна бортов. Ландшафты правобережья Дона и Непрядвы, а также верховьев Смолки "характеризуются преобладанием степных пространств, перемежающихся балочными лесами, узкими полосами, выходящими на водоразделы, с отдельными крупными массивами: Зеленая Дубрава,

Таблица 1. **Характеристика заселенности района Куликова поля в конце XII – третьей четверти XIV в.**

Условное название гнезд памятников	Общая площадь поселений, входящих в гнезда (кв. м)	Количество поселений в гнезде	Возможное количество дворов	Возможное число жителей (одно поколение)	Возможное число жителей за весь период существования
Памятники конца XII – первой половины XIII в.					
р. Смолка	7 900	5	6	25–30 (сезонно)	25–30 (сезонно)
с. Монастырщина	33 400	7	15	60–75	100–125
д. Татинки – с. Куликовка	132 000	7	19–20	80–95	195–235
Памятники, возникшие в первой половине XIII в. и продолжавшие существовать во второй половине XIII–XIV в.					
с. Монастырщина	12 400	4	12	50–60	155–195
Памятники, возникшие в XIV в.					
с. Монастырщина	1 900	2	1	5	5–7
д. Татинки – с. Куликовка	12 600	2	6	25–30	30–35
Памятники, существовавшие в золотоордынское время (середина XIII – третья четверть XIV в.)					
с. Монастырщина	14 300	6	13		160–200
д. Татинки – с. Куликовка	12 600	2	6		30–35

Афоничев лес, лес в урочище Курганы и др. (*Александровский, Гоняный, Гласко*, 1999. С. 44).

Наличие обширных безлесных пространств с высокоплодородными черноземными почвами, благоприятными для распашки, притягивало землепашцев, которые начали освоение этой территории в предмонгольское время, в период наиболее стабильный в политическом и экономическом отношении. На рубеже XII–XIII вв. на пологих склонах первой и второй надпойменных террас возникают четыре однодворных (Смолка 1–3, 5; рис. 1, *19–22*) и одно малодворное поселение (Смолка 4; рис. 1, *23*). Они невелики по площади – 1–3 тыс. м² (см. табл. 1). На селищах Смолка 1–4 с целью уточнения их площади и особенностей планировки проведены магниторазведочные работы. Однако ярких аномалий, связанных с какими-либо археологическими объектами, например, с отопительными устройствами, не обнаружено. Два раскопа общей площадью 142 м², заложенные на селище Смолка 1, не выявили остатков жилых или хозяйственных сооружений. Культурный слой невыразителен и слабо насыщен находками.

Полностью раскопанное селище Смолка 2 представляло собой небольшое (около 400 м²) однодворное поселение, на котором располагались амбар с углубленным подполом и зерновой ямой, наземная постройка с подпольной ямой без отопительного устройства и летняя кухня. Отсутствие постройки с печью говорит, скорее всего, о сезонном характере памятника (*Гоняный, Клянин*, 1991. С. 116–117; *Гоняный, Шеков*, 1996. С. 92).

Однородность керамического материала поселений Смолка 1–5, территориальная близость (памятники занимают участок долины протяженностью 2 км), слабая мощность и насыщенность культурного слоя, отсутствие следов ремонта и перестроек построек на поселении Смолка 2, могут свидетельствовать о непродолжительности их существования – одно-два десятилетия. Учитывая значительное удаление рассматриваемой группы памятников от поселений, расположенных в приустьевой части Непрядвы, можно предположить, что в верховьях р. Смолки в первой половине XIII в. существовала группа поселений-летников, которые могли использоваться при распашке водораздельных черноземов "наездом" в весенне-летний период.

Группа памятников у д. Татинки – с. Куликовка
Долина р. Дон и низовья р. Смолка

(рис. 1, *11–18, 24*)

Третье гнездо селищ находится в 1,5 км к востоку от группы памятников, расположенных в приустьевой части Непрядвы. На отрезке протяженностью 7 км долина Дона имеет симметричное строение. Ее борта представлены пологими надпойменными террасами, прорезанными балками.

Современный почвенный покров схож с почвенной ситуацией нижнего течения р. Непрядвы. Правобережье в основном сложено черноземами с небольшими линзами серых лесных почв, левобережье в древности было залесено. На надпойменных террасах распространены типичные черноземы, по балкам – серые лесные почвы.

На данном участке в конце XII – начале XIII в. возникло гнездо из 7 памятников, которые располагаются в долине Дона на протяжении 4 км. Интересно отметить, что по своей ландшафтной приуроченности все селища гнезда занимают пограничное положение между лесом и степью. Несомненно, центральным является поселение Куликовка 4, занимающее пологие склоны первой надпойменной террасы и высокой поймы (рис. 1, *18*). Селища Татинки 1–4, Куликовка 2, 5 тяготеют к первым надпойменным террасам и являются малодворными (рис. 1, *11–13, 15, 17, 24*).

В 1986 и 1991 гг. на селище Куликовка 4 был проведен сбор подъемного материала, в результате которого удалось выявить 15 скоплений находок, имеющих площадь от 500 до 5000 м² каждое. Общая площадь памятника достигает 12,8 га. Селище простирается вдоль левого берега р. Дон более чем на 1 км, при ширине 0,1–0,15 км.

В 1999 г. на селище по специально размеченным веревками планшетам был повторно собран подъемный материал с использованием детекторов металла (*Гоняный, Кац, Наумов*, 2000 С. 26, 27). Важно отметить, что скопления находок, обнаруженные в 1999 г., четко совпали с участками концентрации керамического материала, прокаленных камней, кусочков глиняной обмазки, выявленными ранее. В западной части поселения четко наметилась зона распространения образцов листовой меди, медных заклепок, пластинок, шлаков цветного металла (скопления 1, 2; рис. 3). На восточной и южной окраинах обнаружены участки (скопления 7, 10), где часто встречаются железные шлаки и поковки. Подобные находки могут указывать на существование на памятнике железоделательных производств и на присутствие мастеров-медников.

Скопления подъемного материала, расположенные на селище двумя линиями вдоль реки, указывают на двухрядную прибрежно-рядовую застройку.

До проведения археологических раскопок сложно установить, с какими комплексами (жилыми, хозяйственными, производственными) правомерно соотносить скопления подъемного материала, обнаруженные на памятнике. Опыт многолетних работ на древнерусских поселениях района Куликова поля показал, что скопления подъемного материала, имеющие площадь 1–2 тыс. м², обычно соответствовали территории одного крестьянского двора. Раскопки однодворных поселений и отдельных крестьянских дворов позволили сделать вывод, что комплекс, включающий жилую и хозяйственные постройки, занимал площадь 500–800 м² (*Гоняный, Грищенко*, 2000. С. 145).

Принимая во внимание высказанные соображения, а также учитывая концентрацию находок замков и их фрагментов, ключей, дверных пробоев, предметов бытового характера (рис. 3), с большой долей осторожности можно связывать семь наиболее крупных по площади скоплений находок с остатками жилых комплексов, расположенных на пологом склоне первой надпойменной террасы (скопления 1–7; рис. 3). Восемь скоплений подъемного материала, выявленные в пойме, скорее всего, маркируют нахождение хозяйственных объектов. Однако не исключено, что и в пойме могли располагаться жилые постройки.

По нашим подсчетам, на территории рассматриваемого памятника могло располагаться 13–14 крестьянских дворов и соответственно проживать 55–70 жителей. Учитывая, что за время существования селища сменилось два поколения, соответственно и общая численность населения могла удвоиться.

Несомненный интерес представляет коллекция подъемного материала, собранная на памятнике. Она включает керамическую серию, насчитывающую более 2000 фрагментов, а также различные категории находок (более 350 шт.), представленные различными по назначению инструментами, орудиями деревообработки, предметами домашнего обихода, вооружения, украшениями, ременной гарнитурой и т.д.

Существует мнение, что находки, обнаруженные при сборах из распахиваемых горизонтов селищ, не являются полноценным источником для интерпретации памятника и привлекаются исследователями лишь как второстепенный, сопутствующий материал.

Наличие серии узкодатируемых вещей и керамического материала, а также кратковременность существования поселения Куликовка 4, позволяют точно датировать памятник и высказать свои предположения о его функциональном назначении.

Попытаемся рассмотреть основные категории предметов, собранных на поселении. Самой многочисленной являются ножи. Для определения соотношений конструктивных элементов и их функционального назначения из коллекции, насчитывающей 78 предметов, отобрано 46 изделий. Изучение ножей проводилось по методике, предложенной Б.А. Колчиным (1959. С. 48–56).

Рассмотрение результатов промеров конструктивных элементов ножей позволило сделать вывод, что длина лезвий колебалась, в основном, в пределах 60–95 см, спинки клинков делались прямыми, за исключением изделий специального назначения. Все ножи имели заостренный черешок, на который насаживалась деревянная ручка.

Соотношение длины лезвия к черешку у 56,5% ножей достигало 1,5 : 1 – 2 : 1. Клиновидное лезвие имело ширину 12–22 мм, толщину обушка от 2 до 5 мм. Отношение ширины лезвия к его толщине у 76,1% исследованных ножей 3,5 : 1–5 : 1 (см. табл. 2).

По функциональным признакам удалось выделить 13 кухонно-хозяйственных ножей, 26 предназначенных для обработки дерева, 1 столовый, 2 сапожных, 4 малых рабочих, возможно использовавшихся в косторезном деле.

В процессе сборов на памятнике обнаружено несколько инструментов, применявшихся для обработки дерева. В первую очередь к ним можно отнести два цельнометаллических долота (рис. 4, *5, 6*). Одно из них массивное, длиной 245 мм. В сечении оно квадратное с округлыми углами. Рабочая часть имеет вытянутое лезвие со скошенным углом. Ширина лезвия 20 мм, угол резанья 23°. Другое долото меньших размеров. Его длина 135 мм, верхняя часть стержня в сечении четырехгранная толщиной 7–8 мм, нижняя – прямоугольная, 5–10 мм. Ширина лезвия 9 мм, угол резанья 20°. По новгородским аналогиям подобные инструменты правомерно датировать X–XV вв. (*Колчин*, 1959. С. 37).

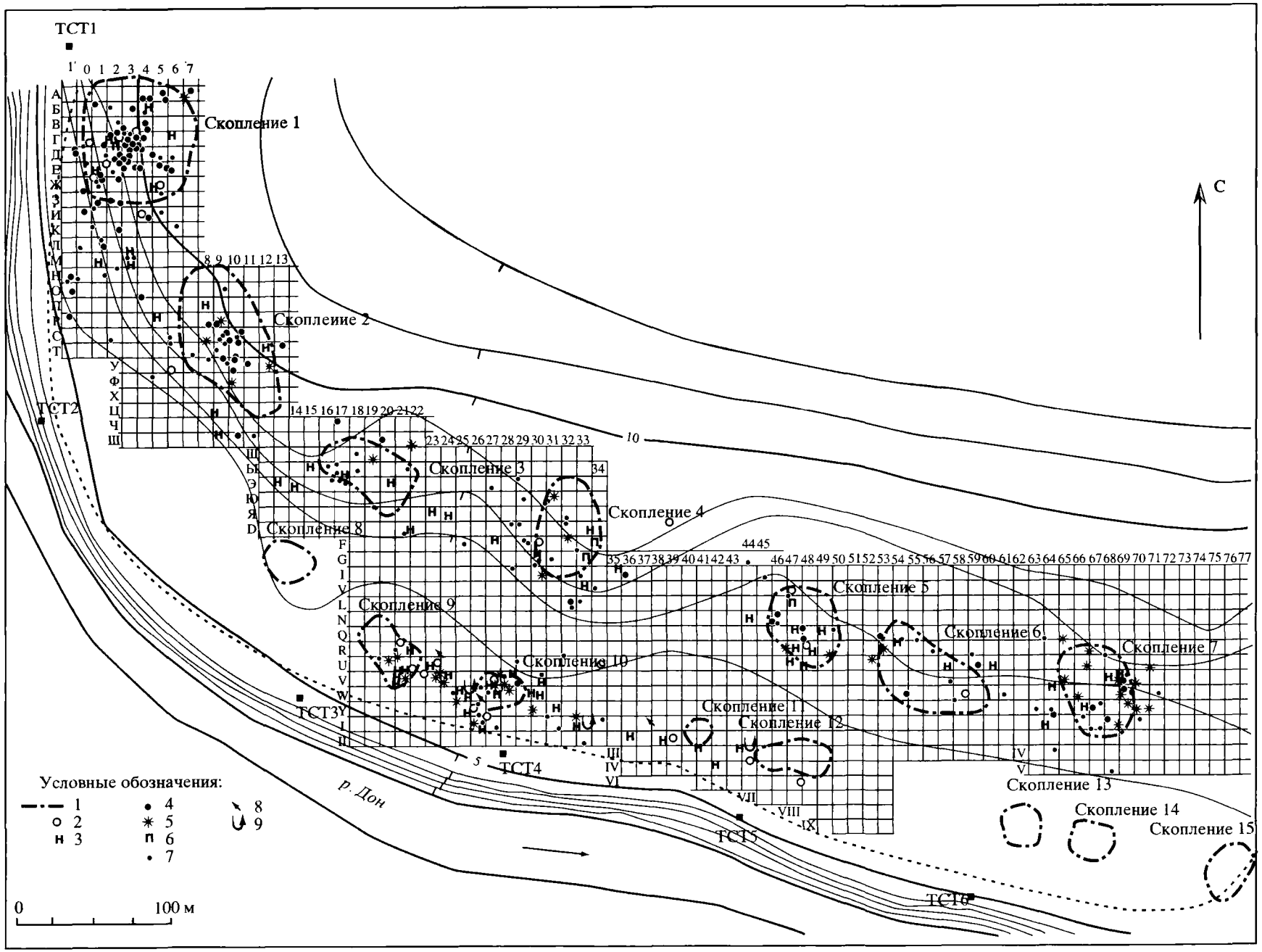


Рис. 3. Топографический план поселения конца XII – середины XIII в. Куликовка 4

1 – граница скоплений подъемного материала; 2 – замки, ключи, дверные пробои; 3 – ножи; 4 – медные пластины и заклепки; 5 – металлургические шлаки; 6 – железные поковки; 7 – прочие находки; 8 – наконечники стрел; 9 – рыболовные крючки

Таблица 2. **Соотношение параметров конструктивных элементов ножей**

Название поселения	Датировка поселения	Количество изученных ножей	Соотношение длины лезвия к длине черешка	Соотношение ширины лезвия к его толщине
Куликовка 4	Конец XII – середина XIII в.	46	1 : 1–1,4 : 1 5 шт. (10,9%) 1,5 : 1–2 : 1 26 шт. (56,5%) 2,1 : 1–3,1 15 шт. (32,6%)	2,8 : 1–3 : 1 3 шт. (6,5%) 3,3 : 1–5 : 1 35 шт. (76,1%) 5,3 : 1–8,5 : 1 8 шт. (17,4%)

Для обработки внутренних деревянных поверхностей использовались крючковидные резцы. Такой инструмент обнаружен на поселении (рис. 4, *3*). Его длина 103 мм. Рабочая часть имеет изогнутую листовидную форму длиной 12 мм. Лезвие резца переходит в округлый в сечении черешок длиной 92 мм, толщиной 4 мм. Конец черешка раскован в форме вытянутой заостренной лопаточки. В Новгороде подобные резцы датируются X–XIV вв. (*Колчин*, 1959. С. 43).

На памятнике обнаружены два железных сверла для работы по кости. Сверла конструктивно однотипны (рис. 4, *2, 3*). Их длина 87 и 116 мм. В середине расположен плоский щиток длиной 17 и 18 мм и шириной 7 и 9 мм. Длина рабочих частей соответственно 30 и 67 мм. Ширина рабочих частей сверл 3 и 4 мм, рабочая кромка имеет желобкообразную выемку и двустороннюю заточку для сверления по часовой стрелке и в противоположную сторону. В Новгороде подобные сверла найдены в слоях XII–XIII вв. (*Колчин*, 1959. С. 67).

При сборах встречен железный инструмент для простругивания пластин из кости (рис. 4, *7*). Он имел короткое лопаткообразное режущее лезвие длиной 42 мм, которое через колено переходило к квадратному в сечении черешку. Сохранившаяся ширина лезвия струга 30 мм. Типологически близкий инструмент найден в Новгороде в слоях X в. (*Колчин*, 1959. С. 68).

Для добычи железной руды применялась кирка (рис. 4, *8*). Она прямоугольная, длина головки 150 мм, ширина – 30 мм. С обеих сторон ее бойковые части – заостренно-округлой формы с радиусом закругления 3–5 мм. Проух прямоугольной формы 21 × 13 мм. Вес головки 470 г. По-видимому, данная кирка имела специальное назначение.

К инструментам для плетения изделий из лыка относится железный кочедык (рис. 4, *5*). Его рабочая часть плоская, языкообразной формы, уплощенно-овальная в сечении, имеет длину 50 мм, ширину до 15 мм. Она плавно переходит в квадратный черешок длиной 45 мм. Подобные кочедыки известны на древнерусских памятниках (*Колчин*, 1959. С. 166. Рис. 140), в Болгарах (*Савченкова*, 1996. С. 38. Рис. 1).

На поселении обнаружено шесть железных наконечников стрел. Один из них представлен срезнем в виде узкой вытянутой лопаточки (рис. 5, *1*). Его общая длина 105 мм, пера – 67, черешка – до 37–40 мм, максимальная ширина пера 15 мм. Подобные наконечники стрел появились на Руси в первой половине XIII в., в период Батыева нашествия (*Медвеев*, 1966. С. 75).

Найдено два шиловидных наконечника стрел (тип 94 по А.Ф. Медведеву) с ромбическим сечением пера и простым упором для древка (рис. 5, *2, 4*). Их общая длина 60–70 мм, пера – 37 и 45 мм, ширина – 7 мм. Черешок овальный или граненый в сечении. Это типичные противокольчужные наконечники, характерные для XII – первой половины XIII в. (*Медведев*, 1966. С. 84).

К бронебойным можно отнести наконечник стрелы с массивной короткой, квадратной в сечении, с желобками на гранях, боевой головкой длиной 25 мм, шириной 7 мм. Шейка выделяется рельефными валиками (рис. 5, *3*). Типологически близкие к нему датируются второй половиной XII – первой половиной XIII в. (*Медведев*, 1966. С. 83, 84).

К типу 43 по А.Ф. Медведеву относится ромбовидный железный наконечник с расширением в середине длины пера, с перехватом в месте перехода пера в округлый в сечении черешок (рис. 5, *7*). Его общая длина 70 мм, пера – 35 мм, ширина 13 мм. Пропорции пера 1 : 2,7. Аналогичные наконечники датируются XII – первой половиной XIII в. После Батыева нашествия стрелы описанного типа не встречаются (*Медведев*, 1966. С. 66–67).

Еще один наконечник стрелы имеет перо ромбовидной формы с расширением в нижней его трети, без выраженного упора для древка в месте перехода пера в округлый в сечении черешок. Длина наконечника могла достигать 80 мм, ширина треугольного в сечении пера 18 мм (рис. 5, *8*).

По классификации А.Ф. Медведева подобные наконечники можно соотносить с типом 47 (ромбовидные Новгородского типа). Они редко встречаются на юге древней Руси и широко применялись в северной полосе Восточной Европы до конца XIII в. (*Медведев*, 1966. С. 67).

С предметами, связанными со снаряжением всадника и верхового коня, правомерно связывать находки удил и шпор. Фрагментов удил найдено шесть. Все они кольчатые, состоят из двух подвижных звеньев и двух колец (рис. 5, *10, 11*). По размеру колец (диаметр 4–4,5 см) их можно отнести, по классификации А.Н. Кирпичникова, к группе малых удил и датировать XII–XIII вв. (*Кирпичников*, 1973. С. 16, 17).

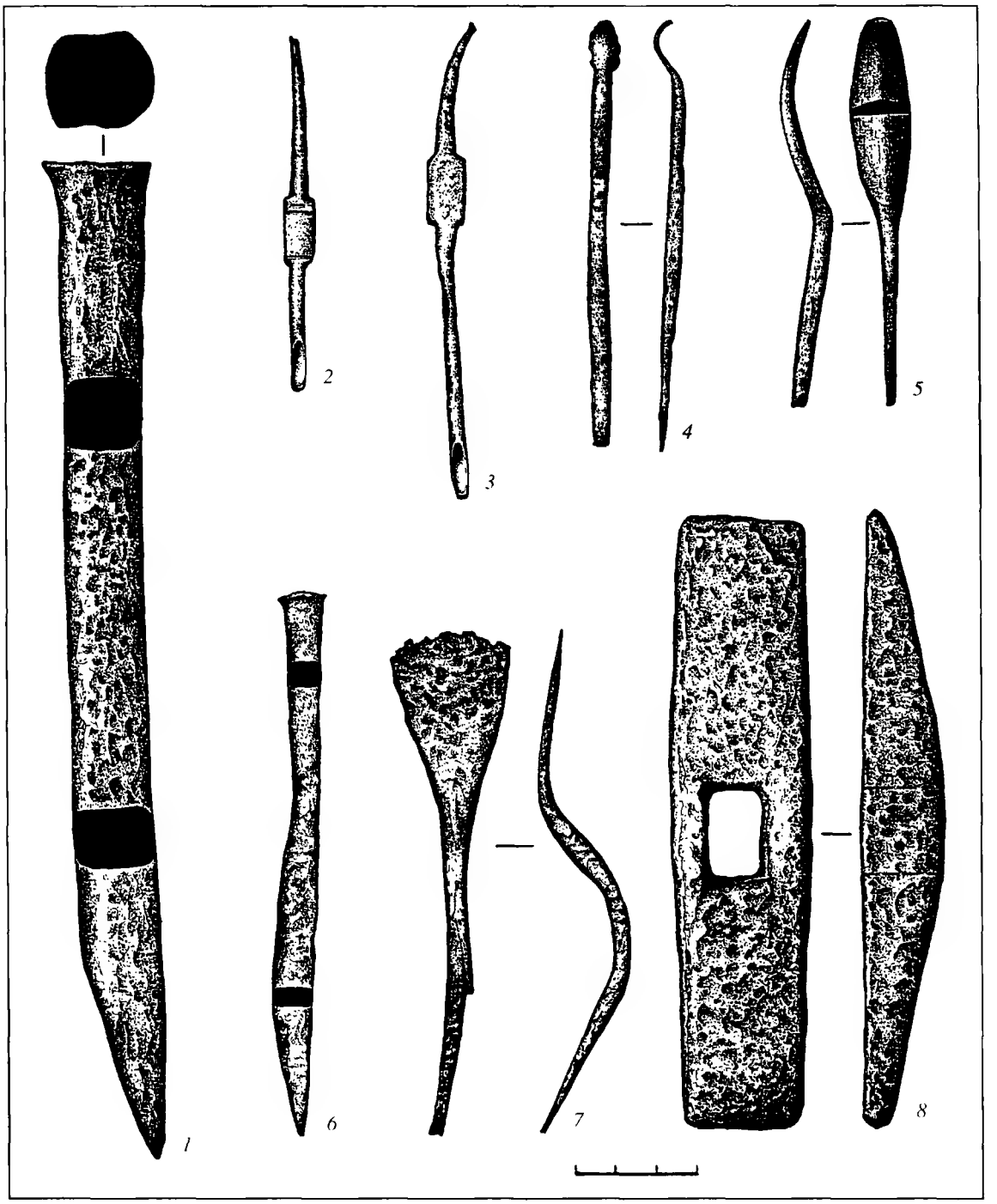


Рис. 4. Подъемный материал с поселения конца XII – середины XIII в. Куликовка 4. Находки из железа

1, 6 – долота; *2, 3* – сверла; *4* – крючковидный резец; *5* – кочедык; *7* – инструмент для простругивания костяных пластин; *8* – кирка

На возможное присутствие на поселении феодально организованной военной конной силы могут указывать находки деталей шпор и перекрестие сабли (рис. 5, *5, 6, 9*). Обнаружены восьмилучевой звездчатый шип типа К по А.Н. Кирпичникову от колесиковой шпоры типа V и петля округлой формы с двумя отверстиями для ремешков, относящаяся к типу 7. Самые ранние находки подобных шпор датируются 1220–1230 годами (*Кирпичников*, 1973. С. 63, 68–70).

Гарда от сабли относится к типу прямых с ромбическим расширением в средней части. В XI–XIII вв. они были наиболее популярными на Руси (Древняя Русь, 1985. С. 308, 336).

На поселении найдено 24 предмета, которые можно отнести к скобяным изделиям: замки, ключи, дверные пробои. Интересно отметить, что они встречаются на участках концентрации находок, по-видимому, указывая на расположение жилых или хозяйственных построек, для запирания которых их могли использовать.

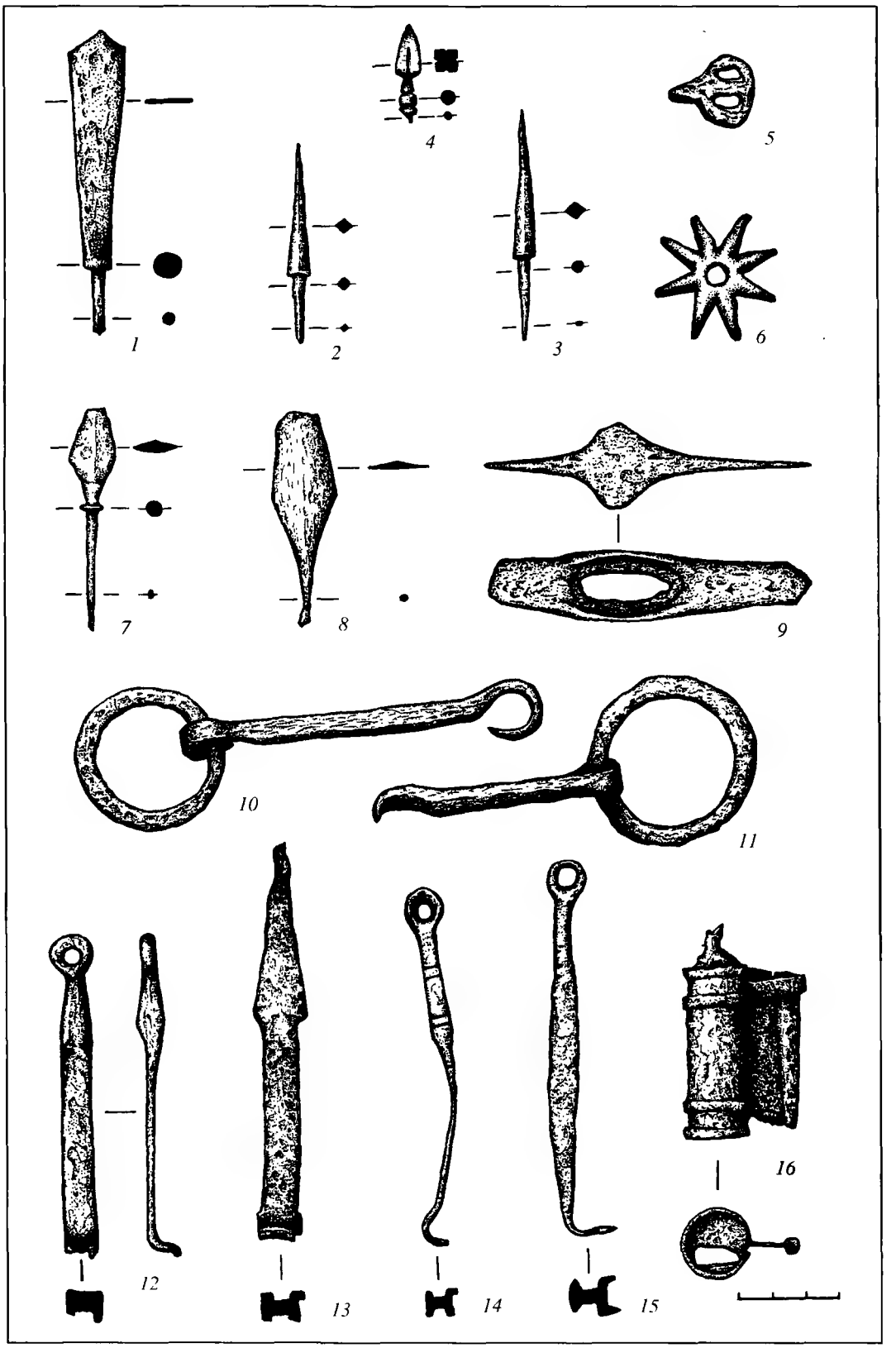


Рис. 5. Подъемный материал с поселения конца XII – середины XIII в. Куликовка 4. Находки из железа

1–3, 7, 8 – наконечники стрел; *5* – петля от шпоры; *6* – звездчатый шип от шпоры; *9* – перекрестие сабли; *10, 11* – фрагмент конских удил; *12–15* – ключи от цилиндрических замков; *16* – цилиндрический замок типа В

Все обнаруженные замки относятся к типу В. Они имеют одну линейную ключевую щель, расположенную в донце корпуса большого цилиндра (рис. 5, *16*; 6, *4*). Отпирались подобные замки плоскими коленчатыми ключами (рис. 5, *12, 13, 15*). С конца XII в. в связи с усложнением механизма замка типа В (первый вариант по Б.А. Колчину) изменяется форма коленчатого ключа. При переходе лопасти в плоский стержень появляется выгиб, в ребре которого делается пропил (рис. 5, *14*). Бытовали подобные замки и ключи в XII–XIV вв. (*Колчин*, 1959. С. 82; 1982. С. 160, 162).

Кресал найдено два. Одно из них относится к типу овальных заостренных (рис. 6, *11*), другое – овальное короткое (рис. 6, *12*). По Новгородской хронологии они бытуют в XII–XIV вв. (*Колчин*, 1982. С. 163).

Об использовании, ремонте, а может быть, и о производстве на поселении медной посуды могут свидетельствовать многочисленные (более 70 фрагментов) обрезки меди, медные заклепки, железные петли от котлов (рис. 6, *5*).

На селищах предмонгольского времени района Куликова поля довольно часто встречаются обломки медных котлов. Подобная посуда использовалась населением и во второй половине XIII в. В XIV в. она начинает вытесняться привозными чугунными котлами.

О занятии рыболовством свидетельствуют железные крючки с зубцами на заостренном цевье. Для их привязывания к леске затыльная часть изогнутого стержня расковывалась в виде лопаточки (рис. 6, *6, 7*). Подобные крючки использовались для ловли крупной рыбы.

Достаточно редкой находкой на сельских поселениях являются железные бритвы. Две однотипные бритвы с ручкой в виде петли и с лезвием, заключенным в железный футляр, обнаружены на селище Куликовка 4 (рис. 6, *1*). Длина полотна лезвия 80 мм, лезвия с ручкой – 98 мм, футляра – 90 мм. Толщина обушковой части рабочего полотна 1–1,2 мм. Ширина футляра 14–22 мм. Форму лезвия определить сложно, так как открыть бритву после реставрации не удалось. Лезвие крепится в футляре на оси, прикрепленной к его стенкам. Стопорное устройство отсутствовало и рабочее полотно могло вращаться свободно вокруг оси. Подобные бритвы встречены в Новгороде в слоях первой половины XIII в. (*Колчин*, 1959. С. 57).

Уникальной находкой для сельских поселений является железный стиль для письма (рис. 6, *2*). Писало имеет округлый в сечении стержень толщиной до 4 мм, длиной 80 мм, в верхней части немного сужающийся и плавно переходящий в раскованную плоскую лопаточку. Верхний край лопаточки имеет прямое лезвие и слегка выпуклые стороны. В центральной ее части два сквозных отверстия диаметром 1,5 мм. По классификации, разработанной А.Ф. Медведевым, находку можно отнести к типу 12 и датировать первой половиной XIII в. (*Медведев*, 1960. С. 78).

Грузики из свинцово-оловянистого сплава встречены лишь на двух древнерусских поселениях в районе Куликова поля. На рассматриваемом памятнике обнаружено два таких предмета (рис. 6, *8–9*). Они имеют конусовидную форму, не орнаментированы. Их размеры достигают 19 и 25 мм в диаметре, величина отверстия 3,5 и 6,5 мм. Вес равен 8 и 20 граммам, что соответствует 2 и 4 мискалям. По классификации А.Г. Мухамадиева, учитывающей вес предмета, наши грузики можно отнести ко второй и третьей группам (*Мухамадиев*, 1983. С. 26). Подобные изделия из свинцово-оловянистых сплавов широко известны в Волжской Булгарии (*Руденко, Шайхутдинов*, 1994. С. 68; *Полякова*, 1996. С. 246–248), в Верхнем Посурье и Примокшанье (*Винничек*, 2000. С. 150–151).

Существуют различные мнения о назначении подобных грузиков. Есть предположение об использовании их в качестве пуговиц для меховой одежды (*Седова*, 1981. С. 158). Другие исследователи считают, что они могли выполнять роль платежного средства для внутренней торговли (*Винничек*, 2000. С. 152).

Еще одной находкой, которая может указывать на торговую направленность жителей поселения, является свинцовая пломба. Она округлой формы, диаметром около 50 мм, толщиной 2–3 мм, с плохо различимым рельефным изображением на одной из сторон. Пломба была сломана на две равные половины еще в древности. К сожалению, по нелепой случайности эта, пока единственная в Верхнем Подонье, находка была утрачена.

Редкой находкой для селищ района Куликова поля является железная булавка, представляющая собой круглый в сечении заостренный стержень длиной 148 мм (рис. 6, *3*). В ее расширяющуюся верхнюю часть, отделенную от стержня рельефными декоративными валиками, продето железное кольцо диаметром 27 мм. В Новгороде подобные булавки датируются XII–XIV вв., но наиболее часто встречаются в слоях конца XII – первой половины XIII в. (*Колчин*, 1959. С. 106). Некоторые исследователи считают их одежными булавками, другие предполагают, что они использовались как вилки (*Монгайт*, 1955. С. 180; *Голубева*, 1971. С. 114–126).

В процессе сбора подъемного материала на памятнике собрана небольшая серия железных и бронзовых накладок, блях и пряжек. Накладки и бляхи крепились к основе чаще всего с помощью штифтов и служили для украшения конской упряжи, а некоторые и для поясного ремня. Одна из обнаруженных железных накладок гантелевидной формы состоит из двух округлых плоских дисков с отверстиями для штифтов, соединенных пластиной прямоугольной формы (рис. 7, *12*).

Другую находку, с некоторой долей уверенности, можно также отнести к накладкам. Она представляет собой железную пластину, к которой приклепана петля для продевания ремня (рис. 7, *10*). Значительная часть щитка украшения утрачена, поэтому судить о его форме невозможно. Однако на сохранившемся отрезке пластины прослеживается узор, нанесенный в технике набивной таушировки-инкрустации серебряной фольгой поверхности изделия. Важно заметить, что фон накладки насекался в виде композиции крест-накрест, характерной для черновского периода аскизской культуры (*Кызласов*, 1983. С. 55).

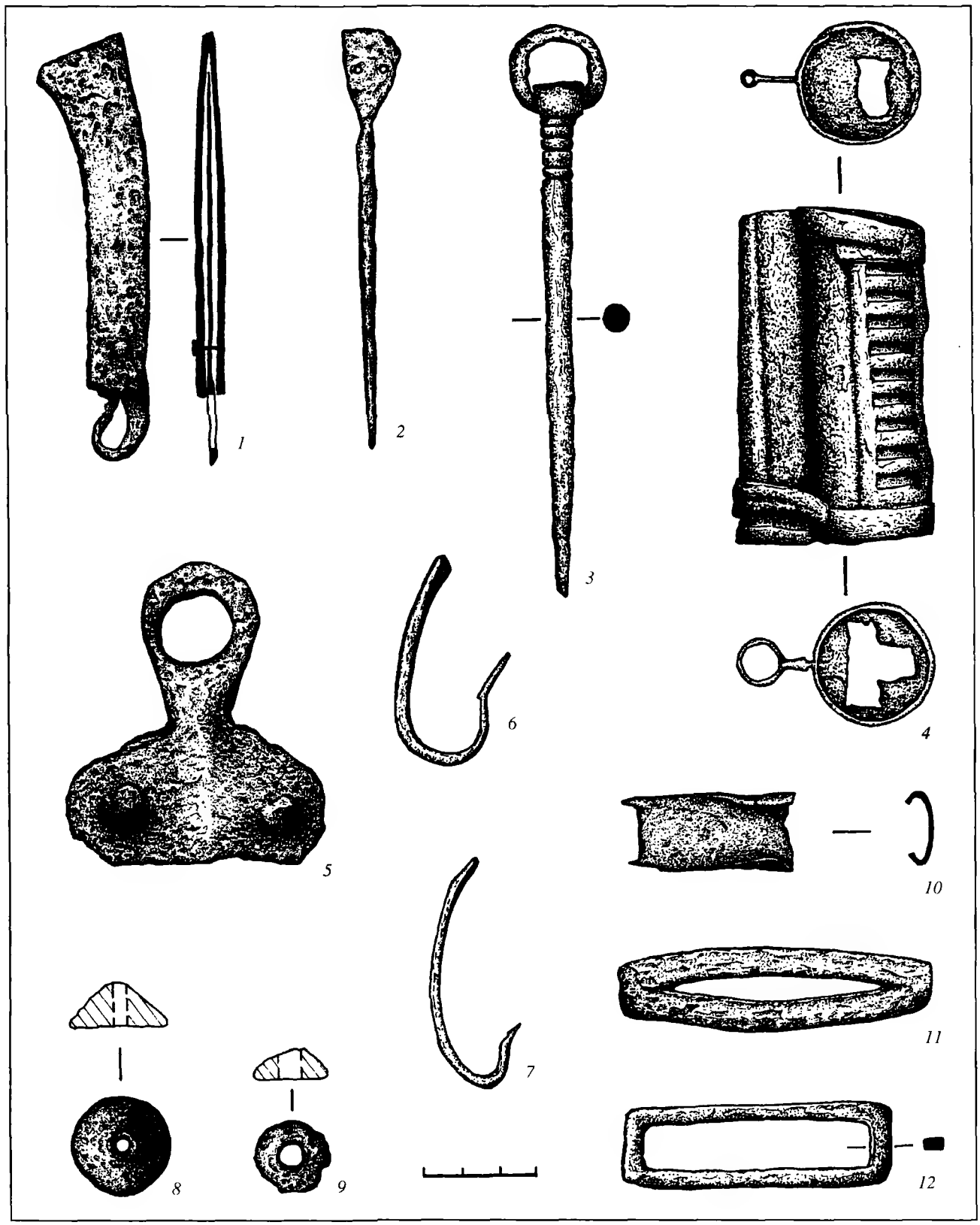


Рис. 6. Подъемный материал с поселения конца XII – середины XIII в. Куликовка 4

1 – бритва; *2* – стиль для письма; *3* – булавка; *4* – цилиндрический замок типа В; *5* – петля от котла; *6*, *7* – рыболовные крючки; *8*, *9* – грузики; *10* – обойма; *11*, *12* – кресала. *1–7*, *10–12* – железо; *8*, *9* – свинцово-оловянистый сплав

Бляхи, не имеющие штифтов для крепления, были нашивными и использовались для украшения тканей. Железная нашивная бляха имеет квадратную форму, ромбовидные выступы по углам и округлое отверстие в центре. Ее размеры 18 × 18 мм (рис. 7, *8*). Типологически близкие, но изготовленные из бронзы, встречаются на Болгарском городище в слоях золотоордынского времени (*Полякова*, 1996. С. 210, 220). Другая нашивная бляха бронзовая. Ее диаметр 2,4 см. Она округлой формы с плоским бортиком, украшенным пуансонными вдавлеваниями. В центральной части имеет три выдавленные наружу выпуклости (рис. 7, *9*).

В единственном экземпляре встречен фрагмент распределителя ремней оголовья конской упряжи (рис. 7, *11*).

На шести памятниках предмонгольского времени встречены наконечники ремней, изготовленные из прямоугольной железной пластины, один край которой имеет по углам рогообразные выступы. Две другие ее стороны загнуты вовнутрь для закрепления на ремне (рис. 6, *8*).

Обнаруженные на поселении железные пряжки относятся к группе II, отделу А, типам 1, 3, 4 (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 43, 46). Они крепились без специального приспособления, соединяющего ремень с пряжкой.

К типу 1 относятся изделия с прямоугольной рамкой уплощенно-полукруглого (рис. 7, *3*), уплощенного (рис. 7, *1*) и квадратного (рис. 7, *2*) сечения. На двух из них лицевая сторона рамки украшена продольной канавкой, нанесенной небольшим зубилом. На третьей – на боковых сторонах рамки видны поперечные насечки. Размеры пряжек 15 × 13 мм, 26 × 21 мм, 30 × 23 мм. Подобные встречаются в Новгороде в слоях XIII в. (*Колчин*, 1959. С. 111).

К типу 3 относится круглая пряжка диаметром 25 мм (рис. 7, *5*). Как правило, подобные использовались в качестве подпружных или стременных (*Кирпичников*, 1973. Рис. 43, *8*).

Тип 4 представлен прямоугольной пряжкой с округлой передней частью, трапецевидной в сечении формы. На лицевой стороне рамки углубление для приема язычка (рис. 7, *4*). Пряжки типов 1, 4 могли использоваться как подпружные, так и в качестве бытовых ременных. Редко встречаются железные пряжки овальной в плане формы, плоские в сечении с неподвижно закрепленным язычком (рис. 7, *6*).

В единственном экземпляре встречена литая бронзовая посеребренная пряжка округлой в плане формы. Ее рамка в сечении уплощенно-округлая, имеет небольшое расширение в передней части. Лицевая часть украшена пуансонными вдавлениями (рис. 7, *7*). Можно предположить, что пряжка скреплялась с ремнем при помощи щитка, неподвижно соединенного с рамкой.

Украшения из цветных металлов немногочисленны. Это центральная и боковая лопасти подзорчатых семилопастных височных колец (рис. 7, *16, 17*). Хронологически они являются наиболее поздними из них и датируются XIII в. (*Равдина*, 1968. С. 142). К типу II, по А.В. Арциховскому, можно отнести перстнеобразное загнутоконечное височное кольцо (рис. 7, *18*) (*Арциховский*, 1930. С. 62).

Частой находкой, имеющей широкую датировку, является литая бронзовая пуговица грушевидной формы с круглым ушком. Ее поверхность украшена гравированным орнаментом в виде концентрических окружностей (рис. 7, *14*). Возможно, обломком пуговицы является бронзовый полый шарик ромбическо-усеченной формы, диаметром 9 мм. Его поверхность украшена в технике перегородчатой эмали. Шесть ячеек треугольной формы покрывают поверхность фрагмента украшения. В нижней части изделия происходит чередование ячеек с белой и голубой эмалью. Эмалевый фон дополнительно украшен тремя точками, нанесенными черной эмалью. Усеченный низ шарика имеет вставку желтой эмали (рис. 7, *15*).

Единственный обнаруженный на селище перстень – овально-щитковый, неорнаментированный (рис. 7, *13*).

Наиболее часто встречаемые на поселении бронзовые браслеты – дротовые, ложновитые (4 экземпляра). Рассматриваемый браслет литой, замкнутоконечный (рис. 7, *23*). В сечении он усеченно-овальной формы, уплощенный с внутренней стороны. Имитация витья достигалась путем нанесения на готовые изделия косых насечек, образующих рубчики. Иногда рубчатая поверхность получалась при отливке изделия. Подобные браслеты имеют широкую датировку. В районе Куликова поля они встречаются на памятниках предмонгольского времени.

Пластинчатые браслеты представлены обломками литого бронзового украшения, поверхность которого орнаментирована пуансонными вдавлениями (рис. 7, *20*), а также фрагментом тупоконечного браслета с закругленными концами (рис. 7, *19*). Его поверхность украшена глубоко врезанным зигзагообразным и зубчатым узором.

В коллекции присутствует фрагмент литого бронзового створчатого браслета. Его ширина 28 мм, длина сохранившегося обломка 35 мм. Створка имеет четыре шарнира для соединения с другой половиной. Корпус браслета был ажурный и состоял из четырех горизонтальных пластин, соединенных между собой перемычками, украшенными горизонтальными и нанесенными крест-накрест насечками (рис. 7, *21*). Интересно отметить, что створчатые браслеты – находка достаточно редкая для сельских памятников. Это украшение более характерно для городского костюма.

Впервые в Верхнем Подонье встречена прорезная бронзовая подвеска, украшенная двумя зооморфными головками (рис. 7, *22*). В ее верхней части кольцо для подвешивания. На тулове две прямоугольные прорези, а основание заканчивается четырьмя колечками для шумящих подвесок. Украшение несет на себе следы сильной затертости, что говорит о ее длительном использовании. Территория распространения подобных подвесок (тип IX, по Е.А. Рябинину) – Тверская и Московская области. Датируются они XII–XIII вв. (*Рябинин*, 1981. С. 23).

На селище обнаружено 6 фрагментов крученых и гладких стеклянных браслетов оливкового, желтого,

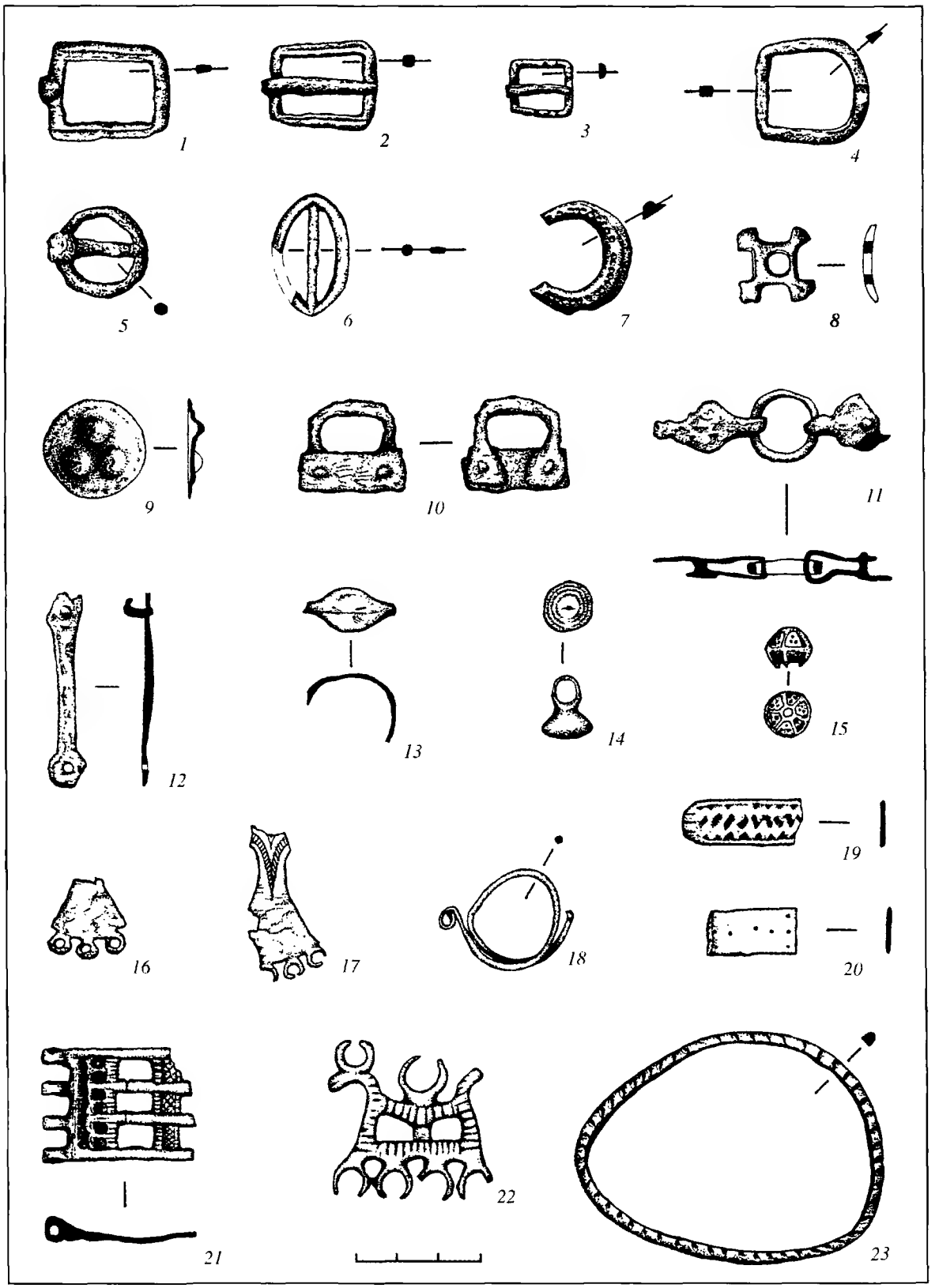


Рис. 7. Подъемный материал с поселения конца XII – середины XIII в. Куликовка 4

1–7 – пряжки; *8–10*, *12* – накладки; *11* – распределитель ремней; *13* – овальнощитковый перстень; *14*, *15* – пуговицы; *16*, *17* – лопасти подзорчатых семилопастных колец; *18* – височное кольцо; *19–21*, *23* – браслеты; *22* – зооморфная подвеска. *1 – 6*, *8*, *10–12* – железо; *9*, *13–23* – цветные металлы

Таблица 3

Тип	Форма венчиков горшков	Куликовка 4		Татинки 4а	
1	Отогнутый наружу, без утолщений, с округлым, срезанным или приостренным краем	35	12%	43	42,2%
2	Отогнутый наружу, с загнутым внутрь краем, образующим с внутренней стороны желобок для крышки	190	65%	3	**2,9%**
3	Отогнутый наружу, с загнутым внутрь округлым краем, образующим с внутренней стороны нефункциональный желобок	31	10,6%	2	**2%**
4	Отогнутый наружу, с загнутым внутрь уплощенным краем, с внутренней стороны нефункциональный желобок	19	6,5%	45	44,1%
5	Отогнутый наружу, с загнутым наружу краем в виде "козырька" или утолщений различной формы	7	2,4%	9	**8,8%**
6	Отогнутый наружу венчик с припухлым краем У некоторых фрагментов он уплощен и скошен наружу, образуя округлый или приостренный край, а на внутренней поверхности образуется небольшая бороздка	10	3,5%		
	Общее число венчиков	292	100%	102	100%

бирюзового цветов. По определению Ю.Л. Щаповой, они киевского производства и относятся к домонгольскому времени[6].

Находки из глины представлены четырьмя рыболовными грузилами. По форме они овальные и цилиндрические. Их высота достигает 3–5 см, диаметр 3–4 см. Одно грузило в процессе формовки подправлялось мастером при помощи ножа (рис. 8, *25*). Подобные грузила использовались для оснастки легких волоковых сетей (*Салмина*, 1997. С. 336).

В процессе многолетних разведочных работ на памятнике собрана керамическая коллекция, насчитывающая 2010 фрагментов. Вся посуда формовалась из беложгущихся глин, в качестве отощителя добавлялся мелкий песок. Черепки имеют белый, серо-белый, желтовато-розовый цвет, что зависело от температуры обжига. Как правило, в изломе керамика имеет однородную окраску. Это может свидетельствовать о том, что процесс обжига происходил в гончарных горнах.

Целых сосудов на селище не обнаружено, поэтому при составлении типологии использовались лишь верхние части горшков. По форме венчиков выделено 6 типов (табл. 3).

Из таблицы видно, что в коллекции преобладают венчики типов 1–3 (рис. 8).

Характерной особенностью и хронологическим индикатором керамических серий, происходящих из древнерусских поселений предмонгольского времени Верхнедонского региона, является преобладание венчиков типа 2 (рис. 8, *6–10*), а также типологически им близких и постепенно теряющих функциональное назначение желобка для крышки, горшков типа 3 (рис. 8, *5, 16–18*) (*Гоняный, Кокорина, Свирина*, 1993. С. 151).

Другим хронологическим показателем керамических серий как домонгольского, так и золотоордынского времени является орнаментация. Важно заметить, что почти вся посуда, обнаруженная на древнерусских памятниках региона, орнаментировалась. В домонгольское время преобладал линейный узор, покрывавший как плечики, так и тулово, иногда спускавшийся к придонной части горшка. На поселении Куликовка 4 горшки, украшенные линейным узором, составляют 88% от всей орнаментированной керамики (табл. 4).

Высокий процент (92,9% от числа орнаментированной керамики) линейной орнаментации прослежен, например, в материалах из раскопок гончарного комплекса предмонгольского времени на поселении Монастырщина 5 (*Гоняный, Кокорина, Свирина*, 1993. С. 153).

Донцев сосудов с клеймами обнаружено семь. В одном случае это трехлопастная свастика, в другом – пятиконечная звезда с загибающимися против часовой стрелки концами (рис. 8, *23, 24*), остальные фрагментарны и маловыразительны.

Заканчивая рассмотрение археологического материала, собранного на селище Куликовка 4, хочется отметить, что хотя он происходит и не из раскопок, все же позволяет сделать некоторые выводы.

Несомненно, что поселение существовало непродолжительное время. Скорее всего, оно возникло в конце XII в. и продолжало функционировать до середины XIII в.

Таблица 4

Вид орнамента	Куликовка 4	Татинки 4а	
	Подъемный материал	Шурф 1	Подъемный материал
Линейный	724	31	**4**
Волнистый	93	136	**56**
Линейно-волнистый	3	1	
Неорнаментированная	1190	291	315
Всего керамики	2010	459	375

[6] Авторы выражают признательность Ю.Л. Щаповой за определение химического состава и места производства стеклянных браслетов.

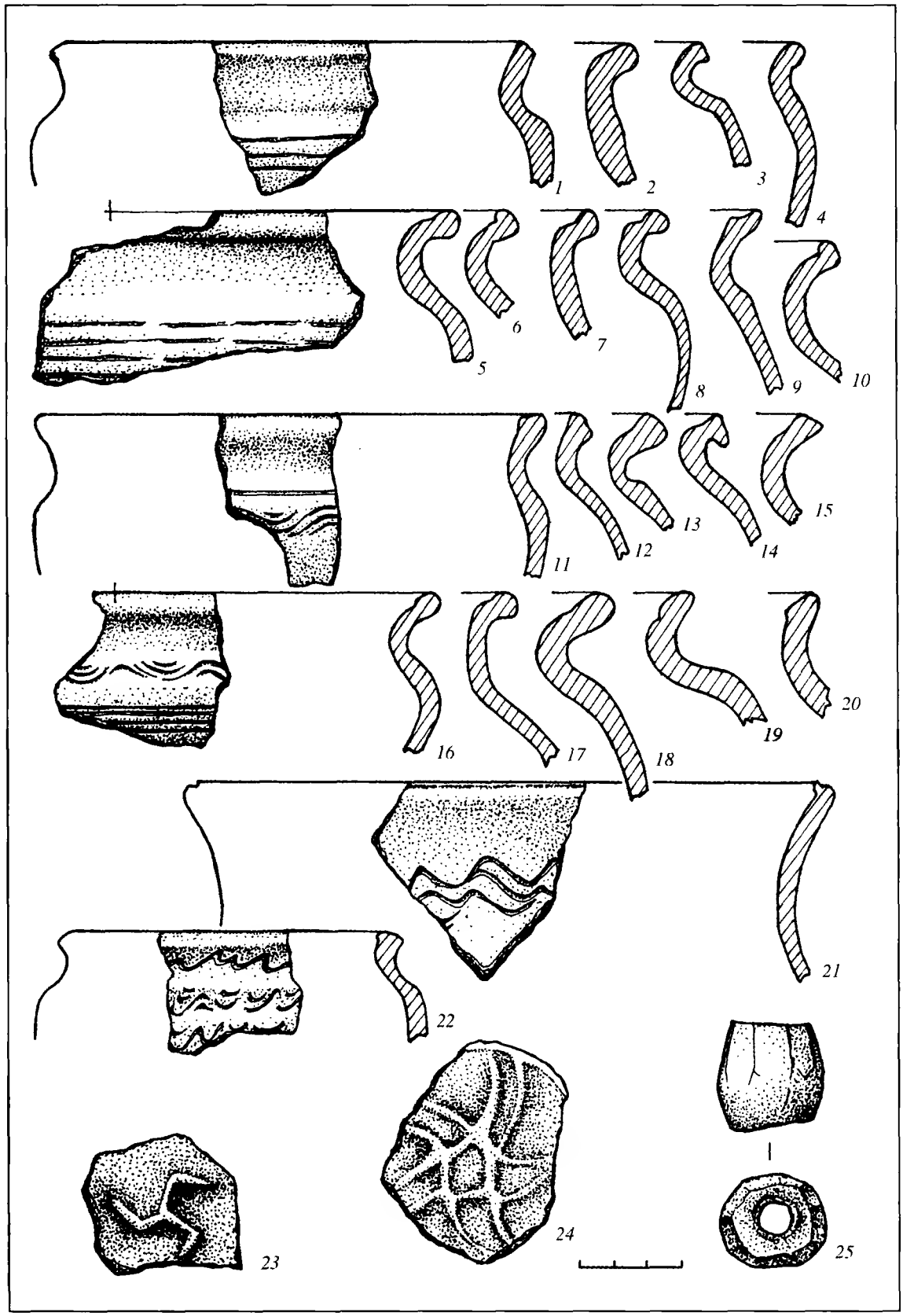


Рис. 8. Подъемный материал с поселения конца XII – середины XIII в. Куликовка 4. Находки из глины

1–22 – венчики круговых белоглиняных сосудов; *23*, *24* – гончарные клейма; *25* – грузило

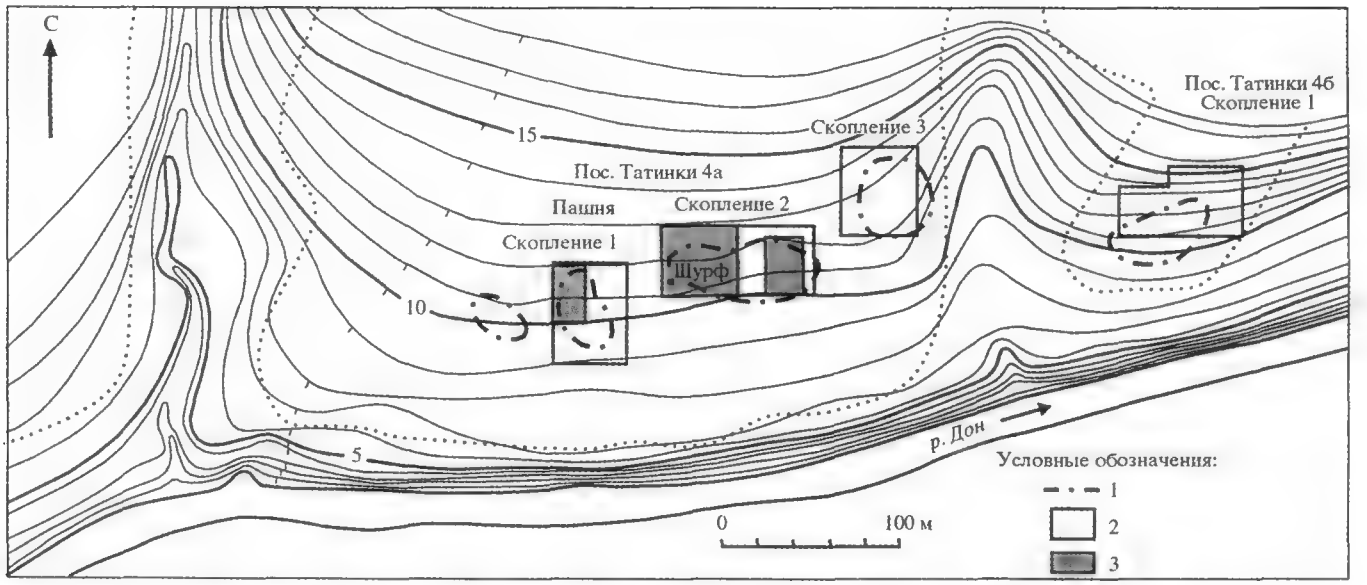


Рис. 9. Топографический план поселений XIV в. Татинки 4А, 4Б

Условные обозначения: 1 – граница скоплений подъемного материала; 2 – планшеты детального сбора подъемного материала; 3 – планшеты геофизической съемки

Есть свидетельства наличия на памятнике мастеров-медников, а также производств, связанных с металлургией, кузнечным, косторезным делом.

О присутствии на поселении профессиональных воинов могут свидетельствовать перекрестие сабли и фрагменты шпор.

Удобное топографическое расположение памятника, занимающего пологий долинный склон со слабо выраженными террасами, его значительная площадь, повышение полноводности Дона ниже устья р. Мокрая Табола, способствующее судоходству, расположение в непосредственной близости к Старой Данковской дороге (функционирующей еще с древнерусского времени), наличие находок, связанных с торговлей (свинцовой пломбы, грузиков из свинцово-оловянистого сплава, писала), принимая во внимание гипотезу, предложенную А.К. Зайцевым, с большой долей осторожности поселение Куликовка 4 можно рассматривать как один из пунктов на Донском торговом пути. Здесь суда могли спускать на воду и незагруженными сплавлять вниз по течению до устья р. Большой Кочур (Кочуровка), где могла происходить их загрузка (ПСРЛ. Т. 11. С. 95–96).

Важно заметить, что сплошные археологические разведки, проведенные в долине Дона и охватившие расстояние более 15 км ниже устья р. Мокрая Табола, не выявили каких-либо значительных по площади древнерусских поселений.

На берегах Дона, на участке вверх по течению от устья Непрядвы до г. Епифань, также не обнаружено древнерусских поселений, сопоставимых с селищем Куликовка 4.

В радиусе 2–2,5 км от поселения Куликовка 4, в долине р. Дон и низовьях р. Смолка расположено 6 небольших (0,1–0,2 га) селищ домонгольского времени, на площади которых могло располагаться не более 1–2 крестьянских дворов (рис. 1, *11–13, 15, 17, 24*). По-видимому, эти памятники составляли единый в социально-экономическом отношении организм, концентрируясь вокруг центрального поселения общины – Куликовка 4.

В конце XII – первой половине XIII в. на площади поселений рассматриваемого гнезда памятников могло располагаться до 20 крестьянских дворов и соответственно проживать около двухсот или немногим более жителей (табл. 1).

Во второй половине XIII в. жизнь на рассматриваемых памятниках затухает и лишь во второй четверти XIV в., на левом берегу Дона, в приустьевой части балки Журишки, возникают два древнерусских селища – Татинки 4а, 4б (рис. 1, *14, 16*).

Комплекс археолого-геофизических исследований, включающий детальный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла, магниторазведку и раскопки одной из аномалий, был проведен на поселении Татинки 4а. Селище занимает пологий склон первой надпойменной террасы р. Дон и отделено от русла участком высокой поймы шириной 0,1 км.

Подъемный материал распространяется на площади 1,04 га, концентрируясь на четырех отдельных участках (рис. 9). На трех скоплениях находок, на площади 3200 м^2, применялись магниторазведочные методы поиска по сети 1 × 1 м квантовым магнитометром ММП-3. При проведении измерений высота датчика прибора достигала 0,4 м над поверхностью земли. По результатам съемки выявлено 4 аномалии, связанные с антропогенными объектами. Они расположены как в местах наибольшего скопления подъемного материала (аномалия 2, рис. 10, *А*, *Б*), так и на участках с небольшим количеством находок (аномалия 1, рис. 10, *А*, *Б*). Выявленные аномалии имеют небольшую амплитуду и размеры. Поэтому следующим шагом в изучении памятника была детализация магнитной съемки в пределах выделенных объектов. В этом случае съемка выполнялась с шагом 50 × 50 см непосредственно на поверхности почвенного слоя.

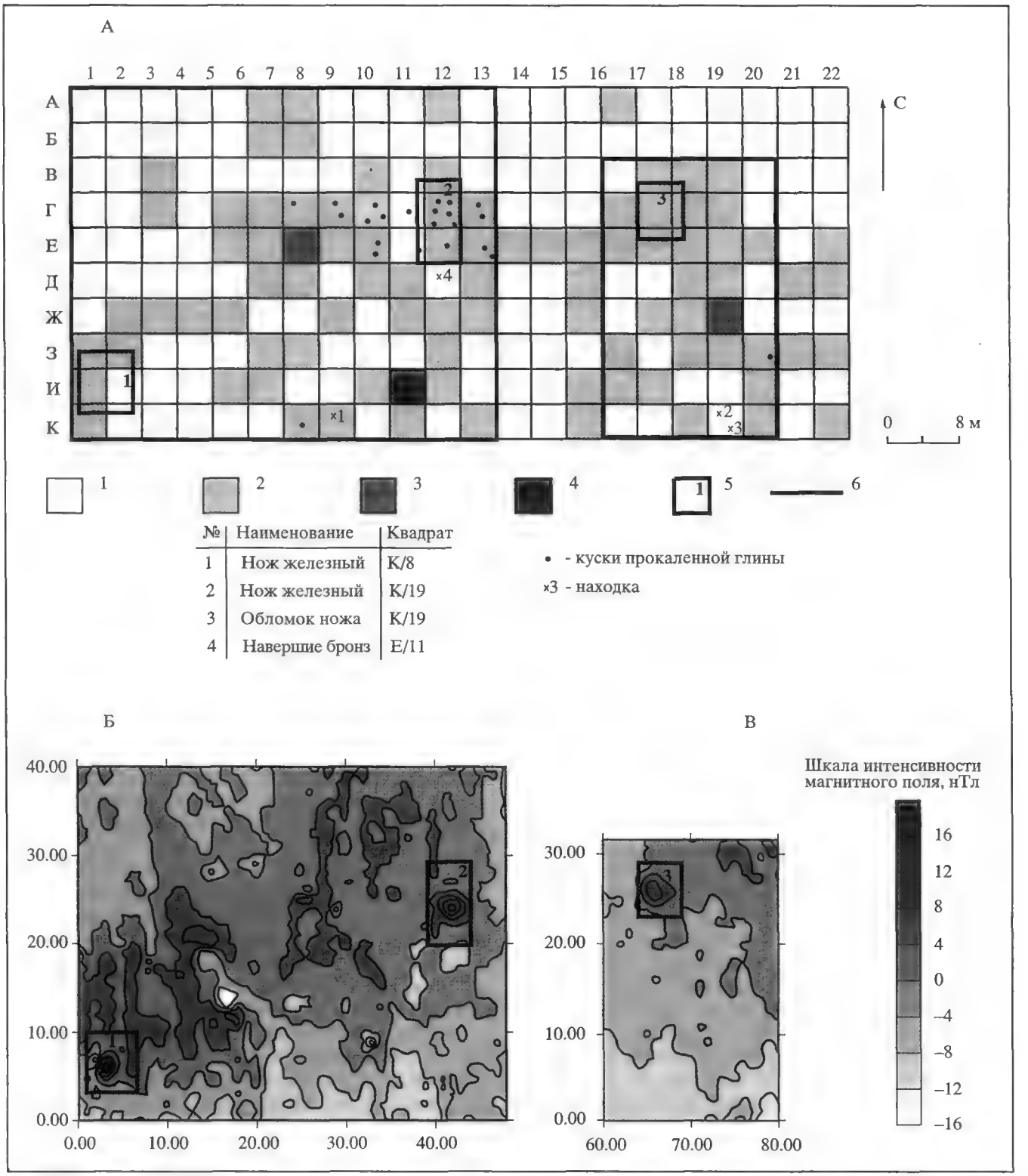


Рис. 10. Поселение Татинки 4а (XIV в.)

А – План сбора подъемного материала. Планшет 2; 1 – керамика отсутствует; 2 – 1–3 фрагмента керамики; 3 – 3–5 фрагментов керамики; 4 – более 5 фрагментов керамики; 5 – участок детализации геомагнитной съемки с порядковым номером планшета; 6 – граница планшетов геомагнитной съемки; Б, В – карты изолиний магнитного поля Δ Та

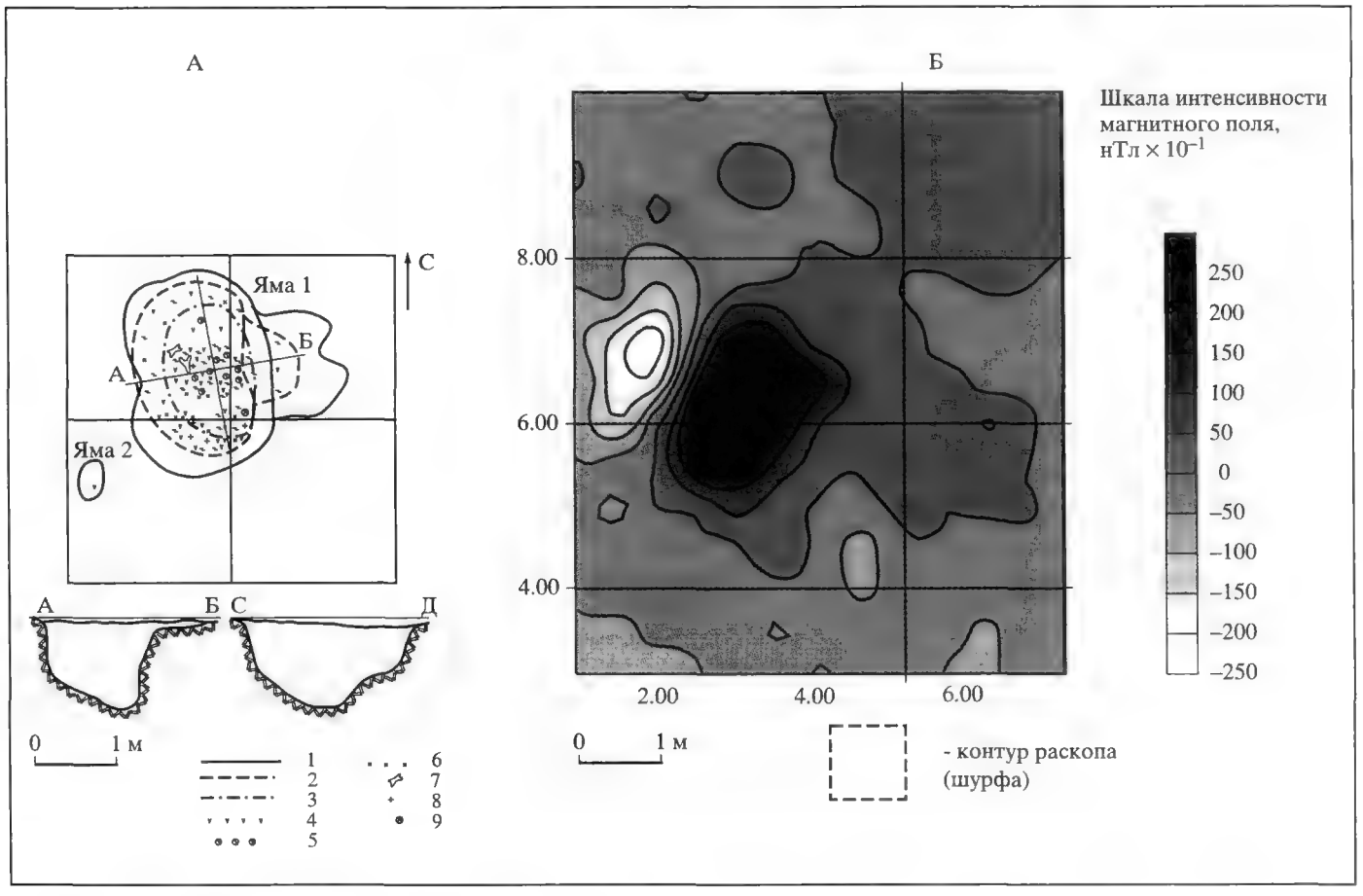


Рис. 11. Поселение Татинки 4а (XIV в.). Планшет 2

А – Шурф 1: 1 – граница ямы на уровне материка; 2 – граница ямы на уровне пластов 2, 3; 3 – граница ямы на уровне пластов 4, 5; 4 – уголь; 5 – куски прокаленной глины; 6–фрагменты керамики; 7 – кости; 8 – находка; 9 – развал горшка; Б – Карта изолиний магнитного поля. Аномалия 1. Детализация. Δ Та

Ее результаты позволили уточнить форму магнитоактивных тел, сделать предварительные выводы о глубине залегания верхней кромки.

Аномалия 1 представляет собой максимум магнитного поля, с амплитудой 25 нТл. С северо-запада максимум сопряжен с минимумом магнитного поля. Аномалия слегка вытянута в направлении север–юг, имеет высокоградиентный западный склон и пологий восточный. По результатам качественного анализа источник аномалии имеет размеры 1,5 м в направлении запад–восток и 2 м в направлении север–юг. На глубине источник аномалии имеет очень крутое ограничение с запада и более пологое с востока (рис. 11, *Б*).

Аномалия 2 расположена в области, характеризующейся наличием большого количества кусков прокаленной глины в подъемном материале. По результатам анализа аномалеобразующий объект имеет изометричную форму, размеры в поперечнике 2,5 м, крутые ограничения с запада и севера и более пологие с востока и юга (рис. 10, *А, Б*).

Качественно были проинтерпретированы и остальные аномалии. На месте аномалии 1 был заложен шурф 4 × 4 м. Результаты раскопок подтвердили выводы о ее природе. Она была связана с остатками сгоревшей наземной постройки с погребом, который имел форму и размеры, близкие к полученным в результате интерпретации аномалии (рис. 11, *А*).

Находки, обнаруженные в заполнении погреба немногочисленны, но представляют интерес как закрытый комплекс, датируемый третьей четвертью XIV в. на основании находки дирхема времени правления Навруз-хана.

Керамическая коллекция, собранная при раскопках постройки, представлена 459 фрагментами керамики, изготовленной из беложгущихся глин с примесью мелкого песка в тесте. Обжиг посуды высокого качества, горновой. Черепок имеет толщину 5–8 мм. В подавляющем большинстве это горшки, лишь в двух случаях найдены фрагменты верхних частей кувшинообразных сосудов с ребристой поверхностью (рис. 14, *11, 12*).

Статистическая обработка верхних частей сосудов проведена по методике, предложенной В.Ф. Генингом (1973. С. 114–136), с внесением коррективов, связанных с особенностями форм горловин сосудов рассматриваемого памятника[7]. Так, в параметры измерений

[7] Статистическая обработка керамики проведена А.Б. Свириной.

Таблица 5. **Поселение Татинки 4а. Статистика элементов форм горшков**

Указатель профилировки сосуда	Общее количество фрагментов сосудов	Интервал	Количество	Процентное соотношение
Высотногорловинный указатель ФБ = Р6/Р2′	16	Низкогорлые 0,51–1,5	15	93,7%
		Среднегорлые > 1,5–3	1	6,3%
Указатель профилировки шейки ФГ = (Р1–Р2′): 2Р6′	16	Слабопрофилированные 0,01–0,26	1	6,3%
		Среднепрофилированные 0,27–0,57	11	68,7%
		Сильнопрофилированные 0,58–1	4	25%
Широтногорловинный указатель ФВ = Р2′/Р3	8	Широкогорлые 0,66–1	8	100%
Указатель выпуклости плечика ФЖ = (Р3–Р2): 2Р7	8	Слабо выпуклые 0,26–0,57	4	50%
		Средневыпуклые 0,58–1	4	50%
Показатель высоты точки изгиба шейки Т = Р6′/Р6	16	С высокой нижней частью шейки до точки изгиба до 0,5	1	6,3%
		Со средней величиной нижней части шейки до точки изгиба		
		> 0,5–0,6	4	25%
		> 0,6–0,7	4	25%
		С низкой нижней частью шейки до точки изгиба		
		> 0,7	7	43,7%

внесены два новых: Р2′ – диаметр горловины в самой узкой части и Р6′ – высота горловины до самой узкой части (рис. 13, *2*). Из таблицы 5, в которой приведены характеристики элементов форм верхних частей горшков, видно, что преобладали низкогорлые, средне- и сильнопрофилированные, широкогорлые сосуды со слабо и средневыпуклыми плечиками.

При составлении типологии за основу деления взята форма венчика, для чего было отобрано 102 фрагмента верхних частей сосудов. По данному показателю удалось выделить пять типов горшков (табл. 3).

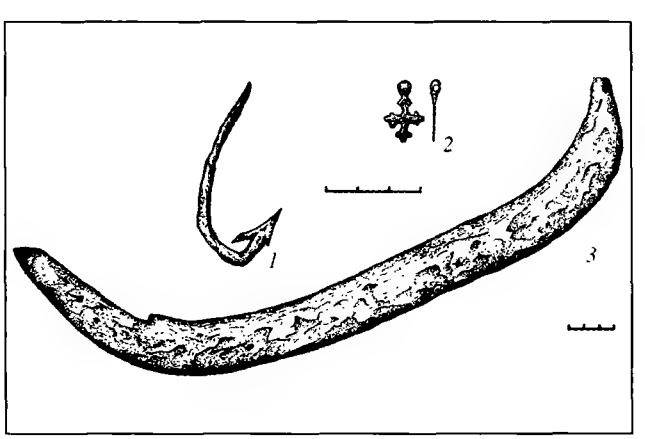


Рис. 12. Поселение Татинки 4а (XIV в.). Находки из шурфа 1

1 – рыболовный крючок; *2* – серебряный крест-тельник; *3* – коса-горбуша

В рассматриваемой коллекции преобладают горшки типов 1 и 4. Сосуды, венчик которых отогнут наружу без утолщений, имеют широкие хронологические рамки: XI–XVI вв. и являются общерусскими (рис. 13, *1, 3–6*). Горшки типа 4 появляются в предмонгольское время, но их процент невысок. Например, на селище Куликовка 4 горшки этого типа составляют 6,5% (табл. 3), в материалах гончарного комплекса поселения Монастырщина – 5–8,7% (*Гоняный, Кокорина, Свирина*, 1993. С. 151). На памятниках золотоордынского времени района Куликова поля сосуды с подобной формой венчика преобладают (рис. 14, *1, 2, 4, 7, 8, 10*). Венчики типа 2 для керамических серий XIV в. не характерны и составляют незначительный процент (табл. 3) (рис. 14, *14*). Несколько чаще встречаются венчики типа 5 (рис. 14, *3, 5, 6, 9, 13*).

В отличие от домонгольской посуды, украшенной в большинстве случаев линейным узором, в золотоордынское время наиболее распространенными становятся различные композиции волнистого орнамента (рис. 13, *14*). В керамической серии рассматриваемого памятника он составляет 81%.

Найдено четыре донца с клеймами. Два из них фрагментарны и маловыразительны. Одно клеймо

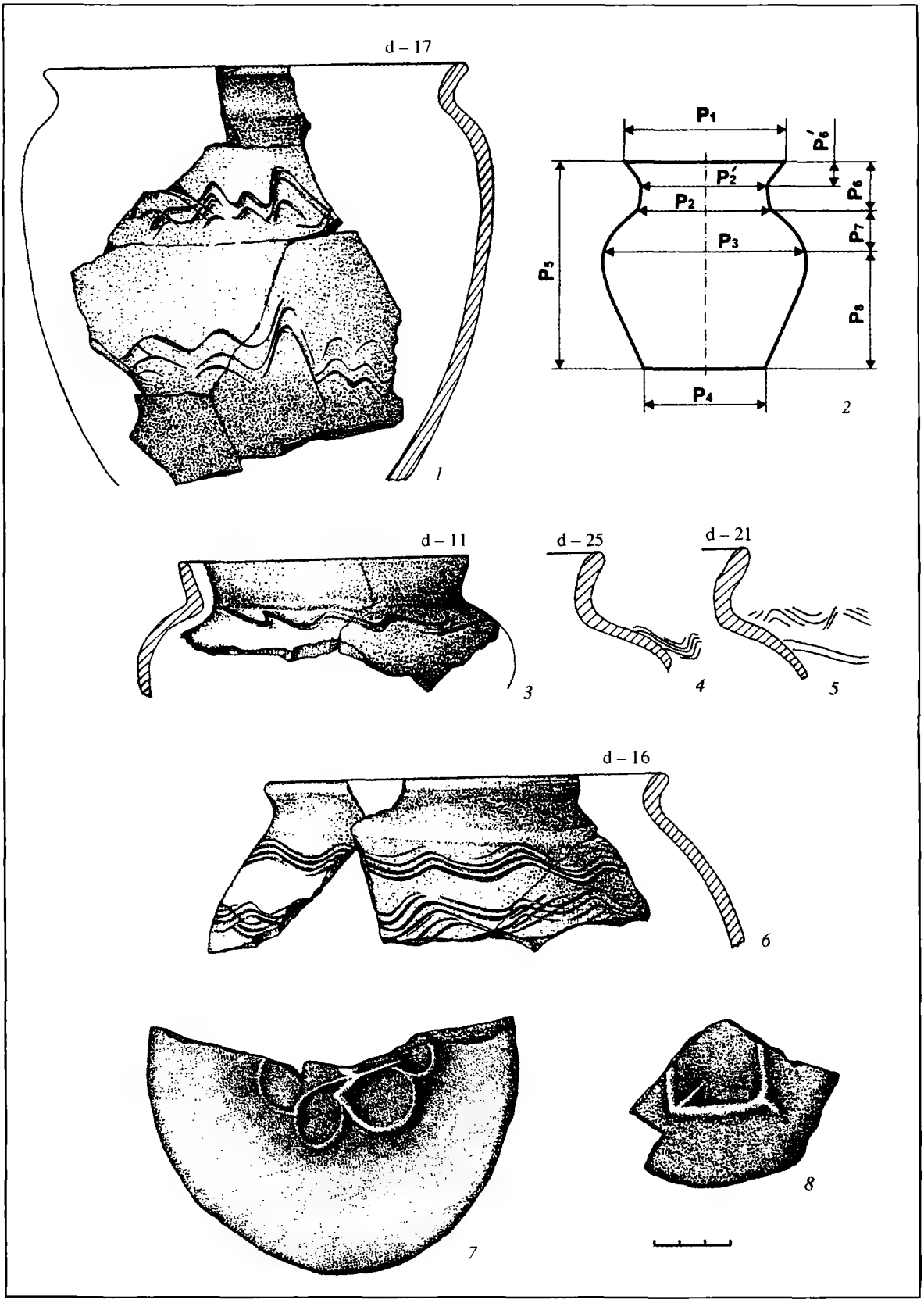


Рис. 13. Поселение Татинки 4а (XIV в.). Керамика из шурфа 1

1, 3–6 – фрагменты белоглиняных круговых сосудов; *7, 8* – гончарные клейма; *2* – схема горшка и его параметры. P1 – диаметр венчика; P2 – диаметр горловины у основания; P2′ – диаметр горловины в самой узкой части; P3 – диаметр тулова; P4 – диаметр донца; P5 – общая высота сосуда; P6′ – высота горловины до самой узкой части; P7 – высота плечика; P8 – высота придонной части тулова

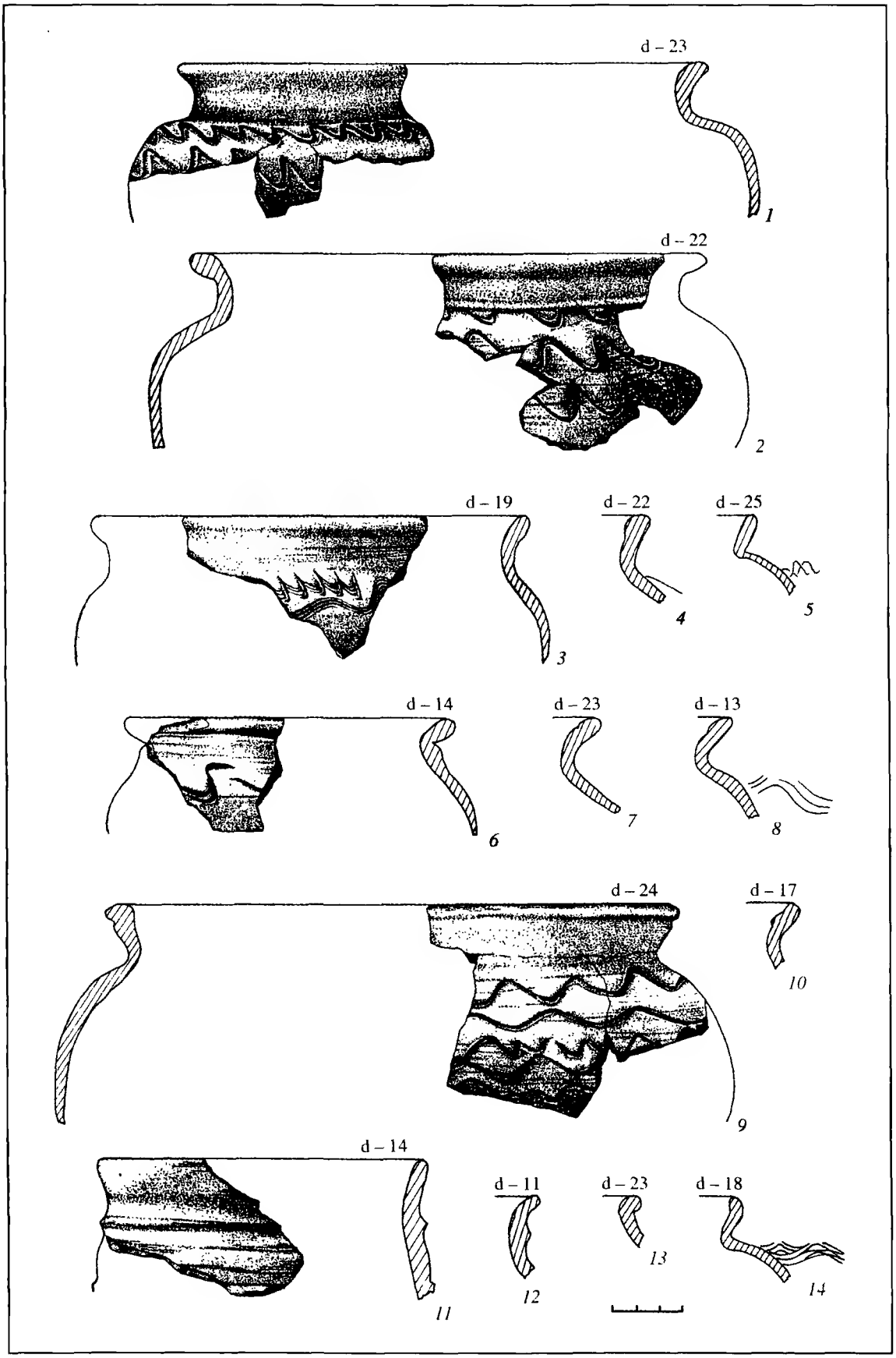


Рис. 14. Поселение Татинки 4а (XIV в.). Керамика из шурфа 1

1–10, 13, 14 – венчики белоглиняных круговых горшков; *11, 12* – венчики белоглиняных кувшинов

правомерно отнести к группе "лепестковых" символов. Оно напоминает собой цветок с асимметричными лепестками (рис. 13, *7*). Другое клеймо относится к группе четырехугольных фигур. Это клеймо в виде квадрата, из одного угла которого выходит прямая линия, направленная вне квадрата. Другая линия, выходящая из соседнего угла, направлена внутрь квадрата (рис. 13, *8*).

Находки из железа представлены скобами, рыболовным крючком (рис. 12, *1*), косой-горбушей (рис. 12, *3*). По своим основным показателям: отношению ширины лезвия к его длине, длине черешка и отношению высоты дуги к длине лезвия, ее можно отнести к среднерусскому типу. По соотношению длины черешка к длине лезвия она тяготеет к южнорусскому типу (*Левашева*, 1956. С. 89, 90).

В заполнении погреба найден литой четырехконечный серебряный крест-тельник с трехлепестковыми клиновидными концами, без каких-либо изображений в средокрестии (рис. 12, *2*). Его размеры 14 × 21 мм. Крестики с клиновидными концами широко распространены как на территории Древней Руси, так и за ее пределами. Они появляются в середине XII в. и бытуют до XV в. (*Беленькая*, 1976. С. 91, 92; 1993. С. 17).

Из предметов, обнаруженных при сборе подъемного материала, можно отметить железную наременную накладку прямоугольной формы, дверные пробои, фрагменты чугунных котлов. На основании полученных материалов поселение Татинки 4а можно датировать второй–третьей четвертью XIV в.

В 0,1 км восточнее, на пологом склоне первой надпойменной террасы левого берега р. Дон, расположено синхронное малодворное поселение Татинки 4б. Его площадь около 0,2 га. Оно отделено от селища Татинки 4а пологой суходольной балкой.

Судя по площади распространения и концентрации подъемного материала, на рассматриваемых поселениях могло располагаться 5–6 крестьянских дворов и проживать в период их существования 30–35 жителей (табл. 1).

Выводы

Завершая рассмотрение результатов изучения древнерусских археологических памятников приустьевой части Непрядвы, важно отметить, что большинство памятников как предмонгольского, так и золотоордынского времени, расположенных в долинах рек, приурочено к пологим склонам первых надпойменных террас и участкам высоких пойм, хотя встречены селища, занимающие иные долинные уровни. На водораздельных территориях поселения располагаются на пологих склонах балок в их верховьях.

Как в домонгольское, так и в последующее время в количественном отношении преобладают небольшие по площади поселения с однодворным или малодворным типом застройки, тяготеющие к крупным памятникам.

Выявленные поселения группируются в гнезда, различающиеся как по количеству селищ и их площади, так и по числу крестьянских дворов и жителей. По-видимому, подобные гнезда памятников правомерно соотносить с территориями сельских крестьянских общин в территориально-планировочном аспекте. К сожалению, полное отсутствие данных письменных источников значительно осложняет изучение и интерпретацию гнезд поселений, определение их роли в административном делении региона.

Начало заселения и хозяйственного освоения Верховий Дона приходится на конец XII – начало XIII в. Пик заселенности приходится на первую половину XIII в. События, происходившие во второй четверти – середине XIII в., связанные с Батыевым нашествием, резко изменяют ситуацию в районе Куликова поля. Происходит отток русского земледельческого населения в более безопасные, видимо, северные районы. Прекращают свое существование поселения-летники в верховьях балки Смолки и на участке у д. Татинки – с. Куликовка. Благодаря некоторой стабилизации социально-политической ситуации в пределах Тульского баскачества, под юрисдикцией которого в конце XIII–XIV в. находились земли Куликова поля (*Егоров*, 1985. С. 41–45, 53), происходит процесс вторичного заселения Поля русскими земледельцами. Вновь появляются селища, как правило, поблизости от запустевших домонгольских памятников (поселения 4а, 4б). В целом, уровень заселенности рассматриваемого региона в золотоордынское время сокращается, по сравнению с домонгольским периодом, почти в 2 раза. Окончательный уход населения с земель Куликова поля, по-видимому, связан с дестабилизацией ситуации, вызванной бурными событиями периода "великой замятни". Во второй половине XIV в. вновь происходит отток населения, а к моменту сражения территория становится незаселенной, что согласуется со сведениями текста "Хождения митрополита Пимена в Царьград". Говоря о методической направленности проводимых исследований, хочется отметить, что предложенная комплексная методика изучения поселений, включающая визуальное обследование, инструментально фиксируемый сбор подъемного материала с применением детекторов металла, в результате чего удается выявить наиболее информативные участки селищ, последующая геофизическая разведка и, по ее результатам, археологические раскопки, достаточно перспективны, в первую очередь, на однослойных, кратковременных, распахиваемых и разрушающихся памятниках.

Литература

Александровский А.Л., Бойцов И.А., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Станюкович А.К., 1998. Раскопки во дворе Московского университета: опыт комплексного подхода к изучению городского культурного слоя // Естественнонаучные методы в полевой археологии. М. Вып. 2.

Александровский А.Л., Гоняный М.И., Гласко М.П., 1999. Ландшафты Куликова поля времени битвы (по данным комплексных почвенно-археологических исследований) // Музей-заповедник "Куликово поле": концепция развития: Научные труды. М.; Тула. Вып. 2.

Алексеев А.В., 2001. Отчет об археологических работах на территории Одинцовского района Московской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.

Беленькая Д.А., 1976. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. № 4.

Беленькая Д.А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси // КСИА. Вып. 208.

Буров В.А., 1995. Два гнезда памятников VI–X вв. на р. Шлине и их судьбы в XI–XVI вв. // Славянская археология 1990: Раннесредневековый город и его округа. М.

Винничек В.А., 2000. Свинцово-оловянные грузики и слитки на поселениях с коричнево-красной гончарной посудой булгарского типа X-XIII веков // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань.

Генинг В.Ф., 1973. Программа статитической обработки керамики из археологических раскопок // СА. № 1.

Голубева Л.А., 1971. О назначении железных игл с кольцами // СА. № 4.

Гоняный М.И., 1990. Поселение древнерусского времени Монастырщина 3 на Верхнем Дону // Куликово поле: Материалы и исследования. М. (Тр. ГИМ. Вып. 73).

Гоняный М.И., Грищенко В.П., 1996. Древнерусское поселение второй половины XIII в. Березовка 5 на р. Непрядве // Тез. докл. отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.

Гоняный М.И., Грищенко В.П., 2000. Поселение второй половины XIII – начала XIV в. Березовка 5 на Куликовом поле // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула.

Гоняный М.И., Заидов О.Н. Древнерусские грунтовые могильники конца XII – третьей четверти XIV в. в бассейне Верхнего Дона // Куликово поле: Материалы и исследования. В печати.

Гоняный М.И., Иткис С.Е., Кац М.Я., Соколова Т.Б., Сухин В.В., Юнаковская Ю.В., 1996. Археолого-геофизические исследования на памятниках древнерусского времени в районе Куликова поля // Тез. докл. отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н., 2000. Опыт разведочных археолого-геофизических исследований на древнерусских поселениях конца XII – середины XIV в. района Куликова поля // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? Тез. докл. научн. междунар. конф. М.

Гоняный М И., Клянин Р.В., 1991. Древнерусские поселения в верховьях реки Смолки на Куликовом поле // Елец и его окрестности: Тез. научн. конф. Елец.

Гоняный М.И., Кокорина Н.А., Свирина А.Б., 1993. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Средневековые древности Восточной Европы. М. (Тр. ГИМ. Вып. 82).

Гоняный М.И., Наумов А.Н., 1992а. К вопросу о металлургическом производстве XII–XIV вв. в районе Куликова поля // Материалы республиканской научно-практической конференции: Тульский металл в истории Российской промышленности и предпринимательства. Тула.

Гоняный М.И., Наумов А.Н., 1992б. К вопросу об изучении поселения XII–XIV вв. Монастырщица 5 // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: Тез. докл. Липецк.

Гоняный М.И., Наумов А.Н., 1996. Металлургический комплекс XIV в. на поселении Монастырщина 5 на Куликовом поле // Тез. докл. отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.

Гоняный М.И., Шеков А.В., 1996. Древнерусское гумно середины XIV в. в верховьях р. Вединец на Куликовом поле // Тез. докл. отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.

Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1995. (Археология СССР).

Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.

Изюмова С.А., 1990. Могильник у села Монастырщина в Тульской области // Куликово поле: Материалы и исследования. М. (Тр. ГИМ. Вып. 73).

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ Е1-36. Л.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. М. № 65.

Колчин Б.А., 1982. Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.

Кызласов И.Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири // САИ Е3-18. М.

Левашева В.П., 1956. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ. Вып. 32).

Медведев А.Ф., 1960. Древнерусские писала X–XV вв. // СА. № 2.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) XIII–XIV вв. // САИ Е1-36. М.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань. М.

Мухамадиев А.Г., 1983. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.

Наумов А.Н., 1991. Гончарные комплексы первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Археология и история Юго-Востока Руси: Тез. докл. Курск.

Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.

ПСРЛ, 1965. Т. 11.

Равдина Т.В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.

Руденко К.А., Шайхутдинов Р.Р., 1994. Изделия из цветного металла Лаишевского селища // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ Е1-60. М.

Савченкова Л.Л., 1996. Черный металл Болгара: Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.

Салмина Е.В., 1997. Рыболовство средневекового Пскова по данным археологии // Славянский средневековый город: Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М. Т. 2.

Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли / МИА. М. № 92.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Станюкович А.К., 1997. Основные методы полевой археологической геофизики // Естественнонаучные методы в археологии. М. Вып. 1.

Тимощук Б.А., 1990. Восточнославянская община VI–X вв. н.э. М.

Третьяков П.Н., 1935. Работы на строительстве Ярославской гидростанции // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. ГАИМК. М. Вып. 109.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гласко М.П., Гоняный М.И., Гуман М.А., 1990. Древние поселения и природная среда приустьевой части Непрядвы // Куликово поле: Материалы и исследования. М. (Труды ГИМ. Вып. 73).

Чернов С.З., 2000. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже // РА. № 1.

С.В. Шполянский

Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у села Ознобишино в Подмосковье

Среди нескольких сотен средневековых сельских поселений, известных к настоящему моменту в Москворецком регионе, наиболее многочисленную группу памятников составляют незначительные по площади селища со слабо выраженным культурным слоем. Постоянно привлекаемые в качестве одного из основных объектов изучения в работах, посвященных исследованию структур расселения, подобные памятники, интерпретируемые обычно как остатки небольших ("малодворных") деревень, крайне редко подвергаются масштабным археологическим раскопкам. Выделяя малодворные деревни в особый тип поселений, исследователи, как правило, при археологических исследованиях ограничиваются шурфовкой селищ с целью получения керамической серии, необходимой для их датировки, основную роль в своих рассуждениях отводя вопросам социальной интерпретации памятников и особенностям процесса формирования структур расселения (*Юшко*, 1997. С. 86; *Чернов*, 1991). Особенно ценными, с этой точки зрения, считается изучение поселений, упоминаемых в письменных источниках, что открывает широкие возможности отождествления обнаруженных памятников с конкретными населенными пунктами, уточнения их хронологии, в конечном итоге, возводя такие работы в ранг историко-археологических исследований (*Чернов*, 1992. С. 18 – 23).

Такой подход, в сочетании с методикой "сплошной" разведки (обследование всей гидросети, включая мелкие и мельчайшие овраги и неровности рельефа, а также водоразделов, использование аэрофотосъемки с целью выявления лесных селищ, поиск остатков древних дорог, прудов, полей и других следов человеческой жизнедеятельности с использованием различных естественнонаучных методов, изучение микротопонимики), дает возможность составить довольно полное представление о средневековой структуре расселения, особенностях формирования ресурсных зон поселений, ландшафтной ситуации, расширить проблематику исследований, связанных с характером хозяйствования, некоторыми частными моментами жизни отдельных поселений и региона в целом.

Сейчас, когда такие исследования проведены в различных районах средневековой Руси (*Макаров и др.*, 2001. С. 11), гораздо более явной представляется диспропорция между большим количеством открытых селищ и объемом проводившихся на них раскопок. Несмотря на то, что необходимость стационарного изучения селищ не вызывала сомнений, до начала 1990-х годов подобные работы были редкостью. Ситуация стала меняться в последнее десятилетие, когда начинают вводиться в научный оборот результаты работ по изучению обширных сельских районов Южной и Юго-Восточной Руси, где широкомасштабные разведочные изыскания сопровождаются планомерными раскопками сельских поселений большими площадями (*Гоняный*, 1990; 1993; *Гоняный, Гриценко*, 2000; *Тропин*, 1999; *Бэляэва, Кубишев*, 1995; Південноруське село..., 1997).

Изучение неукрепленных поселений Северо-Восточной Руси особенно активно развивалось именно в направлении комплексного исследования систем расселения (*Чернов*, 1991; *Макаров и др.*, 2001), и объемы проводившихся раскопок были несколько более скромными. Тем не менее, в последние 10 –15 лет активно изучаются древнерусские поселения в бассейне Шексны и на Кубенском озере (*Захаров, Макаров*, 2000; *Кудряшов*, 2000), довольно масштабные раскопки велись также и на некоторых памятниках в окрестностях Нижнего Новгорода и селищах Суздальского Ополья (*Лапшин*, 1985; 1989; *Лапшин, Мухина*, 1988; *Грибов*, 2000).

Однако в основном внимание исследователей вполне оправданно привлекают крупные поселения, относящиеся к числу административных, владельческих или торгово-ремесленных центров. Рядовые поселения, составляющие подавляющее большинство известных памятников, как правило, не вызывают особого интереса и рассматриваются как некий "фон" на котором существуют региональные центры.

Немногочисленные примеры целенаправленных раскопок незначительных по площади поселений, относятся, в основном, к лесостепным территориям в верховьях Дона, где Верхне-Донской экспедицией Государственного Исторического музея под руководством М.И. Гоняного и Тульской археологической экспедицией проводились исследования средневековых памятников района Куликова поля. Исследователи выделяли среди всего массива известных селищ памятники, которые интерпретировались как остатки специализированных сезонных поселков (всего около 20 из 250 известных), на трех из которых были проведены полномасштабные раскопки (*Гоняный, Шеков*, 1996). Наряду с исследованиями кратковременных сезонных памятников, особенно интересными представляются результаты раскопок селища Березовка 5, расположенного в низовьях р. Непрядва (правый приток Дона). Памятник представляет собой однодвор-

ное поселение, на котором, благодаря широкой раскопанной площади (1776 кв. м.), исследована планировка сельской усадьбы, изучен ремесленный гончарный комплекс (*Гоняный, Гриценко*, 2000. С. 144–165). Кроме исследований сезонных и малодворных поселений в верховьях Дона, изучение подобных памятников производилось еще на селищах бассейна средней Шексны, однако результаты этих работ пока не опубликованы.

Не вызывает сомнения, что изучение селищ, на которых располагалось не более 1–3 дворов, существовавших непродолжительное время, дает возможность получить узко датируемые материалы и, при наличии представительных комплексов, опираться на них при рассмотрении результатов исследований более сложных с точки зрения хронологической привязки и интерпретации памятников. Однако гораздо более значимой задачей выглядит изучение особенностей материальной культуры средневековых селищ, определявших своеобразие повседневного быта населения обширных сельскохозяйственных районов. С этой точки зрения результаты раскопок малодворных поселений представляются особенно важными, фиксирующими малозаметные нюансы жизни средневековых селений.

К настоящему моменту накоплено достаточное количество информации, позволяющее более или менее определенно говорить об археологических признаках различных типов сельских поселений (*Чернов*, 1991; *Гоняный*, 1998; *Грибов*, 2000). Среди основных параметров выделения малодворных деревень решающим является площадь поселений. Размеры памятников, интерпретируемых как деревни и сезонные сельскохозяйственные или промысловые поселки, на территории Северо-Восточной Руси варьируют от 200 до 7 тыс. кв. м, представляя собой ведущий тип селищ (от 66 до 85% от общего числа памятников). При этом селища, площадь которых меньше 800 кв. м рассматриваются преимущественно как разрушенные или представляющие собой сезонные промысловые или сельскохозяйственные поселения (*Гоняный*, 1998; *Грибов*, 2000).

Преобладание малодворной деревни как основного типа поселения особенно заметно во второй половине XIII–XV вв., когда, как считает С.З. Чернов, складывается рассредоточенная система расселения, возникшая в результате наделения каждого члена волостной общины индивидуальным земельным участком, осваиваются водоразделы, ранее не включенные в зону активной хозяйственной деятельности.

* * *

XIII век – время кардинальных перемен в жизни средневековой Руси, для археологов, занимающихся изучением средневековой деревни, выраженных в смене погребальных традиций, структур расселения, характера размещения поселений в рельефе, освоении новых территорий, многих других явлениях, которые изменили облик сельского поселения. Исследование памятников, относящихся к XIII столетию, затруднено переходным характером этого времени, отсутствием четких хорошо различимых ориентиров материальной культуры, позволяющих представить облик средневековой деревни в первые десятилетия после монгольского нашествия.

Основным критерием выделения поселений середины – второй половины XIII в. при проведении разведочных работ служит состав керамической серии, сходный с происходящим с домонгольских памятников, в сочетании с топографией селища и отсутствием в непосредственной близости от него курганного могильника. Общепринятая в настоящий момент датировка исчезновения курганного обряда в Москворецком регионе серединой XIII в., несмотря на некоторую гипотетичность (отсутствие каких-либо абсолютных дат), остается до сих пор основным хронологическим ориентиром для всего Верхнего и Среднего Поочья.

Впервые селища, сочетающие все эти признаки, подробно рассматривал С.З. Чернов при исследовании эволюции структур расселения волостей Радонежа, Вори и Кинелы, принадлежавших в первой половине XIV столетия московским князьям. В качестве топографических особенностей поселений второй половины XIII–XIV в. исследователь выделяет значительную (больше 100 м.) удаленность от естественных источников воды, сооружение искусственных водоемов, расположение памятников на склонах пологих холмов, округлую форму площади, на которой локализуется подъемный материал и которая соответствует кучевой застройке селища (*Чернов*, 1991, С. 118–119). Среди наиболее значимых моментов трансформации структур расселения С.З. Чернов отмечает появление четко выраженной закономерности тяготения групп мельчайших деревень к центральному более крупному поселению (*Чернов*, 1991. С. 125). При высоком исследовательском уровне проводящихся в районе средневекового Радонежа исследований, сравнительно небольшие объемы раскопочных работ не давали возможности полноценного изучения материальной культуры средневековой деревни, выявления особенностей ее развития.

Новый этап в изучении средневековых сельских поселений Москворецкого региона наступил с началом планомерных раскопок селищ, проводившихся экспедициями Государственного Исторического музея. Начиная с 1992 г., в окрестностях Перемышля Московского – одной из крупнейших крепостей на юге Московского княжества в XIV столетии, отрядом Верхнедонской археологической экспедиции ГИМ под руководством М.И. Гоняного, а с 1995 г. Подмосковным отрядом отдела комплексных археологических исследований ГИМ (руководитель С.В. Шполянский) проводятся раскопки целого ряда селищ второй половины XII–XV вв. Первоначально задачей этих исследований были охранные раскопки археологических памятников, попадавших в зону затопления Пахринского гидроузла. Впоследствии исследования выходят за рамки обычных охранных работ и ориентируются на наиболее полное изучение средневековых археологических памятников сравнительно небольшой территории в верховьях р. Пахры (правый приток Москвы-реки) и ее правобережья в бассейне р. Мочи.

Стационарным исследованиям предшествовали разведочные работы, проводившиеся с 1982 г. М.И. Гоняным по заданию Подольского краеведческого музея и ориентированные на выявление археологических памятников в пределах средневековой волости Перемышль, впервые упоминаемой в Духовных грамотах Ивана Калиты (*Гоняный*, 1998. С. 151–154). В основном район сплошного обследования территории, проведенного М.И. Гоняным, располагался севернее Перемышля Московского, в низовьях р. Мочи, и непосредственно в окрестностях крепости. Небольшие разведочные работы, направленные на выявление средневековых поселений на юге Перемышльской волости, в среднем течении р. Мочи в 10–15 км южнее городища, в 1997–1998 гг. проводятся автором настоящей статьи. В результате, сейчас в среднем и нижнем течении реки и на ее притоках известно 84 селища, 8 курганных групп и одиночных курганов. Большинство обследованных селищ относятся как раз к числу памятников, площадь которых не превышает 7 тыс. кв. м и, соответственно, могут быть интерпретированы как малодворные поселения.

Из 84 селищ, известных в бассейне р. Мочи, на 9 проводились раскопки, наиболее масштабными среди которых были исследования селища Ознобишино 5, расположенного в нижнем течении реки, на ее правом берегу, в 6 км к северу от Перемышля. Пойменное расширение в районе с. Ознобишино представляет собой один из наиболее насыщенных средневековыми поселениями и могильниками участков течения реки. Здесь на площади в 1,5 кв. км сосредоточено 11 археологических памятников – 3 курганные группы и 8 селищ, на трех из которых производились стационарные исследования.

Памятник был открыт в М.И. Гоняным в 1987 г., располагается на слабом возвышении первой надпойменной террасы правого берега реки, в приустьевой части оврага Костешевский (Змеевка). Селище располагается на левом берегу оврага, сейчас в низовьях совершенно запаханного, у вхождения его в пойму реки, которая ограничивает площадку поселения с севера (рис. 1). Юго-восточная граница памятника очерчивается по склону небольшого ответвления Костешевского оврага, входящего в него с юго-запада. Таким образом, границы поселения имеют достаточно четкую привязку к рельефу, и его размеры, очевидно, диктовались размерами площадки, с трех сторон ограниченной оврагами и поймой.

Охранные работы на памятнике проводились в течение трех лет (1995–1997 гг.). За это время площадь раскопа составила 1304 кв. м, охватив жилую, хозяйственную и производственную зоны селища, включая участки, не занятые усадебными постройками, что позволило проследить взаимное расположение различных сооружений и функциональных комплексов однодворного поселения. Общие размеры селища, судя по распространению на пашне подъемного материала, не превышали 1,5–2 тыс. кв. м. Учитывая приблизительность определения площади распахиваемых памятников, можно с большой долей вероятности утверждать, что раскопками была охвачена практически вся территория средневекового поселка, за исключением отдельных хозяйственных построек на его периферии. Культурный слой поселения нарушен многолетней распашкой, сохранившись в непотревоженном состоянии в заглубленных частях сооружений и естественных понижениях материка. Таким образом, постройки, располагавшиеся в пределах раскопанной площади, прослеживались в виде материковых ям различной глубины и конфигурации. Наблюдения за планиграфией поселения свидетельствуют об отсутствии значительных перестроек сооружений, что предполагает сравнительно непродолжительное время существования селища.

На селище было исследовано более 50 ям, представлявших собой остатки наземных построек различного назначения (рис. 2). Одним из самых сложных моментов исследования распахиваемых памятников является проблема интерпретации раскопанных объектов. В большинстве случаев обнаруженные заглубленные в материк остатки построек представляют собой не слишком выразительные конструкции, назначение которых остается неясным при рассмотрении их изолированно, без учета их расположения на территории усадебной застройки поселения. В пределах раскопанной площади, как уже сказано выше, было прослежено несколько функциональных комплексов сооружений. Под этим термином понимается компактное расположение или размещение в определенной системе объектов с близкой или смежной функциональной направленностью.

Жилая постройка располагалась в юго-западной, наиболее удаленной от склона оврага и речной поймы части раскопа. Она представляла собой наземную двухкамерную срубную конструкцию, прослеженную в виде двух крупных ям (4 × 3 и 4 × 4 м) глубиной до метра, подокруглой и подквадратной в плане формы (ямы 39, 51; рис. 2), сориентированных по линии северо-восток–юго-запад. Остатки печи, располагавшейся в пределах постройки, сохранились в виде скопления печной обмазки и обожженных камней в заполнении ямы 39. К востоку и северо-востоку от жилища располагалась хозяйственная зона памятника, которая маркировалась серией построек, читавшихся в виде ряда ям. Большинство из них имело подовальную или трапециевидную в плане форму, в двух случаях в дне ям прослежены остатки столбовых конструкций.

Жилая и хозяйственные постройки ограничивали по периметру подовальную в плане площадку, вытянутую с юго-востока на северо-запад размером около 25 × 15 м (350–400 кв. м), которую, вероятней всего, можно интерпретировать как усадебный двор. В южной его части, на площади чуть больше 100 кв. м, прослежена тонкая (не более 1 см) гумусированная прослойка с включениями золы и мелких угольков. В местах наиболее глубокой пропашки она практически полностью уничтожена и читалась в виде мельчайших вкраплений угля и золы в пахотном горизонте, кротовинах, и небольших пятен на материке. Зона распространения этой прослойки совпадает с местом наибольшей концентрации столбовых ям, которые являются, по-видимому, остатками легких столбовых конструкций, размещавшихся на территории усадьбы.

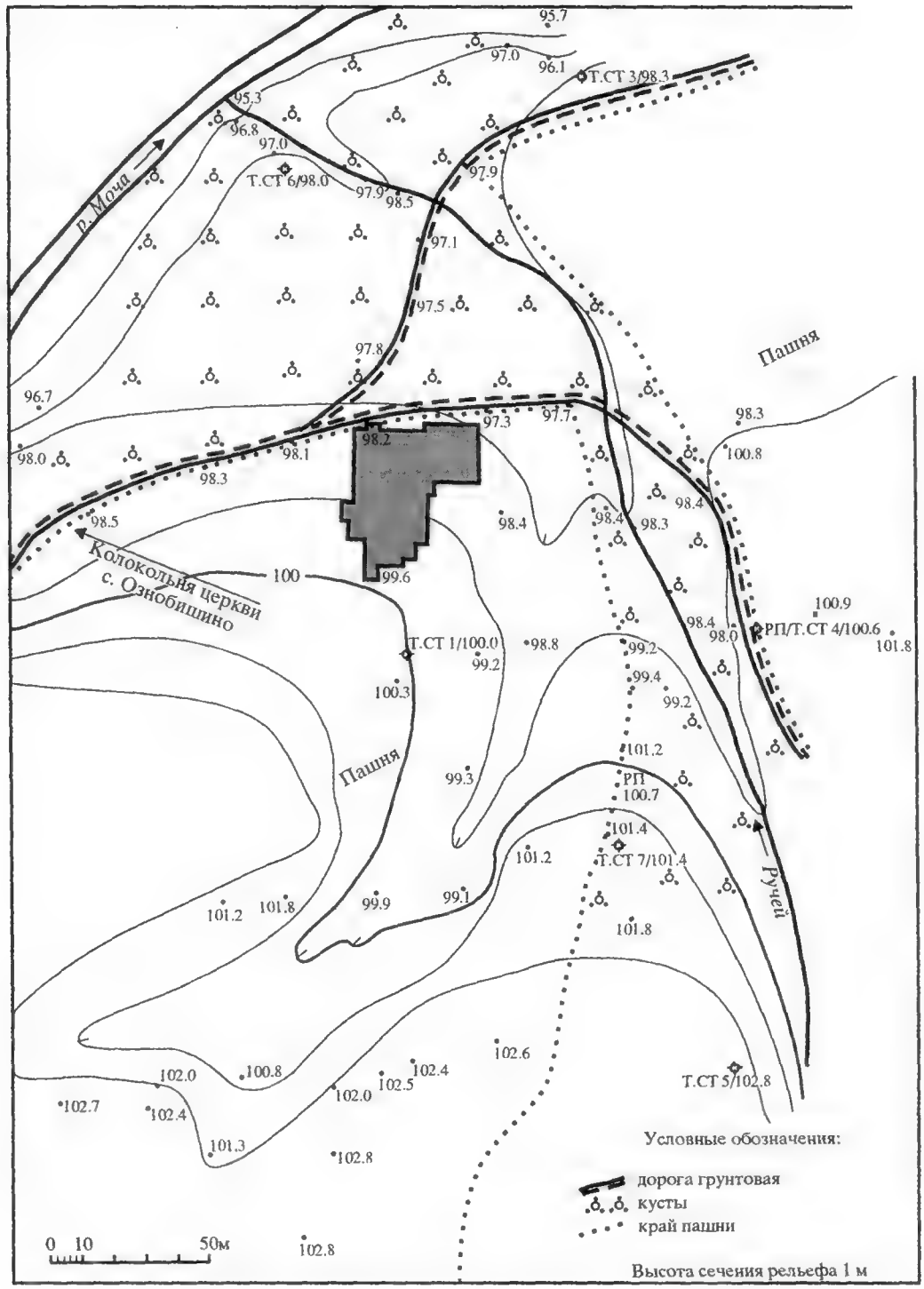


Рис. 1. Топографический план селища Ознобишино 5

На северной границе гумусированного пятна, практически в центре двора, размещалось сооружение, которое, скорее всего, представляло собой летнюю кухню – печь, размещенную под навесом. От собственно печи сохранилось большое количество пережженных камней, размещавшихся в подпрямоугольной яме размером 1,8 × 2 м со скругленными южным и восточным углами. Вокруг нее располагалось несколько столбовых ям, которые, по-видимому, являлись остатками легкой столбовой конструкции, несущей навес. Подобная печь, правда, без столбовых ям вокруг нее, возможно, размещалась за пределами двора, в пространстве, отделявшем жилую зону поселения от ее производственной и хозяйственной части. Здесь сохранилась только предпечная яма, заполненная золой, большим количеством пережженного печного камня и кухонными отходами.

К северу и северо-востоку от двора усадьбы по краю первой надпойменной террасы реки и на мысу, образованном Костешевским оврагом и речной поймой, размещался ряд хозяйственных построек, отделенных от комплекса двора почти не застроенным

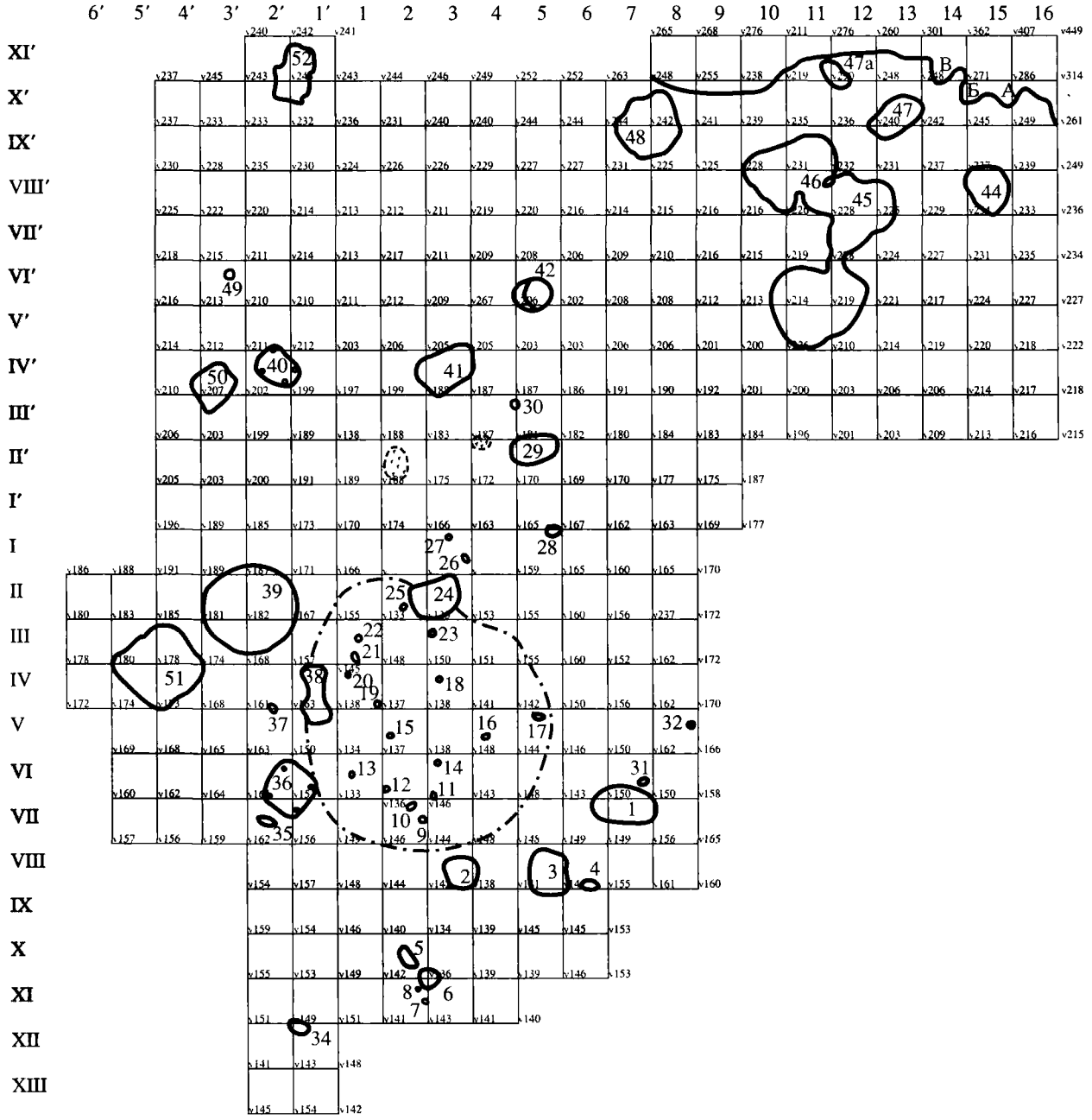


Рис. 2. Сводный план раскопов 1995–1997 гг. на селище Ознобишино 5

пространством шириной от восьми до двенадцати метров. Практически все постройки, расположенные здесь, были размещены вдоль берега, при этом наибольшая их концентрация наблюдалась именно в мысовой части.

Насколько можно судить по опубликованным материалам раскопок сельских поселений, подобная планировочная структура находит достаточное количество аналогий. Сельские усадьбы, сходные по размерам и характеру планировки, исследованы на древнерусских памятниках в окрестностях Ельца (*Тропин*, 1999. С. 77–78), Каневском Поднепровье (*Петрашенко*, 1995. С. 146–147), в районе Куликова поля (*Гоняный, Гриценко*, 2000. С. 145–146), где размеры усадеб, а точнее усадебных дворов колеблются от 250 до 800 кв.м. Вынесение за пределы дворовой застройки ряда хозяйственных сооружений также не является специфической особенностью исследованного селища. Всего же в пределах раскопанной площади на территории поселения исследовано восемнадцать построек и сооружений различного назначения, не считая столбовых конструкций.

Кроме этого, на северо-восточной оконечности селища в раскопе было обнаружено резкое понижение уровня материка, переходящее в крутой склон – очевидно, левый борт Костешевского оврага, в настоящее время в приустьевой части совершенно заплывшего в результате многолетней распашки. Перепад высот, по сравнению с остальной площадью селища, составляет здесь более двух метров. Заполнение ложа оврага представляло собой делювиальные отложения, содержавшие мелкие фрагменты керамики.

При разборке заполнения на глубине 3–4 пластов (0,6–0,8 м от поверхности), было обнаружено три скопления прокаленной глины, которые после расчистки были определены как гончарные горны с обвалившимися сводами.

Гончарные горны относятся к числу объектов, не часто встречающихся в процессе археологических раскопок. На сельских средневековых памятниках до сих пор они были известны только на поселениях лесостепной зоны, где селища XII–XIV вв. раскапывались большими площадями. На материалах этих раскопок исследователями были выявлены основные закономерности расположения производственных объектов в планировке сельских поселений, изучены конструктивные особенности сооружения горнов (*Гоняный, Кокорина Н.А., Свирина А.Б.*, 1993, С. 143–160; Південноруське село..., 1997. С. 41). Юзнобишинские горны, так же как и найденные на Дону и на памятниках Днепровского Левобережья, должны рассматриваться как свидетельство повсеместного распространения сельского гончарного производства. Сосуществование жилого и производственного комплексов на сельских памятниках – факт, свидетельствующий о разнообразии форм хозяйственной и производственной деятельности жителей средневековых деревень и не такой жесткой, как представлялось ранее, зависимости сельского населения от крупных ремесленных центров.

Датировка исследованного памятника в широких рамках определяется XIII в., и основывается как на вещевом материале, так и на довольно обширной керамической коллекции. Индивидуальные находки, которых обнаружено 151, представляют собой привычный для исследователей русского средневековья набор предметов бытового назначения и украшений. Состав вещей, использовавшихся в повседневной хозяйственной деятельности, не отличается значительным разнообразием, но, тем не менее, демонстрирует характерную картину наиболее универсальных и широко используемых в быту сельского населения категорий вещей.

Наиболее многочисленны ножи – их обнаружено 27 целых экземпляров и обломков лезвий, они присутствуют в большинстве сооружений, исследованных на селище и в пахотном горизонте, абсолютно все представлены черешковыми экземплярами с длиной лезвия от 60 до 110 мм. Функционально специализированных ножей на поселении не встречено, все они представляют собой хозяйственные универсальные орудия (*Колчин*, 1959. С. 54–56) В одном случае в широком черенке ножа, происходящего из ямы 43, прослежено отверстие для крепления рукояти, однако к числу ножей с пластинчатыми накладными рукоятями, исходя из формы черенка, его отнести нельзя. Еще один нож (яма 48) имеет немного опущенный относительно оси рукояти кончик лезвия, что, возможно, позволяет считать его близким по форме ножам для обработки дерева, однако изгиб лезвия слишком невелик, чтобы определенно говорить о его специальном назначении. Кроме собственно ножей, при раскопках поселения встречены костяная рукоять, украшенная циркульным и геометрическим орнаментом (рис. 3, *5*), происходящая из заполнения жилища (яма 39) и заглушка от наборной рукояти.

Вторую по численности категорию находок составляют пряслица, которых обнаружено 17 штук. Они, так же как и ножи, представлены как в комплексах сооружений, так и в переотложенном состоянии в составе пахотного горизонта. Значительное количество из них составляют шиферные пряслица (8 экз.), остальные изготовлены из известняка и глины. Пряслица из шифера относятся к числу находок, считающихся датирующими, прекращение изготовления которых обычно связывают с татаро-монгольским нашествием. Согласно хронологии новгородских древностей, использование шиферных пряслиц продолжается до конца XIII в., когда они полностью выходят из употребления, хотя резкий спад в их встречаемости в культурных слоях Новгорода фиксируется в начале XIII столетия (*Колчин*, 1982. С. 174). Все встреченные на селище шиферные пряслица имеют небольшие размеры (диаметром от 16 до 23 мм, при внутреннем диаметре канала 5–6 мм). На некоторых из них хорошо заметны следы изношенности, – например, на пряслице из ямы 24 со стороны внутреннего канала видны многочисленные следы от проточки нитью, такие же следы имеет и пряслице, происходящее из пахотного горизонта раскопа 1995 г., пряслице из ямы 29 имеет оббитый и неровный внешний край. Все это свидетельствует о долгом их использовании и возможном переживании основного периода бытования.

Среди других сравнительно массовых находок на селище заметное место занимают предметы рыболовства, представленные в основном глиняными грузилами, которых обнаружено 6 штук, в том числе 5 – в одной постройке (яма 48), а также рыболовным крючком, который, исходя из его размеров, предназначался для ловли некрупной рыбы. Достаточно часты (8 экз.) были находки предметов, которые можно связать с поясной гарнитурой, представленные в основном железными разделительными кольцами и обломками язычков от пряжек. Только в одном случае в заполнении ямы 39 была обнаружена прямоугольная бронзовая обоймица, украшенная литым рифленым орнаментом с внешней (лицевой) стороны рамки (рис. 4, *22*).

Цилиндрические замки представлены одним целым экземпляром (рис. 3, *12*), относящимся к типу Б по классификации Б.А. Колчина, происходящим из хозяйственной постройки на юго-западной окраине селища (ямы *5, 6*) и дужкой замка, найденной в заполнении жилища (ямы *39, 51*). Кроме этого, в том же сооружении, откуда происходят рыболовные грузила, найден ключ от замка типа Б. Предметов конской упряжи обнаружено только два – одно звено грызла (рис. 3, *6*) и крупное (диаметром 4,2–5,2 см) уздечное кольцо овальной формы. Двумя экземплярами представлены булавки для закалывания кудели (рис. 3, *9, 10*) – предметы хорошо известные по городским раскопкам, и, если судить по новгородским материалам, наиболее распространенные в слоях XIV столетия (*Колчин*, 1959. С. 105, 106). К числу находок, обычных для культурных слоев городов и редко

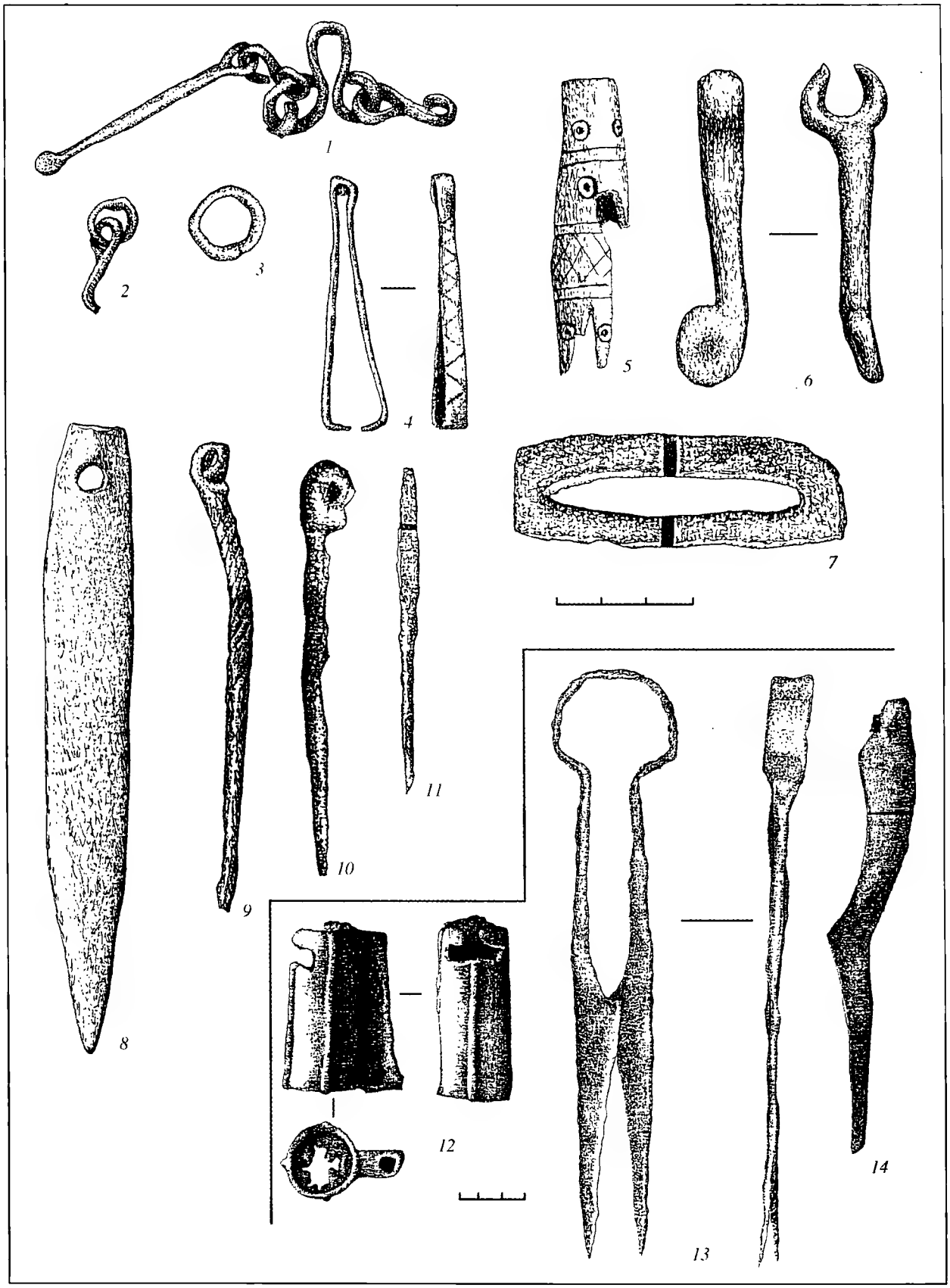


Рис. 3. Изделия бытового назначения и инструменты из черного металла и кости из раскопок селища Ознобишино 5

1–4 – набор ювелирных инструментов; *5* – костяная рукоять ножа; *6* – звено грызла кольчатых удил; *7* – овальное кресало; *8* – костяной кочедыг; *9, 10* – булавки для закалывания кудели; *11* – фрагмент инструмента (?); *12* – цилиндрический замок; *13* – пружинные ножницы; *14* – фрагмент серпа

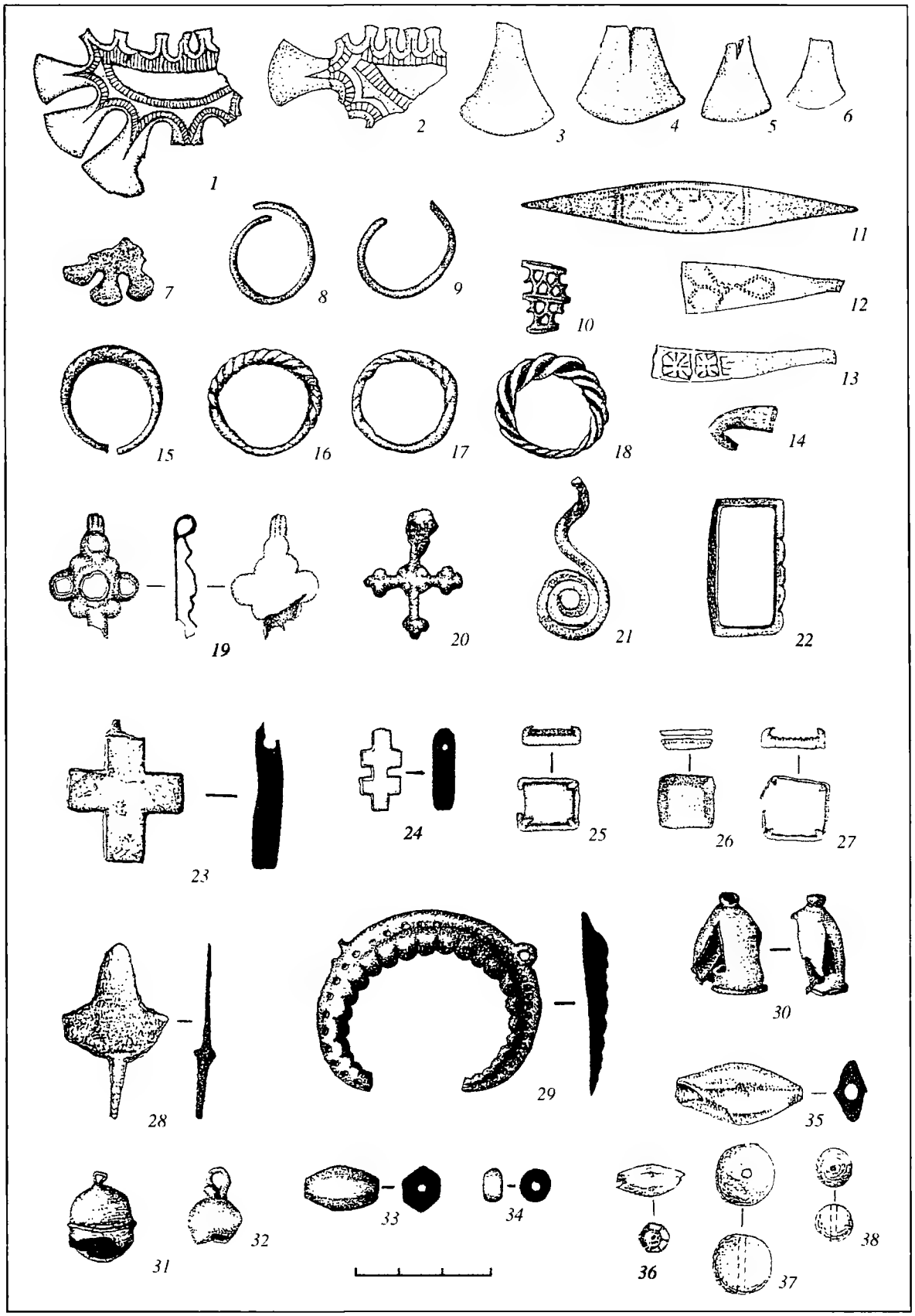


Рис. 4. Индивидуальные находки из раскопок селища Ознобишино 5 (украшения и предметы вооружения)

1–7 – фрагменты семилопастных височных колец; *8, 9* – перстнеобразные височные кольца; *10* – фрагмент решетчатого двухзигзагового перстня; *11, 12* – пластинчатые широкосрединные перстни с гравированным орнаментом; *13* – фрагмент литого перстня с рельефным геометрическим орнаментом; *14* – фрагмент стеклянного щиткового перстня; *15* – рубчатый перстень с разрубленным обручем; *16, 17* – ложновитые перстни; *18* – проволочный витой перстень; *19* – серебряный крест-

встречающихся при исследовании сельских поселений, относятся пружинные ножницы (рис. 3, *13*), найденные в яме 43, расположенной на северо-восточной окраине поселения. Здесь обнаружены одни целые ножницы длиной 255 мм и лезвие от ножниц, сохранившееся на длину 142 мм. Несмотря на то, что каких-либо функциональных различий в конструкции и форме пружинных ножниц не выделяется, по размерам найденные ножницы относятся к числу крупных и, по предположению Б.А. Колчина, могут быть отнесены к числу ремесленных инструментов (*Колчин*, 1959. С. 59).

Среди других найденных на селище вещей необходимо упомянуть о единственной находке сельскохозяйственного орудия – обломка лезвия серпа с черенком (рис. 3, *14*), который был обнаружен в заполнении ямы 29, расположенной в центральной части селища. Одним экземпляром представлены кресала (рис. 3, *7*) – находка происходит из заполнения жилища и относится к типу овальных коротких, начало бытования которых по новгородской хронологии древностей приходится на начало XIII столетия (*Колчин*, 1982. С. 163). Среди прочих единичных находок, важных для интерпретации памятника и заслуживающих отдельного упоминания, следует назвать находки костяного кочедыка (рис. 3, *8*), происходящего из комплекса жилища, однолучинного светца, который представлен более простой формой, чем та, которая известна по новгородским аналогиям (*Колчин*, 1959, С. 100. Рис. 83, *3*). Светец из Ознобишина представляет собой согнутый под прямым углом железный уплощенный кованный штырь, короткая часть которого, длинной 4 см, раздвоена и образует держатель для лучины, а длинная, размером 7 см, имеет слегка заостренное завершение для крепления в бревенчатой стене.

Единственной находкой, принадлежащей к предметам вооружения, встреченной при раскопках поселения, является наконечник стрелы (рис. 4, *28*) относящийся к типу так называемых "кунжутолистных" (тип 72 по Медведеву). Такие наконечники хорошо известны в восточноевропейских средневековых древностях, и появление их на территории Руси определенно связывается с татарским нашествием (*Медведев*, 1966. С. 78, 177).

Анализ состава находок бытового и хозяйственного назначения, происходящих с селища, дает возможность сделать некоторые наблюдения, касающиеся датировки памятника, однако наиболее информативны с этой точки зрения различные украшения, представленные разнообразным набором вещей, хронология которых разработана достаточно хорошо.

Большинство украшений, обнаруженных на селище, относятся к вещам, характерным для вятичского погребального инвентаря. Семилопастные височные кольца, представлены восемью фрагментированными находками, только в двух случаях полностью сохранился щиток и часть лопастей (рис. 4, *1–7*). По орнаментации и форме лопастей их можно отнести к числу развитых семилопастных височных колец, которые составляют большинство находок височных украшений в курганах, начиная со второй половины XII в. и вплоть до финала бытования вятичских древностей (*Равдина*, 1968. С. 136–140). Одна из находок, представляющая собой фрагмент щитка с тремя лопастями, принадлежит небольшому пятилопастному кольцу, остальные – это обломки дужек и лопастей секировидной формы, на некоторых из которых прослеживается орнамент. Кроме семилопастных височных колец, найдены фрагменты и два целых перстнеобразных колечка (рис. 4, *8, 9*), так же широко представленные в курганных древностях Москворецкого региона.

Наряду с височными кольцами довольно многочисленны находки перстней – их обнаружено 8, в том числе 5 целых (рис. 4, *10–13, 15–18*). Типологически наиболее ранней находкой является фрагмент литого перстня с рельефным геометрическим орнаментом. Характерные для погребальных комплексов вятичских курганов, эти перстни, по мнению Т.В. Равдиной, датируются третьей четвертью XII в. (*Равдина*, 1978. С. 133–138). В Новгороде подобные перстни относятся к 30–60-м годам XIII столетия, что, возможно, указывает на более широкие рамки бытования этого типа перстней (*Седова*, 1981. С. 131). Три перстня из восьми относятся к числу литых ложновитых и рубчатых, один из которых, происходящий из ямы 2, в нижней, наиболее узкой части обруча при использовании был намеренно разрублен, видимо, будучи слишком мал для одного из своих владельцев. Две находки представлены широкосрединными пластинчатыми разомкнутыми перстнями с гравированным орнаментом. По одному экземпляру обнаружены проволочный витой и решетчатый двухзигзаговый перстни. Все найденные перстни имеют многочисленные аналогии в курганных древностях Москворечья второй половины XII–XIII в., однако, некоторые типы перстней, возможно, продолжают бытовать и в более позднее время (*Лесман*, 1990. С. 48–55).

К числу украшений, хорошо известных по материалам раскопок курганов, относится обломок витого проволочного браслета (рис. 4, *21*), происходящий из комплекса жилища (яма 51), а также каменные бусы – шаровидные хрустальные и бипирамидальные

тельник с эмалью, изготовленный из двух тисненых половинок с остатками ткани внутри; *20* – литой крест-тельник с шариками ложной зерни на концах лопастей и в средокрестии; *21* – фрагмент витого проволочного браслета; *22* – бронзовая ременная обоймица; *23* – крест-тельник из серого шифера; *24* – янтарный шестиконечный крест-тельник; *25–27* – стеклянные вставки с бронзовыми оправами; *28* – "кунжутолистный" наконечник стрелы; *29* – железная орнаментированная подковообразная привеска; *30* – колоколовидная привеска; *31* – шаровидный бубенчик с рельефным пояском и линейной прорезью; *32* – шаровидный бубенчик с линейной прорезью; *33* – бипирамидальная сердоликовая бусина; *34* – стеклянная зонная бусина из непрозрачного желтого стекла; *35* – рыбовидная фиолетовая бусина; *36* – сердоликовая бипирамидальная бусина; *37, 38* – шаровидные хрустальные бусы

сердоликовые (рис. 4, *33, 36–38*). Кроме каменных бус на селище были встречены и стеклянные – фиолетовые рыбовидные, которых обнаружено две, и одна небольшая зонная бусина из непрозрачного стекла желтого цвета (рис. 4, *34, 35*).

Достаточно выразительна небольшая коллекция крестов-тельников, которых на селище найдено 4. Все они происходят из комплексов сооружений или из естественных понижений материка, в которых сохранился слой, не потревоженный распашкой. Два из них принадлежат к числу широко распространенных на территории Древней Руси и характерных для XII–XIII вв: это прямоконечный крест, размером 2,9 на 2,4 см., сделанный из серого шифера (рис. 4, *23*), и бронзовый крестик с шариками ложной зерни на концах лопастей и в средокрестии (рис. 4, *20*). Еще один крестик, обнаруженный на памятнике, имеет довольно узкий круг аналогий. Он шестиконечный, изготовлен из янтаря, имеет размеры 1,8 на 0,9 см (рис. 4, *24*). Единственная аналогия этому крестику известна из раскопок в Москве и, по мнению Р.Л. Розенфельдта, датируется послемонгольским временем, хотя авторы раскопок относят его к слоям первой половины XIII в (*Розенфельдт*, 1978. С. 205). Шестиконечный крестик, близкий по форме и размеру к янтарным крестам из Москвы и Ознобишина, изготовленный из кости, встречен при раскопках Переяславля Рязанского (*Судаков*, 1996. С. 179, 180). Последний из найденных на селище крестиков вызывает особый интерес. Это круглоконечный крест с выемками на окончаниях лопастей и в средокрестии, в которых сохранилась эмаль желтого цвета. Дополнительно средокрестие украшено четырьмя тисненными шариками, расположенными в основании лопастей. Он полый изнутри, изготовлен из двух спаянных между собой серебряных пластинок, внутри обнаружены остатки шерстяной (?) ткани (рис. 4, *19*).

Среди крестов-тельников, происходящих из раскопок средневековых памятников Древней Руси, аналогий этому крестику не известно, а наличие эмали, в сочетании с нехарактерной для курганных древностей техникой изготовления, позволяет предположить происхождение крестика из городских мастерских среднего Поднепровья или Византии.

К находкам, также не относящимся к числу широко представленных в материалах исследований курганных кладбищ Москворечья, относятся две парные стеклянные вставки, обнаруженные в заполнении ямы 37 (рис. 4, *25–27*). Вставки сходны по размерам и форме, изготовлены из прозрачного бесцветного стекла, каждая помещена в бронзовую оправу с четырьмя держателями – лапками по углам. Вставки имеют прямоугольную форму (размером без учета размеров оправы 11 на 9 мм) и состоят из двух частей: верхней, имеющей по верхнему краю наклонные фаски, и нижней, представляющей собой основание вставки. Между ними, вероятно, помещалась цветная прокладка или краска (*Седова*, 1981. С. 142; *Полубояринова*, 1991. С. 84, 110) однако сильная иризация стекла не позволяет это утверждать наверняка. Бронзовые оправы вставок имели орнамент в виде насечек по верхнему краю. В одном случае были прослежены остатки металлической пластины прямоугольной формы, на которую сверху напаивалась оправа со вставкой.

Исходя из того, что обе вставки практически одинаковы, и из условий их находки (в одном сооружении в непосредственной близости друг от друга), вероятней всего они представляют собой часть декора одного изделия, скорее всего браслета. Браслеты со стеклянными и каменными прямоугольными вставками на концах довольно редко встречаются в древностях Восточной Европы и связываются, как правило, с болгарской ювелирной традицией (*Седова*, 1981. С. 95. Рис. 34, *5а, б*, С. 97; *Носов, Овсянников*, 1997. С. 147–148; *Савельева, Истомина, Королев*, 1999. С. 336). Крепление вставок в оправе с помощью специальных держателей – лапок, или крапанов, по мнению М.Д. Полубояриновой, получило наибольшее распространение в XIV столетии (*Полубояринова*, 1991. С. 78), хотя встречается и раньше (*Седова*, 1981. С. 140–141). В новгородских материалах известен перстень, датируемый началом XIV в., со стеклянной вставкой, состоящей, как и ознобишинские, из двух половинок, которые были покрашены для придания вставке розоватого оттенка. Тогда же в Новгороде получают наибольшее распространение хрустальные вставки, состоящие из двух частей с цветной прокладкой между ними (*Седова*, 1981. С. 142).

Из находок, которые могут быть отнесены к более позднему времени, чем традиционно датируются курганные древности Москворечья, следует назвать еще шаровидный бубенчик с линейной прорезью и поперечным швом, изготовленный из двух тисненых половинок (рис. 4, *31*) и фрагмент щиткового стеклянного перстня зеленого цвета (рис. 4, *14*). Подобные бубенчики в Новгороде бытуют во второй половине XIII–XIV в. (*Седова*, 1981. С. 156), часто встречаются они и на золотоордынских памятниках (*Федоров-Давыдов*, 1994. С. 196, *Полякова*, 1996. С. 201–202). Стеклянные перстни западноевропейского производства появляются в городах средневековой Руси во второй половине XIII в. и продолжают бытовать на протяжении XIV столетия (*Колызин*, 2001. С. 84, 85).

Таким образом, вещевой комплекс поселения совмещает в себе находки, хорошо известные по раскопкам курганных могильников и городских слоев домонгольской поры, и отдельные вещи, характерные для памятников золотоордынской эпохи. При сравнительно непродолжительном времени существования поселения наиболее вероятной датировкой селища представляется вторая и третья четверти XIII столетия. Такую дату в какой-то мере подтверждают результаты спектрального рентгено-флюоресцентного анализа изделий из цветного металла, который был выполнен Р.А. Митояном в лаборатории рентгено-флюоресцентного анализа геологического факультета МГУ*. Результаты анализов были рассмотрены Т.Г. Сарачевой, которой были отмечены две четко выделяемые по составу сплавов группы вещей.

---

* Искренне признателен Р.А. Митояну за выполнение рентгено-флюоресцентного анализа находок, полученных при раскопках селища Ознобишино 5.

Из 36 проанализированных предметов 29 изготовлены из сплавов на основе меди, основными легирующими компонентами которых выступали олово и свинец, которые были ведущими на территории распространения вятичского набора украшений на всем протяжении их бытования. В Ознобишине из такого сплава были получены украшения, которые находят многочисленные аналогии в курганном материале. Семь предметов содержали в металле цинк, причем его содержание довольно высокое. Эта группа представлена находками производственного характера (пластины, выплеск металла), пуговицей и бубенчиком. Цинкосодержащие сплавы, по мнению Т.Г. Сарачевой, крайне редко встречаются среди вещей, происходящих из вятичских курганов, и характерны для изделий из цветных металлов второй половины XII–XIV в. В качестве особенностей ознобишенских находок было отмечено преобладание сплавов, в состав которых входят в незначительном количестве серебро и железо, что невозможно объяснить технологической спецификой изготовления вещей или изменениями внешнего вида изделий. Вероятней всего эти примеси попадали в сплавы меди с оловом, свинцом и цинком в результате смешивания лома во время переплавок, а не вводились преднамеренно. Аналогичные сплавы были отмечены Т.Г. Сарачевой для наиболее поздних погребальных памятников, содержащих вятичский погребальный инвентарь (грунтовый могильник Бутырки и курганная группа Бельково). При этом, находки с повышенным содержанием железа, происходящие с селища, не относятся, за исключением фрагмента витого браслета, к числу вещей, характерных для погребального инвентаря москворецких курганов.

Состав находок, встреченных на памятнике, отражает, по-видимому, тот период, когда так называемые "вятичские" древности, продолжая использоваться в быту, постепенно прекращают играть роль погребального инвентаря. Вопрос о времени прекращения использования их в повседневной жизни или, наоборот, о гораздо более длительном бытовании некоторых категорий вещей (например, перстней), чем они перестают использоваться в погребениях, до сих пор остается открытым. Несмотря на то, что курганный обряд постепенно исчезает из погребальной практики в XIII столетии, постепенно завершается процесс христианизации деревни, сложность и неоднозначность этого процесса выражается в некоторых деталях, которые наиболее рельефно выступают именно в материалах раскопок небольших поселений, не отражаясь в погребальном обряде и не прослеживаясь на материалах больших городов. С этой точки зрения особый интерес вызывают находки вещей, используемых в быту и выполняющих некую сакральную функцию. Кроме крестов, принадлежность которых к числу предметов сакрального назначения не вызывает сомнений, в одном комплексе с двумя из них – янтарным и бронзовым литым с ложной зернью – обнаружена железная (!) подковообразная привеска, изготовленная в технике ковки и украшенная рельефным и точечным орнаментом (*рис. 4, 29*). Аналогов этой находке ни в погребальных древностях региона, ни в материалах раскопок поселений пока не известно. Очевидно, эта вещь использовалась для повседневного ношения, вероятно на груди, подвешиваясь (или нашиваясь на одежду) за две симметрично расположенных петельки в верхней части изделия. Высокая техника исполнения в сочетании с материалом, из которого изготовлена привеска, говорит как о квалификации деревенских ювелиров, умеющих работать с различными материалами, так и явной потребности в вещах подобного рода, которые сложно связать с христианским мировоззрением.

Говоря об украшениях, интересно будет упомянуть о находке набора ювелирных инструментов, состоящего из пинцета и миниатюрной лопаточки, помещенных на одном держателе (рис. 3, *1–4*). По боковым сторонам пинцета была размещена инкрустация железной проволокой, образующая зигзагообразный орнамент. Еще один предмет, входящий в набор, был утрачен, сохранилось только S-видное звено цепи и маленькое колечко, на которое он крепился. Аналогичные наборы ювелирных инструментов известны из раскопок в Новгороде и Суздале. Новгородская находка датируется самым началом XIV столетия, состояла из шести различных предметов, два из которых были утрачены (*Колчин, Рыбина*, 1982. С. 221, 222). В суздальском наборе, который по форме держателя близок ознобишенской находке, сохранилась только миниатюрная лопаточка, которая была интерпретирована М.В. Седовой как копоушка (*Седова*, 1997. Рис. 69, *3*). Интересна также находка в заполнении ямы 36 вместе с фрагментом семилопастного височного кольца раздавленной колоколовидной привески (рис. 4, *30*), относящейся к древностям дьяковской культуры. Использование этого бронзового изделия в качестве украшения маловероятно – скорее всего, оно было предназначено для переплавки.

При рассмотрении результатов раскопок селища Ознобишино 5 достаточно четко проявляются особенности материальной культуры сельских поселений Москворечья в XIII столетии, несущей в себе явные следы "курганного" времени, и не подверженной еще изменениям, последовавшим в результате монгольского нашествия, как это прослеживается на материалах более поздних памятников этого же региона. Наличие на селище небольшого количества находок, относящихся ко второй половине XIII в., дает возможность уточнить датировку памятника и свидетельствует, по-видимому, о довольно позднем исчезновении из повседневного обихода вещей, связываемых обычно с курганной погребальной традицией.

Законченная планировочная структура селища, многочисленность различных по назначению построек, расположенных на территории усадьбы, демонстрируют вполне сложившийся тип поселения, представляющий собой основную хозяйственную единицу средневековой общины. Исследования Ознобишинского селища, наряду с прочими раскопками подобных памятников, отчетливо проявляют большое значение изучения малодворных поселений для составления полноценной картины повседневной жизни сельского населения средневековой Руси.

Сотни подобных поселков, разбросанных по всей территории Северо-Восточной Руси, не испытавшие прямого разгрома во время похода войск Батыя, во многом были залогом сохранения преемственности традиций древнерусской культуры и экономической основой для преодоления последствий татарского разорения.

Литература

Бэляева С.О., Кубишев А.І., 1995. Поселення Дніпровського лівобережжя X–XV ст. Київ.

Грибов Н Н., 2000. Структура русского расселения в Нижегородском Поволжье на рубеже XIV–XV вв. // Ежегодник: Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород.

Гоняный М И., 1990. Поселение древнерусского времени Монастырщина III на Верхнем Дону // Куликово поле: материалы и исследования. М. (Труды ГИМ. Вып. 73).

Гоняный М.И , 1998. Древнерусские поселения второй половины XIII–XV вв. в бассейне р. Лубянки на территории Перемышльской области // Археологический сборник. М. (Труды ГИМ. Вып. 96).

Гоняный М И., Гриценко В.П., 2000. Поселение второй половины XIII – начала XIV в. Березовка 5 на Куликовом поле // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула.

Гоняный М.И., Кокорина Н.А., Свирина А Б., 1993. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Средневековые древности Восточной Европы. М. (Труды ГИМ. Вып. 82).

Гоняный М.И , Шеков А В., 1996. Древнерусское гумно середины XIV в. в верховьях р. Вединец на Куликовом поле // Тез. докл. отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.

Захаров С.Д., Макаров Н А., 2000. Археологическое изучение северорусской деревни: первые итоги раскопок поселения Минино на Кубенском озере // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Доклады Международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории 11–14 мая 1999 г. Пушкинские Горы. СПб.

Коваленко В П., 1998. Типология и эволюция сельских поселений Чернигово-Северской земли (X – середина XIII в.) // Особенности Российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв.: Тез. докл. и сообщений XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М. Т. II.

Колчин Б А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.

Колчин Б.А , Рыбина Е.А , 1982. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.

Колызин А.М., 2001. Торговля Древней Москвы (XII – середина XV в.). М.

Кудряшов А.В., 2000. Средневековое поселение Октябрьский Мост на Шексне // РА. № 3.

Лапшин В А., 1985. Системы расселения в центральных районах Владимиро-Суздальской земли в X–XIII вв. и природный фактор // Человек и окружающая среда: в древности и средневековье. М.

Лапшин В А., 1989. Археологический комплекс у села Гнездилово под Суздалем // КСИА. Вып. 195.

Лапшин В.А , Мухина Т В , 1988. Раннесредневековый археологический комплекс у села Васильково под Суздалем // Проблема изучения древнерусской культуры. М.

Лесман. Ю.М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода // Материалы по археологии Новгорода 1988. М.

Макаров Н.А , Захаров С Д , Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.

Медведев. А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие: Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.

Носов Е.Н., Овсянников О.В., 1997. Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры: Археология, история, культура: Докл. российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. СПб.

Петрашенко В.А , 1995. Древнерусские поселения Каневского Поднепровья // Славянская археология 1990. Раннесредневековый город и его округа. Материалы по археологии России. М. Вып. 2.

Полубояринова М.Д., 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.

Полякова Г.Ф., 1996. Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков // Изделия из цветных и драгоценных металлов. Казань.

Південноруське село IX–XIII ст. Київ, 1997.

Равдина Т.В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.

Равдина Т.В , 1978. Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом // Славяне и Русь. М.

Розенфельдт Р.Л., 1978. Янтарь на Руси (X–XIII вв.) // Проблемы советской археологии. М.

Савельева Э А , Истомина Т В , Королев К.С., 1999. Пермь вычегодская // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.

Судаков В.В., 1996. Изделия из кости из Переславля Рязанского // Археологические памятники окского бассейна. Рязань.

Тропин Н.А., 1999. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец.

Федоров-Давыдов Г А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

Чернов С З , 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества в XII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. 1991. № 1.

Чернов С З , 1992. Традиции И.Е Забелина и программа историко-археологического изучения московских городских станов // И.Е. Забелин: 170 лет со дня рождения. М. (Труды ГИМ. Вып. 81). Ч. 2.

Юшко А.А., 1997. К итогам археологического изучения Москвы и Подмосковья // РА. № 4.

Л.А. Беляев

Стилевые элементы в материальной культуре XIII века

Эпоха XIII столетия в материальной и художественной культуре – одна из самых ярких, но отнюдь не самых цельных. Уже драматические события на средиземноморской и Евразийской сцене определили ее характер как переходный и противоречивый. Движение крестоносцев на Восток и по южному (через Византию и Палестину), и по северному (по землям Прибалтики) направлению впервые позволило "людям Запада" прямо и непосредственно соприкоснуться с восточно-христианскими традициями, а также способствовало распространению первых достижений европейской культуры. При этом было окончательно разрушено единство Византийской империи "среднего периода", распавшейся на несколько сравнительно небольших государств и вынужденной прибегнуть к своеобразной "православной реконкисте", бороться за объединение страны и возврат столицы в Константинополь. Чуть позже монголо-тюркское движение с Дальнего Востока по степной полосе Евразии до неузнаваемости изменило этнополитическую ситуацию в Восточной Европе, вызвав распад Древней Руси.

Эти события, естественно, привели к существенным изменениям в культуре (в том числе материальной), которые до последнего времени представляли как сугубо отрицательные. На передний план выдвигали такой признак, как "количественное" обеднение культуры в Восточной Европе и Византии: иссякание средств на масштабное, "большое" строительство и заказ дорогих художественных ценностей; разрушение торговых контактов; утрата сложных технологий. Качественные перемены видели в разрыве внутригосударственных связей и в общей "провинциализации" культуры: в Византии периферийные "малоазийские столицы" возобладали над Константинополем; на Руси северо-восточные земли были внутренне разобщены, оторваны от Европы и повернуты лицом к степному Востоку. На уровне художественной культуры такое развитие событий вело к упадку "больших стилей", к застою, к рождению эклектических направлений, основанных на смешении типологически разнородных элементов, случайно заносимых при массовых перемещениях.

Конечно, все эти явления характерны для XIII в. Но нельзя упускать из виду и важные позитивные тенденции: сохранение в изолированной, местной форме многих культурных традиций, генетически связанных с предшествующим этапом, с последующим переносом их в период нового расцвета, а также перспективу, открывшуюся для "периферийных" в недавнем прошлом зон культуры, например, Балкан: потеряв старого лидера в лице Византии, они высвободили энергию местного развития и обрели новые ориентиры в культуре западных соседей.

Руси были свойственны обе эти тенденции культурного движения, но до сих пор по-настоящему осознана только первая, "традиционалистская". Изучение второй заслонено идеей полной отгороженности от Запада в конце XIII–XV вв. и едва намечено. Не до конца осознан и тот, действительно решающий, стилевой перелом в древнерусской культуре, который уже шел в ней *независимо* от внешних вторжений, но при этом был связан именно с XIII в. Осознание этого принципиально важно для понимания всего дальнейшего пути русской художественной и материальной культуры.

Остановимся на этом несколько подробнее. Как известно, на XIII столетие в Европе пришелся распад старой "большой" художественной системы, романской, и зародилась новая, обладавшая таким потенциалом развития, который фактически открывал ей путь к культуре нового времени. Русские княжества в XII – начале XIII в. до известной степени участвовали в подготовке этого перелома. В их искусстве и культуре заметно не только знакомство с процессами, идущими на Западе, и не только стремление заимствовать оттуда отдельные новшества, но и близкие внутренние тенденции, позволившие когда-то поднять вопрос о "русской романике", далеко еще не решенный. В области архитектуры, прикладного искусства и даже, отчасти, живописи мы находим на Руси вполне внятные элементы общеевропейского "стиля 1200", позволявшие как-будто надеяться на дальнейшую переработку византийского наследия и местных тенденций в общеевропейском русле (например, проникновение "раннеготического" плана и конструктивных элементов в архитектуру западных княжеств, в Гродно, Полоцк, Смоленск, и др.; подробности и библиографию см.: *Беляев*, 2000а. С. 732–755).

Однако, как известно, ни сама Византия, ни входившие в ее культурный круг страны Балкан и Русь, не последовали за Западной Европой в готику. Они заимствовали из новой системы лишь те (незначительные по количеству) внешние элементы, которые удавалось "встроить" в местное искусство. Здесь

предпочитали периодически обращаться к пережиткам романики, иногда вплоть до конца XVI–XVII вв. воспроизводя элементы из их арсенала (например, в малых и крупных скульптурных формах, таких как ковчеги Благовещенского собора или рака царевича Дмитрия: Христианские реликвии..., 2000. Рис. 34, 35, 53). Этот "отказ от готики", по-своему логичный и неизбежный (см. ниже), имел существенные последствия не только для искусства, но и для развития техники. Не перейдя рубеж "стиля 1200", Русь была обречена на отставание и даже регресс инженерного и архитектурного искусства, на тупик, в конце которого маячила катастрофа московского Успенского собора 1473 г. Снова и снова будет Русь обращаться к Европе за помощью в технической и стилевой модернизации, но ни одна из попыток не обретет "системного" успеха до начала XVIII в.

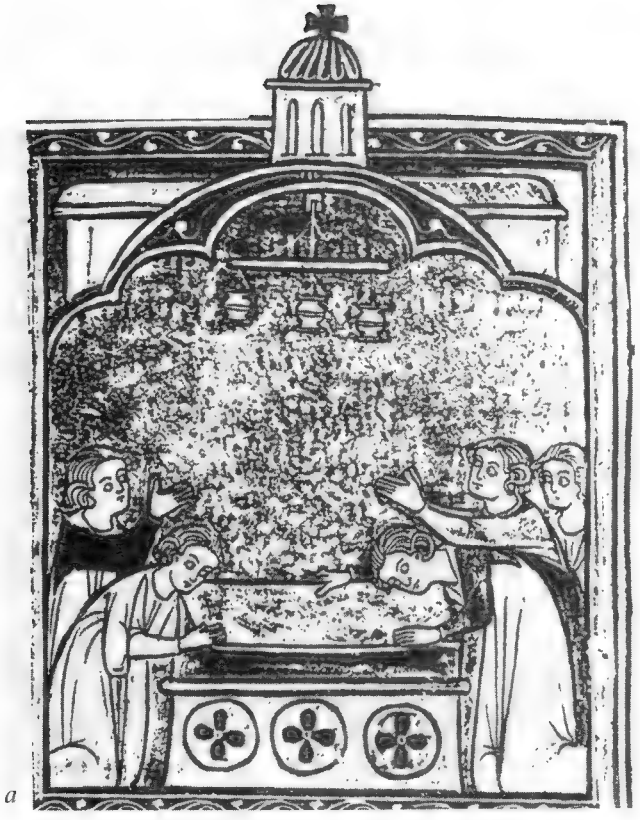
Почему же "стиль 1200" оказался для Руси непреодолимым рубежом? Можно говорить о глубокой укорененности здесь к XIII в. византийской церковной культуры, о неприемлемости для православных земель западных, католических форм церковного искусства, о тех различиях в ходе литургии, в характере почитания реликвий и в социальной организации церковного прихода, которые давно уже отразились в устройстве храма и литургической утвари. Но важно понимать, что неодолимым препятствием к участию в европейском культурном движении была уже сама "неевропейская" структура ремесленно-художественного производства на Руси. Лишенная важнейшей для Европы классической традиции, она была типологически однородна со средневизантийской, уже утратившей связь с позднеантичной системой. В ее основе лежала иная, достаточно отличающаяся от западной, система подготовки мастеров (см., например: *Ousterhout*, 1999). Здесь господствовала ремесленная группа (мастерская, "артель"), передававшая знания не путем специального системного обучения, но через участие в практическом деле, путем средневекового ученичества и "наследования" навыков.

Опираясь на такую систему, можно было принять участие в выработке местного варианта романики (в технологической основе своей также средневековой), но такой метод был совершенно недостаточен для усвоения (не говоря уже о включении в разработку) нового производственного процесса, выражением которого в архитектуре стала готика, требовавшая глубокого владения теоретическим инженерным расчетом.

В свете этого, резкий "поворот XIII века", грозивший крушением древнерусской культуры, и его долговременные последствия все менее выглядят функцией геополитических перемен (завоевания Византии, натиска крестоносцев в Прибалтике, нашествия с Востока). Появляется все больше аргументов в пользу изначальной заданности смены направления и темпа движения Руси.

Тем важнее изучить ранние попытки древнерусской культуры усвоить элементы культуры западноевропейской, начатые в XII и продолжавшиеся в XIII столетии. Некоторые из них до сих пор не оценены по достоинству (отчасти из-за сохраняющихся почвеннических представлений и откровенной слабости попыток продвигать исследования в этом направлении). Конечно, уже показана известная восприимчивость древнерусского церковного искусства XIII в. в отношении "западных" форм, особенно в области литургической утвари (например, выяснено, что "почти все дошедшие до XX в. ... памятники церковной утвари Владимиро-Суздальской Руси XII – первой трети XIII в. западноевропейского происхождения" (*Стерлигова*, 1993. С. 20)). Но это культурно-техническое взаимодействие все еще изучено недостаточно. Например, в области контактов Пскова и Новгорода XIII–XIV вв. с близкими соседями-крестоносцами: представления об их исключительно отрицательной роли, как постоянных военных противников, долго не позволяли разглядеть в зодчестве северных республик отчетливые прибалтийские (романо-готические) элементы. Тем не менее, первые шаги в этом направлении очень обнадеживают (см., например: *Седов*, 1997. С. 393–412). Появляются данные о возможном участии жителей Руси в походах крестоносцев на Ближний Восток или, по крайней мере, об их интересе к этому процессу; о проникновении на Русь с Запада реликвий Святой земли; об умножении хождений из северной Руси в Иерусалим; о знакомстве Руси с тем новым течением романо-готического искусства, которое возникло в Латинских королевствах в ходе знакомства западных мастеров с искусством ранней и средней Византии и, отчасти, ислама. Напомним хотя бы о поступавших с латинского Востока в XII–XIII вв. евлогиях святынь Иерусалима с церковно-архитектурной символикой, количество которых явно недооценивали до недавнего времени: от миниатюр и "карт" со схемами-видами города до монет и печатей крестоносцев, ампул, пряжек паломников и т.п.

Неоспоримые примеры проникновения объектов паломнического искусства на Русь – не только давно известные новгородские комплексы (см.: *Даркевич*, 1966; *Седова*, 1964. С. 334–335; 1994. С. 90–94). Они есть и на юге (паломнический комплекс с Большого Шепетовского городища: морская раковина-подвеска; бронзовая "ганзейская" чаша с изображениями пороков конца XII – первой половины XIII в.; реликвии Древа Креста и св. Стефана в серебряном цилиндрическом реликварии с латинскими надписями; нашивная бляшка с изображением Жен-мироносиц у Эдикулы; см.: *Пескова*, 1997. С. 48–50), и на Востоке Руси (нашивной крестик из средиземноморского перламутра, найденный в 2000 г. в Старой Рязани в районе Борисоглебского собора в слое конца XII в.). Русь была знакома не только с образцами нумизматики и сфрагистики и собственно паломническими, "портативными" предметами латинского искусства, но, возможно, также с фреской и скульптурой Палестины и Европы эпохи крестоносцев и с их миниатюрой, явно повлиявшей на сложение незнакомых в других областях древнерусской иконографии композиций, насыщенных персонажами и архитектурными подробностями. Влияние миниатюр "школы Акры" (поздний XIII в.) с их развитыми циклами из истории Святой земли (обязательные в "Истории деяний в заморских землях" Гийома Тирского и проникшие в "Псалтыри" сцены почитания Гроба Господня: *Buchthal*, 1957.



а

б

в

г

Рис. 1. Композиция с изображением Гроба Господня в искусстве крестоносцев на Руси

а–б – Пилигримы поклоняются Гробу Господню в Иерусалиме. Миниатюры в рукописи книги Гийома Тирского "История деяний в заморских землях", школа Акры, ок. 1290 г. (Флоренция, Медичи-Лауренциана, MS, Plu. LXI. 10. fol. 10r, 89r); *в–г* – Гроб Господень (обороты иконок XIV(?) в. из собр. ГИМ. *Николаева*, 1983. № 275, 192)

Pl. 130a, 135f; *Folda*, 1976. Ill. 23, 118, 126, 140, 148 – ср. Ill. 166, 179, 228) заметно в "многолюдных" композициях каменных иконок, центром изготовления которых был Новгород. Их устойчивые романо-готические, но с ощутимым привкусом византийского влияния, схемы могли легко реинтерпретироваться на Руси в своеобразные местные композиции (рис. 1, *а–г*).

Для нашей темы здесь важен не только факт контакта русских мастеров с западной иконографией XIII в., факт интереса к ней, но и сам метод этого контакта, который позволяет говорить о формировании приема "пастиччо", т. е. переноса деталей и групп из образца (обычно с полной утратой символики) для создании собственной, ранее в местном искусстве не существовавшей, композиции. Этот прием, типичный в практике художников с эпохи Возрождения, применялся уже мастерами готики, и установление знакомства с ним на Руси XIII в. может служить важным указанием на следование параллельным путем. Судя по материалам изучения одной из самых "западнических" иконографических композиций, сюжета "Гроб Господень", для формирования необходимых, но ранее не существовавших в Древней Руси схем применялось именно заимствование готовых групп, фигур и др. элементов, "собиравшихся" в искомую композицию (в более позднее время русские миниатюристы смело заимствовали группы из западных источников, используя метод пастиччо, что убедительно доказано Ю.А. Неволиным на материале Лицевого свода XVI в. Его выводы и библиографию см.: *Неволин*, 1996. С. 71–84).

Поскольку степень вовлеченности, пути знакомства и формы усвоения древнерусским искусством XIII в. новых западноевропейских мотивов исследованы недостаточно, дискуссия по поводу даже хрестоматийных памятников все еще необходима. Вернемся же к хорошо изученному кругу изделий, иконкам "Гроб Господень" с изображением Жен-мироносиц. Изначально сложились два взгляда на причины их появления. А.В. Рындина и во многом разделявший ее точку зрения В.Г. Пуцко полагали их "продуктом" живых контактов новгородцев с западным миром и связывали с хождениями в Святую Землю (*Рындина*, 1968; 1978. *Пуцко*, 1971. С. 87–90). Но этот взгляд, вызвав "почвенническую" реакцию, не сразу утвердился в науке. Т.В. Николаева считала сюжет южнорусским, выработанным на основе византийских образцов (*Николаева*, 1960. С. 36–37; 1983). Ее косвенно поддержала О.И. Подобедова, разбирая сюжет об иконке из Ярославля (см. ниже). Возможность развития мелкой пластики, рождающей схожую с романской иконографию "автохтонно", допускал и В.Н. Лазарев (1947. С. 51). А.В. Рындина особо подчеркнула включенность иконок в круг паломнического искусства, а В.Г. Пуцко в ряде статей усилил аргументацию их генетической связи с западной традицией и задумался над возможностью поиска идейного и иконографического источника в искусстве крестоносцев в области Латинских королевств (*Рындина*, 1994. С. 63–64; *Пуцко*, 1981; 1995. С. 159–184; 1998. С. 159–184). Вскоре был доказан прямой перенос конкретных деталей из романо-готических композиций XII–XIII вв., что попросту сняло вопрос о происхождении типологии изображений (*Беляев*, 1996. С. 16–19; 1999. С. 183–210; *Beliaev*, 1998. P. 203–219; *Lamia*, 2000. P. 1–41)[1].

Стало ясно, что, хотя они имеют новгородское происхождение, а по устойчивости и степени распространенности сюжета должны считаться явлением глубоко оригинальным и местным (в Византии сюжет "Гроб Господень" не был особенно популярен, а в искусстве Западной Европы резанные по камню иконки не имели широкого хождения), – культурно-исторически они связаны с двумя "внешними" факторами: развитием литургической драмы в Западной Европе и умножением паломничеств в Палестину.

Распространение их в Древней Руси, к сожалению, археологически не определено (подавляющее большинство введенных в науку иконок не имеет археологически подтвержденных дат), поэтому приходится опираться на косвенные соображения и стилевые признаки. Сейчас принята общая датировка иконок "Гроб Господень" концом XIII – началом XVI в., с пиком распространения в XIV–XV вв., в эпоху новгородской независимости (самые осторожные даты первых образцов не выходят из пределов XIII в.)[2]. Но логично предположить существование ранних прототипов для потока изделий, который заполнил примерно два – два с половиной столетия. Конечно, такой мотив, как тройная трансенна, не мог возникнуть на Руси раньше, чем он появился на Западе: вспышка "крестоносной" иконографии Гроба Господня и сюжета "Три Марии" фиксируется в Европе в первой половине – середине XII в. Однако рост интереса к этому сюжету в Новгороде практически синхронен: на начало XII в. приходится хождение игумена Даниила в Святую землю и привоз в Новгород "оконечной доски", а дата посторойки в Новгороде первого храма в честь Жен-мироносиц относится даже к концу XI в. Если думать, что первые иконки такого сюжета относятся только к рубежу XIII–XIV вв., то "запаздывание" новгородской иконографии потребует объяснения и вызовет общие сомнения в правильности дат, – тем более, что казавшаяся надежной датировка ряда известных памятников, связанных с "крестоносной иконографией", в последнее время меняется в сторону удревнения (например, складень мастера Лукиана: начала XIV в. вместо начала XV). Представляется, что со временем удастся отнести ряд образцов если не к позднему XII, то по крайней мере к раннему XIII в., удлинив на полвека или век время их существования.

---

[1] Недавно вышла статья Стивена Лэмайна, также посвященная иконографии трансенн Гроба Господня в романском и готическом искусстве Европы (*Lamia*, 2000. P. 1–41). В ней изложены выводы диссертации, написанной почти два десятилетия назад (*Lamia*, 1982). К сожалению, ранее им ничего не было опубликовано, и мне пришлось проделать ту же работу независимо. Выигрышным моментом стало взаимное пополнение корпуса и возможность сравнить выводы, оказавшиеся очень близкими.

[2] Разная оценка происхождения требовала разной хронологии – поэтому у сторонников византийского генезиса фигурировали предельно ранние даты, вплоть до X в. Шкала "западников", при известной разнице между датами Рындиной и Пуцко, более умеренна и не опускается ниже XIII в.

Рис. 2. Двусторонняя сланцевая иконка из Ярославского музея (ЯИАМЗ. № 7749)
а – Распятие с предстоящими; *б* – Гроб Господень

Кроме распространенности и сюжета иконок, их выделяет необычное для искусства византийского круга стремление к точному воспроизведению "архитектурной иконографии". Это позволяет трактовать их как особый тип икон/реликвий, заказ которых соотносим с европейской традицией воспроизводить детали палестинской "сакральной топографии" на родине заказчика, умножая таким путем количество святынь и символически заменяя паломничество (*Беляев*, 2000а. С. 94–110; 2000б. С. 78–81). Первейшей качественной характеристикой "реликвии" были точные и ясно исполненные детали, сообщавшие ей подлинность. Они хорошо работают и сегодня, помогая выявить художественные истоки произведения, понять замысел и метод художника, установить дату. Изучение ключевой детали композиции, "трансенны" Гроба Господня, показало, что именно на эти детали нужно опираться, идя от типолого-"археологического" анализа к эстетическому, богословскому и литературному толкованию, в противном случае потеря ориентации неизбежна.

Возьмем в пример оценку иконографического состава одного из ключевых объектов, десятилетиями дразнящего аппетит исследователей, – двусторонней иконки из собрания Ярославского музея (ЯИАМЗ, № 7749, см.: *Николаева*, 1983. № 286) (рис. 2, *а, б*). Внешнюю сторону иконки занимает Распятие, оборот – Гроб Господень сложной композиции, с тремя вводными элементами. Первый – редкая версия двойных замкнутых дверей "пещеры", которая изображена в виде отдельно стоящего "аркосолия" под небольшим сводом – должен послужить предметом особого разбора. Другой – фигурка ангела с рипидой (?) в центре сцены. Можно предположить, что ее появление отражает развитие позднесредневековых западных композиций "Воскресения", где вместо одного ангела вводятся два: второй обычно достает и показывает пелену, которой был обвит Иисус. Сам Христос часто присутствует в тех же сценах, восставая из гробницы со знаменем или крестом в руке. Пелена, которую ангел вытягивает из гробницы, хорошо видна на иконке, и непонятно, почему о ней не говорится ни в одном из предшествующих описаний: Т.В. Николаева ограничивается определением фигурки как ангела с рипидой; О.И. Подобедова отождествляет его с Христом (что лучше отражает странность композиции, но фактически неверно); А.В. Рындина принимает последнюю точку зрения (*Николаева*, 1983. С. 123; *Подобедова*, 1969; *Рындина*, 1978. С. 17)[3] (рис. 3, *а–г*).

Но сильнее всего запутан вопрос о вводном сюжете в правом нижнем углу иконы. Здесь видна группа из трех фигур: сидящей и двух обращающихся к ней

[3] Очень близка довольно популярная в европейской миниатюре композиция, где плащаницу из гроба поднимает Иоанн, позади которого стоит Петр (*Schiller*, 1971. S. 331. Fig. 58, 59; *Marks*, 1979; *Henry*, 1981. P. 124–128). Ангелы с саванами в руках особенно многочисленны в готической традиции, см. оборот Вердунского алтаря 1331 г., "Воскресение" (ок. 1350 г.) из Национальной галереи в Праге, и др. (*Zeit*, 1979. Abb. 2; *Mobius*, 1978. Abb. 147).

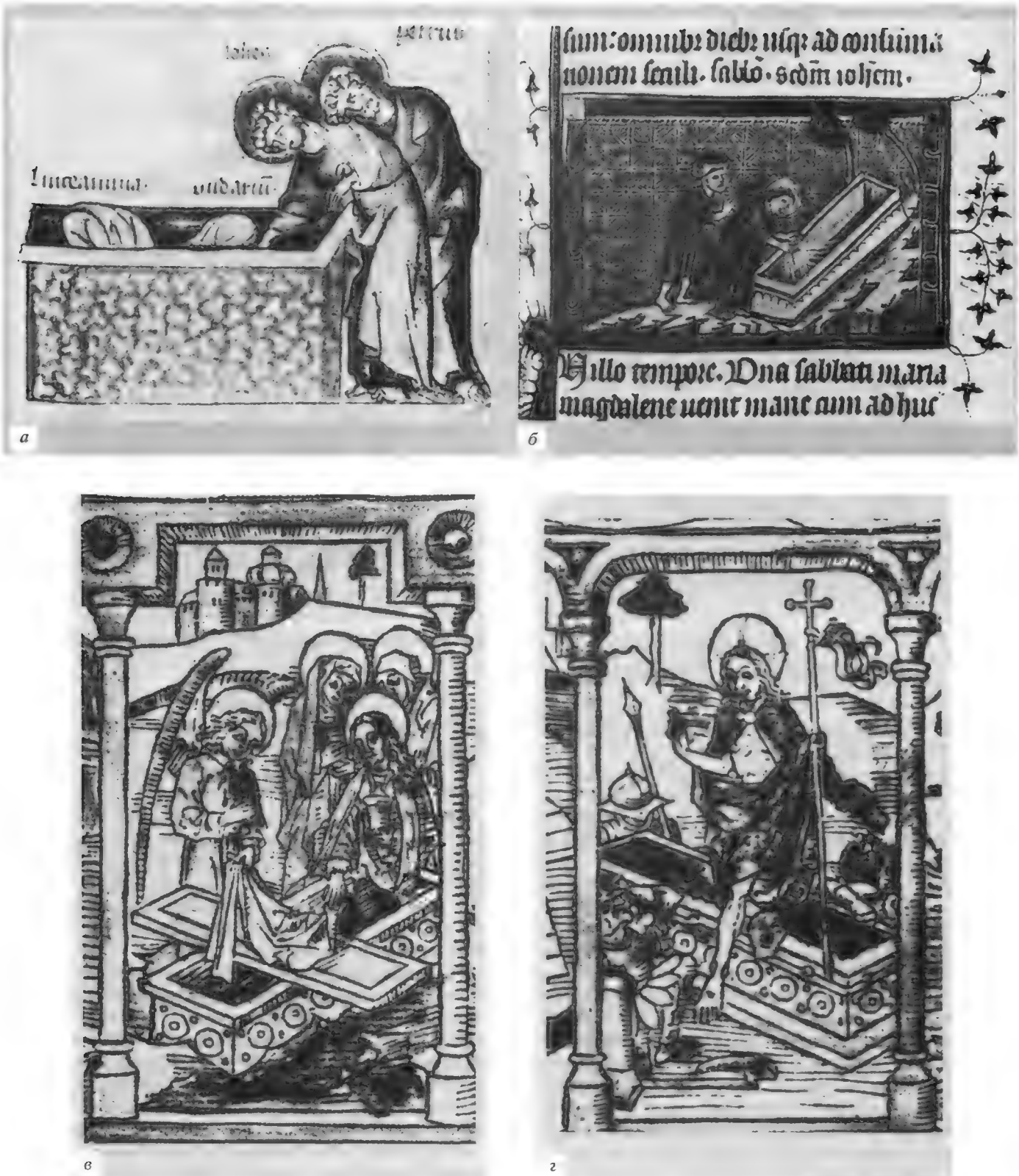


Рис. 3. Версии сюжета "Гроб Господень" в западноевропейской графике позднего средневековья

а–в – миниатюры "Петр и Иоанн находят плащаницу" из пассионала Кунигунды (Прага, 1314–1321) и Евангелия Куно фон Фалькенштайна (Трир, 1380) (*Schiller*, 1971. Ill. 58–59); *в–г* – Христос восстает из гроба ("Biblia Pauperum")

стоящих (они в высоких широкополых шляпах и одеждах с широкими рукавами (широких плащах?).

Этой сценой много занимались, и история ее изучения отразила перемены оценки западных элементов в российской науке. Первой отметив ее крайнюю необычность, А.В. Рындина верно указала на детали, родственные "паломническому искусству" (посох, шляпы, плащи). Она трактовала сюжет как паломнический и в сидящей фигуре видела персонификацию священной реки Иордан. Но "западническая" формула не была принята: опираясь на литургический текст XIII в., О.И. Подобедова прочла сцену как "Поклонение волхвов", куда довольно естественно вписывались и паломнические атрибуты. Если сюжет "паломники у Иордана" полностью выводил иконографию за пределы восточно-христианских тем, то новое чтение позволяло удержать ее в рамках византийского круга, отнеся необычные детали на счет внешних, необязательных заимствований, взятых для показа семантически важного и привычного православному заказчику эпизода Евангелия. Это чтение в целом приняла Т.В. Николаева, а после полемики и с рядом оговорок – и А.В. Рындина (по-прежнему настаивая на отождествлении сидящей фигуры с р. Иордан). Интересно, что О.И. Подобедова не использовала возможность поддержать свою гипотезу с помощью западных аналогий, хотя случаи прямого и сознательного композиционного сопоставления сцен "Жены-мироносицы" и "Дары волхвов" в романской иконографии известны[4].

Разночтения между трактовками остались в "мелочах": ни одна из фигур в сцене не имела нимба, что затрудняло прямое истолкование сюжета как священного. Кроме того, А.В. Рындина видела в руках у паломников узелки. Их же О.И. Подобедова трактовала как сосуды, а Т.В. Николаева – как весы[5].

Для выяснения *иконографических* странностей композиции решено было предпринять поиск прототипа в византийском, русском и европейском искусстве. Но полностью тождественной сцены найти не удалось[6]. Типологический обзор сулил просто бескрайние интерпретационные перспективы, и доказать, что какой-то конкретный сюжет привлекался как формальный (для "технического" построения композиции) или символический прототип было невозможно. Сцена не укладывалась целиком ни в одну из версий, чему могло быть много причин. Оказалась, что в числе их и простейшая: работавшие с иконкой ученые не только *трактовали*, но и *видели* изображенные детали неверно.

Пришлось вместо полемики с предшественниками просто проверить их наблюдения, чтобы получить возможность объективно судить о ситуации. Было получено достоверное изображение объекта – негатив с подлинника, позволивший распечатку нужного фрагмента с большим увеличением (за что выражаю глубокую признательность дирекции Ярославского историко-художественного музея). Результат сканирования воспроизводится в статье без ретуши, и читатель может, с поправкой на несовершенство полиграфии, проверить правильность наших наблюдений (рис. 4).

Дадим новое описание сюжета. Интересующая нас сцена занимает крайний правый угол иконки и потому видна не целиком: край обоймицы закрыл справа небольшую часть фигуры переднего "паломника" и

Рис. 4. Фрагмент композиции в сцене "Гроб Господень" на иконке из Ярославского музея. Многократное увеличение (ср. рис. 2б)

---

[4] На крышке переплета из музея земли Брауншвейг верхний и нижний фризы образованы двумя процессиями (*Goldschmidt*, 1926. № 57. Taf. 19). Одну образуют три мироносицы, медленно приближающиеся к сидящему на гробе ангелу (вверху, движутся справа налево), вторую – процессия трех королей, стремительно мчащихся во встречном направлении, к Богородице, протягивая дары к сидящему на ее коленях Иисусу. Сопоставление, кроме символического, просто напрашивалось композиционно, поскольку там и тут участвуют по три движущиеся единой группой фигуры с дарами в руках. Однако такие "общесемантические" схемы распадаются под давлением "мелких" деталей.

[5] О.И. Подобедова писала буквально следующее: "сложная многофигурная композиция: здесь и жены мироносицы, и сам Христос, восставший из гроба, и, наконец, совсем уже необычная группа – младенец, сидящий на пеленах, и старцы в высоких шапках, с посохами и сосудами в руках, склоняющиеся перед младенцем". Весы оставались уместны в сцене "Поклонения волхвов" как символ приносимых Христу ценностей (учитывая общий сюжет иконы, скорее всего благовоний). Другие примеры см. ниже.

[6] Подробности поиска и его результаты подробнее описаны в статье: Беляев Л.А. Пространство как реликвия: О назначении и символическом смысле каменных иконок Гроба Господня // Реликвии в искусстве и культуре восточно-христианского мира. М. В печати.

почти целиком – заднего (видна только его голова в шапке). Снизу обоймица изображения не закрывает, и ноги обеих фигур (сидящей и первого паломника) хорошо видны. Сидящий дан немного крупнее "паломника", но разница незначительна (нужно отметить, что персонажи главного сюжета изображены намного крупнее наших трех фигур). Седалищем служит невысокий табурет: видны вертикальные полоски рельефа, которые нужно трактовать как ножки, и край округлого (?) сидения. Оно покрыто тканью или шкурой животного: хорошо видны треугольные, разной ширины, свисающие края.

Эта мелочная инвентаризация дополняет прежние описания, но принципиально не противоречит им. Не то дальше. Толкование сцены и как "Поклонения волхвов", и как "Паломников у Иордана" наши предшественники строили на том, что тело сидящего обнажено. Но увеличение показывает иное: вдоль правой икры сидящего проложена дуга, охватывающая и ступню – это типичный прием изображения свисающего подола одежды. В ложбине между голенями отчетливо видны мелкие "скобки" отвисшей ткани. В углублении между предплечьем и грудью читаются два треугольника (широкобедренных). Дополнительные штрихи видны и под правой рукой, над бедром, причем рука ниже локтя кажется толще, чем следует. Взятые вместе, эти признаки неоспоримо доказывают, что художник изобразил здесь человека в свободной и длинной, образующей складки, одежде (хитон, тога?). На выступающих частях фигуры они, как и многое другое на иконе, просто стерлись, но сохранились в углублениях рельефа.

Не менее поразительный результат дает изучение головы. С первого же осмотра иконы оказалось очевидным, что сидящий – отнюдь не младенец. На макроснимке сквозь сильную потертость хорошо заметны: шапка длинных густых ("косматых") волос, открывающих высокий и широкий, с залысинами, лоб, и спускающихся на затылке ниже линии основания носа; средней длины борода, усы и глубокая носогубная складка. Менее уверенно можно судить об изображении глаз, но, кажется, они отвечают общему облику, поскольку сохранили выраженный "движок" под нижним веком. Перед нами – мужчина не моложе средних лет, а, скорее всего – старец. Нимба вокруг головы сидящего нет, что видно совершенно отчетливо.

По-другому, чем раньше, видятся и жесты. Правая рука сидящего свободно лежит вдоль тела, но в протянутой вперед левой он держит весы – примерно так, как держит похожие весы архангел в сцене взвешивания грехов в росписи ц. Спаса на Нередице (Фрески Спаса–Нередицы, 1925. Табл. LXXII, 1). Эти весы невозможно спутать с каким-то другим предметом, их тип известен по многим средневековым изображениям: две чашки на подвесках, соединенные коромыслом-вагой, укреплены на стержне. По-видимому, треугольчатая подвеска и чашки были когда-то "разделаны" штрихами, сейчас стертыми. Подчеркну, их держит именно сидящий, – хорошо видна его протянутая левая рука и кулак (читается на фото как кружок), в котором он сжимает вертикальный стержень весов. Весы изображены ближе к нему, чем к стоящему "паломнику". У последнего в левой руке недлинный посох (или иной подобный предмет), а правую он протягивает перед собой, к сидящему: ее раскрытая ладонь видна отчетливо. Руки второго "паломника" вообще не показаны, и, по композиции, не должны быть видны.

Трудно однозначно сказать, что именно происходит – передают ли весы из рук в руки, и кто именно – кому. Скорее можно понять жест "паломника" как приветствие или просьбу, а сидящего представить как спокойно занятого взвешиванием. Описание стоящих (вернее, может быть, "идущих", "подходящих") фигур, за исключением уже сказанного, не отличается от ранее публиковавшихся, поэтому его можно опустить. Остается добавить, что границу фрагмента образуют табурет, спина и голова сидящего, а левее и выше нее расположены (снизу вверх): ноги апостола Петра, припадающего к гробнице; колено и голень ангела, сидящего на камне и две крупные фигуры из предстоящих (их трактовка не до конца ясна). Таким образом, сцена явно выделена и замкнута в своем правом нижнем углу. (Ее уменьшенный масштаб и многочисленные европейские аналоги такого размещения не исключают трактовки как именной ктиторской композиции, – тем более, что на обороте изображено Распятие, и другого места для соименного святого найти нельзя).

Вооружившись новым описанием, предложим ряд поправок к трактовкам сюжета. Сидящую фигуру и раньше не легко было отождествить с младенцем-Христом: его отдельное, без Богородицы, изображение в сцене Поклонения волхвов является очень поздним нововведением; в малой каменной пластике Руси сюжет "Поклонение волхвов" почти неизвестен, а "Рождество Христово" встречается не часто (7 случаев), и сцены принесения даров не включает. Вновь прочитанные детали (борода, отсутствие нимба) решительно противоречат отнесению сцены к этому сюжетному кругу[7].

На первый взгляд, они меньше задевают трактовку сцены как прихода паломников к реке Иордан. Типологически сравнение не до конца закрыто: оно хорошо объясняет отсутствие нимба; сюжет "пилигримы у Иордана" распространился как раз в позднеготической европейской миниатюре и гравюре; персонификация реки в виде сидящего бородатого мужчины хорошо известна не только в период раннего христианства, но и в средневизантийский, – лицевые псалтыри наполнены антропоморфными изображениями Иордана, других рек и источников, морей и т. п. Но персонификация реки не объясняет такой атрибут, как весы, что сводит на нет ее вероятность.

Учитывая вновь выявленные детали и считая их существенными для атрибуции, можно предложить

[7] Возможность видеть здесь какую-то особую, уникальную трактовку сюжета "Поклонения волхвов" (тем более, что речь идет об очень позднем, по европейским меркам, памятнике) не закрыта полностью. Уже О.И. Подобедова вынуждена была относить "странности" композиции на счет творческого начала, т.е., по сути дела, на счет создания мастером новой, ранее не существовавшей иконографической версии, сочинения в стиле Andachtsbild. Но вряд ли такой подход позволяет выйти за рамки очень и очень гипотетического знания.

а

б

Рис. 5. Изображения иудеев в средневековом искусстве

а – св. Никодим и Иосиф Аримафейский в сцене "Миропомазание / Положение во гроб". Собор в Винчестере, роспись 1170–1180-х годов (*Park, Welford*, 1993. Fig. 10.3); *б* – апостол Павел спорит с иудеями (миниатюра Библии Манериуса, вторая половина XII в., по: *Garnier*, 1982. № 61); *в* – Аарон метит праведных. Подставка креста из аббатства Сенбертин, лиможская эмаль (*Husband*, 1992. Fig. 9); *г* – Захария в Храме. Миниатюра Госларского евангелия, XIII в. (*Buchthal*, 1979)

в *г*

Рис. 5. (окончание)

ряд направлений поиска. Прежде всего, увязка композиции с темой странствий напрямую порождена трактовкой двух стоящих персонажей как паломников. Конечно, их одеяния характерны для пилигримов и, несомненно, заимствованы из какой-то композиции, выполненной европейским мастером. Но все же такой убор в средневековой европейской иконографии близок и атрибутам иудеев. В обоих случаях очень существенны высокие округлые шапки-колпаки с широким, опускающимся краем; складчатые одеяния типа плащей и складчатые сапожки. Посох в сценах Ветхого завета встречался столь часто (у Моисея, Аарона и др.), что со временем стал довольно ясным атрибутом иудея. В древнерусской и византийской иконографии система атрибутов была иной, чем в европейской: иудеи изображались, как правило, вообще без шапок, но с посохами (хотя головные уборы "стражи-кустодии" на некоторых каменных иконках явно близки нашим). Мастер, не изучавший тему специально, при создании непривычной композиции или переносе ее с европейской миниатюры мог смешать вместе "признаки" иудеев и пилигримов[8] (рис. 5, *а–в*).

Если это так, то перед нами открывается возможность для трактовки "сцены с весами" в рамках евангельского рассказа о погребении и воскресении Христа. Весы, распространенный атрибут суда и судьи, могли быть усвоены Понтию Пилату (хотя для его иконографии они нехарактерны), а подходящие к нему люди с жестом обращения могут пониматься либо как испрашивающие тело Христа для погребения Иосиф Аримафейский и Никодим (Мтф. 27: 57–58; Мк 15: 43; Лк 23: 51–53; Иоанн 19: 38–39), либо как требующие у Пилата приставить стражу к гробнице первосвященники и фарисеи (Мтф. 27: 62–66). В обоих случаях атрибуты иудеев уместны, но в первом естественнее изобразить просителей с нимбами[9]. Вторая

[8] Ср.: *Garnier*, 1982. T. 1 Ill. 61, инициал Библии Манериуса, второй половины XII в., диспут евреев с апостолом Павлом (шляпы, плащи и посох); *Husband*, 1992. Fig. 9, подставка креста из аббатства Сен Бертин в музее Сент Омера (шляпы, плащи и сапоги) и др. Особенно важно изображение двух фигур в изножии сцены "Миропомазание и Положение во гроб" в капелле Гроба Господня Винчестерского собора, 1170-1180-е годы, где Иосиф Аримафейский и Никодим носят похожие головные уборы (*Park, Welford*, 1993. Fig. 10.3; ср. убор Захарии в сцене из Госларского евангелия: *Buchthal*, 1979. Ill. 21) и другие примеры средневековой иконографии евреев: *Revel-Nehkerz*, 1992; *Schreckenberg, Schubert*, 1992.

[9] См. сцены погребения Христа из византийских рукописей IX–X вв. в Хлудовской и Ленинградской псалтырях и др.; впрочем, в европейском искусстве нимбы довольно часто исчезали, например в сцене "Миропомазание"/"Положение во гроб" в капелле Гроба Господня Винчестерского собора, 1170–1180-е годы.

Рис. 6. Жены-мироносицы покупают пряности

а – южный фриз церкви Нотр Дам де Поммье (Pommiers, Beaucaire) (*Cook*, 1928. Fig. 52); *б* – рельеф капители из Модены, XII в. (*Cook*, 1928. Fig. 53)

трактовка более вероятна, ее дополнительно поддерживают замкнутые двери пещеры в противолежащем углу иконы[10].

Потребность включить в сцену "Жены-мироносицы" фигуру с весами в руках могла возникнуть у мастеров и при знакомстве с другими сюжетами европейской иконографии. Такая формально-символическая параллель, как сюжет "Мироносицы покупают пряности" (Лк. 16: 1), где весы являются важнейшим атрибутом, стала популярна на Западе с развитием литургической драмы, на рубеже романики и готики[11] (рис. 6).

Возможен и другой путь поиска: весы и взвешивание Библия постоянно использует для выражения понятия правды, справедливости, правосудия/неправосудия, греха/добродетели[12]. Как атрибут суда они

[10] О возможности видеть в сцене "Опечатанье гробницы" заявил И.Г. Пуцко (1998. С. 181, примеч. 5), но оснований не привел никаких, в то время как приложимость сюжета к изучаемой композиции далеко не очевидна.

[11] Например, известный рельеф на капители (чаше для святой воды?) из Модены, XII в. (*Schiller*, 1971. S. 326, Abb. 44; *Cook*, 1928. Fig. 53) и очень похожая сцена с южного фриза церкви Нотр Дам де Поммье (Pommiers, Beaucaire) (*Cook*, 1928. Fig. 52) – не будем забывать о несомненных архитектурных связях Ломбардии с Русью во второй половине того же столетия.

[12] (Симфония..., 1988. С. 316). В европейской теологии известно символическое сравнение весов с крестом. Они могут быть прикреплены к балке креста (южно-немецкая гравюра на дереве XV в.) В народных верованиях в образе весов могут быть представлены грешник и праведник. В иконографии Психостасии (взвешивания душ на Страшном суде) само взвешивание обычно вершит не Христос, а Михаил архангел или один из ангелов, – но верховным судьей, конечно, выступает Спаситель (чье участие могли обозначить изображением Спаса Еммануила над весами, которые держит архангел Михаил, как на иконе конца XIII в. в Национальном музее в Пизе, см.: *Лазарев*, 1986. Т. 2. Табл. 434). Его самого редко, но все же изображают с "весами правды", как напоминанием о Страшном суде: известны случаи, когда младенец-Христос играет ими, сидя на коленях у Марии (например, Абиссинский алтарь X (?) в. из Венского музея, см.: *Kretzenbacher*, 1958. Abb. 52). В позднем средневековье стало популярно изображение Христа, взвешивающего лекарства, в европейских андахтсбильдах

Рис. 7. Сцена "Пророк Иезекииль взвешивает волосы"

а – роспись церкви Марии ин-Космедин; *б* – Библия Роде (Париж, Национальная библиотека, MS lat. 6, fol. 45r, по: *Derbes*, 1995. Il. 3–4)

обычны у всевозможных аллегорий и персонификаций (Юстиция; Апокалиптический всадник с "мерой"). Толкуя сцену в аллегорическом ключе, можно предложить массу сюжетов, начиная с "загробного странствия"[13].

Конечно, для уверенного суждения необходимо найти точный иконографический прототип, и нет сомнения в том, что это со временем произойдет. Но и простое уточнение прочтения формальных элементов композиции открывает возможность дальнейшего исследования для тех, кто не хочет мириться с "приблизительностью" имеющихся трактовок: лучше осознать неполноту прочтения и продолжить поиск, чем тешить себя иллюзией раскрытия иконографической программы.

Проведенный поиск окончательно убеждает в том, что иконографические аналоги следует искать в той области, которая сейчас особенно активно изучается – в области "искусства крестоносцев" XII–XIII вв. Его важнейшее качество, совмещение черт Запада и Востока, своеобразный "романо-византино-готический" стиль, мог оказаться близким пограничному Новгороду – и в переносном, и в прямом смысле слова. Ведь его положение и связи позволяли легко знакомиться с "новинками" иконографии крестоносцев из первых рук – как в Святой земле, так и, возможно, в соседней Прибалтике.

(сюжеты "духовная аптека" и т. п.). См.: *Wormald*, 1937–1938. S. 276–80; *Snyder*, 1957; *Haussermann*, 1962; *Vieweg*, 1962; *Knuttel*, 1966. P. 245–58; *Beitel*, 1967.

[13] Версия: души, изображенные как паломники, подходят к судье, держащему в руках весы, требует обращения к области "народной религии", где странствие душ хорошо известно, или европейского предвозрождения (если видеть в сцене какую-то переработку из античной мифологии с ее загробными судьями душ). Но все это выведет из области христианской иконографии, что было бы явно преждевременно. Лучше вспомнить о целом наборе "экзотических" сюжетов, включающих сцены взвешивания, некоторые из которых в эпоху крестовых походов читали как предвещение падения Иерусалима (например, "Пророк Иезекииль взвешивает волосы", см.: *Derbes*, 1995. P. 460–466 и др.) (рис. 7, *а*, *б*).

Литература

Беляев Л.А., 1996. Русское средневековое надгробие. М.

Беляев Л.А., 1999. Об источниках иконографии "Гроба Господня" в новгородской пластике XIII–XV вв. // Славяноведение. № 2.

Беляев Л.А., 2000а. Общеевропейские элементы в древнерусском искусстве X–XIII вв. // Из истории русской культуры. М. Том I: Древняя Русь.

Беляев Л.А., 2000б. Гроб Господень и реликвии Святой Земли // Христианские реликвии в Московском Кремле. (каталог выставки). М.

Беляев Л.А., 2000в. Архитектурный образ как реликвия: (О древнерусских каменных иконках с изображением "Гроба Господня") // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. М.

Даркевич В.П., 1966. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе X–XIV вв. М.

Лазарев В.Н., 1947. Искусство Новгорода. М.; Л.

Лазарев В.Н., 1986. История византийской живописи. Т. 1–2. М.

Неволин Ю.А., 1996. О влиянии идеи "Москва – третий Рим" на традиции древнерусского изобразительного искусства // Искусство христианского мира. М. Т. I.

Николаева Т.В., 1960. Произведения мелкой пластики XIII–XVI веков в собрании Загорского музея: Каталог. Загорск.

Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня. М.

Пескова А.А., 1997. Паломнические древности в древнерусском городе // Ладога и религиозное сознание: Материалы к Третьим чтениям памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 20–22 декабря 1997). СПб.

Подобедова О.И., 1969. К вопросу о поэтике древнерусского изобразительного искусства (распространенные сравнения в памятнике мелкой пластики XIII в.) // Старинар. Београд. Кн. XX.

Пуцко В.Г., 1971. Каменные иконки и кресты в Ростове Великом // Byzantinoslavica. Prague. T. 32.

Пуцко В., 1981. Крестоносцы и западные тенденции в искусстве Руси XII – начала XIV в. // Actes du XVe Congres International d'etudes byzantines, Athens-1976. Athens. T. 2.

Пуцко В.Г., 1995. Сюжеты новгородских каменных икон // Церковная археология: (Материалы 1-й Всероссийской конференции). СПб.; Псков. Ч. 2.

Пуцко В.Г., 1998. "Гроб Господень" в каменной пластике средневекового Новгорода // Православный Палестинский сборник. СПб. Вып. 98.

Рындина А.В., 1968. Особенности сложения иконографии в древнерусской мелкой пластике: "Гроб Господень" // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М.

Рындина А.В., 1978. Древнерусская мелкая пластика: Новгород и Центральная Русь XIV–XV вв. М.

Рындина А.В., 1994. Древнерусские паломнические реликвии: Образ Небесного Иерусалима в каменных иконах XIII–XIV вв. // Иерусалим в русской культуре. М.

Седов Вл.В., 1997. Церковь Николы на Липне и новгородская архитектура XIII в. во взаимосвязи с романо-готической традицией // ДРИ: Русь, Византия, Балканы: XIII век. СПб.

Седова М.В., 1964. Серебряный сосуд XIII в. из Новгорода // СА. 1964. № 1.

Седова М.В., 1994. Паломнический комплекс XII в. с Неревского раскопа // Новгородские археологические чтения. Новгород.

Симфония, или словарь-указатель к Священному писанию Ветхого и Нового завета. М., 1988. Т. I: А–Г.

Стерлигова И.А., 1993. "Потир Юрия Долгорукого" из Оружейной палаты Московского Кремля // Декоративно-прикладное искусство. М. (ГММК МИИ. Т. IX)

Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925.

Христианские реликвии в Московском Кремле (каталог выставки). М., 2000.

Beitel K., 1967. Christus als Apotheker // Zur geschichte der Pharmazie: Geschichtsbeilage der Dt. Apotheker-Zeitung. 1967. Bd. 19. № 2.

Beliaev L.A., 1998. Russian pilgrims art from the 12th to the 15th century – archaeological elements and problems of Romanesque influence // JBAA. Vol. 151.

Buchthal H., 1957. Miniature Painting in the Late Kingdom of Jerusalem. Oxford.

Buchthal H.,1979. The "Musterbuch" of Wolfenbuttel and its Position in the Art of the Thirteenth Century. Wien.

Cook W.W.S., 1928. The Earliest Painted Panels of Catalonia (VI) // Art Bulletin. N.Y. Vol. X.

Derbes A., 1995. Crusading Ideology and the Fresces of S. Maria in Cosmedin // Art Bulletin. Vol. 77, № 3.

Folda J., 1976. Crusader Manuscript Illumination at Saint-Jean d'Acre, 1275–1291. Princeton.

Folda J., 1996. The Art of the Crusaders. Cambridge.

Garnier J., 1982. Le langage de l'image au Moyen Age. P. T. 1.

Goldschmidt A., 1926. Die Elfenbeinsculpturen. Berlin. Bd. 4: Aus der romanischen Zeit XI–XIII. Jahrhundert.

Haussermann U., 1962. Ewige Waage. Köln.

Henry A., 1981. The Living Likeness: The Frty-Page Blockbook "Bible pauperum" and the Imitatin of Images in Utrecht and Other Manuscripts // JBAA. Vol. 134.

Husband T.B., 1992. The Winteringham Tau Cross and Ignis Sacer // Metropoliten Museum Jornal. N.Y. Vol. 7.

Knuttel B., 1966. Spielende Kinder beim einer Herkilesgruppe // Oud Holland. T. 81.

Kretzenbacher L., 1958. Die Seelenwaage. Klagenfurt.

Lamia St., 1982. Sepulcrum Domini: the iconography of the holed tomb of Christ in Romanesque and Gothic art. Un. of Toronto (PhD, Unpublished).

Lamia St., 2000. Souvenir, synaesthesia and the Sepulcrum Domini: sensori stimuli as memory strategems // Memory and the Medieval Tomb. Burlington.

Marks R., 1979. The Galzing of the Collegiate Church of the Holy Trinity: Tattershall // Archaelogia. London. Vol. 106.

Mayer H.E., 1978. Das Siegelwesen in den Kreuzfahrerstaaten. Munich.

Mobius H., 1978. Passion und Auferstehung in Kultur und Kunst des Mittelalters. Berlin.

Ousterhout R., 1999. Master Builders of Byzantium. Princeton.

Park D., Welford P., 1993. The Medieval Plychromy of Winchester Cathedral // Winchester Cathedral: 1093–1993. Chichester.

Revel-Nehkerz E., 1992. The Image of the Jew in Byzantine Art. Oxford (Studies in Antisemitica).

Schiller G., 1971. Ikonographie des Christlichen Kunst. Gutersloh. Bd. 3.

Schiller G., 1972. Iconography of Christian Art. Greenwich. Vol. 2.

Snyder G., 1957. Wagen und Wagen. Ingelheim am Rhein.

Schreckenberg H., Schubert K., 1992. Jewish Historiography and Iconography in Early and Medieval Christianity. Minneapolis (Compendia Rerum Judicarum ad Novum Tastamentum).

Vieweg R., 1962. Mass und Messen in kulturgeshichtlichtliches Sicht. Würtzburg.

Weitzmann K., 1996. Die Byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrunderts. Wien. (Osterreich. Akad. der Wissenschaften).

Wormald F., 1937–1938. The crusifix and the Balance // Journal of Warburg: Zeit der Frühen Habsburger: Dome und Kloster: 1279–1379. Wien. Vol. 1.

Н.В. Жилина

Русская филигрань до и после татаро-монгольского нашествия

При первом рассмотрении русская домонгольская скань и зернь, с одной стороны, и русская филигрань XIV–XV вв. – с другой, – это два различных мира, которые практически невозможно сопоставить. Они представлены разными категориями древностей. Для домонгольского времени это в подавляющем большинстве украшения древнерусского убора из состава кладов. Для послемонгольского – предметы церковного культа и их оклады. Это подчеркивает наличие разрыва[1].

Б.А. Рыбаков отметил, что древнерусские зернь и скань "отмирают" после 1238 г. так же, как и перегородчатая эмаль. Возрождение скани относится к XIV в., зерни – к XVI в. Оба вида художественного ремесла оказались включенными в "мартиролог элементов русской культуры, погибших в результате татарского разгрома" (*Рыбаков*, 1949. С. 537). На основании письменных свидетельств и археологического материала Б.А. Рыбаков говорит о пленении русских ремесленников и использовании их в Золотой Орде. Единичные изделия XIII в. происходят из районов татарских кочевий, среди них – литейная форма для зерненого колта из Увека. Эти вещи, по мнению исследователя, выглядят как "воспоминание о киевских образцах", они грубей и небрежней по качеству. Приводится яркий факт, сообщаемый Плано Карпини, о русском золотых дел мастере Козьме, сделавшем ханский трон в Каракоруме. Отдельные факты о продолжающейся жизни русского ювелирного и златокузнечного ремесла вне Руси не меняют того страшного итога, что культура ювелирного дела на своей почве была "раздавлена". Разорение и иго повлекло забвение сложной техники ремесла, исчезновение ряда приемов и многих типов вещей во второй половине XIII в. (*Рыбаков*, 1949. С. 532–534; *Плано Карпини*, 1911. С. 57).

По мнению Т.В. Николаевой, произведений прикладного искусства сохранилось от порубежного времени крайне мало. Сказалось элементарное отсутствие драгоценных металлов. Но все же, владимиро-суздальское наследие сохранилось в культуре Московской Руси (*Николаева*, 1976. С. 20, 21).

На уровне более подробного изучения филиграни сложилась традиция рассматривать отдельно произведения двух периодов. Самому рубежу при этом не дается оценка. Исследователи в соответствии с разрабатываемой тематикой достаточно показательно разделяются по периодам.

Е.Ю. Новикова написала ряд конкретных работ по ранней зерни IX–X вв. (*Новикова*, 1993; 1999). Следующий период, связанный с формированием русского высокоразвитого филигранного ремесла – середина XI – первая треть XIII в. – стал первоначальной сферой моих исследований (*Жилина*, 1998; 1999). Но привлекала внимание и задача составить конкретное представление о переходном периоде к более поздним древностям. В этом помогло монографическое исследование "Шапки Мономаха" (*Жилина*, 2001а). Изучение русской регалии позволило стилистически и технологически оценить ряд важных для эпохи XIV–XVI вв. русских филигранных произведений.

И.А. Стерлигова, исследуя предметы христианского культа, выполненные в различных техниках художественного металла, а также драгоценный убор русских икон, затрагивает период XI–XIV вв. (*Стерлигова*, 2000). Многие стилистические черты древнерусского искусства периода золотоордынского ига сформировались в домонгольское время – в конце XII – начале XIII в. Среди них: отход от византийских прототипов, упрощение орнаментального оформления, ритмическая четкость, большее разнообразие мотивов. Оклады икон эпохи золотоордынского ига следуют традициям русского среброделия XII–XIII вв., но отражают и новшества византийского искусства палеологовской эпохи (*Стерлигова*, 1997. С. 126, 127).

В работах М.М. Постниковой-Лосевой и коллектива авторов подробно рассматривается только послемонгольский период, домонгольскому дана самая краткая и обобщенная оценка, по отношению к последующему периоду он выглядит как "доисторическое" время (*Постникова-Лосева*, 1974; 1981).

Оценить порубежный период для искусства филиграни удачней всего, проследив смену ее стилей, зафиксировав этап стилистического развития в XIII в. и уделив внимание категориям и типологическому составу предметов и технологии.

Зернь как орнаментальный прием наиболее удачно воплощает себя в линейно-геометрическом и геометрическом стилях. Эти стили уходят на второй план задолго до татаро-монгольского нашествия. Период X – начала XI в. считается взлетом искусства зерни, когда украшения с нею составляли элитарный убор (*Корзухина*, 1954. С. 64, 65). Но убор этот не был славяно-русским, он был общеславянским. Гроздевидные наушни-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Института Открытое Общество сети фондов Сороса, грант № 686/1999.

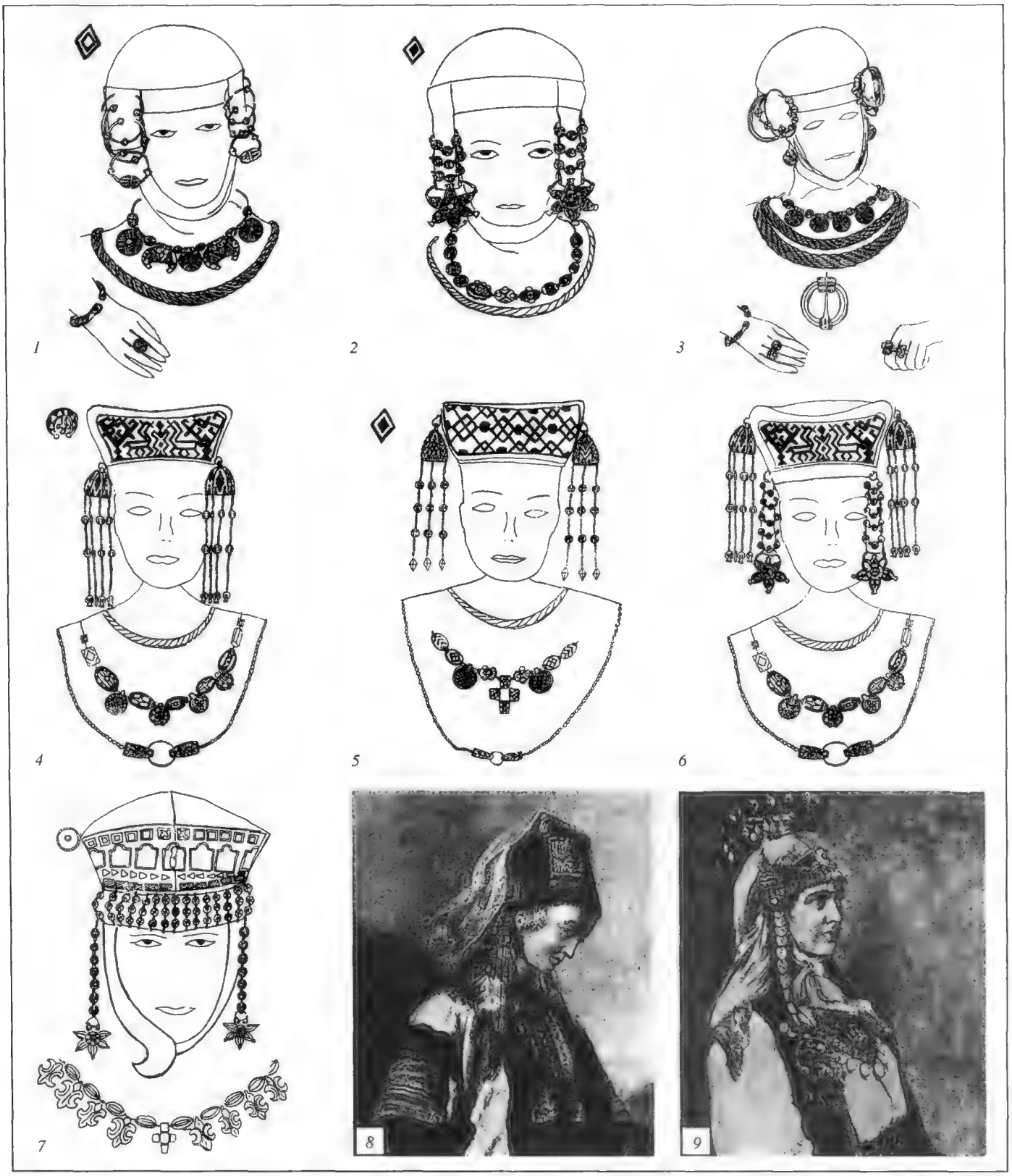


Рис. 1. Типологические варианты скано-зерненого убора древнерусского времени

1, 2 – с лентами-косами; *3* – с наушниками; *4, 5* – с ряснами; *6* – с лентами-косами и ряснами; *7* – с модифицированными колтами и дужками из трехбусинных колец в золотом "строгом" стиле; *8* – убор рязанской крестьянки с картины неизвестного художника XIX в.; *9* – народный костюм, Герцеговина, XIX в. (здесь и далее микрофото и прорисовки Жилиной Н.В.)

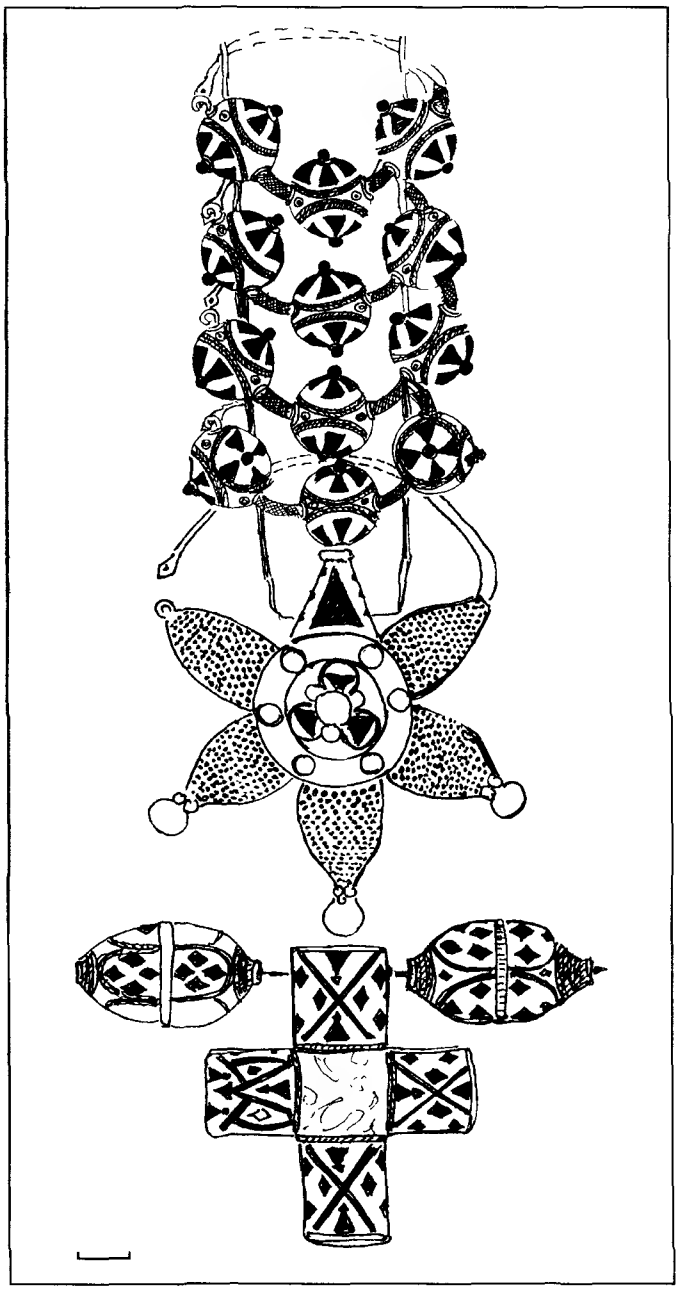


Рис. 2. Скано-зерненые украшения клада из Старой Рязани 1970 г.

цы вошли в убор знати в результате соприкосновения с мировой модой, идущей из Византии.

Судя по кладам XI – начала XII в., убор из украшений со сканью и зернью продолжает существовать и остается более дорогим на фоне украшений, выполненных в технике мелкопуансонной чеканки. Это убор более зажиточного населения, но, пожалуй, не княжеско-боярский. "Неясный" убор знати XI в. отразился в кладах, приуроченных по зарытию к дате 1238 г.: колоколовидные рясна, цепи со звериноголовыми наконечниками, архаичные варианты зерненых лучевых колтов. Эта группа кладов наиболее широка по хронологическому диапазону вещей и содержит существенный пласт архаики. Столь полное отражение материала вызвано глобальностью трагедии и волны страха, охватившего Русь.

Клады обеих хронологических групп, XI–XII и XII–XIII вв., позволяют понять состав традиционного русского металлического убора, и важно подчеркнуть, что он выполнялся в технике зерни и скани. Общая дата его распространения как основного – X–XI вв., в начале XII в. он уступает свою роль престижного, но как традиционный, народный, остается.

Состав подвесного яруса к головному убору сложен и сформировался постепенно. Ленты из височных колец, имитирующие косы, в дорогом уборе состояли из трехбусинных колец с конечной подвеской особой утяжеленной и красивой формы (рис. 1, *1, 2*). Лучевые зерненые колты на широкой дужке сформировались как один из вариантов такой подвески, по сути ничем не отличаясь от височного кольца (рис. 2). Некоторые варианты уборов имели укороченные жесткие детали-наушники, включавшие в свой состав те же кольца и колты (рис. 1, *3*). Колоколовидные или кистевидные рясна могли появиться как отдельные декоративные подвески после того, как завязывание частей головного убора стало реликтом (рис. 1, *4, 5*). Как показывают этнографические параллели, убору может быть свойственно как совмещение различных видов подвесок, так и преимущественно развитие одного из них (рис. 1, *6, 8, 9*).

В состав шейного яруса входили жесткие гривны-мониста из полусферических медальонов и лунниц с накладными полусферами, сложных фигурно-скульптурных лопастных бус; цепи со звериноголовыми наконечниками, крестики в серебряных оправах. Известны и украшения рук – скано-зерненые перстни с полусферическими щитками, браслеты со сканной перевитью.

В XI – начале XII в. распространены два очень близких по облику, типологии и семантике, но различающихся по стилю и технологии варианта убора. Во-первых, убор знати в архаическом стиле, с остатками сюжетных композиций на украшениях, которые можно связывать с языческими религиозными представлениями. Использовалась прогрессивная технология изготовления зерни с помощью штампованных заготовок, а также вальцованная филигрань, сделанная способом плотной навивки (рис. 1, *4*). Во-вторых, убор более широкого зажиточного населения в орнаментализированном линейно-геометрическом стиле (рис. 1, *5*)[2].

Уход скано-зерненого убора связан как с технологическими, так и со стилистичекими предпосылками. Зернь как основной орнаментальный прием со свойственными ему геометрическими стилями и сплошным покрытием поверхностей требовала изготовления большого количества гранул. Исследования показали, что зернь украшений киевского происхожде-

[2] Обоснование эволюционной линии развития древнерусского традиционного металлического убора предложено в работе по плановой теме, выполненной мною в Институте археологии РАН в 2000 г.: "Развитие скано-зерненого убора в XI–XIII вв.". В данной статье нет возможности привести полную аргументацию высказываемых тезисов.

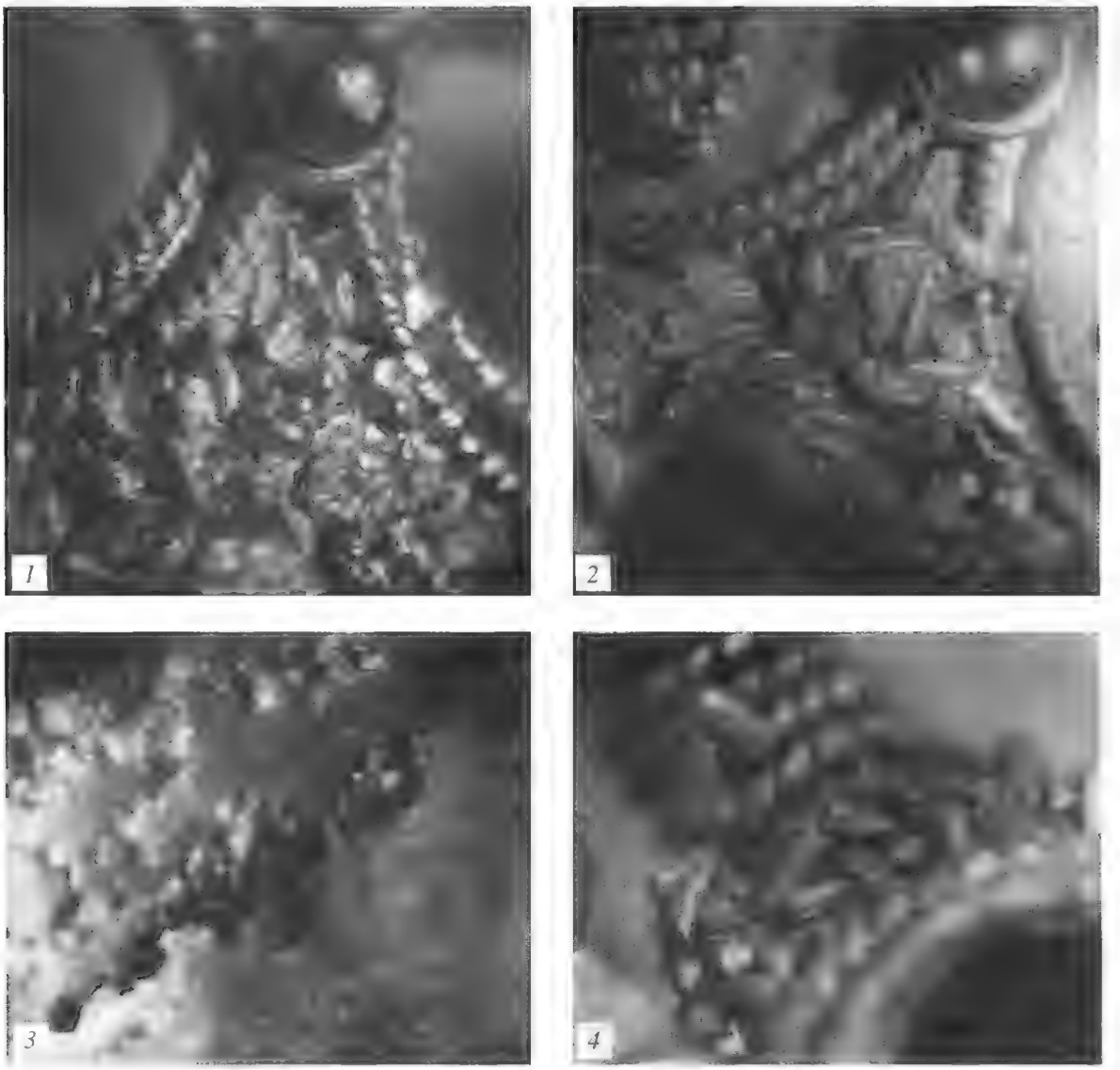


Рис. 3. Мелкие фрагменты металла и обрезки проволоки на швах древнерусских украшений

1, 2 – трехбусинные дужки из клада 1992 г. в Старой Рязани; *3* – колты из клада во Владимире 1837 г.; *4* – трехбусинные стержни из клада во Владимире 1896 г.

ния и более ранних типологических подразделений мельче. Вероятно, в конце XI–XII в. в качестве заготовок под гранулы использовались мелкие обрезки проволоки сечением 0,25 и 0,50 мм или фрагменты металла размером менее 0,5 × 0,5 мм (рис. 3). Такой метод не отдавал должное правильности и аккуратности каждой заготовки. Будущее было за способом, связанным с отдельным приготовлением индивидуальной заготовки для каждой гранулы, приобретающей более крупный и фиксированный размер.

Основа для развития зерни и в переносном и в буквальном смысле исчезала с развитием полуажурных и ажурных конструкций украшений, что было объективным процессом, связанным с требованиями паяния. Исчезает, постепенно урезаясь, металлическая пластина-основа, на которую должна напаиваться зернь.

Паяние стремится продемонстрировать собственные достижения – оно способно держать детали без основы, спаянными только между собой. Зернь мало приспособлена к ажурной конструкции, ее с блеском и эстетическим эффектом формирует скань. Остаются лишь одиночные гранулы, постепенно перестают применяться выкладки пирамидками.

Важную роль сыграло и вытеснение традиционного скано-зерненого убора византийским христианизированным эмалевым и филигранным, более ощутимое с середины XI в. и в течение всего XII в. В кладах XII–XIII вв. скано-зерненый убор уже на втором и даже на третьем плане после эмали и черни (*Седова*, 1958. С. 43; *Макарова*, 1997. С. 57, 58). Он является явной архаикой, преобразовываясь в связи с формами нового убора. В это время в элитарной филиграни господствуют иные стили. В украшениях золотого строгого стиля, связанного с перегородчатой эмалью, зернь не находит применения. Эстетический эффект создается блеском глади золота, "подающего" эмаль. Сканным бордюрам принадлежит роль лаконичного обрамления украшений и их частей. Вариант убора из

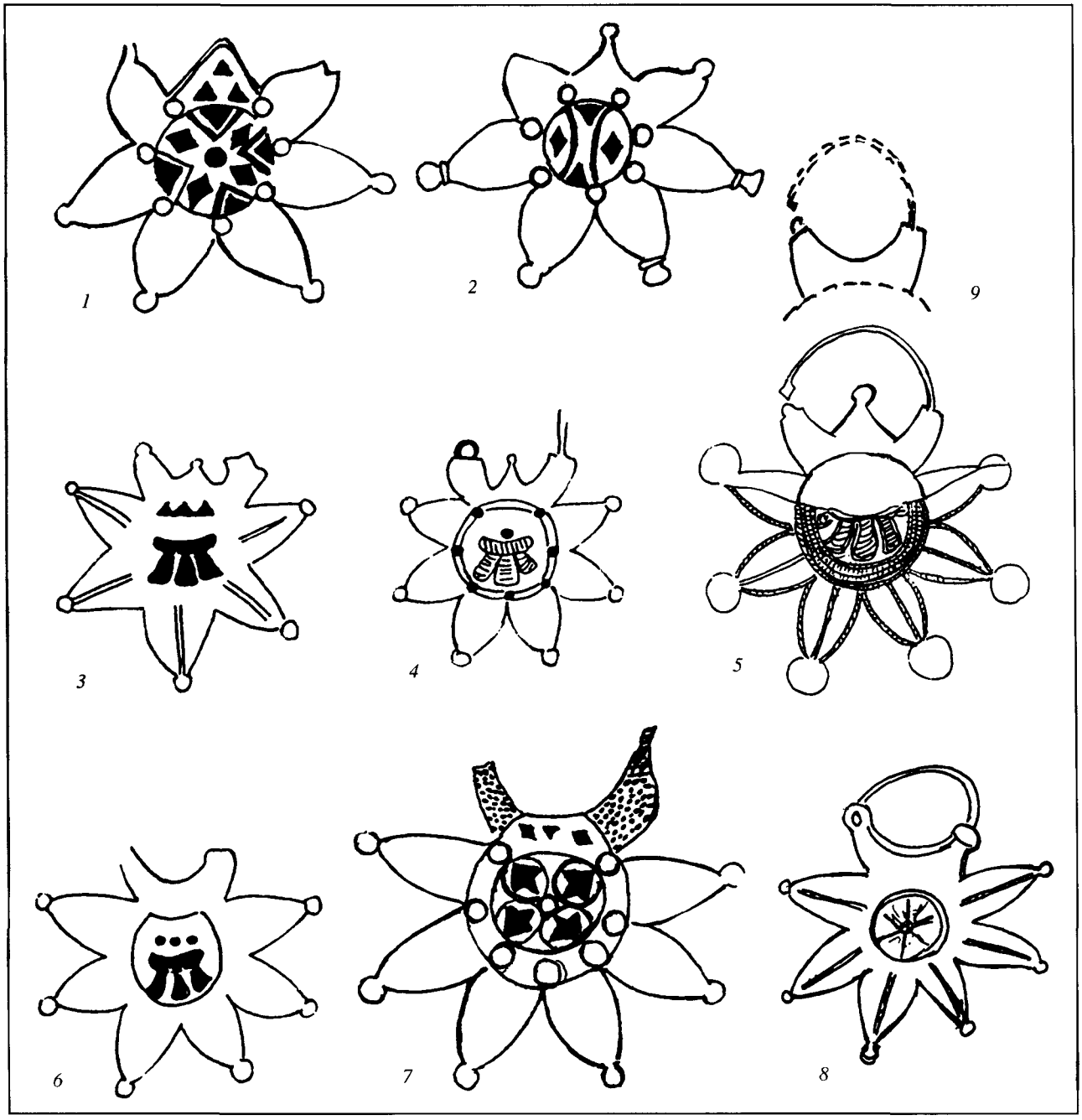


Рис. 4. Виды скано-зерненых колтов, воссоздаваемые по литейным формам и отливкам из них

1, 2, 8 – литейные формы для лицевой и оборотной стороны колта, найденные в тайнике под Десятинной церковью (*Каргер*, 1958. Табл. IV); *3* – литейная форма из Киева, из раскопок на Фроловской горе (*Гущин*, 1936. С. 26. Рис. 2); *4, 6, 7* – литые колты из раскопок в Новгороде, из слоя первой половины XIII в., начала XIV в. (*Седова*, 1981. Рис. 5, *9–12*); *5, 9* – варианты реконструкций колта по литейной форме из Увека

колтов с гладкими лучами постепенно уходит от геометрического стиля и орнаментации зернью, идя к золотому строгому стилю (рис. 1, *7*).

В золотом пышном стиле зернь становится дополнением к ярусной скани, эффектно одиночными гранулами располагаясь в завитках. Филигранный завиток завоевывает полный приоритет. Применяется ленточная вальцованная проволочная филигрань. Примером апогейного произведения в пышном стиле на Руси являются "рязанские бармы". К этой же вершине методично двигаются и западноевропейские ювелиры. Но мастера работают в разной технологии. Западноевропейские применяют технологию штампованной филиграни, известную по трактату Теофила. На изделиях старорязанского клада 1822 г. для создания пышного филигранного стиля используется витая филигрань высокого рельефа и плотной навивки. Восточное искусство применяет витье из двух проволочек.

На такой апогейной стадии и происходит трагический разрыв. Не известно ни одного достоверно византийского памятника пышного стиля филиграни. Но поскольку технологические традиции Руси в элитар-

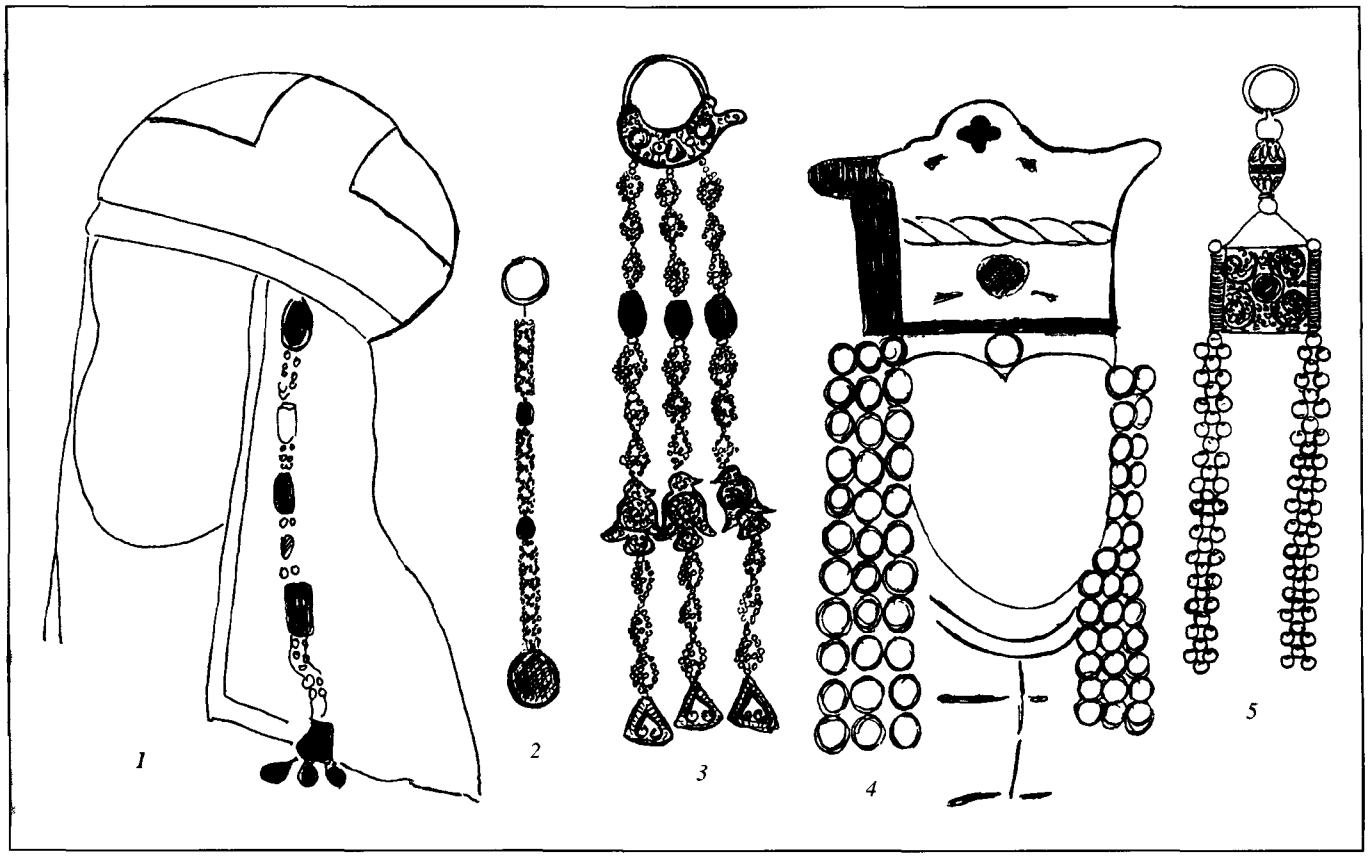


Рис. 5. Уборы с рясна́ми XVI–XVII вв.

1 – икона "О тебе радуется" мастерской Дионисия XVI в.; *2, 3* – рясна XVI в., употреблявшиеся и в качестве приклада на иконе из Покровского монастыря в Суздале (*Георгиевский*, 1927. Табл. XXVI, *1*; Русское серебро..., 1984. № 22); *4* – головной убор знатной женщины на рисунке к сочинению А. Олеария, XVII в.; *5* – филигранные рясна царицы Анастасии Романовны XVI в.

ном ювелирном деле отличны и от традиций Западной Европы, и от традиций восточных стран, а сходны с ранневизантийскими, можно полагать, что "пышный" стиль был сформирован и в Византии. Трагедия Руси практически совпала с мировой трагедией падения Византии. Следовательно, еще более трудно понять, оборвано ли стилистическое развитие, или пышный стиль своевременно сменился спиральным плоскостным.

Ярусная скань пышного стиля успешно использовалась в Западной Европе на протяжении почти всего XIII в., выражая готику в филиграни. Русь и Византия, по причине двух страшных разорений, латинского и татаро-монгольского, вынуждены были пропустить завершение этого этапа. Нельзя не видеть в этом тяжелого последствия, накладываемого историческими коллизиями на развитие культуры, и для оценки его гораздо более подходит слово "разрыв". Пышный стиль должен был уйти, но его конец был ускорен, он не показал всех своих художественных вершин.

В материале о русском металлическом уборе послемонгольского времени "hiatus" особо ощутим. Послемонгольские слои городов крайне бедны на находки украшений, изготовленных в высоких ювелирных техниках. Формы колтов, известные по имитационным отливкам или литейным формам, являются архаичными, и – более того – неизвестными по скано-зерненым украшениям (рис. 4). Лучевые колты продолжали какое-то время носить, но факт отливок с архаичных форм говорит не столько о реальном продолжении традиции, сколько о попытке ее продолжения, о поиске ставших редкими украшений.

Материал последних предмонгольских и первых послемонгольских лет показывает тенденцию развития подвесного яруса убора. Ленты с крупными, выделяющимися своей величиной колтами постепенно переставали носиться. В течение XII в. утверждалась более узкая и равномерная по ширине рясенная подвеска. В итоге возникла комбинация ленты из височных колец и византийской ленты-завязки. Для закрепления на узкой ленте из бляшек или колодочек скано-зерненые колты типологически изменились, широкую дужку сменила узкая лунница (рис. 1, *7*). Конечные подвески к XIII в. становятся очень миниатюрными (например, луч золотого колта из слоя XIII в. Новгорода длиной всего 13 мм). В домонгольское время этот процесс развился в уборе знати. В более простонародном крупные традиционные колты держались дольше. Изображения русских головных уборов XVI–XVII вв. показывают узкие рясенные цепи (рис. 5, *1, 4*). По музейным собраниям известны рясна, носившиеся в женском уборе и использовавшиеся для икон (рис. 5, *2, 3, 5*).

Рис. 6. Убор кральницы Симониды. Кральева церковь в Студеници, 1313–1314 гг.

Украшения Сербии дают материал для суждений о возможном развитии русского головного убора. В XIV в. в уборе знати продолжают носить крупные формы колтов (рис. 6). В крестьянском этнографическом костюме сохраняется комплекс архаичных кос, украшенных плоскими украшениями и крупными концевыми подвесками (рис. 1, *9*). В XIV–XVI вв. там проявляется стойкая память о типологических формах украшений (*Радојковић*, 1969. Табл. 23, 26, 60–68, 171, 172. Сл. 14, 16). Типологические формы русских украшений забывались. Это иллюстрируют комплексы двух золотоордынских кладов, Чимкентского и Симферопольского (*Рыбаков*, 1949. С. 533; *Спицын*, 1906. С. 250–257. Рис. 41, 42, 45, 46, 52, 63). Расположение полусфер на бусинах Чимкентского клада сделано упрощенно – в ряд, нет связи с тем рядом типологического развития, который выстраивается по древнерусскому домонгольскому материалу (рис. 7, *5, 6*). Мастер помнил, что на русских бусинах делались полусферы. Он помнил и технику спиральной навивки, она использована на ободке одной из гладких бусин. Это отдельные не увязанные между собой островки памяти (рис. 7, *1–3*). На одной из бусин Симферопольского клада корпус сформирован не конструктивно и не гармонично из отдельных вырезанных шести окружностей, по одной у выхода стержня и четыре по средней части. На бусинах наблюдается грубый металлический припой, утапливающий детали орнаментации (рис. 7, *4*). Возможно, мастер ранее не делал их сам, а пытался вспомнить, как они выглядели. Древнерусские бусины с лучевыми сканными фигурами имели сплошной шаровидной корпус, разделенный напайными сканными окружностями на три части (рис. 7, *7, 8*).

Вероятно, и на Руси при мирном развитии событий традиционный металлический убор в русском костюме мог бы держаться дольше. Удар и урон урезали возможности национального костюма. Его металлический убор действительно практически не возродился.

В данной связи небезынтересно привести мысль историка моды Александра Васильева, ныне работающего в Париже, высказанную в одном из телевизионных выступлений. По его мнению, мода резко меняется именно после войн, когда уходят целые поколения мужчин, что способствует полной смене женского имиджа.

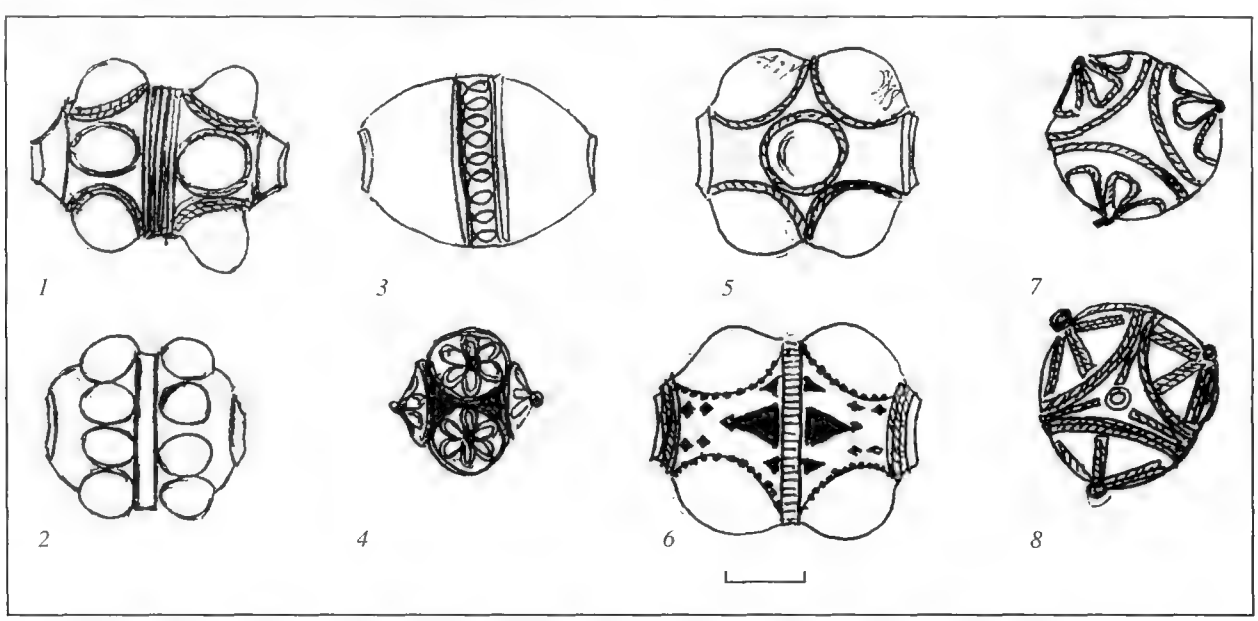


Рис. 7. Бусины из кладов золотоордынского времени в сравнении с древнерусскими

1–3 – Чимкентский клад; *4* – Симферопольский клад; *5* – Киев, клад 1986 г.; *6* – Старая Рязань, клад 1937/1950 гг.; *7* – Переяслав, клад 1884 г., Княжая Гора; *8* – Старая Рязань, клад 1970 г.

Значительная часть людей основной русской территории погибла. После взятия городов монголы убивали пожилых людей, которые и были хранителями бытовых традиций. В северных русских землях, Новгороде и Пскове, жизнь постепенно изменилась в соответствии с общим уровнем. Мастера в татарском плену лишились не только русской почвы, они лишились своих мастерских, коллег по профессии, с которыми их связывало определенное разделение труда и навыков. Каждый ремесленный коллектив – это десятилетиями формировавшееся объединение, где все операции процесса увязаны до мелочей. Ремесленная культура сохраняется не только субъективно – мастерами, но и объективно – помещением ремесленной мастерской, инструментами, оборудованием, традицией их расположения. У пленных не стало ни специально подготовленных рабочих образцов, ни других пособий. Они делали изделия по памяти. Нельзя не учесть и иное психологическое состояние подневольных русских людей. У завоевателей не получилось "взять себе" русское мастерство, они заставили его агонизировать на чужбине.

Традиционная культура ушла, расчистив в определенном смысле место для общемировых форм, которые стали быстрей усваиваться. В XIII–XIV вв. ярусная скань становится неактуальна. Она изначально не вполне соответствует христианскому искусству, будучи слишком ярким и пробуждающим эмоции отклонением, чрезмерным усилением роли сканого завитка. Развернутая на плоскости спираль – идеальный орнаментальный элемент для фона окладов, между спиралями "вырастают" криволинейные растительные мотивы. Произведения разного происхождения XIII–XIV вв. показывают развитие спирального стиля филиграни. Византийское – "Шапка Мономаха"; восточное – брошь из Тушкова городка; западное – Трирский ларец. Везде отмечается переработка спиральным стилем прежних стилистических закономерностей. Спиральный стиль используется и на единично известных украшениях убора послемонгольской эпохи – подвесных ряснах (рис. 4, *3, 5*).

С территории Руси известны единичные филигранные произведения XIII в. Накладную городчатую "корону" к иконе "Богоматерь Боголюбская" по стилю филиграни следует отнести к этапу перехода к "пышному" стилю. Технологически филигрань основного декора – ленточная. Ширина ленты составляет 0,5 мм, толщина – 0,25 мм. Диаметр зерни типичен для золота – 1,0 мм, возможно, для ее изготовления использованы отрезки штампованной проволоки, из которой изготовлен бордюр (рис. 8).

Декор золотой оправы камеи из собрания КМИДР XIII в. состоит из крупных полукруглых завитков, заполненных мелкими элементами. Это предшествующая спиральному стилю стадия, возможно, пережившая ярусность, а, возможно, и не знавшая ее. Ширина филигранной ленты 1,0 мм.

Декор чаши потира Моисея, первого русского филигранного памятника начала XIV в., стилистически не продвинут, по сравнению с домонгольским периодом (рис. 9, *1, 2*). Оклад иконы с Христом XIII в. из собрания ГОП имеет аналогичные "S"-видные плоские спирали. Солотчинская икона с Борисом и Глебом с орнаментацией из простых "S"-видных завитков того же столетия имеет такую же, но упрощенную, схему орнаментации (*Рыбаков*, 1970, № 23). На поддоне потира бордюр из крупных полукруглых завитков с кринообразным заполнением, который напоминает орнаментацию колтов с Борисом и Глебом из Старорязанского клада 1822 г. (рис. 9, *1, 2*).

Рис. 8. Филигрань "коруны" к иконе "Богоматерь Боголюбская"

К XIII–XIV вв. исследователи относят сложение разнообразного по совмещенным техникам оклада иконы "Богоматерь Умиление". Его накладные филигранные венец и цата по орнаментации также близки XIII в. Основным элементом является простой удлиненный завиток, уложенный рядами так, как он ложился бы, заполняя большую спираль. Но здесь большая спираль отсутствует, поэтому произведение можно считать либо переходным к спиральному стилю, либо совпадающим с его начальными стадиями.

Скань ковчега суздальского архиепископа Дионисия 1383 г. демонстрирует ступень спорадического рождения и становления растительного раппорта из крупных полукруглых завитков, складывающихся в трилистники. Некоторые завитки уже аналогичны спирали, заполненной маленькими завитками. Но большая спираль еще не полностью сформировалась и не вошла в число постоянно используемых элементов (рис. 9, *3*).

Редкость русских филигранных произведений XIV в., затянувшийся до конца столетия переход к спиральному стилю свидетельствуют о замедленности развития филигранного искусства, а кроме того – не позволяют указать представляющие данную стадию произведения в других землях, кроме новгородской. Стилистические характеристики указанных выше переходных произведений воспринимаются исследователями как особенности новгородской скани (*Николаева*, 1976. С. 23–25).

Евангелие Федора Кошки конца XIV в., хронологически близкое ковчегу Дионисия, дает первый пример сформированного спирального стиля. Среди спиралей фона располагается простой и незамысловатый

Рис. 9. Рождение спирального стиля в русской филиграни
1, 2 – потир Моисея, 1328 г.; *3* – ковчег Дионисия – 1383 г.; *4* – оклад Евангелия Федора Кошки, конец XIV в.; *5* – оклад Евангелия Успенского собора

листообразный вводный мотив, своими очертаниями естественно вытекающий из промежутков между большими спиралями (рис. 9, *4*). Фон из спиралей не организован, представляет собой свободное заполнение плоскости.

Орнаменты оклада Евангелия Кошки хорошо укладываются в общерусский ряд стилистического развития. Полукруглые спирали ковчега являются шагом к широким спиралям Евангелия. Вводные мотивы оклада Евангелия составлены из тех же простых элементов, которые наполняли и дополняли завитки потира Моисея и ковчега Дионисия. Но вводные мотивы стилистически изменились в связи с новой формой промежутка между спиралями, имеющего вогнутые грани и требующего криволинейности вводных мотивов (рис. 9, *4*). На стадии оклада Евангелия Кошки растительные мотивы еще только рождены. С "арабским цветком" простейшие вводные мотивы оклада Евангелия Кошки, образованные всего лишь четырьмя криволинейными листочками, сравнить трудно (*Рыбаков*, 1949. С. 628, 642, 643). Стилистика "арабского цветка" более сложна, его элементы имеют очертания реалистичных продолговатых и отходящих листьев, лепестков, центрального бутона.

Оклад Евангелия Кошки имеет и зернь, расположенную бордюром из пирамидок вдоль поля. Это единственный пример зерни в таких выкладках для послемонгольского периода. Крупная зернь, каждая гранула которой обозрима, изготавливается с использованием индивидуальной заготовки для каждой гранулы. Подобное явление можно отнести к традиционным русским, воспроизводимым по памяти, возможно, при наблюдении сохранившихся более ранних произведений XII–XIII вв. На других произведениях послемонгольского периода употребляется зернь одиночными гранулами. В целом, зернь продолжает уходить из филигранного дела. Спиральный стиль вновь изменил стилистику невыигрышную для нее: в сторону развития растительных мотивов. А для них более всего подходит проволочная филигрань. Она может создать и высокий рельеф и зернистость одновременно.

На примере Евангелия Кошки Т.В. Николаева высказала мнение, что сложившаяся московская спиральная скань имела источником своего происхождения не новгородскую, а эволюцию самой московской скани проследить невозможно вследствие отсутствия произведений (*Николаева*, 1976. С. 136, 160–167). Но, как показано выше, линию развития русской скани XIV в. можно пронаблюдать (рис. 9). Искусство Севера выражает тенденции развития всего русского искусства, претерпевшего серьезный удар. Возможности других земель были ограничены или даже полностью отсутствовали. Разрыв в традиционности и постепенности развития среднерусского ювелирного дела мог сказаться в том, что при возрождении произошло быстрое восприятие новых явлений из арсенала мировой филиграни, в частности – формирование спирального стиля. Но это не стало местной особенностью московской скани. Произведения новгородского круга, хронологически не далеко отстоящие от Евангелия Кошки, также дают примеры развитого спирального стиля. Наиболее известен Панагиар 1435 г. Внутри бордюра из сформированных больших спиралей существуют такие же, как на окладе Евангелия Кошки, простейшие криволинейные листочки.

Исследователями прикладного искусства выделено "неовизантийское" влияние XV в. (*Николаева*, 1976; *Банк*, 1978). В филигранном искусстве оно выражается во вбирании в свободный спиральный орнамент архаичных афонских клеймообразных мотивов. Постепенно складывается и более строгая культура организации орнамента из новых элементов – больших спиралей.

Примером данной стадии является Евангелие Успенского собора ("Морозовское"), созданное после 10-х годов XV в. в московской мастерской митрополита Фотия (*Кондаков*, 1902. С. 189–199). Дробление поверхности оклада на несколько участков, расположенных под различными углами, соответствует противоречивому, эклектичному характеру скани памят-

ника, сочетающей в себе русские и византийские достижения. Орнаментальный замысел не представляет собой их гармоничной переработки, происходит сопоставление и механическое совмещение. На одних пластинах расположены растительные композиции, на других – клеймообразный византийский мотив, но изменивший свою форму и потерявший четкую отграниченность от фона (рис. 9, 5). М.М. Постникова-Лосева и Т.Н. Протасьева ставят памятник в одну стилистическую группу с окладом Евангелия Кошки, увидев сходство вводных мотивов (*Постникова-Лосева, Протасьева*, 1963. С. 133–172). Однако этому противоречит отсутствие на окладе Евангелия Кошки каких-либо проявлений афонского стиля клейм. Предполагается также, что над окладом "Морозовского" Евангелия совместно работали русские и византийские мастера (*Николаева*, 1976. С. 175–178).

М.Г. Крамаровскому принадлежит мнение о близости скани "Морозовского" Евангелия кругу золотоордынских произведений, в качестве аналогии приводится Симферопольский филактерий (*Крамаровский*, 1982. С. 70). Мотив филиграни филактерия действительно очень сходен с растительным вводным мотивом на "Морозовском" Евангелии. Но и тот, и другой сходны с орнаментальными мотивами, известными по византийским миниатюрам XII–XIII вв.: на заставке Слов Григория Назианзина конца XII в. и на заставке с изображением Иисуса Христа Евангелия ГПБСЩ XIII в., л. 11 (*Лихачева*, 1977. Табл. 35). Следовательно, источником таких мотивов могло быть и византийское искусство.

Мастера фотиевского окружения могли познакомиться с византийской художественной культурой, и непосредственно наблюдая афонские произведения. Логичней видеть в произведении русскую работу, поскольку растительные мотивы развиваются и усложняются, сливаясь со спиральным фоном, клейма же искусственно включаются в него. Афонская филигрань испытывает в это время обратный процесс: вбирает спираль в клеймообразный орнамент (*Жилина*, 2001б. Рис. 3).

Спиральный стиль активно развивается на Руси в XV в. Усиливается тенденция к срастанию орнамента в единый спиральный ковер. Новый этап демонстрирует оклад Евангелия Троице-Сергиева монастыря из собрания РГБ (инв. № Ф-304/3-5). Исследователи пытаются связать памятник с византийскими традициями (*Николаева*, 1976. С. 184; *Рындина*, 1983. С. 166, 167). По нашему мнению, оклад Евангелия Троице-Сергиева монастыря логично развивает русский спиральный стиль, тот процесс срастания фона с вводными мотивами, который был начат на отдельных пластинах "Морозовского" Евангелия.

Технология плотного навивания в изготовлении филиграни продолжает использоваться в XIV–XV вв. Потир Моисея имеет вальцованную филигрань высокого рельефа. Одинарные ленты разделяет толстый и грубый слой припоя, толщина ленты составляет 0,30–0,40 мм, их ширина – 1,00–1,25 мм.

На других произведениях новгородского круга используется более тонкий вариант технологического стандарта филиграни "а" с толщиной 0,25 мм. Один из конкретных элементов византийской технологической культуры ювелирного дела, усвоенный на Руси в домонгольское время, сохраняется на уцелевшей от прямого разорения Новгородской земле. Не просто память, а точное соблюдение параметров, может свидетельствовать о сохранении оборудования, вальцов с определенным форматом желобков-"ручьев" для придания ленте заданной формы. Филигрань ленточных спиралей верхней тарели Панагиара 1435 г. имеет толщину приблизительно 0,25 мм и высоту 1,0 мм. Такова же толщина филигранной ленты креста в костяной оправе XIV–XV вв., происходящего из ризницы Софийского собора, при ширине ленты 0,5 мм (рис. X). Серебряный наперсный ковчег-мощевик конца XIV в. имеет чуть более массивную толщину филигранной ленты, 0,25–0,35 мм, и ширину около 1,0 мм (технология плотного навивания – см. рис. XI). Следует оговориться, что наблюдаемая картина может быть и следствием малого количества сохранившихся сканных памятников послемонгольской Руси. Но на основании этих фактов можно говорить о сохранении домонгольских технологических традиций на новгородской земле. Возможно, они могли сохраняться и в других землях.

Филигранные ленты венчика иконы "Богоматерь Умиление" начала XIV в. по параметрам аналогичны филиграни "рязанских барм": толщина 0,30–0,40 мм, ширина – 1,0 мм. Завитки скани здесь двойные, что является пережитком ярусности. Венец спаян на выгорающей валообразной основе-подкладке. О такой технологии свидетельствуют затеки припоя, которые успели лечь на выгоревшую чуть позже основу. Так же спаяна скань оборотной стороны колтов с эмалевыми изображениями Бориса и Глеба из клада 1822 г., а также декор пластинок очелья из Ярополча Залесского. Филигрань очелья также вальцованная (рис. XII).

Другие русские произведения конца XIV–XV вв., имеют одинарную филигрань, характеризующуюся более массивным стандартом "с", толщина которого составляет 0,4–0,5 мм. Скань ряда произведений равномерно и качественно вальцована, имеет форму правильных, прямоугольных в поперечном сечении ленточек. Для этого, вероятно, применялись вальцы. Сюда предположительно относится филигрань оклада Евангелия Федора Кошки, с толщиной 0,5 мм и шириной 1,25–1,75 мм (рис. 10). Другим примером является оклад Евангелия Троице-Сергиева монастыря с филигранью толщиной 0,4–0,5 мм и высотой 1,0 мм. При ремонте фрагмента оклада использована более тонкая филигрань стандарта с толщиной 0,25 мм.

Скань других русских произведений также относится к стандарту "с" и выполнена в технике витья из двух проволочек: оклад Евангелия Успенского собора, "Морозовского" (рис. 11). Эта скань неравномерно вальцована, на некоторых участках остается круглой. Скань оклада "Морозовского" Евангелия имеет толщину 0,5 мм, ширину 1,0 мм. Вводные мотивы выполнены из гладкой ленты таких же параметров. Припой остается грубым, утапливающим. Технологические признаки, как и стилевые, указывают на

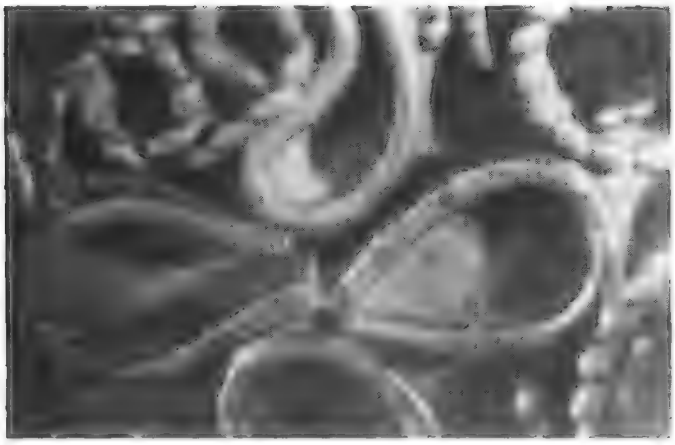


Рис. 10. Вводный мотив и филигрань, изготовленная спиральной навивкой, оклада Евангелия Федора Кошки

Рис. 11. Филигрань оклада Троице-Сергиева монастыря из собрания РГБ, изготовленная витьем из двух проволочек

русский характер памятника. Толщина филиграни Мстиславова Евангелия определена приблизительно с помощью обычной лупы: 0,4–0,5 мм. Вероятно, это стандарт "с".

Продолжение технологических традиций домонгольского периода в XIII–XV вв. фиксируется и в скани, и в эпизодически применяемой зерни. Картина распространения технологических вариантов проволочной филиграни аналогична домонгольской: применяются стандарты "а" и "с", плотная навивка, используется и свободное витье из двух проволочек. Существуют мастерские разных технологических традиций. Оклад Евангелия Кошки дал, возможно, самый последний пример применения зерни, как воспоминание. Это, скорее, показатель ухода приема грануляции из филигранного искусства по стилистическим и историческим причинам, чем возрождение ее.

На примере изучения филиграни, можно сказать, что татаро-монгольское разорение Руси прервало ряд традиций, связанных с домонгольской культурой – развитием русского скано-зерненого убора. Раньше прекратил свое существование пышный филигранный стиль. Здесь наблюдается безусловный урон и разрыв.

Но на Руси в домонгольский период сформировались и другие традиции, связанные с включением Руси в русло мирового развития филигранного дела. Эти традиции продолжили свое развитие, но после существенной паузы, стабилизации, долгого нахождения на одном и том же уровне. Стилистическое развитие возобновилось не с той стадии, на которой закончилось, а с несколько предшествующей. Это было вызвано как необходимостью самостоятельной выработки нового стиля, так и определенными потерями, вследствие чего она достаточно сильно затянулась. Но потери в определенном смысле облегчили переход к спиральному стилю, которому принадлежало будущее. Оставшись еще в предмонгольское время без прямого византийского влияния, русское филигранное искусство не довело филигранные орнаменты из мелких простых элементов до геометрического совершенства, что также способствовало плавности и естественности перехода. С конца XIV в. на Руси наблюдается свободное и быстрое стилистическое развитие филиграни с фоном из большой спирали и растительными вводными мотивами.

Литература

Банк А.В., 1972. Новые черты в византийском прикладном искусстве XIV–XV вв. // Моравска школа и н'ено доба. Београд.

Банк А.В., 1978. Прикладное искусство Византии. М.

Георгиевский В.Т., 1927. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М.

Гущин А.С., 1936. Памятники художественного ремесла Древней Руси. М.; Л.

Жилина Н.В., 1998. Зернь и скань Древней Руси XI–XIII вв. // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М. Т. 4.

Жилина Н.В., 1999. Искусство золотой филиграни по древнерусским кладам (автохтонность и влияния) // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: Материалы конф. М.

Жилина Н.В. 2001а. Шапка Мономаха: Историко-культурное и технологическое исследование. М.

Жилина Н.В., 2001б. Русское и византийское искусство филиграни // КСИА. Вып. 211.

Каргер М.К., 1958. Древний Киев. М.; Л.

Кондаков Н.П., 1902. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб.

Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады IX–XIII вв. М., Л.

Крамаровский М.Г., 1982. Шапка Мономаха: Византия или Восток // СГЭ. Л. Вып. 47.

Лихачева В.Д., 1977. Византийская миниатюра. М.

Макарова Т.И., 1997. Парадный женский убор // Древняя Русь: Быт и культура. М. (Археология).

Николаева Т.В., 1976. Прикладное искусство Московской Руси. М.

Новикова Е.Ю., 1993. Подвеска с птицей из Владимирских курганов: Опыт атрибуции // Средневековые древности Восточной Европы. М. (Тр. ГИМ. Вып. 82).

Новикова Е.Ю., 1999. Подвески-маски из кладов Швеции, Восточной Прибалтики и древней Руси // Археологический сборник. М. (Тр. ГИМ. Вып. 111).

Плано Карпини И., 1911. История монголов. СПб.

Постникова-Лосева М.М., 1974. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. XVI–XIX вв. М.

Постникова-Лосева М М., 1981. Русская золотая и серебряная скань. М.

Постникова-Лосева М М , Протасьева Т Н , 1963. Лицевое Евангелие Успенского собора как памятник древнерусского искусства первой трети XV в. // ДРИ М.

Рындина А В , 1983. Оклад Евангелия Успенского собора Московского кремля (к вопросу о ювелирной мастерской митрополита Фотия) // ДРИ М.

Русское серебро XIV – начала XX веков из фондов Государственных музеев Московского Кремля. М., 1984.

Рыбаков Б А., 1949 Ремесло Древней Руси. М.

Рыбаков Б А., 1970. Русское прикладное искусство X–XIII вв. М.

Седова М В , 1958. Производство скани и зерни в Древней Руси в X–XIII вв · Дипломная работа. Кафедра археологии МГУ.

Седова М В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) М

Спицын А А , 1906. Из коллекций императорского Эрмитажа // ЗОРСА. Т. VIII, вып. 1.

Стерлигова И А., 1997 Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV вв. Дис .. канд. искусств М.

Стерлигова И А., 2000. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV вв. М.

Радојковић Б , 1969. Накит код срба. Београд.

И.Е. Зайцева, Т.Г. Сарачева

Цветной металл вятичей в XII–XIII веках
(сравнительно-исторический анализ городских и сельских материалов)[1]

Химический состав цветного металла Древней Руси изучается уже более века. Однако лишь в 1970-е годы был сделан качественный скачок в этой области средневековой археологии. Благодаря усилиям А.А. Коновалова сформировался значительный объем данных, позволяющий судить о номенклатуре металлов и сплавов древнерусских ювелиров (*Коновалов*, 1974). Исследования последних двух десятилетий существенно расширили географию памятников, для которых получены представительные серии анализов металла (*Килиевич, Орлов*, 1985. С. 61–76; *Орлов*, 1988а. С. 138–140; 1988б. С. 24–26; 1988в. С. 152–165; 1989. С. 44–46; 1993. С. 47–49; 1994. С. 50–51; 1995. С. 60–63; *Фоняков*, 1991. С. 217–231; Південно-руське село..., 1997. С. 161–162; *Королева*, 1996. С. 229–300; *Ениосова*, 1999. С. 5–9; *Сарачева*, 1999. С. 18–24; *Шекун, Веремейчик*, 1999. С. 179–181 и др.). Стремительное накопление аналитических материалов позволило перейти к созданию базы данных "Цветные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья" и вести обработку материала по единой методике (*Ениосова и др.*, 1999. С. 19–22).

Тем не менее, мы еще далеки от того, чтобы представить полную, динамичную в хронологическом и территориальном аспектах, картину употребления сплавов древнерусскими мастерами. В настоящее время вятичский регион является единственным, для которого проведено исследование состава металла большого количества предметов не только из сельских памятников (курганные инвентари) – 542 анализа, но и расположенных в этой местности городов: Серенска – 121 проба, и Спас-Городка – 4[2] (рис. 1). Это позволяет провести сравнительно-исторический анализ металла находок из сельских памятников и города[3], расположенных в одном регионе, для решения вопросов производства и сбыта продукции.

В соответствии с принятыми в настоящее время датировками, курганные древности вятичей относят к периоду не позднее середины XIII в. (*Равдина*, 1975). В Серенске же сохранились слои не только домонгольского времени, но и второй половины XIII – начала XIV в. (*Зайцева*, 1997. С. 111). В этом порубежном городке-крепости черниговских князей, построенном, вероятно, в 40-е годы XII в., отмечается необычайно высокая концентрация ювелирного производства, существовавшего на протяжении всего XIII в. Обилие остатков производства, обнаруженных в непотревоженном, хорошо стратифицированном культурном слое и связанных с тремя расположенными на детинце мастерскими по производству ювелирных изделий (*Зайцева*, 1997. С. 100–113; 2001. С. 372–385), позволяют охарактеризовать цветной металл, который был в распоряжении местных ювелиров как в предмонгольское время, так и во второй половине XIII в. и определить происшедшие изменения в местной ювелирной традиции.

Цель работы состоит в определении номенклатуры цветных металлов и их сплавов, сравнении и выявлении общего и особенного в составе металла сельских памятников и Серенска.

Отбор проб для проведения анализов химического состава металла[4] зависит не только от задач исследования, но и от доступности коллекций. Состав сравниваемого материала совпадает лишь частично, так как курганные материалы представлены только готовыми изделиями, а городские включают в себя также находки производственного характера: сырьевые материалы, отходы производства, полуфабрикаты. Данные о металле курганных находок преобладают количественно. В выборку вошли все категории украшений, составляющие так называемый "вятичский" племенной убор, материал нескольких курганных групп изучен практически полностью (*Коновалов*, 1969а. С. 60–77; 1972. С. 152–158).

Выбор предметов для исследования из Серенска проводился целенаправленно из сплавов на основе меди, хотя в деятельности одной из мастерских была широко представлена и обработка драгоценных металлов. Изделия из свинцово-оловянных сплавов в серенских материалах практически не представлены, а сплавы с низким содержанием драгоценных металлов отсутствуют вообще.

[1]Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 00-66-804654).

[2] Данные химического состава изделий из Серенска и Спас-Городка содержатся в Приложении к статье; результаты анализов химического состава металла курганных древностей с указанием ранее опубликованных материалов см.: Сарачева, 2001.

[3] Сравнительно-исторический анализ проведен лишь по материалам Серенска, по которым выполнена представительная серия анализов.

[4] Состав металла определялся методами спектрального, микрорентгеноспектрального и рентгенофлюоресцентного анализов.

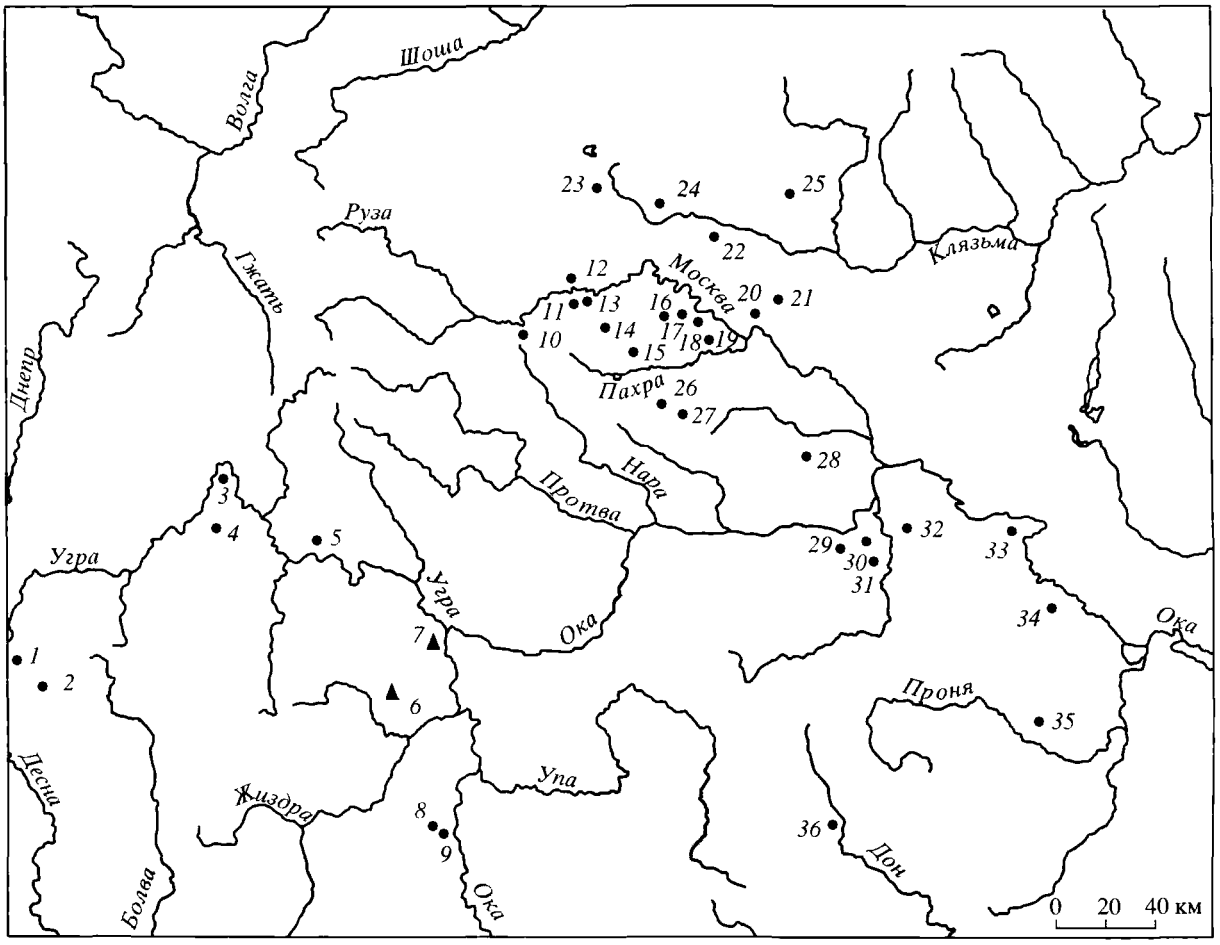


Рис. 1. Памятники земли вятичей, из которых происходят предметы с известным химическим составом металла

1 – Мошевое; *2* – Коханы; *3* – Ивановское; *4* – Ступенки; *5* – Мокрая; *6* – Серенск; *7* – Спас-Городок; *8* – Белево; *9* – Бельково; *10* – Крымское; *11* – Волково; *12* – Копки; 13 – Биостанция МГУ; *14* – Таганьково; *15* – Саларево; *16* – Черемушки; *17* – Орехово; *18* – Деревлево; *19* – Александровка; *20* – Балятино; *21* – Салтыковка; *22* – Болшево; *23* – Поворовка; *24* – Пирогово; *25* – Каблуково; *26* – Беседы; *27* – Пузиково, *28* – Бессониха; *29* – Смедово; *30* – Кривишино; *31* – Разсоха; *32* – Графчиковские курганы; *33* – Окаемово; *34* – Рубцово; *35* – Монастырские курганы; *36* – Бутырки. Условные обозначения: ● – курганная группа; ▲ – город

Методические основы разделения сплавов цветных металлов на группы по заранее определенным параметрам были разработаны на основе классификации, предложенной немецким исследователем Й. Ридерером для сплавов античного времени (*Riederer*, 1969. S. 4; 1984. S. 221). По существу, эта классификация, апробированная на материалах Гнездова, курганов вятичей и Новгорода, является универсальной, пригодной для обработки любых серий данных (*Ениосова и др.*, 2000. С. 99–111; 2001. С. 358–371). В соответствии с ней весь массив данных делится на группы в зависимости от набора легирующих элементов и их концентраций. Результаты классификации анализируемых выборок отражены в таблице 1.

Таким образом, мы располагаем достаточными данными для сравнительного анализа лишь групп "чистой" меди и сплавов на ее основе, легирующими компонентами которых являются олово, цинк и свинец, а остальные элементы играют роль примесей. В курганных материалах этот массив данных представлен 439 пробами, а в серенских – 119 анализами. Так как количество предметов в выборках несопоставимо, представим данные в процентном отношении (табл. 2).

Данные таблицы 2 и рис. 2 показывают, что набор сплавов сравниваемых выборок достаточно близок, что позволяет говорить о единой металлургической традиции. Вместе с тем, имеется и целый ряд различий. В обеих выборках ведущими типами сплавов являются оловянная и оловянно-свинцовая бронзы. Они значительно преобладают и составляют более 70% изделий каждой выборки. Свинцовая бронза представлена малым количеством проб в обеих выборках. Этот факт свидетельствует о том, что в вятичский регион поступала довольно чистая, не загрязненная свинцом медь. В материалах Серенска отсутствуют тройные сплавы Cu + Sn + Zn и Cu + Zn +Pb, а многокомпонентные бронза и латунь насчитывают сравнительно меньшее число образцов. При этом, в серенском массиве преобладает "чистая" медь. В этом состоит основное существенное отличие анализируемых выборок. Кроме того, некоторые сплавы различаются и по своему составу. Рассмотрим это более подробно.

Таблица 1. **Металлы и их сплавы по материалам курганов вятичей и Серенска**

№	Группа сплава		Тип сплава	Состав сплава	Количество	
					Курганы	Серенск
1	Медь и медные сплавы		"Чистая" медь	Cu	8	11
2		Бронзы	Оловянная	Cu + Sn	138	41
3			Свинцовая	Cu + Pb	5	2
4			Оловянно-свинцовая	Cu + Sn + Pb	190	51
5			Оловянно-цинковая	Cu + Sn + Zn	11	–
6			Многокомпонентная	Cu + Sn + Pb + Zn	30	5
7		Латуни	Двойная	Cu + Zn	2	2
8			Оловянная	Cu + Zn + Sn	14	2
9			Свинцовая	Cu + Zn + Pb	5	–
10			Многокомпонентная	Cu + Zn + Sn + Pb	36	5
11	Оловянные и свинцово-оловянные сплавы			Sn + Cu; Sn + Cu + Pb, Pb + Sn	20	–
12	"Чистое" серебро и сплавы с высоким содержанием серебра			Ag; Ag + Cu + + (Sn, Pb, Zn); Cu + Ag; Cu + Ag + + (Sn, Pb, Zn)	72	2
13	Сплавы на основе меди с низкими содержаниями драгоценных металлов			Cu + (Sn, Pb, Zn) + Ag, Au	11	–
	Итого				542	121

Таблица 2. **"Чистая" медь и сплавы на ее основе по материалам курганов вятичей и Серенска (в %)**

№	Тип сплава	Курганы	Серенск
1	"Чистая" медь	1,8	9,2
2	Оловянная бронза	31,4	34,6
3	Свинцовая бронза	1,1	1,7
4	Оловянно-свинцовая бронза	43,4	42,9
5	Оловянно-цинковая бронза	2,5	–
6	Многокомпонентная бронза	6,8	4,2
7	Двойная латунь	0,5	1,6
8	Оловянная латунь	3,2	1,6
9	Свинцовая латунь	1,1	–
10	Многокомпонентная латунь	8,2	4,2

"Чистая" медь. Вопрос о границе легирования (специального преднамеренного разбавления) меди тем или иным металлом не относится к числу легких. В литературе определилось несколько путей его решения. В ряде работ нижняя граница легирования сплава тем или иным элементом определялась путем построения гистограмм одномерного распределения этого элемента и ее анализа. В этом случае для разных массивов данных устанавливались различные пороги легирования для одних и тех же элементов. Так, А.А. Коновалов определял следующие пороги легирования оловом: 1% для украшений вятичей (*Коновалов*, 1969а. С. 62), 0,18 или 0,3% для новгородских материалов (*Коновалов*, 1969б. С. 208; 1974. С. 7). Р.С. Орлов указывает 0,3% рубеж легирования оловом для южнорусских памятников (*Орлов*, 1984. С. 44), а Д.И. Фоняков –3% для Торопца (*Фоняков*, 1991. С. 220). Для свинца определения А.А. Коновалова по подмосковным курганам и Новгороду – 0,3% (*Коновалов*, 1969а. С. 64; 1969б. С. 208). Цинк в большинстве работ считается искусственно введенным с 1% рубежа, хотя А.А. Коновалов использует 3% рубеж для этого элемента в статье, посвященной химическому составу новгородской проволоки (*Коновалов*, 1969б. С. 64).

Другая группа исследователей-археометаллургов следует за классификацией, распространенной в геохимических работах, и принимает за нижний порог легирования всеми элементами их содержание в сплаве выше 0,6–1% (*Галибин*, 1990. С. 177) или 1% (*Riederer*, 1984. S. 220–221; *Дубровин*, 1989. С. 6; *Королева*, 1996.

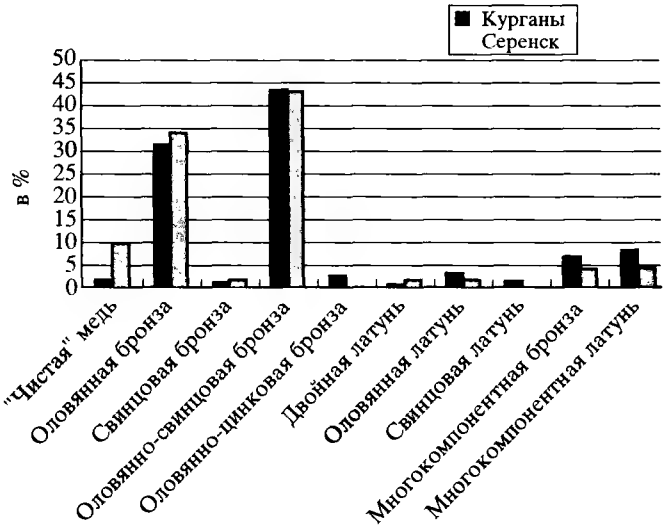


Рис. 2. Распределение "чистой" меди и сплавов на ее основе

Таблица 3. **Концентрация примесей в меди**

	Серенск		Курганы	
	Максимальное значение	Среднее значение	Максимальное значение	Среднее значение
Sn	**0,6**	0,13	0,8	**0,2**
Pb	**0,6**	0,25	0,9	**0,5**
Zn	0,05	0,02	0,3	0,05

Таблица 4. **Находки, изготовленные из "чистой" меди***

Категории находок	Количество	
	Серенск	Курганы
Проволочные украшения: височные кольца, витые гривна и браслет	2	6
Пластинчатые браслеты	1	2
Пластинчатая накладка	1	
Пуговица	1	
Пластинчатые заготовки	4	
Пластины от сосудов	4	
Выплеск	1	
Итого	14	8

* Состав 3 предметов определен в результате металлографических анализов.

С. 231; *Ениосова*, 1999. С. 5). Мы принимаем последнее положение.

Так как определились всего три легирующих элемента – олово, свинец и цинк, то сумма их концентраций в "чистой" меди не должна превышать 3% (по массе). Из такого металла изготовлено 9,2% серенских изделий и около 2% курганной выборки. Если сравнивать "чистоту" меди, то городской металл выглядит более чистым по сумме примесей. Из очень чистого металла, сумма примесей в котором не превышает 1%, изготовлено 55% серенских медных изделий и лишь 25% вятичских. Концентрация олова, свинца и цинка в меди курганных находок выше, чем в серенском массиве (табл. 3).

Таким образом, очевидно, что в распоряжении городских ювелиров была более чистая медь.

Количественное распределение находок из "чистой" меди, представлено в таблица 4.

Данные таблицы показывают, что медь преобладает в Серенске за счет находок производственного характера: пластинчатых заготовок и фрагментов медных сосудов, которые служили источником медного сырья и найдены во многих древнерусских городах (*Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 152; *Королева*, 2000. С. 129; *Пряхин, Цыбин*, 1991. С. 102; *Сарачева, Судаков*, 1994. С. 141–143). Некоторые пластины уже были подготовлены для дальнейшей обработки. В металле готовых изделий из Серенска наблюдаются максимальные значения олова и свинца (0,3–0,6%). В технической литературе, посвященной изучению закономерностей изменения физико-химических свойств сплавов на основе меди разных составов, указывается, что медь имеет низкие литейные свойства. Она обладает плохой жидкотекучестью (способностью расплавов заполнять литейные формы) вследствие ее высокого поверхностного натяжения в расплавленном состоянии. Небольшие присадки олова, свинца, цинка (до 1%) резко увеличивают жидкотекучесть сплава, также резко снижающуюся при переходе однопроцентного рубежа концентраций (*Урвачев и др.*, 1991. С. 72–73).

Можно предположить, что такие незначительные присадки олова и свинца специально вводились в медь для повышения ее литейных свойств, однако утверждать это наверняка затруднительно, так как столь малые концентрации этих элементов могли оказаться в меди непреднамеренно, в результате плавки металлов из руд (*Галибин*, 1990. С. 176). Кроме того, необходимо учитывать ошибки, возникающие в процессе проведения анализов.

Оловянная бронза. Этот сплав относится к группе ведущих металлов на территории земли вятичей и представлен в обеих выборках практически одинаковым процентным соотношением. Однако гистограммы одномерного распределения олова в пробах показывают существенные различия в материалах выборок (рис. 3, 4).

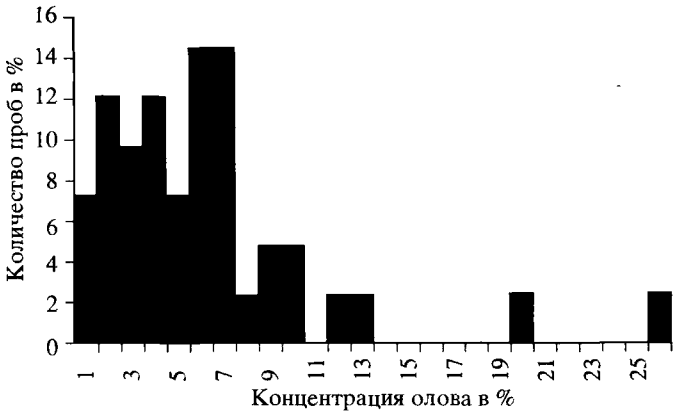


Рис. 3. Распределение значений содержания олова в сплаве Cu + Sn (Серенск)

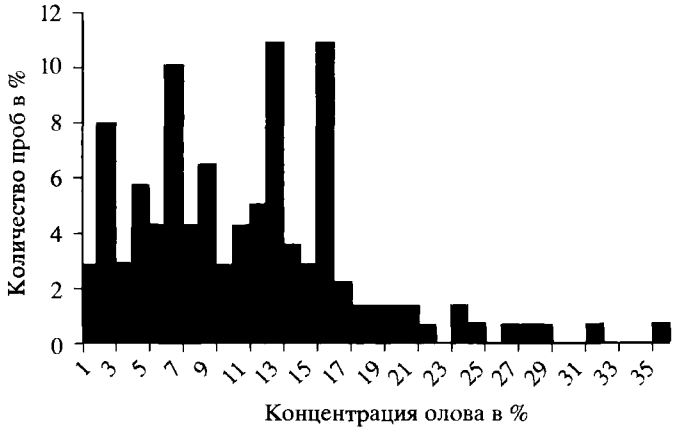


Рис. 4. Распределение значений содержания олова в сплаве Cu + Sn (курганы)

Таблица 5. **Группы оловянной бронзы (в %)**

Группы бронзы	Серенск	Курганы
Низкооловянные	80,5	44,9
Среднеоловянные	14,6	47,1
Высокооловянные	4,9	8,0

Таблица 6. **Среднее содержание олова в группах оловянной бронзы (в %)**

Группы бронзы	Серенск	Курганы
Низкооловянные	3,11	4,97
Среднеоловянные	9,03	12,55
Высокооловянные	17,08	21,6

В обеих выборках выделяются три группы: с низким (до 7–8%), средним (8–15%) и высоким содержанием олова (более 15%), однако их соотношения различны. В серенской выборке преобладают низкооловянные бронзы, в то время как в курганном материале первые две группы представлены практически равными долями (табл. 5).

Различия выявлены также и при сравнении среднего содержания олова в этих группах: в металле курганных находок оно значительно выше во всех группах (табл. 6).

Таблица 7. **Находки, изготовленные из сплава Cu + Sn**

Категория находок	Количество	
	Серенск	Курганы
Проволочные украшения: простые и бусинные височные кольца, витые и плетеные перстни, браслеты, гривны	10	38
Дротовые (литые) браслеты	1	5
Пластинчатые браслеты и перстни	11	14
Ложновитые браслеты и перстни	2	11
Поясные кольца	2	5
Бусины и пронизки	1	6
Накладки	2	1
Пряжки	1	1
Навершие меча	1	–
Слиток	1	–
Заготовка	1	–
Фрагменты хороса	3	–
Дужка височного кольца (заготовка)	1	–
Матрица	2	–
Модель	1	–
Булавка с фигурной головкой	1	–
Головные венчики	–	2
Семилопастные височные кольца	–	45
Бубенчики и привески	–	9
Категория не определена	–	1
Итого	42	138

Количественное распределение категорий находок, сделанных из оловянной бронзы, выявило определенные различия выборок (табл. 7).

Как и в случае с "чистой" медью, они во многом объясняются спецификой городского материала. Так, из оловянной бронзы изготовлены использовавшиеся в серенских мастерских инструменты: две из четырех аналитически исследованных матриц для штамповки украшений (одна из них бракованная) и браслет-модель с львиной маской. Сырьевой материал и заготовки представлены фрагментами решеток хороса, приготовленными для переплавки, расплавленным слитком, незаконченной дужкой височного кольца и прутом. Украшения из оловянной бронзы находят многочисленные аналогии в курганном материале. Из этого же сплава в Серенске сделаны предметы, признанные в качестве индикаторов местного производства на основе технологического изучения: бракованный ажурный створчатый браслет с боковыми колечками, бусина, украшенная кружковым орнаментом, булавка с головкой сложной формы. Приуроченность оловянных бронз к какой-либо определенной мастерской не прослежена. Сплав использовался во всех производственных комплексах на протяжении всего периода существования ювелирного производства в Серенске.

В курганном материале из сплава меди с оловом получены преимущественно проволочные украшения и семилопастные височные кольца.

Оловянно-свинцовая бронза. Этот тип сплава представлен одинаково в обеих выборках. Как и в оловянной бронзе, содержание олова и свинца в находках из курганов выше, чем в серенских. Концентрация олова колеблется от 1,38 до 43,53% и от 1,2 до 25% соответственно, а свинца – в пределах 1,0 – 17,97% и 1,0 – 10% соответственно.

Корреляционный анализ выявил коэффициенты связи между парами элементов сплава. Результаты анализа оказались идентичными для обеих выборок (табл. 8).

Сплавообразующие элементы – олово и свинец – имеют отрицательные коэффициенты с медью, причем связь меди с оловом приблизительно в два раза сильнее, чем со свинцом. Таким образом, мы имеем дело с одинаковым по своему составу сплавом, основой которого является пара элементов Cu–Sn. Коэффициент корреляции между оловом и свинцом низкий, и при увеличении содержания олова концентрация свинца остается практически без изменений.

Распределение содержания олова в сплавах обеих выборок совпадает с его соответствующим распределением в сплаве Cu + Sn (рис. 5, 6).

Таблица 8. **Коэффициенты корреляции между элементами в сплаве Cu + Sn + Pb**

Пары элементов	Курганы	Серенск
Cu–Sn	–0,93	–0,95
Cu–Pb	–0,53	–0,45
Sn–Pb	0,18	0,15

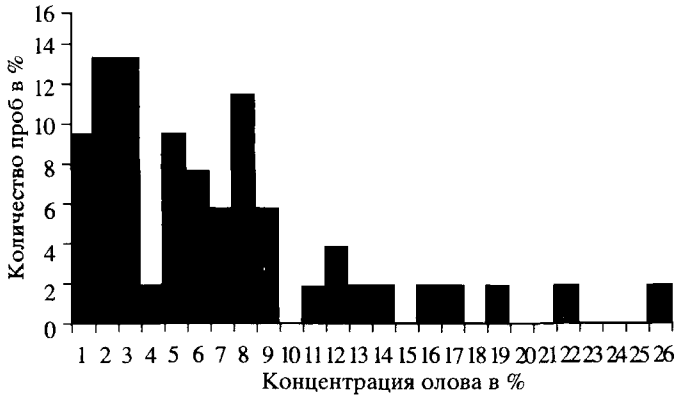


Рис. 5. Распределение значений содержания олова в сплаве Cu + Sn + Pb (Серенск)

Рис. 6. Распределение значений содержания олова в сплаве Cu + Sn + Pb (курганы)

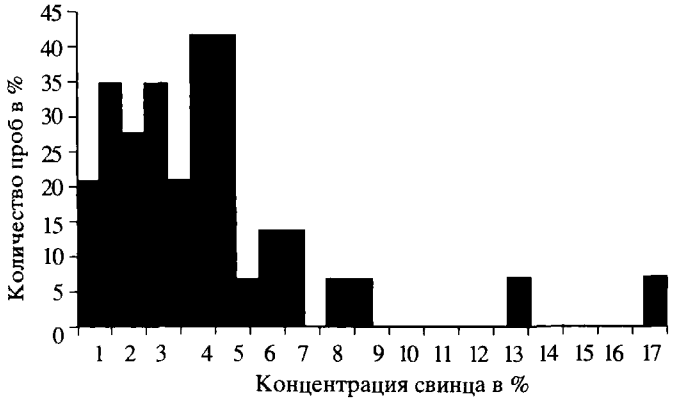


Рис. 7. Распределение значений содержания свинца в сплаве Cu + Sn + Pb (курганы)

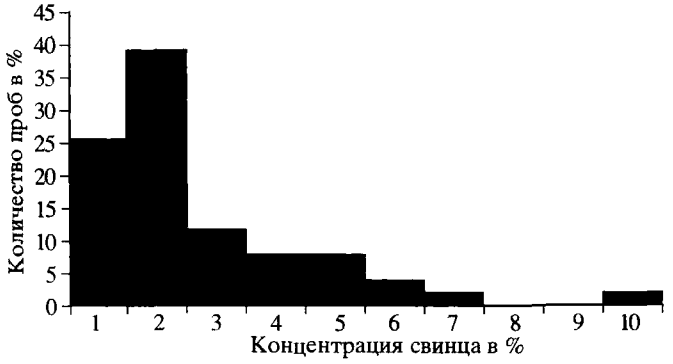


Рис. 8. Распределение значений содержания свинца в сплаве Cu + Sn + Pb (Серенск)

Таблица 9. **Группы оловянно-свинцовой бронзы (в %)**

Группы бронзы	Серенск	Курганы
Низкооловянные	79,2	34,7
Среднеоловянные	9,4	37,3
Высокооловянные	11,4	22,0

Левые участки графиков, в которых представлены низкие содержания этого компонента, чрезвычайно близки. В обеих выборках выделяются участки с интервалами концентраций олова в пределах 1–8%. Однако правые участки графиков, демонстрирующие средние и высокие содержания олова, заметно различаются. Если в курганном материале выделяется еще один значительный пик с интервалом концентраций 10–15%, то в серенской выборке он отсутствует. Соотношение низко-, средне- и высокооловянных бронз показывает, что в распоряжении сельских ювелиров были сплавы как с низким, так и с повышенным содержанием олова (табл. 9).

Картина распределения свинца в сплавах показывает, что в обеих выборках преобладают образцы с низким содержанием этой лигатуры (рис. 7, 8).

Пик приходится на 1–2% концентрацию свинца. Эта группа составляет 63% проб из Серенска и 65% – из курганных материалов.

Анализ всех приведенных выше графиков распределений показывает, что наиболее характерными были следующие концентрации легирующих элементов в сплаве Cu + Sn + Pb:

по материалам Серенска: Sn = 1–8%, Pb=1–2% (51% образцов);

по курганным материалам: Sn = 1–15%, Pb=1–2% (64% образцов).

Рассмотрим количественное распределение категорий находок, сделанных из этого сплава (табл. 10).

Сплав широко применялся для изготовления литых, кованых и проволочных украшений обеих выборок. Из свинцово-оловянной бронзы были изготовлены как большинство "племенных" украшений вятичей – семилопастные височные кольца, витые браслеты и решетчатые перстни, так и сугубо городские находки из Серенска: книжная застежка, фрагменты хороса и колокола, две матрицы для штамповки. Некоторые украшения из этого сплава обнаружены на участке мастерской № 3, действовавшей во второй половине XIII в. Так, из 7 исследованных аналитически створок энколпионов, 5 связаны именно с этой мастерской и сделаны из оловянно-свинцовой бронзы. В 4 случаях отмечается повышенное содержание олова (10–13%) и в трех случаях повышенное содержание свинца (4–10%). Единообразие и специфичность сплава серенских энколпионов доказывает их местное производство и свидетельствует о преднамеренном введении легирующих компонентов указанных концентраций для создания довольно массивных литых изделий. Из этого же сплава, но с более низким содержанием олова и свинца, сделаны и пластинчатые браслеты с литым орнаментом, в том числе с

Таблица 10. **Находки, изготовленные из сплава Cu + Sn + Pb**

Категория находок	Количество	
	Серенск	Курганы
Проволочные украшения: простые и бусинные височные кольца, витые и плетеные перстни, браслеты, гривны	5	27
Подвески, бубенчики	5	40
Накладки	1	1
Браслеты и перстни пластинчатые	18	22
Браслеты и перстни ложновитые	1	21
Семилопастные височные кольца	4	67
Фрагменты хороса	2	–
Матрицы	2	–
Иконки	2	–
Кресты-тельники	2	–
Книжная застежка	1	–
Зеркало	1	–
Энколпионы	5	–
Браслет дротовый	1	–
Фрагмент колокола	1	–
Бусы	–	7
Поясные кольца	–	2
Перстень щитковый	–	1
Категория не определена	–	2
Итого	51	190

боковыми колечками, также относящиеся к продукции местных мастеров.

Таким образом, оловянно-свинцовые бронзы использовались мастерами Серенска на протяжении всего периода существования города. Предпочтение отдавалось низкооловянным бронзам с содержанием свинца до 2%. Исследованиями И.Г. Равич установлено, что такая рецептура сплава является с технологической точки зрения универсальной для изготовления мелких предметов. Этот сплав хорош для литья, так как небольшие присадки свинца обеспечивают довольно высокую жидкотекучесть, качественное заполнение литейной формы и придают большую плотность отливке. Он пригоден и для холодной механической деформации металла с неограниченными степенями обжатия (*Равич*, 1982. С. 8, 11). Необходимо отметить один очевидный дефект такого сплава –

Таблица 11. **Содержание легирующих элементов в сплаве Cu + Sn + Pb + Zn (в %)**

Элементы	Серенск	Курганы	Серенск	Курганы
	Многокомпонентная бронза		Многокомпонентная латунь	
Sn	1,7–12,0	1,7–26,2	1,0–3,0	1,0–9,0
Pb	1,0–11,0	1,0–8,8	1,0–8,0	1,0–7,4
Zn	1,5–3,0	1,0–10,0	8,0–10,0	1,5–28,0

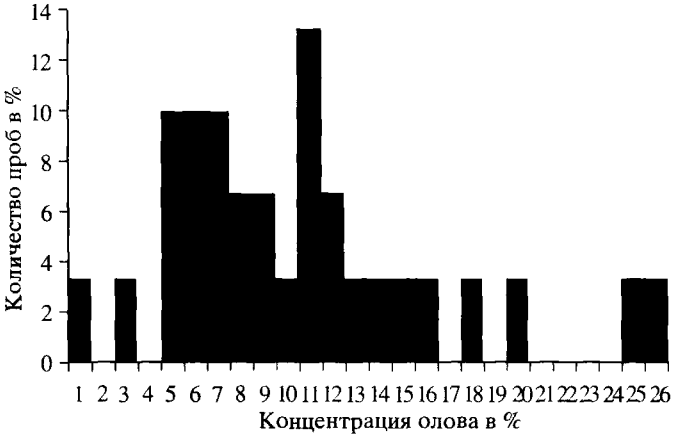


Рис. 9. Концентрация олова в сплаве Cu + Sn + Pb + Zn (курганы)

большую рассеянную усадочную пористость, сопровождающуюся газовой пористостью, который можно наблюдать на значительном количестве проанализированных предметов, имеющих как бы "ноздреватую" поверхность.

Группы ***многокомпонентных бронз и латуней*** объединяют сплавы, в которых в качестве легирующих компонентов присутствуют олово, цинк и свинец. Они не характерны для серенской выборки, но в сельских материалах представлены значительным количеством. Концентрация легирующих элементов – олова и цинка – в многокомпонентных сплавах из Серенска несколько ниже (табл. 11).

Особенно показательно с этой точки зрения олово. Как и в примерах с оловянной и оловянно-свинцовой бронзами, в Серенске представлена в основном низкооловянная многокомпонентная бронза, а в курганном материале выделяются две группы – с низким и высоким содержанием лигатуры в этом сплаве[5] (рис. 9).

Корреляционный анализ многокомпонетных бронз из сельских памятников выявил высокий коэффициент связи между медью и оловом (–0,88), средний со свинцом (–0,52) и низкий с цинком (–0,31). В случае с многокомпонентными латунями картина получилась прямо противоположной. Сильная корреляционная зависимость выявлена между медью и цинком (–0,95), а между медью и оловом и медью и свинцом она более слабая (–0,34 и –0,31 соответственно). Таким образом, основой многокомпонентных бронз и латуней выступали, вероятно, различные сплавы.

Среди изделий, полученных из многокомпонентных сплавов, преобладают проволочные и кованые украшения. Это хорошо согласуется с технологическими свойствами этих сплавов, так как наличие цинка обеспечивает хорошую обрабатываемость при механической деформации. Несмотря на небольшой процент изделий, в состав которых входил цинк, в серенском массиве данных, все их нельзя считать предметами импорта. Так, в мастерской № 3 были обнару-

[5] Распределение олова в многокомпонентных бронзах Серенска графически не представлено, так как мы не располагаем для этого достаточной информацией.

жены две латунные учебные пластины с литым орнаментом и фрагмент толстой пластины, который, вероятно, является примером переплавленного лома, сформованного для удобства последующей работы.

Сравнительное изучение находок из Серенска и вятичских курганов показало определенное сходство набора сплавов, используемых серенскими и сельскими ювелирами этого региона, свидетельствующее об общности ювелирной традиции, характерной чертой которой было широкое употребление оловянных бронз. Несмотря на то, что основателями ювелирного дела в Серенске были черниговские мастера (*Zaitseva*, 2000. P. 114), изделия массового спроса изготавлялись в соответствии с местными традициями цветной металлообработки. Ювелиры вынуждены были учитывать реальные тенденции моды, которая всегда выражает вкусы потребителей. Интересно отметить, что в серенском керамическом деле наблюдается совершенно противоположная картина. И.В. Болдин отмечает, что большинство керамических сосудов изготовлены в южнорусской традиции (*Болдин*, 1998. С. 22–23), нехарактерной для расположенных в округе сельских памятников.

Наряду с общностью ювелирных традиций выявился и ряд существенных отличий, характеризующих специфику анализируемых выборок. Прежде всего, она состоит в том, что помимо украшений, в серенском материале присутствуют такие важные для изучения состава металла находки производственного характера, как сырье, заготовки, лом и др. Они документируют наличие местного ювелирного дела. Эти находки представлены как сырьевыми материалами, так и полуфабрикатами, уже прошедшими частичную обработку. Плавка "чистой" меди подтверждается наличием ее выплесков. Оловянная бронза представлена двумя слитками с высоким содержанием олова, один из которых (25% олова) уже был частично использован, и прутом (12% олова), являющимся, скорее всего, сырьевым материалом. Толстая пластина из оловянной латуни (мастерская № 3) также выступала, вероятно, источником металла для последующего использования. На городище обнаружены небольшой слиток свинца и фрагменты сырьевого серебра.

На основании сделанных наблюдений можно заключить, что в мастерские Серенска металл поступал в виде слитков чистых металлов и сплавов, пластин, проволоки и прутов. В качестве источника меди ювелиры использовали посуду, сделанную из очень чистой, практически без примесей, меди. Во второй половине XIII в. мастера начинают использовать цинкосодержащие сплавы, поступающие в виде пластин, проволоки и лома.

Металл, который употребляли ювелиры Серенска, выглядит более "чистым" по сравнению с металлом украшений из курганов. Двойные сплавы в серенском массиве представлены более высоким процентом; многокомпонентные сплавы, составляющие значительное количество в курганных материалах, практически отсутствуют в домонгольских слоях города. Такие смешанные сплавы получались, в основном, при переплавке разнохарактерных изделий и являются индикаторами работы с ломом.

Серенские ювелиры использовали для производства украшений преимущественно сырьевые материалы. Их деятельность обеспечивалась, вероятно, княжеской казной, и они не испытывали дефицита сырья. Узкие границы концентраций легирующих элементов в ведущих сплавах и малочисленность предметов, изготовленных из сплавов, выходящих за их пределы, свидетельствует о незначительном использовании лома и вышедших из употребления украшений в качестве сырья. Эта черта отличает Серенск как от сельских поселений, так и от многих других древнерусских городов X–XIV вв., материалы которых подвергались аналитическому изучению. Исследователи часто отмечают широкое использование ювелирного лома для переплавки (*Коновалов*, 1969б. С. 60; *Королева*, 2000. С. 129; *Енисова*, 1999. С. 7 и др.). Тем не менее, чистые металлы, прежде всего медь и свинец, фиксируются среди находок производственного характера практически во всех древнерусских городских мастерских. Этот факт является убедительным доказательством того, что древнерусские ювелиры не были безразличными пользователями поступившего к ним сырья, они хорошо знали свойства различных сплавов и создавали их в соответствии с поставленными задачами.

Неоднократные следы переплавок были выявлены и в результате статистического анализа данных курганной выборки. Наиболее ярким примером этого является группа сплавов на основе меди с низким содержанием драгоценных металлов, наличие которых трудно объяснить с технологической точки зрения. В Серенске эта группа сплавов вообще не обнаружена, так же как и представленная в курганной выборке оловянно-цинковая бронза. Анализ материалов других древнерусских памятников показывает, что такая бронза чаще всего встречается там, где ювелиры широко применяли смешивание различного по составу ювелирного лома, как бронзового, так и латунного, содержащего цинк. Вероятно, сельские ювелиры земли вятичей не имели постоянной возможности получения свежего, относительно "чистого" металлического сырья, и в их среде вращался многократно использовавшийся металл.

Серенские ювелиры отдавали предпочтение низкооловянным бронзам, в то время как деревенские мастера для изготовления аналогичных украшений использовали также сплавы со средним и высоким содержанием олова. Они были пригодны для производства украшений, но являлись менее универсальными с технологической точки зрения. Сплавы с 10 и более процентами олова могут быть подвергнуты ковке лишь с низкими степенями обжатия, так называемой "косметической"[6], а начиная с 20%, оловянные бронзы не куются в холодном состоянии (*Равич*, 1983. С. 139–142).

Преобладание низкооловянных бронз характерно не только для Серенска, но и для многих других древ-

[6] Понятие формообразующей и косметической ковки предложено Н.В. Рындиной (1993. С. 12).

нерусских городов. Так, например, в Новгороде представлены только низкооловянные бронзы, максимальное значение легирующего элемента в которых не превышает 5%. Они же доминируют и в Пскове (*Королева*, 1996. С. 236, 245–246).

Высокооловянные бронзы были в распоряжении серенских ювелиров, о чем свидетельствуют находки слитков с высоким содержанием олова. Однако они предпочитали приготовлять новые сплавы с добавлением медного сырья, направленным на понижение содержания олова в сплаве. Вероятно, мастера хорошо знали, что низкооловянные сплавы обладают универсальностью с технологической точки зрения. Олово выступало не только в качестве лигатуры при изготовлении сплавов, но также применялось для нанесения покрытия (лужения). Как показало химико-технологическое изучение курганной выборки, этот декоративный прием широко использовался в данном регионе (*Сарачева*, 1996. С. 65–66). Известно, что в XIX в. использовали для лужения олово, разбавленное свинцом. Такой состав обходился значительно дешевле (*Сюзев*, 1889. С. 5).

Исследователи вятичских курганных инвентарей А.В. Арциховский и особенно Б.А. Рыбаков специально обращали внимание на вопросы, связанные с производством и сбытом украшений (*Рыбаков*, 1948. С. 434–466). Проделав большую сопоставительную работу, Б.А. Рыбаков пришел к заключению о существовании в деревенской среде множества небольших "микроскопических средневековых мирков" – рынков, в пределах которых производились, распространялись и потреблялись металлические украшения, имеющие "племенную окраску" (*Рыбаков*, 1948. С. 445–447).

В Древней Руси ремесленное производство имело развитую организационную структуру: деревенское (общинное), вотчинное и городское свободное. Полагают, что в сельской местности ювелиры составляли отдельную группу ремесленников или кузнецы совмещали черную и цветную металлообработку. В деревне ремесленники работали на заказ, выпуская продукцию для ограниченного круга людей (*Пеняк*, 1991. С. 28–29).

К сожалению, археологические данные об обработке цветных металлов на сельских памятниках этой территории пока весьма скудны. Они обобщены А.А. Юшко в монографии, посвященной Московской земле. Ювелирное производство открыто на селищах Деснинское и Жуковка (*Юшко*, 1991. С. 46–47). Мастерские по выделке медной посуды обнаружены в Звенигороде (*Юшко*, 1991. С. 78) и на расположенном неподалеку от него городище Гальчино (*Кренке* и др., 2000. С. 115–116). "Укрепленным центром сельских общинников" считает А.А. Юшко Успенское городище, на котором изучено жилище-мастерская ювелира XI в., где обнаружены наковаленки, обломок литейной формы, чеканы, бракованная пятилучевая привеска (*Юшко*, 1991. С. 101–102, 123). Городские и вотчинные мастера также изготовляли украшения массового потребления для продажи в округе, что можно видеть на примере Серенска. Вполне вероятно, что это был не побочный заработок ювелиров, а целенаправленное производство по заказу владельца мастерских, который и обеспечивал их продажу. Сходный характер имел домонгольский Тушков. А.А. Юшко допускает, "что этот маленький ремесленный городок был основан княжеской властью на крайних северо-восточных рубежах Смоленского княжества XII в. как своеобразный плацдарм для проникновения этой власти в гущу общинного местного населения "мирным" путем – через обеспечение его ремесленной продукцией" (*Юшко*, 1991. С. 123).

Химико-технологический анализ большой группы украшений из вятичских курганов позволяет предположить производство массовых "племенных" изделий как непосредственно в сельской, так и в городской среде для последующего сбыта в деревне. Украшения, входившие в состав погребального инвентаря, обладают определенными чертами, присущими городскому свободному и вотчинному (усадебному) ремеслу: стандартность изделий, их товарная форма, применение оптимальных технологий изготовления. Кроме того, в городе бытовали такие же формы украшений, и, как показал проведенный нами сравнительный анализ, некоторые из них изготовлялись из одинаковых сплавов.

Безусловно, мы не можем рассматривать Серенск как место производства украшений, найденных в значительно удаленных курганных группах. Тем не менее, достаточный процент изделий из характерных для Серенска низкооловянных бронз, обнаруженных в курганных материалах, позволяет говорить о Серенске, как об одном из предполагаемых центров производства украшений, находивших своих потребителей среди сельских жителей. Изготовленные в Серенске витые проволочные браслеты и решетчатые перстни распространялись среди окрестного сельского населения. Однако значительная часть украшений вятичей сделана в несколько иной традиции создания сплава с более высоким содержанием олова.

Результаты, полученные в процессе изучения двух разных выборок по единой методике, оказались не только сопоставимыми, но и взаимодополняющими. В частности, курганные материалы расширили сведения о многокомпонентных сплавах, плохо представленных в серенской выборке. Материалы Серенска дают возможность сделать некоторые ценные замечания в отношении набора сплавов, использовавшихся ювелирами после середины XIII в. но отсутствующих в курганной выборке, и провести сравнительный анализ домонгольской и более поздней металлообработки одного из городов Земли вятичей.

Во второй половине XIII в. картина использования цветных металлов в Серенске меняется. Крепость была сожжена монголами. В огне пожара погибли и комплексы двух ювелирных мастерских. Однако производственная деятельность быстро восстанавливается во вновь отстроенном городке. В середине XIII в. возникает крупная ювелирная мастерская в северо-западной части детинца. Ювелиры мастерской № 3 находились в более жестких условиях и в большей степени использовали в работе лом старых изделий, что объясняется разрушением системы налаженных хозяйственных и экономических связей. Так, из 14

проанализированных предметов, содержащих цинк, 10 сделано из четырехкомпонентных сплавов.

В этот период в ассортименте изделий ювелиров появляются новинки. Из свинцово-оловянной бронзы с повышенным содержанием олова и свинца целенаправленно отливались кресты-энколпионы. Изменения коснулись и набора сплавов серенских ювелиров: появляется новое сырье, содержащее цинк. Аналогичная картина наблюдается и в подчиненном Литвой Торопце: латунные вещи представлены лишь в верхних горизонтах детинца, относящихся ко второй половине XIII – началу XIV в. (*Фоняков*, 1991. С. 220). В XIII–XIV вв. зафиксирован резкий рост количества латунных предметов в Пскове, что являлось результатом активной торговли с Прибалтикой (*Королева*, 1997. С. 174, 177). В Новгороде в это время также продолжают активно использовать латуни (*Ениосова и др.*, 2000. С. 107–108).

В домонгольское время Серенск входил в так называемую "вятичскую" зону цветной металлообработки, выделенную А.А. Коноваловым на основе курганных материалов (*Коновалов*, 1974. С. 11). Она была распространена на значительной территории Северо-Восточной и Юго-Восточной Руси и характеризовалась господством оловянных и оловянно-свинцовых бронз. Основным поставщиком металла в эту зону, была, очевидно, Волжская Болгария, имевшая собственные разработки месторождений меди и занимавшаяся транзитной торговлей.

Кардинальное изменение политической ситуации в середине XIII в., вероятно, повлекло за собой изменение экономических связей Серенска. Политическая история крепости в это время не нашла отражения в документах, однако можно предположить, что ее владельцами стали брянские князья – наследники черниговских. Брянское княжество до 1280–1290-х годов сохраняло свое единство и было одним из самых значительных в южнорусских землях (*Александров*, 1994. С. 98, 109). Князья быстро восстановили сожженный татарами городок, вновь наладили работу ювелирной мастерской и курировали ее деятельность. Заметную роль в доставке ювелирного сырья играет в это время западное направление, нашедшее отражение в изменении набора сплавов. На значимость Серенска во второй половине XIII в. косвенно могут указывать находки поливной керамики северопричерноморского и иранского происхождения[7]. По наблюдениям В.Ю. Коваля, такие предметы роскоши были доступны только князьям и их ближайшему окружению. Вероятно, после выделения верховских княжеств в качестве мелких самостоятельных уделов и перехода брянского стола к князьям Смоленской ветви в конце XIII в. необходимость в мастерской отпадает и ее деятельность прекращается.

Сделанные нами выводы подчеркивают актуальность и перспективность проведения подобных комплексных исследований. К сожалению, за рамками нашей работы остался цветной металл других городов земли вятичей, так как его химический состав до сих пор остается не исследованным. Очевидна необходимость проведения новых аналитических работ, в результате которых расширятся наши представления о характере городской металлообработки этой территории. Малочисленность анализов предметов, найденных в слоях Серенска второй половины XIII в., указывает также на необходимость пополнения базы данных по цветному металлу, который использовали ювелиры после середины XIII в.

[7] Выражаем благодарность В.Ю. Ковалю за возможность познакомиться с результатами изучения восточной поливной керамики древнего Серенска.

Литература

Александров Д.Н., 1994. Южнорусские земли (Киевское и Черниговское княжества) во второй половине XIII – начале XIV в. // Проблемы политической истории и историографии. М.

Болдин И.В., 1997. Курганная керамика Серенска // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тез. докл. VII конференции 17–18 апреля 1997 г. Калуга.

Галибин В.А., 1990. Древние сплавы на медной основе (основные принципы интерпретации) // Древние памятники Кубани. Краснодар.

Даркевич В.П , Борисевич Г В., 1995. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М.

Дубровин А Ф., 1989. Буддийская металлическая скульптура Тибета (атрибуция и датировка по материалам химико-технологического исследования): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Ениосова Н.В., 1999. Ювелирное производство Гнездова (по материалам курганов и поселения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 1999. О создании информационной системы "Цветные металлы и их сплавы Восточной Европы в эпоху средневековья" // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова: Тез. докл. М.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А , Сарачева Т Г., 2000. Латуни средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 14.

Ениосова Н.В., Митоян Р А., Сарачева Т.Г., 2001. О принципах классификации средневековых сплавов на основе меди // Художественный металл России. М.

Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г., 1997. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты в истории изучения // Древности Евразии. М.

Зайцева И.Е., 1997. Производственные ювелирные комплексы серенского детинца и их место в системе застройки (XII–XIV вв.) // Славянский средневековый город: Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М. Т. 2.

Зайцева И.Е , 2001. Ювелирный инструментарий Серенского городища (XII–XIV вв.) // Художественный металл России. М.

Килиевич С.Р., Орлов Р.С., 1985. Новое о ювелирном ремесле Киева X в. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев.

Коновалов А.А., 1969а. Медные сплавы Подмосковных курганов // Вестн. МГУ. Сер. история. № 2.

Коновалов А.А., 1969б. Изучение химического состава медных сплавов из Новгорода // СА. № 3.

Коновалов А.А., 1972. Характеристика медных сплавов украшений из кривичских курганов у дер. Каблуково // Новое в археологии. М.

Коновалов А.А., 1974. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Королева Э.В., 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 3.

Королева Э.В., 1997. Ювелирное ремесло средневекового Пскова // Славянский средневековый город: Тр. VI Международного Конгресса славянской археологии. М. Том 2.

Королева Э.В., 2000. Технологические традиции в ювелирном деле средневекового Пскова (этнический аспект) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб.

Кренке Н.А., Александровская Е.И., Александровский А.Л., Янишевский Б.Е., 2000. Исследование городища Гальчино на р. Протве // АО 1998 года. М.

Орлов Р.С., 1984. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М.

Орлов Р.С., 1988а. Памятники художественной металлообработки // Максимов Е.В., Петрашенко В.А. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев.

Орлов Р.С., 1988б. Про ювелірну традицію сільського населення Чернігівської землі в X – XII ст. // Друга Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краєзнавства: Тез. доп. Чернігів; Ніжин. Вип. II.

Орлов Р.С., 1988в. Художественный металл Чернигова: (Семантика оковки из Черной Могилы) // Чернигов и его округа. Киев.

Орлов Р.С., 1989. Сплавы цветных металлов Новгород-Северской земли в X–XII вв. // Тез. докл. Областной научно-практической конф. (май 1989). Чернигов; Новгород-Северский.

Орлов Р.С., 1993. Прикраси сіверян з Зеленого Гаю // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Суми.

Орлов Р.С., 1994. Серебряные украшения северян Курского Посеймья // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілля.

Орлов Р.С., 1995. Ювелірні прикраси Новгород-Сіверської землі // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. Чернігів.

Пеняк П.С., 1991. Організація ювелірного виробництва Древньої Русі // Ювелирное дело на Украине. Киев.

Південноруське село IX–XIII ст. (нові пам'ятки матеріальної культури) / За ред. О.П. Моці, В.П. Коваленка, В.О. Петрашенко. Київ, 1997.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1991. Древнерусское Семилукское городище XII–XIII вв. на р. Дон (итоги раскопок 1984–1986 гг.) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж.

Равдина Т.В., 1975. Хронология "вятических" древностей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Равич И.Г., 1982. Исследование разрушения металлических изделий в зависимости от состава, технологии изготовления и условий хранения // Отчет сектора металлов ВНИИР. Рукопись.

Равич И.Г., 1983. Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие. М. № 8 (38).

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло древней Руси. М.

Рындина Н.В., 1993. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы: Научн. докл. ... дис. ... док-ра. ист. наук. М.

Сарачева Т.Г., 1996. Псевдосеребряные украшения вятичей // Ювелирное искусство и материальная культура: Тез. докл. участников второго коллоквиума. СПб.

Сарачева Т.Г., 1999. Ювелирные изделия вятичей второй половины XI – первой половины XIII в. (химико-технологический аспект проблемы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1999.

Сарачева Т.Г., 2001. Новые данные о химическом составе цветного металла украшений вятичей // ВМУ. Серия: исторические науки. СПб.

Сарачева Т.Г., Судаков В.В., 1994. Цветная металлообработка Переяславля Рязанского (XII – начало XVI в.) // Историко-культурное наследие: Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань.

Сюзев А., 1889. Лужение и цинкование. М.

Урвачев В.П., Кочетков В.В., Горина Н.Б., 1991. Ювелирное и художественное литье по выплавляемым моделям сплавов меди. Челябинск.

Фоняков Д.И., 1991. Цветной металл Торопца (типология и технология) // СА. № 2.

Шекун О.В., Веремейчик О.М., 1999. Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів.

Юшко А.А., 1991. Московская земля IX–XIV вв. М.

Riederer J., 1969. Chemie und Physik im Dienst der archaeologischen Forschung // Helvetia Archaeologica.

Riederer J., 1984. Metallanalysen römischer Bronzen // Toreutik und figürliche Bronzen romischer Zeit. Berlin.

Zaitseva I., 2000. Jewelers from different regions in the castle of St. Michael of Chernigov // 6-th Annual Meeting EAA. Final programme and abstracts. Lisbon.

*Приложение**

Результаты анализов металла находок из Серенска и Спас-Городка

	паспорт	название	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	N анализа
1	Сер84,П2-1-18, № 191	матрица	7	2	0,3	0,01	0,2	0,3	0,06	0,06	0,04	0,006	0,1	2953
2	Сер84,9-2-1а, № 268	хорос	5	0,3	0,4	0,02	0,001	0,08	0,3	0,02	0,03	0,5	0,01	2954
3	Сер84,10-3-3, № 511	иконка	5	6	0,1	0,1	0,04	0,7	0,7	0,2	0,03	0,01	0,01	3040
4	Сер83,8-4-25, № 4	крестоключенная подвеска	6	9	2	0,02	0,09	0,2	0,09	0,03	0,03	0,004	0,01	2956
5	Сер84,9-2-4, № 198	витой браслет	1	0,8	0,5	0,05	0,05	0,3	0,6	0,4	0,03	0,01	0	2957
6	Сер84,10-1-9, № 427	накладка	18	2	0,5	0,01	0,2	0,8	0,3	0,1	0,04	0,007	0	2958
7	Сер84,10-2-13, № 486	перстень витой	1	0,7	0,4	0,03	0,2	0,3	0,2	0,05	0,04	0,006	0	2959
8	Сер84,10-3-15, № 524	крест-тельник	9	1	0,9	0,03	0,2	0,3	0,2	0,06	0,04	0,005	0	2960
9	Сер84,9-3-4а-я.7, № 356	книжная застежка	6	2	0,4	0,03	0,1	0,3	1	0,1	0,04	0,006	0	2961
10	Сер83,8-2-22, № 487	решетчатый перстень	6	1	0,01	0,06	0,4	0,4	0,3	0,2	0,03	0,006	0	2962
11	Сер83,8,отвал	пластинчатый браслет	4	2	0,1	0,01	0,2	0,3	0,05	0,01	0,04	0,007	0	2963
12	Сер83,8-2-15, № 491	пластинчатый браслет	3	3	0,01	0,03	0,3	0,5	0,2	0,03	0,04	0,01	0	2964
13	Сер83,8-2-22, № 449	пластинчатый браслет	7	0,7	0,01	0,02	0,2	0,3	0,2	0,03	0,03	0,01	0	2965
14	Сер83,8-2-36, № 540	иконка	14	2	0,3	0,02	0,1	0,2	0,06	0,01	0,03	0,005	0,007	2966
15	Сер83,8-4-36б, № 627	энколпион	2	3	9	0,05	0,2	0,2	0,1	0,03	0,03	0,007	0,01	2967
16	Сер83,8-2-7, № 543	хорос	8	1	0,01	0,006	0,1	0,2	0,05	0,01	0,02	0,005	0	2968
17	Сер83,8-3-22, № 605	решетчатый перстень	3	1	0,6	0,007	0,05	0,1	0,01	0,01	0,03	0,004	0,007	2969
18	Сер83,8-2-25, № 164	браслет витой	0,3	0,4	0,01	0,02	0,2	0,3	0,2	0,1	0,05	0,007	0,007	2970
19	Сер83,8-2-36а, № 549	крест-тельник	4	3	0,7	0,02	50	0,2	0,003	0,04	0,03	0,003	0,6	2971
20	Сер83,8-1-32, № 300	лунница	17	2	0,09	0,02	0,8	0,3	0,06	0,02	0,03	0,005	0,008	2972
21	Сер83,8-1-24, № 448	фрагмент колокола	23	4	0,01	0,02	0,09	0,2	0,05	0,01	0,03	0,006	0	2974
22	Сер83,8-1-22, № 357	пластина учебная	3	1	10	0,04	0,03	0,2	0,3	1	0,04	0,007	0,006	2975
23	Сер83,8-2-31, № 536	бубенчик	8	2	0,03	0,01	0,07	0,4	0,06	0,04	0,03	0,004	0	2976
24	Сер80,6-2-11, № 282	энколпион	10	1	0,2	0,01	0,07	0,1	0,07	0,3	0,02	0,02	0	2977
25	Сер80,6-2-7, № 80	браслет пластинчатый	6	1	0,02	0,01	0,1	0,2	0,3	0,01	0,02	0,02	0	2978
26	Сер80,6-1-27а, № 557	пряжка	12	3	3	0,008	0,9	0,3	0,05	0,3	0,04	0,005	0	2979
27	Сер80,6-1-30, № 11	браслет пластинчатый	9	1	0,1	0,006	0,6	0,2	0,03	0,3	0,03	0,004	0,01	2980
28	Сер80,6-2-8, № 229	энколпион	10	10	0,5	0,01	0,3	0,05	0,1	0,01	0,03	0,004	0,01	2981
29	Сер80,6-2-8, № 229	энколпион	13	4	0,3	0,006	0,3	0,02	0,05	0,2	0,03	0,005	0,01	2982
30	Сер80,6-3-37, № 653	пластина учебная	3	1	8	0,06	0,008	0,2	0,5	0,3	0,04	0,008	0,006	2983
31	Сер80,6-1-12, № 50	височное кольцо перстнеобразное	3	2	0,02	0,02	0,3	0,1	0,09	0,02	0,03	0,004	0	2984
32	Сер80,6-2-отвал, № 234	браслет пластинчатый	3	2	0,03	0,01	0,2	0,2	0,04	0,01	0,03	0,004	0	2985
33	Сер80,6-3-24, № 753,	браслет пластинчатый	10	2	0,02	0,08	0,4	0,2	0,06	0,1	0,07	0,005	0	2986
34	Сер80,6-3-27а, № 741	энколпион	12	2	0,5	0,02	0,08	0,1	0,05	0,01	0,02	0,004	0	2987
35	Сер80,6-1-27, № 552	браслет пластинчатый	6	2	0,1	0,01	0,7	0,3	0,05	0,008	0,03	0,004	0	2988
36	Сер80,6-3-16, № 448	заготовка	0,01	0,4	0,01	0,05	0,8	0,3	0,3	0,008	0,03	0,001	0,007	2989

* Анализы № 1-54 и № 115-125 сделаны в лаборатории ВНИИР, анализы № 55-83 в лаборатории Института археологии (съемка 05.04.1973, пластинки № 1330–1332) методом спектрального анализа. Анализы № 84-114 сделаны в ГИНЦВЕТМЕТ методом микрорентгеноспектрального анализа. Во всех образцах, кроме № 19 и 47, основу сплава составляет медь.

Приложение (окончание)

	паспорт	название	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	N анализа
37	Сер80,6-яма6-7, № 858	крест-тельник	6	2	2	0,03	0,6	0,2	0,1	0,01	0,02	0,004	0,006	2990
38	Сер80,6-1-31, № 45	браслет крученый	4	0,6	0,01	0,02	0,08	0,2	0,04	0,04	0,02	0,004	0	2991
39	Сер80,6-кв.28,постр.2	браслет ложновитой	6	0,2	0,7	0,04	0,2	0,4	0,6	0,008	0,07	0,004	0	2992
40	Сер80,6-1-5, № 43	гривна витая	3	1	0,03	0,05	0,2	0,4	0,5	0,01	0,02	0,009	0	2993
41	Сер80,6-2-13, № 137	браслет дротовый	10	0,3	0,04	0,07	0,1	0,2	0,2	0,01	0,03	0,005	0	2994
42	Сер80,6-2-7, № 161	перстень решетчатый	13	1	0,3	0,03	0,2	0,3	0,1	0,01	0	0,06	0	2995
43	Сер80,6-33, № 881	перстень щитковый	10	0,2	0,3	0,08	0,4	0,5	0,5	0,08	0,02	0,004	0	2996
44	Сер82,7-	браслет дротовый	9	1	0,02	0,1	0,2	0,5	0,3	0,01	0,03	0,005	0	2997
45	Сер82,7-5\6-44\45, № 539	браслет пластинчатый	7	1	2	0,1	0,3	0,6	0,4	0,02	0,02	0,005	0	2998
46	Сер82,п.1,рытье ямы	браслет крученый	0,1	1	0,2	0,04	0,2	0,4	0,06	0,01	0,03	0,006	0	2999
47	Сер82,7-4-56, № 346	гривна пластинчатая	1	0,9	2	0,008	60	0,4	0,05	0,2	0,03	0,002	0,9	3000
48	Сер82,п1-4-4, № 1069	перстень пластинчатый	27	1	0,07	0,05	0,8	0,3	0,07	0,1	0,04	0,004	0	3001
49	Сер82,п1-4-3, № 1068	накладка	0,02	0,2	0,05	0,07	0,2	0,2	0,1	0,008	0,03	0,007	0,01	3002
50	Сер82,7-4-44, № 297	кольцо поясное	7	0,9	0,04	0,03	0,2	0,3	0,06	0,01	0,03	0,004	0	3003
51	Спас79,2-3-48, № 85	ручка	0,06	0,4	0,03	0,009	0,1	0,5	0,05	0,008	0,03	0,005	0	3004
52	Спас79,2-5-35, № 222	перстень пластинчатый	25	6	0,9	0,06	0,6	0,5	0,1	0,03	0,03	0,004	0,02	3005
53	Спас78,1-1-10, № 157	височное кольцо 7-лопастное	6	1	0,04	0,02	0,3	0,2	0,02	0,008	0	0,05	0	3006
54	Сер84,9-1-5, № 119	браслет пластинчатый	4	2	0,08	0,04	0,03	0,2	0,3	0,02	0,03	0,01	0	2973
55	Сер66, 2-уч4, № 1608	браслет витой	6	0,7	0	0,0015	0,07	0,25	0,04	0,07	0,05	0	0	13255
56	Сер66,7-76, № 1268	браслет пластинчатый	7	0,4	0,6	0,025	0,07	0,5	0,6	0,17	0,2	0,004	0	13256
57	Сер66,уч1, № 1567	браслет витой	6	1,7	0	0,004	0,08	0,3	0,06	0,5	0,06	0	0	13257
58	Сер66,2-4-70, № 1616	браслет витой	9	0,6	0	0,003	0,1	0,25	0,005	0,25	0,04	0	0	13258
59	Сер66,2-погр1, № 1558	браслет витой	6	0,8	0,6	0,05	0,07	0,3	0,5	0,25	0,035	0,01	0	13259
60	Сер71,5-2-63, № 58	браслет витой	3	0,6	0,014	0,02	0,04	0,15	0,8	0,25	0,03	0,1	0	13260
61	Сер66,2-3-99, № 1077	браслет витой	1,2	0,5	0,09	0,1	0,05	1	0,3	0,2	0,1	0	0	13261
62	Сер	браслет витой	7	0,4	0,4	0,007	0,06	0,4	0,15	1	0,04	0	0	13263
63	Сер69,4-4- № 173	браслет витой	4	0,3	0	0,05	0,1	0,3	0,35	0,25	0,05	0	0	13264
64	Сер66,2-4-90, № 1269	браслет витой	1	0,7	0	0,05	0,04	0,3	0,6	0,2	0,05	0,005	0	13265
65	Сер71,5-4-37, № 276	подвеска монетовидная	3,5	1	0	0,004	0,015	0,05	0,012	0,15	0,003	0	0	13266
66	Сер71,5-3-58, № 205	матрица	7	0,3	0,018	0,01	0,03	0,2	0,35	0,25	0,1	0	0,001	13267
67	Сер71,5-2-45, № 85	кольцо поясное	6	0,8	0	0,003	0,05	0,4	0,08	0,05	0,03	0	0,001	13268
68	Сер71,5-2-38, № 83	пластина	0,08	0,25	0	0,05	0,06	0,2	0,4	0,02	0,04	0	0	13269
69	Сер67,3-6-28, № 1005	матрица	4	2,5	0,18	0,006	0,2	0,4	0,08	0,01	0,05	0	0,01	13270
70	Сер69,3-15, № 445	перстень решетчатый	9	2	0,08	0,05	0,1	0,2	0,17	0,1	0,02	0	0	13271
71	Сер71,5-4-61, № 285	браслет витой	0,09	0,45	0,02	0,015	0,07	0,15	0,035	0,3	0,01	0	0,003	13272
72	Сер71,5-3-43, № 208	перстень решетчатый	2	0,7	0,008	0,05	0,06	0,1	0,06	1	0,007	0,005	0,001	13273
73	Сер66,2-3-68, № 1547	хорос	3	0,6	0,04	0,012	0,08	0,25	0,6	0,15	0,04	0,3	0,002	13274
74	Сер67,3-6-20, № 990	подвеска трефовидная	15	2,5	0,01	0,05	0,06	0,9	0,4	0,05	0,05	0,002	0	13276
75	Сер67,3-8-10, № 676	накладка	1,7	11	1,5	0,01	0,03	0,3	0,09	0,2	0,01	0	0,2	13277
76	Сер67,3-6-14, № 1000	пуговица	0,3	0,6	0,03	0,05	0,07	0,2	0,08	0,1	0,03	0	0,2	13278
77	Сер66,2-4-65, № 1256	перстень решетчатый	4	4,5	0,01	0,004	0,05	0,17	0,07	0,05	0,015	0	0,001	13279
78	Сер66,2-кв.91-92, № 1069	бубенчик	3,5	2,5	0,005	0,006	0,08	0,25	0,06	0,25	0,02	0,001	0	13280
79	Сер65,1-4-24, № 2505	перстень решетчатый	7	1,7	0,012	0,05	0,07	0,25	0,35	0,07	0,05	0,004	0,002	13281

80	Сер66,2-4-92, № 1249	височное кольцо 7-лопастное	3	2,5	0,018	0,007	0,015	0,06	0,06	0,05	0,001	0	0	13282
81	Сер67,3-6-32, № 1009	браслет дротовый	1,2	2	0,01	0,05	0,05	0,3	0,4	0,05	0,015	0,005	0	12383
82	Сер673А-2-148, № 116	перстень решетчатый	1,5	1,8	0,02	0,015	0,03	0,2	0,2	0,015	0,008	0,005	0	12384
83	Сер67, № 1213	браслет витой	9	1,4	0,6	0,005	0,02	0,06	0,04	0,15	0,007	0	0	13285
84	Сер67,3-6-20, № 1016	бусина	19,154	0,15	0,008	0	0,07	0	0,28	0,095				
85	Сер66,2	булавка	2,23	0,097	0	0,039	0,078	0,097	0,278	0,02				
86	Сер66,2-3-66, № 181	модель	4,37	0,45	0,22	0,0185	0,54	0,13	0,23	0,04				
87	Сер65,1-4-56, № 2502	накладка	1,1	0,1	0,028	0,026	0,1	0,23	0,16	0,01				
88	Сер66,2-2-101, № 296	накладка	8,74	0,35	0	0,023	0,14	0	0,122	0,033				
89	Сер65,1-3-26, № 655	матрица	6,75	0,12	0	0	0,333	0,074	0,465	0,05				
90	Сер65,1-4-3, № 487	браслет пластинчатый	3,375	0,05	0,005	0,015	0,036	0,0165	0,255	0,005				
91	Спас78,1-2-4, № 6	энколпион	17,96	0,287	0,1	0	0,167	0	0,023	0,103				
92	Сер84,П2-2-11, № 58	браслет пластинчатый	11,59	0,295	0,105	0,022	0,126	0	0,034	0,026				
93	Сер80,6-2-27а, №	иконка	0,763	0,1	4,04	0,019	0,03	0,204	0,55	0,029				
94	Сер84,П1-2-17, № 98	зеркало	19,12	9,405	0,014	0,014	0,052	1,4	0,13	0				
95	Сер83,П1-2-26, № 202	чашка	0,001	0,107	0,015	0,004		0,043	0,067	0,015				
96	Сер82,7-3-53, № 88	пластина	0,005	0,012	0,001	0,029		0,07	0,13	0,003				
97	Сер82,7-6-50, № 608	слиток	25,228	0,189	0,005	0		0	0,04	0,037				
98	Сер82,7-4-46, № 333	стержень	0,015	0,088	0,018	0,032		0,067	0,11	0,004				
99	Сер80,6-2-30, № 109	пластина	0,018	0,001	0	0,047		0,077	0,13	0				
100	Сер80,6-3-37, № 655	хорос	3,66	0,164	0,012	0,008		0,18	0,166	0,012				
101	Сер80,6-2-34, № 658	навершие меча	5,518	0,057	0	0,038		0,303	0,245	0,162				
102	Сер80,6-4-24а, № 705	браслет пластинчатый	2,707	0,044	0,006	0,004		0,232	0,667	0,009				
103	Сер82,7-4-49, № 266	браслет пластинчатый	1,322	0,062	0,004	0,002		1,598	0,605	0,05				
104	Сер82,7-3-43, № 94	браслет пластинчатый	4,289	0,08	0,03	0,01		0,097	0,876	0,05				
105	Сер82,П1-5-8, № 1098	перстень решетчатый	7,39	0,159	0,376	0,005		0,003	0,008	0,027				
106	Сер82,7-3-50, № 174	браслет дротовый	6	0,163	0,002	0,035		0	0,434	0,013				
107	Сер82,7-4-51, № 385	игла	1,25	0,067	0,051	0,032		0,074	0,15	0,022				
108	Сер82,П1-3-10, № 930	браслет пластинчатый	0,627	0,066	0,005	0,017		0,073	0,09	0,022				
109	Сер83,8-22, № 467	пряжка	3,83	0,088	0	0,011		0,29	0,484	0,024				
110	Сер80,6-2-28, № 176	прут	12,334	0,176	0,001	0,009		0	0,128	0,002				
111	Сер82,7-6-44, № 751	спиралька	3,223	0,091	2,94	0,009		0,122	0,061	0,087				
112	Сер82,7-4-43, № 254	перстень решетчатый	7,877	1,551	0,016	0		0,008	0,475	0,006				
113	Сер82,7-4-43, № 284	гривна пластинчатая	0,204	0,063	16,39	0,015		0,023	0,064	0,353				
114	Сер83,8-1-24, № 448	пластина	3,869	0,248	5,952	0,045		0,248	0,124	0,163				
115	Сер65,1-4-5, № 2495	энколпион	3	4	0	0,04	0,02	0,04	0,1	0,3	0,009	0,006		2577
116	Сер65,1-4-25, № 2494	энколпион	2	6	8	0,03	0,01	0,1	0	1	0,1	0,006		2578
117	Сер71,5-4-66, № 296	браслет пластинчатый	2	5	0,2	0,04	0,03	0,1	0	0,03	0,01	0,05		2579
118	Сер86,П2-3-4, № 120	крест-тельник	7	6	0	0,8	0,4	0,2	0,5	0,3	0,004	0		2575
119	Сер83,8-2-23, № 470	обрезок пластины	0,3	4	0,02	0,1	0,07	0	0,02	0.1	0,005	0		2585
120	Сер66,2, № 1588	височное кольцо 7-лопастное	4	5	0	0,01	0,05	0,1	0	0,02	0,02	0,05		2582
121	Сер86,П2-	браслет пластинчатый	2	3	0	0,02	0,04	0,1	0,1	0,9	0,07	0		2576
122	Сер83,8-4-36б, № 627	энколпион (ушко)	1	8	10	0,06	0,4	0,06	0,6	0,01	0,006	0,004		2584
123	Сер66, № 1605	височное кольцо 7-лопастное	9	7	0,05	0,04	0,1	0,7	0,1	0,02	0,02	0		2580
124	Сер67,3А-3-63, № 21	хорос	2	5	0,8	0,06	0,4	0,06	0,6	0,01	0,006	0,004		2583
125	Сер86,П2-3-8, № 84	браслет ложновитой	7	4	0	0,07	0,06	0,1	1	0,03	0,03	0		2581

Л.В. Покровская

Финно-угорские украшения в Новгороде XIII века

В течение XII–XIII вв. в состав Новгородских земель включаются территории прибалтийско-финских племен (води, корелы и ижоры), которые образуют в Новгородском государстве особые "земли" (*Рябинин*, 1993. С. 114). Наиболее ярко процесс объединения, начало которого относится к XII в., проявляется в следующем, XIII столетии. Новгород в это время активно укрепляет свои позиции и расширяет границы Новгородских земель.

Развитие взаимоотношений Новгорода с финно-угорскими племенами приводит к своеобразному славяно-финскому культурному синтезу и появлению новых форм украшений. Именно к этому периоду относятся оформление и расцвет культур прибалтийско-финских племен, вошедших в состав Новгородской земли (*Кирпичников, Рябинин*, 1990. С. 108). Этот процесс взаимодействия находит отражение в новгородском археологическом материале XIII в. и обуславливает количественный рост финно-угорских украшений в это время.

Финно-угорские племена на протяжении всего средневековья сохраняют особенности своего костюма. Присущие им традиционные украшения подробно изучены и легко поддаются определению. Основные категории новгородских ювелирных изделий подробно рассмотрены М.В. Седовой в монографии "Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.)" (1981). В работе приведено подробное описание и анализ всех типов украшений, найденных в Новгороде за период с 1951 по 1974 г., указан широкий круг аналогий, дана характеристика новгородского женского убора в разные хронологические периоды.

Выборка финно-угорских украшений из новгородских материалов достаточно представительна. Это обусловлено проведением раскопок в разных частях города и широкомасштабными исследованиями в Неревском и Людином концах.

Украшения финно-угорского происхождения, найденные в Новгороде, делятся на две группы. В первую включены предметы, широко рапространенные в городе и встречающиеся на всех раскопанных усадьбах. Эти украшения составили своеобразие новгородского городского убора. На раннем этапе новгородской истории в эту группу входят подковообразные фибулы (рис. 2, *1–3*), в XII в. появляются булавки так называемых новгородских типов (рис. 2, *5–7*). С XIII в. в новгородский костюм включаются полые шумящие коньки со сканной гривой (рис. 1, *1*) (*Покровская*, 1998. С. 11).

Изучение украшений XIII в., найденных в Новгороде, показало, что в нем присутствуют все группы украшений финно-угорских племен, объединившихся под властью Новгорода в XII–XIV вв. Они имеют яркую этническую характеристику и являются иноэтничным элементом. Эти предметы, как правило, появляются на богатых боярских усадьбах, и в каждом отдельном случае их необходимо рассматривать в контексте усадебного комплекса. Для этой группы украшений характерна малочисленность находок, причем они либо составляют хронологически компактные группы (например, многобусинные височные кольца), либо бытуют в широком временном диапазоне, встречаясь в разное время в единичных экземплярах. Среди предметов, которые вошли в эту группу, – височные кольца, перстни, браслеты, привески, фибулы и булавки.

Всего в слое XIII в. найдено 164 предмета финно-угорского происхождения, относящихся к первой и второй группе.

Височные кольца (6 экз.)

Височные кольца финно-угорского происхождения представлены типами, которые изначально появляются у финно-угров. Среди височных колец XIII в. – многобусинные височные кольца и лунницеобразное ложноплетеное височное кольцо (рис. 1, *8*).

Многобусинные височные кольца (5 экз.). Многобусинные височные кольца, найденные в Новгороде, представляют собой стержень, согнутый в кольцо, на котором нанизаны бусины (рис. 1, *12*). Подобные височные кольца широко распространены на северо-западе Новгородской земли, т.е. на территории расселения летописной води. Они появляются в этом районе в XII в. и бытуют до XIV в. Время их наибольшего распространения приходится на XIII в. (Финно-угры и балты..., 1987. С. 37). Эти височные кольца выделены В.В. Седовым в качестве этноопределяющих головных украшений водских племен (Финно-угры и балты..., 1987. С. 37–38). Он отмечает территориальную обособленность этого типа височных колец, их встречаемость с характерными финно-угорскими предметами, а также этнографические традиции их использования в более позднее время.

Другие исследователи, напротив, считают их модификацией широко распространенных у славян бусинных височных колец (*Конецкий*, 1984. С. 167).

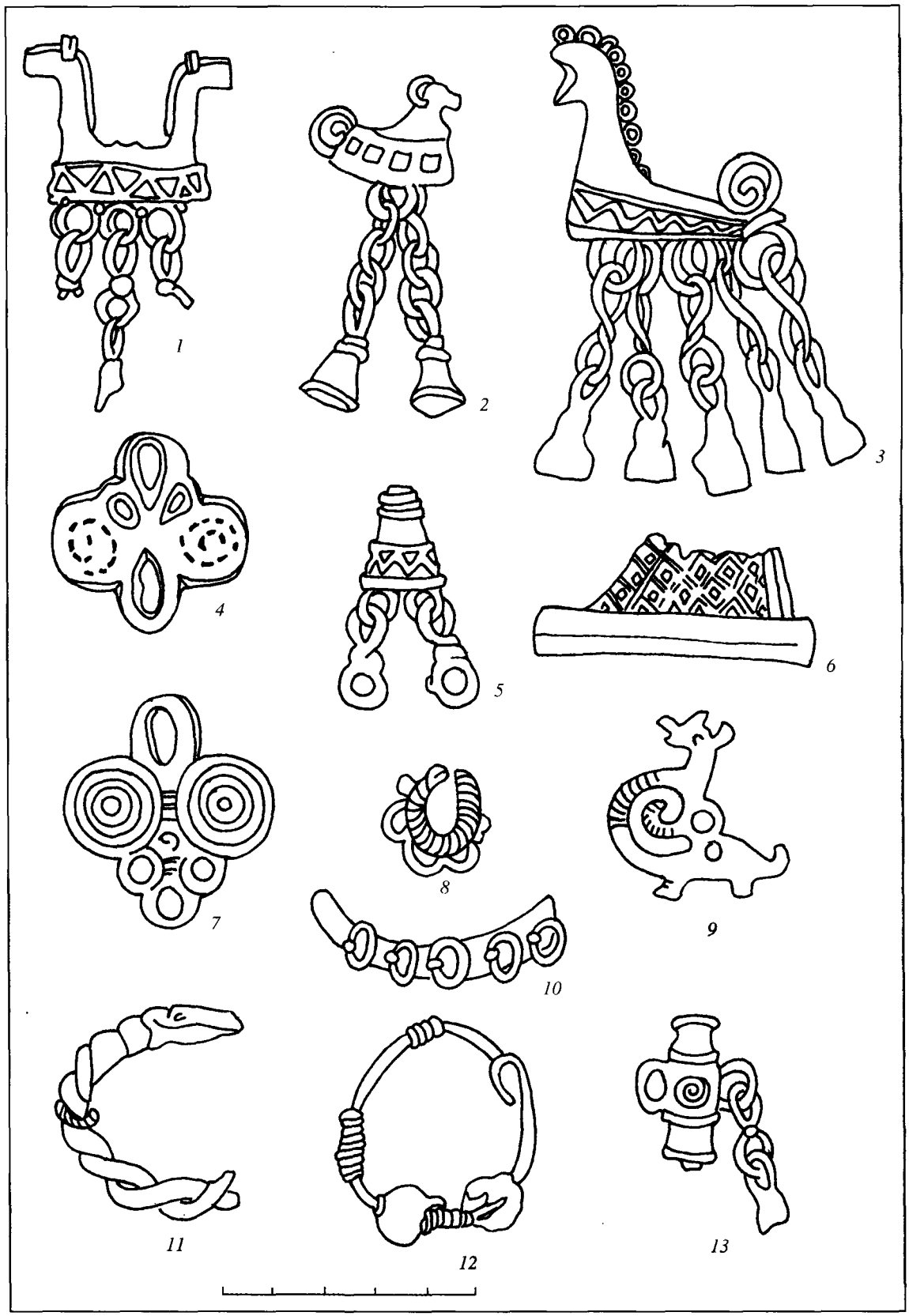


Рис. 1. *1–3, 9* – зооморфные привески-амулеты; *4, 7* – двуспиральные цепедержатели; *5* – конусовидная привеска; *6* – привеска-игольник с арочным навершием; *8, 12* – височные кольца; *10, 11* – браслеты; *13* – Ф-образная привеска. *1* – Троицкий раскоп, пласт 8, кв. 522; *2* – Троицкий раскоп, пласт, кв. 323; *3* – Троицкий раскоп, пласт + 4, кв. 829; *4* – Троицкий раскоп, пласт 6, кв. 586; *5* – Троицкий раскоп, пласт 8, кв. 774; *6* – Троицкий раскоп, пласт 6, кв. 1260; 7 – Троицкий раскоп, пласт 5, кв. 1344; *8* – Троицкий раскоп, пласт 24, кв. 29; *9* – Троицкий раскоп, пласт 8, кв. 1478; *10* – Неревский раскоп, ярус 12, пласт 18, кв. 233; *11* – Троицкий раскоп, пласт 6, кв. 871; *12* – Троицкий раскоп, пласт 10, кв. 1129; *13* – Неревский раскоп, ярус 12, пласт 12, кв. 1992.

По мнению Е.А. Рябинина, многобусинные височные кольца – локальный тип изделий, что не позволяет их однозначно относить к индикаторам этнической принадлежности, так как водская культура XII–XIV вв. сложилась при взаимодействии славянских и финно-угорских традиций и не несет в себе ярко выраженной этнической нагрузки (*Рябинин*, 1990. С. 26).

Тем не менее, почти все исследователи признают, что многобусинные височные кольца являлись продуктом синтеза славянских и финских элементов и распространяются на территории расселения водских племен. Вместе с тем, Ю.М. Лесман считает, что многобусинные височные кольца следует рассматривать как украшение, распространенное в основном на северо-западе Восточной Европы и использовавшееся разноэтничным населением. Поэтому, по мнению Ю.М. Лесмана, их нельзя считать типичными исключительно для Водской земли. Наиболее вероятным местом сложения этого типа височных колец Ю.М. Лесман считает город (возможно, Новгород) (*Лесман*, 1990. С. 99–101).

В Новгороде многобусинные височные кольца составляют хронологически компактную группу второй половины XIII–XIV вв. Они встречены при раскопках во всех трех древнейших концах средневекового Новгорода (Славенском, Неревском и Людине), на тех усадьбах, комплексы ювелирных украшений которых включают наибольшее количество украшений финно-угорского происхождения. В слоях XIII в. два из них найдено на Неревском раскопе (усадьба Е, мостовая) и по одному на Троицком (усадьба И), Кировском (усадьба А) и Ильинском раскопах. Следует полагать, что многобусинные височные кольца попали в Новгород с территории их основного распространения, т.е. с окраинных районов северо-запада Новгородской земли, причем этот тип височных колец использовался в городском костюме, но несколько позже, чем на территории их основного распространения. Дополнительным аргументом в пользу сложения этого типа височных колец на северо-западе Новгородской земли может служить наличие в этих районах другого типа многобусинных колец, у которых между бусами расположены спиральки или колечки, а иногда привески из раковин каури (*Лесман*, 1990. С. 99).

Лунницеобразное ложноплетеное височное кольцо (1 экз.) (рис. 1, *8*). Это височное кольцо представляет собой загнутоконечное, перстнеобразное, плотно оплетенное в нижней части петлями кольцо, причем плетение более крупное к середине и короткое к концам, что придает ему форму лунницы. Внизу расположены колечки для привешивания шумящих украшений. На финно-угорское происхождение этих височных колец указывает наличие колечек для привешивания шумящих украшений, поскольку эта традиция была свойственна финно-угорскому населению. Лунницеобразное ложноплетеное височное кольцо найдено в Новгороде в единственном экземпляре в слое середины XIII в. на Кировском раскопе (усадьба А). Известно всего два подобных височных кольца. Одно происходит из раскопок А.С. Уварова в районе нижней Клязьмы в кургане у села Кубаева Владимирской области (*Левашова*, 1967б. С. 37). Второе – найдено в костромских курганах (*Рябинин*, 1986).

Фибулы (31 экз.) (рис. 2, *1–3, 4, 10*)

В Новгороде в слое XIII в. найдены подковообразные, скорлупообразные и круглая щитковая фибулы. Наиболее представительными в количественном отношении среди новгородских фибул оказываются подковообразные. Подковообразные фибулы широко применялись в костюмах балтов и финно-угров, а их распространение на северо-западе и северо-востоке древней Руси связано с контактами славянского и финно-угорского населения, поэтому их нельзя считать славянским изобретением (*Мальм*, 1967. С. 150). Остальные типы фибул, рассматриваемые в статье, отнесены к группе балтского и финно-угорского происхождения по ближайшим аналогиям.

Подковообразные фибулы (27 экз.)

Фибулы со спиральнозагнутыми головками (12 экз.) (рис. 2, *2*). У фибул со спиральнозагнутыми головками края раскованы и загнуты спиралью. Удобство и простота изготовления спиралеконечных фибул привела к тому, что они широко распространились за пределами тех районов, где они являлись характерным украшением (*Мальм*, 1967. С. 157). Поэтому, логично предположить, что в Новгороде эти фибулы могли также использоваться в городском костюме. Четыре фибулы найдены на Неревском раскопе (усадьбы Д (2), В и Г), шесть – на Троицком (усадьбы Е (2), З (2), Л, И) и по одной – на Людогощинском и Нутном раскопах.

Фибулы с гвоздевидными головками (7 экз.) (рис. 2, *1*). Еще одной распространенной в Новгороде группой подковообразных фибул являются фибулы с воронкообразными головками. Головки фибул этого типа представляют собой усеченную перевернутую пирамиду. Основная часть фибул этого типа встречена в слое XIII в. В.А. Мальм предполагает их прибалтийское происхождение, так как они были широко распространены на восточном побережье Балтийского моря (*Мальм*, 1967. С. 163). Четыре фибулы с гвоздевидными головками происходят с Неревского раскопа (усадьбы Д, Б, И, Е) и по одной – с Ильинского, Кировского (усадьба А) и Троицкого.

Фибулы с гранчатыми головками (5 экз.). У всех фибул этого типа головка представляет собой усеченную пирамиду иногда со срезанными (многогранными) или сглаженными углами.

Фибулы с гранчатой головкой пластинчатые или сегментного сечения и с орнаментом на дуге и головках (3 экз.). Головки фибул этого типа преимущественно гранчатые, однако у больших по диаметру фибул они могут быть плоские и четырехугольные (рис. 2, *3*). Наличие орнамента на дуге и головках отмечено не случайно, поскольку все новгородские фибулы этого типа орнаментированы. Место наибольшего распространения фибул – северо-запад Новго-

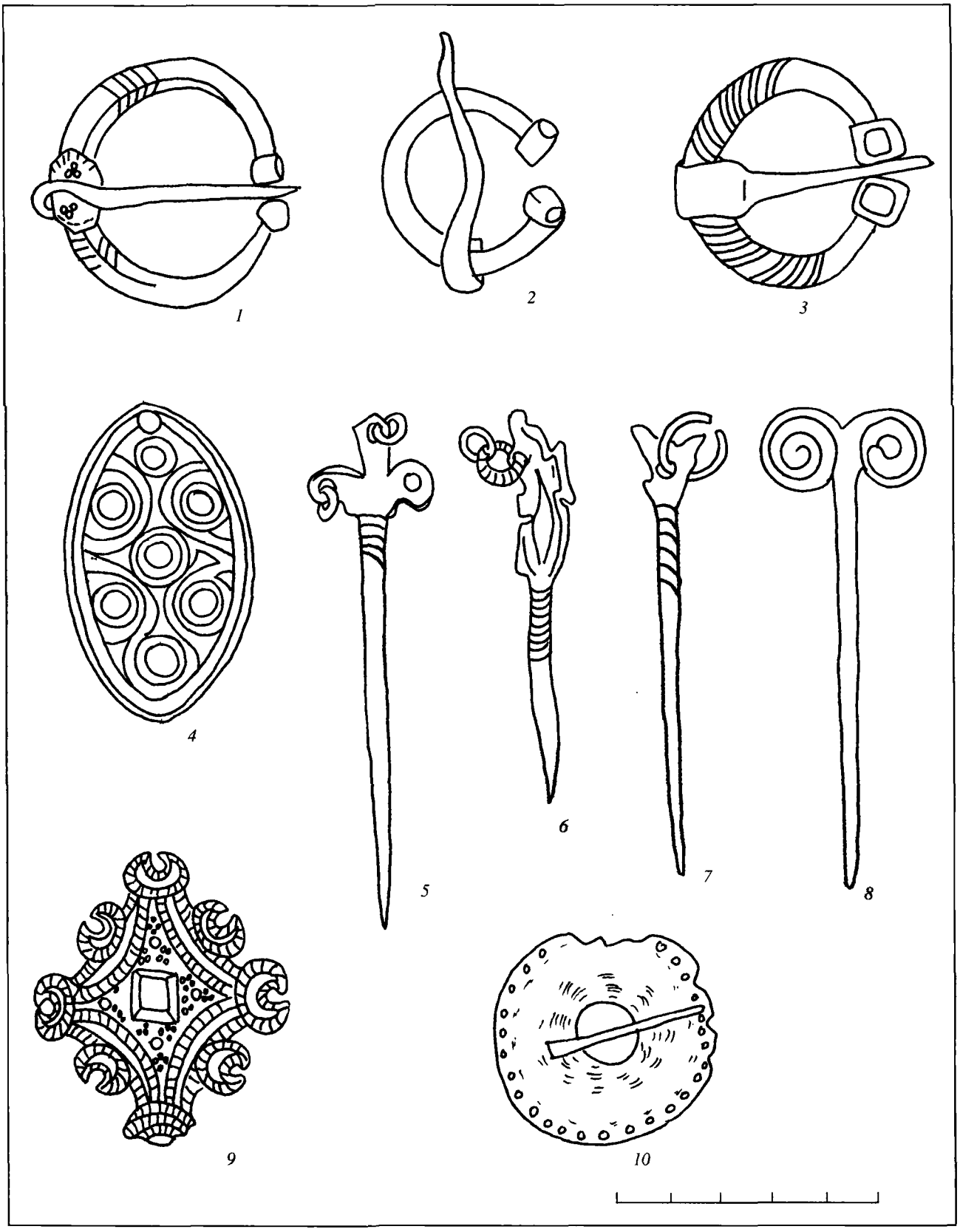


Рис. 2. *1–3* – подковообразные фибулы; *4* – скорлупообразная фибула; *5–9* – булавки; *10* – кругообразная фибула "терветского" типа. *1* – Троицкий раскоп, пласт 7, кв. 560; *2* – Троицкий раскоп, пласт 7, кв. 538; *3* – Троицкий раскоп, пласт 7, кв. 90; *4* – Нутный раскоп, пласт 21, кв. 54; *5* – Троицкий раскоп, пласт 7, кв. 366; *6* – Неревский раскоп, ярус 14, пласт 14, кв. 995; *7* – Троицкий раскоп, пласт 10, кв. 371; *8* – Неревский раскоп, ярус 14, пласт 20, кв. 1195; *9* – Троицкий раскоп, пласт 5, кв. 1254; *10* – Троицкий раскоп, пласт 12, кв. 49

родской земли (*Мальм*, 1967. С. 167). Одна из фибул происходит с Неревского раскопа (усадьба Д), две – с Троицкого (усадьба З).

Фибулы с гранчатой головкой и ромбического сечения (1 экз.). Возможно, фибулы этого типа были изготовлены в самом Новгороде (Седова, 1981. С. 88). Подобные фибулы известны по погребениям северо-западных районов Ленинградской области (*Мальм*, 1967. С. 167). В Новгороде эта фибула найдена на Неревском раскопе (усадьба Е).

Фибулы с многогранными головками (1 экз.). У этих фибул головки оформлены в виде усеченных пирамид со срезанными углами. Фибулы с многогранными головками по своему происхождению связываются с Балтийским регионом (*Седова*, 1981. С. 86; *Мальм*, 1967. С. 161). Новгородская фибула этого типа происходит с Троицкого раскопа (усадьба Н).

Фибулы с ромбовидными головками (1 экз.). Фибулы этого типа довольно редки и встречаются в основном в мужских погребениях. Подобные фибулы известны в Прибалтике – у балтов и эстов (*Седова*, 1981. С. 86). Эта фибула найдена на Троицком раскопе (усадьба М).

Фибулы с зооморфными головками (2 экз.) Головки фибул этого типа оформлены в виде голов дракона. Такие фибулы встречаются среди прибалтийских древностей (*Седова*, 1981. С. 89; Финно-угры и балты..., 1987. Табл. III, *10*; CXVIII, *8*; CXX, *4*; CXXII, *6*; CXXV, *19*; CXXXIV, *19*). В Новгороде обе фибулы найдены на Троицком раскопе (усадьбы – И, Ж).

Карельские скорлупообразные фибулы (3 экз.). Эти фибулы получают наибольшее распространение среди карельских древностей и являются подражаниями скандинавским. Впервые типология этих фибул была разработана Ю. Айлио (*Ailio*, 1922). Впоследствии изучением скорлупообразных фибул, распространенных на территории расселения древней корелы, занималась С.И. Кочкуркина (1982. С. 103–108).

Одна фибула относится по классификации Ю. Айлио к **типу *H***. С.И. Кочкуркина полагает, что орнаментация этих фибул напоминает рака с расправленными клешнями (*Кочкуркина*, 1982. С. 107). Ю. Айлио предпочитает видеть в орнаментике этих фибул изображение "древа жизни" (Финно-угры и балты..., 1987. С. 48). Такие фибулы встречаются на памятниках Финляндии и Северо-Западного Приладожья, однако больше всего их на территории расселения древнекарельских племен (*Кочкуркина*, 1982. С. 108). В.В. Седов считает эти фибулы карельско-емским украшением (Финно-угры и балты..., 1987. С. 48). В Новгороде фибула этого типа найдена на Неревском раскопе (усадьба Е).

Фибула с лилиевидным орнаментом (**тип *G***) найдена в слое конца XIII в. на Неревском раскопе (усадьба И). В.В. Седов относит их к типично емским (Финно-угры и балты..., 1987. С. 48), поскольку фибулы этого типа распространены преимущественно вне карельских земель. С.И. Кочкуркина упоминает лишь об одной фибуле с лилиевидным орнаментом из Карелии (Пюхя-Ярве) (Кочкуркина, 1982. С. 108). Фибула с кружковым орнаментом (**тип *B***) найдена в Новгороде в слое второй половины XIII в. на Нутном раскопе (рис. 2, *4*). Среди карельских фибул эти фибулы наиболее ранние и датируются на территории Карелии XI – началом XII в. Две карельские фибулы типа В происходят из могильника Туккала (*Кочкуркина*, 1982. С. 103; 1981. С. 90).

Круглая щитковая фибула "терветского типа" (рис. 2, *10*) относится к слою середины XIII в., она найдена на Троицком раскопе (усадьба Б). Это круглая, выпуклая фибула, с отверстием в центре и орнаментом на щитке. Такие фибулы известны по материалам раскопок Асотского городища, но особенно много их в Тервете. Фибулы этого типа характерны для XIII в. (*Бриквалне*, 1974. С. 138. Рис. 9, *5*, *14*).

Таким образом, в Новгороде XIII в. присутствуют не только те типы фибул, которые встречаются на территории древней Руси, в контактных зонах славянского и финно-угорского расселения (например, фибулы со спиральнозагнутыми головками), но и фибулы, характерные исключительно для балтских и финно-угорских племен (например, фибулы с конусовидными, зооморфными, маковидными головками и др.). В связи с тем, что подковообразные фибулы становятся городским украшением, небольшая часть подковообразных фибул, нехарактерных для Новгорода, возможно, не воспринималась новгородцами как нечто инокультурное.

Несомненно иноэтничными и привозными были карельские скорлупообразные фибулы и фибула "терветского типа". Их появление в Новгороде можно связывать с конкретными событиями новгородской истории только в контексте изучения комплекса украшений балтского и финно-угорского происхождения, происходящих с одной усадьбы, и письменных источников.

Булавки (69 экз.) (рис. 2, *5–8*)

Использование булавок для скрепления верхней одежды или платка было типично для балтских и западнофинских племен и не характерно для славян. Типология булавок строится на основе различий в форме головки. По материалам археологических раскопок в XIII в. в Новгороде известны следующие типы булавок: крестовидные, спиральнозагнутые, стилизованные и трехлопастные, а также булавки с кольцом, продетым через шарообразную головку, с головками сложных форм и с головками, изображающими дракона или птицу.

Булавки с крестовидной головкой (2 экз.) Две головки ажурных булавок середины XIII в. соединены цепочкой. Они найдены на Неревском раскопе (усадьба Д). Головки этих булавок украшены вписанными друг в друга окружностями. Булавки этого типа традиционно считаются этноопределяющим украшением эстов и широко распространены среди эстских древностей в XI–XIII вв. (*Седова*, 1981. С. 73; Финно-угры и балты..., 1987. С. 19).

Булавки с двуспиральными головками (5 экз.) (рис. 2, *8*). Головки таких булавок были разделены на две части, закрученные в спираль. Все новгородские булавки этого типа происходят из слоев начала XIII в.

Булавки этого типа известны в IX–X вв. в Литве и Латвии, а с XII в. широко распространяются в Эстонии (*Седова*, 1981. С. 75), где они использовались для прикрепления цепочек к головному покрывалу. Среди водских древностей подобные булавки встречаются до XVI в. (*Рябинин*, 1997. С. 30, 40. Рис. 9, *10*) и в основном представлены грубыми подражаниями из железа (*Рябинин*, 1997. С. 40). Две новгородские булавки с двуспиральными головками – типично прибалтийские, они найдены на Неревском (усадьба К) и Кузмодемьянском раскопах. Три булавки этого типа, возможно, являются подражанием прибалтийским (*Седова*, 1981. С. 75). Две из них происходят с Неревского раскопа (усадьбы К, И) и одна – с Тихвинского.

Булавки с кольцом, продетым через шарообразную головку (12 экз.), или булавки с кольцевидными подвижными головками, хорошо известны среди прибалтийских древностей (*Седова*, 1981. С. 77). Десять из них найдены на Неревском раскопе (усадьбы Г (2), Д (2), Е (2), А, К, мостовая (2)), по одной булавке этого типа – на Лубяницком и Федоровском раскопах. Булавка с кольцом, продетым через зооморфное навершие (1 экз.) – вариант этого типа (Ильинский раскоп). Подобные булавки не встречаются за пределами Новгорода, за исключением одного экземпляра из Восточного Прионежья (*Макаров*, 1990. С. 202. Табл. XVII. Рис. 10).

Булавки новгородских типов (50 экз.)

Булавки, вошедшие в эту группу, практически не встречаются за пределами Новгорода и, вероятно, являются продукцией новгородских ремесленников.

Булавки с головками сложных форм (13 экз.) (рис. 2, 9). Эта группа булавок, получившая в литературе название "булавки с загнутым стержнем", появляется в Новгороде в XII в. (*Седова*, 1972. С. 229–233; 1981. С. 77–82). Основным типом булавок с головками сложных форм были булавки с геометрическими головками (крестовидные, восьмиконечные, ромбовидные, круглые), в которых лунницы по краям головки заменялись пирамидками или не украшались совсем. Разнообразие форм головок булавок этого типа и практически полное отсутствие одинаковых экземпляров свидетельствует о том, что они изготавливались на заказ и каждая булавка была уникальной. В изготовлении этих украшений, безусловно, проявлялась индивидуальность мастера-ювелира, что придает определенную условность типологии этих предметов. Шесть из них происходят с Неревского раскопа (усадьбы – Е (3), Д (2), Б), пять – с Троицкого раскопа (усадьбы – З, Г, О, А) и одна – с Людогощинского раскопа. За пределами Новгорода было найдено несколько булавок с головками сложных форм (*Монгайт*, 1967. Рис. 2, *в*; *Никольская*, 1974. С. 58. Рис. 1). Количественный состав и разнообразие вариантов булавок с головками сложных форм, происходящих из Новгорода, позволяют предположить их новгородское происхождение и проникновение их в другие древнерусские города из Новгорода.

Булавки с головками в виде крылатого зверя (3 экз.). Головки булавок этого типа представляют собой схематичное изображение дракона или птицы, внизу головки расположены отверстия, через которые у одного экземпляра продеты цепочки. Две булавки происходят с Неревского раскопа (усадьба И) и одна – с Троицкого (усадьба В).

Булавки с трехлопастными головками (15 экз.) (рис. 2, *5*). У основной массы булавок этого типа боковые лопасти закручены спиралью или округлые, центральная лопасть представляет собой вытянутый треугольник. Несколько иная форма головки у двух булавок с тремя округлыми лопастями, которые были отлиты в одной каменной разъемной форме (*Рындина*, 1963. С. 252). Булавки с трехлопастной головкой, являясь продукцией новгородских ремесленников, распространяются в XIII в. по всему Новгороду. Возможно, эти булавки представляют собой дальнейшее местное развитие типа прибалтийских булавок с двуспиральными головками (*Седова*, 1981. С. 75). Десять из них найдено на Неревском раскопе (усадьбы – Б (6), Е (3), А), четыре – на Троицком (усадьбы – Г (3), В) и одна – на Ильинском. Концентрация булавок этого типа на неревской усадьбе Б и на соседней с ней усадьбе Е позволяет предположить, что они изготавливались именно на этой усадьбе.

Булавки со стилизованными головками (19 экз.) (рис. 2, *6, 7*). Головки этих булавок напоминают петушиный гребень, и у М.В. Седовой этот тип булавок получил название "булавки с головками, напоминающими петушиный гребешок". (Седова, 1981. С. 77). Время их наибольшего распространения – XIII в. Двенадцать из них происходят с Неревского раскопа (усадьбы – Е (6), Б, Д (2), К, И, Г), пять – с Троицкого раскопа (усадьбы Г (3), З, Ж), две булавки найдены на Дубошине раскопе и по одной на Тихвинском и Ильинском.

Хронологическое распределение булавок показывает, что время их наибольшего распространения – XIII в. В этот период широко используются стилизованные и трехлопастные булавки, а прибалтийские практически исчезают. Появление в Новгороде двух ажурных крестовидных булавок, соединенных цепочкой и происходящих с одной усадьбы, по-видимому, исключение, характеризующее особенности комплекса ювелирных украшений данной усадьбы.

Полагаю, что традиция использования булавок воспринималась в Новгороде и творчески перерабатывалась городскими ремесленниками, приспосабливавшими этот тип украшений к новгородскому костюму. Типы, получившие широкое распространение в Новгороде в XIII в. и практически не встречающиеся за его пределами, можно обоснованно считать продукцией новгородских ремесленников.

Привески (48 экз.)

Нагрудные и поясные привески используются в костюмах и славян, и балтов, и финно-угров. Кроме чисто декоративной функции, некоторые привески, несомненно, обладали магической функцией и использовались в качестве амулетов-оберегов, что особенно широко было распространено у финно-угров.

Среди всего многообразия привесок, найденных в Новгороде, некоторые типы имеют балтское или финно-угорское происхождение. При общем уменьшении в XIII в. количества нагрудных украшений, отмеченное М.В. Седовой (*Седова*, 1981. С. 191) число всех привесок финно-угорского происхождения в это время возрастает, по сравнению с предыдущими периодами, и характеризуется большим разнообразием.

Привески-ножны (1 экз.). Среди небольшого количества привесок в виде миниатюрных предметов быта и оружия только привески-ножны, которые могли использоваться в качестве игольников, имеют финно-угорское происхождение (*Седова*, 1981. С. 26; *Голубева*, 1978. С. 200–202). А.В. Успенская считает, что подобные привески не были характерны для женского убора древней Руси. При изучении и картографировании находок таких привесок исследовательница пришла к выводу, что их производство было сосредоточено в деревне и единичные находки в древнерусских городах не меняют общей картины. Новгородская привеска этого типа найдена в слое начала XIII в. на Тихвинском раскопе.

Игольники (3 экз.). Привески-игольники широко известны среди финно-угорских древностей. Это типично финно-угорское украшение, которое использовалось для ношения иголок (*Седова*, 1981. С. 34–35). Среди них: два игольника с арочными навершиями (рис. 1, *6*) (Троицкий раскоп, усадьба Г) и цилиндрический игольник (Неревский раскоп, усадьба И).

Конусовидные привески (4 экз.) (рис. 1, *5*). У этих привесок полое конусовидное тулово, внизу которого прикреплены петли для привешивания шумящих украшений. На тулове в нижней и верхней части обычно расположен жгутовый или волнообразный орнамент. Такие привески были широко распространены на финно-угорских территориях Восточно-Европейского Севера, встречаясь, в частности, в Приладожье, Белозерье и бассейне Северной Двины (*Голубева*, 1973. Рис. 4, 2). Две привески происходят с Неревского раскопа (усадьба Е, без паспорта), две – с Троицкого (усадьбы З и Г).

Ф-образные привески (1 экз.) (рис. 1, *13*). Привески этого типа получили свое название в связи с тем, что напаянные на тулове напротив друг друга колечки делают их похожими на букву Ф. Финно-угорская принадлежность Ф-образных пронизок несомненна: они широко распространены на памятниках Прикамья, перми вычегодской и веси (*Седова*, 1981. С. 34), а также среди древностей Карельского перешейка (*Кочкуркина*, 1982. С. 112). По материалам раскопок на Карельском перешейке С.И. Кочкуркина устанавливает их место в женских нагрудных украшениях: они располагались между овально-выпуклыми фибулами и цепедержателями. Ф-образная привеска найдена на Неревском раскопе (усадьба И).

Привески лапчатой формы (2 экз.). Привески лапчатой формы по своей форме напоминают лапку водоплавающей птицы, они часто прикреплялись к привескам-уточкам, которые были широко распространены у финно-угорских племен. Видимо, иногда эти привески могли носить как отдельное украшение (Финно-угры и балты..., 1987. XX, *1*. LXXXII, *32–34*). Эти привески происходят с Неревского (усадьба Е) и Троицкого раскопов (усадьба Е).

Круглые привески (1 экз.). Одной из наиболее широко распространенных групп привесок в Новгороде были круглые привески (*Седова*, 1981. С. 37–43). Лишь одна из всех круглых привесок, найденных в Новгороде, может быть интерпретирована как финно-угорская. Эта прорезная, лунницевключенная (*Седова*, 1981. С. 42) или замкнутокрещатая прищепка найдена в слое начала XIII в. на Людогощинском раскопе. Подобные привески наиболее характерны для Костромского Поволжья.

Двуспиральные цепедержатели (5 экз.). Цепедержатели использовались в костюме балтов и прибалтийских финнов для прикрепления цепочек и шумящих украшений и прикреплялись к булавкам или овально-выпуклым фибулам. Четыре двуспиральных цепедержателя найдены в Новгороде на Троицком раскопе, один – на Лукинском. Эти украшения известны на карельских, эстских и западнофинских памятниках, в новгородских и костромских курганах (*Седова*, 1981. С. 35). Хронология и типология ажурных держателей цепей разработана С.И. Кочкуркиной (*Кочкуркина*, 1982. С. 112). Два новгородских цепедержателя относятся по ее классификации к типу I, 1-му варианту (усадьбы Ж, Г) (рис. 1, *4, 7*). Они представляют собой два спиральных круга, между которыми находится петля; в нижней части расположены три отверстия. Два цепедержателя относятся ко 2-му варианту того же типа (усадьба А, Лукинский раскоп). Он отличается от первого усложнением за счет декора вокруг отверстий. Основная масса цепедержателей этого типа происходит с территории Северо-Западного Приладожья (*Кочкуркина*, 1982. С. 112). Еще один двуспиральный цепедержатель относится ко II типу, 4-му варианту (усадьба В). У него ажурные крестообразные формы, имитирующие переплетение двойного шнура, шнур дополнительно украшен двойными насечками. За пределами расселения летописной корелы подобные цепедержатели встречаются крайне редко, поэтому этот вариант можно считать типично карельским (*Кочкуркина*, 1982. С. 113; Финно-угры и балты..., 1987. С. 48).

Зооморфные привески

Зооморфные привески-амулеты, выполненные в виде птиц и животных, встречаются и у балтов, и у славян, и у финно-угров. Однако именно у финно-угорских племен они получают наибольшее распространение.

Традиционно типология зооморфных привесок строилась по технологическому принципу, и все привески разделялись сначала на пластинчатые и полые, и уже потом на птицевидные и коньковые. При таком подходе на второй план отходит такой важный в решении поставленной задачи вопрос, как вопрос о семантике этих амулетов. Поэтому, учитывая типологию предыдущих исследователей, представляется логичным, в данном случае, разделение зооморфных амулетов на две группы: птицевидные амулеты и амулеты-коньки. Внутри этих групп сохраняется, в ос-

новном, типология, разработанная Е.А. Рябининым (*Рябинин*, 1981).

Птицевидные привески (3 экз.). Культ утки был характерной чертой языческих представлений финно-угров, поэтому привески-уточки, найденные в Новгороде, вероятно, имеют финно-угорское происхождение.

Тип III (1 экз.) (рис. 1, *9*). Привески этого типа получили в литературе название плоских прорезных "рогатых" уточек (*Седова*, 1981. С. 30). Ведущим признаком у этих привесок является наличие крыла, выделенного уступом в центральном полукруге прорезной фигурки (*Рябинин*, 1981. С. 17–18). Е.А. Рябинин отмечает ограниченную территорию распространения таких привесок: они концентрируются в северо-западных областях Руси (*Рябинин*, 1981. С. 17). Привеска найдена на Троицком раскопе, на усадьбе Е.

Тип IV (1 экз.). По нижней части этой привески расположены петли для подвешивания шумящих украшений, головка с гребнем и острым клювом, хвост вздернут, на спине – петля для привешивания. Концентрация подобных привесок во Владимирской земле, особенно в городских центрах Северо-Восточной Руси, указывает на район их изготовления (*Рябинин*, 1981. С. 18). Привеска происходит с Троицкого раскопа, с усадьбы А.

Тип XVIII, Вариант 5 (1 экз.) (рис. 1, *2*). Привеска-уточка этого типа, в отличие от предыдущих – полая. Хвост этой привески выполнен в виде спирального диска, гребешка нет. Привеска этого варианта найдена в слое начала XIII в. на Троицком раскопе (усадьба Г). Возможно, привески этого типа изготавливались в Костромском Поволжье (*Рябинин*, 1981. С. 38).

Привески-коньки (30 экз.). У многих народов, в частности у славян, конь был символом солнца и подателем всех жизненных благ (*Голубева, Варенов*, 1978. С. 238; *Рябинин*, 1981. С. 56). Многочисленные коньковые привески встречаются по всей зоне финно-угорского расселения (*Рябинин*, 1990. С. 184).

Тип IX (1 экз.). Это плоский конек-амулет, на голове у которого роговидные отростки, образующие круглую петлю, на тулове два прямоугольных отверстия, внизу расположены колечки для привешивания шумящих украшений. Основная территория распространения – Калининская и Московская области, а ближайшая аналогия новгородской подвески найдена в пустоши Кидомля (*Рябинин*, 1981. С. 23. Табл. VIII, *5*). Найдена привеска на Дубошине раскопе.

Тип XIII (2 экз.). У этих плоских коньков-амулетов на тулове расположены насечки и ряд круглых и овальных прорезей, часто вместо отверстий имеются округлые ямки. Вопрос о месте происхождения привесок этого типа остается дискуссионным, но вполне вероятно, что они западнофинского (ливского) происхождения (*Рябинин*, 1981. С. 28). Е.А. Рябинин отмечает, что у всех прибалтийских образцов этого типа внизу есть петли для привешивания шумящих украшений, а у древнерусских они отсутствуют (*Рябинин*, 1981. С. 28). У двух новгородских привесок этого типа, также как и у прибалтийских, присутствуют петли. Обе привески происходят с Троицкого раскопа (усадьбы А, П).

Тип XIV (2 экз.). Это плоские стилизованные коньки с загнутым вверх хвостом и ушами в виде колечек или выступов, по тулову нанесен кружковый пуансонный орнамент, хвост соединен с круглым кольцом для привешивания, связанным, в свою очередь, с шеей и спиной амулета. Образованные в результате две сквозные петли являются важнейшей отличительной чертой всех привесок этого типа (*Седов*, 1981. Рис. 8, *3, 4*. С. 28; *Рябинин*, 1981. С. 31). Новгородские амулеты относятся к 1 варианту, который представляет собой стандартную серию привесок с закрытой пастью на рельефной головке и углублениями или отверстиями на ногах. Е.А. Рябинин отмечает, что коньки-амулеты этого типа занимают особое место в системе зооморфных украшений Древней Руси. В отличие от других привесок, они получили широкое распространение на территориях, не связанных с финно-угорским миром. В области расселения смоленско-полоцких кривичей найдено около 50 подвесок этого типа, поэтому, возможно, именно здесь находился один из центров их изготовления (*Рябинин*, 1981. С. 31). Частое нахождение этих привесок на Смоленщине привело к тому, что их иногда называют коньками "смоленского типа" (*Рябинин*, 1981. С. 29). Однако, по мнению Е.А. Рябинина, существовал еще один центр изготовления этих коньков. Речь идет о бассейне реки Даугавы, где найдено около 40 коньков XIV типа. В районе сосредоточения рассматриваемых коньков расположен крупный ремесленный и торговый центр Восточной Прибалтики эпохи средневековья – городище Даугмале (*Рябинин*, 1981. С. 31). Один из амулетов найден на Неревском раскопе (усадьба Д) в комплексе с прибалтийскими ажурными булавками, о которых шла речь выше, второй – найден на Троицком раскопе (усадьба М).

В слое два середины XIII в. на Неревском раскопе (усадьба И) найдена плоская двухголовая привеска, отсутствующая среди типов, выделенных Е.А. Рябининым. У нее нет отверстия для шумящих украшений, а на тулове между головами расположено ушко для привешивания. Аналогичные привески есть в Южном Приладожье и Верхнем Прикамье (*Седова*, 1981. С. 30). Однако прикамские привески несколько другие – у них внизу расположены колечки для шумящих украшений.

XX тип – полые коньки-амулеты со сканной гривой (20 экз.). Эта группа коньков наиболее представительна. В Новгороде присутствуют коньки всех трех серий по разработанной Е.А. Рябининым классификации.

Серия 1 (14 экз.). Основным отличительным признаком коньков этой серии является вертикально уплощенная мордочка ("топориком"). Большая часть коньков этой серии сосредоточена в Новгороде в слоях XIII–XIV вв., остальные происходят с северо-запада Новгородской земли (*Рябинин*, 1981. С. 39), особенно много их в Водской Пятине (*Голубева, Варенов*, 1978. С. 233). В слоях XIII в. пять коньков этой серии найдено на Неревском раскопе (усадьбы – Б (2), И (2), Е), три – на Кировском (усадьба А), два – на Троицком (на мостовой) и по одному – на Ильинском, Нутном, Дубошине и Торговом раскопах.

Серия 2 (8 экз.) (рис. 1, *1*). Коньки-привески этой серии имеют горизонтально уплощенные мордочки, иногда чуть вздернутые вверх. В основном коньки этой серии распространены в самом Новгороде и в Водской Пятине (*Рябинин*, 1981. С. 40–41). Пять коньков происходит с Неревского раскопа (усадьбы – К (2), И, Д, Е), два – с Ильинского раскопа и один – с Дубошина.

Серия 3 (2 экз.) У коньков-амулетов этой серии цилиндрическая головка, перехваченная ободком. Л.А. Голубева отмечает стандартность новгородских амулетов, характерную для серийного производства (*Голубева, Варенов*, 1978. С. 233). Отливка, полностью тождественная одному из новгородских коньков (Неревский раскоп, усадьба Б) этой серии, происходит из могильника Кюремае (к западу от реки Нарвы) (*Рябинин*, 1981. С. 41). Еще один конек найден на Ильинском раскопе.

Учитывая преимущественное распространение полых коньков-амулетов со сканной гривой в самом Новгороде, можно считать, что основная часть этих амулетов была продукцией новгородского ремесла.

XX тип – коньки-амулеты с кольчатой гривой (4 экз.).

Серия 4 (2 экз.) (рис. 1, 3). Коньки этой серии – с цилиндрической мордочкой, схваченной ободком на конце, ушки – в виде сдвоенных колечек или напаянной сверху проволоки. 60% подобных коньков происходят с Северо-запада Новгородской земли, остальные – из бассейнов рек Шексны, Сухоны и Ваги (*Рябинин*, 1981. С. 41). Новгородские коньки найдены на Кировском (усадьба А) и Лубяницком раскопах.

Серия 5 (1 экз.). Это конек с прямой вытянутой шеей и трубчатой головой. Амулет происходит из слоя второй половины XIII в. с Неревского раскопа (усадьба Е). Аналогичная находка происходит из грунтового могильника с. Котловка на правом берегу Камы.

Серия 7 (1 экз.). Мордочка у коньков этой серии представляет собой вертикально срезанную в передней части пластинку. Этот амулет найден на усадьбе Б Неревского раскопа. Две аналогичные привески найдены в бассейне реки Кокшеньги (в западной части бассейна Северной Двины), а еще одна – из Лоемского могильника (восточная часть бассейна Северной Двины) (*Рябинин*, 1981. С. 42).

Для XIII в. характерно значительное возрастание количества зооморфных амулетов за счет широкого распространения в Новгороде полых шумящих привесок в виде коньков. Ко второй половине XIII в. складывается типично городская группа зооморфных украшений – коньки-амулеты со сканой гривой. Для этой группы характерна наибольшая стандартизация и упрощение форм, многочисленность и широкое распространение по всему Новгороду. Наличие привесок этой группы за его пределами, в частности в Водской пятине, свидетельствуют об их распространении не только в городе, но и в Новгородской земле.

Птицевидные привески не получают распространения в Новгороде, что, возможно, связано с тем, что культ водоплавающей птицы был присущ исключительно финно-угорским народам и не свойственен языческим представлениям славян и балтов. Культ коня известен не только в финно-угорской, но и в славянской, и в балтской мифологии, что, видимо, отражает своеобразный синтез языческих верований у населения Северо-Запада и объясняет широкое распространение коньков-амулетов по всей Новгородской земле (*Голубева, Варенов*, 1978. С. 238; *Рябинин*, 1981. С. 56–57). Поэтому именно коньковые привески органично вписываются в новгородский городской быт и становятся городским украшением.

Браслеты (7экз.)

Среди огромного количества браслетов, найденных в Новгороде, только 7 экземпляров может быть отнесено к кругу финно-угорских древностей. Среди них – звериноголовые, узкомассивные и браслеты с колечками для привешивания шумящих украшений.

Звериноголовые браслеты (3 экз.) (рис. 1, *11*). Концы этих браслетов оформлены в виде звериных морд. Один звериноголовый браслет – пластинчатый и отличается наиболее условной стилизацией (*Левашова*, 1967. С. 240–241). Еще два браслета отличаются реалистичной трактовкой звериных голов. Такие браслеты – характерное украшение балтских племен (*Седова*, 1981. С. 112). Известны они и у прибалтийско-финских племен, в частности, у эстов, где считаются привозными (Финно-угры и балты..., 1987. С. 19). Из Прибалтики они распространяются на земли, заселенные финно-уграми и славянами (*Левашова*, 1967а. С. 241; *Седова*, 1981. С. 112). Два звериноголовых браслета найдены на Неревском раскопе (усадьбы И, В), один – с Троицкого (усадьба А).

Узкомассивные браслеты (2 экз.). Это несомкнутые литые браслеты со слегка закругленными концами, имеющие в сечении форму овала, сегмента или треугольника. Узкомассивные браслеты обычно украшены по всей поверхности четким рельефным орнаментом, состоящим из косых решеток, перемежающихся косыми крестами. Большая часть браслетов этого типа относится к слоям XI – начала XII в. (13 экз.). Подобные браслеты широко распространены в Юго-Восточной Прибалтике (*Левашова*, 1967а. С. 242; *Седова*, 1981. С. 103). Узкомассивные браслеты, найденные в Новгороде в слое XIII в. происходят с Неревского (усадьба К) и Троицкого раскопов (усадьба В).

Браслеты с колечками для привешивания шумящих украшений (2 экз.) (рис. 1, *10*). Отличительной особенностью браслетов этого типа являются колечки, которые припаяны к центральной части браслета и служат для привешивания шумящих украшений, поэтому их иногда называют "шумящими" браслетами. Подробный анализ и типология этих браслетов были проведены А.Б. Вареновым (*Варенов*, 1995. С. 64–69). Браслеты с колечками для привешивания шумящих украшений, или "шумящие браслеты", – несомненно, финно-угорское украшение, так как использование разного рода шумящих украшений было широко распространено в финно-угорской среде. Оба новгородских браслета происходят с Неревского раскопа (усадьбы Г, И).

Перстни (3 экз.)

Среди всего разнообразия перстней, найденных при археологических раскопках в Новгороде, групп перстней финно-угорского происхождения всего три. Это спиральные и "усатый" рубчатоконечный перстни.

Спиральные перстни (2 экз.). Спиральные перстни представляют собой проволоку, скрученную в несколько рядов спиралью. Подобные перстни широко распространены у балтов и прибалтийских финнов (*Седова*, 1981. С. 125; Финно-угры и балты..., 1987. Табл. II, *17*; CV, *2*; CVII, *6, 7*; CXIV, *24*). Оба спиральных перстня происходят с Неревского раскопа (усадьбы – И, Е).

Пластинчатый "усатый" рубчатоконечный перстень (1 экз.). Подобные перстни считаются характерными для финно-угорских племен (*Недошивина*, 1967. С. 258). Такие перстни не встречаются в восточных районах, но известны на северо-западе Новгородской земли, в Прибалтике и в Финляндии (*Седова*, 1981. С. 130). Н.Г. Недошивина считает этот вариант западным, локализующимся в районе бассейнов рек Луга, Оредеж и Нарва (*Недошивина*, 1967. С. 258–259). Перстень найден на Кировском раскопе (усадьба А).

На основании изученного материала можно отметить, что в XIII в. в Новгороде преобладают украшения прибалтийско-финского облика, к которым относятся подковообразные фибулы разных типов (за исключением фибул со спиральнозагнутыми головками), карельские скорлупообразные и ажурная кольцевидная фибулы, булавки с ажурными крестовидными, двуспиральными и шарообразными головками, цепедержатели, привески-ножны, цилиндрические игольники, пластинчатые привески-коньки XIII и XIV типов, пластинчатые привески-уточки III типа. Возможно, распространение этой группы украшений связано с укреплением взаимотношений Новгорода с финно-угорскими племенами Северо-Запада Новгородской земли. Именно с этим процессом связано и появление в Новгороде многобусинных височных колец.

К группе украшений восточнофинского происхождения относятся полая привеска-уточка (тип XVIII, вариант 5), пластинчатая привеска-уточка IV типа, лунницеобразное височное кольцо. Возможно, этот материал отражает процессы усиления поволжско-финского компонента в культурных традициях Новгородской земли.

Традиция использования в новгородском костюме зооморфных украшений становится особенно популярной и, скорее всего, возникает в ходе культурного взаимодействия с финно-угорскими племенами Новгородской земли. В новгородской среде происходит творческая переработка зооморфных украшений, что приводит к появлению новгородских типов зооморфных привесок, часть из которых, в свою очередь, уже из Новгорода распространяется на финно-угорские территории, причем только зооморфные привески получают распространение из Новгорода у финно-угров Новгородской земли. Новгородские булавки у финно-угорских племен не встречаются, так как в их костюме продолжают использоваться традиционные формы булавок (с крестовидными головками), что дает основания предположить существенную разницу в костюмах. Возможно, на раннем этапе новгородской истории и фибулы, и булавки использовались в Новгороде по прямому назначению – в качестве застежек верхней одежды. В дальнейшем, с появлением булавок новгородских типов (с головками сложных форм, стилизованные и трехлопастные), эти украшения становятся декоративным элементом. Подобное использование нагрудных прибалтийско-финских застежек прослежено и в древнерусских могильниках Северо-Запада (*Рябинин, Хвощинская*, 1990. С. 43; *Конецкий*, 1984. С. 48–53). Видимо, в Новгороде, так же как и на других древнерусских памятниках, в системе нагрудных украшений нарушается принцип симметрии, свойственный финно-угорскому костюму.

В XIII в. на общем фоне увеличения количества украшений изучаемой группы наиболее яркими оказываются усадьбы Д, И и Е Неревского конца, принадлежащие боярскому клану Мишиничей-Онцифоровичей. В Людином конце высокий процент оказался на усадьбах северо-западного комплекса Черницыной улицы (усадьбы Г, З, Л). Разнообразие украшений финно-угорской группы на этих комплексах позволяет предположить, что в рассматриваемый период деятельность владельцев этих усадеб была связана с финно-угорским миром. В Славенском конце по количеству финно-угорских украшений выделяется усадьба А Кировского раскопа, на которой находилась ювелирная мастерская, производившая, в частности, полые коньки со сканой гривой.

Таким образом, связи отдельных усадеб, обусловленные политикой Новгорода, которая заключалась в объединении земель под властью города, приводят к появлению здесь украшений финно-угорского происхождения.

Ни на одной из усадеб изучаемая группа украшений не была преобладающей, так что нельзя говорить о наличии в Новгороде кварталов или усадеб, заселенных финно-уграми (*Покровская*, 1998). Устойчивость изучаемой группы и отсутствие в Новгороде районов с преобладающими финно-угорскими признаками позволяют сделать вывод о том, что украшения финно-угорского происхождения входили в новгородский средневековый убор, который складывался на основе многокомпонентности.

Изучение украшений балтского и финно-угорского происхождения, найденных при раскопках в Новгороде, показало наличие ряда общих черт, сближающих городскую культуру с культурой северо-западных областей Новгородской земли. Исследования северо-западных окраин и, прежде всего, анализ инвентаря погребений свидетельствуют о многокомпонентности культуры этого района в XI–XII вв., которая сохраняется и в последующее время (*Рябинин, Хвощинская*, 1990. С. 42–46). На этой территории выделяются три основных компонента: общедревнерусский, региональный и прибалтийско-финский (*Рябинин, Хвощинская*, 1990. С. 46).

Те же тенденции прослеживаются и на северо-востоке Новгородской земли. Н.А. Макаров отмечает наличие в культуре восточного Прионежья западно-финских, восточно-финских и славянских элементов (*Макаров*, 1990. С. 126–127). Севернее, на территории Заволочья, также прослеживается смешение прибалтийско-финских и волжско-финских культурных традиций, а с XI – начала XII в. отмечается славяно-русское влияние (*Назаренко, Овсянников, Рябинин*, 1990. С. 100).

Литература

Бривкалне Э., 1974. Терветские фибулы (по данным археологических раскопок 1951–1961 гг. в Тервете // Arheologija un etnogrfija, XI. Rīga.

Варенов А Б., 1995. Шумящие браслеты // СА. № 1.

Голубева Л А , 1973. Весь и славяне на Белом озере. М.

Голубева Л А , *Варенов А Б* , 1978. Полые коньки-амулеты Древней Руси // СА. № 2.

Голубева Л А , 1978. Игольники Восточноевропейского Севера X–XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Кирпичников А Н , *Рябинин Е А* , 1990. Прибалтийско-финские племена в составе Древнерусского государства // Финны в Европе VI–XV вв М.

Конецкий В Я , 1984. Древнерусский грунтовый могильник у поселка Деревяницы около Новгорода // Новгородский исторический сборник. Л., Вып. 2 (12).

Конецкий В Я , *Носов Е Н* , *Хвощинская Н.В* , 1984. О финно-угорском и славянском населении центральных районов Новгородской земли // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.

Кочкуркина С И , 1981. Археологические памятники корелы. Л.

Кочкуркина С И., 1982. Древняя корела. Л.

Левашова В П , 1967а. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.

Левашова В П , 1967б. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.

Лесман Ю М , 1990. Многобусинные височные кольца // Новгород и Новгородская земля. Новгород. Вып. 3

Макаров Н.А , 1990. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М.

Мальм В А., 1967. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.

Монгайт А.Л , 1967. Художественные сокровища Старой Рязани. М.

Назаренко В А , *Овсянников О В* , *Рябинин Е.А* , 1990. Чудь заволочская // Финны в Европе VI–XV вв. М. Вып. II.

Недошивина Н Г , 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.

Никольская Т Н , 1974. Литейные формочки древнерусского Серенска // Культура средневековой Руси. Л.

Носов Е Н , 1990. Финно-угры и Новгород // Финны в Европе VI–XV вв. М. Вып. II.

Нукшинский могильник / Под ред. Э.Д Шноре, Т.Я. Зейда // Материалы и исследования по археологии Латвии Рига, 1957.

Покровская Л В , 1998. Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография: Автореф. канд. дисс. М.

Рындина Н В , 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. М. № 117.

Рябинин Е А , 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XV вв. // САИ EI-60. Л.

Рябинин Е А , 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.

Рябинин Е А , 1990. Водь // Финны в Европе VI–XV вв. М. Вып. 2.

Рябинин Е А , 1990. Археологический материал как источник для изучения финской религии // Финны в Европе VI–XV вв. М. Вып. II.

Рябинин Е А., 1993 Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе историко-археологического изучения // Древности Северо-Запада. СПб.

Рябинин Е А , 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.

Рябинин Е А , *Хвощинская Н В* , 1990 Культура прибалтийско-финского и русского населения северо-западных районов Новгородской земли на современном этапе ее археологического изучения // Финны в Европе VI–XV вв. М. Вып. II.

Седов В В , 1963. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // МИА. М. № 92.

Седова М В , 1972. Об одной группе металлических изделий из Новгорода // Новое в археологии. М.

Седова М В , 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

Ailio J., 1922. Karjalaiset soikeat kupurasoljet // SMYA.

Е.К. Кадиева

Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII века
(по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22)

Одним из наиболее интересных комплексов, относящихся к концу XII–XIII в., является усадьба на территории "Ветшанного города" г. Владимира, исследованная в 1993–1998 гг. Ю.Э. Жарновым (*Жарнов*, 1997б; 2000). Керамическая коллекция из раскопа усадьбы составляет около 92 тыс. фрагментов и 169 полных форм сосудов. Из них к древнерусской круговой керамике (домонгольское время) принадлежит около 90 тыс. фрагментов и 165 сосудов, имеющих полный профиль (98,5% всего керамического материла), а к ранней красноглиняной (поздней древнерусской круговой) керамике – более 2 тыс. фрагментов и 4 сосуда полного профиля (1,5%)[1].

Поскольку Владимир относится к городам центра Ростово-Суздальской земли (РСЗ), то при характеристике керамики данного города использована система, разработанная для изучения круговой посуды региона в целом. В данном случае целесообразно раскрыть некоторые термины и обозначить критерии, использующиеся в дальнейшем при описании владимирской керамики.

Вся круговая посуда второй половины X – начала XIV в. центра Ростово-Суздальской земли была разделена на категории. Категория – совокупность признаков, характеризующих сосуды, сходные по форме и назначению. Выделено тринадцать категорий: горшки, кувшины, чаши, противни, миски, мисковидные сосуды, блюдца, стаканы, кружки, кубышки, корчаги, светильники, ковши.

Были также выявлены некоторые морфологические особенности горшков как самой распространенной категории посуды, позволяющие более углубленно провести их систематизацию в рамках самой категории Основным критерием в данном случае послужила форма шейки. Она была охарактеризована двумя параметрами: длиной (низкая, высокая) и степенью изогнутости (отогнутости) (с наклоном наружу, с наклоном внутрь, вертикальная).

С учетом специфики комплексов поселений центра РСЗ установлены следующие формы шейки: 1) низкая, с наклоном наружу; 2) низкая с наклоном внутрь или вертикальная; 3) высокая с наклоном наружу; 4) высокая, с наклоном внутрь или вертикальная. В результате было выделено четыре группы горшков: I, II, III, IV, соответствующие формам шейки 1, 2, 3, 4. За второй по значимости критерий было решено принять форму тулова. Были зафиксированы три основные формы тулова – конусовидное, биконическое и овальное. Соответственно, внутри каждой группы были выделены типы А, Б, В, соответствующие данным формам тулова.

Группа I Включает горшки с низкой отогнутой наружу шейкой, плавно переходящей в плечики. Горшки этой группы использовались как кухонная посуда.

Группа II К ней относятся широкогорлые сосуды. Шейка низкая, прямая вертикальная или с незначительным наклоном внутрь. Горшки использовались в качестве хозяйственной и кухонной посуды.

Группа III Включает сосуды с высокой прямой отогнутой наружу (раструбовидной) шейкой. Сосуды служили в качестве кухонной и столовой посуды.

Группа IV Горшки с высокой прямой вертикальной или несколько наклоненной внутрь шейкой, часто имеющей снаружи несколько валиков. Горшки этой группы являлись первыми кринками. Они в основном использовались как столовая посуда для хранения жидкостей.

В процессе обработки керамики было установлено, что между различными формами сосудов и оформлением венчика существует некоторая зависимость, которая, однако, не является строгой. Поэтому для описания венчиков сосудов был введен специальный термин "вариант" – совокупность признаков, характеризующих венчики, сходные по форме и времени бытования. Выделено 10 основных вариантов венчиков. Для обозначения вариантов использовался код следующего формата: АВ, где А – номер основного варианта венчика (1–10), В – буква, указывающая на примерное время бытования венчика и на индивидуальные особенности венчика внутри варианта (а–н) (рис. 14).

Кроме категорий сосудов выделена категория крышек. По форме крышки были разделены на три группы. Группа I включает конические крышки средних размеров с бортиком снизу. К группе II были отнесены плоские крышки малых размеров. К группе III – конические крышки без бортика.

В тесте посуды отмечен ряд примесей, применявшихся в качестве отощителей глиняной массы. Выделены дресва: мелкая (зерна до 0,5 мм), средняя (зерна от 0,5 до 1 мм), крупная (зерна больше 1 мм), шамот, песок, а также известь и слюда.

На донцах сосудов встречались клейма. Они были разделены (довольно условно) на шесть групп. Поскольку техника нанесения всех рисунков на донца сосу-

[1] Выражаю глубокую благодарность автору раскопок Ю Э Жарнову, а также Н Н Мошениной за предоставленную возможность работы с керамической коллекцией усадьбы в течение ряда лет

дов была одинаковой – с помощью матриц, вырезанных на деревянном кружке, то главным критерием систематизации клейм стали их фигурные изображения. Группа I включает изображения, у которых основным элементом является окружность. Группа II – знак колеса. Группа III – включает изображения различных геометрических фигур (кроме креста). Группа IV – рисунки креста. Группа V – клейма с княжескими тамгами. Группа VI – клейма с изображениями определенных вещей.

Одной из важных характеристик при описании керамики является ее орнаментация. Были выделены следующие технологические приемы (ТП) нанесения орнамента на посуду: прочерчивание ножом, прочерчивание палочкой, прочерчивание гребнем, вдавления тупой палочкой, вдавления заостренной палочкой, ногтевые вдавления, накол, гребенчатый штамп, фигурный штамп, прокат катушкой.

Сосуды были разделены также по размерам. Для классификации сосудов по данному показателю было решено остановиться на оценке площади вертикального сечения (Р). Введены понятия: "миниатюрный", "малый", "средний", "крупный" сосуд, и установлены (конечно, весьма субъективно) некоторые границы размеров: если Р < 75 см^2 – сосуд миниатюрный; если Р >= 75 см^2, но < 200 см^2 – сосуд малый; если Р >= 200 см^2, но < 400 см^2 – сосуд средний; если Р >= 400 см^2 – сосуд крупный (*Кадиева*, 1997. С. 70–107).

Общая характеристика керамики усадьбы

Подробно исследовано более 5 тыс. фрагментов и 169 полных форм сосудов. Из них к древнерусской круговой керамике отнесены 165 полных форм, а также 4936 фрагментов верхних частей сосудов и 987 фрагментов нижних частей сосудов.

Все нижние части сосудов (987 фрагментов и 165 донец сосудов полных форм) изготовлены на ручном круге легкого типа. У 8% отмечены следы подсыпки средней или крупной дресвы, у остальной части донец следов подсыпки не выявлено. На донцах примерно 15% сосудов отмечены следы среза ножом с подставки. Обнаружено 108 клейм (рис. 3). 68 клейм сохранились целиком (в том числе 12 – на донцах полных горшков, 1 – на донце кружки и 7 – на донцах блюдец) и 40 – фрагментарно (в том числе 5 – на донцах горшков полного профиля и 6 – на донцах блюдец). По классификации клейм к группе I принадлежат 2 клейма (1,5% от всего количества клейм); к группе II – 4 клейма (4%) к группе III – 48 клейм (44%), к группе IV – 5 клейм (5%) и к группе V – 49 (45,5%) (табл. 1).

Большинство керамического материала усадьбы имеет окислительный обжиг: цвет фрагментов и сосудов полного профиля, как правило, коричневый, охристый или темно бежевый. Стенка в изломе одно- – трехслойная, при этом толщина срединного слоя, имеющего черный или серый цвет, не превышает половины толщины черепка. 7% фрагментов (горшки и блюдца) имеют розовый или оранжевый цвет и излом темно-серого цвета. Данные сосуды явно не привозные, поскольку морфологически они не отличаются от основной массы посуды и в тесте у них отмечены примеси, характерные для керамического материала усадьбы в целом (средняя и мелкая дресва с песком). Очевидно, данный цвет фрагментов следует связать с окислительно-восстановительным обжигом.

Горшки: 4858 фрагментов верхних частей и 59 полных форм (96,3% от общего количества изученной древнерусской круговой керамики).

Таблица 1. **Наиболее распространенные рисунки клейм по комплексам и в целом по усадьбе**

Группы клейм		I		II	III									IV		V			ИТОГО
		○	◐	⊛	⚲	⚳	⚴	⚽	⊗	⊠	⧗	☆	?	+	⊕	∪	⚲	⚲	
ООК1	ранние ямы													1				1	2(2%)
ООК2	*комплекс 1*				15	1	1						4		3	3	11	5	43
	комплекс 2				7			1		1		1				1	4	2	17
	поздние ямы		1	1	1			1						1		4	2		11
Итого по ООК2:			1	1	22	1	1	2		1		1	4	1	3	8	17	7	70(64%)
вне комплексов		1		3	6	3			1		3		2			8	7	1	35(32%)
ООК3				1															1(2%)
ИТОГО		1	1	5	30	4	1	2	1	1	3	1	6	2	3	16	24	9	109(100%)
		2(2%)		5 (4.5%)	48(44%)									5(4.5%)		49(45%)			

В тесте преобладает примесь мелкой дресвы и песка (32%), встречены также примеси крупной и средней дресвы с песком (30% и 27% соответственно). У 2% фрагментов наряду с дресвой и песком зафиксированы добавления шамота, у 0,5 % прослежены добавления извести, у 3 фрагментов – добавления слюды. Примерно 3% фрагментов сделаны из хорошо отмученного теста с примесью только песка. Керамика, изготовленная из такого теста, была распространена в более южных регионах (Киев, Старая Рязань, Ростиславль Рязанский). Вероятно, наличие такой керамики в усадьбе следует связать с проникновением во Владимир группы гончаров с юга.

По размерам 4% горшков относятся к миниатюрным, 21% – к малым, 45% – к средним и 30% – к крупным формам. Большинство сосудов принадлежит к группе I (81%) (из них конусовидное тулово имеют 77%, биконическое – 1% и овальное – 3%) (рис. 1, *1–4*; 2, *1, 2*). Горшки данной группы были широко распространены в Древней Руси: в большом количестве они встречаются в Новгороде (слои второй половины X–XIII вв.) (*Смирнова*, 1956. С. 238. Рис. 4, *1, 4*. С. 241. Рис. 5. С. 242. Рис. 6, *1–10*), в Пскове (XI–XIII вв.) (*Белецкий*, 1955. С. 58. Рис. 12. С. 59. Рис. 14), Старой Рязани (XI–XIII вв.) (*Монгайт*, 1955. С. 124. Рис. 84, 85). На территории центра Ростово-Суздальской земли горшки группы I встречены, например, в Ростове (*Кадиева*, 1995. С. 178. Табл. 2), в Суздале (в слоях конца X–XIII вв.) (*Лапшин*, 1992. С. 102. Рис. 3), в Ярославле (*Воронин*, 1949. С. 186. Рис. 9), на поселении Усть-Шексна (вторая половина XI–XIII вв.) (РИАХМ, фонд археологии), на городище Семьинском (XII–XIII вв.) (ВСМЗ (г. Владимир), фонд археологии (№ коллекций 23249, 26001, 26002, 27826, 30992).

Сосуды группы II составляют 0,7%, группы III – 17,5% и группы IV – 0,8% (рис. 1, *5–7*; 2, *3–5*). Горшки данных групп не были столь характерны, хотя они также встречаются в культурном слое многих памятников Древней Руси. Горшки группы II отмечены, например, в Киеве, в слоях X–XI вв. (*Толочко*, 1981. С. 300. Рис. 131), Новгороде (XI в.) (*Смирнова*, 1956. С. 238. Рис. 4, *2, 3, 5*), а также в Ростове (вторая половина XI–XII в.) (*Кадиева*, 1995. С. 179. Табл. 2, *15–18*), Ярославле (вторая половина XII–XIII в.) (ЯИАМЗ, фонд археологии).

Горшки группы III зафиксированы, например, в Старой Рязани (XI–XII вв.) (*Монгайт*, 1955. С. 126. Рис. 87), в Смоленске (VI тип керамики, XII–XIII вв.) (*Каменецкая*, 1976. С. 53. Рис. 2), в Городце на Волге Нижегородской области (XII – начало XIII в.) (*Медведев*, 1967. С. 78. Рис. 28, *11, 18, 25*), а также в Ростове (XII–XIII в.) (*Кадиева*, 1995. С. 179. Табл. 2, *20–23*), Суздале (XI – середина XII в.) (*Лапшин*, 1992. С. 102. Рис. 3).

IV группа сосудов соответствует IV группе керамики Старой Рязани (XI–XII вв.) (*Монгайт*, 1955. С. 126. Рис. 87), II типу горшков Гнездова (XI–XII вв.) (*Каменецкая*, 1977. С. 6), типу IIБ керамики Ярополча Залесского (*Седова*, 1978. С. 90. Рис. 33); сосуды данной группы обнаружены также в Белоозере (тип IIIБ, XII в.) (*Голубева*, 1973. С. 162. Рис. 58), в Ростове (вторая половина XI–XII в.), на городище Боголюбово (XII–XIII вв.) (ВСМЗ (г. Владимир), фонд археологии, № коллекции 5710).

Среди вариантов венчиков горшков доминируют 5л и 5м. Они составляют соответственно 15% и 14% всех оформлений края венчиков у горшков. Распространенными можно считать также варианты 8б и 8а (по 12%). В основном данные варианты встречены у горшков группы I. Среди горшков групп II, III и IV характерными можно считать венчики вариантов 9 и 10 (табл. 2).

Орнаментировано 89% горшков. Орнаментация довольно однообразна: в основном это линии толщиной 0,5–1 мм, прочерченные ножом. Так декорирован 71% сосудов от всего количества орнаментированных горшков. Кроме этого встречены линии толщиной от 1,5 до 5 мм, прочерченные палочкой (12%), линейный (1,5%) и волнистый (0,5%) многоряды, нанесенные гребенкой, а также сочетания линейного и волнистого орнаментов (1,5%). По 0,5% фрагментов украшено вдавлениями (лунковидными и ямочными), а также катушечным штампом (треугольным, прямоугольным и арочным) (рис. 2, *11*). Орнамент расположен в основном на плечиках и тулове сосудов.

Блюдца: 26 фрагментов и 101 полная форма[2] (2,5%) (рис. 1, *12–17*).

В тесте преобладает крупная дресва в сочетании с песком (46%), есть также добавления средней (30%) и мелкой (11%) дресвы с песком. У 4% блюдец наряду с дресвой и песком обнаружен шамот. В качестве самостоятельной примеси встречается и только песок (7%). Все исследованные части и полные блюдца относятся к миниатюрным по размерам и имеют конусовидное тулово. Наиболее распространены венчики вариантов 7а (72%) и 7в (9%). Встречены также варианты 5, 9 и 10. Сосуды не орнаментированы. Блюдца были достаточно распространенной категорией посуды в Древней Руси. Аналогии обнаружены, например, в Новгороде (XI–XII вв.) (*Смирнова*, 1956. С. 241. Рис. 5, *3*), Пскове (XII в.) (*Харлашов*, 1994. С. 67. Рис. 25, *3*), Москве (XII–XIII вв.) (*Розенфельдт*, 1968. С. 79. Табл. 1, *15*, *20*), а также Ростове, Ярославле (вторая половина XII – первая половина XIII в.), Суздале (ВСМЗ (г. Суздаль), фонд археологии).

Миски: 4 фрагмента и 2 полные формы (рис. 1, 9; *16*; 8, *10*).

В тесте в основном отмечены примеси средней дресвы с песком, лишь у одного фрагмента зафиксирована примесь крупной дресвы и песка. Миски принадлежат по размерам к малым сосудам. Тулово конусовидное. Варианты венчиков – 7а, д, а также 9а. Орнамента нет. На одной из полных форм и на двух фрагментах прослежены следы прикрепления ручек-сковородников. Аналогии обнаружены в Старой Рязани (XII–XIII вв.) (*Монгайт*, 1955. С. 125. Рис. 86), в Ростиславле Рязанском (первая половина XIII в.), (*Коваль*, 1996. С. 125. Рис. 3, *14*), в Белоозере (XIII в.) (*Голубева*, 1973. С. 147. Рис. 53, *55, 54*), а также в

[2] Количество полных блюдец превышает количество полных горшков из-за специфики разбивания и реставрации блюдец: практически каждый фрагмент блюдца дает возможность восстановить полный профиль сосуда.

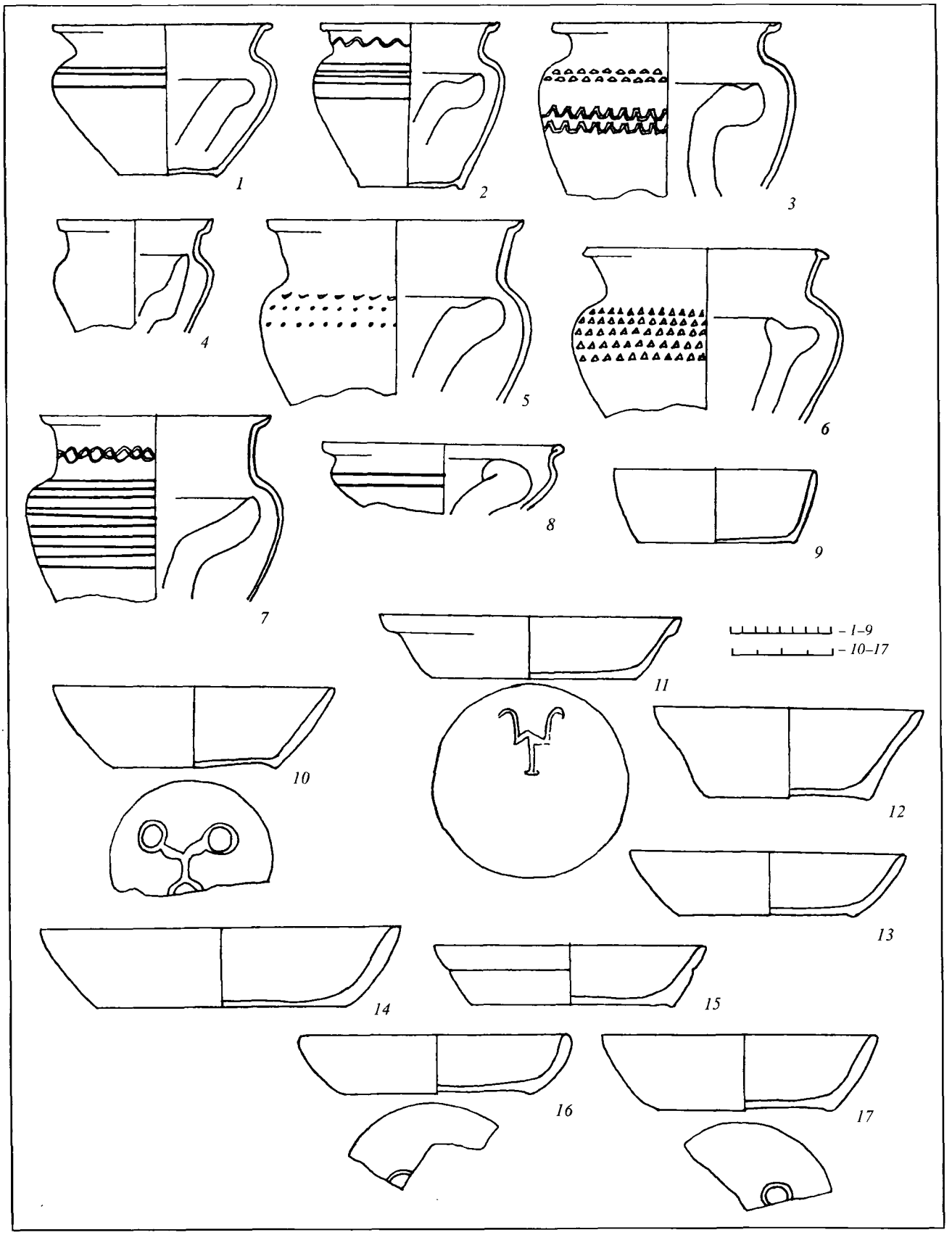


Рис. 1. Осиовные формы посуды

1–7 – горшки: *1–3* – группа IA; *4* – группа IБ; *5, 6* – группа IIIA; *7* – группа IVA; *8* – мисковидный сосуд; *9* – миска; *10–17* – блюдца

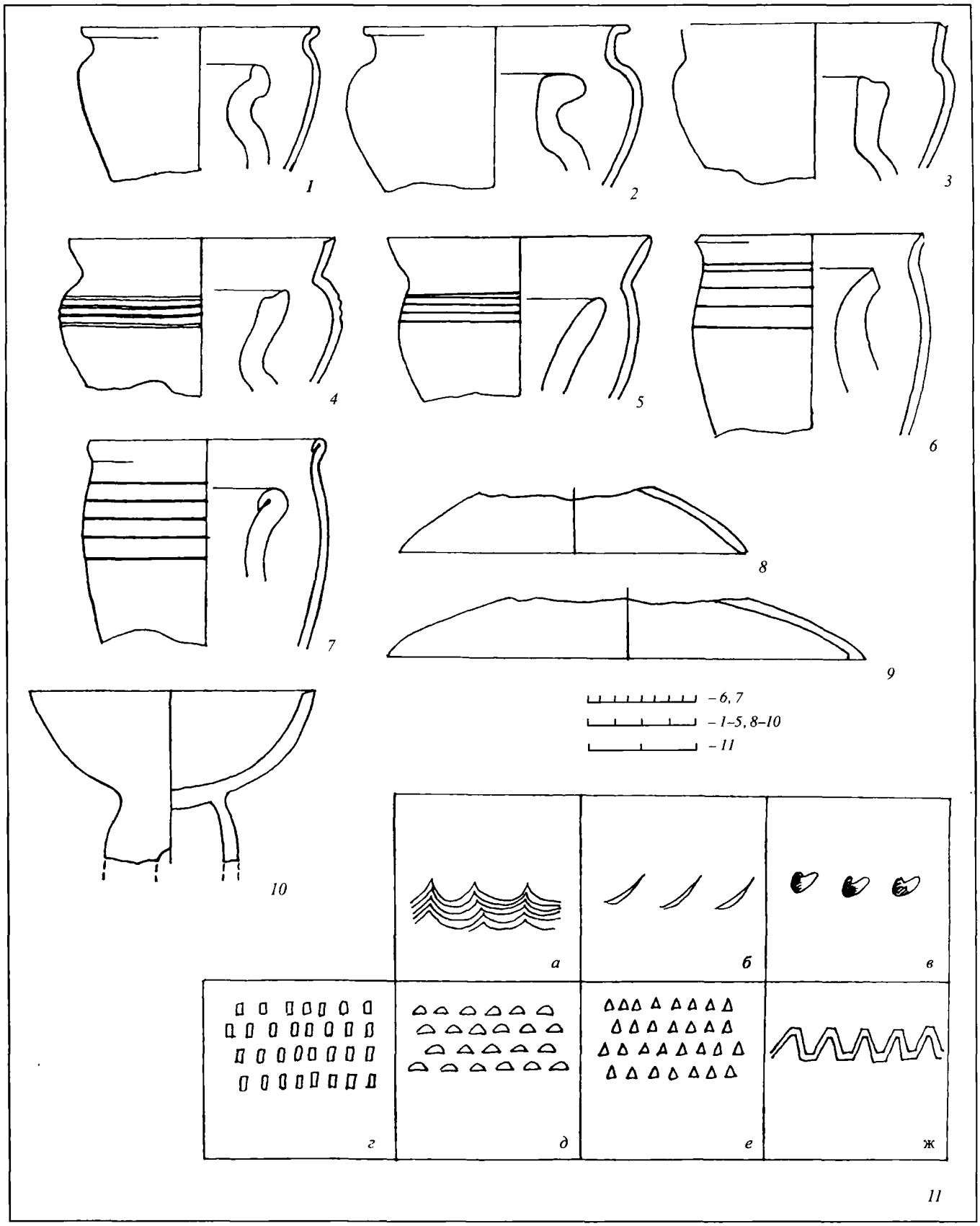


Рис. 2. Основные формы посуды

1–5 – миниатюрные горшки; *6, 7* – стаканы; *8, 9* – крышки; *10* – светильник; *11* – редкие элементы орнамента

Таблица 2. **Соотношение вариантов венчиков и типов горшков в целом по усадьбе (в %)**

Вариант	Тип горшков												кол-во	доля (%)
	1А	1Б	1В	2А	2Б	2В	3А	3Б	3В	4А	4Б	4В		
5л	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	72	14,85
5м	98	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	66	13,67
8б	94	2	2	0	0	0	2	0	0	0	0	0	59	12,07
8а	94	0	3	0	0	0	0	0	3	0	0	0	58	11,86
9д	5	0	0	0	0	0	89	0	0	6	0	0	18	**3,69**
10а	6	0	6	12	0	6	59	0	12	0	0	0	17	**3,48**
7а	47	0	7	0	0	0	20	7	13	0	0	7	15	**3,07**
9а	15	0	0	0	0	0	85	0	0	0	0	0	14	**2,86**
10г	57	7	0	0	0	0	36	0	0	0	0	0	13	**2,66**
5з	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	13	**2,66**
5к	92	0	8	0	0	0	0	0	0	0	0	0	13	**2,66**
7г	82	9	0	0	0	0	0	0	0	9	0	0	11	**2,25**
10д	22	0	0	0	0	0	78	0	0	0	0	0	9	**1,84**
5и	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	8	**1,64**
3в	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	7	**1,43**
8ж	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6	**1,23**
9б	0	23	0	0	0	0	77	0	0	0	0	0	6	**1,23**
5ж	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5	**1,02**
8г	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5	**1,02**
7и	60	0	40	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5	**1,02**
10в	80	20	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5	**1,02**
1в	33	0	0	0	0	0	67	0	0	0	0	0	3	**0,61**
5г	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	**0,61**
5д	67	0	33	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	**0,61**
7б	67	0	0	0	0	0	33	0	0	0	0	0	3	**0,61**
7д	67	0	0	0	0	0	33	0	0	0	0	0	3	**0,61**
8в	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	**0,61**
8д	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	**0,61**
10ж	50	0	0	0	0	0	50	0	0	0	0	0	2	**0,41**
4в	0	0	0	0	0	0	50	0	0	50	0	0	2	**0,41**
5в	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	**0,41**
7е	0	0	50	0	0	0	0	50	0	0	0	0	2	**0,41**
7з	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	**0,41**
9в	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	**0,41**
9ж	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	**0,41**
9з	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	**0,41**
1а	50	0	50	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	**0,41**
3и	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	**0,41**
3г	0	0	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	**0,20**
3з	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	**0,20**
3к	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	1	**0,20**
4д	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	**0,20**
5а	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	**0,20**
8е	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	**0,20**
8з	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	**0,20**
9г	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	1	**0,20**
9е	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	1	**0,20**
10б	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	1	**0,20**

Ярославле (вторая половина XII–XIII вв.), Суздале, на городище Семьинском (ВСМЗ (г. Владимир), фонд археологии, коллекция 23249).

Мисковидные сосуды: 4 фрагмента и 1 полная форма (рис. 1, *8*; 5, *11*; 8, *5*, *6*; 11, *8*).

В тесте преобладает крупная дресва с песком (60%), есть добавления средней (20%) и малой (20%) дресвы и песка. 40% мисковидных сосудов (2 фрагмента) принадлежит к малым по размерам и 60% (2 фрагмента и 1 полная форма) – к средним. Все мисковидные сосуды имеют конусовидное тулово; 1 фрагмент отнесен к группе III, остальные – к группе I. Варианты венчиков – 9д, 10г и 5м. Все сосуды орнаментированы линиями (толщина от 0,5 до 3 мм), идущими по плечикам и тулову. Аналогичные мисковидные сосуды обнаружены в Москве (XII–XIII вв.)

(*Розенфельдт*, 1968. С. 79. Табл. 1, *14*), в Ростове (конец XI – первая половина XIII в.) (*Кадиева*, 1995. С. 179. Табл. 2, *29*), в Суздале (вторая половина XI–XII в.) (*Лапшин*, 1992. С. 102. Рис. 3).

Стаканы: 9 фрагментов и 1 полная форма (рис. 2, *6, 7*; 8, *7, 8*).

У 48% в тесте зафиксирована примесь средней дресвы с песком, у 28% – примесь крупной дресвы с песком и у 24% – примесь мелкой дресвы и песка. Стаканы относятся к малым формам, имеют овальное тулово. Варианты венчиков – 7е (49%), 1а и 7б (по 25,5%). Четыре фрагмента орнаментированы линиями толщиной 0,5 мм, идущими по плечику. В культурном слое древнерусских городов стаканы встречаются достаточно редко. Можно отметить находку в Ростове (середина – вторая половина XII в) (база ВОАЭ ИА РАН). Похожая форма была обнаружена в 1985 г. В.П. Глазовым во Владимире в домонгольском слое шурфа № 27 (*Глазов*, 1986).

Кружки: 4 фрагмента и 1 полная форма[3] (рис. 5, *10*; 6, *12*; 7, *5*; 8, *1*; 9, *10*).

В тесте у сосудов зафиксированы добавления мелкой дресвы с песком. Кружки относятся к миниатюрным формам. У полной формы и 3 фрагментов тулово конусовидное, у 1 фрагмента – овальное. Стоит также отметить, что кружку, сохранившуюся целиком, покрывала двусторонняя светло-зеленая полива, пережженная на донце (рис. 7, *5*). Сосуд был изготовлен там же, где и вся остальная посуда усадьбы, поскольку клеймо на его донце (княжеский знак) было абсолютно идентичным клейму на донце другого горшка явно местного производства (рис. 7, *6*). Варианты венчиков – 7а, 8а, 10а. 2 фрагмента орнаментированы по плечикам линией толщиной 1 мм. Кружки были довольно редкой формой керамической посуды в Древней Руси. Кружка полного профиля домонгольского времени была обнаружена Н.Н. Ворониным во Владимире при исследовании им оборонительных сооружений детинца в 1936 г. (ВСМЗ (г. Владимир), фонд археологии, № коллекции В-5724).

Кубышки: 2 фрагмента (рис. 10, *10, 11*).

В тесте у обоих фрагментов отмечены примеси крупной дресвы с песком. Кубышки отнесены к сосудам малых размеров, имеющих конусовидное тулово. Венчики у них имеют косо срезанные края (вариант 1). Кубышки не декорированы. Эта категория керамики на территории Ростово-Суздальской земли встречалась также не часто. Аналогии можно встретить в Суздале (слои конца XII – начала XIII в.), в Ростове (первая половина XII в.), на городище Семьинском (начало XIII в.) (ВСМЗ (г. Владимир), фонд археологии, № коллекции 2324921).

Корчаги: 3 фрагмента (рис. 10, *9*).

Тесто у данных сосудов содержит примеси крупной дресвы и песка с добавлениями шамота. Корчаги являются сосудами крупных форм. Они имеют отогнутую наружу короткую шейку и конусовидное тулово. Встречены варианты венчиков – 4и, 8б. Один из сосудов украшен линиями толщиной 1 мм, идущими по плечикам. Аналогичные корчаги древнерусского типа найдены, например, в домонгольских слоях Ярополча Залесского (ВСМЗ (г. Суздаль), фонд археологии, В-7717, № 8738) и Суздаля (ВСМЗ (г. Суздаль), фонд археологии, В-39975, № 5039). Малое количество фрагментов корчаг местного производства, найденных на территории усадьбы, можно объяснить тем, что такая посуда в Ростово-Суздальскую землю в основном импортировалась с Юга.

Светильники: 6 фрагментов (рис. 2, *10*; 4, *15*).

Обнаружены части двух (?) светильников. Фрагменты изготовлены из теста с примесью мелкой дресвы с добавлением песка. У двух фрагментов прослеживаются также включения шамота. Найденные фрагменты не позволяют с определенной точностью установить форму светильников, но, вероятнее всего, их можно отнести к двухъярусным светильникам "киевского" типа, которые были распространены в юго-западных и центральных регионах Древней Руси (для северо-запада были характерны светильники в виде толстостенных плошек). Примерные аналогии можно встретить в Смоленской земле (Воищинское городище XII–XIII вв.) (*Седов*, 1960. С. 66. Рис. 32, *3*), Смоленске (XI–XII вв.) (*Каменецкая*, 1976. С. 54. Рис. 4), в Москве (вторая половина XII–XIII вв.) (*Розенфельдт*, 1968. С. 79. Табл. 1, *19*).

Кроме этого, в коллекцию древнерусской круговой керамики усадьбы были включены 11 фрагментов нижних частей крышек (7 фрагментов группы I и 4 – группы III), 2 фрагмента верха крышек и 10 фрагментов ручек.

225 фрагментов сосудов, а также 4 горшка полного профиля, 2 ручки-сковородника и 2 фрагмента нижних частей крышек группы III были отнесены к ранней красноглиняной керамике. Характерными ее чертами следует считать буро-коричневый или грязно-бежевый цвет черепка, часто не прокаленный в середине (двух-, трехцветный излом) (окислительный обжиг), следы от обваривания в виде темных пятен на стенках сосудов. Донца, как правило, изготовлены на ручном гончарном круге тяжелого типа, почти всегда с подсыпкой мелкой дресвы и песка. Отмечено 27 донец, на одном из которых обнаружено клеймо в виде колеса со спицами (группа II) (рис. 3, *3*). Венчики в основном имеют несложную конфигурацию. Наиболее характерны варианты 1 и 7.

Описание керамических комплексов

В процессе исследования на территории усадьбы были выделены 3 основных керамических комплекса (ОКК), связанные с периодами застройки усадьбы:

– ОКК № 1, соответствующий первому домонгольскому этапу застройки усадьбы, конец XII в. – 1214 (1227 ? г.);

– ОКК № 2, относящийся ко второму домонгольскому этапу застройки усадьбы, (1214) 1227 г. – до 7.02.1238 г.;

[3] К фрагментам кружек были отнесены только верхние части миниатюрных сосудов соответствующих параметров с дугообразными вертикально прикрепленными к ним ручками или имеющие след от такой ручки. (Реальное количество фрагментов кружек может быть несколько большим.)

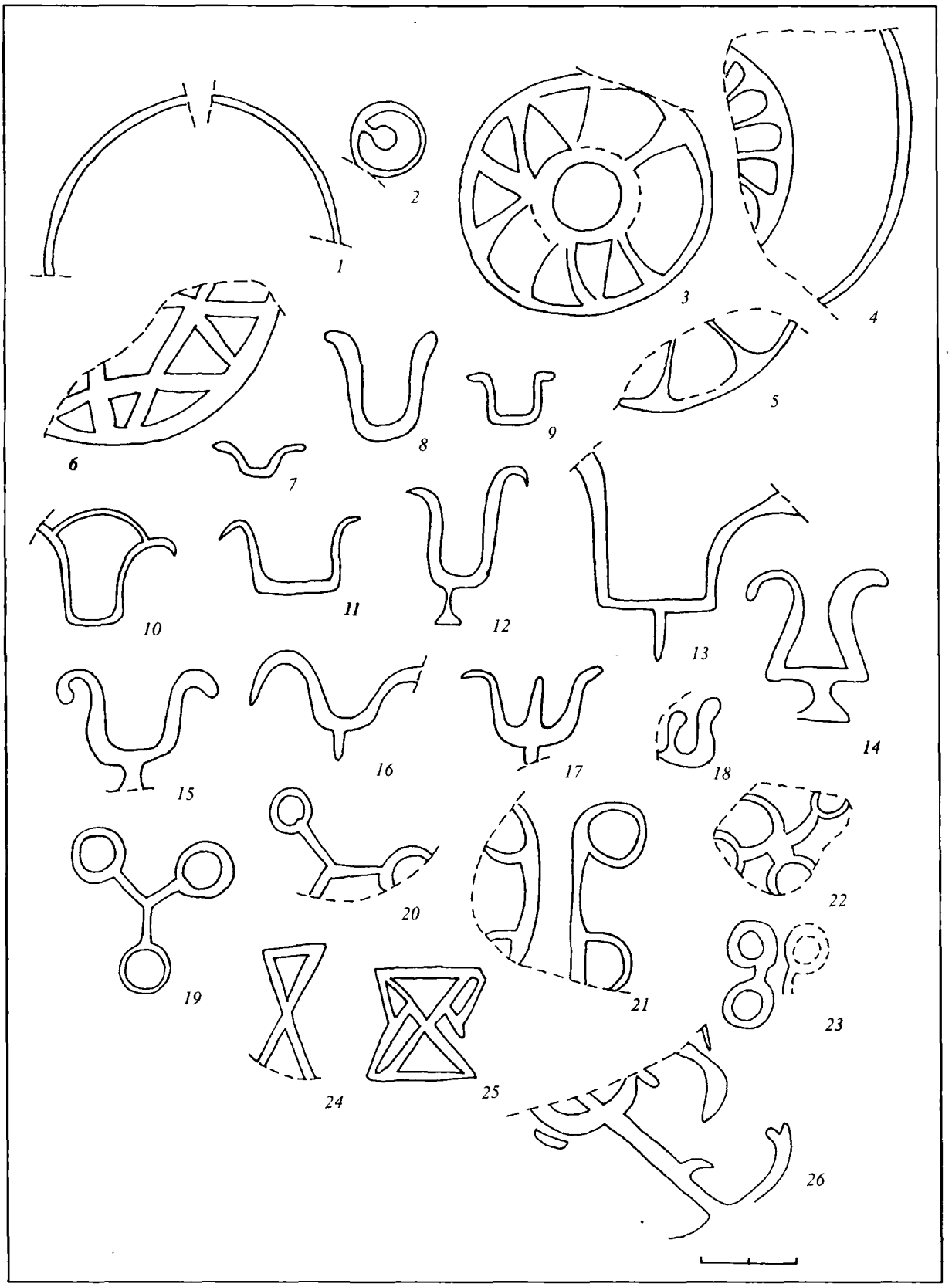


Рис. 3. Клейма. Основные рисунки

1, 2 – группа I; *3–5* – группа II; *6, 19–26* – группа III; *7–18* – группа V

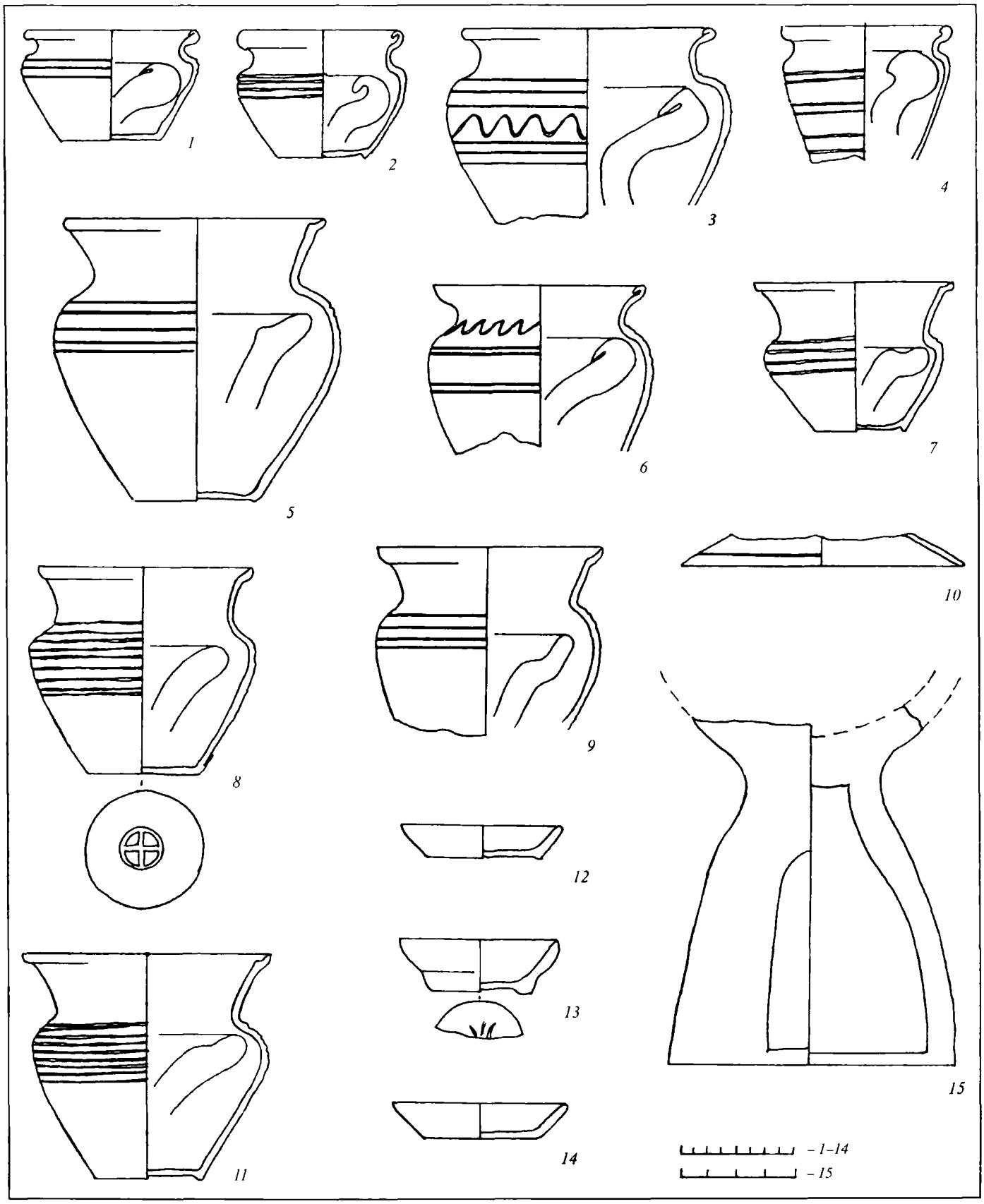


Рис. 4. ОКК № 1

1–9, 11 – горшки (*1–4, 6* – группа IA; *5, 7, 8, 11* – группа IIA; *9* – группа IIB); *10* – крышка, группа II; *12–14* – блюдца; *15* – светильник. *1–4, 6, 9, 10, 15* – яма № 1; *5, 7, 8, 12* – яма № 4; *13* – яма № 10; *14* – яма № 13; *11* – яма № 2

– ОКК № 3, который соответствует послемонгольскому этапу застройки усадьбы, середина – вторая половина XIII в.

ОКК № 1. Керамика из ям раннего (1-го) строительного периода: № 1 (раскоп 1996–97 гг.), № 4 (раскоп 1997 г.), № 10 (раскоп 1997 г.), а также из ямы № 13 (раскоп 1996 г.) и первичного котлована ямы № 2 (раскоп 1995 г.)[4]. Ямы № 1, 4 и 10 могли относиться к одному жилому строению, которое или еще не обнаружено, или было уничтожено в результате возведения более поздних построек (*Жарнов*, 1997а. С. 29–31; 1998. С. 21–22, 35–36, 53–55). Яма № 13, вероятно, была котлованом подполья жилой наземной постройки, прекратившей существовать еще до первого пожара (*Жарнов*, 1997а. С. 59). Всего ОКК № 1 включает более 3900 фрагментов древнерусской круговой керамики (2030 фрагментов происходит из ямы № 1, 1030 фрагментов – из ямы № 4 и 580 фрагментов – из ямы № 10, 260 фрагментов – из ямы № 13, более 100 фрагментов – из ранней ямы № 2), десять полных форм горшков, несколько полных форм блюдец.

Все исследованные нижние части (104), а также донца сосудов, имеющих полный профиль, изготовлены на ручном круге легкого типа. Клейма отмечены лишь на 2 донцах: одно, сохранившееся целиком (крест в круге) на донце горшка полного профиля группы III, обнаружено в яме № 4 и одно – фрагментарное (трезубец) – на донце блюдца из ямы № 10. (рис. 4, *8, 13*).

Для исследования отобрано 37 фрагментов верхних частей и 10 горшков, имеющих полный профиль, 3 фрагмента и 3 блюдца полной формы, 3 фрагмента светильников, 1 фрагмент крышки и 1 фрагмент ручки.

В тесте горшков зафиксированы следующие примеси: мелкая дресва с песком (64%), реже встречаются средняя дресва с песком (23%), только песок (8%) и крупная дресва с песком (4%). В тесте 2 фрагментов наряду с дресвой и песком найдены включения шамота. По 11 сосудов (по 23,5%) отнесены по размерам к малым (в том числе и 3 горшка полного профиля) и к крупным; 25 (53%) – к средним (в том числе и 2 горшка полного профиля). К группе I принадлежит 85% сосудов (в том числе и 2 горшка полного профиля). Все горшки данной группы имеют конусовидное тулово (рис. 4, *1–4, 6*). К группе IIIA относится 15% сосудов (в том числе и 3 полного профиля) (рис. 4, *5, 7, 8, 11*; табл. 7). Зафиксировано 16 модификаций в оформлении края венчиков. Среди горшков группы I наиболее распространены были модификации 5м, 5л (рис. 4, *1–3, 6*). Среди сосудов с раструбовидной шейкой – 9а (рис. 4, *5*). Довольно часто встречаются также варианты 8 и 10. Доля орнаментированной посуды очень высока – 98%. Сосуды украшены в основном линиями толщиной 0,5–1 мм, прочерченными по тулову ножом (так декорировано 94% орнаментированных горшков), 4% сосудов украшены линейным многорядом, который наносился гребнями, имеющими от 3 до 6 зубцов. 2% горшков орнаментированы линиями и волнами. Узор расположен в основном на плечиках и тулове сосудов, однако у одного фрагмента орнамент (линии) отмечен на венчике, а у двух фрагментов – на шейке.

В тесте блюдец отмечены примеси в основном средней дресвы с песком. Верхние части имеют варианты 7а и 7в (рис. 4, *12–14*).

Фрагмент нижней части крышки относится к группе III. На нем есть линейный орнамент (рис. 4, *10*). В яме № 1 обнаружено также три фрагмента от нижней части светильника "киевского типа" (рис. 4, *15*).

ОКК № 2. Всего в переделах ОКК № 2 было выделено два керамических комплекса, а также рассмотрена керамика из ряда ям позднего строительного периода.

Комплекс 1: подвал наземной жилой постройки и ямы № 1, 20, 25 (раскоп 1993–1994 гг.), ямы № 1, 2 (раскоп 1995 г.). Очевидно, все рассмотренные ямы относились к одному жилому комплексу, находящемуся в СЗ части усадьбы. (*Жарнов*, 1994. С. 11–20; 1995. С. 26–39; 1996. С. 21–44). В комплексе обнаружено около 39 000 фрагментов древнерусской круговой керамики (при этом в подвале – около 3500 фрагментов, в яме № 1 (1994 г.) – 1900 фрагментов, в яме № 20 – более 6000 фрагментов, в яме № 25 – 2600 фрагментов, в яме № 1 (1995 г.) – более 11 500, в яме № 2 – около 13 500 фрагментов), а также более трех десятков полных форм горшков, блюдца, миска, стакан, мисковидный сосуд (рис. 5–8; табл. 1, 5). В яме № 2 найден одноярусный светильник (?) малой формы (h = 2 см, d верха = 5 см, d донца = 3 см), украшенный ямочными вдавлениями по верхнему краю. Он был сделан от руки. По форме напоминает античные светильники. Аналогий не найдено (рис. 8, *25*).

Комплекс 2: ямы № 2, 2а, 9 (раскоп 1997 г.), 1, 2 (раскоп 1998 г.). Данные ямы входили в комплекс жилого (?) сооружения, расположенного в ЮЗ части усадьбы (*Жарнов*, 1998. С. 23–28, 43–52; 1999. С. 13, 15, 23, 29).

К комплексу 2 отнесено более 39 900 фрагментов древнерусской круговой керамики (3440 фрагментов извлечено из ям № 2, 2а (1997 г.), около 12 500 фрагментов – из ямы № 9; 6300 фрагментов – из ямы № 1; 17 700 фрагментов – из ямы № 2 (1998 г.)), 10 горшков полного профиля, 37 целых блюдец и 1 миска, имеющая полный профиль. К материалам комплекса относится также одна ручка-сковородник. Диаметр внешней части равен 3,8 см. (рис. 9–10; табл. 1, 5).

Керамика из ям позднего (2-го) строительного периода: № 8 (раскоп 1995 г.), № 4/15 (раскоп 1995–1996 гг.), № 3, 4–5, 10 (раскоп 1996 г.). Данные ямы, расположенные в З части раскопа, могли входить в один жилой или хозяйственный комплекс, который еще не раскопан целиком (*Жарнов*, 1996. С. 45–46, 49–50; 1997а. С. 37–39, 51–53, 59–62). В ямах найдено около 7200 фрагментов древнерусской круговой керамики, относящейся ко второму периоду застройки усадьбы (более 2750 фрагментов в яме № 4/15, около 430 фрагментов в яме № 8, 580 фрагментов – в яме № 3, 760 фрагментов – в яме № 4–5 и около 2660 фрагментов – в яме № 10), 9 горшков полного профиля, 5 целых блюдец (рис. 11–12; табл. 1, 5).

[4] План раскопа усадьбы приводится в статье Ю.Э. Жарнова (1996).

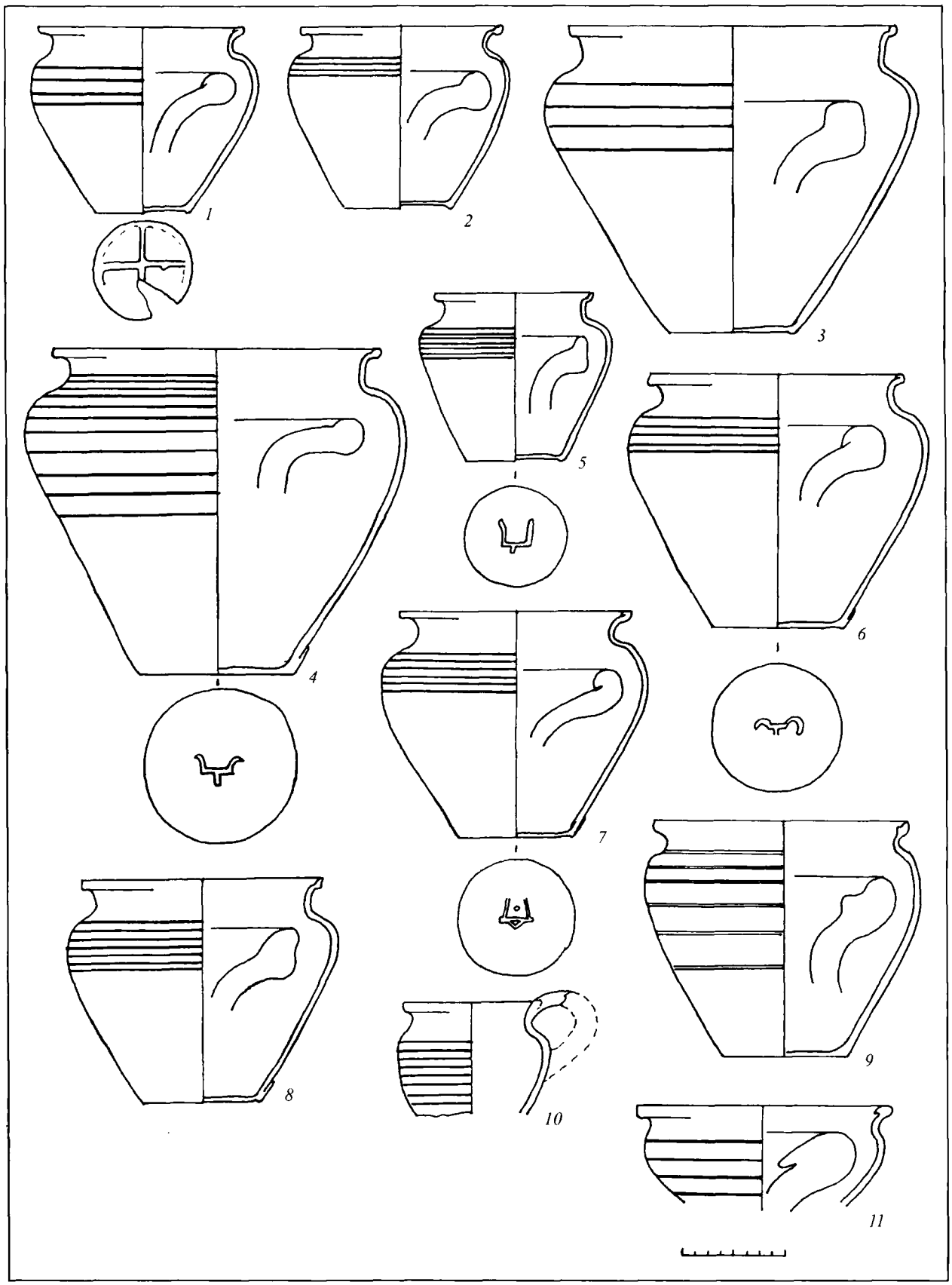


Рис. 5. ОКК № 2

Комплекс 1: *1–9* – горшки, группа IA; *10* – кружка; *11* – мисковидный сосуд: *4, 11* – подполье; *1–3, 5–10* – яма № 20

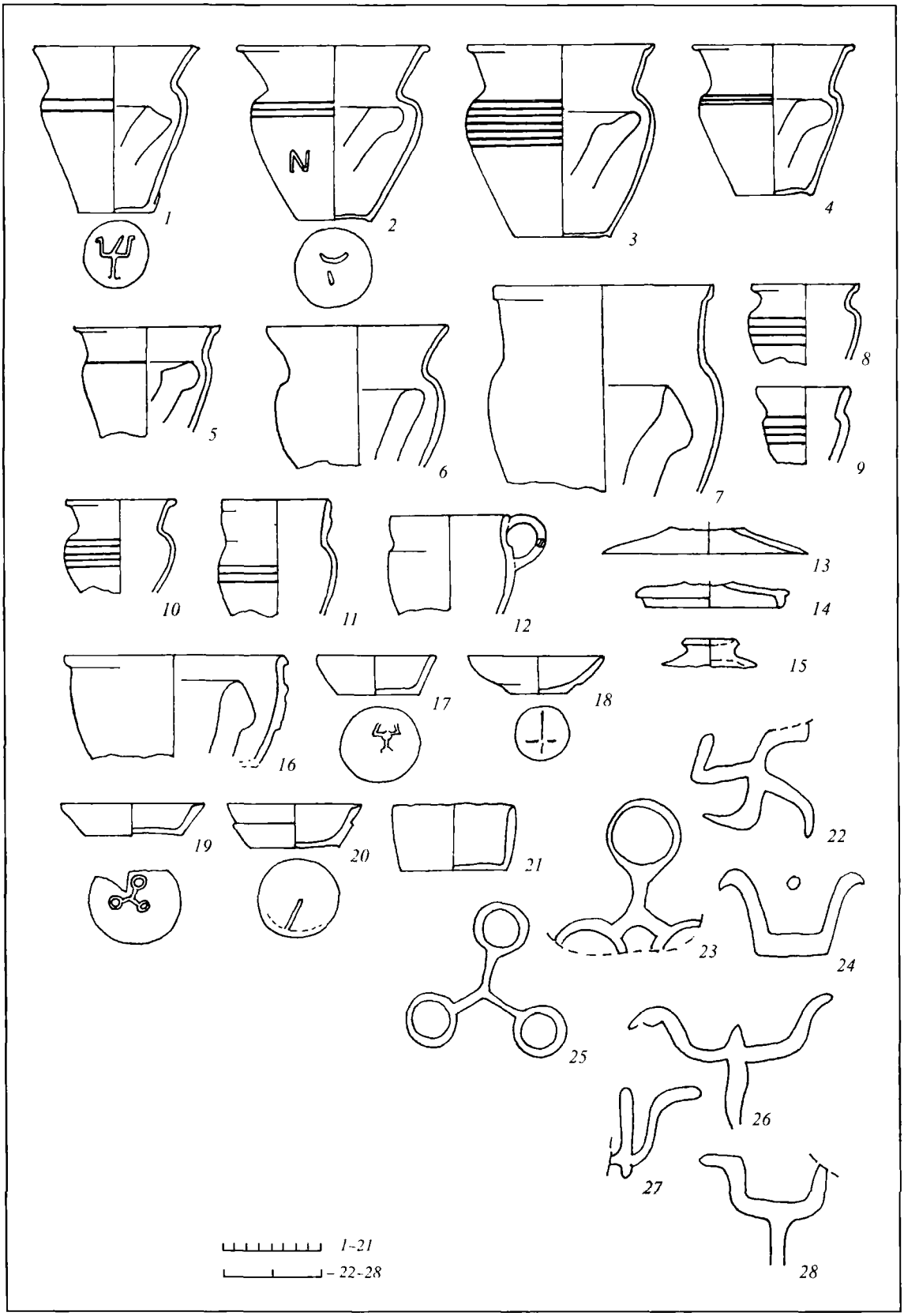


Рис. 6. ОКК № 2

Комплекс 1: *1–7* – горшки (*1–5* – группа IIIA; *6* – группа IIIB; *7* – группа IVB); *8–11* – миниатюрные горшки (*8* – группа IA; *9, 10* – группа IIIA; *11* – группа IVA); *12* – кружка; *13–15* – крышки (13 – группа III; *14* – группа I); *16* – миска; *17–21* – блюдца; *22–28* – клейма. *8, 10–12, 15–21* – подполье; *1–7, 9, 13, 14, 24–26, 28* – яма № 20; *22, 23, 25, 27* – яма № 25

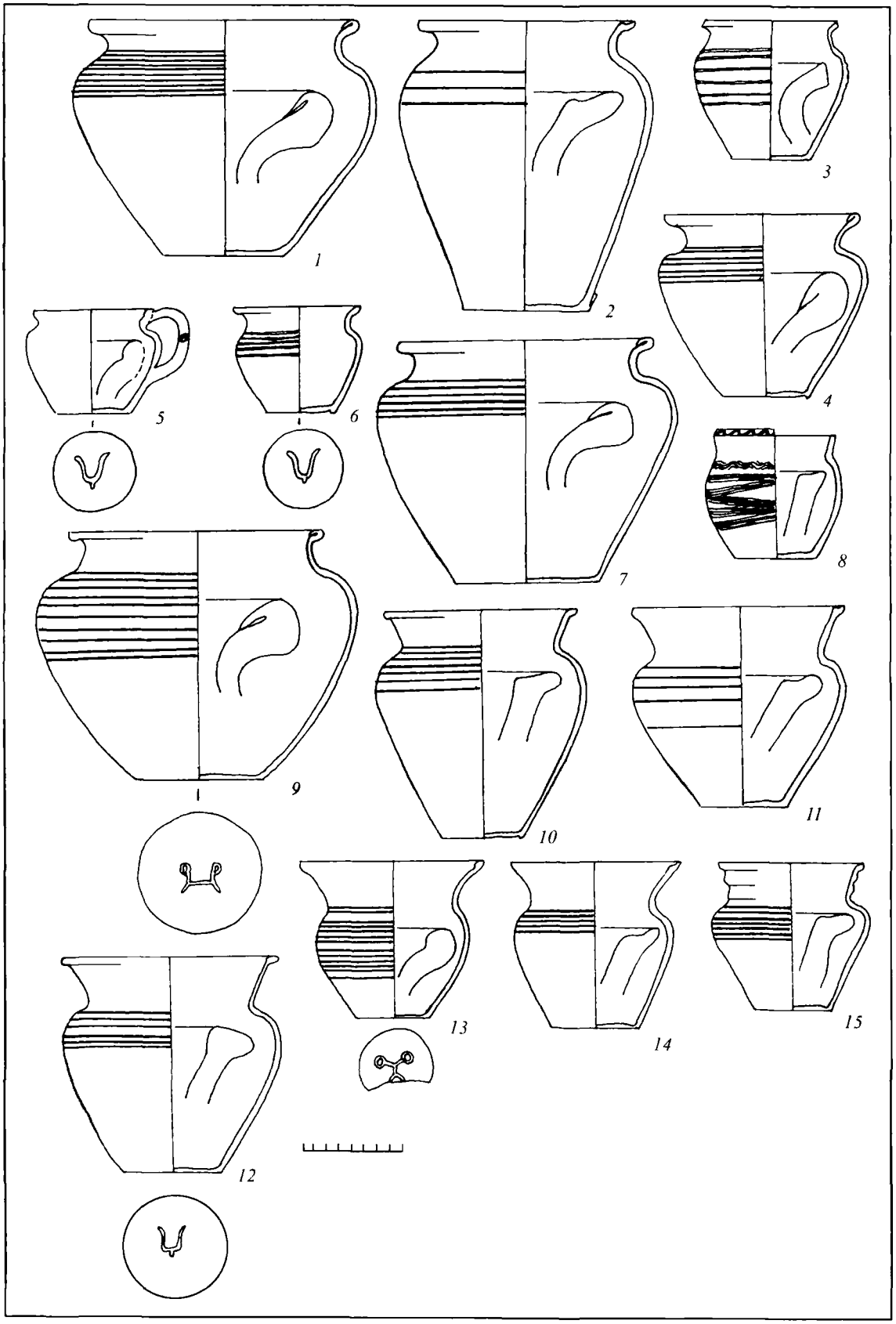


Рис. 7. ОКК № 2

Комплекс 1: Горшки полного профиля. *1–4, 6, 7, 9* – группа IA; *8* – группа IIB; *10–12, 14, 15* – группа IIA; *13* – группа IIB; *5* – кружка. *2–4, 6, 7, 9, 10, 12, 14, 15* – яма № 1; *1, 5, 8, 11, 13, 15* – яма № 2

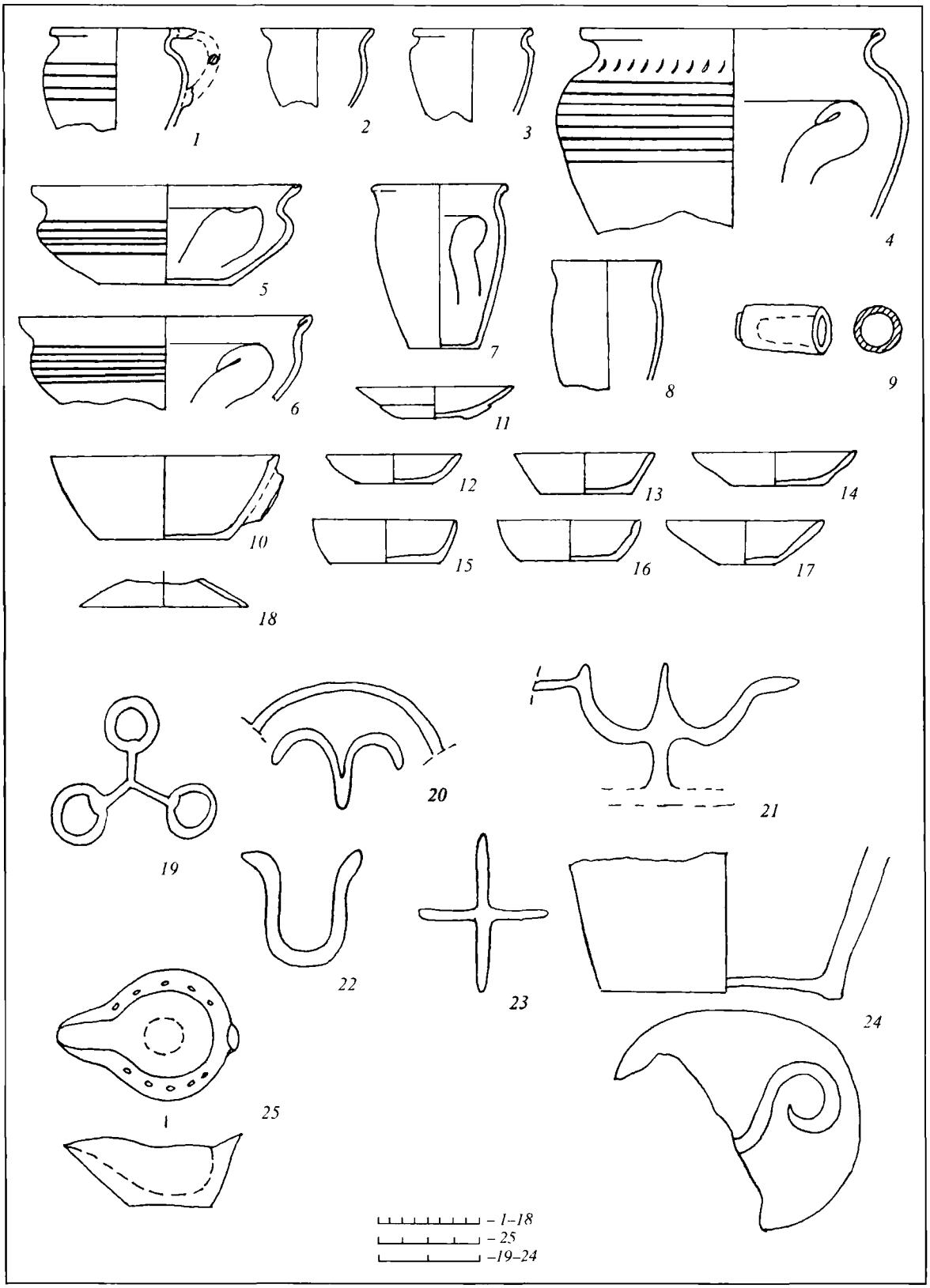


Рис. 8. ОКК № 2

Комплекс 1: *1* – кружка; *2, 3* – миниатюрные горшки (*2* – группа IB, *3* – группа IA; *4* – горшок группы IA; *5, 6* – мисковидные сосуды; *7, 8* – стаканы; *9* – ручка-сковородник; *10* – миска; *11–17* – блюдца; *18* – крышка, группа; *19–24* – клейма; *25* – светильник. *3–5, 7, 8, 10, 12–14, 16, 17, 19, 22* – яма № 1; *1, 2, 5, 9, 11, 15, 18, 20, 21, 23–25* – яма № 2

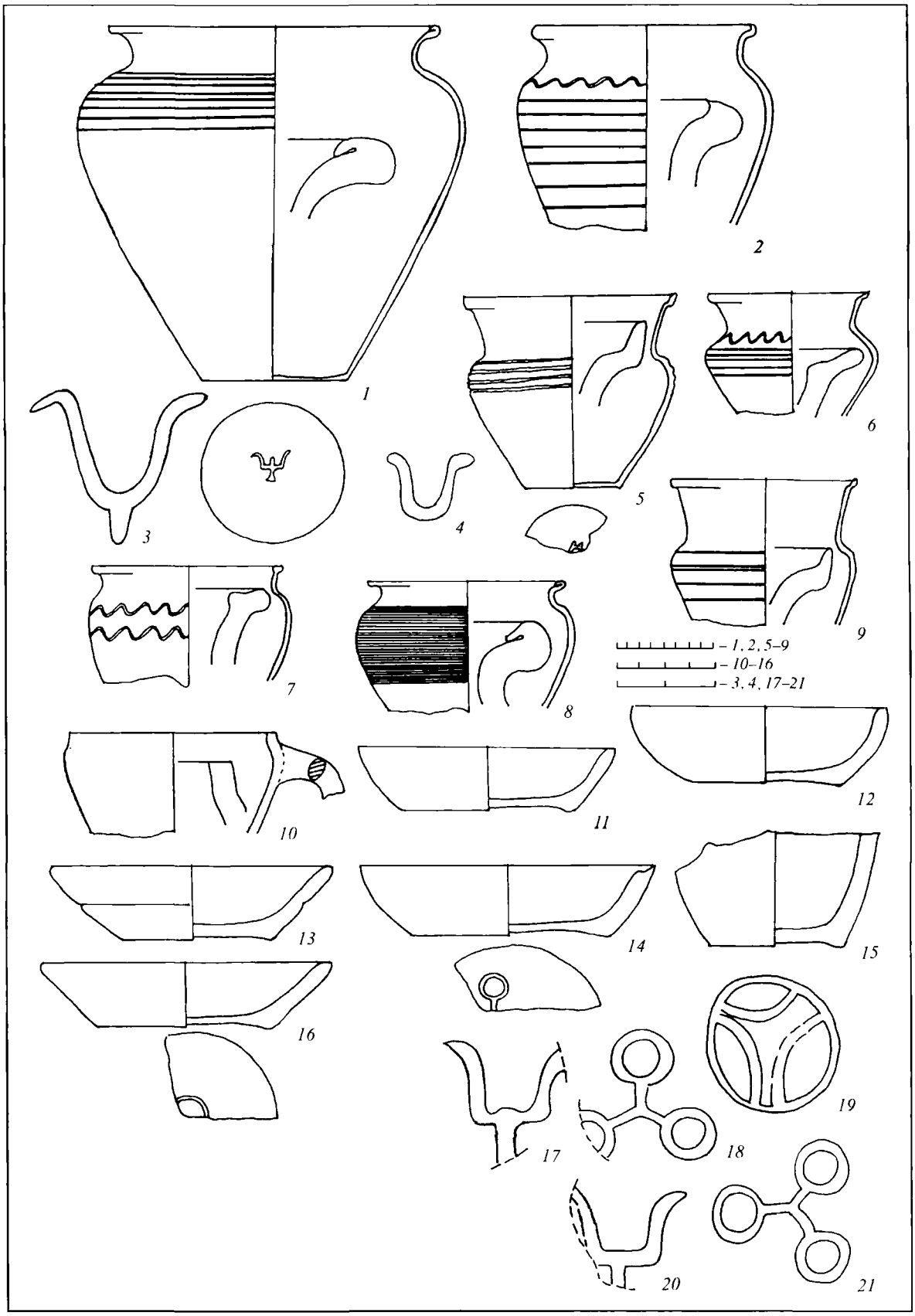


Рис. 9. ОКК № 2

Комплекс 2: *1, 2, 5–9* – горшки (*1, 2, 8* – группа IA; *7* – группа IB; *5, 9*, – группа IIIA; *6* – группа IIIB); 10 – кружка; *11–14, 16* – блюдца; *3, 4, 17–21* – клейма; *15* – нижняя часть сосуда с обточенным краем. *2, 5–7. 11, 19* – яма № 2; *1, 3, 4, 8–10, 12–18, 20, 21* – яма № 9

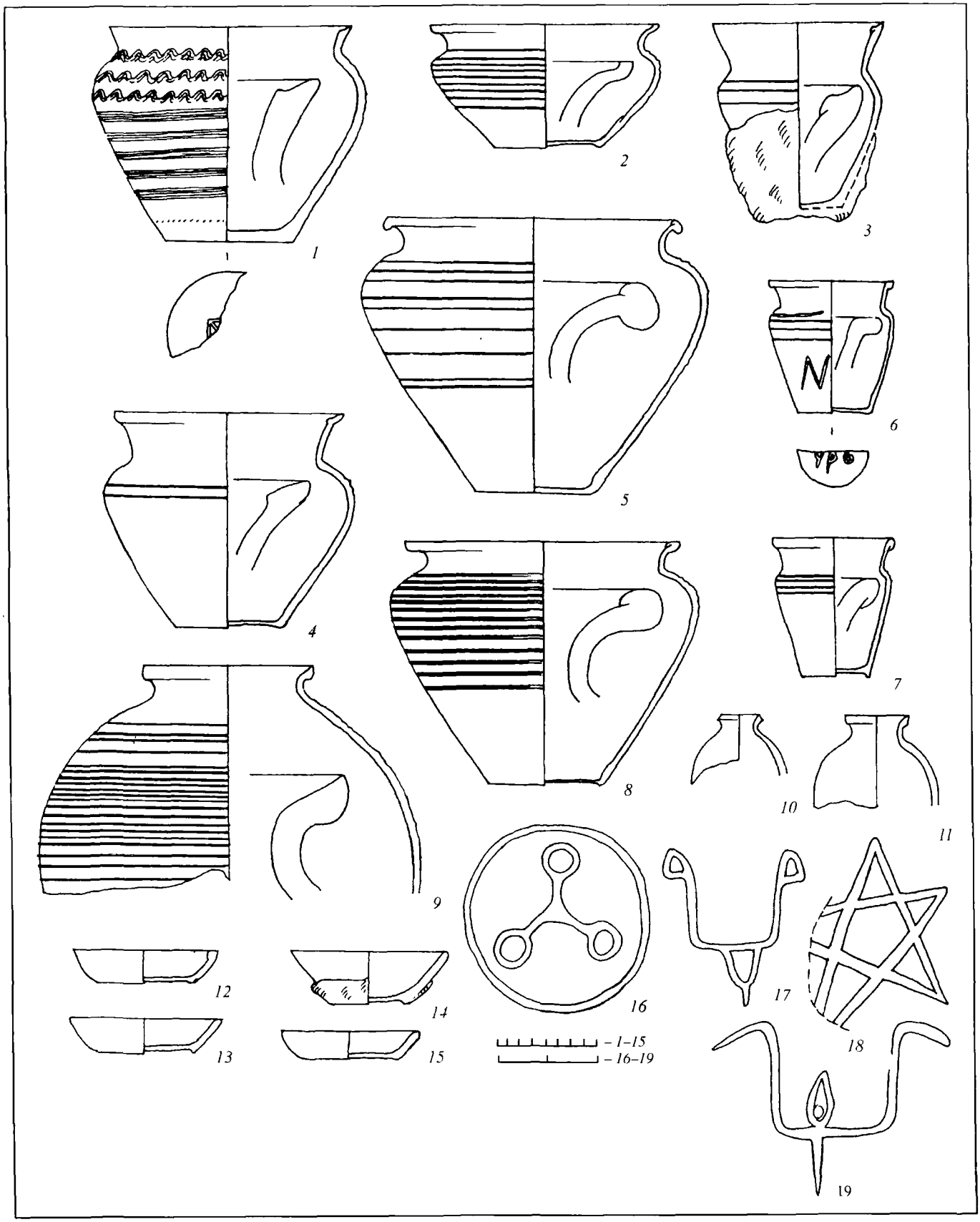


Рис. 10. ОКК № 2

Комплекс 2: *1–8* – горшки (*1, 2, 8* – группа IA; *4, 6* – группа IIA; *3, 7* – группа IIБ); *9* – корчага; *10, 11* – кубышки; *12–15* – блюдца; *16–19* – клейма. *1–7, 9–11, 13–15, 17–19* – яма № 2; *8, 16* – яма № 1

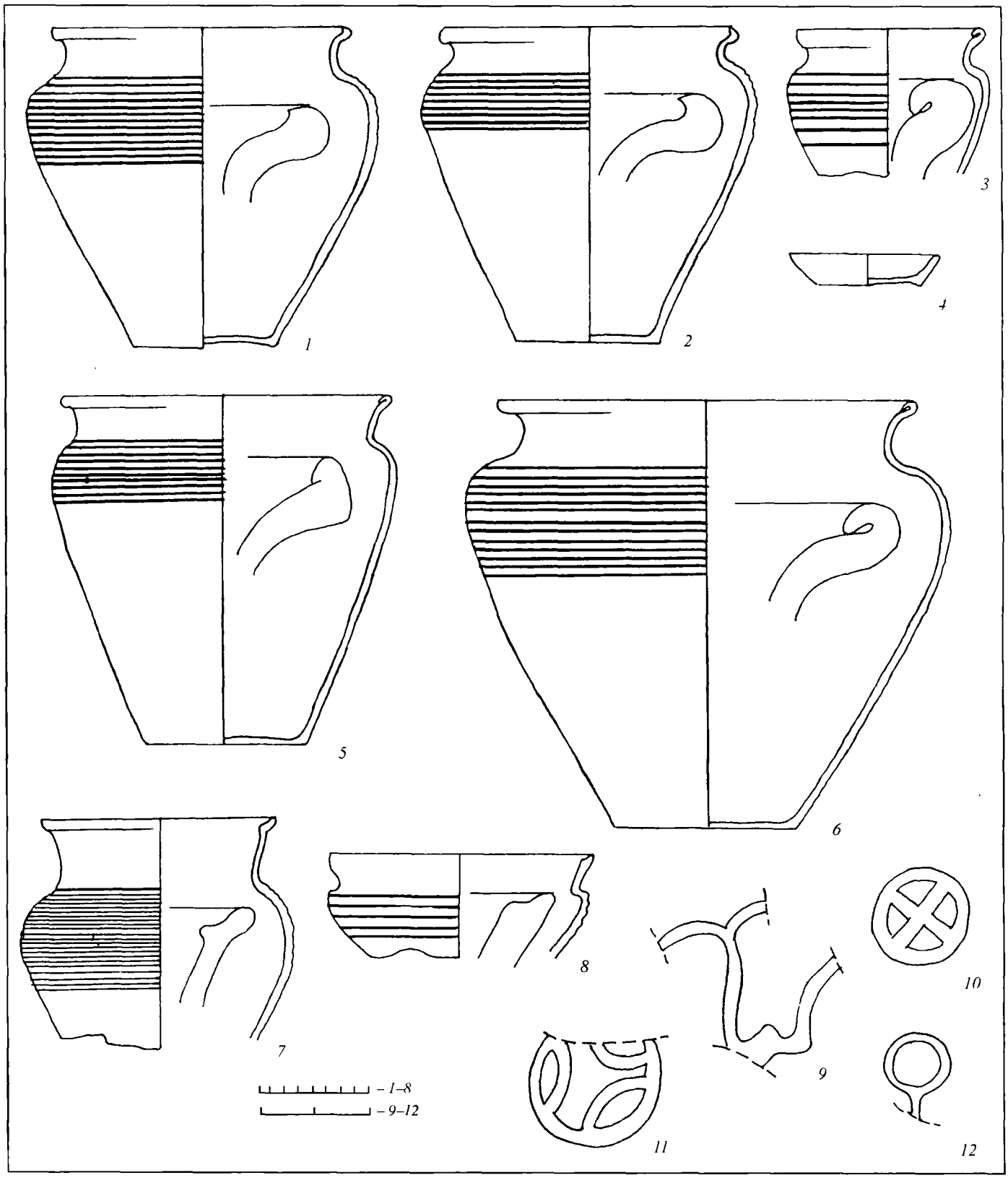


Рис. 11. ОКК № 2

1–3, 5–7 – горшки (*1–3, 5, 6* – группа IA; *7* – группа IIIA); *4* – блюдце; *8* – мисковидный сосуд; *9–12* – клейма. *1, 2, 4, 7, 12* – яма № 3; *3, 5, 6, 8–10, 11* – яма № 10

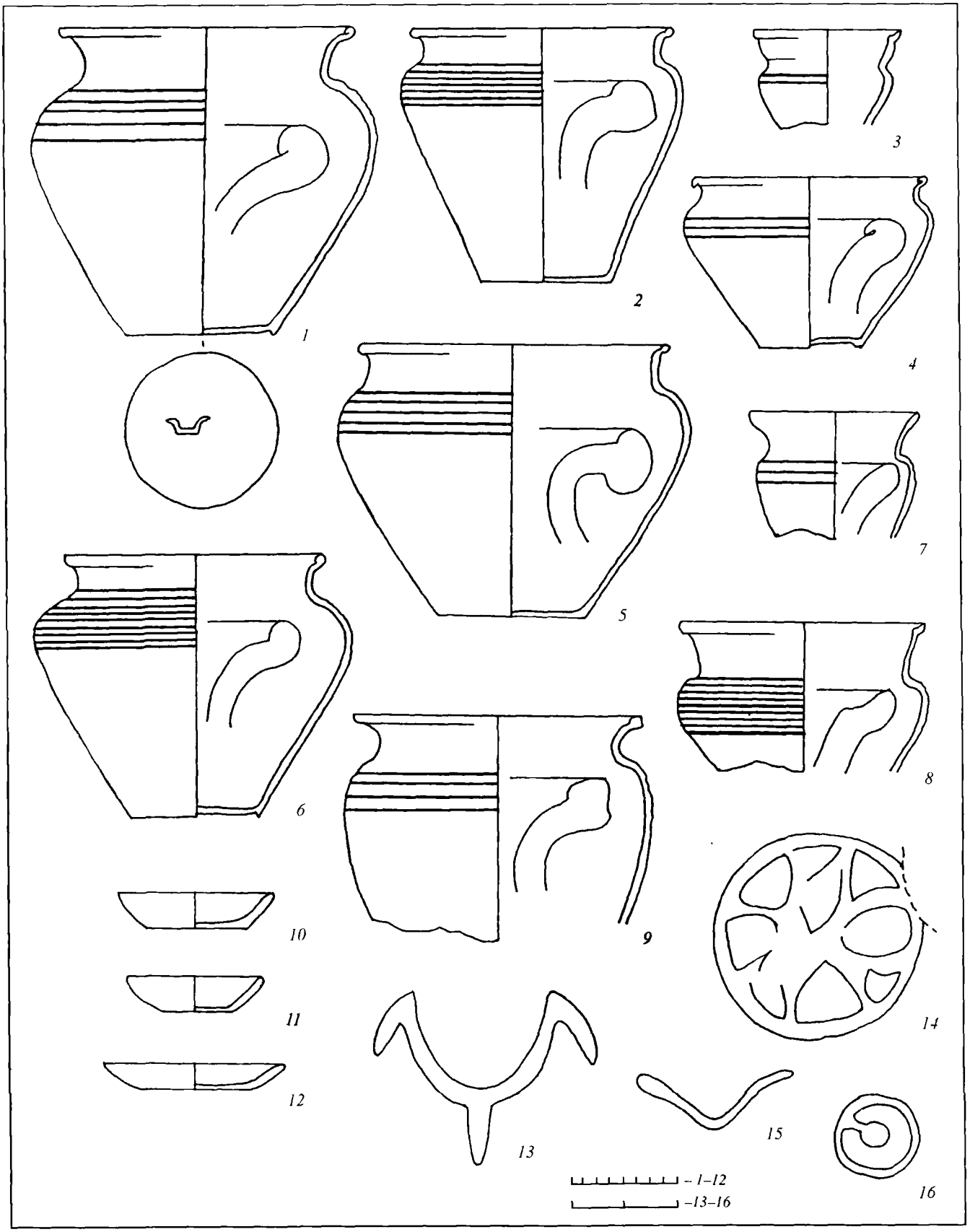


Рис. 12. ОКК № 2

1–9 – горшки (*1, 2, 4–6* – группа IA; *9* – группа IB; *3, 7, 8* – группа IIA); *10–12* – блюдца; *13–16* – клейма. *1, 6, 15* – яма № 8; *2, 3, 5, 7–12* – яма № 4/15; *4, 13, 16* – яма № 4–5

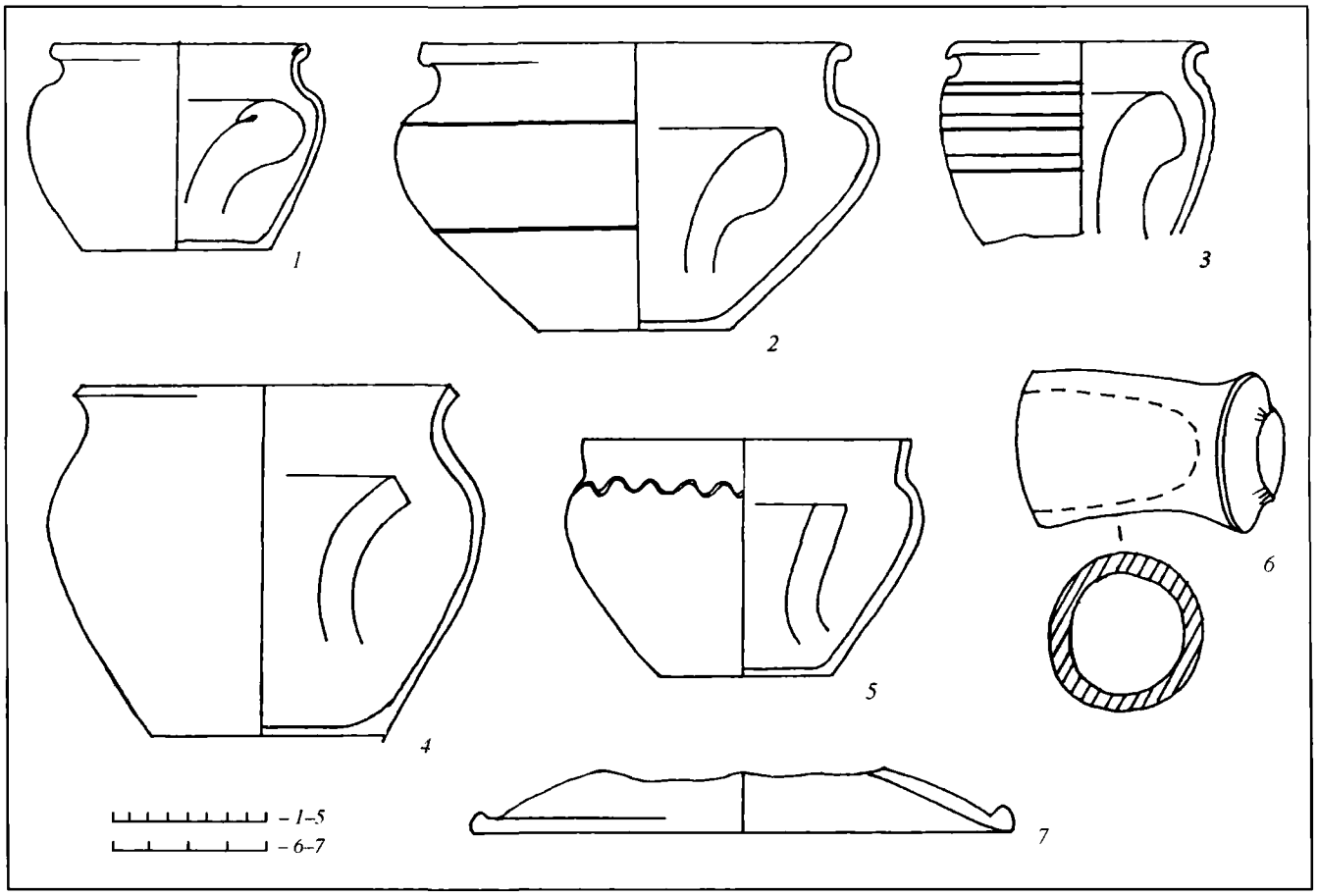


Рис. 13. ОКК № 3

1–5 – горшки (*1–3* – группа IA; *4* – группа IB; *5* – группа IIA); *6* – ручка-сковородник; *7* – крышка, группа III. *1–4, 6, 7* – яма № 9; *5* – яма № 12

Всего к ОКК № 2 относится примерно 86 000 фрагментов древнерусской круговой керамики, а также 50 горшков, 1 мисковидный сосуд, 2 миски, 1 стакан, 1 кружка и 63 блюдца полного профиля. В тесте обломков отмечены следующие примеси (по мере убывания): крупная дресва с песком, мелкая дресва с песком, средняя дресва с песком, песок. Есть добавления шамота, извести и слюды.

Все исследованные донца и нижние части сосудов (836) сформованы, так же как и в ОКК № 1, на ручном круге легкого типа. Обнаружено 71 клеймо (табл. 1). 34 клейма (47%) относятся к группе III, 31 клеймо (44%) – группе V, 4 изображения (6%) – к группе IV и по одному изображению (по 1,5%) – к группам I и II.

Среди исследованных 358 верхних частей горшков и 50 горшков полного профиля в целом по комплексу к миниатюрным принадлежат 3%, к малым – 20%, к средним – 46% и к крупным – 31%. Выявлены горшки всех четырех групп. К группе I относится 83% сосудов, к группе III – 16% горшков, к группам II и IV – по 0,5% сосудов (табл. 5). Зафиксировано 47 модификаций в оформлении края венчиков. Так же как и в ОКК № 1, наиболее распространены варианты 5 (38% от всех вариантов), 8 (32%), можно также выделить варианты 9 (10%), 7 и 10 (по 8%). Доля орнаментированной посуды составила 90%. Элементы и техника орнаментации остались теми же, что и в комплексе ОКК № 1. Стоит лишь выделить горшок группы II (комплекс № 1), у которого, помимо тулова, был украшен и венчик.

Кроме горшков отмечены следующие категории посуды: блюдца, миски, мисковидные сосуды, стаканы, кружки, крышки.

ОКК № 3. Яма № 12, поздние напластования ямы № 9 (раскоп 1997 г.).

К середине – второй половине XIII в. относится примерно 2000 фрагментов ранней красноглиняной керамики (1930 фрагментов извлечено из ямы № 9, около 100 фрагментов – из ямы № 12), а также 4 горшка полного профиля.

В комплексе выделено 16 придонных частей. Все они, а также донца полных форм сосудов изготовлены на ручном круге тяжелого типа. На 12 прослежены следы подсыпки песка. Для исследования взяты 22 верхних части горшков, а также 4 горшка полного профиля, и 2 фрагмента нижних частей крышек и две ручки-сковородника. В тесте горшков отмечены примеси средней дресвы с песком (64%), песка (26%) и крупной дресвы с песком (10%).

К малым по размерам относятся 5 горшков (19%) (в том числе и 1 полного профиля); к средним – 21 сосуд (81%) (в том числе и 3 полного профиля). К груп-

пе I принадлежит 89% сосудов. Конусовидное тулово имеют 78% (в том числе и 2 сосуда полного профиля), овальное – 11% горшков (в том числе и 1 полного профиля) (рис. 13, *1–4*). К группе II относится 11% сосудов (в том числе и 1 горшок полного профиля) (рис. 13, *5*; табл. 5). В оформлении края венчиков выделено всего 5 модификаций. Наиболее распространены были варианты 7 (46%), 1 (27%), встречены также варианты 10а (характерные для горшков группы II) и 5л. Доля орнаментированной керамики составляет 57%. Наиболее распространенным видом орнамента продолжает оставаться линейный. Линиями толщиной от 1 до 3 мм украшено 73% всех орнаментированных сосудов. Однако доля волнистого орнамента резко повышается. Волной украшено 27% всех орнаментированных горшков. Узор расположен в основном на плечиках сосудов.

Все фрагменты крышек принадлежали нижним частям и относились к группе III (рис. 13, 7). К материалам комплекса были отнесены также 2 ручки-сковородника, вероятно, от мисок, хотя фрагментов самих мисок в комплексе выявлено не было. Внешние диаметры ручек составляли 4 см и 3,8 см (рис. 13, 6).

Сравнение основных керамических комплексов

Сравнение керамических комплексов усадьбы проводилось на основании метода вычисления коэффициента абсолютного сходства, предложенного В.Ф. Генингом (*Генинг*, 1992. С. 93). Суть метода состоит в подсчете суммы минимальных величин однотипных показателей сравниваемых комплексов (при этом указанные величины берутся в процентах от общего числа элементов). Так, например, если в одном комплексе малые формы составляют 20%, средние – 50%, крупные – 30%, а в другом малые – 25%, средние – 30%, а крупные – 45%, то коэффициент абсолютного сходства по размерам между этими комплексами составит:

– минимум (20 и 25) = 20;
– минимум (50 и 30) = 30;
– минимум (30 и 45) = 30.

Итого: = 80.

Аналогично рассчитывались коэффициенты для ассортимента посуды и техники нанесения орнамента на сосуды. Данный метод удобен тем, что степень сходства между комплексами формируется как число от 0 до 100, причем значение 100 соответствует 100% сходства. При сравнении множества комплексов коэффициенты абсолютного сходства объединялись в корреляционную таблицу.

Таблица 3. **Результаты сравнительного анализа размеров горшков по ОКК**

X	1	2	3
1	x	94	65
2		x	63
3			x

Корреляционные таблицы составлялись по нескольким параметрам:

– по размерам сосудов (а именно горшков как самой многочисленной категории посуды в каждом из комплексов);

– по ассортименту посуды (горшков) (для каждого комплекса учитывалась доля группы I – наиболее представительной среди горшков. За норму был принят процент, равный 95, характерный для большинства исследованных комплексов городов центра Ростово-Суздальской земли. Если процент горшков группы I превышал указанное число, то комплекс считался типичным по набору посуды; если же он был ниже этой цифры (70–94%), то выявлялась специфика комплекса по этому параметру);

– по технике нанесения орнамента на сосуды (в первую очередь здесь обращалось внимание на те технологические приемы орнаментации, с помощью которых украшалось не менее 10% всей орнаментированной керамики).

1. Сравнение по размеру (табл. 3).

Во всех комплексах доминируют горшки средних размеров. Правда, процент их варьируется от 46–53 (соответственно в ОКК2 и ОКК1) до 81 в ОКК3. В результате, в ОКК3 отсутствуют сосуды крупных форм, тогда как в ОКК1 и 2 их доля составляет соответственно 23,5% и 31%. Доля малых горшков во всех ОКК почти одинакова (19–23,5%). Следует отметить, что только в ОКК2 есть миниатюрные сосуды (3%). Они встречены лишь в комплексах 1 и 2, где вообще

Таблица 4. **Распределение основных групп горшков по комплексам усадьбы**

№ комплекса	Группа горшков (%)										Итого
	IA	IБ	IB	IIA	IIB	IIIA	IIIБ	IIIB	IVA	IVB	
ОКК1	85					15					100
ОКК2 (всего)	81,5	0,5	2	0,2	0,3	10,5	0,5	5	0,3	0,2	100
комплекс 1	79	0,5	2,5		0,5	13		2,5	0,5	0,5	100
комплекс 2	81	3	4	1		8	2	1			100
поздние ямы	81		2			17					100
ОКК3	78		11	11							100
В целом по усадьбе	77	1	3	0,6	0,1	14	1,5	2	0,6	0,2	100

Таблица 5. **Распределение основных категорий круговой посуды по комплексам усадьбы**

№ комплекса	Категория посуды (%)										Итого
	горшки	блюдца	миски	мисковидные сосуды	стаканы	кружки	корчаги	кубышки	ковши	светильники	
ОКК1	94	5,4								0,6	100
ОКК2 (всего)	83,4	13	0,6	1,2	0,4	0,4	0,4	0,4	0,2		100
комплекс 1	89,4	7,8	0,7	1,1	0,7	0,3					100
комплекс 2	71,5	24,1	0,6			0,6	1,3	1,3	0,6		100
поздние ямы	87,5	10,4		2,1							100
ОКК3	100										100
В целом по усадьбе	79,2	16,3	0,9	0,8	0,8	0,3	0,3	0,3	0,2	0,9	100

наблюдается наибольшее количество вариантов форм и размеров керамической посуды, что, вероятно, можно связать, во-первых, с назначением комплексов (жилые сооружения с примыкающими к ним постройками различных функций), а во-вторых, с наиболее детальным исследованием комплексов (площади ям раскопаны полностью). Таким образом, наибольшее разнообразие размеров сосудов следует связать со вторым этапом существования усадьбы (1214 (1227)–1238 гг.).

2. Сравнение по ассортименту (табл. 5).

Доля горшков первой группы, являющихся показателем основной степени специфичности комплексов, составила в ОКК1 – 85%, в ОКК2 – 84% и в ОКК3 – 89%. Таким образом, все три ОКК можно считать специфичными по ассортименту посуды. Причем, в ОКК1 и ОКК2 была довольно велика доля сосудов группы III (соответственно 15% и 16%). В ОКК1, наряду с данными группами горшков, были обнаружены также блюдца, фрагменты светильников и крышек. Но наибольшее разнообразие в ассортименте посуды отмечено в ОКК2. Здесь, наряду с I и III группами горшков, встречены горшки и II, и IV групп. Кроме этого, зафиксированы 8 других категорий сосудов (блюдца, миски, мисковидные сосуды, стаканы, кружки, кубышки. корчаги, ковш), фрагменты крышек. В ОКК3 горшков группы III не обнаружено. Зато увеличивается доля горшков группы II (11%). Из других категорий посуды в данном комплексе найдены лишь фрагменты крышек.

3. Сравнение по технике нанесения орнамента (табл. 6).

Зафиксированы следующие технологические приемы, применявшиеся для украшения керамики усадьбы:

Таблица 6. **Результаты сравнительного анализа хронологических приемов орнаментации горшков по ОКК**

X	3	1	2
3	x	54	58,5
1		x	86
2			x

прочерчивание узора ножом, палочкой, гребенкой, вдавления заостренной и тупой палочками, катушечный штамп. В развитии традиций украшения посуды можно выделить два периода.

Первый период (ОКК1, ОКК2) связан с домонгольским временем существования усадьбы (конец XII – первая половина XIII в.). В данном периоде четко выделяются две тенденции в орнаментации сосудов:

– с одной стороны, посуда украшена достаточно "скудно": подавляющее большинство фрагментов орнаментировано линиями, т.е. только с помощью первых двух ТП. (В ОКК1 линиями было украшено 94% всей орнаментированной посуды, в ОКК2 – 97%);

– с другой стороны, процент орнаментированной посуды усадьбы в ОКК1 и в ОКК2 был очень высоким (соответственно 98% и 90%). В целом по усадьбе доля декорированной древнерусской круговой керамики составляла 90%. Такая значительная степень орнаментированной керамики была характерна и в целом для домонгольского Владимира.

Сосуды орнаментированы в основном по плечикам, но встречена орнаментация и по шейке, и по придонной части. У одного горшка из ОКК2 украшены одновременно венчик и тулово (рис. 7, *8*). Кроме горшков, в данный период орнаментируются и другие категории посуды: мисковидные сосуды, стаканы, крышки. Наличие некоторого (хотя и очень незначительного) количества фрагментов, украшенных штампованным орнаментом (арочный, прямоугольный, треугольный, и т.д. штампы) (рис. 2, *11 г–ж*), можно объяснить связями Владимира с Северо-Восточной Русью, где данные виды орнамента использовались в украшении посуды в XII – первой половине XIII в. довольно часто (*Мальм*, 1959. С. 134).

При сравнении декорированной керамики из ОКК1 и ОКК2 выявляется и ряд отличий, правда, довольно незначительных:

– линейный орнамент на сосуды из ОКК1 нанесен более небрежно: линии часто не параллельны друг другу и прочерчены неровно. Кроме этого, такие линии имеют заплывающие края, поскольку гончар проводил их почти сразу же после формовки сосуда, когда глина еще не успевала подсохнуть. На сосудах

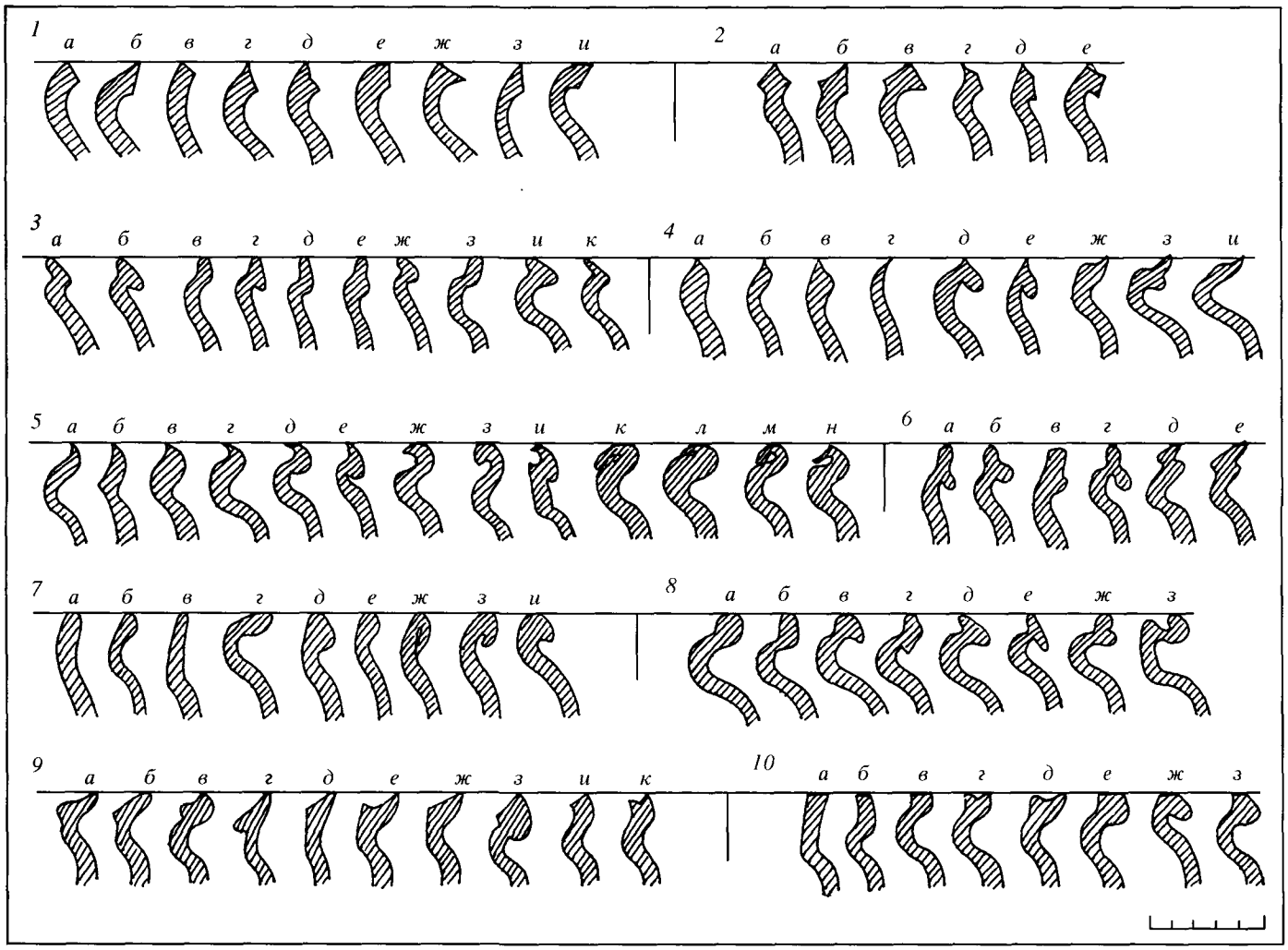


Рис. 14. Варианты венчиков круговых сосудов центра Ростово-Суздальской земли (X–XIII вв.)

из ОКК2 процент украшенной таким образом керамики резко снижается. Линии проведены по подсушенной глине, параллельны друг другу и ровно прочерчены;

– в ОКК1 чаще встречаются сосуды, украшенные многорядами – линейным и волнистым. Такую особенность орнаментации следует связать с более ранним существованием данного комплекса. Многоряд, как элемент орнамента, был распространен в Ростово-Суздальской земле в конце XI – середине XII в., а в начале XIII в. сосуды, декорированные таким образом, почти исчезают из обихода.

Второй период (ОКК3) приходится на середину – вторую половину XIII в. Резко уменьшается доля орнаментированной керамики (57%). Сосуды продолжают украшаться в основном лишь с помощью первых двух ТП, однако среди элементов орнамента возрастает процент волнистого и уменьшается процент линейного (соответственно 27 и 73). Сосуды в данный период начинают орнаментироваться в основном по плечикам. На других категориях посуды данного периода орнамента не выявлено.

4. Варианты венчиков (рис. 14; табл. 2).

Количество отмеченных модификаций вариантов венчиков сосудов распределилось по ОКК следующим образом. В ОКК1 было выявлено 16 модификаций, в ОКК2 – 47 модификаций и в ОКК3 – 5. Наиболее распространенными вариантами венчиков в домонгольский период существования усадьбы были варианты 5 и 8. Венчики данной конфигурации были довольно широко распространены в более южных районах: в Муроме (ММЗ, без фондового номера), в Ростиславле Рязанском (*Коваль*, 1996. С. 124. Рис. 2, *3, 4, 6*), а также в Киеве (*Каргер*, 1950. С. 37. Рис. 25), Черниговской области (*Моргунов*, 1983. С. 77. Рис. 2, *3*). Также стоит отметить венчики вариантов 9 и 10, которые в основном использовались для оформления верха горшков III группы и венчики варианта 7, с помощью которых, как правило, оформлялись верхние части блюдец, стаканов и мисок. В середине XIII в. количество модификаций венчиков резко снижается, при этом наибольшее распространение при оформлении верха горшков получают варианты венчиков упрощенной архаичной конфигурации – 1 и 7.

5. Клейма (рис. 3; табл. 1, 6).

Всего на территории усадьбы обнаружено 109 клейм на донцах сосудов. Подавляющее большинство донец с клеймами – 108 (98%) – относятся к домонгольскому этапу существования усадьбы. Из них 71 клеймо приходится на ОКК2, 2 – на ОКК1.

Таблица 7. **Клейма на донцах сосудов полного профиля**

Группа клейм	Горшки группы I	Горшки группы III	Кружки	Блюдца	Итого:
I	–	–		–	– (2)*
II	–	–		–	– (5)
III	3	3		8	14 (48)
трехсторонняя розетка	–	2		7	9 (29)
IV	–	2		1	3 (5)
V	6	3	1	5	15 (49)
"птичка"	1	–		–	1 (17)
двузубец	4	2	1	4	11 (22)
трезубец	1	1		1	3 (7)
Итого:	9	8	1	14	32 (109)

* Цифра в скобках означает общее количество клейм данной группы, обнаруженных в усадьбе.

Не вошедшие в ОКК клейма (35) распределились следующим образом: группа I – 1 клеймо (изображения окружности); группа II – 3 клейма (статичное колесо); группа III – 15 изображений (6 – трехсторонняя розетка, 3 – четырехсторонняя розетка, 3 – два треугольника, соединенных вершинами, 1 – решетка в окружности (?), 2 – неясные знаки); группа V – 16 знаков (8 – "птичка", 7 – двузубец, 1 – трезубец).

Наиболее распространенным изображением были княжеские знаки (49 штук). Это можно объяснить спецификой усадьбы: несомненна ее тесная связь с княжеским двором. Вероятно, что всю посуду или большую ее часть обитатели усадьбы получали оттуда. Встречены изображения "птички" (17–35% от всех клейм данной группы) (рис. 3, *7–11*), "двузубца" (24–49%) (рис. 3, *12–16*) и "трезубца" (8–16%) (рис. 3, *17–18*). Княжеские знаки точно не атрибутируются (*Молчанов*, 1985. С. 67. Табл. 1). С некоторой долей вероятности можно отнести "птичку" к одному из вариантов изображения колоколовидных знаков Юрьевичей Суздальских. Изменения в начертании княжеских знаков, вероятно, можно связать со сменой князей на владимирском престоле. В 1175–1212 гг. Владимирским князем был Всеволод Большое Гнездо, в 1216–1218 гг. правил его старший сын Константин, в 1218–1237 гг. – средний сын, Георгий.

Специфичной чертой данного комплекса следует считать наличие значительного числа клейм, относящихся к группе III. Их насчитывается 48. При этом подавляющее большинство изображений (30–67% от всех клейм данной группы) представлено трехсторонней розеткой (рис. 3, *19, 20*). Появление данных знаков, вероятнее всего, связано с усилением влияния керамических традиций южных земель Древней Руси на процесс изготовления посуды во Владимире. (Аналогичные клейма встречаются в Старой Рязани, в Муроме.) Следует отметить, что, изображение трехсторонней розетки становится характерным знаком в начале XIII в. и в целом во Владимиро-Суздальском регионе.

Клейма, относящиеся по классификации к первым двум группам, на территории усадьбы, наоборот, встречаются довольно редко. Это можно объяснить тем, что, во-первых, клейма данных групп были, как правило, распространены в древнерусских городах в более ранее время – в конце XI – XII вв., а во-вторых, для Владимиро-Суздальской земли в целом данные изображения были не характерны (хотя они довольно часто встречаются, например, в неподалеку расположенных Ростове, Ярославле).

Сделана попытка выявить серии клейм, изготовленных с помощью одной матрицы. Получены следующие результаты:

– серия первая: изображения двузубцев – на донце поливной кружки (комплекс 1, яма № 1), на донце горшка полного профиля группы I (комплекс 1, яма № 2), на донце сосуда (комплекс 2, яма № 9) (рис. 7, *5, 6*; 9, *3*);

– серия вторая: изображения трехсторонней розетки – на донце блюдца (комплекс 1, подполье), на донце сосуда (блюдца (?) (комплекс 1, яма № 25), на донце сосуда (комплекс 1, яма № 1), на донце горшка группы III (комплекс 1, яма № 2), на донце сосуда (блюдца (?) (комплекс 2, яма № 9), на донце сосуда (горшка (?) (комплекс 4, яма № 9)). Возможно, что среди найденных клейм усадьбы к этой серии относится еще несколько штук, но точно этого определить нельзя из-за их плохой сохранности (фрагментарность, нечеткий оттиск) (рис. 6, *19*; 7, *13*; 8, *19*; 9, *18, 21*).

Сосуды полных форм, на донцах которых прослежены клейма, относятся только к трем категориям. Это горшки групп I и III, кружки и блюдца[5].

Между рисунками клейм и данными категориями сосудов можно проследить некоторую зависимость (табл. 7). Так, на донцах горшков полного профиля группы I (всего 9) зафиксированы в основном изображения княжеских знаков (7–70%), остальные клейма относились к группе III (непонятный знак, пряжка и двусторонняя розетка). На донцах горшков группы III (всего 8) отмечена большая вариативность рисунков клейм. Так, встречены клейма группы IV (2–24%), княжеские знаки (3–38%) и клейма группы III (трех-

[5] Несомненно, что могли клеймиться также и миски, и мисковидные сосуды, и стаканы. Однако доля сосудов полного профиля данных категорий, как среди посуды ОКК, так и среди керамического материала в целом по усадьбе очень мала.

сторонняя розетка) (3–38%). На донцах блюдец выявлено 13 клейм. Так, зафиксировано одно клеймо группы IV, княжеские знаки – двузубцы (4–31%)), но самым распространенным изображением следует считать трехстороннюю розетку (7–54%)). Кстати, данный рисунок встречается, как правило, на донцах малого диаметра (5–8 см), которые также могли принадлежать блюдцам или другим миниатюрным сосудам (стаканы, кружки).

В домонгольский период посуда для усадьбы изготавливалась на заказ. Вероятно, чтобы отметить свою принадлежность к княжескому двору, гончары в основном использовали матрицы с изображениями княжеских знаков. Могла также существовать и достаточно узкая специализация в изготовлении отдельных видов посуды – один гончар (или группа гончаров) мог изготавливать только (или в основном) блюдца, другой – горшки эсовидной формы (по нашей классификации группа I), третий – горшки с цилиндрической шейкой (по нашей классификации группа III). При этом каждый из профессионалов мог использовать определенный набор клейм. Этим можно объяснить некоторую связь между изображениями на клеймах и определенными категориями клейменой посуды[6].

К третьему периоду существования усадьбы относится только одно клеймо – статичное колесо (рис. 3, *3*). Изображение явно заимствовано из домонгольского времени. Видимо, клеймо было проставлено гончаром скорее по традиции, чем с какой-то определенной целью, поскольку примерно с середины XIII в. гончарное производство начинает ориентироваться в основном на рынок, и клейма на донцах сосудов исчезают.

Таким образом, можно выделить два периода развития круговой керамики, обнаруженной на территории усадьбы.

Первый этап: конец XII в. – 1238 г., т. е. первые два этапа существования усадьбы. Все обнаруженные фрагменты и сосуды полного профиля относятся к древнерусской круговой керамике. В данный период (особенно в начале XIII в.) по керамическому материалу (наличие керамики с примесью только песка в тесте, обилие венчиков варианта 5, значительный процент клейменой посуды) отчетливо выявляется связь Владимира с более южными землями. Вероятно, на княжеском дворе могли работать выходцы из этих регионов. Это время творческого поиска и расширения ассортимента посуды. Ко времени монгольского нашествия в усадьбе бытуют все четыре группы горшков, встречены также миски, мисковидные сосуды, блюдца, стаканы, кружки, корчаги, кубышки и крышки, а также достаточно редкие для данного региона ковш и светильники. Довольно разнообразным было и оформление вариантов венчиков.

Второй этап: 1238 г. – вторая половина XIII в. После монгольского нашествия керамические традиции во Владимире на некоторое время были прерваны. Хотя с данным периодом стоит связать возникновение ранней красноглиняной керамики, при изготовлении которой используется уже ручной круг тяжелого типа, качество керамической посуды в целом резко снижается. Керамика, как правило, имеет плохо промешанное тесто, некачественный обжиг (на внешней части у некоторых донец заметны следы пережженности), есть горшки, по пропорциям во многом напоминающие раннекруговую керамику. Распространение получают венчики несложной конфигурации, также характерные в основном для раннекруговых сосудов. Вероятно, многие высокопрофессиональные гончары княжеского двора во Владимире были угнаны в плен, и в первое время после монгольского нашествия посуду изготавливали в основном или ученики гончаров, или даже непрофессионалы. Возможно, что часть из них была пришлой, поскольку, несмотря на низкое качество керамики, некоторые сосуды имеют не характерные для домонгольского времени пропорции, среди элементов орнамента начинает доминировать волна.

Наряду с данной керамикой встречена и качественно сделанная посуда хорошего обжига (горшки, крышки). Возможно, она была изготовлена уцелевшими профессионалами, поскольку по форме, вариантам венчиков сосуды напоминают посуду домонгольского этапа функционирования усадьбы.

[6] Данное утверждение является только версией, поскольку для обоснованных выводов материала явно недостаточно.

Литература

Белецкий С.В., 1983. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М.

Воронин Н.Н., 1949. Раскопки в Ярославле // МИА. № 11.

Генинг В.Ф., 1992. Древняя керамика. Киев.

Глазов В.П., 1986. Археологические исследования исторического центра г. Владимира. Кварталы № 26–27 в 1985 г. Владимир.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.

Жарнов Ю.Э., 1994. Отчет о раскопках в 22-м квартале города Владимира в 1993 году. Владимир.

Жарнов Ю.Э., 1995. Отчет о раскопках в 22-м квартале города Владимира в 1994 году. Владимир.

Жарнов Ю.Э., 1996. Отчет о раскопках в 22-м квартале города Владимира в 1995 г. Владимир.

Жарнов Ю.Э., 1997а. Отчет о раскопках в 22-м квартале исторического ядра г. Владимира в 1996 году. Владимир.

Жарнов Ю.Э., 1997б. Усадьба первой трети XIII в. "Ветчаного города" Владимира-на-Клязьме // Тр. VI Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 2.

Жарнов Ю.Э., 1998. Отчет о раскопках в 22-м квартале исторического ядра г. Владимира в 1997 году. Владимир.

Жарнов Ю.Э., 1999. Отчет о раскопках в 22-м квартале исторического ядра г. Владимира в 1998 году. Владимир.

Жарнов Ю.Э., 2000. Археологические исследования во Владимире и "проблема 1238 года" // Русь в XIII в.: континуитет или разрыв традиций? Тез. докл. научн. конф. М.

Кадиева Е.К., 1995. Круговая посуда Ростова конца X–XIII веков: классификация, орнаментация, хронология // Сообщ. Ростовского музея. Ростов. Вып. VIII.

Кадиева Е.К., 1997. Круговая керамика второй половины X – начала XIV века Центральных районов Ростово-Суздальской земли. Дис. ... канд. ист. наук. М.

Каменецкая Е.В., 1976. Керамика Смоленска XII–XIII вв. // Проблемы истории СССР. М. Вып. V.

Каменецкая Е В 1977 О верхней дате Гнездовского поселения под Смоленском (по керамическому материалу) // Проблемы истории СССР М Вып VI

Каргер М К 1950 Археологические исследования Древнего Киева Киев

Коваль В Ю 1996 Керамика Ростиславля Рязанского вопросы хронологии // Археологические памятники Москвы и Подмосковья М

Лапшин В А 1992 Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика М

Мальм В.А 1959 Производство глиняных изделий // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв М (Труды ГИМ Вып 33)

Медведев А Ф 1967 Первые раскопки в Городце на Волге // КСИА Вып 110

Монгайт А Л 1955 Старая Рязань // МИА № 49

Молчанов А А 1985 Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв // ВИД Вып XVI

Моргунов Ю Ю 1983 Древнерусские городища течения р Ромен // КСИА Вып 175

Розенфельдт Р Л 1968 Московское керамическое производство 12–18 вв // САИ Е1-39 М

Седов В В 1960 Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // МИА № 92

Седова М В 1978 Ярополч Залесский М

Смирнова Г П 1956 Опыт классификации керамики Древнего Новгорода по материалам раскопок 1951–1954 годов // МИА № 55

Толочко П П , 1981 Гончарное дело // Новое в археологии Киева Киев

Харлашов Б Н 1994 Некоторые итоги раскопок на Завеличье // Археологическое изучение Пскова Псков Вып 2

В.Ю. Коваль

Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.)*

Амфоры составляют одну из самых массовых категорий импортных изделий, поступавших на Русь с X по XIII в. из Византии и стран Причерноморья и Восточного Средиземноморья, в которых господствовала провинциально-византийская культура. Обломки амфор и даже целиком сохранившиеся амфоры найдены во всех крупных и многих мелких древнерусских городах (*Куза*, 1989. С. 128). Являясь хорошим хронологическим индикатором (большинство амфор на Руси датируется XI – первой половиной XIII в.), они также несут информацию о торговых связях, социальной и имущественной стратификации общества, а потому, как правило, не остаются незамеченными, и их находки отмечаются в публикациях. При этом обращает на себя внимание чрезмерное многообразие в атрибутирующих определениях, прилагаемых к этим амфорам. В литературе последних 40 лет их называли и "древнерусскими", и "южнорусскими", и амфорами "южного" или "киевского" типа, просто "южными" или "красноглиняными", а также "причерноморскими" и "северопричерноморскими", "византийскими", "крымскими" и, наконец, "корчагами" или "амфорами-корчагами". В результате создалась терминологическая путаница, препятствующая адекватному пониманию опубликованного материала, вводящая в заблуждение многих молодых исследователей. Например, в одной из работ украинских коллег по отношению к одному и тому же обломку амфоры последовательно применялись три различных определения: "амфора южного типа", "северопричерноморская амфора" и "корчага" (*Максимов, Петрашенко*, 1988. С. 47, 51). Кроме того, в тексте работы упоминались еще и "древнерусские амфоры" (*Максимов, Петрашенко*, 1988. С. 109), в число которых входил и данный обломок. В результате, помимо воли авторов, создалось неверное впечатление, что речь здесь идет о различных типах керамики. Но хуже всего то, что большинство из приведенных определений амфор безнадежно устарели.

Средневековые амфоры эпохи существования Киевской Руси стали известны археологам еще в XIX в., после раскопок южнорусских городищ. Византийское их происхождение уже тогда в целом не вызывало сомнений. Однако после работ Б.А. Рыбакова, вышедших в 1940-х годах, в которых была сделана попытка доказать местное (киевское или южнорусское) производство амфор (*Рыбаков*, 1946; 1948. С. 367–374), в литературе надолго утвердились такие определения амфор, как "древнерусские", "южнорусские" и "амфоры киевского типа". Гипотеза о производстве амфор на Руси строилась Б.А. Рыбаковым на двух аргументах: частой встречаемости обломков таких сосудов в культурном слое многих южнорусских городов и находке в Киеве в 1915 г. обломка амфоры XI в. с надписью, выполненной на древнерусском языке кириллицей: "[благодат]неша плона корчага си[я]" (*Рыбаков*, 1946. С. 134–135). Эта надпись, по мнению Б.А. Рыбакова, была прочерчена до обжига сосуда, по сырой поверхности, а значит ее мог сделать только русский человек, присутствовавший при производстве амфоры, или сам гончар. Впоследствии М.К. Каргер пришел к противоположному выводу – что надпись на этой амфоре была сделана уже после ее обжига, т.е. она представляет собой граффито (*Каргер*, 1958. С. 422). Позже мнение Б.А. Рыбакова о способе нанесения этой надписи поддержали П.П. Толочко (Новое..., 1981. С. 287) и С.А. Высоцкий (*Высоцкий*, 1985. С. 104), но для окончательного решения этой проблемы потребуется, вероятно, трасологическая экспертиза с привлечением широкого круга специалистов.

Однако вопрос о способе нанесения надписи на амфоре из Киева сегодня уже не имеет решающего значения, поскольку многолетние исследования на территории Древней Руси не оставили никаких сомнений в том, что производства амфор здесь никогда **не существовало**. Нигде на Руси не найдено ни гончарных печей для обжига амфор, ни иных следов амфорного производства (керамического брака, печного припаса и т.п.). Лабораторными исследованиями установлено коренное отличие химического состава черепка амфор от киевской керамики XI–XIII вв. (Новое..., 1981. С. 287–288)[1]. Что же касается русских надписей, выполненных по сырой глине, то они свидетельствуют не об изготовлении амфор на территории Руси, а лишь о редчайших случаях выполнения таких надписей для русских заказчиков в Византии. Поэтому называть амфоры "древнерусскими" – значит делать

* Статья представляет собой исправленный и существенно дополненный вариант работы, впервые опубликованной в 1999 г (*Коваль*, 1999). Завершение исследования стало возможным благодаря финансовой поддержке РГНФ (проект 01-01-00018а).

[1] Последний аргумент, расцениваемый зачастую как решающий, в действительности таковым не является, так как химический состав формовочных масс как до обжига сосуда, так и после него, отличается большой вариативностью как внутри древнерусской керамики, так и среди разных типов амфор.

грубую терминологическую ошибку, подобно тому как ошибочно называть "древнерусскими" любые импортные предметы, найденные на Руси (будь то монеты, бусы, ткани или керамические сосуды).

Глубоко неверным является также название "амфоры киевского типа", так как в Киеве найдены амфоры не какого-либо одного типа, а нескольких (не менее 7), различающихся как по месту изготовления, так и хронологически. Кроме того, такой термин легко спутать с другим, аналогичным по звучанию (и также не совсем удачным) названием – "амфорки киевского типа", которым обозначают небольшие сосуды с ручками-ушками, производившиеся южнорусскими гончарами и не имевшие ничего общего с настоящими амфорами. Как курьез звучит сегодня и наименование "южнорусские" амфоры – ведь Южная Русь не была единственным регионом их распространения. В отношении такого определения амфор, как "южные" или "южного типа", отметим, что оно не несет информативной нагрузки, так как указывает лишь на географическое направление, откуда эти сосуды поступали на Русь, причем направление единственное (ведь не было амфор "западных" или "северных"). Строго говоря, ошибочным такое определение назвать нельзя, однако оттенок тавтологии и бессодержательность делают его малоценным.

Особо следует остановиться на довольно распространенной атрибуции амфор из древнерусских городов как "крымских" (*Колчин и др.*, 1981. С. 88; *Розенфельдт*, 1997. С. 34; *Noonan, Kovalev*, 1997. P. 78, 79). Дело в том, что часто встречающиеся на славянских поселениях лесостепной зоны в слоях VIII–X вв. так называемые "причерноморские" амфоры в значительной своей части изготавливались в Крыму. Там найдены многочисленные гончарные печи для производства таких амфор (Археология Украинской ССР, 1986. С. 241; *Паршина и др.*, 2001). Однако для более позднего времени (XI–XIII вв.) следы амфорного производства в Крыму не обнаружены. Поэтому предположения о крымском происхождении амфор XI–XIII вв. (*Якобсон*, 1979. С. 110–113), ставшие одно время весьма популярными в отечественной археологии, являются необоснованными. Большинство современных исследователей предпочитает сейчас осторожные формулировки, называя найденные ими амфоры "северопричерноморскими" или "причерноморскими", однако и такую терминологию нельзя признать удачной. "Северопричерноморскими" амфоры называют по одному из многих регионов их массового распространения, но ведь и в других странах, лежащих по берегам Черного моря (Кавказ, Балканы, Малая Азия) эти амфоры встречаются ничуть не реже. Поэтому, на первый взгляд, более логичным кажется именовать такие амфоры "причерноморскими". Однако и все Причерноморье не является единственным или основным районом распространения амфор XI–XIII вв. – их ареал включал также значительную часть Средиземноморья. Кроме того, отнюдь не все амфоры производились в Причерноморье. Таким образом, ни районы производства, ни область распространения "причерноморских" амфор не совпадают с "Причерноморьем". Наконец, термин "причерноморские" амфоры уже давно используется для обозначения амфор VIII–X вв., распространенных в Византии, Крыму, Северном и Западном Причерноморье (*Якобсон*, 1979. С. 32).

В публикациях можно встретить еще более осторожные определения амфор XI–XIII вв.: их называют "византийскими" или же просто "амфорами", без атрибутирующего определения. Последний вариант нельзя считать нормальным явлением, так как он оставляет возможность разночтений и недоразумений, поскольку неясно, какие амфоры имеются в виду – античные, раннесредневековые и т.п. Термин "византийские" амфоры представляется наиболее правильным из всех перечисленных выше, но и он имеет изъян, так как, видимо, не все амфоры XI–XIII вв. производились собственно в Византии, какая-то их часть могла происходить и из восточносредиземноморских областей, к XI в. уже давно отторгнутых от Византии, а значит, такие амфоры не были в строгом смысле слова "византийскими".

Термин "красноглиняные амфоры" особенно неудачен, так как ему присущи недостатки многих других рассмотренных выше названий амфор: отсутствие информативной нагрузки (подавляющее большинство амфор XI–XIII вв. изготовлено из красножгущихся ожелезненных глин), индифферентность по отношению к хронологической и территориально-культурной атрибуции этих амфор (красноглиняными являлись и многие античные амфоры), акцентирование внимания на второстепенном признаке.

Приведенный обзор показывает, что в современной литературе применяется терминология, которая неадекватно (в лучшем случае – приблизительно) отражает атрибуцию амфор X–XIII вв. и тем самым создает искусственную проблему, ведущую к разного рода заблуждениям и путанице. Между тем, эта проблема может быть легко решена. Достаточно обратить внимание на то, что как пункты экспорта амфор, так и ареал массового их распространения (в который Русь, разумеется, не входит), приходятся на территорию собственно Византии и ряда соседних стран, имевших с ней тесные политические, торговые и культурные связи, и в которых господствовала провинциально-византийская культура. Поэтому амфоры XI–XIII вв., происходящие из этих стран, вполне допустимо называть **амфорами византийского культурного круга[2] эпохи развитого средневековья.**

Актуальность рассмотренной терминологической проблемы подтверждается тем, что из-за сложившейся в России и на Украине терминологической путаницы в заблуждение были введены многие зарубежные исследователи. Даже в новейших их работах можно встретить почерпнутые из славяноязычной литературы глубоко ошибочные "сведения" о том, что часть амфор XI–XIII вв. якобы изготавливалась в Киеве или Южной Руси, а другая их часть производилась в Крыму (*Noonan, Kovalev*, 1997. P. 74, 77–79). На основании этих неверных представлений выдвигаются совсем уж фантастические гипотезы о том, что в Киеве содержимое "причерноморских" амфор переливалось в "киевские" (т.е. сделанные в Киеве) амфоры

[2] Примем для этого термина аббревиатуру АВК.

(*Noonan, Kovalev*, 1997. P. 90). Так примирение со старыми мифами приводит к новому мифотворчеству, недопустимому в исторической науке.

Второй терминологической проблемой, связанной с амфорами X–XIII вв., является попытка именования их "корчагами", т.е. применения к этим импортным сосудам древнерусской лексики. Впервые стал так их называть Б.А. Рыбаков, опиравшийся на упомянутое выше древнерусское граффито на амфоре из Киева, в котором она прямо называлась "корчагой". После работ Б.А. Рыбакова появился новый термин "амфоры-корчаги", но зачастую амфоры именовались в публикациях и просто "корчагами", что вносило окончательную неразбериху, поскольку точно такое же название применялось по отношению к крупным сосудам для хранения запасов пищи, являвшимся изделиями местного древнерусского гончарства. Когда же к этому добавляются упоминавшиеся выше "амфорки киевского типа" (сосуды древнерусского производства), которые иногда называли еще "корчажцами", и все эти термины по ошибке или из-за опечаток перемешиваются, разобраться в том, какая же керамика имеется в виду, становится зачастую просто невозможно. Один из наглядных тому примеров – иллюстрированное издание Ипатьевской летописи, где под фотографией, изображающей два сосуда – древнерусскую "амфорку кивского типа" и византийскую амфору, – дана обобщающая подпись – "корчаги" (Летопис Руський, 1989. Рис. 315).

Эта проблема еще более усложнилась после того, как было предложено называть "корчагами" только один из многочисленных типов амфор, а именно – амфоры с грушевидным туловом и дугообразными ручками (см. ниже наш тип I), которые, по мнению ряда исследователей, "на Руси назывались корчагами" (Новое в археологии Киева, 1981. С. 374). Опирается подобное мнение на находки нескольких граффити на амфорах такого типа, в которых эти сосуды действительно называются "корчагами": кроме упоминавшегося граффито "[благодат]неша плона корчага си[я]", это граффити "Мстиславля корчага" ("мстслвл крчгь") (*Гупало и др.*, 1970. С. 59, 60), "Сутшина корчага" (*Калюк, Фридман*, 1991. С. 26. Рис. 5) и "кроча[га] Прокоупов[а] (*Медынцева, Моргунов*, 1986. С. 57). Однако грушевидные амфоры с дугообразными ручками составляют самую распространенную на Руси разновидность АВК (см. ниже), и не удивительно, что большая часть граффити зафиксирована именно на них, к тому же эти амфоры были по размеру крупнее других, следовательно на них удобнее было наносить надписи. То, что подобные надписи пока не встречены на амфорах редко встречавшихся типов и сосудах небольших размеров, еще никак не может свидетельствовать о том, что эти амфоры назывались в древнерусском разговорном языке не "корчагами", а как-то иначе. В Радзивилловской летописи, например, в миниатюре, иллюстрирующей известное место рассказа о "белгородском киселе"[3], где упоминаются "корчаги", изображены люди, держащие в руках небольшие амфоры веретенообразной формы, т.е. относящиеся к иному типу амфорной тары (Радзивилловская летопись, 1902. Л. 72 об.). Поэтому гораздо более вероятным является предположение о том, что на Руси все разновидности амфор назывались "корчагами", а граффити с упоминанием этого наименования сохранились лишь на сосудах самого распространенного типа.

При археологической атрибуции амфор термин "корчаги" представляется вообще неприемлемым, поскольку он не только вносит путаницу, но и является адаптированным, вторичным. Действительно, "корчага" – слово, обозначавшее в древнерусском языке вовсе не импортную керамику, а крупный тарный сосуд для хранения жидких и сыпучих тел (Словарь..., 1991. С. 373), разновидность горшков (*Срезневский*, 1893. С. 1411; Этимологический словарь..., 1982. С. 338). То же самое значение это слово сохранило и в живом русском языке (Словарь..., 1980. С. 109). Возможно, корчагами назывались в древнерусское время и крупные кувшины (Словарь..., 1991. С. 373; Словарь..., 1983. С. 347), так как в современном украинском языке сохранилось близкое значение этого слова (Словарь..., 1908. С. 288). Этимология слова "корчага" не вполне ясна, его истоки видят как в тюркских, так и в славянских языках (Этимологический словарь..., 1982. С. 338), но в любом случае оно появилось у восточных славян на заре их истории[4]. Поэтому нет оснований для сомнений в том, что импортные амфоры стали называть на Руси "корчагами" по аналогии с уже существовавшими в быту местными тарными сосудами. Термин "корчага" не являлся специфическим для обозначения амфор, он был лишь распространен на импортные сосуды, назначение которых было аналогично местным керамическим изделиям. Именно поэтому с прекращением импорта амфор в середине XIII в., термин "корчага" не исчез на Руси, а продолжал использоваться для обозначения все тех же местных сосудов. Следовательно, применение термина "корчаги" при археологической атрибуции амфор некорректно, так как этот термин неизбежно охватывает значительное число местных сосудов.

Термин "корчага" (а еще лучше "амфора-корчага") допустимо относить к амфорам византийского культурного круга (АВК) при изучении языка, быта и других аспектов культуры древнерусского населения лишь с обязательным пояснением происхождения этого слова. Однако в учебной литературе терминологическая путаница недопустима. Между тем в одном из новейших учебников по археологии увлекательно рассказывается о том, как "*киевский гончар* по сырой поверхности *корчаги* прочертил" надпись: "благодатнеша ..." (и т.д.) (*Мартынов*, 1996. С. 385). В одной только фразе допущены сразу две ошибки – в Киеве не найдено ни одной древнерусской корчаги с

[3] Этот рассказ воспроизводит легенду об осаде Белгорода печенегами в 997 г. Рисунки летописного списка восходят к оригиналу XIII в.

[4] Мы склоняемся к тюркскому происхождению этого слова, поскольку формы древнерусских корчаг восходят к салтовским (алано-болгарским) прототипам, знакомство с которыми у восточных славян происходило еще в VIII–X вв.

надписями, а все найденные здесь **амфоры** с надписями были привезены из Византии и были сделаны **византийскими**, а не киевскими гончарами. Так ошибочные представления 50-летней давности кочуют из научных работ в учебники и обратно.

После решения терминологической проблемы самым важным является вопрос о распространении АВК по территории Руси. Еще недавно было принято считать, что АВК чаще всего встречаются в Южной Руси, более тесно связанной с Причерноморьем (*Рыбаков*, 1946. С. 137, 138; *Розенфельдт*, 1997. С. 36). Однако свод находок АВК долгое время не был составлен, а без него нельзя было считать какие-либо выводы достаточно обоснованными. Впервые такой свод был составлен Р.Л. Розенфельдтом и включал 53 пункта находок (*Розенфельдт*, 1997. С. 35. Рис. 3). Уже по нему было видно, что амфорная керамика довольно равномерно распределена по территории Древней Руси. Однако этот свод не содержал данных о количестве находок, их датировках и микротопографии (т.е. о том, в каких частях древнерусских городов – детинцах или посадах – они были обнаружены), а предлагавшаяся типология амфор была недостаточно четкой. Более подробный свод из 154 пунктов находок амфорной тары был опубликован нами в 1999 г. (*Коваль*, 1999. С. 246–260). К сегодняшнему дню этот список увеличился уже почти до 200 пунктов (табл. 1). Подобные сводки недавно опубликовали зарубежные коллеги (*Noonan, Kovalev*, 1997; 1999), однако они оказались неполны, причем подача материала текстовым списком, без картографирования пунктов находок, затрудняет пользование этими сводками[5].

Картографирование находок АВК (рис. 1) позволило окончательно установить равномерное их распределение по территории Руси. Несколько более высокая плотность находок амфор на юге Руси объясняется большей насыщенностью этих территорий городами. При этом концентрация числа находок амфор в пересчете на количество пунктов находок во всех регионах Руси примерно одинакова.

Ошибочным является и расхожее мнение о том, что АВК, как правило, не встречаются на сельских поселениях (*Розенфельдт*, 1997. С. 35). На сегодняшний день известны 37 селищ с находками амфорной тары X–XIII вв., которые составляют 1/5 часть всех мест находок АВК. Это очень высокая доля, если учитывать, что сельские поселения изучены значительно хуже городских центров. Другое дело, что количество находок амфорных обломков в сельской местности неизмеримо меньше, чем в городах. Видимо, АВК поступали сюда реже и небольшими партиями. При этом следует заметить, что пропорция числа сельских поселений с амфорными находками (по отношению к числу городов с такими же находками) в северных районах Руси никак не меньше, чем на юге. Следовательно, импорт продукции в амфорной таре зависел вовсе не от географического размещения городов и сел, не от их удаленности от источников поступления амфор. Для сельских поселений, вероятно, большую роль играл их статус. Амфорную тару находят, как правило, на тех селищах, которые являлись остатками крупных поселений – княжеских и боярских сел, погостов, на которых располагались усадьбы феодалов и, возможно, стояли церкви. В мелких же деревнях амфоры действительно не встречаются.

Таким образом, распространенность на Руси АВК определялась не столько трудностями их доставки в отдаленные районы (эти трудности обычно сильно преувеличиваются), сколько наличием или отсутствием **потребителей** тех товаров, которые перевозились в этих амфорах. Изучение топографии находок (табл. 1) свидетельствует о том, что:

– основная масса этих потребителей проживала в городах,

– в крупных городах потребители проживали как в детинцах, так и на посадах, тогда как в мелких они концентрировались в детинцах.

Потребительская ценность амфор складывалась из выполнения ими следующих функций:

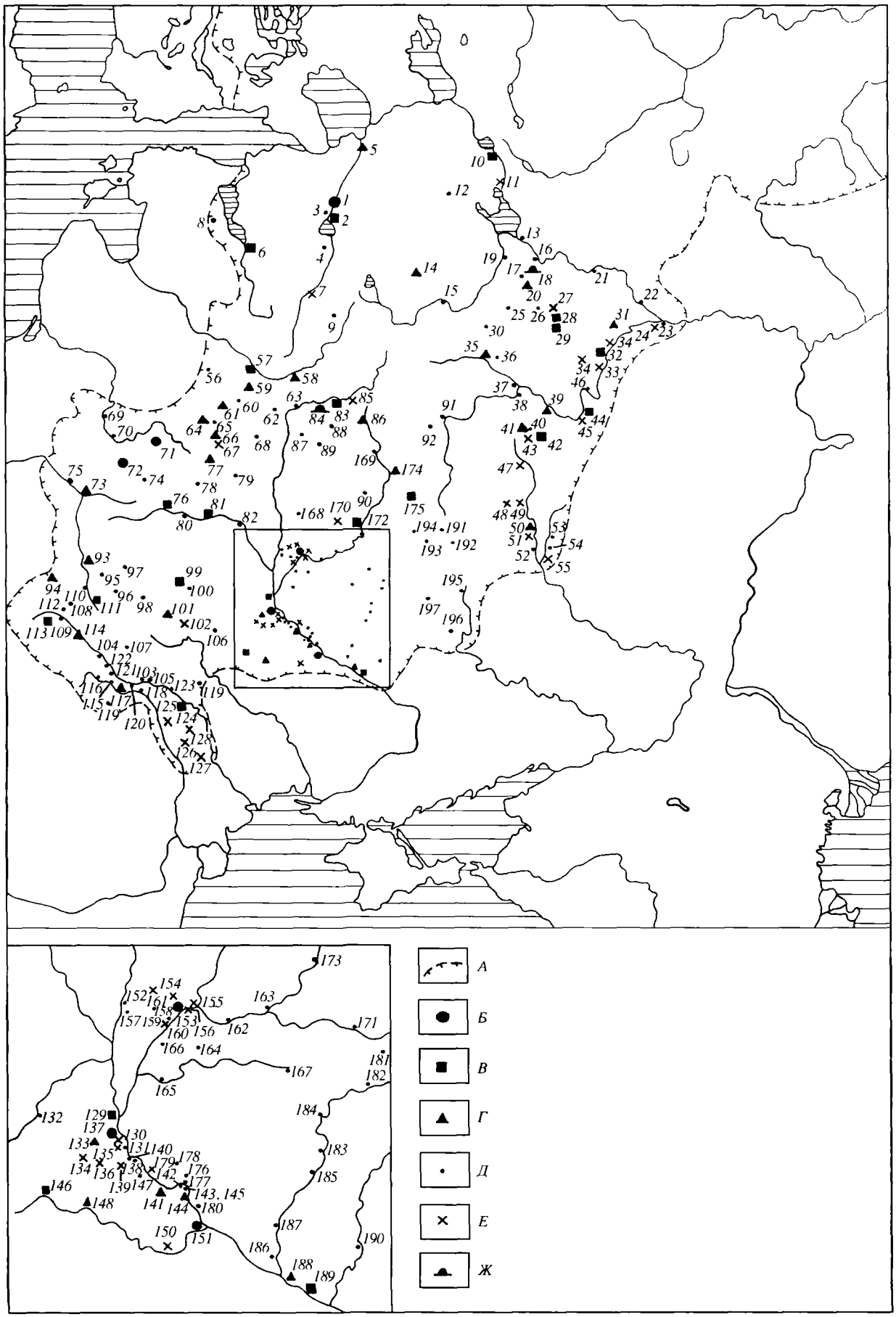
1) Амфоры служили тарой для транспортировки дорогих и социально престижных пищевых продуктов (прежде всего вина, а также масла, пряностей), нефтепродуктов, что подтверждается надписями-граффити на амфорах: "[я]рополче вино", "новое вино добрило послал князю Богунка", "бело[е] в[ино]...", "[м]асл[о]", "олеа" (*Монгайт*, 1955. С. 187. Рис. 145; *Равдина*, 1957. С. 150; *Высоцкий*, 1985. С. 106; *Голубева*, 1960. С. 322; *Седова*, 1987. С. 8. Рис. 2)[6], а также письменными источниками (Киево-Печерский Патерик и др.) (*Noonan, Kovalev*, 1997; 1999. P. 132).

2) Амфоры могли являться вместилищем для долговременного хранения как привезенных в них продовольственных продуктов, так и продуктов местного производства, находясь в крупных специализированных (княжеских?) погребах – "медушах", один из которых был археологически зафиксирован в Новгороде-Северском (*Куза и др.*, 1996. С. 6, 7. Рис. 3), а также в небольших (боярских?) погребах, как в Старой

---

[5] Положительной стороной этих публикаций является их насыщенность ссылками на источники информации о пунктах находок амфорной тары. Это позволяет нам избегать здесь дублирования обширного справочного аппарата, отсылая заинтересованного читателя к указанным работам. В то же время, следует заметить, что не вся информация зарубежных авторов верна. Так, например, упоминания ими находок амфор в Трубчевске, Корнике (Тульская обл.) и поселении Целиков бугор на Десне (*Noonan, Kovalev*, 1999 P. 125, 131) основаны на недоразумениях: согласно цитированным авторами источникам, селище Целиков бугор относилось к дославянской эпохе (V–VII вв.) (*Горюнов*, 1972. С. 46), в Трубчевске были найдены обломки "амфор" с налепными валиками (*Падин*, 1988. С. 82), между тем средневековых амфор с таким декором не существовало, т.е. там были обнаружены обломки древнерусских корчаг, которым дана неверная атрибуция, а в Корнике амфоры вообще найдены не были, но в тексте источника присутствовала опечатка – при характеристике материковых ям вместо "аморфных" было напечатано "амфорных" (*Клянин*, 1997. С. 144). Имеются у зарубежных авторов и другие ошибки подобного рода.

[6] Чтение граффито на амфоре из Гнездова как "гороухща", интерпретировавшееся ранее в качестве обозначения горчицы, отвергнуто новейшими исследованиями (*Медынцева*, 1998. С. 187, 188; 2000. С. 29–31).


А
Б
В
Г
Д
Е
Ж

Рязани (*Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 180, 181. Рис. 117), или непосредственно в жилищах богатых горожан, как это имело место в белорусском Новогрудке (Гуревич, 1981. С. 124). Наконец, амфоры могли служить для перевозки и хранения сыпучих непищевых продуктов высокой ценности. Именно так была использована амфора, найденная в подполье жилища киевского ремесленника (или купца?), хранившего в ней импортные бусы из горного хрусталя и сердолика (*Каргер*, 1958. С. 327).

3) Еще одним способом вторичного использования амфор являлось их применение в храмовом строительстве. Они были найдены в целом ряде древнерусских городов:

– Киеве – в Софийском соборе, Успенском соборе XI в. в Киево-Печерском монастыре и в кладке сводов Золотых Ворот (*Каргер*, 1958. С. 425, 426; *Холостенко*, 1975. С. 123. Рис. 16);

– Чернигове – в Пятницкой церкви XII – начала XIII в. и других храмах (*Рыбаков*, 1949. С. 77. Рис. 42);

– Владимире-Волынском – в Мстиславовом храме 1160 г. (*Якобсон*, 1950. С. 106. Рис. 62; 1979. С. 111. Рис. 68, *8*);

– Переяславле-Южном – в храме XII в. (*Якобсон*, 1979. С. 113);

– Смоленске – в храме конца XII в. (*Сапожников*, 1999. С. 123. Рис. 5);

– Пскове – в храме XII в. (*Михайлов, Станюкович*, 1983. С. 148, 149. Рис. 1).

Нередко в развалинах храмов обнаруживают лишь обломки амфор с приставшим к ним известковым раствором, что является свидетельством использования этих амфор в кладке стен и сводов. Такие обломки встречены, например, в Рославле Смоленском (*Паппопорт, Шолохова*, 1976. С. 84) и Переяславле-Южном (*Каргер*, 1954. С. 13). Применение амфор для облегчения веса конструкций сводов христианских храмов было характерно для храмового и дворцового строительства XI–XIV вв. в Средиземноморье – от Византии (*Demangel, Mamboury*, 1939. P. 19, 46, 148, 149. Fig. 198) до Испании (*Llubia*, 1967. P. 110. Fig. 167). В Северном Причерноморье такой прием был применен при строительстве церкви Иоанна Предтечи в Керчи (*Никитченко*, 1970, 276–278) и храма № 9 в Херсонесе (*Якобсон*, 1959. С. 307).

4) Амфоры могли использоваться в специальных хозяйственных целях, установить конкретику которых сейчас довольно сложно. Пример – амфора из Пронска с двумя круглыми просверленными отверстиями (диаметром 12 и 35 мм) на противоположных сторонах тулова в месте его макисмального расширения (*Мальм, Фехнер*, 1974. С. 197. Рис. 3).

5) Даже после того, как амфора оказывалась разбитой, ее обломки продолжали использоваться в быту: из них изготавливались пряслица (*Ефименко, Третьяков*, 1948. С. 44; *Плетнева*, 1964. С. 28) или другие поделки (*Векслер, Коваль*, 1998. С. 164).

Сегодня имеются сведения о находках на Руси более чем 19 000 обломков амфор, происходящих из 197 пунктов (табл. 1). Таким образом, по самым скромным подсчетам, при раскопках здесь найдены обломки, принадлежавшие нескольким тысячам амфор. Но и это число еще не отражает всего объема импорта. Если один только погреб-медуша из Новгорода-Северского был рассчитан на длительное хранение 120–140 амфор, а такой погреб мог быть не единственным в городе, то во всех древнерусских городах должно было постоянно находиться несколько тысяч амфор. Но для восполнения расхода их содержимого (вина и масла) должен был быть организован подвоз сопоставимого числа сосудов. Поэтому вполне допустимо предполагать, что на Русь ежегодно привозилось от нескольких сотен до тысячи амфор. К аналогичным выводам пришли и другие исследователи (*Noonan, Kovalev*, 1997. P. 85). За столетие объем ввоза амфор вполне мог составить несколько десятков тысяч. Огромное количество амфорной тары на Руси как раз и позволяло использовать ее как специфический строительный материал при строительстве храмов.

Главные пути, по которым амфоры с вином и маслом проникали на Русь, хорошо известны. Важнейшим из них был Днепровско-Балтийский путь, по которому византийские импорты достигали Новгорода, крупнейшего торгового центра Северной Руси. Вероятно, именно отсюда амфоры поступали на Верхнюю Волгу, в Белоозеро, а возможно – и во Владимиро-Суздальское княжество. Вместе с тем, использовались и другие речные пути – Днестровский (в Галицко-Волынскую землю) и Донской (в окраинные районы Черниговской земли и Северо-Восточную Русь). К сухопутным перевозкам, видимо, прибегали в редких случаях, поскольку амфорная тара предназначена именно для перевозки на кораблях и неудобна при транспортировке по суше. Следует, впрочем, учитывать и неприспособленность древнерусских речных судов для перевозки амфор, а также тот факт, что значительная часть грузоперевозок в средневековой Руси осуществлялась в зимнее время на санях по тем же речным путям.

Принято считать, что главными импортерами виноградного вина и масла (а значит и амфорной тары) являлись князья (*Noonan, Kovalev*, 1997. P. 85), имевшие достаточно средств для потребления таких продуктов как в личном обиходе, так и для угощения дружины на пирах. Об этом свидетельствуют граффити на амфорах из Старой Рязани (где прямо написано, что вино было послано князю) (*Монгайт*, 1955.

Рис. 1. Схема размещения находок амфор на территории Древней Руси (номера пунктов находок соответствуют номерам каталога – табл. 1)

А – примерная граница Руси в начале XIII в. Пункты находок амфор: *Б* – города – более 1000 находок; *В* – города – от 100 до 1000 находок (либо находки нескольких целых амфор); *Г* – города – от 10 до 100 находок (либо находка одной целой амфоры); *Д* – города – от 1 до 10 находок (либо количество находок неизвестно); *Е* – селища (независимо от числа находок); *Ж* – курганные могильники

Рис. 145), Киева – "Мстиславля корчага", скорее всего принадлежавшая князю Мстиславу Романовичу, княжившему в 1214–1224 гг. (*Гупало и др.*, 1979. С. 59, 60), и Пинска, где была найдена амфора с надписью "[Я]рополче вино", являвшаяся, видимо, собственностью пинского князя Ярополка Георгиевича (*Медынцева*, 2000. С. 42, 43). Допустимо также предполагать, что какое-то количество амфор приобреталось боярами и крупными купцами. Это следует из археологических находок амфор на территории боярских усадеб в крупных городах (Новгороде, Киеве, Старой Рязани, Смоленске и др.). Отдельные амфоры могли даже использоваться в быту непривилегированного городского населения, поскольку количество амфорной тары, вероятно, превышало объем, необходимый потребителям-импортерам для хранения продуктов. Излишек тары расходился по рукам зависимого населения, мог попадать в сферу мелкой внутренней торговли. О реальном существовании собственников амфор среди "черного" люда говорит граффито на амфоре из Киева – "Сутшина корчага" (*Калюк, Фридман*, 1991. С. 26). В Киеве же найдены амфоры с граффити, обозначавшими имена владельцев – "Гавриллы" и "Павла" (*Высоцкий*, 1985. С. 107), а на городище у с. Чутовка в Нижнем Посулье – обломки амфоры с именем владельца "Прокупа" (*Медынцева, Моргунов*, 1986. С. 57). Все эти имена – славянские простонародные и христианские (последние во всяком случае никак не княжеские).

Однако существовал еще один крупный импортер и потребитель амфор вместе с их содержимым – это христианская церковь. Ведь для выполнения обряда причастия было необходимо красное виноградное вино[7], а при наличии в русской церкви высокого авторитета византийских традиций оно должно было ввозиться именно из Византии и, следовательно, в амфорах, так как византийские вина транспортировались в этой обычной для Причерноморья таре. Конкретными импортерами амфор могли выступать храмы и монастыри. Причем, если для князей и бояр вино было предметом роскоши, то для церкви – **предметом первой необходимости** для исполнения литургии. Правда, до сих пор не известно, существовали ли церковные погреба и где они располагались. Монастыри домонгольской эпохи изучены еще крайне недостаточно, а храмовые кладовые могли размещаться вне церквей. Наконец, церковное вино могло храниться в погребах священнослужителей, князей и других частных лиц, которые нередко приносили его в церкви в качестве пожертвований (*Noonan, Kovalev*, 1997. P. 84). Отмеченная выше концентрация находок амфор в городах (а внутри городов – в детинцах) представляется в этой связи закономерным явлением, поскольку в домонгольскую эпоху именно города были средоточием монастырей и храмов. Не случайным является и увеличение количества находок амфор на протяжении XI – первой половины XIII в. – оно точно соответствует распространению христианства на Руси, принятого в 988 г. в крупнейших центрах страны и охватившего к концу XII в. уже все города и многие крупные сельские центры. Реальным отражением успехов христианства были выстроенные церкви и монастыри, которые нуждались в вине для литургий и масле для лампад. Поэтому именно церковь была основным потребителем вина и масла, а значит и их тары – амфор. При этом объем импорта церковью таких товаров мог быть относительно небольшим, значительно уступавшим закупкам вина князьями, однако важно то, что спрос на вино со стороны церкви был **неизменным и постоянно растущим**. С деятельностью церкви было связано также иконописание, также нуждавшееся в оливковом масле, необходимом при изготовлении красок.

В связи с этим неизбежно возникает вопрос: если церкви и монастыри были импортерами вина (и масла) в амфорах в домонгольскую эпоху, то почему амфоры исчезают в золотоордынский период, ведь потребность в церковном вине для литургии и масле для лампад не пропала? Да церковь и не могла обходиться без них длительное время. Объяснение исчезновения из обихода амфор "монгольским барьером" и "обнищанием Руси" не может быть исчерпывающим, поскольку эти трудности не мешали южной торговле купцов-сурожан, функционированию "соляного пути" и приезду на Русь иноземных купцов уже в 40-х годах XIII в.

Ответ на этот вопрос видится в том, что Батыево нашествие привело к разорению городского и церковного хозяйства и, соответственно, к непродолжительному перерыву в импорте вина и масла из Византии. И хотя уже через 10–15 лет после монгольского погрома связи с Причерноморьем стали возобновляться (причем вряд ли надо сомневаться в существовании у князей и церкви финансовых ресурсов для закупки вина в этот период, пусть даже в значительно меньших объемах, чем ранее), вновь наладить массовый ввоз вина из Причерноморья оказалось, видимо, непросто. Учитывая, что существовавшая прежде на Руси корпорация купцов, осуществлявшая ввоз вина в амфорах, во время монгольского нашествия была, видимо, физически уничтожена или разорена, восстановление торговых связей с Причерноморьем осуществлялось уже совершенно иными лицами. Вероятно, именно по этой причине купцы, установившие связи с венецианской Сугдеей (по-русски – Сурожем, отсюда и название новой корпорации – "сурожане") и генуэзской Кафой, изначально ориентировались на импорт дорогостоящих и относительно компактных товаров (предметов ювелирного искусства и тканей), избегая громоздких партий вина и другого продовольствия. К тому же перерыв в русско-византийском обмене совпал с крупными изменениями в черноморской торговле, когда после восстановления византийского правления в Константинополе (1261 г.) генуэзским купцам было предоставлено преимущественное право на торговлю в бассейне Черного моря. Генуэзские купцы начали играть все более заметную роль в русско-черноморской торговле. Сохранились документы, свидетельствующие о вывозе итальянцами вина на Русь –

[7] Использовалось и белое вино, о чем свидетельствует находка в Киеве при раскопках в алтаре Софийского собора обломков амфоры с граффито "бело[е] в[ино]" (*Высоцкий*, 1985. С. 106).

например, акт 1410 г. об отправке в "Русию" вина из Кафы неким Бенедетто ди Негро (*Agosto*, 1982. P. 378). Неясно, какого происхождения было это вино и в какой таре оно перевозилось[8]. Однако не исключено, что более удобной в это время уже считалась перевозка вина в бочках. Небольшие партии византийского вина в амфорах еще изредка проникали на Русь во второй половине XIII в.[9], как это видно по редким находкам таких амфор в Киеве и Рязанской земле (см. табл. 1 – находки амфор типов II/3 и VI), однако они являлись исключением из правила. Перерыв в торговле с Причерноморьем в середине XIII в. неизбежно должен был стимулировать развитие торговли вином со странами Прибалтики (в первую очередь – с Германией), прочные связи с которыми существовали у Новгорода. В Европе же вино транспортировалось не в амфорах, а в бочках, бутылях и мехах. Все эти обстоятельства привели к тому, что ввоз амфор в русские земли к концу XIII в. практически полностью прекратился.

Не менее важным и до сих пор не решенным окончательно вопросом является выяснение экспортеров амфорной тары. Для решения этой проблемы было необходимо проводить фиксацию находок амфор в различных пунктах не только суммарно, но и с разделением на типы, имеющие различное происхождение. Создание каких-либо новых классификаций и типологий амфор не входит в задачу нашего исследования, тем более, что сегодня имеется уже несколько различных типологий средневековых амфор, разработанных специалистами в этой области (*Barnea*, 1967; *Антонова и др.*, 1971; *Якобсон*, 1979; *Bakirtzis*, 1989; *Gunsenin*, 1989; *Романчук и др.*, 1995; *Волков*, 1989; 1992; 1994; 1996; *Булгаков*, 2000а, б). Однако номенклатура типов амфор, встреченных на древнерусских памятниках, была значительно у́же того разнообразия амфорной тары, которое фиксируется в Северном Причерноморье. Поэтому для территории Древней Руси была разработана следующая группировка амфор, включающая 10 типов[10]:

Тип I – красноглиняные амфоры с грушевидным (сфероконическим) туловом, покрытым волнообразным рифлением, и дугообразными ручками (*Якобсон*, 1979. Рис. 43, *5, 6*; 69, *1–5*; *Романчук и др.*, 1995. Классы 42, 45. Табл. 33, 35–42, 53–59). Характерной особенностью большинства амфор этого типа является формовочная масса без грубых примесей, с включениями очень мелкого песка и естественной примесью слюды. На Руси встречены их ранний (1) и развитой (2) виды. Последний найден практически во всех городах, где известны АВК (см. табл. 1). Амфоры позднего (3) вида (XIV–XV вв.) (*Волков*, 1992. Рис. 1, *4, 5*; 2001б. Рис. 1) на Руси обнаружены в виде единичных находок.

Вид 1 датируется второй половиной IX–XI в. и характеризуется сосудами средних размеров (высотой не более 50 см) с выраженным венчиком и округлыми в сечении ручками, прикрепленными к горлу ниже венчика, которые не поднимались выше уровня его края (рис. 2, *1*). Вид 2 был распространен в XII–XIII вв. (рис. 2, *2*). Дугообразные овальные в сечении ручки прикреплялись к самому краю венчика и поднимались выше его. На амфорах этого вида часто наносились граффити (процарапанные по обожженному черепку метки, надписи и рисунки) и иногда – дипинти (знаки, выполненные красной краской). На ручках и стенках амфор иногда встречаются клейма. На Руси известны многочисленные обломки и целые амфоры с граффити (*Зоценко*, 2001, мал. 12–19, 24, 27), а в Москве найден развал амфоры с дипинто красной краской (*Векслер, Коваль*, 1998. С. 163–166). Обломки амфор с дипинти известны также в Киеве и Киевской земле (*Булгаков*, 2001а. С. 153).

Тип II – амфоры из глины темно-красного или коричневого цвета, отличавшиеся вытянутыми пропорциями, относительно высоким горлом (*Якобсон*, 1979. Рис. 68; *Романчук и др.*, 1995. Классы 43, 48. Табл. 34, 36, 41, 43, 44, 58). На Руси известны 3 вида этих амфор – ранний (1), развитой (2) и поздний (3). В Причерноморье существовал также еще более поздний (4) вид этих амфор, характерный для XIV в. (*Волков*, 1992. Рис. 5, *6*). Граффити на амфорах этого типа встречаются редко, клейма отсутствуют вовсе (заметим, что на амфорах вида 1, найденных в Причерноморье, известны как граффити, так и дипинти, однако этот вид амфор на Руси представлен ограниченным числом находок).

Вид 1 характеризовался грушевидной формой тулова, заглаженной (без рифления или с двумя узкими зонами рифления) поверхностью, большим "воротничковым" венчиком и уплощенными в сечении ручками, прикреплявшимися к горловине всегда под венчиком и, как правило, не поднимавшимися выше венчика (рис. 2, *3*). Датируются амфоры этого вида второй половиной IX–XI вв.[11] Вид 2, бытовавший в XII в., отличался толстостенностью, комковатым пористым тестом сиреневатого оттенка и веретенообразным туловом. Поверхность тулова покрывалась мелким и частым бороздчатым рифлением, выполнявшимся гребенкой (род линейного орнамента), а затем облицовывалась светлым или бледно-зеленоватым ангобом. Массивные ручки, округлые в сечении, высоко поднимались над краем горла и имели очень крутой перелом. Прикреплялись они к самому краю горловины, разрывая небольшой слабопрофилированный

[8] В нашей предыдущей публикации свода амфорных находок (*Коваль*, 1999) из-за допущенной ошибки было указано, что отправка этого вина была осуществлена в бочках. В действительности в работе итальянского автора дано лишь указание на сам факт вывоза вина из Кафы.

[9] Пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность И.В. Волкову, обратившему мое внимание на присутствие такой керамики в средневековых русских материалах. По его мнению, некоторые обломки импортной керамики XIII–XIV вв. из Озаричей (на юго-востоке Черниговской земли) могут быть также интерпретированы в качестве фрагментов амфор (*Волков*, 2001а. С. 141).

[10] Под "типом" амфор мы понимаем совокупность сосудов, имеющих морфологическое сходство, изготавливавшихся по близким технологическим схемам в пределах определенного в заглавии статьи хронологического периода.

[11] У амфор XI в. ручки поднимаются выше края венчика, а морфологически эти сосуды уже близки амфорам вида 2.

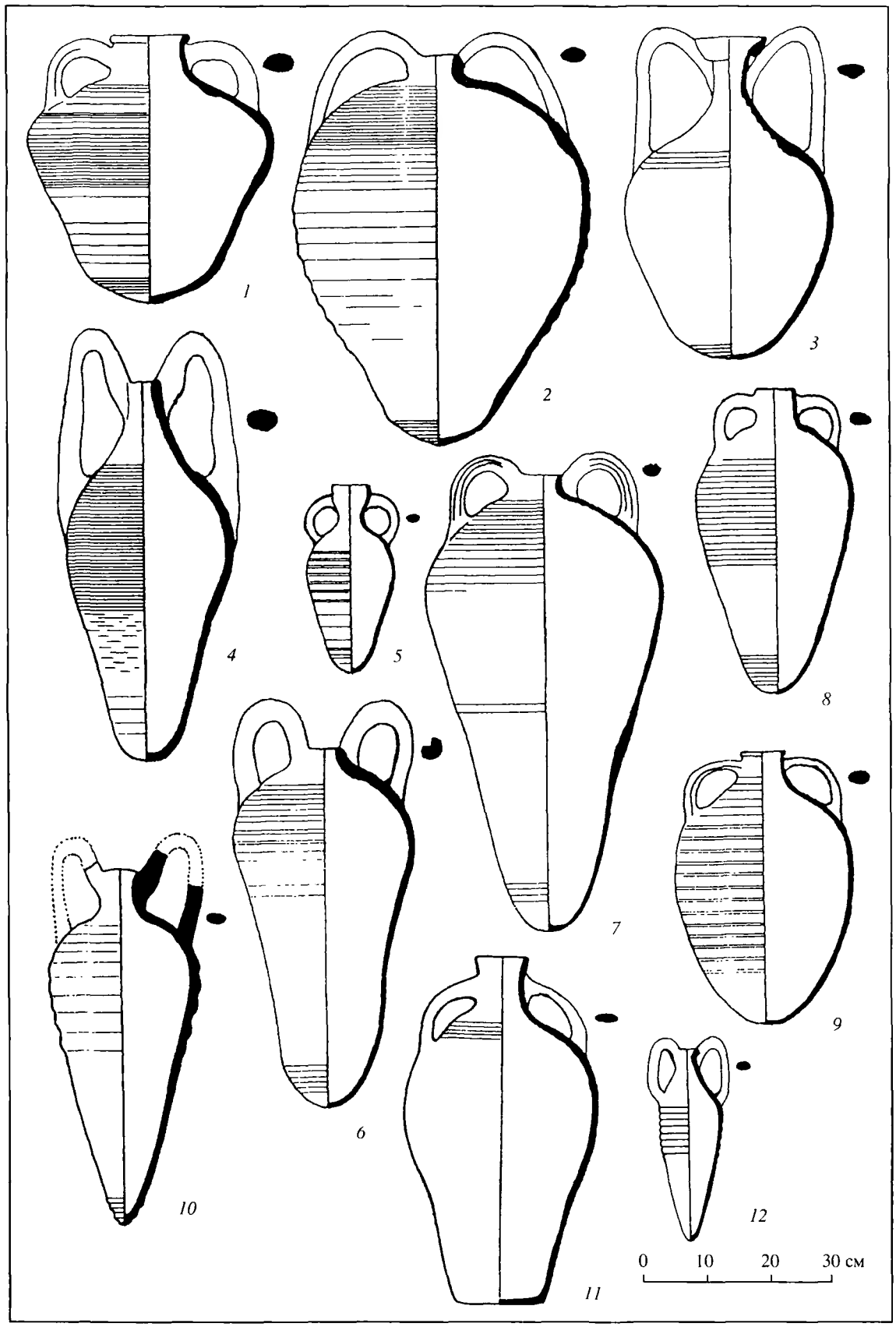


Рис. 2. Типы амфор византийского культурного круга на Руси

1, 2 – тип I; *3, 4, 12* – тип II; *5* – тип III; *6, 7, 10* – тип IV; *8* – тип VII; *9* – тип V; *11* – тип VI

венчик (рис. 2, *4*). Весьма существенным признаком вида являлась формовочная масса ручек, отличавшаяся от остального тулова наличием большого количества органической примеси (навоза), фиксирующейся по крупным пустотам, сохранившим форму травинок, соломы, округлых включений. Вид 3 был представлен тонкостенными амфорами небольшого размера (высотой около 30 см), формовочная масса тулова и ручек которых, а также сама форма сосудов были близки амфорам вида 2, однако стенки этих сосудов имели волнообразное рифление (рис. 2, *12*). Такие амфоры бытовали во второй половине XIII в.[12]

Амфоры типов I и II составляли 9/10 всего амфорного импорта на Русь, причем в большинстве городов Руси амфоры первого типа количественно преобладали (*Коваль*, 1999. С. 248; *Зоценко*, 2001. С. 194). Относительно мест изготовления амфор типов I и II в настоящее время имеются две противоположные гипотезы[13]. Согласно первой, выдвинутой И.В. Волковым, производство амфор типа I связывается с окрестностями Трапезунда, где существовал крупный центр виноделия и экспорта вина, а амфор типа II – с окрестностями Никеи и ее порта Триллии[14] (*Волков*, 1992. С. 147, 153; 1996. С. 90–93, 97; 2001б. С. 203–205). Вторая гипотеза, высказанная турецкой исследовательницей Н. Гюнсенин, и поддержанная рядом российских (А.И. Романчук, А.В. Сазанов) и украинских археологов (В.В. Булгаков, Л.В. Седикова), исходит из предположения об изготовлении амфор типа I на побережье Мраморного моря в непосредственной близости от Константинополя (в Ганосе), где как-будто выявлены следы их производства в XI в. (*Gunsenin*, 1993. P. 193–201; *Романчук и др.*, 1995. С. 74)[15]. Однако достоверных свидетельств амфорного производства (гончарные горны, печной припас, бракованные сосуды) в этом месте пока не найдено (*Волков*, 1996. С. 92, 93; 2001б. С. 204). Амфоры типа II В.В. Булгаков соотносит с "южнопонтийским" керамическим производством (*Булгаков*, 2000а), конкретно – с Трапезундом (*Булгаков*, 2000б; 2001б. С. 164), объясняя такую привязку несколько большей распространенностью таких амфор в Северо-Восточном Причерноморье и долине Дона (однако это мнение автора не было подкреплено статистическими данными)[16]. Таким образом, вторая гипотеза диаметрально противостоит первой.

Нам представляется, что гипотеза И.В. Волкова обоснована гораздо лучше. Действительно, амфоры типа I существовали в период с X по XV в., причем еще в XIV–XV вв. масштабы их производства были очень велики. Между тем, именно к XIV–XV вв. округа Константинополя резко сократилась по площади, сельскохозяйственное производство здесь было крайне ограниченным, ни о каком экспорте вина из этого района документальных свидетельств нет, да его и трудно предполагать. Изготавливать же амфорную тару далеко от центров виноделия, а затем транспортировать ее пустой на сотни километров экономически невыгодно (для эпохи средневековья такое предположение попросту абсурдно). Единственным крупным поставщиком вина в бассейне Черного моря в XIV–XV вв. была Трапезундская империя, обладавшая достаточно обширной сельскохозяйственной зоной (*Карпов*, 1981. С. 38; *Волков*, 1989. С. 91; 1996. С. 92; 2001б. С. 206–207). А поскольку в этот период была широко распространена лишь одна разновидность амфор (тип I/3 по нашей группировке)[17], то ее производство могло действовать только на территории Трапезундской империи. Но если амфоры типа I делались в Трапезунде в XIV–XV вв, то естественно предполагать их изготовление здесь и в более ранний период – на протяжении XII–XIII вв. Что касается еще более раннего времени (т.е. X–XI вв.), то нельзя исключать возможность существования в Византии нескольких центров производства подобных амфор, один из которых мог располагаться и в окрестностях Константинополя. После утраты ромеями в конце XI в. значительной части Малой Азии, а затем и Балканских владений, Трапезунд был, вероятно, тем единственным сохранившимся центром производства амфор типа I, где они непрерывно изготавливались, по крайней мере, с XII по XV в. Гипотеза о происхождении амфор типа II основывается на сведениях письменных источников об импорте в Северное Причерноморье вина из Триллии (*Волков*, 1992. С. 153; 1996. С. 97). Надо лишь отметить, что Триллия была портом Никеи, являвшейся центром обширой сельскохозяйственной зоны на Северо-Западе Малой Азии. Следовательно, производство амфор типа II находилось скорее всего не в самом этом портовом городе, а, где-то в окрестностях Никеи. Еще одним косвенным доказательством данной гипотезы является абсолютное преобладание амфор этого типа (относившихся к раннему виду 1) в Константинополе X–XI вв. (*Demangel, Mamboury*, 1939, P. 149). Поскольку район Никеи был ближайшим к византийской столице аграрным центром, доминирование вина из этого региона (в соответствующей "никейско-триллийской" амфорной таре) на константинопольском рынке надо рассматривать как экономически закономерное явление.

---

[12] Пользуюсь случаем поблагодарить И.В. Волкова за консультацию.

[13] Мы не рассматриваем здесь устаревшие взгляды об их крымском происхождении, поскольку их несостоятельность уже очевидна.

[14] Современный город Терилье на южном берегу Мраморного моря.

[15] Более подробная библиография по данному вопросу представлена в работе И.В. Волкова (*Волков*, 1996. С. 98).

[16] Из приводимых В.В. Булгаковым примеров ясно только то, что амфоры типа II были широко распространены в Саркеле и в некоторых пунктах на Днепре (*Булгаков*, 2001б. С. 163), однако днепровские находки не только не могут свидетельствовать о происхождении этих амфор из Трапезунда, но, пожалуй, по логике самого автора, должны противоречить этому тезису.

[17] В XIV в. известны и иные типы амфор – поздний вид типа II (*Волков*, 1992. Рис. 5, *6*) и херсонесские плоскодонные амфоры (см. ниже тип VII), однако они встречаются в Причерноморье несравнимо реже амфор типа I и свидетельствуют лишь о том, что в это время еще существовало несколько мелких центров виноделия.

Важно отметить, что сторонники альтернативной гипотезы (А.И. Романчук, А.В. Сазанов, В.В. Булгаков) ограничиваются констатацией своей точки зрения на происхождение амфор и не выдвигают какой-либо аргументации против гипотезы И.В. Волкова, что, конечно, подрывает доверие к их взглядам. Поэтому в дальнейшем мы будем называть тип I – амфорами типа "Трапезунд" (рис. XIII), а тип II – амфорами типа "Триллия", не забывая при этом, что такие наименования типов являются условными, обобщающими (автор гипотезы И.В. Волков предпочитает несколько иную терминологию – амфоры "трапезундской" и "триллийской" групп, которая также представляется вполне приемлемой).

Тип III – маломерные (высота – не более 35 см, максимальный диаметр 13–15 см) светлоглиняные амфоры с волнообразным рифлением поверхности и полукруглыми ручками, прикрепленными ниже края венчика (рис. 2, *5*). Изготавливались из светло-желтой или красноватой глины с включениями мелкого песка и слюды. Датируются такие амфоры XII – первой третью XIII в., а их происхождение предположительно связывается с бассейном Эгейского моря (остров Хиос?) (*Волков*, 1992. С. 156. Рис. 6; 1996. С. 97).

Тип IV – амфоры удлиненных пропорций с высокими профилированными ручками из теста с крупными грубыми минеральными примесями (кварциты, метаморфизированные сланцы и др.)[18], часто покрытые вместо рифления линейным врезным орнаментом (рис. 2, *6, 7, 10*), происходящие, возможно, из Палестины (*Волков*, 1994. С. 3–8. Рис. 1, 2; 1996. С. 95–96; 2001. С. 136–144). Этот тип амфор впервые был выделен М.В. Малевской на материалах из Новогрудка (*Малевская*, 1969. С. 188, тип V), а затем изучался И.В. Волковым по образцам из Новгорода и Северного Причерноморья. Различные виды таких амфор известны в слоях XII – первой половины XIII в. во многих русских городах (см. табл. 1).

Тип V – "причерноморские" амфоры, датирующиеся VIII–X вв. и производившиеся в Крыму и других районах Причерноморья. Известны несколько разновидностей этих амфор (из них 2 главных, являющихся по существу отдельными типами), различающихся своей формой и временем бытования (*Якобсон*, 1979. С. 29–32, 71–74. Рис. 12, 13, 43; *Паршина и др.*, 2001. С. 75–77). Обломки таких амфор встречены на ряде городищ роменской культуры и в Среднем Поднепровье на поселениях IX–X вв.[19] В Гнездовском курганном могильнике найдена амфора своеобразной формы (рис. 2, *9*)[20], представляющая собой, вероятно, редкую разновидность "причерноморских" амфор[21] либо близкородственый им вид, производившийся в Византии. Обломок амфоры типа V найден также на Тимеревском поселении.

Тип VI – плоскодонные амфоры с уплощенными ручками (*Якобсон*, 1979. С. 113. Рис. 69, *6–9*; *Романчук и др.*, 1995. Классы 51–53. Табл. 45–50), производившиеся, вероятно, в Херсонесе в XIII–XIV вв. (рис. 2, *11*), обломки которых найдены в Киеве, Кснятине, Воине, Лесковом (?).

Тип VII – амфоры конусовидного и подцилиндрического профиля с маленькими ручками-скобками (рис. 2, *8*), встреченные пока только в Новогрудке в комплексах XII в. (*Малевская*, 1969. С. 187, типы III, IV). Близкие формы амфор обнаружены в Причерноморье и в Константинополе XIII в. (*Зеленко*, 1999. С. 228. Рис. 10)[22], хотя место их производства остается не известным.

Тип VIII – красноглиняные амфоры небольшого размера из теста без примесей либо с примесями песка, кристаллических пород или органики. Целые формы пока на Руси не встречены. Отдельные же фрагменты найдены во многих городах в комплексах домонгольской эпохи. По своей профилировке они близки амфорам типа III, однако отличаются тем, что их ручки прикреплялись к краю венчика и высоко поднимались над горловиной (как у амфор типов II и IV). Место производства не известно.

Тип IX – маломерные амфоры из пористой формовочной массы желтовато-серого цвета, характерной особенностью которой является естественная примесь халцедона. Обломки этих амфор найдены в Киеве и его округе, в комплексах XI–XII вв. Данный тип амфор выделен и описан В.В. Булгаковым (*Булгаков*, 2001б).

Тип X – амфоры, отличающиеся цветом и составом теста – рыхлым, беловато-желтым, с многочисленными темными включениями (пироксен?). Обломки амфор этого типа известны в Белоозере, где они происходят из горизонта XII в. (*Голубева*, 1973. С. 102. Рис. 34, *3*), а также в Старой Рязани[23].

Амфоры типа "Трапезунд" (I) составляют 70% находок амфорной тары на территории Руси, амфоры типа "Триллия" (II) – до 20% (при этом амфоры обоих типов встречаются, как правило, совместно, в одних и тех же городах), на долю восьми остальных типов приходится около 2% импорта. При этом амфоры типов III и IV, также встречены почти во всех русских городах XII–XIII вв., где проводились масштабные

---

[18] По мнению И.В. Волкова, основной составляющей этих примесей является минерал, более всего напоминающий гидробиотит (*Волков*, 2001а. С. 136).

[19] Находки амфор, относящиеся к догосударственному периоду, а также обнаруженные вне границ древнерусского государства, не входят в задачу нашего исследования.

[20] Это знаменитая амфора с древнейшей русской надписью-граффито, которую раньше читали как "гороухща", а по новейшим исследованиям – как "гороуна" (родительный падеж славянского мужского имени Горун) (*Медынцева*, 2000, 29–31).

[21] Впервые эта амфора была атрибутирована в качестве "причерноморской" А.Л. Якобсоном (*Якобсон*, 1951. С. 334).

[22] На соответствие новогрудских находок указанным здесь образцам впервые было указано в дипломной работе В.Н. Чхаидзе (ИА РАН).

[23] Следует заметить, что кроме перечисленных 10 типов, известны и другие разновидности импортной тары, в частности, высокогорлые кувшины с плоскими ручками, бытовавшие в Северном Причерноморье в IX–XI вв. и выполнявшие функцию амфор (иногда их неточно называют "кувшины-амфоры"). На Руси такие кувшины найдены в Белоозере и на ряде городищ лесостепной зоны (Титчиха, Животинное, Тимофеевское и др.). Кроме того, в Киеве обнаружены фрагменты амфоровидных сосудов XI–XII вв., украшенных гравированным орнаментом (*Булгаков*, 2000б), происхождение которых остается неясным.

раскопки. Указанными 10 типами АВК разнообразие византийских амфор на Руси не исчерпывается. В настоящее время значительное число находок АВК не идентифицировано с каким-либо из типов амфорной тары, причем большинство из них составляют образцы, известные только по кратким упоминаниям в публикациях. Некоторые из опубликованных амфор также не имеют пока точной атрибуции (см., например: *Зоценко*, 2001. С. 185, 186, 191. Рис. 21, 28).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в период массового ввоза на Русь византийских товаров в амфорах (XII – первая половина XIII в.) главным экспортером вина выступал Трапезунд, на втором месте оставалась Никея. Остальные центры виноделия (и производства масла) играли в торговле с Русью малозаметную роль. Вероятно, вино из этих центров поступало в русские земли нерегулярно, по причинам колебаний экономческой конъюнктуры (изменение цен, дефицит вина из Трапезунда и Никеи на рынке в момент закупки и т.п.) или же по иным случайным причинам. Что касается начального этапа русско-византийской торговли (X–XI вв.), то для этого периода имеется меньшее количество данных. В X в. на Русь (Киев, Гнездово, Тимерево) проникали единичные образцы "причерноморских" амфор и амфор типа I (вида 1), причем нет никаких свидетельств того, что их ввоз проходил по торговым путям. Лишь для XI в. имеются сведения о находках заметного количества амфорной тары в Киеве и некоторых других городах Руси (Новгороде, Пскове, Белоозере, Ростове, Старой Рязани, Полоцке, Заславле, Чернигове, Вышгороде и др.). Однако сведений о количестве импорта различных типов амфор для этого времени недостаточно. Можно лишь констатировать факт импорта амфор типов I/1, II/1, IX, изготавливавшихся в различных районах Византии. При этом во многих городах амфоры XI в. являются единичными находками.

Торговые операции по закупке вина, масла, пряностей и других товаров, транспортировавшихся в амфорах, могли осуществляться в Константинополе. Однако ряд трудностей, вытекавших из установленного в столице Империи порядка (например, действовавшего одно время запрета на вывоз из города оливкового масла) (*Булгаков*, 2001б. С. 161), как и требования экономической эффективности перевозок, должны были приводить к тому, что партии вина и масла могли отгружаться на Русь непосредственно из пунктов их производства, например, из того же Трапезунда. Нельзя исключать также некоторого участия в подобной торговле Херсонеса или иных центров Северного Причерноморья (например, Таматархи-Тмутаракани), где могли осуществляться операции по перепродаже византийского вина с участием русских, ромейских и местных купцов. Однако роль этих причерноморских центров в русско-византийской торговле была, очевидно, невелика (*Коваль*, 1995).

На многих обломках амфор и целых сосудах из русских городов известны разнообразные граффити, которые пока не систематизированы, а многие из них и не опубликованы. На единичных обломках амфор (в основном, "трапезундской" группы) сохранились оттиснутые по сырой глине клейма. Этот материал требует углубленного исследования, тем более, что он привлек сейчас пристальный интерес специалистов по амфорной таре (*Волков*, 2001б; *Булгаков*, 2001а, б; *Паршина*, 2001; *Тесленко*, 2001; *Занкин*, 2001). Так что изучение амфор византийского культурного круга на Руси еще далеко от своего завершения.

Литература

Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашуто Л.П., Кадеев А.И., Романчук А.И., 1971. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. Свердловск. Сб. 7.

Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3.

Булгаков В., 2000а. Амфорные находки из Автуничей // ВЕАЖ. № 2 (3).

Булгаков В., 2000б. Гравированные амфоровидные сосуды из Киева // ВЕАЖ. № 5 (6).

Булгаков В.В., 2001а. Метки-дипинто византийских амфор XI в. // Морська тогівля в Північному Причорномор'і. Київ.

Булгаков В., 2001б. Сероглиняные амфоры XI–XII вв. // ВЕАЖ. № 2 (9).

Векслер А.Г., Коваль В.Ю., 1998. Византийская амфора с дипинто из раскопок на Манежной площади в Москве // РА. № 3.

Волков И.В., 1989. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов/Дон.

Волков И.В., 1992. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Азов. Вып. 1.

Волков И.В., 1994. Импорт из Святой земли? (Амфоры группы клейма SSS в Северном Причерноморье и городах Древней Руси) // Проблемы истории. Ростов/Дон.

Волков И.В., 1996. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 10.

Волков И.В., 2001а. О происхождении двух групп средневековых клейменых амфор // Морська торгівля в Північному Причорномор'і. Київ.

Волков И.В., 2001б. Трапезундские керамические клейма из Азова // Морська торгівля в Північному Причорномор'і. Київ.

Высоцкий С.А., 1985. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев.

Голубева Л.А., 1960. Надпись на корчаге из Белоозера // СА. № 3.

Голубева Л.А., 1973. Амфоры и красноглиняные кувшины Белоозера // КСИА. Вып. 135.

Горюнов Е.А., 1972. Селище Целиков бугор на Средней Десне // КСИА. Вып. 129.

Гупало К.В., Івакін Г.Ю., Сагайдак М.А., 1970. Дослідження Київського Подолу (1974–1975 рр.) // Археологія Києва: Дослідження і матеріали. Київ.

Гуревич Ф.Д., 1981. Древний Новогрудок. Л.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948. Древнерусские поселения на Дону // МИА. № 8.

Занкин А.Б., 2001. Коллекция граффити на амфорной таре из раскопок в г. Керчи // Морська торгівля в Північному Причорномор'і. Київ.

Зоценко В.М., 2001. Амфорна тара Киево-Подолу XII – початку XIII ст. // Морська торгівля в Північному Причорномор'і. Київ.

Калюк А.П., Фридман М.И., 1991. Исследования научно-производственного кооператива "Археолог" в Киеве // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Київ. Вип. 1.

Каргер М.К., 1954. Розкопки в Переяславлі-Хмельницькому у 1952–1953 рр. // Археологія. Київ. Т. IX.

Каргер М.К., 1958. Древний Киев. М.; Л. Т. I.

Карпов С.П., 1981. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XIV вв. М.

Клянин Р.В., 1997. Корнике – город Рязанского княжества // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М. Т. 2.

Коваль В.Ю., 1995. "Корсунский мираж" (К вопросу о русско-херсонских связях) // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковдения. М.

Коваль В.Ю., 1999. Амфоры византийского круга в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 13.

Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л., 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.

Куза А.В., 1989. Малые города Древней Руси. М.

Куза А.В., Коваленко В.П., Моця А.П., 1996. Новгород-Северский: некоторые итоги и перспективы исследований // На Юго-Востоке Древней Руси. Воронеж.

Летопис Руський. Київ, 1989.

Максимов Е.В., Петрашенко В.А., 1988. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев.

Малевская М.В., 1969. Амфоры Новогрудка XII–XIII вв. // Тез. докл. на конференции по археологии Белоруссии. Минск.

Мальм В.А., Фехнер М.В., 1974. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневна // Археология Рязанской земли. М.

Мартынов А.И., 1996. Археология. М.

Медынцева А.А , 1998. Надписи на амфорной керамике X – начала XI вв. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Русь. М.

Медынцева А.А., 2000. Грамотность в Древней Руси. М.

Медынцева А.А., Моргунов Ю.Ю., 1986. Надпись на корчаге с Полтавщины // КСИА. Вып. 187.

Михайлов С.П., Станюкович А.К., 1983. Голосник из собора Ивановского монастыря в Пскове // СА. № 3.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49.

Никитченко М.М., 1955. Амфоры-голосники из ц. Ионна Предтечи в Керчи // Археологические открытия 1969 г. М.

Новое в археологии Киева. Киев, 1981.

Падин В.А., 1988. Раскопки в Трубчевске // АО 1986 года. М.

Паршина Е.А., 2001. Клейменая византийская амфора X в. из Ласпи // Морська торгівля в Північному Причорномор'і. Київ.

Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М., 2001. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська тогівля в Північному Причорномор'і. Київ.

Плетнева С А., 1964. О юго-восточной окраине Русских земель в домонгольское время // КСИА. Вып. 99.

Равдина Т.В., 1957. Надпись на корчаге из Пинска // КСИИМК. Вып. 70.

Радзивилловская или Кёнигсбергская летопись // Тр. Общества любителей древней письменности. СПб., 1902. Т. 118.

Раппопорт П.А., Шолохова Е.В., 1976. Раскопки в Рославле // АО 1975 года. М.

Розенфельдт Р.Л., 1997. Привозная керамика: Амфоры и красноглиняные кувшины // Древняя Русь: Быт и культура. М.

Романчук А.И., Сазанов А В., Седикова Л.В., 1995. Амфоры из комплексов византийского Херсона // Средневековый Херсон: История, стратиграфия, находки. Екатеринбург. Ч. 2.

Рыбаков Б.А., 1946. Надпись киевского гончара XI века // КСИИМК. Вып. XII.

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.

Рыбаков Б.А., 1949. Древности Чернигова // МИА. № 11.

Сапожников Н.В , 1999. Церковь XII в. на улице Соболева в Смоленске // Тр. ГИМ. Вып. 111.

Седова М.В., 1987. Эпиграфические находки из Суздаля // КСИА. Вып. 190.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1991. Т. IV.

Словарь русского языка / Под ред А.П. Евгеньевой. М., 1983. Т. II.

Словарь русского языка (XI–XVII вв.). М., 1980. Вып. 7.

Словарь украинского языка. Киев, 1908. Т. II.

Срезневский И.И., 1893. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. Т. 1.

Тесленко И.Б., 2001. Средневековые амфорные клейма из раскопок крепости Алустон // Морська торгівля в Північному Причорномор'і. Київ.

Холостенко М.В., 1975. Успенский собор // Стародавній Київ. Київ.

Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. М., 1982. Т. II, вып. 8.

Якобсон А.Л., 1950. Средневековый Херсонес, XII–XIV вв. // МИА. № 17.

Якобсон А.Л., 1951. Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. Вып. XV.

Якобсон А.Л., 1959. Раннесредневековый Херсонес // МИА. № 63.

Якобсон А.Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Agosto A., 1982. Orientamento sulle fonti documentarie dell' Archivio di Stato di Genova per la storia dei Genovesi nella Russia meridionale // Cinquant' anni di storiografica medievistica italiana e sovietica. Genova.

Bakırtzıs C., 1989. Byzantine Amphorae // Recherches sur la Ceramique Byzantine. Athens.

Barnea I., 1967. Ceramica de import // Dinogetia Asezaela feodala timpurie de la Bisericuta-Garvan. Bucuresti. T. I.

Demangel R., Mamboury E., 1939. Le quarier des Manganes et la premiere region de Constantinople. Paris.

Gunsenin N., 1989. Recherches sur les amphores Byzantines dans les Musees Turcs // Recherches sur la Ceramique Byzantine. Athens.

Gunsenin N., 1993. Ganos, centre de production d'amphores a l'epoque byzantine // Anatolia antiqua (Eski Anadolu). Paris. Vol. 2.

Llubia L.M., 1967. Ceramica medieval espanola. Barcelona.

Noonan T.S., Kovalev R.K., 1997. Prayer, Illumination and Good Times: the Export of Byzantine Wine and Oil to the North of Russia in Pre-Mongol Times // Byzantium and the North / Helsinki. (Acta Byzantia Fennica. Vol. VIII: 1995–1996).

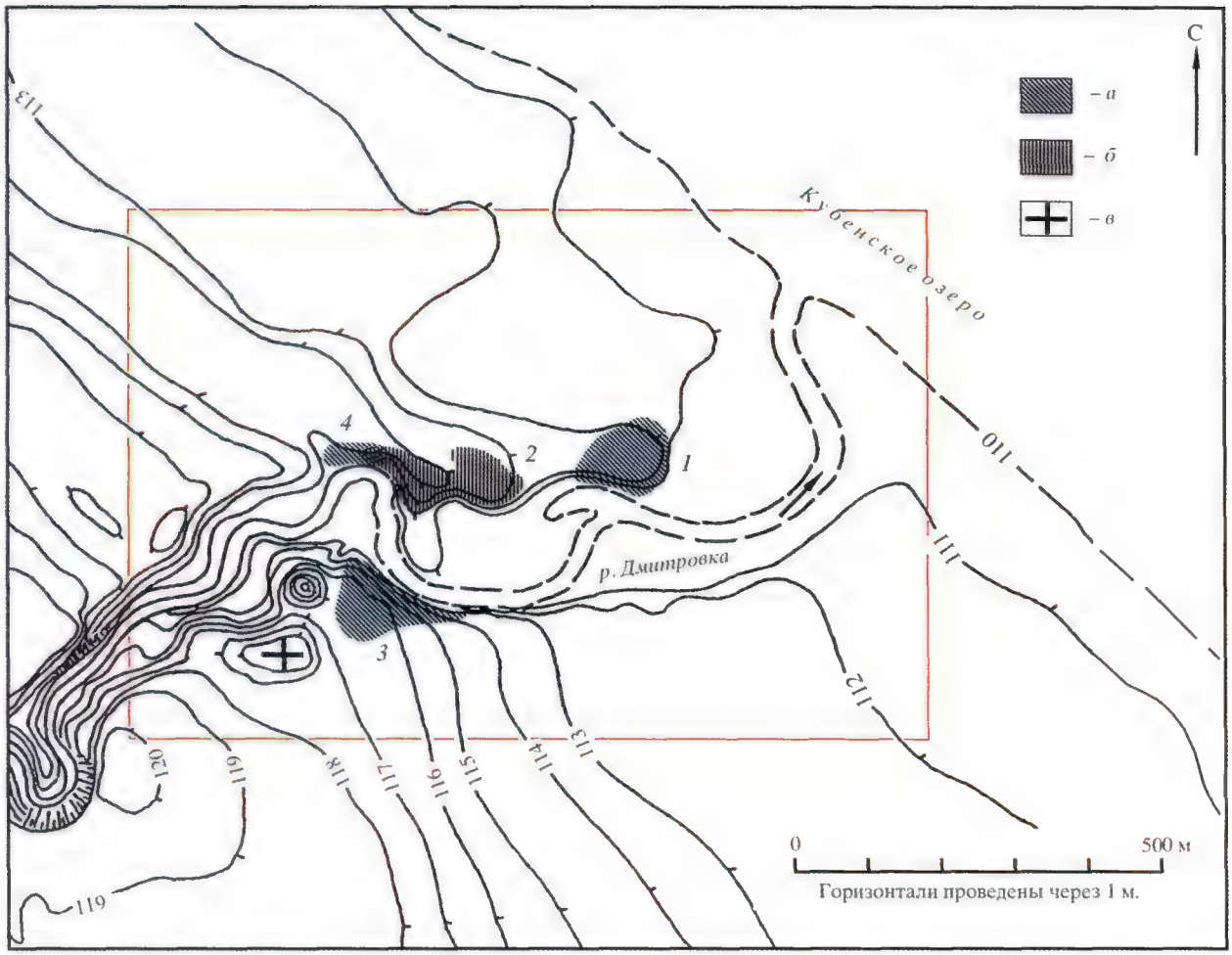
Noonan T.S., Kovalev R.K., 1999. Wine and Oil For All the Rus'! The Importation of Byzantine Wine and Olive Oil to Kievan Rus' // Byzantium and the North / Helsinki. (Acta Byzantia Fennica. Vol. IX: 1997–1998).

Рис. I. Серебряная чаша из раскопок на площадке Южного городища (раскоп 25)

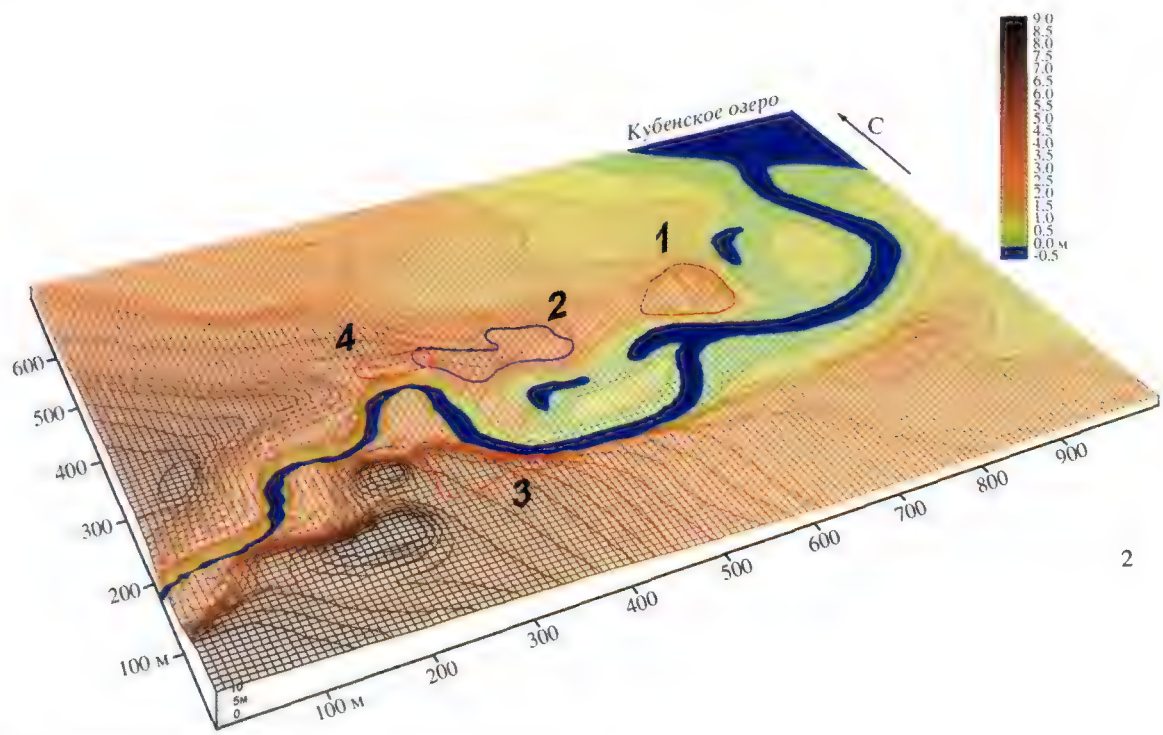
Рис. II. Каменный наперсный крест из розового шифера, украшенный гравировками, из раскопа 25

Рис. III. Резная белокаменная архитектурная деталь из раскопок руин Борисоглебского собора

Рис. IV. Каменная пластинка с арабской надписью конца XIII – начала XV в. из раскопок на посаде Старой Рязани (раскоп 27). Размер 3,5 × 2,5 см, толщина 2 мм



1



2

Рис. V. Мининская локальная группа поселений

1 – план местности: *а* – участки с культурным слоем конца X–XIII вв.; *б* – могильник конца X–XIII в.; *в* – развалины приходской церкви XIX в. *1* – Минино I; *2* – Минино II; *3* – Минино VI; *4* – Минино VII; 2 – план местности (изометрия)

Рис. VI. Поселение Минино I. Раскоп 3. Стеклянные бусы из верхнего горизонта

Рис. VII. Поселение Минино I. Общий вид раскопа 4 с печью в постройке 1

Рис. VIII. Поселение Минино I. Общий вид раскопа 3 на уровне горизонта второй половины XII – начала XIII в.

Рис. IX. Фрагмент карты окрестностей Москвы 1838 г., масштаб 100 саженей в дюйме (РГВИА. Фонд 386. Оп. 1. Д. 3681), на котором изображена курганная группа Никольское-1 (№ 57) на междуречье рек Очаковки (слева) и Смородинки (справа). Справа деревня Никольское

Рис. X. Филигрань серебряной оправы костяного креста. Новгород, Владычная палата. XIV–XV вв. (здесь и далее микрофото Н.В. Жилиной)

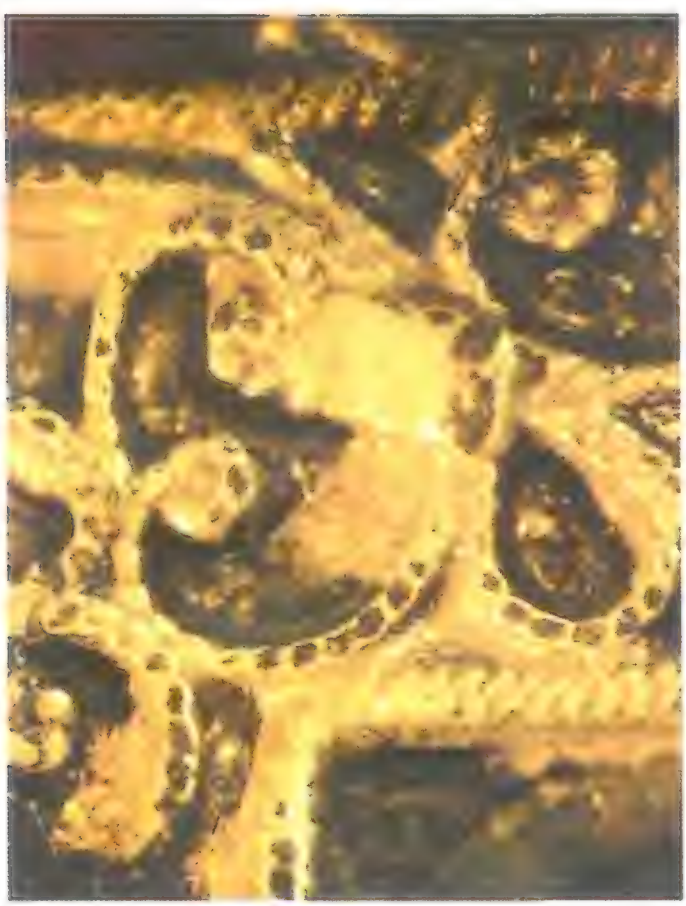


Рис. XI. Филигрань креста-мощевика XIV в. Новгород, Владычная палата

Рис. XII. Филигрань наборного очелья из Ярополча Залесского XII – первой трети XIII в.

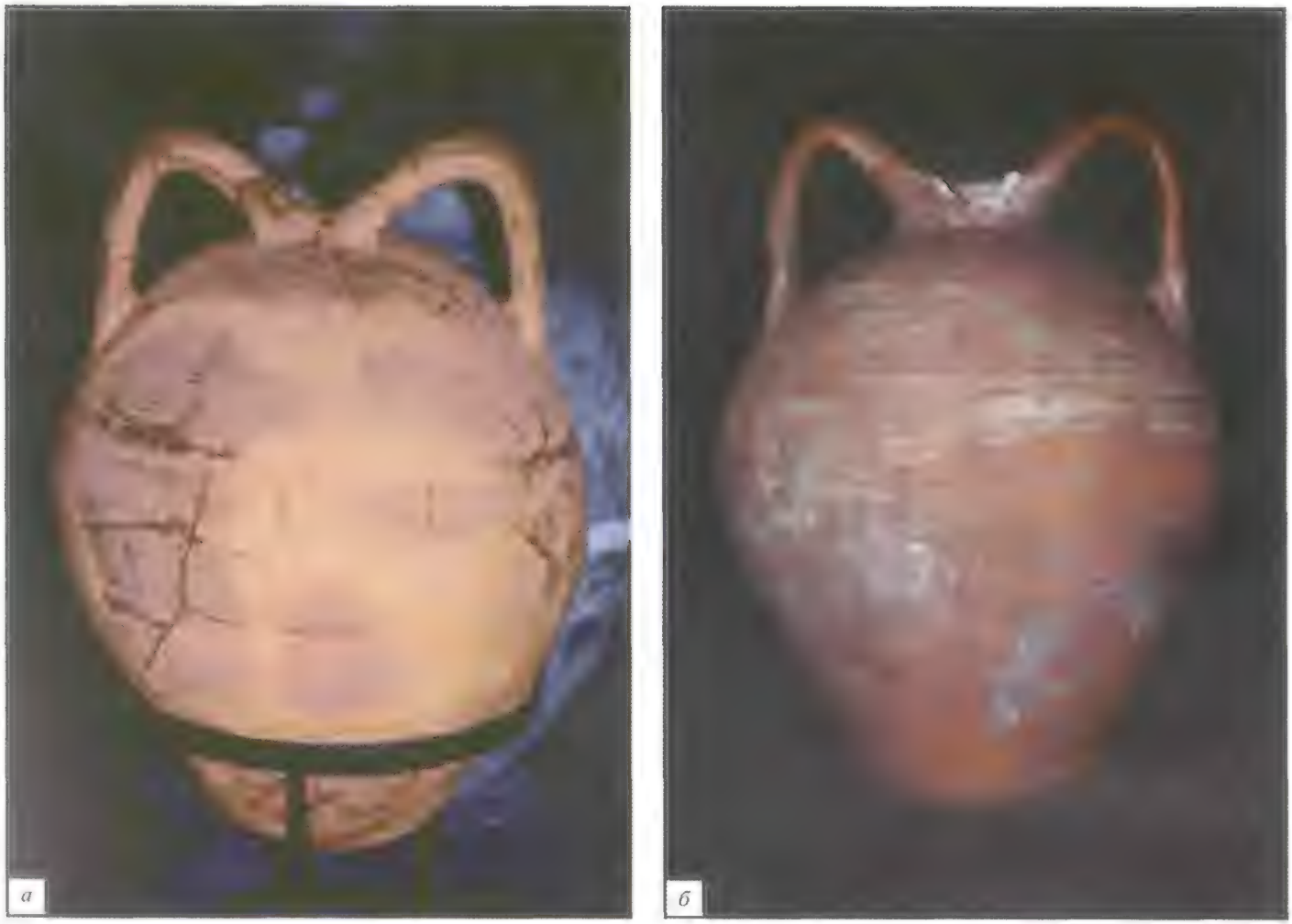


Рис. XIII. Амфоры типа “Трапезунд”
а – Изяславль; *б* – Пронск

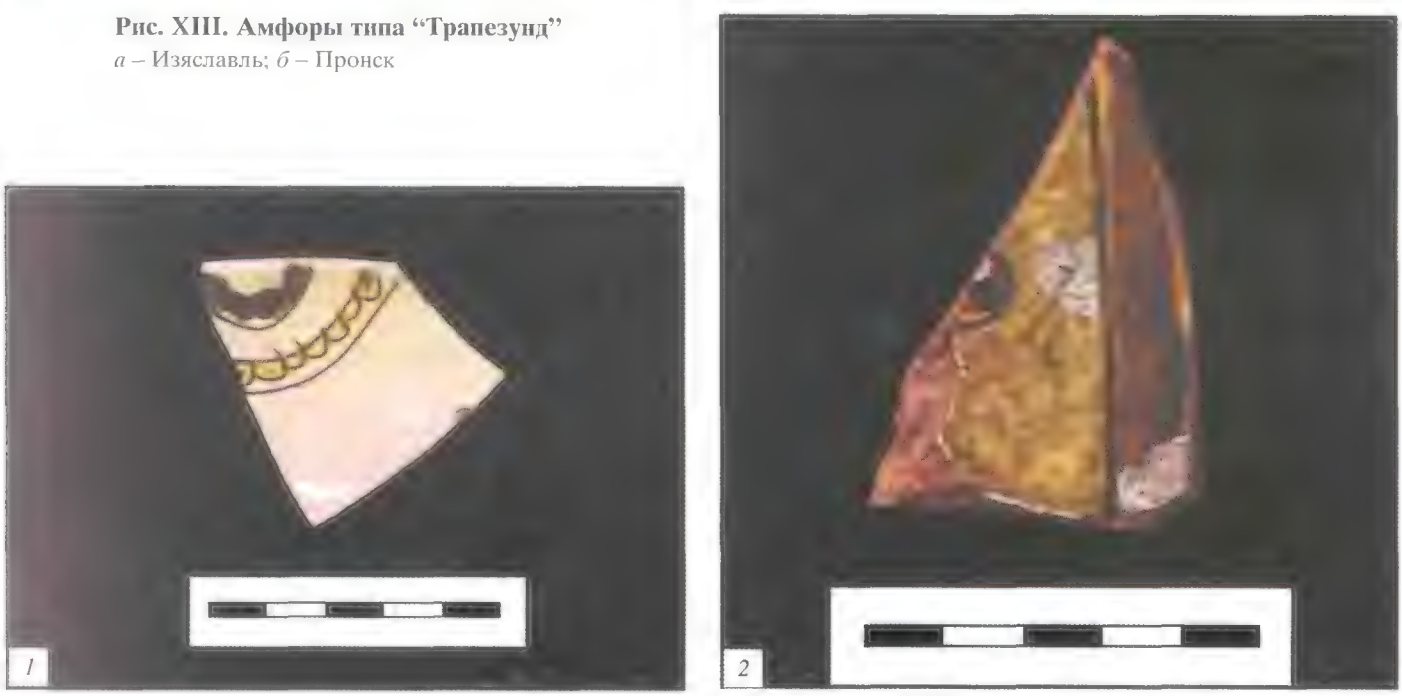


Рис. XIV. Византийская керамика “сграффито”
1–3 – Старая Рязань; *4* – Киев

Рис. XIV (окончание)

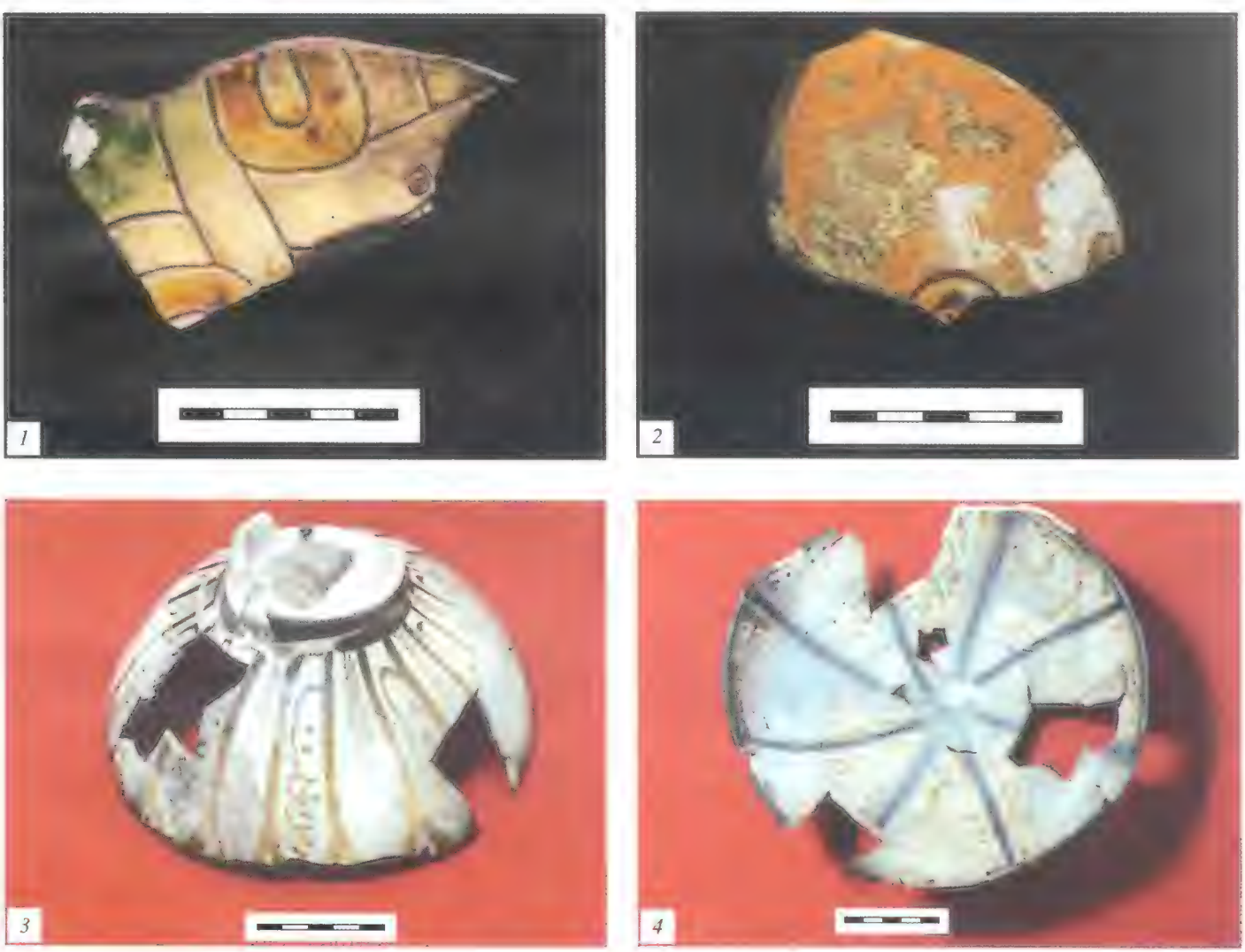


Рис. XV. Византийская керамика “сграффито” (*1, 2*) и иранская люстровая керамика (*3, 4*)
1 – Пронск; *2* – Переяславль Рязанский; *3, 4* – Ростиславль Рязанский

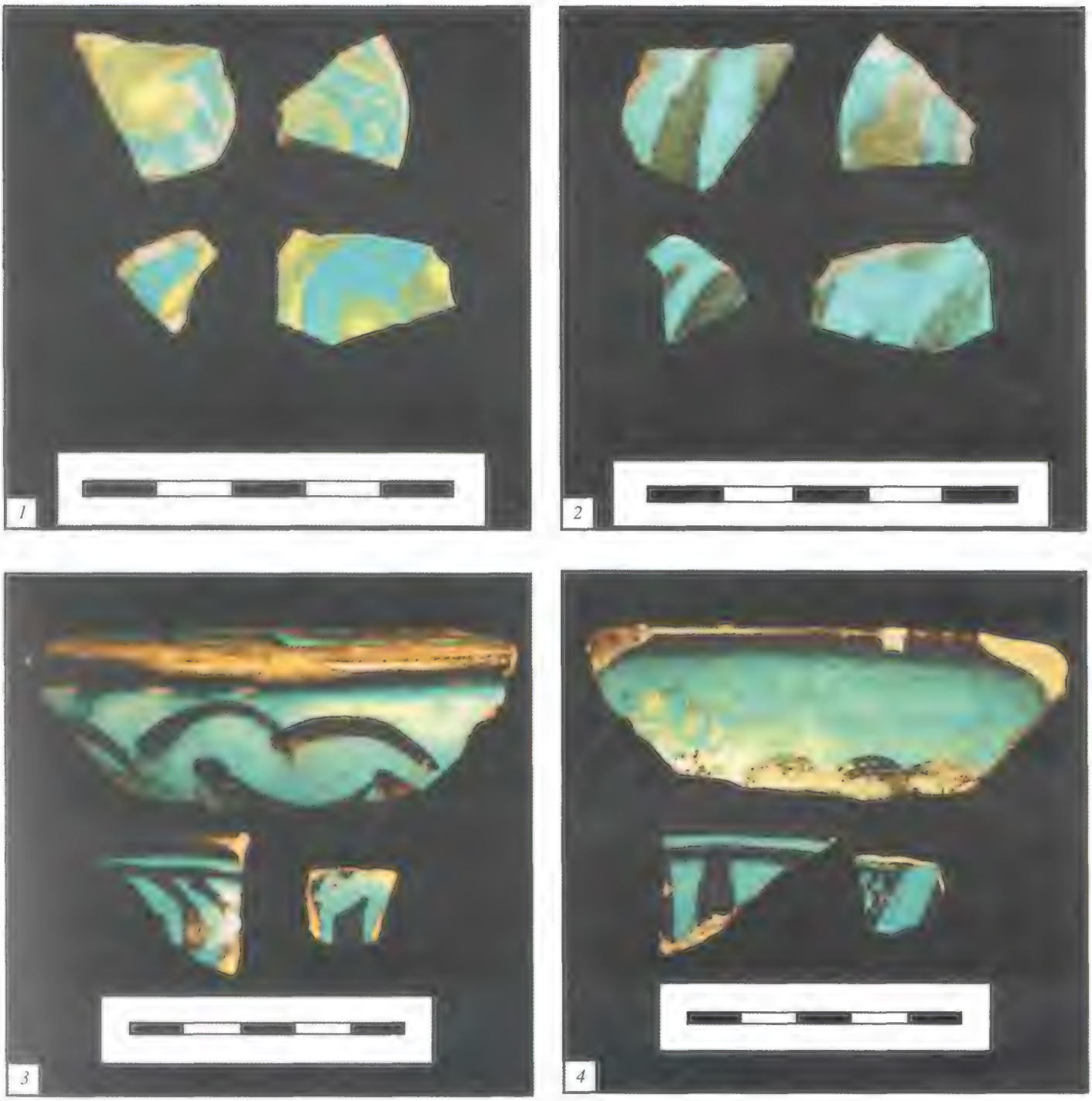


Рис. XVI. Сирийская люстровая керамика (*1*, *2*) и иранская керамика с черной росписью под бирюзовой глазурью (*3*, *4*). Внешняя и внутренняя стороны

1, *2* – Тверь; *3*, *4* – Киев

Каталог находок амфор на территории Древней Руси

	Адреса находок	Всего находок		в т.ч. идентифицировано			Датировка находок (века)	Тип поселения
		обломков	целых амфор	тип (вид)	Количество находок: обломков	Количество находок: целых амфор		
1	Великий Новгород (до 2001 г.)	>3000	7	I/1, 2	~2100			ОГ
				II/1, 2	>400		конец X–XIII	
				III	97	1		
				IV/2	57	2		
2	"Рюриково" городище	~400		I/1	X		2-я пол. XII –	ФЗ
				I/2	X		1-я пол. XIII	
				III	X			
				IV	X			
3	Юрьев монастырь (под Новгородом)	X					домонгольск.	
4	Старая Русса	9		I/2	3		XII	ОГ
				II/2	4			
				III	1			
				IV	1			
5	Старая Ладога	>60		I/1	5		XI–XIII	Д
				I/2	40			
				II/2	5			
				III	6			
				IV	2			
6	Псков	>240	2	I/1	9		XI–XIII	Д, ОГ
				I/2	110	1		
				II/1	–	1		
				II/2	69			
				III	27			
				IV	14			
7	Борисоглебское селище "А" (Новгородская обл.)	1					X–XIV	С
8	Юрьев (совр. Тарту в Эстонии)	Н					XI	Д
9	Торопец (Малое Торопецкое городище)	1					2-я пол. XII – нач. XIII	Д
10	Белоозеро (городище)	585 (от >22)		I/1	10		XI	–
				I/2	136		XII–XIII	
				II/2	144		XI–XII	
				X	38		XII	
11	Поселение "Октябрьский мост" (в г. Череповец)	X					X–XIV	С
12	Устюжна	1					XI–XII	Д
13	Рыбинск	X						?
14	Торжок (Новый Торг)	25		I/2	14		XI–XII	Д, П
				II/2	5			
				III	4			
				VIII	2			
15	Тверь	>6		I/2	2		домонгольск.	Д, ОГ
				II/2	1			
16	Ярославль	X		I/2	1		XIII	Д
				II/2	1			
17	Тимеревское поселение	1		V	1		X	–
18	Ярославские могильники	X					X–XI	–
19	Углич	2		I/2	2		домонгольск.	Д

Приложение (продолжение)

	Адреса находок	Всего находок		в т.ч. идентифицировано			Датировка находок (века)	Тип поселения
		обломков	целых амфор	тип (вид)	Количество находок: обломков	Количество находок: целых амфор		
20	Ростов	64		I/1	6			?
				I/2	33			
				II/2	3			
				III	16			
				проч.	6			
21	Плес	X					домонгольск.	Д
22	Городец на Волге	H					XII–XIII	Д
23	Нижний Новгород	1		I	1		XII–XIV	П
24	Ближнее Константиново I (у Н. Новгорода)	5		I/3	5		XIII–XIV	С
25	Переяславль-Залесский	X						
26	Семьинское городище (ок. Юрьева-Польского)	X					XII – нач. XIII	ФЗ
27	Васильковское селище (близ Суздаля)	1					XII–XIII	С
28	Суздаль	>120	2	I/2	9	1	XI	Д, ОГ
				II/2	4		XII–XIII	
				III	4			
29	Владимир	>700	5	I/2	>400	2	XII – нач. XIII	Д
				II/2	>300	2		
				III	>20			
				IV	>20	1		
30	Дмитров	7		I/2	4		XII–XIII	Д
				III	1			
31	Ярополч-Залесский	ок. 50		I/2	X		XII–XIII	Д
32	Муром	247					домонгольск.	Д
33	Селище у д. Ст. Котлиц (Муромск. р-н)	1		III	1		?	С
34	Чебашихинское селище (ок. Мурома)	X					X–XI	С
35	Москва	48	1	I/2	46	1	XII – 1-я пол. XIII	Д, П
				II/2	2			
36	Балашихинское городище	1		II/2	1		домонгольск.	П
37	Коломна	10		I/2	5		XII–XIII	Д
				II/2	3			
				VIII	2			
38	Ростиславль Рязанский	9		I/2	7		1-я пол. XIII	Д
				III	1			
				IV	1			
39	Переяславль-Рязанский	11		I/2	8		XII–XIII	Д, П
				II/2	1			
				II/3	2			
40	Ижеславское городище (Изяславль)	1					?	Д
41	Жокинское городище	27		I/2	1		XII–XIII	Д, П
				II/2	25			
				IV	1			
42	Пронск (в т.ч. городище на горе Гневна)	>48	3	I/2	32	3	XII–XIII	Д
				I/3	5			
				II/2	10			
				VIII	1			
43	Малиновское селище (ок. Пронска)	1					XII–XIII	С

	Адреса находок	Всего находок		в т.ч. идентифицировано			Датировка находок (века)	Тип поселения
		обломков	целых амфор	тип (вид)	Количество находок: обломков	Количество находок: целых амфор		
44	Старая Рязань	>400	>6	I/1		1	XI–XIII	Д, ОГ, П
				I/2	149	>2		
				II/2	177	>3		
				III	18			
				IV	8			
				VIII	1			
				X	11			
45	Чевкинское селище (у Старой Рязани)	X					?	С
46	Городище "Земляной струг" (ок. Касимова)	7		I/1	6		XI–XIII	Д
				I/2	1			
47	Поселение Березовка 5 (Тульская обл.)	8		II/3	8		2-я пол. XIII	С
48	Поселение Аргамач-Пальна I (ок. Ельца)	X					?	С
49	Лавское селище (ок. Ельца)	5		I/2	2		домонгольск.	П
				IV	1			
50	Замятино-10 (Липецкая обл.)	ок. 70		I/2	70		домонгольск.	С
51	Казинка	X					XII–XIV	С
52	Семилукское городище (Воронежск. обл.)	X		I/2	1		XII–XIII	Д
53	1-е Белогорское городище (Воронежск. обл.)	X			X		IX–X	Д
54	Животинное городище (Воронежск. обл.)	X					IX–X	Д
55	Шиловское поселение (в г. Воронеж)	X					?	С
56	Дрысвяты (ок. г. Браслав Витебской обл.)	X					XI–XIII	Д, П
57	Полоцк	>200	1	I	X		до 1240 г.	Д
		>11		I/1	4		XI – 1230 г.	П
				I/2	2			
				II/2	5			
58	Витебск	>30(10)					домонгольск.	Д
		X					X–XII	ОГ
		(20)					домонгольск.	П
59	Лукомль	30		I/2	2		домонгольск.	Д
60	Борисов	X					?	
61	Логойск	17					домонгольск.	
62	Друцк	2		II/2	2		?	?
63	Орша	X					?	?
64	Изяславль (совр. Заславль)	52		I/1	28		X–XIII	Д
				I/2	3			
				II/2	15			
				III	1			
65	Городище на р. Менке (Минская обл.)	X					домонгольск.	Д
66	Минск	75		I/2	1		2-я пол. XI–XII	Д
67	Поселение "Дружба" (в г. Минск)	>3		I/2	1		2-я пол. X – 1-я пол. XIII	С
68	Городище Капланцы (Минская обл.)	1						Д
69	Гродно	7		I	X		XI–XII	Д
				II	X			

	Адреса находок	Всего находок		в т.ч. идентифицировано			Датировка находок (века)	Тип поселения
		обломков	целых амфор	тип (вид)	Количество находок: обломков	Количество находок: целых амфор		
70	Турейск	**X**					домонгольск.	?
71	Новгородок (совр. г. Новогрудок)	2202		**I/2** **II/2** IV VII проч.	**1802** **178** 101 79 22		XI – 1-я пол. XIII	Д, ОГ, П
72	Волковыск	1600		**I/2** II/2	**X** **X**		2-я пол. XI – 1-я пол. XIII	Д, П
73	Берестье (совр. г. Брест)	72					XI–XII	Д
74	Вослоним (совр. г. Слоним)	10		**I/2** **II/2**	**X** **X**		домонгольск.	Д
75	Дрогичин	X		II/2	4		XII–XIII	**?**
76	Пинск	131 >8	1	1 **I/2**	2 8	1	XII–XIII 1078–1086 гг.	**Д** ОГ
77	Копыль	25		**I/2** II/2 III	1 22 3		домонгольск.	Д
78	Клецк	**X**					X–XIII	
79	Слуцк	**7**		I/2 II/2	>1 >1		домонгольск.	Д
80	Давид-городок	X						?
81	Туров	690		I/2 II/2	X X		X–XIII	**Д**
82	Мозырь	1					XII–XIII	Д
83	Смоленск	>300	1	I/2 II/2	111 75	 1	X – нач. XIII	П
84	Гнездовские курганы		1	V		1	X	–
85	Селище Александровка (Смоленск. р-н)	**X**		II/2	1		домонгольск.	С
86	Ковшаровское городище (Смоленск. обл.)	1	1	I/2 II/2	1	 1	домонгольск.	Д
87	Городище Воищина (Смоленская обл.)	**X**		**I/2**			**XII–XIII**	**ФЗ**
88	Мстиславль (Могилевская обл.)	**2**					1230–1240 гг.	Д
89	Рославль	**X**					1-я пол. XIII	Д
90	Заруб (городище Осовик)	X					?	ОГ
91	Спасское городище (ок. устья Угры)	2		**I/2**	1		домонгольск.	Д
92	Серенск (Калужская обл.)	X		**I/2**	1		домонгольск.	Д
93	Владимир-Волынский	9	2	**I/2** II/2	5 4	 2	XII–XIII	Д, ОГ
94	Червен	37		II/2	1		XI-XIII	Д, П
95	Городище у с. Затурцы (Волынская обл.)	X					домонгольск.	П
96	Перемышль (Волынская обл.)	**X**					**XII–XIII**	**?**
97	Луцк	3		**I/2**	3		**XII–XIII**	**ОГ**
98	Муравица (городище у г. Млыново Ровенской обл.)	X					XII–XIII	**Д**
99	Пересопница	38		**I/2** II/2 III	35 7		XII–XIII	

Приложение (продолжение)

	Адреса находок	Всего находок		в т.ч. идентифицировано			Датировка находок (века)	Тип поселения
		обломков	целых амфор	тип (вид)	Количество находок: обломков	Количество находок: целых амфор		
100	Дорогобуж (Ровенская обл.)	622		I/1, I/2, II/2			X–XIII	
101	Изяславль (городище у с. Городище Хмельницкой обл.)	>80		I/2 II/2 III IV	>53 >19 >5 1		домонгольск.	Д
102	с. Губин (Староконстантиновский р-н Хмельницкой обл.)	–	1				?	?
103	Ушица (Каменец-Подольский р-н Хмельницкой. обл.)	X					XII–XIII	
104	Городница (Ивано-Франковской)	4		II/2	4		XII	?
105	Городище Гринчук (Хмельницкой обл.)	X					XII–XIII	Д
106	Райковецкое городище (Житомирск. обл.)	X		I	X		домонгольск.	Д
107	Теребовль	X					?	?
108	Львов	23		I/2	23		XII–XIII	Д
109	Зудеч (г. Жидачев Львовской обл.)	X					XII–XIII	Д
110	Белз (Львовская обл.)	41		I/1 I/2 II/2 III Проч.	1 20 13 1 3		XII–XIII	Д
111	Плиснеск (городище у с. Подгирцы Львовской обл.)	32	2	I/2 II/2 III IV	12 13 1 6	1 – 1 –	XII–XIII	Д?
112	Городок (Львовск. обл.)	X					домонгольск.	Д?
113	Звенигород (Львовская обл.)	935	1	I/2 II/2 III IV VII X Проч.	438 441 18 24 5 1 8	 1 	XII–XIII	Д, ОГ
114	Галич	1156	1	I/2 II/2 III IV VII X Проч.	536 529 19 57 9 4 3	 1 	XII–XIII	П
115	Ленковецкое городище (в г. Черновцы)	112		I/2 II/2 III IV	57 36 14 5		XII – 1-я пол. XIII	Д
116	Городище Горишни Шеривци II (Черновицкая обл.)	X					X–XII	Д
117	Городище в с. Чорнивка (Черновицкая обл.)	X	2	I/2		2	XII – 1-я пол. XIII	ФЗ

Приложение (продолжение)

	Адреса находок	Всего находок		в т.ч. идентифицировано			Датировка находок (века)	Тип поселения
		обломков	целых амфор	тип (вид)	Количество находок: обломков	Количество находок: целых амфор		
118	Городище Дарабани-Шовб (Черновицкая обл.)	X					XII–XIII	ФЗ
119	Городище у с. Молодия (Черновицкая обл.)	2		I/2	2		XII – 1-я пол. XIII	?
120	Перебыковцы (Черновицкая обл.)	X					XII–XIII	С
121	Онут	X					XII–XIII	?
122	Василев	7		I/2	5		XII–XIII	?
				II/2	2			
123	Копачицы (Поднестровье)	X					?	?
124	Городище Мерешовка-Четэцуе (Молдавия)	112		II/2	X		XII–XIII	?
				VI	X			
125	Чигырлень 1 (Молдавия)	–	1	I/2		1		С
126	Поселение Ганск (Ханска) (Молдавия)	X	1				X–XII	С
127	Поселение Петруха (Молдавия)	22					IX–XI	С
128	Лукашевка V	X					XIII–XIV	С
129	Вышгород	>285	1	I/1	X		X–XI	Д, П
				I/2	X		XI–XII	
				II/2	X	1	XII	
				IX	X		XI–XII	
130	Селище Предславино (в черте г. Киев)	X					XII	С
131	Пересечин (Китаевское городище)	X					XII – нач. XI	П
132	Городище Звягиль	X						
133	Белгород	X		I/1	1		домонгольск.	Д
				I/2				
134	Селище у с. Томашовка	X					XII	С
135	Поселение Ходосовка (Киевская обл.)	X					VIII–IX	С
136	Селище Дорогинка III	X					XII–XIII	С
137	Киев	>200	9	I/1	3	2	X–XII	Д
				I/2	2	1		
				II/2	2	4		
				III		1		
				IX	X			
		>1000	2	I/1	>100		XI–XIII	П
				I/2	>50	1		
				II/1	>50			
				II/2	>50	1		
				III		2		
				VI	X			
				VIII		1		
		212	1	I/1	X	X	XI–XIII	Д, ОГ, П
				I/2		1		
				II/2	X	X		
	Итого	>1400						
138	Витачев	X					XII–XIII	Д
139	Селище Пилюты	X					XII–XIII	С
140	Селище Украинка IV	X					XII–XIII	С
141	Иван (Ржищевские городище и селище)	X	2	I/1		1	X?–XIII	Д, П

	Адреса находок	Всего находок		в т.ч. идентифицировано			Датировка находок (века)	Тип поселения
		обломков	целых амфор	тип (вид)	Количество находок: обломков	Количество находок: целых амфор		
142	Заруб (городище Монастырек-Восточное)	X		I/2	X		XII–XIII	Д
143	Поселение "Черничий лес" у с. Григоровка	X		I/2			XII–XIII	Д
				II/2	1			
144	Григоровское городище	X	1	II/2		1	XII – нач. XIII	Д
145	Поселение "Ревутове" у с. Григоровка	50		II/2	1		XII	С
146	Юрьев (Гургев) (совр. г. Белая Церковь)	>200		I	X		XII–XIII	?
				II	X			
147	Селище у с.Чепилиевка	X		IX	X		XI–XII	С
148	Городище в с. Бакожино	–	1	I/2		1	X	?
149	Городище Шаргород	X					?	?
150	Поселение у с. Сахновка	X					XII–XIII	С
151	Родень (городище Княжа Гора)	~2000	1	I/2	X		домонгольск.	Д
152	Любеч	X		I	X		XI	Д
153	Чернигов	X	>8	I/1		>3	XI–XIII	Д, П
				I/2		1		
				II/2	1			
				III		2		
				IV	1	1		
154	Посел. Очеретеная гора (близ Чернигова)	X						С
155	Поселение "Криница" (у с. Нов. Белоус)	X					X – нач. XI	С
156	Поселение в уроч. "Селище"	X					домонгольск.	С
157	Селище у с. Петруши (Черниговск. обл.)	X					X – 1-я пол. XIII	С
158	Городище в уроч. Коровель (в с. Шестовицы)	1					XI–XII	П
159	Городище у с. Петровка (в с. Шестовицы)	X						П
160	Поселение Ров-2 (у с. Шестовицы)	X					до нач. XIII	С
161	Селище Лесковое (Малый Листвен)	323		I/1	18		домонгольск.	С
				I/2	102			
				II/2	45			
				III	7			
				IV	3			
				VI	3			
162	Блистовит (городище в Черниговск. обл.)	X					XII–XIII	Д
163	Сосница (городище у с. Ляшкивцы)	X					XII–XIII	Д
164	Ковчинское городище						X–XIII	П
165	Лутава (Карпиловское горще в Козелецком р-не Черниговской обл.)	X					?	?
166	Селище у Табаевского курганного могильника (Черниговской обл.)	X					X–XIII	С
167	Беловежа	X					XI–XIII	Д
168	Гомий (совр. г. Гомель)	7					2-я пол. XI – 1-я пол. XIII	Д, ОГ, П

Приложение (окончание)

	Адреса находок	Всего находок		в т.ч. идентифицировано			Датировка находок (века)	Тип поселения
		обломков	целых амфор	тип (вид)	Количество находок: обломков	Количество находок: целых амфор		
169	Вщиж	X					домонгольск.	Д
170	Селище у с. Автуничи	X					XI–XIII	С
171	Путивль	X					XI–XII	Д
172	Новгород-Северский	X		I/2	1		кон. XI–XIII	Д, ОГ
				IV	1			
173	Городище Рябцево	1		I			домонгольск.	Д
174	Дебрянск (совр. г. Брянск)	30		I/2	30		домонгольск.	ОГ
175	Городище Слободка (Орловск. обл.)	100	1	I/2		1	XII–XIII	Д
176	Переяславль Южный (совр. Переяслав-Хмельницкий)	X		I/2	X		XI–XIII	Д, П
177	Устье (пристань Переяславля-Южного)	X					XI–XIII	
178	с. Цибли (ок. Переяславля)	1		I/1	1		XI	?
179	Селище у с. Комаровка	X		I	X		XI–XII	С
180	Городище у с. Городище	X					XI	П
181	Вырь (городище в Сумской обл.)	X		II/2	X		XII–XIII	?
182	Вьяхань (городище в Сумской обл.)	X					XII–XIII	П
183	Синец (Синеч) (Полтавская обл.)	3		II/2	3		XI – нач. XIII	?
184	Городище Свиридовка	X					XII–XIII	Д
185	Кснятин (городище и курган № 197 у с. Снитин Полтавск. обл.)	2					XI–XIV	Д
186	Городище у с. Чутовка (Полтавск. обл.)	2		I/2	2		XII–XIII	?
187	Городище Кизивер (Полтавская обл.)	X					?	П
188	Желнь (городище в Полтавской обл.)	–	1	I/1		1	?	?
189	Воинь	X	4	I/2		1	XII–XIII	Д, П
				II/2		1		
				VI		1	XIII	
190	Поселение в с. Новые Санжары (Полтавская обл.)	X		I/2	X		XII–XIII	Д
191	Курск	X		I/2	X		домонгольск.	Д
				II/2	X			
192	Ратское 1 городище (Курская обл.)	X		I/2	X		домонгольск.	ОГ
193	Липинское городище (Курская обл.)	X					домонгольск.	?
194	Рыльск	X					до 1240 г.	Д
195	Городище у с. Крапивного (Курская обл.)	X					XII	Д
196	Донец (Донецкое городище в г. Харькове)	X					домонгольск.	Д
197	Хотмыжское городище (Белгородск. обл.)	X					XII–XIII	Д
	Итого	>19 000	>70					

*Сокращения: X – количество находок не известно; П – посад, предградье, подол; Мн – монастырь. Д – детинец (кремль); ФЗ – феодальный замок; ОГ – окольный город; С – селище.

В.Ю. Коваль

Керамика Востока на Руси в XIII веке*

Экономические и культурные связи средневековой Руси с миром Востока имели долгую историю развития, на протяжении которой они претерпевали различные изменения. При этом импорт восточной керамики можно рассматривать в качестве своеобразного детектора уровня развития и изменения направлений связей Руси с различными районами Востока. Подобную роль керамика способна играть в силу того, что она может вечно сохраняться в земле, в отличие от других импортных изделий, изготавливавшихся из органических материалов, подверженных разложению и доходящих до наших дней в виде исключительных редкостей, составляющих ничтожную долю от объема ввоза (таковы ткани, кожаные изделия, деревянные предметы, продовольствие, сырье, предназначенное для переработки – металлы, нефть и т.п.). Керамические изделия сохраняются практически полностью, т.е. лучше, чем металлы и стекло, которые могут подвергаться разрушению при неблагоприятных внешних условиях.

Говоря о "мире Востока", мы включаем в это понятие обширный регион, протянувшийся от Северной Африки до Японии и Китая, от Волжской Булгарии до Индийского океана. Для XIII в. на этом пространстве можно выделить три культурно-исторические области, в той или иной степени связанные со средневековой Русью и ставшие источниками поступления сюда керамических изделий:

1) Мир арабского Востока, объединявшего страны, оставшиеся после распада Халифата (от Испании до Средней Азии). Керамика импортировалась на Русь из Египта, Сирии, Ирана. Отдельное место в этом ряду занимает Волжская Булгария, воспринявшая многие элементы культуры арабского Востока.

2) Византия и районы с сильными традициями провинциально-византийской культуры, входившие прежде в состав империи (Малая Азия, Северное и Западное Причерноморье, Закавказье).

3) Мир тюрко-монгольского Востока, сцементированный в первой половине XIII в. империей Чингисхана, объединившей степи Евразии, Иран, Среднюю Азию и Китай. Это политическое новообразование, подчинившее себе и Русь, принципиально изменило экономическую и культурную ситуацию в Евразии, создав условия для прямых связей между странами, которые никогда ранее между собой не контактировали (например, между Китаем и Русью).

При изучении изменений, происходивших в XIII в. с импортом на Русь восточной керамики, главную трудность составляет проблема точного датирования образцов такого импорта. С одной стороны, датировки комплексов, в которых бывают найдены эти образцы, редко укладываются в пределы одного столетия и чрезвычайно расплывчаты (XII–XIII или XIII–XIV вв.). С другой стороны, типы восточной керамики, поступавшей на Русь, как правило, также не имеют узких дат. Поэтому выделить из общего массива восточного керамического импорта образцы, относящиеся только к XIII в., бывает достаточно сложно.

Для того, чтобы понять, какие изменения в импорте восточной керамики произошли на Руси в XIII в., необходимо прежде составить представление о размерах и направленности этого импорта в XII в. В этот период на Русь ввозилась керамика из Византии и стран Средиземноморья (Египта, Сирии). Из **Византии** привозились в это время амфоры, представлявшие собой тару для виноградного вина, оливкового масла, нефтепродуктов и пряностей, которые и являлись как раз предметами импорта. Ежегодный ввоз составлял, вероятно, около 1000 амфор, а доставлявшиеся в них продукты питания и сырье поступали **во все города** Руси и в некоторые сельские поселения (*Коваль*, 1999). В первой трети XIII в. импорт вина и других продуктов в амфорах продолжался в том же объеме, что и в XII в. Поливная художественная керамика Византии на Руси в XII – начале XIII в. являлась большой редкостью, но она все же поступала в южнорусские города (Киев, Белгород, Туров) и Старую Рязань (рис. 5, *1–3*) в виде единичных сосудов – красноглиняных чаш и блюд, украшенных орнаментом "сграффито" в "медальонном" стиле (*Коваль*, 1997г. С. 278. Рис. 1, *4*). Один обломок полумайолики с орнаментом "сграффито" в сочетании с выемчатой техникой найден в Суздале (его датировка возможна в пределах XIII в.).

Сирийская керамика, ввозившаяся на Русь в XII – первой трети XIII в., была представлена полуфаянсами[1] с люстровой росписью (Киев, Новгород,

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 01-01-00018а)

[1] Применяемая здесь терминология и классификация восточной керамики обоснована в одной из наших публикаций (*Коваль*, 1997д) *Фаянсами* мы называем средневековую керамику из силикатных формовочных масс (так называемого "кашина"), покрытую непрозрачной, как правило, щелочной поливой. Следует отметить, что в современном керамическом

Переяславль-Рязанский), монохромными полуфаянсами с гравированным орнаментом (Новгород) и полихромными полуфаянсами типов "лакаби" (Новгород, Новогрудок, Старая Рязань). В Новгороде известна и **египетская люстровая керамика** XII в. (*Коваль*, 1995. С. 173–175; 1997а. С. 139, 140), а в Старой Руссе, Суздале, Муроме, Твери, Владимире и Киеве встречены обломки других разновидностей керамики, относящейся к кругу изделий Ближнего и Среднего Востока (*Коваль*, 1997г. С. 279, 280).

Совершенно новым явлением в керамическом импорте Руси конца XII и первой трети XIII в. стало появление иранских люстровых фаянсов в городах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси (Новгороде, Новогрудке, Волковыске, Смоленске, Твери, Ярославле, Владимире, Суздале, Старой Рязани, Переяславле Рязанском). Кроме того, в Суздале, Владимире и Старой Рязани найдены обломки иных типов иранской художественной керамики (типа "минаи", монохромных белых и бирюзовых фаянсов, белых полуфаянсов с ажурным узором и др.). В Южной Руси иранская керамика известна в виде единичных обломков глазурованной посуды XII в., однако люстровые фаянсы сюда из Ирана не поступали. Такая очевидная диспропорция в размещении импортов может объясняться только тем, что иранская керамика проникала на Русь не с юга, через Черноморье и Киев, а с востока – по Волжскому пути. Лишь в этом случае она могла попадать вначале в Северо-Восточную Русь, а затем расходиться из нее (или через нее) в другие русские земли. Не исключено, что она доходила и до Киева, и в будущем ее образцы будут там найдены, однако уже сейчас ясно, что основная масса иранского импорта оседала на Северо-Востоке Руси. Единственным исключением являются далекие от Поволжья белорусские города Новогрудок и Волковыск, куда иранская люстровая посуда, попала, возможно, в результате одноразового завоза по каналам торговых связей с Северо-Восточной Русью.

Несмотря на то, что импорт иранской керамики на Русь через Поволжье очевиден, в литературе сложилась устойчивая тенденция объяснять появление такой керамики ее ввозом по Днепровскому пути, на всем протяжении которого известна лишь одна находка иранского люстрового фаянса в Смоленске. Такой точки зрения придерживаются В.П. Даркевич, Ф.Д. Гуревич (*Даркевич, Стародуб*, 1983. С. 194; *Гуревич*, 1984. С. 32; 1991. С. 81) и авторы недавно вышедшей монографии, посвященной торговым и культурным связям Киева и Волжской Булгарии (*Моця, Халиков*, 1997. С. 65). Интересна логика аргументации этого положения в последней работе, где импорт иранской керамики на Русь *через Среднее Поднепровье* обосновывается присутствием люстровой керамики в Великом Новгороде (а вовсе не в Поднепровье!) и находкой в Киеве "поливной миски" (без ссылки на публикацию). Если имеется в виду знаменитый и много раз публиковавшийся обломок византийской миски XI в. с полихромной росписью, то неясна логическая связь этой находки с иранским люстром; если же имелся в виду иной образец, то остается неясным – какой именно[2].

Критика гипотезы о днепровском пути импорта на Русь иранской керамики была предпринята нами в целом ряде работ (*Коваль*, 1993. С. 9, 10; 1994а. С. 29; 1994б. С. 12–14), где отмечалось, что эта гипотеза изначально базировалась на двух неверных посылках – замеченной совстречаемости в русских городах обломков византийской и сиро-египетской стеклянной посуды с иранскими керамическими изделиями и выводе о широком импорте иранской люстровой керамики в Крым (*Даркевич*, 1976. С. 164). Совстречаемость каких-либо изделий в культурном слое одного города вообще не может служить доказательством их совместного импорта, поскольку в крупных торговых центрах, какими были средневековые города Руси, концентрировались товары, привезенные из самых разных стран, попадавшие к тому же, как правило, в руки одних и тех же людей (князей, бояр, крупных купцов) и сохранившиеся в остатках одних и тех же построек. Делать вывод об их привозе на Русь по одному общему торговому пути методически неверно. Такое допущение позволило бы сделать и иной (также неверный) вывод о том, что византийское стекло ввозилось на Русь через Иран и Волжскую Булгарию. Для того, чтобы выяснить, откуда в действительности осуществлялся такой импорт, необходимо установить, в какие из соседних стран, тесно связанных с Русью, поступали точно такие же по месту и времени изготовления изделия. Лишь после этого можно позволить появиться гипотезе о том или ином направлении импорта.

Если обратиться к распространению иранской керамики вообще и люстровых фаянсов в частности на территории Восточной Европы, то окажется, что такая керамика практически не известна в Северном Причерноморье, на Балканах и в Византии. В Крыму иранская керамика домонгольской эпохи встречается исключительно редко. Мнение о распространенности там люстровых фаянсов (*Даркевич*, 1976. С. 164; *Даркевич, Стародуб*, 1983. С. 194) – недоразумение. Оно основывается на единственной (!) находке обломка блюда в Херсонесе, которое, вопреки утверждению

производстве фаянсами называют поликомпонентную керамику, в состав формовочной массы которой входят глина и каолин. Таким образом, современные фаянсы по своему составу существенно отличаются от средневековых. *Полуфаянсами* принято называть керамику из силикатных масс (кашина), покрытую прозрачной глазурью. *Полумайоликой* называется керамика, изготовленная из обычной глины, независимо от ее цвета, покрытая прозрачной, как правило, свинцовой глазурью, поверхность которой до глазурования часто покрывалась слоем белого ангоба. Применяемая нами терминология имеет условный характер и не претендует на то, чтобы считаться единственно верной.

[2] Имеется, кроме того, гипотеза Т.И. Макаровой о ввозе иранских люстров в Новогрудок из Западной Европы (*Макарова*, 1967. С. 33), которая являлась попыткой объяснить наличие такой керамики на Северо-Западе Руси при ее полном отсутствии в Киеве и Южной Руси. Эта гипотеза также не может объяснить многочисленные находки люстров в Северо-Восточной Руси и Поволжье. Впоследствии она не развивалась и сегодня может быть полностью отвергнута. В Западной Европе иранские люстры, кстати, также не известны.

А.Л. Якобсона (*Якобсон*, 1950. С. 226), было покрыто вовсе не люстровой росписью, а росписью полихромными эмалями (Банк, 1938. С. 183), т.е. принадлежало к типу "минаи"[3]. К настоящему времени в Крыму найдены новые образцы керамики, которые могли относиться к иранскому производству домонгольской эпохи, однако до сих пор не опубликовано ни одного обломка иранского люстрового фаянса, найденного в Крыму. Поэтому гипотеза о ввозе люстров по маршруту Иран – Трапезунд – Херсон (или Судак) – Киев (*Даркевич, Стародуб*, 1983. С. 194) не подкреплена фактическими данными: из всей этой цепочки люстровые фаянсы известны только в самом Иране.

В отличие от Причерноморья и Среднего Поднепровья, Волжская Булгария, имевшая постоянные связи с Ираном и Средним Востоком в целом, являлась тем местом, куда иранские люстры поступали постоянно и в достаточно больших объемах. Они найдены не только в столичном Биляре (*Валиуллина*, 1991. С. 90), но и в других булгарских городах на Волжском пути, например, в Муромском городке (*Васильев, Матвеева*, 1986. С. 203). Кроме того, сюда ввозились и другие типы иранской поливной посуды, а также керамика из Закавказья и Средней Азии. Несомненно, Волжская Булгария являлась главным передаточным звеном в импорте на Русь иранской художественной посуды.

Импорт иранской керамики на Русь можно связывать с русско-иранской торговлей, непрерывно существовавшей, начиная с VIII–IX вв. В "безмонетный" период, наступивший в XII в., иранский импорт стал фиксироваться только по немногочисленным образцам торевтики (бронзовым блюдам, кувшинам, курильницам), известным во многих русских городах. В XI–XII вв. в иранском керамическом ремесле отсутствовало производство изделий, сравнимых по художественному уровню с люстровыми фаянсами. С появлением такого производства в последней трети XII в. люстровая керамика, вероятно, стала предметом экспорта, сравнимым по стоимости с произведениями торевтов и нашедшим сбыт как в Волжской Булгарии, так и на Руси. Таким образом, "внезапность" появления на Руси сравнительно большого объема иранских керамических изделий объясняется, вероятно, именно этим появлением нового иранского товара – люстровых фаянсов, быстро завоевавших популярность на Востоке и нашедших потребителей в далекой Руси.

К **ближневосточно-среднеазиатскому** импорту домонгольской эпохи следует относить также редкие обломки "сфероконусов" – толстостенных тарных сосудов особо высококачественного обжига, предназначавшихся для перевозки ртути и различных высокоценных препаратов (лекарственных, парфюмерных и т.п.). Производились такие сосуды в Закавказье, Средней Азии и других странах Ближнего и Среднего Востока. Единичные обломки сфероконусов домонгольской эпохи обнаружены в Новгороде, Белоозере, Твери, Владимире, Киеве, Чернигове, а также на селище Благовещение в Тверской области[4]. На Русь попадали, вероятно, только те сфероконусы, в которых перевозили лекарства и благовония, поскольку для функционирования производств, использовавших ртуть (главный объект транспортировки в сфероконусах), потребовались бы десятки и сотни таких сосудов (в Биляре, например, их найдено более 1000).

Керамика Волжской Булгарии проникала по торговым путям в основном в города Северо-Восточной Руси (*Полубояринова*, 1993. С. 107).

На протяжении XIII в. в восточном керамическом импорте на Русь произошли существенные изменения. Прежде всего, практически полностью прекратился импорт византийского вина в амфорах. Археологически это событие фиксируется во всех русских городах, подвергавшихся систематическим раскопкам. Находки незначительного числа обломков амфорной тары в слоях второй половины XIII–XIV в. в Новгороде и других городах Руси следует объяснять их перемещением из нижележащих слоев в результате перекопов. Количество таких переотложенных обломков невелико. На усадьбе "А" Троицкого раскопа в Новгороде из 170 фрагментов амфор, откладывавшихся в культурном слое с конца X по XIII в., на долю находок из слоев второй половины XIII в. приходится 10 обломков, т.е. около 5% амфорного материала усадьбы. Кривые распределения находок амфорных обломков как на этой усадьбе, так и в Новгороде в целом (*Хорошев*, 1994. Рис. 4, *7, 9*) не оставляют сомнений в том, что с середины XIII в. амфоры в Новгород более не ввозились, а выпадение их обломков в культурный слой второй половины XIII в. происходило из-за перекопов более древних слоев, где эти обломки встречались в изобилии. Точно такую же картину дает распределение амфорных обломков на Неревском раскопе (*Волков*, 1996. Рис. 3), где выше 15 яруса (1224–1268 гг.) такие обломки встречены лишь в слоях второй половины XIII в., причем их количество (чуть более десятка) составляет те же 5% от общего числа подобных находок. Вероятно, 5% – это типичный для культурного слоя Новгорода уровень "взвеси", образуемой ранними артефактами в более поздних слоях из-за перекопов.

В Смоленске, по опубликованным материалам раскопов VIII и IX на ул. Соболева, амфоры исчезают в конце XII в., а в XIII в. они вообще отсутствуют в культурном слое (*Асташова*, 1980. С. 121; 1991. С. 45. Рис. 15). И хотя такое распределение материала может быть связано с особенностями развития данного участка городской территории, оно все же весьма показательно. По данным других раскопов амфорная керамика в Смоленске исчезает в период после 1220-х годов (*Каменецкая*, 1977. С. 24). Примерно такая

[3] Интересно, что А.Л. Якобсон, писавший о находках (во множественном числе!) люстровой керамики в Херсонесе, ссылается на публикацию А.В. Банк, где достаточно подробно описывается все тот же единственный обломок керамики "минаи", найденный еще в 1904 г. (*Косцюшко-Валюжинич*, 1906. С. 55. Рис. 27).

[4] Пользуюсь случаем выразить свою благодарность О.М. Олейникову, сообщившему нам об этой находке и предоставившей ее для изучения.

же картина наблюдается и в культурном слое многих других древнерусских городов.

Таким образом, материалы из стратифицированного и хорошо датированного культурного слоя не оставляют сомнений в том, что массовый ввоз амфорной тары на Русь закончился к середине XIII в. Объяснений такому археологически зафиксированному факту может быть несколько. Во-первых, после завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г., вероятно, прекратился импорт амфор типа "Триллия", поступавших в Причерноморье через Босфор (*Волков*, 1996. С. 95), а в середине XIII в. на Русь перестали поступать амфоры типа "Трапезунд" и все прочие типы амфор. Последнее событие обычно объясняют Батыевым нашествием, нарушившим сложившуюся в Восточной Европе систему политических и торговых связей. В то же время, незначительное количество амфор с вином еще ввозилось на Русь на протяжении второй половины XIII в. Единичные находки обломков таких амфор встречены в Переяславле-Рязанском, Старой Рязани и на селище Березовка 5 в Верхнем Подонье (все три пункта располагаются на территории Рязанской земли)[5]. В других русских городах амфоры для этого времени пока не известны. На сегодняшний день ни в одном из средневековых русских городов амфоры византийского культурного круга (целые экземпляры или развалы сосудов) еще ни разу не были найдены в комплексах, надежно датированных позже начала XIV в. При этом отдельные обломки амфор встречаются как в слоях, так и в закрытых комплексах золотоордынской эпохи, в которые они попадали с более ранним материалом из культурного слоя.

Византийская поливная посуда и керамика, изготовленная в традициях провинциально-византийской культуры в странах Причерноморья, продолжала проникать на Русь в раннезолотоордынскую эпоху (во второй половине XIII – начале XIV в.). Она известна в Новгороде, Твери, Суздале, Москве, Коломне, Переяславле-Рязанском, Старой Рязани, Пронске, под Нижним Новгородом (селище Константиново), в Серенске, Смоленске, Киеве. Датировки таких находок до сих пор остаются зачастую спорными или неопределенными. Так, для образцов из Киева, Суздаля, Смоленска и Серенска предполагалась их датировка домонгольской эпохой (*Каргер*, 1958. С. 347, 348; *Каменецкая*, 1977. С. 21; *Седова, Беленькая*, 1981. С. 103), хотя контексты этих находок не всегда давали для подобных датировок достаточно оснований, а многие находки до сих пор должным образом не опубликованы и не описаны.

Одним из типов керамики византийско-причерноморского происхождения, импортировавшейся на Русь в XIII в., была красноглиняная полумайолика с орнаментом "сграффито" и полихромной (желто-коричневой и зеленой) подкраской рисунка под бесцветной прозрачной свинцовой глазурью. Керамика этого типа появилась в Закавказье и Иране в конце XII в., а в XIII в. получила распространение в Восточном Средиземноморье и Италии. В Крыму такая керамика, как полагают, начала изготавливаться с середины XIII в. (*Баранов*, 1985. С. 60; *Якобсон*, 1979. С. 133) под влиянием византийского, ближневосточного и закавказского керамического искусства, а в XIV в. она производилась уже во многих центрах Крыма (Херсон, Сугдея, Кафа, Солхат) и Северного Причерноморья (Монкастро-Аккерман, Азак).

Этот тип керамики получил точную датировку на материалах Новгорода, где 2 обломка от одного кувшина были обнаружены в слоях, датированных по данным дендрохронологии последней четвертью XIII в. (*Коваль*, 1997б. С. 155; 1998. С. 163. Рис. 2, *1, 2*). Даже если отложение этих обломков в культурный слой произошло значительно позже привоза кувшина в Новгород, сам этот привоз вряд ли мог произойти ранее середины XIII в.

Двенадцать обломков керамики этого типа было обнаружено при раскопках Серенска. Они принадлежали не менее чем 6 различным сосудам: блюду (рис. 2, *4*) и пяти кувшинам (рис. 1, *5, 7–9*; 2, *2, 3*), причем 5 обломков кувшинов (рис. 1, *7–9*; 2, *2, 3*) несли на себе следы пребывания в огне пожара: их глазурное покрытие потемнело и вспузырилось, керамическая основа почернела, а в ряде случаев ошлаковалась до пемзообразного состояния. О том, как эти кувшины выглядели до того, как они попали в пожар, дает представление один сохранившийся без пережога обломок стенки (рис. 1, *5*), публиковавшийся ранее в цветном изображении (*Никольская*, 1981. Рис. 88, *37*). Кувшин, которому принадлежал этот обломок, был изготовлен из жирной светло-красной глины без каких-либо примесей (в том числе, без визуально фиксируемых включений песка). На внутренней поверхности обломка сохранилось волнообразное рифление, образующееся при вытягивании сосуда из куска глины на гончарном круге быстрого вращения. Внешняя поверхность кувшина была покрыта слоем белого ангоба, по которому процарапывался рисунок "сграффито", и облицована бесцветной (чуть зеленоватой) свинцовой глазурью с очень мелким цеком (сеткой трещин на глазури). Желто-коричневая и зеленая подцветки согласованы с рисунком "сграффито". Точно так же было декорировано блюдо (рис. 2, *4*), внешняя поверхность которого была лишена ангобно-глазурного покрытия. Близкие аналогии блюду и кувшинам из Серенска известны в материалах средневекового Херсонеса (*Bock*, 1897. № 19; *Якобсон*, 1950. Табл. XV, *57*; 1979. Рис. 84, *2*, 86, *1*) и других городов Крыма[6].

В Серенске большинство находок керамики этого типа происходит из контактной зоны домонгольского слоя с верхним (переотложенным) слоем, датированным автором раскопок XIV–XVI вв. (*Никольская*, 1981. С. 140). Из верхней части "домонгольского" слоя или его контактной зоны с верхним слоем происходили два

[5] Благодарю А.В. Чернецова (ИА РАН), В.В. Судакова (НПЦОП г. Рязани) и М.И. Гоняного (ГИМ) за предоставленную возможность ознакомиться с материалом из их раскопок.

[6] Однако место производства такой керамики пока твердо не установлено. Это мог быть как Херсонес, так и какие-либо иные центры в Причерноморье, Византии или Восточном Средиземноморье.

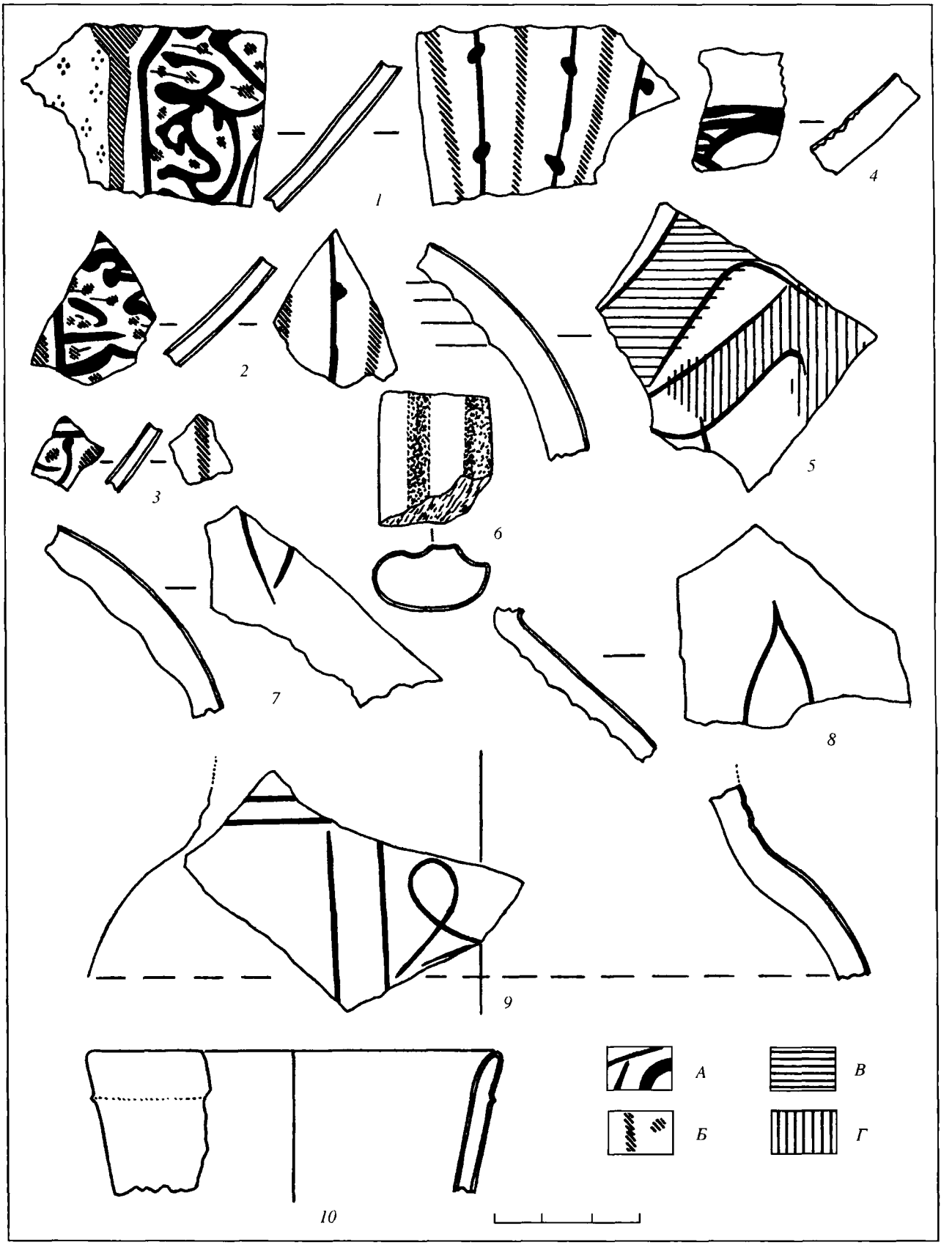


Рис. 1. Полуфаянсы иранского происхождения (*1–3*) и византийско-причерноморская полумайолика (*4–10*) из Серенска (*1–4* – обломки чаш; *5–10* – обломки кувшинов)

А – черная (*1, 2*) и зеленая (*3*) роспись красками, орнамент "сграффито" (*4, 5, 7–9*); Б – синяя краска (кобальт); В – зеленая краска; Г – желтая краска

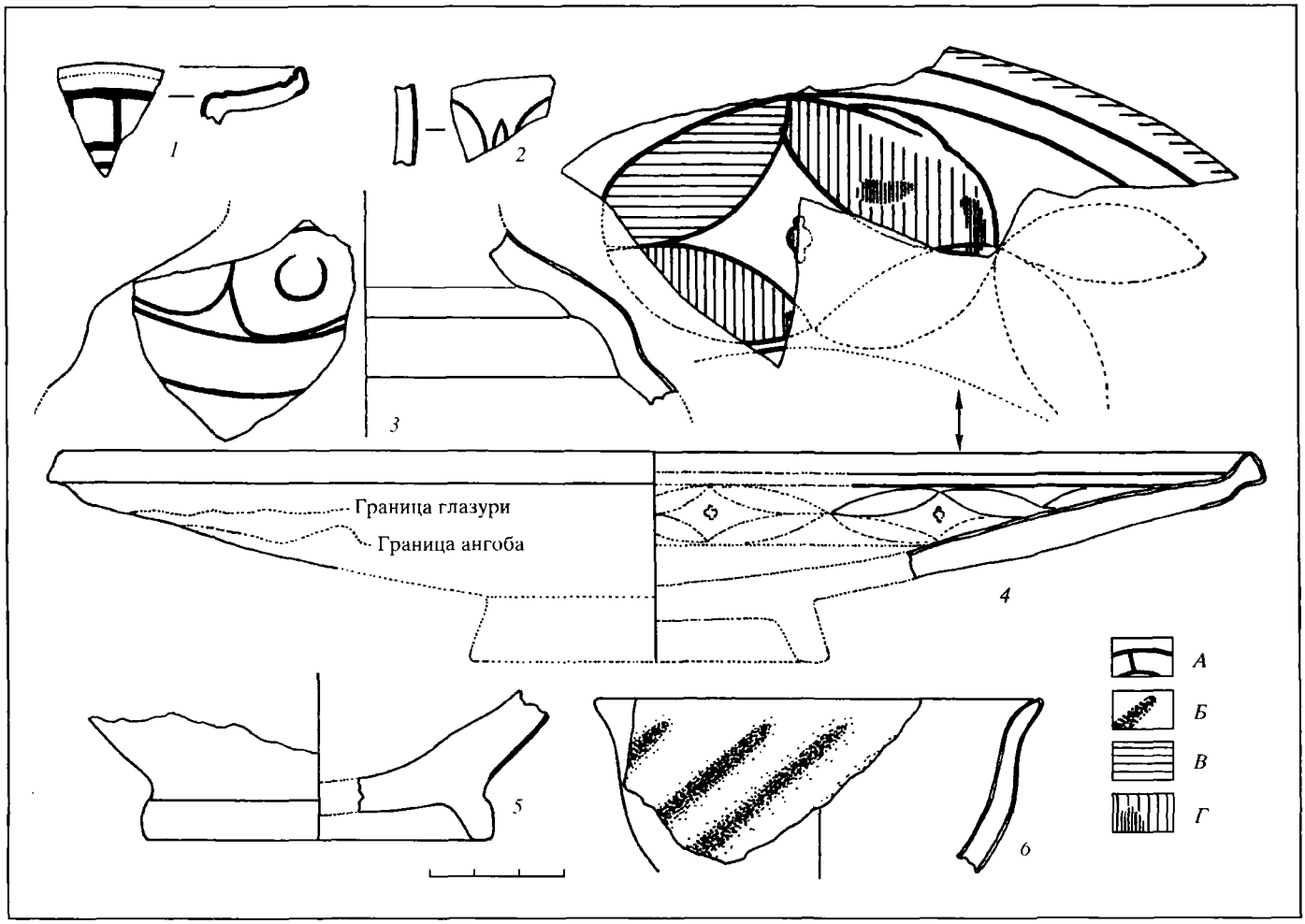


Рис. 2. Византийско-причерноморская полумайолика из Серенска (*1, 4* – обломки блюд и тарелок; *2, 3* – обломки кувшинов; *5, 6* – обломки чаш)

А – орнамент "сграффито"; *Б* – каннелюры; *В* – зеленая краска; *Г* – желто-коричневая краска

из четырех обломков (все они склеиваются вместе) упоминавшегося блюда (рис. 2, *4*), тогда как два других обломка найдены в заполнении ям, относившихся уже к верхнему слою городища. Обломки одного обгоревшего в пожаре кувшина (рис. 2, *3*) также были найдены в контактной зоне верхнего слоя с отложениями домонгольской эпохи. Отметим, что к 12 упомянутым выше обломкам примыкают еще два сильно оплавленных в пожаре обломка полумайоликовых чаш, встреченных в верхнем слое городища. Один из них – фрагмент дна на кольцевом поддоне (рис. 2, *5*), тип керамики уже не может быть достоверно установлен, однако принадлежность ее к византийско-причерноморскому кругу не вызывает сомнения. Второй обломок являлся краем чаши, стенки которой были украшены широкими наклонными каннелюрами (рис. 2, *6*). Аналогичная керамика известна в Крыму в контекстах с приблизительной датой в пределах XIV в. (*Сазанов, Иващенко*, 1994. С. 180).

Ошлакованность значительного числа обломков поливной керамики в Серенске, вероятно, свидетельствует об их происхождении из слоя пожара, обнаруженного на всей площади детинца и связывавшегося с разорением города монголами в середине XIII в. (*Никольская*, 1981. С. 140). Однако отчетные материалы свидетельствуют о том, что между домонгольским и верхним слоями городища фиксировались 2 прослойки пожаров (*Никольская*, 1967, профили раскопов). Даты этих пожаров пока не могут быть точно установлены, поскольку Серенск разорялся многократно. Поэтому вполне допустимой представляется гипотеза о том, что один из этих пожаров (более поздний) мог произойти во второй половине XIII в. или даже в начале XIV в. В этом случае датировки наиболее ранних образцов рассматриваемого типа керамики (вторая половина XIII в.) и условия их стратиграфического залегания (в верхней части "домонгольского" (читай: допожарного) слоя либо в контактной зоне с верхним слоем) не входят в противоречие друг с другом.

Нового рассмотрения требуют и находки полумайолики "сграффито" с полихромной (желто-зеленой) подцветкой, обнаруженные в 1949 г. в Киеве при раскопках у здания Государственного исторического музея. Это был обломок стенки кувшина и два обломка от одной чаши (рис. 3, *1, 2*; XIV, *4*), найденные на полу полуземлянки, датированной автором раскопок XI–XII вв. на том основании, что в ней отсутствовали следы пожарища 1240 г., а набор находок отличался

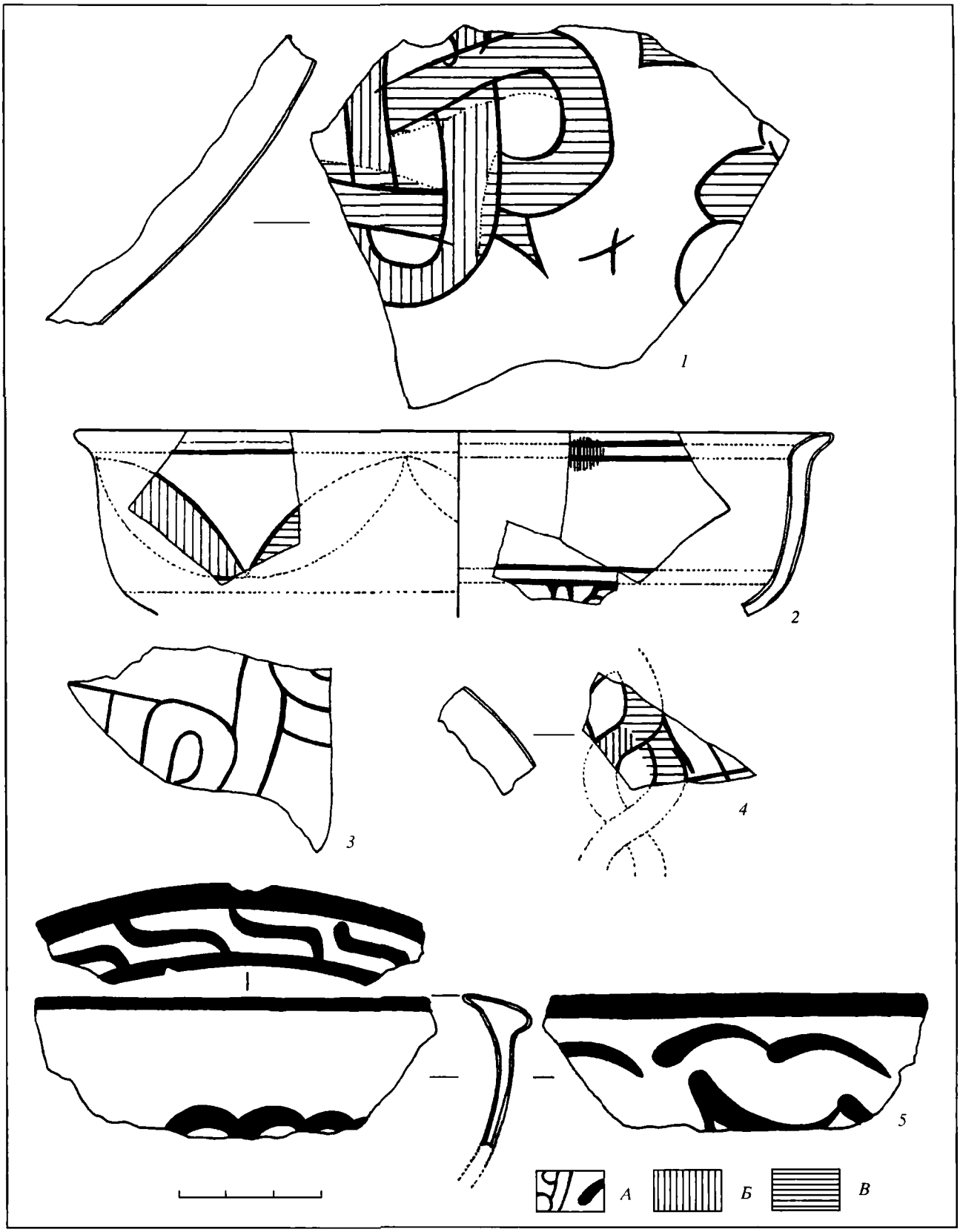


Рис. 3. Византийско-причерноморская полумайолика (*1–4*) и иранские полуфаянсы (*5*) из Киева (*1, 2, 5*), Пронска (*3*) и Старой Рязани (*4*)

А – орнамент "сграффито" (*1–4*) и роспись черной краской (*5*); Б – желто-коричневая краска; В – зеленая краска

скудостью, по сравнению с другими раскопанными жилищами (*Каргер*, 1958. С. 347, 348). Однако такая датировка представляется неверной[7]. Среди находок в заполнении этой полуземлянки числятся несколько обломков стеклянных браслетов, шиферное пряслице, обломки брусковых кирпичей с бороздчатой поверхностью и плинфы. Обломки плинфы попали в заполнение полуземлянки, скорее всего, после разрушения каких-либо построек домонгольской эпохи (например, Десятинной церкви, уничтоженной в 1240 г.), а брусковые кирпичи могли оказаться здесь не ранее второй половины XIII в., поскольку в домонгольскую эпоху они в Киеве еще почти не применялись (*Раппопорт*, 1994. С. 37). Учитывая весь состав находок из полуземлянки, наиболее вероятной датой засыпки ее котлована культурным слоем следовало бы считать вторую полвину XIII – начало XIV в. Таким образом, глазурованная керамика, найденная на полу этой полуземлянки, не может быть датирована ранее второй половины XIII в. Приведенные М.К. Каргером аналогии найденным образцам (*Каргер*, 1958. С. 347) среди поливной посуды из раскопок Херсонеса (Косцюшко-Валюжинич, 1905. Рис. 29) вполне корректны, однако эти аналогии не имеют точных дат.

В Киеве известны и другие образцы керамики этого же типа, опубликованные без указания дат контекстов находок (*Івакін, Козубовський*, 1993. Рис. 4, *3*; *Стрельник*, 1996. С. 181, № 18). Образцы полумайолики с полихромной подцветкой, найденные в других городах Руси: Старой Рязани (*Монгайт*, 1955. Рис. 123) (рис. 3, *4*), Пронске (рис. 3, *3*; XV, *1*), Твери, к сожалению, не имеют узких стратиграфических датировок. Исключение составляет обломок чаши из Переяславля-Рязанского, найденный в слое второй половины XIII в. (*Коваль, Судаков*, 1995. С. 129, 135).

Другим типом импортировавшейся во второй половине XIII в. керамики византийского круга была полумайолика с орнаментом "сграффито" под монохромной желтой глазурью. Образцы такой керамики встречены в Новгороде, Твери, Москве, Переяславле-Рязанском, Серенске. В Новгороде найден обломок края чаши, обнаруженный в том же самом слое, что и обломки полумайолики с полихромной подцветкой (см. выше), т.е. датировался он очень узко – последней четвертью XIII в. (*Коваль*, 1997б. С. 155; 1998. С. 164. Рис. 2, *3*). В Твери обломок блюда этого типа также был найден в слое конца XIII в. (*Коваль*, 1997в. С. 195. Рис. 2, *2*). В Переяславле-Рязанском встречены 13 обломков от различных чаш этого типа, причем значительная их часть была найдена в ямах и слоях второй половины XIII – первой половины XIV в. (*Коваль, Судаков*, 1995. С. 128, 129, 135. Рис. 2, *5–8*; XV, *2*). В Серенске найден один обломок чаши, отличавшийся от перечисленных выше образцов сложным гравированным рисунком (рис. 1, *4*), что может являться признаком его несколько более поздней датировки. Условия находки (в верхнем слое городища) не позволяют уточнить ее дату.

Отличительными особенностями раннего (второй половины XIII в.) варианта керамики данного типа являются: поддоны, вырезанные из глиняного цилиндра в виде сегментовидной выемки, и упрощенная декорировка – концентрические круги на днищах чаш и параллельные горизонтальные линии, проведенные по внутренней стороне края (*Коваль, Судаков*, 1995. Рис. 2, *5*). Указанные особенности идентичны признакам византийской "Zeuxippus ware" (класс IB по А. Мегоу), датируемой около 1200 г. и происходящей, как полагают, из эгейского региона (*Megow*. P. 67–71. Fig. 1, *1*; 2, 5449. Pl. 14, g, h; 15, e; *Pringle*, 1984. P. 104. Fig. 8, 57). Керамика этого типа продолжала изготавливаться на протяжении всего XIII в., причем на Ближнем Востке и в Причерноморье ей известны многочисленные подражения, датируемые вплоть до XIV в. (*Boas*, 1994. P. 107; *Pringle*, 1984. P. 104; *Романчук, Перевозчиков*, 1990. Рис. 1, 2).

Возможно, ко второй половине XIII в. относятся и другие образцы полумайолики, обнаруженные в ряде древнерусских городов. В частности, в Серенске вместе с обломками сосудов описанных выше типов встречены фрагменты красноглиняных кувшинов без следов дополнительного декора, покрытые светло-зеленой глазурью по ангобной подгрунтовке (рис. 1, *6, 10*), и чаш с темно-зеленой глазурью (4 обломка от 2 чаш), а также край тарелки с орнаментом "сграффито" и подглазурной подцветкой зеленой краской (рис. 2, *1*).

Во второй половине XIII в. на Русь продолжала поступать **керамика Сирии и Ирана** (найдена в Новгороде, Твери, Владимире, Ярославле, Ростиславле-Рязанском, Серенске, Киеве). Прежде всего, это иранские люстровые фаянсы "ильханской" эпохи, отличавшиеся от сосудов домонгольской эпохи (имевших плотную опаковую поливу) своей полупрозрачной глазурью (довольно слабо заглушенной оловом) и применением подглазурной росписи полосами синей (ультрамариновой) или бирюзовой краски, которая под полупрозрачной поливой приобретала тусклый оттенок. Такие цветные полосы обычно наносились на края чаш и блюд, ими же оформлялись линии, радиально расходившиеся из центра дна чаши и делившие ее поле на сектора, заполненные люстровым рисунком. Наиболее яркий образец керамики этого типа найден в Ростиславле Рязанском (*Коваль*, 1998. Рис. 1) (рис. XV, *3, 4*). Кроме того, ильханский люстр встречен при раскопках в Новгороде, Твери и Владимире.

Из Сирии второй половины XIII – первой половины XIV в. происходили, вероятно, полуфаянсовые чаши и кувшины, покрытые бесцветной, ультрамариновой (темно-синей) или бирюзовой прозрачной глазурью, с надглазурной росписью люстром (*Lane*, 1957. P. 16; *Porter*, 1981. P. 47; *Cager-Smith*, 1985. P. 52, 55; *Riis, Vagn Poulsen*, 1957. P. 148). Обломки таких сосудов найдены в Новгороде, Пскове, Твери (рис. XVI, *1, 2*), Торжке, Ростове, Москве, Мстиславле.

Отдельную группу составляют полуфаянсы с подглазурной бихромной (черной и синей) росписью,

[7] Отсутствие следов пожарища вообще не может быть основанием для датировки. Небольшое число находок – также косвенный и весьма зыбкий признак. Точный ответ на вопрос о дате постройки мог бы дать комплекс массовой керамики, однако он не сохранился и не был в свое время опубликован.

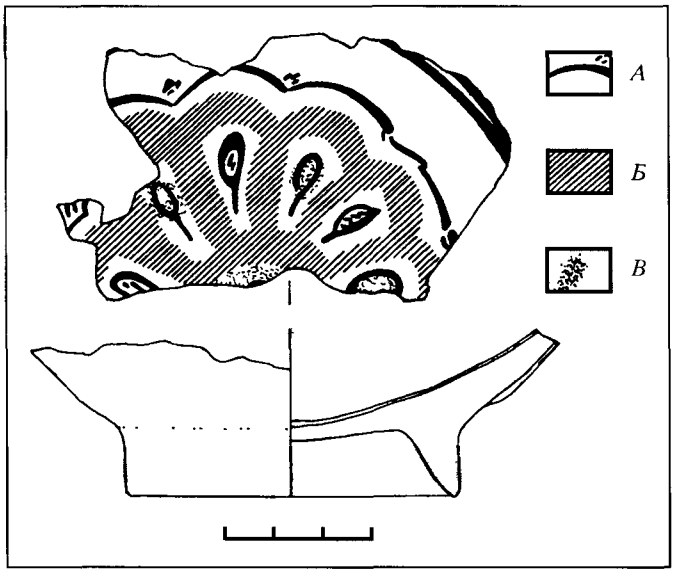


Рис. 4. Обломок полуфаянсовой чаши из Ярославля

А – роспись черной краской; *Б* – темно-синяя краска (кобальт); *В* – пятна бирюзовой краски

имеющие аналогии XIII–XIV вв. как в Иране, так и в Сирии (точная атрибуция обломочного материала не всегда возможна). Обломки чаш с радиальной компоновкой орнамента и арабскими надписями найдены в Твери (*Коваль*, 1997в. С. 192. Рис. 1, *9*) и Серенске, где обнаружены 2 обломка от одной полуфаянсовой чаши (рис. 1, *1, 2*). Декор этой чаши, включавший эпиграфический орнамент и белые поля, заполненные черными точками, расположенными в виде ромбов, находит аналогии в керамике Сирии и Ирана XIII–XIV вв. Фрагмент аналогичной чаши был найден в Волжской Булгарии (городище Джуке-Тау) в слое второй половины XIII в. (*Хлебникова*, 1975. С. 237. Рис. 3, *4*). Из Серенска же происходит один мелкий обломок полуфаянсовой чаши с зеленой и синей росписью (рис. 1, *3*), который мог относиться к XIII–XIV вв.

В Ярославле найден один крупный обломок дна чаши с трехцветной (черной, синей и бирюзовой) росписью (рис. 4), происходивший из слоя XIII в., залегавшего под постройками усадьбы первой четверти XIV в. (*Праздников*, 1997. С. 168). Мотив росписи этой чаши встречается в золотоордынском Поволжье XIV в., однако он известен и в керамике Хорезма (*Вактурская*, 1959. Рис. 32, *2*). Профилировка поддона и твердая кашинная масса, не характерные для золотоордынских полуфаянсов, а также стратиграфическая датировка позволяют видеть в этой чаше редкий образец среднеазиатского или иранского импорта конца XIII – начала XIV вв.

Наконец, из Киева происходит обломок края чаши из белого мелкопористого кашина, покрытой голубой глазурью, со своеобразным рельсовидно-утолщенным краем (рис. 3, *5*; XVI, *3, 4*), который имеет аналогии только среди иранской керамики конца XIII–XIV вв. (Oriental Islamic Art, 1963, 20, 22; *Pope, Ackerman*, 1965. Fig. 777A; *Grube*, 1976. № 209; *Soustiel*, 1985. P. 194. Fig. 9). Место и условия находки не известны (возможно, она происходит из раскопок М.К. Каргера у Десятинной церкви).

Особую разновидность ближневосточной керамики, ввозившейся на Русь во второй половине XIII в., составляли кашинные бусы, найденные в Новгороде, Орешке, Торопце, Белоозере, Суздале, Киеве и других городах Руси в комплексах XIII–XIV вв. Почти 400 бусин были найдены в курганах на Ижорском плато в погребениях того же периода. Такие бусы ввозились на Русь и в XI–XII вв., однако в меньшем количестве и отличались по форме от более поздних. Массовое появление их во второй половине XIII в. связывается исследователями с торговлей золотоордынских чиновников на территории Руси (*Лесман*, 1994. С. 191, 192).

В целом, полуфаянсы ближневосточного и ираносреднеазиатского происхождения попадали на Русь в XIII в. в заметно меньшем количестве, нежели византийско-причерноморская полумайолика. При этом пока такие полуфаянсы известны только в Северо-Восточной Руси, Рязанской земле, Серенске и Киеве. Большинство находок византийско-причерноморской керамики также происходят не из Южной, а из Северо-Восточной Руси и Рязанской земли, причем объем импорта "южной" керамики не только не сократился после 1237 г., а даже вырос примерно втрое по сравнению с домонгольской эпохой. Такой рост, происходивший параллельно с прекращением импорта византийских товаров в амфорах, может быть объяснен только тем, что поливная посуда ввозилась в это время не столько русскими людьми, сколько ордынцами. В этом случае наиболее вероятным представляется ввоз парадной поливной посуды баскаками и другими представителями степной аристократии, подолгу проживавшими на территории Руси и привыкшими пользоваться такой посудой в своих кочевых ставках и в городах Причерноморья, диктовавших степи моду на парадную посуду. Доказательством использования привозной поливной посуды в быту кочевой аристократии второй трети XIII в. являются находки византийской бутыли и сирийского альбарелло в погребении одного из представителей такой аристократии в Чингульском кургане (*Отрощенко, Рассамакін*, 1986. С. 19, 32, мал. 5). Поливная посуда покупалась степняками в торговых центрах Северного или Западного Причерноморья либо захватывалась как трофей во время нападений на причерноморские города, хранилась в составе их имущества и выбрасывалась там, где оказывалась разбитой. Если это случалось на территории Руси, то здесь она и оставалась в культурном слое.

Особняком стоят находки причерноморских полумайоликовых сосудов в Серенске, значительная часть которых оказалась пережжена в пожаре. Скорее всего, все эти сосуды принадлежали проживавшим в городе ордынцам и членам их семей, включая женщин, присутствие которых в городе фиксируется находкой бронзового кочевнического зеркала (*Никольская*, 1984. Рис. 5). О том, что в Серенске побывали и ордынские тяжеловооруженные воины, свидетельствуют находки сабли, железных пластин от панцирей с

заклепками и железной лицевой маски (*Никольская*, 1981. С. 254, 259, 262). Нельзя исключать того варианта, что все эти предметы вооружения попали в культурный слой не во время штурма Серенска монголами, а в период их мирного проживания в покоренном городе или же в момент ликвидации системы баскачества в конце XIII или начале XIV в., если этот процесс сопровождался здесь военными конфликтами.

Все перечисленные изменения в импорте восточной керамики свидетельствуют о том, что в этой сфере внешних связей Руси произошли резкие и глубокие изменения, сущность которых состояла в следующем: торговые связи русских земель с Византией, Причерноморьем и миром Востока в середине XIII в., вероятно, прервались на какое-то не слишком продолжительное время. Однако русско-восточные связи не оборвались. Они лишь получили новое направление, в котором Византия отошла на задний план, а вперед выдвинулся мир Востока. При этом русско-восточные связи стали осуществляться не напрямую, как раньше, а в основном через Орду. Элементы восточной культуры стали привноситься на Русь вместе со знатными ордынцами, приезжавшими в качестве послов и администраторов (баскаков, даньщиков, численников и т.д.). Глазурованная керамика занимала в их быту заметное место, сопровождая предметы домашней утвари, одежду, оружие, знаки власти и т.п. Через посредство ордынцев, их быта, их окружения Русь знакомилась с образцами керамического искусства Ирана, Средней Азии, Китая, Причерноморья, т.е. тех стран, которые вошли в состав империи Чингизидов либо оказались тесно связаны с ней данническими или торговыми и политическими отношениями (как, например, Египет).

Таким образом, восточный керамический импорт в XIII в. демонстрирует как сохранение континуитета (продолжение ввоза византийско-причерноморской и сирийско-иранской поливной парадной посуды), так и явные черты разрыва традиции (прекращение ввоза вина в амфорах византийско-причерноморского происхождения). За этими изменениями скрывались не только последствия экономического упадка Руси во второй половине XIII в., но и особенности ее подчинения государству Джучидов, установившего на значительной части русских земель в это время режим жесткого военно-политического контроля с использованием чиновничьей системы, формировавшейся из степной аристократии, опиравшейся на свои военные отряды. В то же время, все эти внешне заметные изменения в импорте восточной керамики не только не изменили ранее существовавшую тенденцию к расширению русско-восточных культурных связей, но и придали ей новый импульс. В исследуемом процессе культурных контактов и взаимовлияний XIII в. следует рассматривать как эпоху, когда разрыв многих традиций в русско-восточных связях не только не привел к отказу от этих связей, но, в конце концов, обусловил их возрождение и дальнейшее развитие. Оборвав одни из линий русско-восточных связей, Золотая Орда тут же предложила (а в чем-то и навязала) Руси другие, не менее значимые. И если вектор восточных связей Руси в середине XIII в. изменил свое направление с "византийского" на "собственно восточное" (Ближний и Средний Восток, Золотая Орда), то интенсивность таких связей практически не ослабела.

Все те изменения, которые произошли в XIII в. в импорте на Русь восточной керамики, послужили основой для небывалого роста ввоза поливной посуды, наблюдавшегося в XIV в. Приблизительно в середине XIV столетия в русские земли хлынул поток художественно исполненной кашинной керамики, производившейся в золотоордынских городах Поволжья. Основную массу ее составляли пиалообразные чаши, однако ввозились также и кувшины, вазы "гюльабдан", тарелки, блюда и даже декоративные архитектурные облицовочные плитки (Москва, Смоленск, Коломна). Всего за половину столетия на Русь было ввезено столько же образцов поливной восточной керамики, сколько за предшествующие четыре века. Однако теперь импортерами этой посуды являлись уже не ордынцы, присутствие которых на Руси резко сократилось (система баскачества и сбора дани самими ордынцами была к этому времени в целом ликвидирована), а русская аристократия (князья, бояре), купечество и церковь, использовавшая роскошные полихромные восточные сосуды в качестве богослужебной утвари. XIII в. подготовил сознание русской элиты к восприятию восточной роскоши в самых различных ее проявлениях (орнаментация тканей, мода на одежду и обувь, вооружение и т.д.), среди которых не последнее место занимала парадная столовая посуда. Строго говоря, эта элита была готова к восприятию восточной культуры и задолго до XIII в., однако вассальное подчинение Орде настолько укрепило такую тендецию, что к XIV в. подражание быту восточных владык стало уже свершившимся фактом менталитета элиты.

Литература

Асташова Н.И., 1980. К вопросу о южных торговых связях домонгольского Смоленска // Тр. ГИМ. М. Вып. 51.

Асташова Н.И., 1991. Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово. М.

Банк А.В., 1938. Керамика из Дманиси и Херсонеса // Памятники эпохи Руставели. Л.

Баранов И.А., 1985. Полихромная керамика Сугдеи XII–XV вв. // Материалы I симпозиума по проблеме "Поливная керамика Закавказья – истоки и пути распространения". Тбилиси.

Вактурская Н.Н., 1959. Хронологическая классификация керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М. Т. 4.

Валиуллина С.И., 1991. Поливная керамика Билярского городища // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев.

Волков И.В., 1996. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 10.

Гуревич Ф.Д., 1984. Города Черной Руси и Киевская земля в XII–XIII вв. // Древнерусский город. Киев.

Гуревич Ф Д, 1991 Про культурни зв'язки Західної Русі з Херсонесом // Археологія Київ № 2

Даркевич В П, 1976 Художественный металл Востока VIII–XIII вв М

Даркевич В П Стародуб Т Х, 1983 Иранская керамика из раскопок Старой Рязани // СА № 2

Івакін Г Ю Козубовський Г А, 1993 Дослідження південної частини Подолу в 1984–1989 рр // Стародавній Київ Археологічні дослідження 1984–1989 рр Київ

Каменецкая Е В, 1977 Керамика IX–XIII вв как источник по истории Смоленского Поднепровья Автореф дис канд ист наук М

Каргер М К, 1958 Древний Киев Т 1 М, Л

Коваль В Ю, 1993 Керамика Среднего Востока на Волжско-Балтийском пути и Хольмгард-Новгород // Прошлое Новгорода и Новгородской земли Новгород Вып 7

Коваль В Ю, 1994а Керамика Среднего Востока в Древней Руси и Болгаре // Город Болгар и его округа Болгар

Коваль В Ю, 1994б Керамика Среднего Востока в Древней Руси роль Днепровского пути и Новгорода // Прошлое Новгорода и Новгородской земли Новгород Вып 8

Коваль В Ю, 1995 Люстровая керамика Ближнего и Среднего Востока из раскопок в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля История и археология Новгород Вып 9

Коваль В Ю, 1997а Ближневосточная поливная керамика из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля История и археология Новгород Вып 11

Коваль В Ю, 1997б Восточная керамика золотоордынской эпохи в средневековом Новгороде // Новгород и Новгородская земля История и археология Новгород Вып 11

Коваль В Ю, 1997в Восточная поливная керамика в средневековой Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья Тверь Вып 2

Коваль В Ю, 1997г Керамика Востока в Древней Руси // Материалы VI Международного конгресса славянской археологии М Т 1

Коваль В Ю, 1997д Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации) Фаянсы и полуфаянсы // РА № 2

Коваль В Ю, 1998 Предметы восточного импорта из Ростиславля-Рязанского // РА № 2

Коваль В Ю, 1999 Амфоры византийского круга в древней Руси // Новгород и Новгородская земля История и археология Новгород Вып 12

Коваль В Ю Судаков В В, 1994 Средневековая восточная керамика из Переяславля Рязанского // Археологические памятники среднего Поочья Рязань Вып 4

Косцюшко-Валюжинич К К, 1905 Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г // ИАК СПб Вып 16

Косцюшко-Валюжинич К К, 1906 Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г // ИАК СПб Вып 20

Лесман Ю М, 1994 Кашинные бусы в Новгородской земле материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения Новгород

Макарова Т И, 1967 Поливная посуда Из истории керамического импорта и производства древней Руси // САИ М Вып Е1-38

Монгайт А Л, 1955 Старая Рязань // МИА М № 49

Моця А П, Халиков А Х, 1997 Булгар – Киев Пути – связи – судьбы К

Никольская Т Н, 1967 Отчет о работе Верхнеокской археологической экспедиции в 1967 г // Архив ИА РАН Р 1 № 3638

Никольская Т Н, 1981 Земля Вятичей М

Никольская Т Н, 1984 Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1984 г // Архив ИА РАН Р 1 № 11675

Отрощенко В В Рассамакін Ю Я, 1986 Половецький комплекс Чингульського кургану // Археологія Київ № 53

Полубояринова М Д, 1993 Русь и Волжская Болгария в X–XV вв М

Праздников В В, 1997 Датировка нижнего горизонта древнего Ярославля // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья Тверь Вып 2

Раппопорт П А 1994 Строительное производство Древней Руси X–XIII вв СПб

Романчук А И Перевозчиков В И, 1990 Глазурованная керамика из Азова // Античная древность и средние века Византия и сопредельный мир Свердловск

Сазанов А В Иващенко Ю Ф, 1994 Исследование средневековой Каффы в 1991–1992 гг // Боспорский сборник М Вып 4

Седова М В Беленькая Д А, 1981 Окольный город Суздаля // Древнерусские города М

Стрельник М, 1996 Керамічні вироби з колекції "Десятинна церква" у зібрці НМІУ // Церква Богородиці Десятинна в Києві Київ

Хлебникова Т А, 1975 К истории г Жукотина (Джуке-Тау) домонгольской поры // СА № 1

Хорошев А С, 1994 Топография, стратиграфия, хронология и усадебная планировка Троицкого раскопа (усадьба А) // Новгородские археологические чтения Новгород

Якобсон А Л, 1950 Средневековый Херсонес (XII–XIV вв) // МИА М, Л № 17

Якобсон А Л, 1979 Керамика и керамическое производство средневековой Таврики Л

Boas A J, 1994 The import of Western Ceramics to the Latin Kingdom of Jerusalem // Israel Exploration Journal Jerusalem Vol 44, № 1–2

Bock W de, 1897 Poteries vernissees du Caucase et de la Crimee // Memories de la Societe Nationale des Antiquaires de France Paris T 56

Cagei Smith A, 1985 Lustre Pottery technique, tradition and innovation in Islam and the Western world London

Grube E J, 1976 Islamic Pottery of the 8th to the 15th Century in the Keir Collection London

Lane A, 1957 Later Islamic Pottery London

Megow A H S, 1968 Zeuxippus Ware // The Annual of the British School of Archeology at Athens London № 63

Oriental Islamic Art Collection of the Calouste Gulbenkian Foundation Lisboa, 1963

Pope A U Ackerman P, 1965 The Ceramic Art in Islamic Times Illusrations // A Survey of Persian Art Tokyo Vol 10

Porter V, 1981 Medieval Syrian Pottery Oxford

Pringle D, 1984 Thirteenth century pottery from the monastery of St Mary of Carmel // "Levant" London Vol XVI

Riis P J Vagn Poulsen, 1957 Les verreries et poteries medievales // Hama Fouilles et recherches Copenhague Vol IV, 2

Soustiel J, 1985 La Ceramique Islamique Le guide du connaisseur Fribourg

И. Ю. Стрикалов

Древнерусская керамика XIII в. Старой Рязани и ее округи

В развитии керамического производства Древней Руси тринадцатый век занимает особое место. С одной стороны, к началу XIII столетия в масштабах всей средневековой Руси в гончарном деле наблюдается небывалый рост стандартизации форм, орнаментов, технологических приемов. Повсеместно преобладает один общерусский тип горшков, для которого характерны конусовидное тулово, украшенное в верхней части линейным зональным орнаментом, S-видный профиль верхней части сосуда и отогнутый наружу венчик с валикообразным завершением на внутренней поверхности края. Региональные различия в этот период касаются, как правило, лишь особенностей состава глиняного теста: в южных районах повсеместно начинает преобладать традиция изготовления горшков из беложгущейся глины с добавками тонких фракций. В северной зоне еще широко применяются более грубые примеси: дресва, крупный речной песок и др.

С другой стороны, именно в этот период были заложены основы дальнейшего развития форм и технологических приемов гончарства, которые породили в последующие столетия совершенно новые традиции, проявившиеся в разных районах Руси в различной степени, но, тем не менее, фиксирующиеся повсеместно. Если абстрагироваться от локальных особенностей, в керамике золотоордынского периода можно выделить несколько характерных черт, отличающих ее от посуды, бытовавшей в предшествующий период.

В XIV в. вновь широко используется сырье из ожелезненной, красножгущейся глины и более грубые добавки, что зафиксировано, например, в типологии московской керамики, в которой керамика этого периода традиционно делится на серую, красную грубую, красную тонкую и т.д. Широкое распространение получает волнистый орнамент, обобщенная характеристика встречаемости которого в материалах золотоордынского времени дана В.Ю. Ковалем (*Коваль*, 2000). Наконец, в XIV–XV вв. почти повсеместно, от Рязани до Полоцка и от Киева до Пскова, утверждаются новые традиции формообразования (проявившиеся в сосудах с валикообразным утолщением на внешней поверхности края), наряду с которыми продолжают существовать и старые традиции изготовления сосудов с S-видным профилем. При этом общими чертами обеих традиций является утяжеление валика на краю, придание ему вытянутой формы.

Яркие перемены, происходившие в гончарном деле Древней Руси в XIII в., в полной мере отразились и в керамике Старой Рязани. Более того, материалы последних лет раскопок на Старорязанском городище позволяют проследить ход некоторых из этих изменений достаточно подробно.

За период работ Старорязанской археологической экспедиции под руководством А.В. Чернецова в 1994–2000 гг. был накоплен огромный массовый керамический материал, который охватывает весь период существования города в XI–XIV вв., а с учетом керамических коллекций окружающих поселений – период до XVII в. Это позволило построить классификационную шкалу керамики Старой Рязани и провести статистический анализ коллекций, происходящих с различных участков городища и его посадов. При этом материалы XIII в. встречаются повсеместно и являются самыми массовыми. Наиболее полно керамика XIII в. (как его первой половины, так и второй) представлена в материалах раскопов Южного городища, возникшего во второй половине XII в. (раскоп 7АБ – 1994–1999 гг., раскоп 25 – 1995 г.). На более древнем Северном городище (раскоп 24 – 1994–1995 гг., раскоп 28 – 1998–2000 гг.) преобладает керамика первой половины XIII в., хотя встречены и типы, характерные для золотоордынского периода. То же можно сказать и о керамике посада Старой Рязани (раскоп 26 – 1997 г., раскоп 27 – 1997–2000 гг., раскоп 30 – 2000 г.). Представительные серии керамики XIV–XV вв. собраны также на окружающих неукрепленных поселениях: на Новоольговском селище, расположенном в 6 км к югу от городища, на селище Исады VI, лежащем на противоположной стороне Спасской Луки – Старорязанского микрорегиона, образованного излучиной Оки, и на селище Фатьяновка, примыкающем к Старой Рязани с севера.

В типологическом ряду керамики Старой Рязани общерусский тип XII–XIII вв. соответствует типу 8, а две традиции в керамике золотоордынского периода, старая и новая, представлены соответственно типами 11 и 10. Рассмотрим подробнее названные типы.

Тип 8. Керамика так называемого "общерусского типа", широко распространенная на всей территории Руси в XII–XIII вв., составляет наиболее многочисленную группу в материалах Старой Рязани. Для нее характерно оформление края сосуда в виде округлого валика на внутренней поверхности венчика. По особенностям профиля (признаки: степень профилированности и форма шейки) подобные венчики разделены на несколько подтипов. Различия между подтипами

дополняются особенностями орнаментации и состава глиняного теста: для сильнопрофилированных форм (подтипы 8А и 8Б) характерно разнообразие видов декора при абсолютном преобладании сплошного декорирования всего тулова сосуда прямыми линиями, а для слабопрофилированных (подтипы 8В-Д) – характерен лишь один вид орнамента – линейный зональный орнамент, нанесенный многорядной гребенкой и расположенный на плечиках. Кроме того, для сильнопрофилированных форм характерно преобладание средних грубых формовочных масс (62%) со значительной долей грубых (до 19%), для слабопрофилированных – преобладание тонких (55–75%). При этом для первых характерно незначительное преобладание красножгущейся керамики (54–74%), а для вторых – столь же незначительное преобладание беложгущейся (57–76%).

Указанные различия между подтипами "общерусской" керамики носят, по мнению многих авторов, хронологический характер. В.С. Поздняков и Н.В. Блажевич, например, отмечают более ранний характер плавноотогнутых форм, которые постепенно развиваются в резкопрофилированные с прямой и наклонной внутрь шейкой (*Поздняков*, 1992. С. 52; *Блажевич*, 1992. С. 23). Анализ материалов Старой Рязани свидетельствуют о хронологических различиях между сильнопрофилированными и слабопрофилированными формами: если первые могут быть отнесены к XII в., то вторые датируются рубежом XII–XIII вв.

На участке городского посада, исследованного раскопом 27, наличие мощных непереотложенных культурных напластований позволяет проследить постепенный характер изменения соотношения сильно- и слабопрофилированных форм типа 8 (табл. 1). Доля первых от первого до шестого пласта увеличивается от 11,3% до 45,2% (ниже доля этой керамики вновь начинает падать, что отражает процесс зарождения этой формы), в то время как доля более поздних слабопрофилированных форм уменьшается по мере углубления от более чем 50% в верхних пластах до 3% – в восьмом. Таким образом, пик распространения сильнопрофилированных и слабопрофилированных форм "общерусского типа" не совпадает по времени. К сожалению, материалы раскопа не позволяют точно определить временной отрезок, разделяющий их. Однако такую информацию можно получить на основании анализа коллекций других комплексов Старой Рязани.

Слабопрофилированные формы отсутствуют в комплексах, датируемых серединой – второй половиной XII в. На Северном городище – это второй строительный горизонт вала и глинобитная печь (№ 1), лежащая на его подошве в раскопе 28 и частично разрушенная при строительстве жилища рубежа XII–XIII вв. На Южном городище (раскоп 7АБ – 1994 г.) – это яма 4, которая связана с внутривальными конструкциями укреплений берега Оки, выявленных в ходе работ на этом участке в 1996–1970 гг. и возведенных, по мнению В.П. Даркевича, в середине XII в (*Даркевич*, 1974. С. 60).

Кроме того, сравнительный анализ сохранности

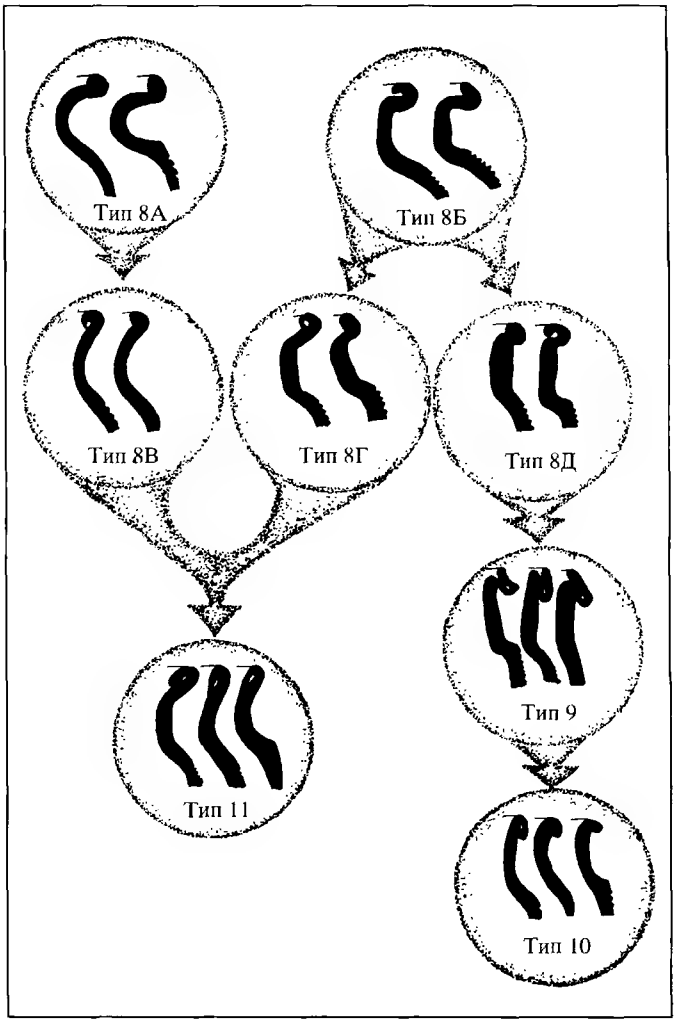


Рис. 1. Развитие форм керамики Старой Рязани XII–XIV вв.

керамики также свидетельствует о хронологических различиях между группами керамики типа 8. На материалах уже упомянутого раскопа 7АБ была апробирована методика определения степени переотложенности культурного слоя (*Стрикалов*, 1995). С этой целью венчики горшков были разделены на две группы: хорошей сохранности (сохранились до плеча сосуда и более) и плохой (более мелкие фрагменты). Доля крупных фрагментов в общей выборке того или иного типа или хронологической группы и является искомым показателем. Выявленные различия между сильнопрофилированными и слабопрофилированными формами типа 8 по данному показателю (соответственно 43% и 10%) объясняются перепланировкой данного участка Южного городища в начале XIII в. (после разорения Рязани Всеволодом Большое Гнездо в 1208 г.) (*Даркевич*, 1974), и, естественно, наибольшей переотложенностью слоев, наиболее близких по времени к этому событию. При этом в комплексах, в которых керамика типа 8 оставалась in situ, сохранность двух названных групп иная: в коллекции керамики ямы 1 того же раскопа ранние формы "общерусского типа" имеют степень сохранности 28%, а более поздние, слабопрофилированные, – 37%.

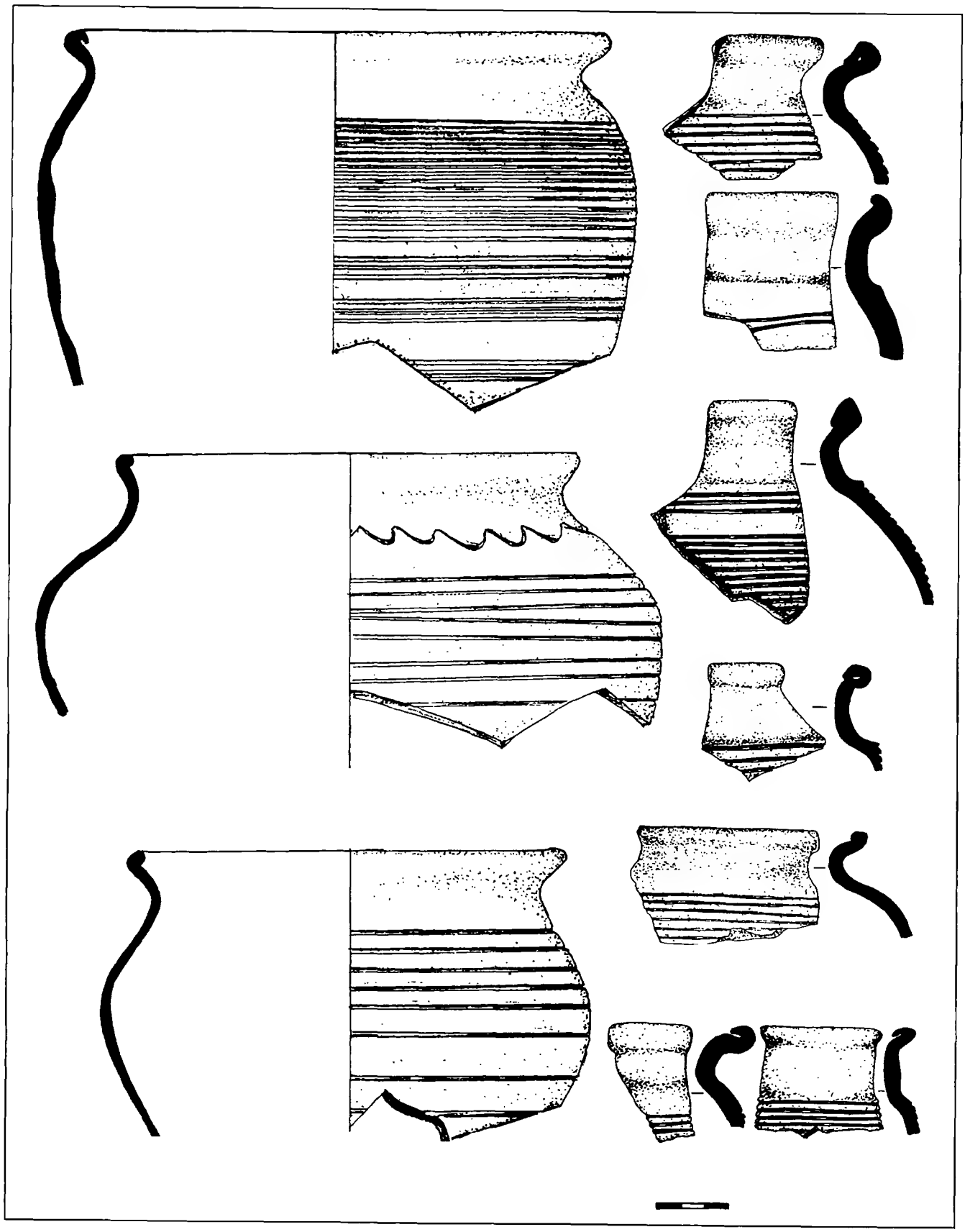


Рис. 2. Керамика типа 8

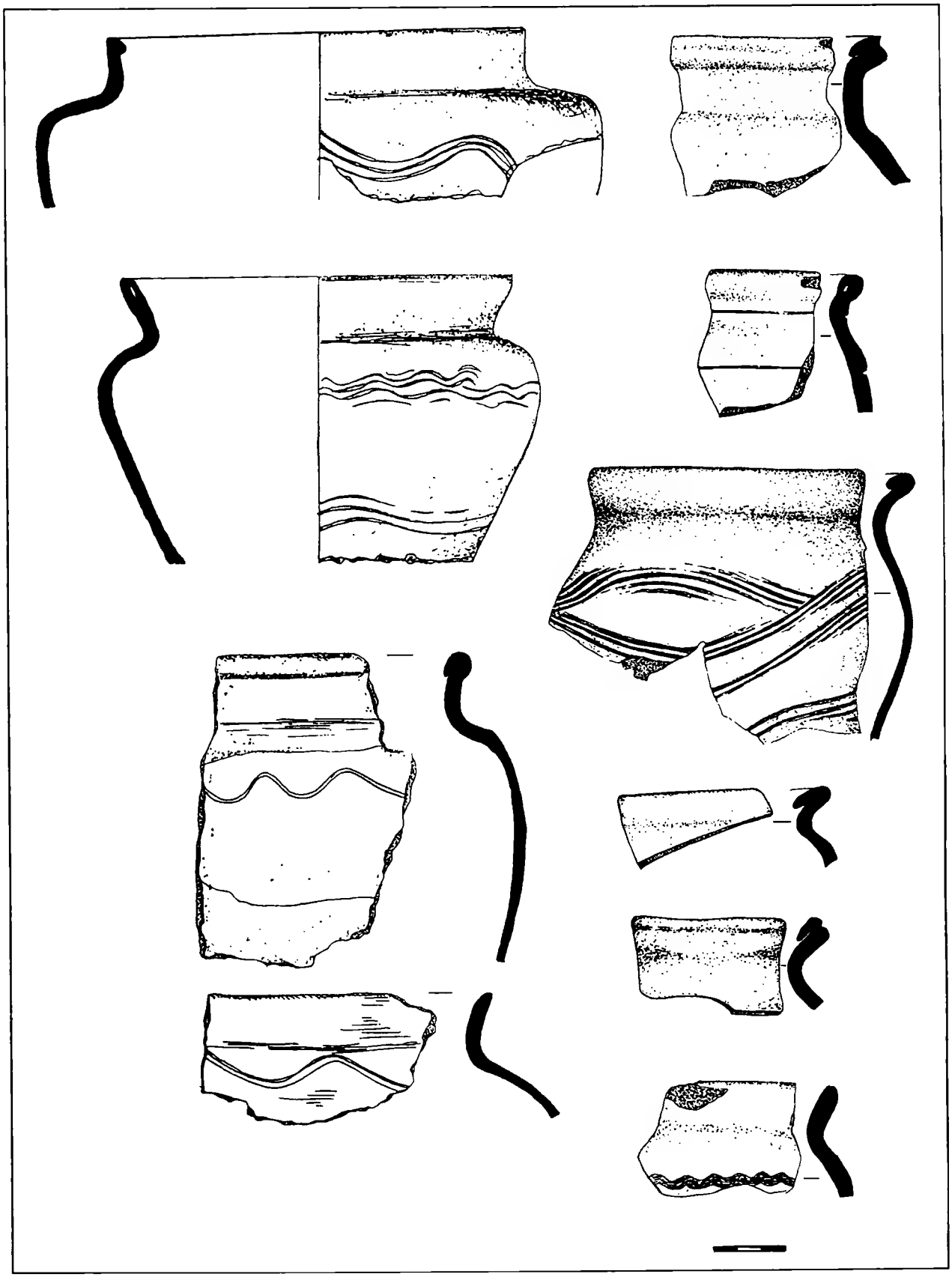


Рис. 3. Керамика типа 11

Таким образом, к началу XIII в. в гончарном деле Старой Рязани при сохранении сложившейся ранее технологической схемы и морфологической модели сосудов стала преобладать тенденция к уменьшению профилированности верхней части сосуда – венчика, к постепенной деградации его верхней отогнутой части – устья. Этот процесс шел двумя путями. Одна из линий развития выразилась в уменьшении степени отгиба устья при сохранении и даже некотором увеличении его размеров (развитие подтипов 8В и 8Г) и привела в золотоордынский период к возникновению типа 11. Другая линия, наоборот, нашла выражение в уменьшении и исчезновении устья при сохранении резкого перелома на переходе от шейки к устью (развитие подтипа 8Д), так что внешне эти поздние образцы имеют очень мало сходства с классической формой сосуда "общерусского типа", а сближаются с формами типа 10 с валиком на внешней стороне края. Однако, несмотря на внешние отличия, все технологические приемы формовки венчиков подтипа 8Д остаются еще прежними: шейка сформована как с применением ножа-шаблона, так и без него, верхняя часть венчика (устье) отогнута наружу, край завернут внутрь в виде округлого валика. Различия между ранними и поздними формами общерусской керамики и между двумя линиями развития поздних форм носят еще не качественный, а количественный характер и затрагивают лишь один элемент венчика – его устье. В количественном отношении это может быть выражено либо в изменении угла отгиба устья (для подтипа 8Г – менее 45°), либо в абсолютных или относительных размерах этого элемента (в отношении длина устья к размерам валика; для подтипа 8Д – эти величины приблизительно равны). Технологический аспект этих изменений выражается различиями в усилии, давлении, прилагаемом для формовки устья.

Тип 11. Слабопрофилированные венчики с загнутым внутрь в виде массивного уплощенного валика краем. Выделено 4 подтипа по особенностям профиля и формы края. Особо следует отметить подтип 11Г, у которого шов, образовавшийся на внутренней стороне венчика при формовке валика, заглажен, так что внешне эта форма напоминает венчики с простым, без утолщений, краем. Линейный зональный орнамент преобладает, но неорнаментированные сосуды и украшенные волной также составляют значительную долю. Увеличивается и доля сосудов, изготовленных из ожелезненной глины. Грубые и среднегрубые примеси в формовочном тесте почти не встречаются. По аналогиям керамика типа 11 может быть отнесена к XIII–XV вв.: в это время она встречается в Москве (*Чернов*, 1991. С. 24, 2 вариант сероглиняной керамики), в Среднем Поволжье (*Полубояринова*, 1992. Рис. 2, тип III), в Переяславле Рязанском (*Судаков*, 1991. С. 38), на Верхнем и Среднем Дону (*Гоняный*, 1990; *Гоняный, Гриценко*, 2000; *Пряхин, Цыбин*, 1996; *Тропин*, 1996; *Цыбин*, 1987; 1989).

Тип 10. Вертикальные или слабо наклоненные внутрь венчики, переходящие в покатые, слабовыраженные плечики; край сформован при помощи сложного изгиба наружу и внутрь с дополнительным заглаживанием образующегося при этом шва на верхнем срезе (подтип 10А), образуя массивный уплощенный валик на внешней стороне венчика. В подтипе 10Б технология упрощается: валик образуется путем простого отгиба края наружу. Преобладающим видом орнамента является линейный зональный, хотя встречается и волнистый, линейно-волнистый орнаменты, а также неорнаментированные экземпляры. При этом в подтипе 10Б доля неорнаментированных и украшенных волной сосудов увеличивается. Сосуды изготовлены преимущественно из беложгущейся глины с абсолютным преобладанием тонких формовочных масс. Датируется этот тип концом XIII–XIV вв. (*Цыбин*, 1987. Тип IV; С. 79; *Виноградская*, 1990. С. 96; *Полубояринова*, 1992; *Тропин*, 1996), а в материалах Переяславля Рязанского формы, сходные с подтипом 10Б, бытуют и позже – до начала XV в. (*Судаков*, 1991. С. 38). Более поздним временем такая керамика датируется в западных областях Руси: в Полоцке, Пскове, Новгороде (*Зверуго*, 1975; *Смирнова*, 1956).

В материалах Старой Рязани керамика типов 10 и 11 широко встречается на Южном городище. В материалах раскопа 7АБ ее доля составляет 20,2% в культурном слое и до 26,5% в комплексах ям. Еще более значительна ее доля в материалах раскопа 25, расположенного около Спасского собора в северной части Южного городища. В культурном слое раскопа подобная керамика составляет 38,8%, в комплексах ям достигает 58%. На посаде, в верхних слоях раскопа 27 (пласты 1–7) эти типы составляют от 2,7% до 15 %. До 10,5% доля этих форм достигает в материалах Северного городища (раскоп 28). Абсолютно преобладают они в материалах, происходящих из ямы на селище Исады VI (90,3%). При этом в наиболее ранних комплексах XIII в. такая керамика отсутствует. Это жилище на раскопе 28, прекратившее свое существование, по-видимому, в самом начале этого столетия (слой жилища перекрыт напластованиями, связанными с периодом функционирования последнего строительного яруса вала Северного городища, который был возведен, вероятно, после рязано-суздальской войны 1207–1209 гг.), а также нижний горизонт ямы 4 на раскопе 25 у Спасского собора на Южном городище. Этот горизонт связан со временем сооружения постройки, остатками которой является яма 4. Эта хозяйственная постройка, как и жилое помещение исследованной усадьбы (яма 1), погибла в 1237 г, на что указывают следы пожара и находка в яме 1 клада ювелирных изделий, спрятанных во время осады Рязани Батыем. На материалах раскопа 27, характеризующегося медленным накоплением культурного слоя и его сохранностью in situ, можно проследить постепенное увеличение доли этой керамики в XIII в. (табл. 1). Однако материалы этого же раскопа позволяют сделать вывод о более раннем появлении типа 11. Первые образцы такой керамики зафиксированы в 7-м пласте и к 1-му пласту их доля увеличивается до 12,5%, тогда как тип 10 в коллекции керамики раскопа 27 представлен лишь единичными фрагментами. Преобладание типа 11 над типом 10 на начальном этапе их развития фиксируется и на других участках Старой Рязани. В пахотном слое раскопа 28 (Северное городище) их доля составляет соответственно

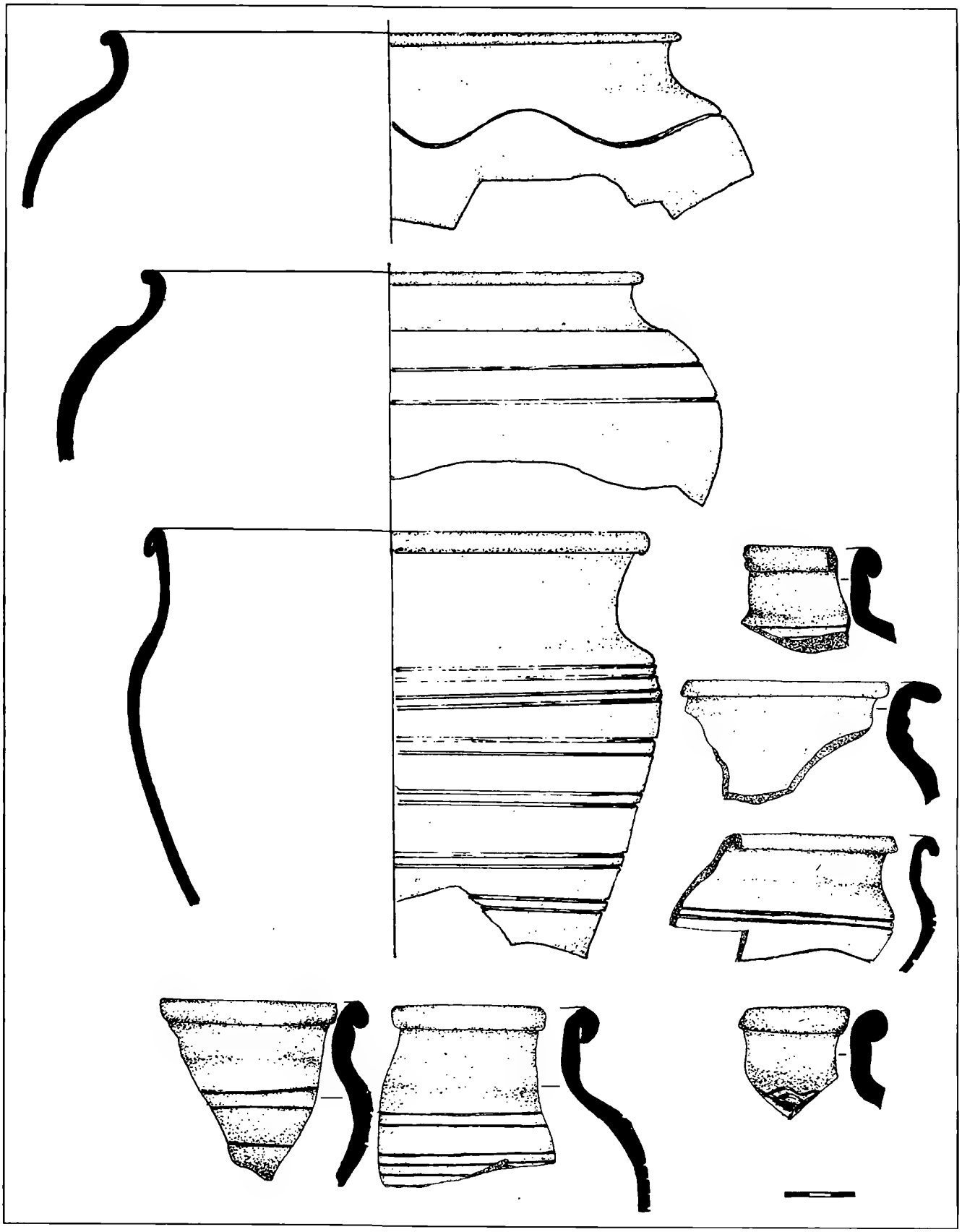


Рис. 4. Керамика типа 10

Таблица 1. **Керамика раскопа 27**

Пласт	Ранние типы	Тип 8А–Б	Тип 8В–Д	Тип 9	Тип 10	Тип 11
1	2,5%	11,3%	**47,5%**	23,7%	2,5%	12,5%
2	3,1%	23,2%	**42,8%**	22,1%	1,7%	8,1%
3	3,0%	22,3%	**52,6%**	11,9%	0,4%	9,8%
4	3,6%	21,6%	**52,8%**	9,3%	1,0%	11,7%
5	5,7%	25,4%	**56,6%**	4,9%	0,3%	7,0%
6	20,3%	**45,2%**	24,1%	3,5%	0	6,8%
7	**52,9%**	35,6%	8,0%	0,8%	0	2,7%
8	**71,5%**	25,5%	3,0%	0	0	0

9,4% и 1,4%. В материалах из культурного слоя раскопа 7АБ наблюдается та же тенденция: 16,1% и 3,8%. Тип 10 образует значительные серии лишь в коллекциях более поздних комплексов раскопа 25. В культурном слое, верхних горизонтах ям 1 и 4 и в яме 2 он даже преобладает над типом 11 (культурный слой раскопа 25 содержит 21,1% керамики типа 10 и 17,7% керамики типа 11; долю этих типов в комплексах ям см. в табл. 2). Вероятно, распространение типа 10 в Старой Рязани следует отнести ко времени не ранее середины XIII в. Таким образом, если тип 11 длительное время сосуществовал с керамикой "общерусского типа" (что естественно, так как замена одной формы другой происходила постепенно), то между типами 8 и 10 наблюдается некоторый хронологический разрыв, который дополняется и разрывом в постепенном изменении форм и технологий от типа 8 к типу 10. В материалах Старой Рязани он заполнен керамикой типа 9, которая и по стратиграфии, и по типологическим особенностям занимает промежуточное положение между формами керамики "общерусского типа" и типа 10.

Тип 9 характеризуется вертикальными или слабо наклоненными внутрь венчиками, переходящими в покатые, слабовыраженные плечики; край резко отогнут наружу и завернут внутрь, образуя массивный уплощенный валик на внешней стороне венчика. В отличие от типа 10, здесь технологический шов, образующийся при формовке края, не заглажен, сам валик не всегда плотно прижат к внешней стороне шейки. Этим керамика типа 9 сближается с формой 8Д, отличаясь от нее главным образом массивностью валика и некоторыми особенностями профилировки шейки и плеча. Преобладает линейный зональный орнамент по плечику, но встречается и волнистый, а также и неорнаментированные сосуды. Эта керамика изготавливалась почти исключительно из беложгущегося теста (95%) с абсолютным преобладанием тонких формовочных масс (89%). Остановимся на датировке керамике типа 9.

Во-первых, она составляет значительную серию в материалах верхних пластов хорошо стратифицированного раскопа 27, составляя вместе с поздними формами типа 8 основную часть коллекции этих пластов (табл. 1).

Значительную долю керамика типа 9 составляет также в ряде комплексов, датированных разным временем, от конца XII в. до XIV в. (табл. 2). Это слой наземного жилища у подножия вала Северного городища (раскоп 28), который на основании стратиграфических наблюдений может быть отнесен к рубежу XII–XIII вв.; ямы 1, 14 и 15 на раскопе 7АБ на Южном городище, возникновение которых следует отнести ко времени не ранее начала XIII в. (на том основании, что они прорезают слой нивелировочной глины, отложившийся в период перепланировки участка после событий 1208 г.); яма 1 на раскопе 25, связанная с постройкой, погибшей в 1237 г., в нижней части которой в 1979 г. был найден клад серебряных вещей; по составу керамики и стратиграфическим особенностям заполнение ямы может быть разделено на два горизонта; яма 4 на раскопе 25, заполнение которой также делится на два горизонта; яма 2 на раскопе 25, которая по находкам золотоордынского красноглиняного кувшина и монеты-подражания чеканке

Таблица 2. **Керамика комплексов XIII–XIV вв. Старой Рязани**

Комплекс	Ранние типы	Тип 8А–Б	Тип 8В–Д	Тип 9	Тип 10	Тип 11
Жилище Р-28	**0**	**54,1%**	28,7%	8,2%	0	**0**
Яма 4 Р-25 (нижн.)	6,4%	31,0%	**43,3%**	19,3%	0	0
Яма 15 Р-7АБ	7,3%	18,4%	**42,8%**	29,1%	0,6%	1,8%
Яма 4 Р-25 (верхн.)	4,4%	18,3%	**33,7%**	23,0%	10,3%	8,3%
Яма 1 Р-7АБ	0	15,4%	**37,3%**	33,5%	5,3%	8,5%
Яма 1 Р-25 (нижн.)	3,0%	6,2%	**45,9%**	20,5%	11,1%	13,3%
Яма 14 Р-7АБ	0	8,6%	31,2%	**33,6%**	11,2%	15,4%
Яма 1 Р-25 (верхн.)	2,8%	3,4%	27,1%	22,2%	**34,4%**	10,1%
Яма 2 Р-25	3,6%	5,9%	17,5%	16,4%	**28,6%**	**29,0%**
Яма 1 (Исады VI)	**0**	0	3,2%	5,4%	30,1%	**60,2%**

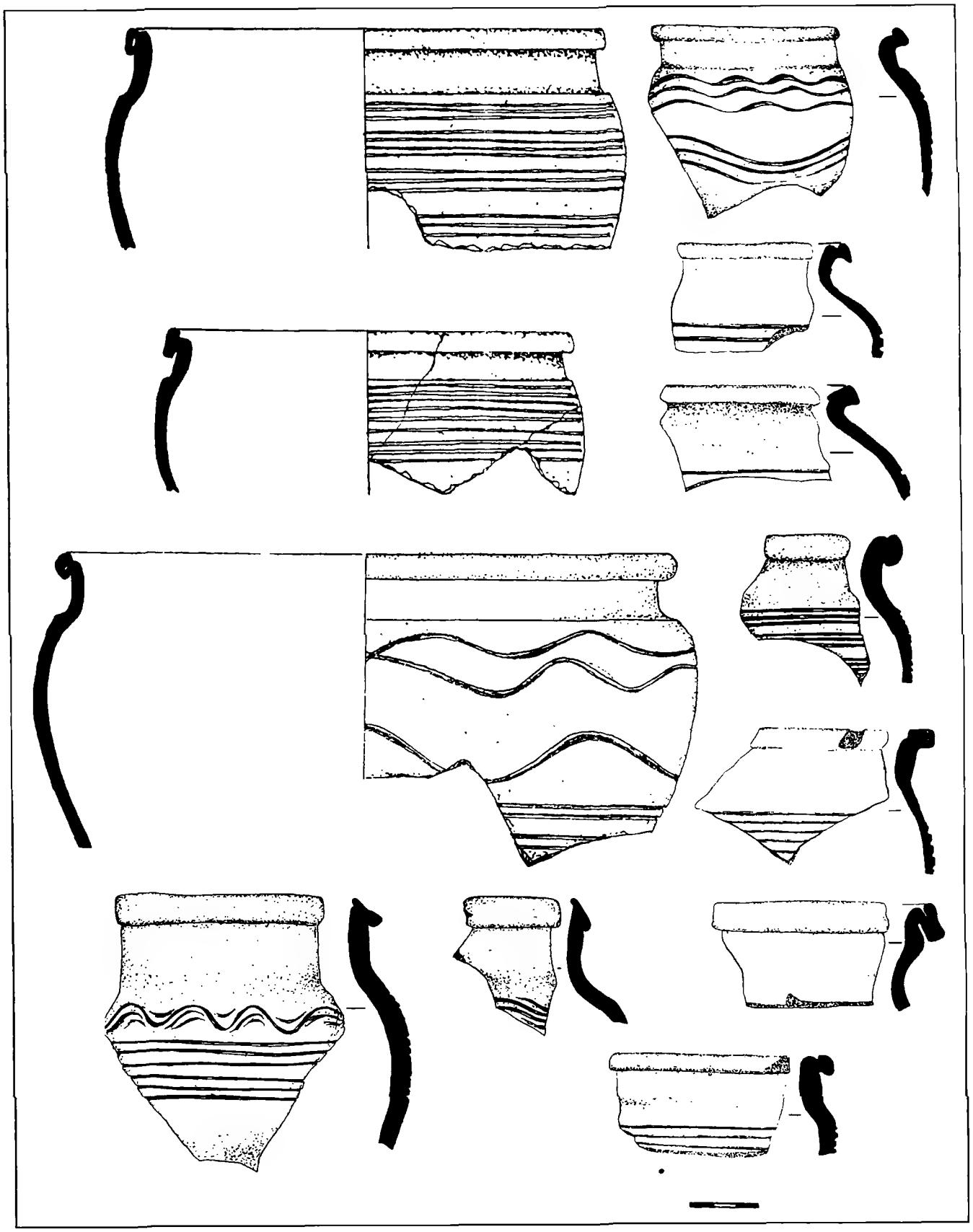


Рис. 5. Керамика типа 9

Тохтамыша датирована временем не ранее второй половины XIV в.

Из таблицы видно, что пик распространения керамики типа 9 падает на комплексы, датируемые временем не ранее начала XIII в. При этом в комплексах рубежа XII–XIII вв. его доля еще незначительна (материалы жилища раскопа 28), и в течение первых десятилетий XIII в. при сохранении преобладающего положения типа 8 (поздних подтипов) керамика типа 9 становится второй по массовости распространения формой (нижний горизонт ямы 1 раскопа 25). Постепенно, вероятно, в течение XIII – начала XIV в. происходит смена типа 8 формами типа 11 и формирование на основе типа 9 типа 10. Тип 9 по-прежнему сохраняет положение одного из самых распространенных. Но уже во второй половине XIV в. намечается тенденция к полной его замене новыми формами, связанными с типом 9 своим происхождением. В это же время происходит упрощение технологии изготовления подобной керамики: в материалах ямы 2 раскопа 25 и окружающих селищ XIV–XV вв., в частности селища Исады VI, все значительнее становится доля подтипа 10Б. Следует отметить, что и в типе 11 со временем увеличивается доля подтипа 11Г. Значительную серию подобная керамика составляет лишь в материалах окружающих селищ, в Старой Рязани ее находки единичны.

На протяжении длительного времени существования типа 9 его форма не оставалась неизменной. Изменения прежде всего коснулись формы шейки сосуда. С течением времени наблюдается тенденция к удлинению шейки и увеличению числа венчиков с плавно изогнутой шейкой. Однако из-за плохой сохранности большинства образцов данный вывод не может выйти за рамки предположений.

Вопрос о территории распространения типа 9 достаточно сложен. Как отдельный класс он выделяется лишь некоторыми исследователями керамики Южной Руси и Среднего Поволжья. В Среднем Поднепровье подобная керамика была широко распространена во второй половине XIII–XIV вв. (*Беляева*, 1982. Тип II), но появились раньше – в начале XIII в. (*Поздняков*, 1992. Тип 17). В керамике Северской земли ко времени монгольского нашествия этот тип составляет около 5% (*Сарачев*, 2000. Тип 21). На золотоордынских памятниках формы, сходные с типом 9, составляют также 5% (*Полубояринова*, 1992. Тип V). Тип 9 в небольшом количестве встречен в материалах второй половины XIII–XIV в. в Переяславле Рязанском (*Судаков*, 1991. С. 38, тип 8), Москве (*Чернов*, 1991. С. 24, III вариант сероглиняной керамики), на городище Слободка (*Полубояринова*, 1987. Тип V). В других публикациях подобная керамика лишь изредка встречается среди рисунков. Как кажется, дело здесь не только в субъективных представлениях исследователей. Подобная ситуация, вероятно, отражает реальное распространение такой керамики на территории Руси. Знакомство автора с материалами раскопок других древнерусских памятников Рязанской земли, хранящимися в фондах Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность хранителю фондов музея Е.В. Буланкиной за оказанную помощь в работе с коллекциями), а также с керамическими коллекциями поселений Верхнего Дона, любезно предоставленными для ознакомления М.И. Гоняным, свидетельствует о локальном характере распространения этой керамики в Юго-Восточной Руси. Значительную долю, помимо Старой Рязани, тип 9 составляет лишь в коллекциях керамики поселений Нижней Прони и ее правых притоков, т.е. на территории, примыкающей с юга к Старой Рязани (Толпинское и Княжое городища, поселения на Ранове, Моше, Молве и Хупте – от 14% до 56%) (*Стрикалов*. В печати). Далее на запад этот показатель уменьшается: в материалах Пронска такая керамика составляет около 10%, в Переяславле Рязанском, Зарайске, на Жокинском, Ижеславльском, Лубянском городищах – не более 5%. На Верхнем Дону подобные находки единичны. Тип 10, являющийся развитием рассматриваемой формы, на перечисленных памятниках представлен значительно большей выборкой, но нигде его доля не достигает такой величины, как в Старой Рязани, бывшей, вероятно, местным центром развития новой традиции в керамическом производстве, откуда новые технологические приемы постепенно распространялись на всю окружающую территорию. В дальнейшем, в XIV–XV вв., различия в наборе форм и их доле в выборках керамики поселений Рязанщины стираются, но более отчетливыми становятся отличия рязанской керамики от синхронной керамики Московской земли, Среднего Поднепровья, Северо-западной Руси. Но это уже является темой самостоятельного исследования.

Литература

Арсланова Ф.Т., Ковалев Ю.А., 1991. Посуда кривичей Избрижья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.

Беляева С.А., 1982. Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV вв. Киев.

Блажевич Н.В., 1992. Керамика Ржищевского комплекса // Древнерусская керамика. М.

Виногродская Л.И., 1990. Некоторые типы керамики Черниговско-Северской земли второй половины XIII–XIV вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.

Гоняный М.И., 1990. Поселение древнерусского времени Монастырщина III на Верхнем Дону // Куликово поле: Материалы и исследования. М.

Гоняный М.И., Гриценко В.П., 2000. Поселение 2 половины XIII – начала XIV в. Березовка 5 на Куликовом поле // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула.

Даркевич В.П., 1974. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969 г.) // Археология Рязанской земли. М.

Зверуго Я.Г., 1975. Древний Волковыск. Минск.

Каменецкая Е.В., 1977. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: Канд. дис. М.

Коваль В.Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М. Вып. 9.

Коваль В.Ю., 2000. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М. Вып. 10.

Куза А.В., Коваленко В.П., Моця А.П., 1996. Новгород-Северский: некоторые итоги и перспективы исследования // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж.

Кучера М.И., 1992. Керамика // Археология УССР. Киев. Т. 3.

Лапшин В.А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.

Малевская М.В., 1965. О датировке нижнего горизонта Новогрудка // КСИА. М. № 120.

Моргунов Ю.Ю., 1996. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск.

Петрашенко В.А., 1992. Керамика IX–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М.

Поздняков В.С., 1992. Развитие керамики древнерусского Клецка // Древнерусская керамика. М.

Полубояринова М.Д., 1987. Керамика городища Слободка // Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. М.

Полубояринова М.Д., 1992. Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика. М.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1996. Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987–1993 гг.) // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж.

Сарачев И.Г., 2000. Типология венчиков древнерусских горшков Днепровского Левобережья // Григорьев А.Н. Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. Тула.

Смирнова Г.П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. М. № 55, т. I.

Стрикалов И.Ю., 1992. Использование керамики для датировки перемешанного культурного слоя (на примере Пронска и его округи) // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: Тез. докл. Липецк.

Стрикалов И.Ю., 1995. Хронология керамики и культурный слой Южного городища Старой Рязани // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.

Стрикалов И.Ю., 1998. Керамика Зарайска // Средневековый Зарайск (история и культурный слой). Зарайск.

Стрикалов И.Ю. Керамика южных окраин Рязанской земли (в печати).

Судаков В.В., 1991. Отчет об охранных раскопках на территории Кремля и Верхнего посада г. Переяславля Рязанского (совр. Рязань) в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Тропин Н.А., 1996. Древнерусская керамика XII–XIV вв. южных районов Рязанщины (по материалам раскопок селищ Казинка и Каменное) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. Вып. 5.

Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.

Цыбин М.В., 1987. Юго-восточная окраина Руси во второй половине XIII–XIV вв. (район Среднего Подонья) // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М.

Цыбин М.В., 1989. Древенерусские поселения 2 половины XIII–XIV вв. в среднем течении Дона // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж.

Штыхов Г.З., 1975. Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск.

Список сокращений

АИП – Археологическое изучение Пскова
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
АФЗиХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – начала XVI в.
ВВ – Византийский временник
ВЕАЖ – Восточноевропейский археологичесий журнал. Киев (распространяется в сети ИНТЕРНЕТ)
ВИ – Вестник истории
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины
ВМУ – Вестник молодых ученых
ВНИИР – Всероссийский научно-исследовательский институт реставрации им. И.Э. Грабаря
ВОАЭ – Волго-Окская археологическая экспедиция
ВСМЗ – Владимиро-Суздальский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГММК МИИ – Государственные музеи Московского Кремля (ныне Государственной историко-культурный музей-заповедник "Московский Кремль"). Материалы и исследования
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГОП – Государственная Оружейная палата
ГПБСЩ – Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ДА – Донская археология
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ДРИ – Древнерусское искусство
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии
ИАК – Известия Государственной Российской Археологической комиссии
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИГ РАН – Институт геологии Российской академии наук
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИКРЗ – История и культура Ростовской земли
КМИДР – Киевский музей исторических драгоценностей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института материальной культуры
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ – Музей истории города Москвы
МК – Московский Кремль
МК РФ – Министерство культуры Российской Федерации
ММЗ – Муромский музей-заповедник
НАНУ – Национальная академия наук Украины
НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
НПЦОП – Научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры (г. Рязань)
ОАК – Отчеты Археологической комиссии
ПВЛ – Повесть временных лет
ПЛ – Псковские летописи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ – Российская государственная библиотека
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РИАХМ – Рыбинский историко-архитектурный и художественный музей
РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РИАЗ – Рязанский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СРМ – Сообщения Ростовского музея
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома)
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов
ЦГИАМ – Центральный государственный исторический архив Москвы
ЯИАМЗ – Ярославский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
EAA – European Association of Archaeologists
JBAA – Journal of the British Archaeological Association
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikauskirja

Сведения об авторах

Беляев Леонид Андреевич – Институт археологии РАН, г. Москва.

Волков Игорь Викторович – Институт природного и культурного наследия МК РФ и РАН, г. Москва.

Гоняный Михаил Иванович – Государственный Исторический музей, г. Москва.

Жарнов Юрий Эдуардович – Государственный центр по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области, г. Владимир.

Жилина Наталья Викторовна – Институт археологии РАН, г. Москва.

Зайцева Ирина Евгеньевна – Институт археологии РАН, г. Москва.

Захаров Сергей Дмитриевич – Институт археологии РАН, г. Москва.

Ивакин Глеб Юрьевич – Институт археологии НАНУ, г. Киев.

Кадиева Елизавета Кадиевна – Ярославский государственный педагогический университет им. П.Г. Демидова.

Кац Михаил Яковлевич – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Коваль Владимир Юрьевич – Институт археологии РАН, г. Москва.

Кренке Николай Александрович – Институт археологии РАН, г. Москва.

Кулакова Марина Ильинична – Псковский государственный педагогический институт.

Лабутина Инга Константиновна – Псковский государственный педагогический институт.

Леонтьев Андрей Евгеньевич – Ростово-ярославский историко-архитектурный музей-заповедник, г. Ростов Ярославской области.

Мазуров Алексей Борисович – Коломенский государственный педагогический институт, г. Коломна Московской области.

Макаров Николай Андреевич – Институт археологии РАН, г. Москва.

Малыгин Петр Дмитриевич – Тверской государственный университет; Всероссийский историко-этнографический музей, г. Торжок Тверской области.

Наумов Андрей Николаевич – Музей-заповедник "Куликово поле", г. Тула.

Панова Татьяна Дмитриевна – Музеи Московского Кремля.

Покровская Любовь Владимировна – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Полубояринова Марина Дмитриевна – Институт археологии РАН, г. Москва.

Сарачева Татьяна Григорьевна – Государственный Исторический музей, г. Москва.

Стрикалов Игорь Юрьевич – Институт археологии РАН, г. Москва.

Чернецов Алексей Владимирович – Институт археологии РАН, г. Москва.

Чернов Сергей Заремович – Институт археологии РАН, г. Москва.

Шполянский Сергей Владимирович – Государственный Исторический музей, г. Москва.

Summaries

N.A. Makarov

Rus' in the 13th century: the nature of cultural transformations

The middle of the 13th century is traditionally viewed in Russian archaeology as certain limit dividing not only two periods in social and political history of ancient Rus', but also two separate blocks of its material culture.

The idea on the disaster and following discontinuity in cultural traditions is based on impressive and reliable evidences of the written sources and abundant archaeological material that seem to fit perfectly. The thesis on military crash Russian principalities underwent in 1237–1240 being directly connected with a number of transformations in Russian culture that had consequently lost numerous characteristic features formed in the 10th–12th cc. gradually has become a commonplace in the works devoted to medieval history and archaeology of Eastern Europe. Yet recent investigations of archaeological monuments of the 12th – 14th cc. in different regions of ancient Rus' reveal more contradictory a picture of development displaying the qualities of crisis and discontinuity combined with those of cultural continuity and stability of the traditions established during the pre-Mongol period. Archaeologists improve their methods of investigations, they are aimed at more objective evaluation of archaeological information, and accumulate more data testifying that cultural transformations of mid 13th c. cannot be explained by outward pressure only. Evidently, the time has come for considering cultural situation of the 13th c. from the standpoint of working out more clear ideas on the nature of cultural development in the period under discussion, and re-evaluation of traditional opinions, proceeding from the new material available.

Field investigations of the recent decades have contributed greatly to the list of archaeological associations that can be reliably connected with the dramatic events of 1237–1240. At the same time, new excavations have brought to light a great number of phenomena unknown before which strongly change traditional ideas on cultural situation of the 13th c.

First, it was established that the 13th c. was a period of profound changes in the system of rural settling. Archaeological surveys of rural regions demonstrate that in this period formation of a new cultural landscape started. Its main feature was movement of the dwelling sites to interfluves ("flight to hills") and wide-scale clearing forests in these regions. In the central and north territories of Russia new territories were settled that had never been settled and managed as agricultural grounds before. At the same time, great deal of dwelling sites were abandoned or changed their location, that had emerged in the 10th – the first half of the 12th cc. and developed firmly for one or more centuries ever since.

Second, more detailed and thorough studies of the artefacts originating from ancient Russian towns, dwelling sites, and cemeteries reveal more complicated character of cultural shifts that took place since the late 12th till the early 14th cc. Popular thesis that in the middle of the 13th c. a great number of artefacts' types and categories considered as vivid indications of ancient Russian culture came out of use practically at once should be seriously corrected. Though the 13th c. did represent a period of essential transformation of material culture, they developed in the course of rather a long chronological span and were more smooth than it seemed before.

Third, archaeological material produces vivid evidences of rapid development of numerous urban centres and rural regions of 13th century Rus', including the second half of the century. The rise of new centres accompanied by devastation and decline of old ones is a well-known point met with in historical publications dealing with the situation of the 13th c. Still, serious archaeological data able to confirm it were obtained mostly recently.

The material accumulated more and more convincingly points to the fact that Russian society entered the period of profound inner transformations as early as the first half of the 13th c., the changes affecting various aspects of its existence. These transformations turned to be screened from our attention by the perils and stresses of 1237–1240. The thesis that the historical situation of the 13th c. in Rus' should be considered mainly as inner crisis has been for the first time formulated by British historian John Fennell. Russian version of his impressive book was published just before the crisis of 1989. But Fennell viewed the period of the 13th c. only as a crisis of power and degrading the ancient Russian political system. In his opinion, no principal changes occurred in economy and culture of ancient Russia in this time. At present we may discuss inner transformations, characteristics of inner crisis on the basis of different sources and concentrating on quite different aspects – settling, economy, and culture.

Obviously, material and natural resources that served as the ground for rapid rise of ancient Rus' in the 10th–12th cc. by the 13th c. had turned to be exhausted to a great extent, while economic stereotypes and social mechanisms that guaranteed growth before had lost their effectiveness. Reduced volume of long-distance trade, change of traditional systems of agriculture, compulsory transition of great share of population to more limited consumption – these are only several indications of the crisis. The crashing blow dealt by the Mongols chronologically coincided with the period of inner historical changes, aggravated and accelerated their development, but was not the only cause of the recorded transformations.

A.V. Chernetsov

The problem of evaluation of historic significance of the Mongol-Tatar invasion as a chronological marker

Lately the attempts have been made to re-consider traditional evaluations of historic significance of the Mongol-Tatar invasion. Some of them simply screen nationalistic or other preferences, or even quasi-scientific fabrications. The attention drawn to the problem marks the dissatisfaction with traditional interpretations of basic features in Russian history developed in significant circles of society. This discontent is justified to certain extent.

Russian historians of pre-revolutionary and Soviet periods regarded the events of the Mongol invasion from the only standpoint – that of the defeated. Such an approach cannot be called irreproachable when regarded in the world history context. The ideas on the exceptional significance of ancient Russian culture or state system were not directly imposed on national scientists, nevertheless, they gained support and preference in academic circles and society as a whole. It is complicated a task to pass over the decades marked with the restrictions of liberty in scholars' minds. Positive changes in creation a more congruent view in this field can be achieved only by unprejudiced academic approach to the point in question.

While discussing numerous dilettante attempts to overthrow traditional historical views it should be mentioned that "heretical" opinions were put forward by some representatives of academic science also (see for instance publications by L.N. Gumilev and his followers).

The Mongol-Tatar incursion is undoubtedly the most important chronological marker in the context of military, political, and dynastic history. Still, if we turn our attention to the aspects of the same significance in world history, such as economic and cultural progress and ethnic processes, we have to acknowledge that the most important shifts were not coeval with the Mongol invasion but strongly delayed, though probably represented to great extent its direct or indirect consequences. I should point to capture of West Russian lands by Great Lithuanian principality that caused the split of east-Slavonic unity into three peoples now existing; the second South-Slavonic influence; moving the focuses of political and economic life to relatively young urban centres. Relations between Rus' and the Orient also underwent changes in this epoch, and they cannot be reduced to negative, nor positive, nor insignificant phenomena.

For a long time the Mongol invasion was considered *terminus ante quem* for studies of the specialists in Slavic archaeology, and this situation maintained that chronological marker as a kind of fetish. According to the data by A.V. Kuza, over 2/3 of ancient Russian towns were destroyed by the Mongols and Tatars, and 1/3 of this number were never settled again. As to minor hillforts, according to the same scholar only 25% of them continued to function in the 13th c. The picture of mass conflagration of towns and fortified sites drawn by A.V. Kuza is strongly impressive, the more so they had not been restored hereafter.

Nevertheless, we should have in mind that the date of destruction of most of the hillforts discussed is established within too wide chronological a span to connect each with the Mongol invasion reliably.

The events of the latter are mirrored in numerous and sometimes detailed chronicles records, and we can perceive the tragic crush as if eye-witnessed by its contemporaries. The chronicles and other written sources contain much information on the general character of the catastrophe, its main episodes, their succession and chronology, but the specialists should take into account that the sources are inevitably incomplete and not absolutely trustworthy in every detail. I should point to the features of rhetoric stylistics, influence of foreign literary works, and lack of real historical details typical of this kind of sources according to the opinion of outstanding philologist A.S. Orlov.

Actually, the data of written sources cannot provide us with exhaustive ideas on the events' scale, the mechanisms and temps of the destructive (or other) processes they had caused.

No doubt, seizure and devastation of certain capital city by Batyj's hordes were a great but once event, none the less almost all of them survived as major urban centres. The information of the chronicle that "all Kiev has fled away, as the people could not endure the Tatar violations any longer" is dated to 1300 – the time when around 60 years had expanded since the city's seizure. Even this crisis really did not mean the end of Kievan history.

The only large town destroyed by Batyj and never restored in the same place was Ryazan (Staraya Ryazan). It was not razed to the ground as a result of once only action. Written sources accounted for holy services resumed in the town's churches, a representative of princely family buried in one of them, an Episcopal residence functioning there in the late 13th c. Archaeological data also do not evidence a picture of momentarily and entire devastation of the town.

While evaluating the nature and degree of the decline of medieval urban centres in medieval Rus' brought about by the Mongol-Tatar incursion, we should keep in mind differentiated opinions of the historians on this phenomenon. Some of them (M.N. Pokrovsky in the extreme form) con-

sidered it progressive "the decay of the old rapacious urban civilisation giving birth to rural one".

According to archaeological data pre-Mongol period is characterised by domination of dwelling sites situated along the rivers, while in the 14th–15th cc. prevailed ones located within rivers' interfluves. The phenomenon of cardinal change in settling strategy known also in different countries ("flight to hills") is coeval with the establishment of the Golden Horde yoke. Apparently, numerous abandoned sites represent not the consequences of the hostile invasion, but structural shifts brought to life by their own logic of inner development.

A.V. Chernetsov, I.Yu. Strikalov

Staraya Ryazan and the Mongol-Tatar invasion in the light of new investigations

The hillfort of Staraya Ryazan was traditionally viewed as the site impressively mirroring catastrophic results of the Mongol-Tatar invasion, a kind of "The Russian Pompeii". The site does provide certain grounds for such an opinion. While the centres like Kiev, Chernigov, Vladimir, Suzdal, Rostov devastated by the incursion exist at present as cities and towns, Staraya Ryazan has survived as a small village. Still, the real picture of the town's downfall, its tempo and mechanics are not clear in details. One of the reasons is insufficient state of investigation of the hillfort (only ca. 5% of the fortified territory has been archaeologically examined). Accordingly, there is no consent as for the period when Staraya Ryazan ceased to function as an urban centre.

A.L. Mongait was inclined to suppose its gradual decline after the crushing defeat; V.P. Darkevich put forward the idea that Staraya Ryazan had lost its urban status immediately as a result of the catastrophe. Both points of view were confirmed by serious reasoning. We should dwell upon them briefly, as well as on the new excavations undertaken in 1994–2000.

The medieval "Tale on Batyj's invasion upon Ryazan" comprised in "The tale on Zaraisk icon of St. Nicholas" evidently originating from some local chronicle contains the information on the town's re-settling after the devastation, in particular, on the church services resumed in the temples. Known historical song telling about Avdot'ya of Ryazan also produces a picture of urban life being restored. In the chronicles a prince from the local dynasty bured in the town cathedral is mentioned, some data concerning the location of Episcopal chair in this town are dated to the late 13th c.

The archaeological records on the late period of Ryazan existence are difficult for interpretation. The upper part of cultural deposit is disturbed by ploughing, and the finds of later periods are scattered all over the site's area. But up to now we have not discovered undisturbed layers dated back to the 14th–15th cc., though potsherds of this period are abundant practically within the whole fortified territory of the site. A number of dwellings in the hillfort date from the period after the Mongol incursion, for instance, that one excavated in 1995 near the ruins of the Saviour cathedral. An imitation of coin struck by khan Tokhtamysh was found here accompanied by coeval pottery.

Evidently, the status of Staraya Ryazan after the invasion still was high enough. This is proved by the find of a bronze plate from gilded church gates with the image of the Baptism. V.N. Lazarev suggested the 14th c. as the date of this find. Similar bronze gates were used to adorn the most revered cathedrals of the wealthiest towns in ancient Rus'.

A stone plaque with Arabic inscription including the name of a khan (it might serve as a kind of *paitse*) found in Staraya Ryazan may demonstrate that even after its devastation by Batyj's troops it was considered by the Horde an important strategic and political point.

The above data lead to a conclusion on the necessity of further investigations of the site and its vicinity to build up a more congruent idea on the events of 1237, their real scale and historic results.

A.E. Leont'ev

From the capital of principality to a district town (contributions to historical topography of Rostov in the 10th–14th cc.)

The earliest city in north-eastern Russia, Rostov was once the capital of principality. At present it is a small town in Yaroslavl region known for its architectural monuments dated back to the 16th–17th cc. The town is situated on the north-western shore of the lake Nero on the first lake terrace (Fig. 1). The article discusses initial stages in development of Rostov urban territory proceeding from the historical and archaeological data now available (Fig. 2).

The ancient Russian town had emerged in the territory of the Meryian dwelling site, as it was reported in the chronicle. The lowermost horizon of the cultural deposit corresponds to this early settlement; it is characterized by specific pottery and finds, as well as by some features in osteological material. According to our data, the area inhabited by the Merya population stretched out along the lake shore in north-west direction from the Pizherma river estuary (filled up with earth in the 18th c.) not less than for 350 m,

and inland for 200 m (Fig. 4, *1*). There are no data as for the Meryan site layout. Only its periphery was investigated archaeologically, the remains of bronze-casting and blacksmith production were discovered. The settlement functioned until the mid – third quarter of the 10th c. and probably reserved its specific status later on, in the 11th c. having become a part of urban area.

The earliest buildings of the ancient Russian town date from the 80–90-s of the 10th c. Rostov's area in the late 10th c. was situated close to the estuary of the Pizherma, the lake Nero tributary, and may be evaluated as not less than 15 ha (Fig. 4, *2*). During the next 200 years the town was growing constantly. In the early 13th c. Rostov stretched out along the lake shore for more than 3 km, this stripe being up to 400 m wide on the average and 1 km wide in the centre (Fig. 4, *3, 4*). The urban territory might cover an area of ca. 200 ha according to minimal estimation, and this indication permits us to qualify the town as one of the largest cities in ancient Rus' of the period.

Unlike most of Russian medieval towns, Rostov had not got its natural defensive borders. Marshy terrain gave no opportunity to erect traditional fortifications like earthen rampart and ditch. The only kind of town's defences in these conditions could be log walls. During excavations of 1955 season some indirect information on the possible existence of the constructions of this type was obtained while investigating the course of preserved earthen fortress dated back to the 17th c. Still, the idea on the earliest fortifications in Rostov is only a surmise so far.

One more defensive border – town's ditch – is evidenced by the documents of the 17th–18th cc. (Fig. 3), modern place-names and some features of the urban relief. An area 1,3 to 0,9 km in dimension and ca. 117 ha in size was enclosed within the ditch, this territory corresponding to the spot of the cultural deposit dated to the 12th–13th cc., the shore stripe not taken into account. It seems that rampart combined with the ditch had never been constructed: it was impossible to build it on marshy land. There is no information as for the date of the ditch construction.

Archaeological investigations have provided us with more detailed data on the town's early layout. Thus, it was established that a square paved with white limestone had existed close to the earliest stone temple built in 1162. After the fire of 1211 the square was never rebuilt. The excavations of Sts. Boris and Gleb church within the prince's town residence confirmed that buildings of the 13th c. connected with the latter might be discovered there. Judging from the cultural deposits' characteristics and ancient topography of the spot, the princely residence of the earlier period most likely was located in another place.

In the 14th century the town of Rostov sank into stagnation: its area stopped to grow. The cultural deposit of the 14th–15th cc. practically did not exceed the borderlines established in the earlier period. Some areas of the town were abandoned. Similar processes were observed in other major towns of Medieval Russia in the earlier epoch.

The data available enable us to state that the period of Rostov "the Great" ended in the 13th c. The subsequent existence of this centre displays the history of an appanage, district, provincial Russian town.

Yu.E. Zharnov

Archaeological investigations in Vladimir and "the problem of 1238"

Devastation of Vladimir-on-Klyazma by "the godless Tatars", as they were called by the annalist, after short siege and fierce assault, were, together with the defeat of the Russians on the Sit' river, undoubtedly the basic events of Batyj's campaign of 1237–1238. It was also a critical point in the history of the town – the capital city of Vladimir and Suzdal land. The defeat was the first one in 75-year-long period since the reign of prince Adrew Bogolyubsky marked with the town's growing political and economic significance. The devastation was followed by emergence of new principal political centres – Saray, the capital of the Golden Horde, and Karakorum in the Mongol steppes. This meant the final destruction of the political system built once by prince Vsevolod III and doomed Vladimir to further decline.

The process of political degrading of the town after 1238 in rather clearly reflected in written sources, nevertheless, its disastrous social and economic consequences are not that evident. Constructing stone buildings had ceased, and the territory of the town stopped growing: the urban territory remained the same within the limits of the ramparts that had been erected by prince Andrew Bogolyubsky. This had been true of the town until the 16th–17th cc. The present situation in studies of the social and economic consequences brought about by the events of 1238 is limited by unsufficient information of written sources on the town's economy during the 12th–14th cc., and also by small scale of archaeological investigations. These facts will certainly influence in the near future the volume of knowledge on the material culture of the Vladimir population in the pre-Mongol period and after Batyj's raid. This concerns in particular the archaeological studies of "the problem of 1238".

At present the best prospects for archaeologial researches are connected with the eastern part of the historical Vladimir, or so-called "Vetchany gorod" ("dilapidated town") (Fig. 1, 2). The situation here is characterised by large portions of ground occupied by gardens, numerous areas free from construction within the blocks, and new construction taking place. Cultural deposits in this territory were actively investigated during the 1990-s, and some conclusions were suggested concerning local historical topography, and also the role of the Mongol and Tatar incursion for the town's historical destiny.

Excavations headed by the author were carried out in the north-western portion of Vetchany gorod (excavation trench of 1993–1998 in the 22nd quarter covering an area of

948 sq. m, and that of 1999 in Chekhov str., 295 sq. m large). The investigations have shown that these portions of the urban territory were settled since late 12th–early 13th cc., after 1238 clear indications of desolation have been recorded, as compared to the situation of the pre-Mongol period. Thus, the rectangular yard of the town plot dated to the pre-Mongol period was lined with numerous pits sunken into natural soil and left by cellars and oven pits traced inside ground dwellings, and also domestic constructions. The pits reached 7–8 m in diameter and were 1,5–2,5 m deep. The objects of the same function dated back to mid 13th c. and even to the 15th–17th cc. were scanty, of less dimensions, and chaotically disposed (Figs. 3–5).

In accordance with the results of the excavations in the 22nd quarter it is possible to conclude that after the Mongol invasion the territory was developing in connection with the main street of Vladimir – Bolshaya street (modern Bolshaya Moskovskaya and Bolshaya Nizhegorodskaya streets). Northward from the street a vast town plot of ancient Russian period was situated. The plot's area was apparently ca. 2000 sq. m. Its major part remained unsettled and was used as agricultural grounds till the 18th–19th cc. Similar situation was accounted for in the excavation trench in the Chekhov str. Evidently, this highlights a single catastrophic decrease of population caused by the events of 1238.

The process of deurbanism of once powerful centre of nort-eastern Rus' is clearly seen both in pottery and in other finds. Preliminary results of the excavation works in the 22nd quarter concerning, in the first place, numerous collection of Christian antiquities have been published (Zharnov Yu.E., 1997, 1999, 2000; Zharnov Yu.E., Zharnova V.I., 1999) (Figs. 6, 7). The analysis of pottery collection carried out by E.K. Kadieva is presented in this book. Of special interest are the remains of two workshops discovered in 1999 in Chekhov str. – jeweller's and bone-carving ones (Fig. 8). A lot of various tools, raw materials, rejects, blanks, waste products were unearthed. Up to 400 crucible fragments were found, including those containing drops of gold, silver, copper-based alloys, and over 350 blanks and waste products of bone-carving. That numerous and diverse a collection is of importance not for the archaeology of Vladimir only, but also for general studies in ancient Russian craft as a whole. The presented results concerning the investigation of archaeological aspects of the discussed problem of 1238 are based on the excavations in Vetchany gorod; they certainly cannot mirror the situation in the town as a whole. Possibly, development of this territory took specific shape after Batyj's invasion, and the contrast between the pre-Mongol and post-Mongol pictures reconstructed by means of archaeology here seems too exaggerated. It should be underlined that the name of this territory is known in written sources under an expressive term "Vetchany" meaning "dilapidated", "old" town. However, the investigations carried out in another part of Vladimir (known as "Novy", and "Pecherny" towns) also clearly display the material culture of the ancient Russian town, on the one hand, and that of the 15th–18th cc., while the archaeology of 13th–14th century Vladimir remains to great extent an enigma. During the second half of the 13th c. Vladimir-on-Klyazma repeatedly underwent the Tatar raids, one of the most disastrous raids took place in 1293. Therefore, the urban population had never been restored, as well as the town's economic and political potential. The essential lost of tempo of historical development was caused by the drama of 1238, which had razed to the ground the town's aspirations for the status of all-Russian capital.

G.Yu. Ivakin

Historical development of South Russia and Batyj invasion

Lively discussion on the historical destiny of Kiev and South Russia as a whole started as early as mid 19th c. and is being continued ever since in various aspects. Until recently it was traditionally hold that Kiev, as well as the other centres of southern Russia had been practically entirely destroyed by Batyj troops, and urban life there had survived till the 17th c. in a limited and pitiful state.

The regular excavations in Kiev and other sites of southern Russia carried out during the past decades parallel with new insights into the written sources have resulted in creation of more complicated picture of historic events in the Dnieper basin after the Mongol invasion. The region did suffer a disaster in 1238–1240, still, the consequences of the incursion were not that apocalyptic and rectilinear as some investigators consider. Kiev after 1240 remained a significant political, religious, cultural, and economic centre of Eastern Europe.

Protracted domination of the ideas on the total devastation of Kiev had influenced negatively morphological and chronological aspects of studies. It was considered that if the city practically did not exist, no articles could be manufactured, in particular those technologically complicated and of high artistic value. This seemingly natural conclusion did not leave any ground for raising a problem, even.

Common graves, destroyed stone constructions, hoards, conflagration layers – everything was dated back to 1240, and, consequently, the finds discovered also. Production of glass, slate spindle-whorls, jewelry and casting moulds, amphora containers, and so forth was considered to have ceased. Consequently, wrong dates of cultural deposits were suggested, since it is the above categories that represent chronological markers. The captures and seizures of Kiev in 1203, 1300, 1399, 1416, 1482 were not taken into account, together with natural disasters and fires of the period. Archaeologists made the invasion to be responsible for their ignorance.

This situation is typical not only of Kiev. Actually, the thesis on the entire isolation of southern Russia from northwest Russian lands was a general historical doctrine.

Recently new excavations have evidenced that each object should be considered individually. The Novgorodan chronological scale demonstrates the necessity of improve-

ment of the Kievan one within the period of the 13th–14th cc., especially the chronology of glass bracelets.

The situation is a complicated one: we do not have at our disposal closed associations precisely datable by dendrochronology or numismatics. The deposits dated from the period under discussion are thin, strongly disturbed, and to some extent wiped out by massive superimposed horizons of the subsequent period, or by the underlying deposit of the 12th–early 13th cc. This, together with active diffusion of the material, hampers reliable stratigraphic dating as well.

The associations and deposits are dated from the second half of the 13th c. mainly on the ground of pottery studies, though it is difficult to single out reliable pottery types since there are no clear chronological datum marks. The observations carried out recently demonstrate that pottery manufacturing on the Middle Dnieper had remained principally unchanged until the early 14th c. after the Mongol invasion and the following events. The tendencies characteristic of the 11th–12th cc. were preserved and developed until the second half of the 15th c. This thesis concerns material culture of the 13th c. as a whole.

The Mongol incursion should be regarded not as an event once only, but as a prolonged process covering almost the whole 13th c. A large number of abandoned dwelling sites evidence, first of all, a cardinal shift in settling system of ancient Russia. The pattern of rural settlement had changed as well. Many towns in southern Russia were ruined in the course of wars led by prince Daniel of Galich.

Our investigations of material and spiritual culture of southern Rus' in the 13th–15th cc. permit to state that no discontinuity occurred as a result of the Mongol invasion. The traditions of the 11th–12th cc. were being generally developed under the influence of the internal factors first of all, the process being ruled by the events and trends of European scale (and wider). Only separate aspects of cultural development underwent destruction, while the profound cultural base remained untouched.

Generally speaking, Kievan Rus' did not come to an end in 1240 as a political, cultural, and historical phenomenon. It had survived until the 15th c. The invasion had stopped its rise, and, the most important, together with other European events, brought about quite a new historical situation in Central and Eastern Europe.

From the archaeological standpoint, a very reasonable and objective approach towards investigations of concrete monuments is necessary, while extreme positions, narrowness, prevalence of settled opinions, both out-dated or modern, represent the obstacles for detailed studies of such a complicated historical and archaeological problem as 13th century Rus'.

I.K. Labutina, M.I. Kulakova

Pskov in the 13th century (archaeological observations over settling and constructing dynamics)

Wide-scale archaeological investigations carried out in Pskov during the post-war decades represent a rare possibility to trace the initial settling and subsequent spread of population over all integral parts of the historical centre of the medieval town, as well as some adjacent territories.

Among the amassed observations we should point to those displaying signs of discontinuity in settling traditions discovered in several town districts and dated back to the 13th c. The areas in question were topographically bound to the periphery of growing suburb (*posad*) and the near household territory. In a number of excavaton trenches cultural deposits of the 10th–11th cc., 11th–12th cc., and the 12th–early 13th cc. were cleared, while other trenches have not yielded layers dated from the 13th, 13th–14th, and 14th cc. This situation was recorded in the districts of Polonishche (Fig. 1, *68, 73, 87, 104, 127*), Zapskovye (Fig. 1, *70*), and in the most striking way in the central part of Zavelichye (Fig. 1, *57, 60, 111, 116*). The above areas were re-settled after 100–250 years had elapsed.

The break in settling tradition accounted for in the peripheral area of the Pskov suburbs had not affected its most ancient central part, the best investigated in the Velikaya and Pskova rivers' interfluve. Evidently, this region had got some fortifications. The process of accumulation of cultural deposits in different parts of the region started in the 10th, 11th, 11th–12th cc. (Fig. 2, *1–3, 5, 6, 8, 9, 11*) and continued uninterruptedly. Still, archaeological material demonstrates decrease in constructing activity in the first half of the 13th c.

Dendrochronological studies of the timber from the ancient part of the suburb were carried out by N.B. Chernykh, A.F. Uryeva, and M.I. Kulakova. Wood samples mostly originated from the excavation trenches in Lenin street, seasons of 1968–1991 (Fig. 2, *5, 8*). The work has permitted to establish a detailed chronology of constructing dynamics. From 1534 samples with established dates 533 fell within the 13th c. (see Appendix). The lowest index of timber cutting was recorded in the chronological period since the late first decade till the early third decade of the 13th c. (Fig. 3, *4*). In the second half of the 20-s building activity was resumed. The index of tree felling increased in the early 40-s, after 1242. The next period of growing activity may be dated back to the period after 1280, and this rise continued until the end of the first decade of the 14th c.

The authors consider the discontinuity in settling tradition in peripheral regions of Pskov and low rate of building wood supply established for the ancient part of the town's suburb in the first half of the 13th c. should be explained by the information of Russian and Balto-German chronicles. The period under discussion is characterised by strong tension in military and political situation in north-western Russia.

German aggression in the Baltic region had brought to military activities necessary to defend Pskov's safety and interests, which caused its inhabitants' yearly participation in military raids and actions thus diverting both male

population and resources. In several cases Pskov was the field of military actions, being devastated and burnt down (1212), partly pillaged (1218), and sacked by the Germans (1240), in that instant the suburb was burnt down, and population partly fled to Novgorodan lands. Zavelichye – western outskirts of the town – was heavily afflicted.

After the liberation of Pskov and victorious battle on the lake Chudskoye (1242) a period of certain stability began; it is reflected in increase of constructing activity within the suburb's ancient part. The second half of the 13th c. was marked with peak of constructing here. Taking into account such facts as building stone defensive walls, and lively trading connections it should be admitted that maintenance of political situation during prince Dovmont's reign was the key factor in Pskov renaissance.

Still, the Livonic order was a constant threat for the town, and the population in the 13th c. did not come back to the places they had left. The way out of the situation was denser settling of the suburb and constructing stone fortifications for its defence (*the Dovmont's wall* built of stone, stone walls of 1309 around the whole suburb area). The town had turned into the frontier stronghold, this situation caused constructing new fortification lines in the town and hillforts in the adjacent territory (the 14th–15th cc.).

A.B. Mazurov

Evolution of Kolomna in the 13th–14th cc.: from a minor town of Ancient Rus' to the domain of the Moscow Great prince

At present all possible views on the dynamics of processes in ancient Rus' from the pre-Mongol to post-Mongol periods are represented in historiography. The author carried out excavations in Kolomna – one of the minor towns of the pre-Mongol Rus', that in the 14th–15th cc. became a centre of Muscovy principality immediately following Moscow in significance. The obtained material enables the author to establish both regional and general regularities in development of urban centres in the 13th–14th cc.

Kolomna came into being as an urban settlement in the mid 12th c. occupying the spot of earlier sites of the Early Iron Age (D'yakovo culture) and Slavic dwelling site dated back to the 10th–early 12th cc.

Historical sources mentioned Kolomna first of all as a strategically important point (4 chronicle entries in the last third of the 12th c. and 3 of them in the 13th c.). In the late 12th – first third of the 13th cc. the town was actively developing, and by the time of the Mongol invasion had reached a flourishing state. An important factor for this process was establishment here of local princely dynasty in the 1180-s. The material excavated from the earliest cemetery dated from the mid – late 12th c., and topographic observations over the town cultural deposit evidence a sharp growth of the area occupied by the town. It covered 30–35 ha.

Having analysed a complex of sources, the author suggests location of the pre-Mongol citadel within the north-eastern part of the later fortress (kremlin) of 1525–1531. The citadel probably covered an area of 3–5 ha.

During a long time (115 years, since 1238 till 1353) Kolomna was not mentioned in the chronicles, except for the information dated 1293. The town was destroyed in the winter of 1237/38 and underwent a period of decline, but was restored soon enough.

In 1336 Kolomna became the domain among the possessions of the Moscow Great prince, and in the late 1352 – early 1353 the centre of a new eparchy. In the second half of the 14th c. the town attracted great interest of the annalists(18 yearly entries highlighting 26 informational episodes). The above facts should be interpreted as the proof of growing town's status. In the late 13th – early 14th cc. Kolomna experienced a rapid territorial growth, its area reaching 80–90 ha. Investigations of the districts settled for the first time in that period have shown that the town expanded mainly over the districts inhabited by craftsmen. Developed trade relations are mirrored by imported artefacts. In the first half of the 14th c. the Moscow princes founded new fortress covering 20–22 ha. In this period stone constructions emerged, the system of parochial churches was formed, as well as a number of monasteries. The basic reason for the town's lively development was the attention of the Moscow Great prince and the resources at his disposal averted to Kolomna.

Thus, in the 13th c. historical development of Kolomna changed its direction. The short period of pre-Mongol prosperity was followed by a short-time decline; by the late 13th – early 14th cc. the town had been entirely restored and even entered a new stage of development, but this time as a rising princely town within Muscovy principality.

P.D. Malygin

Historical destiny of Torzhok and Tver' in the 13th century

By late 13th c. the border between Novgorod and Tver' had become both a real and symbolic divisional line in Ancient Rus' that separated the world of boyar republics and ancient Russian autocratic regimes. The towns of Torzhok and Tver' situated on this frontier at a distance of 60 km from each other should be regarded as typical representatives of the said worlds.

In the 13th c. Torzhok was an old town of Novgorodan land, the earliest timber street pavement within its citadel dates from the turn of the 10th and 11th cc.– the first half of the 11th c. Until the events of 1238 the town flourished economically and politically. It was disposed on the Tvertsa river–the main route for grain trade supplying Novgorod. Princely residence in Torzhok was situated at Verkhnee Gorodishche (or Novy Torg), whilst the boyars focused around the central town's cathedral of Transfiguration and the *veche* (assembly) square – Nizhnee Gorodishche (or Torzhok proper). The association of the two hillforts represented a miniature pattern of Novgorod structure consisting of Riurikovo Gorodishche and the Novgorod citadel (Detinets). Since the turn of the 12th and 13th cc. Torzhok played a basic role as a starting point for the princes claimants to the highest position in Novgorod. Their main threat was to arrange in Torzhok blockades of grain supplies to Novgorod. Archaeological investigations show that the cultural deposits marked with finds of glass bracelets of mid 12th–late 14th cc. occupy a vast area covering above 100 ha on both banks of the Tvertsa. In its centre the Transfiguration cathedral was situated (mentioned for the first time under the year of 1163), and in the southern portion of the town the monastery of Sts. Boris and Gleb was disposed with the temple built of plinfa-bricks. The Nativity monastery at the town's northern outskirts was mentioned in 1215. The events of 1215–1216 were the key point in the history of pre-Mongol Torzhok, when prince Yaroslav Vsevolodovich made an attempt to move there his residence from Novgorod. It was the account of these episode when the town of Tver' appeared on the historic scene. The earliest mentioning of Tver' in the chronicle under the year of 1209 is rather obscure, since it is not clear if it concerns the settlement of Tver' or the river of the same name. Still, V.A. Kuchkin has put forward a hypothesis on the existence of Tver' in 1140-s, the town was mentioned in the Tale on the miracles of the icon of the Virgin of Vladimir (1160-s), the first birch-bark charter found in Tver' dates back to late 12th c. Besides, dendrochronological dates from the excavations in Tver' fall within 1150-s –1180-s. To my opinion, there are reliable grounds to consider the 13th century the period of the town's formation.

1. The territory of Tver' represented an important point in river system since the Neolithic at least. The cultural deposits of pre-Mongol rural dwelling sites here can be taken for urban ones.
2. Distribution of glass bracelets in cultural deposits is unusual, as far as early dendrochronological dates are concerned. The bracelets' highest concentration is observed in the layers just above natural soil level, which suggests the first half of the 13th c.
3. In the layers yielding early dendrodates in Tver' the share of vessels with "axe-shaped" rims is exceptionally low, while this very class of pottery marks the associations earlier than the turn of the 12th and 13th cc.
4. The earliest dendrochronologically dated layers are associated not to the central part of the Tver' kremlin, but to a narrow land stripe along the Volga right bank. The earliest monasteries situated in the central portion of the town limited strongly the area covered by the medieval town.
5. According to Voskresenskaya chronicle, prince Yaroslav Vsevolodovich founded the town of Tver' on the Volga after the Mongol invasion in the place uninhabited before. He appointed his son Yaroslav as a prince there, and this was the beginning of Great principality of Tver', the episode being indirectly confirmed by other chronicles.
6. In developed medieval towns specific terms emerged to indicate their inhabitants. Written sources started calling the Tver' townsfolk "tverichi" since 1245 only.
7. One of the most reliable features of urban centre is the presence of central temple consecrated to a corresponding patron. The situation in Tver' was out of the rule. Until 1285–the year when stone Saviour cathedral was constructed, this role was played by timber church of Sts. Cosmas and Damian, which was atypical of any urban central cathedral.

Thus, one may suppose that instantly after 1238 in the Tver' river system a specific demographic situation emerged; it was characterised by concentration of refugees from the whole north-eastern Rus'. Prince Yaroslav Vsevolodovich availed himself of the opportunity to found the new town of Tver'.

The investigations carried out by O.M. Oleinikov demonstrated that construction of the rampart around the Tver' kremlin got started in the first half–mid 13th c. Wide-scale fortification activities by prince Yaroslav Vsevolodovich affected also the area of Tver' market comprised within the town's citadel.

Tver' is mentioned by some chronicles among the urban centres devastated by the Mongols. However, archaeological excavations have failed to clear up any remains of the 1238 crash so far.

The account of the First Novgorodan Chronicle on the heroic resistance offered by Torzhok inhabitants is well known. The Mongols bombarded the fortress of Novy Torg for two weeks by catapults. The townsmen under commandment of governor (*posadnik*) Ivanko and the boyars defended the town by themselves; having received no help from Novgorod the town was sacked on March 5, 1238. The citizens were massacred.

Archaeological investigations at Nizhnee Gorodishche in Torzhok clearly show catastrophic picture of two-week-long resistance. The conflagration layer is up to 30–50 cm thick, human bones and burnt remains of icons were discovered in it. Strong log constructions of fortification wall built in 1164–1187 were after 1238 replaced by paling (!), new log fortification wall was erected only in 1288, in the same year timber street pavement was resumed, for the first time after 1218.

The open suburb disposed on the other bank of the Tvertsa river before 1238 was inhabited by wealthy merchants, but in the course of the siege it was burnt and turned to be extremely dangerous area. Habitation here was interrupted for 250 years and actively resumed as late as the 15th c.

Generally, Torzhok and Tver' represent two greatly differing patterns of historical destiny of 13th-century urban centres. Torzhok was an old developed town, after 1238 it faced its first deep crisis, both economic and political. Tver' was a new town amid the process of formation, in 1285 it had got central stone cathedral marked with corresponding

consecration. The process of urbanisation here was evidently hampered by several rival settlements, possibly of pre-urban character, situated in the centre of the Volga–Tvertsa–T'maka river system. The 13th century for Tver' had turned to be the age of rapid development and growth despite the Mongol invasion.

T.D. Panova

Moscow and the Mongol invasion: The nature of cultural deposit in 13th century Kremlin

The 13th century was a specific epoch in the Moscow history. In the first third of the 13th c. Moscow was a minor town on the frontier of Vladimir land, then in the 70-s – 80-s of the 13th c. it turned into the centre of an independent principality. That period of development was vaguely recorded in written sources, therefore archaeological data represent the basic ones for study of history and material culture of the early Moscow.

At present existence of the cultural deposits dated from the mid and the second half of the 12th and the 13th cc. all over the area of the Borovitsky hill upper terrace has been confirmed. In some cases it is impossible to evaluate thickness of cultural layers inside the Kremlin, since it is a task difficult to perform in the course of archaeological observations; still, their continuity cannot be questioned. Settling system of urban plot type was traced along a street, street pavements constructed of logs and urban type artefacts were accounted for, the latter including imported items–the evidences of direct and indirect trade connections. Judging from these articles, change of main trade partners took place in the second half of the 13th c. Remains of manufacturing activity, as well as agriculture, hunting and fishing were also discovered.

The early Moscow fortifications constructed of earth and timber have been investigated. It may be stated that the defence system dated to the second half of the 12th c. and the 13th c. repeatedly underwent destruction during the attacks upon the town and then was instantly renewed.

Two hoards of silver jewellery dated back to pre-Mongol period provide the opportunity to evaluate the town's status during the first third of the 13th c. Together with other data they highlight the position of Moscow within Vladimir lands and form a new standpoint, so as to realise the attractiveness of the town for junior representatives of the Vladimir princely dynasty as early as that period. The associations of earliest hoards make us to change our ideas on the early Moscow topography and how it had developed by the late 13th c., and on its social structure as well.

Observations over the cultural deposit within the Kremlin and analysis of 13th century finds obviously confirm continuous and constantly progressive development of the town overrun by Batyj troops in 1238. Moscow had not been mentioned by the chronicles after this event for several decades.

M.D. Poluboyarinova

The city of Bolgar in the 13th century

The cities of the Volga Bulgaria in the 13th c. underwent the same stress as those of Russia. In 1236 the territory of the state in question was captured by the Tatar-Mongol invaders, cities and settlements were devastated and burnt down. The excavations of the city of Bilyar–the largest and richest centre in the pre-Mongol Volga Bulgaria–have revealed an impressive picture of hostile actions and intense conflagration. The cultural deposit corresponding to the crash contains a lot of artefacts and killed citizens' remains. The fortified city was never restored and re-settled.

The city of Bolgar by the 12th c. had lost the status of capital, still it remained an important centre. The inhabitants undertook preparations to offer a resistance: the old fortifications were renovated, a new defensive line was constructed consisting of a rampart and a ditch. In spite of that, the city was sacked and burnt down. The horizon of great fire from 5 to 50 cm thick was discovered all over the area of the pre-Mongol settled territory. But the fire deposit is sparse in finds and no skeletons of the people killed in the catastrophe have been found so far. Evidently, the inhabitants were given a chance to leave the city and take their property.

It may be supposed that the conquerors had chosen Bolgar for their capital in advance proceeding from its location on the Great Volga route, and hence the unusual treatment towards the city's inhabitants. The fire horizon was thoroughly levelled and covered with river sand to start construction. The grand mosque was founded, as well as the earliest communal baths, and two mausoleums. The urban territory expanded, crafts were restored.

Taking into account the shifts recorded in the material culture of the Volga Bulgaria in the Golden Horde period, it should be underlined that house-building, pottery-making, and agriculture remained practically the same.

I.V. Volkov

Dwelling sites in the Azov sea region in the 12th–13th cc.

Around the Azov sea, the lands which at present remain to be Russian territory, a whole chain of dwelling sites are known dated back to the 12th–13th cc., i.e. the pre-Mongol period. Few sites date to the 14th c., they are attested to the flourish of urban life in the Golden Horde. The sites constitute two chronological groups, strongly different in the repertoire of imported artefacts discovered.

The first chronological group dates from the second half of the 12th c., the sites concentrate around the Don mouth. The largest one–Kazachiy Erik–is located within the area of modern farmstead of the same name. The medieval cultural deposit is up to 2 m thick in the central part of the site, its area measuring now 3–5 ha. Close to this settlement cluster of sites were discovered: Rogozhkino, Dugino, Donskoy, Petrovskiy, Uzyak. The dwelling site of Natalyevka near the Mius river estuary enters this group as well.

The excavations were carried out at the sites of Kazachiy Erik and Natalyevka. Subterranean and half-sunken dwellings with stepped entrances and clay ovens are typical of the both. Pottery in the cultural deposit is represented mainly by sherds of imported amphorae of Trillian and Trabzon groups and insignificant number of pithoi and jars, also imported. Still, pots of ancient Russian shapes are present at the sites. Glass bracelets, Byzantine white-clay and red-clay pottery is accounted for in small numbers. The sites included into the first chronological group were abandoned within a chronological span since the very beginning of the 13th c. to the Mongol invasion.

The second chronological group is dated since the Mongol invasion till the 60-s of the 13th c.; the only settlement of Kurichi might survive till the late 13th c. The sites of this period are more numerous and spread over larger territory; they are small in dimensions and with thin cultural deposits. These are the dwelling sites of Semenovskaya Krepost', Zolotaya Kosa, Petrushina Kosa, Sambekskoe, Kurichi, Kobyakovo hillfort, Ovoshchnoy-1 (or Koysugskoe, the ground cemetery of Martyshkina Balka being related to it), Novomargaritovskoe, Shabelskoe hillfort, Magaty, and Yasenskaya Balka. Major part of the sites were investigated, certain ideas on their material culture as a continuation of the earlier one have been formed. Subterranean dwellings prevailed (only this type was represented so far) furnished with clay ovens. In a single case the oven was partially built of mudbricks. Open hearths with clay walls were also recorded. Local pottery is even more similar to ancient Russian one.

It should be supposed hypothetically that local population was not homogeneous, since it is practically impossible in the coastal area, especially within the steppe zone. One might have expected some information from Russian written sources, but the situation seems to be on the contrary. Byzantine sources produce practically no data as well.

The evidences of Arab authors have turned to be more fruitful, but this group of sources is the most difficult for interpretation. The treatise by Al-Idrisi was written in 1154, but the passages concerning the North Pontic territory are inconsistent. This author knew nothing on the Russians in the Azov sea region (and on the sea also). The town of *Rusia*, judging from the text, should be located somewhere on the Taman Peninsula or near Kerch. The treatises by Ad-Dimashki and Ibn Said al-Magribi fall within the 13th c. Both authors were familiar with the texts of the classic school, and Al-Idrisi's one as well. These two authors clearly evidenced the existence of the Russians in the Azov sea region, and pointed to the location of town of *Rusia* near the Don estuary. Later on, in the 14th c. Abu-l-Fida had repeated the information of Ibn Said, still, his data may be taken into account, as this text had incorporated the protographs that have not survived, namely, "The book of longitudes", and one more text that contained geographic co-ordinates.

Italian maps of the Azov sea region show only two place-names which may be related to the town in question: the river *Rossa* corresponding to the Mius, where the sites of Natalyevka and Semenovskaya Krepost' have been located; and the settlement of *Rossa* (*casale li Rossi, ...Rossa*). The latter was shown in the Don estuary. Taking into account that all the passages where the town of *Rossa* was mentioned date from a short chronological period, we may conclude that intensive life of that centre took place in the second half of the 12th c. It should be most probably identified with the site of Kazachiy Erik.

As for a settlement of ferrymen on the Lower Don mentioned by Rubruk, it may evidently correspond to Kobyakovo hillfort; in any case, it is the most suitable place to cross the river, displaying also the cultural deposit coeval with the source's data.

The origin of ancient Russian population inhabiting in the mid 12th c. the region of the Taganrog Bay may be explained proceeding from demographic statistics: strong population rise of the 11th c. on the Taman Peninsula ended abruptly in the first half of the 12th c., when its inhabitants might migrate to the Don mouth. This notion well corresponds to the general context of the events. After Byzantium had restored its power on the Taman Peninsula (though it could not be too much centralised in these far-off territories), it was more safe for the empire to get rid of the settlers once brought there by Tmutarakan princes, since they might feel rather like the latter subjects.

The network of the dwelling sites under discussion disappeared in the second half of the 13th c., which depended on the Mongols' town-building activity. All small settlements in the Azov sea region did not survive the 14th c., this fact should be explained by compulsory concentration of the settled population to new urban centres.

N.A. Makarov, S.D. Zakharov

On transformations' eve: Rural dwelling sites on the lake Kubenskoe in the 12th – early 13th cc.

The period of the 10th–13th cc. and, in particular, the 11th–12th cc. was marked by initial formation and stable development of great number of rural dwelling sites in the north and centre of ancient Rus'. What their destiny was like later is not quite clear for the scholars. The platforms of many open settlements where early habitation stages date from the 10th–12th cc. lack in well-expressed cultural deposits of the 14th–15th cc. and precisely dated finds of this period. Nevertheless, often at a distance of only some hundreds of metres historical villages are disposed, known from the written sources since the 15th–16th cc. It should be right to assume that major part of the dwelling sites originating from the first wave of colonisation dated to the 10th–12th cc. changed their location or were abandoned in the period since the late 12th till the early 14th cc., basic settling focuses being preserved.

On the other hand, the land documents and archaeological material give grounds to consider the second half of the 13th–the 14th cc. to be the period of essential growth of settled territories and spreading colonisation over small rivers' systems and interfluves. It was in this time that the hamlets consisting of few households became the leading type of rural dwelling site. Thus the 13th c. represents the epoch of basic innovations that had radically changed rural landscape in the Russian plain. Archaeology is facing the task of more detailed and subject investigation of the phenomena in question.

The present paper deals with the material from a rural site dated to the 10th–13th cc. with outstandingly well-preserved medieval cultural deposit, which is unusual of the Russian North, namely, the dwelling site of Minino-I at the lake Kubenskoe. Excavations of Minino archaeological assemblage were started in 1996 and from the very beginning aimed at clearing the situation of the second half of the 12th–the first half of the 13th cc. as one of the main scientific tasks. In the course of five field seasons voluminous archaeological material has been recovered. In this publication the material is analysed generally from the only standpoint–as the data able to highlight certain processes in development of rural dwelling sites during the 12th–13th cc., their situation on the eve of desolation evidenced archaeologically, and the very process of ceasing life that had left here vivid material traces of the earlier epoch.

The assemblage of medieval sites near the village of Minino is situated on the western side of the lake Kubenskoe, at the estuary of Dmitrievka (or Karachevka) river flowing into the lake. It consists of three rural dwelling sites (their total area is not less than 3 ha), a ground cemetery, and a site with the remains of iron producing. The open site of Minino-I occupies the central position in this local group. It covers an area of almost 1.5 ha. At the rural dwelling site excavated area constituted 240 sq. m, and that at the cemetery – around 250 sq. m; here 46 burials were discovered, interments and cremations as well.

Medieval cultural deposit at the dwelling site is up to 0.6 m thick, the remains of partially preserved residential constructions were traced. The earliest medieval horizon dates not later than the last quarter of the 10th c. Exceptionally high concentration of finds is characteristic of the deposit: the dwelling site has yielded around 3700 medieval artefacts in addition to the pottery. The collection comprises ornaments and costume details, utensils, tools, pieces of weaponry, merchants' equipment, objects of religious purpose. The repertoire of finds represented in the collection varies from iron knives, sharpening stones, and clay net-weights, quite usual of rural settlements, to relatively rare finds interpreted as the markers of high level of the local population prosperity and involvement in trade. These are fragments of Byzantine glass vessels, a balance weight, amber pendant-cross, sherds of pottery produced in the Volga Bulgaria, ornamented belt plaques and belt-tips, 9 silver denarii (both whole and in fragments). The site's platform lacks in cultural deposits of the 14th–15th cc. In its northern and southern sections the stones can be seen hardly covered with turf that represent the remains of stoves dating back to the second half of the 12th–the 13th cc.

The inhabitants of the medieval dwelling site in the course of the whole period of its existence practiced complex economy based on exploitation of forest resources and agriculture. The latter is evidenced in the Minino micro-region first, by pollen diagrams that display cereals' and weeds' presence, and, second, by large collection of carbonised cereals' grains accumulated by method of flotation of cultural deposit. Third, underlying layer of buried ploughing was cleared up below the medieval cultural deposit; thus, in one of the excavation trenches the superimposed layer of the second half of the 12th c. covered a ploughed field with the furrows clearly seen, intersecting at right angle. Osteological material from Minino dwelling site points to developed fur-trade, especially in the late 10th–the first half of the 12th cc. Wild animals' bones, mainly fur-bearing ones, prevailed in the lower and the upper horizons of medieval cultural deposit as well.

The material presented does not produce any direct answer for the question: what caused the site's abandonment in the 13th c., still, it clears to some extent the course of the process in question and various aspects of life in Minino on the final stage of existence. It permits to state reliably that the life here was not sharply destroyed by a military crash, nor by ecological disaster. It was discovered that settling pattern of the Minino micro-region in the 12th–15th cc. had preserved certain continuity: one of the branch dwelling sites of the Minino cluster continued functioning in the 13th c., country churchyard (*pogost*) was established there, it also became the centre of formation of a small but stable territorial and administrative unit. No indicators of near crisis, such as economic decline or degrading culture can be revealed in the material from the horizons of the 12th–the first half of the 13th cc. Yet the archaeological and palaeoecological data evidence that in the 12th c. development of dwelling site Minino-I was characterised by essential reduction of fur hunting, gradual

growth of arable lands and growing share of agriculture in economy. These processes were developing against the background of some transformations taking place in the environment of the Kubenskoe lake region–partial restoration of spruce and pine forests and swamping the terrain, caused, obviously, by climate evolution toward greater humidity and coolness.

Desolation of the old focuses of colonisation traced in the north in the late 12th–the 13th cc. should be most likely explained by a number of factors. The early dwelling sites disposed on the low terraces close to big rivers and lakes were losing their attractiveness after the sources of fur hunting in the neighbourhood were exhausted, exchange intensity dropped, and the epoch of more humid climate ensued. Under the new conditions the settlements were able to survive, but their perspectives for growth had been lost. Meanwhile, by the 13th c. some territories of Rus' already had got certain experience in managing interfluve areas with heavier soils, thus creating an alternative for traditional patterns of settling and systems of agriculture. One of the basic reasons for tillage eminent fields was apparently wider cultivating winter-sown rye and oats that were bound to suffer from ground frosts on low fields situated at the lake-sides. Transition to intensification in agriculture urged on changes in the established patterns of rural settling. Another factor speeding up destruction of the old systems of settling in the north could have been new ideas on exploitation of landscape and organisation of cultural environment formed at that time in ancient Rus'.

N.A. Krenke

Close rural vicinity of Moscow in the 12th–13th cc.

In the paper the map of archaeological sites of the 11th–13th cc. located within the modern boundaries of Moscow is discussed. The territories under investigation once were the close rural surroundings of the medieval town. The sources' database is analysed, descriptions of sites' basic types–burial mounds and settlements–are presented. Having studied the map, the author singled out three main districts that displayed significant differences in their settling patterns. The districts covered the Moskva river valley; river valleys of its right-hand tributaries; and the left bank of the Moskva river. The conclusion was made that the colonisation had started in the Moskva valley since the turn of the 10th and 11th cc.

Changes in settling patterns took place in the first half and the middle of the 12th c. Then a castle was built on the estuary of the Neglinnaya river, and close to it (at the distance of 0,5–1,5 km) an agglomeration of rural dwelling sites came into being. In the same period the valleys of small rivulets, the right-hand tributaries of the Moskva river, were intensively settled. Comparison of the archaeological and landscape maps permits to suppose that concentration of medieval settlements on its right bank was due to the natural potential of the territory, favourable for agricultural economy. Investigations of separate micro-regions have enabled the author to outline some regularities in land-tenure: dwelling sites occupied the river banks' features, fields were located on the slopes, in the middle of the slopes burial-mound cemeteries were usually constructed (on the average 300 m from the river and 250 m from the settlement). Small dwelling sites consisting of 1–4 households dominated in settling pattern. Proceeding from mounds' groups number and settlements' size some palaeodemographic evaluations were put forward. On the average, population number within the close vicinity of Moscow in the 12th–13th cc. is estimated as 900 inhabitants. Taking into account possibly high natural population growth this number in the 13th c. could apparently reach 2000. The total area occupied by rural settlements and that of the town in the mid 13th c. were compared, the latter turned to be 1,5 as much. Consequently, the urban population may be estimated approximately at 3–5 thousand.

The data on continuity in rural dwelling sites' distribution in the 13th c. are shown, as well as on formation of a new strategy in mastering landscapes. Therefore, a number of settlements might be abandoned in the second half of the 13th c. after the military catastrophe of 1238, or either represented a consequence of new structure of land-tenure.

S.Z. Chernov

Distribution of rural population in the principality of Muscovy in the 2nd half of the 13th century: traditional and novel patterns of recovering from crisis (based on materials of archaeological studies conducted in 1976–1993 in Pekhorka and Voria rural districts)

Archaeological studies indicate that settlements' structures are a sensitive barometer of demographic, economic, and cultural processes, which accompanied Russia's recovery from the crisis caused by the Mongol invasion. At the same time, it proves to be quite difficult to establish to what extent changes in those structures are the result of the above processes.

The transformation of the ancient Russian settlement structure during the second half of the 13th c. was described in our paper of 1991, based on the material of localities to the north-east of Moscow (Radonezh, Voria, Kinela). The purpose of the present article is to assess the degree of discontinuity between settlements' structures before and after

the invasion, and to examine how restoration of economy proceeded in territories differing in environment and economy.

The study is based on data gathered in the course of surveying the territory of the ancient *volosts* (small rural districts) Voria (Pushkino district of the Moscow region) (1977, 1993) and Pekhorka (Balashikha and Shchelkovo districts of the Moscow region) (1990).

There were 21 settlements occupying 10.8 ha on the middle Voria river (40 km from Moscow) in the first third of the 13th c. (the first written record of *volost* Voria dates back to 1336). Burials took place in approximately 300 barrows during a century and a half (269 burial-mounds are accounted for). After Khan Batyi's invasion in 1238, 11 settlements totalling 6.8 ha ceased to exist, in particular, three major settlements (Mikhailovskoye-1, Muromtsevo-1 and Putilovo-1) known for their rich Krivichi-type barrow associations of the 12th and first third of the 13th c. This means that 63% of territories populated before the Mongol invasion was ravaged and remained devastated. In the second half of the 13th c., 9 settlements (Tsariovskoye, Tsariovo-1, Ostankino-1 and 2, Barkovo-2, Alekseevka-5, Kablukovo-2, 4 and 5) were re-settled, which constitutes 37% of the area populated before the Mongol invasion, and 8 new settlements with a total area of 5.2 ha came into existence, i.e. 46% of the corresponding figure in 1238. All in all, the total populated area at the end of the century reached 9.5 ha, or 88% of settled area in 1238.

The population moved from the banks of the Voria to valleys of smaller rivers (Talitsa and its tributary Prorvanikha). Here a cluster of settlements came into being on an area of 1–4 thousand sq.m in the vicinity of a hillfort (Tsariovskoye gorodishche), which had emerged in the first third of the 13th c. Remains of that period's settlements have got pronounced traits of settlements on flat hills, unlike those before the Mongol invasion, which were situated on flat terraces.

Discontinuity in the development of agricultural infrastructure is manifest. In many cases not only settlements were forfeited, but also the arable land. For example, at the beginning of the 15th c. the settlements Putilovo-1 and Muromtsevo-2 had new cultivated lands. The area of another pre-invasion settlement (Tsariovo-3) remained vacant for at least half a century, while the new homesteads (Tsariovo-4) were built 100 meters off, beyond a ravine, where the village formed later, around the 15th–16th cc. The continuity is traced in settlements situated either in old (Kablukovo-4 and 5) or in new nodes of the settlement network, or else on the periphery, in backwoods, where settlements consisting of just a few homesteads escaped devastation (Barkovo-2, Alekseevka-5).

There were 13 settlements occupying a total area of 7.3 ha in the first third of the 13th c. in the upper reaches and middle course of the Pekhorka 20 km from Moscow along the Pereslavl (Stromyn') road (the first record of *volost* Pekhorka dates back to 1380–1382). 112 burial-mounds were identified in their vicinity, however before wide ploughing up they numbered not fewer than 160. Only three settlements ceased to exist after 1237 (Lukino, Akatovo-1 and Akatovo-2) with a total area of 2.7 ha, or 37% of the populated territory before the Mongol invasion. During the second half of the 13th c. 10 settlements were re-settled, or 63% of the territory populated before the Mongol invasion, and 8 new settlements with a total area of 3.7 ha came into existence. All in all, the total populated area by the end of the century reached 8.3 ha, which amounted to 114% of territories populated by 1238.

Unlike *volost* Voria, Pekhorka did not undergo radical changes in the structure of pre-Mongol settlements and their type during the 2nd half of the 13th c. The largest of them (Alekseevskaya roshcha-1 on the river Pekhorka, Nikolskoye-Trubetskoye-1 and 2 and Gorbovo-3 on the river Malashka totalling 7–8.5 thousand sq. m in area) survived (were restored?), and supplemented with newer villages without ploughland (on Shchukino meadow, Aksentievskoye field, Balashikha-1 and 3) with an area of 1.7–4.6 thousand sq. m. Like on the Voria, a cluster of settlements, which had formed in the pre-Mongol period in the vicinity of a hillfort later known as Nikolskoye Mytishche (Balashikha seat, settlement Balashikha-10), underwent further development. Here were examined a building with ceramic material resembling log-house frame Srub-1 in the Istorichesky lane in Moscow and a fragment of amphora from Trillia (near Nikea) brought to Russia as early as the beginning of the 13th c. A settlement–the historic predecessor of the centre of *volost* Pekhorka – formed where the road to Pereslavl crosses the river Pekhorka. Besides, development began of the Medvezhy lakes 2.5 km off the locality populated before the Mongol invasion.

Stability of the settling structure on the Pekhorka can be explained by the fact that the surrounding Meshchera landscape (coniferous forests on fluvio-glacial sands) offered bleak prospects for cultivation and agriculture, but afforded an excellent opportunity for wild-hive beekeeping. The Voria valley was situated at the foot of the Klin-Dmitrov ridge, and its tributaries led new settlers to moraine flatlands, suitable for arable farming (based on new forms of agriculture). It was here (before the Mongol invasion) that a stronghold appeared, which later became the historic predecessor of the centre of *volost* Voria (fortified settlement Tsariovo), as well as major "pioneer" settlements of the second half of the century (near the villages Berezniky and Staroye Selo).

The above-mentioned differences in landscape, however, cannot fully account for the greater continuity in the development of settlements on the Pekhorka (37% of settlements not restored) as compared to Voria (63% of settlements not re-settled), for the extent of destruction on the Pekhorka was not less than on the Voria (the route from Moscow to Vladimir along the river Klyazma lay through Pekhorka, and Khan Batyi's troops could not help passing that way). The explanation should be looked for in a different plane. Studies of specialists in economic geography show that during crises, the periphery of a settling structure ("leafage") is rapidly destroyed, while its central part ("trunk" and "roots") demonstrates a high degree of stability, gaining strength from the periphery. It may be assumed that restoration of economic structures on the Pekhorka began during the first two decades after 1238, when remains of homesteads, ploughlands and meadows were still existent. As to the Voria, settlers returned there somewhat later, when former ploughlands and meadows were already occupied by forest. This explains the known cases of discontinuity. This also makes clear the quantitative level of restoration of

populated territories by the end of 13th – early 14th cc. On the Pekhorka (in our view) the process of restoration began earlier, and by the end of reign of Prince Daniel of Moscow it was well underway (110% of the level of 1238), while on the Voria it had not progressed so far (88% of the level of 1238). Later the roles of these districts in the economy of the Moscow region reversed. In Meshchera, the ecological niche of medieval economy had been filled by the beginning of the 15th c., while on the Klin-Dmitrov ridge economic development continued until the first quarter of the 16th c. Due to the diversity of landscapes on the Voria, the settlement network was potentially very flexible. The peripheral position in the settling structure of the principality resulted in a deeper demographic and economic crisis in the 13th c., and the "cultural challenge" was more acute. Consequently, the "response" of Russian culture here was more manifest, showing itself in a sharper and deeper change of forms of adaptation and emergence of new cultural and economic traditions, which became fully evident in the 14th c.

M.I. Gonyany, M.Ya. Kats, A.N. Naumov

Ancient Russian archaeological sites of late 12th – third quarter of the 13th cc. at the Nepryadva river estuary in the Kulikovo field

In the paper are considered the methods and results of complex archaeological and geophysical investigations performed at ancient Russian sites at the Nepryadva river mouth in the region of the Kulikovo field. The suggested complex method of study of dwelling sites included visual land survey, collecting stray finds with application of metal detector that had permitted to reveal the most informative spots within the sites, subsequent geophysical prospecting followed by archaeological excavations turned to be fruitful. The said is true first of all of non-stratified sites of short habitation period, as well as those undergoing ploughing and destruction.

The work discusses the basic features of settling structure, density of the population and its dynamics during pre-Mongol and the Golden Horde periods. The information on 23 ancient Russian sites is presented. They are concentrated within three regions different in span and landscape and form clusters that may be preliminary identified with the territories of rural communities.

Dwelling site Kulikovka-4 covered an area ca. 13 ha; long-term land surveys with application of metal detector resulted in revealing its layout, living and producing zones, accumulation of representative collection of finds that have enable us to improve the site's chronology. It may be preliminary supposed that the site was included into the system of the Don trade route functioning.

Archaeological and geophysical investigations at the settlement of Tatinki-4A dated back to the second–third quarters of the 14th c. seem to be of special interest. Spatial structure of the site was established, and the interpretation of sunken structures was suggested in advance of the excavations.

It is important to underline that the major part of the sites located in river valleys exhibit their connection with the first flood terraces, or to the heights within the flood-plains. The rural sites situated in the interfluves occupied gentle slopes in the ravines' upper reaches.

Dwelling sites of small area prevail in number; they represent the type of single-household site or small farmstead consisting of few households, depending on major settlements.

Judging from the results of our investigations, the process of settling and economic development of the Kulikovo field region had started in the late 12th – early 13th cc. The territory was most densely populated in the first half of the 13th c. In the second half of the same century Russian population migrated from the forest-steppe region on the Upper Don to more safe territories. In the late 13th–the 14th cc. the Kulikovo field was included into jurisdiction of the Tula province governor (*baskak*), this fact resulting in certain stabilisation in the relations between Rus' and the Golden Horde and secondary settling of The Field.

In the second half of the 14th c. the territory under discussion appeared to be abandoned again, as it is evidenced by the text describing the pilgrimage of Metropolitan Pimen to Constantinople.

S.V. Shpolyansky

Investigations of minor rural settlements (the excavations of 13th century dwelling site at Oznobishino village, Moscow region)

In the paper the results of excavations are presented carried out at single-household site dated from the 13th c. at Oznobishino village (Podolsk district, Moscow region). The rural dwelling site was investigated in the seasons of 1995–1997. An area of 1304 sq. m was cleared, which practically covers the whole territory occupied by the medieval settlement. One dwelling and 18 domestic structures were unearthed, besides some post constructions. The large area investigated has permitted to shape an idea on the site layout. It consisted of household yard 350–400 sq. m large; within it the single dwelling was situated alongside with domestic outbuildings of different purpose. A number of post-holes are interpreted as the remains of the yard roofing. Undeveloped space separated domestic and producing areas of the site from the dwelling.

The finds recovered at the site evidence the period when so-called "Vyatichian antiquities" still functioned in everyday life, but gradually were excluded from the sets of mortuary gifts. It is still a debatable question as for the date when some artefacts of Vyatichian types (finger-rings, for instance) ceased to be used any longer in everyday life. In the 13th c. the practice of constructing burial mounds was gradually abandoned, this process reflecting the final stage of village adaptation to Christianity. Still, the complicated character of the process can be seen in the details most clearly expressed by the material yielded by small rural settlements and not mirrored in the collections from burial sites and major towns.

The results of excavations at the site of Oznobishino-5 have clearly shown the features in material culture typical of the rural dwelling sites of the 13th c. in the Moskva river basin. They were marked with some finds characteristic of burial mounds epoch and had not undergone the changes caused by the Mongol invasion, which are abundant in the material of the later period from the same region. Small number of the finds dated from the second half of the 13th c. permits to suggest precise chronology of the site, and evidence that the artefacts traditionally interpreted as the remains of kurgan burial tradition functioned as everyday articles until late enough.

Numerous outbuildings of domestic purpose located within the household area, its well-organised structure demonstrate quite developed a type of dwelling site that is considered the basic economic unit of medieval agricultural community. The investigations of Oznobishino rural dwelling site and similar farmsteads consisting of few households are of significance for forming a congruent idea on peasantry everyday life in medieval Russia.

L.A. Beliaev

Stylistic elements in the 13th-century material culture

The article enters a series of works devoted to certain similarities and parallels of the stylistic processes in the Old Rus' and in Byzantium and the West. It concerns the problem of the stylistic components characteristic of the transitional period in the 13th-century cultural processes, which defined their further development, and explores correlation of both implicit and explicit factors in the latter.

The study of the problem is undertaken on two levels: a general concept is accompanied by thorough examination of iconographical details of the concrete artefact–a small carved stone icon, dating to the 13th century, from the collection of the Yaroslavl museum. Thus, it continues the investigation on the typology of representations of the Holy Sepulchre in Jerusalem in Old Russian art from the 12th to the 16th century, which has been challenged by my publications devoted to the Romanesque elements in Russian medieval culture.

The 13th century was distinguished by one of the most expressive – although not a monolithic one – material and artistic culture. Its features, both transitional and contradictory, were constituted by dramatic events in the Mediterranean and Eurasia, and the establishment of the new contact zones of the Christian and the Muslim worlds. This process affected to a significant extent the Byzantine empire which lost effective control in many regions and was disintegrated, culminating in the capture of Constantinople by the Fourth Crusade in 1204. Even after Constantinople was reconquered in 1261, the Byzantine Empire was nothing more than one among the various Balkan states.

Just as cultural alterations in the 13th-century Byzantium reflected the empire's interactions with its Christian neighbors and rivals, its relations with the Islamic East, and its contact with the Latin West–the gradual receding of the contact zones deeper into the Islamic lands to the south and the east can be traced far beyond their borders. Similar contact zones existed elsewhere–in Southern Italy and Sicily; the Iberian Peninsula; the Balkans, and to a certain extent Hungary and Poland. The expansion of the Crusades to the East both in the south (through Byzantium and Palestine) and the north directions (through the Baltic lands) provided opportunities for western peoples to get into direct contacts with Eastern Christian traditions, and to promote diffusion of the most remarkable accomplishments of Western European culture to other lands and civilizations.

Later, similar process started in Eurasia as a result of the Mongol-Turkish incursions from the eastern steppes into the heartland of Central and Eastern Europe. It resembled the processes operating in the contact areas of West Europe–that is, alterating war and trade. Causing disintegration of the Old Rus', it changed dramatically both ethnic and political situation in the northeastern ladns.

It is no surprise that all these events brought essential alterations to material and artistic culture, which historians usually regard as "innumerable calamities" – Byzantium and Eastern Europe were cut off from the sphere of western European political relations, culture and trade; they lost the skill of "monumental" building; a number of complicated and expensive technologies disappeared.

Certainly, all these features are characteristic of the 13th-century cultural processes. The invasions, however, were not unmitigated disasters everywhere. One may point out certain significant positive tendencies – preservation of a number of cultural traditions genetically related to the preceding period in their isolated local forms; transmission of the latter into the new periods; a prospect arisen for formerly peripheral cultural zones–for example, the Balkans–to push their way into the foreground. The peripheries left behing their old leader, Byzantium, and had begun to be overtaken by the culture of their western neighbors.

The 13th century played a decisive role in medieval Russian culture. The cultural development of medieval Rus' was determined by both tendencies, although only one of them has been comprehended until the present by the traditionalist scholars. In the historiography of Russian medieval culture the issue of contact with the Romanesque West has always been marked by constant and desperate disputes. There prevailed the concept of the complete isolation of medieval Rus' from Western Europe during the late 13th through the 15th century. However, those who deny the

stylistic influence of West European medieval culture have seldom justified their view by careful comparative analysis of stylistic elements. The acquaintance of medieval Rus' with Romanesque culture appears increasingly obvious as studies continue. This influence includes architecture, as well as applied art, graveslabs and sarcophagi ornamentation, and fits perfectly within the context of the 13th-century circum-European style.

N.V. Zhilina

Russian filigree art before and after the Mongol-Tatar invasion

A number of important processes in development of Russian granulation and filigree arts started before the Mongol-Tatar invasion: geometric styles in granulation gradually were replaced in gold jewellery by "austere" and "high-flown" ones, related to the progress of world filigree art.

Slavic and Russian national attire adorned with filigree and granulation was changing gradually typologically and stylistically under the influence of Byzantine Christian dress based on cloisonne technology.

One of the basic trends of the process consisted in transition to narrow chain-attached pendants (*ryasno*), while large star-shaped temporal rings (*kolts*) fell out of use. Destruction caused by the Mongol invasion had put an end to functioning of national metal attire, it was never restored. The destiny of high-flown style in filigree art developed by elite jeweller's manufacturing in Rus' and Byzantium was the same. Morphological types of ancient Russian ornaments were forgotten.

In the 14th c. an independent "spiral" style in Russian filigree art came into being, its development being somewhat retarded. In the 15th c. a new impact of Byzantine influence is observed; it was expressed in subsequent including Byzantine stamp-like elements into compositions executed in spiral style. General picture of spreading technological varieties of wire filigree art is similar to that of pre-Mongol period.

Studies of filigree art led to a conclusion that the Mongol devastation caused a break in development of national traditional culture, which must be evaluated as great loss and cultural discontinuity. Still, the progressive technological and stylistic tendencies originating from the pre-Mongol epoch continued their development.

I.E. Zaitseva, T.G. Saracheva

Non-ferrous metal finds from the Vyatichian sites (comparative historical analysis)

Comparative study of two databases is discussed in the paper. The data concern analyses of non-ferrous metal used for ornaments' manufacturing in the ancient Russian town of Serensk (121 samples) and found in rural burial mounds attributed to the Vyatichians tribe (542 samples). Serensk was a borderline fortress controlled by the princes of Chernigov. Its cultural deposit has yielded impressive remains of jeweller's production, attested to three workshops dated from the first half of the 13th c. and the second half of the 13th–14th cc. The comparison was executed according to the parameters singled out in advance of the procedure, that is application of pure metals, binary, triple, and multiple alloys.

Having compared the amassed data, it may be stated that the town of Serensk and the rural sites both represent a single metallurgical tradition typified by prevalence of tin bronzes and lead-tin bronzes (the Vyatichian zone of non-ferrous metal-working, according to A.A. Konovalov). Still, some essential differences were recorded by analytical studies of certain alloys. Thus, in the Serensk groups of tin bronzes and lead-tin ones the formulas with low tin contain prevailed, while among the material from the barrows both low tin and high tin formulas in the ornaments were observed.

The above notions have led the authors to a conclusion that the production made by the Serensk artisans was spread in the town's vicinity (coiled wire bracelets, grill open-work finger-rings, and so forth), but greater part of the barrow material was produced in another manufacturing tradition.

The alloy with tin content up to 8% and lead up to 2% was the favourite one applied by the jewellers in Serensk. Various categories of ornaments were made of it. This formula was a universal one from technological position. Local craftsmen had at their disposal tin-containing raw material and deliberately produced that very alloy. They basically worked with metal raw material and did not remelt scrap ornaments. On the contrary, rural jewellers worked with remelted scrap fairly often.

The finds yielded by the town workshop dated from the second half of the 13th c. have shown both survival of the old traditions in alloy formulas and innovations as well, the latter caused, in the first place, by the changes in composition of the raw materials obtained. In the earlier period this kind of relations were directed eastward (towards the Volga Bulgaria), later the jewellers gained their raw materials from the west, which is confirmed by the presence of zinc-containing alloys. After formation in the late 13th c. of small independent principalities functioning of a large jeweller's workshop was not necessary any more, and ornaments' manufacturing in Serensk came to an and.

L.V. Pokrovskaya

Finno-Ugrian ornaments in Novgorod in the 13th century

Development of relations between Novgorod and Finno-Ugrian tribes had resulted in formation of specific Slavic-Finnish cultural synthesis and emergence of characteristic shapes of ornaments in the territories in question. It was the 13th c. that displayed formation and flourish of Baltic-Finnish tribes included into Novgorodan lands. The interrelations of Novgorod and the discussed tribes are mirrored by the Novgorodan archaeological material; they are responsible for quantitative rise noted in the group of ornaments of Finno-Ugrian origin discovered in the town's cultural deposits.

Investigations of the ornaments in question originating from Novgorod have shown that they were attributed to all Finno-Ugrian tribes united by Novgorodan power in the 12th–14th cc. Among the ornaments found in Novgorod those typical of the Karela and Vod' tribes are present, as well as the items from the Ladoga region and north-eastern territories. Among them the author should mention temporal rings, mainly with several beads on the wire, horse-shoe-shaped and oval Karelian fibulae, cloth-pins, bracelets, finger-rings, and spiral beads. Totally the artefacts of Finno-Ugrian origin discovered in 13th-century cultural deposit number ca. 200 pieces. Their systematic analysis has evidenced that some of them were worn as a part of traditional Novgorodan costume. This relatively numerous group comprises horse-shoe-shaped fibulae, pins, and hollow jingling pendant-amulets of horse shape.

Horse-shoe-like fibulae were used in Novgorod as cloth fastenings beginning from the second half of the 10th c. In the 13th c. this custom still existed, though cloth-pins were more numerous, among them the types with stylised or three-fan heads. Apparently, the pins should be concerned as more popular component of Novgorodan costume.

In the 13th c. hollow horse-shaped jingling pendants came into being in Novgorod, their mane was made in filigree technology. The tradition of wearing zoomorphic amulets as a part of town's costume had been evidently formed in the course of cultural interrelations with the Finno-Ugrian tribes that inhabited Novgorodan lands.

In the 13th c. the greatest diversity of Finno-Ugrian ornaments is accounted for within the borders of boyars' town plots, their owners being involved into administrative relations with Finno-Ugrian population who paid tribute to Novgorod. The major part of the ornaments under discussion were widely spread among the Finno-Ugrian antiquities and do not provide any opportunity for establishing cultural connections with certain regions. Nevertheless, the sets of Finno-Ugrian adornments can indirectly confirm the relations of the town plot inhabitants. If some other sources (for example, birch-bark charters) are discovered, the relations may be characterised in more detailed way.

Having carried out comparative studies of sets of Finno-Ugrian ornaments yielded by archaeologically studied town plots of the Nerevsky and Lyudin town districts, the author has shown that the discussed artefacts never formed a prevailing group. Consequently, it is impossible to suppose that plots or their clusters inhabited by the Finno-Ugrians could exist in Novgorod. Still, they could live in those that belonged to some large boyar clans, and this part of population was rather stable locally and chronologically.

E.K. Kadieva

Pottery from a town plot of the late 12th–13th cc. in Vladimir

In the paper a detailed description of the pottery association from a town plot dated back to the late 12th–13th cc. in Vladimir is presented. The assemblage was investigated by Yu.E. Zharnov in 1993–1998. The analytical system was applied worked out for studies of wheel-made pottery of the central regions of the Rostov-Suzdal land. Pottery collection from the assemblage numbers around 92 thousand fragments and 169 whole shapes; 98,5% of the material are attested to ancient Russian wheel-made pottery of the pre-Mongol period, 1,5% – to early red-clay pottery, that is to the later group of ancient Russian wheel-made pottery. The following categories of vessels were singled out and characterised: pots, saucers, bowls, bowl-shaped vessels, mugs, tumblers, *kubyshka*-type vessels, amphorae of *korchaga*-type, lamps, and lids.

Three basic pottery associations (BPA) have been singled out: BPA 1 and 2 corresponding to the pre-Mongol period of the building, and BPA 3 related to the post-Mongol stage in the existence of the assemblage. The associations have been cross-compared according to several features, namely:

1. Vessels' dimensions. It was established that BPA 2 displayed the greatest variety of vessels' dimensions (1214(27)–1238), since in this BPA only miniature vessels were present.
2. Pottery repertoire. This feature was best expressed also by BPA 2. Eight categories were recorded: pots, saucers, bowls, bowl-shaped vessels, tumblers, mugs, *kubyshka*-type vessels, amphorae of *korchaga*-type.
3. Ornamentation technique. A number of technological modes of pottery ornamentation were applied: patterns incised with knife, stick, comb; imprints of sharpened and blunt stick, bobbin-shaped stamp. Two periods are revealed in development of pottery ornamentation. The first one is associated with the pre-Mongol period of the town plot existence. In that time vessels were decorated with two first technological modes only, but the share of ornamented pottery was very significant. In the second period (the middle and the second half of the 13th c.) the share of ornamented pottery was sharply reduced, ornamental motifs of wavy lines increased, whilst linear patterns became less frequent.
4. Rims' varieties. The most popular rim type in the pre-Mongol period of the assemblage life was that of

hatchet shape and the type with rounded and inverted edge. In mid 13th c. the variety of rim types decreased sharply, the most popular shapes of pots' upper part were then the rims of simplified archaic configuration.

5. Potter's stamps. The total of 109 stamps were recorded within the town plot, 97% of them fell within the pre-Mongol period. The most wide-spread stamps were princely tamga-signs, which may be related to the specific character of the assemblage: it undoubtedly belonged to a person close to prince's court. Another characteristic feature of the pottery association is high number of potter's stamps bearing geometrical images, their major part being represented by three-sided rosette. The latter were most probably connected with the strengthening influence of the South Russian manufacturing traditions of pottery-making in Vladimir.

As a result, two periods in development of wheel-made pottery from the investigated town plot were revealed:

– the late 12th c. – 1238, the period of creative activity and widening pottery repertoire. By the Mongol invasion in the plot pots, bowls, bowl-shaped vessels, saucers, tumblers, mugs, amphorae of *korchaga*-type, *kubyshka*-type vessels, lamps, and lids were used. Rims' varieties were rather numerous.

– 1238 – the second half of the 13th c., the period marked with pottery of worse quality. Evidently, many skilled potters from the princely court were taken captives, and soon after the Mongol invasion it were potters' apprentices or some unskilled persons who produced pottery. Some of the artisans must have migrated from somewhere, since in spite of vessels' poor quality some of them show the proportions not typical of the pre-Mongol period, and wavy lines became the dominating ornamental motifs.

V.Yu. Koval

The amphorae from Byzantine cultural circle in Medieval Russia (10th–13th centuries)

Different terms are used in Russian archaeological publications to signify medieval amphorae of the 10th–13th cc., still, all of them are unsuccessful. Such terms as "ancient Russian", "southern", "Kievan" (that is produced in Kiev), "red-clay", "Circumpontic", "North Pontic" applied to the vessels in question create major confusion among the archaeologists.

Actually, all medieval amphorae were manufactured in Byzantine, or in the countries of Byzantine cultural circle in the Mediterranean and North Pontic regions. That is why all vessels of that kind should be termed exclusively as "Byzantine amphorae", or "the amphorae of Byzantine cultural circle". Other determinations are incorrect. At present there are no doubts as for the fact that amphorae were never produced within Russian lands, and the theses on their manufacturing in Kiev or some other centres of South Rus' should be concerned erroneous.

The amphorae of Byzantine cultural circle were used first of all for transporting wine and other liquid and dry matters (oils, oil-products, spices) to Russian lands from Byzantium. Once brought to Rus', they were used as containers for preservation of agricultural products in princely, boyar, and, apparently, in church and monastery cellars.

Sometimes amphorae served as a part of urban house interior. A variety of products and artefacts could be preserved in them, for example, beads' lots. Amphorae were also used while constructing Christian churches for lightening vaults and creating acoustic effects. Even sherds of broken amphorae were sometimes utilised for making different small artefacts.

The catalogue of finds of medieval amphorae (the 10th–13th cc.) in the territory of ancient Rus' has shown that they were widely spread over all Russian lands, both in the north and south. Amphorae are known not only from towns' cultural deposits, but also from numerous rural sites.

Totally 197 sites that have yielded amphorae finds are known at present, among them 37 rural dwelling sites, 2 cemeteries, 1 monastery, and several feudal castles, the remainder originate from urban centres. Thus, concentration of the discussed pottery depends on number of towns and large villages where lived the consumers of the goods transported in amphorae – vine wine, oils, and the like. Traditionally it is hold that among them there were, first of all, princes, and both boyars and merchants, having at their disposal the corresponding means to consume the expensive commodities. One more consumer of large amount of vine wine should be pointed to, namely, Christian church. Wine was utterly necessary for performing Holy mass. Since by the 13th c. churches existed in all Russian towns, wine in amphorae-containers had to be delivered to each.

In mid 13th c. import of amphorae to Rus' practically ceased; very few items of the second half of the 13th c. are accounted for. There were a whole number of reasons why the import had stopped, among them downfall of Constantinople in 1204 and the break in relations that followed; the Mongol invasion of 1237–1240 and devastation of Rus'; passing control over Pontic trade to Genoa since 1261; maintenance of Russian connections with the West.

Amphorae were brought to Rus' from several centres. Ten types of the imported vessels may be singled out at present. Around 70% of the amphorae supplied to Russian territories in the 10th–13th cc. are attested to Trabzon type (after I.V. Volkov), consequently, the bulk of wine was transported to Rus' from south-eastern Pontic regions. Another 20% of the import consisted of Trillia type manufactured in the region of Nikea (after I.V. Volkov). The remainder came to Rus' from the Aegean, Palestine, Chersonese and some other yet unidentified centres. The traditional opinion on the exclusive role of Chersonese (and the Crimea as a whole) for Byzantine-Russian trade should be considered insufficiently grounded. The most significant agent undoubtedly was Constantinople, in its market all great deals were done to purchase goods, among them those transported in amphorae.

V.Yu. Koval

Oriental pottery in Rus' in the 13th century

In the 13th c. pottery imports penetrated to Medieval Rus' from the countries of Arab Orient (Egypt, Syria), Byzantine, and the lands with strong traditions of provincial Byzantine culture (Asia Minor, North and West Pontic regions, Transcaucasus). Genghis Khan's Turkic-Mongol empire that subjected Rus', China, Iran, and Central Asia was also the source of the discussed pottery.

While studying the shifts in Oriental pottery supply to 13th-century Rus' the most complicated problem concerns precise dating of imported goods. There are few accurately dated finds of Oriental vessels originating from closed associations with narrow chronological limits. At the same time, the dates of different types of Oriental pottery are very vague.

In the 12th – first third of the 13th cc. pottery was imported to Rus' from Byzantium (amphorae-containers and small amounts of glazed pottery), Egypt, Syria, the Volga Bulgaria. In the last third of the 13th c. the supply of luster faience got started, that kind of production was developing in Iran. The vessels in question were brought by the Volga trade riverway via the Volga Bulgaria, they occur mainly in the sites of North-eastern and North-western Rus'. The earlier hypotheses supposing the discussed pottery to be delivered by the Dnieper water-route via Kiev were not well grounded: no Iranian luster vessels were discovered in Kiev or another South-Russian town.

In mid 13th c. import of vine wine to Rus' in amphorae-containers from Byzantium and other countries of the Pontic regions and the Mediterranean practically ceased. At the same time import of glazed pottery produced in the Pontic lands and in Byzantium proper did not decrease, but, on the contrary, even grew. Glazed pottery from Syria and Iran (such as Ilkhan lusters) was also brought to Russian territory in this period.

The 13th-century pottery import to Rus' was marked by sharp and essential changes. They consisted in halting in mid 13th c. functions of trade contacts of Russian lands with Byzantium, Pontic regions, and Orient for some (not too long) period. A new direction of Rus'-Orient connections had occurred, in which Byzantium was withdrawn to the background, while Orient was playing a leading role. The connections were carried out not directly, as they were before, but via the Horde, with its high-rank representatives who visited Rus as envoys and administrators as mediators. Glazed pottery was an essential good in their life-style, it was accompanied by home utensils, cloths, weapons, insignia and so forth.

The changes in supply of Oriental pottery to Rus' that took place in the 13th c. had formed the basis for unprecedented increase of glazed pottery import in the second half of the 14th c. During this period the total amount of glazed pottery pieces brought to Rus' was as large as in the preceding four centuries as a whole. It was the 13th c. when Russian elite became able to perceive Oriental luxury in different aspects, and respectable vessels were not the least.

I.Yu. Strikalov

Ancient Russian pottery of the 13th c. in Staraya Ryazan and its vicinity

In early 13th c. at Staraya Ryazan and surrounding dwelling sites manufacturing of pottery followed generally ancient all-Russian traditions, though the most characteristic features of the craft implied the links with South Russia. One of the features in question was the emergence of a new pottery type in Staraya Ryazan termed as type 9 of the local classification. It comprises vessels with indifferent profile and peculiar rim forming flattened relief on the outer surface. The type is connected by its origin with the development of late strongly profiled shapes of all-Russian pottery types; its further derivatives represented some new types of vessels attributed to one of two traditions singled out in the Ryazan pottery-making during the 14th–15th cc.

In the pre-Mongol period the discussed pottery type was accounted for at the dwelling sites of Kiev and Chernigov lands. According to the material from Staraya Ryazan Southern fortified settlement and suburb as well, it came into being in the first decades of the 13th c. Judging from the analogies known in the towns on the Middle and Lower Volga, and the Lower Don rivers this type had survived till the Golden Horde period. Thus, it was characteristic of the entire 13th c. and may be considered a marker of this period.

The type in question was spread over a limited territory within Ryazan land. It became a mass one at Staraya Ryazan and adjacent sites only, and also in the Pronya river valley. In archaeological collections from other major centres of Ryazan land, such as Pronsk, Pereyaslavl Ryazansky, Zaraysk, Rostislavl, and Izheslavl, Zhokino, and Lubyanskoe fortified settlements only small series of similar pottery were recorded. Their pottery-making traditions are different: their ancestor was another type of vessel with indifferent profile–type 11 of all-Russian classification. It is characterized by roundel profile line and thick flattened relief on the rim's inner side. Since types 9 and 11 coexisted at a number of sites, the author supposes them to mirror local differences in the set of pottery shapes that were used at the Ryazan sites dated from the 13th c. Later on the difference disappeared.

Translated by
L.I. Avilova

Contents

N.A. Makarov. Rus' in the 13th century: the nature of cultural transformations 5
A.V. Chernetsov. The problem of evaluation of historic significance of the Mongol-Tatar invasion as a chronological marker 12

Urban centers

A.V. Chernetsov, I.Yu. Strikalov. Staraya Ryazan and the Mongol-Tatar invasion in the light of new investigations 18
A.E. Leont'ev. From the capital of principality to a district town (contributions to historical topography of Rostov in the 10th–14th cc.) 34
Yu.E. Zharnov. Archaeological investigations in Vladimir and "the problem of 1238" 48
G.Yu. Ivakin. Historical development of South Russia and Batyj invasion 59
I.K. Labutina, M.I. Kulakova. Pskov in the 13th century (archaeological observations over settling and constructing dynamics) 66
A.B. Mazurov. Evolution of Kolomna in the 13th–14th cc.: from a minor town of Ancient Rus' to the domain of the Moscow Great prince 83
P.D. Malygin. Historical destiny of Torzhok and Tver' in the 13th century 92
T.D. Panova. Moscow and the Mongol invasion: the nature of cultural deposit in 13th century Kremlin 97
M.D. Poluboyarinova. The city of Bolgar in the 13th century 103
I.V. Volkov. Dwelling sites in the Azov sea region in the 12th–13th cc. 108

Rural landscape

N.A. Makarov, S.D. Zakharov. On transformations' eve: rural dwelling sites on the lake Kubenskoe in the 12th – early 13th cc. 131
N.A. Krenke. Close rural vicinity of Moscow in the 12th–13th cc. 151
S.Z. Chernov. Distribution of rural population in the principality of Muscovy in the 2nd half of the 13th century: traditional and novel patterns of recovering from crisis (based on materials of archaeological studies conducted in 1976–1993 in Pekhorka and Voria rural districts) 168
M.I. Gonyany, M.Ya. Kats, A.N. Naumov. Ancient Russian archaeological sites of late 12th–third quarter of the 13th cc. at the Nepryadva river estuary in the Kulikovo field 228
S.V. Shpolyansky. Investigations of minor rural settlements (the excavations of 13th century dwelling site at Oznobishino village, Moscow region) 253

Trade, craft production, decorative art

L.A. Beliaev. Stylistic elements in the 13th-century material culture 265
N.V. Zhilina. Russian filigree art before and after the Mongol-Tatar invasion 278
I.E. Zaitseva, T.G. Saracheva. Non-ferrous metal finds from the Vyatichian sites (comparative historical analysis) 290

L V. Pokrovskaya. Finno-Ugrian ornaments in Novgorod in the 13th century 304
E.K. Kadieva. Pottery from a town plot of late 12th–13th cc. in Vladimir 315
V.Yu. Koval. The amphorae from Byzantine cultural circle in Medieval Russia (10th–13th centuries) 340
V.Yu Koval. Oriental pottery in Rus' in the 13th century 361
I.Yu. Strikalov. Ancient Russian pottery of the 13th c. in Staraya Ryazan and its vicinity 372

Abbreviations 382

About the authors 383

Summaries 384

Содержание

Н.А. Макаров. Русь в XIII веке: характер культурных изменений 5
А.В. Чернецов. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа 12

Городские центры

А.В. Чернецов, И.Ю. Стрикалов. Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований 18
А.Е. Леонтьев. От столицы княжества к уездному городу. (Материалы к исторической топографии Ростова X–XIV вв.) 34
Ю.Э. Жарнов. Археологические исследования во Владимире и "проблема 1238 года" 48
Г.Ю. Ивакин. Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие 59
И.К. Лабутина, М.И. Кулакова. Псков в XIII веке (археологические наблюдения по динамике расселения и строительства) 66
А.Б. Мазуров. Эволюция Коломны в XIII–XIV веках: от малого города Древней Руси к домену великого князя московского 83
П.Д. Малыгин. Судьбы Торжка и Твери в XIII веке 92
Т.Д. Панова. Москва и монгольское нашествие: характер культурного слоя Кремля XIII века 97
М.Д. Полубояринова. Город Болгар в XIII веке 103
И.В. Волков. Поселения Приазовья в XII–XIII веках 108

Сельские территории

Н.А. Макаров, С.Д. Захаров. Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII – начале XIII века 131
Н.А. Кренке. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII веках 151
С.З. Чернов. Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в.: "традиционные" и "новационные" модели выхода из кризиса (по материалам археологических исследований 1976–1993 гг. волостей Воря и Пехорка) 168
М.И. Гоняный, М.Я. Кац, А.Н. Наумов. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле 228
С.В. Шполянский. Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у села Ознобишино в Подмосковье 253

Торговля, ремесло, прикладное искусство

Л.А. Беляев. Стилевые элементы в материальной культуре XIII века 265
Н.В. Жилина. Русская филигрань до и после татаро-монгольского нашествия 278
И.Е. Зайцева, Т.Г. Сарачева. Цветной металл вятичей в XII–XIII веках (сравнительно-исторический анализ городских и сельских материалов) .. 290

Л В Покровская. Финно-угорские украшения в Новгороде XIII века 304
Е К Кадиева. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII века: (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) 315
В.Ю Коваль. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) 340
В Ю Коваль. Керамика Востока на Руси в XIII веке 361
И Ю Стрикалов. Древнерусская керамика XIII века Старой Рязани и ее округи 372

Список сокращений 382

Сведения об авторах 383

Резюме (на английском языке) 384

Научное издание

Русь в XIII веке
Древности темного времени

Утверждено к печати
Ученым советом
Института археологии
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *М.М. Леренман*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *В.В. Лебедева*
Корректоры
З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая, А.Б. Васильев

Подписано к печати 22.04.2003
Формат 60 × 90 $^1/_8$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 51,0 + 1,0 вкл. Усл.кр.-отт. 55,5
Уч.-изд.л. 53,2. Тираж 800 экз.

Тип зак № 7881

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6